This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ XLIV. — ТОМЪ CCLVIII. — 1/13 ИЮЛЯ, 1880.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Островѣ, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулкѣ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1880

Digitized by Google

NOV. 23
1880

3112

(589)

Digitized by Google

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ
А. С. ПУШКИНА

напечатанное въ польской книгѣ „Вѣстника Европы“ 1814 года [1]).

КЪ ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнасса!
Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса;
За лаврами спѣшишь опасною стезей,
И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, лѣса, унылыя могилы,
Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай;
Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
Ихъ напечатаютъ—и цѣлой свѣтъ забудетъ.
Быть можетъ и теперь, отъ шума удалясь
И съ глупой музою навѣкъ соединясь,
Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды (*)
Сокрытъ другой отецъ второй Телемахиды.
Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ поздныхъ дань поэтамъ справедлива;
На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
Страшись безсланія!—Что, естьли Аполлонъ,
Услышавъ, что и ты полезъ на Геликонъ,

---

[1]) Пушкину только-что исполнилось тогда 15 лѣтъ.—Мы печатаемъ это стихотвореніе, согласно съ старымъ текстомъ „Вѣстника Европы“, редакціи В. Измайлова, безъ тѣхъ измѣненій, какія пришлось, вѣроятно, сдѣлать по смерти поэта въ „Полномъ собраніи“, — такъ что, можно сказать, для современныхъ читателей это первое движеніе пера Пушкина является въ первый разъ въ настоящемъ своемъ видѣ—не многіе имѣютъ экземпляръ „Вѣстника Европы“ 1814 года. Даже въ позднѣйшихъ изданіяхъ Я. А. Исакова это стихотвореніе оставлено не возстановленнымъ, между тѣмъ теперь слѣдовало бы ожидать возобновленія текста не одного этого стихотворенія.—Ред.

(*) Т. е. въ школѣ (*Примѣчаніе редакціи Измайлова*).

Digitized by Google

Съ презрѣньемъ покачавъ кудрявой головою,
Твой геній наградитъ—спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвѣчать готовъ;
«Пожалуй» скажешь мнѣ «не трать излишнихъ словъ;
«Когда на что рѣшусь, ужь я не отступаю,
«И знай, мой жребій палъ, я лиру избираю.
«Пусть судитъ обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлой свѣтъ,
«Сердись, кричи, бранись,—а я таки поэтъ».

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто риемы плесть умѣетъ,
И перьями скрыпя, бумаги не жалѣетъ.
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Вишгенштеину Французовъ побѣждать.
Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертные и честь и слава Россовъ,
Питаютъ здравой умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
Творенья громкія Риематова, Графова,
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гніютъ у Глазунова;
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать,
И Фебова на нихъ проклятія печать.

Положимъ, что на Пиндъ взобравшися щастливо,
Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтутъ.
Но мнишь ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ,
За то что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
Что ты уже берешь на откупъ Государства,
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь,
И лежа на боку, покойно ѣшь и спишь?
Не такъ, любезной другъ, писатели богаты;
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужка подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Поэтовъ—хвалятъ всѣ, читаютъ—лишь журналы;
Катится мимо ихъ Фортуны колесо;
Родился нагъ, и нагъ ступаетъ въ гробъ Руссо;
Камоенсъ съ нищими постелю раздѣляетъ;
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ:

Digitized by Google

Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—сонъ.
Ты, кажется, теперь задумался немного.
«Да чтоже» говоришь «судя о всѣхъ такъ строго,
«Перебирая все, какъ новый Ювеналъ,
«Ты о Поэзіи со мною толковалъ;
«А самъ, поссорившись съ Парнасскими сестрами,
«Мнѣ проповѣдовать пришелъ сюда стихами?
«Что сдѣлалось съ тобой? въ умѣ ли ты, иль нѣтъ?»
Аристъ, безъ дальныхъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ:

Въ деревнѣ, помнится, съ мирянами простыми
Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми,
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, довольствѣ жилъ
И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы, подъ вечеръ онъ шелъ немного пьяный;
Попалися ему на встрѣчу мужики.
«Послушай Батюшка», сказали простяки,
«Настави грѣшныхъ насъ—ты пить вѣдь запрещаешь,
«Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
«И вѣримъ мы тебѣ; да чтожъ сего-дня самъ»...
«Послушайте» сказалъ священникъ мужикамъ,
«Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте,
«Живите хорошо, а мнѣ—не подражайте».
И мнѣ то самое пришлося отвѣчать;
Я не хочу себя ни мало оправдать:
Щастливъ, кто ко стихамъ не чувствуя охоты,
Проводитъ тихой вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
Своими одами журналы не тягчитъ,
И надъ экспромтами недѣли не сидитъ!
Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнасса,
Не ищетъ чистыхъ Музъ, ни пылкаго пегаса;
Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшитъ;
Спокоенъ, веселъ онъ. Аристъ, онъ—не піитъ.
Но полно разсуждать—боюсь тебѣ наскучить,
И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
Теперь, любезной другъ, я далъ тебѣ совѣтъ,
Оставишь ли свирѣль, умолкнешь, или нѣтъ?...
Подумай обо всемъ и выбери любое:
Быть славнымъ—хорошо, спокойнымъ—лучше вдвое.

Александръ Н. к. ш. п.

Digitized by Google

РѢЧЬ И. С. ТУРГЕНЕВА

ЧИТАННАЯ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПО ПОВОДУ ОТКРЫТІЯ ПАМЯТНИКА А. С. ПУШКИНУ ВЪ МОСКВѢ.

Мм. гг. Сооруженіе памятника Пушкину, въ которомъ участвовала, которому сочувствуетъ вся образованная Россія, и на празднованіе котораго собралось такъ много нашихъ лучшихъ людей, представителей земли, правительства, науки, словесности и искусства — это сооруженіе представляется намъ данью признательной любви общества къ одному изъ самыхъ достойныхъ его членовъ. Постараемся въ немногихъ чертахъ опредѣлить смыслъ и значеніе этой любви.

Пушкинъ былъ первымъ русскимъ художникомъ-поэтомъ. Художество, принимая это слово въ томъ обширномъ смыслѣ, который включаетъ въ его область и поэзію,—художество, какъ воспроизведеніе, воплощеніе идеаловъ, лежащихъ въ основахъ народной жизни и опредѣляющихъ его духовную и нравственную физіономію —составляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ человѣка. Уже предчувствуемое и указанное въ самой природѣ, художество—искусство — является, правда, тоже какъ подражаніе, но уже одухотворенное въ самой ранней порѣ народнаго существованія, какъ нѣчто отличительно-человѣческое. Дикарь каменнаго періода, начертавшій концемъ кремня на приспособленномъ обломкѣ кости медвѣжью или лосиную голову, уже пересталъ быть дикаремъ, животнымъ. Но только тогда, когда творческой силою избранниковъ народъ достигаетъ сознательно-полнаго, своеобразнаго выраженія своего искусства, своей поэзіи — онъ тѣмъ самымъ заявляетъ свое окончательное право на соб-

Digitized by Google

ственное мѣсто въ исторіи; онъ получаетъ свой духовный обликъ и свой голосъ—онъ вступаетъ въ братство съ другими, признавшими его народами. Не даромъ же Грецію называется родиной Гомера, Германія—Гёте, Англія—Шекспира. Мы не думаемъ отрицать важность другихъ проявленій народной жизни—въ сферѣ религіозной, государственной и др.; но ту особенность, на которую мы сейчасъ указывали—даетъ народу его искусство, его поэзія. И этому нечего удивляться: искусство народа—его живая, личная душа, его мысль, его языкъ въ высшемъ значеніи слова; достигнувъ своего полнаго выраженія, оно становится достояніемъ всего человѣчества даже больше чѣмъ наука, именно потому, что оно—звучащая, человѣческая, мыслящая душа и душа неумирающая, ибо можетъ пережить физическое существованіе своего тѣла, своего народа. Что̀ намъ осталось отъ Греціи? Ея душа осталась намъ! Религіозныя формы, а за ними научныя, такъ-же переживаютъ народы, въ которыхъ онѣ проявились, но въ силу того, что̀ въ нихъ есть общаго, вѣчнаго; поэзія, искусство—въ силу того, что̀ есть въ нихъ личнаго, живого.

Пушкинъ, повторяемъ, былъ нашимъ первымъ поэтомъ-художникомъ. Въ поэтѣ, какъ въ полномъ выразителѣ народной сути, сливаются два основныхъ ея начала: начало *воспріимчивости* и начало *самодѣятельности*, женское и мужское начало,—осмѣлились мы бы прибавить. У насъ же, русскихъ, позднѣе другихъ вступившихъ въ кругъ европейской семьи, оба эти начала получаютъ особую окраску; воспріимчивость у насъ является двойственною: и на собственную жизнь, и на жизнь другихъ западныхъ народовъ со всѣми ея богатствами—и подъ-часъ горькими для насъ плодами; а самодѣятельность наша получаетъ тоже какую-то особенную, неравномѣрную, порывистую, иногда за то геніальную силу: ей приходится бороться и съ чуждымъ усложненіемъ, и съ собственными противорѣчіями. Вспомните, мм. гг., Петра Великаго, натура котораго какъ-то родственна натурѣ самого Пушкина. Не даромъ же онъ питалъ къ нему особенное чувство любовнаго благоговѣнія! Эта двойственная воспріимчивость, о которой мы сейчасъ говорили, знаменательно отразилась въ жизни нашего поэта: сперва рожденіе въ старо-дворянскомъ барскомъ домѣ, потомъ иноземческое воспитаніе въ лицеѣ, вліяніе тогдашняго общества, проникнутаго извнѣ занесенными принципами; Вольтеръ, Байронъ и великая народная война 12-го года; а тамъ удаленіе въ глубь Россіи, погруженіе въ народную жизнь, въ народную рѣчь, и знаменитая старушка-няня съ ея эпическими разсказами... Что̀ же касается до самодѣятельности, то она въ Пушкинѣ возбудилась

Digitized by Google

рано, и, быстро утративъ свой ищущій, неопредѣленный характеръ, превратилась въ свободное творчество. Ему и 18-ти лѣтъ не было, когда Батюшковъ, прочитавъ его элегію: «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда», воскликнулъ: «Злодѣй! какъ онъ началъ писать!». Батюшковъ былъ правъ: *такъ* еще никто не писалъ на Руси. Быть можетъ, воскликнувъ:—Злодѣй! Батюшковъ смутно предчувствовалъ, что иные его стихи и обороты будутъ называться Пушкинскими, хотя и явились раньше Пушкинскихъ. «Le génie prend son bien partout où il le trouve», гласитъ французская поговорка. Независимый геній Пушкина скоро—если не считать немногихъ и незначительныхъ уклоненій—освободился и отъ подражанія европейскимъ образцамъ, и отъ соблазна поддѣлки подъ народный тонъ. Поддѣлываться подъ народный тонъ, вообще подъ народность—такъ-же неумѣстно и безплодно—какъ и подчиняться чуждымъ авторитетамъ: лучшимъ доказательствомъ тому служатъ: съ одной стороны—сказки Пушкина, съ другой—Русланъ и Людмила, самыя слабыя, какъ извѣстно, изо всѣхъ его произведеній. Съ неумѣстностію подражанія чужимъ авторитетамъ согласятся, конечно, всѣ; но, быть можетъ, возразятъ иные: если поэтъ въ своихъ трудахъ не будетъ постоянно имѣть въ виду, имѣть цѣлью родной народъ, онъ никогда не станетъ его поэтомъ: народъ, простой народъ его читать не будетъ. Но, мм. гг., какой же великій поэтъ читается тѣми, кого мы называемъ простымъ народомъ? Нѣмецкій простой народъ не читаетъ Гёте, французскій Мольера, даже англійскій не читаетъ Шекспира. Ихъ читаетъ—ихъ нація. Всякое искусство есть возведеніе жизни въ идеалъ: стоящіе на почвѣ обычной, ежедневной жизни, остаются ниже того уровня. Это вершина, къ которой надо приблизиться. И все-таки Гёте, Мольеръ и Шекспиръ—народные поэты въ истинномъ значеніи слова, т.-е. національные. Позволимъ себѣ сравненіе: Бетговенъ, напр., или Моцартъ, несомнѣнно національные, нѣмецкіе композиторы, и музыка ихъ по преимуществу нѣмецкая музыка; между тѣмъ ни въ одномъ изъ ихъ произведеній вы не найдете слѣда не только заимствованій у простонародной музыки, но даже сходства съ нею, именно потому, что эта народная, еще стихійная музыка перешла къ нимъ въ плоть и кровь, оживотворила ихъ и потонула въ нихъ такъ же, какъ и самая теорія ихъ искусства,—такъ же, какъ исчезаютъ, напр., правила грамматики въ живомъ творчествѣ писателя. Въ иныхъ, еще болѣе отдаленныхъ отъ той ежедневной почвы, болѣе въ себѣ замкнутыхъ отрасляхъ искусства, самое названіе: «народный»—немыслимо. Есть національные живописцы: Рафаэль, Рембрандтъ; народныхъ живописцевъ нѣтъ. Замѣтимъ кстати, что

Digitized by Google

выставлять лозунгъ народности въ художествѣ, поэзіи, литературѣ свойственно только племенамъ слабымъ, еще несозрѣвшимъ или же находящимся въ порабощенномъ, угнетенномъ состояніи. Поэзія ихъ должна служить другимъ, конечно, важнѣйшимъ цѣлямъ—сбереженію самаго ихъ существованія. Слава Богу, Россія не находится въ подобныхъ условіяхъ; она не слаба и не порабощена другому племени. Ей нечего дрожать за себя и ревниво сберегать свою самостоятельность; въ сознаніи своей силы, она даже любитъ тѣхъ, кто указываетъ ей на ея недостатки.

Возвратимся къ Пушкину. Вопросъ: можетъ ли онъ назваться поэтомъ національнымъ, въ смыслѣ Шекспира, Гёте и др., мы оставимъ пока открытымъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что онъ создалъ нашъ поэтическій, нашъ литературный языкъ, и что намъ и нашимъ потомкамъ остается только идти по пути, проложенному его геніемъ. Изъ выше сказанныхъ нами словъ вы уже могли убѣдиться, что мы не въ состояніи раздѣлять мнѣнія тѣхъ конечно добросовѣстныхъ людей, которые утверждаютъ, что настоящаго русскаго литературнаго языка вовсе не существуетъ; что намъ его дастъ одинъ простой народъ, вмѣстѣ съ другими спасительными учрежденіями. Мы, напротивъ, находимъ въ языкѣ, созданномъ Пушкинымъ, всѣ условія живучести: русское творчество и русская воспріимчивость стройно слились въ этомъ великолѣпномъ языкѣ, и Пушкинъ самъ былъ великолѣпный русскій художникъ.

Именно: русскій! Самая сущность, всѣ свойства его поэзіи совпадаютъ со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силѣ и ясности его языка—эта прямодушная правда, отсутствіе лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущеній—всѣ эти хорошія черты хорошихъ русскихъ людей, поражаютъ въ твореніяхъ Пушкина не однихъ насъ, его соотечественниковъ, но и тѣхъ изъ иноземцевъ, которымъ онъ сталъ доступенъ. Сужденія такихъ иноземцевъ бываютъ драгоцѣнны: ихъ не подкупаетъ патріотическое увлеченіе. «Ваша поэзія», сказалъ намъ однажды Меримэ, извѣстный французскій писатель и поклонникъ Пушкина, котораго онъ, не обинуясь, называлъ величайшимъ поэтомъ своей эпохи, чуть ли не въ присутствіи самого Виктора Гюго: «ваша поэзія ищетъ прежде всего правды, а красота потомъ является сама собою; наши поэты, напротивъ, идутъ совсѣмъ противоположной дорогой: они хлопочутъ прежде всего объ эффектѣ, остроуміи, блескѣ, и если ко всему этому имъ предстанетъ возможность не оскорблять правдоподобія, такъ они и это, пожалуй, возьмутъ въ придачу»... «У Пушкина при-

Digitized by Google

бавлялъ онъ, поэзія чуднымъ образомъ расцвѣтаетъ какъ-бы сама собою изъ самой трезвой прозы». Тотъ же Мериме постоянно примѣнялъ къ Пушкину извѣстное изреченіе: «Propriè communia dicere», признавая это умѣнье самобытно говорить общеизвѣстное—за самую сущность поэзіи, той поэзіи, въ которой примиряются идеальное и реальность. Онъ такъ же сравнивалъ Пушкина съ древними греками, по равномѣрности формы и содержанія образа и предмета, по отсутствію всякихъ толкованій и моральныхъ выводовъ. Помнится, прочтя однажды «Анчаръ», онъ послѣ конечнаго четверостишія замѣтилъ: «всякій новѣйшій поэтъ не удержался бы тутъ отъ комментаріевъ». Мериме такъ же восхищался способностію Пушкина вступать немедленно in mediàs res, брать «быка за рога», какъ говорятъ французы, и указывалъ на его «Д.-Жуана», какъ на примѣръ такого мастерства.

Да, Пушкинъ былъ центральный художникъ, человѣкъ близко стоящій къ самому средоточію русской жизни. Этому его свойству должно приписать и ту мощную силу самобытнаго присвоенія чужихъ формъ, которую сами иностранцы признаютъ за нами, правда, подъ нѣсколько пренебрежительнымъ именемъ способности къ «ассимиляціи». Это свойство дало ему возможность создать, напр., монологъ «Скупого рыцаря», подъ которымъ съ гордостью подписался бы Шекспиръ. Поразительна такъ же въ поэтическомъ темпераментѣ Пушкина эта особенная смѣсь страстности и спокойствія, или, говоря точнѣе, эта объективность его дарованія, въ которомъ субъективность его личности сказывается лишь однимъ внутреннимъ жаромъ и огнемъ.

Все такъ... Но можемъ ли мы по праву назвать Пушкина національнымъ поэтомъ, въ смыслѣ всемірнаго (эти два выраженія часто совпадаютъ), какъ мы называемъ Шекспира, Гёте, Гомера?

Пушкинъ не могъ всего сдѣлать. Не слѣдуетъ забывать, что ему одному пришлось исполнить двѣ работы, въ другихъ странахъ раздѣленныя цѣлымъ столѣтіемъ и болѣе, а именно: установить языкъ и создать литературу. Къ тому же, надъ нимъ тоже отяготѣла та жестокая судьба, которая съ такой, почти злорадной, настойчивостью преслѣдуетъ нашихъ избранниковъ. Ему и 37-ми лѣтъ не минуло, когда она его вырвала отъ насъ. Безъ глубокой грусти, безъ какого-то тайнаго, хоть и безпредметнаго негодованія, нельзя читать слова, начертанныя имъ въ одномъ его письмѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти: «Моя душа расширилась: я чувствую, что я могу творить». Творить! А уже отливалась та глупая пуля, которая должна была положить конецъ его расцвѣтающему твор-

Digitized by Google

честву! Быть можетъ, уже отливалась тогда и та, другая пуля, которая предназначалась на убійство другого поэта, Пушкинскаго наслѣдника, начавшаго свое поприще съ извѣстнаго, негодующаго стихотворенія, внушеннаго ему гибелью его учителя... Но не будемъ останавливаться на этихъ трагическихъ случайностяхъ, тѣмъ болѣе трагическихъ, что онѣ случайны. Изъ этой тьмы возвратимся къ свѣту; возвратимся къ поэзіи Пушкина.

Здѣсь не мѣсто и не время указывать на отдѣльныя его произведенія: другіе это сдѣлаютъ лучше насъ. Ограничимся замѣчаніемъ, что Пушкинъ въ своихъ созданіяхъ оставилъ намъ множество образцовъ, типовъ (еще одинъ несомнѣнный признакъ геніальнаго дарованія!),—типовъ того, что совершилось потомъ въ нашей словесности. Вспомните хоть сцену корчмы изъ «Бориса Годунова», «Лѣтописи села Горохина» и т. д. А такіе образы, какъ Пименъ, какъ главныя фигуры «Капитанской дочки», не служатъ ли онѣ доказательствомъ, что и прошедшее жило въ немъ такою же жизнью, какъ и настоящее, какъ и предсознанное имъ будущее?

А между тѣмъ и Пушкинъ не избѣгъ общей участи художниковъ-поэтовъ, начинателей. Онъ испыталъ охлажденіе къ себѣ современниковъ; послѣдующія поколѣнья еще болѣе удалились отъ него, перестали нуждаться въ немъ, воспитываться на немъ, и только въ недавнее время снова становится замѣтнымъ возвращеніе къ его поэзіи. Пушкинъ самъ предчувствовалъ это охлажденіе публики. Какъ извѣстно, онъ въ послѣдніе годы своей жизни, въ лучшую пору своего творчества, уже почти ничѣмъ не дѣлился съ читателями, оставляя въ портфелѣ такія произведенія, какъ «Мѣдный Всадникъ». Онъ до нѣкоторой степени не могъ не чувствовать пренебреженія къ публикѣ, которая пріучилась видѣть въ немъ какого-то сладкопѣвца, соловья.... Да и какъ намъ винить его, когда вспомнишь, что даже такой умный и проницательный человѣкъ, какъ Баратынскій, призванный вмѣстѣ съ другими разбирать бумаги, оставшіяся послѣ смерти Пушкина, не усомнился воскликнуть въ одномъ письмѣ, адрессованномъ тоже къ умному пріятелю: «Можешь ты себѣ представить, что меня больше всего изумляетъ во всѣхъ этихъ поэмахъ? Обиліе мыслей! Пушкинъ—мыслитель! Можно ли было это ожидать?» Все это Пушкинъ предчувствовалъ. Доказательствомъ тому извѣстный сонетъ («Поэту», 1 іюля 1830 г.), который мы просимъ позволеніе прочесть передъ вами, хотя, конечно, каждый изъ васъ его знаетъ.... Но мы не можемъ противиться искушенію украсить этимъ поэтическимъ золотомъ нашу скудную прозаическую рѣчь.

Digitized by Google

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ,
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Пушкинъ тутъ однако не совсѣмъ правъ—особенно въ отношеніи къ послѣдовавшимъ поколѣніямъ. Не въ «судѣ глупца» и не въ «смѣхѣ толпы холодной» было дѣло; причины того охлажденія лежали глубже. Онѣ достаточно извѣстны. Намъ приходится только воззвать ихъ въ вашей памяти. Онѣ лежали въ самой судьбѣ, въ историческомъ развитіи общества, въ условіяхъ, при которыхъ зарождалась новая жизнь, вступившая изъ литературной эпохи въ политическую. Возникли нежданныя и, при всей неожиданности, законныя стремленія, небывалыя и неотразимыя потребности; явились вопросы, на которые нельзя было не дать отвѣта... Не до поэзіи, не до художества стало тогда. *Одинаково* восхищаться «Мертвыми Душами» и «Мѣднымъ Всадникомъ», или «Египетскими Ночами», могли только записные словесники, мимо которыхъ побѣжали сильныя, хотя и мутныя волны той новой жизни. Міросозерцаніе Пушкина показалось узкимъ, его горячее сочувствіе нашей, иногда оффиціальной, славѣ—устарѣлымъ,—его классическое чувство мѣры и гармоніи—холоднымъ анахронизмомъ. Изъ бѣломраморнаго храма, гдѣ поэтъ являлся жрецомъ, гдѣ, правда, горѣлъ огонь... но на алтарѣ—и сожигалъ... одинъ ѳиміамъ,—люди пошли на шумныя торжища, гдѣ именно нужна метла... и метла нашлась. Поэтъ-эхо, по выраженію Пушкина, поэтъ центральный, самъ къ себѣ тяготѣющій, положительный какъ жизнь на покоѣ — смѣнился поэтомъ-глашатаемъ, центробѣжнымъ, тяготѣющимъ къ другимъ, отрицательнымъ какъ жизнь въ движеніи. Самъ главный, первоначальный истолкователь Пушкина, Бѣлинскій, смѣнился другими судьями, мало цѣнившими поэзію. Мы произнесли имя Бѣлинскаго—и хотя ничья похвала

Digitized by Google

не должна раздаваться сегодня рядомъ съ похвалою Пушкину — но вы, вѣроятно, позволите намъ почтить сочувственнымъ словомъ память этого замѣчательнаго человѣка, когда узнаете, что ему выпала судьба скончаться именно въ день 26-го мая, въ день рожденія поэта, который былъ для него высшимъ проявленіемъ русскаго генія!—Возвращаемся къ развитію нашей мысли. Вслѣдъ за скоро прерваннымъ голосомъ Лермонтова, когда Гоголь сталъ уже властителемъ людскихъ думъ, зазвучалъ голосъ поэта «мести и печали», а за нимъ пошли другіе—и повели за собою наростающія поколѣнія. Искусство, завоевавшее твореніями Пушкина право гражданства, несомнѣнность своего существованія, языкъ имъ созданный—стало служить другимъ началамъ, столь же необходимымъ въ общественномъ устроеніи. Многіе видѣли и видятъ до сихъ поръ въ этомъ измѣненіи простой упадокъ; но мы позволимъ себѣ замѣтить, что падаетъ, рушится только мертвое, неорганическое. Живое измѣняется органически—ростомъ. А Россія растетъ, не падаетъ. Что подобное развитіе—какъ всякій ростъ—неизбѣжно сопряжено съ болѣзнями, мучительными кризисами, съ самыми злыми, на первый взглядъ безвыходными противорѣчіями—доказывать, кажется, нечего; насъ этому учитъ не только всеобщая исторія, но даже исторія каждой отдѣльной личности. Сама наука намъ говоритъ о необходимыхъ болѣзняхъ. Но смущаться этимъ, оплакивать прежнее, все-таки относительное спокойствіе, стараться возвратиться къ нему—и возвращать къ нему другихъ, хотя бы насильно—могутъ только отжившіе или близорукіе люди. Въ эпохи народной жизни, носящія названіе переходныхъ—дѣло мыслящаго человѣка, истиннаго гражданина своей родины—идти впередъ, несмотря на трудность и часто грязь пути, но идти, не теряя ни на мигъ изъ виду тѣхъ основныхъ идеаловъ, на которыхъ построенъ весь бытъ общества, котораго онъ состоитъ живымъ членомъ. И десять, и пятнадцать лѣтъ тому назадъ — празднество, которое привлекло насъ всѣхъ сюда, было бы привѣтствовано какъ актъ справедливости, какъ дань общественной благодарности; но, быть можетъ, не было бы того чувства единодушія, которое проникаетъ теперь насъ всѣхъ, безъ различія званія, занятій и лѣтъ. Мы уже указали на тотъ радостный фактъ, что молодежь возвращается къ чтенію, къ изученію Пушкина; но мы не должны забывать, что нѣсколько поколѣній сподрядъ прошли передъ нашими глазами,—поколѣній, для которыхъ самое имя Пушкина было не что иное какъ только имя, въ числѣ другихъ обреченныхъ забвенію именъ. Не станемъ однако слишкомъ винить эти поколѣнія: мы старались вкратцѣ изобразить, почему это заб-

Digitized by Google

веніе было неизбѣжно. Но мы не можемъ такъ же не радоваться этому возврату къ поэзіи. Мы радуемся ему особенно потому, что наши юноши возвращаются къ ней не какъ раскаявшіеся люди, которые, разочарованные въ своихъ надеждахъ, утомленные собственными ошибками, ищутъ пристанища и успокоенія въ томъ, отъ чего они отвернулись. Мы скорѣе видимъ въ томъ возвратѣ симптомъ хотя нѣкотораго удовлетворенія; видимъ доказательство, что хотя нѣкоторыя изъ тѣхъ цѣлей, для которыхъ считалось не только дозволительнымъ, но и обязательнымъ приносить все неидущее къ дѣлу въ жертву, сжимать всю жизнь въ одно русло—что эти нѣкоторыя цѣли признаются достигнутыми, что будущее сулитъ достиженіе другихъ—и ничто уже не помѣшаетъ поэзіи, главнымъ представителемъ которой является Пушкинъ, занять свое законное мѣсто среди прочихъ законныхъ проявленій общественной жизни. Была пора, когда изящная литература служила почти единственнымъ выраженіемъ этой жизни; потомъ наступило время, когда она совсѣмъ сошла съ арены... Прежняя область была слишкомъ широка; вторая съузилась до ничтожества; найдя свои естественныя границы, поэзія упрочится навсегда. Подъ вліяніемъ стараго, но не устарѣвшаго учителя—мы твердо этому вѣримъ,—законы искусства, художническіе пріемы вступятъ опять въ свою силу—и—кто знаетъ? быть можетъ, явится новый, еще невѣдомый избранникъ, который превзойдетъ своего учителя—и заслужитъ вполнѣ названіе національно-всемірнаго поэта, которое мы не рѣшаемся дать Пушкину, хоть и не дерзаемъ его отнять у него.

Какъ бы то ни было, заслуги Пушкина передъ Россіей велики и достойны народной признательности. Онъ далъ окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силѣ, логикѣ и красотѣ формы признаётся даже иностранными филологами едва ли не первымъ послѣ древне-греческаго; онъ отозвался типическими образами, безсмертными звуками, на всѣ вѣянія русской жизни. Онъ первый, наконецъ, водрузилъ могучей рукою знамя поэзіи глубоко въ русскую землю; и если пыль поднявшейся послѣ него битвы затемнила на время это свѣтлое знамя—то теперь, когда эта пыль начинаетъ опадать, снова засіялъ въ вышинѣ, водруженный имъ, побѣдоносный стягъ. Сіяй же, какъ онъ, благородный мѣдный ликъ, воздвигнутый въ самомъ сердцѣ древней столицы и гласи грядущимъ поколѣніямъ о нашемъ правѣ называться великимъ народомъ потому, что среди этого народа родился, въ ряду другихъ великихъ, и *такой* человѣкъ! И какъ о Шекспирѣ было сказано, что всякій, вновь выучившійся грамотѣ, неизбѣжно становится его новымъ чтецомъ — такъ и мы будемъ

Digitized by Google

надѣяться, что всякій нашъ потомокъ, съ любовью остановившійся передъ изваяніемъ Пушкина и понимающій значеніе этой любви, тѣмъ самымъ докажетъ, что онъ, подобно Пушкину, сталъ болѣе русскимъ и болѣе образованнымъ, болѣе свободнымъ человѣкомъ! Пусть это послѣднее слово не удивитъ васъ, мм. гг.! Въ поэзіи — освободительная, ибо возвышающая, нравственная сила. Будемъ также надѣяться, что въ недальнемъ времени даже сыновьямъ нашего простого народа, который теперь не читаетъ нашего поэта, станетъ понятно, что̀ значитъ это имя: Пушкинъ! —и что они повторятъ уже сознательно то, что́ намъ довелось недавно слышать изъ безсознательно лепечущихъ устъ: «Это памятникъ—учителю!»

Digitized by Google

А. С. ПУШКИНЪ

26-ое мая 1880.

I.

Пушкинъ!... Это—возрожденье
Русской музы, воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ;
Это—не запечатлѣнный
Ключъ поэзіи—священный
Для поклонника искусствъ.

Это—эллиновъ служенье
Красотѣ—проникновенье
Въ область Олимпійскихъ музъ,—
Это—вѣщаго баяна
Струнный говоръ.... месть Руслана
За поруганный союзъ...

Это—арфа серафима
Въ часъ, когда душа палима
Жаждой вѣры въ небеса....
Это—шорохъ Нереиды
На зарѣ, въ волнахъ Тавриды...
И—русалокъ голоса...

Это—въ сумеркахъ Украйны
Прелесть чародѣйной тайны,—
Ночь и—Лысая гора...
Это—старой няни сказка—
Это—молодости ласка...
Жажда правды и добра....

Digitized by Google

II.

Свой—въ столицахъ, на пирушкѣ,
Въ саклѣ, въ лагерѣ, въ избушкѣ,
Пушкинъ, чуткою душой,
Слышитъ друга отзывъ дальній,
— Пѣсню Грузіи печальной,
— Бредъ цыганки кочевой.

Слышитъ крикъ орла призывный....
Понимаетъ заунывный
Ропотъ моря въ бурной мглѣ,—
Видитъ небо безъ лазури
И,—что краше волнъ и бури,
Видитъ дѣву на скалѣ...

Знаетъ горе намъ родное,
И разгулье удалое,
И сердечную тоску;
Но не падаетъ, усталый,
И какъ путникъ запоздалый,—
Самъ стучится къ мужику...

Ничего не презирая,
Въ дымныхъ избахъ изучая
Духъ и складъ родной страны,
Чуя русской жизни трепетъ,
Пушкинъ—правды первый лепетъ,—
Первый проблескъ старины.

III.

Пушкинъ!... Это—эхо славы
Отъ Кавказа до Варшавы,
Отъ Невы до всѣхъ морей....
Это—сѣятель пустынный....
Другъ свободы,—неповинный
Въ лжи и злобѣ нашихъ дней...

Digitized by Google

Это—геній, всё любившій,
Всё въ самомъ себѣ вмѣстившій,
Сѣверъ, Западъ и Востокъ....
Это—тотъ «ничтожный міра»,
Чтó, когда бряцала лира,
Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.

Это—врагъ гордыни грязной,
Въ жертву сплетни неотвязной
Свѣтомъ преданный,—враждой
Словно терніемъ повитый,
Оскорбленный и убитый
Святотатственной рукой....

Поэтическій мессія,
На Руси—онъ, какъ Россія,
Всеобъемлющъ и великъ!..
Нынѣ мы поэта славимъ,
И на пьедесталѣ ставимъ
Прославляющій насъ ликъ....

Яковъ Полонскій.

Digitized by Google

ЗАСТОЛЬНОЕ СЛОВО
А. Н. ОСТРОВСКАГО
О ПУШКИНѢ*).

Мм. гг. Памятникъ Пушкину поставленъ: память великаго народнаго поэта увѣковѣчена, заслуги его засвидѣтельствованы. Всѣ обрадованы. Мы видѣли вчера восторгъ публики; такъ радуются только тогда, когда заслугамъ отдается должное, когда справедливость торжествуетъ. О радости литераторовъ говорить едва ли нужно. Отъ полноты обрадованной души, мм. гг., и я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о нашемъ великомъ поэтѣ, его значеніи и заслугахъ, какъ я ихъ понимаю. Строгой послѣдовательности и сильныхъ доводовъ я обѣщать не могу; я буду говорить не какъ человѣкъ ученый, а какъ человѣкъ убѣжденный. Мои убѣжденія слагались не для обнародованія, а только про себя, такъ сказать для собственнаго употребленія; при мнѣ бы онѣ и остались, если-бъ не подошелъ этотъ радостный праздникъ. На этомъ праздникѣ каждый литераторъ обязанъ быть ораторомъ, обязанъ громко благодарить поэта за тѣ сокровища, которыя онъ завѣщалъ намъ.

Сокровища, дарованныя намъ Пушкинымъ, дѣйствительно велики и неоцѣненны. Первая заслуга великаго поэта въ томъ, что черезъ него умнѣетъ все, что можетъ поумнѣть. Кромѣ наслажденія, кромѣ формъ для выраженія мыслей и чувствъ, поэтъ

*) Произнесено за обѣдомъ Московскаго Общества любителей россійской словесности, въ Благородномъ собраніи, 7-го іюня.

Digitized by Google

даетъ и самыя формулы мыслей и чувствъ. Богатые результаты совершеннѣйшей умственной лабораторіи дѣлаются общимъ достояніемъ. Высшая творческая натура влечетъ и подравниваетъ къ себѣ всѣхъ. Поэтъ ведетъ за собой публику въ незнакомую ей страну изящнаго, въ какой-то рай, въ тонкой и благоуханной атмосферѣ котораго возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства. Отчего съ такимъ нетерпѣніемъ ждется каждое новое произведеніе отъ великаго поэта? Оттого, что всякому хочется возвышенно мыслить и чувствовать вмѣстѣ съ нимъ; всякій ждетъ, что вотъ онъ скажетъ мнѣ что-то прекрасное, новое, чего нѣтъ у меня, чего недостаетъ мнѣ; но онъ скажетъ, и это сейчасъ же сдѣлается моимъ. Вотъ отчего и любовь, и поклоненіе великимъ поэтамъ; вотъ отчего и великая скорбь при ихъ утратѣ; образуется пустота, умственное сиротство: не кѣмъ думать, не кѣмъ чувствовать.

Но легко сознать чувство удовольствія и восторга отъ изящнаго произведенія; а подмѣтить и прослѣдить свое умственное обогащеніе отъ того же произведенія—довольно трудно. Всякій говоритъ, что ему то или другое произведеніе нравится; но рѣдкій сознаетъ и признается, что онъ поумнѣлъ отъ него. Многіе полагаютъ, что поэты и художники не даютъ ничего новаго, что все, ими созданное, было и прежде гдѣ-то, у кого-то,—но оставалось подъ спудомъ, потому что не находило выраженія. Это—неправда. Ошибка происходитъ оттого, что всѣ вообще великія научныя, художественныя и нравственныя истины очень просты и легко усвояются. Но, какъ онѣ ни просты, все-таки предлагаются только творческими умами; а обыкновенными умами только усвоиваются, и то не вдругъ и не во всей полнотѣ, а по мѣрѣ силъ каждаго.

Пушкинымъ восхищались и умнѣли, восхищаются и умнѣютъ. Наша литература обязана ему своимъ умственнымъ ростомъ. И этотъ ростъ былъ такъ великъ, такъ быстръ, что историческая послѣдовательность въ развитіи литературы и общественнаго вкуса была, какъ будто, разрушена и связь съ прошедшимъ разорвана. Этотъ прыжокъ былъ не такъ замѣтенъ при жизни Пушкина; современники хотя и считали его великимъ поэтомъ, считали своимъ учителемъ; но настоящими учителями ихъ были люди предшествовавшаго поколѣнія, съ которыми они были очень крѣпко связаны чувствомъ безграничнаго уваженія и благодарности. Какъ ни любили они Пушкина, но, все-таки, въ сравненіи съ старшими писателями, онъ казался имъ еще молодъ и не довольно солиденъ; признать его одного виновникомъ быстраго поступательнаго движенія русской литературы значило для нихъ: обидѣть солидныхъ

Digitized by Google

и во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно весьма почтенныхъ людей. Все это понятно, и иначе не могло быть. За то слѣдующее поколѣніе, воспитанное исключительно Пушкинымъ, когда сознательно оглянулось назадъ, увидало, что предшественники его и многіе его современники для нихъ ужъ даже не прошедшее, а далекое давнопрошедшее. Вотъ, когда замѣтно стало, что русская литература въ одномъ человѣкѣ выросла на цѣлое столѣтіе. Пушкинъ засталъ русскую литературу въ періодъ ея молодости, когда она еще жила чужими образцами и по нимъ выработывала формы, лишенныя живого, реальнаго содержанія,—и что же? Его произведенія—ужъ не историческія оды, не плоды досуга, уединенія, или меланхоліи; онъ кончилъ тѣмъ, что оставилъ самъ образцы, равные образцамъ литературъ зрѣлыхъ, образцы, совершенные по формѣ и по самобытному, чисто-народному содержанію. Онъ далъ серьёзность, поднялъ тонъ и значеніе литературы, воспиталъ вкусъ въ публикѣ, завоевалъ ее и подготовилъ для будущихъ литераторовъ, читателей и цѣнителей.

Другое благодѣяніе, оказанное намъ Пушкинымъ, по моему мнѣнію, еще важнѣе и еще значительнѣе. До Пушкина у насъ литература была подражательная,—вмѣстѣ съ формами, она принимала отъ Европы и разныя, исторически сложившіяся тамъ направленія, которыя въ нашей жизни корней не имѣли, но могли приняться, какъ принялось и укоренилось многое пересаженное. Отношенія писателей къ дѣйствительности не были непосредственными, искренними; писатели должны были избирать какой-нибудь условный уголъ зрѣнія. Каждый изъ нихъ, вмѣсто того, чтобъ быть самимъ собой, долженъ былъ настроиться на какой-нибудь ладъ. Тогда еще проповѣдывалась самая беззастѣнчивая реторика; твердо стоялъ и грозно озирался ложный классицизмъ; на смѣну ему шелъ романтизмъ, но не свой, не самобытный, а наскоро пересаженный съ оттѣнкомъ чуждой намъ сантиментальности; не сошла еще со сцены никому ненужная пастораль. Внѣ этихъ условныхъ направленій, поэзія не признавалась, самобытность сочлась бы или невѣжествомъ, или вольнодумствомъ. Высвобожденіе мысли изъ-подъ гнета условныхъ пріемовъ—дѣло не легкое, оно требуетъ громадныхъ силъ. Развѣ мы не видимъ примѣровъ, что въ самыхъ богатыхъ и самыхъ сильныхъ литературахъ и по сей часъ высокопарное направленіе имѣетъ представителей и горячо отстаивается, а реальность пропагандируется какъ что-то новое, небывалое.

Прочное начало освобожденію нашей мысли положено Пушкинымъ,—онъ первый сталъ относиться къ тэмамъ своихъ произве-

Digitized by Google

деній прямо, непосредственно, онъ захотѣлъ быть оригинальнымъ и былъ,—былъ самимъ собой. Всякій великій писатель оставляетъ за собой школу, оставляетъ послѣдователей,—и Пушкинъ оставилъ школу, и послѣдователей. Что это за школа, что онъ далъ своимъ послѣдователямъ? Онъ завѣщалъ имъ искренность, самобытность, онъ завѣщалъ каждому быть самимъ собой, онъ далъ всякой оригинальности смѣлость, далъ смѣлость русскому писателю быть русскимъ. Вѣдь это только легко сказать! Вѣдь это значитъ, что онъ, Пушкинъ, раскрылъ русскую душу. Конечно, для послѣдователей путь его труденъ: не всякая оригинальность настолько интересна, чтобъ ей показываться и ею занимать. Но за то если литература наша проигрываетъ въ количествѣ, такъ выигрываетъ въ качественномъ отношеніи. Не много нашихъ произведеній идетъ на оцѣнку Европы, но и въ этомъ немногомъ оригинальность русской наблюдательности, самобытный складъ мысли уже замѣчены и оцѣнены по достоинству. Теперь намъ остается только желать, чтобы Россія производила поболѣе талантовъ, пожелать русскому уму поболѣе развитія и простора; а путь, по которому идти талантамъ, указанъ нашимъ великимъ поэтомъ. Мм. гг., я предлагаю тостъ за русскую литературу, которая пошла и идетъ по пути, указанному Пушкинымъ. Выпьемъ весело за вѣчное искусство, за литературную семью Пушкина, за русскихъ литераторовъ! Мы выпьемъ очень весело этотъ тостъ: нынче на нашей улицѣ праздникъ.

Digitized by Google

СЪ ПУШКИНСКАГО ПРАЗДНИКА

5 — 8 іюня.

Съ половины прошлаго мая вниманіе русскаго общества, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ и Москвѣ, было очень сильно занято предстоявшимъ открытіемъ памятника Пушкину. Наконецъ, оно ждалось съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ: видно было, что съ ожидаемымъ событіемъ связывался для общества, или для его образованной и литературной части, очень живой интересъ, что этотъ интересъ распространялся на людей самыхъ разнородныхъ взглядовъ, положеній и стремленій, что онъ принималъ размѣры, принадлежащіе національнымъ событіямъ.

Открытіе, наконецъ, совершилось; мы были его свидѣтелями, 5 — 8 іюня. И въ самомъ дѣлѣ, празднованіе имѣло характеръ у насъ доселѣ положительно небывалый: не бывало такого единодушнаго увлеченія, соединявшаго стихіи, кажется, не соединимыя; не бывало такого возбужденія лучшихъ сторонъ личнаго и общественнаго чувства.

Мы не будемъ разсказывать подробностей этого праздника. Всѣми давно прочитаны свѣдѣнія о сооруженіи памятника, разсказы о торжествѣ открытія; газеты резюмировали или привели цѣликомъ всѣ главныя изъ тѣхъ многочисленныхъ словъ и рѣчей, какія сказаны были при самомъ открытіи, потомъ въ университетѣ, въ засѣданіяхъ Общества любителей россійской словесности, за обѣдами—городскимъ и литературнымъ; разсказано объ одушевленіи, какое овладѣвало зрителями и слушателями. Прибавимъ только, что высокое настроеніе минуты не внушило нѣкоторымъ изъ нашихъ органовъ—не скажемъ, духа примиренія, о которомъ не мало въ эти дни говорилось, но и простой правди-

Digitized by Google

вости въ обращеніи съ фактами. Предоставимъ разъяснять это будущему разсказчику этого событія. Было ясно, что какъ ни великъ былъ поводъ, собравшій въ одномъ торжествѣ столько разнородныхъ элементовъ нашей общественной жизни и литературы, —оно не загладило вражды, не исправило литературной испорченности.

Несомнѣнно однако, что все торжество произвело на его свидѣтелей и участниковъ сильное впечатлѣніе. Открытіе памятника встрѣчено было взрывомъ энтузіазма, и это праздничное, восторженное, поэтическое настроеніе осталось на цѣлые дни; съ этимъ настроеніемъ масса собравшихся на торжество слушала одушевленныя рѣчи объ историческомъ значеніи геніальнаго поэта, когда ученые профессора, лучшіе изъ нашихъ писателей объясняли великій переворотъ, какой былъ имъ совершенъ въ цѣломъ нашемъ литературномъ развитіи, изображали различныя стороны его глубокаго историческаго вліянія, напоминали художественныя красоты его поэзіи, рисовали его геніально одаренную, благородную личность. Между этими рѣчами было много проникнутыхъ восторженнымъ, почти религіознымъ поклоненіемъ передъ великимъ поэтомъ: онъ былъ не только создателемъ новѣйшей русской литературы, онъ былъ пророкомъ великой «все-человѣческой» будущности русскаго народа! Самыя рѣчи о великомъ поэтѣ становились поэзіей: его трудъ былъ не только монументальной заслугой въ прошедшемъ, но знаменіемъ и прообразованіемъ. Самихъ слушателей эта поэзія увлекала—и очень справедливо: въ ту минуту забывалось, что дѣйствительность иной разъ очень далека отъ этихъ рѣчей, а въ нихъ высказывался все-таки искомый, желанный идеалъ; въ рѣдкія минуты подобнаго воспоминанія, общественная любовь собираетъ на поэтѣ, дорогомъ ея памяти, всѣ совершеннѣйшія черты его дѣла, сознаетъ ретроспективно во всемъ объемѣ его вліяніе и возводитъ его въ апотеозу.

Такой характеръ имѣло празднованіе памяти Пушкина въ Москвѣ.

Этотъ характеръ Пушкинскаго праздника, отмѣченный восторгами и одушевленіемъ, примирительными попытками и примѣрами дѣйствительнаго единодушія, есть прежде всего знаменательное свидѣтельство объ историческомъ значеніи Пушкина. Нѣтъ имени во всемъ прошедшемъ русской литературы, которое могло бы собрать вокругъ себя столько восторженныхъ сочувствій. Не будемъ повторять того, что было уже прекрасно высказано о томъ великомъ національномъ поворотѣ, который поэзія Пушкина дала всему дальнѣйшему теченію русской литературы. Довольно нѣсколькихъ

Digitized by Google

завѣчаній. Поэтическая юность Пушкина испытала вліяніе европейскихъ школъ: литература XVIII вѣка, романтика, Байронъ, оставили на его мысли и поэзіи свою печать, — но онъ вскорѣ преодолѣлъ эти вліянія и выказалъ энергическую самобытность. Съ появленіемъ Пушкина весь предшествующій періодъ нашей литературы отошелъ въ область археологіи; литература впервые обратилась прямо къ русской жизни, и особенно прямо къ жизни народной, которая цѣлые вѣка отдѣлена была отъ жизни государства, отъ жизни высшихъ сословій, отъ образованія. До Пушкина народная струя пробивалась въ литературу случайными порывами:— то писатель думалъ украсить народной чертой пастораль, комедію, повѣсть; то первые полу-сознательные любители искали народности въ пѣсняхъ и сказкахъ; то немногіе инстинктивно указывали на необходимость изученія народной жизни для уразумѣнія всей національной исторіи. У Пушкина эта народность стала самой стихіей его поэзіи и съ тѣхъ поръ утвердилась въ русской литературѣ, какъ прочный источникъ ея обогащенія поэтическаго, научно-историческаго и общественнаго. Съ другой стороны, его поэзія была первымъ фактомъ реализма, который потомъ оказалъ нашей литературѣ такія великія услуги—изученіемъ дѣйствительности, простотой стиля, вѣрнымъ изображеніемъ жизни, вліяніемъ на общество. Пушкинъ далъ полвѣка тому назадъ первые образцы подлиннаго русскаго историческаго романа, и оставшіеся отъ него планы показываютъ—какого богатства правдивой реальной поэзіи русская литература лишилась съ его потерей. Далѣе, никто до него не былъ такимъ мастеромъ русскаго языка: «Пушкинскій стихъ» сталъ высшимъ образцомъ; народная рѣчь у него впервые занимаетъ свое прочное мѣсто въ языкѣ литературномъ. Всѣ эти новыя пріобрѣтенія въ содержаніи и формѣ литературы сдѣланы были силою высокой поэзіи, съ богатой оригинальностью, свѣжей и разнообразной, гдѣ нашли свое выраженіе и самыя глубокія и тонкія движенія лирическаго чувства, и тэмы эпоса и драмы.

Поэзія Пушкина увлекла современниковъ съ самыхъ первыхъ шаговъ поэта. Она была чѣмъ-то неслыханнымъ; ветераны классицизма, погибавшаго окончательно при блескѣ этой поэзіи, пытались возставать на него, но для борьбы съ ними Пушкину было довольно эпиграммъ. Всѣ болѣе свѣжія силы литературы, и въ томъ числѣ старшее поколѣніе романтиковъ въ лицѣ Жуковскаго, примкнули къ нему и признали въ немъ своего главу; для молодыхъ поколѣній общества Пушкинъ сталъ предметомъ восторженнаго поклоненія. Есть много преданій объ этой страстной привя-

Digitized by Google

занности общества къ поэту, къ своей «первой любви». Это поклоненіе шло за нимъ всюду, дѣлало его чуть не сверхъестественнымъ существомъ даже между людьми, очень далекими отъ литературы, но до которыхъ достигала громкая слава поэта... Въ послѣдніе дни жизни Пушкина эта привязанность сказалась тревожной заботой общества и народной массы, и по смерти его—глубокой скорбью, которая нашла свое сильное и трогательное выраженіе въ извѣстномъ стихотвореніи юнаго Лермонтова.

Пушкинъ вошелъ въ исторію—великимъ именемъ. Посмертное изданіе показало однако, что его поэтическое величіе далеко не было исчерпано тѣми произведеніями, какія явились при его жизни. Оказалось богатое наслѣдство неизвѣстныхъ дотолѣ созданій. Пушкинъ впервые открылся во всей (или почти во всей) полнотѣ своихъ произведеній. Вслѣдъ затѣмъ явились знаменитыя «статьи о Пушкинѣ» Бѣлинскаго, донынѣ единственная подробная эстетическая оцѣнка поэта, написанная большимъ мастеромъ эстетической критики и восторженнымъ поклонникомъ поэта. Въ 1855—56 году вышло въ свѣтъ первое критическое изданіе Пушкина, сдѣланное П. В. Анненковымъ. Оно обновило во всей силѣ историческій авторитетъ Пушкинской поэзіи, стало опять литературнымъ событіемъ и вызвало рядъ новыхъ изученій, между которыми напомнимъ особенно замѣчательныя статьи въ «Современникѣ» 1856 года. Одни изъ этихъ новыхъ изученій направлены были на эстетическое истолкованіе Пушкинской поэзіи; другія искали освѣтить эту поэзію въ ея современной общественно-литературной обстановкѣ и въ біографіи; первое прочное начало біографіи сдѣлано было въ извѣстныхъ «Матеріалахъ» г. Анненкова, которые выростаютъ потомъ въ настоящее, критически разработанное жизнеописаніе. Масса историческаго матеріала о новѣйшихъ временахъ, изданная въ послѣднія двадцать лѣтъ, разъясняетъ какъ никогда прежде самый общественный и литературный бытъ, въ средѣ котораго совершалась дѣятельность Пушкина.

Наступали другія времена. Реализмъ, освященный Пушкинымъ, встрѣтился съ животрепещущими задачами, которыя съ постановкой крестьянскаго вопроса и съ началомъ реформъ выросли въ цѣлый, и національный, и народный вопросъ. Интересы общества перешли на почву, которую предчувствовалъ и страстно ждалъ Пушкинъ, но которой онъ не видѣлъ въ свое время. Но Пушкинская традиція хранилась. Реализмъ доходилъ до своего крайняго предѣла, до горькой и желчной сатиры; но даже для самого поэта, призывавшаго музу «мести и печали», поэзія Пушкина оставалась свѣтлымъ идеаломъ; она осталась теплой привязанностью для пи-

Digitized by Google

сателя, который является сильнѣйшимъ представителемъ нашей сатиры; она оставалась тѣмъ же для лучшаго художественнаго критика послѣ Бѣлинскаго, критика, который однако всѣми своими стремленіями отданъ былъ тѣмъ новымъ задачамъ, о какихъ сейчасъ упомянуто. Мы говоримъ о Добролюбовѣ.

Такимъ образомъ, отъ появленія первыхъ произведеній Пушкина и до послѣдняго времени онъ былъ и для читающей массы великимъ поэтическимъ авторитетомъ, и въ сознаніи лучшихъ писателей—родоначальникомъ новѣйшаго періода нашей литературы, и высшей поэтической силой, какая была ею создана когда-либо. Этого было довольно, чтобы открытіе памятника Пушкину стало торжествомъ общественнымъ: оно вызывало вдругъ и сосредоточивало всѣ личныя чувства нѣсколькихъ поколѣній, которыя поэзія Пушкина питала и возвышала, всѣ представленія объ его великой исторической заслугѣ, всѣ ощущенія поэтическаго наслажденія, всѣ сочувствія къ самой личности, столь возвышенной и столь трагически и безвременно погибшей. Общество призывалось отдать свою дань великому историческому дѣятелю, черезъ полвѣка еще властвующему надъ сердцемъ и умомъ, и общественное признаніе выразилось восторженнымъ, трогательнымъ чествованіемъ.

Но въ этомъ настроеніи проходила несомнѣнно и черта, принадлежащая условіямъ нашей настоящей минуты, и на которую, правда, наводила и исторія дѣятельности Пушкина. Московскій праздникъ былъ со временъ Рюрика первымъ чисто общественно-литературнымъ праздникомъ, и по своему поводу, и по исполненію. Этотъ поводъ для массы общества былъ впервые широкимъ общественнымъ интересомъ; онъ вызвалъ самое горячее участіе и множество участниковъ; тотъ энтузіастическій пріемъ, какой встрѣтили многія рѣчи и разныя частности торжества, были свидѣтельствомъ, что литературное торжество понято и признано какъ національное. Сама собой являлась мысль о положеніи самой литературы. Въ рѣчахъ припоминалось объ ея положеніи въ Пушкинскія времена; невольно думалось объ ея нынѣшнихъ условіяхъ. Дѣятели литературные были конечно главными представителями и истолкователями торжества,—былъ наконецъ «на нашей улицѣ праздникъ», по выраженію Островскаго, и въ мысляхъ были самыя горячія желанія, чтобы праздникъ былъ не только на-сегодня, не только для одного круга общества, но чтобы онъ отразился на нынѣшнихъ условіяхъ литературы,—въ которыхъ иные ораторы не находили большой разницы съ тѣмъ, что было за полвѣка... Но видно было, что по тѣмъ же условіямъ ораторы затруднялись высказать опредѣленно свои пожеланія; были только припомянуты

Digitized by Google

Пушкинскіе призывы свѣта и разума, было сдѣлано нѣсколько аллюзій на бѣдственное положеніе литературы, не имѣющей своего права гражданства, но ясно было видно и заявлялось громкими рукоплесканіями, что эти напоминанія и намеки были хорошо поняты и раздѣлены слушавшимъ обществомъ.

Былъ несомнѣнно еще одинъ мотивъ, который подобнымъ образомъ присоединился къ торжеству, напоминавшему о высокихъ національныхъ задачахъ, о необходимости согласнаго труда для ихъ достиженія. Этотъ мотивъ очень близокъ литературѣ, но далеко выходитъ за ея предѣлы. Послѣднія два десятилѣтія прошли для русскаго общества въ тяжкихъ испытаніяхъ, началажъ великихъ предпріятій и отступленіи назадъ, въ идеальныхъ порывахъ и разочарованіяхъ—общество приходило къ сумрачному раздумью, у многихъ—скажемъ прямо—къ безнадежности. Но, наконецъ, какъ будто повѣяло другимъ воздухомъ... Въ томъ, болѣе образованномъ кружкѣ общества, который былъ наиболѣе чутокъ къ совершавшемуся въ общественной и государственной жизни, отъ всего прежняго осталось крайнее нравственное утомленіе. Пушкинскій праздникъ пришелся на тотъ освѣжающій моментъ, о которомъ мы сейчасъ упомянули. Сюда и направились давно сдержанныя, невысказанныя влеченія общества, всѣ его лучшія чувства и пожеланія. Праздникъ далъ исходъ идеальнымъ надеждамъ и ожиданіямъ, которымъ еще недавно не было никакого мѣста въ дѣйствительности; вражда и ненависть истощались, и къ удивленію, отъ людей, произносившихъ только проклятія и брань, послышались слова забвенія прошедшаго и примиренія. Фактъ замѣчательный, и мы отъ души порадовались бы ему, если бы, къ сожалѣнію, еще слишкомъ близкое прошлое, и даже настоящее, не были обильны фактами и указаніями, всего менѣе примирительными.

Но въ ту минуту, когда восторженныя рѣчи говорили о великомъ нравственномъ пріобрѣтеніи, какое мы сдѣлали съ торжественнымъ признаніемъ великаго подвига Пушкина, говорили о могуществѣ правды и высокаго идеала,—этимъ рѣчамъ вѣрилось или хотѣлось, по крайней мѣрѣ, вѣрить. Минуты такихъ настроеній бываютъ драгоцѣнны во внутренней жизни человѣка: пробыть нѣсколько времени въ этой атмосферѣ возвышенныхъ цѣлей, призывовъ и готовности на благое общественное дѣло, встрѣтиться въ сочувствіяхъ съ множествомъ людей самыхъ разныхъ формацій, увидѣть то же сочувствіе на лицѣ противника, даже злѣйшаго врага, это—впечатлѣніе рѣдкое и дорогое тѣмъ, что указываетъ хоть какой-нибудь одинъ общественный, національный интересъ, о ко-

Digitized by Google

торомъ (хотъ въ общемъ только смыслѣ) нѣтъ спора, и есть единодушная мысль и желаніе...

Понятно, что въ этомъ настроеніи нельзя остаться надолго. Является потребность выдти изъ опьяняющаго диѳирамба, отдать себѣ отчетъ въ происшедшемъ, видѣнномъ и слышанномъ, но затѣмъ уже прочно владѣть дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ. И послѣ такой провѣрки, московскій праздникъ (и другіе, съ нимъ связанные) останется знаменательнымъ фактомъ общественной исторіи нашего времени. Памятникъ Пушкину былъ первый, открытіе котораго было вполнѣ дѣломъ общественнымъ. Несмотря на всѣ замедленія, вслѣдствіе которыхъ многіе не могли уже принять участія въ праздникѣ, несмотря на нѣкоторую неурядицу въ приготовленіяхъ, онъ былъ выполненъ съ такимъ успѣхомъ, возбудилъ такое движеніе и произвелъ такое сильное впечатлѣніе, какъ едва ли кто предполагалъ,—по крайней мѣрѣ не предполагалъ никто, съ кѣмъ намъ случалось говорить.

Многочисленныя рѣчи, сказанныя на университетскомъ актѣ, въ собраніи Общества любителей русской словесности, на городскомъ и литературномъ обѣдахъ, говорили объ историческомъ значеніи Пушкина, о характерѣ его натуры и его поэзіи, объ ея національномъ смыслѣ, наконецъ, о свойствѣ самаго праздника. Многія изъ рѣчей отличались достоинствомъ серьёзнаго изученія; другія прекрасно очертили широкій складъ, всеобъемлющую силу Пушкинской поэзіи; въ третьихъ—съ большимъ краснорѣчіемъ говорилось о нравственно-общественномъ значеніи Пушкинскаго торжества. Изъ рѣчей историческаго характера особенно обратили на себя вниманіе рѣчи гг. Тихонравова и Ключевскаго, въ особенности первая; далѣе, рѣчи гг. Тургенева и Островскаго; прекрасно говорилъ о значеніи праздника г. Аксаковъ; въ своемъ родѣ замѣчательны были рѣчи гг. Каткова и Достоевскаго.

Рѣчи вообще носили на себѣ печать того одушевленія, въ которомъ проходило все празднество. Дѣло Пушкина цѣнилось не столько съ спокойной исторической критикой, сколько съ восторженнымъ чувствомъ поклоненія, — которое отвѣчало настроенію минуты. Всего больше исторической критики было въ первыхъ, университетскихъ, рѣчахъ; всего меньше—въ послѣдней, которою закончился праздникъ, въ рѣчи г. Достоевскаго. Значеніе Пушкина въ русской литературѣ и исторіи общественной мысли было выяснено въ словахъ, продиктованныхъ энтузіазмомъ; сказано было, кажется все,—довершить можно было только апотеозой, которая и сдѣлана была г. Достоевскимъ: Пушкинъ — пророкъ, его

Digitized by Google

поэзія — прообразованіе будущаго величія Россіи, когда русскій народъ возвѣститъ истину всему человѣчеству...

Мы не будемъ входить въ подробности высказанныхъ понятій (тѣмъ болѣе, что рѣчи еще должнымъ образомъ изданы не всѣ); это должно бы быть сдѣлано въ свое время;—и ограничимся нѣкоторыми замѣчаніями.

У насъ, какъ извѣстно, всѣ общественныя увлеченія совершаются порывами, которые бо́льшею частью трудно предугадать и которые большею частью быстро проходятъ, оставляя въ умахъ иногда замѣчательно слабое впечатлѣніе. Въ послѣдній разъ мы видѣли такое же увлеченіе славянскимъ вопросомъ: почти за нѣсколько дней общество было совсѣмъ равнодушно, потомъ о немъ заговорили, для него жертвовали, для него шли на военныя приключенія, потомъ—какъ будто его совсѣмъ не было... Боимся, чтобы не случилось того же теперь. Открытіе памятника готовилось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; было время приготовиться къ нему изданіемъ его сочиненій, цѣльнымъ критическимъ изученіемъ его дѣятельности, книгами популярными. Къ сожалѣнію, такъ не случилось. Правда, изданіе (очень хорошо редактированное) начато, но вышло лишь два тома «съ билетомъ» на остальные [1]); вмѣсто біографіи — тощія брошюрки, и нѣсколько журнальныхъ статей. Съ другой стороны, идутъ слухи о вновь открывающихся матеріалахъ для біографіи поэта: интересъ ихъ не подлежалъ сомнѣнію еще съ 1837 года, но владѣльцы оставляли ихъ подъ спудомъ—нужно было, чтобъ громкое торжество вывело эти матеріалы на свѣтъ божій, въ печать или въ руки изслѣдователей. Біографія великаго поэта, котораго такъ славятъ въ моментъ торжества, еще столь мало обработана, что наканунѣ только были изданы (или могли быть изданы) свѣдѣнія, чрезвычайно характеристическія и донынѣ неизвѣстныя.—Скажемъ, впрочемъ, въ нѣкоторое объясненіе, что послѣднія времена нашей литературы далеко не способствовали спокойному и правдивому историческому изученію, и даже мирныя заявленія общественныхъ сочувствій обставлены были странными трудностями: мы слышали, напримѣръ, изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, что два мѣсяца назадъ избраніе московскимъ университетомъ одного изъ его новыхъ почетныхъ членовъ было дѣломъ весьма проблематическимъ

[1]) Когда мы печатали въ маѣ (выше, стр. I) первое стихотвореніе Пушкина, явившагося въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814 года, мы еще не имѣли предъ глазами новаго изданія, а потому сдѣланное нами тогда примѣчаніе относилось къ предъидущимъ изданіямъ; въ новомъ изданіи прежніе недостатки оказались исправленными.—*Ред.*

Digitized by Google

—казалось возможнымъ не получить утвержденія выбора; но обстоятельства быстро перемѣнились—и новый министръ народнаго просвѣщенія самымъ торжественнымъ образомъ привѣтствовалъ избраніе Тургенева.

Думаемъ, что послѣдующая историческая критика, которая воспользуется гораздо болѣе полнымъ матеріаломъ, чѣмъ какой былъ извѣстенъ до сихъ поръ, иначе опредѣлитъ нѣкоторыя историческія отношенія Пушкина и поставитъ его на менѣе абсолютную, и болѣе реальную почву, чѣмъ ставили его, напр., въ нѣкоторыхъ рѣчахъ. Мы теперь только узнаёмъ съ достаточной ясностью общественные идеалы Пушкина, его политическія идеи, его планы развивать эти идеи въ политической газетѣ, планы, которые не могли осуществиться по винѣ тогдашнихъ условій литературы. Не разъ было говорено о томъ, какъ эти условія стѣсняли поэтическую и публицистическую дѣятельность Пушкина; но мало обращалось вниманія на то, какъ они опредѣляли самое отношеніе общества къ Пушкину. Говорятъ о томъ, что Пушкинъ испыталъ холодность и равнодушіе общества: но онѣ были не безпричинны. Въ числѣ строгихъ критиковъ Пушкина былъ писатель нѣсколько тяжелый по формѣ, но сильнаго ума—Надеждинъ, въ особенности боровшійся противъ условностей и иной разъ безсодержательности романтизма Пушкинской школы, которыя относилъ и къ самому Пушкину,—и ждавшій отъ поэта тѣхъ реальныхъ произведеній,—которыя уже были въ портфелѣ Пушкина, но въ печати не появлялись. Раздражительныя отношенія сторонъ, которыя объ были связаны, не давали имъ понять другъ друга, и между прочимъ тѣ общественныя понятія Пушкина, которыя мы узнаёмъ теперь въ ихъ послѣдовательной связи и въ ихъ истинномъ смыслѣ, въ то время могли быть только угадываемы, въ отрывочной формѣ, и истолкованы односторонне и угловато. Бѣлинскій былъ величайшимъ поклонникомъ, какого только имѣлъ Пушкинъ; но въ тридцатыхъ годахъ и у него были минуты недоумѣнія и недовольства; его поклоненіе достигло высшей степени уже тогда, когда явились посмертныя произведенія Пушкина.

Говорятъ, далѣе, объ охлажденіи къ Пушкину въ послѣднія десятилѣтія, ставя въ укоръ новому времени забвеніе о величайшемъ русскомъ поэтѣ, непониманіе художества. Дѣйствительно, въ послѣднія десятилѣтія не было того энтузіазма къ Пушкинской поэзіи, какой бывалъ въ сороковыхъ годахъ,—но съ тѣмъ исключительнымъ характеромъ онъ едва ли и можетъ возвратиться, потому что онъ создавался тогда не только красотою самой поэзіи, но и духомъ времени; и видѣть въ эпохѣ послѣдующей только

Digitized by Google

какой-то грубый упадокъ есть большая историческая ошибка. Эти десятилѣтія были для русскаго общества чрезвычайной перемѣной, скажемъ больше—почти переворотомъ. Невозможно требовать спокойнаго, эстетически настроеннаго тона общества, когда въ цѣлой народной жизни происходитъ цѣлый переворотъ, измѣнялись вѣковыя отношенія, бросались въ общество сѣмена совсѣмъ иного быта, экономическаго и гражданскаго. Развилась литература того склада, который, по признанію недавнихъ ораторовъ, былъ начатъ самимъ Пушкинымъ,—но, конечно, не могъ быть имъ предвидѣнъ со всѣмъ тѣмъ развитіемъ, какое принесли событія. Цѣлый общественный бытъ былъ потрясенъ въ основаніяхъ,—не мудрено, что послышались, между прочимъ, и рѣзкіе голоса реальной дѣйствительности, для которыхъ некогда было искать выдѣланной формы. Ставить это явленіе въ какую-то противоположность Пушкину кажется намъ извращеніемъ исторической перспективы,—потому что это два разные историческіе періода, послѣдовательное развитіе, осложненное новыми, прежде не существовавшими условіями. Говорятъ о равнодушіи къ Пушкину, указываютъ на незнаніе Пушкина новыми поколѣніями, припоминаютъ статьи Писарева,—но неужели статьями Писарева, которыя и въ свое время были экстравагантностью, объясняется, напр., незнаніе Пушкина въ растущемъ поколѣніи? Опять странное заблужденіе. Напомнимъ лишь одно: сколько разъ слышались въ послѣдніе годы жалобы просто на упадокъ преподаванія русскаго языка въ нашей школѣ; сколько разъ указывались жалобы самихъ университетовъ на являвшихся къ нимъ молодыхъ людей съ аттестатами «зрѣлости» и съ ужасающимъ невѣжествомъ въ русскомъ языкѣ! Думаемъ, что если уже опредѣлять характеръ новѣйшихъ явленій нашей общественной образованности,—не слѣдовало забыть ея самый коренной источникъ.... Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ все высшее умственное и нравственное воспитаніе общества совершалось на художественной литературѣ; съ половины пятидесятыхъ годовъ передъ обществомъ стали прямо существенные вопросы національной жизни, а въ господствовавшей до недавнихъ дней системѣ просвѣщенія, именно русскій языкъ и литература играли самую жалкую роль.

По старому преданью и вліянію европейской науки, научная исторія литературы сдѣлала у насъ большіе успѣхи въ послѣднее время; но лучшія ея пріобрѣтенія были сдѣланы почти исключительно въ области литературы древней. Что касается до новой, то здѣсь было собрано множество любопытнаго сырого матеріала, и всего меньше сдѣлано критическихъ изслѣдованій: генезисъ новой литературы

Digitized by Google

въ связи ея съ развитіемъ общественно-политическихъ идей далеко не выяснены. До послѣднихъ трудовъ г. Анненкова сдѣланы были лишь немногія критическія попытки такого рода, касавшіяся и Пушкина. Эти работы еще впереди, а непривычка къ критикѣ въ большинствѣ такова, что надо еще объяснять ея необходимость и различіе критики отъ «неуваженія», «отрицанія» и т. п. терминовъ, какими любитъ играть именно наиболѣе испорченная часть нашей литературы. Въ торжественныя минуты праздника естественно выливались восторженныя признанія заслуги великаго писателя; но пожелаемъ, чтобы за этими признаніями явились и историко-критическіе труды о Пушкинѣ. Онъ дорогъ намъ, особенно въ настоящую минуту, но надо признать всеобщую историческую истину, что великій писатель, какъ всякій великій человѣкъ, какъ бы ни были чрезвычайны его дарованія и его дѣятельность, всегда остается однако и сыномъ своего вѣка, носитъ на себѣ историческія черты времени и общества. Пусть не пугаются и не негодуютъ тѣ, кто считаетъ теперь имя Пушкина неприкосновеннымъ; только съ исторической критикой, наше удивленіе предъ нимъ, наше признаніе его заслуги будетъ дѣломъ не одного чувства, но и яснаго, твердаго сознанія.

Что вмѣшательство исторической критики необходимо, въ этомъ убѣждаетъ въ особенности рѣчь г. Достоевскаго. Она имѣла свой успѣхъ; сказанная въ извѣстномъ стилѣ талантливаго писателя, она подѣйствовала — безъ сомнѣнія, въ значительной степени — потому, что сказана была передъ аудиторіей уже приготовленной къ крайнему увлеченію: нѣсколько дней, проведенныхъ въ непрекращавшемся рядѣ сильныхъ впечатлѣній, сообщили этой аудиторіи почти нервическое возбужденіе,—по степени этого возбужденія ей требовалось все больше увлекающихъ и обольстительныхъ словъ. Ихъ предложилъ г. Достоевскій. Не будемъ передавать подробностей его рѣчи, сообщенныхъ газетами. Въ ея содержаніи не было особенно новаго; такія мысли высказывались издавна въ славянофильской школѣ, и г. Достоевскій только примѣнилъ ихъ къ Пушкину, сдѣлавъ его поэзію предвѣщаніемъ. Это — тэмы Хомякова, Языкова, Тютчева. Мы не поклонники ни такой поэзіи, ни такихъ теорій... Публицисты извѣстнаго стиля сейчасъ попрекнутъ насъ «отрицаніемъ», «западничествомъ», «доктринерствомъ», непониманіемъ русскаго народнаго духа и т. п., и въ поученіе укажутъ, что англичане, французы и т. д. также увлекаются въ своемъ патріотизмѣ. Мы и полагаемъ, что тэма г. Достоевскаго о будущемъ, или даже настоящемъ первенствѣ русскаго народа надъ всѣми остальными имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что

Digitized by Google

представляетъ не новый примѣръ національнаго самопрославленія. Нѣмцы, французы, англичане, считаютъ себя каждый высшимъ представителемъ человѣчества, образцомъ для другихъ народовъ, ихъ просвѣтителемъ и законнымъ старшиной; даже китайцы, и тѣ увѣрены, что въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннѣе срединнаго царства; въ старину такъ думали евреи, и странно: хотя именно въ ихъ средѣ возникло христіанство, принятое просвѣщеннымъ человѣчествомъ какъ истина, именно они его отвергли и осудили. По совѣсти думаемъ, что такая постановка національнаго патріотизма по крайней мѣрѣ излишня. Уже одно количество примѣровъ присвоенія себѣ первенства показываетъ, что эта постановка сомнительна: ясно, что всѣ народы, кромѣ одного, должны заблуждаться, и кто же измѣрилъ всѣ данныя, которыя доказали бы, что народъ незаблуждающійся—именно мы? Намъ говорятъ о всечеловѣчности или всечеловѣчествѣ русскаго народа, но—выдѣляя примѣръ «всесвѣтной (поэтической) отзывчивости» Пушкина, какъ примѣръ исключительнаго, единственнаго въ своемъ родѣ писателя—не была ли наша «всечеловѣчность» просто признакомъ извѣстной исторической ступени развитія, стремленіемъ усвоить сдѣланные ранѣе другими пріобрѣтенія; наклонность вживаться въ умственную жизнь Европы не бывала ли слѣдствіемъ умственной бѣдности нашего собственнаго быта, бѣдности, которую столько могущественныхъ причинъ производили и поддерживали? Очень было бы желательно, чтобы «всечеловѣчность» развилась въ русскомъ міровоззрѣніи, какъ широта взгляда и нравственно-національное безпристрастіе, но «не бывшимъ примѣрамъ» очень мало на это надѣемся; даже въ послѣднее время, когда, бывало, русская печать (и именно большинство) принималась заявлять наши національныя идеи, характеръ, права, требованія, въ этихъ заявленіяхъ было гораздо больше обыкновеннѣйшаго національнаго самохвальства, нежели «всечеловѣчности». Эта послѣдняя можетъ быть только результатомъ всей полноты національнаго развитія, — а объ ней мы считаемъ непозволительнымъ и говорить въ настоящую минуту, когда народъ остается безъ школъ, общество — безъ возможности самодѣятельности, литература — безъ элементарныхъ условій, которыя бы дали ей право считаться истиннымъ выраженіемъ своего общества и народа.

«Врачу, исцѣлися самъ»—могутъ сказать намъ, и съ полнымъ правомъ, въ отвѣтъ на наши самонадѣянные порывы исцѣлять Европу и человѣчество. «Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ», воскликнулъ въ минуту встрѣчи съ нашей владычествующей дѣйствительностью самъ Пушкинъ, кото-

Digitized by Google

рый не былъ вообще фантазёромъ. Трудно было бы г-ну Достоевскому комментировать это восклицаніе поэта, повидимому, не раздѣлявшаго его мнѣнія объ удобствѣ быть «всечеловѣкомъ». Но дѣло въ томъ, что рѣчь г. Достоевскаго была построена на фальши—на фальши, крайне пріятной только для раздражаемаго самолюбія. И къ чему, въ самомъ дѣлѣ, явился этотъ «всечеловѣкъ»? Да быть имъ даже не особенно лестно: лучше быть оригинальнымъ русскимъ человѣкомъ, чѣмъ этимъ безличнымъ «всечеловѣкомъ». Опять все та же гордыня подъ личиною смиренія!

Считая выводы о нашей «всечеловѣчности» теоретически фальшивыми, скажемъ прямо: мы считаемъ даже вредными эти толки о нашихъ фантастическихъ совершенствахъ, когда дѣйствительность ежечасно напоминаетъ о гораздо болѣе скромныхъ, весьма существенныхъ, но далеко неудовлетворенныхъ потребностяхъ русской жизни, и національной, и внутренне-общественной. Къ сожалѣнію, мы гораздо больше податливы на улещиванья подобнаго рода, чѣмъ на согласный трудъ для важнѣйшихъ потребностей общества и литературы, на правдивое, нелицемѣрное сужденіе о нашемъ настоящемъ, чѣмъ даже просто на спокойный, добросовѣстный разборъ нашихъ теоретическихъ разногласій. Мы считаемъ вредными эти тенденціозныя ссылки на «народъ», котораго мы не знаемъ, который намъ становится почти невозможно изучать, — народъ, безъ сомнѣнія богато одаренный, сохраняющій много прекрасныхъ нравственныхъ свойствъ патріархальнаго быта, но народъ—лишенный образованія, экономически—нуждающійся, религіозно—раздѣленный расколомъ, общественно — слабо представленный. Намъ передавали сказанныя однажды слова одного изъ пламеннѣйшихъ ревнителей народнаго дѣла, что «народъ—сфинксъ», и это глубоко справедливо. Дѣйствительно, нашъ народъ—сфинксъ, до тѣхъ поръ, пока лучъ просвѣщенія не освѣтитъ дремлющее сознаніе, и успѣхи общественности не дадутъ ему полнаго права гражданства.

Пушкинскій праздникъ былъ едва ли когда виданнымъ соединеніемъ русскихъ литературныхъ силъ въ одно цѣлое. Оно произошло силой уваженія къ памяти величайшаго поэта русской литературы. Поводъ не представлялъ возможности разнорѣчія, и дѣйствительно, на одномъ торжествѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ, за однимъ столомъ оказались люди, которыхъ видѣть рядомъ было бы иначе немыслимо. При всѣхъ оговоркахъ, фактъ былъ все-таки достопримѣчателенъ, и онъ внушалъ слова примиренія, довольно неожиданныя... Собравшіеся въ Москву дѣятели литературы думали, безъ сомнѣнія, только о Пушкинѣ, объ открытіи памятника, не болѣе; но многолюдное собраніе наводило на мысль,

Digitized by Google

какъ много можно было бы сдѣлать, если бы такое собраніе было не случайное. «Современныя Извѣстія» уже высказали это впечатлѣніе, которое мы вполнѣ раздѣляемъ; мысль московской газеты показалась другимъ—трудно или совсѣмъ неосуществимой; намъ кажется, что она—при отсутствіи, разумѣется, невозможности внѣшней—была бы въ извѣстномъ размѣрѣ очень осуществима: для этого требовалось бы отъ писателей только одно—добросовѣстное отношеніе къ своему писательству.

Нѣтъ сомнѣнія, что литература и публицистика не выигрываютъ, что представители ея «сидятъ по угламъ», какъ замѣчаютъ «Соврем. Извѣстія». Справедливо, что отъ крайняго разъединенія происходитъ—въ значительной степени—«нестроеніе въ печати, и ея раздоръ, и разрывъ съ преданіями, наконецъ, самая грубость въ пріемахъ полемики, доходящихъ иногда до предѣловъ, просто нетерпимыхъ въ обществѣ, сколько-нибудь уважающемъ приличія». Бываютъ, правда, элементы совсѣмъ несоединимые; но за то есть много другихъ, которые, при всей разности мнѣній въ частностяхъ, могли бы вполнѣ понять другъ друга и идти вмѣстѣ къ общимъ, одинаково понимаемымъ, цѣлямъ. Намъ случилось встрѣтить на Пушкинскомъ праздникѣ немало старыхъ друзей, встрѣтить новыхъ, въ томъ числѣ между полу-противниками, и это было не послѣднимъ удовольствіемъ праздника.

Къ сожалѣнію только, это было его случайной подробностью. Праздникъ ограничился интересами художественными и платоническими. Рѣчи изображали намъ Пушкина какъ великаго поэта и мало, почти совсѣмъ не касались его какъ человѣка своего времени, ставившаго себѣ патріотическіе вопросы о предметахъ общественныхъ, горячо желавшаго для нихъ работать съ своими идеями объ исторіи Россіи и особенностяхъ ея внутренняго быта. Общественные взгляды Пушкина представляютъ, конечно, великій интересъ: они не были посторонней прибавкой къ его поэзіи, а напротивъ, тѣсно съ ней связаны; многія изъ его основныхъ произведеній внушены—его идеями историческими, его пониманіемъ современныхъ политическихъ и внутреннихъ отношеній. Въ своей поэзіи онъ искалъ *пользы* своему народу, не одной отвлеченной, платонически-художественной, но прямой, живой и непосредственной пользы, считалъ своей заслугой, что лирой пробуждалъ добрыя чувства и призывалъ милость къ падшимъ—трогательная черта, незабытая поэтомъ въ представленіи о трудѣ его жизни.

Выяснить эту нить общественныхъ идей, которая идетъ отъ Пушкина къ нашему времени, могло бы быть любопытной тэмой,—которая между прочимъ выяснила бы значительно его историческое значеніе,

Digitized by Google

о какомъ мы выше упоминали. Но почти не была тронута ни эта доля его исторіи, ни состояніе общества, въ которомъ ему пришлось дѣйствовать,—и не была выведена параллель, изъ которой можно было-бы, напр., видѣть, въ чемъ улучшились условія общественной дѣятельности и литературы, или въ чемъ совсѣмъ не улучшились.

Замѣтно было, что такая параллель была близка, что хотѣлось изъ самаго праздника вывести практическій результатъ, выразить желанія, которыя являлись сами собой; но мысли останавливались на полъ-дорогѣ, слова не были досказаны (напр., рѣчь г. Сухомлинова, какъ въ Петербургѣ рѣчь г. Градовскаго).

Нѣтъ надобности объяснять, откуда происходила эта сдержанность или молчаливость... И не высказанными ясно, но у большинства несомнѣнно присутствовавшими, были желанія самыя мирныя, самыя скромныя: чтобы явилось, наконецъ, больше простора для печати, которая у насъ есть единственное средство общественности; чтобъ широко развилось умиротвореніе общества. Въ рѣчахъ московскаго праздника не разъ вспоминались слова Пушкина о добрыхъ чувствахъ и милости къ падшимъ, и вспоминалось одно изъ прекраснѣйшихъ его созданій: «Пиръ Петра Великаго».

Сбудутся ли пожеланія? Или, не обманывали ли мы себя жестоко, полагая въ минуты увлеченій, что съ нами думаетъ и чувствуетъ русское общество, что думы и чувства нашего собравшагося круга имѣютъ силу? Сколько отсутствовало здѣсь тѣхъ, кого нужно было бы здѣсь видѣть, не изъ одной области литературной, а и изъ многихъ другихъ!

Мы все-таки можемъ только присоединиться къ пожеланіямъ, и вмѣстѣ высказать болѣе скромную надежду, что Пушкинскій праздникъ, въ которомъ господствовали столь возвышенныя ноты, надолго и крѣпко останется въ памяти тѣхъ, кто былъ его участникомъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СТАРИННЫЯ ДѢЛА

Разсказы и воспоминанія.

А иное-бы писалъ и не имѣю что писати отъ многія жалобы.
Соф. Лѣт. I, 19.

III *).

ДЯДЯ ВАНЯ.

I.

Балконная дверь господскаго дома въ усадьбѣ Хмѣльникахъ была открыта, были открыты и два окна рядомъ съ нею; въ большую столовую живительною струею вливался вечерній воздухъ, внося съ собою запахъ свѣже-скошеннаго сѣна, правильными грядками лежавшаго на лугу передъ домомъ. За лугомъ и примыкавшимъ къ нему озеромъ садилось солнце и золотило низкую рябь, пестрившую поверхность воды. Блестящими, пурпурно-золотыми дорогами ложились послѣдніе косые лучи по озеру; не достигая луга, яркая зелень котораго казалась отъ этого еще зеленѣе и рѣзко отдѣлялась отъ желтаго песка садовыхъ дорожекъ. Вечерніе сумерки начинали незамѣтно на все надвигаться вмѣстѣ съ вечернею тишью, а сквозь нее издали несся въ усадьбу глухой топотъ приближающагося стада и слышалось бряканье «колоколокъ» и рѣзкій отрывистый окрикъ пастуха въ перемежку съ визгливыми звуками самодѣльнаго берестянаго пастушьяго рога. Передъ балкономъ на террассѣ, усыпанной крупнымъ пескомъ и обсаженной акаціями, стояла до-

*) См. выше: 1878, іюнь, 48 стр.

Digitized by Google

вольно большая дѣтская коляска, изъ которой смотрѣло дѣтское личико, до того худенькое и блѣдное, что казалось, будто жизнь давно оставила его и вся ушла въ одни только большіе сѣрые, отѣненные длинными черными рѣсницами глаза, болѣзненно пытливо смотрѣвшіе вокругъ. Нагнувшись надъ коляской, стояла молодая дѣвушка въ крестьянскомъ платьѣ.

Но если жизнь едва теплилась въ ребенкѣ, за то въ дѣвушкѣ жизнь и сила били ключомъ и въ ясныхъ карихъ глазахъ, и въ яркомъ румянцѣ щекъ, и въ высоко-поднимавшейся вольно дышавшей груди.

— Таня, милая,—слабымъ голосомъ просилъ ребенокъ:—свези меня на дорогу въ поле, я хочу посмотрѣть, какъ коровушки домой пройдутъ; слышишь, какъ Изотъ пастухъ близко — вотъ опять: «тутъ-и-тамъ, тутъ-и-тамъ!»... онъ всегда только «тутъ-и-тамъ» на рожкѣ играетъ, отчего это?

— Не знаю, родная, вѣрно другого-то ничего не умѣетъ.

— Нѣтъ, Таня, я знаю отчего: онъ оттого «тутъ-и-тамъ» играетъ, что вѣдь и коровушки тутъ да тамъ бродятъ; вотъ онъ и трубитъ имъ, что знаетъ гдѣ онѣ—и имъ отъ этого хорошо: имъ тогда и волка не страшно, онѣ тогда слышатъ, что пастухъ не далеко и за ними смотритъ...

— Что-жъ, можетъ оно и такъ,—отвѣчала Таня, ласково улыбаясь, причемъ ярко блеснули ея ровные бѣлые зубы.

— Пойди же, Таничка, спроси маму, можно ли намъ въ поле проѣхать.

Таня взбѣжала на балконъ и заглянула въ столовую, гдѣ всѣ обитатели Хмѣльниковъ были въ сборѣ за вечернимъ чаемъ. Самоваръ на кругломъ столѣ, впрочемъ, давно умолкъ, и вокругъ него на минуту воцарилось-было глубокое молчанье, прерываемое развѣ торопливымъ дѣтскимъ шопотомъ—на ушко, да стукомъ чашекъ, домываемыхъ хозяйкой дома. Помимо хозяйки, полной женщины, давно достигшей того возраста, о которомъ, съ осторожностью выражаясь, обыкновенно говорятъ: «лѣтъ за тридцать»,—тутъ же находился и хозяинъ, тоже полный человѣкъ, съ гладко выбритымъ подбородкомъ и бакенбардами «котлеткой». Присѣвъ на кончикъ стула, помѣщалась тутъ еще и гувернантка, худая особа изъ породы необезпеченныхъ наслѣдственными угодьями, изъ породы тѣхъ, о которыхъ можно смѣло сказать, что у нихъ нѣтъ ни возраста, ни вообще какихъ бы то ни было особенныхъ примѣтъ, ничего, кромѣ общаго всѣмъ имъ своеобразнаго выраженія лица, безъ словъ говорящаго: «горекъ заработываемый въ чужомъ домѣ хлѣбъ!»

Digitized by Google

Одѣта она была прилично, вытянута въ струнку, приглажена, прилизана... что̀ представляло рѣзкую противоположность лѣтнему «неглиже» хозяевъ и трехъ длинноволосыхъ кудрявыхъ дѣвочекъ, размѣщавшихся за столомъ между взрослыми.

— Барынька! густымъ грудным голосомъ проговорила Таня, останавливаясь въ дверяхъ:—а, барынька?

— Чего тебѣ?—недовольнымъ тономъ отозвалась хозяйка. Сколько разъ вамъ твердить, что такъ не говорятъ: барынька! Ты должна сказать: сударыня, Елизавета Петровна!—Ну, что̀ тебѣ еще нужно?

Таня вся вспыхнула и съ минуту молчала.

— Да ну же,—еще досадливѣе проговорила Елизавета Петровна: — скажешь ли ты наконецъ, зачѣмъ пришла? двадцать разъ говорено тебѣ: не оставлять Леночку одну!

— Да вотъ, сударыня: Ленушка просится на дорогу въ поле, коровушекъ встрѣчать.

— Такъ бы и говорила съ самаго начала! Незачѣмъ, Леночкѣ домой пора, сыро, скоро смеркнется совсѣмъ.

Хозяинъ дома, не принимавшій до сихъ поръ никакого участія въ томъ, что̀ происходило вокругъ него, и читавшій какое-то письмо, хмурясь и по временамъ издавая нетерпѣливое мычанье, обратился тутъ къ женѣ:

— Что ты это, Лизавета Петровна, матушка, какая сырость!

Онъ всталъ и подошелъ къ балконной двери.

Таня попятилась, чтобы пропустить его на балконъ, но онъ остановился на порогѣ.

— Ухъ, славно!—вырвалось у него.—Нѣтъ, пусть Леночка еще погуляетъ сегодня, совсѣмъ не сыро. Ступайте коровъ смотрѣть.

Таня быстро сбѣжала съ лѣстницы, и коляска въ мигъ исчезла за угломъ дома.

Хозяинъ вернулся къ столу.

— Марья Степановна,—обратился онъ къ гувернанткѣ,—и вы бы прошлись по саду съ дѣтьми, пока солнце не сѣло.

Марья Степановна покорно встала, собрала своихъ питомицъ и отправилась съ ними въ садъ.

— Вы всегда такъ, Михаилъ Семеновичъ!—съ упрекомъ въ голосѣ замѣтила Елизавета Петровна мужу, когда они остались вдвоемъ.—Ну, а если Ленѣ хуже сдѣлается?

— Эхъ, матушка, гдѣ ужъ хуже быть! теперь намъ одно осталось: дѣлать все, чего ей хочется, недолго ужъ, пусть хоть порадуется чему-нибудь передъ концомъ.

Digitized by Google

По лицамъ мужа и жены пробѣжала тѣнь искренней печали.

— А ты вотъ что, Лиза, — заговорилъ снова Михаилъ Семеновичъ: — прочитай-ка, на́, тетушкино письмо: увидишь, какимъ насъ Господь братцомъ наградилъ; да и она хороша!.. Елизавета Петровна взяла письмо, откинулась на спинку стула и принялась за чтеніе, а Михаилъ Семеновичъ, заложивъ руки за спину, началъ шагать взадъ и впередъ по залѣ, пока жена не обратилась къ нему съ слѣдующими словами:

— Другъ мой, это очень грустная исторія!

— И главное, непріятная, — морщась, перебилъ ее мужъ, — во-первыхъ, мы не дѣлились; хлопотъ будетъ тьма, шутка сказать: десять тысячъ!.. Дуракъ! не даромъ его съ дѣтства дуракомъ зовутъ. И еще по поручительству! Ну, добро бы ужъ самъ прожилъ, прокутилъ бы тамъ, что ли? Было бы хоть за что платиться. Да и тётушка хороша! — великодушіемъ называетъ... Я ему покажу это великодушіе, онъ отъ меня копѣйки не получитъ, кромѣ своей доли!

— Онъ и не заслуживаетъ, чтобы ты далъ ему что-нибудь сверхъ его законной части. Да, я думаю, настолько-то у него ума хватитъ, чтобы понять, что у насъ дѣти и мы не имѣемъ права ничего отнимать отъ нихъ.

— Дай-ка мнѣ письмо, Лизанька.

Михаилъ Семеновичъ принялся еще разъ перечитывать его. Вотъ что было въ немъ написано: «Милые друзья мои, Миша и Лиза. Давно не писала я вамъ и вѣрно долго бы еще не собралась, потому что, какъ вамъ достаточно извѣстно, писать терпѣть не могу. Но на этотъ разъ, хочешь-не-хочешь, а за перо приняться нужно. Пріѣзжалъ сюда внучатный племянникъ мой, Сережа Горскій, и сообщалъ самыя неутѣшительныя вѣсти о братѣ вашемъ, Ванѣ. Служба ему не везетъ, онъ все еще прапорщикомъ, и всего хуже то, что онъ такъ же загнанъ въ полку, какъ былъ въ корпусѣ и, извините меня старуху за правду: — какъ былъ въ дѣтствѣ дома. А между тѣмъ, по моему разумѣнію, Ваня — человѣкъ если не съ большимъ умомъ, такъ съ добрымъ сердцемъ и заступиться за него роднымъ слѣдовало бы особенно теперь, когда онъ выказалъ столько великодушія, что поручился за бѣднаго товарища и съ него тянутъ десять тысячъ по поручительству. Конечно, вы будете правы, назвавъ это глупостью, но мнѣ дорога такая глупость въ нашъ вѣкъ сухого ума и разсчета. Подробностей дѣла Сережа Горскій не зналъ и разсказать мнѣ не могъ, потому я и не пишу вамъ объ нихъ. Извѣстить же васъ объ этомъ считаю нужнымъ потому, что вы

Digitized by Google

не дѣлились, да, кажется, и вся доля Вани въ имѣніи не больше десяти тысячъ. Пишу еще и потому, что Ваня, можетъ быть, побоится сообщить тебѣ, другъ мой Миша, о случившемся, и ты не успѣешь принять мѣръ—ну, какія тамъ нужно,—и, пожалуй, опишутъ имѣнье, отъ чего Боже васъ сохрани! Теперь еще разъ извини меня, старуху, за то, что, непрошенная, вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, да еще суюсь съ совѣтами—а право, что вамъ за охота держать Ваню на службѣ, въ полку, гдѣ онъ послѣдняя спица въ колесницѣ; лучше бы всего ему по-просту въ деревнѣ барином жить, чѣмъ тянуть военную лямку,—тѣмъ больше, что онъ никогда ровно ни до чего ее не дотянетъ. Что касается до меня, то мой совѣтъ тебѣ, Миша, настоять на томъ, чтобы Ваня выходилъ въ отставку, а жить ему будетъ чѣмъ: я, какъ умирать буду, не забуду ни его, ни васъ».

Письмо оканчивалось поклонами и поцѣлуями и было подписано: «Любящая васъ тетка Софья Гаврилова».

Письмо это, написанное богатой старухой генеральшей, теткой Михаила Семеновича со стороны отца, заставило сильно призадуматься мужа и жену.

Выбранивъ тётку сантиментальной бабой, начитавшейся романовъ, Михаилъ Семеновичъ серьёзно началъ придумывать средства выпутаться изъ затруднительнаго положенія, въ которое былъ поставленъ неосторожностью младшаго брата своего Ивана Семеновича Костырева, котораго съ самаго дѣтства считали въ семьѣ камнемъ преткновенія. Нужно, впрочемъ, по правдѣ признаться, что объ Ивана Семеновича до сихъ поръ, въ сущности, никто не претыкался, а былъ онъ для семьи только ненужнымъ, что называется—лишнимъ человѣкомъ, каковымъ, повидимому, и грозилъ остаться навсегда. Родителей его, не особенно богатыхъ, но и не бѣдныхъ помѣщиковъ Плоскогорскаго уѣзда, Новгородской губерніи, небо уже благословило до рожденія Вани сыномъ и шестью дочерьми, изъ которыхъ младшей было пять лѣтъ, когда появился совершенно не кстати Ваня, никѣмъ не жданный, никому не желанный. Едва откормила его мамка,—сама мать не могла или не захотѣла,—какъ его сдали на руки старой нянькѣ, выходившей всѣхъ остальныхъ дѣтей и сохранно передавшей ихъ на руки гувернанткѣ. Ванѣ пришлось расти особнякомъ, и чѣмъ старше становился онъ, тѣмъ болѣе чужимъ казался въ родной семьѣ. Ни особенной красотой, ни умомъ не надѣлила его судьба. Когда его начали учить читать и писать, онъ оказался настолько тупымъ, что шустрая меньшая сестренка прозвала его Ваней-дураней. Несмотря на всѣ молебны святому

Digitized by Google

Науму, которые няня на свои скудные гроши заказывала въ тихомолку отъ господъ, наука Ванѣ не давалась. Онъ уразумѣлъ русскую грамоту только годамъ къ десяти.

— Ахъ, ты Ваня-Ванюшка, горькій мой, сиротинка ты моя бѣдная!—чуть не каждый день приговаривала няня, гладя мальчика костлявой рукой по головѣ. Няня всегда звала его сиротинкой, несмотря на то, что отецъ и мать были живы.

Чувствовалъ ли Ваня всю тяготу этого сиротства или нѣтъ? Кто бы могъ рѣшить это! Ваня былъ по природѣ неразговорчивъ и, сверхъ того, загнанъ. Блѣдное и неправильное лицо его рѣдко что выражало, только глаза обращали на себя вниманіе, поражая своей странностью тѣхъ, кто видѣлъ мальчика въ первый разъ. Это были большіе черные глаза, нѣсколько растерянные, въ которые хотѣлось вглядѣться еще и еще—въ надеждѣ, что вотъ-вотъ блеснетъ въ нихъ мысль или загорится чувство. Но ни мысль, ни чувство не оживляли Ваниныхъ глазъ, такъ-что смотрѣвшему подъ-конецъ даже становилось жутко, какъ невольно становится жутко, вглядываясь въ ночную темноту.

Когда Ванѣ минуло одиннадцать лѣтъ, его отвезли въ Петербургъ въ кадетскій корпусъ. Безучастно простилась съ нимъ семья—и онъ съ нею. Горько всплакнула только больная старушка нянька, знавшая, что не дождаться ужъ ей назадъ своего «послѣдышка». Заплакалъ тутъ и Ваня и даже заартачился-было, не захотѣлъ ѣхать, пока не выздоровѣетъ няня... но... прикрикнулъ отецъ, пристыдила мать, сестры презрительно пожали плечиками и проговорили сквозь нѣжныя розовыя губки: «дуракъ!»—и Ваня уѣхалъ.

Корпусная жизнь потянулась для него годъ за годомъ тяжело и однообразно. Домой его на вакаціи не брали, а, оставляя въ заведеніи, поручали репетитору, надѣясь этимъ облегчить ему дальнѣйшее ученье. Какъ дома, такъ и въ корпусѣ, Ваня остался дикаремъ; учиться ему было очень трудно. Нѣсколько разъ оставался онъ по два года въ классѣ, по спискамъ обыкновенно числился послѣднимъ. Прозвище Ваньки-дурака упрочилось за нимъ между товарищами уже къ концу перваго года корпусной жизни. Обижали его не особенно много; онъ слишкомъ безучастно относился не только къ насмѣшкамъ, но даже и къ толчкамъ и колотушкамъ.

Окончить полный курсъ наукъ онъ оказался не въ силахъ. Отецъ долженъ былъ взять его изъ корпуса раньше выпуска, и, не зная, что съ нимъ предпринять, рѣшился опредѣлить его юнкеромъ въ армейскій пѣхотный полкъ.

Digitized by Google

Въ корпусѣ послѣ отъѣзда Вани долго еще разсказывались веселые анекдоты о Ванькѣ-дуракѣ, убоявшемся бездны премудрости и обратившемся вспять! Съ хохотомъ вспоминалась острота учителя русской словесности, какъ-то сказавшаго ему: не утруждай дворянской головы, она свободна отъ постоя!

На первомъ году службы Ивана Семеновича умерла сначала его мать, а затѣмъ и отецъ, завѣщавъ свое имущество обоимъ братьямъ нераздѣльно до совершеннолѣтія Вани и назначивъ старшаго сына своего Михаила Семеновича попечителемъ младшаго, которому только-что минуло девятнадцать лѣтъ. Сестры ихъ всѣ давно были выданы замужъ, выдѣлены и разсѣялись которая куда.

Михаилъ Семеновичъ Костыревъ, старшій братъ Вани, давно уже служилъ тогда въ Петербургѣ въ какомъ-то департаментѣ, гдѣ на первыхъ же порахъ съумѣлъ отличиться какъ дѣловитостью, такъ и умѣньемъ заслужить расположеніе начальства, несмотря на свою молодость и незначительный чинъ. Михаилъ Семеновичъ былъ полнѣйшей противоположностью Вани: въ высшей степени положительный и вообще одаренный всѣми качествами прекраснаго исполнителя, онъ быстро шагалъ по службѣ и скоро сдѣлался правою рукою одного немаловажнаго сановника, который до того полюбилъ его, что даже женилъ на старшей своей дочери, нѣсколько засидѣвшейся въ дѣвкахъ, но тѣмъ не менѣе очень красивой и вполнѣ заслужившей называться: «une jeune personne comme-il-faut!» Къ тому же и приданое за нею было дано не малое, такъ что Михаилъ Семеновичъ считалъ себя въ полномъ смыслѣ слова счастливцемъ, а карьеру свою, благодаря покровительству тестя, вполнѣ обезпеченною, какъ въ самый годъ смерти родителей надъ нимъ разразилась громовая туча.

Начальникъ его и тесть былъ смѣщенъ за какія-то ужъ слишкомъ крупныя упущенія, въ которыхъ не безучастнымъ оказался и зять. Михаилу Семеновичу пришлось оставить службу, безъ всякой надежды когда-либо снова приняться за нее. Къ счастью главнымъ виновникомъ упущеній былъ тесть, лицо, какъ уже упомянуто, высокопоставленное, поэтому возмездіе было для всѣхъ не особенно суровое, и Михаилъ Семеновичъ вышелъ въ отставку безъ ущерба дворянской чести—по прошенію.

Онъ тотчасъ уѣхалъ въ деревню подъ предлогомъ, что этого требуетъ запущенное имѣнье и здоровье старшей дочери его, Леночки, хилаго ребенка, медленно угасавшаго отъ слабости въ духотѣ большого города.

Digitized by Google

Михаилъ Семеновичъ переселился въ Хмѣльники со всѣми чадами и домочадцами, въ числѣ которыхъ лѣтъ пять уже была и Марья Степановна Балдырева, гувернантка трехъ меньшихъ его дочерей.

Пока дѣла Михаила Семеновича складывались такимъ образомъ, Иванъ Семеновичъ безвыѣздно стоялъ съ полкомъ въ Городкѣ, далекомъ бѣлорусскомъ захолустьѣ. На службѣ Ваня остался тѣмъ же, какъ дома и въ корпусѣ. Апатичный и молчаливый, онъ постоянно сторонился отъ товарищей, не кутилъ съ ними, не занималъ у нихъ денегъ, да и къ нему за деньгами никто не обращался. Михаилъ Семеновичъ зналъ это и тѣмъ болѣе поразило его извѣстіе, сообщенное тѣткой, что Ваня всѣмъ своимъ имуществомъ поручился за товарища. Случилось же это вслѣдствіе совершенно своеобразныхъ обстоятельствъ.

Какъ ни тупъ, ни холоденъ и ни безучастенъ ко всему на свѣтѣ былъ съ виду Иванъ Семеновичъ, у него однако была страсть глубокая, всеобъемлющая, хотя и вполнѣ безотчетная. Онъ забывалъ все въ мірѣ, играя на скрипкѣ.

Любовь къ музыкѣ пробудилась и развилась у Вани случайно. Хотя Михаилъ Семеновичъ жилъ въ Петербургѣ въ то время, какъ Ваня былъ въ корпусѣ, онъ однако рѣдко бралъ младшаго брата домой по праздникамъ. Елизаветѣ Петровнѣ надоѣдало видѣть вѣчно молчащаго неловкаго кадета. Поэтому въ праздничные дни, оставаясь почти одинъ въ пустой ротѣ, Ваня отъ скуки бродилъ по всему корпусу, забираясь иногда даже на задніе дворы. На одномъ изъ нихъ онъ однажды услышалъ, какъ кто-то играетъ на скрипкѣ. Безотчетно идя на звукъ, онъ наконецъ набрелъ на игравшаго. Это былъ старикъ служитель, солдатъ Бровкинъ. Онъ сидѣлъ на низкомъ табуретѣ у окна подвальной служительской казармы, около стараго до-свѣтла вычищеннаго самовара, только-что поставленнаго и начинавшаго сипѣть и поплевывать не хуже своего хозяина.

Бровкинъ крѣпко держалъ скрипку и, прижимая ее синимъ подбородкомъ къ плечу, заставлялъ ее тонко-тонко выводить всевозможныя фіоритуры на голосъ: «Ахъ, подруженьки, какъ грустно».

Иванъ Семеновичъ остановился передъ Бровкинымъ и сталъ слушать. Его, впрочемъ, столько же бы заняла чья-либо игра въ бабки или собачья драка или людская ссора—ему было все равно, только бы шло время, котораго ему некуда было дѣвать.

Бровкинъ, подпившій и веселый — въ теченіе недѣли онъ бывалъ трезвъ и суровъ—увидѣвъ кадета, пересталъ играть и

Digitized by Google

обратился къ нему со словами: «А что, ваше благородіе, послушать пришли?»

Иванъ Семеновичъ промычалъ что-то, что Бровкинъ принялъ за утвердительный отвѣтъ.

Поощряемый присутствіемъ слушателя, онъ снова сталъ играть и игралъ долго. Одну за другой сыгралъ онъ Ивану Семеновичу всѣ пѣсни, которыя зналъ.

Иванъ Семеновичъ слушалъ его, слушалъ и незамѣтно поддался обаянію звуковъ. Вспомнились ему родныя поля и лѣса, гдѣ онъ слышалъ многія изъ этихъ пѣсенъ заунывныхъ, хватающихъ за сердце, невольно вызывающихъ слезы. Ему вдругъ стало какъ-то дорого все его прошлое, о которомъ онъ до сего дня такъ мало вспоминалъ.

Онъ не замѣтилъ, какъ настало время ужина и очнулся только тогда, когда Бровкинъ два раза крикнулъ, что пора его благородію на перекличку.

На другое воскресенье Иванъ Семеновичъ опять забрался къ Бровкину и даже принесъ ему давно хранимый завѣтный полтинникъ.

Бровкинъ взялъ полтинникъ и опять долго игралъ. На прощанье онъ предложилъ его благородію поучиться у него играть самому.

Иванъ Семеновичъ съ неожиданной для самого себя охотой сталъ учиться и скоро перенялъ отъ своего учителя все то, что тотъ самъ зналъ.

Никогда еще Ваня не былъ такъ счастливъ, какъ теперь. До настоящаго времени его ничто не занимало. Теперь у него вдругъ явилось что-то свое, любимое.

Когда онъ пріѣхалъ въ полкъ, первою мыслью его было завестись скрипкой, но отецъ былъ скуповатъ, денегъ на житье присылалъ въ обрѣзъ, попросить денегъ на скрипку сынъ не рѣшался. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Ивана Семеновича, прежде никогда ничего не желавшаго, рѣдко испытывавшаго что такое скука—начинала брать тоска. По вечерамъ онъ не зналъ куда дѣваться, и либо одѣтый лежалъ на постелѣ въ своемъ неуютномъ помѣщеніи, либо безцѣльно бродилъ по городу. Въ одну изъ такихъ прогулокъ онъ забрался въ тихую улицу дальняго предмѣстья.

Вдругъ онъ остановился какъ вкопанный: изъ оконъ небольшого дома неслись чудесные звуки: кто-то игралъ на скрипкѣ, и такъ игралъ, какъ Ивану Семеновичу и не снилось. Онъ подошелъ ближе, прислонился къ стѣнѣ подъ самымъ окномъ и

Digitized by Google

началъ слушать. Теплая лѣтняя ночь располагала къ мечтамъ. Темная синева неба была усѣяна звѣздами. Издали доносились рѣдкіе звуки затихающаго городского шума. Вокругъ Ивана Семеновича стояла тишина, даже прохожихъ не было. Изрѣдка развѣ раздавался скрипъ колодезнаго колеса или стукъ захлопнувшейся ставни. А тутъ, надъ нимъ, въ отворенное окно лилась волна чудесныхъ, полныхъ волшебной гармоніи звуковъ.

Ивану Семеновичу захотѣлось узнать, кто играетъ, но заглянуть въ окно онъ не могъ—оно отстояло слишкомъ высоко отъ земли. Онъ отошелъ на середину улицы, но и оттуда ничего не было видно: комната освѣщалась лампой съ абажуромъ, и окно оставалось въ тѣни; на немъ только причудливыми узорами рисовались цвѣты, наставленные на подоконникъ.

Иванъ Семеновичъ снова занялъ свое мѣсто у стѣны и подъ вліяніемъ музыки вскорѣ погрузился въ блаженное забытье—въ волшебный полусонъ какой-то. Когда скрипка окончательно умолкла, онъ все еще стоялъ, все ждалъ, что вотъ-вотъ она запоетъ снова.

Возвращеніе Ивана Семеновича къ дѣйствительной жизни было не особенно пріятно: его трясла за плечи сильная рука, хозяинъ которой съ прибавленіемъ крѣпкаго словца спрашивалъ:

— Чего тебѣ тутъ нужно, такой, сякой—а?

— Я, я слушалъ, совершенно растерявшись, отвѣчалъ Иванъ Семеновичъ, еле понимая, что съ нимъ дѣлается.

— Да это Костыревъ! Ха-ха-ха!—раздался веселый громкій смѣхъ.

— Да, я Костыревъ,—повторилъ Иванъ Семеновичъ.

— Что батюшка, вѣдь встряску-то я вамъ знатную задалъ, ужъ извините! Думалъ воръ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Однако что-же это вы? Вѣдь, мы бы собакъ на васъ напустили.

Иванъ Семеновичъ узналъ говорившаго:—это былъ товарищъ его по полку,—поручикъ Петровъ. Ваня объяснилъ, что заслушался музыки. Они вмѣстѣ отправились домой въ городъ. Петровъ несъ скрипку.

— Такъ вы тоже любитель,—говорилъ онъ, а я, признаться, не зналъ, да и не думалъ—вы все сторонитесь отъ полкового общества, и я, по правдѣ сказать, нелюдимъ. Не хотите-ли зайти ко мнѣ, хоть завтра—я вамъ сыграю. А сами-то вы играете?

Иванъ Семеновичъ отвѣчалъ, что играетъ.

— Ну, вотъ и прекрасно. А я тутъ часто у однихъ знакомыхъ играю — барышня у нихъ... музыкантша тоже... Что за дѣвушка-душа — и красавица, и умница!

Digitized by Google

Петровъ забылъ музыку и заговорилъ о любимой дѣвушкѣ со всѣмъ жаромъ и страстью своихъ двадцати-двухъ лѣтъ.

— Я бы женился на ней завтра-же, ей-Богу,—сейчасъ хоть, да денегъ, денегъ нѣтъ ни у меня, ни у нея.

Петровъ былъ бѣдный человѣкъ, перебивавшійся въ полку бережливостью. Онъ помогалъ еще и старухѣ-матери, заработывая скудные гроши то уроками, то статейками. Самъ онъ жилъ чернымъ хлѣбомъ и солдатскими щами. Мать обожала его. Онъ былъ веселый, живой и общительный по характеру человѣкъ, и однако сторонился отъ товарищей, вслѣдствіе условій, въ которыя сложилась его жизнь. Полковому обществу его поведенье казалось непонятнымъ; его считали скрягой и дали ему прозваніе ѣдомора. Попавъ съ полкомъ въ Городокъ, онъ познакомился на урокахъ съ небогатой учительской семьей и тамъ сблизился съ дѣвушкой, которую отъ всей души полюбилъ и на которой мечталъ жениться.

Денегъ на семейныя нужды у него, однако, не предвидѣлось; не было даже и тѣхъ, которыя требовались въ видѣ залога, будто бы обезпечивающаго офицерскую семью. Въ виду этихъ обстоятельствъ Петровъ грустилъ, грустила и невѣста,—и оба нока утѣшались музыкою. Разсказавъ все это Ивану Семеновичу въ минуту откровенности, вызванную необычайностью ихъ встрѣчи, Петровъ распростился съ нимъ, еще разъ пригласивъ его зайти непремѣнно завтра же. Иванъ Семеновичъ не заставилъ себя упрашивать: на другой день онъ зашелъ къ Петрову и, наслушавшись его игры въ сласть, самъ сыгралъ нѣсколько пѣсенъ. Петровъ даже удивился тому, какъ хорошо играетъ Ваня. Онъ взялся еще подучить его. Ваня крѣпко привязался къ своему веселому товарищу. Никого еще не любилъ онъ такъ въ своей жизни, — ни даже старуху-няньку, ни Бровкина, съ которымъ однако распрощался чуть не со слезами. Петровъ иногда давалъ товарищу скрипку на домъ. Въ эти дни Иванъ Семеновичъ жилъ всѣмъ существомъ своимъ. Глубокая благодарность наполняла мало-по-малу эту, до сихъ поръ бѣдную чувствами, одинокую душу.

Когда умерли родители Ивана Семеновича и ему дали объ этомъ знать, онъ хотя и погрустилъ о нихъ, но очень обрадовался наслѣдству: первымъ дѣломъ его было побѣжать къ товарищу и предложить ему денегъ.

Петровъ удивился и смутился; сначала онъ даже отказался, но потомъ задумался: искушеніе было слишкомъ велико,—онъ до безумія любилъ свою невѣсту. Онъ рѣшился, наконецъ, взять

Digitized by Google

не деньги, а только поручительство Вани — нужную же сумму занялъ у богатаго купца, который, справившись о состоятельности Ивана Семеновича, взялъ жидовскіе проценты и настоялъ на томъ, чтобы дождаться совершеннолѣтія поручителя. Когда оно наступило, Петровъ былъ уже произведенъ въ высшій чинъ. Теперь ничто не мѣшало ему жениться.

Свадьбу отпраздновали очень скромно, но веселью на ней конца не было. Никто однако не ликовалъ такъ, какъ Ваня, которому Петровъ подарилъ свою скрипку на память. Казалось, никому нечего было больше желать, какъ вдругъ совершенно неожиданно, послѣ полуторыхъ лѣтъ женатой жизни, Петровъ заболѣлъ и умеръ, оставивъ жену и грудного ребенка. Такъ какъ послѣ него никакого наслѣдства не нашлось, то купецъ потянулъ долгъ съ поручителя. Занятая сумма съ процентами доросла къ этому времени до десяти тысячъ; поднялась кутерьма, окончившаяся тѣмъ, что Михаилъ Семеновичъ уплатилъ долгъ брата, взявъ съ него росписку въ полученіи сполна отцовскаго имущества и съ условіемъ, чтобы онъ вышелъ въ отставку и вернулся въ деревню. Михаилъ Семеновичъ больше всего боялся того, что братъ, не имѣющій теперь ничего своего, будетъ обращаться къ нему за средствами къ жизни, если останется въ полку,—содержаніе же его въ деревнѣ нельзя было считать во что-нибудь дорогое: гдѣ столько людей сыто, одинъ лишній человѣкъ ничего не значитъ. Бросить брата на произволъ судьбы Михаилъ Семеновичъ уже потому не рѣшался, что это могло бы повредить ему въ глазахъ тётки, романической Софьи Степановны Гавриловой. По отношенію къ этому его надоумила Елизавета Петровна, умѣвшая очень хорошо разсчитывать каждый житейскій шагъ. Что касается самой Гавриловой, то ея участіе къ Ванѣ пока ограничивалось блестящими обѣщаніями въ будущемъ.

Иванъ Семеновичъ оставилъ службу безъ сожалѣнія. Ему было рѣшительно все равно — гдѣ ни жить и что ни дѣлать, только бы не разставаться со скрипкой. Въ полку о немъ мало жалѣли и рѣдко вспоминали о Ванькѣ-дуракѣ. Не оставилъ за собой никакихъ друзей Иванъ Семеновичъ, кромѣ вдовы товарища. Горько всплакнула она, когда Ваня зашелъ къ ней проститься передъ отъѣздомъ и поблагодарилъ ее за ласку, которую онъ видѣлъ отъ нея и мужа. О денежныхъ дѣлахъ онъ не сказалъ ей ни слова.

— Я все отдамъ вамъ, все, если Богъ поможетъ, Иванъ Семеновичъ — сама заговорила она.

— Полноте, что вы это,—зачѣмъ же? полноте! вамъ нуж-

Digitized by Google

нѣе, да и ему, — отвѣчалъ Ваня, указывая на ребенка и стыдливо цѣлуя руку плачущей вдовы.

II.

Подъѣзжая къ знакомому старому Хмѣльниковскому дому, Иванъ Семеновичъ почувствовалъ, что сердце его тревожно бьется. Не радостная была эта тревога — нѣтъ: въ душу Вани закралось чувство страха — что-то ждетъ его тамъ, въ этомъ домѣ, гдѣ такъ угрюмо протекло его печальное дѣтство?

Его встрѣтили чинно и сухо.

Братъ хоть трижды, но холодно облобызался съ нимъ. Холодно чмокнула его тонкими губами въ лобъ Елизавета Петровна, къ которой онъ, по обычаю, подошелъ къ ручкѣ. Дѣвочки и Марья Степановна издали присѣли, встрѣтивъ его въ залѣ.

Послѣ этого, Ивана Семеновича накормили съ дороги, затѣмъ водворили въ мезонинѣ — на «вышкѣ», и жизнь потекла въ Хмѣльникахъ какъ-будто бы онъ и вѣкъ тутъ былъ.

Для самого Ивана Семеновича дни шли за днями—однообразно и безцвѣтно. Съ семьей у него ничего общаго не было; встрѣчался онъ съ нею только за обѣдомъ и ужиномъ, рѣдко перекидываясь словомъ съ братомъ и невѣсткой. Смотрѣлъ онъ не менѣе угрюмо, чѣмъ, бывало, въ старые годы, во время рѣдкихъ своихъ отпусковъ изъ корпуса. «У, дядя-бука!» говорили ему маленькія племянницы, встрѣчая его гдѣ-нибудь. Проходя мимо нихъ, Иванъ Семеновичъ обыкновенно гладилъ которую-нибудь рукой по головѣ—этимъ ограничивались всѣ его отношенія къ нимъ. Больную Леночку онъ видѣлъ мелькомъ издали раза два. Даже играть на скрипкѣ онъ не рѣшался дома съ тѣхъ поръ, какъ Михаилъ Семеновичъ замѣтилъ ему, что у Елизаветы Петровны разбаливается голова отъ его «пиликанья». Взяться за чтеніе Ивану Семеновичу и въ голову бы не пришло, онъ вообще никогда читать не любилъ—книга наводила на него сонъ, а заснувъ съ книгою въ рукахъ, онъ непремѣнно видѣлъ во снѣ корпусъ, нули, наказанія и насмѣшки товарищей и учителей.

По-старому, Иванъ Семеновичъ былъ всѣмъ чужой въ домѣ брата, всѣ относились къ нему безучастно, словно онъ по ошибкѣ попалъ сюда, — словно ему уже тѣмъ дѣлаютъ милость, что не попрекаютъ за то, что онъ затесался туда, гдѣ никому не ну-

Digitized by Google

женъ, — никому, кромѣ больной дѣвочки Леночки, которая постоянно думала о немъ и каждый день говорила о «дядѣ Ванѣ» съ своей нянькой Таней.

Но этого Иванъ Семеновичъ вовсе не подозрѣвалъ.

— Таня милая, какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть дядю Ваню! Какъ я просила маму: приведите ко мнѣ дядю, — она все говоритъ: хорошо, хорошо!—а потомъ возьметъ да и забудетъ,— печально жаловалась дѣвочка.—Таничка! скажи мнѣ: какой-такой дядя Ваня?

— Да такой же, какъ и всѣ, Ленушка.

— Нѣтъ, не такой. Если бы онъ былъ такой, какъ всѣ,— онъ, конечно, пришелъ бы ко мнѣ съ такимъ кислымъ лицомъ и сказалъ бы: ахъ, бѣдняжечка! — а онъ не приходилъ и не говорилъ. Ну, разскажи мнѣ, Таня, какой онъ: большой? выше папы?

— Большой, выше. Да ты его намедни сама видѣла на балконѣ.

— Ну, это только издали, Таня; я хорошенько и не разобрала. Что, онъ толстый или худой?

— Какой тамъ толстый,—еле въ чемъ душа держится.

— Значитъ, онъ больной, Таня?

— Нѣтъ, не больной, а такъ — худой.

— Ну, это хорошо, что не больной. Ты знаешь: больнымъ очень, очень скучно.

Дѣвочка задумалась.

— Скажи, Таня, какіе у него глаза?—хорошіе, настоящіе, или такіе рыбьи, какъ у Марьи Степановны?

Таня засмѣялась.

— Нѣтъ, нѣтъ, не рыбьи, золотая моя, — гдѣ ужъ такимъ глазамъ еще быть, какъ у Марьи Степановны?—однихъ такихъ, кажись, на цѣлый свѣтъ полно. И скажу я тебѣ, что глазища у него черные и пребольшущіе, а глянешь въ нихъ—ничего и не видно.

— Какъ это, Таня, не видно. Развѣ у всѣхъ что-нибудь въ глазахъ видно?

— А то какъ же! Вотъ я теперь хоть на тебя посмотрю— и вижу по глазамъ по твоимъ, что тебѣ страстинки знать хочется все про дяденьку твово. Ну, а у него ничего такого не видно, что хочется ему чего, или нѣтъ.

— Танюшка, можетъ быть, ему ничего и не хочется.

— Какъ не хотѣться: каждому человѣку все чего-нибудь да

Digitized by Google

хочется, — а ужъ это что̀ за человѣкъ, которому до всего на свѣтѣ все равно.

— Ну, а тебѣ, Таня, чего хочется?

— Да мало ли чего, Ленушка, всего не перескажешь.

На этотъ разъ Таня призадумалась, почти пригорюнилась. Дѣвочка тоже попримолкла, потомъ, какъ-будто встрепенувшись и обрадовавшись чему-то, окликнула Таню.

— Таня, а Таня, ты мнѣ что̀ ни говори, а я вѣдь знаю, что и дядѣ чего-то хочется!

— А ну-ка, скажи.

— Знаешь, когда онъ сначала пріѣхалъ и на скрипкѣ игралъ—помнишь, какъ хорошо было? а теперь вотъ онъ больше не играетъ — и я знаю, кто ему не велѣлъ, я знаю, мнѣ Юля сказала,—зашептала она:—это мама, недобрая! Вотъ дядѣ Ванѣ, вѣрно, и хочется играть, а ему не даютъ, не даютъ...

— Что-жъ,—замѣтила Таня,—можетъ, оно и такъ, Господь его вѣдаетъ!

Подобные разговоры чуть не каждый день велись между ребенкомъ и дѣвушкой.

О дядѣ Ванѣ говорили, его жалѣли,—его, о которомъ до сихъ поръ рѣдко кто и думалъ. Онъ этого не зналъ. Онъ проводилъ время, либо сидя у себя на вышкѣ, либо уходя куда-нибудь подальше отъ дома въ глубь сада, а то и въ поле или въ лѣсъ, куда бы то ни было, откуда не доносился бы звукъ скрипки до ушей его домашнихъ. Наигравшись въ волю, Иванъ Семеновичъ брелъ домой, но въ домѣ его было не видно и не слышно. Хорошо игралъ Иванъ Семеновичъ, но понималъ ли самъ всю чудную силу извлекаемыхъ имъ изъ струнъ звуковъ? Кто могъ бы рѣшить это!

А между тѣмъ случалось такъ, что и прохожій путникъ и крестьянинъ на полевой страдѣ прислушивались къ далеко разносящейся по окрестности пѣсни и останавливались, глубоко вздыхая: эхъ-ма! а затѣмъ брели дальше, задумчиво уносясь душой куда-то въ ширь и высь—сами не зная куда.

Разъ какъ-то въ невыносимо-жаркій и душный день Иванъ Семеновичъ, по обыкновенію, ушелъ съ вышки и забрался на этотъ разъ не въ лѣсъ, а въ самый дальній уголъ сада, туда, откуда онъ думалъ никого не обезпокоитъ игрой.

Мѣсто было совсѣмъ дикое. Длиннымъ горбатымъ языкомъ врѣзался песчаный мысъ далеко за средину озера. Мысъ весь заросъ сосной, а надъ озеромъ въ самомъ концѣ съ крутого обрыва свѣсились двѣ кривыя плакучія березы. Дойдя до этого

Digitized by Google

мѣста, Иванъ Семеновичъ бросился на траву и положилъ скрипку рядомъ съ собою.

Было тихо. Поверхность воды едва-едва рябилась почти незамѣтнымъ теченьемъ воздуха, который нельзя было назвать даже вѣеркомъ. Вдали отъ берега по временамъ кое-гдѣ всплескивалась рыба. Надъ озеромъ съ дикимъ крикомъ, касаясь воды крыломъ, носились чайки. Пáрило; несмотря на ясное и безоблачное небо, чувствовалась приближающаяся гроза.

Иванъ Семеновичъ вдругъ схватилъ скрипку и заставилъ ее пѣть. Отъ того ли, что онъ былъ у воды или просто такъ, но для начала онъ заигралъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Сильный и звучный напѣвъ чисто и ясно несется далеко надъ водою; но вотъ сквозь него слышится еще и другое, будто всплески волнъ могучей рѣки, будто мѣрные удары веселъ... вотъ снова дружный взрывъ голосовъ: — по широкому раздолью!.. Стрѣлой мчится стружокъ, сердито плещетъ рѣка, мощно ударяютъ веслами молодцы-удальцы, не воры не разбойнички, атамановы работнички! Все бурливѣе и бурливѣе несутся волны, все могучѣе расходятся удалыя руки; вотъ ужъ и буря воетъ: стружокъ съ молодцами то вздымается въ пѣнѣ волны, то падаетъ съ ней же въ темно-синюю бездну... стонетъ, воетъ непогода! — По широкому раздолью!—далеко сквозь бурю гремятъ голоса гребцовъ... расходились сердца молодецкія, тѣшатся съ буйной удалью руки богатырскія!.. незнаемая отвага объяла душу...

Но что это за новая пѣсня? — тихою радостью вѣетъ отъ нея, тихою радостью и сладкой грустью какой-то, которая слаще всякой радости!

Иванъ Семеновичъ пересталъ играть, онъ самъ не чувствовалъ, что все лицо его мокро отъ слезъ.

— Вотъ ты какой чудесный, дядя Ваня!—раздался за нимъ тоненькій дѣтскій дрожащій голосокъ.—Вотъ ты какой!

Иванъ Семеновичъ оглянулся: за нимъ стояла коляска, и изъ нея выглядывало худенькое дѣтское личико съ большими пытливыми сѣрыми глазами, устремленными прямо ему въ лицо.

Около коляски стояла Таня и смѣялась, и плакала.

— Господи! Иванъ Семеновичъ, и далъ тебѣ Господь!

Чудная сила родныхъ звуковъ, и сулитъ что-то, и манитъ куда-то. Услышавъ тѣ звуки, неудержимо льются слезы, тревожно бьется сердце, а въ груди закипаетъ какая-то могучая сила, дай ей просторъ только, и удержу, кажется, не будетъ ей.

Иванъ Семеновичъ смутился. Онъ позабылъ за игрою о цѣломъ свѣтѣ, о больной же дѣвочкѣ онъ едва помнилъ и въ обыкно-

Digitized by Google

венное время. Однако онъ сообразилъ, что это его старшая племянница; какъ ее зовутъ, онъ, впрочемъ, не зналъ.

— А, ты больная дѣвочка,—заговорилъ онъ...

— Ахъ! дядя, ты не знаешь даже, какъ меня зовутъ! Я—Леночка, больная Леночка!.. Какой ты, дядя, нехорошій!—личико ребенка опечалилось. — А это—моя Таня. Таня, ты слышишь? Мы все объ немъ говоримъ, а онъ не знаетъ даже, какъ насъ зовутъ.

Иванъ Семеновичъ сейчасъ же почувствовалъ свою вину, глядя на грустное лицо дѣвочки, и тоже вдругъ опечалился; ну, за что онъ ее обидѣлъ?

Лена замѣтила это.

— Пойди ко мнѣ сюда, дядя Ваня, скажи: отчего ты никогда не приходилъ ко мнѣ, развѣ тебѣ мама запретила?—строго проговорила она.

— Я, я—не зналъ,—отвѣчалъ Иванъ Семеновичъ.

— Это нехорошо!—также строго продолжала Лена:—къ больнымъ всегда ходятъ и всѣ ихъ жалѣютъ—ну, это-то скучно, что жалѣютъ, имъ ужъ и безъ этого тяжело... а придти ко мнѣ ты все-таки могъ!

Таня въ это время успокоилась отъ впечатлѣнія, произведеннаго на нее игрою Ивана Семеновича и даже застыдилась, что давеча сама первая заговорила-было съ нимъ. Она теперь отошла къ сторонкѣ и пристально смотрѣла на виднѣвшихся на противоположномъ берегу озера рабочихъ въ полѣ.

— Вотъ видишь, Таня,—обратилась къ ней Лена:—и хорошо, что мы сюда пріѣхали, а то намъ долго не удалось бы подкараулить дядю. Куда-жъ ты, дядя?—Тебѣ ужъ скучно съ нами, ахъ, какой ты? Смотри-же, приходи завтра опять сюда послѣ обѣда. Слышишь? мы съ Таней будемъ ждать. Ты намъ будешь опять играть, правда, и мы мамѣ не скажемъ.

— Хорошо, Леночка, хорошо!

Иванъ Семеновичъ такъ одичалъ, что стѣснялся даже въ обществѣ ребенка. Когда онъ исчезъ за кустами, дѣвочка еще долго задумчиво смотрѣла ему вслѣдъ.

Между тѣмъ съ восточнаго края неба начинала надвигаться темная сизо-зеленая туча. Становилось все тяжелѣе и тяжелѣе дышать.

— Домой пора!—вонъ туча-то какая!—сказала Таня, и колясочка заскрипѣла сначала по мягкой хвоѣ, а потомъ по песку садовыхъ дорожекъ.

Дома никто не встрѣтилъ Лену. Остановившись у крыльца,

Digitized by Google

Таня вынула дѣвочку изъ коляски и на рукахъ понесла ее въ домъ.

— Охъ, Таня, охъ милая!—стоналъ ребенокъ! — охъ, какъ трудно жить на свѣтѣ!

Зубы Леночки крѣпко стискивались, чтобы не крикнуть, чтобы Танѣ не такъ жалко ея было:—она видѣла, какъ у Тани разъ брызнули изъ глазъ слезы, при вырвавшемся у нея, Леночки, крикѣ боли.

Гроза разразилась, когда дѣвочка была уже въ своей постелькѣ, въ уютной комнаткѣ вышки; — простая комнатка: — кроватка, столъ, около него стулъ для Тани, стеклянный шкапъ, гдѣ внизу лежало Леночкино бѣлье, а на верхнихъ полкахъ хранились ея игрушки и книжки—она теперь только смотрѣла на нихъ. На столѣ всегда стоялъ букетъ цвѣтовъ то садовыхъ, то полевыхъ— на нихъ глядя, радовалась Лена.

Гроза бушевала.

— Господи Іисусе Христе!—крестясь и порывисто вздыхая, произносила Таня, при каждомъ ударѣ грома, сопровождавшемъ багрово-лиловую молнію.

Лена лежала смирно, молча глядя на темныя окна. Она не боялась, она любила грозу.

— Охъ, хорошо!—говорила она всякій разъ, какъ тяжелый порывъ дождя съ новой силой начиналъ стучать въ окно послѣ каждаго удара грома.

Иванъ Семеновичъ по другой сторонѣ корридора, тоже на вышкѣ, одѣтый лежалъ на своей кровати. О чемъ думалъ онъ? Да и думалъ ли о чемъ-нибудь? Только образы проносились передъ нимъ: вотъ дѣтское блѣдное личико — и щемитъ душу Ивана Семеновича. Вотъ открытое загорѣлое дѣвичье лицо—и по немъ крупными каплями катятся свѣтлыя слезы, и душу уже не щемитъ, и хорошо Ивану Семеновичу—а почему?—онъ и самъ не знаетъ. А тамъ опять только звуки и звуки—стройные, прекрасные чудятся ему и въ порывахъ бушующаго вѣтра, и въ громѣ, и въ шумѣ дождевыхъ капель, то барабанящихъ прямо въ его стекло, то словно поспѣшно удаляющихся куда-то, чтобы опять быстро вернуться, неудержимо загрохотать по крышѣ и потоками пролиться по двору. И тутъ Иванъ Семеновичъ уже далеко и отъ больного ребенка и отъ дѣвушки... Гдѣ-жъ ты, дядя Ваня?

Гроза утихла. Наступилъ и прошелъ вечеръ. Обычная вечерняя суетня дома замолкла, все улеглось спать.

Въ Леночкиной комнаткѣ тоже все тихо. Таня клубочкомъ свернулась на своемъ войлокѣ на полу, у дѣтской кроватки, и

Digitized by Google

спитъ крѣпкимъ молодымъ сномъ безъ грезъ. Лена не спитъ: долги ей ночи, но Таню она будитъ рѣдко. Лампадка у образовъ мигаетъ, и чудно колышатся по комнатѣ странныя тѣни, въ которыхъ больной усталый ребенокъ ищетъ знакомыхъ и незнакомыхъ ему образовъ.

Несмотря на просьбу Леночки, дядя Ваня на-завтра почему-то не рѣшился придти со скрипкой на то же самое мѣсто, какъ вчера, а забрался безъ скрипки въ большую березовую рощу въ полуверстѣ отъ усадьбы.

Сначала онъ просто гулялъ, но потомъ ему надоѣло безцѣльно бродить между деревьями, и онъ вышелъ на зеленую межу хлѣбнаго поля. Тамъ сильно пекло солнце—но ни домой идти, ни возвращаться въ рощу Ивану Семеновичу не хотѣлось: онъ выбралъ мѣстечко, гдѣ межа угломъ вдавалась между колосьями, и легъ подъ тѣнь ихъ на густую короткую траву, закинувъ руки за голову.

Ничего не было видно ему, кромѣ неба, по которому медленно двигались бѣлыя рыхлыя облака, лѣниво мѣняя причудливыя очертанія. Одинокая птица чиликала гдѣ-то во ржи, да кузнечики неугомонно трещали, да иногда, неизвѣстно откуда, вдругъ взявшаяся большая муха хлопотливо жужжала надъ самымъ его ухомъ, по временамъ цѣпляясь ему за волоса—потомъ опять ничего не было слышно, кромѣ мягкаго убаюкивающаго налета ржи.

Иванъ Семенычъ лежалъ недвижно и всѣмъ существомъ своимъ наслаждался.

Леночка осталась очень недовольна, пріѣхавъ къ озеру и не найдя тамъ дяди Вани.

— А, вѣдь, ты правду говорила, Таня, что дядя Ваня не придетъ, что онъ такой чудной,—замѣтила она.—Не хочу же и я теперь здѣсь быть, мнѣ здѣсь нехорошо... вѣдь какъ я ждала, что дядя играть будетъ, какъ ждала! Такъ было весело ѣхать сюда! Ну, Таня, если ты не устала, поѣдемъ въ другое мѣсто.

Таня не устала и повезла свою барышню по первой попавшейся дорожкѣ; дорожка эта вела въ рощу.

Немало удивился Иванъ Семенычъ, услыхавъ недалеко отъ себя Танинъ голосъ, говорившій:

— Ну, Ленушка, отдохнемъ здѣсь на опушкѣ подъ березками.

— Хорошо, Таня, только ты потомъ мнѣ изъ васильковъ вѣнокъ свей.

— Совью, золотая моя!

Digitized by Google

— Ахъ, Таничка! какъ это скучно, что дядя Ваня обманулъ насъ.

— Что-жъ тебѣ скучать, еще увидишь дяденьку свово́; должно, ему нельзя было, ну, и не пришелъ.

— Нѣтъ, Таня, отчего бы ему нельзя, онъ вѣдь ничего не дѣлаетъ: ему всегда можно; не хотѣлъ онъ придти, вотъ что!

Дѣвочка помолчала, потомъ снова обратилась къ Танѣ:

— А вѣдь я скоро умру, Таня.

— И, что̀ ты, родная, на что̀ помирать? Жить надо. Вотъ Богъ дастъ, поправишься, здорова будешь, выростешь...

— Нѣтъ, Таня, не выросту я: все мнѣ труднѣе становится; помнишь, вѣдь я прежде сидѣть могла, а теперь мнѣ ужъ и лежать больно.

— Ахъ, ты, моя болѣзная! Какъ бы мнѣ разговорить тебя? Ну, хочешь пѣсню спою или сказку сказывать стану.

— Нѣтъ, нѣтъ, Таня, не пой!.. скажи ты мнѣ лучше мою любимую сказку про Ивашку-бѣлую-рубашку.

— А плакать не станешь, какъ Ивашка на дубу сидѣть будетъ?

— Нѣтъ, Таня, не стану, право!

— Ну, слушай же: давно, давно это было, такъ давно, что въ то время еще ни царей, ни воеводъ на народѣ не сидѣло. И жила въ то давнее времячко бабочка-бобылочка, въ избушкѣ махонькой. Стояла та избушка около большого озера и была она такая старая-престарая, что ажъ въ землю вошла, а на крышѣ касатики желтые выросли. Былъ тутъ неподалеку и лѣсъ дубовой старинный, а между лѣсомъ да избушкой лугъ зеленый. И былъ у той бабочки-бобылочки сыночекъ слѣпой, прозывался онъ Ивашкой-бѣлой-рубашкой, потому что водила его мать повсегда въ чистой рубахѣ бѣлой. Какъ сталъ Ивашка-бѣлая-рубашка подростать,—сладила ему мать гусельцы звончатыя и такъ ли хорошо выучился онъ на нихъ играть, что и сказать нельзя.

— Кто-жъ его выучилъ, Таня?

— Кто? Самъ выучился! не все только ученые пѣсни поютъ да играютъ. Вотъ хоть бы птицы: дано это имъ отъ Бога, и поютъ. Такъ и людямъ бываетъ, что Господь дастъ. Первы-то пѣсни кто-жъ складывалъ—ученый, что ли?—нѣтъ, а былъ, должно, такой человѣкъ, что душа его пѣсни запросила, ну, онъ и запѣлъ. Такъ-то и Ивашка-бѣлая-рубашка. Сладилъ себѣ Ивашка лодку и сталъ въ той лодкѣ на озеро уплывать; доплыветъ до

Digitized by Google

середки, остановится тамъ и зачнетъ на гусляхъ играть да пѣть. Вотъ, играетъ онъ...

— А не скучно было Ивашкиной матери, что онъ все на озеро уплываетъ отъ нея?

— Чего скучно! Повсегда она въ работѣ... скучать-то ей и неколи... а про него она знаетъ, что обутъ онъ, одѣтъ, сытъ тоже и что сладко ему на озерѣ пѣсни пѣть, ну, и не болитъ у ней объ немъ сердце...

Вотъ играетъ онъ до самыхъ полдёнъ, а тутъ и понесетъ ему матка обѣдъ, придетъ на бережокъ, да и крикнетъ: Ивашенько, сыночекъ мой, это я, мать твоя, пришла, тебѣ ѣсть-пить принесла: блиновъ крупичатыхъ, бражки медовыя!

Услышитъ Ивашка ласковый маткинъ голосъ и приплыветъ къ берегу: поѣстъ, попьетъ, а тамъ опять на вольный просторъ уходитъ.

Ну, вотъ жили себѣ такъ бабочка-бобылочка, да Ивашка-бѣлая-рубашка, и все бы хорошо, колибъ не было тутъ по сосѣдству стариннаго лѣса и не жила бы въ томъ лѣсу медвѣдица—звѣрь лютый, съ дочкой; ходила та медвѣдица на утренней да вечерней зоркѣ къ озеру воду пить. Приходитъ она къ озеру воду пить и слышитъ, какъ Ивашка поетъ, и стало ей это неладно: такъ неладно, такъ завидно, что и сказать нельзя. Поетъ онъ сладко и на гусляхъ играетъ и самъ-то весь бѣленькій, а у ней, у медвѣдицы, дочка черная, мохнатая, волосатая и голосъ у нея медвѣжій: какъ зареветъ, такъ птицы залетныя смолкаютъ, звѣрь лѣсной въ норы хоронится, прохожій, проѣзжій что духу прочь бѣжитъ. И такъ это медвѣдицѣ на Ивашку бѣдно стало, что задумала она его на берегъ приманить да съѣсть—не пой-де и ты сладкихъ пѣсенъ!

Ну, вотъ приходитъ она разъ къ озеру и стала Ивашку звать будто матка: Ивашенька, сыночекъ мой, это я, мать твоя, пришла, тебѣ ѣсть-пить принесла!

А Ивашка подъѣхалъ, да не совсѣмъ близко, и говоритъ: не матка ты моя, а медвѣдица, у матки моей голосъ ласковый, а у тебя медвѣжій!

Разсердилась медвѣдица, побѣжала къ кузнецу:

— Кузнецъ, кузнецъ, скуй мнѣ такой голосъ, какъ у Ивашкиной матери.

Испугался кузнецъ медвѣдицы.

— Хорошо,—говоритъ,—скую я тебѣ такой голосъ, какъ у Ивашкиной матери, только что мнѣ за это дашь?

— Бери, что хошь,—отвѣчаетъ медвѣдица.

Digitized by Google

— Ладно,—говоритъ кузнецъ,—сковать я тебѣ голосъ—скую, да за то глаза выпалю.

Жалко стало медвѣдицы глазъ, ну, однако видитъ, что такъ-то, какъ теперь, ничего ей съ Ивашкой не подѣлать, и говоритъ кузнецу:—ладно.

Сковалъ ей кузнецъ ласковый голосъ, а глаза выжегъ. Больно медвѣдицѣ жалко глазъ, а сама рада: добуду теперь, думаетъ, добуду Ивашку! Прибѣжала къ озеру и стала Ивашку звать. И таково́ хорошо сковалъ ей кузнецъ голосъ, что ни дать, ни взять, какъ у Ивашкиной матери... и онъ самъ, Ивашка, не распозналъ, подплылъ къ самому берегу, тутъ его медвѣдица и подхватила.

Подхватила она его, понесла въ лѣсъ и радуется: взымáла-де я Ивашку-бѣлую-рубашку, да теперь и съѣмъ!

Прибѣжала къ берлогѣ и кричитъ дочкѣ: «вотъ онъ, Ивашка, стереги его пока, а я побѣгу, гостей на пиръ созову». Побѣжала она гостей созывать, а дочка взяла Ивашкину бѣлую рубашку на себя надѣла, а его въ рогожку старую обернула, хорошъ-де ты и въ рогожкѣ!

Надѣла она на себя Ивашкину рубашку, сама пошла, на лужку балуется, катается—валяется. Пока она баловалась, Ивашка не будь глупъ, ушелъ изъ берлоги и взлѣзъ на дубъ высокій-высоченный. Только приходитъ домой медвѣдица одна, со слѣпу-то ни къ кому изъ звѣрей не попала, а дочка, наигравшись, спать легла и объ Ивашкѣ позабыла.

Вотъ пришла слѣпая медвѣдица, реветъ,—сердится, шаритъ по берлогѣ, нащупала дочку въ Ивашкиной рубашкѣ, задушила ее да и съѣла,—думаетъ—Ивашку.

— Да какъ же это, Таня, она дочку не узнала?

— Ну, родненькая, не знаю; какъ мнѣ сказывали, такъ и тебѣ говорю, знаешь, чай, старые люди молвятъ: сказки складки, только пѣсня быль. Сказывать, что ли, дальше?

— Говори, говори, Таня!

Вотъ наѣлась медвѣдица и пошла по лугу валяться; валяется катается, сама приговариваетъ: «покатюся, повалюся, Ивашкинаго мясца наѣвшись».

А Ивашка ей съ дерева и кричитъ: покатися, повалися, дочкинаго мясца наѣвшись!

Услыхала медвѣдица, вскочила, заплакала ажъ выжженными очами, жалко ей дочки,—даромъ, что мохнатая да шалопутная была.

Подбѣжала она къ Ивашкиному дереву, стала на него лѣзть.

Digitized by Google

Лѣзетъ, лѣзетъ и чуетъ, что не добраться ей до Ивашки, тяжела больно, не удержаться ей на тоненькихъ сучечкахъ, а онъ что ни на есть на самые верхи ушелъ. Вотъ спустилась медвѣдица на-земь и почала дубъ грызть: перегрызу, думаетъ, дерево, свалю на лугъ, тогда и Ивашку добуду.

Грызла, грызла, только зубы поломала—бѣжитъ опять къ кузнецу.

— Кузнецъ, кузнецъ, скуй мнѣ желѣзные зубы!

А кузнецъ, ей: что, говоритъ, дашь?

Разсвирѣпѣла медвѣдица:—Ничего я тебѣ не дамъ; ты и то мнѣ глаза выжегъ. Куй зубы, не то съѣмъ!

Испугался кузнецъ, сковалъ ей желѣзные зубы.

Прибѣжала медвѣдица къ дубу, грызетъ его зубами желѣзными.

Не видитъ ее Ивашка, только слышитъ, какъ желѣзные зубы скрипятъ, какъ изъ-подъ зубовъ на-земь щепки летятъ. И стало ему тутъ таково ли страшно.

И вдругъ слышитъ онъ, курлыкаютъ, летятъ надъ нимъ журавли, то надъ лѣсомъ, то надъ полемъ далеко кругомъ слышно, кричатъ: курлы, курлы! Сталъ ихъ Ивашка звать:—птицы вы поднебесныя, журавли залетные, возьмите меня съ собой!

Не слышатъ журавли и дальше летятъ, а внизу медвѣдица грызетъ дубъ, грызетъ, а потомъ и зареветъ:—добуду я тебя, добуду!

И опять какъ взмолится Ивашка журавлямъ: возьмите, возьмите меня, журавли, съ собою!

Услыхали его тутъ журавли и отвѣчаютъ:

— Нельзя намъ никакъ взять тебя, спѣшимъ мы, спѣшимъ, а вотъ за нами лебеди летятъ, ты ихъ попроси! и улетѣли; издалечка только слышится Ивашкѣ крикъ журавлиный—курлы! курлы! а послѣ и ничего не стало слышно. А внизу-то медвѣдица трясетъ да грызетъ дубъ, разбрасываетъ кругомъ щепу пуще прежняго; желѣзные зубы не тупятся, только все востры становятся—хорошо сковалъ ихъ кузнецъ!

И вдругъ слышитъ Ивашка—машутъ надъ нимъ лебединыя крылья, и взмолился онъ лебедямъ:

— Ахъ, вы лебеди, лебеди бѣлые, грозитъ мнѣ смерть неминучая, смилуйтесь—возьмите меня съ собою! Смиловались лебеди, спустились до Ивашкина дерева, взяли Ивашку съ собою и взвились высоко, высоко, чуть не до самаго солнышка, ажъ у Ивашки духъ захватило.

— Куда-жъ они его понесли потомъ?

Digitized by Google

— Куда!—къ маткѣ.

— Она рада была, правда рада?

— Какъ не рада? извѣстное дѣло, что рада! какъ Ивашка пропалъ, она было рѣченькой слезы-то лила—плакала.

— А кузнецъ какой злой, Таня!

— Будешь злой, какъ до твоей шкуры добираются.

— А медвѣдица что, Таня?

— Медвѣдица, какъ свалила дерево, да учуяла, что нѣтъ Ивашки, совсѣмъ разсвирѣпѣла; побѣжала къ кузнецу да его замѣстъ Ивашки и съѣла.

— Ну, а Ивашка потомъ что?

— Ивашка сталъ жить поживать да по старому на озерѣ пѣсни пѣть...

— А медвѣдица больше не приходила, скажи, не приходила?

— Нѣтъ, родненькая, она, какъ кузнеца съѣла, такъ тѣмъ кузнецомъ и подавилась, да тутъ же околъ самой кузни и околѣла.

— Ну, вотъ это и славно, Таня!

Иванъ Семеновичъ, лежа на межѣ подъ колосьями, тоже слушалъ сказку и одинъ за однимъ живо и ясно вставали передъ нимъ образы, вызываемые Таниной рѣчью. Ему казалось, что онъ самъ и есть этотъ Ивашка-бѣлая-рубашка... Ахъ, какъ охотно ушелъ бы онъ на вольный просторъ, куда-нибудь далеко отъ всѣхъ, и игралъ бы тамъ на скрипкѣ отъ зари до зари.

Таня давно замолчала, примолкла и больная дѣвочка и ихъ мысли, быть можетъ, унеслись далеко отъ окружавшей ихъ дѣйствительности. Ивану Семеновичу было очень хорошо. Сначала ему представлялись и Ивашка, и медвѣдица, и вереница лебедей бѣлыхъ и чистыхъ, какъ плывшія теперь на синевѣ неба облака... и вотъ ему ужъ кажется, что это не облака, а настоящіе лебеди, вонъ и Ивашка между ними: крѣпко припалъ онъ на шею одному, обнявъ его руками.

Потомъ мысли Ивана Семеновича становятся менѣе и менѣе отчетливы, вотъ находитъ на него полудремота, не сонъ, а нѣга какая-то.

— А, вотъ вы гдѣ!—раздался вдругъ сиповатый голосъ въ томъ направленіи, откуда прежде несся къ Ивану Семеновичу звучный грудной голосъ Тани.

— Да, мы здѣсь,—отвѣчала съ оттѣнкомъ недовольства Леночка—что тебѣ нужно, Агапъ?

— Ничего-съ, барышня, ничего-съ, я вотъ по хозяйству

Digitized by Google

обходъ дѣлаю-съ да на васъ и набрелъ; да кстати бы и Татьянѣ словечко сказать.

— Еще что нужно?—нетерпѣливо перебила Таня.

— Нечего сердиться, сударынька-боярынка, Татьяна Прохоровна, а только дѣло такое, на вашъ счетъ выходитъ, т.-е. приказъ, значитъ, отъ барыни, госпожи нашей Лисаветы Петровны.

— Чудно́! — подивилась Таня,—и всегда-то до сихъ поръ, коли что́ нужно, такъ мнѣ барыня самолично приказываютъ, аль черезъ Анисью Потаповну... и вдругъ вы тутъ зачѣмъ-то припутались, Агапъ Филатовичъ!.. Съ коихъ это поръ не ключница, а приказчикъ сталъ въ дворѣ дѣвками завѣдывать?

— Ну, тамъ, какъ хошь!—А ты объ приказѣ послушай: не велѣно пока объ томъ никому сказывать, да я ужъ тебѣ по старой дружбѣ откроюсь.

— Какая тамъ дружба, подите вы со Христомъ прочь, Агапъ Филатовичъ, не доводите вы меня до худого слова!

— Да нѣтъ, ты слышь же, — велѣно Андрюшку ткача съ оброка ворочать, да во дворѣ поселить и женить, и невѣсты-де нѣтъ для него подходящей окромѣ васъ, Татьяна Прохоровна.

— Да врете вы, Агапъ Филатычъ, вѣдь Андрюшка и пьянъ, и дуракъ!

— То-то вотъ оно и есть, красавица: кто больно спѣсивъ, аль того Господь и наказуетъ! Не хотѣли отъ хорошихъ людей добра, вотъ за дуракомъ вѣкъ вѣковать и придется.

До Ивана Семеновича донесся судорожный не то вздохъ, не то стонъ Тани, за которымъ вдругъ раздался громкій жалобный плачъ Леночки.

— Я не хочу, не хочу, чтобы мою Таню замужъ отдавали за пьяницу!

— Побойся ты Бога, Агапъ, что ты ребеночка-то убогаго растравляешь!—крикнула Таня.

— Не плачь, не плачь, красавица моя, родненькая, никуда отъ тебя не уйду, золотая моя! Дѣвочка продолжала всхлипывать, но уже нѣсколько тише.

— А вотъ вы, барышня, чѣмъ плакать-то понапрасну—Таню бы свою и научили, чтобы Агапа слушалась, да дѣлала бы по его совѣту, тогда и не стали бы за Андрюшку...

— Ахъ, ты безсовѣстный! — задыхаясь отъ гнѣва, прервала его Таня, — ребенку, ангельской душкѣ, какія рѣчи говоришь, да есть ли у тебя стыдъ-то?

Лена опять громко заплакала.

Какъ ни медленъ былъ на соображенія Иванъ Семеновичъ,

Digitized by Google

однако онъ тутъ хорошо понялъ, что Агапъ чѣмъ-то обижаетъ Таню и заставляетъ плакать Леночку; онъ вскочилъ на ноги и, неожиданный никѣмъ, очутился около дѣвочкиной повозочки.

— Дядя, дядя Ваня, Агапъ Таню обижаетъ, — плакалась, увидавъ его Лена.

— Ахъ, ты мерзавецъ! — крикнулъ Иванъ Семеновичъ, — какъ ты смѣешь, какъ смѣешь, — а?

Агапъ вдругъ весь какъ-то съёжился, хотѣлъ-было что-то сказать, но раздумалъ, махнулъ рукой, повернулся и быстро зашагалъ по направленію къ усадьбѣ.

— Не плачь же, не плачь, Леночка, — ласково говорилъ Иванъ Семеновичъ, гладя дѣвочку по головѣ.

— Ахъ, дядя! отчего ты не пришелъ къ намъ въ садъ давеча, вотъ тогда бы гадкій Агапъ и не обидѣлъ Тани.

Иванъ Семеновичъ серьёзно обѣщалъ непремѣнно приходить на будущее время.

Очень ему хотѣлось спросить Таню, чего Агапу отъ нея нужно — однако онъ на это не рѣшился. Домой отправились всѣ вмѣстѣ. Таня, глубоко задумавшись, молча везла повозочку. Иванъ Семеновичъ шелъ рядомъ съ племянницей, и по ея просьбѣ рвалъ по дорогѣ цвѣты, часто ошибаясь и подавая ей не тѣ, на которыя она указывала, причемъ дѣвочка всякій разъ съ удивленіемъ на него взглядывала и говорила: «Ахъ, дядя, какой ты!» Разъ онъ даже сорвалъ крапиву, обжегся и такъ смѣшно затрясъ рукой, что Лена засмѣялась и наставительно замѣтила:

— Вотъ ты другой разъ и думай, дядя!

Подходя къ дому, Иванъ Семеновичъ опять погладилъ дѣвочку по головѣ и вмѣсто прощанья проговорилъ: ну, я теперь пойду!

— Смотри же, дядя, приходи завтра къ озеру.

— Приду, приду, — торопливо отвѣчалъ онъ.

— И скрипку принесешь, и играть будешь?

— Да, да!

— Ну, хорошо, смотри же — не обмани и завтра! — Лена на этотъ разъ очень устала и отправилась на свою вышку раньше обыкновеннаго.

Уложивъ ее въ постельку, Таня сказала:

— Ну, Ленушка, я тебѣ сюда Матрешку посидѣть пришлю на часокъ, а мнѣ бы бѣлье твое простирнуть сбѣгать нужно.

— Хорошо, Таня, только ты не долго.

— Нѣтъ, нѣтъ, не долго, вотъ только простирну и назадъ прибѣгу.

Digitized by Google

III.

Таня спустилась въ дѣвичью и застала тамъ не только Матрешку, но и ключницу Анисью Потаповну, показывавшую «дѣвчонкѣ», какъ спускать пятку грязнаго чулка, который Матрешка училась вязать.

Дѣвичья въ Хмѣльникахъ была обыкновенно пуста, тамъ засѣдала только Матрешка для посылокъ, другая же женская прислуга всегда исполняла какую-нибудь работу, на скотномъ дворѣ, кухнѣ или прачешной; Елизавета Петровна находила роскошью держать прислугу для того, чтобы она наполняла дѣвичью и теряла время за какой-нибудь почти ненужной швейной или вязальной работой.

— Анисья Потаповна,—обратилась Таня къ ключницѣ,—мнѣ бы на часочекъ Матрешку къ хворинькой барышнѣ.

— А сама что? Шляться опять загорѣлось, небось?

— Ей-Богу же нѣтъ, Анисья Потаповна, и чтой-то вы! вотъ бѣлье барышнино постирать нужно. Сами знаете, какъ много бѣлья хворому человѣку требуется.

— Да ну, иди ужъ, иди, чего надъ душой торчишь, прости Господи! А ты чего буркулы выпятила, брысь на вышку!—обратилась ключница къ Матрешкѣ, во всѣ глаза смотрѣвшей на говорившихъ.

Матрешк живо юркнула въ дверь и босыми ногами затопала по лѣстницѣ въ верхній этажъ.

Таня стала выбирать бѣлье изъ большого сундука, помѣщавшагося въ углу дѣвичьей.

— Чего торчишь!—еще разъ и досадливѣй, чѣмъ въ первый, крикнула ей Анисья Потаповна:—цѣлый часъ разбирается—тебѣ бы только съ мужчинами зубы скалить, на это прытка небось! не видала я, поди, куда Агапъ послѣ обѣда крался—все ты его, безстыдница, прилещаешь.

— Никого я не прилещаю, — раздраженно отвѣчала Таня, — а и стала бы прилещать, такъ получше Агапа выбрала бы, нечего мнѣ на чужу сухоту зариться.

— Ахъ ты!.. — Анисья Потаповна выговорила непечатное слово: — да какъ ты смѣешь?—чужа сухота!—чья сухота? чья? говори!

— Да вы не кричите такъ-то, Анисья Потаповна... — Таня едва удерживала слезы досады...—А что я сказала, такъ отъ того

Digitized by Google

отказываться не стану:—можетъ, вамъ самой хочется съ Агапомъ любезничать, ну, васъ зло и беретъ, а мнѣ плевать на него,— какъ сказано, безъ него жила, безъ него и вѣкъ проживу.

Анисья Потаповна рванулась-было со своего мѣста къ Танѣ, какъ будто хотѣла вцѣпиться въ нее, но вдругъ одумалась и, снова опускаясь на стулъ, сквозь зубы процѣдила:

— Погоди, змѣя, разберетъ же тебя когда-нибудь барыня, а я съ тобой и словъ-то терять не хочу, видѣла я, какъ ты и Агапа прилещала, видѣла, какъ и съ бариномъ молодымъ зубы скалила, даромъ что тихоней прикидываешься!

—. Господи Боже мой, чего еще вы не приплетете!—крикнула Таня,—Богъ съ вами и совсѣмъ, ступайте, хоть до барыни дѣло доводите, заѣдайте чужого вѣку — заѣли Настасью, теперь мой чередъ, видно, пришелъ... только вѣдь наше горюшко отольется и вамъ когда-нибудь слезами.

Она вышла, вытирая фартукомъ слезы.

— Будешь и ты у меня безъ косы гусей пасти,—ворчала между тѣмъ ключница: — а ты, Агапушка, какъ ни вертись, а въ рукахъ моихъ тебѣ быть. Выучу я тебя, какъ по струнке ходить; бариномъ настоящимъ одѣну, кормить-поить буду сладко,— ну, только забудешь ты у меня вовсе, какъ за дѣвками бѣгать. Еще не бывало того, чтобы не сдѣлалось такъ, какъ того я захочу.

И дѣйствительно, Анисья Потаповна была права: все дѣлалось по ея желанію въ дворнѣ, она была любимицей—правой рукой барыни, имѣвшей сношенія съ дворовыми только чрезъ посредство Анисьи.

Одного только до сихъ поръ не добилась ключница—любви приказчика Агапа; но даже барыня не была вольна заставить Агапа полюбить Анисью. Знай барыня желаніе Анисьи выдти за Агапа,—она навѣрно повѣнчала бы ихъ, не принимая вовсе въ разсчетъ желанія или нежеланія приказчика, но она и не подозрѣвала Анисьиной любви, а та совѣстилась заговорить о ней съ барыней: да ей и хотѣлось не просто выдти за Агапа,— ей хотѣлось, чтобъ онъ полюбилъ ее. И чего бы, кажется, ему не полюбить ее: Анисья, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, была красивая, здоровая баба, кровь съ молокомъ,—а сундуки ея были полны всякимъ добромъ.

«Вотъ оглашенный-то!—разсуждала про-себя ключница:—и чего ему еще нужно? жениться бы намъ только — все бы, все мы тутъ къ рукамъ прибрали,—жили бы себѣ, то-есть, какъ у Христа за пазухой...» И передъ Анисьей Потаповной понеслись

Digitized by Google

сладкія картины семейнаго счастья: вотъ приказчичій флигель; самоваръ на столѣ пыхтитъ и шумитъ, паръ вьется надъ нимъ столбомъ, а за самоваромъ сидитъ она съ Агапомъ Филатычемъ, и балуются они чайкомъ до десятаго пота. Потомъ Анисья Потаповна ведетъ Агапа въ камору, гдѣ стоятъ ея сундуки, а въ сундукахъ-то такъ полно, такъ полно, что ихъ и запирать трудно: тамъ и бѣлье, и платья, и холсты, и ситцы, и шерстяныя матеріи, и платки шелковые... и вотъ выбираетъ она одинъ и даритъ его Агапу... и многое, многое еще мерещится Анисьѣ Потаповнѣ.

Таня, глотая слезы, между тѣмъ давно уже пробѣжала по саду къ калиткѣ, ведшей къ озеру. Досадливо рванула она за рѣшетчатую дверку и очутилась на лугу, между озеромъ и баней. Отъ луга къ водѣ были устроены бревенчатые сходни къ досчатому плоту. Таня спустилась по сходнямъ, засучила рукава, подоткнула сарафанъ и, ставъ на колѣни, принялась стирать. Слезы иногда застилали ей глаза, но она нетерпѣливо смахивала ихъ рукой и съ какимъ-то ожесточеніемъ колотила валькомъ по мыльному бѣлью, которое по временамъ всполаскивала и опять намыливала.

«Не дадутъ, прости Господи, ведра горячей воды на кухнѣ для господскаго ребенка,—ворчала она:—всѣ руки сотрешь, да и бѣлье изорвешь, такъ-то на озерѣ бимшись... Ну, да что мнѣ объ ихнемъ добрѣ убиваться,—я вѣдь не виновата, что порядку нѣту... хотятъ, чтобы стирала тутъ... ихъ воля!..» и снова мѣрный стукъ валька далеко разносился надъ водой...

Таня такъ была занята своимъ дѣломъ и мыслями, что вздрогнула всѣмъ тѣломъ, когда за спиной ея раздался тихій голосъ, по имени ее звавшій.

— Танюшка, а Танюшка?

Таня обернулась.

— Ай, Настя, — да это ты, болѣзная!

И дѣйствительно, женщина, стоявшая на сходняхъ позади Тани, заслуживала названія «болѣзной». Она была худа, блѣдна и съ виду лѣтъ тридцати, хотя на самомъ дѣлѣ ей минуло всего двадцать. Таня и она считались подружками. Обѣ были изъ другого уѣзда, сироты и отданы когда-то Семену Степановичу Костыреву, отцу настоящаго владѣльца, однимъ изъ его родственниковъ за карточный долгъ. Одинаковая судьба сдружила дѣвушекъ.

За Настей, державшей на рукахъ худого грудного ребенка, съ громадной головой, располагалось цѣлое стадо гусей, всѣхъ цвѣтовъ и возрастовъ.

Digitized by Google

— Чего тебѣ, родная?—обратилась Таня къ Настѣ, съ жалостью вглядываясь въ загорѣлое лицо ея, все покрытое мелкими темными веснушками, за которыя Настасью прозвали «рябой».

Глаза Настасьи глядѣли безнадежно-грустно.

— Тошно мнѣ, сестрица: Петруньку больно жалко,—отвѣчала она, указывая на ребенка вивкомъ головы:—молока у меня нѣтъ, грудь высохла, съ соски только и живъ мальчонка, да и то какъ живъ-то! Встрѣлся мнѣ анадысь Агапъ; я и говорю: Агапъ Филатычъ, что тебѣ плоти-то своей не жаль, что ли? Молочка бы хоть маленько отпускали мнѣ, — вѣдь за полсотню коровъ на дворѣ на скотномъ.—А онъ и говоритъ: «много васъ тутъ такихъ будетъ! а коли молока захотѣла, ступай, поклонись Анисьѣ, — она молочной завѣдываетъ». — Бога, говорю, ты не боишься, Агапъ, что меня къ Анисьѣ посылаешь! Да коли бы не ты, да не она,—развѣ бы я теперича была такъ-то—и въ стыдѣ, и въ нуждѣ? — А онъ: «жалко-то мнѣ тебя жалко, Настя,—да что-жъ и я-то сдѣлаю? не могу и я ничего противъ господскаго приказу. Хотѣлъ я на тебѣ жениться,—ну, а Анисья тому препятствовать стала... а барыня только ее и слушается, и вышелъ намъ съ тобой отказъ».—Полно такъ ли, говорю, Агапъ? «Какъ передъ Богомъ!» отвѣчаетъ...

— Ахъ, онъ окаянный!—горячо перебила ее Таня:—вретъ онъ; — самъ онъ господамъ говорилъ, что это на него за тебя напраслина взведена, что онъ тебя знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ... ну, и Анисья также за него, и свалила все на Петра столяра, что на оброкъ ушедши; да кто же господамъ правду скажетъ?

Ребенокъ въ это время началъ громко кричать. Настасья приложила его къ тощей груди, но ребенокъ не хотѣлъ ее брать.

— Вотъ такъ-то и повсегда! — утирая слезы, заговорила опять Настя: — только и есть, что нажуешь ему хлѣбушка, да сунешь соску въ ротъ, — ну, онъ и молчитъ. А съ соски-то гляди каковъ сталъ: шейка тоненькая, а головище и брюхо — страсть одна... и ни днемъ, ни ночью отъ него покою: кричитъ, ворчится,—знамо, не ребячья пища—хлѣбъ нашъ черный.

Она сѣла на мостки и стала закачивать ребенка. Таня опять принялась за стирку. Гуси гоготали и плескались вокругъ, по временамъ распугиваемые стукомъ валька.

Настя приглядывалась къ Танѣ.

— Что-то и ты не весела, Таня?—замѣтила она.

Digitized by Google

— Чему-жъ мнѣ радоваться? не сладко и мое житье тоже! Еще то, что Ленушка какъ есть ангелочекъ Господень.

— А что, плоха хворинькая-то барышня?

— Чего плоше! на ладонъ дышетъ,—одна жалость глядѣть.

— Безпокойно тебѣ, поди?

— Нѣтъ, нельзя того сказать,—ужъ больно терпѣлива Ленушка.

— Ну, а господа что?

— Господамъ что?—имъ съ пола-горя: придутъ, взглянутъ на больную и прочь пойдутъ; только ужъ барыня всякій разъ ругается: то не такъ, это не такъ; то подушки поправь, то постельку перестели — ворочаютъ такъ хворую съ мѣста да на мѣсто, а Ленушка страсть этого боится,—очень ей это трудно; вотъ она и рада безъ родителей, потому — ее тогда никто не безпокоитъ.

— Ишь ты, мучится!—проговорила Настя.—Вотъ кабы Господь милостивый Петруньку мово прибралъ, пока малъ — не далъ бы и ему потомъ хворь такую сносить...

Она съ горечью взглянула на ребенка, изъ всѣхъ силъ сосавшаго грязную соску.

Таня, между тѣмъ, кончила стирку, собрала бѣлье и направилась-было къ дому.

— Танюшка,—какъ-будто съ боязнью обратилась къ ней Настя: — что я тебя спросить хочу.

— Ну?—Таня остановилась.

Настя замялась.

— Что это, Таня,—нерѣшительно проговорила она, наконецъ: — люди-то на скотномъ баютъ, будто видѣли тебя, что ты въ сумерки на той недѣлѣ съ Агапомъ у анбарушки стояла.

Таня съ негодованіемъ выпрямилась.

— Плюю я и на людей, съ Агапомъ вмѣстѣ; не видала я твово Агапа!.. Кому еще онъ нуженъ? — Анисьѣ, вонъ, развѣ только: она по немъ помираетъ-сохнетъ... Захочу ли я еще у ней Агапа-то отбивать. А тебѣ, Настасья, стыдно! коли тебя самое Богъ убилъ, стыдно съ людьми на-счетъ Агапа путаться, да сплетки про того слушать, кто въ такихъ дѣлахъ чистъ!

Настя потупилась.

— Ты не сердись, Танюшка: вѣдь коли бы ты знала, какъ у меня сердце ноетъ.

— Да забудь ты про него!—ужъ ласковѣе сказала ей Таня.

— Ахъ, Таня! какъ забыть-то? видишь, какая у меня объ немъ память!

Digitized by Google

Она указала на ребенка, который теперь заснулъ тяжелымъ сномъ и трудно дышалъ, причемъ тонкія, синеватыя у основанія ноздри его расширялись при каждомъ вдыханіи.

Настя вдругъ опять подозрительно вскинула глазами на Таню.

— А ты не врешь мнѣ? побожись, что это только сплетки про васъ съ Агапомъ?

— Дура ты, дура! чѣмъ обкормилъ васъ всѣхъ Агапъ? — сказано тебѣ: не надо мнѣ его, хоть бы онъ мнѣ и горы золотыя сулилъ.

— Кто тебя знаетъ? — ну, да можетъ оно и такъ, можетъ тебѣ и въ самъ-дѣлѣ Агапа не надо; толкуютъ вонъ люди, что тебя и съ младшимъ бариномъ видѣли въ рощѣ.

— Фу, ты!—даже со злостью въ голосѣ крикнула Таня:— вотъ ужъ истинно правда сказано, что кого Богъ обидѣть захочетъ, такъ пе́рво разуму лишитъ. Никогда-то у тебя, Настасья, въ головѣ царя не было, а теперь, видно, и послѣдняго ты ума рехнулась. Никого мнѣ не надо,—слышишь? ни Агапа, ни молодого барина, а хочу я прожить вѣкъ свой честно, мужу женой быть вѣрной, коли человѣкъ хорошій найдется, а не найдется—и такъ Г'осподу потружусь на свѣтѣ, какъ вотъ и теперь за Ленушкой ходючи; вотъ что́ у меня на умѣ, а не то, чтобы съ мужчинами балясы точить по задворкамъ да по-за кустами,— понимаешь?

— Какъ не понять; да ты не сердись, Таня.

— Кто на тебя сердиться станетъ, — уже тише заговорила Таня: — вонъ вѣдь ты и сама-то какая!

Она жалостливо взглянула на Настю, которая опять сѣла на берегу, укачивая забезпокоившагося вновь ребенка.

Возвращаясь домой, Таня ворчала сквозь зубы: «Ишь, черти! и съ Агапомъ, и съ бариномъ связали,—одного за-разъ, видно, мало! Тьфу ты пакость какая,—стыда у людей нынѣ нѣту! Будь ты того честнѣе,—и то тебя такъ оговорятъ, въ такія поставятъ, что тебѣ самой и во снѣ не снилось. Ну, ужъ погоди, Агапъ, попадись ты мнѣ только,—такъ отбрѣю, такъ на людяхъ осрамлю, что самъ не радъ будешь!

Пока Таня стирала бѣлье, Матрешка старалась занять Леночку. Но Лена не особенно любила ее, потому что Матрешка вполнѣ заслуживала прозвище «косолапой», которымъ наградила ее хмѣльниковская дворня: за все-то она задѣвала, все-то она роняла. Нервная дрожь пробирала Лену всякій разъ, какъ дѣвчонка приближалась къ ея кроваткѣ.

Digitized by Google

— Садь, садь, Матрешка!—говорила она:—ахъ, ты сейчасъ постельку задѣнешь, ахъ, зачѣмъ Таня ушла!

Матрешка сѣла-было на минуту, но тотчасъ вскочила.

— Боже мой,—стонала Лена,—отчего ты все ходишь и никогда не сидишь? ну, сядь же, сядь! вонъ тамъ подальше, на стулѣ, и разскажи мнѣ что-нибудь.

Матрешка опять покорно сѣла, но, сидя, продолжала вертѣться.

— Ой, не вертись, ради Бога, какая ты непосѣда! ну, говори что-нибудь.

— Что-жъ говорить-то, барышня?—улыбаясь и широко раскрывая при этомъ ротъ, отвѣчала Матрешка.

— Что сегодня было, то и говори.

— Да мало ли что было: Анисья Потаповна все серчали да ругались...

— Ну, я знаю, что она злая и ругается, объ этомъ не весело слушать. Ты что-нибудь другое разскажи.

— Ей-Богу, ничего не знаю-съ, Алена Михайловна! меня Анисья Потаповна, ни Боже мой, на застольню не пускаютъ, все въ горницѣ держатъ, а въ горницѣ чему-жъ быть-то такому, чтобы разсказывать?.. И сердита же теперь Анисья, особливо на Таню, и ругала же она ее давеча, какъ меня сюда послала!..

Лена забезпокоилась:

— Какъ она смѣетъ Таню ругать, что она ей сдѣлала? Таня никому худого не дѣлаетъ!

— Таня-то ей ничего не сдѣлала, да пересказали Анисьѣ Потаповнѣ люди, что Агапъ за вами нончѣ въ рощу крался...

— Агапъ злой, гадкій,—еще болѣе безпокойно перебила Лена,—онъ обидѣлъ Таню и дядя Ваня его прогналъ, Агапъ хочетъ Таню замужъ за ткача Андрюшку отдать, а я не хочу и Таня не хочетъ.

— Богъ его знаетъ, чего хочетъ Агапъ,—ввернула Матрешка,—а только Анисья Потаповна очень сердятся, когда Агапъ Филатычъ съ дѣвушками разговариваетъ—ужъ кажинный разъ, какъ его съ кѣмъ увидитъ, такъ меня за космы и оттаскаетъ, какъ Богъ святъ!.. Баютъ люди — Матрешка понизила голосъ—что ей смерть за Агапа замужъ хочется, оттого она и злая, а если бы ее Агапъ взялъ за себя, такъ добрая стала бы.

— Ну, и пусть она за него выходитъ, пусть, какое намъ съ Таней до этого дѣло! Если она отъ того сердится, что за Агапа замужъ хочетъ, я скажу папѣ, попрошу его, ихъ и же-

Digitized by Google

нять; можетъ быть, она тогда и въ самомъ дѣлѣ будетъ добрая и не станетъ обижать Тани.

— Это такъ, это ужъ вѣрно было бы!—горячо подтвердила Матрешка,—да вотъ горе,—Агапъ-то на ней не хочетъ жениться, онъ надъ ней смѣется:—ишь, говоритъ, гусыня жирная, старая! такъ гусыней и зоветъ ее по за глазамъ, сама я слыхала...

Матрешка продолжала еще разсказывать о томъ, что говорятъ люди про Агапа да Анисью, но Лена ее ужъ не слушала; какое ей дѣло до того, что тамъ болтаютъ на застольной, только бы ея Таню не трогали. Она теперь, болѣзненно морща брови, соображала, какъ бы это устроить, чтобы Анисья перестала обижать Таню.—Матрешка вонъ говоритъ, что для этого нужно, чтобы Анисья за Агапа замужъ вышла... непонятно это что-то для Лены, но, можетъ быть, это и правда, а то зачѣмъ бы Матрешкѣ такъ утвердительно говорить объ этомъ: нѣтъ, это должно быть правда...—Какъ бы это устроить? маму попросить бы надо—да что маму просить? она все обѣщаетъ Леночкѣ и все забываетъ, какъ забыла и дядю Ваню привести, да и многое-многое другое.

На этихъ размышленіяхъ застала дѣвочку, вернувшись, Таня.

Таня не сообщала своей барышнѣ слышаннаго ею, она никогда ничего не говорила Леночкѣ о дрязгахъ дворни. Лена тоже смолчала о томъ, что говорила ей Матрешка,—она только про себя все думала и думала, какъ бы это женить Агапа и Анисью, чтобы некому было обижать ея милую Таню.

IV.

Между тѣмъ жизнь остальныхъ обитателей Хмѣльниковъ шла своимъ обычнымъ несложнымъ путемъ. Михаилъ Семеновичъ изъ дѣловитаго чиновника превратился въ образцоваго хозяина—и имѣнье его процвѣтало. Правда, крѣпостные и даже сосѣдскіе крестьяне звали его жидоморомъ и аспидомъ, но за то своя братья помѣщики выражались о немъ, что это: «ухъ, голова, какихъ мало!» Онъ былъ выбранъ предводителемъ и исполнялъ свои обязанности отлично, къ полнѣйшему удовольствію и чести просвѣщеннаго уѣзднаго дворянства. Елизавета Петровна была этимъ очень довольна, она начинала предпочитать «жизнь въ провинціи»—жизни въ столицѣ. Въ Петербургѣ и концы съ концами труднѣе было сводить, живя на широкую ногу для

Digitized by Google

поддержанія чести своего дома; тамъ иногда приходилось чувствовать и уколы самолюбію, встрѣчаясь съ дамами болѣе аристократическаго круга... Тутъ же, въ уѣздѣ и особенно какъ предводительша, Елизавета Петровна была сама первымъ лицомъ и, какъ петербургская дама, давала тонъ. На зиму Костыревы думали перебраться въ городъ, лѣтомъ же имѣнье требовало присутствія хозяевъ.

Михаилъ Семеновичъ занимался полевымъ обиходомъ, Елизавета Петровна взяла на свои руки усадьбу. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы хлопоты по хозяйству слишкомъ тяжело ложились на нее—у нея была правая рука, расторопная и смѣтливая, Анисья Потаповна, избавлявшая барыню отъ всякаго лишняго труда. Нельзя также сказать, чтобы и материнскія заботы Елизаветы Петровны очень тяготили ее или отнимали слишкомъ много времени. Марья Степановна Болдырева «очень хорошо вела дѣтей»; иногда только, и то рѣдко, Елизаветѣ Петровнѣ приходилось дѣлать замѣчанія на счетъ «tenue» да французскаго акцента.

Одну только заботу о дѣтскихъ платьяхъ Елизавета Петровна никому не рѣшалась поручить—все на дѣтей шилось и примѣрялось подъ ея непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ—за что, и конечно не безъ основанія, весь уѣздъ считалъ ее образцовою матерью и превозносилъ до небесъ. Вообще можно сказать, что супруги Костыревы были бы вполнѣ счастливы и довольны, если бы у нихъ иногда не щемило сердце при мысли объ умирающей дочери.

— Ну, да ужъ теперь не долго!—думалось имъ:—только бы конецъ скорый, чтобы не мучилась больше бѣдная.

Леночкѣ позволяли все, чего ей хотѣлось—только въ одномъ Елизавета Петровна была непреклонна—она не пускала другихъ дѣтей къ Ленѣ, чтобы, Боже сохрани, что-нибудь къ нимъ не пристало.

Елизаветѣ Петровнѣ хорошо было извѣстно, что Иванъ Семеновичъ ходитъ гулять съ Леной и играетъ ей на скрипкѣ—Анисья считала долгомъ докладывать барынѣ обо всемъ, что происходило въ усадьбѣ. Эти прогулки были почему-то непріятны Елизаветѣ Петровнѣ, хотя она сама не могла бы сказать почему... Будучи глухо недовольной всѣмъ этимъ вздоромъ, Елизавета Петровна не могла однако найти достаточной причины, чтобы запретить его, и потому молчала. Анисья, ненавидѣвшая Таню, несмотря на то, что Агапъ, напуганный окрикомъ Ивана Семеновича, на время оставилъ дѣвушку въ покоѣ, вздумала - было

Digitized by Google

закинуть барынѣ обинякомъ словечко насчетъ молодого барина и Таньки,—но, видя, что Елизавета Петровна не склоняетъ снисходительнаго уха къ ея сплетнѣ, замолчала до поры до времени.

Встрѣчаясь съ Таней, она однако никогда не пропускала ее безъ язвительныхъ замѣчаній. Таня выслушивала ихъ молча, только сурово вскидывала глазами на своего врага. Она теперь ни о комъ и ни о чемъ не думала, кромѣ своей хворинькой барышни. Дѣло о возвращеніи Андрея ткача, водвореніи его въ усадьбѣ и женитьбѣ оказалось выдумкой Агапа. Таня давно позабыла объ этомъ вздорѣ. У нея была одна мысль, одна забота, какъ бы облегчить жизнь больного ребенка, къ которому она привязалась всѣми силами души, тѣмъ болѣе, что и Леночка, повидимому, любила свою молодую няньку больше всего на свѣтѣ.

Да и какъ было Танѣ не полюбить слабаго страдающаго существа, стоявшаго въ полной зависимости отъ ея заботъ и ухода. Дни и ночи возилась она со своей барышней, и казалось, не чувствовала отъ этого никакой усталости — ей было даже досадно, если кто-нибудь помимо нея дѣлалъ что-нибудь для Леночки. Она какъ-то ревниво оберегала ее отъ всѣхъ, и, поскольку могла, никого не подпускала къ ней. Она сердилась даже на доктора, заглядывавшаго раза два въ мѣсяцъ въ Хмѣльники. Онъ заходилъ къ Ленѣ обыкновенно тотчасъ по пріѣздѣ, щупалъ ей пульсъ, приказывалъ высунуть языкъ и затѣмъ аккуратно прописывалъ какія-нибудь капли или микстуру, которыя Таня не менѣе аккуратно и по просьбѣ самой больной выливала за окно. Таня не вѣрила ни въ желанье, ни въ умѣнье доктора вылечить дѣвочку. За то полнымъ довѣріемъ ея въ этомъ отношеніи пользовалась бабушка Федулиха, деревенская повитуха и лекарка. При всякомъ удобномъ для этого случаѣ Таня посылала къ бабкѣ Федулихѣ за снадобьицемъ, которымъ та и снабжала ее, какъ и всѣхъ желающихъ, безплатно. Федулиха вообще ничѣмъ не брала за свое леченье: она считала грѣхомъ получать плату за помощь «хрещенымъ». Лекарства Федулихи состояли изъ травъ, которыя Таня клала подъ подушку Леночки или развѣшивала на ночь въ комнатѣ,—изъ святой водицы отъ Почаевской Божьей Матери, изъ масла, настоеннаго березовыми почками; да мало ли было у Федулихи снадобьевъ. Когда господъ не было дома, Федулиха иногда сама приходила къ больной и вспрыскивала ее съ уголька отъ сглазу. Леночка терпѣть не могла ни вспрыскиваній, ни какого бы то ни было леченья, но за то очень любила Федулиху, веселую, здоровую старуху и словоохотливую разсказчицу. Да и чего-чего только не навидалась и не узнала

Digitized by Google

на своемъ долгомъ вѣку Федулиха. Жила она верстахъ въ четырехъ отъ Хмѣльниковъ, въ сельцѣ Пахотинѣ, принадлежавшемъ отчасти Михаилу Семеновичу, отчасти помѣщику-сосѣду. Посыльнымъ отъ Тани къ Федулихѣ служилъ обыкновенно пастухъ Изотъ, въ рѣдкихъ случаяхъ Матрешка, сильно гордившаяся тѣмъ, что ловко умѣетъ исполнять секретныя порученія Тани, лучше которой она никого на свѣтѣ не признавала.

Елизавета Петровна, конечно, ничего не знала о леченьи Федулихи, такъ какъ все держалось въ строгой тайнѣ отъ общаго врага, Анисьи Потаповны. Посѣщеньямъ же старухи Елизавета Петровна не препятствовала, потому что они развлекали больную. Но и леченье Федулихи не помогало и скоро должно было наступить то время, когда Леночкѣ станутъ не нужны ни микстуры доктора, ни снадобья знахарки.

Долго раздумывала Леночка о томъ, какъ бы женить Агапа на Анисьѣ и, наконецъ, рѣшилась посовѣтоваться съ Федулихой о томъ, нужно ли это и какъ бы это устроить. О Федулихѣ и ея умѣ она была самаго высокаго мнѣнія, видя, что Таня выказываетъ неограниченное довѣріе къ старухѣ.

Она дождалась одного изъ приходовъ знахарки, и воспользовавшись тѣмъ, что Таня куда-то отлучилась, обратилась къ Федулихѣ:

— Федулиха, скажи, какъ ты думаешь, я скоро умру?

— Что ты, что ты, Христовая!—отвѣчала та:—на что помирать? жить надо!

— Нѣтъ, Федулиха, я умру: мнѣ все труднѣе. Что тогда будетъ съ Таней?—ее тогда всѣ будутъ обижать—и злая Анисья, и злой Агапъ.

Федулиха насторожила уши: и до нея дошли кое-какіе слухи о томъ, что происходитъ въ усадьбѣ...

— Знаешь, Федулиха, Матрешка говоритъ, что если Анисья выйдетъ замужъ за Агапа, такъ они не станутъ обижать Тани. — Я не понимаю, отчего? — дивилась Лена: только Матрешка говоритъ, что это вѣрно такъ... Ну, вотъ я и хочу, чтобы они женились, только не знаю, какъ бы это сдѣлать! Папа съ мамой меня не послушаютъ, если я ихъ попрошу, а то и пообѣщаютъ да забудутъ...

Федулиха любила Таню; слова Леночки заставили ее задуматься...

— Что ты, родная,—заговорила она, наконецъ:—слѣдъ ли тебѣ о такихъ дѣлахъ думать, кто на комъ жениться долженъ.

— Да я не объ этомъ думаю, Федулиха, а объ томъ, чтобы

Digitized by Google

Тани не обижали—у дѣвочки навернулись слезы.—Теперь я не дамъ обижать ее, и дядя Ваня не дастъ, если я его попрошу, а потомъ, когда я умру, Анисья возьметъ Таню на застольную опять въ прачки и будетъ бранить и бить ее,—а я не хочу, чтобы Танѣ было трудно; ахъ, не хочу, чтобы моей Танѣ худо было.

— Что ты, Христосъ надъ тобой! неужто же господа не попомнятъ, какъ Таня за тобой ходитъ?

— Ахъ, Федулиха, ты не знаешь—они все, все забываютъ—вотъ и дядю Ваню не привели... Мама все дѣлаетъ, что Анисья хочетъ, а папа все дѣлаетъ, что мама велитъ: вотъ Танѣ и будетъ трудно. Ты, Федулиха, можешь помочь: вонъ Таня говоритъ, что ты все на свѣтѣ знаешь—обѣщай, что поможешь, да?

Федулиха, желая успокоить больную, обѣщала, что постарается устроить такъ, чтобы Танѣ было хорошо, и затѣмъ присказками и прибаутками такъ развеселила дѣвочку, что той показалось, будто ей даже и дышать, и жить легче; во всемогущество же Федулихи она твердо вѣрила.

Идя домой, старуха перебирала въ умѣ то, что говорила ей Леночка, и то, что она раньше слышала отъ людей.

Она очень любила Таню, которую помнила еще маленькой растрепанной заплаканной дѣвчоночкой, привезенной откуда-то издалека и дрожащей отъ страха между чужими въ чужомъ мѣстѣ. Федулиха въ то время находилась въ Хмѣльникахъ на лѣтней огородной работѣ; теперь ее не брали уже больше на работы—ей было лѣтъ за шестьдесятъ, и господа ограничивались кое-какими поборами съ нея: ягодами, холстомъ и грибами,—ей даже была отдана въ пожизненное владѣніе изба и огородъ выморочной крестьянской семьи въ Пахотинѣ. Хотя за свое леченье Федулиха денегъ не брала, но получала подарки и деньги за повивальное дѣло... тѣмъ и жила.

Ходя въ усадьбу во время Таниного дѣтства, ей не разъ случалось приласкать запуганнаго и одинокаго ребенка. Съ тѣхъ поръ Таня выровнялась въ деревенскую красавицу, сильную и здоровую, но и она не перестала любить добрую бабушку, баловавшую ее по временамъ и теперь еще деревенскимъ гостинцемъ—прѣсной ватрушкой на маслянныхъ вытопкахъ или пареной сладкой брусникой съ толокномъ. Федулиха хорошо сознавала, что ея покровительство Танѣ не могло быть особенно могущественнымъ; но, авось, думалось ей,—она надѣялась на свою долю вліянія, какъ знахарки, помощью которой не брезговали ни Анисья Потаповна, ни Агапъ Филатычъ, когда встрѣчалась

Digitized by Google

нужда. Особенно часто обращался къ ней Агапъ, страдавшій съ давняго времени ломотой въ ногахъ, застуженныхъ въ ранней молодости при исполненіи какого-то барскаго порученія.

Федулиха терпѣливо дождалась, пока Агапъ позоветъ ее въ усадьбу. Онъ дѣйствительно какъ-то вскорѣ отрядилъ за ней посланца.

Придя въ его флигель и заставъ приказчика охающимъ отъ боли, Федулиха принялась растирать ему ноги камфрнымъ масломъ съ березовыми почками и сначала издалека, а потомъ все яснѣе повела умныя рѣчи о томъ, что вотъ если бы у него супруженица степенная была, такъ ему бы не столь трудно хворать было,—нашлось бы кому и за нимъ походить, да и за его добромъ присмотрѣть.

Агапу эти рѣчи понравились:—ему стала мерещиться Таня, растирающая его ноги, вотъ точь-въ-точь, какъ Федулиха. Онъ теперь и очень не прочь былъ бы даже жениться на Танѣ, такъ какъ не оказывалось никакой возможности заполучить ее иначе.

Но Федулиха не дала ему замечтаться—все болѣе и болѣе напирая на «степенность», которою должна была по ея разумѣнію отличаться будущая приказчичья жена; она ловко повернула разговоръ на домовитость и умъ Анисьи Потаповны и такъ настроила воображеніе Агапа картиною всѣхъ земныхъ благъ и того почета, которыми бы пользовался супругъ полновластной Хмѣльниковской ключницы, что у Агапа точно чешуя съ глазъ спала.

Поправившись, онъ даже самолично отправился къ Федулихѣ и попросилъ ее сосватать ему Анисью.

Старухѣ того и нужно было.

Свадьбу сыграли со всѣмъ весельемъ и роскошью, подобающими бракосочетанію перваго министра и главной фаворитки. Леночка едва дождалась исполненія своего желанія... Никто не радовался такъ этой свадьбѣ, какъ она. Съ выраженіемъ тихаго довольства во всемъ существѣ своемъ прожила она еще недѣлю послѣ этого.

Въ день смерти Лена не позволяла Танѣ отойти отъ себя ни на минуту. Когда стемнѣло, она велѣла придвинуть свою кроватку къ открытому окну, чтобы ей звѣздочки видно было. Потомъ она послала за дядей Ваней.

— Дядя,—сказала она ему:—когда я умру—не теперь, теперь мнѣ хорошо, — ну, когда я умру, ты не дашь обижать Таню никому, слышишь, никому, обѣщай, да?

Digitized by Google

— Не дамъ, милая моя, никому не дамъ!

Иванъ Семеновичъ удерживалъ слезы.

Лена крѣпко держала Таню за руку и, пытливо глядя ей въ лицо, нѣсколько разъ повторяла:

— Теперь никто тебя больше обижать не станетъ, да́, Таня, — скажи?

— Никто, миленькая моя, никто!

— Ну, Таня, теперь я засну.

— Засни, моя родная!

И Лена заснула и не просыпалась больше.

V.

Прошло около года послѣ Леночкиной смерти. Опять было лѣто. О больной дѣвочкѣ успѣли попризабыть почти всѣ, за исключеніемъ Тани, произведенной теперь въ должность гладильщицы, да Ивана Семеновича, сдѣлавшагося какъ будто еще бо́льшимъ дикаремъ. Онъ было всей душой привязался къ больному ребенку; ему иногда и теперь слышался будто на яву тоненькій слабый голосокъ, говорившій, какъ прежде, съ ласковой укоризной: — Ахъ, дядя, какой ты! Недоставало ему и общества Тани, которую онъ теперь рѣдко встрѣчалъ. А какъ онъ привыкъ было и къ ней, какъ ему пріятно было слушать ея смѣхъ, шутливыя и ласковыя рѣчи съ Леной и даже сказки и пѣсни, которыхъ и въ его присутствіи Лена требовала отъ своей няньки.

Иванъ Семеновичъ, больше нежели когда-либо, безцѣльно бродилъ по саду и окрестностямъ усадьбы. «Ишь, скучаетъ какъ по Ленушкѣ!» говорила про себя Таня, завидя его, шагающаго равнодушно, куда глаза глядятъ. Когда Иванъ Семеновичъ встрѣчался съ Таней, онъ не пропускалъ ея безъ того, чтобы не сказать ей:

— Здравствуй, Таня!

— Здравствуйте, баринъ,—обыкновенно зарумянившись, отвѣчала она съ поклономъ. Этимъ ограничивались ихъ встрѣчи. Даже скрипку свою Иванъ Семеновичъ какъ будто разлюбилъ: онъ не бралъ ее съ собою на прогулки, а дома игралъ только въ рѣдкія отсутствія брата и его жены. Зиму онъ провелъ съ ними въ городѣ, но въ общество никуда не показывался, а жилъ и тамъ особнякомъ, какъ въ деревнѣ.

Анисья, вышедъ за Агапа, сначала вполнѣ блаженствовала,

Digitized by Google

и даже на время перестала гнать Таню; блаженствовала и Матрешка, которую ея непосредственная начальница и распорядительница перестала - было такъ часто, какъ прежде, награждать толчками... Но никакое счастье не прочно на свѣтѣ. Агапу скоро надоѣла степенная пожилая жена, и онъ снова принялся подкарауливать Таню. Анисья пришла въ ярость, ненависть ея къ дѣвушкѣ проснулась вдвое сильнѣе;—если бы возможно было, она собственными руками задушила бы свою соперницу. Всего обиднѣе было то, что ни она, Анисья, ни ея шпіоны, въ число которыхъ она, впрочемъ, никакъ не смогла заполучить Матрешку, ничего не успѣвали подсмотрѣть за Таней: она по старому гадливо сторонилась отъ Агапа. Самое пренебреженіе Тани къ ея мужу бѣсило ключницу; ей было бы легче, если бы Таня провинилась, и она могла бы отмстить ей доносомъ, какъ отмстила рабой Настасьѣ, которой она теперь однако давно простила, тѣмъ болѣе, что Настасья послѣ смерти своего ребенка вполнѣ смирилась и даже заискивала Анисьиной благосклонности, исподтишка наушничая ей на свою бывшую подругу. Настасья не могла простить Танѣ ея честной дѣвичьей гордости; Таня поняла двуличное поведеніе Настасьи и молча отстранилась отъ нея. Она была бы теперь вполнѣ одинока, если бы не старуха Федулиха, съ которой она по прежнему находилась въ постоянныхъ дружескихъ сношеніяхъ. Федулиха, до которой доходило все, что дѣлалось въ Хмѣльникахъ, только покачивала головой и твердила про себя: «Ой, уходятъ они дѣвку, аспиды, мучители, какъ есть уходятъ!»

Видя, что подсматриванья за Таней и Агапомъ ни къ чему не приводятъ, Анисья стала придумывать что-нибудь другое. Она вспомнила прошлогодніе прогулки Леночки съ Таней и Иваномъ Семеновичемъ, и рѣшила, что не трудно будетъ такъ или иначе да насолить Танѣ по поводу молодого барина. Ей какъ-то удалось подкараулить одну изъ рѣдкихъ встрѣчъ дѣвушки съ Иваномъ Семеновичемъ. При ласковомъ его привѣтѣ щеки Тани зардѣлись. Этого было достаточно для экономки:

— Вотъ оно что,—злобно прошептала она:—вотъ ты куда и въ самомъ дѣлѣ мѣтишь, паскуда! Это у васъ съ прошлаго лѣта еще шуры да муры идутъ; я-жъ тебя проучу, постой ты у меня только, будешь Анисью помнить!

Шпіонамъ было теперь велѣно наблюдать и подмѣчать также и за Иваномъ Семеновичемъ; но такъ какъ ничего существеннаго никто подмѣтить не могъ, то Анисья рѣшила хоть присочинить да ославить Таню на всю дворню барской полюбовницей. При

Digitized by Google

каждомъ удобномъ случаѣ она начинала намекать на то, что знаетъ что-то про кого-то; что какъ тому не гордиться, не спѣсивиться, кто высоко мѣтитъ. Таню она не иначе звала, какъ «боярышня-сударышня». Таня сначала не догадывалась, что рѣчь идетъ о ней, потомъ же, когда поняла, то только встряхнула головой и презрительно продолжала молчать на всякія косвенныя нападки. Это не могло не раздражить Анисьи еще больше; она перестала стѣсняться и прямо заговорила о заведшихся будто бы между Таней и молодымъ барином ъ шашняхъ, грозясь «довести все дѣло до барыни».

Иванъ Семеновичъ, конечно, ничего подобнаго не подозрѣвалъ, такъ какъ сношенія его съ Таней ограничивались ласковымъ кивкомъ головы.

Слухи, распускаемые Анисьей, дошли до Федулихи. Сначала старуха назвала все дѣло «сплетками», но потомъ раздумалась о слышанномъ, вздыхая и твердя, что кто ихъ знаетъ: — молодо-де зелено!

Она рѣшила переговорить съ Таней и удержать ее отъ грѣха, если еще не поздно. Помолившись Богу, она собралась въ одинъ прекрасный день въ Хмѣльники. Былъ конецъ іюля. Придя въ усадьбу, старуха направилась прямо въ гладильную, такъ какъ знала, что найдетъ тамъ Таню; она нашла дѣвушку за спѣшной работой. Жаръ и чадъ отъ утюговъ наполняли комнату. Таня, вся раскраснѣвшись, плоила дѣтскія кисейныя платья. Старуха, поздоровавшись съ дѣвушкой, сѣла отдыхать на лавку и не сразу заговорила о томъ, что́ у нея лежало на сердцѣ. Она сначала завела рѣчь издалека и только мало-по-малу перешла къ тому, какъ въ старое время молодые господа дѣвушекъ губили, дѣвки-де глупы, станетъ имъ кто ласковыя слова говорить, онѣ и уши развѣсятъ, а потомъ вѣкъ и маются въ стыдѣ да въ горѣ.

Таня взглянула старухѣ въ глаза.

— Ты это, бабушка, на-счетъ чего же? Слушаю я тебя, слушаю, и неладное будто ты говоришь, видно въ тебѣ самой правды нѣтъ, что ты этакъ зря всякимъ людскимъ наговорамъ вѣришь: не понимаю я развѣ, куда ты мѣтишь!

Щеки Тани пылали, какъ отъ жары, такъ и отъ обиды за напраслину.

Старуха даже смѣшалась.

— Ничему я не вѣрю,—сказала она,—а только сирота ты, Татьяна, и мнѣ люба, вотъ и хочется мнѣ тебя уберечь отъ грѣха, знаешь чай: береженаго и Богъ бережетъ!

Digitized by Google

— Не отъ кого, да и не отъ чего меня беречь,—отвѣчала Таня,—а если бы было—такъ я и сама уберегусь!

— Да ты не серчай, дѣвушка, я вѣдь любя, а не какъ-нибудь; вонъ люди-то что баютъ: будто Иванъ Семенычъ съ тобой...

— Плюнь ты, бабушка, тѣмъ людямъ въ глаза!—топнувъ ногой, крикнула Таня.—Пустыя-то рѣчи и говорятъ пустые люди; живетъ Иванъ Семенычъ честно, ничего худого за нимъ нѣту, а за мной и того менѣ.

— Ой, дѣвушка, дѣвушка, что-то ты больно за него заступаешься, видно по сердцу тебѣ пришелся баринокъ?..

— А когда бы и по сердцу, такъ кому до того какое дѣло?—горячо отвѣчала Таня, сверкая глазами:—грѣхъ тебѣ непрощенный, бабушка, смущать меня; много у меня безъ тебя горя, а еще ты тутъ меня растравлять стала...—Она заплакала.

— Я тебя, Танюшка, не растравляю, а на путь наставить хочу, вотъ что!..

— Да что я безпутная какая, что ли?—плача говорила дѣвушка...—Господи! нѣтъ за мной грѣха никакого, а взводятъ на меня люди напраслину изъ-за Анисьиной злобы. Нѣтъ у меня съ Иваномъ Семенычемъ ничего, а хорошій онъ человѣкъ и ласковъ... Будь онъ нашъ братъ, крестьянинъ, я бы можетъ и полюбила его, не хочу я въ томъ передъ тобой, бабушка, таиться... ну, а такъ, какъ теперь, нѣтъ... барской полюбовницей быть не хочу, да и онъ объ такомъ не помышляетъ, грѣхъ это и про него сказать...

— Татьяна Прохоровна, къ барынѣ!..—раздался вдругъ подъ окномъ Матрешкинъ голосъ. Таня быстро отерла слезы и торопливо ушла, точно рада была покончить тягостный разговоръ.

Старуха покачала головой въ слѣдъ дѣвушкѣ и задумчиво проговорила:

— Ой, дѣвонька, дѣвонька, жалко мнѣ тебя, жалко; крутое въ тебѣ сердце, неуимчивое... да укатаютъ сивку крутыя горки!.. Охъ, только-бъ не связалась съ барчукомъ, не знаетъ она, не знаетъ, сколько горя деревенскія дѣвушки изъ-за молодыхъ господъ принять могутъ.—Старуха пригорюнилась...—А вѣдь любъ онъ ей... сама того не знаетъ, сколько любъ ужъ и теперь... сохрани Ты ее отъ той бѣды напасти, мать пресвятая Владычица, всѣмъ скорбящимъ утѣшеніе!..

Старуха долго сидѣла, раздумывая и горюя, но не могла дождаться возвращенья Тани; рѣшивъ наконецъ, что барыня дала

Digitized by Google

дѣвушкѣ какое-нибудь неотложное дѣло, она поднялась съ лавки и охая поплелась назадъ въ Пахотино.

Таню позвали для разборки кое-какихъ еще остававшихся послѣ Леночки вещей, которыя понадобились барынѣ для подарка деревенской кумѣ. Вещи эти лежали въ шкапу, въ необитаемой теперь, Леночкиной комнатѣ. Когда Таня явилась къ барынѣ, та собиралась ѣхать съ мужемъ въ поле для осмотра вновь купленной пустоши. Елизавета Петровна торопливо отдала свои приказанія дѣвушкѣ, прибавляя, что скоро вернется и хочетъ, чтобы къ ея возвращенью непремѣнно все было готово.

Господа уѣхали. Таня пошла на верхъ въ уютную комнатку, гдѣ все еще было точь-въ-точь какъ при Леночкѣ. Войдя, она распахнула закрытыя ставни оконъ и оглядѣлась. Чѣмъ-то роднымъ пахнуло на нее отъ этой знакомой, любимой обстановки. И все-то еще по старому: постелька, столъ, стулъ, шкафъ съ игрушками и книжками. Только на столѣ нѣтъ больше цвѣтовъ, а на постелькѣ не сидитъ обложенная подушками Леночка, и пытливо сѣрые глазки ея не глядятъ больше съ довѣріемъ и любовью на «ея Таню».

«Любила-то какъ меня?» подумалось дѣвушкѣ... Слезы навернулись у ней на глазахъ.—«Вотъ говорила: «никто теперь мою Таню обижать не станетъ!» Не познала того голубушка—въ какой обидѣ мнѣ жить придется!»

Таня стала у окна и задумалась. Воспоминаніе и сожалѣніе о Леночкѣ и раздумье о настоящихъ обидахъ невыносимо щемило ей душу. Она тихо заплакала и, не утирая слезъ, прислонилась лбомъ къ оконной рамѣ. Вдругъ до нея долетѣли давно неслыханные звуки Иванъ Семенычевой скрипки:—тихо-тихо лились они, какъ ея слезы...

Сердце Тани замерло, и потомъ вдругъ неудержимо забилось...

Теперь, только теперь чувствуетъ она, какъ невозвратно далеко все то что происходило за годъ—и любовь къ ней Лены, и привѣтливые взгляды Ивана Семеныча, и его пѣсни, которыя были ей такъ любы. Слезы Тани закапали крупнымъ дождемъ пуще прежняго. Она вышла въ корридоръ и неслышно подошла къ самой двери Ивана Семеновича. Все слаще пѣла скрипка, все тоскливѣе ныло сердце Тани. Долго стояла дѣвушка, слушая, и сквозь тоску въ сердцѣ ея пробуждалось что-то томительно сладкое. Вдругъ скрипка смолкла.

Таня шатнулась въ сторону отъ двери, но Иванъ Семеновичъ уже стоялъ на порогѣ и спрашивалъ:

— Кто тутъ?—не узнавая дѣвушки въ полутьмѣ корридора.

Digitized by Google

— Это я-съ!—робко отвѣчала Таня.

— Ты, Таня, послушать пришла?

— Да-съ!—смутясь прошептала она.

— Что-жъ, войди, я тебѣ поиграю.

— Нѣтъ, баринъ, покорно благодарю, некогда.

— Да ты не бойся, войди, ничего, я тебѣ поиграю, право!

Таня не рѣшалась: а ну увидятъ, страсть что́ тутъ пойдетъ, вотъ тогда ужъ какъ есть отъ сплетенъ не отдѣлаешься...

— Нѣтъ, ужъ я лучше пойду, баринъ,—сказала она:—барыня приказали поторопиться, я и то ничего не приготовила...

— Татьяна, гдѣ ты запропала?—раздался въ это время съ лѣстницы голосъ Анисьи:—слышь, барыня вернулась вещей требуютъ!

Анисья была уже въ корридорѣ, но Таня успѣла-таки скрыться отъ ея глазъ въ Леночкиной комнатѣ и лихорадочно принялась рыться въ шкафу. Ключница однако услышала стукъ захлопнувшейся двери Ивана Семеныча и замѣтила про себя:

— Такъ! такъ я и знала, что она тутъ съ молодымъ барнемъ балясы точитъ... Постой же, узнаетъ объ этомъ барыня, будетъ тебѣ.

— Что́ ты это дѣлаешь и гдѣ была битый часъ?—крикнула она, появляясь въ дверяхъ Леночкиной комнаты:—ишь не успѣла до сей поры разобраться. Иди! барыня требуетъ!

Таня пошла внизъ. Анисья, тяжело ступая, спускалась за ней по лѣстницѣ и вмѣстѣ съ Таней вошла въ гостиную, гдѣ Елизавета Петровна о чемъ-то разсуждала съ чинно возсѣдавшей около нея Марьей Степановной:

— Готовы вещи?—обратилась Елизавета Петровна къ Танѣ.

— Н-нѣтъ-съ, еще...—проговорила та смущенно.

— Какъ же это? вѣдь я, кажется, тебѣ приказала, чтобы все было готово, когда я вернусь.

— Да... я-съ не успѣла...

— Что же ты дѣлала?..

— Я, я...

— Да-съ, сударыня, спросите ее что́ она дѣлала, гдѣ была?—вмѣшалась вдругъ Анисья.

— Ахъ, Анисья, не мѣшайся! я тебя не спрашиваю... Гдѣ ты была и что́ дѣлала, Татьяна?

Таня не знала что́ начать. Случись это годомъ раньше, она, вѣроятно, прямо созналась бы, что виновата: задумалась, молъ, и заслушалась. Ей бы барыня за это не Богъ знаетъ что сдѣлала, развѣ сказала бы «дура»; но теперь другое дѣло: теперь ее

Digitized by Google

вслухъ обвиняютъ въ связи съ Иваномъ Семеновичемъ... Нѣтъ, ни за что она не скажетъ, что заслушалась его игры и потому не исполнила господскаго приказу...

Она растерянно взглядывала то на барыню, то на Марью Степановну.

— Да отвѣтишь ли ты наконецъ?—ужъ съ досадой крикнула Елизавета Петровна.

— Я, вотъ, я... сначала у Марьи Степановны-съ кое-что поприбрала въ комнатѣ,—запинаясь, отвѣчала Таня, взглядомъ умоляя гувернантку подтвердить ея ложь.

Марья Степановна заволновалась: она понимала, въ чемъ дѣло, и до нея черезъ Матрешку, прислуживавшую ей, дошли слухи о томъ, что распускаетъ Анисья про отношенія, существующія будто бы между Таней и Иваномъ Семенычемъ.

Марья Степановна не поощряла болтовни дѣвчонки, но не ей было унять расходившійся языкъ Матрешки, когда та принималась что-нибудь разсказывать. Марья Степановна, какъ большинство подневольныхъ людей, была наблюдательна и смѣтлива: она слышала давеча игру Ивана Семеновича и знала, что Таня была наверху; она догадалась, что Таня провела все время, слушая его, но въ то же время Марья Степановна разсудила, что Таня или не была въ его комнатѣ, или Анисья не застала ее тамъ, потому что вѣдь не стала бы Таня такъ явно лгать. А что ключница надѣется обвинить дѣвушку въ томъ, что она была у Ивана Семеновича, въ этомъ Марья Степановна не усомнилась ни на минуту. Надо помочь ей! мелькнуло въ ея умѣ,— если дѣвушка была даже въ комнатѣ Ивана Семеновича, то это еще не большой грѣхъ... а вѣдь Анисья Богъ знаетъ что изъ этого выведетъ, если съумѣетъ доказать... свое обвиненіе. Она такъ осрамитъ бѣдную, что та изъ-за незаслуженнаго стыда, можетъ быть, сдѣлаетъ что-нибудь дурное, говорятъ же, что за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ.

Пока Марья Степановна такъ соображала, Таня была какъ на иголкахъ между испытующимъ взглядомъ Елизаветы Петровны и злобной усмѣшкой Анисьи. Видя однако, что Марья Степановна не опровергаетъ ея, Таня пріободрилась и повторила свои слова, указывая на гувернантку и прибавляя:

— Вотъ спросите ихъ!

Сердце дѣвушки радостно забилось, когда Марья Степановна, наклонивъ голову, проговорила что-то, что при желаніи можно было принять за «да».

Елизавета Петровна поморщилась, но ничего не возразила;

Digitized by Google

она не рѣшалась дѣлать выговора за оказанную гувернанткѣ услугу. Анисья съ досадой закусила губы.

— «Попадись ты мнѣ только еще разъ, я тебя тогда не выпущу»,—проворчала она уходя.

Таня съ облегченной душой побѣжала оканчивать свою работу. Но все происшествіе это тяжелымъ бременемъ легло на сердце Марьи Степановны. Долго думала она о томъ—не было ли бы честнѣе предупредить Елизавету Петровну на счетъ того, что говорится про Ивана Семеныча и Таню. Нѣтъ, никогда она этого не сдѣлаетъ, потому что вѣдь въ сущности ничего не поправишь, если зло существуетъ,—только развѣ гоненье накличешь на Таню. И вотъ до чего дошла она, Марья Степановна, она солгала—изъ жалости, конечно—она ни за что бы не стала лгать для собственной нужды... Но какъ бы то ни было, она солгала, она нарушила основныя правила нравственности — не лгать, не обманывать... И потомъ Марья Степановна знаетъ еще одну вину за собою: она отъ души порадовалась тому, что Анисья осталась въ дурахъ... А вѣдь злорадство дурное чувство... И, наконецъ, въ самой глубинѣ сердца Марьи Степановны таится не только сожалѣніе къ Танѣ, но нѣжное и теплое сочувствіе... Сочувствіе къ тому, что Таня любитъ Ивана Семеновича. Марья Степановна увѣрена въ томъ, что она его любитъ: она молода и онъ молодъ, они часто бывали вмѣстѣ около Леночки, онъ игралъ—Таня заслушивалась его... Какъ ей было не полюбить этого тихаго и добраго человѣка, который никогда никому не въ состояніи сдѣлать зла. Притомъ онъ красивъ, а задушевной игрой своей не можетъ не пробудить чувства въ молодой душѣ. Не даромъ даже она, Марья Степановна, слушая его невольно уносится въ прошлое и вспоминаетъ тѣ годы, когда и ея сердце тревожно билось. Но сочувствіе, которое Марья Степановна испытываетъ къ Таниной любви, мучитъ ее, потому что любовныя отношенія между дворовой дѣвушкой и бариномъ не могутъ повести ни къ чему хорошему. А если дѣло зайдетъ слишкомъ далеко? Тогда Таню просто замучатъ... Ей обрѣжутъ косу, будутъ ругать. Михаилъ Семенычъ прибьетъ ее по щекамъ, какъ это случилось съ рябой Настасьей, которая въ прошломъ году гусей пасла. Марья Степановна видѣла Настасью въ полѣ и у Настасьи на рукахъ былъ худой и болѣзненный ребенокъ, завернутый въ лохмотья. Хорошо, что онъ теперь умеръ. И если никто не убережетъ Таню отъ бѣды во-время, то съ ней будетъ то же, что съ Настасьей. Марьѣ Степановнѣ ужасно жаль эту добрую, веселую когда-то Таню, которую такъ любила покойная Леночка.

Digitized by Google

А чтобы Леночка очень полюбила кого-нибудь—для этого нужно было быть очень добрымъ и ласковымъ. Вотъ ее, Марью Степановну, Лена не любила... А отчего? Оттого, что не умѣетъ Марья Степановна быть ласковой, даже тогда, когда вся душа ея переполнена теплыми чувствами... Ахъ не въ этомъ дѣло, не въ этомъ... думаетъ Марья Степановна, зачѣмъ это я все о себѣ, да о себѣ?... какъ бы это уберечь Таню?—не переговорить ли съ Иваномъ Семенычемъ? Онъ добрый—онъ не захочетъ дѣлать зла безнаказанно для себя и съ такими ужасными послѣдствіями для другого; Марья Степановна убѣдитъ его не смущать спокойствія Тани, она разъяснитъ ему все, что необходимо должно произойти, если онъ не пожалѣетъ бѣдную дѣвушку, подъ которую такъ зло подкапывается Анисья.

— Да, я непремѣнно это сдѣлаю, заключаетъ свое раздумье Марья Степановна, я переговорю съ нимъ. Но какъ это устроить такъ, чтобы никто ни объ чемъ не догадался; ахъ, да вотъ какъ: я попрошу его выйти послѣ ужина на большую аллею въ садъ, тамъ никто не помѣшаетъ намъ. Нѣтъ, это неудобно, это похоже на свиданье; сохрани Богъ, кто увидитъ—чего не выдумаютъ!.. Нѣтъ, она лучше пригласитъ его гулять вмѣстѣ съ ней и дѣтьми послѣ обѣда. Она подъищетъ и предлогъ для этого необычайнаго приглашенія; она скажетъ, что имъ хочется пройти подальше въ лѣсъ, но что онѣ боятся волковъ. Да, такъ хорошо! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Она рѣшила исполнить свое намѣреніе въ тотъ же день.

Несмотря на то, что Марья Степановна, повидимому, покончила со всѣми своими колебаніями, она однако не могла вполнѣ успокоиться: ее волновало сомнѣніе въ томъ, съумѣетъ ли она исполнить добровольно взятую на себя обязанность. Она почти не могла ѣсть за обѣдомъ и съ завистью смотрѣла на Ивана Семеныча, который невозмутимо уничтожалъ одно блюдо за другимъ, не подозрѣвая того, что̀ его ждетъ.

Обѣдъ кончился; отодвигаемые стулья загремѣли. Буфетчикъ Антонъ поочередно отвязалъ салфетки у маленькихъ барышень. Потомъ явилась Анисья Потаповна и начала накрывать столъ у окна для послѣобѣденнаго чая.

— Теперь или никогда!—подумала Марья Степановна, видя, что Иванъ Семеновичъ, рѣдко пившій послѣ обѣда чай, направляется къ двери корридора, въ которомъ помѣщалась лѣстница на вышку.

— Иванъ Семеновичъ! — какимъ-то задавленнымъ голосомъ

Digitized by Google

не то протоворила, не то прокричала ему вслѣдъ Марья Степановна.

Иванъ Семеновичъ остолбенѣлъ: вотъ ужъ онъ больше года въ домѣ и ему ни разу не приходилось говорить съ Марьей Степановной, и вдругъ она зоветъ его. Что это значитъ? Поразился не одинъ Иванъ Семеновичъ: Елизавета Петровна и Михаилъ Семеновичъ, стоявшіе у балконной двери, оба съ удивленіемъ повернулись къ Марьѣ Степановнѣ. Та не знала, куда глаза дѣвать: она чувствовала, что у нея начинаютъ горѣть не только лицо, но шея и уши.

— Что вамъ угодно?—какъ-то нерѣшительно отозвался Иванъ Семеновичъ.

— Я только хотѣла попросить Ивана Семеновича, чтобы онъ проводилъ насъ на прогулкѣ...—смущенно лепетала Марья Степановна, обращаясь къ Елизаветѣ Петровнѣ и Михаилу Семеновичу,—дѣти просили пойти подальше въ лѣсъ... мы боимся волковъ...

— Мы не просили!—въ одинъ голосъ крикнули обѣ меньшія...

— Конечно, просили! — перебила, къ счастью, сестеръ старшая, Юля, глядя на Марью Степановну полулукаво.

— Помилуйте, Марья Степановна! да какіе же теперь лѣтомъ волки?—замѣтилъ Михаилъ Семеновичъ: и на что это вамъ именно Иванъ Семеновичъ понадобился? Мало ли у насъ на застольной шелопаевъ, взяли бы кого угодно, вѣдь я не запрещаю, если вы находите это нужнымъ!

Онъ повернулся къ женѣ, пожимая плечами и поднимая брови:—Рѣшительно ничего не понимаю?

«Тутъ что-нибудь да не такъ!—мысленно проговорила Елизавета Петровна; ну, да я доберусь до того, что это значитъ».

— Что-жъ, идите, Иванъ Семеновичъ!—добавила она вслухъ.

— Вотъ и ты хоть разъ пойдешь гулять съ нами, дядя-бука, — прошептала Юля, пробѣгая въ прискочку мимо Ивана Семеновича. При этомъ она взглянула на него такими Леночкиными глазами, что у него дрогнуло сердце — нѣтъ, онъ не забылъ милой дѣвочки, которой для другихъ какъ будто никогда и не бывало. Онъ уже протянулъ руку, чтобы по обычаю погладить Юлю по головѣ, но той давно и слѣдъ простылъ. Иванъ Семеновичъ покорно остался въ залѣ и сталъ даже пить чай съ остальными.

Марья Степановна мало-по-малу успокоилась. Послѣ чаю дѣти были собраны, и Иванъ Семеновичъ съ Марьей Степановной повели ихъ по дорогѣ въ лѣсъ. Иванъ Семеновичъ вполнѣ былъ

Digitized by Google

увѣренъ, что его берутъ, какъ надежную охрану отъ волковъ, и поэтому вооружился толстой палкой, которою отчаянно пристукивалъ и размахивалъ на ходу. Марья Степановна выступала на этотъ разъ не такъ чинно, какъ всегда, и даже забыла замѣтить по обычаю дѣтямъ, чтобы они не слишкомъ бѣгали и не залѣзали бы во всѣ кусты по дорогѣ. Но и дѣти сегодня, противъ обыкновенія, были смирны: ихъ гораздо больше занималъ дядя-букъ, чѣмъ прогулка и лѣсъ. Марья Степановна нѣкоторое время не рѣшалась заговорить съ Иваномъ Семеновичемъ. Она положительно не знала, съ чего начать рѣчь свою. Наконецъ, она побѣдоносно вышла изъ затрудненія, произнося слѣдующее:

— Иванъ Семеновичъ! мнѣ нужно съ вами поговорить!

Ударъ грома изъ безоблачнаго неба не такъ поразилъ бы Ивана Семеныча, какъ эти простыя слова. Не говоря уже о томъ, что онъ вовсе не предполагалъ, чтобы между нимъ и Марьей Степановной были какіе-нибудь разговоры, но и самое выраженіе: «Мнѣ нужно поговорить съ вами! »вызывало въ немъ чрезвычайно непріятныя воспоминанія: такъ всегда начиналъ его ротный командиръ въ корпусѣ, когда разговоръ оканчивался карцеромъ или даже хуже...

Ивана Семеныча просто передернуло.

«Что я ей сдѣлалъ такое?» болѣзненно мелькнуло у него въ головѣ.

Онъ робко взглянулъ на Марью Степановну: лицо ея было строго, губы крѣпко сжаты.

— «Точь-въ-точь ротный!» опять мелькнуло у Ивана Семеновича.

Марья Степановна съ минуту строгимъ и испытующимъ взглядомъ смотрѣла ему въ лицо.

— Вотъ что, Иванъ Семеновичъ,—начала она уже совершенно спокойно,—теперь она успокоилась, вѣдь она знаетъ, что исполняетъ обязанность честнаго человѣка, чего же ей волноваться, въ самомъ дѣлѣ?—Вотъ что, Иванъ Семеновичъ: вы, кажется, очень любите Татьяну?

— Какую Татьяну? — удивленно произнесъ Иванъ Семеновичъ.

— Татьяну, Таню, няньку покойной Леночки.

— Ахъ, Таню! Да, я ее очень люблю.

— Ну, вотъ видите-ли, это и нехорошо!

Иванъ Семеновичъ еще больше удивился. Что это Марьѣ Степановнѣ вдругъ вздумалось заговорить съ нимъ о Танѣ?.. И почему это нехорошо, что онъ любитъ Таню?.. Таня такая слав—

Digitized by Google

ная дѣвушка и за Леночкой такъ хорошо ходила, и съ нимъ, Иваномъ Семеновичемъ, всегда была такъ вѣжлива и услужлива...

— Нехорошо, — продолжала между тѣмъ Марья Степановна, — нехорошо, потому что Танѣ за это косу обрѣжутъ и гусей пасти сошлютъ... Я видѣла рябую Настасью и ея больного ребенка, который теперь къ счастью умеръ и... и...— и Марья Степановна опять заволновалась... она оглядѣлась: дѣти шли шаговъ на десять впереди. — Конечно, если бы Таня была барышня, вы могли бы на ней жениться, но вѣдь она крѣпостная, никто изъ родныхъ вашихъ не допуститъ васъ жениться на ней, вѣдь вы понимаете это... А такъ, такъ губить дѣвушку нехорошо! Вы сами это знаете, вѣдь вы добрый человѣкъ, вы не захотите ея гибели...

Большіе темные глаза Ивана Семеновича были широко открыты. Онъ ничего не понималъ. Что это Марья Степановна толкуетъ такое?.. Танѣ косу обрѣжутъ, гусей пасти сошлютъ... Да за что же, Боже мой, за что же? И причемъ онъ тутъ? И если Таню сошлютъ, то, конечно, онъ ея не будетъ видѣть больше... Какъ это возможно? онъ хочетъ ее видѣть, хоть иногда, это ему нужно. Что это, Марья Степановна еще о женитьбѣ заговорила?..

Иванъ Семеновичъ вдругъ безъ памяти бросился бѣжать домой. Тутъ и Марья Степановна остолбенѣла — такой конецъ разговора ни за что не пришелъ бы ей раньше въ голову. Иванъ Семеныч какъ сумасшедшій взбѣжалъ себѣ на вышку и бросился на кровать. Онъ долго не могъ придти въ себя: мысли его путались. Ему до-сихъ поръ вовсе не приходило на умъ спрашивать себя о томъ, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ онъ съ Таней. Она нравилась ему, да, какъ могъ нравиться всякій другой человѣкъ, никогда не дѣлавшій ему ничего непріятнаго... Даже больше: онъ не могъ не любоваться ея ловкой походкой и горделивымъ движеніемъ, которымъ она вскидывала во временамъ голову... Ему было пріятно слышать ея серебристый смѣхъ и густой грудной голосъ, который иногда вдругъ возьметъ да и оборвется, причемъ Иванъ Семеновичъ неизвѣстно почему всякій разъ вздрогнетъ, и ему станетъ какъ-то необыкновенно хорошо... И ему казалось, что все это въ порядкѣ вещей, что все это такъ, и должно быть, и такимъ навсегда останется. Онъ ничего бо́льшаго не просилъ, ни о чемъ большемъ не думалъ. И къ чему это вмѣшалась Марья Степановна и нарушила его спокойствіе? И что это она толкуетъ о женитьбѣ?.. Да, правда, вѣдь онъ холостъ,

Digitized by Google

когда-нибудь и ему нужно будетъ жениться. Да и Таня вѣдь дѣвушка еще, когда-нибудь и ее выдадутъ замужъ. Ивану Семеновичу вдругъ стало ужасно тяжело при мысли, что Таня когда-нибудь замужъ выйдетъ, что кто-нибудь будетъ имѣть право обнимать, ласкать ее... Чортъ возьми, какъ скверно! Нужно же было Марьѣ Степановнѣ наговорить ему всякой всячины... А если Таня замужъ не пойдетъ ни за кого, если она его полюбитъ, его, Ивана Семеныча?.. Ивана Семеныча бросило сначала въ жаръ, а потомъ въ холодъ... Да вѣдь ей косу обрѣжутъ, бить, всячески обижать станутъ,—говоритъ Марья Степановна. И отчего это онъ раньше ни о чемъ такомъ не думалъ... Какъ ни думай, а дѣлу не поможешь: все скверно, какъ ни прикинь... Ахъ, да и какой же онъ дуракъ! вѣдь онъ самъ на ней жениться можетъ: тогда она всегда съ нимъ будетъ, всегда... и онъ будетъ цѣловать ее въ свѣжія алыя губы, и она, тоже обниметъ и прильнетъ къ его щекѣ горячей щекой... У Ивана Семеновича духъ захватило... Вотъ-то было бы счастье, а теперь что? Кому онъ нуженъ, зачѣмъ живетъ на свѣтѣ? И что это Марья Степановна толкуетъ, что ему нельзя жениться на крестьянкѣ? Почему? Вѣдь законовъ такихъ нѣтъ, которые запрещали бы это. Чѣмъ онъ лучше Тани? Вотъ, согласится ли она еще? Что за радость ей отъ него: ничего у него нѣтъ, самъ живетъ чуть не Христа-ради. Полюбитъ ли она его? А вѣдь она любить умѣетъ: какъ она любила Леночку! Да, у Тани золотая душа. Охъ, только бы она полюбила; и какъ это онъ дуракъ раньше объ этомъ не подумалъ, какъ не понималъ, что тутъ счастье?.. Да, онъ женится на Танѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, потому что вѣдь ее могутъ отдать замужъ... Что тогда будетъ съ нимъ? Полюбитъ ли она его? Неужели не полюбитъ? Не можетъ она не полюбить его, вѣдь онъ скажетъ ей, что для него свѣтъ—не свѣтъ безъ нея. Онъ скажетъ ей, что онъ и самъ до сихъ поръ не зналъ этого и даже не подозрѣвалъ, что жить безъ нея не можетъ. Да, правда, онъ не зналъ этого и долго бы пожалуй не догадался, отчего у него такъ сладко щемитъ душу, когда онъ ее увидитъ или только голосъ ея услышитъ. И какая же нехорошая эта Марья Степановна, что догадалась надоумить его!.. Она тоже добрая, она жалѣетъ Таню. Бѣдная Таня! всякій-то ее теперь обидѣть можетъ—она вѣдь крѣпостная, она-то такая красавица, такая славная — крѣпостная холопка! Ну, да это скоро поправится: никто не посмѣетъ ее обидѣть, когда она будетъ его Таней, его женой... Иванъ Семенычъ не могъ заснуть въ эту ночь. Голова его усиленно работала; онъ повто-

Digitized by Google

рялъ себѣ тысячу разъ то, что̀ передумалъ еще въ началѣ вечера. На другой день онъ ходилъ какъ растерянный. И Елизавета Петровна, и Михаилъ Семеновичъ замѣтили это!

Хотя Иванъ Семеновичъ очень волновался, однако онъ твердо рѣшилъ въ первый же вечеръ, что ему нельзя не жениться на Танѣ. Разговоръ съ Марьей Степановной точно озарилъ его какимъ-то неожиданнымъ свѣтомъ. И чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ разговорѣ тѣмъ тверже убѣждался, что счастье для него заключается именно въ Таниной любви, и что онъ самъ только не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, насколько сильно привязался къ дѣвушкѣ еще во время Леночкиной жизни.

Прошло три дня. Иванъ Семеновичъ теперь ужасно боялся, что братъ не позволитъ ему жениться на Танѣ—она крѣпостная Михаила Семеновича, онъ все можетъ сдѣлать съ ней!

Только въ разгарѣ своихъ мечтаній Иванъ Семеновичъ могъ легко относиться къ тому, что̀ скажутъ родные — братъ, Елизавета Петровна и тетушка Софья Степановна о его блажи жениться на крестьянской дѣвкѣ. «Они навѣрно посмотрятъ на это, какъ на блажь», думалось ему. Съ Таней онъ встрѣтился раза два—и даже взглянуть на нее не посмѣлъ, а прошелъ мимо, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ ее, причемъ сердце его судорожно заколотилось. Время шло. «Ну, что откладывать», думалъ Иванъ Семеновичъ. Онъ перебралъ за эти дни все, что произошло въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ. Вспомнились ему и столкновеніе съ Агапомъ, и предсмертная просьба Леночки: «Ты, дядя, не давай въ обиду Таню, никогда, слышишь, никогда, дядя Ваня. Обѣщайся, дядя!» И онъ тогда обѣщалъ, что не дастъ Таню въ обиду, никогда, никогда!

Наконецъ, Иванъ Семеновичъ рѣшился переговорить съ братомъ, и черезъ недѣлю послѣ памятной прогулки съ Марьей Степановной отправился по окончаніи завтрака въ кабинетъ Михаила Семеновича.

Михаилъ Семеновичъ читалъ газеты.

— Что̀ тебѣ?—удивленно спросилъ онъ Ивана Семеновича, который рѣдко заглядывалъ къ нему.

— Братъ, мнѣ нужно съ тобой поговорить,—запинаясь, началъ Иванъ Семеновичъ.

— Говори.

— Я, видишь ли, братъ, я... я жениться хочу.

— Жениться! да на комъ же? — опять удивился Михаилъ Семеновичъ, и въ ту же минуту въ головѣ его блеснула мысль, которая ему самому показалась до того смѣшной, что онъ раз-

Digitized by Google

разился громкимъ хохотомъ. Михаилу Семеновичу вспомнилась прогулка брата съ Марьей Степановной и его растерянный и озабоченный видъ съ тѣхъ поръ. И онъ рѣшилъ, что Марья Степановна задумала женить Ивана на себѣ.

Иванъ Семеновичъ всего ожидалъ отъ брата, кромѣ этого неудержимаго раскатистаго смѣха; онъ окончательно смутился...

— Видишь ли, братъ,—тревожно заторопился онъ,—я самъ не думалъ, не зналъ... но она, Марья Степановна...

— Такъ и есть, такъ и есть!—держась за бока, не то вскрикивалъ, не то всхлипывалъ Михаилъ Семеновичъ... Да ты съ-ума сошелъ!—заговорилъ онъ, наконецъ, спокойнѣе, переводя духъ и вытирая выступившія отъ смѣха слезы. — Дуракъ ты былъ, дуракомъ и остался! И кто бы подумалъ? этакая скромница, воспитательница... Вотъ и правда, что сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро... Да и ты хорошъ тоже — вѣдь она старуха; и мало что старуха, а и съ молоду была уродъ!..

Иванъ Семеновичъ сидѣлъ съ открытымъ ртомъ.

— Кто? Таня старуха и уродъ!—проговорилъ онъ.

— Что? что? что? — уже безъ смѣха спрашивалъ Михаилъ Семеновичъ.—Какая Таня? что̀ это все значитъ?

— Да наша Таня, Леночкина.

— Вотъ что-о-о! — протянулъ Михаилъ Семеновичъ. — Ну, это, братецъ, дѣло другого рода... Ай-да молодецъ, нечего сказать: шашни у меня въ домѣ съ прислугой заводить вздумалъ — шуры-муры съ крѣпостными дѣвками. Выкинь ты этотъ вздоръ изъ головы, слышишь! И добро бы скрывалъ—совѣстился. Нѣтъ, онъ прямо въ глаза смотритъ, всякій стыдъ забытъ — я-де жениться хочу! Да кто тебѣ позволитъ, молокососъ!

Иванъ Семеновичъ, какъ ошпаренный, выскочилъ отъ брата; онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, даже громкаго топота босыхъ ногъ Матрешки, едва успѣвшей отскочить отъ дверей кабинета и безъ памяти улепетывавшей по корридору. Иванъ Семеновичъ пробѣжалъ въ свою комнату, бросился на постель и уткнулъ горѣвшее лицо въ подушку.

Михаилъ Семеновичъ, опомнившись отъ изумленія, отправился сообщать женѣ о томъ, что̀ случилось. Онъ засталъ Елизавету Петровну, окруженную модными картинками и выкройками: она выбирала новые фасоны для своихъ и дѣтскихъ зимнихъ платьевъ. Вопросъ былъ важный: на зиму предполагалось опять переѣхать въ городъ — этого требовали предводительскія обязанности Михаила Семеновича. Елизавета Петровна сердилась: дѣти изо всего выросли, ея гардеробъ тоже поизносился... для

Digitized by Google

деревни-то онъ еще туда-сюда годится, ну, а въ городѣ—да еще и предводительшѣ — необходимо иначе одѣваться; но чтобы все сдѣлалось, какъ того требуетъ приличіе, нужно гораздо больше денегъ, чѣмъ имѣется въ настоящее время у Елизаветы Петровны,— нужно, значитъ, попросить у Михаила Семеновича, а онъ-таки скуповатъ на расходы для нарядовъ. Конечно, Елизавета Петровна, какъ умная женщина, всегда умѣетъ поставить на своемъ и знаетъ, что получитъ все, чего захочетъ, — но она все-таки сердится, потому что предвидитъ необходимость хитрить, выбирать подходящее время... «Какъ все это скучно!» думалось ей. Самымъ подходящимъ временемъ для всякихъ требованій она считала такое, когда Михаилъ Семеновичъ оказывался въ чемъ-нибудь виноватымъ... Но, къ несчастью, Михаилъ Семеновичъ былъ примѣрный мужъ... Что тутъ подѣлаешь? Вины приходилось подыскивать — сочинять. «Хоть бы онъ за кѣмъ-нибудь когда-нибудь пріударилъ,—говорила себѣ Елизавета Петровна:—вотъ намылила бы я ему голову, вотъ былъ бы онъ у меня въ рукахъ!» За неимѣніемъ настоящихъ причинъ для ревности, Елизавета Петровна въ прежнее время пилила мужа нѣкоей Августой, къ которой, по правдѣ сказать, вовсе и не ревновала его, такъ какъ очень хорошо знала, что Августа не кто иная, какъ толстая рыжая шведка, у которой Михаилъ Семеновичъ жилъ на квартирѣ до женитьбы и которая была примѣрной женой нѣмца портного и матерью полудюжины взрослыхъ и даже замужнихъ дочерей. Но въ Петербургѣ — куда ни шло — можно еще было говорить объ Августѣ, теперь — другое дѣло: вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ Михаилъ Семеновичъ никогда не отлучается, и подкопаться подъ него нѣтъ рѣшительно никакой возможности — до того онъ безукоризненъ. «Хоть бы онъ что-нибудь такое сказалъ, къ чему бы можно было придраться», говорила себѣ Елизавета Петровна. Досада ея росла по мѣрѣ того, какъ она убѣждалась въ безполезности всего, что приходило ей въ голову. На такихъ мысляхъ засталъ жену Михаилъ Семеновичъ, придя посовѣтоваться о томъ, что предпринять съ дуракомъ, который взялъ да и «отмочилъ такой неожиданный фортель!» Занятая своими соображеніями, Елизавета Петровна едва удостоила улыбнуться, когда Михаилъ Семеновичъ, прыская отъ смѣха, передалъ ей о комическомъ «quiproquo», которымъ безъ злого намѣренія обидѣлъ почтенную Марью Степановну Болдыреву; но когда Михаилъ Семеновичъ назвалъ Таню и сталъ горячо распространяться на-счетъ неприличнаго поведенія Ивана, которому, какъ столбовому дворянину и офицеру, никогда и на

Digitized by Google

умъ не должно было приходить намѣреніе жениться на крѣпостной дѣвкѣ... тутъ Елизавету Петровну вдругъ осѣнило откровеніе... Она пристально и подозрительно взглянула на мужа и сквозь зубы процѣдила: «Гмъ, гмъ! Вотъ какъ... что-то вы уже очень горячитесь изъ-за всего этого, Михаилъ Семеновичъ!»

Михаилъ Семеновичъ нѣсколько удивился, что жена говоритъ ему «вы»: она дѣлала это, только когда сердилась, а теперь, кажется, на него сердиться уже рѣшительно не за что. Подивившись про-себя, Михаилъ Семеновичъ однако продолжалъ говорить, рисуя яркую картину тѣхъ непріятностей, которыя для него, предводителя, произойдутъ отъ безумныхъ затѣй брата, если объ этомъ что-нибудь узнается въ уѣздѣ...

— Насъ засмѣютъ, засмѣютъ,— повторялъ онъ: — сплетнямъ конца не будетъ; это чортъ знаетъ что такое: никуда носа нельзя будетъ показать!..

— Конечно, узнаютъ, если вы будете во весь голосъ кричать, — перебила его Елизавета Петровна: — что это у васъ за манера такая, точно нельзя того же сказать тихо — у меня отъ вашего крика мигрень уже начинается. И что́ тутъ особеннаго, что вашему брату жениться хочется? — вѣдь ему, слава Богу, двадцать-пятый годъ... Но что мнѣ странно, — это то, что вы такъ горячитесь... И что́ такого необыкновеннаго въ томъ, что Иванъ Семенычъ пріударилъ за крѣпостной дѣвкой?.. вы лучше должны знать, насколько мужчины неразборчивы... сколькимъ женамъ приходится проводить безсонныя ночи... и изъ-за кого?.. Изъ-за коровницъ, судомоекъ, квартирныхъ хозяекъ... Только я думаю, Михаилъ Семенычъ, что вы-то ужъ изъ лѣтъ вышли для этого... Ахъ, ахъ, какъ у меня голова болитъ... ахъ!

Она схватилась за виски. Михаилъ Семеновичъ недоумѣвалъ:

— Да я-то тутъ при чемъ, душа моя?

— Ахъ, вы никогда ни при чемъ,—я васъ вѣдь знаю, еще тогда, при Авгу́стѣ...

— Ффью!—свистнулъ Михаилъ Семеновичъ.

Онъ зналъ теперь, что не легко отдѣлается, и сталъ придумывать, какъ бы умилостивить разгнѣванную Елизавету Петровну.

— О, да, — вы ни при чемъ: вы ничего не понимаете,— продолжала она: — ну, а я, я знаю, отчего вы сердитесь на Ивана Семеновича: вамъ самому за Танькой побѣгать хочется... Но вѣдь вы, конечно, ни при чемъ: даже въ домѣ, въ хозяйствѣ все у меня на рукахъ... домъ, дѣти... у меня голова кругомъ идетъ. Вотъ мы въ городъ сбираемся,—дѣти оборваныя, у меня

Digitized by Google

ничего нѣтъ... Сколько хлопотъ будетъ, чтобы привести хоть дѣтскій гардеробъ въ порядокъ! — и на все это одна я!..

— Но, мой другъ, пошли въ городъ за портнихой, зачѣмъ же тебѣ обо всемъ самой безпокоиться?

— Легко вамъ говорить—«пошли за портнихой»! а средства гдѣ? Я пока не о портнихѣ думаю, а о томъ, какъ бы денегъ на покупки для дѣтей хватило... будетъ изъ чего шить, такъ мы и дома сошьемъ. Мнѣ самой ничего не нужно, я что, я старуха, съ меня не взыщутъ; хотя, конечно, женѣ предводителя нужно бы поддерживать честь мужа—но я мать и прежде всего думаю о дѣтяхъ...

— Какая ты старуха!—вставилъ-было Михаилъ Семеновичъ.

— Ахъ, ахъ, не говорите мнѣ ничего,—застонала Елизавета Петровна, откидываясь на спинку дивана:—у меня такая страшная головная боль!

Михаилъ Семеновичъ всталъ и на цыпочкахъ началъ отыскивать одеколонъ, чтобы смочить женѣ виски, отъ этого ей всегда дѣлалось лучше. Одеколонъ былъ найденъ, виски смочены. Михаилъ Семеновичъ помѣстился на креслѣ противъ жены и сидѣлъ, какъ опущенный въ воду, внутренно помышляя: откуда ему сіе?

Елизавета Петровна, закрывая часть лица платкомъ, полулежала на диванѣ.

— Другъ мой,—заговорилъ, наконецъ, Михаилъ Семеновичъ: —ты, пожалуйста, не безпокойся больше о дѣтскихъ платьяхъ, ты и то слишкомъ много хлопочешь и устаешь. Какъ ты думаешь? —не послать ли въ самомъ дѣлѣ въ городъ за портнихой?

— Ахъ!—тихо простонала Елизавета Петровна.

— А то, не съѣздишь ли ты сама, если это тебя не затруднитъ,—заторопился Михаилъ Семеновичъ,—можетъ быть, это и развлечетъ тебя: ты бы тамъ купила что нужно для дѣтей и для себя, а объ издержкахъ не безпокойся... что нужно, то нужно!

— Сегодня я не могу,—томно проговорила Елизавета Петровна.

— Ну, завтра, ну, послѣзавтра, на той недѣлѣ, какъ хочешь...

— Нѣтъ, зачѣмъ такъ откладывать,—перебила его жена:— завтра можно будетъ; я думаю, что пересплю свой мигрень.

— Ну, хорошо, хорошо!

Михаилъ Семеновичъ морщится при мысли о предстоящихъ тратахъ, но не очень, чтобы, не дай Богъ, не раздалось опять это болѣзненное, жалобное: «Ахъ!»

Digitized by Google

Онъ всталъ и хотѣлъ уйти, поцѣловавъ жену въ лобъ, но Елизавета Петровна остановила его:

— А объ томъ, Миша, что ты мнѣ говорилъ про брата, я подумаю. Прошу тебя только ничего не дѣлать, пока я не переговорю съ тобой... все это сложнѣе, нежели ты думаешь... дай мнѣ только отдохнуть, тогда я тебѣ скажу, что придумала.

Отдохнувъ и поразмысливъ, Елизавета Петровна, прошла въ кабинетъ мужа.

— Вотъ въ чемъ дѣло—начала она, усаживаясь на широкій турецкій диванъ и приглашая мужа сѣсть рядомъ.

— Я себя давно спрашивала, что, наконецъ, будетъ съ Иваномъ Семенычемъ. Я была увѣрена, что когда-нибудь да подумаетъ же онъ о женитьбѣ... Мы рѣшили, да и не мы одни, что Иванъ Семеновичъ глупъ... да вѣдь глупость не мѣшаетъ дѣтей родить. Положимъ, что Иванъ Семеновичъ женится... на комъ? это для насъ пока все равно—что изъ этого выйдетъ...

— Ты, Лизанька, все говоришь: — женится, женится!.. Да чѣмъ они съ женой жить будутъ, если онъ женится: у него вѣдь ничего нѣтъ...

— Нѣтъ теперь, такъ послѣ будетъ,—внушительно проговорила Елизавета Петровна.—Вы точно забыли тетушку Софью Степановну и ея восторги по поводу великодушія Ивана Семеныча... Смотрите, эти восторги отзовутся на вашемъ карманѣ. А разъ имѣются въ виду тетушкины тысячи, въ невѣстахъ недостатку не будетъ, ни одна не откажется отъ нихъ, хоть бы въ придачу и пришлось взять мужа-дурака!

«Однако, молодецъ-баба!» подумалъ Михаилъ Семенычъ про себя, не перебивая жены.

— Вотъ видите ли,—продолжала Елизавета Петровна:—что дѣло идетъ вовсе не объ томъ, чѣмъ будетъ со временемъ жить Иванъ Семеновичъ, а объ томъ, что онъ хочетъ и имѣетъ полную возможность и право жениться...

— Такъ, такъ,—подтвердилъ Михаилъ Семеновичъ.

— Для насъ же — Елизавета Петровна понизила голосъ — очень важно, чтобы Иванъ Семенычъ никогда не женился, и вотъ почему: пока у него нѣтъ законныхъ наслѣдниковъ, мы или, лучше сказать, наши дѣти—его наслѣдники...

— Такъ, такъ—опять повторилъ Михаилъ Семеновичъ, не вполнѣ еще понимая, въ чему собственно ведетъ рѣчь жена.

— Да какъ же ты, Лизанька, помѣшаешь ему? Сама же ты говоришь, что онъ имѣетъ и право и возможность жениться... Конечно, и я не допущу его до женитьбы на Танькѣ: она

Digitized by Google

моя крѣпостная — это я могу; я сошлю ее завтра же въ нашу тверскую деревню, чтобы ея и духу здѣсь не было...

— Ну, вотъ этого вовсе ужъ и не нужно, — перебила его Елизавета Петровна, которая во время мужниной рѣчи нетерпѣливо топала ножкой и барабанила ногтями по столу: вы никогда ни въ чемъ не будете знать мѣры, Михаилъ Семеновичъ... Ну, конечно, кто же ему позволитъ жениться на Татьянѣ? а возиться съ ней, пусть возится, тѣмъ лучше! пока онъ будетъ занятъ ею, ему и на умъ не придетъ жениться на комъ другомъ... чему вы никогда не могли бы да и не съумѣли бы помѣшать!..

— Фу ты! — вырвалось у Михаила Семеновича, — ну, министръ ты, настоящій министръ, Лиза! Я бы ужъ никогда не придумалъ ничего такого. Только какъ же это, — продолжалъ онъ отчасти смущенно: — вѣдь не совсѣмъ это хорошо! какой другимъ примѣръ?

— Вотъ ты всегда такъ, Михаилъ Семеновичъ! да неужели же я допущу развратъ у себя въ домѣ? да я завтра же сошлю Татьяну — не въ тверскую деревню, — а на скотный дворъ, чтобы не заводила шашней... Ну, а если дуракъ будетъ продолжать за ней бѣгать, такъ вѣдь нельзя же къ нимъ караульныхъ приставить въ самомъ дѣлѣ!..

Михаилъ Семеновичъ положительно благоговѣлъ передъ женой... «Вотъ голова-то!» твердилъ онъ про себя: «я бы никогда не сообразилъ всего этого!»

Онъ просто стыдился своей глупости, и былъ радъ, что не вполнѣ высказалъ своихъ намѣреній относительно брата, которому, послѣ будущей отсылки Тани въ дальнюю деревню, хотѣлъ-было самъ подыскать невѣсту.

VI.

Въ эту ночь и Михаилу Семеновичу, и Елизаветѣ Петровнѣ спалось очень сладко — за то Иванъ Семеновичъ не могъ сомкнуть глазъ.

Таня не подозрѣвала вовсе, что судьба ея рѣшена, и спала спокойнымъ крѣпкимъ сномъ, усталая отъ дневной работы: ей пришлось въ продолженіи цѣлаго дня гладить и плоить юбки, воротнички и платья для завтрашней поѣздки Елизаветы Петровны въ городъ. Она такъ была занята, что даже два раза прогнала отъ себя Матрешку, назойливо вертѣвшуюся около нея и помиравшую отъ желанія узнать — правда ли, что Татьяна Прохоровна за молодого барина замужъ собирается.

Digitized by Google

На другой день Елизавета Петровна передъ отъѣздомъ приказала позвать къ себѣ Анисью Потаповну. Давъ ей обычныя наставленія по хозяйству, Елизавета Петровна сдѣлала ей строгій выговоръ за то, что она дворовыхъ и горничныхъ дѣвокъ совсѣмъ распустила. «Я этого больше не потерплю,—прибавила она,—это срамъ на все сосѣдство,—одна Настасья эта чего стбитъ! Я рѣшительно не понимаю, Анисья Потаповна, какъ ты съ дѣвчонками справиться не умѣешь!»

Елизавета Петровна очень хорошо знала, что Анисья сейчасъ же начнетъ жаловаться на Таню.

— Помилуйте, сударыня-барыня,—заговорила ключница, ничего такого за дѣвками я не замѣчала, ни даже за Настасьей теперь—чисто за ними всѣми, какъ есть, окромя Таньки; это ужъ истинно сказать подлая дѣвчонка; еще при покойной барышнѣ, царство имъ небесное!—Анисья потерла глаза—Танька таскалась!—за ребенкомъ, за ангельской душкой ходючи! а ужъ теперь-то какъ? это и сказывать вамъ, сударыня, зазорно: недолго, гляди, и съ прибавкой будетъ; истинно сказать, срамота!.. и не токма что съ дворовыми, она и на молодого барина зорится, прилещаетъ его... Аномнясь я ихъ сама подкараулила, да Марья Степановна грѣхъ ихній покрыла... и нехорошо бы, поди, пожилой барышнѣ въ такихъ дѣлахъ молодымъ людямъ потакать...

Елизавета Петровна, замѣтивъ для памяти то, что говорила ей Анисья про Марью Степановну, сдѣлала ей однако знакъ замолчать и строго прибавила:

— Я не допущу разврата въ своемъ домѣ, послать сюда Татьяну.

Дрожа отъ злобной радости, Анисья, несмотря на свою полноту, почти бѣгомъ выскочила въ дѣвичью, гдѣ столкнулась лицомъ къ лицу съ подслушивающей у двери въ спальню Матрешкой. Но не до Матрешки было въ настоящую минуту Анисьѣ.

— Бѣги, зови Таньку къ барынѣ, да живѣе, — крикнула она, усиливая приказаніе здоровымъ щелчкомъ по растрепанной головѣ дѣвчонки.

Матрешка вихремъ влетѣла въ гладильную:

— Татьяна Прохоровна, васъ барыня требуютъ!

Таня, не торопясь, бережно складывала бѣлье.

— Да скорѣе! велѣно, чтобы сею минутою. Тамъ Анисья на васъ наговариваетъ,—шептала Матрешка,—барыня такъ разсвирѣпѣвши что страсть!

— Господи!—вздохнула Таня:—что я имъ всѣмъ сдѣлала, чего имъ еще отъ меня нужно!

Digitized by Google

Когда она вошла въ спальню, Елизавета Петровна была уже вполнѣ одѣта и нетерпѣливо натягивала перчатки.

— Что это, Татьяна, никогда никого изъ васъ не дозовешься! До меня дошли слухи, что ты дурно ведешь себя... тебѣ не стыдно? Такая молодая дѣвчонка и ужъ развратничаешь—я не могу позволить этого въ своемъ домѣ...

— Воля ваша, сударыня...—начала-было Таня.

— Ты еще разговаривать! А ты бы глазъ поднимать не должна была отъ стыда!

Таня смѣло взглянула въ лицо Елизаветѣ Петровнѣ: — Я честная дѣвушка, барыня,—твердо проговорила она.

Анисья прыснула со смѣху.

— Смѣйтесь, Анисья Потаповна! Грѣхъ вамъ напраслину взводить на того, кто васъ чище.

— Ахъ, ты змѣя!—замѣтила ключница.

— Ш-шъ!—перебила барыня:—я не потерплю здѣсь ссоръ. А тебѣ, Анисья, я приказываю отрѣзать Татьянѣ косы и отправить ее въ наказанье и въ примѣръ другимъ на скотный дворъ— гусей пасти на Настасьино прошлогоднее мѣсто.

Таня едва удержалась на ногахъ—такъ неожиданно было для нея рѣшенье Елизаветы Петровны.

— Барыня!—начала-было она надорваннымъ голосомъ.

— Довольно! — величественно произнесла Елизавета Петровна,—ты слышала!

Шатаясь, вышла Таня изъ спальни, едва понимая, что съ ней дѣлается. Елизавета Петровна тотчасъ уѣхала въ городъ.

Иванъ Семеновичъ, не спавшій ночь и заснувшій только подъ утро, проспалъ чуть не до обѣда. Проснувшись и одѣвшись, онъ взглянулъ на часы, увидѣлъ, что уже поздно, и рѣшивъ—никуда не уходить, сталъ ждать, пока доложатъ, что «кушать подано!» Когда семья собралась, Иванъ Семеновичъ нѣсколько удивился, видя, что Елизаветы Петровны нѣтъ, но дѣти тотчасъ сообщили ему, что мама уѣхала въ городъ за покупками. Иванъ Семеновичъ искоса посматривалъ то на брата, то на Марью Степановну. Марья Степановна была по обычаю невозмутима, а Михаилъ Семеновичъ, противъ ожиданія, нисколько не дулся, чего Иванъ Семеновичъ очень боялся послѣ вчерашняго разговора. Напротивъ, Михаилъ Семеновичъ показался брату даже веселѣе и любезнѣе обыкновеннаго: онъ подвинулъ Ивану Семеновичу пирожки съ мозгами, поданные къ супу, и довольнымъ голосомъ замѣтилъ, что поваръ сегодня положительно отличился. Иванъ Семеновичъ, упавшій-было духомъ послѣ братнина

Digitized by Google

отказа, пріободрился и рѣшилъ опять попытать счастья: авось-де братъ сегодня будетъ сговорчивѣе. Обѣдъ кончился, всѣ разбрелись кто́ куда! Михаилъ Семеновичъ ушелъ въ кабинетъ съ намѣреніемъ отдохнуть часокъ-другой по обыкновенію; на душѣ его было спокойно и пріятно. Онъ было уже расположился на мягкомъ турецкомъ диванѣ, сбросилъ сюртукъ и закрылъ лицо платкомъ отъ мухъ, когда дверь отворилась и вошелъ Иванъ Семеновичъ со словами:

— Братъ, мнѣ все-таки нужно еще поговорить съ тобою.

Михаилу Семеновичу стало досадно, однако онъ тотчасъ сообразилъ, что этотъ разговоръ съ Иваномъ Семеновичемъ такъ или иначе неизбѣженъ, потому что вѣдь если затешется дураку въ голову блажь какая-нибудь, такъ сразу ее оттуда ни за что не выбьешь... Да оно и лучше еще переговорить и навсегда покончить со всѣмъ этимъ вздоромъ. Онъ довольно снисходительно отвѣчалъ:

— Войди, войди, Иванъ Семеновичъ, только давай поскорѣе говорить, братъ, потому что мнѣ ужасно хочется задать здороваго Храповицкаго!

— Я все объ томъ же,—началъ Иванъ Семеновичъ.

— То-есть объ Татьянѣ?

— Ну, да.

— Жениться все на ней хочешь?

— Да какъ же иначе, какъ же?—горячо заговорилъ Иванъ Семеновичъ,—я ее люблю, она хорошая... братъ, голубчикъ!

— Чудакъ ты право, Ваня, ишь втемяшилось что въ голову!.. Ну, на что тебѣ именно жениться, ну, скажи?

— Какъ на что?—Иванъ Семеновичъ даже смѣшался:—другіе же вѣдь женятся, ты женатъ...

— Ну, это другое дѣло!—съ разстановкой отвѣчалъ Михаилъ Семеновичъ.—Нѣтъ, я говорю на что вѣнчаться?—живи съ ней такъ, Богъ съ тобой! я тебѣ не мѣшаю, только смотри, братъ, чтобы Лиза какъ-нибудь не узнала... а то вѣдь бѣда!

Иванъ Семеновичъ, блѣдный, какъ смерть, вскочилъ со стула, на который присѣлъ-было:

— Что ты? что ты? братъ, родной, вѣдь она честная, невинная дѣвушка!

— Что-жъ? безчестье ей, что ли, съ тобой жить? Ты дворянинъ, она— холопка!

— Богъ съ тобой, братъ!—понуривъ голову, отвѣчалъ Иванъ Семеновичъ:—не думалъ я, нѣтъ, видитъ Богъ, не думалъ услышать это отъ тебя.

Digitized by Google

Онъ махнулъ рукой и вышелъ изъ кабинета. Ему было и обидно, и совѣстно... совѣстно за брата, и почему-то и за себя, точно будто по его винѣ кладутъ уже и теперь безчестье на ни въ чемъ неповинную Танину голову.

— Честную дѣвушку! Эхъ, Богъ вамъ судья!—твердилъ онъ, выходя изъ дому и забираясь какъ можно дальше въ глубь сада. Горько было у него на сердцѣ: вотъ чѣмъ окончились недавнія горячія мечты его о счастьѣ. Налетѣли онѣ на него, нежданно-негаданно, точно весенняя гроза — озарили, освѣжили его душу и кончилось все такъ скверно, такъ ношло, такъ подло! Нѣтъ, онъ не погубитъ Таню, онъ не обидитъ ее, онъ Леночкѣ обѣщалъ быть ея защитой. Какъ мила она ему, эта славная Таня, какъ дорога становится съ часу на часъ... и все-таки лучше вѣкъ ее не видѣть, чѣмъ навлечь на нее стыдъ и позоръ. Иванъ Семеновичъ не думалъ всего этого, но чувствовалъ что-то такое, чего нельзя было бы передать никакими иными словами. Изъ сада онъ ушелъ въ лѣсъ; не глядя куда идетъ, добрался онъ до глухого пригорка, куда рѣдко заходила нога человѣка. Тамъ онъ бросился лицомъ на землю и зарыдалъ громко, зарыдалъ какъ ребенокъ, точь-въ-точь такъ, какъ плакалъ когда-то, когда его отрывали отъ любимой, давно умершей старухи-няньки.

Вотъ когда бы ты, няня, сказала:

— Ахъ ты Ваня-Ванюшка, горькій мой!

Марья Степановна и дѣти собирались въ этотъ день прогуляться подальше, такъ какъ погода стояла отличная. Несмотря на давнее житье въ деревнѣ, Марья Степановна никогда не выходила изъ дому иначе какъ въ шляпѣ и подъ вуалью; она никогда также не забывала надѣвать перчатки, у которыхъ отрѣзала кончики пальцевъ, когда онѣ поизнашивались.

Надѣвъ шляпу и перчатки, Марья Степановна заглянула въ дѣтскую и начала торопить одѣвавшихся дѣтей. «Мы сейчасъ, мы сейчасъ!»—наперерывъ отвѣчали ей веселые тонкіе голоски. Въ эту минуту изъ дѣвичьей раздался отчаянный вопль.

— Марья Степановна, Марья Степановна, матушка! Таню, Таню убили, до смерти зашибли!

Марья Степановна ужасно переполошилась.

— Что, что, что? — дрожа спрашивала она, выбѣгая изъ дѣтской. На порогѣ дѣвичьей она столкнулась съ Матрешкой, которая уцѣпилась за нее и потащила ее за собой.

Матрешка захлебывалась отъ слезъ и не переставала твердить:

— Таню... Анисья—ключница... зашибла... до смерти...

Марья Степановна до того была перепугана, что не могла

Digitized by Google

произнести ни одного слова, она покорно слѣдовала за Матрешкой и вмѣстѣ съ ней вошла въ гладильную. То, что она увидѣла, заставило ее похолодѣть: Таня лежала на полу; воротъ рубахи ея былъ разорванъ, лицо блѣдно, какъ полотно, волосы растрепаны, на щекахъ кровь... въ углу стояла Анисья, вся багровая, съ ножницами въ рукахъ. На нее наступалъ Агапъ со словами:

— Да побойся же ты Бога, Анисья!

Двѣ дворовыя женщины съ печалью и испугомъ на лицѣ поочередно обливали Таню водой.

— Что тутъ такое? Что случилось?—вся дрожа отъ ужаса, спрашивала Марья Степановна.

Матрешка, присѣвъ на корточки около Тани, голосила:

— Ой, померла, ой, матушки свѣты! Охъ, Танюшка, охъ, сердечная!

Марья Степановна нагнулась къ Танѣ и прислушивалась, дышитъ ли она.

Таня порывисто вздыхала. Марья Степановна велѣла бабамъ положить ее на лавку и, сѣвъ около дѣвушки, начала похлопывать ее по ладонямъ и растирать ей грудь.

— Доложите барину, — сказала она, обращаясь къ женщинамъ.

— Да кто пойдетъ-то?—тихо проговорила одна изъ нихъ.

Анисья, успѣвшая въ это время вырваться отъ Агапа, бросила ножницы на полъ и съ злостью обратилась къ Марьѣ Степановнѣ:

— Не объ чемъ докладывать, барышня, никого тутъ не зашибли, а велѣно было отъ барыни потаскушкѣ косу обрѣзать, ну, я и хотѣла, а она вонъ притворилась,—ишь обмерла, будто и въ самомъ дѣлѣ, небось оживетъ! Ну васъ и совсѣмъ!

Она фыркнула и ушла на свою половину, съ силой захлопнувъ за собою дверь.

Агапъ, видя, что ближайшая опасность для Тани миновалась, отряхнулся, передернулъ сюртукъ на плечахъ и собирался тоже уйти, но Марья Степановна остановила его.

— Что тутъ было, Агапъ?

— Погорячилась Анисья Потаповна, вотъ и все-съ.

— Да вы бы барину сказали...

— Нельзя-съ господамъ обо всемъ докладывать; да вѣдь Татьяна-то ужъ и оживаетъ.

Таня открыла глаза и съ помощью хлопотавшихъ около нея

Digitized by Google

бабъ хотѣла приподняться, но не могла и осталась сидѣть на лавкѣ.

— Охъ!—вырвалось у нея.

— Что, Танюшка, что, болѣзная?—спрашивали бабы.

Таня ничего не отвѣчала. Марьѣ Степановнѣ было ужасно жаль дѣвушки, но она рѣшительно не знала, что сказать ей, и сидѣла около нея молча, поддерживая ее рукою за плечи; вдругъ она точно опомнилась, порывисто обняла ее и, заплакавъ, крѣпко поцѣловала. Обѣ бабы тоже заплакали. Но тутъ, къ ужасу своему, Марья Степановна увидѣла въ дверяхъ гладильной ученицъ своихъ: двѣ меньшія, широко раскрывъ глаза и рты, молча смотрѣли на Таню; старшая же, Юля, закусивъ губы, грозила кулачкомъ на Анисьину дверь.

— Я дядѣ-Ванѣ скажу, онъ задастъ Анисьѣ,—дрожащимъ голоскомъ говорила она.

«Откуда это дѣти обо всемъ узнаютъ?» дивилась про себя Марья Степановна. Она торопливо увела ихъ, зорко сторожа, чтобы онѣ какъ-нибудь не ушли съ глазъ ея хоть теперь-то. Но какъ она ни сторожила, а Юлѣ таки-удалось скрыться за кустами, какъ только онѣ вошли въ болѣе густую часть сада. Марья Степановна, впрочемъ, тотчасъ замѣтила это и принялась звать и искать дѣвочку; поиски продолжались довольно долго; наконецъ, Юля откуда-то вынырнула, громко смѣясь и напѣвая:

— А я тутъ была, все время за кустомъ сидѣла!

Марья Степановна вздохнула съ облегченнымъ сердцемъ и отъ радости, что нашла бѣглянку, даже не заподозрѣла ея правдивости.

Между тѣмъ Юля солгала — она вовсе не сидѣла «все это время тутъ же за кустомъ», а шепталась у садовой ограды съ Матрешкой.

— Какъ это случилось съ Таней?—скажи, Матрешка.

— Да, вотъ какъ, барышня: барыня Таню поругала сегодня утромъ, Танюшка потомъ все и плакала, въ Ленушкиной комнаткѣ запершись. Пытала меня Анисья посылать ее искать, да я сказала, что всю усадьбу избѣгала, нигдѣ не нашла. Потомъ Танюшка послѣ обѣда пошла въ гладильну бѣлье собрать да съ рукъ сдать, и вдругъ это Анисья Потаповна шасть туда да и схвати Таню за косы. А Танюшка сердечная страсть тутъ какъ спугалась да и шатнулась такъ отъ Анисьи и крикнула: «ой!» — А Анисья Потаповна къ ней съ ножницами лѣзетъ:—я де-тѣ, такой-сякой, косы обстригу! А Таня ей: Бога, говоритъ, у васъ нѣту, Анисья Потаповна, я, говоритъ, менѣ за кѣмъ

Digitized by Google

бѣгала, нежель вы... А та и наступаетъ: за кѣмъ я бѣгала? за кѣмъ? говори! ахъ ты!.. я мужняя жена... да какъ хватитъ Танюшку со всего размаху по щекѣ, да по другой... Та сердечная такъ на полъ и грохнулась, а Анисья ее за воротъ рубахи схватила да и треплетъ... и все къ ей съ ножницами, съ ножницами... сама крикомъ кричитъ, Танюшку всякимъ словомъ обзываетъ... Тутъ всѣ въ гладильну вскочили, а Агапъ Филатычъ Анисью отъ Танюшки оттащилъ, да за руки держать сталъ. Ну, я какъ увидала, что Танюшка обмерши, такъ и подумала, что Анисья ее до смерти убила... не помню я, какъ и въ домъ вскочила и стала Марью Степановну кликать, потому къ барину не посмѣла.

— Да за что же это мама и Анисья на Таню такъ сердятся?—спросила Юля, которая внимательно выслушала разсказъ Матрешки.

— Не смѣю я вамъ того, барышня, сказывать.

— А ты скажи.

Матрешка долго отказывалась,—наконецъ заговорила:

— Анисья-то за Агапа сердится, что онъ все съ Таней шутитъ,—ну, только Таня съ нимъ никогда, ни, Боже мой. А барыня за что?—Матрешка начала шептать:—Да ладитъ дяденька вашъ на Танѣ жениться, — вотъ барыня и велитъ ее прочь, на скотный согнать за то...

— Кто? дядя Ваня хочетъ на Танѣ жениться?—да она не барышня, она деревенская!

— Что-жъ такое, что деревенская: видно, по немъ хороша, люба ему.

— Ну, конечно, это какъ дядя хочетъ,—только какъ же это?

Юля задумалась.

— Ну, можетъ быть, такъ и лучше,—и дядѣ лучше будетъ, и Танѣ: вѣдь они очень добрые оба,—имъ будетъ хорошо, они другъ дружку обижать не будутъ, а теперь—и дядю обижаютъ, и Таню... Отчего же ты, Матрешка, дядю не позвала, — сама ты говоришь, что онъ Таню любитъ... Ты хоть теперь ему скажи.

— Да не знаю я, гдѣ Иванъ Семенычъ... на вышкѣ ихъ нѣту,—я ходила...

— А ты поищи.

— Ладно, поищу! и какъ-никакъ, а найду.

— Ну, я пойду, Матрешка, а ты, смотри, непремѣнно отыщи дядю.

Юля было-отошла отъ ограды, но тотчасъ опять вернулась.

— А Таня теперь гдѣ?

Digitized by Google

— Танюшка, какъ опомнилась, такъ обрядилась да къ Федулихѣ ушла; самъ Агапъ ее послалъ, чтобы Анисья, сохрани Господи, еще какого грѣха не надѣлала,—очинно она и теперь разсвирѣпѣвши. Просилась я съ Таней—думаю: не добресть ей одной до Пахотина,—да она не взяла...

— Ну, иди теперь искать дядю.

Юля побѣжала къ Марьѣ Степановнѣ, а Матрешка отправилась искать Ивана Семеновича. Обѣгавъ садъ и нигдѣ не найдя его, она прошла въ лѣсъ, но долго аукалась тамъ понапрасну, пока, наконецъ, не наткнулась на Ивана Семеновича, возвращавшагося домой. Онъ шелъ, понуривъ голову, погруженный въ печальное раздумье, не видя и не слыша ничего.

Матрешкѣ пришлось дернуть его за рукавъ, чтобы обратить на себя его вниманіе.

— Чего тебѣ?—почти испуганно спросилъ онъ.

Матрешка, сначала медленно и путаясь, но мало-по-малу все быстрѣе и складнѣе разсказала о томъ, что произошло въ гладильной.

Жалость и злость душили Ивана Семеновича. Вотъ вдругъ взяло и случилось такое, хуже чего, кажется, ужъ и быть не могло: его Таню, его любимую дѣвушку оскорбляли, били...

— Гдѣ Таня?—хрипло спросилъ онъ Матрешку.

Та даже испугалась его голоса и выраженья лица.

— Въ Пахотино, къ Федулихѣ ушла...

Иванъ Семеновичъ черезъ поле побѣжалъ по направленію къ пахотинской дорогѣ. Онъ чувствовалъ, что ему сейчасъ, сію минуту нужно видѣть Таню. Онъ не знаетъ, что именно скажетъ ей, — не знаетъ, какъ она его встрѣтитъ... что за нужда ему знать это?.. ему нужно ее видѣть: онъ утѣшитъ ее, онъ скажетъ ей, какъ ему жаль, жаль, жаль ея.

«Звѣри, звѣри!» хотѣлось ему крикнуть. Онъ стискивалъ зубы и все прибавлялъ шагу. Матрешка глядѣла ему вслѣдъ.

— Ишь, бѣжитъ какъ! видно, и въ самъ-дѣлѣ онъ на Танюшкѣ жениться ладится!

Смеркалось; мракъ замѣтно сгущался подъ ольхами и рябинами, глушившими пахотинскую дорогу, которая шла вдоль озера. На ней никого не было видно.

— Таня!—крикнулъ Иванъ Семеновичъ.—Таня!—повторилъ онъ, усиливая голосъ.

Вдругъ ему стало почему-то страшно. «Только бы не случилось съ ней чего?..» Онъ взглянулъ на озеро: оно отливало сѣро-стальнымъ блескомъ сквозь прогалины между деревьями.

Digitized by Google

Морозъ прошелъ по кожѣ Ивана Семеновича.

— Нѣтъ, нѣтъ, она этого не сдѣлаетъ!

Боже мой, Боже мой, какъ ноетъ его душа!

— Таня, Таня!—опять крикнулъ онъ.

Отвѣта не было. Деревья миновались, озеро — тоже; дорога шла теперь по болотистому лугу; впередъ было далеко видно— ни одного живого существа не было на дорогѣ.

— Таня, Таня! откликнись, голубка моя!

Иванъ Семеновичъ добѣжалъ почти до бревенчатаго моста черезъ рѣчку, текшую къ озеру; ни до рѣчки, ни за ней ничего не видѣлось на темномъ фонѣ луга.

— Таня! Таня! Таня!—безъ счета, съ отчаяньемъ повторялъ Иванъ Семеновичъ.

Онъ пошелъ по мосту шагомъ, переводя духъ.

«О-охъ!» раздался гдѣ-то вблизи, въ сторонѣ отъ дороги, не то вздохъ, не то стонъ. Иванъ Семеновичъ остановился, какъ вкопанный.

«О-охъ!» Вонъ что-то чернѣется направо, у самаго берега. Иванъ Семеновичъ бросился туда опрометью... Это кусты ольхи, за ними что-то бѣлое на лугу.

— Таня, ты, голубушка?

Иванъ Семеновичъ, на колѣняхъ подлѣ Тани, всматривался ей въ лицо сквозь темноту... онъ держалъ ее за руки.

Безграничная радость охватила его душу: онъ нашелъ ее, съ ней ничего не случилось — и теперь онъ съ ней, онъ защититъ, сохранитъ ее отъ всего.

— Скажи же мнѣ что-нибудь, родная? Господи, да она въ обморокѣ!

Онъ сбѣжалъ къ рѣчкѣ, зачерпнулъ воды въ фуражку и началъ обливать ею лицо дѣвушки, обнявъ ее одною рукою за плечи. Вдругъ Таня рванулась отъ него.

— Кто ты такой?—крикнула она не своимъ голосомъ.—Тебя Анисья прислала:—вонъ она, вонъ съ ножницами лѣзетъ, лѣзетъ, наступаетъ, помогите!..

— Это я, я, Таня, голубка, успокойся, — никакой Анисьи нѣтъ... не страшна она намъ теперь... Не бойся, я не дамъ тебя въ обиду; да узнай ты меня, милая!

Таня вдругъ зарыдала такъ громко, такъ жалко, что Ивану Семеновичу показалось, будто сердце его кровью исходитъ.

— Не плачь, милая, не плачь: я тебя въ обиду не дамъ.

Она прижалась къ нему.

— Бабушка, голубушка,—ахъ, какъ мнѣ тяжко, какъ тяжко!

Digitized by Google

— Господи, да она бредитъ, она все еще не въ себѣ!

Лицо, грудь и руки Тани горѣли. Иванъ Семеновичъ снова бросился къ рѣчкѣ. Возвратившись съ водой, онъ опять сталъ на колѣни и—точно вѣкъ свой ходилъ за больными—легкой и нѣжной рукой началъ вытирать лицо и руки дѣвушки мокрымъ платкомъ. Она не оборонялась, а сидѣла молча, по временамъ глубоко вздыхая. Ивану Семеновичу было и больно, и хорошо. Никто не придетъ теперь сюда, чтобы разлучить ихъ,—никто, а если бы кто пришелъ, если бы вздумалъ кто стать между ними, теперь или послѣ... что-то горячее закипѣло у него въ груди—да онъ... онъ своими руками убьетъ всякаго, кто прикоснется, кто только подступится къ ней!

Таня очнулась.

— Господи, да что это? Гдѣ это она? Въ полѣ ночью и около нея Иванъ Семеновичъ, обнимаетъ ее одной рукой, а другой, будто мать родная, гладитъ по головѣ, по растрепавшимся русымъ косамъ. Танѣ вдругъ сдѣлалось такъ тепло на душѣ, такъ хорошо, будто такъ и надо... точно ее кто-то давно, очень давно кровно обидѣлъ и она убѣжала отъ обиды подъ защиту Ивана Семеновича — и теперь ей уже и не горько, и не страшно, а только хорошо. И такъ онъ ей дорогъ,—дороже всего на свѣтѣ... и ей не совѣстно вовсе, что онъ такъ вотъ обнялъ ее: вѣдь это онъ, Иванъ Семеновичъ, а не кто-нибудь другой. Она прижалась къ нему и тихо, едва слышно, проговорила: «голубчикъ!»

У Ивана Семеновича даже слезы брызнули.

— Любишь, любишь? скажи, милая?

— Люблю,—охъ, люблю!—шептала Таня, пряча лицо на грудь его.

Вдругъ она лихорадочно заговорила:

— Милый, хорошій, давно полюбила, безъ мѣры... Во снѣ тебя все видѣла... Господу Богу любовь свою втихомолку со слезами сказывала... а тебѣ смолчала бы, померла бы, виду не подавши, кабы не злые люди. Ну, и слава тебѣ Господи, что истерзали меня, иначе я бы тебѣ во вѣкъ не призналась.

— Сокровище ты мое, Таня моя, не разстанусь я теперь съ тобой!

— Никогда, слышишь Ваня, уйдемъ къ Федулихѣ: жить у нея будемъ... тебя не посмѣютъ тронуть... Охъ, хотѣла я честной дѣвушкой вѣкъ прожить, да все одно, что безчестной слыла! Ну, такъ порадуйся хоть ты красой моей дѣвичьей!.. И буду я тебѣ вѣрной женой, не полюбовницей; не будетъ насъ попъ вѣнчать,

Digitized by Google

за то самъ Господь услышитъ обѣщаніе мое любить и почитать тебя до смертнаго часу! А придется отъ людей терпѣть за то, такъ я за счастье приму—потому всего на свѣтѣ ты мнѣ милѣе... Такъ милъ, что я въ гробъ за тебя лягу—ни словомъ, ни помысломъ объ томъ не погорюю...

Чувство безмѣрнаго всепоглощающаго счастья охватывало Ивана Семеновича при звукѣ Таниной рѣчи. Ему казалось, что онъ съ каждой минутой все больше и больше любитъ ее. Не красу ея одну,—нѣтъ, ему все было въ ней дорого: ея голосъ, ея слезы, ея вздохи... Онъ сталъ цѣловать ее въ глаза, въ губы... Таня обняла его и прильнула горячей щекой къ его лицу. Ивану Семеновичу было такъ жаль, жаль ея: ему хотѣлось материнской нѣжностью заставить ее забыть всю горечь того, что́ она вытерпѣла. Что́ значила страсть, бушевавшая у него въ груди, въ сравненіи съ этимъ теплымъ чувствомъ любви и жалости, наполнившемъ все существо его!

Онъ поднялъ Таню на ноги.

— Ты совсѣмъ больна, совсѣмъ, моя миленькая, дай я на рукахъ снесу тебя домой!

— Охъ, не въ усадьбу, голубчикъ, пойдемте къ бабушкѣ.

— Куда хочешь, моя ненаглядная! Куда хочешь, туда и пойдемъ—и не дамъ я тебя въ обиду никому въ цѣломъ свѣтѣ.

— Дайте, я сама пойду...

Таня сдѣлала нѣсколько шаговъ, шатаясь и держась за Ивана Семеновича—она дрожала и дышала тяжело, но мало-по-малу шаги ея стали тверже. Иванъ Семеновичъ поддерживалъ ее. Медленно подвигались они впередъ по темной дорогѣ. Все было нѣмо кругомъ, только рѣчка втихомолку журчала, да Иванъ Семеновичъ по временамъ, нагибаясь къ лицу Тани, шепталъ: «Милая, милая моя»!

— Чего это нынѣ собаки такъ разбрехались?—дивилась Федулиха, которую разбудилъ отъ перваго сна бѣшеный лай сосѣдской дворняги. Она отчаянно заливалась, и ей безпокойно вторили болѣе далекіе собачьи голоса.

— Бабка, отворяй!—раздался вдругъ подъ окномъ избы незнакомый голосъ и кто-то застучалъ по подоконнику. Старуха встрепенулась:

— Господи Іисусе! да никакъ что-то случилося!

Она спустилась съ печи и начала шарить въ потемкахъ, стараясь отыскать сама не зная что́—не то лучину, не то шугай.

Стукъ повторился сильнѣе, собаки громче залаяли.

— Да отворяй же, бабка! это мы!

Digitized by Google

— Кто вы-то, христовые? захворалъ, что-ль, кто?

— Изъ Хмѣльниковъ, Татьяна—да я!

— Отцы свѣты, да кто это?—шептала старуха: она не знала голоса Ивана Семеновича, съ которымъ ей никогда не приходилось говорить. Наконецъ, лучина была вздута, и старуха осторожно пріотворила окно, сторонясь отъ него и вглядываясь въ темноту.

— Никакъ Танюшка и есть!—заговорила она, увидѣвъ женскую фигуру, безпомощно опустившуюся на завалинку.

— А ты кто, батюшка?—обратилась она къ Ивану Семеновичу.

— Ахъ, бабка, не видишь что-ли? я Иванъ Семеновичъ; поторопись же, голубушка:—Таня вонъ сейчасъ обомретъ, насилу я ее и довелъ до тебя.

— Охъ, святители!—бабка всплеснула руками, и на этотъ разъ со всѣхъ ногъ побѣжала къ воротамъ, спотыкаясь отъ волненія и все время что-то причитывая.

Таню ввели въ избу и уложили на лавку. Она тотчасъ впала въ забытье, по временамъ вздрагивая и что-то безсвязно говоря про себя.

— Что случилось-то, что случилось?—горестливо допрашивала Ивана Семеновича Федулиха, суетясь по избѣ.

Иванъ Семеновичъ, устало опустившійся на лавку около Тани, разсказалъ старухѣ все, что произошло въ Хмѣльникахъ.

— Ахъ, ты Господи! вотъ грѣховъ какихъ натворили мучители,—чуяло, чуяло мое сердце!—твердила плача старуха.

Таня долго хворала. Иванъ Семеновичъ не отходилъ отъ нея. Онъ не захотѣлъ вернуться въ Хмѣльники. Онъ остался вмѣстѣ съ Таней жить у Федулихи.

Когда Елизавета Петровна вернулась изъ города, Анисья доложила ей о случившемся, окрасивъ свой разсказъ, какъ ей было нужно. Елизавета Петровна молча выслушала ее и, къ удивленію ключницы, не отдала по этому дѣлу никакихъ приказаній. Ихъ не послѣдовало и позже, къ величайшему изумленію всей хмѣльниковской челяди. Что касается Михаила Семеновича, то дворня не узнала ничего объ его отношеніи къ случившемуся, такъ какъ онъ ни во что не вмѣшивался изъ того, что касалось управленія прислугой—по этой причинѣ ему и въ началѣ не было доложено о бѣгствѣ Тани.

Когда Иванъ Семеновичъ черезъ нѣсколько дней прислалъ за своими вещами, ихъ сложили на телѣгу и въ цѣлости доставили ему. Михаилъ Семеновичъ потихоньку отъ жены послалъ

Digitized by Google

брату нѣсколько денегъ. Посылка эта, впрочемъ, больше не повторялась.

Осенью Костыревы уѣхали въ городъ и не возвращались больше въ Хмѣльники. Произошло это вслѣдствіе того, что тетушка Софья Степановна Гаврилова въ эту же зиму приказала долго жить, и Михаилъ Семеновичъ на весну переселился въ ея богатую подмосковную.

Софья Степановна ничего не отказала Ивану Семеновичу, а назначила старшаго племянника единственнымъ наслѣдникомъ, такъ какъ слишкомъ была возмущена безнравственнымъ поведеніемъ младшаго, о чемъ ей неоднократно и съ горемъ писала Елизавета Петровна. Михаилъ Семеновичъ раза два пріѣзжалъ въ Хмѣльники для полученія крестьянскихъ оброковъ, но эти поѣздки скоро надоѣли ему, и онъ продалъ имѣнье, какъ только навернулся выгодный покупщикъ. Съ братомъ Михаилъ Семеновичъ не видѣлся ни въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ.

Прошло двадцать-пять лѣтъ. Хмѣльники мало измѣнились, развѣ лѣса кругомъ порѣдѣли да садъ передъ домомъ гуще разросся.

Стоитъ жаркое лѣто: балконная дверь большой столовой открыта—зноемъ пышетъ изъ сада, и до дѣвушки, сидящей въ столовой, издали откуда-то доносятся всѣ тысячи звуковъ, которыми полонъ воздухъ яркаго лѣтняго дня.

Въ комнатѣ тихо, только мухи неугомонно жужжатъ, колотясь о стекла, да изъ прихожей слышится какое-то странное мѣрное причитанье:

— Буки-азъ-ба-ба! Вѣди-азъ-ва-ва! Глаголь-азъ-гха!

Дѣвушка тихонько встаетъ, лукаво наклоняетъ голову съ короткими вьющимися русыми волосами и подкрадывается къ дверямъ прихожей.

— Вѣди-азъ-ва-ва!—какъ-то сладко-сонно напѣваетъ голосъ и, вдругъ оживляясь, сурово и убѣдительно отчеканиваетъ: глаголь-азъ-гха! Дѣвушка не выдерживаетъ и разражается самымъ веселымъ смѣхомъ:

— Ѳедотка! Ѳедотка! поди сюда.

На зовъ поднимается сидѣвшій у стола въ прихожей коренастый приземистый мужичокъ въ синемъ армячкѣ, какой носятъ помѣщичьи казачки: у казачка еще полу-ребяческое, но замѣчательно серьёзное лицо, въ рукахъ онъ держитъ толстый

Digitized by Google

сѣрый чулокъ, изъ котораго торчатъ четыре короткія и очень толстыя спицы. На столѣ раскрыта засаленная старая азбука.

— Чего-съ?—отзывается онъ.

— Слушай, Ѳедотка! зачѣмъ ты все по старинному читаешь; ну, развѣ не легче какъ я тебя учила: в-а-ва?

— Легче-то оно легче, Анна Миколавна, да по старинному-то не въ примѣръ занятнѣе!

— Ну, Богъ съ тобой; когда по-моему не хочешь, учись по-своему!

Ѳедотка снова усаживается за азбуку и чулокъ, а дѣвушка возвращается на свое мѣсто и беретъ книгу. Но ей скучно, ей не читается въ эту жару, она зѣваетъ и берется за канвовую работу, которая лежитъ передъ ней на столѣ, и сейчасъ же бросаетъ и ее. Но видно и Ѳедоткѣ не въ мочь учиться въ этотъ зной: онъ бережно складываетъ чулокъ и книгу, и заложивъ руки за спину, осторожно ступая, входитъ въ залу. Степенно подходитъ онъ къ рабочему столику, за которымъ, откинувшись въ кресло, сидитъ дѣвушка.

Шитье барышни очень занимаетъ казачка, особенно нравятся ему уже готовые два голубка на вѣткѣ.

— Сама-съ, ай—не-съ?—серьёзно спрашиваетъ онъ, тыкая пальцемъ въ голубковъ.

— Ахъ ты, чудакъ! конечно, сама вышила. А то кто же?

Ѳедотка въ носъ проговариваетъ: «Гмъ!» видимо сомнѣваясь въ томъ, чтобы лѣнивая барышня могла что-нибудь сработать да еще такое красивое. Онъ, впрочемъ, изъ вѣжливости не высказываетъ яснѣе своего сомнѣнія, но барышня хорошо понимаетъ недовѣріе Ѳедотки и опять неудержимо хохочетъ.

«Чего заливается, ишь закатилась!.. Чудно!» думается Ѳедоткѣ.

— Ой, скучно, Ѳедотушка!—барышня снова зѣваетъ.—За ягодами бы, что ли, сходить. Гдѣ дѣвушки?

— Гдѣ?—иронически отзывается Ѳедотка:—извѣстно, въ кухнѣ балясы точатъ! Парасковья тамъ съ ими пахотинская.

— Ахъ, Паша! Ѳедотушка, голубчикъ, сбѣгай, позови ее сюда!.. а то нѣтъ, стой, я сама побѣгу!

Ѳедотка съ удовольствіемъ отказывается отъ хожденія за Пашей; барышня вскакиваетъ, бѣжитъ съ балкона въ садъ, оттуда заворачиваетъ на обсаженный рябинами и березами дворъ, и вотъ она уже на порогѣ кухни. Тамъ раздается веселая болтовня женскихъ голосовъ, смолкающихъ при появленіи Анны Николаевны.

Digitized by Google

— Ахъ, какія вы! вотъ и замолчали! ну, развѣ я вамъ мѣшать пришла? да смѣйтесь же, ну!.. вотъ всегда такъ, точно я баба-яга какая! Право! Пашенька! — обращается барышня къ статной круглолицей молодухѣ, сидящей на лавкѣ:—что-жъ это ты, матушка, ко мнѣ не зашла?

Молодуха встаетъ и, улыбаясь, подходитъ къ дѣвушкѣ, затѣмъ она утираетъ ротъ рукавомъ рубахи и трижды ласково цѣлуется съ Анной Николаевной.

— Ладилась я, сударынька, да вотъ козы-те задержали.

Козы—двѣ здоровыя, румяныя деревенскія дѣвки, въ нѣмецкихъ платьяхъ, весело смѣются.

— Ахъ, Паша, скучно!—жалуется барышня.—Папа съ мамой только и дѣлаютъ, что спятъ, когда жарко—а я не знаю куда дѣться... Пойдемте купаться, что ли, или за ягодами!.. Пойдемъ, Паша, ишь ты какая веселая!..

— Нельзя мнѣ никакъ, сударынька! я и то засидѣлась, вотъ съ энтими, прахъ ихъ побери! Я вѣдь за дѣломъ тоже пришла къ вамъ, а то въ такó страдное время никакъ нельзя бы изъ дому отлучиться, кабы не за дѣломъ.

— А что тебѣ нужно, Паша? ты скажи мнѣ, мама-то спитъ, къ ней теперь нельзя.

— Да видишь-ли, матушка, померъ у насъ человѣчекъ одинъ и схоронить его нечѣмъ: вотъ и пришла я у мамоньки твоей поспрошать, не пожертвуетъ ли чѣмъ.

— Кто это померъ, Паша?

— Да ты не знаешь, барышня, былъ у насъ на деревнѣ человѣчекъ такой, дядей-Ваней прозывался—безобидный, Божій человѣкъ былъ

— Крестьянинъ, что ли, вашъ пахотинскій?

— Нѣтъ, матушка, изъ вашего, господскаго роду,—прежняго барина нашего, Михайлы Семеныча, братецъ.

— Какъ же это онъ такъ обѣднѣлъ? Я слышала, что Костыревы были очень богаты. Ахъ, да ты лучше скажи мнѣ все про этого дядю Ваню. Все равно—не уйдешь, пока мама не встанетъ. А она дастъ тебѣ всего, что нужно, мама ужъ не откажетъ, ты сама знаешь.

— Ну, инъ ладно!—разсказывать—такъ разсказывать.

Молодуха усаживается и начинаетъ:

— Видишь ли, былъ, какъ сказано, человѣкъ такой безхитростный и на скрипкѣ игралъ—ахъ, хорошо: бывало, какъ слушаешь, и любо тебѣ и сама плачешь, ну словно вотъ какое было у тебя горюшко, такъ все съ тебя и сымается—и таково

Digitized by Google

тебѣ легко станетъ. И полюби тотъ баринокъ дѣвушку, еще тутошо въ усадьбѣ, у братца Михайлы Семеныча жившя. А дѣвушка та ихняя же крѣпостная была, Татьяной звали. И моя мамушка тутъ въ тѣ поры въ дѣвчонкахъ жила, потомъ за мужика въ Пахотинѣ замужъ вышла, какъ папенька твой усадьбу купилъ. Вотъ полюбилъ Ваня дѣвушку и сталъ ладиться жениться на ей, потому душа былъ человѣкъ, справедливый, а братецъ ему и не далъ: — ты-де благородный господинъ, не попущу того, чтобы тебѣ съ хамкой вѣнчаться — а коли хошь, такъ съ ей живи, я-де не препятствую. Побился, побился Ванюшка сердечный и сталъ такъ жить съ Таней, потому очинно любилися и нельзя имъ никакъ врозь другъ отъ дружки быть. Ушли они отъ Михайла Семеныча къ намъ на деревню, стали у старушки одной проживать, давно теперь померши и она. Больно было Ванѣ на брата, да на невѣстку, да на Анисью ключницу, да что подѣлаешь: сила солому ломитъ! Ну, Ваня только-что на скрипкѣ играть, а до другого-то ни до ничего не дошедши былъ; какъ ни старался, а пришлось имъ съ Танюшкой круто, а особливо Танѣ:—трудись, работай, голодай, холодай, отъ людей смѣшки терпи. Одначе не долго смѣялись надъ ней: перво-на-перво какъ узналъ это народъ, что они бы повѣнчались, коли бы не Михайло Семенычъ, такъ и стали ихъ жалѣть; а потомъ, какъ увидѣли, сколь они другъ дружкѣ любы и какъ она его соблюдаетъ и за имъ, что за дѣтенкомъ малымъ ходитъ, а взять-то имъ ничего неоткуда, и стали имъ помогать, кто чѣмъ; ну, а какъ услыхали, какъ Иванъ Семенычъ на скрипкѣ играетъ, и сдѣлался онъ всей деревнѣ все равно, что родной. И работала же Танюшка! Стали ее всѣ на деревнѣ Танюшкой звать, а ему говорятъ: «дядя Ваня»—точно такъ и нужно, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ нашъ братъ, простой человѣкъ. Пошли у нихъ ребятки—такъ и тѣхъ, кои при немъ родились, Михайла Семенычъ на волю не отпустилъ: свою кровь, братниныхъ сыновъ, въ крѣпостные приписалъ. Убивалась тутъ Танюшка больно. Все это и по-сейчасъ моя мамушка знаетъ—все она съ Танюшкой съ измальства водилась...

— Какъ почали про волю баять, сталъ Иванъ Семенычъ ладиться съ Танюшкой вѣнчаться:—«Я, говоритъ, тебя тогда передъ всѣмъ свѣтомъ оправлю!»—А матушка моя, какъ, бывало, это услышитъ и скажетъ:—«Что ее оправлять: она-де и такъ правая—потрудилась на вѣку своемъ довольно, для друга много себя не пожалѣла! Только не далъ имъ Господь счастья: передъ самой волей померла Танюшка и сыночка Ванѣ одного

Digitized by Google

только оставила, другіе ребятки всѣ при ней еще померли — знать-дѣло нужда! И такой коли бравый паренекъ выровнялся Сеня—разумный, работящій. Какъ Танюшка померла и сталъ онъ батьку своѵ́ соблюдать, ни дать, ни взять—мать родная.

Сдѣлался тутъ Иванъ Семенычъ послѣ Таниной смерти будто и совсѣмъ убогой: сидитъ, бывало, на лавкѣ у избы, молчитъ, въ кои-то вѣки словечушко вымолвитъ, и скрипку свою разбилъ... Только на Танюшкину могилку часто бродитъ и, коли встрѣтится тамъ со сторожемъ, такъ всякій разъ и скажетъ:

— Безпремѣнно вы меня тутъ съ ней рядышкомъ положьте! Сѣдой весь сталъ : голова, руки трясутся. Какъ бывало хватится Сеня отца, ужъ и знаетъ гдѣ его искать: прямо такъ и идетъ на могилки. И была еще любимая могилка у Ивана Семеныча, гдѣ племянушка у него, Ленушка, похоронена. — Ходила за ней Танюшка въ дѣвкахъ, околъ ей они и съ Иваномъ Семенычемъ-то слюбилися. И сколько, кажись, принялъ Иванъ Семенычъ горя и все горю конца нѣту:—поѣхалъ Сеня на той недѣлѣ рыбу лучить—да назадъ и не вернулся; на другой день только къ берегу тѣло водой прибило. Принесли его къ отцу, тотъ ни слова не сказалъ, не заплакалъ даже, ничто,—пошелъ, легъ на лавку, да вчера Богу душу и отдалъ. Только и вымолвилъ передъ смертью:—Положьте вы меня съ Таней рядомъ!

Для него самого я за лекарствицемъ къ вамъ третьегодни приходила. Вчера въ ночи померъ, при мамушкѣ при моей. Прибѣгла она ко мнѣ:

— Сходи, молъ, Паранька, къ хмѣльниковскимъ новымъ господамъ: — нечѣмъ-де и похоронить хорошаго человѣка.

— Да, Паша, да! всего дадимъ и на могилку проводимъ, и мама, и я,—всѣ пойдемъ, — говоритъ барышня, утирая слезу, которая навернулась у нея при разсказѣ о жизни и смерти незнакомаго, чужого ей человѣка.

— Да, родненькая, и мы всей деревней его проводимъ. Шутка ли, двадцать пять годовъ жилъ съ нами, какъ есть всѣмъ родной человѣкъ сталъ. Жалѣли мы его, и ужъ безпремѣнно, что околъ Танюшки положатъ, ему тамъ ужъ и могилка крестьянскими руками вырыта. И похоронили бы мы его на свои крестьянскіе достатки, да бѣдность наша нонѣ, взять-то какъ есть негдѣ!

Какъ говорила Параня, такъ все и случилось.—Вся деревня проводила Ивана Семеновича на покой, вся деревня помянула дядю Ваню на убогой могилѣ.

А. Л.

Digitized by Google

НАУКА и ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ *).

I.

1) *Professor Huxley:* Hume. London. 1 vol. 1879.—2) *Herbert Spencer:* The Data of Ethics. London. 1 v. in 8°. 1879. 3) *George Eliot:* Impressions of Theophrastus Such. London. 1 vol. in 8°. 1879.

Одинъ изъ величайшихъ мыслителей XVIII вѣка, комментированный однимъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ XIX-го—Юмъ, поясняемый Гёкели—вотъ явленіе, способное вызвать аппетитъ и возбудить самыя законныя надежды. И если я прибавлю, что эти надежды отнюдь не напрасны, то сказаннаго будетъ достаточно, чтобы рекомендовать вниманію читателей небольшой томикъ, не такъ давно появившійся въ печати, и до сихъ поръ остающійся самымъ драгоцѣннымъ украшеніемъ, рѣдкимъ перломъ, въ интересной серіи, издаваемой Джономъ Морлей подъ общимъ заглавіемъ: «Англійскіе литераторы» [1]).

Давидъ Юмъ, родившійся въ 1711 г., въ Эдинбургѣ, умершій въ 1776 г., цѣликомъ принадлежитъ къ тому великому

*) См. выше: янв., 332 стр.

[1]) *English Men of Letters*", edited by John Morley.—Напечатано уже нѣсколько біографій, редижированныхъ самымъ тщательнымъ образомъ; между прочимъ, можно указать на біографіи *Мильтона, д-ра Джонсона, Теккерея, Чаусера* и проч. При случаѣ, я возвращусь еще къ важнѣйшимъ изъ нихъ.

Digitized by Google

вѣку, когда философы были друзьями королей, а короли друзьями философіи,—удивительная и во всякомъ случаѣ очень интересная эпоха, когда Фридрихъ II сочинялъ для берлинской академіи похвальное слово въ честь Ламетра, а Екатерина Великая встрѣчала съ почетомъ Дидро. Къ несчастію, не то было въ Англіи, гдѣ тираннія *cont'a* и пуританизма очень часто уживалась на ряду съ политической свободой, какъ будто для того, чтобы лишній разъ доказать, что совершенства не бываетъ на этомъ свѣтѣ, и что религіозныя революціи—а это самое главное—не могутъ дать истинной свободы.

Такимъ образомъ, Юмъ, обуреваемый пылкою и законною жаждою литературной славы, не могъ бы достигнуть ея въ своемъ отечествѣ, если бы вздумалъ предаться исключительно философіи; и вотъ, замѣчательнѣйшій между знаменитыми мыслителями этого вѣка обратился къ исторіи и политикѣ.

Безъ сомнѣнія, обѣ эти науки стóютъ всякой другой, и я не имѣю намѣренія представлять ихъ какимъ-то «pis-aller»; но для Юма онѣ тѣмъ были. Его политическія статьи и исторія Англіи доставили ему знаменитость въ отечествѣ; но это была знаменитость случайная, отъ которой теперь почти ничего не осталось. Исторія не была его дѣломъ; онъ это хорошо доказалъ! Его соотечественникъ и современникъ Гиббонъ всегда останется великимъ историкомъ; Юмъ будетъ жить въ памяти общества, какъ великій философъ. Жаль только, что онъ слишкомъ рано оставилъ эту первую область своихъ изслѣдованій, и, нѣкоторымъ образомъ, погнался за тѣнью, вмѣсто добычи; я, съ своей стороны, не сомнѣваюсь, что онъ ушелъ бы гораздо дальше, если бы довелъ до конца свое великое, но незаконченное произведеніе.

Вся философія Юма содержится въ «Трактатѣ о человѣческой природѣ», напечатанномъ въ 1739 г., когда автору было всего 28 лѣтъ. Неудача была полная; но молодой философъ не счелъ себя побѣжденнымъ. Онъ сознавалъ внутреннее достоинство своего труда, и думая, что догматическая форма трактата пугала читателей, рѣшился обнародовать его снова въ формѣ отдѣльныхъ статей, болѣе удобныхъ для чтенія. Таково было,—по крайней мѣрѣ отчасти,—происхожденіе «Essays, moral, political and literary», появившихся въ Эдинбургѣ, въ періодъ отъ 1740 до 1751 г. [1]). Эти статьи главнымъ образомъ могутъ дать намъ возможно точное понятіе о философіи нашего автора.

[1]) Всякій, желающій серьёзно изучить Юма, долженъ пріобрѣсть послѣднее полное изданіе, въ четырехъ томахъ, *Philosophical Works* (London. Longmans, 1875). Можно купить отдѣльно „*Treatise on Human Nature*“ и въ особенности *Essays*—

Digitized by Google

Я сдѣлаю только одинъ упрекъ профессору Гёксли за его ученый анализъ: онъ пренебрегъ исторической стороной. Я знаю, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи слишкомъ мало мѣста; но для того, чтобы дать намъ отчетъ по крайней мѣрѣ объ англійской философіи, довольно было бы нѣсколькихъ страницъ. Онъ говоритъ о Локкѣ, о Берклеѣ, въ особенности о первомъ. Но по правдѣ сказать, слѣдовало бы воздать каждому по достоинству—*suum cuique*. Этотъ Локкъ просто карликъ, пигмей, вообразившійся на ходули; онъ извлекъ изъ Гоббза всю суть и приправилъ ее соусомъ своей философіи. Къ несчастію, Юмъ подалъ примѣръ въ этомъ отношеніи: мало того, онъ заимствовалъ у безсмертнаго автора «Левіаѳана» не только идеи, но даже цѣлыя фразы, не указывая на источникъ.

Такъ, напримѣръ, по поводу мысли, *воображенія*, которое намъ является такимъ свободнымъ, Юмъ говоритъ: «Хотя эта свобода кажется намъ неограниченная, но при болѣе зрѣломъ обсужденіи, мы убѣдимся, что она ограничена очень узкими предѣлами, и эта творческая сила души сводится къ простой способности сочетать, перемѣщать, умножать и уменьшать матеріалы, доставляемые ей чувствами и опытомъ. *Представляя себѣ гору золота, мы только соединяемъ двѣ идеи, которыя могутъ существовать вмѣстѣ: идею золота и идею горы*» (Юмъ. Философскіе опыты, II). Раскройте теперь «Трактатъ о человѣческой природѣ» Гоббза, гл. III, § 4, и вы прочтете слѣдующее: «Какъ вода, или всякая другая жидкость, взволнованная въ одно и то же время различными силами, приходитъ въ движеніе, въ которомъ участвуютъ всѣ эти силы; такъ точно и въ нашемъ мозгу, или умѣ, который въ немъ заключается, общее представленіе слагается изъ впечатлѣній, получаемыхъ отъ различныхъ предметовъ; элементами этого представленія являются различныя идеи, отдѣльно доставляемые чувствомъ: *такъ, напримѣръ, одинъ разъ чувство даетъ намъ представленіе о горѣ, другой разъ о цвѣтѣ золота,—воображеніе соединяетъ обѣ эти идеи въ одно общее представленіе о горѣ золота*».

Я нарочно привелъ этотъ поразительный примѣръ: по этому можно судить и о другихъ. Но фактъ справедливъ не только относительно Локка и Юма: самъ Берклей, котораго Стюартъ

---

2 тома, заключающіе въ себѣ между прочимъ *весьма рѣдкія* статьи о *самоубійствѣ* и о безсмертіи души. Не слѣдуетъ довѣряться въ особенности обыкновеннымъ англійскимъ изданіямъ; всѣ онѣ *очищаются* и не содержатъ даже статей о *чудесахъ* и о *суевѣріи*. Французскій переводъ въ 7 томахъ (1788) вообще полонъ,—не хватаетъ только вышеупомянутыхъ дополнительныхъ опытовъ.

Digitized by Google

Миль поставилъ на такой незаслуженный пьедесталъ, — самъ Берклей находится въ зародышѣ у Гоббза,—за исключеніемъ нелѣпыхъ выводовъ, принадлежащихъ самому епископу Клайнскому.

Я согласенъ, что Берклей доказалъ субъективный характеръ міра явленій; этотъ познаваемый мною міръ, говоритъ онъ, есть просто совокупность моихъ идей—и ничего болѣе. Но развѣ Гоббзъ уже не доказалъ, и притомъ очень ученымъ и тонкимъ анализомъ, что наши представленія субъективны? Съ другой стороны, онъ прибавляетъ, руководимый геніальнымъ соображеніемъ: «*въ дѣйствительности, внѣ насъ существуютъ только движенія*, продуктомъ которыхъ являются наши представленія» (Hobbes. Human Nature, II, 10). Берклей прибавилъ къ этому міру явленій духъ, нематеріальную сущность.

Берклей попятился назадъ; и именно по поводу этого отступленія Юмъ заставилъ психологію сдѣлать шагъ впередъ; но для избѣжанія путаницы стоило только принять за исходный пунктъ точку зрѣнія Гоббза. Внѣшній міръ, по мнѣнію Берклея, есть только совокупность нашихъ идей; но, говоритъ Юмъ, и ваша душа, вашъ духъ, ваше *я* есть только совокупность всѣхъ вашихъ идей. Первый, какъ и вторая, не имѣютъ въ себѣ ничего прочнаго, реальнаго; это карточные домики,—стбить только дунуть, и все разсыплется. Берклей отнялъ у насъ матерію, Юмъ освободилъ насъ отъ духа.

Какая прекрасная вещь метафизика! Однажды Шопенгауеръ записывалъ лекцію Фихте; въ томъ мѣстѣ, гдѣ профессоръ разглагольствовалъ о сознаніи, онъ внезапно остановился и написалъ въ выноскѣ: «какъ бы мнѣ хотѣлось приставить пистолетъ къ твоей груди и крикнуть тебѣ:—Ты умрешь сейчасъ же! Хоть изъ сожалѣнія къ твоей бѣдной душѣ скажи мнѣ, понимаешь ли ты самъ что-нибудь въ этой галиматьѣ, или просто считаешь насъ дураками!» [1]).

Было бы однако несправедливостью причислять къ такимъ метафизикамъ и Юма. Правда, разрушивъ систему Берклея, онъ не дѣлаетъ отъ себя никакихъ выводовъ, однако очень ясно указываетъ на важную истину, намѣченную имъ уже въ прежнихъ сочиненіяхъ, а именно: что совокупность представленій, составляющая духъ, есть въ дѣйствительности группа впечатлѣній, причину которыхъ нужно искать въ предшествовавшихъ измѣне-

[1]) *A. Schopenhauer:* Memorabilien и проч. von J. Frauenstädt. Berlin, 1863, стр. 237.

Digitized by Google

ніяхъ мозгового вещества (Трактатъ о человѣческой природѣ. Part. IV, sect. II).

«Разумѣется, говоритъ по поводу этого профессоръ Гёксли, въ настоящее время ни одно компетентное лицо не можетъ отрицать, что психологія основывается на физіологіи нервной системы, такъ-называемыя умственныя отправленія суть просто отправленія мозга, а матеріалы сознанія—продукты мозговой дѣятельности... Съ другой стороны, должно также признать, пока не докажутъ противное, что всѣ наши впечатлѣнія получаются отъ чего-то реальнаго, существующаго внѣ насъ. Очень вѣроятно, что мозгъ является посредникомъ, благодаря которому матеріальный міръ познаетъ самъ себя» (Huxley. Hume, стр. 81). Къ сожалѣнію, ученый профессоръ тотчасъ же дѣлаетъ оговорку: «но необходимо замѣтить: если даже это понятіе о вселенной и объ отношеніи сознанія къ другимъ элементамъ ея—справедливо, то все-таки наша мысль постоянно стѣснена въ извѣстныхъ предѣлахъ,—мы никакъ не можемъ опровергнуть аргументы чистаго идеализма». Уступка, на мой взглядъ жалкая; но она вполнѣ подъ стать послѣдней статьѣ ученаго профессора, появившейся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ одномъ изъ серьёзныхъ журналовъ [1]). Заключительную фразу этой статьи я считаю не лишнимъ привести здѣсь:

«Наши ощущенія, пріятныя и болѣзненныя, и ихъ отношенія составляютъ въ цѣломъ общую сумму нашихъ положительныхъ, неопровержимыхъ знаній. Извѣстную часть этихъ ощущеній и ихъ отношеній мы называемъ матеріей и движеніемъ; остатокъ называемъ умомъ и мыслью; опытъ доказываетъ, что между нѣкоторыми изъ первыхъ и нѣкоторыми изъ послѣднихъ существуетъ извѣстная послѣдовательность.

«Вотъ все, что строгая метафизическая критика сохранила отъ ложной метафизики грубаго здраваго смысла. Это согласуется и съ чистымъ матеріализмомъ, и съ чистымъ идеализмомъ; но не составляетъ ни того, ни другого. Вѣдь идеалистъ не довольствуется утвержденіемъ той истины, что наши знанія сводятся къ фактамъ сознанія; онъ объявляетъ—хотя этого совершенно невозможно доказать—что внѣ этихъ фактовъ, внѣ духа, не существуетъ ничего. Съ другой—матеріалистъ считаетъ доказаннымъ, что матеріальныя явленія составляютъ причину явленій умствен-

[1]) „On Sensation etc., by professor Huxley. XIX-Century. Апрѣль, 1879 (т. V. стр. 597).

Digitized by Google

ныхъ, и что первоначально существуетъ только матеріальная субстанція».

Но при всемъ уваженіи къ одному изъ свѣтилъ современной науки можно, кажется, замѣтить, что эти слова противорѣчатъ вышеприведенному положенію, по которому факты сознанія разсматриваются, какъ «продукты мозговой дѣятельности». Съ другой стороны, могъ бы возстать противъ этого, безъ сомнѣнія, произвольнаго опредѣленія матеріализма профессоръ Тиндаль, который говоритъ: «въ матеріи я вижу зародышъ всѣхъ жизненныхъ явленій». Наконецъ, даже Джордано Бруно возвыситъ голосъ изъ могилы, объявляя: «матерія не grore nihil, какъ это воображаютъ, не чистая, единая сущность, лишенная всякой дѣятельности, качествъ, способности къ усовершенствованію... Безформенная,—она не лишена теплоты, какъ ледъ; она не похожа на темную бездну. Скорѣе она подобна беременной женщинѣ, еще не имѣющей дѣтей, но уже заключающей ихъ въ своемъ чревѣ; или землѣ, которая лишена свѣта въ теченіи ночи, но снова найдетъ его, обернувшись на своей оси» [1]). Однимъ словомъ, это — субстанція, по прекрасному выраженію Спинозы, пространство и мысль, тѣло и движеніе. Она—*едина* въ своихъ различныхъ видахъ, и такимъ образомъ рѣшается этотъ нелѣпый вопросъ о реальности внѣшняго міра, объ отношеніи объекта къ субъекту, разсѣкается гордіевъ узелъ скептицизма, обязанный своимъ существованіемъ гипотетическому представленію о двухъ различныхъ и несовмѣстимыхъ сущностяхъ.

Я не могу шагъ за шагомъ слѣдить за ученымъ комментаторомъ, который по поводу Юма затрогиваетъ всѣ самые важные вопросы психологіи,—выражаюсь общеупотребительнымъ терминомъ. Можно расходиться съ нимъ въ частностяхъ: напримѣръ, можно сожалѣть объ упорствѣ, съ какимъ Гёксли, въ своемъ чрезмѣрномъ поклоненіи Декарту, старается придать теоріи врожденныхъ идей научный характеръ, вовсе не соотвѣтствующій картезіанской философіи;—но тѣмъ не менѣе нельзя не слѣдить съ величайшимъ интересомъ за этимъ полнымъ анализомъ явленій духа у первоначальной философіи. Въ особенности я желаю обратить вниманіе читателей на двѣ теоріи.

Первая касается идеи причины, которую Юмъ, какъ извѣстно, не признавалъ необходимой истиной, отвѣчающей дѣйствительности. Великій шумъ поднялся изъ-за этого отрицанія; одни ухватились за него, другіе отвергли съ презрѣніемъ; и должно замѣ-

[1]) *Giordano Bruno*, De la causa, principio et uno. Venetia. 1584, стр. 107.

Digitized by Google

тить, что нѣкоторые приверженцы научнаго метода увлеклись совсѣмъ неразумно ложной теоріей, отъ которой они ожидали только счастливыхъ, съ извѣстной точки зрѣнія, послѣдствій. Юмъ отрицалъ главнымъ образомъ скрытыя, метафизическія причины, посредствомъ которыхъ спиритуалисты и схоластики думали объяснять явленія и даже происхожденіе міра. Вотъ какъ онъ разсуждалъ: «всѣ отдѣльныя идеи могутъ быть обособлены; между тѣмъ, идеи о причинѣ и о результатѣ, очевидно, отдѣльны: можно поэтому представить себѣ какой-нибудь предметъ несуществующимъ въ извѣстный моментъ и минуту спустя существующимъ, не соединяя съ этимъ отдѣльной идеи о причинѣ или о творческомъ принципѣ».

Это часто происходитъ такимъ образомъ въ глазахъ толпы, которая называетъ «случаемъ» проявленіе дѣйствія, не имѣющаго, на ея взглядъ, причины. Съ другой стороны, философъ или ученый очень хорошо знаетъ, что все въ природѣ происходитъ по неизмѣннымъ законамъ, не допускающимъ никакого «случая», въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Итакъ, все, что̀ имѣетъ начало, имѣетъ также и причину, за исключеніемъ самой природы, ибо, какъ говоритъ индійскій мудрецъ: «корень всѣхъ вещей, — самъ не имѣетъ корня» [1]).

Можно сказать, что идею *причины* слѣдуетъ замѣнить идеей *закона*, но это споръ о словахъ, и слово причина вполнѣ можетъ сохраниться въ практикѣ, только не въ смыслѣ скрытой сущности, какъ понимали его прежде. Слѣдуетъ быть благодарнымъ Юму за его доброе намѣреніе; но нечего осыпать его похвалами за вышеприведенное разсужденіе, которое въ дѣйствительности остается предложеніемъ, требующимъ доказательствъ. Двѣ идеи остаются всегда нераздѣльными, именно: идеи причины и дѣйствія, — это доказываетъ опытъ, къ которому всегда слѣдуетъ прибѣгать для исправленія ошибокъ логики.

Впрочемъ, къ этому заключенію приходитъ самъ Юмъ въ «Опытѣ о свободѣ и необходимости». Всѣ соглашаются, говоритъ онъ, что явленія матеріи производятся необходимыми силами, что дѣйствіе при этомъ опредѣляется со всею точностью природой и энергіей причины, что въ каждомъ данномъ случаѣ существуетъ только то дѣйствіе, которое обнаружилось («Essays on Human understanding», № 8). При этомъ французскій переводчикъ замѣчаетъ въ выноскѣ: «какимъ образомъ г. Юмъ согла-

[1]) *Kapila:* Aphorismes de la philosophie Sankhia. Traduction de Ballantyne. Allahabad. 1832, p. 76.

Digitized by Google

ситъ это съ предъидущимъ опытомъ!» Фраза характерная: она доказываетъ, что переводчикъ не понялъ сущности мысли философа, который главнымъ образомъ отрицалъ необходимость первыхъ причинъ, и старался отклонить ученыхъ отъ нелѣпыхъ попытокъ открыть такъ-называемую «тайную силу» вещей. Съ другой стороны, должно сознаться, что это замѣчаніе отчасти оправдывается несчастною фразой Юма: «я согласенъ, что до сихъ поръ ходъ природы былъ правиленъ; во всякомъ случаѣ, необходимъ новый аргументъ, чтобы доказать, что онъ останется такимъ же и на будущее время» (ibid. Essay, V). Это такая же жалкая фраза, какъ и вышеприведенный софизмъ; это новое доказательство безплодности чистой метафизики. Гёксли тысячу разъ правъ, утверждая, что лабораторія—(изученіе экспериментальныхъ наукъ)—есть преддверіе храма философіи.

Вторая теорія, о которой я хочу говорить, это—теорія такъ называемой свободной воли. Всякому, кто знаетъ, хотя-бы только по наслышкѣ, какую груду сочиненій создалъ этотъ споръ, будетъ, безъ сомнѣнія, пріятно узнать, что этотъ вопросъ изложенъ и освѣщенъ съ достаточною полнотою на двѣнадцати страницахъ нашего томика. Прежде всего, вотъ какъ опредѣляетъ волю Гёксли, исправляя текстъ Юма: «Это — впечатлѣніе, которое рождается, когда мысль о какомъ-нибудь физическомъ или душевномъ явленіи сопровождается желаніемъ осуществленія этого явленія. Оно отличается отъ другихъ желаній только тѣмъ, что въ этомъ случаѣ мы смотримъ на себя, какъ на причину желаннаго явленія» (l. c. стр. 84). Далѣе, всякое рѣшеніе есть слѣдствіе болѣе или менѣе сложнаго разсужденія, котораго мы не сознаемъ; мы не видимъ непосредственной связи, отчего и рождается чувство безграничной и безконечной свободы, которое софисты выдаютъ намъ за доказательство этой свободы. Посмотрите, говорятъ они, развѣ мы не можемъ вполнѣ свободно двигать рукою направо, налѣво, назадъ и т. д.; «они не обращаютъ вниманія, говоритъ Юмъ, на то, что самое ихъ фантастическое желаніе доказать эту свободу, въ данномъ случаѣ, является мотивомъ, опредѣляющимъ ихъ дѣйствія».

Притомъ, безъ сомнѣнія, мы свободны до извѣстной степени дѣлать «то, что намъ нравится»; въ этомъ никто не сомнѣвается. Но почему то или другое намъ нравится или не нравится? «That is the question», вотъ въ чемъ задача, а въ то же время тутъ и отвѣтъ на аргументы сторонниковъ свободной воли. Какъ устроенъ вашъ организмъ, какой у васъ темпераментъ, какое воспитаніе вы получили, въ какой средѣ живете и проч. и проч.? «Свобода,

Digitized by Google

говоритъ Юмъ, есть просто возможность дѣйствовать или не дѣйствовать согласно желанію». — Гоббзъ уже столѣтіемъ раньше сказалъ: «Свобода, это—отсутствіе внѣшнихъ препятствій». А въ одной изъ главъ «Левіаѳана» онъ высказалъ слѣдующую формулу, которую Юмъ только парафразировалъ: «Свобода и необходимость вовсе не являются несовмѣстимыми: дѣйствія, совершаемыя людьми добровольно, обусловливаются свободой, потому что обусловливаются ихъ желаніемъ; и въ то же время онѣ обусловливаются необходимостью, потому что всякій актъ человѣческой воли имѣетъ причину, которая въ свою очередь — звено непрерывной цѣпи» [1]).

Все это приводитъ насъ къ вопросамъ о нравственности и, слѣдовательно, къ недавно появившемуся трактату Герберта *Спенсера* — «The Data of Ethics». Впрочемъ, это скорѣе отрывокъ, нѣчто въ родѣ введенія, и нельзя не быть тронутымъ доводами, которыми авторъ объясняетъ эту преждевременную публикацію; надѣемся, что его печальныя предчувствія не сбудутся. Извѣстно, что знаменитый писатель предпринялъ изложеніе,—болѣе того—общую систематизацію знаній, на основаніи новѣйшихъ данныхъ современной науки. Онъ послѣдовательно обнародовалъ «First principles», потомъ «Principles of Biology»; вскорѣ затѣмъ, «Principles of Psychology». Онъ началъ даже издавать «Principles of Sociology»; и такъ какъ рѣшился — по моему мнѣнію совершенно напрасно, не во гнѣвъ будь сказано Огюсту Конту,—отдѣлить нравственность отъ политики или соціологіи,—то казалось необходимымъ окончить начатое сочиненіе, прежде чѣмъ приниматься за этику. Упадокъ здоровья возбудилъ въ немъ опасеніе, что ему не удастся окончить свой трудъ; и потому Спенсеръ рѣшился по крайней мѣрѣ намѣтить цѣль, дать опредѣленное указаніе и точное, хотя и неполное изложеніе, своихъ взглядовъ на этику—ученіе о нравственности.

Здѣсь я чувствую нѣкоторое смущеніе; проникнутый уваженіемъ къ знаменитому человѣку, предпринявшему такой страшный трудъ: построить философскій синтезъ доктрины постепеннаго развитія,—я тѣмъ не менѣе убѣжденъ въ невозможности для него, отнынѣ уже очевидной, создать такой памятникъ. Отдавая полное уваженіе его добрымъ намѣреніямъ, возмущаясь нападками на него со стороны стараго англиканскаго лицемѣрія, я не могу не видѣть его недостатковъ, не чувствовать его презрительнаго, почти враждебнаго, отношенія къ сторонникамъ истин-

[1]) *Leviathan.* Часть II, гл. 21.

Digitized by Google

наго экспериментальнаго метода. Онъ также грѣшитъ излишкомъ метафизики; онъ злоупотребляетъ умствованіями, и слишкомъ часто довольствуется поверхностнымъ изученіемъ авторовъ, которыхъ критикуетъ. Онъ постоянно догматизируетъ, часто безъ достаточныхъ основаній, и, кажется, слишкомъ убѣжденъ въ томъ, что, благодаря своей теоріи постепеннаго развитія, онъ необходимо опережаетъ своихъ предшественниковъ.

Эта точка зрѣнія, на которую часто становятся современные реформаторы, приводитъ къ достойнымъ сожалѣнія результатамъ: она заставляетъ ихъ то систематически унижать своихъ предшественниковъ, то представлять ихъ труды въ совершенно ложномъ свѣтѣ; и это, не спорю, совершенно искренно. Такъ, напримѣръ, Спенсеръ, желая превзойти утилитаріанцевъ и представить болѣе совершенную теорію, не находитъ ничего лучшаго, какъ распространяться въ праздной критикѣ этого предмета. Напримѣръ, онъ оспариваетъ мнѣніе Бентама, по которому «всѣ знаютъ, что̀ такое счастіе, потому что всѣ знаютъ, что такое чувство удовольствія». При этомъ онъ цитируетъ Аристотеля, говорящаго, что всякій понимаетъ счастье по-своему, и утверждающаго въ заключеніе, что высшее счастье доставляютъ умственныя наслажденія созерцательной жизни. Но въ чемъ же тутъ противорѣчіе? Аристотель только допускаетъ всевозможные виды счастья; а, съ другой стороны, всякій ученый труженикъ согласится признать огромное превосходство умственныхъ наслажденій. Даже люди, знакомые съ одними чувственными наслажденіями, имѣютъ полное представленіе о счастьѣ. Спенсеръ старается доказать, наперекоръ Бентаму, что идея справедливости проще, общнѣе, однимъ словомъ, легче—для пониманія, чѣмъ идея счастья. Справедливость, говоритъ онъ, имѣетъ дѣло только съ *количествомъ:* каждому, что̀ ему слѣдуетъ,—это вопросъ о равенствѣ; что касается до счастья, то здѣсь примѣшивается вопросъ о *качествѣ*. Вотъ какъ разсуждаетъ этотъ философъ, котораго считаютъ ярымъ приверженцемъ экспериментальнаго метода! Это достойно сожалѣнія,—и такъ какъ мы уже затронули Аристотеля, то обратимся къ главѣ 7, III книги «Политики», и мы узнаемъ, что безсмертный философъ съ точностью опредѣляетъ понятіе справедливости понятіемъ о счастіи, какъ оно и слѣдуетъ: «*справедливость—это общественная выгода*—τὸ δίκαιον, τοῦτο δ'ἐστι τὸ κοινῇ συμφέρον».

Естественно, Спенсеръ придаетъ большое значеніе «нравственному чувству» Дарвина, образующемуся посредствомъ наслѣдственной передачи въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Въ началѣ, это—личный интересъ, соединенный съ опасеніемъ наказанія со

Digitized by Google

стороны общества, подъ конецъ онъ превращается въ особаго рода инстинктъ, такъ что, въ концѣ-концовъ, «правила поведенія заключаются во внутреннихъ представленіяхъ о справедливомъ, освѣщенныхъ и объясненныхъ аналитическимъ умомъ; между тѣмъ какъ мы будемъ сознавать превосходство этого правила, просто потому, что оно ведетъ къ высшей и опредѣленной цѣли—личному и общему счастью» (Data of Ethics, стр. 173). Естественно также, что альтруизмъ все болѣе и болѣе будетъ брать верхъ надъ эгоизмомъ, и наступитъ время, когда съ усовершенствованіемъ человѣческой расы, высшій альтруизмъ заставитъ людей служить не эгоизму, но альтруизму другихъ! (Ibid., стр. 256).

Такъ-то новое ученіе о нравственности думаетъ превзойти утилитаріанизмъ Стюарта Милля и Бентама. Увы, это подобно тому, какъ самъ Стюартъ Милль думалъ опередить нравственное ученіе Гоббза и Гельвеція. Точно будто великій французскій философъ не изложилъ уже вполнѣ теорію индуктивной, утилитарной научной морали, опирающейся на дѣйствительное знаніе человѣческой природы. «Все искусство законодателя,—говоритъ Гельвецій,—заключается въ умѣньи заставить людей, изъ любви къ самимъ себѣ, быть справедливыми къ другимъ» («De l'Esprit», discours II, chap. 24). Всѣ эти ухищренія и—скажемъ также—всѣ эти уступки приверженцамъ интуитивной морали, приверженцамъ абсолютнаго, приведутъ къ одному: справедливыя доктрины, искаженныя такимъ образомъ, возбудятъ смѣхъ, и можно уже теперь предвидѣть новую оиваиду альтруистовъ, гораздо болѣе смѣшную и неразумную, чѣмъ всякая другая.

Я уже теперь нахожу одного изъ этихъ будущихъ анахоретовъ, въ лицѣ Джорджа Элліота. Безъ сомнѣнія, вы удивитесь, встрѣтивъ въ этой главѣ имя знаменитой романистки; но странная книга «Theophrastus Such»—вовсе не романъ. Это—рядъ статей безъ опредѣленной связи, слабость и ничтожность которыхъ удивительны, въ виду знаменитости автора. На этотъ разъ критика отличалась единодушіемъ; разочарованіе было глубокое и всеобщее, исключая тѣхъ, кто, какъ вашъ покорный слуга, оставался всегда равнодушнымъ къ успѣхамъ этой, не по заслугамъ превознесенной писательницы. Обращаюсь къ тѣмъ изъ читателей «Вѣстника Европы», которые могли приписывать мои критическія замѣчанія о сочиненіяхъ Элліота дѣйствію спеціальной и несправедливой антипатіи. Пусть они попробуютъ читать эту послѣднюю книгу, и для меня будетъ новостью, если они рѣшатся дочитать ее до конца. Я знаю, что насъ интересуетъ все, выходящее изъ-подъ пера великаго писателя, и что крошки,

Digitized by Google

падающія со стола генія, могутъ еще доставить богатую и удобоваримую пищу; но если писатель имѣетъ мало общаго съ геніемъ, тогда его ничтожныя произведенія являются въ своемъ настоящемъ свѣтѣ—какъ пустая шелуха, абсолютное ничтожество, и заставляютъ разсмотрѣть пристальнѣе его сочиненія и измѣнить слишкомъ высокое мнѣніе объ авторѣ.

«Theoprastus Such»—имя одной фантастической личности, съ выпуклымъ лбомъ и выдающимся подбородкомъ, которая разсказываетъ намъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Сначала вы ожидаете—особенно встрѣтивъ такое странное имя—какихъ-нибудь юмористическихъ разсужденій, въ родѣ «Sartor resartus». Но ничего подобнаго нѣтъ; это просто безсвязный вздоръ, такъ что одинъ критикъ, безъ всякаго враждебнаго предубѣжденія, выразилъ сомнѣніе,—не перешла ли мадамъ Джоржъ Элліотъ границу дозволеннаго, предлагая публикѣ подобныя рапсодіи. Одна идея господствуетъ надъ всѣмъ: идея самоотреченія, трансцендентальнаго, мистическаго, неестественнаго альтруизма, которымъ пропитана вся эта книга. Здѣсь все только могильныя растенія: тисовыя деревья и кипарисы, иммортели и златоцвѣты. Кажущійся оптимизмъ Герберта Спенсера является здѣсь въ своемъ истинномъ свѣтѣ: это уже не реализмъ, это—пессимизмъ въ новой оболочкѣ. Ибо никто не повѣритъ, что счастье заключается въ самопожертвованіи, если тѣ, въ чью пользу эта жертва приносится, встрѣчаютъ ее свистками и неблагодарностью. Спенсеръ, по крайней мѣрѣ, обѣщаетъ намъ въ будущемъ эру всеобщей любви и признательности; у Джоржа Элліота нѣтъ ничего подобнаго. Доказательствомъ, что я не преувеличиваю, можетъ служить книжка, напечатанная недавно однимъ благочестивымъ шотландцемъ; въ ней онъ доказываетъ, что нравственное ученіе автора «Деронды» тожественно съ нравственнымъ ученіемъ католицизма и христіанскаго аскетизма, въ его самыхъ суровыхъ и мрачныхъ формахъ [1]). Стоитъ ли жить? — спрашиваютъ Шопенгауеръ и его ученикъ;—да, безъ сомнѣнія, если только есть какая-нибудь надежда на осуществленіе формулы другого, болѣе великаго философа: «счастье для возможно бо́льшаго числа людей» — и, разумѣется, не стоитъ, если не остается другой перспективы, какъ очутиться въ одинъ прекрасный день въ мірѣ

---

[1]) „The Ethics of George Eliot's works", by J. C. Brown. Edinburgh: Blackwood, 1879. Странная книжка эта является неожиданнымъ подтвержденіемъ взглядовъ, выраженныхъ въ этихъ письмахъ, относительно знаменитой англійской романистки.

Digitized by Google

аскетовъ и призраковъ, подобныхъ тѣмъ, которые порождаются въ головѣ автора «Theophrastus Such».

II.

1) *J. H. Burton* [1]): a History of the reign of queen Anne. Edinburg. 3 vols. 1880. — 2) *W. Minto*: Daniel Defoe. London: Macmillan. 1 vols in 12°. 171 стр., 1879.

Бёртонъ — солидный историкъ, авторъ превосходной біографіи своего соотечественника Давида Юма, очеркъ философіи котораго мы только-что сдѣлали. Онъ гордится титуломъ королевскаго исторіографа Шотландіи, — титуломъ, который вполнѣ оправдывается важнымъ трудомъ Бёртона по исторіи этой страны. Впрочемъ, предпринимая описаніе царствованія королевы Анны, онъ не отказался отъ квасного патріотизма, который свойственъ каждому шотландцу, хотя и не доходитъ до такихъ нелѣпостей, какъ у ирландцевъ. Попробуйте, подъ предлогомъ единства языка, назвать англичаниномъ какого-нибудь Макдональда или Джемисона, — они завопятъ они, молъ — «Scotch», или, по мѣстному нарѣчію: «Scots, not English». Съ другой стороны, они охотно называютъ себя британцами (British), и ничего не имѣютъ противъ вѣчнаго соединенія двухъ королевствъ, — даже питаютъ въ глубинѣ души забавную мысль, будто въ дѣйствительности Шотландія присоединила къ себѣ Англію, такъ какъ король Іаковъ VI, начавшій, подъ именемъ Іакова I, рядъ общихъ королей, былъ шотландскимъ принцемъ. Какъ бы то ни было, окончательное соединеніе съ общимъ парламентомъ, съ оффиціальною конституціей Великобританскаго королевства, осуществилось только въ 1707 году, въ правленіе королевы Анны, представляющее, такимъ образомъ, особый интересъ для историка Шотландіи. Только это обстоятельство, думается мнѣ, могло заставить Бёртона заняться этимъ предметомъ, черезъ десять лѣтъ послѣ появленія весьма почтеннаго труда графа Стенгопа [2]).

«Она была добрая женщина, — говоритъ Мишле о королевѣ Аннѣ: — имѣла сострадательное сердце, боялась крови, и ей обязана миромъ Европа» («Hist. de France», t. XIV, p. 324).

[1]) Его же: The history of Scotland from Agricola's invasion to the year 1748. Edinburgh. 8 том. 2-е изд. 1873 г. Въ 1846 г. онъ напечаталъ „The Life and Correspondence of David Hume".

[2]) History of England under the reign of queen Anne. London: Murray. 2 т. in 8°, 1870.

Digitized by Google

Теперь послушаемъ Вольтера: «Нѣсколько паръ перчатокъ, въ которыхъ ей отказала герцогиня Мальборо; кружка воды, которую герцогиня, изъ притворной неловкости, пролила въ ея присутствіи на платье госпожи Мешемъ, — измѣнили видъ Европы». Это подтверждаетъ Галламъ, признаваясь, какъ это ему ни трудно, что «домъ Бурбоновъ, безъ сомнѣнія, не царствовалъ бы по ту сторону Пиренеевъ, если бы Сара и Абигайль не присутствовали при туалетѣ королевы Анны» («Constitut. History», т. III, стр. 283). Отсюда, кажется, можно заключить, что комедія Скриба: «Verre d'eau», представляетъ наиболѣе полнымъ образомъ философію исторіи по этому вопросу. Это не лестно какъ для исторіи, такъ и для философіи.

Итакъ, справедливо ли мнѣніе Мишле, и вѣрно ли то, что королева Анна единственно по добротѣ сердца, изъ отвращенія къ крови, согласилась подарить побѣжденной Франціи относительныя блага утрехтскаго мира? И, съ другой стороны, имѣла ли вліяніе на это событіе ссора королевы съ герцогиней Мальборо? Бёртонъ очень хорошо понялъ, что такія ничтожныя причины не могутъ опредѣлять великихъ фактовъ историческаго развитія. Но тѣмъ не менѣе такія причины могутъ имѣть дѣйствительное вліяніе, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе событіе подготовлено совокупностью общихъ причинъ, какъ это было въ данномъ случаѣ. Кажется, что нашъ авторъ недостаточно выяснилъ эту дѣйствительную связь событій.

Можетъ быть, Мишле и преувеличивалъ необыкновенную и странную дружбу, которая существовала сначала между королевой Анной и ея великой фавориткой, — но за то Бёртонъ совершенно упустилъ изъ вида это обстоятельство. А для объясненія его слѣдовало обратиться къ милой эпохѣ короля Карла II и его двора—этому истинному царству Астреи, только безъ невинности,—когда изъ имени любовницы короля миссъ Чэлсъ (по французски, — puits, колодезь) дѣлали двусмысленные каламбуры; когда другая фаворитка, миссъ Стевартъ, впослѣдствіи графиня Ричмондъ, безъ всякихъ церемоній показывала свои ноги. Эта послѣдняя черта такъ характеристично и такъ мило разсказана у Гамильтона, что я не могу удержаться отъ удовольствія цитировать его, тѣмъ болѣе, что это касается отчасти Россіи:

«Вчера я былъ у мадемуазель Стевартъ послѣ аудіенціи этихъ проклятыхъ московитовъ, — разсказываетъ лордъ Честерфильдъ;—король только-что пришелъ. Зашелъ разговоръ о диковинной фигурѣ пословъ. Не знаю, откуда взялъ этотъ сумасшедшій Крафтъ, что у всѣхъ московитовъ красивыя жены, и у

Digitized by Google

всѣхъ этихъ женъ хорошенькія ножки. Король утверждалъ, что ни у кого нѣтъ такой красивой ноги, какъ у мадемуазель Стеварть. Она, чтобы убѣдить всѣхъ присутствующихъ, стала ее показывать, выше колѣна. Мы готовы были броситься въ ея ногамъ и преклониться передъ ихъ красотой: такъ какъ дѣйствительно невозможно найти другихъ такихъ ногъ» и проч. [1]).

То было время, когда двѣ фрейлины герцогини Іоркской, мисъ Дженнингсъ и миссъ Прейсъ, искали приключеній, переодѣвшись въ платье торговокъ апельсинами. «Мадемуазель Дженнингсъ,—говоритъ Гамильтонъ,—одаренная всѣми сокровищами молодости, отличалась самой ослѣпительной бѣлизной. Ея волосы были безукоризненнаго бѣлокураго цвѣта. Живое и одушевленное выраженіе предохраняло ея лицо отъ вялости, которая обыкновенно сопровождаетъ чрезвычайную бѣлизну. Ея ротъ былъ не изъ самыхъ маленькихъ; но это былъ прекраснѣйшій ротикъ въ мірѣ. Природа украсила ее невыразимыми прелестями; граціи закончили дѣло природы. Черты ея лица были прелестны; ея шея была такой же ослѣпительной бѣлизны, какъ и лицо» (chap. XI). Это портретъ не Сары Дженнингсъ, герцогини Марльборо, но ея сестры; но, бросивъ взглядъ на гравюры, изображающія герцогиню, мы не можемъ не примѣнить къ ней, по всей справедливости, этого лестнаго описанія. Въ особенности, если прибавить сюда слѣдующую черту: «при такомъ прекрасномъ лицѣ, она блистала умомъ и остроуміемъ».

Въ этомъ она особенно отличалась отъ своей подруги, принцессы Анны, обладавшей, какъ говорятъ, величественной осанкой, но которую всего охотнѣе представляешь себѣ подъ видомъ и именемъ м-съ Морлей; это имя она приняла позднѣе для переписки съ своей милой Сарой, назвавшейся м-съ Фримантъ. Сарѣ Дженнингсъ было 12 лѣтъ, когда она сдѣлалась подругой своей будущей королевы. На семнадцатомъ году она влюбилась въ красиваго полковника Джона Чёрчилля: они повѣнчались сперва секретно, по тогдашнему обыкновенію. Тогда дѣлали опытъ супружества, прежде чѣмъ объявить о немъ во всеуслышаніе. Такъ поступилъ Іаковъ II съ маленькою Анною Гайдъ, дочерью канцлера Кларендона; позднѣе онъ рѣшился обнародовать этотъ бракъ. О, это славное было время для тѣхъ, кто «возвышается посредствомъ женщинъ».

Посредствомъ дочери, Кларендонъ достигъ величайшей чести: быть дѣдушкой двухъ королевъ, не считая того, что король

[1]) Mémoires de Grammont, par *Hamilton*, chap. IX.

Digitized by Google

былъ его зятемъ! И Джону Чёрчилю помогли женщины, а именно его сестра, Арабелла Чёрчилль, «высокая дѣвушка, блѣдная и худощавая», говоритъ Гамильтонъ; герцогъ Іоркскій вяло ухаживалъ за ней, пока, наконецъ, паденіе съ лошади не устроило судьбу красавицы, обнаруживши въ ней такія преимущества, «которыхъ невозможно было и подозрѣвать, судя по ея лицу». Это говорится не съ цѣлью уменьшить славу Марльборо; онъ, конечно, былъ великій полководецъ, но также и величайшій предатель и отъявленный плутъ, подобно большинству государственныхъ людей, современниковъ королевы Анны.

Весьма замѣчательно, что, имѣя передъ глазами подобные примѣры, обѣ подруги, Анна и Сара, сохранили довольно честную репутацію, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается любовниковъ. Но вѣдь и времена перемѣнились; за плечами стояло царствованіе Вильгельма III и революція. Пуританизмъ заявлялъ новыя претензіи,—въ общемъ результатѣ это превращалось въ лицемѣріе, какъ при дворѣ состарѣвшагося Людовика XIV. Старались получше хоронить концы; въ сущности дьяволъ оставался не въ убыткѣ. Анна, супруга почти слабоумнаго человѣка, родила по крайней мѣрѣ 17 дѣтей; почти всѣ оказались мертворожденными. Только одинъ дожилъ до 10 лѣтъ; и ей пришлось принять законъ, передававшій по ея смерти корону Брауншвейгскому дому. Это было большое горе для королевы, которая до послѣдняго момента надѣялась оставить корону своему брату-претенденту.

Съ другой стороны, мужъ Сары былъ не дуракъ; но, какъ говоритъ—французская пѣсня: «Malbrook s'en va-t-en guerre» —онъ всегда былъ въ отсутствіи. И такимъ образомъ, обѣ эти женщины сближались все болѣе и болѣе: происходили безконечныя признанія и излія́нія, для которыхъ слово дружба по-истинѣ недостаточно выразительно.

Разумѣется, блестящая Сара, м-съ Фриманъ, вполнѣ завладѣла этой рыхлой женщиной. Каждую минуту она жалуется, что королева хочетъ порвать съ ней дружбу; а эта пишетъ: «Леди Марльборо. — Моя милая миссъ Фриманъ легко поймете, что я не могу сказать ей много новаго послѣ того, какъ мы видѣлись такъ недавно. Однако, два слова; такъ какъ, хотя я и не боюсь дать ей поводъ усумниться въ моей вѣрности (contenancy), однако свѣтъ такъ обманчивъ, что всякое удостовѣреніе съ моей стороны будетъ не лишнимъ. Итакъ, позвольте мнѣ увѣрить васъ, что я никогда не измѣнюсь по отношенію къ вамъ. И я скорѣе готова вынести какую угодно пытку, нежели

Digitized by Google

одну мысль о разлукѣ. И клянусь, что я скорѣе позволила бы разорвать себя на тысячу кусковъ, чѣмъ отказаться отъ этого рѣшенія. Милая моя м-сь Фриманъ, я сгораю желаніемъ получить отъ васъ вѣсточку» [1]). А немного позднѣе, когда герцогиня говоритъ о разлукѣ, королева пишетъ ей: «Во имя неба, ни слова объ этомъ. Увѣряю васъ, что если будете настолько жестоки, что сдѣлаете это, у меня не останется ни минуты спокойной. И если вы оставите меня безъ моего согласія — пусть небо навсегда закроется для меня, если я когда-нибудь дамъ это согласіе—то я скроюсь отъ свѣта, и запрусь въ какомъ-нибудь мѣстѣ, гдѣ меня забудетъ родъ человѣческій [l. c. стр. 76] [2]).

Какимъ образомъ чистое золото превратилось въ презрѣнный свинецъ? спрашиваетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ Аталіи. Какимъ образомъ такая продолжительная и трогательная дружба привела къ такому плачевному результату, что надменная Сара безвозвратно потеряла сердце, надъ которымъ владычествовала болѣе тридцати лѣтъ? Бёртонъ и большинство историковъ отвѣчаютъ на это: потому-что герцогиня злоупотребила своимъ вліяніемъ, держала въ оковахъ «бѣдную королеву», которая и воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы освободиться. Но хотя безъ сомнѣнія физіологіей не слѣдуетъ злоупотреблять какъ въ исторіи, такъ и въ романѣ,—однако есть случаи, въ которыхъ необходимо къ ней обратиться; заключенія вышеупомянутыхъ историковъ показываютъ слишкомъ недостаточное знаніе человѣческой природы. Личность, которая подчиняется подобному вліянію въ теченіи столь долгаго времени, не можетъ чувствовать его тяжесть; она даже не сознаетъ его. Но это сознаніе явится, если старое вліяніе замѣнится новымъ, если новая дружба въ томъ же родѣ вытѣснитъ и заставитъ забыть прежнюю.

Это и случилось въ дѣйствительности, когда «Queen Anne» крѣпко подружилась съ одною изъ своихъ приближенныхъ, миссъ Абигайль Гилль (впослѣдствіи, леди Мешемъ). Легко понять бѣшенство и ревность Сары: ее оттерли, и кто же? — ничтожная дѣвушка, врядъ ли даже «gentlewoman»—ея же родственница, которую она сама изъ милости помѣстила подлѣ королевы. Эта

---

[1]) An account of the Conduct of the dowayer duchess of Marlborough. London. 1742, стр. 66. Писано Гукомъ подъ диктовку герцогини. Письма, очевидно, подлинныя, притомъ никѣмъ не оспоривавшіяся.

[2]) См. также. *W. Coxe*: „Memoirs of the Duke of Marlborough", напечатаны въ первый разъ въ 1818 г., перепечатаны въ собраніи, извѣстномъ подъ именемъ „Bohn Library"; необходимый документъ для изученія этого историческаго періода.

Digitized by Google

дѣвушка была ловкая пройдоха, это не подвержено никакому сомнѣнію; подъ руководствомъ министра Гарлея, державшаго въ своихъ рукахъ всѣ нити этой интриги, она съумѣла обратить въ пользу партіи тори то чисто-личное вліяніе, которое имѣла на королеву. Въ 1710 г. герцогиня должна была уступить, и окончательно оставила дворъ, послѣ тщетныхъ и унизительныхъ попытокъ снова завладѣть сердцемъ своей бывшей подруги.

Должно ли приписывать только этому обстоятельству паденіе виговъ и отозваніе Марльборо? Очевидно нѣтъ; въ этомъ случаѣ и Вольтеръ, и Мишле ошибаются; не вліяніе леди Мешемъ и не доброта королевы рѣшили эти великія событія. Во-первыхъ, несмотря на блистательныя побѣды, часть націи утомилась войною; къ тому же, очень мало или вовсе не просвѣщенная масса была противъ сторонниковъ свободы и терпимости, и стояла за приверженцевъ абсолютизма, и религіознаго преслѣдованія. Эти чувства ярко обнаружились по поводу процесса Сашеверелля (1710 г.). Этотъ священникъ въ своей рѣчи, пріобрѣтшей съ тѣхъ поръ знаменитость, осыпалъ хулами и ругательствами партію виговъ, а въ особенности перваго министра Годольжина. Министерство возъимѣло несчастную мысль преслѣдовать его. Этотъ процессъ послужилъ поводомъ къ шумнымъ и всеобщимъ манифестаціямъ въ пользу «High-Churchmen»: Сашеверелль сразу прослылъ мученикомъ, и на слѣдующихъ выборахъ тори получили большинство голосовъ. Королева воспользовалась этимъ настроеніемъ умовъ, чтобы ускорить кризисъ, и замѣнить свое вигское министерство торійскимъ кабинетомъ. Въ этомъ только случаѣ, и притомъ, какъ то очевидно, въ видѣ побочнаго обстоятельства обнаружилось вліяніе леди Мешемъ и паденіе леди Марльборо. Притомъ, вліяніе Абигайль началось уже съ 1707 г., а между тѣмъ, именно отъ 1707—1710 г. царило во всей своей силѣ вліяніе виговъ и Марльборо. До такой степени вѣрно то, что мелкія причины всегда играютъ только мелкую роль въ великихъ событіяхъ этого свѣта. Не нужно ни отрицать, ни преувеличивать эти причины, но только представлять ихъ въ истинномъ свѣтѣ.

Въ книгѣ Бёртона читатель найдетъ элементы для такого изученія, но она страдаетъ неполнотой и въ особенности недостаткомъ связи. Жизнь Дефо, написанная Минто, пополнитъ этотъ недостатокъ. При помощи этой маленькой книги читатель составитъ себѣ болѣе полное понятіе о степени политическаго упадка этой знаменитой эпохи, когда всѣ, генералы, министры, памфлети-

Digitized by Google

сти, мѣнали убѣжденія такъ же легко, какъ рубашку, становясь то вигами, то торіями, сообразно съ личной выгодой. Измѣнники и ренегаты были повсюду, куда ни оглянись. Марльборо, Гарлей, Свифтъ, самые знаменитые люди были вмѣстѣ и самыми большими плутами.

Но пальма первенства принадлежитъ Дефо, «одному изъ тѣхъ неутомимыхъ тружениковъ, по словамъ Тэна, которые, преслѣдуемые, оклеветанные, заточаемые въ тюрьмы, съумѣли, благодаря своей честности, здравому смыслу и энергіи, привлечь Англію на свою сторону» (Littérat. Anglaise, IV, 85). Мнѣ очень обидно за Робинзона Крузо и за французскаго историка; но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, приходится уличать Тэна въ неточности. Правда, что въ то время, когда Тэнъ писалъ эти строки, Вильямъ Ли еще не обнародовалъ документовъ, навѣки заклеймившихъ Дефо; однако уже была извѣстна его измѣна, его переходъ отъ виговъ къ торіямъ въ 1710 г., и это одно во всякомъ случаѣ не допускало такихъ крайнихъ, непостижимыхъ похвалъ его честности.

Всѣ думали, что авторъ Робинзона Крузо (напечатаннаго въ 1719 г.) съ 1715 г. совершенно оставилъ журналистику. Трудно было представить себѣ, чтобы горячій партизанъ, довѣренный памфлетистъ Вильгельма III и виговъ, перешедшій въ 1700 г. на сторону торійскаго министерства, могъ потомъ снова перейти на сторону виговъ. Но въ 1864 г. нѣкто Ли обратилъ вниманіе на пакетъ съ 6 письмами, лежавшими въ теченіи полутораста лѣтъ въ забвеніи въ государственномъ архивѣ. Когда на четвертомъ году царствованія Георга I министръ внутреннихъ дѣлъ, лордъ Тоунзендъ, былъ замѣщенъ лордомъ Стенгопомъ, Дефо, сотрудничавшій въ якобитскихъ журналахъ въ качествѣ *слуги правительства*, такъ объяснялъ свое положеніе въ письмѣ къ одному частному секретарю: «Было условлено съ лордомъ Тоунзендомъ, что я останусь, какъ и прежде, будто бы въ немилости у правительства и въ сторонѣ отъ виговъ, чтобы тѣмъ усерднѣе содѣйствовать имъ въ этой оболочкѣ» [1]). А какого рода было это содѣйствіе? Надо было сотрудничать въ нѣкоторыхъ торійскихъ журналахъ, и, притворяясь торіемъ, искажать и парализовать ихъ мнѣнія такъ, чтобы они не могли вредить правительству!! Такимъ-то образомъ *работалъ* онъ въ теченіи нѣсколь-

[1]) Письмо отъ 26 апрѣля 1718 г., цитир. Минто, на стр. 116. Подробнѣе въ книгѣ „Daniel Defoe", his life and recently discovered writings, by „William Lee". London. J. C. Hotten. 3 т., in 8° 1869 г.

Digitized by Google

кихъ лѣтъ въ журналѣ «Mist», отъявленномъ якобитѣ, притворяясь его другомъ, и предавая его въ интересахъ правительства.

Послѣдніе біографы Дефо, въ томъ числѣ Ли, не рѣшались осудить его за это, приписывая эти продѣлки дурно понятому патріотизму. Это значитъ слишкомъ далеко доводить снисходительность! Во-первыхъ, Дефо поперемѣнно получалъ деньги отъ виговъ и отъ торіевъ. Но положимъ даже, что онъ всю жизнь оставался убѣжденнымъ вигомъ; какъ извинить поведеніе этого писателя, обладавшаго такимъ высокимъ умомъ, и тѣмъ болѣе виновнаго, что онъ цѣлые годы притворялся другомъ человѣка, котораго предавалъ за деньги правительству? Я знаю, что мы обязаны уваженіемъ таланту, и мнѣ не хотѣлось бы огорчить всѣхъ, кто наслаждался и будетъ еще наслаждаться чтеніемъ Робинзона; но ремесло, которымъ занимался Дефо, носитъ ненавистное имя на всѣхъ языкахъ, и люди, занимающіеся этимъ ремесломъ, снискиваютъ вполнѣ заслуженное презрѣніе даже со стороны тѣхъ, которые вынуждены иногда пользоваться ихъ услугами.

Но что за бѣда! «Онъ жилъ и умеръ искреннимъ протестантомъ», говоритъ Ли. Вотъ въ чемъ сила! — Дефо былъ пуританинъ, священныя слова и благочестивыя рѣчи постоянно сыпались съ его языка; Робинзонъ изобилуетъ ими, и Тэнъ пользуется этимъ, чтобы, сдѣлавъ нѣсколько цитатъ въ этомъ родѣ, воскликнуть: «При такомъ (!) душевномъ настроеніи можно все вынести... благочестіе укрѣпляетъ терпѣніе, и человѣкъ, опираясь съ одной стороны на свои инстинкты, съ другой—на свои вѣрованія, способенъ расчищать, населять, устроивать и цивилизовать цѣлые континенты». Послѣ того, что было сказано у насъ выше, должно сознаться, что подобныя выраженія могутъ возбудить только смѣхъ. Байронъ и Шелли правильнѣе судили о Дефо. Но примѣръ этого талантливаго писателя и quasi-моралиста могъ легко соблазнять новѣйшихъ негодныхъ людей, также иногда талантливыхъ, и они могли утѣшать себя тѣмъ, что вотъ и современники, и ближайшее потомство долго почитали такого плута, какъ Дефо; только пусть они помнятъ его позднѣйшую судьбу и не оставляютъ улицъ относительно того, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Это можетъ со временемъ развѣнчать ихъ.

Digitized by Google

III.

1) *Alexander Bain*: Education as a Science. London. 1879. — 2) Education, its principles and practice as developed by *George Combe:* edited by W. Iolly. London. 1879. — 3) *A. H. Sayce*, deputy professor of comparative philology in the University of Oxford: Introduction to the science of language. London. 1880.

Иныя книги интересуютъ насъ по своему содержанію, а другія—благодаря имени автора. Трактатъ профессора Бэна о воспитаніи принадлежитъ къ послѣдней категоріи и, кромѣ того, онъ входитъ въ составъ «Интернаціональной Библіотеки», насчитывающей столько замѣчательныхъ сочиненій, и такимъ образомъ вдвойнѣ привлекаетъ вниманіе публики. И что же! несмотря на всѣ эти заманчивыя условія, книга плоха, и только поэтому я считалъ себя обязаннымъ о ней упомянуть.

Это необходимо и потому, что дѣло идетъ о жизненномъ вопросѣ, о вопросѣ, существенно связанномъ съ прогрессомъ,—мало того: съ самымъ существованіемъ народовъ. «Воспитывать націю—значитъ ее цивилизовать», пишетъ Дидро, и совершенно вѣрно, потому что слово «воспитаніе» значитъ—*культура* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Но такъ какъ дѣло идетъ въ настоящемъ случаѣ о ребенкѣ и юношѣ, то приходится сказать, что цѣль воспитанія заключается въ томъ, чтобы «образовать людей». «*Онъ былъ человѣкъ*», восклицаетъ Антоній передъ трупомъ Брута,—и для Шекспира, знавшаго цѣну этому слову, оно было высшей, безусловной похвалой; то же слово онъ вкладываетъ въ уста Гамлета, когда тотъ желаетъ похвалить отца.

Но какой же планъ предлагаетъ намъ Александръ Бэнъ для достиженія этого результата, то-есть, для содѣйствія развитію физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ качествъ индивидуума? Что касается главнаго пункта, т.-е. умственныхъ качествъ, то вотъ какую программу предлагаютъ намъ въ дѣлѣ гимназическаго и университетскаго образованія. Матеріалъ распредѣляется на три разряда: 1) *Наука;* она заключаетъ въ себѣ математику, двѣ или три естественныхъ науки: минералогію, ботанику, зоологію; къ этому *можно* присоединить и географію. 2) *Гуманныя науки;* но подъ этимъ заглавіемъ и въ противность всему тому, что можно было бы ожидать, подразумѣваются исторія и политическая экономія, а также юриспруденція и всеобщая литература. Эта послѣдняя будетъ изучаться, разумѣется, *безъ изученія оригинальныхъ языковъ.* 3) *Англійская литература* и искусство писать на этомъ языкѣ. Вотъ исправленная программа, одобрен-

Digitized by Google

ная—съ сожалѣніемъ долженъ сказать это—Гербертомъ Спенсеромъ, и посредствомъ которой желаютъ преобразовать воспитаніе на новыхъ и прогрессивныхъ началахъ. Это съ немногими прибавками объемъ реальныхъ нѣмецкихъ школъ, и съ упраздненіемъ классическихъ языковъ, этого литературнаго, собственно говоря, элемента въ преподаваніи.

Давно уже Монтань сказалъ: «Прекрасное и великое украшеніе греческій и латинскій языкъ, спору нѣтъ, но покупается слишкомъ дорогой цѣной» (книга I, глава 25). Но надобно отдать себѣ отчетъ въ истинномъ значеніи этой цитаты. Слѣдуетъ также прочесть у Монтаня предъидущую главу, въ которой онъ старается доказать и притомъ съ помощью Сократа, что наука, т.-е. образованіе, извѣживаетъ нравы и ускоряетъ паденіе государства; все это даетъ только предвкушать Жанъ-Жака и тѣмъ лишаетъ всякаго авторитета въ этомъ дѣлѣ автора подобнаго парадокса. Или, лучше сказать, слѣдуетъ понимать приведенное выше утвержденіе въ его настоящемъ значеніи, т.-е. какъ *бутаду*.

Вообще, мнѣніе Монтаня объ этомъ вопросѣ не серьёзно. При этомъ, весьма интересно наблюдать противорѣчія, къ какимъ приходили почти всѣ замѣчательные люди, высказывавшіе подобныя идеи. Мы имѣемъ блистательный тому примѣръ въ лицѣ Дидро и въ его «Планѣ университета для русскаго правительства», который онъ сочинилъ по просьбѣ императрицы Екатерины II: «Когда во главѣ курса общественнаго преподаванія ставятъ изученіе древнихъ языковъ, пишетъ онъ между прочимъ, то этимъ возвѣщаютъ, что задались проектомъ населить страну ораторами, попами, монахами, философами, юрисконсультами, медиками» [1]). Во всякомъ случаѣ, онъ допускаетъ по крайней мѣрѣ, что философы, литераторы и медики необходимы, и ставитъ ученіе греческаго и латинскаго языковъ въ самомъ концѣ программы ученія, которая, за исключеніемъ этого важнаго пункта, не очень отличается отъ программы, предложенной Бэномъ,—«такъ какъ эти два языка,—прибавляетъ Дидро,—заключаютъ въ себѣ такіе великіе образцы во всѣхъ родахъ, что трудно пріобрѣсти изящный вкусъ, не зная ихъ... Нѣсколько лѣтъ сряду я съ такимъ же усердіемъ читалъ на сонъ грядущій одну изъ пѣсней Гомера, какъ добрый священникъ свой требникъ. Я съ раннихъ поръ питался млекомъ Гомера, Виргилія, Горація, Теренція, Анакреона, Платона, Еврипида въ перемежку съ млекомъ Моисея—и пророковъ».

И потому-то, уважаемый учитель, вы и могли написать

[1]) „Diderot". Oeuvres complètes. Edition Ossézat. 1875. tom. III, p. 444.

Digitized by Google

«l'Interprétation de la nature», «la Lettre sur les Aveugles», «Jacque le Fataliste» и столько другихъ мастерскихъ произведеній, которыя будутъ жить такъ же долго, какъ и языкъ французскій, обогащенный вашими трудами. Вы извлекли пользу изъ изученія Гомера только лишь на двадцать первомъ, второмъ году, говорите вы, но уже въ коллежѣ вы учились его языку, и можно утверждать, безъ страха быть опровергнутымъ, что громадное большинство людей никогда не будутъ знать ни латыни, ни греческаго языка, если разсчитывать, что они займутся ихъ изученіемъ уже тогда, когда состарѣются.

Правда, что Руссо сказалъ: «не думаю, чтобы до 12—15 лѣтъ какой-либо ребенокъ, за исключеніемъ такъ-называемыхъ феноменовъ, выучилъ два языка» (*Эмиль.* Книга II). То, что является одной изъ безчисленныхъ ошибокъ, которыми изобилуютъ сочиненія этого философа, Бэнъ только повторяетъ, не цитируя, разумѣется, Руссо, потому что одной изъ особенностей гг. англійскихъ психологовъ и философовъ является то, что они пренебрегаютъ историческимъ методомъ и извлекаютъ все изъ собственной головы. Я знаю съ своей стороны много примѣровъ противнаго, и увѣренъ, что тысячи русскихъ мальчиковъ очень порядочно знаютъ лѣтъ въ пятнадцать русскій и французскій языки [1]). Я убѣжденъ на основаніи опыта, что изученіе языковъ всего пригоднѣе для дѣтей, что оно всего полезнѣе для нихъ и съ точки зрѣнія развитія умственныхъ способностей, и въ отношеніи положительнаго результата, т.-е. пріобрѣтенія знанія. Въ этомъ отношеніи—и ихъ тысячи причинъ — латынь и греческій языкъ должны занимать главное мѣсто, но не исключая новыхъ языковъ, а, напротивъ того, совмѣстно съ ними. Безъ сомнѣнія, времени тратится много, безъ сомнѣнія, ученики часто выходятъ изъ коллежей такими же невѣждами, такими же тупицами, какими въ нихъ поступили, но это потому, что метода преподаванія плоха, жалка до крайности, и вотъ ее-то и слѣдовало бы *радикально* измѣнить, а не преобразовывать характеръ преподаванія.

[1]) Нашъ почтенный сотрудникъ, въ качествѣ иностранца, легко могъ ошибиться. Мы ничего не слыхали о подобныхъ счастливыхъ результатахъ, а примѣры противнаго встрѣчаются часто. Вообще, надобно замѣтить, что все сказанное авторомъ, по поводу классическихъ языковъ, сказано въ виду окружающихъ его порядковъ, а не нашихъ: вообще, въ Англіи, гдѣ писана статья, можно спорить о значеніи классицизма, но тамъ нѣтъ и вопроса о возможности классицизма безъ классиковъ; точно также тамъ никто не называетъ классицизмомъ одно зубреніе грамматики; это — семинаризмъ, а вовсе не классицизмъ. Итакъ, нужно помнить, читая слова нашего автора, что у него дѣло идетъ о классицизмѣ, а не о семинаризмѣ.—*Ред.*

Digitized by Google

«Развѣ не глубоко печально,—восклицаетъ Гербертъ Спенсеръ,—видѣть людей занятыхъ пустяками и равнодушныхъ, къ самымъ великимъ явленіямъ природы, пренебрегающихъ какъ вздоромъ небесной механикой и живо интересующихся какими-нибудь жалкими словопреніями объ интригахъ Маріи Стюартъ! Видѣть, что они съ глубокимъ знаніемъ разбираютъ какую-нибудь греческую оду и проходятъ безъ оглядки мимо великой эпопеи, начертанной божьимъ перстомъ на различныхъ слояхъ земной коры» [1])!

Прекрасно! но неужели вы думаете, что человѣкъ, лишенный серьёзнаго литературнаго образованія, способенъ будетъ понять смыслъ этого горячаго упрека? Неужели вы думаете, что ученикъ, напичканный *исключительно* геометріей и геологіей, безъ литературы, усмотритъ сюжетъ для поэзіи въ ходѣ планетъ и въ строеніи земныхъ пластовъ? Ничуть не бывало: онъ усмотритъ въ этомъ предметъ для алгебраическихъ уравненій и для классификаціи разновидностей ископаемыхъ, и мы снова очутимся лицомъ къ лицу съ грубымъ утилитаризмомъ и тѣми «болванами и кретинами», надъ которыми справедливо смѣется Теофиль Готье въ предисловіи къ своему безсмертному произведенію «Mademoiselle de Maupin»,—что, собственно говоря, не имѣетъ ничего общаго съ настоящей утилитарной теоріей.

Конечно, одного литературнаго образованія недостаточно; но оно должно послужить краеугольнымъ камнемъ для научнаго образованія. Я согласенъ въ томъ, что слѣдуетъ видѣть въ одной наукѣ религію будущаго, но въ наукѣ въ ея связи съ поэзіей и изящными искусствами. Прошу при этомъ не смѣшивать слово «наука», слово великое, подъ которымъ можетъ укрыться вся сумма человѣческихъ познаній,—съ спеціальнымъ преподаваніемъ различныхъ наукъ. Когда послѣ переворота 1851 г. Наполеонъ III искалъ всевозможныхъ средствъ для упроченія своей узурпаціи, онъ нашелъ нужнымъ дать преобладаніе этому преподаванію надъ литературнымъ образованіемъ. Результатомъ было то, что уровень образованія такъ понизился, что правительство, побуждаемое профессорами, вынуждено было по истеченіи шести лѣтъ противъ воли вернуться къ старому порядку вещей и возстановить степень баккалавра по литературѣ, какъ необходимую ступень къ изученію медицинскихъ наукъ. Вотъ фактъ, который я рекомендую вниманію добросовѣстныхъ и либе-

---

[1]) *Herbert Spencer.* Education intellectual, moral and physical. London.

Digitized by Google

ральныхъ людей, какъ Герберть Спенсеръ, безсознательно впадающихъ въ заблужденіе, благодаря увлеченіямъ методою «a priori».

Знаменитый шотландскій френологъ Джоржъ Комбъ (родился въ Эдинбургѣ, въ 1788 г., умеръ въ 1858) раздѣляетъ тѣ же ошибочные взгляды на этотъ вопросъ. Сочиненіе, недавно изданное подъ его именемъ, совсѣмъ не было редактировано имъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ своемъ видѣ: это—сборникъ, искусно составленный издателемъ изъ всѣхъ сочиненій, мемуаровъ и сообщеній, касательно общественнаго образованія, вышедшихъ въ различныя эпохи изъ-подъ плодовитаго пера вышеназваннаго философа. Поэтому въ книгѣ находишь массу полезныхъ свѣдѣній, и нельзя не чувствовать благодарности къ Джоржу Комбу за рвеніе, съ какимъ онъ преслѣдовалъ въ здѣшнемъ краѣ распространеніе образованія свѣтскаго, обязательнаго, народнаго, такого, какое приблизительно существуетъ въ Англіи съ 1871 г., и какого онъ требовалъ уже въ 1846 г., въ брошюрѣ о «Правахъ и обязанностяхъ правительства въ дѣлѣ народнаго образованія». Въ этомъ смыслѣ онъ былъ передовымъ человѣкомъ и такъ какъ преимущественно занимался первоначальнымъ образованіемъ и его распространеніемъ, то нѣчего горевать объ его преувеличенномъ предубѣжденіи противъ классическаго образованія.

Не такъ поставлено дѣло у достопочтеннаго А. Сэса, который въ своемъ «Введеніи къ наукѣ о языкѣ» имѣетъ въ виду среднее и высшее образованіе. Съ этой стороны, и въ качествѣ филолога, онъ вдвойнѣ не правъ. Онъ не доходитъ, правда, до такихъ нелѣпостей, какъ профессоръ Бэнъ, и допускаетъ во всякомъ случаѣ изученіе языковъ: но и тутъ онъ начинаетъ съ изученія живыхъ иностранныхъ языковъ, которымъ ребенокъ будетъ учиться такъ, какъ онъ учится родному языку. Когда онъ усвоитъ себѣ такимъ образомъ два или три языка, тогда можно, если угодно, перейти къ мертвымъ языкамъ, къ греческому и латыни.

Впрочемъ, очевидно, что А. Сэсъ нисколько за нихъ не стоитъ. Онъ интересуется древней литературой, какъ прошлогоднимъ снѣгомъ. Языкъ, безпрестанно повторяетъ онъ, состоитъ изъ звуковъ, а не изъ буквъ. И, напримѣръ, что значитъ превосходство, которое желаютъ приписать арійскимъ расамъ? Монголы (!) такъ же интересны и не менѣе прогрессивны, и кто знаетъ, что готовитъ имъ будущее? Въ сущности, вѣрнаго ничего неизвѣстно: языкъ ничему не научаетъ насъ, что касается

Digitized by Google

расы: теорія о національностяхъ—чистѣйшая шутка, и наступитъ моментъ, и онъ недалекъ, когда міръ будетъ пользоваться благодѣяніемъ всеобщаго языка: и этотъ языкъ будетъ, само собой разумѣется, англійскимъ языкомъ.

Но то будетъ, конечно, не языкъ Шекспира и Байрона: это —слишкомъ утонченное нарѣчіе, не имѣетъ ничего общаго съ правилами филологіи. Это будетъ «Pigeon English»,—упрощенный и дѣтскій языкъ, посредствомъ котораго британскіе матросы уже объясняются, и, — какъ говорятъ — удачно, съ китайцами. Онъ заявляетъ это въ слѣдующихъ словахъ: «англійскій языкъ получилъ способность стать всемірнымъ языкомъ, благодаря усиліямъ подчиниться требованіямъ китайскаго языка» (Saycе, vol. I p. 377).

Итакъ, вотъ конечная цѣль филологіи! Добиться созданія всемірнаго языка, долженствующаго служить сколкомъ съ языка мандариновъ и надписей, красующихся на чайныхъ ящикахъ. Это необходимо для торговли, а филологи видно трудятся, какъ то всякому извѣстно, спеціально для негоціантовъ. Эти послѣдніе могутъ быть спокойны на счетъ своихъ потомковъ, которые воспользуются благодѣяніемъ этого «Pigeon English».

Замѣтьте, что Сэсъ пользуется здѣсь довольно большой славой и до нѣкоторой степени заслуженной: его книга, впрочемъ, доказываетъ безспорную эрудицію, и въ ней находишь послѣднія открытія новѣйшей науки, изложенныя весьма популярно. Но въ ней не слѣдуетъ искать оригинальныхъ взглядовъ, если только не считать таковыми вышеупомянутыя эксцентричности. Въ сущности говоря, его соотечественники слишкомъ превознесли его имя, по поводу его предшествовавшихъ сочиненій.

Я не стану опровергать всѣхъ вышеупомянутыхъ софизмовъ Сэса: остановлюсь только на одномъ. Безъ сомнѣнія, языкъ состоитъ изъ звуковъ, а не изъ буквъ; но буквы представляютъ собою звуки, и писанныя слова получаютъ, по истеченіи нѣкотораго времени, въ языкѣ и въ литературѣ значеніе, равнозначущее съ звуками. Сэсъ изъ числа тѣхъ, которые бы желали преобразовать орѳографію, и въ извѣстной степени онъ правъ, что̀ касается англійскаго языка. Но даже и относительно этого языка, «склады» котораго такъ нелѣпы,—вы попадете въ просакъ, если зайдете слишкомъ далеко. Если, напримѣръ, вы захотите писать глаголъ to know, какъ его произносятъ, на манеръ кухарокъ to no, или даже to now,— этимологическій, первоначальный смыслъ утрачивается, и не знаешь больше, что̀ это за слово такое. Правда, что нашему автору до этого дѣла нѣтъ, и онъ, напротивъ того, съ удовольствіемъ по-

Digitized by Google

тираетъ руки, соображая, что такое превращеніе приближаетъ насъ къ англо-китайскому языку, предмету его мечтаній!

Вскорѣ исполнится четыреста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ появились въ сѣверной Германіи знаменитыя, но слишкомъ мало читаемыя письма: «Epistola obscurorum virorum»,—одинъ изъ первыхъ, одинъ изъ самыхъ жестокихъ ударовъ, нанесенныхъ монахамъ и обскурантамъ всякаго рода. «Вы меня спрашиваете, восклицаетъ одинъ изъ нихъ (и вылазка эта была такъ удачна, что добрые отцы приняли ее сначала серьёзно и обрадовались было такой неожиданной помощи),—вы меня спрашиваете: полезно ли для спасенія души, чтобы школьники изучали грамматику по свѣтскимъ поэтамъ, каковы: Виргилій, Туллій, Плиній и другіе? Нѣтъ, мнѣ кажется, что это плохая метода, потому что у Аристотеля въ Метафизикѣ сказано, что «поэты много врутъ»; а кто вретъ, тотъ грѣшитъ, а кто основываетъ науку на лжи, основываетъ ее на грѣхѣ, а что основано на грѣхѣ, то дурно и проч., и проч. [1]),—совсѣмъ такъ, какъ въ настоящее время разсуждаетъ м-ръ Бэнъ.

Спѣшу признать, что ни Александръ Бэнъ, ни Гербертъ Спенсеръ не руководятся такими взглядами, какими руководились кёльнскіе и разные другіе доминиканцы. Напротивъ того, цѣль ихъ воспитывать людей, а не рабовъ; но только метода ихъ ведетъ какъ разъ къ противоположной цѣли, а потому, тѣмъ необходимѣе бороться противъ нея, чѣмъ авторитетнѣе имя людей, проповѣдующихъ подобные взгляды.

IV.

The Letters of Charles Dickens, edited by his sister in-law and his eldest daughter. London. 1880 [2]).

Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ великій романистъ, величайшій изъ современныхъ романистовъ въ Англіи, сошелъ съ лица земли—и вотъ, обнародованіе его писемъ оживляетъ если не

---

[1]) „Epistola obscurorum virorum". Epist. 7. (См. Ulrichi Hutenni operum supplementum. Edit. P. Böcking. 1864. Vol. I. p 11.

[2]) См. также: „The Life of Charles Dickens, by J. Forster 3 vol. 8° 1873 г. (новое изданіе Чапмана, болѣе дешевое въ 1 т., появилось въ 1878 г.). У того же издателя: „Charles Dickens's dictionnary", содержащій объясненіе и резюмѣ всѣхъ характеровъ въ различныхъ романахъ, вмѣстѣ съ перечнемъ главъ,—очень удобно для изученія Диккенса.

Digitized by Google

его славу, то воспоминаніе объ этомъ прекрасномъ человѣкѣ, трогавшемъ и восхищавшемъ наше поколѣніе; я разумѣю при этомъ не однихъ англичанъ, но еще болѣе иностранцевъ, такъ какъ несомнѣнной характеристичной чертой англійскаго народа является то, что онъ предоставляетъ другимъ заботу о славѣ своихъ великихъ людей: они нравятся ему такъ же, какъ и вино «retour de l'Inde», когда оно вновь прибудетъ изъ-за границы. Это ходячая истина, что касается Шекспира, но не менѣе вѣрна она и относительно Дефо, Свифта и Ричардсона. «Путешествія Гулливера» во сто разъ популярнѣе въ остальномъ мірѣ, и тогда какъ во Франціи почти каждый знаетъ по крайней мѣрѣ имя Ловеласа, вошедшаго въ поговорку, многое множество англичанъ, получившихъ среднее образованіе, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ лицѣ.

Я не хочу сказать, что популярность Диккенса ослабѣла, но большинство критиковъ, «scholars», выказало большую холодность — чтобы не сказать: враждебность — къ новому изданію. Я нашелъ это просто скандалёзнымъ, «shocking», и, познакомившись поближе съ вопросомъ, увидѣлъ, что скандалъ идетъ не со вчерашняго дня. Короче сказать — и этимъ все сказано — мнѣ неизвѣстна ни одна серьёзная критическая статья (за исключеніемъ біографіи Форстера) о произведеніяхъ Чарльза Диккенса. Сама эта біографія — настоящій «chef-d'oeuvre», за исключеніемъ нѣкоторыхъ намѣренныхъ пропусковъ; но она написана другомъ-душеприказчикомъ романиста, такъ-что это исключеніе только подтверждаетъ общее правило. Что это такое: неумѣлость, зависть или лицемѣріе?

Я согласенъ, что предварительное изданіе книги Форстера повредило этимъ письмамъ. Издатели — невѣстка и старшая дочь Диккенса — говорятъ намъ, что никто не высказывался съ такой откровенностью въ своихъ письмахъ, какъ великій романистъ: но онѣ сначала объявили, что эти два только-что изданныхъ ими тома служатъ дополненіемъ къ его біографіи, написаной Джономъ Форстеромъ. А, по правдѣ сказать, этотъ послѣдній обильно черпалъ изъ переписки и далъ намъ лучшее — и не только изъ писемъ, но и изъ словесныхъ сообщеній, а также и автобіографическихъ замѣтокъ, полученныхъ имъ отъ самого Диккенса; онъ раскрылъ его, разоблачилъ передъ нами вполнѣ, такъ что не оставалось желать ничего большаго.

Вотъ почему нынѣ изданныя письма кажутся менѣе интересными. Между тѣмъ, если они не открываютъ намъ ничего новаго, за то даютъ подробности, пополняютъ многое. Извѣстно

Digitized by Google

было, съ какой любовью романистъ изучалъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, интересовался ими, бесѣдовалъ съ ними, какъ съ живыми людьми. Можетъ ли быть трогательнѣе примѣра, какъ исторія съ Дорой, первой женой Давида Копперфильда, кроткой и любимой, но совершеннымъ ребенкомъ «the child-wife». Надо было отдѣлаться отъ нея, чтобы расчистить мѣсто для другой, — для добродѣтельной Агнесы; по крайней мѣрѣ, это входило въ планъ Диккенса, и онъ чувствовалъ, что это необходимо. Однако онъ не могъ рѣшиться «убить» неповинную бѣдняжку. «Я еще ничего не рѣшилъ относительно Доры, — пишетъ онъ Форстеру 7-го мая 1850 года,—но я долженъ (I must) рѣшить сегодня». И три мѣсяца спустя, 20-го августа: «Я много работалъ въ послѣдніе три дня, и мнѣ предстоитъ еще уморить Дору. Но если мнѣ посчастливится, то я надѣюсь справиться съ этимъ завтра». Тѣмъ временемъ у него родится дочь, и, какъ-бы въ утѣшеніе себѣ, онъ называетъ ее Дорой [1]). Безъ сомнѣнія, это побудило Тэна сравнить воображеніе Диккенса съ воображеніемъ монолога, а Джоржа Льюиса приписать успѣхъ романиста и реализмъ его описаній—галлюцинаціямъ! [2]).

Мы имѣемъ новое доказательство великаго участія, какое онъ принималъ въ своихъ дѣйствующихъ лицахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его искренней нѣжности къ слабымъ — а въ особенности къ дѣтямъ—въ одномъ письмѣ, одномъ изъ самыхъ интересныхъ въ этомъ смыслѣ изъ всѣхъ, нынѣ изданныхъ, — къ мальчику, написавшему ему по поводу «Никльса Никкльби», который тогда печатался. Этотъ мальчикъ просилъ автора хорошенько наказать негоднаго учителя, наградить Никльса и учениковъ, —словомъ, устроить все согласно требованіямъ поэтической справедливости. Мальчикъ, безъ сомнѣнія, не мало былъ удивленъ, получивъ такой отвѣтъ:

Doughty street, Лондонъ, 12 декабря 1838 г.

«Милостивый государь, я наградилъ Скирса ударомъ въ шею и двумя другими по головѣ, послѣ чего онъ очень удивился и сталъ кричать, чего именно я и ожидалъ отъ такого труса, какъ онъ,—не правда ли, и вы того же мнѣнія?

«Я сдѣлалъ то, что вы мнѣ предписывали относительно ягненка и двухъ барановъ для маленькихъ мальчиковъ. Дѣтямъ

---

[1]) *Forster's* „Life of Dickens. Book VI, ch. 6. Это не принесло счастья маленькой Дорѣ-Аннѣ Диккенсъ, умершей въ младенческомъ возрастѣ.

[2]) Въ „Fortnightly Review". За февраль, 1872.

Digitized by Google

дали также хорошаго портеру, эля и вина: я жалѣю только, что вы не сказали, какого сорта вина вы желали бы, чтобы имъ подали. Я угостилъ ихъ хересомъ, и они были очень довольны, кромѣ одного, котораго немного стошнило. Онъ ѣлъ и пилъ слишкомъ жадно—все это чистая правда—и, полагаю, это ему повредило; я говорю, что онъ того стоилъ, и надѣюсь, что и вы скажете то же самое.

«Никльсу достался жареный ягненокъ, какъ вы того хотѣли, но онъ не могъ всего съѣсть, и сказалъ, что если вы не противъ этого, то онъ желаетъ получить остальное завтра—рубленное и съ капустой; онъ очень это любитъ—и я также... Фанни Скирсъ тоже достанется, будьте спокойны. Портретъ ея, нарисованный вами, очень похожъ, за исключеніемъ волосъ, которые, по-моему, недостаточно спутаны. Носъ совсѣмъ какъ у нея, а также и ноги. Это гадкая и противная тварь (a nasty, disagreable thing); я знаю, что она придетъ въ ярость при видѣ этого портрета, и могу сказать, что мнѣ это будетъ пріятно. Вы, вѣроятно, скажете то же самое, по крайней мѣрѣ—я такъ думаю.

«Я желалъ бы написать вамъ длинное письмо, но я не могу скоро писать къ тѣмъ, кого люблю, потому что я много о нихъ думаю, а васъ я очень люблю, и говорю вамъ это. Къ тому же, теперь ровно восемь часовъ вечера, а я всегда ложусь спать въ восемь часовъ, кромѣ дня моего рожденія, когда я сажусь за столъ ужинать... Остаюсь, милостивый государь, вашимъ искреннимъ другомъ—Чарльзъ Диккенсъ».

Ему было въ ту пору 26 лѣтъ, и поступокъ этотъ тѣмъ характеристичнѣе въ молодомъ человѣкѣ, что хотя онъ уже былъ женатъ, но нельзя объяснить его поведенія снисходительностью человѣка, привыкшаго къ роли отца семейства.

Впрочемъ, все въ Диккенсѣ показываетъ его превосходное сердце, его рѣдкую чувствительность, выражавшихся настоящей искренней филантропіей. И что же! это не мѣшаетъ нашимъ теперешнимъ критикамъ обвинять его въ эгоизмѣ! Эгоистъ—онъ, творецъ Тома Пинча, Литль Нелли и многихъ другихъ существъ доброты неисчерпаемой, преданности, превосходящей зачастую разумныя границы и доходящей до нелѣпости; онъ—во всѣхъ своихъ романахъ изощряющійся въ изображеніи всей отвратительности и невыгодности эгоизма! Я не отрицаю, что можно иногда написать превосходную книгу, будучи совершеннѣйшимъ негодяемъ: природа человѣческая представляетъ бездну противо-

Digitized by Google

рѣчій. Но на чемъ основываются тѣ, которые дѣлаютъ подобные упреки Диккенсу? На письмахъ, писанныхъ имъ своей женѣ, невѣсткѣ, дѣтямъ, во время своихъ первыхъ поѣздокъ по провинціи, и въ которыхъ онъ сообщаетъ имъ о рукоплесканіяхъ, расточаемыхъ ему, о восторженномъ пріемѣ, всюду оказываемомъ ему! Напримѣръ, онъ пишетъ изъ Дублина къ миссъ Гогартъ (своей невѣсткѣ), отъ 29-го августа 1858 года:

«Успѣхъ въ Бельфастѣ былъ такъ же великъ, какъ и здѣсь. Колоссаленъ!.. Я желалъ бы, чтобы вы и дорогія дѣвочки, вы могли бы видѣть, какъ глазѣютъ на меня прохожіе на улицахъ; или же, чтобы вы могли слышать вчера вечеромъ, какъ въ то время, какъ я возвращался въ гостинницу, послѣ чтенія, люди просятъ меня «сдѣлать имъ честь позволить пожать мою руку», и всѣ говорятъ: Богъ васъ благослови, mis*th*er Диккенсъ, не только за тотъ свѣтъ, какимъ вы озарили меня сегодня вечеромъ, но также и за тотъ, которымъ вы озаряли мой домъ многія лѣта; Господь васъ благослови».—Каждый вечеръ съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь въ Ирландіи, дамы подкупаютъ Джона, чтобы получить цвѣты, которые я носилъ въ петлицѣ. А вчера утромъ, такъ какъ я оборвалъ мою герань, читая «Домби», онѣ забрались на эстраду и подобрали всѣ лепестки на память».

И вотъ въ чемъ видятъ эгоизмъ, доведенный до крайности! What a pity! Критика, на которую я спеціально намекаю (въ «Contemporary Review» за январь), милостиво допускаетъ, какъ смягчающее обстоятельство, то, что письма писаны къ самымъ близкимъ людямъ, но тѣмъ не менѣе слово произнесено, ударъ нанесенъ и въ заключеніе объявляется, что Диккенсъ былъ «theatrical-natural man». Переведите это, какъ хотите: намѣреніе во всякомъ случаѣ сквозитъ и оно далеко не доброжелательно.

А между тѣмъ Диккенсъ совсѣмъ не былъ *театрально-натуральнымъ* человѣкомъ. Не было писателя болѣе искренняго, болѣе живо чувствующаго и откровеннѣе высказывавшаго свои мнѣнія. Возьмите, напримѣръ, его мнѣнія объ Америкѣ. Видъ этого столь хваленаго народа, соприкосновеніе съ нимъ возбуждаютъ въ немъ тошноту, и онъ, нисколько не обинуясь, высказываетъ это: прочитайте тѣ страницы, въ которыхъ говорится объ этомъ въ «Мартинѣ Чоззельвитѣ». Но на наше счастье въ перепискѣ попадается еще одно письмо, которое характеристичнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя уже были напечатаны Форстеромъ. Оно писано къ актеру Макриди, хорошему, но грубоватому человѣку, который упрекалъ Диккенса за его характеристику американцовъ, по его мнѣнію, несправедливую. Это письмо одно изъ самыхъ длинныхъ

Digitized by Google

и самыхъ интересныхъ, и читатели не посѣтуютъ за довольно обширную выписку:

Бальтиморъ, 22 марта, 1842 г.

«Любезный другъ,—прошу васъ извинить меня, но вы говорите о людяхъ, перескакивающихъ очертя голову къ преждевременнымъ выводамъ. Увѣрены ли вы, что точно написали это мнѣ? Не проскользнулъ ли въ письмо, предназначенное мнѣ, параграфъ изъ какого-нибудь другого письма? Когда видѣли вы, чтобы я, очертя голову, скакалъ къ ложнымъ выводамъ? Умолкаю и жду отвѣта... Увѣрены ли вы, м-ръ Макриди,—я обращаюсь къ вамъ съ строгостью зрителя изъ партера — увѣрены ли вы, что Америка не представляется вамъ сквозь пріятный миражъ, зачастую окутывающій прошлое, а не сквозь настоящее?.. Любезный Макриди, мнѣ такъ сильно хотѣлось быть справедливымъ и доброжелательнымъ къ тѣмъ, кто оказалъ мнѣ такой дружескій пріемъ, что я сжегъ послѣднее письмо, которое было вамъ написалъ, чтобы не высказать своего разочарованія. Я предпочелъ показаться вамъ небрежнымъ. И при всемъ томъ, ничего не подѣлаешь, я разочарованъ. Это не та республика, на какую я пріѣхалъ посмотрѣть; это не республика, лелѣянная мною въ мечтахъ... Вамъ жить здѣсь, Макриди, какъ вы часто выражали это желаніе! Любя васъ такъ, какъ я васъ люблю, отъ всего сердца и отъ всей души, и зная вашъ характеръ, я бы ни за что на свѣтѣ не желалъ осудить васъ на годъ жительства по сю сторону Атлантическаго океана. Вы говорите о свободѣ мнѣній! Гдѣ она? Я ни въ одной странѣ не видѣлъ болѣе низкой, болѣе жалкой, болѣе безсмысленной, болѣе подлой прессы...

«Свобода мнѣній! Макриди, если бы я родился здѣсь и написалъ свои книги въ этой странѣ, не пользуясь рекомендаціей никакой другой страны, я искренно убѣжденъ, что жилъ и умеръ бы бѣднымъ, неизвѣстнымъ и вдобавокъ «паршивой овцой»: никогда и ни въ чемъ я не бывалъ болѣе увѣренъ, чѣмъ въ этомъ. Люди здѣсь добры, великодушны, прямодушны, гостепріимны, восторженны, вѣжливы съ дамами, откровенны и искренни съ иностранцами... Но каковы бы ни были достоинства ингредіентовъ этого большого блюда, я могу только вернуться къ своей исходной точкѣ и объявить, что само блюдо мнѣ не нравится: оно мнѣ не по вкусу».

Это мнѣніе раздѣлялъ также великій поэтъ и республиканецъ Ландоръ, котораго Диккенсъ имѣлъ честь быть другомъ. Безпо-

Digitized by Google

лезно прибавлять, что послѣдній не заимствовалъ его, а самостоятельно пришелъ къ нему, и притомъ немедленно послѣ прибытія на американскую почву. Его славой и однимъ изъ главныхъ условій его успѣха было живое, страстное отношеніе къ вещамъ. Оно же проявилось, когда началась рознь въ его семьѣ, принудившая его навсегда разстаться съ женой, что произошло въ половинѣ 1858 г. Характеръ Диккенса весь выразился при этомъ печальномъ случаѣ, и важнымъ упрекомъ его біографу можно поставить то, что онъ совсѣмъ обошелъ это обстоятельство. Онъ коротко упоминаетъ о разладѣ въ семьѣ и затѣмъ говоритъ: «въ четвергъ, 29 апрѣля 1858 г., происходило первое чтеніе въ его пользу (до того, онъ появлялся въ публикѣ лишь съ благотворительными цѣлями), и до истеченія мѣсяца, этотъ новый образъ жизни усложнился другой перемѣной въ его домашнемъ бытѣ. Съ этого момента онъ и его жена стали жить врозь». И объявивъ, что этихъ свѣдѣній достаточно для того, чтобы освѣтить то, что есть особеннаго въ его разсказѣ, онъ прибавляетъ: «что касается остального, то публикѣ нѣтъ до того дѣла» [1]).

Напротивъ того, публикѣ есть до этого дѣло, и большое дѣло. Я согласенъ, что частная жизнь должна оставаться «замкнутой»; но въ такомъ случаѣ она должна быть вполнѣ замкнута. А если вы начинаете мнѣ о ней говорить, то уже не должны ничего утаивать по крайней мѣрѣ такого, что всѣмъ извѣстно, иначе васъ обвинятъ въ пристрастіи. Въ этомъ я согласенъ съ Сентъ-Бёвомъ и не понимаю жизни Цезаря, напримѣръ, будь она написана великимъ Наполеономъ или маленькимъ, въ которой пропускается эпизодъ съ королемъ Никомедомъ. Но мало того: даже тогда, когда героя не въ чемъ упрекнуть, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ Диккенса, то умолчаніемъ или неполнымъ разсказомъ вы подаете поводъ къ предположеніямъ и клеветамъ.

Дѣло въ томъ, что миссисъ Диккенсъ (Катерина Гогартъ), которая умерла мѣсяцевъ шесть тому назадъ, далеко не отличалась женскими добродѣтелями: кротостью и терпѣніемъ. Какъ и его соперникъ, Теккерей, Диккенсъ не былъ счастливъ въ семейной жизни. Онъ разстался съ женою по обоюдному соглашенію, и жена его до самой смерти романиста получала ежегодную пенсію въ 600 фунтовъ стерлинговъ. Сестра ея, Джоржина Гогартъ, осталась въ семьѣ и доканчивала воспитаніе дѣтей: ее Диккенсъ назначилъ своей душеприказчицей, вмѣстѣ съ Форстеромъ: «тор-

[1]) *Forster's* Life of Dickens. Book VIII, ch. 2.

Digitized by Google

жественно увѣщеваю моихъ милыхъ дѣтей никогда не забывать того, чѣмъ они обязаны вышеназванной Джорджинѣ Гогартъ и никогда не допускать, чтобы ихъ благодарность и любовь къ ней ослабѣла; потому что имъ извѣстно, какъ она, во всѣхъ періодахъ ихъ развитія, была для нихъ услужливымъ и преданнымъ другомъ. И я желаю напомнить тотъ фактъ, что жена моя, со времени нашей разлуки, получала отъ меня пенсію въ 600 ф. ст., между тѣмъ какъ на меня одного падало все бремя многочисленнаго семейства».

Читатель усматриваетъ тутъ оттѣнокъ, онъ довольно рѣзокъ! Въ свое время это подало поводъ къ сплетнямъ: и чтобы положить имъ конецъ, Диккенсъ напечаталъ въ своемъ журналѣ «Household Words» негодующую замѣтку, самую замѣчательную по своему краснорѣчію изъ всего, что̀ когда-либо выходило изъ-подъ его пера: «Объявляю здѣсь торжественно, говоритъ онъ въ заключеніе, отъ моего имени и отъ имени моей жены, что всѣ слухи, пущенные недавно въ ходъ по поводу раздоровъ въ моей семьѣ, отвратительно лживы. И тотъ, кто посмѣетъ ихъ повторять послѣ этого отрицанія, будетъ только сознательно и постыдно врать, какъ только можетъ соврать лжесвидѣтель передъ лицомъ неба и земли» [1]). Для тѣхъ, кто знаетъ Диккенса, онъ высказалъ здѣсь святую, неоспоримую истину, и Форстеръ, который въ свое время былъ противъ напечатанія этой замѣтки, по истинѣ повредилъ своему другу тѣмъ, что не занесъ ее въ біографію.

Если вы спросите у англичанина-литератора или такого, который воображаетъ себя литераторомъ, какого онъ мнѣнія о Диккенсѣ, онъ вамъ отвѣтитъ между прочимъ, что, Диккенсъ никогда не умѣетъ изобразить джентльмена. Считайте этотъ отвѣтъ тѣмъ, что̀ онъ есть, т.-е. пошлостью, достигшей размѣровъ truism'a, и скажите себѣ, что «джентльменъ» совсѣмъ не такая возвышенная и утонченная штука, и Диккенсъ просто не *захотѣлъ* выводить въ своихъ романахъ джентльмена. Или, вѣрнѣе сказать, если и выводилъ ихъ, то никогда не въ лестномъ для нихъ свѣтѣ, а зачастую даже въ отталкивающемъ. Онъ видѣлъ прежде всего въ обществѣ—и въ особенности въ англійскомъ обществѣ—глупость и пороки, и бичевалъ самымъ безпощаднымъ образомъ разныхъ Пекснайфовъ, Ральфовъ и tutti quanti. Онъ видѣлъ язвы и болячки и обнажалъ ихъ безъ всякой жалости къ нашей щепетильности, и заставилъ насъ содрогнуться, показавъ намъ рабочіе дома, тюрьмы и нищенскія квартиры города, гдѣ гнѣздятся бѣд-

[1]) „Household Words", 12 juin, 1858.

Digitized by Google

ность, грязь и преступленіе. Онъ жалѣлъ дѣтей, притѣсняемыхъ и несчастныхъ порою даже у богачей, и заставилъ насъ проливать слезы надъ маленькимъ Полемъ Домби и надъ Литтль Нелли, настоящей миніатюрной Антигоной, кроткой и преданной.

Диккенсъ былъ Прудономъ въ своемъ родѣ, но только болѣе нѣжнымъ, съ болѣе широкимъ сердцемъ,—тѣ же возвышенные инстинкты, та же преданность, та же страсть въ защитѣ слабыхъ и угнетенныхъ. Но за то, увы!—тотъ же первородный и непоправимый грѣхъ: недостатокъ литературнаго образованія, вслѣдствіе чего я и поставилъ ихъ рядомъ. Обоимъ не хватало образованія классическаго, въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Оба дѣти природы, почти удовлетворяющія мечтѣ Руссо, и мы видимъ тутъ новое и блистательное подтвержденіе тезиса, который мы отстаивали въ предъидущей главѣ. Прудонъ, одаренный природнымъ талантомъ, близкимъ къ генію, Прудонъ, философъ и экономистъ, приходитъ къ шаткимъ системамъ и печальнымъ противорѣчіямъ. Я какъ-то сожалѣлъ о томъ, что онъ не сдѣлался романистомъ. Диккенсъ, находясь въ менѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, благодаря роду своихъ произведеній, Диккенсъ въ тысячу разъ лучше одаренный, нежели Теккерей, едва успѣваетъ сравняться съ нимъ въ значеніи: но что еще важнѣе—признаюсь, я не слишкомъ-то высоко ставлю черезъ-чуръ превознесеннаго автора Пенденниса, — Диккенсъ, одаренный столь же богато, какъ и Фильдингъ, не далъ однако ни одного произведенія столь же совершеннаго, какъ *Томъ Джонсъ*, и можно съ законной тревогой задать себѣ вопросъ: будетъ ли черезъ 150 лѣтъ «Давидъ Копперфильдъ» пользоваться такою же популярностью, какою пользуется и по сіе время мастерское произведеніе романиста XVIII вѣка.

Какъ бы то ни было, а память его будетъ вѣчно чтима, и его личность всего лучше характеризуется слѣдующими словами его знаменитаго современника: «Вотъ событіе, интересующее весь міръ,—пишетъ Карлейль Форстеру, вскорѣ послѣ рокового дня 9 іюня 1870:—*несравненный* талантъ внезапно угасъ, и вмѣстѣ съ нимъ угасла, можно сказать, невинная радость народовъ. Ни одна смерть не огорчала меня такъ сильно со времени 1866 г., и никогда еще потеря писателя не была для меня такъ чувствительна: добрый, кроткій, даровитый, всегда любезный и благородный Диккенсъ, честный человѣкъ съ головы до пятъ—every inch of him on Honest man!»

А. Рейяръ.

Digitized by Google

РОДЪ МИРАБО

ОЧЕРКИ

КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ВОСЕМНАДЦАТАГО ВѢКА.

— *Les Mirabeau.* Nouvelles études sur la société française au XVIII siècle, par Louis de Loménie, de l'Academie Française. 2 vol. Paris. 1879.

Посмертное изданіе труда Ломени, посвященнаго роду и семейству знаменитаго оратора временъ большой французской революціи, хотя и не представляетъ въ цѣломъ такого общаго интереса, какъ прежній трудъ того же автора о Бомаршѐ, — притомъ этотъ трудъ еще не оконченъ, — но тѣмъ не менѣе и въ этомъ трудѣ читатель можетъ найти не мало интереснаго для себя. Отдѣлавъ окончательно два тома, посвященныхъ предкамъ, ближайшему родству и отцу французскаго трибуна 1789 г., также пользовавшемуся большою извѣстностью въ обществѣ и литературныхъ кружкáхъ XVIII вѣка, ученый и даровитый авторъ преждевременно сошелъ въ могилу, и публика отчаялась увидѣть когда-нибудь въ печати интереснѣйшую часть его новаго труда — біографію самого оратора и трибуна, ради которой собственно и былъ имъ предпринятъ весь трудъ. Дѣйствительно, вышедшіе два тома двадцатилѣтнихъ изслѣдованій Ломени доводятъ исторію фамиліи Мирабо только до главнаго ея героя и составляютъ лишь половину предположеннаго авторомъ труда. По важности событій, участникомъ которыхъ былъ Мирабо, его біографія требовала особенно подробнаго изложенія. Но и эта заключительная часть работы вчернѣ почти закончена авторомъ и, по словамъ издателей двухъ первыхъ томовъ, не замедлитъ

Digitized by Google

появиться въ печати. Впрочемъ, и въ этихъ двухъ томахъ мы встрѣчаемся съ тѣми весьма любопытными философскими, экономическими и административными вопросами, которые занимаютъ насъ еще и теперь, встрѣчаемся съ выдающимися характерами тогдашней культурной среды, которая порождаетъ, наконецъ, исполненный противорѣчій образъ талантливѣйшаго оратора и трибуна новѣйшихъ временъ.

I.

Путникъ, слѣдующій изъ Пертюи въ Маноскъ, тотчасъ замѣчаетъ, что онъ уже въ высокомъ Провансѣ. Окружающая его почва становится все болѣе и болѣе каменистой, мѣстность принимаетъ горный характеръ. По лѣвую сторону, за первою грядой очень высокихъ холмовъ, онъ видитъ передъ собою черныя вершины Либерона, а прямо противъ, на горизонтѣ, цѣпь Альповъ, составляющую какъ-бы третій этажъ горъ. Верстахъ въ одиннадцати отъ Пертюи, съ самаго высокаго пункта дороги, вдругъ открывается вдали, на утесѣ между двухъ ущелій, большое прямоугольное зданіе съ четырьмя высокими зубчатыми башнями, какъ будто поставленное для того, чтобы заграждать дорогу. Это замокъ Мирабо. Первый взглядъ на него производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что съ господствующей надъ нимъ высоты, откуда онъ впервые становится виднымъ, за его башнями и красножелтыми стѣнами блеститъ на солнцѣ лазуревая полоса воды. Это Дюранса, протекающая за утесомъ, на которомъ построенъ замокъ. Внизу и по склону этого утеса тѣснятся строенія, издали представляющіяся вамъ нагроможденными одно на другое, точно стадо овецъ около колоссальнаго пастуха, нѣкогда обязаннаго защищать ихъ отъ волковъ, но въ то же время облеченнаго и правомъ стричь ихъ, сколько угодно. Все селеніе, насчитывающее около восьмисотъ душъ, построено вокругъ замка, въ такомъ отвѣсномъ положеніи, что по немногимъ его улицамъ приходится подниматься точно по лѣстницѣ. У подошвы утеса толстая стѣна, большею частью еще уцѣлѣвшая, окружаетъ одновременно и селеніе и замокъ. Съ восточной стороны, въ селеніе можно проникнуть только черезъ старыя готическія ворота, дающія проходъ одному только экипажу.

Теперь замокъ возстановленъ; но лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ онъ представлялъ лишь груду развалинъ. Опустошенный во время террора и на-половину разрушенный не самими жителями селе-

Digitized by Google

нія, а фанатиками сосѣднихъ общинъ, лишенный своихъ башенъ, сваленныхъ на стѣны, лишенный крыши, дверей и оконъ, обратившись въ притонъ совъ и хищныхъ птицъ, старый замокъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ трупа, точно ему суждено было погибнуть вмѣстѣ съ знаменитѣйшимъ членомъ той страстной фамиліи, которая владѣла имъ въ теченіе двухъ столѣтій. Такъ какъ братъ, зять и племянникъ знаменитаго Мирабо эмигрировали изъ Франціи, то большая часть ихъ помѣстья была конфискована и продана революціоннымъ способомъ. Частица помѣстья, остававшаяся еще свободною послѣ террора, досталась третьей сестрѣ трибуна и была отчуждена ею, такъ что фамиліи Мирабо уже не принадлежало ни одного вершка земли ея предковъ. Развалившійся замокъ также былъ, наконецъ, проданъ за безцѣнокъ одному крестьянину, который, уважая его прошлое, отказывался перепродать его съ барышомъ кому бы то ни было, кто имѣлъ въ виду купить лишь уцѣлѣвшіе камни, увезти ихъ и такимъ образомъ окончательно уничтожить зданіе.

Замокъ еще принадлежалъ этому крестьянину въ іюнѣ 1815 г., когда въ селеніе Мирабо пріѣхалъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ, черты котораго сильно напоминали лицо знаменитаго трибуна. Пріѣзжій, Люкасъ де-Монтиньи, родившійся въ 1782 году, до девяти-лѣтняго возраста былъ заботливо воспитанъ самимъ Мирабо, который завѣщалъ ему 24,000 ливровъ, поручивъ его попеченіямъ своего друга Ла-Марка. По смерти Мирабо, семейство и друзья Ла-Марка приняли близкое участіе въ судьбѣ мальчика и помогли ему стать на ноги. При первой имперіи онъ состоялъ на службѣ въ сенской префектурѣ; назначенный во время Ста-Дней генеральнымъ секретаремъ префектуры въ департаментѣ Устьевъ-Роны, онъ долженъ былъ отказаться отъ этой должности послѣ битвы при Ватерло, и, прежде чѣмъ вернуться въ Парижъ, пожелалъ видѣть остатки замка, о которомъ ему такъ много говорили въ дѣтствѣ. Они произвели на него сильное впечатлѣніе, и онъ уговорилъ крестьянина продать ихъ, обѣщая не трогать ни одного камня. Крестьянинъ, найдя наконецъ такого покупщика, какого онъ желалъ, охотно уступилъ ему развалины замка за пятьсотъ франковъ, которые, вѣроятно, были заплачены за нихъ имъ самимъ. Обрадованный покупщикъ тогда же писалъ племянницѣ Мирабо, жившей въ окрестностяхъ Марсели: «Посѣщая и срисовывая со всѣхъ сторонъ остовъ этого замка, видъ и память котораго заставляли сильно биться мое сердце, я узналъ, что эти почтенныя развалины принадлежатъ простому земледѣльцу, купившему ихъ

Digitized by Google

за безцѣнокъ, вмѣстѣ съ утесомъ, на которомъ онѣ стоятъ, и имѣвшему трогательную деликатность отказываться отъ значительнаго барыша единственно потому, что лицо, предлагавшее этотъ барышъ, купило бы замокъ, чтобы довершить его разрушеніе. Опасаясь, что другія предложенія могутъ соблазнить великодушнаго крестьянина или что его истинно-рѣдкія чувства могутъ не перейти къ его наслѣдникамъ, я задумалъ помѣшать полному разрушенію зданія, по крайней мѣрѣ при моей жизни, и за несчастныя пять-сотъ франковъ купилъ въ одно и то же время и это удовольствіе, и пріятную возможность возвратить послѣдніе остатки отцовскаго замка наслѣдникамъ имени Мирабо, если они пожелаютъ опять владѣть имъ».

Люкасъ де-Монтиньи поспѣшилъ предохранить пріобрѣтенныя имъ историческія развалины отъ дождей и вѣтровъ. Онъ возстановилъ крышу, поднялъ башни, тяжесть которыхъ давила стѣны; но не далѣе какъ двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, замокъ еще не имѣлъ ни дверей, ни оконъ. Въ это время поселился въ немъ сынъ новаго владѣльца, Габріэль Люкасъ де-Монтиньи, и принялся за полное его возстановленіе. Мало-по-малу, онъ пріобрѣлъ также и значительную часть земель, нѣкогда принадлежавшихъ замку, и прежнее помѣстье Мирабо вновь получило теперь тотъ блестящій, обрывистый и нѣсколько дикій видъ, который такъ отвѣчалъ общему характеру владѣвшей имъ фамиліи.

Если вдаваться въ любимыя теперь сближенія физическихъ явленій съ нравственными, то не трудно найти большое сходство между этой мѣстностью, вздутой, изрытой вулканическимъ огнемъ, палимой солнцемъ, обдаваемой мистралемъ, а въ зимнее время сѣвернымъ вѣтромъ, и энергическими, порывистыми, неровными, странными и безпорядочными характерами людей, принадлежавшихъ къ фамиліи Мирабо. Описывая мѣстность, гдѣ жили его предки, маркизъ Мирабо, отецъ трибуна, выражается такъ: «Палящее небо, климатъ чрезмѣрный... видъ дикій, мѣста прогулокъ высохшія скалы, хищныя птицы, пожирающія рѣки, потоки или ничтожные, или заливающіе... люди сложившіеся, сильные, выносливые, искренніе и безпокойные». Многіе изъ этихъ признаковъ какъ нельзя лучше обрисовываютъ самого маркиза Мирабо. Но подобныя сближенія требуютъ чрезвычайной осторожности. Извѣстно, какія ѣдкія замѣчанія навлекъ себѣ ими Монтескьё, выдавая за непреложную истину, что единоличная власть болѣе свойственна странамъ плодороднымъ, а власть, распредѣленная между многими, странамъ безплоднымъ. Не менѣе рискованна была другая аксіома того же писателя,

Digitized by Google

по которой свобода легче водворяется въ странѣ гористой, чѣмъ ровной, и которая вызвала замѣчаніе, кажется, Вольтера: «Да, какъ въ Швейцаріи, и если рѣчь идетъ не о странѣ равнинъ, какова, напримѣръ, Голландія». Подобныя сближенія особенно шатки, когда они касаются не цѣлаго народа, а отдѣльныхъ лицъ или семействъ. Предки знаменитаго трибуна купили замокъ Мирабо не раньше 1570 года; замокъ принадлежалъ прежде другой фамиліи—Баррасовъ—отличавшейся совсѣмъ другимъ характеромъ, и которой хитрость и коварство съ давнихъ временъ вошли въ пословицу. Да и въ родѣ Мирабо два самыхъ бурныхъ характера—трибунъ и братъ его виконтъ—не только не родились въ той гористой и жгучей мѣстности Прованса, не только мало жили тамъ, но и явились на свѣтъ, провели свое дѣтство и часть своей юности въ краѣ ровномъ, безцвѣтномъ и туманномъ, богатомъ жирными пастбищами, гдѣ климатъ умѣренный, скорѣе влажный, чѣмъ жгучій,—въ старомъ Гатинэ, близъ Немура, въ нынѣшнемъ департаментѣ Сены-и-Марны. Въ виду такихъ противорѣчій, можно только допустить, что укрѣпленный замокъ величественнаго и даже нѣсколько свирѣпаго вида долженъ былъ развивать въ его владѣльцахъ скорѣе высокомѣріе, чѣмъ скромность, и что тѣ Мирабо прошлаго вѣка, которые родились въ департаментѣ Сены-и-Марны и получили воспитаніе въ домѣ болѣе буржуазномъ, будучи болѣе страстны, смѣлы и, можетъ быть, болѣе тщеславны, далеко не были такъ высокомѣрны, какъ ихъ предки.

По общепринятому мнѣнію, Мирабо происходитъ отъ фамиліи знатныхъ Гибеллиновъ, изгнанной изъ Флоренціи въ половинѣ тринадцатаго вѣка и занявшей съ тѣхъ поръ почетное мѣсто въ рядахъ провансальскаго высшаго дворянства. Довольно было революціонной славы, пріобрѣтенной краснорѣчивымъ ораторомъ учредительнаго собранія, чтобы его притязаніе на древнее и аристократическое происхожденіе было принято всѣми. Всѣмъ нравилась мысль о кровной связи блестящаго агитатора 1789 года съ поэтическими бойцами средневѣковыхъ партій. Но эта мысль не подтверждается историческими свидѣтельствами. Они показываютъ, напротивъ, что если, какъ утверждали самъ Мирабо, его отецъ и ихъ генеалогисты, ихъ предокъ Пьетро Рикети дѣйствительно былъ изгнанъ изъ Флоренціи и поселился въ Провансѣ, то онъ и его потомство оставались совершенно неизвѣстными до половины XVI вѣка, въ теченіи двухъ съ половиной столѣтій, и послѣднему пришлось въ это время доказывать свое дворянское происхожденіе, чтобы не платить одного налога, взи-

Digitized by Google

мавшагося только съ разночинцевъ. Въ это время они уже занимались торговлей въ Марсели, и одинъ изъ нихъ, Жанъ Рикети, былъ выбранъ въ первые консулы этого города. Въ 1564 году онъ женился на дѣвушкѣ, принадлежавшей къ древней аристократической фамиліи Прованса, — фамиліи Гланделе́ — и этотъ-то бракъ привелъ его къ покупкѣ за́мка и помѣстья Мирабо, имя котораго и было перенесено имъ на свое семейство. Съ начала XIV-го вѣка, это помѣстье принадлежало древнему дворянскому роду Баррасовъ, о которомъ, кромѣ помянутой выше поговорки, сложилась на мѣстѣ еще и другая: «Li Barras viei cuomo li roucas» (Баррасы стары, какъ скалы).

Очень возможно, что фамилія Рикети приписывала себѣ итальянское происхожденіе, въ отличіе отъ многочисленныхъ Рикетовъ Прованса и Франціи. Мысль присвоивать себѣ, для собственнаго возвеличенія, итальянскихъ предковъ была тогда въ ходу между провансальцами, особенно между марсельцами, которые занимались торговыми дѣлами, сохраняя дворянскія притязанія, потому что генуэзское, флорентинское или неаполь̀ское происхожденіе считалось чѣмъ-то въ родѣ нравственнаго ручательства за благородство крови. Во всякомъ случаѣ, пресловутая знатность фамиліи Рикети не восходитъ далѣе второй половины XVI-го вѣка. Произведенное тогда слѣдствіе окончилось тѣмъ, что фамилія Рикети была признана дворянскою; Жанъ Рикети оставилъ ей большое состояніе, родство съ очень древней фамиліей и звучное имя Мирабо, съ выгодой замѣнившее ихъ прежнее имя Рикети. Его потомки продолжали подвигаться впередъ къ рядамъ высшаго дворянства, постарались разработать свою родословную, отправляясь отъ итальянскихъ предковъ, и пустили ее въ ходъ.

Мы избавляемъ читателей отъ подробностей этого восхожденія фамиліи Мирабо на высшія ступени, хотя эти подробности сильно занимали и самого Мирабо, и его отца, извѣстнаго «Друга людей». Мы приведемъ только нѣкоторыя, особенно характерныя черты нравовъ прежняго времени. Подготовивъ пріемъ одного изъ членовъ своей фамиліи въ аристократическій мальтійскій орденъ, Тома́ Рикети Мирабо, уже въ семнадцатомъ столѣтіи, задумалъ придать полный блескъ своему аристократическому происхожденію. Съ этою цѣлью онъ обратился къ неоффиціальному тогдашнему генеалогисту д'Озье. Послѣдній, сынъ провансальца, относился отрицательно къ притязаніямъ Рикети. Тома́ Рикети прибѣгнулъ къ одному изъ тѣхъ оффиціозныхъ генеалогистовъ, которые за деньги снабжали желающихъ имени-

Digitized by Google

тыми родословными. Этотъ древній промыселъ, надъ которымъ издѣвался еще Ювеналъ въ одной изъ своихъ сатиръ, былъ тогда въ полномъ ходу во Франціи и сохранился даже послѣ революціи; но прежде услуги его оплачивались дорого, а въ наше демократическое время онѣ стали дешевы и общедоступны. Во Франціи и теперь всякій можетъ, заплативъ десять, по большей мѣрѣ двадцать франковъ за страницу, пріобрѣсти роскошно изданную родословную, свидѣтельствующую самымъ несомнѣннымъ образомъ объ его происхожденіи отъ самого Готфрида Бульонскаго. Тотъ генеалогистъ XVII-го вѣка, о которомъ мы говоримъ и котораго д'Озье называлъ «безстыднымъ обманщикомъ», составилъ для фамиліи Рикети-Мирабо громкую родословную, красиво изданную in-4° въ 1661 году съ многочисленными гравированными гербами, подъ шарлатанскимъ заглавіемъ: «Французская Тоскана», указывавшимъ на готовность автора удовлетворить всѣхъ, кто претендуетъ на знатное тосканское происхожденіе. Въ этой родословной, предки Рикети или Аррикети оказываются уже не Гибеллинами, изгнанными изъ Флоренціи торжествующей партіей Гвельфовъ, а Гвельфами, которыхъ преслѣдуютъ и изгоняютъ Гибеллины. Авторъ съ рѣдкою развязностью поддѣлываетъ печатные итальянскіе тексты, на которые ему приходится ссылаться. Отважно замѣнивъ именемъ Рикети имя дѣвицы Арригуччіо, на которой женился одинъ изъ Медичисовъ, онъ породнилъ такимъ образомъ своихъ кліентовъ съ Медичисами. Извѣстное хвастливое замѣчаніе, приписываемое маркизу Мирабо, отцу трибуна, его сыномъ: «Въ нашемъ родѣ былъ одинъ только случай неравнаго брака—родство съ Медичисами», основано просто на матеріальномъ подлогѣ, исполненномъ поставщикомъ родословныхъ. Самое происхожденіе фамиліи Рикети изъ Флоренціи не подтверждается никакими положительными свидѣтельствами, и всѣ старанія Ломени отыскать послѣднія были безуспѣшны.

Въ 1660 году, Людовикъ XIV, въ бытность свою въ Марсели, остановился въ домѣ Тома Рикети, который во время смутъ Фронды отличился въ партіи роялистовъ и, къ тому же, былъ владѣльцемъ лучшаго дома въ городѣ. Къ этому времени относится возведеніе его помѣстья въ маркизатъ, а его самого въ званіе маркиза. Съ тѣхъ поръ фамилія будущаго трибуна вошла окончательно въ ряды высшаго дворянства. Но и это еще не удовлетворяло его, и онъ постоянно преувеличивалъ знатность и древность своего рода. Называя подобныя притязанія «игрой человѣческаго тщеславія», Мирабо въ то же время до того платилъ дань дворянскому строю жизни въ XVIII-мъ вѣкѣ, что

Digitized by Google

даже превзошелъ ими своихъ предковъ. Для насъ этотъ родословный вопросъ представляетъ нѣкоторую важность въ томъ только смыслѣ, что въ связи съ нимъ находится вопросъ объ итальянскомъ или французскомъ происхожденіи замѣчательнаго человѣка, имя котораго навсегда связано съ однимъ изъ величайшихъ событій французской исторіи. Но самые старательные поиски не дали въ этомъ отношеніи никакого положительнаго результата. Взвѣшивая данныя въ пользу того или другого происхожденія Мирабо, приходишь въ заключенію, что французское его происхожденіе такъ же вѣроятно, какъ и итальянское. Происхожденіе это, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ не аристократическое. Главнымъ аргументомъ въ пользу итальянскаго происхожденія служитъ обыкновенно страстный темпераментъ этой фамиліи, который еще отецъ Мирабо называлъ «бурнымъ». То была фамилія въ самомъ дѣлѣ исключительная, въ членахъ которой умъ соединялся съ сильными страстями и эксцентрическими характерами. Но подобное явленіе могло быть туземнымъ и на провансальской почвѣ. Между типами итальянскимъ и провансальскимъ нѣтъ большой разницы, и если послѣдній постоянно подкрѣплялся въ одномъ направленіи браками, то онъ могъ, наконецъ, породить Мирабо, одного изъ оригинальнѣйшихъ людей въ добрѣ и злѣ, какіе только когда-нибудь существовали. Его отецъ, маркизъ Мирабо, любилъ подвергать анализу измѣненія, вносимыя женщинами въ темпераментъ фамилій. Для него, кровь его собственныхъ предковъ, кровь Рикети, была главнымъ источникомъ фамильныхъ свойствъ всѣхъ Мирабо. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ своему брату, что такія-то и такія-то женщины, вошедшія въ ихъ фамилію, придали имъ особенный характеръ, гордый, страстный, но всегда благородный, чистый и чуждый мелкаго торгашества, который выше фамильнаго темперамента этихъ женщинъ и слѣды котораго онъ находитъ у своихъ отдаленныхъ предковъ. Но и ему приходится иногда высказывать, что мать его, изъ рода Кастеллановъ, могла болѣе или менѣе смягчить въ немъ и особенно въ его меньшомъ братѣ бурную страстность рода Рикети вліяніемъ своего повелительнаго и въ то же время сдержаннаго, методическаго характера. Когда ему приходится объяснять характеръ своихъ собственныхъ дѣтей, онъ не перестаетъ твердить объ «ударѣ молоткомъ», даже объ «ударѣ топоромъ», полученномъ ими отъ матери, рожденной Вассанъ, и съ которой онъ находился въ самыхъ непріятныхъ, потомъ даже и враждебныхъ отношеніяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, знаменитаго Мирабо нельзя понять, не зная его матери, а именно она оста-

Digitized by Google

валась неизвѣстна біографамъ трибуна. Только путемъ сравненія природныхъ свойствъ его отца и матери можетъ быть выяснено странное нравственное явленіе, представляемое въ данномъ случаѣ сыномъ, совершенно независимо отъ его итальянскаго или французскаго происхожденія.

II.

Родъ Мирабо́ сталъ историческимъ только въ XVIII-мъ вѣкѣ, и только о тѣхъ членахъ его, которые жили въ этомъ вѣкѣ, дошли насъ достовѣрныя свѣдѣнія, частью отъ нихъ самихъ, въ ихъ перепискѣ и бумагахъ, частью отъ людей, близко знавшихъ того или другого изъ нихъ. Дѣдъ трибуна Мирабо́, маркизъ Жанъ-Антуанъ, рожденный въ 1666 году, и вся дѣятельность котораго относится преимущественно къ XVII-му вѣку, извѣстенъ намъ только благодаря такъ-называемымъ «Мемуарамъ Мирабо́», которые, какъ теперь оказывается, писаны совсѣмъ не самимъ трибуномъ, а отцомъ его, маркизомъ Мирабо́, «другомъ людей». Составивъ эти записки, маркизъ по секрету далъ прочесть ихъ своему сыну, будущему оратору, для его назиданія, а сынъ тайно списалъ ихъ, присвоилъ ихъ себѣ и при этомъ сдѣлалъ въ нихъ частью стилистическія, частью возвеличивающія фамилію измѣненія и пропуски. Ломени приводитъ нѣсколько отрывковъ изъ неизданнаго текста, писаннаго отцомъ, и изъ напечатанныхъ «Мемуаровъ Мирабо́», присвоенныхъ его сыномъ, —и наглядно показываетъ, насколько послѣдніе представляютъ копію съ перваго. Оба они между прочимъ восхваляютъ въ лицѣ Жана-Антуана Мирабо́, одинъ—своего отца, другой—своего дѣда. Онъ, правда, ничѣмъ не отличался ни на какомъ поприщѣ; но слава, говорятъ они, не всегда сопровождаетъ умственное и нравственное превосходство. «Трудно—говорятъ они оба о юности Жана-Антуана Мирабо́—трудно быть болѣе одареннымъ природой, чѣмъ этотъ красивый молодой человѣкъ. Онъ былъ высокъ и строенъ. Ловкій во всѣхъ своихъ упражненіяхъ, онъ имѣлъ даръ одѣваться какъ никто. На его благородномъ, воинственномъ и привлекательномъ лицѣ выражался весь огонь, пожиравшій его душу». Въ замкѣ Мирабо́ еще сохранился подлинный портретъ Жана-Антуана, и лицо его въ самомъ дѣлѣ привлекательно на этомъ портретѣ; но, хотя и очень оживленное, оно скорѣе миловидно, чѣмъ воинственно, и не выражаетъ еще того грознаго характера, который впослѣдствіи былъ приданъ

Digitized by Google

ему боевою жизнію и запечатлѣлся въ памяти его дѣтей. Его большіе голубые глаза, которые, по словамъ его старшаго сына и біографа, были мягки только тогда, когда онъ того желалъ, на портретѣ очень кротки. Почти женственная красота юнаго мушкетера должна была много измѣниться подъ вліяніемъ военной службы. «Онъ былъ изъ тѣхъ людей», говоритъ его біографъ, «у которыхъ на войнѣ сказывается стремленіе и аппетитъ къ невозможному», и выставляетъ его бойцомъ, соединяющимъ крайнюю смѣлость, почти дерзость, съ неутомимой настойчивостью въ сокрушеніи препятствій и самообладаніемъ въ минуту опасности,—однимъ изъ тѣхъ строгихъ и вмѣстѣ заботливыхъ начальниковъ, которыхъ солдаты боятся и любятъ. Но особенно выдающеюся и отличительной чертой въ характерѣ Жана-Антуана, объясняющей, почему, несмотря на его участіе во всѣхъ войнахъ Людовика XIV съ 1684 года, онъ оставался полковникомъ и произведенъ въ бригадиры только при выходѣ въ отставку,—такою чертой была «рѣзкая его странность», какъ выражается его сынъ и біографъ. Онъ подчинялся начальству только въ той мѣрѣ, въ какой уважалъ начальствующихъ лицъ, презиралъ всякую власть, кромѣ военной, никогда не отказывалъ себѣ въ удовольствіи побушевать, поступить по-своему или посмѣяться надъ другими, когда чувствовалъ себя недовольнымъ или обиженнымъ, каковы бы ни были послѣдствія его выходки. Біографъ приводитъ много анекдотовъ, показывающихъ, что отецъ его дѣйствительно былъ—что называется—«горячей головой». Онъ разсказываетъ, напримѣръ, исторію одного изъ коммисаровъ-инспекторовъ, учрежденныхъ министромъ Лувуа; не заставъ капитана Мирабо въ его ротѣ во время осмотра послѣдней, коммиссаръ-инспекторъ хотѣлъ записать его отсутствующимъ, потому что онъ явился поздно; капитанъ протестовалъ, и когда его протесты не подѣйствовали, онъ прибилъ коммиссара хлыстомъ, приговаривая: «Если я отсутствующій, то запишите, что и это происходило въ мое отсутствіе». Уже полковникомъ, возвращаясь раненый съ битвы, въ которой полкъ его былъ уничтоженъ непріятелемъ, Жанъ-Антуанъ встрѣчаетъ брата неспособнаго военнаго министра, Шамильера. Этотъ братъ, быстро достигшій генеральскаго чина, подходитъ къ полковнику Мирабо съ похвалами его храбрости, и обѣщаетъ довести о ней до свѣдѣнія своего родственника. «Вашъ братъ очень счастливъ близкимъ родствомъ съ вами»,—отвѣчалъ полковникъ: «безъ васъ онъ былъ бы глупѣйшимъ человѣкомъ во всемъ королевствѣ». Вскорѣ послѣдовали многочисленныя производства въ генералъ-

Digitized by Google

майоры; но полковникъ Мирабо, разумѣется, остался въ прежнемъ чинѣ. По словамъ его сына и біографа, онъ простеръ еще дальше свою откровенность. Находясь въ Версалѣ и представленный Людовику XIV герцогомъ Вандомскимъ, который очень любилъ его, онъ будто бы сказалъ величественному королю: «Да, ваше величество, еслибъ я, оставивъ полкъ, прибылъ сюда, чтобы заплатить какой-нибудь развратницѣ (въ текстѣ стоитъ болѣе сильное выраженіе), то мое производство пошло бы быстрѣе и на мнѣ было бы меньше ранъ». Король сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ этихъ словъ, а герцогъ Вандомскій сказалъ Жану-Антуану при выходѣ: «Отнынѣ я буду представлять тебя непріятелю, но никогда не представлю королю». Біографъ тутъ же прибавляетъ, что отецъ его всегда высоко чтилъ Людовика XIV.

Образъ дѣйствій храбраго полковника въ битвѣ при Кассано, въ 1705 году, внушилъ его біографу нѣсколько живописныхъ страницъ. Ему было поручено задержать австрійцевъ при переходѣ ихъ черезъ мостъ; по обыкновенію, положивъ своихъ солдатъ на землю, онъ самъ оставался на ногахъ, дѣлая свою колоссальную фигуру мишенью для непріятеля; первый выстрѣлъ вскорѣ разбилъ ему правую руку; онъ перевязалъ ее платкомъ, схватилъ лѣвою топоръ и отразилъ первый приступъ; другой выстрѣлъ ранилъ его въ горло, перерѣзалъ ему гортанную жилу и шейные нервы; раненый, онъ упалъ на мостъ; полкъ его дрогнулъ и побѣжалъ; одинъ старый сержантъ едва успѣлъ прикрыть его голову, и вся армія принца Евгенія прошла по его тѣлу. Такъ какъ онъ имѣлъ привычку щегольски одѣваться въ день боя, то былъ замѣченъ между убитыми по своему платью. Одинъ плѣнный французъ узналъ его и увидѣлъ въ немъ признаки жизни; тогда принцъ Евгеній велѣлъ отнести опасно раненаго въ лагерь герцога Вандомскаго. Тамъ, благодаря заботамъ извѣстнаго тогда хирурга Дюмулена, онъ былъ спасенъ, хотя все тѣло его представляло одну сплошную рану, и голова была чуть не оторвана отъ плечъ. Черезъ три года послѣ боя при Кассано, о которомъ Жанъ-Антуанъ говорилъ обыкновенно какъ о «дѣлѣ, гдѣ онъ былъ убитъ», этотъ израненый воинъ, со сломанной правой рукой на черной перевязкѣ, съ головой, поддерживаемой серебрянымъ ошейникомъ, который былъ прикрытъ галстухомъ, женился на молодой и хорошенькой дѣвушкѣ изъ фамиліи Кастелланъ-Норантъ, которая романически предпочла его молодымъ людямъ. Жану-Антуану Мирабо было тогда сорокъ два года; онъ женился въ 1708 году и прижилъ семерыхъ дѣтей. Весь закатъ своей жизни онъ провелъ въ по-

Digitized by Google

мѣстѣ Мирабо. Прежняя боевая жизнь и весь характеръ его внушали страхъ его вассаламъ и семейству. Этотъ грозный человѣкъ, котораго крестьяне звали «серебрянымъ ошейникомъ», былъ, правда, горячимъ защитникомъ своихъ вассаловъ отъ мелкихъ и крупныхъ агентовъ центральной власти, которыхъ онъ не терпѣлъ и ненависть къ которымъ завѣщалъ своему потомству; но онъ въ то же время мгновенно давалъ почувствовать всю силу своей лѣвой руки каждому изъ своихъ «подданныхъ», дерзавшему противиться его волѣ. Онъ умеръ въ 1737 году, завѣщавъ своей женѣ пользованіе всѣмъ его имуществомъ, пока старшій сынъ его, будущій отецъ великаго оратора, достигнетъ двадцати-пятилѣтняго возраста. У покойнаго было шестеро сыновей и одна дочь. Только трое сыновей пережили своего отца; старшему былъ уже двадцать-второй годъ.

Вдова Жана-Антуана имѣла сильное вліяніе не только на своихъ сыновей, но и на внуковъ. Въ молодости она была одною изъ самыхъ красивыхъ женщинъ своего времени. Свидѣтельство ея сыновей объ этомъ вполнѣ подтверждается нѣсколькими ея портретами. Одинъ изображаетъ ее лѣтъ двадцати-пяти отъ роду, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея замужства, высокою, стройною женщиной съ правильными чертами лица, прекрасными золотистыми волосами и большими голубыми глазами съ сѣроватымъ отливомъ. На другомъ портретѣ она уже женщина шестидесяти лѣтъ и все еще очень красива. Ея голубые глаза немного потемнѣли и смотрятъ мягче; чудесные, густые волосы побѣлѣли, выраженіе лица болѣе задумчиво, но въ то же время твердо и спокойно. Вышедши за человѣка, который былъ старше ея двадцатью годами, израненаго и раздражительнаго, эта женщина рано научилась сдерживать свои порывы и владѣть собой, стараясь по возможности удалять отъ мужа всякіе поводы къ неудовольствію или волненію. «Она продлила его жизнь», говоритъ старшій сынъ ихъ; но незамѣтно, чтобы сожительство съ мужемъ повелительнаго характера сдѣлало ее уступчивой и гибкой; оно, напротивъ, развило въ ней внушительную и сдержанную строгость, о которой не разъ упоминаютъ ея дѣти, восторгаясь «прекрасной душой» своей матери. Второй сынъ ея, будущій бальи іоаннитскаго ордена и дядя оратора, писалъ о ней въ 1760 году, когда ей было уже шестьдесятъ-пять лѣтъ: «Эта почтенная мать, полная силъ, души и ума, воспитанная доблестными людьми высшаго круга, выражается съ энергіей, передъ которой трепещутъ полумужчины нашего времени: рожденная любить то,

Digitized by Google

что ей слѣдуетъ любить, она всегда возвращается къ внушеніямъ своего сердца: такова, какъ мнѣ кажется, основа ея характера».

Оба сына, старшій и второй, много говорятъ о силѣ ея воли. Въ то время владѣльцамъ дворянскихъ имѣній принадлежало право полицейскаго надзора и суда въ ихъ владѣніяхъ. Принявъ въ свое завѣдываніе имѣнія умершаго мужа, она энергически принялась искоренять полицейскія и судебныя злоупотребленія, которыя скрывала отъ него, чтобы не волновать больного. Она, впрочемъ, управляла родовыми помѣстьями мужа не одна; несмотря на завѣщаніе мужа, она завѣдывала ими вмѣстѣ съ старшимъ своимъ сыномъ, по праву первородства единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ этихъ имѣній, и никогда не разставалась съ нимъ. При всемъ уваженіи сыновей къ матери, эта женщина не была счастлива и во вторую половину своей долгой жизни. Старшій сынъ ея, отецъ трибуна, женился неудачно на дѣвушкѣ, которая вела безпорядочную жизнь и потомъ разошлась съ нимъ, отравляя его существованіе скандальными и разорительными процессами. Третій сынъ ея женился еще хуже— на женщинѣ, уже принадлежавшей многимъ, и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Негодуя на жену старшаго сына, считая ее источникомъ всѣхъ бѣдъ его и семьи, она невольно отличала между своими внуками тѣхъ, кто физически походилъ на отца, а будущій трибунъ, независимо отъ случайнаго безобразія, причиненнаго ему оспой, былъ, по ея мнѣнію, весь въ мать, и она относилась къ нему строже, чѣмъ къ младшему своему внуку, будущему виконту, который считался въ домѣ единственнымъ мальчикомъ, напоминающимъ фамилію Мирабб. Ему отказала она и тѣ сорокъ тысячъ ливровъ, которыя составляли все ея личное состояніе. Незамѣтно подготовляя такимъ образомъ трудное будущее своему старшему сыну, котораго она такъ любила, она должна была, при всемъ своемъ ревностномъ благочестіи, смотрѣть сквозь пальцы на многое, что въ тайнѣ жестоко ее оскорбляло. Когда жена ея старшаго сына, мать оратора, уѣхала отъ мужа къ своимъ,— въ домѣ ея поселилась, въ качествѣ друга овдовѣвшаго сына, молодая, красивая и умная женщина, г-жа де-Пайи, окружавшая ее, правда, заботами и вниманіемъ, иногда внушавшая ей самое искреннее сочувствіе, но въ сущности непріятная ей по своимъ двусмысленнымъ отношеніямъ къ маркизу. Все это вполнѣ объясняетъ то чрезвычайно странное моральное явленіе, которымъ закончилась жизнь этой почтенной женщины: за три года до своей смерти, уже восьмидесяти лѣтъ отъ роду, она сошла съ ума.

Digitized by Google

Изданныя двѣнадцать лѣтъ тому назадъ «Воспоминанія» барона Глейхена [1]), бывшаго въ XVIII вѣкѣ датскимъ посланникомъ въ Парижѣ и другомъ Шуазеля, посвящены отчасти разсказу объ этомъ любопытномъ явленіи послѣднихъ лѣтъ вдовы Жана-Антуана Мирабо. Авторъ «Воспоминаній» признается самъ, что говоритъ о хорошо знакомой ему фамиліи Мирабо съ цѣлью разсказать необыкновенный случай безумія, предшествовавшій ея смерти. «Я зналъ ее тупо набожною, говоритъ онъ; но при этомъ она сохранила до восьмидесяти-двухлѣтняго возраста удивительную проницательность, мѣткость и силу ума. Мнѣ казалось, что болѣзнь ея вызвала борьбу между ея темпераментомъ и правилами, между ея философіей и самой слѣпой вѣрой. Въ припадкахъ бѣшенства, она срывала съ себя всякое платье; ее принуждены были укладывать на солому и приставлять къ ней стараго, семидесятилѣтняго слугу, который одинъ могъ сладить съ нею, потому что она въ него влюбилась. Она была худая, какъ скелетъ, едва дышала, когда сошла съ ума. Но съ тѣхъ поръ физическое здоровье ея такъ изумительно поправилось, что она замѣтно пополнѣла, стала свѣжа, какъ молодая дѣвушка; къ ней вернулись признаки ея пола и молодости. Но всего поразительнѣе то, что ея безуміе касалось именно двухъ противоположныхъ сторонъ ея нравственнаго характера. Эта добродѣтельная, щепетильная женщина, которую оскорбляла даже тѣнь двусмысленнаго выраженія, извергала слова, способныя возмутить гренадера, и которыя, казалось, даже не могли быть ей извѣстны. Вторымъ проявленіемъ ея бѣшенства было страшнѣйшее богохульство, и когда кто-нибудь приходилъ навѣстить ее, она требовала, чтобы пришедшій отрекся отъ Бога, угрожая въ противномъ случаѣ задушить посѣтителя».

Какъ бы ни была преувеличена и мѣстами невѣрна эта картина, записанная, вѣроятно, съ чужихъ словъ, потому что сыновья не допускали постороннихъ къ больной, состояніе послѣдней было во всякомъ случаѣ ужасно. «Я зналъ много мужскихъ головъ,—пишетъ второй ея сынъ старшему,—но только немногіе изъ нихъ могли бы поровняться съ ея головою. И вотъ вс что она обратилась! Да будетъ воля твоя! Но какое униженіе для человѣческой гордости!» Ея болѣзнь заключалась въ діаметральной противоположности ея жизни и обращенія съ прежними ея вкусами, нравами, привычками, манерами и способами выражаться. Особенно противны стали ей женщины: ихъ

[1]) Souvenirs du baron de Gleichen. P. 1868.

Digitized by Google

присутствія она не могла выносить. Видно было, что эта гордая и цѣломудренная женщина много вытерпѣла отъ другихъ женщинъ, особенно отъ своихъ невѣстокъ. Несчастная имѣла и свѣтлые промежутки, когда она сознавала свое безуміе. И въ этомъ-то печальномъ состояніи она прожила цѣлыхъ три года, съ 1766 до 1769 г. Сообщая о смерти матери своему отсутствующему брату, старшій сынъ покойной, «другъ людей», говоритъ, что и самъ сошелъ бы съ ума подъ вліяніемъ ея продолжительной болѣзни, еслибъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ критическихъ обстоятельствахъ, его не спасала «любезная сердцу наука». Мы увидимъ впослѣдствіи, съ какимъ искреннимъ и неутомимымъ жаромъ маркизъ Мирабо, отецъ трибуна, утѣшался и забывалъ горе, причиняемое ему другими и имъ самимъ кому-нибудь другому, распространяясь въ несчетномъ числѣ томовъ о счастіи, обѣщаемомъ роду человѣческому чудными свойствами его экономическихъ теорій. Своей матери онъ однако же не забылъ никогда, и въ завѣщаніи, писанномъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ ея смерти, такъ настоятельно требовалъ перенесенія ея останковъ изъ склеповъ св. Сюльпиція для погребенія подлѣ него, что для этого пришлось перемѣстить множество могилъ. Нынѣ и мать, и сынъ покоятся рядомъ, въ бенедиктинской церкви, въ Аржантейлѣ.

III.

Оригинальность была общею чертой всѣхъ Мирабо XVIII-го вѣка. Третій сынъ Жана-Антуана, Людовикъ-Александръ, умершій въ молодыхъ годахъ, всего тридцати-шести лѣтъ отъ роду, не уступалъ въ этомъ отношеніи своимъ двумъ старшимъ братьямъ и своимъ племянникамъ. Какъ и всѣ его братья, онъ еще въ дѣтствѣ былъ принятъ въ мальтійскій орденъ. Отецъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность открыть эту дорогу своимъ дѣтямъ и, по словамъ его старшаго сына, истратилъ не менѣе 36,000 ливровъ на подобные пріемы и на поѣздки дѣтей на Мальту. Людовикъ-Александръ, подобно братьямъ, вѣроятно воспитывался сначала въ іезуитской школѣ Экса или Марсели; но уже тринадцати лѣтъ отъ роду, въ самый годъ смерти своего отца, былъ прикомандированъ къ одному пѣхотному полку въ чинѣ подпоручика. Юный офицеръ, о которомъ извѣстный Вовенаргъ, капитанъ того же полка, писалъ его старшему брату, что у него слишкомъ сильныя страсти и слишкомъ настойчивая воля, уча-

Digitized by Google

ствовалъ почти во всѣхъ боевыхъ дѣлахъ, предшествовавшихъ аахенскому миру. Но двадцати-четырехъ лѣтъ отъ роду, будучи уже капитаномъ полка, онъ имѣлъ несчастіе встрѣтиться въ Брюссели съ одною изъ многочисленныхъ любовницъ Морица Саксонскаго, актрисой Наварръ, которая такъ вскружила ему голову, что онъ на ней женился. Это тяжелое событіе въ его жизни доставило ему нѣкоторую извѣстность; оно представлялось скандаломъ даже въ XVIII вѣкѣ,—такъ постыдна была репутація новобрачной. Къ тому же вскорѣ оказалось, что, имѣя въ виду выдти за юнаго Мирабо, она покидала нѣсколькихъ обожателей, съ которыми жила одновременно, въ томъ числѣ Мармонтеля, который подробно разсказываетъ объ этомъ въ своихъ «Запискахъ», писанныхъ «въ назиданіе» собственнымъ дѣтямъ. Подробно разсказавъ дѣтямъ свое первое свиданіе съ актрисой Наварръ, передавъ имъ то, что она сказала ему «въ немногія спокойныя минуты», добродѣтельный отецъ заключаетъ главу слѣдующими строками: «Здѣсь, любезныя дѣти, я набрасываю покровъ на мои прискорбныя безумія. Хотя то время уже далеко и я былъ еще молодъ, но мнѣ все-таки не хочется являться передъ вами въ состояніи опьяненія и бреда». Нѣсколько страницъ далѣе, онъ однако же является передъ ними именно въ такомъ состояніи. Онъ заставляетъ молодого капитана играть сантиментальную и смѣшную роль, доставившую ему честь быть выставленнымъ во многихъ водевиляхъ и въ нѣсколькихъ романахъ.

Мармонтель говоритъ о себѣ, что, обожая г-жу Наварръ, онъ, несмотря на ея желаніе сдѣлаться его женой, никогда не соглашался забыть самого себя настолько, чтобы принять ея предложеніе. По его словамъ, горе, причиненное ему успѣхомъ Мирабо, быстро разсѣялось, когда онъ узналъ, что сынъ маркиза Жана-Антуана не остановился даже передъ такимъ крайнимъ средствомъ, которое даже лимузенскій крестьянинъ счелъ бы для себя позорнымъ. Мармонтель осуждаетъ маркиза Мирабо, старшаго брата Людовика-Александра, за то, что онъ «привелъ въ движеніе небо и землю», съ цѣлью воспрепятствовать этому браку, глубоко огорчавшему мать молодого человѣка. Но неизвѣстно, какія именно средства были употреблены для этой цѣли маркизомъ Мирабо. Изъ писемъ его видно только одно, что онъ вооружился всѣми возможными рекомендаціями къ министрамъ. Имѣя дѣло съ такимъ же упрямымъ, настойчивымъ и горячимъ потомкомъ Рикети, какъ и онъ самъ, онъ не достигъ своей цѣли; Людовикъ-Александръ обвѣнчался съ актрисой На-

Digitized by Google

варръ, и одинъ только Мармонтель приписываетъ старшему брату попытку арестовать одного или обоихъ супруговъ, слѣдствіемъ чего была смерть новой графини Мирабо отъ испуга. Другіе источники не говорятъ объ этой попыткѣ; изъ нихъ мы узнаёмъ только, что новая графиня умерла въ 1749 году, въ Авиньонѣ, гдѣ, быть можетъ, совершенъ и самый обрядъ вѣнчанія.

Отказавшись отъ званія мальтійскаго рыцаря и принявъ титулъ графа, чтобы жениться по страсти, отвергнутый матерью и братьями, молодой вдовецъ не зналъ бы что дѣлать, еслибъ въ это время не случился въ Авиньонѣ, проѣздомъ, маркграфъ байретскій, зять Фридриха-Великаго, съ извѣстной своей женой, принцессой байретской, сестрой прусскаго короля. Они ѣхали въ Италію, полюбили его и были очень рады, когда онъ вызвался сопутствовать имъ. Во время этого путешествія, папа возвратилъ ему право мальтійскаго рыцаря, а маркграфъ назначилъ ему пенсію въ двѣнадцать тысячъ флориновъ. Два года спустя, онъ былъ уже оберъ-каммергеромъ и тайнымъ совѣтникомъ маркграфа. Послѣдній, находя его способнымъ къ дѣламъ, даже послалъ его въ Парижъ съ очень важнымъ порученіемъ. Дѣло было такъ. Въ самую критическую минуту жизни Фридриха-Великаго, въ іюлѣ 1757 года, принцесса байретская совѣтовала ему прибѣгнуть къ посредничеству графа Мирабо, какъ къ послѣднему средству выдти изъ труднаго положенія. Противъ Фридриха дѣйствовали тогда Франція, Австрія, Россія и Швеція; слабо поддерживаемый Англіей, уже потерявъ часть своего королевства, тѣснимый со всѣхъ сторонъ и готовый кончить жизнь самоубійствомъ, чѣмъ сдаться непріятелю, онъ принялъ предложеніе своей сестры, и графъ Мирабо поѣхалъ въ Парижъ для секретныхъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ. Вотъ что пишетъ Фридрихъ II своей сестрѣ по этому поводу:

«Такъ какъ вы желаете, любезная сестра, заняться великимъ дѣломъ мира, то я умоляю васъ послать этого г-на де-Мирабо во Францію. Я охотно возьму на себя расходы; онъ можетъ предложить до пятисотъ тысячъ талеровъ «фаворитѣ» за примиреніе, и могъ бы даже значительно превысить эту цифру, еслибъ французы въ то же время обязались доставить намъ какія-нибудь выгоды.

«Вы легко поймете, какая осторожность нужна мнѣ въ этомъ дѣлѣ, и какъ мало я долженъ быть въ немъ на виду. Малѣйшій слухъ о немъ, проникши въ Англію, могъ бы испортить

Digitized by Google

все дѣло. Я думаю, что вашъ эмиссаръ могъ бы обратиться также и къ своему родственнику, который сдѣлался министромъ [1]), и котораго вліяніе усиливается съ каждымъ днемъ. Полагаюсь во всемъ на васъ».

Но эта попытка не имѣла успѣха. Французское правительство считало положеніе Фридриха безъисходнымъ, а свое положеніе слишкомъ выгоднымъ, чтобы отстать отъ своихъ союзниковъ и вступить съ нимъ въ переговоры. Но оно, быть можетъ, не осталось безъ вліянія на миролюбивое настроеніе, обнаруженное кардиналомъ Берни въ слѣдующемъ году, и бывшее причиной его паденія. Убѣдившись окончательно въ неудачѣ графа Мирабо, Фридрихъ писалъ своей сестрѣ, въ октябрѣ того же года: «Если французы такъ высокомѣрны, то я предаю ихъ извращенному ихъ смыслу, и иду теперь походомъ, чтобъ измѣнить рѣшеніе судебъ». И нѣсколько дней спустя, онъ дѣйствительно измѣнилъ его при Росбахѣ.

Между тѣмъ сношенія Людовика-Александра съ двумя старшими братьями возобновились. Они были пріятно удивлены его успѣхами въ Германіи, и прозвали его «Германикомъ», признали за нимъ и блескъ, и умъ, и порядочность. Но мать примирилась съ нимъ только тогда, когда онъ загладилъ свой первый бракъ новымъ, достойнымъ, по ея мнѣнію, имени Мирабо, женившись въ Байретѣ на графинѣ Кунсбергъ, щедро одаренный маркграфомъ. И въ этомъ бракѣ онъ также прожилъ не долго. Представивъ жену своей матери, посѣтивъ затѣмъ замокъ Мирабо, онъ узналъ, по возвращеніи въ Байретъ, что, въ его отсутствіе, довѣріе къ нему маркграфа было серьёзно поколеблено. Вскорѣ старшій братъ, маркизъ Мирабо, уже писалъ второму, находившемуся на Мальтѣ: «Пишу тебѣ, любезный братъ, по очень печальному поводу: изъ прилагаемаго письма ты узнаешь, что мы лишились нашего бѣднаго брата. Разстояніе между мною и тобой слишкомъ велико для того, чтобы я могъ осторожно подготовлять тебя къ этой вѣсти; къ тому же, какъ замѣтилъ кто-то вчера, предосторожности, принимаемыя въ подобныхъ случаяхъ, очень похожи на выставку инструментовъ передъ операціей. Бѣдняга умеръ отъ желчной горячки, продолжавшейся всего семь дней. Какая-то изъ грязныхъ непріятностей, которыми его окружали, привела его въ бѣшенство, послѣ котораго онъ заболѣлъ и уже не могъ оправиться. Не-

[1]) Кардиналъ Берни, съ которымъ фамилія Мирабо считала себя въ родствѣ.

Digitized by Google

обузданность его характера была, такимъ образомъ, причиной его гибели. Я предсказывалъ ему это».

Графъ Людовикъ-Александръ Мирабо умеръ бездѣтнымъ; но онъ оставилъ молодую вдову, которая произвела на всю семью Мирабо самое лучшее впечатлѣніе, и старшій братъ покойнаго пригласилъ ее жить вмѣстѣ съ нимъ и съ ихъ матерью во Францію. Вдова согласилась на это тѣмъ охотнѣе, что получила отъ маркграфа байретскаго при выходѣ замужъ сто-шестьдесятъ тысячъ франковъ изъ денежной претензіи маркграфа къ французскому правительству, обѣщавшему выдать ему субсидію. Она надѣялась, что получитъ эту сумму при помощи старшаго брата ея покойнаго мужа. Упоминая въ своихъ письмахъ объ этой женщинѣ, старшій Мирабо постоянно осыпаетъ ее похвалами, подъ именемъ «маленькой графини». «Эта женщина—ангелъ», говоритъ онъ часто. И такъ какъ начало ея сожительства съ его матерью совпало съ отъѣздомъ собственной его жены, то онъ пишетъ своему второму брату: «Ты найдешь у насъ все по старому: только мѣсто чорта занялъ теперь ангелъ».

IV.

«Я люблю и чту моего дядю. У него душа и доблести героя». Такъ отзывается знаменитый Мирабо о второмъ братѣ своего отца, второмъ сынѣ Жана-Антуана, мальтійскомъ рыцарѣ, впослѣдствіи кавалерѣ большого мальтійскаго креста и балльи мальтійскаго ордена, отзывается въ своихъ «Письмахъ изъ Венсенской башни», въ которыхъ узникъ часто говоритъ въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ не только о своемъ отцѣ, виновникѣ его заключенія, но и о всѣхъ членахъ своего семейства. Въ нравственномъ отношеніи, будущій балльи былъ дѣйствительно лучшимъ характеромъ бурной и часто необузданной фамиліи Мирабо. Ему была свойственна одна только, и то очень почтенная крайность: страстное отношеніе ко всему тому, что онъ считалъ правдой и справедливостью, и оно, при тогдашнемъ порядкѣ вещей, не могло не помѣшать его административной карьерѣ. Послѣ двадцати-шести-лѣтней, очень полезной морской службы, послѣ успѣшнаго управленія одною изъ французскихъ колоній, онъ желалъ попасть и чуть не попалъ въ морскіе министры въ самое бѣдственное время французскаго флота. Онъ издавна подготовлялся къ этому поприщу, зналъ морское дѣло въ теоріи и на практикѣ, порывался преобразовать французское

Digitized by Google

морское управленіе и флотъ; но, высказываясь объ этомъ на чистоту, онъ никакъ не могъ достигнуть министерскаго поста. «Наши морскіе офицеры, — писалъ онъ въ 1754 году — люди храбрые и довольно хорошіе моряки въ той части этого искусства, которая имъ доступна; но ни одинъ изъ нихъ не знаетъ ни интересовъ государства, на которые можетъ вліять флотъ, ни торговли, ни колоній, ни морскихъ заведеній другихъ народовъ. Ограниченные надменными мелочами своего ремесла, и почти столь же невѣжественные, какъ и дворъ, они неспособны придумать ничего великаго». Въ этомъ смыслѣ было написано имъ множество замѣтокъ и цѣлыхъ статей, которыя не были никогда напечатаны, но были имъ переданы роднымъ, часто смѣнявшимся тогда, морскимъ министрамъ, или людямъ вліятельнымъ, желавшимъ знать его мнѣніе. Въ версальскихъ канцеляріяхъ и въ портахъ онъ рано былъ признанъ за моряка очень способнаго, но враждебнаго рутинѣ и потому неудобнаго въ администраціи. На совѣты старшаго брата — относиться къ дѣлу спокойнѣе и выражаться менѣе рѣзко о существующемъ морскомъ управленіи, онъ отвѣчалъ въ 1758 году: «Мы перестали понимать собственный языкъ, и это довольно похоже на вавилонское столпотвореніе, хотя и въ другомъ родѣ. У насъ сговорились называть «горячей головой» всякаго прямого и твердаго человѣка, дерзающаго осуждать злоупотребленія; глупца и лѣнтяя величаютъ умнымъ человѣкомъ за то, что онъ не имѣетъ ни мнѣнія, ни знаній. Мошенникъ превратится у насъ въ ловкаго человѣка, честный человѣкъ въ глупца; гражданинъ въ пустую мечту. Откуда же это смѣшеніе понятій и словъ въ нашемъ языкѣ? Не оттого ли произошло оно, что такъ какъ всѣ нравственно испорчены, а между тѣмъ всѣ любятъ быть польщенными, то стали давать порокамъ честныя имена, а добродѣтелямъ — презрѣнныя, въ виду того, что всѣ боятся и бѣгутъ ихъ. Если это такъ, то мы только теряемъ время и напрасно будемъ вздыхать, пока вся машина, испорченная во всѣхъ своихъ частяхъ, не разлетится на куски и не станетъ тѣмъ, что греки называли хаосомъ».

При порядкѣ вещей, построенномъ на фаворизмѣ и произволѣ, такіе люди рѣдко добиваются обширнаго круга дѣятельности. Имъ обыкновенно не даютъ хода. Вопреки тому, что при этомъ требуется, второй сынъ Жана-Антуана Мирабо, получившій имена своего отца, былъ очень вѣжливъ и любезенъ съ низшими, рѣзокъ и требователенъ съ высшими. Въ своей перепискѣ съ старшимъ братомъ, онъ припоминаетъ урокъ, данный ему еще

Digitized by Google

въ юности отцомъ. Во время одной прогулки въ Мирабо, когда отецъ шелъ позади его, имъ поклонился проходившій мимо крестьянскій мальчикъ. Мирабо-сынъ не замѣтилъ его, и только потому не отвѣчалъ на поклонъ; но отецъ внушительно толкнулъ его ногой, и строго напомнилъ, что порядочные люди обязаны отвѣчать, когда имъ кланяются.

Въ первой молодости, этотъ второй сынъ «серебрянаго ошейника» нѣсколько лѣтъ сряду велъ разгульную жизнь, много пилъ, но потомъ вдругъ остановился. Шестнадцати лѣтъ онъ уже былъ морякомъ на галерахъ мальтійскаго ордена, восемнадцати перешелъ въ королевскую морскую службу, ѣздилъ въ Америку на военномъ кораблѣ, выдержавшемъ во время плаванія бой съ англійскими судами, участвовалъ потомъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, а въ 1744 году въ морскомъ сраженіи при Тулонѣ между соединенными флотами Франціи и Испаніи и англійской эскадрой. Два года спустя, будучи уже флотскимъ офицеромъ, онъ отличился въ одной изъ самыхъ несчастныхъ морскихъ экспедицій французскаго флота. Десять линейныхъ кораблей, пять фрегатовъ съ транспортными судами, на которыхъ было посажено отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ войска, были отправлены правительствомъ изъ Бреста, на помощь Канадѣ, съ порученіемъ отнять у англичанъ занятый ими Люисбургъ. Эти суда, дурно построенныя, дурно снаряженныя, съ попорченнымъ провіантомъ, подъ начальствомъ придворнаго, неумѣлаго моряка, герцога Анвильскаго, были разбиты бурями и опустошены болѣзнями. Сынъ начальника эскадры умеръ отъ болѣзни и горя. Напрасно пыталась эскадра атаковать нѣкоторые англійскіе форты; въ ея жалкомъ положеніи, ей надо было спѣшить обратно во Францію: на судахъ ея уцѣлѣло лишь столько людей, сколько ихъ было необходимо для возможности обратнаго плаванія. Корабль «Марсъ», на которомъ служилъ Мирабо, долженъ былъ отстать отъ другихъ судовъ, имѣя четыре течи, а на него въ это время напалъ англійскій корабль. Послѣ двухчасового боя «Марсъ» былъ вынужденъ сдаться, и Мирабо, опасно раненый ядромъ, былъ отвезенъ въ Англію, гдѣ пролежалъ три мѣсяца въ постели.

Эта злополучная экспедиція еще усилила инстинктивное отвращеніе молодого моряка къ тому, что онъ называлъ *строкой*, *перомъ* (la plume), т.-е. къ канцелярскому порядку управленія морскимъ дѣломъ. Управленіе это было, дѣйствительно, самое жалкое. Въ разныхъ своихъ запискахъ, направленныхъ противъ морской бюрократіи, запискахъ очень смѣлыхъ, загораживавшихъ ему дорогу къ серьёзному повышенію, онъ часто ссылается на

Digitized by Google

экспедицію герцога Анвильскаго, какъ на блистательное доказательство неспособности, бездѣятельности и злоупотребленій этой бюрократіи.

Оправившись отъ опасной раны, онъ былъ отпущенъ изъ Англіи съ обязательствомъ не служить болѣе въ тогдашнюю войну, обязательствомъ тѣмъ легче выполнимымъ, что ему пришлось еще два года не ходить, а волочить за собой ногу. Только два года спустя, въ 1749 году, онъ могъ возвратиться во флотъ, былъ произведенъ въ капитаны фрегата, потомъ въ капитаны корабля и назначенъ губернаторомъ Гваделупы. Съ тѣхъ поръ, матеріалы для его біографіи и для характеристики его времени дѣлаются обильными и еще болѣе интересными. До четырехъ тысячъ писемъ, которыми обмѣнялись братья Мирабо́ между собою съ 1753 до 1789 года, были въ распоряженіи ученаго біографа, съ трудомъ котораго мы знакомимъ теперь нашихъ читателей.

Во всю свою жизнь оба брата были связаны между собою неизмѣнной и самою тѣсной дружбой, хотя и расходились и въ мнѣніяхъ и во вкусахъ. Дружба эта объясняется чувствомъ, совсѣмъ незнакомымъ современному человѣку и во всякомъ случаѣ очень любопытномъ,—чувствомъ младшаго брата къ старшему, какъ представителю фамиліи. Второй сынъ Жана-Антуана, о которомъ мы говоримъ, не только охотно подчинился праву первородства, господствовавшему въ тогдашнемъ дворянствѣ, но даже отдался ему съ какимъ-то разсудочнымъ фанатизмомъ, который дѣлалъ этого человѣка типомъ саможертвованія и преданности, очень рѣдкимъ даже и въ то время. Не таковъ былъ, напримѣръ, ихъ младшій братъ, Людовикъ-Александръ, о которомъ мы уже говорили. Онъ никогда не признавалъ нравственнаго главенства своего старшаго брата, съ неудовольствіемъ относился къ его праву на всѣ почти имѣнія отца, и вытребовалъ у него, угрожая процессомъ, тотъ капиталъ, который старшій въ родѣ обязанъ былъ выплатить своимъ младшимъ братьямъ. Но второй сынъ Жана-Антуана составлялъ въ этомъ случаѣ исключеніе. Будучи только двумя годами моложе старшаго брата, онъ считалъ себя нравственно обязаннымъ ничего не предпринимать безъ его согласія и одобренія. Онъ предоставлялъ старшему брату даже рѣшеніе вопроса о своемъ бракѣ, какъ о дѣлѣ фамильномъ, которое, поэтому, подлежитъ вѣдѣнію главы семейства. Такъ же самоотверженно поступалъ онъ и въ своихъ денежныхъ дѣлахъ съ старшимъ братомъ, маркизомъ, «другомъ людей» и отцомъ будущаго трибуна. Онъ никогда ничего не требуетъ отъ стар-

Digitized by Google

шаго брата, даже не освѣдомляется о томъ, какой капиталъ выплаченъ имъ ихъ младшему брату Людовику-Александру. Уже на сороковомъ году жизни онъ пишетъ маркизу Мирабо: «Я съ дѣтства привыкъ къ пріятной мысли, что ты долженъ владѣть всѣмъ, что не безусловно необходимо для моего существованія, потому что ты глава фамиліи, потому что ты отвѣчаешь за все, потому наконецъ, что на мнѣ лежитъ обязанность способствовать ея благосостоянію, а не присвоивать себѣ ея имущество». Мысль потребовать своей законной доли изъ фамильнаго достоянія казалась ему преступной. Очень бережливый, онъ живетъ незначительнымъ жалованьемъ морского офицера и тѣми двумя тысячами ливровъ, которыя братъ выплачиваетъ ему ежегодно. Послѣдній, съ своей стороны, дѣлаетъ всевозможное для своего преданнаго брата. Въ то время, какъ будущій балльи мальтійскаго ордена (впослѣдствіи онъ такъ и былъ извѣстенъ въ семьѣ подъ именемъ балльи, le bailli) служилъ во флотѣ и въ колоніяхъ, маркизъ Мирабо подготовлялъ ему хорошія связи въ Парижѣ. «Дѣлай свое дѣло», пишетъ онъ брату, въ то время губернатору Гваделупы, «я тутъ похлопочу за тебя, и унижаться, конечно, не буду».

Отношеніе нѣкоторой подчиненности второго брата къ старшему нисколько не измѣняется и тогда, какъ ихъ матеріальное положеніе совершенно измѣнилось въ обратномъ смыслѣ. До пятидесяти-лѣтняго возраста, балльи—не больше какъ младшій братъ главы семейства, располагающій двумя тысячами ливровъ годового дохода, не совсѣмъ правильно выплачиваемыхъ ему этимъ главою; послѣдній, котораго онъ считаетъ гораздо болѣе богатымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, любитъ его, покровительствуетъ ему, радушно принимаетъ его въ своемъ домѣ, доставляетъ ему полезныя связи и помогаетъ ему подняться по службѣ. Но этотъ старшій братъ, большой фантазёръ и преобразователь человѣчества, систематически разоряется, дѣлаетъ рядъ ошибокъ, о которыхъ мы упомянемъ, когда будемъ говорить о немъ; онъ воюетъ на смерть съ своей женой въ то самое время, когда она, долгое время причиняя ему большіе расходы, наконецъ получаетъ отцовское состояніе, на доходы котораго онъ самъ постоянно разсчитывалъ для поправленія своихъ дѣлъ; выдержавъ противъ нея нѣсколько разорительныхъ процессовъ, давъ своимъ дочерямъ приданое, превышавшее его средства, щедро воспитавъ своихъ сыновей и надѣливъ старшаго изъ нихъ, при его женитьбѣ, пенсіей, которая также была ему не по силамъ, онъ оказывается обремененнымъ массой долговъ,

Digitized by Google

проценты которыхъ съѣдаютъ всѣ его личные доходы, видитъ, что у него буквально не остается и куска хлѣба, а на рукахъ двое сыновей, которыхъ онъ не безъ причины называетъ «хищниками, способными проглотить море со всѣми его рыбами». Но и это бѣдственное положеніе нисколько не измѣняетъ отношеній между братьями. Младшій, дѣла котораго пошли между тѣмъ блистательно въ матеріальномъ отношеніи, спѣшитъ выручить старшаго изъ бѣды, сохраняя къ нему прежнее уваженіе и прежнюю дружбу. Въ числѣ разныхъ своихъ предпріятій, маркизъ Мирабо настоялъ на одномъ, которое удалось вполнѣ: онъ побудилъ меньшого брата принять страшно дорогую должность генерала мальтійскихъ галеръ. Напрасно будущій балльи возражалъ ему, что въ этой должности придется не только поглотить 50,000 ливровъ, составлявшихъ его законную долю отцовскаго наслѣдства, которой онъ не желаетъ брать изъ фамильнаго имущества, но и гораздо бо́льшую сумму, которой онъ не хочетъ занимать,—напрасно убѣждаетъ брата, что надежда получить впослѣдствіи богатую коммандорскую должность очень сомнительна,—старшій братъ береть на себя всѣ эти расходы, занимаетъ еще, пріумножая свои огромные долги, и снабжаетъ младшаго всѣми необходимыми суммами. Послѣ трехлѣтнихъ тревожныхъ ожиданій, балльи получаетъ наконецъ богатое провансальское коммандорство, приносящее ему 40,000 ливровъ годоваго дохода, который впослѣдствіи увеличился до 50,000 присоединеніемъ къ этой должности другого коммандорства. Онъ уплачиваетъ суммы, занятыя для него старшимъ братомъ, возвращаетъ фамиліи свою долю отцовскаго наслѣдства, назначаетъ брату 15,000 ливровъ ежегодной пенсіи изъ своихъ доходовъ, уплачиваетъ ему 12,500 ливровъ за нѣсколько мѣсяцевъ прожитыхъ въ его домѣ, дарить значительныя суммы его сыновьямъ и дочерямъ, словомъ—становится провидѣніемъ фамиліи, но по прежнему соображаетъ свои дѣйствія съ волей старшаго брата, оставляя за собою прежнюю свободу мнѣній. Во всей сорокалѣтней перепискѣ между братьями, былъ только одинъ моментъ, когда младшій рѣзко отнесся къ старшему; но онъ находился тогда подъ вліяніемъ своего краснорѣчиваго и искуснаго племянника, будущаго трибуна, который, затѣвая процессъ противъ жены, чтобы принудить ее жить съ нимъ, съумѣлъ склонить дядю въ свою пользу и затронуть его самолюбіе. Отецъ трибуна, болѣе благоразумный въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ дядя, предвидѣлъ, что поведеніе сына помѣшаетъ ему выиграть этотъ процессъ. Напротивъ, престарѣлый балльи, возбуждаемый племян-

Digitized by Google

никомъ, напрасно расходуетъ на его процессъ 20,000 ливровъ и отъ времени до времени досадуетъ на старшаго брата. Но едва написавъ нѣсколько рѣзкую фразу, онъ уже чувствуетъ угрызеніе совѣсти: «Ты знаешь меня, любезный братъ», пишетъ онъ: «когда мнѣ случается огорчать тебя, что дѣлаютъ мое перо, моя разгоряченная голова, но никогда не огорчаетъ тебя мое сердце». И будущій трибунъ принужденъ сознаться, что всѣ его усилія возстановить дядю противъ отца въ сущности безуспѣшны; съ наивнымъ эгоизмомъ пишетъ онъ одному пріятелю, англичанину, о своемъ дядѣ: «у этого честнаго человѣка одинъ порокъ — его непобѣдимая слабость къ старшему брату».

Переписка двухъ братьевъ Мирабо, отца и дяди трибуна, любопытна еще и въ другомъ отношеніи. Въ числѣ четырехъ тысячъ написанныхъ ими писемъ не наберется и десяти, въ которыхъ бы они говорили только о своихъ личныхъ дѣлахъ. Заботы о послѣднихъ всегда перемѣшаны въ этихъ письмахъ съ общими вопросами, занимавшими въ то время умы. Оба корреспондента постоянно прерываютъ бесѣду о личныхъ дѣлахъ, чтобы говорить о религіи, политикѣ, администраціи, финансахъ, исторіи, о добрѣ и злѣ, о прогрессѣ, свободѣ, аристократіи, демократіи, о состояніи общества и грозящихъ ему опасностяхъ, о преобразованіяхъ, которыя были бы для него спасительны, о томъ, можно ли вообще спасти его, и объ ожидающей его будущности. Каждое изъ этихъ разсужденій, иногда очень горячихъ и красиво изложенныхъ, наполняетъ восемь, даже десять страницъ in folio. Теперь рѣдко кто тратитъ на частное письмо столько мыслей, таланта и чернилъ. Теперь въ Европѣ все это больше печатается, чѣмъ излагается въ частной перепискѣ. Въ особенности плодовито перо старшаго брата, маркиза Мирабо, «друга людей». Онъ не только расточаетъ свои мысли передъ братомъ и передъ множествомъ корреспондентовъ въ разныхъ странахъ, но и издаетъ томъ за томомъ. Письма меньшого брата гораздо скромнѣе, не имѣютъ того докторальнаго и педантскаго характера, какимъ отличаются письма маркиза.

Губернаторъ Гваделупы съ-разу заявилъ себя противникомъ вопіющихъ злоупотребленій, творимыхъ и бѣлыми, и развращенными ими цвѣтнокожими. Онъ горячо излагаетъ въ письмахъ къ брату свои надежды и свое отчаяніе въ виду безъисходной испорченности населенія, для котораго честное слово не существуетъ, которое изолгалось до мозга костей, и до того прониклось рабовладѣльческимъ произволомъ и рабствомъ, что убить невольника не значило совершить преступленіе. Честный губер-

Digitized by Google

наторъ горячо предался своему дѣлу. «Я дѣлаюсь ханжой, любезный братъ,—писалъ онъ оттуда:—это покажется тебѣ забавнымъ, — и не надо понимать мои слова буквально. У меня не прибавилось ни вкуса, ни таланта къ мистицизму, но я, въ самомъ дѣлѣ, никогда не молился съ такимъ жаромъ, какъ теперь. Я молюсь изъ страха передъ тѣмъ вредомъ, какой можетъ быть принесенъ мною, и молю Бога помочь мнѣ дѣлать добро». «Представь себѣ, любезный братъ, что здѣсь установился обычай не наказывать за убіеніе негра. И съ самаго начала не проходило дня, чтобы люди, бѣжавшіе съ эшафота въ Европѣ, или ихъ дѣти, не убивали негра, ревнуя къ нему какую-нибудь развратную негритянку. Скажу больше: презрѣнный мулатъ, дитя отвратительнѣйшаго разврата, чудище, всегда соединяющее въ себѣ самыя гнусныя свойства бѣлыхъ и цвѣтнокожихъ, убиваетъ негра, а отецъ его выдаетъ себя за убійцу, чтобы избавить сына отъ всякой отвѣтственности! Вотъ и изволь проповѣдывать снисхожденіе въ странѣ, гдѣ всѣ изумлены тѣмъ, что я не позволяю убивать человѣка также безцеремонно, какъ въ другихъ странахъ убиваютъ собаку». — «Не знаю,—пишетъ онъ въ третьемъ письмѣ,—пріобрѣлъ ли я здѣсь репутацію справедливаго человѣка, и почему; но представь себѣ, что я разбираю здѣсь больше процессовъ, чѣмъ иное сенешальство. Я знаю, что меня немного любятъ, достаточно уважаютъ и еще больше боятся». — «Я здѣсь настоящій Мишель Моренъ, не только комендантъ, но и полу-епископъ, полу-интендантъ, полу-президентъ, и даже цѣлый». — «Никогда траппистъ не велъ жизни болѣе тяжелой, чѣмъ моя. Съ утра и до утра или судить, или писать, или подписывать, наконецъ работать — вотъ моя жизнь».

Единственнымъ развлеченіемъ для губернатора было чтеніе. Онъ постоянно проситъ брата присылать ему книги, книги всякаго рода, сочиненія по военному дѣлу, по дипломатіи, по судебной части, географіи, финансамъ и торговлѣ. Не переставая обогащаться новыми знаніями, онъ составляетъ записки по всѣмъ вопросамъ, касающимся колоній, собираетъ и сравниваетъ постановленія, на основаніи которыхъ онѣ управляются. «Будь увѣренъ, любезный братъ,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,— что если мнѣ позволятъ зрѣніе и здоровье, я въ шесть лѣтъ лучше подготовлюсь къ управленію политической стороной флота, чѣмъ кто-нибудь изъ управлявшихъ ею прежде. Если захотятъ широко воспользоваться моими услугами, я готовъ отдать жизнь государству, но я, конечно, не стану, послѣ тридцати-лѣтней службы, заниматься пустяками или тѣшить себя вздорными пер-

Digitized by Google

гаментами, оставляющими вамъ узкую необходимость ухаживать за канцеляристами или терпѣть отъ нихъ непріятности».

Получая сравнительно небольшое жалованье въ странѣ, гдѣ жизнь была очень дорога и отъ губернатора требовалось нѣкоторое представительство, онъ часто говоритъ въ своихъ письмахъ о превращеніи къ роскоши и богатству. «Я уже давно постигъ, что худшій изъ властителей есть золото, худшій изъ всѣхъ видовъ рабства—зависимость отъ богатства и роскоши. Я сказалъ это однажды г-ну де-Мариво, переводившему для меня слова одного древняго писателя, который замѣтилъ, что бѣдность смѣшна. Когда человѣкъ бѣденъ потому, что не хочетъ оскорбить своей чести, когда онъ умѣетъ презирать деньги и стоять выше тѣхъ, единственная заслуга которыхъ заключается въ ихъ богатствѣ,—тогда его уважаютъ, и бѣдность его совсѣмъ не смѣшна». Не менѣе замѣчательно мнѣніе этого аристократа XVIII-го столѣтія, человѣка, не особенно восторгавшагося философами своего времени, о рабствѣ и неграхъ. «Я имѣю здѣсь возможность,—пишетъ онъ въ 1755 году,—хорошо познакомиться съ невольничествомъ во всемъ его объемѣ, потому что здѣшнее рабство сильнѣе всѣхъ видовъ неволи, какіе когда-либо существовали, не юридически, а фактически. Къ римскимъ законамъ о рабствѣ цвѣтъ кожи прибавляетъ еще и физическое, неизгладимое отличіе свободнаго человѣка отъ невольника. Негръ—даже и тогда, когда онъ свободенъ—остается, по меньшей мѣрѣ, настолько же рабомъ, какъ и грекъ у турокъ, съ тѣмъ отягчающимъ обстоятельствомъ, что ничто и никогда не можетъ выбѣлить его, тогда какъ грекъ можетъ сдѣлаться туркомъ, принявъ магометанство. Нельзя однако же не признаться, что негръ—человѣкъ, и мыслитель, хладнокровно оцѣнивающій человѣчество, быть можетъ, отдалъ бы здѣсь предпочтеніе негру передъ бѣлымъ человѣкомъ. Мнѣ извѣстны разные упреки, дѣлаемые этимъ цвѣтнокожимъ; но, вникнувъ въ дѣло, я, общій здѣшній духовникъ, вижу одну только преступность бѣлыхъ. Когда одинъ человѣкъ заставляетъ другого работать изо всѣхъ силъ, отказывая ему при этомъ въ самой дрянной пищѣ, и этотъ несчастный совершаетъ преступленіе—на кого падаетъ вина? А это—вѣчная исторія въ здѣшней странѣ!.. Нашъ островъ почти такъ же великъ, какъ Провансъ, и гораздо болѣе плодороденъ, не говоря уже о томъ, что его произведенія драгоцѣннѣе. Тридцать-пять тысячъ бѣлыхъ, предназначенныхъ для обработки земли, не дѣлаютъ и того, что въ другихъ мѣстахъ могутъ сработать двѣ тысячи человѣкъ. Уже по одному этому рабство представляется мнѣ зломъ, если смо-

Digitized by Google

трѣть на него съ точки зрѣнія породившей его алчности, потому что нѣтъ надобности доказывать, какъ оно безчеловѣчно». — «Въ этой странѣ (пишетъ онъ въ другомъ письмѣ) существуетъ, отсюда обыкновенно выносятъ съ собою предубѣжденіе противъ негровъ, которое несправедливо. Я считаю этотъ народъ совершенно такимъ же, какъ и мы, за исключеніемъ цвѣта кожи. Я сомнѣваюсь даже, чтобы рабство не сдѣлало насъ хуже его. Между этими людьми встрѣчаются героическіе характеры».

Понятно, что подобный губернаторъ могъ быть любимъ неграми; но рабовладѣльцы, нашедшіе въ немъ строгаго судью своихъ жестокостей, и плуты, наѣзжавшіе изъ Европы, чтобы нажиться во что бы то ни стало, подняли противъ него вопль, доходившій и до версальскихъ канцелярій. Братъ губернатора имѣлъ по этому поводу очень характерный разговоръ съ однимъ изъ главныхъ чиновниковъ морского вѣдомства, человѣкомъ, хорошо расположеннымъ къ нимъ обоимъ. Вотъ этотъ разговоръ, представляющій одинъ только мѣстный интересъ:

«При всемъ своемъ умѣ и еще бо́льшей добродѣтели и честности, — сказалъ этотъ чиновникъ, — кавалеръ Мирабо́ рискуетъ сдѣлать ихъ безполезными для собственной карьеры и для государства. Онъ держитъ себя съ холодностью, которая смущаетъ и пугаетъ, а иногда вдругъ дѣлается рѣзокъ: это избытокъ затаеннаго огня. Онъ слишкомъ ретивъ, онъ присылаетъ намъ обширныя записки о злоупотребленіяхъ въ краѣ. Во-первыхъ, это слишкомъ рано; во-вторыхъ, есть вещи, которыя мы видимъ, не имѣя силы исправить ихъ; есть и другія, которыхъ мы просто не хотимъ исправить; мы живемъ не въ эпоху обновленія. Кавалеръ Мирабо́ не достаточно ограничиваетъ себя тою частью управленія, которая на него возложена: онъ обнимаетъ слишкомъ много предметовъ, — онъ слишкомъ рѣшителенъ; надо подавать свое мнѣніе съ мягкою скромностью, съ замѣтнымъ подчиненіемъ своего взгляда просвѣщенному взгляду министра, хотя бы мы и совсѣмъ не считали его просвѣщеннымъ».

Легко представить себѣ, что́ отвѣчалъ на это сообщеніе такой человѣкъ, какъ гваделупскій губернаторъ. «Угроза относительно моей карьеры, — пишетъ онъ брату, — для меня послѣднее дѣло. Я обязанъ передъ Богомъ и передъ моимъ именемъ быть какъ можно больше честнымъ человѣкомъ. Я обязанъ трудиться для государства въ потѣ лица, обязанъ жертвовать ему кровью и жизнью, лишь бы только при этомъ не затрогивали моей чести. Мнѣ тридцать-семь лѣтъ, изъ которыхъ я прослужилъ двадцать-

Digitized by Google

пять; я участвовалъ, по меньшей мѣрѣ, въ двадцати кампаніяхъ, и думаю, что уплатилъ мой долгъ государству, насколько это было мнѣ доступно. Поздравь меня, любезный братъ, съ тѣмъ, что масса негодяевъ, съ которой я имѣю здѣсь дѣло, не осмѣливается обвинять меня ни въ чемъ другомъ, кромѣ холодности: для нихъ я не стану себя передѣлывать. Что касается упрека въ излишней рѣшительности и рѣзкости, то и онъ меня не пугаетъ. Новый министръ (Машо), говорятъ, тоже рѣшителенъ и рѣзокъ; такіе люди намъ именно и нужны. Для государства рѣшительные люди то же, что кривой ножъ для зараженной части тѣла; люди такого характера любятъ правду, спокойно высказываютъ и выслушиваютъ ее. Всѣ здѣшніе честные люди скажутъ тебѣ, что я дѣлаю добро, и что строгость моя распространяется лишь на то, что несправедливо. Какая бѣда въ томъ, что двадцать разбойниковъ, которые убивали, крали, грабили корабли и прежде свободно прогуливались по острову, теперь не смѣютъ здѣсь показаться? Спроси въ торговыхъ пунктахъ, и тебѣ скажутъ, что положеніе здѣшнихъ дѣлъ улучшается, насколько это возможно въ короткое время. Будь увѣренъ, что человѣкъ, занимающій видное мѣсто въ такой странѣ, какъ Гваделупа, неизбѣжно причиняетъ много зла, если не умѣетъ бороться съ снисходительностью и яростно прикрываетъ это кажущеюся строгостью: двору я не мямлю правды, я указываю ему даже собственныя его ошибки. Я не дорожу карьерой, я не ищу ласки, но дорожу возможностью высказывать истину, исполнять свой долгъ, разоблачать несправедливость и бороться съ порокомъ, занимая служебное положеніе. Остальное въ рукахъ Божіихъ. Я знаю, что на меня начинаютъ нападать; здѣсь распространяютъ ложные слухи. Никто не можетъ сказать, что я воръ, потому что я не принимаю въ подарокъ даже и плодовъ. Никто не можетъ сказать, что меня водятъ за носъ любовницы: мой домъ точно церковь; ко мнѣ входятъ только люди, ищущіе суда, и офицеры; я никогда не даю аудіенцій женщинамъ иначе, какъ въ такомъ мѣстѣ, на которомъ меня съ улицы могутъ видѣть, но не слышать, прохожіе. Но распустили слухъ, будто я хочу ввести новый налогъ. Дворъ, передающій и въ то же время удерживающій за собою власть; дворъ, занятый ближайшими дѣлами, не знающій даже, что ему отвѣчать по дѣламъ отдаленныхъ странъ, — этотъ дворъ вѣчно бываетъ одураченъ плутами. Впрочемъ, я тогда только выйду изъ себя, когда подвергнусь прямому нападенію. По полученіи перваго письма, выка-

Digitized by Google

зывающаго недовѣріе, я рѣшительно потребую, чтобы мнѣ или выдали моего обвинителя, или прислали преемника... Что же касается аксіомы Годена (того чиновника, съ которымъ говорилъ братъ губернатора, маркизъ Мирабо) о необходимости строго ограничиваться собственной сферой дѣятельности, я могу сказать тебѣ, что писалъ съ полной довѣрчивостью Годену, но былъ сдержаннѣе относительно министра и главнаго чиновника въ моемъ департаментѣ; при всемъ томъ осмѣливаюсь утверждать, на основаніи двадцати-пяти-лѣтняго опыта, пріобрѣтеннаго въ плаваніяхъ по всѣмъ морямъ, что только глупецъ ограничивается своей нынѣшней сферой; только глупецъ, занимая извѣстную должность, не старается заслужить высшаго поста, подготовляясь къ болѣе обширной дѣятельности. Эта аксіома имѣла, къ сожалѣнію, слишкомъ много сторонниковъ въ нашемъ морскомъ вѣдомствѣ, гдѣ пользовавшіеся довѣріемъ канцеляристы нуждались въ томъ, чтобъ офицеры были ни къ чему неспособными автоматами и рабски исполняли предписанія, внушенныя тѣмъ или другимъ личнымъ интересомъ, не обсуждая ихъ достоинства».

Мирабо пробылъ на Гваделупѣ только два года. Состояніе его здоровья, сильно разстроенное мѣстною болѣзнью желудка, заставило его вернуться во Францію въ 1755 году. Онъ намѣревался однако же отправиться обратно въ Америку по выздоровленіи, чтобы занять мѣсто генералъ-губернатора французскихъ острововъ Вѣтра; но стеченіе обстоятельствъ, желаніе брата и виды на вліяніе при дворѣ помѣшали ему остаться при своемъ намѣреніи. Онъ все мечталъ служить государству въ крупныхъ размѣрахъ. Увидѣвъ, по возвращеніи съ Гваделупы, что братъ его близокъ съ нѣкоторыми вліятельными людьми, особенно съ аббатомъ Берни, который пользовался большимъ довѣріемъ короля и г-жи Помпадуръ, кавалеръ Мирабо, преисполненный плановъ о возрожденіи французскаго флота, сталъ домогаться министерскаго поста. Въ виду его прекрасныхъ намѣреній, его честолюбіе было отчасти законно; но онъ не обладалъ тѣми мелкими талантами, которые необходимы честолюбивымъ людямъ для успѣха. Нужно искусство льстить даже тѣмъ, кого презираешь, если только кто можетъ быть намъ полезенъ; нужно терпѣливо переносить пренебреженіе важнаго глупца въ ожиданіи возможности заплатить ему сторицей; необходимы умѣнье высказывать противоположное тому, что думаешь, гибкость спины, полное равнодушіе къ долгому ожиданію въ передняхъ, а ничего этого не было у кавалера Мирабо. Вотъ что онъ писалъ въ это время своему брату изъ Компьеня, гдѣ находился дворъ:

Digitized by Google

«Признаюсь, любезный братъ, положеніе человѣка, покровительствуемаго министромъ, превышаетъ мои силы. Я нахожусь теперь въ подобномъ отношеніи къ двоимъ, почти къ троимъ министрамъ; ты полагаешь, что отъ меня зависитъ пріобрѣсти покровительство пяти. Повторяю на бумагѣ то, что я уже говорилъ тебѣ тысячу разъ: вѣтры, бури, пушечные залпы, голодъ, жажда, моровая язва представляются мнѣ явленіями, къ которымъ приговорены дѣти Адама въ наказаніе за грѣхъ общаго своего отца, и я никогда не находилъ эти явленія настолько жестокими, чтобы бросить все и уйти отъ нихъ; но передніе могутъ свести меня съ ума. Хорошо еще еслибъ тамъ можно было договориться до дѣла; но представь себѣ, что, дежуря съ утра до вечера и постоянно находясь подъ рукою, я еще не имѣлъ возможности добиться разговора о проектѣ, который мнѣ возвратили, и который очень близко касается ихъ интересовъ, потому что для меня успѣхъ его можетъ быть важенъ лишь настолько же, насколько и для всякаго другого гражданина. Любезный братъ, дворъ есть скопленіе чернѣйшихъ чернилъ, которыя въ Версалѣ, зимою, кажутся менѣе черными, потому что разбавляются тогда множествомъ людей, ежедневно туда пріѣзжающихъ; но здѣсь, гдѣ эти чернила въ осадкѣ, они ужасны».

Въ теченіи двухъ лѣтъ (1757 и 1758) придумывались и разстроивались разныя министерскія комбинаціи, въ которыя входилъ и бывшій губернаторъ Гваделупы. Но всѣ онѣ остались безъ послѣдствій. Да и сомнительно, чтобы человѣкъ съ его характеромъ, еслибъ и попалъ въ морскіе министры, могъ долго удержаться на такомъ мѣстѣ, на которомъ въ теченіи восьми лѣтъ — смѣнились пятеро министровъ, въ томъ числѣ одинъ только морякъ; но еслибъ онъ удержался, то былъ бы министромъ-реформаторомъ. Цѣль его заключалась именно въ коренномъ преобразованіи морской бюрократіи. «Все, что у насъ какъ будто дѣлается для флота, гнило въ самомъ корнѣ. При Генрихѣ IV, когда Сюлли хотѣлъ возстановить артиллерію, онъ началъ съ того, что удалилъ четыреста человѣкъ, мѣшавшихся въ это дѣло, и измѣнилъ весь планъ управленія. Безъ этой операціи всѣ сокровища міра были бы напрасно потрачены на эту машину». Намѣренія Мирабо были извѣстны, и не могли пользоваться сочувствіемъ канцелярій. Его карьера не удавалась еще и потому, что онъ не церемонился съ г-жою Помпадуръ. Она считала его за горячую голову, и однажды высказала это. «Холодныя головы уже надѣлали столько глупостей и погубили столько государствъ,—

Digitized by Google

отвѣчалъ ей кандидатъ въ морскіе министры,—что было бы не безразсудно попробовать горячія головы. По крайней мѣрѣ можно быть увѣреннымъ, что онѣ уже не сдѣлаютъ хуже». Онъ былъ человѣкъ вполнѣ свѣтскій, былъ красивъ и уменъ; г-жа Помпадуръ относилась къ нему благосклонно. Ея горничная Госсе, въ своемъ правдивомъ и любопытномъ дневникѣ, разсказываетъ, что въ декабрѣ 1760 года, когда маркизъ Мирабо, авторъ «Друга людей», былъ арестованъ и посаженъ въ Венсенскую башню за свою «Теорію налога», г-жа Помпадуръ сказала при ней извѣстному физіократу доктору Кенэ, его пріятелю: «Вы должны быть огорчены немилостью, постигшей вашего друга Мирабо; я тоже огорчена ею, потому что люблю его брата». Но приведенный нами рѣзкій отвѣтъ этого брата все-таки былъ ей непріятенъ. Нашлись и интриганы, искусно мѣшавшіе ему достигнуть министерскаго поста. Въ виду этихъ неудачъ, онъ воспользовался предложеніемъ тогдашняго военнаго министра, маршала Бель-Иля, и принялъ отъ него важное въ виду войны съ Англіей порученіе — осмотрѣть и преобразовать береговую стражу Пикардіи, Нормандіи и Бретани.

Въ бытность Мирабо, по этому поводу, въ Бретани, англійскій флотъ сдѣлалъ высадку въ Канкалѣ и сталъ угрожать Сенъ-Мало. Узнавъ, что противъ нихъ идетъ съ войскомъ герцогъ Эгвильонскій, высадившіеся англичане сѣли обратно на суда, а черезъ мѣсяцъ появились подъ Шербуромъ и овладѣли имъ. Они разрушили укрѣпленія, сожгли купеческія суда, находившіяся въ портѣ, опустошили окрестныя селенія и возвратились къ побережью Бретани. Мирабо, ожидавшій ихъ въ Брестѣ, вдругъ узнаетъ, что они направляются опять на Сенъ-Мало, и слѣдитъ съ негодованіемъ за ихъ движеніями. «Ѣду завтра въ Сенъ-Мало, любезный братъ—пишетъ онъ въ сентябрѣ 1758 года — англичанамъ угодно было вторично посѣтить насъ тамъ. Долго ли мы еще будемъ пить эту чашу униженія и можемъ ли надѣяться, что придетъ конецъ оскорбленіямъ и безчестью?» Чаша представлялась этому горячему патріоту тѣмъ болѣе горькою, что пришла вѣсть о взятіи англичанами Люисбурга и Королевскаго острова, ключа къ Канадѣ. «Нашъ флотъ погибъ», пишетъ онъ къ брату. У насъ скоро не будетъ кораблей: они гніютъ въ портахъ безъ призора; у насъ взято теперь двѣнадцать судовъ; мы уже потеряли такимъ образомъ двадцать линейныхъ кораблей и множество фрегатовъ. Забавно то, что меня начинаютъ спрашивать: «Зачѣмъ вы здѣсь»? Я отвѣчаю, что здѣсь хорошо,—

Digitized by Google

мнѣ смѣются въ глаза, и только». Онъ какъ будто упалъ духомъ; но ему все еще хотѣлось бы, чтобъ Франція сдѣлала рѣшительный шагъ къ своему обновленію, который и былъ сдѣланъ ею вскорѣ, но уже не спокойнымъ, не легальнымъ, а революціоннымъ образомъ:

«Дай Богъ,—пишетъ Мирабо,—чтобъ я могъ говорить людямъ, думающимъ также, какъ и я. Все еще можетъ быть поправлено; я сознаю, какъ велика наша потеря, но мнѣ извѣстны наши средства, и я опасаюсь только Версаля. Хорошій планъ управленія расшевелилъ бы притупленныя сердца... Съ чувствомъ, которое я могъ бы назвать нѣжностью, видѣлъ я, какъ щетинилась наша молодежь при этомъ страшномъ извѣстіи, съ какою радостью она пошла бы проливать свою кровь, чтобъ отмстить за то, что она называетъ оскорбленіемъ и вѣчнымъ позоромъ нашей страны! Намъ открываются два пути. Одинъ, болѣе пріятный (миръ) возвратитъ всѣхъ въ Парижъ и не оставитъ намъ иныхъ признаковъ жизни, кромѣ внутренняго броженія длинныхъ камзоловъ (тогдашніе парламенты); другой путь жестокъ, тяжелъ и труденъ, но онъ возвратилъ бы намъ подобающій блескъ. Я ничего не имѣю сказать въ пользу перваго, и нѣтъ той силы подъ луною, которая заставила бы меня скрѣпить его моей подписью. Я предпочелъ бы, чтобъ мнѣ отрубили руку и даже голову. Тяжелая жизнь, которую я велъ, жизнь, въ теченіе которой я со всѣхъ сторонъ видѣлъ восходъ солнца, не обучаетъ униженіямъ, и не особенно драгоцѣнна! Что касается до другого пути, то возвратимся къ нему сначала. Не знать, на что́ способенъ нашъ народъ, когда онъ увидитъ, что король имѣетъ сердце отца, когда онъ почувствуетъ затронутою честь своего короля! Ты скажешь, что все это прекрасно, да нужны деньги; но въ нихъ-то именно не было бы недостатка, еслибъ только показались нѣсколько головъ, заслуживающихъ довѣрія!»

Братъ маркиза Мирабо, очевидно, платилъ дань тому духу минувшихъ временъ, который вознесъ недосягаемо высоко королевскую власть во Франціи. Ему еще не приходило на мысль, что въ его время дѣйствовать сверху, въ порядкѣ давно установившагося преданія, было уже поздно. То же направленіе сказывается очень сильно и въ его мнѣніяхъ объ Англіи. Подъ вліяніемъ французскихъ неудачъ, онъ составляетъ для кардинала Берни двѣ записки о нападеніи на Галифаксъ и Нью-Іоркъ и одновременной попыткѣ произвести высадку на берега Англіи, или по крайней мѣрѣ встревожить англичанъ демонстраціями,

Digitized by Google

чтобы занять этимъ бо́льшую часть ихъ флота. Въ своихъ письмахъ, онъ самъ говоритъ о себѣ, что «привыкъ считать англичанъ врагами человѣчества и въ особенности Франціи». Казалось бы, тогдашнее аристократическое устройство Англіи должно отвѣчать феодальнымъ понятіямъ будущаго мальтійскаго генерала; но, по его мнѣнію, Англія—страна еще не довольно аристократическая, и въ этомъ отношеніи онъ, какъ и большинство французскаго дворянства, кореннымъ образомъ разошелся съ тѣмъ самымъ народомъ, отъ имени котораго онъ говорилъ. Въ его глазахъ, англійскій патриціатъ слишкомъ зависитъ отъ черни, въ Англіи не придаютъ должной цѣны военнымъ доблестямъ и слишкомъ уважаютъ деньги. Всѣ эти соображенія, вмѣстѣ взятыя, побудили его предсказывать еще въ 1754 году, что Сѣверная Америка вскорѣ свергнетъ съ себя англійское владычество.

Во всѣхъ своихъ запискахъ и письмахъ о политикѣ своего времени, братъ маркиза Мирабо постоянно отправляется отъ мысли о естественной враждѣ между Франціей и Англіей. Въ одной изъ своихъ записокъ онъ доказываетъ, что единственная опасность угрожаетъ Франціи именно съ этой стороны. «Политика убѣждаетъ насъ, что отнынѣ мы не можемъ имѣть никакихъ другихъ враговъ, кромѣ англичанъ; они одни могутъ предпринять что-нибудь противъ нашихъ морскихъ границъ; мы ограждены теперь со стороны Испаніи; король сардинскій безсиленъ противъ насъ, если англичане не снабдятъ его деньгами на наемъ войска, или имперцы (австрійцы) не пришлютъ ему войскъ, которыя не могутъ придти изъ такихъ отдаленныхъ мѣстъ безъ англійскихъ денегъ. Швейцарцы сами желаютъ только мира. Германская олигархія не можетъ подняться противъ насъ безъ помощи англичанъ, и всѣ сильные государи сѣвера такъ отдаленны, что мы не можемъ опасаться ихъ нападеній... Голландія низошла на степень торговой провинціи англичанъ... При такихъ условіяхъ, мы можемъ опасаться только англичанъ, ихъ честолюбія и денегъ».

Извѣстно, что таково было мнѣніе и дѣятелей французской революціи, и Наполеона I. Теперь обстоятельства измѣнились, и шестьдесятъ лѣтъ непрерывавшагося мира съ единственной націей, которая до тѣхъ поръ одна могла угрожать французскимъ берегамъ и портамъ, заставили Францію отказаться отъ оборонительной организаціи тѣхъ временъ, когда война съ Англіей казалась чуть не принадлежностью нормальнаго состоянія Франціи. Вынужденная осмотрѣть и преобразовать эту организацію на всемъ

Digitized by Google

французскомъ побережьѣ океана, отъ Дюнкерка до Рошфора, Мирабо былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ устроителей этой организаціи. Тутъ онъ увидѣлъ во всей наготѣ дряхлость французской административной машины. Отзываясь съ похвалой объ англійскомъ флотѣ, онъ пишетъ своему брату: «Насъ заставляютъ пребывать въ дѣтствѣ. Съ нами дѣлаютъ то же самое, что́ дѣлаютъ китайцы съ ногами своихъ женщинъ. Насъ сдавливаютъ такъ сильно, по правиламъ благопріятной для плутовъ рутины, что мы не можемъ расти. Мы принуждены вести войну, какъ велась она въ старину, а способы вести ее сильно измѣнились. Попробуй вооружить армію пиками, а кавалерію копьями, и ты увидишь, что́ изъ этого выйдетъ».

Этотъ аристократъ и легитимистъ въ душѣ критикуетъ существующій порядокъ не хуже демократа и республиканца. Таково уже было положеніе дѣлъ въ тогдашней Франціи, наканунѣ переворота. Вѣрный защитникъ династіи принужденъ говорить, что онъ «всего больше опасается Версаля»; въ другой разъ онъ пишетъ, что братъ его былъ бы глубоко тронутъ, еслибъ онъ увидѣлъ своими глазами, какъ заглушаются черными подозрѣніями порывы самаго прекраснаго рвенія, еслибъ онъ наблюдалъ «чудную молодежь Франціи, которую сдѣлали ненужною и которая грызетъ наложенныя на нее удила!» Въ виду всего, что́ творилось въ то время, у него вырывается изъ души еще и другое, болѣе мрачное и грозное замѣчаніе: «бѣдствія государства неисцѣлимы для того, кто не съумѣетъ предписать общаго леченія; къ чему послужила бы перевязка раны на ногѣ, когда гангрена въ крови?»

Неожиданная для него исторія съ братомъ, о которой мы упомянули выше и будемъ говорить подробно въ слѣдующей статьѣ, заставила его поспѣшить въ Парижъ. Маркизъ Мирабо, отецъ трибуна, писалъ ему 16 декабря 1760 года: «Любезный братъ, мнѣ предстоитъ быть арестованнымъ; арестъ состоится по повелѣнію короля, и намъ, слѣдовательно, нечего дѣлать...» Онъ поспѣшилъ на помощь брату. Потомъ, потерявъ желаніе играть роль при дворѣ по смерти маршала Бель-Иля, единственнаго человѣка, который его поддерживалъ, онъ рѣшился дать рыцарскій обѣтъ и принять начальство надъ мальтійскими галерами.

Теперь трудно вѣрится, что не дальше какъ сто лѣтъ тому назадъ могло существовать такое странное учрежденіе, какъ мальтійскій орденъ съ пресловутымъ генераломъ мальтійскихъ галеръ и другими подобными сановниками. Но все это дѣйствительно продолжало существовать во второй поло-

Digitized by Google

винѣ прошлаго столѣтія, и вотъ въ какомъ состояніи. Уже съ XIV-го вѣка въ упомянутомъ орденѣ св. Іоанна іерусалимскаго сказались признаки большой распущенности нравовъ. Папа Климентъ VI издалъ нѣсколько постановленій, долженствовавшихъ направить рыцарей ордена на путь нравственности и воздержанія. Эти постановленія запрещали рыцарямъ носить платье изъ дорогаго сукна, имѣть обильный столъ и пить высокія вина. Теперь и эти постановленія были давнымъ-давно забыты. Теперь, отъ рыцаря, давшаго три обѣта: цѣломудрія, послушанія и бѣдности, требовались громадные расходы, если онъ желалъ имѣть честь начальствовать въ теченіе двухъ лѣтъ надъ галерами ордена. Въ запискахъ Мирабо нашлось росписаніе платьевъ, винъ и ликеровъ, дессерта, мебели и т. д., которые долженъ былъ имѣть генералъ мальтійскихъ галеръ, чтобы прилично исполнять свои обязанности. На всѣ же предметы ему приходилось употребить изъ своего кармана, при самомъ вступленіи въ должность, отъ 130 до 140 тысячъ ливровъ. Не имѣя такой суммы, Мирабо затруднялся принять званіе генерала мальтійскихъ галеръ, хотя впереди ожидало его богатое коммандорство, такъ-называемое «коммандорство благодати». Но старшій братъ, маркизъ, не хотѣлъ и слышать объ его отказѣ. Онъ взялся достать ему всѣ необходимыя суммы, хотя и былъ самъ по горло въ долгахъ. Богатое коммандорство въ перспективѣ подавало надежду на возможность возвратить все истраченное и даже поправить свои дѣла. Уступая волѣ старшаго въ родѣ, второй братъ переселяется на Мальту, и мы знакомимся изъ его писемъ съ упадкомъ оригинальнаго учрежденія, порожденнаго религіознымъ, аристократическимъ и воинскимъ направленіемъ среднихъ вѣковъ, утратившаго теперь свои жизненные соки и обратившагося въ спекуляцію, въ погоню за коммандорствами, которой съ жаромъ предавались въ Европѣ младшіе сыновья дворянскихъ фамилій.

По словамъ новаго генерала мальтійскихъ галеръ, подвластное ордену населеніе Мальты, многочисленное и скученное на скалѣ, не доставляющей ему и пятой доли необходимаго пропитанія, все больше и больше бѣдствовало. Постоянныя войны между христіанскими государями разоряютъ мальтійскую торговлю; суда не ходятъ болѣе къ острову; при этомъ христіанскіе государи не позволяютъ ордену предаваться его «ремеслу», т.-е. преслѣдовать турокъ, тревожить ихъ судоходство и вытѣснять ихъ съ торговыхъ рынковъ Востока. «По природѣ вещей,—го-

Digitized by Google

ворить Мирабó,—война противъ турокъ была нашей стихіей; она одна могла прокармливать нашъ народъ и поддерживать въ насъ ту воинскую отвагу, которая порождала великихъ людей и великія дѣла. Орденъ портится въ бездѣйствіи. Глава этой аристократической республики мало-по-малу забираетъ всю власть въ свои руки. По уставу, гроссмейстеръ съ четырьмя совѣтниками, проживающими на Мальтѣ, представляетъ собою исполнительную власть, но обязанъ управлять согласно съ уставами ордена, а власть законодательная, т.-е. право измѣнять уставы, принадлежитъ лишь генеральнымъ капитуламъ, т.-е. уполномоченнымъ всѣхъ рыцарей разныхъ національностей. По уставу, генеральные капитулы должны собираться черезъ каждыя пять лѣтъ, а если нужно, то и черезъ три года. Но гроссмейстеры уже давно признали болѣе удобнымъ не собирать ихъ вовсе. Раздача орденскихъ владѣній вполнѣ зависѣла отъ произвола. Самыя богатыя коммандорства, такъ-называемыя «коммандорства благодати», раздавались по усмотрѣнію гроссмейстера или по рекомендаціи министровъ разныхъ европейскихъ дворовъ, у которыхъ онъ заискивалъ. Нѣкоторые сановники ордена имѣли въ своихъ рукахъ по четыре коммандорства, приносившихъ имъ сто тысячъ ливровъ дохода, тогда какъ болѣе достойные рыцари въ бѣдности выжидали назначенія на какое-нибудь скромное коммандорство, такъ-называемое «коммандорство по старшинству», или довольствовались ничтожной пенсіей изъ большихъ доходовъ, присужденныхъ менѣе заслуженному собрату. Въ тѣхъ случаяхъ, когда полученіе коммандорства бывало слѣдствіемъ предварительнаго исполненія какой-нибудь должности, послѣдняя почти всегда требовала большихъ затратъ, и потому могла быть доступна только богатымъ. Такова была должность генерала мальтійскихъ галеръ, таковы же были и многія другія должности въ орденѣ, напримѣръ, должность начальника разныхъ гостинницъ, т.-е. дворцовъ, гдѣ пріѣзжіе рыцари разныхъ національностей получали даровой столъ. Орденъ отпускалъ на это очень мало денегъ, но каждый изъ семи сановниковъ, завѣдывавшихъ гостинницами, приплачивалъ свои деньги, и тотъ изъ нихъ, кто давалъ рыцарямъ лучшіе обѣды и лучшее вино, скорѣе получалъ коммандорство. Словомъ, религіозная и рыцарская община стала походить на торговый домъ, участники котораго стремились получать выгоды, соразмѣрныя съ своими денежными затратами. Отсюда—соперничество въ расходахъ между сановниками ордена, пріучавшее молодежь, которая жила на ихъ счетъ, уважать ихъ только за роскошь.

Digitized by Google

«Я вижу съ прискорбіемъ», наивно пишетъ Мирабо своему брату 1-го ноября 1761 года, «что порча проникла сюда и распространяется больше, чѣмъ бы слѣдовало»... «Принимая должность генерала, я постараюсь сдѣлать роскошь смѣшною, и надѣюсь достигнуть цѣли; но для этого, расходуясь только на то, что отъ меня непремѣнно требуется, я не долженъ имѣть видъ человѣка, приберегающаго деньги, потому что въ такомъ случаѣ простота была бы приписана моей скупости или жадности... Я заведу у себя такую же мебель, какую имѣютъ другіе генералы, т.-е. крытую малиновымъ бархатомъ въ золотой оправѣ, для главнаго салона, и атласомъ для другихъ комнатъ; но въ моей спальнѣ будутъ поставлены соломенныя стулья и простая кровать. Показывая это всѣмъ, я буду говорить о роскошной мебели: «Вотъ глупость и суета», а о моей спальнѣ: «Вотъ комната монашествующаго солдата». Что касается до роскошнаго платья, я надѣну его разъ или два, и шутя скажу всѣмъ рыцарямъ, что прошу ихъ замѣтить его и позволить мнѣ потомъ носить военное платье, къ которому я всего больше привыкъ и которое больше идетъ къ моей природной фигурѣ; а праздничнымъ моимъ платьемъ будетъ всегда мундиръ генерала галеръ. Я буду исполнять всѣ требованія этикета и останусь простъ, давая понять, что могъ бы поступать и иначе. Всѣ мои слуги будутъ на площади, чтобы ихъ видѣли вмѣстѣ съ слугами другихъ сановниковъ; но я при всякомъ удобномъ случаѣ постараюсь, чтобъ они не сопровождали меня».

Наконецъ, генералъ мальтійскихъ галеръ, которому удалось ввести кое-какія улучшенія въ завѣдываемой имъ части, а еще больше удалось израсходовать 140,000 ливровъ, занятыхъ для него старшимъ братомъ, наконецъ, получаетъ коммандорство, но, увы! очень скромное, приносящее всего 11,700 ливровъ чистаго дохода, изъ которыхъ надо немедленно выплатить гроссмейстеру такъ-называемый аннатъ. Оставалась надежда на возможность получить впослѣдствіи лучшее мѣсто, и она сбылась скорѣе чѣмъ ожидали самъ коммандоръ и его братъ. Онъ не успѣлъ еще уѣхать съ Мальты, когда смерть одного изъ коммандоровъ доставила ему богатѣйшее изъ принадлежавшихъ покойному мѣстъ—коммандорство св. Евлалія, въ Провансѣ. Оно было сдано въ аренду за 39,000 ливровъ въ годъ, но новый коммандоръ узналъ, что не трудно поднять эту сумму до 45,000. А къ нему вскорѣ должно было присоединиться еще и «коммандорство по старшинству». Новый коммандоръ, возвратившійся во Францію въ 1767 году, уплатилъ весь долгъ старшему брату, много помогалъ ему

Digitized by Google

и его дѣтямъ, и умеръ въ 1794 году, пережившъ и брата, и племянниковъ, и революцію. Четыре года спустя скончался, какъ извѣстно, и самый орденъ.

Но какъ ни характерна жизнь этого человѣка, обнимавшая все восемнадцатое столѣтіе, она значительно уступаетъ въ общемъ интересѣ жизни и дѣятельности его старшаго брата, маркиза Мирабо, о которомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ. Отецъ трибуна самъ былъ въ свое время очень виднымъ писателемъ, близко затрогивавшимъ общественные интересы Франціи и Европы, имѣвшимъ несомнѣнное, хотя и не продолжительное и не глубокое, вліяніе на умы.

В. К.

Digitized by Google

НАПОЛЕОНЪ

ЗА КУЛИСАМИ И НА СЦЕНѢ

—Mémoires de Madame de Rémusat.—1802-1808—publiés avec une préface et des notes par son petit-fils Paul de Rémusat, sénateur de la Haute-Garonne.—Paris. Calman Lévy, éditeur.

Окончаніе.

II *).

Первый консулъ, рѣшившись вступить на тронъ Франціи и установить наслѣдственность власти, сталъ поговаривать о разводѣ. Но потому ли, что онъ все еще былъ очень привязанъ къ своей женѣ, или потому, что существовавшія въ то время отношенія его съ европейскими дворами не дозволяли ему еще надѣяться на такой бракъ, который бы подкрѣпилъ его политику, онъ сначала не хотѣлъ разводиться съ Жозефиной и намѣревался усыновить маленькаго Наполеона, который приходился ему и племянникомъ и внукомъ. Но какъ только онъ сообщилъ объ этомъ планѣ своей семьѣ, она немедленно забила страшную тревогу. Жозефъ-Бонапартъ началъ утверждать, что онъ ничѣмъ не заслужилъ, чтобы его лишали правъ на корону, правъ, присущихъ ему, какъ старшему брату; Бонапартъ, котораго противорѣчіе всегда раздражало, вышелъ изъ себя и еще настойчивѣе ухватился за свой планъ, сообщилъ его женѣ, и та, конечно,

*) См. выше: іюнь, 639.

Digitized by Google

пришла отъ него въ восторгъ. Однажды консулъ, окруженный своей семьей, держалъ на колѣняхъ маленькаго Наполеона и, играя съ нимъ и лаская его, сказалъ:—Знаешь ли, мальчуганъ, что ты, чего добраго, будешь королемъ со временемъ?—А Ашиль [1])? спросилъ тотчасъ же Мюратъ, присутствовавшій при этомъ.

— Ахъ, Ашиль,—отвѣчалъ Бонапартъ;—Ашиль будетъ хорошимъ солдатомъ. Этотъ отвѣтъ глубоко оскорбилъ m-me Мюратъ, но Бонапартъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ этого, и внутренно разсерженный оппозиціей своихъ братьевъ,—продолжалъ, обращаясь къ ребенку:—Во всякомъ случаѣ совѣтую тебѣ, бѣдное дитя, если хочешь оставаться въ живыхъ, отказываться отъ обѣдовъ, которыми тебя будутъ угощать твои кузены.

Тутъ кстати будетъ привести характеристику матери и братьевъ Наполеона, которую мы находимъ у m-me де-Ремюзà.

M-me Бонапартъ (урожденная Рамолини) вышла замужъ въ 1767 г. за Шарля Бонапарта, фамилія котораго была зачислена въ дворянскія фамиліи острова Корсики. Носился слухъ, что она была въ связи съ де-Марбёфомъ, губернаторомъ этого острова, и утверждали даже, что Наполеонъ сынъ послѣдняго. Какъ бы то ни было, губернаторъ включилъ Наполеона Бонапарта въ число дворянскихъ дѣтей, которыхъ слѣдовало послать изъ Корсики во Францію, для помѣщенія ихъ въ военную школу.

Когда въ 1793 г. англичане завладѣли Корсикой, m-me Бонапартъ, вдова съ большимъ состояніемъ, уѣхала въ Марсель съ своими остальными дѣтьми. Ихъ воспитаніе было довольно небрежное, и если вѣрить воспоминаніямъ марсельскихъ жителей, сестры Наполеона не отличались особенно строгой нравственностью. Впрочемъ, Наполеонъ, ставъ императоромъ, никогда не могъ простить городу Марселю, что тотъ былъ свидѣтелемъ ничтожества его родственниковъ, и невыгодные для нихъ анекдоты, неосторожно передаваемые нѣкоторыми провансальцами, вредили интересамъ цѣлаго Прованса.

Въ эпоху возвышенія своего сына, m-me Бонапартъ-мать поселилась въ Парижѣ. Она вела довольно уединенную жизнь и копила деньги, не вмѣшивалась ни въ какія дѣла, и не пользовалась никакимъ вниманіемъ. Сынъ властвовалъ надъ нею такъ же, какъ и надъ всѣми другими. Она была довольно ограниченной женщиной и не заслужила никакой репутаціи, несмотря на величіе, которымъ ее наградила судьба.

Жозефъ Бонапартъ, родившійся въ 1768 г., отличался кра-

[1]) Старшій сынъ Мюрата.

Digitized by Google

сивымъ лицомъ, весьма сильной любовью къ женскому полу и болѣе привѣтливыми манерами, чѣмъ всѣ его братья. Но онъ былъ такъ же лукавъ, какъ и они, а честолюбіе его, хотя и не такъ сильно развитое, какъ у Наполеона, проявлялось во многихъ случаяхъ; умъ его всегда оказывался ниже того положенія, въ какое его ставили обстоятельства. Въ 1805 г. Бонапартъ пожелалъ сдѣлать Жозефа королемъ Италіи съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ престолонаслѣдія во Франціи: Жозефъ отвергъ это. Онъ всегда выказывалъ большую настойчивость въ охраненіи своихъ такъ-называемыхъ правъ; онъ считалъ себя призваннымъ успокоить французовъ отъ волненій, которыя причиняла имъ дѣятельность Наполеона. Въ частной жизни онъ былъ довольно обходителенъ: ни на неаполитанскомъ престолѣ, ни на испанскомъ, онъ не проявилъ никакого таланта. Правда, что онъ могъ царствовать лишь въ качествѣ намѣстника Наполеона. Въ обѣихъ этихъ странахъ онъ не внушилъ лично къ себѣ ни уваженія, ни вражды.

Люсьенъ Бонапартъ, родившійся въ 1775 г., былъ очень уменъ. Онъ съ раннихъ поръ выказывалъ склонность къ искусствамъ и литературѣ. Въ качествѣ депутата отъ Корсики, онъ произнесъ въ совѣтѣ Пятисотъ нѣсколько замѣчательныхъ рѣчей, между прочимъ, 22 сентября 1798 г., въ годовщину основанія республики. Онъ высказалъ желаніе, чтобы каждый членъ совѣта охранялъ конституцію и свободу и предавалъ анаѳемѣ всякаго француза, который попытается возстановить королевскую власть. Со всѣмъ тѣмъ, болѣе нежели вѣроятно, что, дѣйствуя въ согласіи съ братомъ, онъ уже сторожилъ моментъ, когда представится возможность положить основаніе для возвышенія ихъ фамиліи. Онъ же извѣщалъ Бонапарта о положеніи дѣлъ во Франціи, въ бытность его въ Египтѣ, торопилъ его возвращеніемъ и сильно помогалъ ему произвести переворотъ 18 брюмера 1799 г.

Послѣ того Люсьенъ былъ сначала министромъ внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ посломъ въ Испаніи и вездѣ внушалъ опасенія первому консулу. Бонапартъ не любилъ вспоминать объ оказанныхъ ему услугахъ, а Люсьенъ имѣлъ привычку задорно напоминать о нихъ при всякой ссорѣ.

Луи Бонапартъ, родившійся въ 1778 г., былъ человѣкъ, мнѣнія о которомъ были весьма различны. Лицемѣрныя добродѣтели, менѣе распущенная жизнь, чѣмъ у остальныхъ членовъ семьи, странныя понятія, опиравшіяся скорѣе на рискованныхъ теоріяхъ,

Digitized by Google

нежели на солидныхъ принципахъ, вводили многихъ въ заблужденіе и создали ему лучшую репутацію, чѣмъ у братьевъ.

У него было гораздо меньше ума, чѣмъ у Наполеона и у Люсьена, но онъ умѣлъ соединить романическое воображеніе съ безусловной сердечной сухостью. Его хвалили за то, что онъ желалъ управлять Голландіей, согласно интересамъ этого края, и вопреки желаніямъ брата, а его отреченіе, вызванное однако скорѣе капризомъ, нежели великодушнымъ чувствомъ, принесло ему много чести. Въ сущности, это было лучшимъ поступкомъ въ его жизни. Луи Бонапартъ былъ большой эгоистъ и крайне недовѣрчивъ. Наполеонъ Бонапартъ говаривалъ про него:—Его притворныя добродѣтели причиняютъ мнѣ столько же хлопотъ, сколько и пороки Люсьена.

Ссоры и интриги между братьями и сестрами отравляли жизнь Наполеона, а тщеславныя претензіи ихъ раздражали его и вызывали самыя рѣзкія насмѣшки. Вскорѣ послѣ того какъ онъ сталъ императоромъ, ему случилось высказать слѣдующее колкое замѣчаніе по поводу жалобъ, въ которыхъ изливались его сестры и преимущественно m-me Мюратъ, находившая, что ее недостаточно чествуютъ:—Право, mesdames, судя по вашимъ претензіямъ, можно подумать, что мы наслѣдовали корону отъ нашего покойнаго родителя».

Англійскія газеты передавали, что въ Лондонѣ напечатана была мнимая генеалогія фамиліи Бонапартъ, по которой дворянство ея восходило очень далеко. «Эти изслѣдованія совершенно безполезны»,—гласила одна замѣтка «Moniteur», автора которой не трудно было угадать, — «всѣмъ тѣмъ, кто вздумаетъ спросить, къ какому времени относится начало дома Бонапарта, —легко отвѣтить: оно относится къ 18 брюмера».

Весною 1804 г. первый консулъ часто и по-долгу совѣщался съ Талейраномъ. Послѣдній, раздѣлявшій монархическія убѣжденія, склонялъ консула замѣнить свой титулъ королевскимъ. Титулъ императора пугалъ его; въ немъ было что-то неопредѣленное и обширное, что именно и нравилось воображенію Бонапарта. Въ этомъ титулѣ ему мерещилась какая-то комбинація римской республики и царства Карла-Великаго, кружившая ему голову. Однажды, разсказывалъ Талейранъ, мнѣ захотѣлось подурачить Бертье, я отвелъ его въ сторону: «Знаете ли, сказалъ я ему, какой великій планъ занимаетъ насъ: ступайте уговаривать перваго консула принять титулъ короля; вы ему доставите этимъ удовольствіе». И вотъ Бертье, довольный случаемъ поговорить съ Бонапартомъ о пріятномъ для него сюжетѣ, по-

Digitized by Google

дошелъ къ нему и началъ свою умильную рѣчь, но при словѣ *король* глаза Бонапарта сверкнули, онъ поднесъ кулакъ къ лицу Бертье и, прижавъ его къ стѣнѣ: — Дуракъ, сказалъ онъ, кто тебя надоумилъ придти меня злить? Въ другой разъ не берись за такія порученія». Бѣдный Бертье поглядѣлъ на меня съ смущеннымъ видомъ и долго не могъ простить мнѣ этой злой шутки».

Наконецъ, 30 апрѣля 1804 г., трибунъ Кюрэ, котораго безъ сомнѣнія подъучили, за что впослѣдствіи ему отплатили мѣстомъ сенатора, внесъ предложеніе въ трибунатъ о томъ, чтобы правительство республики было довѣрено императору, и чтобы имперія была сдѣлана наслѣдственной въ фамиліи Наполеона Бонапарта. Рѣчь его была искусно составлена: онъ выставлялъ наслѣдственность, какъ гарантію противъ махинацій изъ-за границы, и утверждалъ, что въ сущности титулъ императора означаетъ не что иное, какъ побѣдоноснаго консула. Почти всѣ трибуны записались ораторами. Назначена была коммиссія изъ тринадцати членовъ. Одинъ Карно имѣлъ мужество громко протестовать противъ этого предложенія. Онъ объявилъ, что по той самой причинѣ, по которой онъ вотировалъ противъ пожизненнаго консульства, онъ вотируетъ противъ имперіи, безъ всякой личной вражды, съ твердымъ рѣшеніемъ повиноваться императору, если онъ будетъ выбранъ. Несмотря на оппозицію Карно, проектъ былъ пущенъ на голоса — и принятъ.

4 мая, депутація отъ трибуната подала этотъ проектъ сенату. Вице-президентъ, Франсуа де-Нёшато отвѣчалъ, что сенатъ предвидѣлъ это голосованіе и приметъ его во вниманіе. Въ томъ же самомъ засѣданіи рѣшено было принять проектъ и отвѣтъ вице-президента первому консулу.

5 мая, сенатъ представилъ адресъ Бонапарту, въ которомъ просилъ безъ всякихъ объясненій совершить этотъ послѣдній актъ, который долженъ обезпечить будущія судьбы Франціи. Въ «Moniteur» былъ напечатанъ отвѣтъ на этотъ адресъ: «Приглашаю васъ, говорится въ немъ, высказать до конца вашу мысль. Я желаю, чтобы мы могли сказать народу французскому будущаго 14 іюля: «блага, пріобрѣтенныя вами въ послѣднія пятнадцать лѣтъ: свобода, равенство и слава, находятся въ безопасности отъ всякихъ бурь». Въ отвѣтъ на это сенатъ единодушно вотировалъ за императорское правительство, которое, говорилъ онъ, въ интересахъ французскаго народа, должно быть вручено Наполеону Бонапарту.

Уже 8 мая прибыли адресы городовъ въ Сенъ-Клу. Первымъ

Digitized by Google

появился адресъ города Ліона; позднѣе, Парижа и другихъ городовъ. Одновременно съ этимъ пришли адресы отъ арміи: сначала отъ Клейна, а затѣмъ отъ арміи генерала Нея. Остальные армейскіе корпуса поспѣшно послѣдовали ихъ примѣру. Фонтанъ обратился къ первому консулу отъ имени законодательнаго корпуса, въ ту минуту распущеннаго, и тѣ изъ его членовъ, которые находились въ Парижѣ, собрались, чтобы вотировать такъ же, какъ и сенатъ.

«Наконецъ, однажды вечеромъ, повѣствуетъ m-me Ремюза; намъ объявили, что на слѣдующій день сенатъ явится съ великой церемоніей, чтобы поднести Бонапарту декретъ, которымъ ему вручается корона. 18 мая 1804 г. второй консулъ, Камбасересъ, президентъ сената, явился въ Сенъ-Клу въ сопровожденіи всего сената и конвоируемый значительнымъ войскомъ: онъ произнесъ условленную рѣчь и впервые присвоилъ Бонапарту титулъ величества. Онъ такъ спокойно принялъ его, какъ будто бы носилъ всю жизнь. Послѣ того сенатъ прошелъ въ покои m-me Бонапартъ, и она въ свою очередь была провозглашена императрицей. Она отвѣчала съ своей обычной граціей, не покидавшей ее ни въ какихъ случаяхъ.

Въ то же время учреждены были такъ-называемые grands dignitaires: великій палатинъ (le grand électeur) Жозефъ Бонапартъ; коннетабль, Луи Бонапартъ; архи-канцлеръ имперіи, Камбасересъ; архи-казначей, Лебрёнъ. Министры, статсъ-секретарь Маре, ставшій министромъ, полковники и генералы гвардіи, дворцовый губернаторъ Дюрокъ, дворцовые префекты, адъютанты принесли присягу, и на другой день новый коннетабль представилъ императору офицеровъ арміи, въ числѣ которыхъ находился и Евгеній Богарне, тогда простой полковникъ.

Сопротивленіе, которое встрѣтилъ Бонапартъ въ своей семьѣ, относительно проекта усыновленія маленькаго Наполеона, заставило его отложить этотъ планъ на неопредѣленное время. Престолонаслѣдіе объявлено было переходящимъ къ потомству Наполеона Бонапарта, а въ случаѣ его бездѣтности къ потомству Жозефа и Луи, провозглашенныхъ *императорскими принцами*. Постановленіемъ сената рѣшено было, что императоръ можетъ назначить своимъ преемникомъ любого изъ своихъ племянниковъ, но только по достиженіи имъ восемнадцатилѣтняго возраста, а затѣмъ его роду воспрещалось усыновленіе.

Liste civile назначенъ былъ въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ ее получалъ король въ 1791 г., а принцамъ рѣшено было

Digitized by Google

присвоить то содержаніе, какое имъ давалъ законъ 20 декабря 1790 г.

Въ эту же эпоху были назначены шестнадцать маршаловъ, кромѣ нѣсколькихъ сенаторовъ, которымъ былъ тоже присвоенъ титулъ маршала.

Постановленіе сената было прибито во всѣхъ кварталахъ Парижа, а въ «Moniteur» появилась статья, объявлявшая, что принцевъ слѣдуетъ величать *императорскимъ высочествомъ*, высокопоставленныхъ лицъ *свѣтлостью*, министровъ *превосходительствомъ*, а маршаловъ—*господинъ маршалъ*.

Такимъ образомъ, исчезъ навсегда титулъ *гражданина*, уже давно позабытый свѣтомъ, гдѣ титулъ *господина* снова вступилъ въ свои права, но котораго весьма строго держался самъ Бонапартъ. Въ этотъ же день, 18 мая, пригласивъ къ обѣду своихъ братьевъ, Камбасереса, Лебрена и дворцовыхъ должностныхъ лицъ, онъ впервые, обращаясь къ нимъ, сталъ величать ихъ «Monsieur» и ни разу не обмолвился словомъ «citoyen», несмотря на великую къ нему привычку.

Учрежденіе имперіи отвлекло умы отъ процесса генерала Моро, который однако продолжался. 6 іюня, напечатали слѣдствіе и допросы всѣхъ подсудимыхъ. Жоржъ Кадудаль объяснилъ, что въ его планъ входило аттаковать перваго консула; онъ не сомнѣвался, что въ самомъ Парижѣ найдутся враги существующаго порядка, которые помогутъ ему въ его предпріятіи; что онъ употребилъ бы всѣ свои усилія, чтобы снова возвести на престолъ Людовика XVIII. Но онъ отрицалъ знакомство съ Пишегрю и съ Моро и окончилъ свои отвѣты слѣдующими словами: — Довольно съ васъ жертвъ; я не хочу увеличивать ихъ числа.

Бонапартъ былъ пораженъ твердостью его характера и говорилъ намъ по этому случаю: — Если бы я могъ спасти кого-либо изъ этихъ убійцъ, то всего охотнѣе помиловалъ бы Жоржа. Наконецъ, 10 іюня двадцать изъ подсудимыхъ были признаны виновными и присуждены къ смертной казни и между ними маркизъ де-Ривьеръ и герцогъ де-Полиньякъ. Но семерымъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и герцогу де-Полиньяку, за котораго ходатайствовала Жозефина, смертная казнь замѣнена болѣе или менѣе продолжительнымъ заточеніемъ. Остальные были казнены, а генерала Моро отвезли въ Бордо, гдѣ онъ сѣлъ на корабль, долженствовавшій отвезти его въ Соединенные-Штаты. Семья его продала свои имѣнія по приказу императора, который купилъ часть ихъ и подарилъ имѣніе Гробуа маршалу Бертье.

Нѣсколько дней спустя, въ «Moniteur» появился протестъ

Digitized by Google

Людовика XVIII противъ воцаренія Наполеона. Этотъ протестъ былъ напечатанъ 1 іюля 1804, но произвелъ слабое впечатлѣніе. Заговоръ Жоржа еще сильнѣе расхолодилъ чувства и безъ того не пылкія, какія питало населеніе къ прежней династіи. Онъ былъ такъ дурно задуманъ, опирался на такомъ невѣдѣніи внутренняго состоянія Франціи и мнѣній, царившихъ въ ней, имена лицъ, участвовавшихъ въ немъ, внушали такъ мало довѣрія, и главное—всѣ такъ опасались новыхъ безпорядковъ, которые повлекли бы за собой всякія крупныя перемѣны, что за исключеніемъ нѣсколькихъ дворянъ, заинтересованныхъ въ возстановленіи уничтоженнаго порядка во Франціи, никто не сожалѣлъ объ этой развязкѣ, упрочивавшей вновь установленную систему.

Императоръ увеличилъ составъ своихъ придворныхъ; мало-по-малу въ число ихъ набирались прежніе дворяне. Вмѣстѣ съ ними начались всякія препирательства о мѣстничествѣ, недовольство всякимъ отличіемъ, выпадавшимъ не на ихъ долю. М-г де-Ремюза́, назначенный первымъ каммергеромъ, сталъ мишенью ихъ постоянной зависти и очутился въ осадномъ положеніи. Каковъ бы ни былъ дворъ, при которомъ находишься,—а дворъ Наполеона сталъ настоящимъ дворомъ,—невозможно не придавать значенія всѣмъ тѣмъ *пустякамъ*, которые съ нимъ связаны, замѣчаетъ m-me де-Ремюза́. Честный человѣкъ, разсудительный человѣкъ часто стыдится передъ самимъ собой радостей или горестей, причиняемыхъ ему ремесломъ царедворца, и все-таки никакъ не можетъ отъ нихъ отдѣлаться. Орденъ, легкая разница въ костюмѣ, доступъ въ тотъ или другой салонъ — вотъ случаи, повидимому весьма мелкіе, для непрерывныхъ волненій. Тщетно хотѣлъ бы стать къ нимъ нечувствительнымъ. Значеніе, которое имъ придаетъ толпа людей, заставляетъ васъ противъ воли интересоваться ими. Тщетно умъ, разумъ возстаютъ противъ такого примѣненія человѣческихъ способностей, но при всемъ недовольствѣ собою приходится принижаться со всѣми или бѣжать отъ двора безъ оглядки, или же принимать къ сердцу всѣ пустяки, какими наполненъ воздухъ, которымъ тамъ дышешь.

Императоръ дѣлалъ еще тяжелѣе неудобства, связанныя съ дворцовыми порядками, благодаря своему характеру. Онъ установилъ этикетъ съ строгостью военной дисциплины. Весь церемоніалъ исполнялся какъ-бы подъ бой барабана; все дѣлалось такъ-сказать бѣглымъ шагомъ, и эта вѣчная торопливость, непрерывный страхъ, внушаемый Наполеономъ, въ соединеніи съ

Digitized by Google

невоспитанностью доброй половины его царедворцевъ, придали его двору скорѣе пасмурный, нежели солидный видъ, и отпечатывались на всѣхъ лицахъ выраженіемъ тревоги, не сходившемъ среди удовольствій и пышныхъ торжествъ, которыми онъ изъ тщеславія желалъ быть окруженнымъ.

Любопытное наблюденіе сдѣлала я въ ту эпоху, и оно очень забавляло меня, а именно: что по мѣрѣ того, какъ вельможи прежнихъ временъ прибывали къ этому двору, всѣ они, несмотря на разницу въ характерахъ, испытывали небольшое разочарованіе, которое было довольно курьёзно наблюдать. Когда они появлялись въ первый разъ, то, возвращаясь къ привычкамъ ранней молодости, вдыхая снова воздухъ дворца, видя опять отличія, ленты, ордена, тронныя залы, слыша выраженія, присвоенныя царскимъ жилищамъ, они скоро поддавались иллюзіи и полагали, что могутъ вести себя такъ, какъ вели нѣкогда въ этихъ самыхъ палатахъ, гдѣ перемѣнилась только особа господина. Но скоро суровое слово, рѣзкій повелительный нравъ господина показывали имъ, что все измѣнилось при этомъ дворѣ, единственномъ въ своемъ родѣ. Тогда надо было видѣть, какъ они терялись, и чувствуя, что почва уходитъ у нихъ подъ ногами, невольно утрачивали весь свой апломбъ. Сбитые съ толку, слишкомъ тщеславные или слишкомъ слабые для того, чтобы замѣнить серьёзностью, чуждой ихъ нравамъ, легкомысліе, къ которому искони привыкли, они не знали, какъ быть и что говорить. Ремесло царедворца было ничтожно при Бонапартѣ. Такъ какъ оно ни къ чему не приводило, то и не имѣло никакого значенія; было рискованно оставаться *человѣкомъ* въ его присутствіи, т.-е. сохранять употребленіе своихъ умственныхъ способностей, поэтому для всѣхъ становилось короче и проще надѣвать личину молчаливой покорности. Я не стану перечислять всѣхъ каммергеровъ. Ихъ число мало-по-малу весьма увеличилось. Ихъ выбирали во всѣхъ классахъ общества. Самые усердные, самые молчаливые успѣвали всего лучше; ихъ ремесло было довольно тяжелое и очень скучное. Чѣмъ ближе становился человѣкъ къ императору, тѣмъ жизнь для него дѣлалась непріятнѣе. Люди, которые имѣли съ нимъ только дѣловыя отношенія, не имѣютъ полнаго понятія о непріятныхъ сторонахъ его характера. Съ его умомъ всегда бывало пріятнѣе имѣть дѣло, чѣмъ съ его характеромъ.

Мнѣ не придется также много распространяться о женщинахъ той эпохи. Бонапартъ часто повторялъ слѣдующія слова: — «Надобно, чтобы женщины не играли никакой роли при моемъ

Digitized by Google

дворѣ; онѣ меня не будутъ любить, но за то я добьюсь такимъ образомъ покоя». И онъ сдержалъ слово. Мы украшали своимъ присутствіемъ его празднества, и этимъ почти и ограничивалась наша роль.

Императоръ, безусловно убѣжденный въ томъ, что владычество женщинъ зачастую ослабляло власть французскихъ королей, что онѣ много повредили Генриху IV и Людовику XIV, безповоротно рѣшилъ, что при его дворѣ онѣ будутъ играть роль украшенія—и сдержалъ слово. Не знаю почему, онъ былъ убѣжденъ, что во Франціи онѣ умнѣе мужчинъ, по крайней мѣрѣ часто высказывалъ это, и говорилъ, что воспитаніе, какое имъ даютъ, надѣляетъ ихъ извѣстной ловкостью, которой слѣдуетъ опасаться. Поэтому онъ ихъ немного боялся и по этой причинѣ держался на почтительномъ разстояніи. Поэтому также ему случалось до мелочности доводить досаду противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Онъ тотчасъ изгналъ m-me де-Сталь, которую въ самомъ дѣлѣ боялся, и немного позднѣе m-me де-Бальби, которая позволила себѣ посмѣяться надъ нимъ.

Церемонія коронованія была назначена сначала 18 брюмера, а пока, чтобы показать, что онъ не забываетъ революціонныхъ годовщинъ, императоръ 14 іюля съ великимъ торжествомъ отправился въ Инвалидный домъ и простоялъ обѣдню, роздалъ орденъ Почетнаго Легіона цѣлой толпѣ народа, въ составъ которой входили представители правительства, арміи и двора. Такъ какъ читатели должны ждать, что въ этихъ воспоминаніяхъ они будутъ натыкаться время отъ времени на такія подробности, которыя напоминаютъ, что ихъ подсказала женская память, то я не премину по этому поводу сообщить, до какой степени императрица съумѣла, благодаря своему умѣнью одѣваться,—показаться молодой и миловидной въ толпѣ молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ, среди которыхъ она впервые появилась въ публикѣ. Она была одѣта въ платье изъ розоваго тюля, усѣянное серебряными звѣздами, очень открытое по тогдашней модѣ, голова ея была убрана множествомъ бриллiантовыхъ колосьевъ, и этотъ свѣжій и блистательный туалетъ, изящество ея походки, прелесть улыбки, кротость взгляда, произвели такое впечатлѣніе, что я слышала отъ многихъ лицъ, присутствовавшихъ при церемоніи, что императрица затмила весь окружавшій ее кортежъ.

Немного дней спустя, императоръ отправился въ Булонскій лагерь, и если вѣрить ходившимъ тогда слухамъ, англичане въ самомъ дѣлѣ начинали опасаться, какъ-бы не осуществилась попытка десанта. Въ продолженіи слишкомъ одного мѣсяца онъ дѣ-

Digitized by Google

лалъ смотры различнымъ корпусамъ своей арміи, въ ту пору столь многочисленной, цвѣтущей и оживленной. Онъ присутствовалъ при нѣсколькихъ схваткахъ, происходившихъ между кораблями, насъ блокировавшими, и нашими флотиліями, принимавшими грозный видъ. Предаваясь этимъ воинскимъ занятіямъ, онъ издалъ нѣсколько декретовъ, долженствовавшихъ регулировать придворный церемоніалъ и рангъ различныхъ властей, только-что созданныхъ имъ. Онъ обо всемъ успѣвалъ думать и уже составилъ тайный планъ пригласить папу на свою коронацію, и чтобы добиться этого, не жалѣлъ усилій и хитрости. Онъ послалъ орденъ Почетнаго Легіона кардиналу Капраро, папскому легату. Это отличіе сопровождалось лестными словами для первосвященника и утѣшительными въ смыслѣ возстановленія религіи. Ихъ напечатали въ «Moniteur».

Однако, когда онъ сообщилъ въ государственномъ совѣтѣ о намѣреніи подкрѣпить свое высокое положеніе религіозной церемоніей, ему пришлось выдержать оппозицію многихъ членовъ государственнаго совѣта, скандализировавшихся этими религіозными поползновеніями. Между прочимъ, Трельяръ сильно противился этому. Императоръ предоставилъ ему говорить и потомъ отвѣтилъ: — «Вы хуже меня знаете ту почву, на какой мы стоимъ; знайте, что религія далеко не утратила своей силы, какъ вамъ это кажется. Вы понятія не имѣете, чего я достигъ, благодаря попамъ, которыхъ съумѣлъ привлечь на свою сторону. Во Франціи есть тридцать департаментовъ, настолько религіозныхъ, что мнѣ вовсе не желательно бороться съ папой. Я могу утвердить свою власть, то-есть власть революціи, которую намъ всѣмъ желательно укрѣпить, лишь тѣмъ только, что поочередно скомпрометтирую всѣ авторитеты».

Вѣрный своему взгляду на значеніе религіи, императоръ послѣ коронованія издалъ декретъ, устанавливавшій новый катехизисъ галликанской церкви. Его назвали *Катихизисъ Боссюэта*, и включили въ него рядомъ съ ученіемъ, заимствованнымъ у епископа Мо, нѣсколько весьма замѣчательныхъ фразъ, касательно обязанностей французовъ къ императору:

Страница 55. «*Вопросъ.* Въ чемъ заключаются обязанности христіанъ по отношенію къ государямъ, ими управляющимъ, и каковы въ частности наши обязанности къ Наполеону I, нашему императору?

«*Отвѣтъ.* Христіане обязаны по отношенію къ государямъ, ими управляющимъ, а мы въ частности по отношенію къ Наполеону I, нашему императору, любовью, уваженіемъ, повино-

Digitized by Google

вепіемъ, вѣрностью, военной службой, податями, взимаемыми для поддержанія и защиты имперіи и трона. Почитать и служить своему императору значитъ, слѣдовательно, почитать и служить самому Богу.

«*Вопросъ.* Не существуетъ ли особенныхъ причинъ, которыя должны сильнѣе привязывать насъ къ Наполеону I, нашему императору?

«*Отвѣтъ.* Да; потому что онъ тотъ, кого призвалъ Господь въ трудныхъ обстоятельствахъ возстановить общественное отправленіе святой религіи нашихъ отцовъ и быть ея покровителемъ. Онъ возстановилъ и сохранилъ общественный порядокъ, благодаря своей глубокой и дѣятельной мудрости; онъ защищаетъ государство своею мощною рукой, онъ сталъ помазанникомъ Господа черезъ благословеніе, полученное имъ отъ первосвященника, главы всемірной церкви.

«*Вопросъ.* Какъ должно думать о тѣхъ, которые нарушаютъ свои обязанности къ нашему императору?

«*Отвѣтъ.* По словамъ святого апостола Павла, они сопротивляются велѣніямъ самого Бога и заслуживаютъ вѣчнаго осужденія».

Этотъ катихизисъ подалъ поводъ m-me Сталь замѣтить: «Можно повѣрить, что Бонапартъ располагаетъ адомъ, которымъ грозитъ въ будущей жизни, развѣ потому только, что онъ даетъ о немъ понятіе и въ здѣшнемъ мірѣ».

Весьма вѣроятно, что папу убѣдили пріѣхать во Францію лишь тѣмъ, что посулили огромныя выгоды и уступки для религіи, какія онъ купитъ путемъ своей любезности. Онъ прибылъ въ Фонтенбло, рѣшившись подчиниться всему, что отъ него потребуется, и, несмотря на превосходство, которое мечталъ выказать надъ нимъ побѣдитель, принудившій его къ такому передвиженію, и несмотря на то, что нашъ дворъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности выказывать почтеніе государю, не располагавшему шпагой въ числѣ своихъ царскихъ регалій,— папа всѣхъ поражалъ достоинствомъ своихъ манеръ и важностью осанки.

Императоръ выѣхалъ къ нему на-встрѣчу за нѣсколько льё, и когда экипажи поровнялись, вышелъ изъ кареты, что сдѣлалъ и его святѣйшество. Они расцѣловались и сѣли въ одинъ экипажъ — императоръ сѣлъ въ него первымъ, чтобы предоставить папѣ правое мѣсто (объяснялъ «Moniteur» того дня)—и вмѣстѣ вернулись во дворецъ.

Въ бытность нашу въ Фонтенбло, появился въ «Moniteur»

Digitized by Google

декретъ сената, которымъ — въ силу провѣрки, произведенной сенатской коммиссіей надъ списками голосовъ, поданныхъ по вопросу объ имперіи — Бонапартъ и его фамилія признавались призванными на престолъ Франціи.

Общее число избирателей простиралось до 3.573,898. За *да* подали 3.572,329; за *нѣтъ* — всего 2,569.

Дворъ вернулся въ Парижъ въ четвергъ 29-го ноября. Императоръ и папа пріѣхали въ одной каретѣ; его святѣйшество былъ помѣщенъ въ павильонѣ Флоры, и императоръ назначилъ ему въ услуженіе часть своихъ придворныхъ.

Въ первые дни своего пребыванія въ Парижѣ, папа не видѣлъ со стороны жителей того почтенія, на какое могъ разсчитывать. Толпа изъ любопытства тѣснилась на его пути, когда онъ посѣщалъ церкви, и подъ его балкономъ въ тѣ часы, когда онъ появлялся на немъ, чтобы дать свое благословеніе. Но мало-по-малу разсказы лицъ, приближавшихся къ нему, о достоинствѣ его манеръ, благородныя и трогательныя слова, сказанныя имъ въ различныхъ случаяхъ и передаваемыя молвой, и апломбъ, съ какимъ онъ выдерживалъ положеніе, столь непривычное для главы христіанства, произвели замѣтную перемѣну даже въ низшихъ слояхъ народа. Вскорѣ терраса Тюльери стала покрываться по утрамъ громадной толпой, склонявшей колѣни подъ его благословеніемъ. Дозволили народу приходить въ извѣстные часы дня въ Луврскую галерею, и папа приходилъ въ нее и благословлялъ присутствующихъ. Многія матери подводили ему дѣтей, съ которыми онъ обращался особенно ласково. Однажды человѣкъ, извѣстный своими анти-религіозными убѣжденіями, находился въ этой галереѣ, и такъ какъ пришелъ только изъ любопытства, то и держался въ сторонѣ, какъ-бы желая уклониться отъ благословенія папы. Папа подошелъ къ нему и, угадавъ его тайную и враждебную мысль, кротко сказалъ ему: «Зачѣмъ вы сторонитесь отъ меня? Развѣ благословеніе старика представляетъ какую-нибудь опасность?»

Вскорѣ весь Парижъ наполнился похвалами, расточаемыми папѣ, и это немедленно возбудило ревность императора. Онъ принялъ мѣры, вынудившія его святѣйшество уклоняться отъ усерднаго поклоненія своего вѣрнаго стада, и папа, понявшій причину возбужденной имъ тревоги, сталъ еще сдержаннѣе и не показалъ и признака высокомѣрной гордости.

Эта черта ревности или зависти ко всякому чужому успѣху была присуща Наполену, и всѣ приближенные, въ томъ числѣ и его жена Жозефина, отлично знали ее. Однажды, въ отсутствіе

Digitized by Google

Наполеона изъ Парижа, я предложила Жозефинѣ поѣхать въ театръ для развлеченія. Но она отвѣчала, что театръ не на столько для нея занимателенъ, чтобы она ѣздила въ него incognito, открыто же она не смѣетъ появиться въ театрѣ. «Но почему же?» спросила я ее. «Мнѣ кажется, что рукоплесканія, какія вы тамъ встрѣтите, будутъ пріятны императору».—«Какъ вы мало знаете его»,—отвѣчала она мнѣ. «Если меня слишкомъ хорошо примутъ, я увѣрена, что онъ будетъ ревновать къ тріумфу, въ которомъ онъ не участвовалъ. Когда мнѣ рукоплещутъ, онъ любитъ принимать участіе въ моемъ успѣхѣ, и я оскорблю его, если стану искать успѣховъ, въ которыхъ онъ не будетъ участникомъ».

Я уже говорила, что императоръ исправлялъ финансы, покровительствовалъ торговлѣ, наукамъ, искусству, но всѣмъ этимъ онъ желалъ управлять, всѣмъ распоряжаться, все исправлять къ своей выгодѣ, быть центромъ всякаго движенія. Разсказывали, что, отправляясь въ первый итальянскій походъ, онъ говорилъ одному журналисту, изъ своихъ друзей:—Прошу васъ въ своихъ повѣствованіяхъ о нашихъ побѣдахъ говорить обо *мнѣ*, только обо *мнѣ*, слышите ли?» *Я* было вѣчнымъ крикомъ его личнаго честолюбія:—говорите только обо *мнѣ*, воспѣвайте, хвалите, рисуйте *меня*,—говорилъ онъ ораторамъ, музыкантамъ, поэтамъ, живописцамъ,—я буду покупать у васъ все, что хотите, но всѣ вы должны быть продажны,—и, несмотря на свое желаніе отмѣтить свой вѣкъ всѣми чудесами, онъ припустилъ къ таланту того разрушительнаго червя, который, сокрушая всѣ его усилія и наши, ежедневно поглощалъ и шагъ за шагомъ стиралъ благородную независимость, которая одна только способствуетъ развитію генія и фантазіи въ какой бы то ни было сферѣ.

Первой, главной цѣлью честолюбія Наполеона была власть, и онъ предпочелъ бы миръ, если бы миръ могъ усилить его власть. Уму человѣческому присуще стремленіе совершенствовать все то, что его непрерывно занимаетъ. Императоръ, вѣчно занятый мыслью расширить свою власть, распространялъ ее всѣми путями и во всѣ стороны и вскорѣ пересталъ переносить малѣйшую оппозицію. Фортуна опрокидывала передъ нимъ одну за другой всѣ европейскія фаланги, и онъ не сомнѣвался больше въ томъ, что судьба призвала его регулировать по своему усмотрѣнію интересы всѣхъ дворовъ континента. Презирая общее уваженіе умовъ своего вѣка, усматривая во французской революціи, этомъ великомъ предостереженіи, данномъ всѣмъ королямъ, лишь такое событіе, результаты коего онъ могъ эксплуатировать въ свою пользу, онъ пытался превратить французскую революцію въ

Digitized by Google

простую игру случая, въ безполезную передрягу, которая перемѣстила однѣ личности. Сколько разъ прибѣгалъ онъ къ этому парадоксу, чтобы разсѣять опасенія:—«французской революціи нечего опасаться, такъ какъ солдатъ занимаетъ тронъ Бурбоновъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выдавалъ себя королямъ за опору престоловъ: «такъ какъ, говаривалъ онъ, я уничтожилъ республику». И при всемъ этомъ воображенію его мерещился какой-то полу-феодальный порядокъ, примѣненіе котораго, несомнѣнно опасное, такъ какъ вынуждало его къ войнѣ, имѣло еще и то неудобство, что ослабило его интересъ къ Франціи. Вскорѣ наша страна стала ему казаться просто лишь большой провинціей имперіи, которую онъ желалъ подчинить своему владычеству. Менѣе озабоченный нашимъ благосостояніемъ, чѣмъ нашимъ величіемъ, которое въ сущности было его собственнымъ величіемъ, онъ задумалъ превратить иностранныхъ государей въ своихъ ленниковъ. Онъ вообразилъ, что добьется этого, размѣстивъ членовъ своей фамиліи на различныхъ престолахъ, и въ его планѣ легко убѣдиться тому, кто внимательно прочтетъ формулу присяги, которой онъ требовалъ отъ королей и принцевъ, создаваемыхъ имъ. «Я хочу, говаривалъ онъ иногда, добиться того, чтобы всѣ европейскіе короли принуждены были имѣть по дворцу въ стѣнахъ Парижа, и чтобы въ эпоху коронаціи императора французовъ они всѣ присутствовали при ней и придавали ей еще болѣе торжественности своимъ поклоненіемъ».

Все доказываетъ, что императоръ затѣялъ новую феодальную систему, по своему особому плану. Но кромѣ препятствій, которыя Англія не переставала воздвигать его планамъ, онъ натолкнулся на затрудненіе, присущее его характеру. Въ немъ какъ будто жило два человѣка. Одинъ, безъ сомнѣнія, болѣе колоссальный, чѣмъ великій, но скорый на замыслы, и не менѣе скорый на ихъ выполненіе, набрасывалъ планъ, составленный имъ. Этотъ человѣкъ, движимый одной только идеей, казался свободнымъ отъ всякихъ второстепенныхъ впечатлѣній, которыя могли помѣшать его плану; этотъ человѣкъ, будь у него цѣлью благо человѣчества, при способностяхъ, выказанныхъ имъ, могъ бы стать самымъ великимъ человѣкомъ, какой когда-либо появлялся на землѣ, и самымъ необыкновеннымъ, благодаря силѣ своей проницательности и настойчивости своей воли.

Второй Бонапартъ тѣсно связанный съ первымъ, точно какая-то нечистая совѣсть, пожираемый безпокойствомъ, непрерывно волнуемый подозрѣніями, рабъ внутреннихъ страстей, недовѣрчивый, опасающійся всякой власти, даже той, которую самъ

Digitized by Google

создалъ. Если необходимость извѣстныхъ учрежденій выяснялась для него, его поражали въ то же время и тѣ права, которыя они давали личностямъ, и вотъ его собственное твореніе начинало пугать его, и онъ не могъ противиться желанію мало-по-малу уничтожить его. Когда онъ возстановилъ титулы и роздалъ майораты своимъ маршаламъ, ему не разъ случалось высказывать: «Вотъ люди, которыхъ я сдѣлалъ независимыми, но я съумѣю справиться съ ними и помѣшать имъ быть неблагодарными». Поэтому, когда недовѣріе овладѣвало имъ, онъ думалъ только о томъ какъ бы изолировать людей; ослаблялъ семейныя узы, покровительствовалъ личнымъ интересамъ въ ущербъ общимъ. Это ревнивое подозрѣніе точило его какъ червь, и помѣшало ему прочно основать какое бы то ни было дѣло, какое его творческая фантазія не переставала изобрѣтать.

Со всѣмъ тѣмъ, онъ сознавалъ иногда, что идетъ наперекоръ общимъ стремленіямъ вѣка, но полагалъ, что найдетъ въ себѣ достаточно силы, чтобы сдержать ихъ. Нѣсколько позднѣе ему случалось высказывать: «Пока я живъ, я буду царствовать, какъ хочу, но сынъ мой будетъ вынужденъ быть либераломъ».

Но вернемся къ коронаціи.

Императрица довѣрила мнѣ, что желала бы подкрѣпить свой союзъ съ Наполеономъ церковнымъ бракомъ, который не былъ совершенъ раньше. Она иногда заговаривала объ этомъ съ императоромъ, и онъ не противился этому, но замѣчалъ, что если даже онъ призоветъ священника къ себѣ на домъ, то все же это нельзя будетъ сдѣлать такъ секретно, чтобы не узнали, что до тѣхъ поръ онъ не былъ обвѣнчанъ въ церкви; и по этой ли причинѣ, или потому, что желалъ сохранить возможность порвать этотъ бракъ, онъ постоянно, хотя очень мягко, отвергалъ всѣ просьбы жены объ этомъ. Она рѣшила ждать пріѣзда папы, разсчитывая, что онъ ей поможетъ въ этомъ дѣлѣ.

За два дня до коронаціи, г. де-Ремюза́, который, кромѣ обязанности перваго каммергера, соединялъ еще и обязанности начальника гардеробной, и на котораго по этой причинѣ возложены были всѣ приготовленія по части императорскихъ костюмовъ, принесъ императрицѣ ея изящную діадему, только-что оконченную, и нашелъ ее необыкновенно довольной и радостной. Отведя моего мужа въ сторону, она сообщила ему, что утромъ того дня въ кабинетѣ императора устроенъ былъ алтарь, и кардиналъ Фешъ обвѣнчалъ ее въ присутствіи двухъ адъютантовъ. Послѣ церемоніи она потребовала отъ кардинала письменнаго свидѣтельства объ этомъ бракѣ. Она навсегда сохра-

Digitized by Google

нила его при себѣ и, несмотря на всѣ усилія императора, не согласилась ему возвратить его.

Наконецъ, 2 декабря произошла церемонія коронованія. Сначала предполагали, что папа надѣнетъ корону на императора, но Бонапартъ не допускалъ и мысли, что онъ можетъ получить ее изъ чьихъ-нибудь рукъ, и сказалъ по этому поводу слова, занесенныя m-me Сталь въ свое сочиненіе: «Я нашелъ корону Франціи на полу, и поднялъ ее» («j'ai trouvé la couronne de France par terre, je l'ai ramassée»). Послѣ долгихъ препирательствъ рѣшено было, что императоръ собственноручно надѣнетъ на себя корону, а папа только благословитъ его.

Папа пріѣхалъ въ церковь нѣсколькими часами раньше императора и терпѣливо дожидался его, сидя на тронѣ, воздвигнутомъ въ церкви, не жалуясь ни на холодъ, ни на долгое ожиданіе прибытія кортежа. Церковь Notre-Dame была отдѣлана со вкусомъ и великолѣпіемъ. Въ глубинѣ ея соорудили для императора пышный тронъ, гдѣ онъ могъ появиться окруженный всѣмъ своимъ дворомъ. Передъ отъѣздомъ въ церковь насъ ввели въ покои императрицы. Наши туалеты были блестящи, но блескъ ихъ блѣднѣлъ передъ блескомъ туалетовъ императорской фамиліи. Императрица особенно сіяла брилліантами и, причесанная мелкими буклями, какъ причесывались во времена Людовика XIV, казалась молодой двадцатилѣтней женщиной [1]). На ней было надѣто придворное платье и мантія изъ бѣлаго атласа, вышитыя золотомъ и серебромъ. На ней была повязка, коллье, серьги и поясъ изъ брилліантовъ, большой цѣны, и все это она носила съ обычной граціей.

Прибывъ въ Notre-Dame, императоръ облекся въ парадный костюмъ, который нѣсколько подавлялъ его. Его маленькая фигура совсѣмъ исчезла подъ громадной горностаевой мантіей. Простой лавровый вѣнокъ окружалъ его голову; онъ походилъ на античную медаль, и былъ чрезвычайно блѣденъ, очень взволнованъ, но выраженіе его глазъ было строго и нѣсколько растерянно.

Церемонія была очень красивая и величественная. Минута, когда на императрицу была возложена корона, вызвала всеобщій восторгъ, не сама по себѣ, но потому, что императрица была такъ граціозна, такъ изящно и просто подошла къ алтарю и опустилась на колѣни, что всѣхъ восхищала. Когда ей пришлось идти отъ алтаря къ трону, то у ней произошла небольшая пере-

[1]) Ей было сорокъ одинъ годъ, такъ какъ она родилась въ Мартиникѣ 23 іюня 1763 г.

Digitized by Google

бранка съ ея золовками, которыя съ такой неохотой несли ея мантію, что я видѣла, что была минута, когда императрицѣ нельзя было ступить шагу впередъ. Императоръ, замѣтивъ это, сказалъ своимъ сестрамъ нѣсколько сухихъ и жесткихъ словъ, которыя всѣхъ привели въ порядокъ.

Папа во все время этой церемоніи имѣлъ видъ покорной жертвы.

Около двухъ или трехъ часовъ, весь кортежъ снова направился въ Тюльери, и мы вернулись туда уже въ сумерки, которыя рано наступаютъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, нашъ путь освѣщался иллюминаціей и множествомъ зажженныхъ факеловъ, сопровождавшихъ насъ. Мы отобѣдали во дворцѣ у маршала и, послѣ обѣда, императоръ пожелалъ принять на минуту всѣхъ придворныхъ, которые еще не разъѣхались. Онъ былъ веселъ и доволенъ церемоніей; находилъ всѣхъ насъ хорошенькими и восторгался тѣмъ, какъ наряды идутъ женщинамъ, и говорилъ намъ, смѣясь: «Это вы мнѣ обязаны, mesdames, тѣмъ, что вы такъ прелестны». Онъ не захотѣлъ, чтобы императрица сняла свою корону, хотя она обѣдала вдвоемъ съ нимъ, и восхищался тѣмъ, какъ она носитъ діадему; наконецъ, отпустилъ насъ.

Въ продолженіи цѣлаго мѣсяца слѣдовали праздники и увеселенія, одно за другимъ. 5 декабря, императоръ отправился на Марсово-поле въ сопровожденіи такого же кортежа, какъ и 2-го декабря, и роздалъ орлы многимъ полкамъ. Энтузіазмъ солдатъ былъ гораздо сильнѣе энтузіазма народа. Дурная погода испортила это второе торжество; дождь былъ проливной. Несмотря на то, толпы народа покрывали подмостки, устроенныя на Марсовомъ-полѣ.

Въ этотъ день въ Тюльери происходилъ великолѣпный банкетъ. Въ галереѣ Діаны, подъ яркимъ балдахиномъ, накрытъ былъ столъ для папы, императора, императрицы и принца архиканцлера германской имперіи. По правую руку императрицы сидѣлъ императоръ, по лѣвую — папа. Ниже накрытъ былъ столъ для принцевъ, въ числѣ которыхъ находился принцъ Баденскій; третій столъ отведенъ былъ для министровъ; особый столъ былъ накрытъ для придворныхъ; сервировка отличалась большой роскошью; во время обѣда играла музыка; послѣ того происходило многолюдное собраніе, концертъ, на которомъ папа согласился присутствовать, и балетъ, исполненный въ главной залѣ Тюльерійскаго дворца оперными танцорами. Въ тотъ моментъ, какъ начался балетъ, папа удалился. Въ концѣ вечера играли въ карты, и императоръ, удалясь, подалъ знакъ ко всеобщему разъѣзду.

Digitized by Google

Игра при дворѣ составляла только часть церемоніала. Императоръ ни за что не хотѣлъ допустить, чтобы у него играли на деньги; играли въ вистъ и въ лото; часто садились за столъ только для контенанса, и чаще всего только держали карты въ рукахъ и разговаривали. Императрица любила играть, даже и не на деньги. Ея партія, равно какъ и партія принцессъ, устраивалась въ салонѣ, который назывался кабинетомъ императора и предшествуетъ галереѣ Діаны. Она играла съ самыми знатными вельможами, присутствовавшими на собраніяхъ: иностранцами, посланниками и съ французскими высокопоставленными лицами. Въ то время, какъ она играла, всѣ гости, наполнявшіе салоны, приходили съ ней раскланиваться. Братья и сестры Бонапарта тоже играли въ карты и приглашали на свои партіи, черезъ каммергеровъ, также и его мать, которую называли madame Mère, сдѣлали принцессой и дали цѣлый дворъ. Остальные придворные играли въ другихъ салонахъ. Императоръ прогуливался по всѣмъ покоямъ, разговаривалъ направо и налѣво, предшествуемый каммергерами, возвѣщавшими объ его приходѣ. Когда онъ подходилъ, воцарялось глубокое молчаніе, никто не шевелился, женщины вставали и ждали незначащихъ и зачастую довольно нелюбезныхъ словъ, съ которыми онъ къ нимъ обращался. Онъ никогда не помнилъ именъ и почти всегда первымъ его вопросомъ было: «Какъ васъ зовутъ»? Не было женщины, которая бы не радовалась, когда онъ отходилъ отъ того мѣста, гдѣ она сидѣла.

Это мнѣ напоминаетъ довольно милый анекдотъ о Гретри. Въ качествѣ академика, онъ часто бывалъ на воскресныхъ собраніяхъ, и императоръ, привыкшій узнавать его въ лицо, подходилъ къ нему почти машинально и всякій разъ спрашивалъ его имя. Разъ, Гретри, которому надоѣлъ этотъ вѣчный вопросъ, а, быть можетъ, его обижало невниманіе къ нему, отвѣтилъ нѣсколько нетерпѣливо на вопросъ императора, заданный съ свойственной ему рѣзкостью: — «Кто вы такой»? — «Sire, toujours Grétry».

Съ тѣхъ поръ императоръ всегда узналъ его.

Императрица, напротивъ того, всегда отлично помнила всѣ имена и всякія мелочи, касающіяся знакомыхъ ей лицъ.

Въ эту эпоху императоръ не уклонялся ни отъ какихъ церемоній; онъ ихъ любилъ, въ особенности потому, что онѣ составляли часть созданнаго имъ дѣла; онъ ихъ усложнялъ своей естественной торопливостью, отъ которой никакъ не могъ отучиться, и вѣчной боязнью ему не угодить, какую всѣ испытывали.

Digitized by Google

Одинъ день, сидя на тронѣ, окруженный своими сановниками, маршалами и сенатомъ, онъ принималъ поклоны всѣхъ префектовъ и всѣхъ предсѣдателей избирательныхъ коллегій. Во второй аудіенціи, данной первымъ изъ нихъ, онъ поручалъ имъ старательно наблюдать за конскрипціей: «Безъ нея, говорилъ онъ (и слова его были напечатаны въ «Moniteur», не можетъ быть ни могущества, ни національной независимости». Безъ сомнѣнія, онъ уже тогда питалъ намѣреніе надѣть на свою голову корону Италіи и сознавалъ, что планы его должны возбудить войну. Къ тому же, невозможность десанта въ Англіи, хотя къ нему и готовились, была ему доказана, и вскорѣ ему могло понадобиться употребить армію въ дѣло, такъ какъ присутствіе ея было бременемъ для Франціи. Среди всего этого ему пришлось и подосадовать на парижанъ. Онъ заказалъ Шенье трагедію, которая должна была быть дана по случаю коронаціи. Шенье избралъ сюжетомъ исторію Кира, и пятый актъ его сочиненія довольно вѣрно представлялъ коронацію этого государя и церемонію въ Notre-Dame. Пьеса была посредственная, намеки слишкомъ замѣтны и искусственны. Парижскій партеръ, всегда независимый, освисталъ трагедію и позволилъ себѣ хохотать въ моментъ восхожденія на тронъ. Императоръ остался недоволенъ; онъ дулся на моего мужа, которому поручено было управленіе этимъ театромъ, какъ будто бы онъ могъ отвѣчать за довольство или недовольство публики, и съ тѣхъ поръ сама публика узнала, гдѣ слабая струна и какимъ образомъ она могла мстить въ театрѣ за молчаніе, строго возложенное на нее во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Вообще между Наполеономъ и парижанами всегда существовалъ какъ-бы нѣкоторый антагонизмъ. Императоръ всегда очень охотно и при первой возможности покидалъ Парижъ. Тюльерійскій дворецъ ему не нравился, потому что онъ не могъ въ немъ прогуливаться на просторѣ; кромѣ того, ему мѣшало присутствіе парижанъ. Такъ какъ онъ не любилъ стѣснять себя, то вскорѣ убѣждался, живя въ городѣ, что въ немъ немедленно узнаютъ обо всемъ, что онъ скажетъ, и обо всѣхъ его вспышкахъ. Онъ возбуждалъ любопытство, которое ему надоѣдало; его холодно принимали въ публикѣ, разсказывали тысячу анекдотовъ о немъ; наконецъ, онъ долженъ былъ быть сдержаннымъ. Поэтому онъ постоянно сокращалъ съ теченіемъ времени сроки проживанія въ Парижѣ и сталъ даже поговаривать о перенесеніи мѣстожительства въ Версаль. Реставрація этого дворца была даже рѣшена, и Бонапартъ часто говаривалъ, что въ сущности ему не-

Digitized by Google

обходимо находиться въ Парижѣ лишь во время сессіи законодательнаго корпуса [1]).

Когда онъ ѣздилъ гулять за-городъ, то по возвращеніи, проѣзжая черезъ заставы, имѣлъ обыкновеніе говорить: «ну, вотъ мы вернулись въ Вавилонъ». Иногда онъ мечталъ о перенесеніи столицы въ Ліонъ; одно только его воображеніе могло задаваться мыслью о такомъ перенесеніи, и это было его любимой мечтой. Парижане очень хорошо знали, что Бонапартъ ихъ не любитъ, и мстили ему за это каламбурами и анекдотами, зачастую сочиненными. Они держали себя по отношенію къ нему покорными, но холодными и насмѣшливыми подданными. Вельможи его двора подражали антипатіи своего господина и не иначе говорили о Парижѣ какъ съ присовокупленіемъ нелестныхъ эпитетовъ. Наконецъ, не разъ у императора вырывалось слѣдующее грустное замѣчаніе: «они мнѣ еще не простили, что я направилъ противъ нихъ пушки 13 вандемьера».

Сборникъ замѣчаній Бонапарта о его собственномъ поведеніи послужилъ бы весьма полезной книгой для многихъ государей или для тѣхъ, кто суется подавать имъ совѣты. Когда, въ настоящее время [2]), я слышу, какъ люди, кажущіеся мнѣ весьма неопытными въ дѣлѣ управленія людьми, утверждаютъ, что ничего нѣтъ легче, какъ навязать свою волю съ помощью силы и что, опираясь на штыки, можно заставить націю покориться какому угодно порядку, я припоминаю то, что̀ императоръ говорилъ о затрудненіяхъ, которыя произошли для него отъ начала его политической карьеры, неудобствахъ, проистекающихъ отъ примѣненія силы противъ гражданъ, трудности положенія, устанавливающагося на другой же день послѣ того, какъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ такому средству. Я помню, какъ слышала отъ его министровъ, что когда въ совѣтѣ предлагали

---

[1]) Продолжительныя отсутствія Наполеона изъ Парижа повторялись такъ часто, что теперь трудно даже это себѣ представить. Никогда еще государь не жилъ такъ мало въ своей столицѣ. Существуетъ любопытная книга, подъ заглавіемъ: «Itinéraire général de Napoleon, chronologie du Consulat et de l'Empire indiquant jour par jour, pendant toute sa vie, le lieu, où était Napoléon, ce qu'il y a fait et les événements les plus remarquables qui se rattachent à son histoire, etc. par A. M. Perrot. Paris. Bistor. 1845». По этой книгѣ можно заключить, что со времени своего восшествія на престолъ и до своего отреченія въ 1814 г. Наполеонъ провелъ въ Парижѣ всего только 955 дней, т.-е. менѣе трехъ лѣтъ изъ десяти лѣтъ царствованія. Онъ путешествовалъ, если не внѣ предѣловъ Франціи, то вдали отъ Парижа и дворцовъ Сенъ-Клу, Мальмезонъ, Компіена, Рамбулье и Фонтенбло болѣе 1600 дней, т.-е. болѣе четырехъ лѣтъ и часто его отсутствіе длилось болѣе полугода.

[2]) Я пишу въ 1819 г.

Digitized by Google

какую-нибудь насильственную мѣру, онъ обыкновенно обращался къ нимъ съ слѣдующимъ вопросомъ: «А вы мнѣ ручаетесь, что народъ не возмутится?» Малѣйшее народное волненіе казалось ему всегда важнымъ и прискорбнымъ явленіемъ. Всѣ видѣли, съ какимъ удовольствіемъ выслушивалъ онъ описанія различныхъ волненій, испытываемыхъ на полѣ битвы, и какъ онъ блѣднѣлъ, выслушивая разсказы о крайностяхъ, къ какимъ прибѣгаетъ возмутившійся народъ. Наконецъ, если въ то время, какъ онъ проѣзжалъ верхомъ по улицамъ Парижа, какой-нибудь рабочій бросался ему навстрѣчу, чтобы испросить какой-нибудь милости, первымъ движеніемъ его всегда было содрогнуться и отступить.

Генераламъ его гвардіи предписывалось старательно избѣгать всякаго столкновенія между народомъ и солдатами. «Я не могъ бы, говаривалъ онъ, принять сторону послѣднихъ». И если случайно между военными и гражданами происходила какая-нибудь драка, обыкновенно наказывались и удалялись военные, хотя бы потомъ имъ и дано было денежное вознагражденіе, чтобы ихъ успокоить.

Но возвратимся къ коронаціи.

Сенатъ также задалъ великолѣпный праздникъ; позднѣе, законодательный корпусъ послѣдовалъ его примѣру. 16-го дано было пышное празднество, которое ввело въ долги городъ Парижъ на многіе годы. Большой банкетъ, фейерверкъ, балъ, эмалевый сервизъ и эмалевый туалетный приборъ, поднесенные императору и императрицѣ, рѣчи, льстивыя надписи повсюду. Много толковали о похвалахъ, расточавшихся Людовику XIV во время его царствованія; я увѣрена, что если собрать ихъ всѣ, то онѣ не составятъ и десятой доли тѣхъ, какія выпали на долю Бонапарта. Я помню, что во время одного празднества, даннаго императору городомъ нѣсколько лѣтъ спустя, истощивъ всѣ лестныя надписи, придумали помѣстить золотыми буквами слѣдующія евангельскія слова надъ тропомъ, на которомъ онъ долженъ былъ сидѣть: «Ego sum qui sum», и никто этимъ не скандализировался.

Франція также въ это время предавалась празднествамъ и увеселеніямъ, и выбиты были медали, раздаваемыя во множествѣ. Наконецъ, маршалы также задали свой праздникъ въ залѣ Оперы. Этотъ праздникъ стоилъ каждому маршалу десять тысячъ франковъ. Сцену сравняли съ залой; ложи были отдѣланы серебрянымъ газомъ и освѣщены блестящими люстрами и полны разряженными женщинами; императорская фамилія находилась на эстрадѣ; въ этомъ обширномъ помѣщеніи происходили танцы. Обиліе цвѣтовъ и брилліантовъ, богатство костюмовъ, великолѣпіе

Digitized by Google

двора сообщили этому празднику большой блескъ. Не было ни одной изъ насъ, которая бы не вошла въ большія издержки по случаю всѣхъ этихъ церемоній; придворнымъ дамамъ дали по десяти тысячъ франковъ, чтобы вознаградить ихъ за издержки; но эта сумма далеко ихъ не покрыла. Издержки по коронаціи достигали четырехъ милліоновъ.

Мнѣ кажется, что будетъ не безъинтересно, если я употреблю нѣсколько страницъ на описаніе внутренней администраціи того, что называлось «la maison de l'empereur». Быть можетъ, любопытно будетъ узнать, какъ тщательно регулировалъ онъ издержки и дѣйствія всѣхъ лицъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ вокругъ него. Онъ всегда и во всемъ былъ вѣренъ себѣ, и эта вѣрность системѣ, неизмѣнно имъ принятой, одна изъ самыхъ любопытныхъ чертъ его жизни. Подробности, которыя я здѣсь сообщу, относятся къ различнымъ эпохамъ его царствованія; но уже съ 1806 г. правила для веденія его дома были начертаны почти неизмѣннымъ образомъ, и легкія измѣненія въ частностяхъ не разстроивали ихъ общаго плана; итакъ, этотъ-то планъ я и опишу въ его цѣломъ, съ помощью необыкновенно вѣрной памяти г. Ремюза, который въ продолженіи десяти лѣтъ имѣлъ возможность видѣть и принимать участіе во всемъ, о чемъ я теперь буду говорить.

Доходы двора во Франціи (la liste civile) простирались при Бонапартѣ до двадцати-пяти милліоновъ, кромѣ коронныхъ лѣсовъ и удѣловъ, дававшихъ три милліона, и доходовъ двора въ Италіи, простиравшихся до восьми милліоновъ, изъ которыхъ четыре онъ предоставилъ принцу Евгенію. Въ Пьемонтѣ, отъ доходовъ двора, и отъ удѣловъ онъ получалъ три милліона; когда князь Боргезе былъ назначенъ губернаторомъ, онъ получалъ половину ихъ; наконецъ, четыре милліона получались изъ Тосканы и позднѣе дѣлились съ m-me Баччокки, сдѣлавшейся эрцгерцогиней. Итакъ, постоянный доходъ императора равнялся 35,500,000 франкамъ.

Онъ взялъ въ свои руки большую часть секретныхъ суммъ министерства иностранныхъ дѣлъ и кассу театровъ, составлявшую милліонъ восемьсотъ тысячъ франковъ, изъ которыхъ только милліонъ двѣсти тысячъ шли на ежегодный бюджетъ для поддержки театровъ. Остальное употреблялось имъ на награды актерамъ [1]),

---

[1]) Его пристрастіе къ нѣкоторымъ актерамъ регулировало обыкновенно размѣръ этихъ наградъ. Онъ нѣсколько разъ платилъ долги Тальмы, котораго зналъ и любилъ, и дарилъ ему по двадцати, тридцати и сорока тысячъ франковъ за-разъ.

Digitized by Google

артистамъ, литераторамъ и даже придворнымъ. Кромѣ того, онъ располагалъ всею кассой полиціи, за исключеніемъ издержекъ по этому министерству; и эта касса представляла ежегодно довольно значительную сумму, потому что она образовалась изъ налога съ игръ, доходившаго до четырехъ милліоновъ слишкомъ [1]); изъ процентовъ, которые министерство удерживало со всѣхъ журналовъ, что составляло около милліона, и наконецъ изъ штемпельнаго налога на паспорты и военные пропуски.

Доходы съ этихъ налоговъ, взимавшихся въ военное время, отнесены были къ экстраординарнымъ суммамъ, которыми Бонапартъ могъ располагать, какъ ему вздумается. Онъ бралъ изъ нихъ большія суммы, которыя употреблялъ на издержки войны съ Испаніей, на громадныя приготовленія къ походу на Москву, и наконецъ превратилъ часть ихъ въ золото и бриллианты, хранившіеся въ подвалахъ Тюльери и покрывшіе издержки войны 1814 г., когда упадокъ кредита парализовалъ всѣ остальные рессурсы.

Величайшій порядокъ царствовалъ въ хозяйствѣ Бонапарта; жалованье, получаемое всѣми придворными, было довольно значительно, но затѣмъ все было организовано такъ, чтобы никто изъ придворныхъ не могъ ничего утаить изъ ввѣренныхъ ему фондовъ.

Столъ Бонапарта былъ обиленъ и роскошно сервированъ; посуда прекрасная, серебряная. По большимъ праздникамъ и на парадныхъ обѣдахъ сервизъ былъ весь изъ эмали.

Расходы по дому императора можно оцѣнить въ пятнадцать или шестнадцать милліоновъ. Въ послѣдніе годы своего царствованія онъ выстроилъ нѣсколько зданій, и это увеличило издержки.

Ежегодно заказывалъ онъ въ Ліонѣ обивку для стѣнъ и мебели въ различныхъ дворцахъ. Это онъ дѣлалъ затѣмъ, чтобы поощрять фабрики этого города. Точно также каждый годъ покупалась превосходная мебель изъ краснаго дерева, которая хранилась въ Garde-Meuble, бронзы и проч. Фарфоровые заводы получали заказы на большіе сервизы, рѣдкой красоты. По возвращеніи короля всѣ дворцы найдены были меблированными заново и всѣ магазины полны мебели.

Со всѣмъ этимъ, расходы самыхъ дорогихъ годовъ, считая коронацію и бракосочетаніе съ Маріей-Луизой, не превышали двадцати милліоновъ.

---

[1]) Министръ Фуше составилъ себѣ состояніе на доходахъ съ игръ. Они давали Савари тысячу франковъ въ день.

Digitized by Google

Издержки Бонапарта на туалетъ показаны были въ бюджетѣ въ сорокъ тысячъ франковъ; иногда они превышали эту сумму. Въ походахъ ему приходилось посылать бѣлье и платье въ различныя мѣста. Онъ скоро пачкалъ все, что носилъ. Малѣйшее стѣсненіе заставляло его бросать платье, а также и малѣйшая разница въ качествѣ сукна или полотна. Онъ постоянно говорилъ, что желаетъ одѣваться какъ простой гвардейскій офицеръ, постоянно бранился за всякій расходъ, къ которому его принуждали, но изъ каприза или по неловкости часто подавалъ поводъ къ возобновленію своего гардероба. Между прочими разрушительными привычками, у него была привычка поправлять ногой огонь въ каминѣ, и такимъ образомъ онъ спаливалъ башмаки и сапоги, въ особенности, когда сердился; тогда, говоря и сердясь, онъ изо всей силы толкалъ горящія полѣнья въ каминѣ кончикомъ сапога.

Ежегодно императоръ составлялъ бюджетъ издержекъ своего дома необыкновенно старательно и съ замѣчательной экономіей.

Бонапартъ вставалъ въ различные часы, но большею частію въ семь часовъ. Когда онъ просыпался ночью, ему случалось садиться за работу, или же брать ванну, а не то кушать. По пробужденіи онъ обыкновенно чувствовалъ себя нехорошо. Онъ былъ подверженъ спазмамъ въ желудкѣ, производившимъ у него рвоту; это его очень смущало иногда, точно будто онъ боялся отравы, и въ такихъ случаяхъ трудно бывало удерживать его отъ пріема рвотнаго! Мнѣ сообщилъ эту подробность его лейбъ-медикъ Корвизаръ, котораго онъ очень уважалъ. Онъ пользовался хорошимъ здоровьемъ, сильнымъ тѣлосложеніемъ, но при малѣйшемъ нездоровьи оказывался очень мнительнымъ. Онъ ѣлъ умѣренно, совсѣмъ не пилъ вина, не позволялъ себѣ никакихъ излишествъ. Много пилъ кофе.

Съ теченіемъ времени онъ пересталъ спать въ одной комнатѣ съ своей первой женой; что касается эрцгерцогини, то я думаю, онъ немного ночей провелъ съ нею вмѣстѣ. Она очень не любила теплыхъ комнатъ, никогда не топила своей спальни, и императоръ, который былъ очень зябокъ въ комнатахъ, хотя на дворѣ могъ переносить очень сильную стужу, жаловался на эту привычку. Съ императрицей Жозефиной онъ никогда не церемонился, будилъ ее посреди ночи, если чувствовалъ себя нездоровымъ или если ему не спалось, и, нисколько не скрывая мотивовъ своихъ посѣщеній, наивно признавался, что пришелъ возбудить у себя испарину.

Совершивъ поутру свой туалетъ, онъ переходилъ въ кабинетъ,

Digitized by Google

гдѣ его ждалъ его личный секретарь. Въ девять часовъ дежурный каммергеръ, пріѣзжавшій въ восемь часовъ и старательно осматривавшій—все ли въ порядкѣ въ покояхъ императора и находятся ли пристава на своихъ мѣстахъ, стучался въ дверь, не входя въ кабинетъ, если только императоръ не позоветъ его, и возвѣщалъ «le lever». Я уже описывала какъ происходили эти «levers». По окончаніи ихъ, Бонапартъ зачастую давалъ аудіенціи: принцамъ, литераторамъ, префектамъ въ отпуску. Всѣ тѣ, кто не имѣлъ право присутствовать на «lever», могли добиться аудіенціи лишь обратившись къ дежурному коммиссару, который докладывалъ о нихъ императору, но тотъ чаще всего отказывалъ въ аудіенціи.

«Lever» и аудіенціи продолжались до завтрака. Около одиннадцати часовъ завтракъ подавали въ такъ-называемыхъ «Salon de service», гдѣ Наполеонъ давалъ частныя аудіенціи и работалъ съ своими министрами. Дворцовый префектъ докладывалъ о завтракѣ и присутствовалъ при немъ, стоя. Въ это время Бонапартъ принималъ артистовъ, актеровъ. Онъ торопливо съѣдалъ два или три блюда и завершалъ завтракъ большой чашкой чернаго кофе. Послѣ того онъ возвращался въ кабинетъ и продолжалъ работать. Совѣты министровъ происходили въ опредѣленные дни. Государственный совѣтъ собирался три раза въ недѣлю. Въ продолженіи пяти или шести лѣтъ онъ часто предсѣдательствовалъ въ нихъ. Вообще, говорятъ, онъ бывалъ весьма замѣчателенъ въ этихъ засѣданіяхъ, выдерживалъ и возбуждалъ споры. Часто дивились его глубокимъ и свѣтлымъ замѣчаніямъ, которыя онъ высказывалъ о предметахъ, казалось бы для него самыхъ чуждыхъ. Въ послѣдніе годы его терпимость въ спорахъ пропала, и онъ принялъ болѣе повелительный тонъ. Государственный совѣтъ, или совѣтъ министровъ или же частныя занятія длились до шести часовъ пополудни. Съ 1806 г. онъ почти всегда обѣдалъ наединѣ съ своей женой, за исключеніемъ поѣздокъ въ Фонтенбло, когда онъ приглашалъ къ обѣду гостей. Ему подавали все заразъ «entrées» и «entremets»; онъ ѣлъ разсѣянно, беря то, что стоитъ передъ нимъ безъ разбора, хотя бы то было варенье или какой-нибудь кремъ, который онъ ѣлъ, прежде нежели притронуться къ «entrées». Дворцовый префектъ присутствовалъ при обѣдѣ, два пажа прислуживали, а имъ подавали кушанья камеръ-лакеи. Часъ обѣда бывалъ различенъ. Если дѣла того требовали, Бонапартъ работалъ и удерживалъ совѣтъ до шести, семи, восьми часовъ вечера, не жалуясь ни на усталость, ни

Digitized by Google

на голодъ. М-me Бонапартъ терпѣливо дожидалась его и никогда не жаловалась.

Вечера были коротки. Я уже говорила, какъ они проходили. Зимою 1806 г. въ Тюльери дано было много небольшихъ баловъ; императоръ появлялся на нихъ на минуту и всегда имѣлъ чрезвычайно скучающій видъ.

Никто не спалъ въ комнатѣ императора; его мамелюкъ спалъ за дверями. Дежурный адъютантъ спалъ въ «salon de service», опершись головою въ дверь. Въ комнатахъ, предшествовавшихъ этому салону, находились квартирмейстеръ гвардіи и двое выѣздныхъ лакеевъ. Внутри дворца часовыхъ не попадалось. Въ Тюльери одинъ часовой стоялъ на лѣстницѣ, потому что эта лѣстница была открыта для публики; у входныхъ дверей вездѣ виднѣлись часовые. Бонапарта отлично стерегли весьма немного людей. Дворцовая полиція была превосходно организована; имена всѣхъ входившихъ во дворецъ лицъ были извѣстны ей. Никто не жилъ во дворцѣ, кромѣ главнаго маршала, который тамъ же имѣлъ обѣдъ. Въ Сенъ-Клу всѣ придворные имѣли квартиры.

Императрица Жозефина получала шестьсотъ тысячъ франковъ на свои личныя издержки. Этой суммы ей далеко не хватало; она ежегодно дѣлала много долговъ. Эрцгерцогинѣ назначили только триста тысячъ франковъ и шестьдесятъ тысячъ карманныхъ денегъ.

Причина этой разницы заключалась въ томъ, что у m-me Бонапартъ было много бѣдныхъ родственниковъ, которымъ она должна была помогать. М-me Бонапартъ много дарила, но такъ какъ она никогда не брала подарки изъ числа своихъ вещей, а всегда ихъ покупала, то это значительно увеличивало ея долги.

Несмотря на требованія мужа, она никогда не могла подчиниться въ своей внутренней жизни какому-нибудь порядку или этикету. Онъ хотѣлъ, чтобы никакой купецъ не могъ къ ней проникнуть, но долженъ былъ уступить на этомъ пунктѣ. Маленькіе внутренніе покои бывали биткомъ набиты купцами, равно какъ и всякаго рода художниками. У ней была манія снимать съ себя портреты, и она раздавала ихъ всѣмъ, кто пожелаетъ: родственникамъ, друзьямъ, горничнымъ и самимъ купцамъ. Ей безпрерывно приносили брилліанты, золотыя вещи, шали, матеріи, всякія бездѣлушки; она все покупала, никогда не справляясь о цѣнѣ и по бо́льшей части забывала о томъ, что купила. Съ самаго начала она объявила своей статсъ-дамѣ и гардеробной дамѣ, что имъ нѣчего путаться въ ея гардеробѣ. Имъ за-

Digitized by Google

вѣдывали ея горничныя. У ней ихъ было семь или восемь. Она вставала въ девять часовъ; туалетъ ея длился очень долго; одна часть его была секретная и была посвящена раскрашиванію ея особы. Когда это бывало окончено, она заставляла причесывать себя, облекшись въ длинный, изящный пеньюаръ, отдѣланный кружевами. Рубашки ея, юбки были вышитыя и отдѣланныя кружевами. Она мѣняла бѣлье три раза въ день и не носила мытыхъ чулокъ. Пока она причесывалась, если мы подходили къ дверямъ, то насъ впускали. Когда она бывала причесана, ей приносили большія коробки, въ которыхъ находились различныя платья, шляпки, шали. Лѣтомъ, она носила кисейныя или перкалевыя, богато вышитыя платья; зимою шелковыя или бархатныя. Она выбирала себѣ туалетъ и съ утра надѣвала всегда шляпку съ цвѣтами или перьями и закутывалась въ шаль. У ней было до четырехъ-сотъ шалей; она шила изъ нихъ платья, дѣлала одѣяла для своей кровати, подушки для своей собаки. Я никого не видѣла, кто бы такъ граціозно умѣлъ драпироваться шалью. Бонапартъ, находившій, что она слишкомъ закутана въ шаляхъ, срывалъ ихъ и иногда бросалъ въ огонь; тогда она надѣвала другую; она покупала всѣ, какія только ей приносили, чего бы онѣ ни стоили; я видѣла у ней шали цѣною въ восемь, десять, двѣнадцать тысячъ франковъ. Впрочемъ, это была отличительная роскошь этого двора. Никто бы не надѣлъ шали, которая стоитъ всего пятьдесятъ луидоровъ, и всѣ хвастались дорогой цѣной тѣхъ, которыя носили.

Жизнь m-me Бонапартъ была очень однообразна: она никогда не раскрывала книги, не брала пера въ руки, не работала и повидимому никогда не скучала. Она не любила театра, гуляла только тогда, когда жила въ Мальмезонѣ, на украшеніе котораго тратила громадныя суммы. Бонапартъ сердился на нее за это, бранилъ ее; она плакала, обѣщалась быть экономной, и жила по прежнему; въ концѣ-концовъ приходилось платить. Вечерній туалетъ бралъ столько же времени, сколько и утренній. Туалетъ этотъ всегда бывалъ необыкновенно изященъ; рѣдко видѣли мы, чтобы она надѣла два раза сряду одно и то же платье, тѣ же цвѣты. Вечеромъ почти всегда императрица убирала волосы цвѣтами, жемчугомъ или драгоцѣнными каменьями. Платья ея всегда бывали очень вырѣзаны и нарядный туалетъ всего лучше шелъ къ ней. Каждое небольшое собраніе, каждый незначительный даже балъ служилъ ей поводомъ заказывать новые наряды, несмотря на то, что гардеробъ ея ломился отъ тряпокъ, такъ какъ у нея была манія ничего не бросать. Я не могу

Digitized by Google

сказать, какъ велики суммы, истраченныя ею на всякаго рода платья и наряды. У всѣхъ парижскихъ торговцевъ всегда что-нибудь для нея шили. Я видѣла у ней нѣсколько кружевныхъ платьевъ, цѣною въ сорокъ, пятьдесятъ и даже сто тысячъ франковъ. Почти невѣроятно, что эта любовь къ нарядамъ, находившая такое полное удовлетвореніе, не притуплялась. Послѣ развода, въ Мальмезонѣ она придерживалась той же роскоши и наряжалась даже въ тѣ дни, когда никого не принимала. Въ день своей смерти она пожелала, чтобы на нее надѣли очень нарядный капотъ, потому что ждала, что русскій императоръ посѣтитъ ее. Она умерла, покрытая лентами и атласами, розоваго цвѣта.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ, мнѣ хочется поговорить о лицахъ, которыя въ это время составляли дворъ или занимали высокій постъ въ государствѣ. Я не могу однако претендовать на то, чтобы представить рядъ портретовъ, сильно непохожихъ одинъ на другой. Извѣстно, что деспотизмъ—величайшій изъ нивеллирующихъ элементовъ. Онъ навязываетъ мысли, опредѣляетъ дѣйствія и слова, и благодаря ему, правила, которымъ всѣ подчинены, соблюдаются съ такой строгостью, что всѣ личности приравниваются одна къ другой и получаютъ общій видъ и даже общій языкъ.

Я помню, что зимою 1814 г. императрица Марія-Луиза каждый вечеръ принимала много народа. Къ ней пріѣзжали узнавать вѣсти изъ арміи, которыя всѣхъ очень занимали. Въ тотъ моментъ, какъ императоръ, преслѣдуя прусскаго генерала Блюхера по направленію къ Шато-Тьерри, предоставилъ австрійской арміи полную возможность дойти до самаго Фонтенбло, въ Парижѣ опасались вторженія непріятеля. Много людей сошлось у императрицы, и всѣ съ тревогой разспрашивали другъ друга. Въ концѣ вечера Талейранъ пріѣхалъ ко мнѣ изъ Тюльери. Онъ разсказалъ мнѣ про тревогу, которой былъ свидѣтелемъ и замѣтилъ послѣ того:—«Какой необыкновенный долженъ быть человѣкъ, который заставилъ графа де-Монтескю и члена государственнаго совѣта Булэ-де-ла-Мертъ [1]) испытывать одну и ту же тревогу и выражать ее одними и тѣми же словами». Онъ встрѣтилъ у императрицы этихъ двухъ лицъ, и оба были смертельно блѣдны и одинаково опасались событій, которыя начинали предвидѣть.

[1]) Графъ де-Монтескю былъ тогда каммергеромъ. Булэ-де-ла-Мертъ былъ членомъ лѣвой стороны Пятисотъ и изобрѣлъ знаменитый законъ о *подозрительныхъ лицахъ (les suspects)*.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, за немногими исключеніями, потому ли, что случай не соединилъ вокругъ императора людей съ замѣчательнымъ характеромъ, или вслѣдствіе однообразія ихъ образа дѣйствій, о которомъ я только-что говорила, я не нахожу въ своей памяти много такихъ частностей, о которыхъ стоило бы говорить. Къ несчастію для людей того времени, Бонапартъ считалъ болѣе удобнымъ эксплуатировать дурныя стороны людей, нежели хорошія. Онъ любилъ подмѣчать людскія слабости и пользоваться ими. Въ тѣхъ людяхъ, въ которыхъ онъ не могъ открыть пороковъ, онъ поощрялъ слабости, а за неимѣніемъ ихъ, возбуждалъ страхъ, чтобы всегда оставаться на правахъ болѣе сильнаго. Такимъ образомъ, онъ благоволилъ къ Камбасересу за то, что тотъ былъ зараженъ, несмотря на свои высокія качества, глупымъ тщеславіемъ. Онъ нисколько не охуждалъ изнѣженную безнравственность Талейрана и его равнодушіе къ общественному мнѣнію. Онъ забавлялся тѣмъ, что́ называлъ глупостью принца де-Нёшатель и раболѣпной лживостью Марэ. Онъ эксплуатировалъ алчность, открытую имъ въ характерѣ Савари, и черствость Дюрока. Онъ не боялся напомнить, что Фушѐ былъ *якобинцемъ*, и часто съ улыбкою говорилъ: «въ настоящее время съ нимъ произошла только та перемѣна, что онъ обогатившійся якобинецъ; но это все, что́ мнѣ требуется».

Министры были для него и при немъ только болѣе или менѣе дѣятельными приказчиками, и «я не зналъ бы, что̀ съ ними дѣлать,—говаривалъ онъ,—если бы въ нихъ не было нѣкоторой посредственности ума или характера». Наконецъ, если кто-нибудь и чувствовалъ свое превосходство въ какомъ бы то ни было отношеніи, то принужденъ былъ скрывать его, и быть можетъ, сознаніе опасности заставляло многихъ щеголять притворными слабостями и ничтожествомъ.

Военный штатъ императора былъ значителенъ; но въ мирное время онъ исполнялъ при его особѣ гражданскія обязанности. Въ Тюльерійскомъ дворцѣ онъ боялся воспоминаній поля битвъ и сбивалъ всѣ претензіи этого рода. «Помните, говорилъ онъ своимъ маршаламъ, что я желаю, чтобы вы были военными людьми только въ арміи. Титулъ *маршала* чисто-гражданское достоинство, которое даетъ вамъ при моемъ дворѣ почетное положеніе, но не влечетъ за собою никакой власти. Генералы на полѣ сраженія, будьте вельможами при моемъ дворѣ и будьте связаны съ государствомъ гражданскими узами, созданными мною для васъ посредствомъ титула, какой вы носите». Онъ превращалъ генераловъ въ каммергеровъ и позднѣе заста-

Digitized by Google

вилъ ихъ являться ко двору не иначе, какъ въ расшитыхъ фантастическихъ мундирахъ и промѣнять саблю на придворную шпагу. Это превращеніе не нравилось многимъ изъ нихъ, но приходилось повиноваться и изъ волка превращаться въ пастуха. Впрочемъ, во всемъ этомъ была разумная цѣль. Блескъ оружія могъ бы такъ-сказать раздавить остальныя сословія, а ихъ нужно было привлечь на свою сторону; солдатскіе нравы по неволѣ смягчались и, кромѣ того, иные непокорные маршалы утратили свой престижъ, стараясь поддѣлаться подъ прекрасныя манеры. Это стараніе дѣлало ихъ немного смѣшными, а Бонапарту только того и надо было. Мы уже знаемъ, что онъ не жаловалъ своихъ маршаловъ, и былъ о нихъ не особенно лестнаго мнѣнія. Но признано также, что Бонапартъ не всегда бывалъ справедливъ въ распредѣленіи славы своихъ генераловъ. Въ одномъ изъ припадковъ откровенности, онъ говорилъ мнѣ, что любитъ надѣлять славою только тѣхъ, кто не умѣетъ съ ней справиться. Ему случалось, сообразно той политикѣ, какой онъ держался относительно своихъ подчиненныхъ, или сообразно довѣрію, какое они ему внушали, умалчивать объ иныхъ побѣдахъ или же превращать въ успѣхъ неудачу какого-нибудь маршала. Случалось, что иной генералъ узнавалъ изъ бюллетеней о побѣдѣ, которой никогда не одерживалъ, или о рѣчи, которой никогда не говорилъ. Другой—вдругъ видѣлъ себя превознесеннымъ въ газетахъ и старался придумать, по какому случаю онъ заслужилъ такое отличіе. Многіе пытались протестовать противъ забвенія или противъ искаженныхъ событій; но возможно ли было измѣнить напечатанное, прочитанное и уже позабытое, изглаженное изъ памяти новѣйшими извѣстіями? Быстрота дѣйствій Бонапарта на войнѣ каждый день приносила что-нибудь новенькое. И вотъ онъ заставлялъ молчать обиженныхъ, или же если нуждался въ немъ, то умиротворялъ его денежнымъ подаркомъ, притомъ отъ непріятеля, позволеніемъ взять контрибуцію—и ссора улаживалась.

Въ бумагахъ г. де-Ремюза сохранилась замѣтка, объясняющая и развивающая то, что здѣсь сказано о маршалахъ имперіи: «императоръ произвольно составлялъ свои бюллетени, повинуясь прежде всего своей потребности все сгладить и установить свою непогрѣшимость, затѣмъ желанію произвести извѣстный эффектъ на иностранцевъ и французскую публику, наконецъ, своимъ мнѣніямъ о своихъ соратникахъ, и расположенію или нерасположенію къ нимъ. Истина играла во всемъ этомъ весьма второстепенную роль. Ничто не могло сравняться съ ихъ удивленіемъ, когда

Digitized by Google

они читали бюллетени, получаемые ими изъ Парижа, но вмѣстѣ съ тѣмъ они рѣдко протестовали. Императоръ, вмѣстѣ съ конвентомъ и Людовикомъ XIV, былъ единственной властью, умѣвшей до такой степени подчинять, дисциплинировать самолюбія.

Императоръ рѣдко хвалилъ полководцевъ своего времени. Военные—самые ревнивые другъ къ другу люди, и ихъ мнѣнія другъ о другѣ не слѣдуетъ спрашивать. Они нагоняютъ уныніе или досаду, когда начинаютъ судить другъ о другѣ. Къ этой естественной зависти, императоръ присоединялъ еще разсчеты деспота, не желающаго создавать вокругъ себя никакихъ авторитетовъ. Дезѐ (Desaix) былъ единственнымъ человѣкомъ, о которомъ онъ отзывался нѣсколько восторженно, да и то, онъ зналъ его только въ началѣ своей карьеры. Онъ, кажется, постоянно хорошо относился къ нему, но Дезѐ умеръ при Маренго 14 іюня 1800 г. Совсѣмъ тѣмъ, сужденія его о своихъ соратникахъ въ началѣ перваго итальянскаго похода замѣчательны, и строгость ихъ внушена, повидимому, не завистью. Вообще онъ отзывался о своихъ маршалахъ неодобрительно. Въ перепискѣ его съ королемъ Жозефомъ можно прочитать его отзывы о Массенá, Журданѣ и нѣкоторыхъ другихъ. Генералъ Фуа говорилъ мнѣ, что слышалъ, какъ онъ говорилъ про Сульта: «онъ умѣетъ подготовить сраженіе, но неспособенъ дать его». Къ тому же, претензіи, требовательность, честолюбіе маршаловъ досаждали ему: «вы не знаете, говаривалъ онъ, обращаясь къ Пакье (Pasquier), что̀ значитъ держать на уѣздѣ двухъ такихъ людей, какъ Сультъ и Ней».

Соратники отплачивали ему тою же монетою въ своихъ о немъ сужденіяхъ. Ужъ никакъ не въ арміи, въ особенности послѣ кампаній, слѣдовавшихъ за Аустерлицемъ, относились къ нему съ наибольшимъ восхищеніемъ, уваженіемъ и любовью. У него была, если можно такъ выразиться «une manière lâchée» воевать. Онъ многимъ пренебрегалъ, сильно рисковалъ: онъ всѣмъ жертвовалъ личному успѣху. Все болѣе и болѣе проникаясь вѣрою въ свою удачу, въ ужасъ, внушаемый его присутствіемъ, онъ старался только поправлять рѣшительными ударами, направленными непосредственно его рукою, ошибки, промахи, потери, и всегда расположенъ былъ отрицать или умалчивать обо всемъ, что̀ могло ему повредить. Это дѣлало нестерпимой службу военачальниковъ, сколько-нибудь отъ него независимыхъ. На нихъ падала вся отвѣтственность, а между тѣмъ они часто лишены были средствъ дѣйствовать и получали невыполнимыя приказанія, клонившіяся къ тому, чтобы свалить всю вину на нихъ.

Digitized by Google

Поэтому они обвиняли его въ эгоизмѣ, въ коварствѣ, въ несправедливости и даже въ ненависти и въ зависти. Барантъ разсказывалъ мнѣ, что аудиторы, прибывавшіе въ армію, бывали поражены тѣми рѣчами, какія они слышали въ штабахъ и даже въ главной квартирѣ. Онъ самъ, будучи командированъ къ маршалу Ланну во время польской кампаніи, слышалъ, какъ тотъ обвинялъ императора, что онъ ему завидуетъ и хочетъ его погубить, и съ этою цѣлью отдаетъ ему приказанія; мало того: Ланнъ страдалъ желудкомъ, доходилъ до того, что приписывалъ свою болѣзнь тому, что императоръ хотѣлъ его отравить.

Впрочемъ, маршалы не могли жаловаться на то, что императоръ недостаточно награждалъ ихъ за заслуги. Часто награды, достававшіяся имъ, бывали колоссальны, и такъ какъ продолжительность войнъ раздула ихъ притязанія до безконечности,—то они получали титулы князей и герцоговъ, какъ вещь самую обыкновенную, и считали, что только королевское достоинство могло бы достойно завершить ихъ судьбу. Имъ розданы были громадныя суммы и дозволялись всякаго рода поборы съ побѣжденныхъ: нѣкоторые изъ нихъ составили себѣ колоссальныя состоянія, и если большая часть этихъ богатствъ растаяла вмѣстѣ съ правительствомъ, ихъ создавшимъ, то это потому, что легкость, съ какой они составились, поощряла мотать ихъ безъ всякаго разсчета, въ надеждѣ, что средства къ пріобрѣтенію богатства никогда не изсякнутъ.

Придворное духовенство не имѣло никакого вліянія при императорѣ. Оно ему служило обѣдню каждое воскресенье, вотъ и все. Наполеонъ пользовался духовенствомъ, но не любилъ поповъ. Онъ питалъ противъ нихъ философское и отчасти революціонное предубѣжденіе. Я не знаю, былъ ли онъ деистъ или атеистъ. Онъ хорошо насмѣхался въ интимномъ кружкѣ надо всѣмъ, что̀ касалось религіи, и я думаю, къ тому же, что онъ слишкомъ много обращалъ вниманія на то, что̀ происходитъ въ вдѣшнемъ мірѣ, чтобы заниматься будущей жизнью. Осмѣлюсь замѣтить, что̀ безсмертіе его имени представлялось ему гораздо болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ безсмертіе души. Онъ чувствовалъ нѣкоторое отвращеніе къ ханжамъ и всегда обвинялъ ихъ въ лицемѣріи. Когда священники въ Испаніи возмутили противъ него населеніе, когда онъ испыталъ сопротивленіе со стороны французскихъ епископовъ, когда онъ увидѣлъ, что за папу вступаются многіе люди, онъ былъ совсѣмъ сраженъ и не разъ говаривалъ: «я думалъ, люди гораздо просвѣщеннѣе, чѣмъ они оказываются на самомъ дѣлѣ». Будетъ не безполезнымъ, быть

Digitized by Google

можетъ поговорить также о замѣчательныхъ литераторахъ и художникахъ, а также и о сочиненіяхъ, появившихся послѣ основанія консульства и до 1806 г. Въ числѣ первыхъ я нахожу четырехъ, о которыхъ могу поговорить нѣсколько подробно.

Жакъ Делилль, котораго мы больше знаемъ подъ именемъ аббата Делилль, провелъ лучшіе годы своей жизни въ эпоху, предшествовавшую нашей революціи. Онъ соединялъ съ блестящимъ талантомъ прелесть остроумія и любезности. Онъ усвоилъ себѣ титулъ аббата, потому что въ былое время этотъ титулъ давалъ положеніе въ свѣтѣ; послѣ революціи онъ оставилъ его, и женился на особѣ довольно хорошей фамиліи, ограниченной, но недурной собою. Принятый въ хорошемъ обществѣ, осыпанный милостями королевой Маріей-Антуанеттой и графомъ д'Артуа, онъ зналъ однѣ лишь пріятныя стороны литературной карьеры. Его любили, баловали, за нимъ ухаживали; онъ былъ замѣчательно и изящно остроуменъ; у него была несравненная дикція; когда онъ читалъ стихи, всѣ наперерывъ спѣшили его послушать. Кровавыя сцены революціи напугали его кроткую душу; онъ эмигрировалъ и вездѣ въ Европѣ встрѣчалъ такой пріемъ, который могъ утѣшить его въ изгнаніи. Однако, когда Бонапартъ возстановилъ порядокъ во Франціи, Делилль пожелалъ въ нее вернуться и пріѣхалъ въ Парижъ съ своей женой, уже пожилымъ, почти слѣпымъ, но все по прежнему любезнымъ и нагруженнымъ прекрасными сочиненіями, которыя собирался издавать. Его снова стали баловать, литераторы тѣснились вокругъ него, Бонапартъ слегка заискивалъ въ немъ. Каѳедра, съ которой онъ талантливо читалъ лекціи о французской литературѣ, была ему возвращена, ему предлагали пенсію, въ награду за хвалебные стихи. Но Делилль, желая сохранить независимость и вѣрный симпатіямъ, связывавшимъ его неразрывно съ Бурбонскимъ домомъ, удалился въ отдаленный кварталъ, уклонялся отъ всѣхъ предложеній и ласкъ и, преданный исключительно своимъ занятіямъ, отвѣчалъ на все стихами «L'homme des champs»:

Auguste triomphant pour Virgile fut juste.
J'imitai le poète, imitez donc Auguste,
Et laissez-moi sans nom, sans fortune et sans fers,
Rêver au bruit des eaux, de la lyre et des vers.

Если Бонапартъ и былъ раздосадованъ его сопротивленіемъ, то не выразилъ этого: общее уваженіе и привязанность служили щитомъ для милаго поэта. Онъ мирно жилъ и мирно умеръ, не дождавшись возвращенія принцевъ, которыхъ не переставалъ любить.

Digitized by Google

Въ то время, когда Бонапартъ былъ еще только консуломъ и гонялся за популярностью, ему пришла фантазія показать себя Делиллю; онъ надѣялся, быть можетъ, привлечь его на свою сторону или по крайней мѣрѣ его ослѣпить. М-me Баччокки поручено было позвать поэта на вечеръ; было приглашено нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ и я. Пріѣхалъ первый консулъ. Его появленіе имѣло нѣчто сходное съ блистательнымъ появленіемъ Юпитера Громовержца, потому что онъ былъ окруженъ толпой адъютантовъ, выстроившихся въ рядъ и не мало дивившихся тому, что ихъ генералъ давалъ себѣ трудъ ухаживать за слабымъ старичкомъ, въ черномъ фракѣ, котораго, мнѣ кажется, они немножко пугали. Бонапартъ сѣлъ за карточный столъ для контенанса и посадилъ меня съ собой. Я была единственной женщиной въ этомъ салонѣ, имя которой было не безъизвѣстно Делиллю, и я поняла, что Бонапартъ выбралъ меня, какъ звено между эпохой поэта и эпохой консула. Я старалась установить между ними нѣкоторую связь; Бонапартъ согласился придать литературный характеръ бесѣдѣ, и сначала нашъ поэтъ, казалось, не оставался нечувствительнымъ къ ухаживанью такого лица. Оба оживились, но каждый на свой ладъ; я скоро замѣтила, что ни тому, ни другому не удается произвести того впечатлѣнія, какое имъ обоимъ было желательно. Бонапартъ любилъ говорить, Делиллъ тоже былъ большой болтунъ и разсказчикъ; они перебивали другъ друга, не слушали одинъ другого; оба привыкли къ похваламъ и скоро убѣдились, что имъ не удастся очаровать другъ друга, и разстались утомленные, а быть можетъ, —недовольные другъ другомъ.

Послѣ этого вечера Делиллъ говорилъ, что бесѣда консула «sentait la poudre à canon»; а Бонапартъ находилъ, что старый поэтъ «radotait l'esprit».

Мнѣ не знакомы въ точности обстоятельства ранней молодости Шатобріана. Онъ эмигрировалъ съ своимъ семействомъ въ Англію, гдѣ познакомился съ де-Фонтаномъ и, по возвращеніи во Францію, возобновилъ съ нимъ знакомство, и кажется, что де-Фонтанъ представилъ его первому консулу. Напечатавъ свое сочиненіе «Le Génie du christianisme» въ эпоху конкордата 1801, онъ нашелъ нужнымъ посвятить свое сочиненіе «au restaurateur de la religion». Онъ былъ не богатъ; его вкусы, его нѣсколько взбалмошный характеръ, сильное, хотя и смутное честолюбіе, крайнее тщеславіе внушили ему желаніе и потребность примкнуть къ чему-нибудь. Не знаю, въ качествѣ чего именно, онъ былъ причисленъ къ посольству въ Римѣ. Во всякомъ случаѣ

Digitized by Google

онъ велъ себя тамъ неосторожно и оскорбилъ Бонапарта. Досада, возбужденная имъ въ немъ, вмѣстѣ съ негодованіемъ, какое вызвала въ Шатобріанѣ казнь герцога Энгіенскаго, окончательно поссорили ихъ. Шатобріанъ, по возвращеніи въ Парижъ, увидѣлъ себя окруженнымъ женщинами, которыя принялись поклоняться ему и провозглашать его жертвой; онъ живо принялъ тотъ образъ мыслей, какому съ тѣхъ поръ слѣдовалъ; ни въ его вкусахъ, ни въ его талантѣ, не было уклоняться отъ свѣта и дать забыть себя. Навлекши на себя надзоръ полиціи, онъ тщеславился этимъ. Тѣ, кто его коротко знаетъ, говорятъ, что если бы Бонапартъ, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать его, показалъ бы видъ, что почитаетъ его достоинство, онъ легко и прочно обольстилъ бы его. Писатель не остался бы глухъ къ похваламъ такого высокаго лица. Какъ бы то ни было, теперь онъ держался въ сторонѣ и бывалъ лишь въ оппозиціонныхъ кружкáхъ. Путешествіе въ святую землю заставило о немъ забыть на нѣкоторое время; вдругъ онъ снова появился и напечаталъ «les Martyrs». Однѣ газеты нападали, другія хвалили его; онъ вызвалъ довольно ожесточенные споры, которые императоръ поощрялъ, «потому что, говорилъ онъ, эти споры занимаютъ свѣтское общество».

Въ эпоху, когда появились «Les Martyrs», въ Бретани вспыхнулъ роялистическій заговоръ. Одинъ изъ кузеновъ Шатобріана, уличенный въ участіи, былъ привезенъ въ Парижъ, судимъ и приговоренъ къ смерти. Я была дружна съ короткими пріятелями Шатобріана; они привезли его ко мнѣ и убѣждали вмѣстѣ съ нимъ ходатайствовать при посредствѣ императрицы о помилованіи его родственника. Я просила его дать мнѣ письмо къ императору; онъ отказался на отрѣзъ, но согласился написать m-me Бонапартъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ далъ мнѣ одинъ экземпляръ «Les Martyrs», надѣясь, что Бонапартъ прочитаетъ эту книгу и смягчится относительно ея автора. Такъ какъ я не была увѣрена, что этого мотива будетъ достаточно для умиротворенія императора, я совѣтовала Шатобріану употребить нѣсколько средствъ за-разъ: «Вы родственникъ Малербу, говорила я ему, вотъ имя, которое можно произнести при каждомъ человѣкѣ, съ увѣренностью, что къ нему отнесутся съ уваженіемъ и симпатіей [1]). Попробуемъ опереться на него, и сошлитесь на его имя въ письмѣ къ императрицѣ».

Шатобріанъ чрезвычайно удивилъ меня, отвергнувъ этотъ

[1]) Бонапартъ возвратилъ m-me Монбуазье, вернувшейся эмигранткѣ, часть ея имѣній только за то, что она была дочерью Малерба.

Digitized by Google

совѣтъ. Онъ далъ мнѣ понять, что его самолюбіе будетъ оскорблено, если то, чего онъ добивается, не будетъ сдѣлано ради его лично. Очевидно, что его писательское самолюбіе брало верхъ надо всѣмъ, и онъ желалъ, чтобы императоръ почтилъ въ немъ писателя. Поэтому онъ не написалъ письмо такъ, какъ я просила, но тѣмъ не менѣе я передала его письмо и даже воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобы прочитать императору нѣсколько страницъ изъ «Martyrs», и сама упомянула о Малербѣ.

«Вы довольно искусный адвокатъ,—сказалъ мнѣ императоръ,—но вы худо знакомы съ этимъ дѣломъ. Мнѣ нужно показать примѣръ строгости въ Бретани; жертвой этой строгости будетъ человѣкъ довольно неинтересный, потому что родственникъ Шатобріана пользуется не особенно лестной славой. Я знаю навѣрное, что въ сущности его кузенъ очень мало интересуется его судьбой, и характеръ его просьбы доказываетъ мнѣ это какъ нельзя лучше. Онъ имѣетъ ребячество не писать прямо ко мнѣ; письмо его къ императрицѣ сухо и нѣсколько надменно; онъ желалъ бы подавить меня величіемъ своего таланта. Я противопоставляю ему величіе *моей политики*, и, право, это не должно обижать его. Мнѣ надобно показать примѣръ въ Бретани, для избѣжанія кучи мелочныхъ политическихъ преслѣдованій. Это подастъ поводъ Шатобріану написать нѣсколько патетическихъ страницъ, которыя онъ будетъ читать въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Милыя дамы будутъ плакать, и вы увидите, что это его утѣшитъ».

Невозможно было поколебать рѣшеніе, выраженное такимъ образомъ. Всѣ усилія императрицы и мои оказались тщетными, и казнь совершилась. Въ тотъ же самый день я получила небольшую записочку отъ Шатобріана, невольно напомнившую мнѣ слова Бонапарта. Онъ писалъ мнѣ, что счелъ своимъ долгомъ присутствовать при казни своего родственника и содрогался, видя, какъ собаки лизали его кровь. Вся записочка была въ этомъ тонѣ. Я была взволнована, она оледенила меня; не знаю, я ли въ томъ виновата, или онъ. Немного дней спустя, Шатобріанъ, хотя и въ глубокомъ траурѣ, не казался особенно огорченнымъ, но его раздраженіе противъ императора очень усилилось.

Это событіе повело къ моему знакомству съ Шатобріаномъ. Его сочиненія мнѣ нравились, знакомство съ нимъ отбило у меня вкусъ къ нимъ. Его очень баловала извѣстная часть общества, въ особенности женщины. Онъ довольно сильно смущаетъ каждаго, кто у него бываетъ, потому что сразу видно, что никакими похвалами его не удивишь. Вездѣ онъ занимаетъ первое мѣсто,

Digitized by Google

чувствуетъ себя на немъ вполнѣ хорошо и становится тогда очень любезенъ. Но его рѣчи, доказывающія живое воображеніе, обнаруживаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ большую сухость сердца и извѣстную скрытность характера. Сочиненія его религіозны, но слова не всегда обличаютъ святыя убѣжденія. Онъ серьёзенъ, когда пишетъ; въ его манерѣ держать себя недостаетъ степенности. Лицо его красиво, станъ нѣсколько кривобокъ; онъ щепетиленъ и жеманенъ въ своемъ костюмѣ. Кажется, что въ любви ему всего больше нравится то, что въ общежитіи называется «les bonnes fortunes». Онъ всему предпочитаетъ быть на показѣ, и имѣетъ скорѣе приверженцевъ, нежели друзей; словомъ — изъ всего, что́ я видѣла, я заключила, что его пріятнѣе читать, чѣмъ водиться съ нимъ.

Я мало видѣла m-me Сталь, но я была окружена людьми, близко ее знавшими. Моя мать и нѣкоторыя мои родственницы были съ ней знакомы въ ея молодости и часто разсказывали мнѣ, что съ первыхъ лѣтъ жизни она проявляла такой характеръ, который неизбѣжно долженъ былъ поставить ее внѣ всякихъ соціальныхъ условій. Пятнадцати лѣтъ отъ роду, она уже глотала самыя отвлеченныя сочиненія. Это была натура живая до мятежности, чрезвычайно искренняя и правдивая, которая чувствовала сильно и выражалась съ жаромъ. Терзаемая воображеніемъ, пожиравшимъ ее, слишкомъ страстно увлекавшаяся блескомъ и успѣхомъ, стѣсняемая законами общества, замыкающими женщину въ тѣсный кругъ, она всѣмъ пренебрегла, все ниспровергла и очень много настрадалась отъ борьбы между демономъ, толкавшимъ ее, и приличіями, которыя не могли ее сдержать.

Она имѣла несчастіе быть очень дурной собою и чрезвычайно этимъ огорчаться, такъ какъ, повидимому, гонялась за успѣхами всякаго рода. Съ недурнымъ лицомъ, она, быть можетъ, была бы счастливѣе, потому что была бы спокойнѣе. Въ ея душѣ было слишкомъ много страстности, чтобы она не любила много, а въ ея умѣ слишкомъ много фантазіи, чтобы ей не казалось очень часто, что она любитъ. Извѣстность снискала ей поклоненія, льстившія ея тщеславію. Хотя она была очень добра по природѣ, она возбуждала ненависть и зависть; она пугала женщинъ, оскорбляла толпу мужчинъ, выше которыхъ считала себя. Со всѣмъ тѣмъ у нея было нѣсколько вѣрныхъ друзей, а ея собственная преданность не знавала границъ.

Когда Бонапартъ сталъ консуломъ, m-me де-Сталь уже была въ славѣ. Такая личность, какъ Бонапартъ, возбудила любо-

Digitized by Google

пытство и внушила сначала нѣкоторое восхищеніе женщинѣ, чуткой ко всякому превосходству. Она восторгалась имъ, искала его общества, всюду ловила его. Она воображала, что его замѣчательныя качества, счастливыя обстоятельства, въ какія онъ поставленъ, должны повести къ торжеству свободы, ея любимаго идеала; но она скоро встревожила Бонапарта, который не хотѣлъ, чтобы за нимъ наблюдали или его угадывали. M-me Сталь, возбудивъ въ немъ сначала тревогу, затѣмъ не понравилась ему. Онъ сухо принималъ ея ухаживанье; смущалъ ее твердыми, порою сухими отвѣтами. Онъ задѣлъ ея мнѣнія; между ними поселилось недовѣріе, и такъ какъ оба они были страстные люди, то это недовѣріе не замедлило обратиться въ ненависть.

Въ Парижѣ m-me Сталь принимала много народа; у ней свободно обсуждались всѣ политическіе вопросы. Луи Бонапартъ молодымъ человѣкомъ бывалъ у нея иногда и находилъ удовольствіе въ ея бесѣдѣ. Братъ его встревожился этимъ, запретилъ ему бывать у нея и учредилъ надъ нимъ надзоръ. У m-me Сталь бывали литераторы, публицисты, дѣятели революціи, вельможи. «Эта женщина, говаривалъ первый консулъ, учитъ мыслить тѣхъ, кому бы это и въ голову не пришло, и тѣхъ, которые этому разучились». И это была правда. Изданіе нѣкоторыхъ сочиненій Неккера окончательно раздражило его. Онъ изгналъ ее изъ Франціи и сильно повредилъ себѣ такимъ деспотическимъ поступкомъ. Кромѣ того, такъ какъ ничто такъ не ожесточаетъ, какъ первая несправедливость, онъ сталъ преслѣдовать даже тѣхъ лицъ, которыя жалѣли ее. Ея сочиненія, за исключеніемъ романовъ, были урѣзаны, при появленіи во Франціи; журналы получили приказаніе бранить ихъ; всѣ напустились на нее безъ всякаго великодушія. Между тѣмъ какъ родина отвергала ее, иностранцы принимали ее съ восторгомъ. Талантъ ея укрѣпился отъ житейскихъ невзгодъ и такъ развился, что многіе мужчины могли ей позавидовать.

Мнѣ случалось слышать иногда отзывы Бонапарта о m-me Сталь. Ненависть его къ ней питалась отчасти завистью, какую внушалъ ему всякое превосходство, съ которымъ онъ не могъ справиться, и его рѣчи были пропитаны такой горечью, что возвеличивали ее противъ его воли, а его унижали въ глазахъ тѣхъ, кто его слушалъ, владѣя всѣми своими умственными способностями.

Въ то время, какъ m-me де-Сталь справедливо могла жаловаться на преслѣдованіе, которымъ подвергалась, была другая женщина, несомнѣнно не такая талантливая и не такая знаме-

Digitized by Google

нитая, которая могла только похвалиться покровительствомъ, оказываемымъ ей императоромъ. То была m-me де-Жанлисъ. Дѣло въ томъ, что въ ней онъ не встрѣтилъ ни таланта, ни мнѣній, враждебныхъ себѣ. Она любила и превозносила революцію и съумѣла воспользоваться всѣми ея вольностями. Состарѣвшись, она стала чопорна и набожна, приверженна къ порядку, и подъ этимъ предлогомъ выражала глубокое восхищеніе къ Бонапарту. Это льстило ему; онъ назначилъ ей пенсію и позволилъ ей вступить въ переписку съ собой, въ которой она сообщала ему все, что считала полезнымъ, и все то, что онъ хотѣлъ знать о старомъ порядкѣ. Извлекая выгоду изъ восторговъ m-me де-Жанлисъ, Бонапартъ однако хорошо понималъ ее. Онъ высказалъ о ней при мнѣ довольно колкое сужденіе, говоря о той чопорности, какая замѣчалась во всѣхъ ея сочиненіяхъ: «Когда m-me де-Жанлисъ заговоритъ о добродѣтели, то всегда толкуетъ о ней, какъ о какомъ-то открытіи».

Проектъ развода съ Жозефиной всплывалъ на верхъ время отъ времени. M-me де-Ремюза посвящаетъ цѣлую главу тому, что происходило въ Фонтенбло съ 1807 по 1808 г. по дѣлу о разводѣ. Хотя императоръ въ послѣдніе годы напоминалъ женѣ объ этомъ проектѣ только въ тѣ минуты, когда ссорился съ нею, а эти случаи бывали рѣдки, благодаря ловкости и снисходительности императрицы, однако весьма вѣроятно, что онъ носилъ въ головѣ хотя, быть можетъ, смутный планъ такого развода. Смерть старшаго сына его брата, Луи, поразила его; его побѣды, усиливая его могущество, расширяли его понятія о величіи, и политика, также какъ и тщеславіе, побуждали его вступить въ родство съ кѣмъ-нибудь изъ европейскихъ государей. Сначала носился слухъ, что выборъ Наполеона остановился на дочери Саксонскаго короля; но эта принцесса не доставила бы ему тѣхъ родственныхъ узъ, какія могли бы расширить его власть на континентѣ. Король Саксонскій царствовалъ только потому, что Франція ему это позволила. Къ тому же, его дочери было тогда по крайней мѣрѣ тридцать лѣтъ и она совсѣмъ не была хороша собой. Бонапартъ, по возвращеніи изъ Тильзита, въ такихъ выраженіяхъ отзывался о ней, что совершенно успокоилъ жену. Но свиданіе въ Тильзитѣ не безъ основанія раздуло самолюбіе Наполеона. Восхищеніе, какое онъ внушилъ молодому царю, согласіе, данное послѣднимъ на нѣкоторые изъ его плановъ, главнымъ образомъ на расчлененіе королевства Испаніи, его снисходительность къ желаніямъ своего новаго союзника,—все могло содѣйствовать тому, что въ умѣ послѣдняго зародились нѣкоторые

Digitized by Google

планы касательно болѣе тѣснаго союза. Онъ, безъ сомнѣнія, открылся въ этомъ Талейрану, но не думаю, чтобы сообщилъ что-либо царю; и все это однако было отложено на болѣе или менѣе отдаленное будущее, смотря по обстоятельствамъ.

Императоръ вернулся во Францію. При сближеніи съ женой, въ немъ просыпалась та привязанность, какую она ему дѣйствительно внушала и которая порою очень стѣсняла его, такъ какъ заставляла его испытывать тягостное чувство, когда ему случалось сильно огорчить ее.

Однажды, говоря съ ней о раздорахъ между голландскимъ королемъ и его женой, о смерти юнаго Наполеона и о слабомъ здоровьѣ единственнаго ихъ сына, оставшагося въ живыхъ Луи, онъ заговорилъ съ ней о необходимости, въ какую онъ можетъ быть со временемъ поставленъ взять жену, отъ которой у него были бы дѣти.

Онъ съ чувствомъ толковалъ съ нею объ этомъ, говоря: — «Если бы подобное со мной случилось, Жозефина, то тебѣ слѣдуетъ помочь мнѣ принести эту жертву. Я буду разсчитывать, что твоя дружба облегчитъ для меня весь ужасъ такого насильственнаго разрыва. Ты возьмешь на себя иниціативу, не правда-ли? — и, войдя въ мое положеніе, сама рѣшишь на счетъ твоего убѣжища»?

Императрица слишкомъ хорошо знала характеръ своего супруга, чтобы впередъ облегчить ему какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ поступокъ, который она желала отложить во что бы что ни стало, а потому въ этомъ разговорѣ она не только не подала ему надежду, что облегчитъ ему своимъ образомъ дѣйствій разрывъ съ нею, но увѣряла его, что будетъ повиноваться его приказаніямъ и ни за что не станетъ предупреждать ихъ. Она дала этотъ отвѣтъ тѣмъ спокойнымъ и достойнымъ тономъ, какимъ умѣла говорить съ Бонапартомъ и какой производилъ свое дѣйствіе.

— Государь, сказала она ему (слѣдуетъ замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ сталъ царствовать, она привыкла, даже наединѣ съ нимъ, обращаться съ нимъ съ церемонной почтительностью), вы — господинъ, и сами рѣшите мою участь. Когда вы мнѣ прикажете покинуть Тюльери, я немедленно исполню ваше приказаніе; но я имѣю право разсчитывать хоть на то, что вы мнѣ прикажете это самымъ положительнымъ образомъ. Я — ваша жена, я была коронована вами въ присутствіи папы; такія почести стоятъ того, чтобы отъ нихъ добровольно не отказывались. Если вы разведетесь со мной, то вся Франція

Digitized by Google

узнаетъ, что вы сами прогнали меня, и что, повинуясь вамъ, я глубоко несчастна». Этотъ неизмѣнный отвѣтъ не сердилъ императора и даже повидимому трогалъ его, такъ какъ, возвращаясь въ различныхъ случаяхъ къ этому предмету, онъ часто плакалъ, и его повидимому въ самомъ дѣлѣ волновали противоположныя страсти.

М-me Бонапартъ, которая при немъ такъ хорошо владѣла собой, передавая мнѣ все это, выражала сильное безпокойство. Иногда она горько плакала; а иногда негодовала на неблагодарность такого разрыва. Она припоминала, что когда она вышла замужъ за Бонапарта, онъ считалъ себя весьма польщеннымъ союзомъ съ нею, и находила отвратительнымъ съ его стороны—отталкивать ее въ дни славы, послѣ того какъ она согласилась раздѣлить съ нимъ дни невзгоды. Ей случалось даже высказывать опасенія на счетъ своей личной безопасности. «Я никогда не уступлю ему, говорила она, я буду вести себя, какъ его жертва; но если я слишкомъ надоѣла ему, кто знаетъ, на что онъ способенъ и не захочетъ ли онъ отдѣлаться отъ меня». Когда она говорила такія вещи, я употребляла всѣ усилія, чтобы успокоить ея встревоженное воображеніе, которое увлекало ее слишкомъ далеко. Что бы я ни думала о легкости, съ какой Бонапартъ умѣлъ подчиняться политической необходимости, я не считала его способнымъ задумать и выполнить черные замыслы, въ какихъ она его тогда подозрѣвала.

Между тѣмъ мы переѣхали въ Фонтенбло. Праздники, присутствіе иностранныхъ принцевъ, и всего болѣе драма, какую готовилъ Бонапартъ для Испаніи, произвели диверсію, не позволявшую ему возвращаться къ старому сюжету, и сначала все шло довольно мирно.

Но вотъ двѣ или три недѣли спустя послѣ переѣзда въ Фонтенбло, однажды утромъ прибылъ министръ полиціи. Онъ долго пробылъ въ кабинетѣ императора и затѣмъ былъ приглашенъ съ нимъ обѣдать, что доставалось на долю немногимъ. За обѣдомъ Бонапартъ былъ очень веселъ. Не помню, въ какихъ развлеченіяхъ прошелъ вечеръ. Около полуночи всѣ разошлись, какъ вдругъ камеръ-лакей императрицы постучался въ мою дверь; когда моя горничная сказала ему, что я уже легла, онъ отвѣчалъ ей, что пусть я не встаю, но императрица проситъ моего мужа немедленно сойти къ ней. Онъ тотчасъ же отправился и нашелъ ее растрепанной, полу-раздѣтой, съ искаженнымъ лицомъ. Она отослала своихъ горничныхъ и, крича, что она погибла, подала мужу длинное письмо, написанное на бумагѣ

Digitized by Google

очень большого формата, подписанное самимъ Фушѐ. Въ этомъ письмѣ онъ, послѣ заявленій о своей давнишней преданности къ ней, увѣрялъ ее, что, именно вслѣдствіе этого чувства, онъ осмѣливается выставить ей на видъ ея положеніе и положеніе императора. Онъ представлялъ его могущественнымъ, достигшимъ апогея своей славы, безусловнымъ властелиномъ Франціи, но обязаннымъ передъ этой самой Франціей своимъ настоящимъ и будущимъ, которое она ему вручила: «Нельзя скрывать,—писалъ онъ,—что политическое будущее Франціи подвергается опасности, благодаря тому, что у императора нѣтъ наслѣдника. Какъ министръ полиціи, я имѣю возможность знать общественное мнѣніе, и знаю, что оно тревожится о престолонаслѣдіи имперіи. Представьте, какую степень силы имѣлъ бы въ настоящее время тронъ его величества, еслибъ онъ опирался на существованіе сына». Это преимущество пространно и искусно развивалось, какъ это было и легко сдѣлать. Затѣмъ Фушѐ говорилъ о борьбѣ, какая происходила въ императорѣ между супружеской нѣжностью и требованіями политики; онъ предвидитъ, что императоръ никогда не рѣшится на такую болѣзненную жертву, и поэтому онъ беретъ смѣлость посовѣтовать m-me Бонапартъ сдѣлать надъ собой мужественное усиліе и пожертвовать собою ради Франціи; онъ очень патетично описывалъ, какою славою покроетъ ее такой поступокъ и въ настоящее, и въ будущее время. Наконецъ, письмо оканчивалось самымъ положительнымъ увѣреніемъ, что императоръ ничего не знаетъ объ этой его попыткѣ, и онъ, Фушѐ, полагаетъ даже, что она ему не понравится, а потому онъ проситъ императрицу держать ее въ самой глубокой тайнѣ.

Можно легко добавить всѣ тѣ краснорѣчивыя фразы, какія украшали это письмо, написанное повидимому очень обдуманно.

Первою мыслью г. де-Ремюза́ было, что Фушѐ прибѣгнулъ къ такой попыткѣ не иначе, какъ съ согласія императора. Онъ, конечно, не сообщилъ этой идеи императрицѣ, которая, очевидно, старалась побѣдить подозрѣнія, осаждавшія ее. Но ея слезы и волненіе доказывали, что во всякомъ случаѣ она не разсчитывала на поддержку императора въ этомъ случаѣ: — Что́ мнѣ дѣлать? повторяла она:—какъ разсѣять эту бурю?.. — Совѣтую вамъ, отвѣчалъ г. де-Ремюза́, немедленно идти къ императору, если онъ еще не легъ спать, или же пойти къ нему завтра рано поутру. Помните, что онъ не долженъ знать, что вы съ кѣмъ-нибудь уже совѣтовались объ этомъ дѣлѣ. Прочитайте ему это письмо, наблюдайте за нимъ, если можете, но какъ бы то ни было, покажите ему, что васъ разгнѣвалъ этотъ косвенный

Digitized by Google

совѣтъ, и снова объявите ему, что вы послушаетесь только категорическаго приказанія, произнесеннаго имъ самимъ.

Императрица приняла этотъ совѣтъ; она попросила моего мужа разсказать все это Талейрану и передать ей то, что онъ объ этомъ скажетъ, а такъ какъ было уже поздно, то она отложила до утра свой разговоръ съ императоромъ.

Когда она показала ему письмо, онъ прикинулся сильно разгнѣваннымъ. Сталъ увѣрять ее, что по истинѣ ничего не зналъ объ этой попыткѣ; что Фушѣ на этотъ разъ выказалъ непрошенное усердіе, что если бы министръ не уѣхалъ уже въ Парижъ, то онъ сильно разбранилъ бы его; что, впрочемъ, онъ накажетъ его, если она этого пожелаетъ и даже лишитъ его поста министра полиціи, если она того потребуетъ. Онъ сопровождалъ это объясненіе горячими ласками; но онѣ не успокоили императрицу, и она разсказывала мнѣ днемъ, что императоръ имѣлъ смущенный видъ во время этого объясненія.

Между тѣмъ, мужъ мой и я, обсуждая случившееся, ясно видѣли, что Фушѣ дѣйствовалъ по приказанію свыше, и что если императоръ серьёзно подумываетъ о разводѣ, то совсѣмъ невѣроятно, чтобы Талейранъ сталъ противиться этому государственному перевороту. Каково же было наше удивленіе, когда мы увидѣли противное. Талейранъ внимательно выслушалъ насъ, какъ человѣкъ совершенно незнакомый съ тѣмъ, что происходило. Онъ нашелъ письмо Фушѣ неприличнымъ и смѣшнымъ; и прибавивъ, что мысль о разводѣ кажется ему никуда негодной, выразилъ то мнѣніе, что императрицѣ слѣдуетъ отвѣтить министру очень свысока: «что ему неприлично путаться въ такое дѣло, и что если когда-либо о томъ зайдетъ рѣчь, то безъ всякихъ посредниковъ». Императрица пришла въ восторгъ отъ этого совѣта; она составила вмѣстѣ со мной сухой и приличный отвѣтъ. Талейранъ прочиталъ, одобрилъ и посовѣтовалъ показать императору, говоря, что онъ не посмѣетъ не одобрить его. И такъ дѣйствительно и случилось; Бонапартъ, рѣшеніе котораго еще не созрѣло, продолжая разыгрывать ту же роль, сердился все сильнѣе и сильнѣе, произносилъ страшныя угрозы и такъ неустанно повторялъ женѣ, что онъ смѣститъ министра полиціи, если она того пожелаетъ, что Жозефина, мало-по-малу успокоенная, не чувствуя досады противъ того, кого уже больше не боялась, отвергла предложенное ей вознагражденіе, и сказала мужу, что онъ не долженъ лишать себя услугъ полезнаго ему человѣка и что достаточно его хорошенько побранить. Фушѣ пріѣхалъ въ Фонтенбло нѣсколько дней спустя. Въ присутствіи m-me Бона-

Digitized by Google

партъ, ея супругъ обошелся очень сухо съ министромъ; но этотъ послѣдній нисколько не смутился, и это еще болѣе утвердило меня въ мысли, что его поддерживаютъ свыше. Онъ снова повторилъ императрицѣ все, что ей писалъ; императоръ сообщилъ женѣ, что онъ говоритъ ему то же самое: — «это избытокъ усердія, говорилъ онъ, въ сущности нельзя на него за это сердиться. Довольно того, что мы не намѣрены послѣдовать его совѣтамъ и чтобы ты вѣрила, что я не могу жить безъ тебя». И эти самыя слова Бонапартъ повторялъ женѣ день и ночь. Онъ чаще прежняго посѣщалъ ее по ночамъ. Казался взволнованнымъ искренно, сжималъ ее въ объятіяхъ, плакалъ, клялся въ самой нѣжной любви, и во время этихъ сценъ, сначала, сдается мнѣ, притворно разыгрываемыхъ, онъ мало-по-малу невольно и искренно растрогивался.

Жена довѣряла мнѣ всѣ его слова, а я пересказывала ихъ Талейрану, продолжавшему учить, какъ слѣдуетъ императрицѣ вести себя. Всѣ его совѣты клонились къ устраненію развода, и онъ очень хорошо руководилъ m-me Бонапартъ.

Я не могла не выразить ему нѣкотораго удивленія на счетъ того, что онъ противится дѣлу высшей политики и принимаетъ семейную сторону вопроса. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что она вовсе не такая *семейная*, какъ мнѣ кажется. — Ни одинъ человѣкъ въ этомъ дворцѣ, говорилъ онъ мнѣ, не можетъ не желать, чтобы эта женщина оставалась при Бонапартѣ. Она кротка, добра; она умѣетъ его успокоивать; умѣетъ входить въ положеніе каждаго человѣка. Она въ тысячѣ случаевъ служитъ намъ прибѣжищемъ. Если сюда прибудетъ какая-нибудь принцесса, то вы увидите, что императоръ порветъ со всѣмъ дворомъ, и что всѣ мы будемъ раздавлены.

Говоря такимъ образомъ, Талейранъ умѣлъ убѣдить меня, что онъ высказываетъ настоящую причину, руководящую имъ въ этомъ случаѣ; а между тѣмъ, онъ говорилъ неискренно и не открывалъ мнѣ всего своего секрета. Повторяя мнѣ, что необходимо столковаться на счетъ мѣръ для устраненія развода, онъ выспрашивалъ меня: что со мной будетъ, если бы, паче чаянія, императоръ развелся съ женой. Я отвѣчала ему, что, ни минуты не колеблясь, послѣдовала бы за своей императрицей.—Но, спрашивалъ онъ, развѣ вы ее такъ любите?—Разумѣется, отвѣчала я; я къ ней привязана, хотя и хорошо знаю ее, знаю, что она легкомысленна и мало способна на прочную привязанность; но въ этомъ случаѣ я послѣдовала бы не столько влеченію своего сердца, сколько приличіямъ. Я поступила къ здѣшнему двору

Digitized by Google

черезъ посредство m-me Бонапартъ; я всегда слыла ея самымъ близкимъ другомъ; я всегда бывала ея повѣренной, и хотя она слишкомъ озабочена своимъ положеніемъ, чтобы любить меня, хотя она бросала меня и снова сближалась со мной, смотря по тому, какъ ей это было удобно, но публика, которая не можетъ знать тайныхъ пружинъ нашихъ отношеній и которой я ихъ не повѣдаю, будетъ удивляться, я увѣрена въ томъ, если я не раздѣлю ея изгнанія.—Но, говорилъ Талейранъ, вы, такимъ образомъ, добровольно поставите себя и своего мужа въ непріятное положеніе; быть можетъ, вамъ придется разстаться и во всякомъ случаѣ вы испытаете пропасть мелкихъ затрудненій, за которыя она, конечно, васъ не вознаградитъ.—Я ее такъ же хорошо знаю, какъ и вы, говорила я на это, знаю, что она непостоянна и даже перемѣнчива. Я предвижу, что въ такомъ случаѣ она сначала будетъ мнѣ благодарна за мою преданность, но что вскорѣ она привыкнетъ къ ней и забудетъ о ней и думать. Но ея характеръ не помѣшаетъ мнѣ поступить согласно моему характеру, и я сдѣлаю все, что̀ слѣдуетъ, не дожидаясь награды.

И дѣйствительно, говоря о разводѣ съ императрицей, я обѣщала ей оставить дворъ, если она сама когда-нибудь оставитъ его. Г. де-Ремюза, раздѣляя мои взгляды на этотъ счетъ, хотя и понималъ, что мое рѣшеніе можетъ навлечь на насъ непріятность, но это соображеніе не останавливало его, и онъ подтвердилъ императрицѣ, что моя преданность не измѣнитъ ей въ невзгодѣ, если таковая когда-либо ее настигнетъ.

Разскажу теперь, что̀ я узнала о мотивахъ, побудившихъ министра полиціи и Талейрана вести себя такъ, какъ я разсказала выше.

Фушѐ, обвороженный m-me Мюра̀ть, вынужденъ былъ поэтому самому порвать съ такъ-называемой партіей Богарне. М-me Мюра̀ть, ненавидѣвшая свою невѣстку, серьёзно помышляла о томъ, чтобы низвести ее съ престола. Самолюбію ея льстила мысль о союзѣ съ какой-нибудь европейской принцессой, и она часто говорила императору льстивыя рѣчи по этому поводу. Фушѐ полагалъ, что было бы полезно новой династіи опереться на прямого наслѣдника; онъ слишкомъ хорошо зналъ Бонапарта, чтобы не предвидѣть, что рано или поздно государственныя причины возьмутъ у него верхъ надъ всякими другими соображеніями; онъ боялся, что его устранятъ отъ этого дѣла, входившаго въ сферу обязанностей Талейрана, и желалъ отнять у послѣдняго всю честь и выгоду этого замысла. Съ этимъ на-

Digitized by Google

мѣреніемъ онъ рѣшился заговорить съ императоромъ о столь важномъ пунктѣ. Найдя, что тотъ готовъ его слушать, онъ съумѣлъ вырвать у него приказаніе или по крайней мѣрѣ согласіе на роль посредника въ этомъ дѣлѣ между императоромъ и императрицею. Онъ пошелъ далѣе: онъ заставилъ заговорить общественное мнѣніе, посредствомъ полицейскихъ путей; онъ заставилъ толковать о разводѣ въ парижскихъ кофейняхъ, гдѣ вдругъ принялись обсуждать необходимость для императора имѣть наслѣдника. Эти рѣчи, вызванныя самимъ Фушѐ, дошли до императора путемъ полицейскихъ докладовъ, и императоръ вообразилъ, что публика гораздо болѣе занята этимъ обстоятельствомъ, чѣмъ то было въ дѣйствительности. По возвращеніи изъ Фонтенбло, Фушé сказалъ даже императору: общественное мнѣніе настолько возбуждено въ Парижѣ, что весьма возможно, что толпа народа соберется подъ его окнами, съ цѣлью просить его о вступленіи въ другой бракъ. Эта мысль сначала очень поразила императора, но Талейранъ очень искусно съумѣлъ обойти ее.

Талейранъ въ глубинѣ души былъ не противъ развода; но съ своей стороны желалъ устроить его въ свое время, съ величіемъ и пользою. Онъ скоро увидѣлъ, что усердіе Фушé клонится лишь къ тому, чтобы отнять у него пальму первенства въ этомъ дѣлѣ, и рѣшилъ, что не потерпитъ, чтобы посторонняя интрига вытѣснила его изъ его области. Франція заключила тѣсный союзъ съ Россіей; но Талейранъ, отлично знавшій состояніе дѣлъ въ Европѣ, считалъ необходимымъ надзирать за Австріей и, быть можетъ, уже тогда находилъ, что болѣе тѣсный союзъ съ этой державой будетъ намъ въ сущности болѣе полезенъ. Къ тому же, онъ зналъ, что императрица Марія Ѳеодоровна не раздѣляла иллюзій царя и не соглашалась дать намъ въ императрицы одну изъ своихъ дочерей.

Поэтому весьма возможно, что за поспѣшнымъ разводомъ не послѣдовалъ бы столь же поспѣшный бракъ, и императоръ попалъ бы въ непріятное положеніе. Къ тому же, испанская каша готова была завариться и привлечь вниманіе Европы; не время было затѣвать два предпріятія, требовавшихъ каждое особеннаго вниманія. Вотъ безъ сомнѣнія причины, заставившія Талейрана идти наперекоръ Фушé и временно поддерживать интересы m-me Бонапартъ. Ни она, ни я, мы не были настолько проницательны, чтобы проникнуть въ его мотивы, и я ихъ узнала впослѣдствіи. Г. де-Ремюзá съ меньшимъ довѣріемъ относился къ преданности Талейрана, которая меня въ немъ восхищала; но

Digitized by Google

онъ заключилъ, что все же надобно ею воспользоваться, и, одушевленные различными намѣреніями, мы преслѣдовали одну общую цѣль.

Итакъ, въ эпоху, проведенную императоромъ въ Парижѣ, въ промежутокъ времени между краткимъ путешествіемъ въ Италію и въ Байонну, Фушé постоянно осаждалъ Бонапарта и оглушалъ его народными толками, и вотъ почему Талейранъ воспользовался удобнымъ моментомъ, чтобы представить ему, что въ этомъ дѣлѣ министръ полиціи направляетъ его на ложный путь. «Онъ былъ и вѣчно останется дѣятелемъ революціи, говорилъ онъ. Вглядитесь хорошенько, вѣдь онъ опять нытается мятежнымъ способомъ привести васъ къ такому поступку, который слѣдуетъ совершить лишь при совершенно монархической обстановкѣ. Онъ хочетъ, чтобы чернь, собранная, быть можетъ, по его приказанію, пришла бы вопить подъ вашими окнами и требовать отъ васъ наслѣдника съ тѣми же угрозами, которыми у Людовика XVI вырывали Богъ знаетъ какія уступки. Разъ вы пріучите народъ вмѣшиваться въ ваши дѣла такимъ путемъ, можете ли вы быть увѣрены, что онъ не увлечется этимъ и что его не будутъ подсылать къ вамъ и съ другими требованіями? Къ тому же, никто не повѣритъ въ эти сборища, и васъ же обвинятъ въ томъ, что вы ихъ созвали».

Эти замѣчанія поразили императора, и онъ приказалъ Фушѣ угомониться. Съ этой минуты въ кофейняхъ перестали заниматься разводомъ, и національное желаніе какъ будто охладѣло. Императоръ указалъ на это обстоятельство женѣ, и она немного успокоилась. Но все же онъ продолжалъ волноваться; бесѣды ихъ были неловкія, продолжительное безмолвіе прерывало ихъ. Онъ часто заговаривалъ о неудобствѣ не имѣть прямого потомства для основанія династіи. Онъ говорилъ, что не знаетъ, на что рѣшиться, и безъ сомнѣнія переживалъ сильную внутреннюю борьбу.

Онъ всего охотнѣе довѣрялся Талейрану, который передавалъ мнѣ отчасти ихъ разговоры. — «Если я разведусь съ женой, говорилъ онъ, то, во-первыхъ, лишусь того спокойствія, какимъ ей обязанъ въ своей семейной жизни. Мнѣ нужно будетъ изучать вкусы и привычки новой и молодой жены. А эта жена моя вполнѣ подчиняется моей волѣ и хорошо знаетъ меня. Наконецъ, я отплачу ей неблагодарностью за все, что она для меня сдѣлала; я и безъ того мало любимъ, а тутъ буду еще меньше. Она служитъ звеномъ между мною и многими людьми,

Digitized by Google

она привлекаетъ на мою сторону часть парижскаго общества, которое отъ меня тогда отшатнется.

Послѣ такихъ сожалѣній наступали государственныя соображенія, заставлявшія Талейрана увѣрять мужа, что онъ убѣжденъ, что всѣ эти колебанія сгушуются въ одинъ прекрасный день передъ политикой, что можно отдалить разводъ, но нельзя надѣяться навѣки устранить его. Онъ заканчивалъ увѣреніями, что отнюдь не поощряетъ императора къ разводу и совѣтовалъ императрицѣ не отступать отъ принятой ею системы. Мы обѣщали другъ другу, Ремюза и я, скрывать отъ m-me Бонапартъ эти сообщенія, которыя могли бы пробудить въ ней тревогу, и подвинуть ее на какіе-нибудь ложные шаги, а пуще всего мы не считали полезнымъ внушать ей недовѣріе къ Талейрану, которому не было рѣшительно никакого интереса ей вредить, и котораго она могла разсердить неосторожнымъ словомъ.

Незадолго до отъѣзда въ Байонну, по этому поводу произошло новое объясненіе, которое покажетъ какимъ противоположнымъ вліяніямъ поддавался иногда императоръ, несмотря на всю свою силу и свой своевольный нравъ. Въ одно утро, Талейранъ, встрѣтивъ г. де-Ремюза при выходѣ изъ кабинета императора, сказалъ ему, садясь въ карету: «—Я думаю, что вашей женѣ придется раньше, чѣмъ она думаетъ, пережить то горе, котораго она такъ опасается. Я вижу, что императоръ опять серьёзно думаетъ о разводѣ; онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, какъ о дѣлѣ почти рѣшенномъ, и мы всѣ хорошо сдѣлаемъ, если примиримся съ этимъ и перестанемъ оказывать безполезную оппозицію».

Мой мужъ передалъ мнѣ эти слова, и они меня глубоко огорчили. Вечеромъ при дворѣ было собраніе, но я только что лишилась матери и не выѣзжала въ свѣтъ. Г. де-Ремюза отправился во дворецъ, чтобы присмотрѣть за спектаклемъ, который тамъ шелъ. Покои дворца были биткомъ набиты гостями. Принцы, посланники, царедворцы, всѣ долго ждали. Вдругъ отданъ былъ приказъ начинать спектакль, не дожидаясь ихъ величествъ, которые не будутъ, такъ какъ императору нездоровится. Праздникъ прошелъ довольно скучно, и всѣ разъѣхались при первой возможности. Талейранъ и г. де-Ремюза, прежде чѣмъ уйти, пошли во внутренніе покои императора, и тамъ узнали, что онъ съ восьми часовъ удалился въ спальню съ женой, заперъ комнату и запретилъ входить въ нее до завтра.

Талейранъ ушелъ съ легкимъ жестомъ досады. — Что за дьявольскій нравъ у императора,—сказалъ онъ,—вѣчно отдается первому движенію и самъ не знаетъ, чего хочетъ. Ну, такъ

Digitized by Google

пускай же самъ и рѣшаетъ, какъ ему быть, и не дѣлаетъ насъ игрушками своихъ прихотей, такъ что не знаешь наконецъ какъ съ нимъ держать себя.

Императрица приняла на другой день моего мужа и разсказала ему, что пришла къ Бонапарту въ шесть часовъ, чтобы обѣдать, и нашла его очень печальнымъ, молчаливымъ, такъ что во весь обѣдъ онъ не сказалъ ни слова; послѣ обѣда она оставила его и пошла одѣваться къ вечеру; но за ней пришли, говоря, что императоръ чувствуетъ себя нездоровымъ. Она нашла его страдающимъ отъ сильныхъ судорогъ въ желудкѣ и въ нервномъ припадкѣ. Увидя ее, онъ не могъ удержать слезъ и, привлекая ее на постель, гдѣ лежалъ, не обращая вниманія на ея нарядный туалетъ, онъ сталъ обнимать ее, повторяя:

«Моя бѣдная Жозефина, я не могу тебя покинуть!» Она прибавила, что его состояніе внушало ей скорѣе сожалѣніе, нежели растрогало ее, и она нѣсколько разъ повторила ему: «государь, успокойтесь, скажите себѣ, наконецъ, чего вы желаете, и прекратимъ всѣ эти сцены». Но отъ ея словъ припадокъ Бонапарта усилился, и ему стало наконецъ такъ дурно, что она убѣдила его не показываться публикѣ и лечь въ постель. Наконецъ, онъ согласился, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы и она немедленно легла вмѣстѣ съ нимъ, и вотъ ей пришлось снять свое нарядное платье и раздѣлить его ложе, которое, говорила она, онъ буквально обливалъ слезами, безпрестанно повторяя: «Они пристаютъ ко мнѣ, они надоѣдаютъ мнѣ, мучаютъ меня». Ночью онъ попеременно то нѣжничалъ, то спалъ. Послѣ того успокоился и пересталъ волноваться.

Такимъ образомъ, императрица переходила отъ надежды къ страху; она не довѣряла этимъ патетическимъ сценамъ, она утверждала, что Бонапартъ слишкомъ быстро переходитъ отъ нѣжности къ упрекамъ и обвиненіямъ въ любовныхъ интригахъ, и тому подобное, что онъ хочетъ утомить ее, хочетъ, чтобы она заболѣла, можетъ быть хуже того, потому что, какъ я уже сказала, ея воображеніе не отступало ни передъ какими ужасами. Словомъ, она вѣрила, что онъ мучитъ ее на всѣ лады для того, чтобы отбить охоту жить съ нимъ. И несомнѣнно, что изъ разсчета или же потому, что самъ безпокоился, онъ ей не давалъ покоя, и она чуть-чуть не заболѣла серьёзно. Что касается Фушѐ, то онъ рѣшилъ громко толковать о разводѣ съ императрицей, со мной, со всѣми, говоря, что пускай его прогонятъ, если хотятъ, но что это не помѣшаетъ ему совѣтовать то, что́ полезно. Талейранъ слушалъ его въ презрительномъ

Digitized by Google

или насмѣшливомъ молчаніи и предоставлялъ всѣмъ думать, что онъ противится разводу. Бонапартъ глядѣлъ на все это, не порицая ни того, ни другого. Дворъ нашъ старался болѣе обыкновеннаго хранить безмолвіе, потому что ничто не показывало, чью сторону изъ этихъ высокопоставленныхъ лицъ слѣдуетъ принять. Среди этихъ смятеній, разразились трагическія событія въ Испаніи—и мысль о разводѣ была отложена.

М-me де-Ремюза́ не довела своихъ записокъ до конца царствованія Наполеона, и нельзя не пожалѣть, что смерть помѣшала ей разсказать хотя бы исторію развода, наконецъ совершившагося, и вторичный бракъ Наполеона. Мы взяли изъ ея записокъ все, что́ касалось внутренней, интимной жизни Наполеона, оставивъ въ сторонѣ разсказы о внѣшнихъ, политическихъ дѣлахъ и событіяхъ, потому что послѣдніе передаются лучше и полнѣе многими другими писателями и спеціалистами историками.

Гораздо интереснѣе казались намъ, въ данномъ случаѣ, тѣ мелкія черты, замѣчанія, касающіяся непосредственно личности самого Наполеона, которыми изобилуютъ записки наблюдательной и умной свидѣтельницы дѣяній Наполеона, почти съ первыхъ шаговъ его на томъ поприщѣ, на которомъ онъ съумѣлъ заполонить весь міръ, если не матеріально, то нравственно, и стать на долгое время «властителемъ душъ» многихъ и многихъ людей, болѣе великихъ нравственно, чѣмъ онъ самъ. Записки m-me де-Ремюза́, несмотря на ихъ отчасти обличительный характеръ, все же объясняютъ то обаяніе, какое имѣлъ умъ и характеръ Наполеона и его необыкновенная судьба, какъ для современниковъ, такъ и для позднѣйшихъ людей.

А. Э.

Digitized by Google

РУИНА

Историческая монографія

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

Гетманство Самойловича [1]).

1672—1687 гг.

I.

Предварительное совѣщаніе въ Батуринѣ старшинъ казацкаго сословія объ избирательной радѣ. — Челобитная ихъ, посланная въ приказъ съ Лисенкомъ. — Сѣрко схваченъ въ полтавщинѣ. — Распоряженія въ Москвѣ о предстоящей радѣ. — Смятеніе въ Малороссіи 26-го мая. — Ромодановскій идетъ въ Малороссію. — Толки о мѣстѣ отправленія рады. — Избирательная рада въ Казачей Дубровѣ. — Извѣстіе о рожденіи Петра Алексѣевича. — Избраніе въ гетманы Ивана Самойловича. — Отправка Сѣрка въ Москву. — Выборъ нѣкоторыхъ новыхъ старшинъ.

Въ апрѣлѣ 1672 года, по возвращеніи изъ Москвы Карпа Мокріевича, собрались въ Батуринѣ значные люди казацкаго

*) См. выше: 1879 г., апр., май, іюнь, авг. и сент., 5 стр.

[1]) Въ настоящей части „Руины", кромѣ источниковъ поименованныхъ при началѣ сочиненія („Вѣст. Евр.", апрѣль, 1879 г.), служили еще:

А. З. Р. Акты Западной Россіи, томъ V.

Митр. Евг. Митрополитъ Евгеній. Описаніе Кіевскаго Софійскаго собора.

П. Лаз. Бар. Письма Лазаря Барановича, изданныя въ Черниговѣ въ 1865 году.

Сим. Сбор. Симбирскій Сборникъ.

Тум. Туманскій. Собраніе разныхъ записокъ объ исторіи Петра Великаго.

Star. Pol. Starożytnoście Polskie. Ambrożego Grabowskiego.

Digitized by Google

сословія — генеральные старшины, полковники, полковые старшины, атаманы и войсковые товарищи. Они порѣшили просить государя, чтобъ избирательная рада была устроена безъ участія простыхъ казаковъ и поспольства для того, какъ сказано было въ челобитной, чтобъ «отъ великаго совокупленія поспольства не повстало какое нибудь смятеніе». Съ этой батуринской предварительной рады отправился въ Москву отъ всего войска запорожскаго бывшій черниговскій полковникъ Иванъ Лисенко со статьями, имѣвшими значеніе условій, на которыхъ желали избрать новаго гетмана. Не мало было въ этихъ статьяхъ такого, что должно было показаться угоднымъ Москвѣ. Старшины просили, чтобъ безъ царской воли гетманъ, не совѣтуясь со старшинами, не писалъ къ иностраннымъ владѣтелямъ и не велъ съ ними изустныхъ сношеній черезъ пересылки. До сихъ поръ московское правительство всегда отказывало мѣстной малороссійской власти въ правѣ сноситься съ посторонними державами, чего напрасно добивались малороссіяне; теперь они сами объ этомъ просили и ужъ, конечно, безъ всякой необходимости, а единственно изъ угодливости московскимъ видамъ. Старшины въ своей челобитной изъявляли желаніе, чтобы будущій гетманъ не иначе могъ наказывать казаковъ и посполитыхъ, какъ по приговору войскового суда: это становилось правиломъ для того, чтобы не повторялось то, что дозволялъ себѣ дѣлать самовольно отрѣшенный гетманъ. Наконецъ, старшины просили: если бы даже и на той избирательной радѣ, гдѣ заранѣе примутся мѣры къ предупрежденію смутъ удаленіемъ казацкой черни и поспольства, возникъ бы какой-нибудь безпорядокъ, то царскіе ратные люди, которые прибудутъ съ царскими боярами, обороняли бы старшинъ.

Вмѣстѣ съ челобитною, Лисенко привезъ въ Москву извѣстіе о Сѣркѣ. Служа, какъ видѣли мы, въ послѣднее время польскому королю и признавая гетманомъ поставленнаго отъ Рѣчи Посполитой Ханенка, Сѣрко между Днѣпромъ и Бугомъ на рѣкѣ Куяльникѣ разбилъ отрядъ бѣлогородскихъ татаръ, оставленныхъ Дорошенкомъ на зимовкѣ въ Украйнѣ, взялъ въ плѣнъ мурзу и везъ въ Курскъ для доставленія Ромодановскому. Въ мѣстечкѣ Новомъ-Санжаровѣ полтавскаго полка задержалъ его полтавскій полковникъ Ѳедоръ Жученко, мурзу отправилъ въ Полтаву въ тюрьму, а Сѣрка окованнаго самъ повезъ въ Батуринъ [1]). Жученко показалъ, что самъ слышалъ, какъ Сѣрко при многихъ товарищахъ въ Санжаровѣ говорилъ, что пришелъ

[1]) А. Ю. и З. Р., т. IX, стр. 893.

Digitized by Google

на лѣвый берегъ Днѣпра съ намѣреніемъ склонить на сторону польскаго короля и подчинить Ханенку города полковъ полтавскаго и гадяцкаго, надѣясь, что у него тамъ найдутся благожелатели. Какъ показываютъ многія черты послѣдующей жизни Сѣрка, онъ, услышавши, что въ лѣвобережной Украйнѣ не стало гетмана, спѣшилъ туда съ надеждою быть выбраннымъ въ гетманы.

Въ первыхъ числахъ мая начались въ Москвѣ распоряженія о предстоявшей въ Малороссіи избирательной радѣ. По челобитью малороссійскихъ старшинъ, поручено присутствовать при выборѣ новаго гетмана боярину князю Ромодановскому и думному дворянину Ивану Ивановичу Ржевскому съ дьякомъ, восемью дворянами, переводчикомъ и четырьмя подъячими; указано было изготовить для рады царскій шатеръ и повозки подъ царскую казну для подарковъ новоизбранному гетману и старшинамъ. 18-го мая, Ромодановскій получилъ отпускъ съ надлежащимъ наказомъ: Ромодановскій долженъ былъ прежде всего объявить царскую похвалу старшинамъ за то, что не пристали къ измѣнническимъ замысламъ Демка, а затѣмъ сообщить, что прежнія статьи, постановленныя въ Глуховѣ при выборѣ Многогрѣшнаго, могутъ быть признаны и теперь самостоятельными. Къ архіепископу Лазарю Барановичу послана была царская грамота, въ которой указывалось ему участвовать на предстоящей избирательной радѣ. 25-го мая, Ромодановскій двинулся въ путь.

Между тѣмъ къ Батурину 26-го мая приступила многолюдная толпа малороссіянъ, какъ говорили—числомъ до 400. Они послали изъ своей среды въ городъ къ обозному и судьямъ такое слово:

— Прежняго гетмана нашего вы невѣдомо куда дѣли, а нынѣ у насъ нѣтъ гетмана. Мы пришли къ Батурину и стоимъ въ полѣ для гетманскаго обиранія, выходите къ намъ на раду.

Обозный отвѣчалъ:

— Мы въ поле къ вамъ на раду выходить не смѣемъ безъ царскаго указа. Вотъ пріѣдетъ изъ Москвы царскій бояринъ, тогда соберется рада и выберутъ новаго гетмана.

Посланные въ городъ малороссіяне ходили къ Григорію Неѣлову, какъ къ начальнику московской ратной силы въ Батуринѣ и говорили ему:

— Выходи къ намъ и веди съ собою генеральныхъ старшинъ; пусть и войсковые клейноты несутъ.

Неѣловъ далъ имъ такой же уклончивый отвѣтъ, какъ и обозный, но, замѣтивши, что въ Батуринѣ стали появляться но-

Digitized by Google

вых лица, приказалъ запереть батуринскій замокъ и не пускать туда никого изъ прохожихъ. Сами старшины послали къ Ромодановскому просить, чтобъ онъ поспѣшилъ съ царскою ратью, иначе народъ побьетъ ихъ, разсердившись за то, что они не поѣхали въ поле на раду. Ромодановскій писалъ тогда въ Москву, что между самими старшинами, какъ приходили къ нему извѣстія, «стало безсовѣстно» [1]). Въ Москвѣ тогда полученъ былъ откуда-то слухъ, что въ Малороссіи есть желаніе выбрать въ гетманы Сѣрка, что болѣе всего хочетъ этого чернь, но отъ такой мысли не прочь и нѣкоторые старшины. Но выборъ Сѣрка въ гетманы вовсе не былъ желателенъ московскому правительству: Сѣрку настолько не вѣрили, чтобъ допустить его сдѣлаться главою всѣхъ казаковъ, подвластныхъ московскому государю. Въ Москвѣ знали и понимали Сѣрка: истинный запорожецъ, онъ не отличался постоянствомъ и легко могъ идти за всякимъ увлеченіемъ, какъ это и доказывалъ прежнею жизнью; когда-то, наравнѣ со всѣмъ малороссійскимъ народомъ, былъ онъ заклятымъ врагомъ поляковъ и вѣрно служилъ православному царю, когда у послѣдняго шла война съ Польшею, потомъ приставалъ къ Дорошенку, отставалъ отъ него, держался Суховѣенка и Ханенка, потомъ вслѣдъ за Ханенкомъ присталъ къ полякамъ, и теперь, разсчитывая на свою богатырскую славу въ народѣ, началъ думать о гетманствѣ подъ царскою рукою.

Со стороны Москвы было бы непростительнымъ неблагоразуміемъ мирволить честолюбивымъ желаніямъ такого ненадежнаго человѣка, и 9-го іюня посланъ былъ старшинамъ, управлявшимъ временно Малороссіею, указъ препроводить въ Москву Сѣрка за карауломъ.

Прибывши 9-го іюня въ Путивль, Ромодановскій извѣстилъ старшинъ о своемъ вступленіи въ Малороссію черезъ харьковскаго полковника Захарьяшевича. Старшины 12-го іюня выступили изъ Батурина въ Конотопъ и оттуда послали къ боярину кіевскаго полковника Солонину представить, что радѣ отправляться въ Конотопъ затруднительно — потому, что около города казацкое войско вытравило всю степь, и царскіе ратные люди, не находя конскаго корма кругомъ верстъ на десять, выпасутъ засѣянные на нивахъ хлѣба, отчего конотопскимъ жителямъ станется великое разореніе. Поэтому лучше учинить раду гдѣ-нибудь между Конотопомъ и Путивлемъ.

На это Ромодановскій далъ такой отвѣтъ:

---

[1]) Ibidem, 897.

Digitized by Google

— Намъ данъ царскій указъ быть радѣ въ Конотопѣ. Мы пойдемъ къ Конотопу.

Отпустивши Солонину, Ромодановскій переправился черезъ Сеймъ и остановился на пути между Конотопомъ и Путивлемъ, близъ мѣстечка Казачей-Дубровы, въ 15 верстахъ отъ Путивля, на берегу рѣчки Красени въ концѣ стараго окопа, окружавшаго Казачью-Дуброву. Здѣсь явился къ нему прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко и сказалъ:

— Вся генеральская старшина и полковники желаютъ, чтобъ радѣ быть въ Казачьей-Дубровѣ; они сюда придутъ къ тебѣ, боярину, «въ сходъ».

Ромодановскій отвѣчалъ:

— Мнѣ по царскому указу велѣно раду чинить и новаго гетмана выбрать въ Конотопѣ, а не въ Казачьей-Дубровѣ.

Видно, боринъ хотѣлъ буквально держаться царскаго указа и, отпустивши Горленка, уже снова двинулся въ дальнѣйшій путь, какъ вдругъ, когда онъ отошелъ три версты отъ Казачьей-Дубровы, встрѣтили его всѣ генеральные старшины и стали бить челомъ боярину, чтобъ онъ отправилъ раду здѣсь же, не ходя до Конотопа.

Бояринъ имъ сказалъ:

— Хотя царскій указъ велитъ учинить раду въ Конотопѣ, но пусть будетъ по-вашему: учинимъ раду въ Казачьей-Дубровѣ.

Прежде выставленная причина, почему не желаютъ отправленія рады въ Конотопѣ, была только предлогомъ, но кажется старшины думали избѣжать многолюдства, которое въ Конотопѣ было неизбѣжно, какъ бы только народъ изъ окрестностей услыхалъ о радѣ. Старшинамъ хотѣлось совершить выборъ новаго гетмана какъ возможно незамѣтнѣе для народной громады. Они воспользовались тѣмъ, что могли встрѣтить боярина не на малороссійской землѣ и тамъ отправить выборъ новаго гетмана. Вѣроятно, и Ромодановскій склонился на такое соображеніе, чтобъ избѣжать волненій, подобныхъ тѣмъ, какія остались въ памяти отъ нѣжинской черной рады, на которой избранъ былъ Брюховецкій. Старшинамъ такъ хотѣлось поторопиться съ выборомъ, что они упросили боярина открыть раду, не дожидаясь пріѣзда архіепископа Лазаря Барановича. Ромодановскій согласился и на это ихъ челобитье, потому что сперва пришлось бы толковать о статьяхъ, а потомъ уже, на другой день, совершался бы выборъ, и къ тому времени успѣлъ бы пріѣхать архіепископъ. Ясно, что старшины сильно боялись народнаго стеченія и потому изъ кожи лѣзли, чтобъ совершить свое дѣло поскорѣе.

Digitized by Google

Ромодановскій приказалъ поставить государевъ шатеръ, пригласивъ туда старшинъ и полковниковъ; полы шатра были отвернуты; за шатромъ стояли строемъ казаки, пріѣхавшіе со старшинами въ числѣ отъ трехъ до четырехъ тысячъ: они могли видѣть, что происходитъ въ шатрѣ и съ дозволенія боярина и старшинъ принимать участіе въ выборѣ, насколько нужно.

Прежде всего боярин отъ царскаго имени спросилъ старшинъ и все войско о здоровьѣ. Старшины ударили челомъ за такую государскую милость и съ своей стороны спрашивали о здоровьѣ великаго государя. Ромодановскій произнесъ имъ рѣчь по наказу и окончилъ ее словами:

«Великій государь жалуетъ васъ по прежнимъ глуховскимъ статьямъ; ваши права и вольности никогда нарушены не будутъ, и вы бы всѣ прежнія статьи подтвердили и новыя, какія вамъ къ прежнимъ будутъ надобны, становили».

По приказанію боярина прочтены были вслухъ прежнія глуховскія и новосоставленныя добавочныя статьи. Тогда обозный Забѣла сказалъ:

— Мы довольны статьями глуховскими, и всѣ намъ надобны, кромѣ 22-й статьи, гдѣ написано, чтобъ учинить полковника и при немъ тысяча человѣкъ компаніи, чтобы унимать своевольцевъ, буде гдѣ проявятся и начнутъ измѣну и шатость. Но отъ такихъ компаній чинятся жителямъ малороссійскихъ городовъ, селъ и деревень, разоренія и обиды, и мы просимъ: пожаловалъ бы насъ великій государь, указалъ компаніямъ впередъ не быть ни у гетмана, ни у полковниковъ.

Дѣйствительно, при Многогрѣшномъ, пользуясь разрѣшеніемъ завести компанейскій полкъ, малороссійскіе полковники позаводили у себя въ полкахъ особыя компаніи, и такимъ образомъ Малороссіи угрожало въ будущемъ образованіе иного войска, кромѣ казацкаго, хотя зависѣвшаго отъ лицъ облеченныхъ властію надъ казачествомъ, но состоявшаго бо́льшею частію изъ охотниковъ и въ томъ числѣ иноземцевъ. Въ видахъ высшаго правительства едва ли могло быть желательнымъ подобное явленіе въ присоединенномъ къ государству краѣ.

— Будетъ по вашему челобитью, — произнесъ Ромодановскій, — и съ своей стороны указалъ на требуемыя измѣненія въ глуховскомъ договорѣ. Онъ говорилъ: въ 17-ой статьѣ глуховскаго договора указано, чтобъ на съѣздахъ царскихъ пословъ съ послами польскаго короля быть вашимъ посланцамъ для прислушиванія вашихъ украинскихъ дѣлъ. Но когда въ Москвѣ съѣзжались польскіе королевскіе послы съ боярами царскаго величества, а

Digitized by Google

отъ васъ посланъ былъ Константинъ Солонина, то польскіе королевскіе послы объявили, что отъ ихъ государя нѣтъ имъ полномочья допускать вашего посланца на съѣздъ. Впередъ бы вамъ своихъ посланцевъ на посольскіе съѣзды не посылать, чтобъ не было вамъ убытковъ и затрудненій посольскому дѣлу. Великій государь пожалуетъ васъ, велитъ увѣдомлять письмами, когда на посольскихъ съѣздахъ о вашихъ дѣлахъ вспоминъ будетъ или договоръ состоится.

— Во всемъ полагаемся на волю великаго государя,—отвѣтили старшины.

Тутъ неожиданно прискакалъ изъ Москвы гонецъ и подалъ боярину царскую грамоту. Прочитавши ее, Ромодановскій во всеуслышаніе сказалъ:

«Великому государю, его царскому величеству учинилась радость: въ нынѣшнемъ 180 году, мая въ 30 день, за молитвъ св. отецъ, даровалъ Богъ государю нашему сына, а намъ великаго государя царевича и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи. Имянины его, государевы, іюня въ 29 день».

Старшины произнесли поздравленіе. Ромодановскій обратился снова къ своему дѣлу и спросилъ:

— Какія иныя новыя статьи становить желаете—объявите.

Обозный отъ лица всѣхъ отвѣтилъ:

— Никакихъ иныхъ новыхъ статей у насъ не будетъ.

— Такъ приходите —сказалъ Ромодановскій — завтра, іюня 17-го, къ государеву шатру для выбора гетмана. Вамъ былъ посланъ указъ, чтобъ вы отправили въ Москву Сѣрка и съ нимъ плѣннаго мурзу Дигмамета, но вы ихъ до сихъ поръ не отправили.

— Ожидали твоего къ намъ боярскаго пріѣзда — сказалъ обозный.

— Сегодня—сказалъ Ромодановскій—отправлю ихъ съ приставомъ.

Сѣрко былъ заранѣе привезенъ сюда и теперь выданъ Ромодановскому, который отправилъ его тотчасъ въ столицу.

17 іюня, въ третьемъ часу дня (по нынѣшнему времясчисленію въ десятомъ часу утра) пріѣхалъ въ боярскій обозъ архіепископъ Лазарь Барановичъ, съ архимандритомъ Новгородъ-Сѣверскаго монастыря Михаиломъ Лежайскимъ. Бояринъ съ товарищами встрѣчалъ архіерея съ почетомъ. За архіереемъ вслѣдъ прибылъ и Григорій Неѣловъ съ приказомъ своихъ стрѣльцовъ.

Старшины и полковники явились къ шатру. Впереди ихъ несли клейноты (знаки гетманскаго достоинства): булаву, знамя,

Digitized by Google

бунчукъ и литавры. За старшинами и полковниками слѣдовали строемъ казаки, которымъ надлежало быть на радѣ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, Ромодановскій далъ приказаніе передъ государевымъ шатромъ устроить майданъ (просторное мѣсто). Поставили аналой съ образомъ Спасителя и близъ него столъ: на столѣ положена была гетманская булава, а близъ стола стояли знамя и бунчукъ.

Вышли изъ шатра бояринъ и архіепископъ. Архіепископъ прочиталъ молитву. Бояринъ поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ:

«Великій государь послалъ меня, своего боярина, указалъ мнѣ быть на радѣ для обиранія гетмана, а гетманское обираніе положено на ваше войсковое право и на вашу волю, кого всѣмъ войскомъ налюбите: вы, обозный, и всѣ старшины, и все войско запорожское сей стороны Днѣпра, обирайте себѣ гетмана».

Сказавши эти слова, бояринъ отошелъ прочь.

Выборъ былъ непродолжителенъ, потому что заранѣе былъ подготовленъ, и самому боярину, какъ говорятъ, было давно извѣстно, чѣмъ онъ окончится. Избиратели провозгласили гетманомъ генеральнаго судью Ивана Самойловича. Дмитрашко Райча и Константинъ Солонина подхватили его подъ руки и поставили на столѣ. Обозный Забѣла поднесъ ему булаву, а другіе полковники покрыли его знаменемъ и осѣнили бунчукомъ.

Самойловичъ произнесъ:

— Я гетманскаго уряда не желаю; но вы по царскому указу и по нашимъ войсковымъ правамъ и вольностямъ меня избрали, и мнѣ уже невозможно упорствовать и не принять государева жалованья — булавы и знамени. Только я вамъ вотъ что объявлю: быть намъ въ подданствѣ великаго государя со всѣмъ войскомъ запорожскимъ. Буду я служить его царскому пресвѣтлому величеству и его наслѣдникамъ вѣрно, безъ всякой шатости и измѣны, и никогда не захочу учинить того, что прежніе гетманы учинили. И вы, со мною будучи, служите вѣрно безо всякаго сумнѣнія, никакимъ ссорнымъ словамъ и прелестямъ не вѣрьте, а содержите все по договорнымъ статьямъ крѣпко и постоянно.

— Всѣ мы готовы служить великому государю въ вѣчномъ подданствѣ: на томъ прими отъ насъ знамя, булаву и бунчукъ и учинись надъ нами гетманомъ, — сказалъ за себя и за другихъ обозный.

Послѣ выбора новаго гетмана выбрано было радою нѣсколько новыхъ старшинъ. На мѣсто Самойловича въ должность перваго

Digitized by Google

генеральнаго войскового судьи, поступилъ второй судья Домонтовичъ, а на мѣсто послѣдняго — Павелъ Животовскій; вмѣсто сосланныхъ съ Многогрѣшнымъ генеральныхъ асауловъ Гвинтовки и Грибовича, избраны Иванъ Лисенко и Лесько Чернякъ. Тогда отставленъ былъ отъ генеральнаго писарства Карпо Мокріевичъ, а вмѣсто него избранъ новый писарь Савва Прокоповичъ; генеральнымъ хорунжимъ избранъ Григорій Карповичъ, генеральнымъ бунчужнымъ—Леонтій Полуботокъ, и гадяцкимъ полковникомъ—Семенъ Остренко. Возвращено Стародубское полковничество Рославцу. Эти выборы послѣдовали на избирательной радѣ тотчасъ послѣ избранія Самойловича.

Мы не знаемъ подробностей тогдашней закулисной дѣятельности, и потому не можемъ вполнѣ рѣшить, что побудило избрать въ гетманы именно Самойловича, какими путями подготовлялся его выборъ, въ какой степени самъ онъ домогался получить этотъ санъ и на сколько помогло ему согласіе Ромодановскаго. Существуетъ оффиціальное извѣстіе, подтверждаемое и лѣтописнымъ сказаніемъ, что выборъ этотъ произошелъ согласно: «вольными и тихими гласы». Конечно, выбору помогло много то, что онъ совершился только совѣтомъ старшинъ, полковниковъ и подобранныхъ на раду казаковъ, совершился внезапно, на великороссійской, а не на малороссійской землѣ, совершился, такъ сказать, на дорогѣ, куда не могли нахлынуть толпы простыхъ казаковъ; помогло спокойному выбору также и то, что московское правительство, приказавши прислать въ Москву Сѣрка, удалило опаснаго для Самойловича соперника. Сильнѣйшій и вліятельнѣйшій между генеральными старшинами былъ тогда обозный Петръ Забѣла; но этому человѣку въ глазахъ московскаго правительства зазорно было добиваться булавы для себя послѣ того, какъ онъ, въ своемъ желаніи угодить Москвѣ, заявлялъ мысль, что хорошо было бы дать гетманское управленіе въ Малороссіи великороссійскому боярину. Новый гетманъ, однако, скоро нашелъ, что обозный Петръ Забѣла, свалившій Многогрѣшнаго, былъ не безопасенъ и для его преемника: какъ только Самойловичъ укрѣпился въ гетманскомъ достоинствѣ, Забѣла сошелъ со сцены. Не знаемъ, какъ случилась отставка отъ писарскаго уряда Карпа Мокріевича. Нѣсколько позднее, но близкое по времени извѣстіе сообщаетъ, что Самойловичъ удалилъ его отъ себя и настоялъ на избирательной радѣ, чтобъ былъ избранъ другой писарь, а Мокріевичъ остался во всеобщемъ презрѣніи: Лазарь Барановичъ называлъ его Іудою предателемъ, и когда послѣ литургіи раздавалъ антидоръ, то произносилъ, видя под-

Digitized by Google

ходящаго Мокріевича: «Іудѣ Христосъ хлѣбъ далъ, и по хлѣбѣ внидѣ сатана» [1]). Онъ принужденъ былъ, какъ увидимъ, послѣдовать въ изгнаніе.

Новый гетманъ былъ сынъ священника и потому во все продолженіе своего гетманства носилъ кличку гетмана-поповича. Вмѣстѣ съ родителемъ онъ перешелъ съ правой стороны Днѣпра на лѣвую; его родитель получилъ приходъ въ мѣстечкѣ Красномъ Колядинѣ [2]). Иванъ Самойловичъ въ молодости получилъ превосходное по тому времени образованіе и выказывалъ большія природныя способности, ясный практическій умъ и сметливость. Онъ сталъ служить въ казацкомъ войскѣ. При Брюховецкомъ сильнымъ человѣкомъ былъ генеральный писарь Гречаный: Самойловичъ пріобрѣлъ его расположеніе, и при его покровительствѣ избранъ былъ сотникомъ въ городѣ Веприкѣ гадяцкаго полка, потомъ при содѣйствіи того же Гречанаго въ званіи войскового товарища сталъ черниговскимъ наказнымъ полковникомъ. Самойловичъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ переворота, затѣяннаго Брюховецкимъ противъ московской власти и, какъ мы уже видѣли, показалъ большую вражду къ великороссіянамъ, когда въ черниговскомъ замкѣ сидѣлъ въ осадѣ воевода Толстой. Но Брюховецкій палъ, Дорошенко внезапно удалился на правую сторону; тогда Самойловичъ, видя, что дѣло возстанія не клеится, присталъ къ Многогрѣшному, присягнулъ на вѣрность московскому государю и, наравнѣ со всѣми малороссіянами, получилъ отъ государя отеческое прощеніе. На Глуховской радѣ онъ былъ избранъ генеральнымъ судьею, вѣроятно благодаря своей образованности. Мы уже видѣли, что онъ, вмѣстѣ съ Забѣлою и Мокріевичемъ, устроивалъ гибель Демка Многогрѣшнаго, но нѣтъ данныхъ заключить, что уже въ то время у него въ головѣ былъ планъ получить гетманство.

По совершеніи выбора Самойловича въ царскомъ шатрѣ архіепископъ Лазарь Барановичъ съ архимандритомъ Лежайскимъ и нѣжинскимъ протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ отслужили молебствіе, а потомъ, по чиновной книгѣ, предъ крестомъ и евангеліемъ, привели къ присягѣ на вѣрность государю гетмана и новоизбранныхъ старшинъ. Ромодановскій произнесъ имъ нравоучительную рѣчь, велѣлъ гетману и всѣмъ старшинамъ приложить руки къ статьямъ, на которыхъ избранъ былъ гетманъ, и спрашивалъ: какія староства желаютъ они имѣть на гетманскую булаву и на войсковую армату. Гетманъ и старшины пожелали

[1]) Основа 1862 г. Листопадъ, стр. 20.

[2]) Мѣстечко Конотопскаго уѣзда Черниговской губерніи.

Digitized by Google

имѣть на булаву Гадячъ, а на армату (артиллерію)—Коропъ [1]) и Воронежъ [2]). Боярин приказалъ вписать имена этихъ городовъ въ оставленныя заранѣе пустыя мѣста въ жалованной грамотѣ и вручилъ грамоту гетману.

Послѣ того Ромодановскій пригласилъ архіепископа съ духовенствомъ и гетмана со всѣми старшинами къ себѣ въ обозъ на пиръ. На другой день, 18 іюня, гетманъ со старшинами пригласилъ боярина и товарищей его къ себѣ на обѣдъ. Ромодановскій вручилъ привезенные отъ царя подарки: гетману два сорока соболей—одинъ во сто рублей, другой въ пятьдесятъ, и, сверхъ того, двѣ пары соболей высшаго достоинства по двадцати рублей за пару, — генеральнымъ старшинамъ по одному сороку соболей въ шестьдесятъ рублей и, сверхъ того, по бѣлому атласу и по кармазинной камкѣ,—полковникамъ [3]) по сороку соболей въ шестьдесятъ рублей, а нѣкоторымъ еще по парѣ соболей въ десять рублей и по атласу, — полковымъ асауламъ и писарямъ, канцеляристамъ и духовнымъ лицамъ розданы были соотвѣтственныя награды соболями.

На слѣдующій день, іюня 19-го, гетманъ со старшинами уѣхалъ въ Конотопъ и оттуда въ Батуринъ.

II.

Султанъ Магометъ IV и польскій король Михаилъ. — Коронный гетманъ Собѣскій.—Грамота султана польскому королю, и приготовленія турокъ къ походу.—Отвѣтъ польскаго короля.—Письмо визиря къ польскому подканцлеру. —Выступленіе турецкихъ силъ въ польскіе предѣлы.—Побѣда Дорошенка надъ Ханенкомъ и поляками. Переправа турокъ черезъ Днѣстръ.—Краковскій епископъ Тржембицкій.—Соединеніе хана и Дорошенка съ турецкимъ войскомъ.—Дорошенко у турецкаго султана.—Капитуляція Каменца.—Обращеніе христіанскихъ храмовъ въ мечети.—Ханъ и Дорошенко подъ Львовомъ.—Поляки просятъ мира.—Бучачскій договоръ.—Отшествіе турокъ.—Татарскія разоренія.—Послѣднее свиданіе Дорошенка съ турецкимъ султаномъ и съ визиремъ.

Вступленіе Самойловича въ гетманскую должность совершилось тогда, когда на лѣвую сторону Днѣпра съ правой стороны

[1]) Нынѣ заштатный городъ Черниговской губ., Кролевецкаго уѣзда, при рѣкѣ Коропцѣ.

[2]) Мѣстечко Черниговской губ., Глуховскаго уѣзда, на р. Осетѣ.

[3]) Тогда полковниками были: Переяславскимъ—Дмитрашко Райча, Стародубскимъ —Петръ Рославецъ, Нѣжинскимъ—Филиппъ Уманецъ, Кіевскимъ—Константинъ Солонина, Черниговскимъ — Василь Барковскій, Прилуцкимъ — Лазарь Горленко, Лубенскимъ—Иванъ Сербинъ, Миргородскимъ—Иванъ Дубяга, Полтавскимъ—Демьянъ Кгуджелъ, Гадяцкимъ—Семенъ Остренко.

Digitized by Google

приносились зловѣщія вѣсти. Давно уже, какъ мы видѣли, Дорошенко отдался подъ покровительство Турціи, и уже не одинъ годъ турки собирались напасть на Польшу, но отвлекались другими предпріятіями. Тогдашній падишахъ Магометъ IV со славою окончилъ завоеваніе острова Кандіи отъ венеціанъ и потомъ собирался обратить оружіе на Польшу. Состояніе Польши было таково, что врагамъ можно было ожидать успѣха. Уже много было признаковъ приближенія неизбѣжной войны со стороны турокъ, но поляки не хотѣли обращать на нихъ вниманія, толковали себѣ въ утѣшеніе, будто турецкій султанъ совсѣмъ не воинственъ, проводитъ время въ праздности и забавахъ въ своемъ гаремѣ, либо развлекается охотою въ своихъ лѣсахъ и поляхъ, надѣялись, что польскій посолъ Высоцкій, отправленный въ Адріанополь для улаженія недоразумѣній, скоро привезетъ выгодный для Польши договоръ съ Турціею [1]). На польскомъ престолѣ, послѣ отреченія Яна Казиміра, сидѣлъ король Михаилъ, государь до крайности жалкій, хотя и добродушный; шляхта не слушала его; между магнатами были постоянно враждебныя ему особы, и первый изъ нихъ—примасъ королевства Пражмовскій. Во всей Рѣчи-Посполитой не было ни порядка, ни уваженія къ закону и властямъ, ни взаимнаго согласія между согражданами. Со вступленія на престолъ Михаила сеймы не оканчивались, а были срываемы; то же дѣлалось и съ предварительными сеймиками, собиравшимися по воеводствамъ; невозможно было ничего предпринимать законно. Между немногими сановниками, стоявшими по уму выше прочей массы польскихъ гражданъ, былъ тогда коронный гетманъ и маршалъ Собѣскій; онъ зналъ и понималъ положеніе дѣлъ и не разъ указывалъ сейму на необходимость скорѣе принять мѣры къ защитѣ края, умножить численность войска, привести въ лучшее состояніе артиллерію и войти въ оборонительный союзъ съ христіанскими государствами. Онъ совѣтовалъ даже попытаться уступками склонить на сторону Польши Дорошенка и отвлечь его отъ Турціи. Всѣ его совѣты и представленія не могли быть приняты: сеймъ, собравшійся въ январѣ 1672 года, по примѣру прежнихъ сеймовъ былъ сорванъ.

Послѣдняя война Дорошенка съ Ханенкомъ и поляками на Подоліи вызвала за собою объявленіе Турціею войны Польшѣ. Дорошенко молилъ падишаха черезъ своего резидента заступиться за Украйну и указывалъ, что въ настоящее время удобно

[1]) Klimaeter, IV, 178.

Digitized by Google

побѣдить поляковъ и овладѣть польскими городами [1]). По этому поводу въ февралѣ или въ мартѣ 1672 года падишахъ отправилъ королю Михаилу письмо, въ которомъ говорилось: «Мы хотѣли провести зиму въ Анатоліи, но принуждены были повернуть побѣдоносныя наши силы къ Адріанополю, услыхавши, что вы войскомъ вашимъ безпокоите владѣнія гетмана Дорошенка, который со всѣмъ народомъ казацкимъ поступилъ въ число невольниковъ высокаго порога нашего. Желаемъ настоящею грамотою нашею предостеречь васъ: удержитесь отъ оскорбленій и насилій означенному гетману, оставьте въ покоѣ и безопасности землю и жительство казаковъ и удалите войска ваши въ предѣлы вашего государства. Иначе—всякій непріязненный шагъ со стороны вашей и вашихъ войскъ будетъ нами признанъ за нарушеніе мирнаго договора и съ наступленіемъ будущей весны мы двинемся противъ васъ во всемъ величіи и могуществѣ нашего халифата съ непобѣдимымъ воинствомъ, которое многочисленнѣе звѣздъ и мужественнѣе львовъ. Выбирайте, что хотите: либо миръ, либо къ бою будьте готовы».

По отсылкѣ этой грамоты, не ожидая на нее отвѣта, данъ былъ указъ всѣмъ анатолійскимъ и румелійскимъ войскамъ собраться въ Адріанополѣ къ 23 апрѣля, а крымскому хану Селимъ-Гирею послано 5000 червонцевъ на сапоги, какъ велось всегда, когда ханъ призывался со всѣми ордами на войну въ помощь турецкимъ войскамъ.

Привезшій султанскую грамоту польскому королю Чаушъ-Ахметъ воротился изъ Польши 4 дня мусульманскаго мѣсяца мухарремъ (по нашему времясчисленію 4 мая) и привезъ отвѣтъ польскаго короля: въ немъ припоминалось, что Рѣчь-Посполитая долгое время старалась удерживать казаковъ отъ набѣговъ на турецкія черноморскія побережья и это послужило причиною многихъ несчастій для Рѣчи-Посполитой, потому что казаки, при невозможности производить грабежи въ мусульманскихъ краяхъ, ради добычи подняли мятежъ противъ Польши, и соединяясь то съ татарами, то съ Москвою, разоряли польскія области. Королевскій отвѣтъ гласилъ такъ: «Ваше блаженство называете Украйну своею собственностію, но Украйна отъ вѣковъ была наслѣдіемъ нашихъ предшественниковъ, и самъ Дорошенко не кто иной, какъ нашъ подданный. Прилично ли и сообразно ли съ духомъ мирнаго договора землю, принадлежащую намъ по волѣ Всевышняго и по праву наслѣдства, отни-

[1]) А. Ю. и З. Р. IX, 887, 964.—Лѣт. Самов. изд. 1878 г., стр. 114.

Digitized by Google

мать изъ-подъ нашей власти и отдавать наиподлѣйшему изъ рабовъ порога нашего? Уступать ее негодяю, разбойнику, отверженному, достойному презрѣнія, который, забывши стыдъ и приличіе, прежде привязался къ сторонѣ московскаго царя, но скоро былъ отогнанъ, когда узнали его непостоянство, лживость и предательское сердце? Царь московскій подданству этого измѣнника предпочелъ нашу королевскую дружбу. Теперь для уничтоженія возникшихъ между нами и вами недоразумѣній, мы не замедлимъ отправить нашего посла къ стремени вашего блаженства, а Дорошенка съ казаками оставимъ въ настоящемъ положеніи, пока дружественными способами не уладимъ возникшія между нами неудовольствія. Утѣшаемъ себя надеждою, что и со стороны вашего блаженства не будетъ безъ причины нарушенъ существующій между нами миръ, потому что Богъ, высочайшій судья государей, сурово караетъ попирающихъ права справедливости».

По восточнымъ дипломатическимъ законамъ приличія не слѣдовало вторично объ одномъ и томъ же предметѣ посылать грамоты отъ лица падишаха. Поэтому, въ отвѣтъ на королевскую грамоту визирь послалъ письмо коронному подканцлеру Ольшевскому, гдѣ изъявлялъ удивленіе, что въ грамотѣ польскаго короля Украйна названа наслѣдственною польскою областію. «Одинъ Богъ»,—выражался онъ,—«можетъ быть нареченъ владыкою земель; оный предвѣчный правитель міра установилъ такой законъ, что края, терзаемые междоусобіями и безправіемъ предаются подъ покровительство могущественныхъ властителей. Такимъ путемъ и народъ казацкій, по волѣ Провидѣнія, достался подъ господство дома Османовъ. Этотъ народъ издавна былъ свободенъ и самостоятеленъ; полагаясь на силу заключенныхъ съ вами договоровъ и условій, онъ добровольно отдался подъ ваше главенство и долгое время оставался вамъ вѣрнымъ, пока наконецъ не стало ему силъ терпѣть долѣе отъ васъ утѣсненій, безаконій и отягощеній; тогда, видя, что условія заключенныя съ вами—вами же нарушены, онъ, ради охраненія своей страны и своего имени, поднялъ противъ васъ оружіе. Выбившись изъ-подъ вашей власти, казаки искали союза съ крымскими ханами, всегда преданными высокому дому Османовъ, и при ихъ посредствѣ стали искать покровительства высокаго порога. Врата блаженства всеснатнѣйшаго великаго падишаха, моего господина, всегда отверзты для всѣхъ ищущихъ прибѣжища подъ тѣнью его могучей обороны и потому покорныя просьбы казаковъ благосклонно были услышаны, и начальный вождь этого народа удо-

Digitized by Google

стоенъ знаменіемъ высшаго сана. Какъ же вы можете называть своими подданными народъ, который уже съ давняго времени сверглъ съ себя вашу власть и долго оставался съ вами въ открытой войнѣ? Развѣ могущественнѣйшій падишахъ, мой милостивый властитель — ему же Богъ да пособитъ и да укрѣпитъ его — не властенъ употреблять всѣ усилія, средства и способы для освобожденія утѣсненнаго казацкаго народа, умоляющаго о великодушномъ покровительствѣ? Впрочемъ, мой могущественнѣйшій повелитель всегда воззритъ съ праведнымъ удовольствіемъ, если, прежде чѣмъ его побѣдоносныя войска появятся близъ вашихъ рубежей, вы пожелаете чрезъ посредство пословъ обдумать способы къ погашенію вспыхивающей войны; если же споръ между нами долженъ рѣшиться оружіемъ, то исходъ войны будетъ зависѣть отъ воли Того, кто сотворилъ изъ ничего и землю, и небеса, кто уже болѣе тысячи лѣтъ возноситъ могущество ислама и благоволитъ окружать знамя пророка нетемнѣющимъ блескомъ побѣды. Знайте, что великій, непобѣдимѣйшій падишахъ, мой всемилостивѣйшій повелитель, неотмѣнно выступаетъ изъ Адріанополя 8-го текущаго мѣсяца сефера (26-го мая) и на челѣ войскъ многочисленнѣйшихъ паче звѣздъ небесныхъ прямо направится къ вашимъ рубежамъ: присылайте возможно скорѣе отвѣтъ на письмо наше и знайте, что каждый день приближенія нашего къ вашимъ рубежамъ, будетъ ставить препятствіе къ нашему примиренію [1]).

Дорошенко былъ немедленно извѣщенъ о рѣшимости султана, и въ началѣ іюня появился въ Чигиринѣ первый турецкій отрядъ, а потомъ стали прибывать и татары. И тѣ, и другіе стали въ Украинѣ вести себя нагло, насиловать женщинъ, забирать дѣтей и возбудили всеобщій ропотъ противъ Дорошенка, о которомъ говорили, что онъ, какъ овца заблудшая, самъ не зналъ, что ему дѣлать съ такими союзниками. На лѣвомъ берегу распространился страхъ, чтобъ мусульманскіе союзники Дорошенка не прорвались на другой берегъ Днѣпра, но Дорошенко сообщалъ туда, что онъ воюетъ противъ поляковъ и своего недруга Ханенка, и ни за что не пуститъ татаръ и турокъ въ царскую область [2]).

Турецкое войско, выступившее съ падишахомъ, 25 мая перешло Дунай у Исакчи по мосту, устроенному Османъ-пашею на 58 судахъ, и шло по неудобнымъ и плохимъ дорогамъ продол-

[1]) Collectanea, II, 2—21.

[2]) А. Ю. и З. Р. IX. 969, 970, 974, 985.

Digitized by Google

жительное время до Днѣстра, составлявшаго тогда польскій рубежъ. Оно достигло этой рѣки 29 числа магометанскаго мѣсяца ребіуль-эвеля, что приходилось уже въ іюлѣ 1672 года. Здѣсь турки получили извѣстіе, что Дорошенко съ крымскимъ ханомъ одержали побѣду надъ поляками и Ханенкомъ близъ Ладыжина [1]).

Вотъ какъ было это дѣло. Собѣскій поручилъ команду на Подоліи Лужицкому, человѣку горячаго нрава, вовсе не пріобрѣвшему расположенія подчиненныхъ: современники говорятъ, что жолнѣрамъ такъ хотѣлось идти подъ его команду, какъ волу подъ обухъ [2]). У него было до шести тысячъ жолнѣровъ. Онъ соединился въ Ладыжинѣ съ Ханенкомъ, у котораго было до четырехъ тысячъ казаковъ. Поляки расположились въ Ладыжинѣ, казаки, кромѣ того, отрядами по окрестностямъ. 11 іюля, услыхали поляки, что подъ Бершадомъ братъ гетмана Дорошенка, Грицько, стѣснилъ казацкаго полковника Перебійноса, который шелъ на соединеніе къ Ханенку. Лужицкій и Ханенко пошли на выручку. Они освободили Перебійноса и вмѣстѣ съ нимъ пошли къ Ладыжину и тутъ-то на возвратномъ пути поляки потерпѣли пораженіе подъ Четвертыновкою на Батогскомъ полѣ, знаменитомъ пораженіемъ Калиновскаго при Богданѣ Хмельницкомъ. Это событіе у современниковъ излагается различно. По одному извѣстію [3]), Лужицкій, прогнавши татаръ, увлекся погоней за ними и не слушая умнаго совѣта Ханенка перешелъ рѣку Бугъ и тамъ былъ внезапно окруженъ сильнымъ татарскимъ полчищемъ и самъ едва ушелъ съ немногими, а остальные были побиты или потоплены въ Бугѣ. По другому извѣстію [4]), Ханенко съ казаками ушелъ впередъ, а поляки шли позади, и тутъ татары, напавши на нихъ, отрѣзали отъ казаковъ и поразили. Вѣсть о такой побѣдѣ была принята съ восторгомъ въ обозѣ падишаха, такъ какъ у мусульманъ господствовало вѣрованіе, что успѣхъ или неуспѣхъ первой стычки съ непріятелемъ служитъ предзнаменованіемъ счастливаго или несчастнаго исхода войны. Схваченные подъ Батогомъ польскіе плѣнники были присланы въ турецкій обозъ и тотчасъ были обезглавлены [5]). Вслѣдъ затѣмъ пришло въ обозъ падишаха другое утѣшительное извѣстіе, что польскій гарнизонъ города Жванца,

[1]) Collectanea, II. 21—47.
[2]) Ojcz., Sp., II, 164.
[3]) Klimakte, IV 191.
[4]) Ojcz. Sp., II, 165—166.
[5]) Collect., II, 48.—Лѣт. Самов., 58.

Digitized by Google

услыхавши о приближеніи турокъ, убѣжалъ, и тотчасъ былъ посланъ турецкій отрядъ впередъ занять опустѣвшій замокъ.

Переправа турецкаго войска черезъ Днѣстръ совершилась въ мѣстѣ отстоящемъ за пять или за шесть часовъ отъ Каменца. Поляки не подумали принять заранѣе мѣръ къ защитѣ этой важной крѣпости. Краковскій епископъ Тржембицкій пожертвовалъ для обороны Каменца 6000 пѣхоты на собственный счетъ [1]); но эта доблесть показалась болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ: другой епископъ мѣстный каменецкій говоритъ, что краковскій епископъ прислалъ туда только 500 человѣкъ; кромѣ нихъ, былъ еще полкъ въ 400 человѣкъ и 200 человѣкъ каменецкой пѣхоты, — вотъ все, что составляло тогда въ Каменцѣ залогу [2]) (военный гарнизонъ), не считая мѣщанъ и набѣжавшихъ изъ окрестностей въ осаду хлоповъ, которыхъ набралось въ Каменцѣ до десяти тысячъ [3]).

Между тѣмъ, 4 августа примкнули къ турецкому полчищу ханъ съ своими ордами и Дорошенко съ своими казаками. Сперва съ большимъ почетомъ крымскій ханъ Селимъ-Гирей удостоился поцѣловать полу одежды верховнаго главы правовѣрныхъ и получить отъ него въ даръ бриллiантовое перо на чалму, а на другой день, 5 августа, въ шатеръ падишаха былъ введенъ Дорошенко черезъ Чаушъ-Баши-Агу (начальникъ всѣхъ чаушей). Дорошенко поклонился до земли высокому покровителю казаковъ, произнесъ предъ нимъ увѣреніе въ своей благодарности и безпредѣльномъ повиновеніи волѣ падишаха. Турецкій государь приказалъ дать ему въ подарокъ богатый халатъ, булаву и коня съ нарядною сбруею.

На другой день послѣ пріема Дорошенка послано было въ Каменецъ предложеніе сдаться добровольно; за это обѣщали выпустить всѣхъ на волю; въ случаѣ упорства грозили всѣхъ истребить безъ милосердія. Осажденные ожидали еще выручки и отвергли турецкое предложеніе.

7 августа, турки повели осаду. Средину турецкаго войска, расположеннаго вокругъ Каменца, занялъ великій визирь съ янычарами столичной гвардіи и съ румелійскими войсками; вправо отъ него расположился другой визирь, довѣренный султана, Мустафа-паша, съ анатолійскими войсками и съ полкомъ Загараджи-Баши (начальника султанской гончей псарни); влѣво отъ вели-

[1]) Klimakte, IV, 160.
[2]) Ojcz. Sp. II, 169.
[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 60.

Digitized by Google

каго визиря сталъ помощникъ его (каймъ-мекамъ) Кара-Мустафа-паша, съ силами Сиваса и Карамана, съ ротами Самсонджу-Баши (начальника борзой псарни). Воинамъ роздали заступы копать землю и устроивать вокругъ Каменца шанцы,—«земляной городъ»—выражаясь тогдашнимъ языкомъ.

8 августа, турки открыли сильную пальбу по городу. Осажденные выбросили на стѣнахъ бѣлый флагъ, выслали просить пріостановки пальбы, обѣщали ночью учинить между собою совѣтъ, а затѣмъ на слѣдующее утро приступить къ переговорамъ о сдачѣ.

— Я не поддамся на пустыя обѣщанія,—сказалъ визирь,—не начну переговоровъ, прежде чѣмъ намъ не пришлютъ заложниковъ и отъ насъ взамѣнъ не возьмутъ таковыхъ же.

Бѣлый флагъ былъ выкинутъ по совѣту каменецкаго епископа съ цѣлью заставить непріятеля на нѣкоторое время пріостановить пальбу: черезъ то осажденные могли бы собраться съ духомъ и принять кое-какія мѣры къ оборонѣ. Турки смекнули въ чемъ дѣло и не поддались на хитрость.

Послѣ того пошли дни за днями; пальба съ обѣихъ сторонъ шла безъ остановки. Турецкія орудія были побольше и получше польскихъ,—пушкари поискуснѣе; турецкія ядра врѣзывались въ глубину земляного вала аршина на два. У поляковъ пушки были невысокаго достоинства; притомъ немногочисленные польскіе воины отъ безпрестанныхъ работъ скоро пришли въ изнеможеніе: не было имъ времени ни поѣсть, ни заснуть. При скудости оборонительныхъ силъ ужасъ овладѣвалъ поляками, когда они со стѣнъ смотрѣли на громаду непріятельскаго полчища, кишившаго по полю вплоть до самаго Жванца. Каждый день турки посылали въ городъ до 400 выстрѣловъ и пускали до ста пятидесяти гранатъ [1]); одна изъ нихъ упала на лютеранскій молитвенный домъ и произвела пожаръ. При непрерывной пальбѣ шла у туровъ другая работа—велись подкопы, и на нихъ-то возлагали турки главную надежду.

12 августа, прибыли въ турецкій станъ польскіе послы Бневскій и Гуляницкій съ жалобою отъ польскаго короля, что султанъ неожиданно и тайно вступилъ во владѣніе Рѣчи-Посполитой. Падишахъ отвѣчалъ польскому королю, что пришелъ не тайно, а объявивши напередъ войну, и теперь пригласилъ польскаго короля выходить въ поле [2]). Отпустивши польское посоль-

[1]) Ojcz. Sp. II, 170.

[2]) Collectanea, II, 58. 59.—А. Ю. и З. Р., XI, 60.

Digitized by Google

ство турецкій султанъ въ тотъ же день приказалъ крымскому хану и Дорошенку идти ко Львову противъ королевскаго войска, а самъ остался кончать съ Каменцомъ [1]).

14 августа, турки овладѣли наружными батареями, на которыя осажденные крѣпко надѣялись. Вслѣдъ затѣмъ турки начали приступъ къ Каменцу; съ обѣихъ сторонъ пало много людей, туркамъ въ этотъ день удалось водрузить на стѣнѣ Каменца знамя ислама, но то былъ, по ихъ собственному замѣчанію, далеко не конецъ дѣлу [2]).

16 августа, турки вкатили въ подкопъ бочки съ порохомъ и зажгли. Съ ужасающимъ трескомъ полетѣли вверхъ дерева и камни, входившіе въ кладку стѣны; одна башня совсѣмъ развалилась [3]). Сквозь образовавшіеся проломы увидали мусульмане еще другую внутреннюю городскую стѣну: приходилось имъ вести подкопы еще далѣе, и подъ эту стѣну [4]).

Однако и осажденные, не дождавшись ожидаемой выручки, сообразили, что имъ долѣе обороняться нельзя, особенно когда непріятельскіе шанцы подошли къ городу такъ близко, что можно было пустить съ нихъ камень черезъ стѣну въ городъ [5]). 17 августа, комендантъ приказалъ выбросить бѣлое знамя [6]). Визирь сначала не довѣрялъ и подозрѣвалъ прежнія хитрости, но изъ Каменца вышли уполномоченные съ просьбою начать переговоры о сдачѣ и привели съ собою заложниковъ [7]). Визирь доложилъ падишаху и получилъ высочайшее разрѣшеніе взять Каменецъ на капитуляцію.

Переговоры не тянулись долго: поляки потеряли присутствіе духа и соглашались на все, чего бы ни потребовалъ побѣдитель. Договоръ состоялся и былъ написанъ въ тотъ же день на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Все польское войско, находящееся въ Каменцѣ, выйдетъ оттуда съ оружіемъ, забравши съ собою свои семьи и свои имущества безпрепятственно со стороны турокъ, а крѣпость поляки сдадутъ побѣдителямъ. 2) Вмѣстѣ съ войсковыми людьми имѣютъ право выдти изъ Каменца жители города и всѣ пришедшіе въ осаду съ своими семьями и имуществомъ; турки не только не станутъ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 61.
[2]) Collect., II, 54.
[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 62.
[4]) Collect., II, 59.
[5]) Ojczyste Sp., II, 170.
[6]) А. Ю. и З. Р., XI, 63.
[7]) Collect., II, 60.

Digitized by Google

имъ въ томъ мѣшать, но еще дадутъ имъ провожатыхъ до тѣхъ мѣстъ, куда они перейти пожелаютъ. 3) Тѣ изъ жителей города Каменца и волостей, принадлежащихъ къ округу этого города, которые пожелаютъ оставаться на своихъ мѣстахъ, не будутъ со своими семьями и имуществами подвергаться отъ турокъ никакимъ оскорбленіямъ. То же предоставляется шляхтѣ и духовенству съ тѣмъ еще въ добавокъ, что лица ихъ сословія, оставшись на прежнихъ мѣстахъ своего жительства, будутъ освобождены отъ военнаго постоя. 4) Всѣмъ христіанамъ исповѣданій римско-католическаго, греческаго, армянскаго и другихъ предоставляется нестѣснительно свобода вѣры; имъ оставится нѣсколько церквей для отправленія «ихъ пустыхъ и суевѣрныхъ обрядовъ», а ихъ священники и церковники не станутъ испытывать никакихъ притѣсненій [1]). Уполномоченные выпросили себѣ копію съ этого договора въ латинскомъ переводѣ.

Въ этотъ день, когда уполномоченные заключали договоръ уже на закатѣ солнца, въ Каменцѣ произошелъ взрывъ по винѣ маіора артиллеріи Генинга: вспыхнуло 120 бочекъ пороха и погибло по одному извѣстію 500 [2]), по другому до восьмисотъ [3]) человѣкъ. Одни толковали, что онъ сдѣлалъ это изъ отчаянія [4]), другіе—что это произвели жолнѣры въ пьяномъ видѣ, а одинъ малороссійскій лѣтописецъ говоритъ, будто нѣмецъ прежде былъ подкупленъ турками, а потомъ побоялся, чтобъ измѣна его не открылась и рѣшился кончить жизнь такимъ отчаяннымъ способомъ [5]).

19 августа, каменецкій комендантъ вручилъ великому визирю ключи города Каменца, и за то, въ знакъ благосклонности, побѣдители надѣли на него халатъ. Польскіе паны, бывшіе въ Каменцѣ: каменецкій епископъ, каменецкій староста (онъ же и генералъ подольскій) Ревуцкій [6]) и подкоморій Лянскоронскій также ходили на поклонъ къ великому визирю, одѣвшись въ присланные отъ него заранѣе халаты [7]). По ихъ просьбѣ [8]) визирь приказалъ нарядить 300, другіе же говорятъ 400 возовъ для вывоза изъ Каменца тѣхъ жителей съ ихъ имуществами,

---

[1]) Collectanea, II, 61.
[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 63.—Collectanea, II, 62.
[3]) Ojcz. Sp., II, 175.
[4]) Ibidem. 172.
[5]) Величко, II, 331.
[6]) А. Ю. и З. Р., XI, 242.
[7]) Ojcz. Sp., II, 172.
[8]) Klimakt., IV, 198.

Digitized by Google

которые пожелаютъ переселиться [1]). Три тысячи турокъ выпроводили ихъ изъ города [2]), а визирь назначилъ имъ 600 провожатыхъ до Ягельницъ [3]); за любезность визиря, назначившаго провожатыхъ, поляки послали ему въ даръ 2000 червонныхъ [4]).

Такъ поляки, по замѣчанію турка [5]), оставили Каменецъ со срамомъ, а турки праздновали свою побѣду съ большимъ торжествомъ. На другой день, 20 августа, къ шатру падишаха сошлись съ поздравленіями всѣ турецкіе военачальники, и всѣхъ побѣдитель обдарилъ златоглавными халатами и собольими шубами. Въ знакъ всеобщей радости стрѣляли изъ пушекъ и ружей, горѣли потѣшные огни; изданъ былъ указъ въ продолженіи трехъ дней праздновать по всей имперіи завоеваніе Каменца. Падишахъ отправилъ въ новоприобрѣтенный городъ янычаръ-агу очистить шесть костеловъ и обратить ихъ въ мечети. Первая изъ этихъ мечетей, преобразованная изъ бывшей фары, посвящалась имени падишаха, вторая—имени его матери, третья—имени возлюбленнѣйшей изъ его женъ, султанши Хазеки, а остальныя три—именамъ знатнѣйшихъ сановниковъ: великаго визиря, его товарища (каимъ-мекема) и визиря, любимца падишахова [6]). Изъ усыпальницъ, устроенныхъ подъ костелами, обращаемыми въ мечети, вытаскивали гробы умершихъ и вывозили за-городъ, а иконы, почитаемыя мусульманами за признакъ идолопоклонства, выбросили изъ храмовъ и мостили ими улицы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было грязно [7]). По такой мостовой Магометъ IV въѣхалъ въ Каменецъ [8]). Турки въ своемъ воинственномъ фанатизмѣ, въ глазахъ христіанъ ругались надъ иконами, кололи ихъ, рубили, жгли, топтали ногами, дѣлая это нарочно для того, чтобы дразнить побѣжденныхъ, которые, при видѣ такихъ возмутительныхъ выходокъ, должны были молчать, чувствуя свое безсиліе [9]). Смотрѣлъ на все это Дорошенко и не заболѣло его сердце при видѣ такого безчестія образовъ Божіихъ, все снесъ онъ ради своего несчастнаго временнаго гетманства: такъ замѣчаетъ о немъ мало-

---

[1]) Collect., II, 63.
[2]) Ojcz. Sp., II, 170.
[3]) Ibidem. 172.
[4]) Klimakter, IV, 149.
[5]) Collect., II, 63.
[6]) Collectanea, II, 65.
[7]) А. Ю. и З. Р., XI, 74.
[8]) Лѣт. Самов. 59.
[9]) А. Ю. и З. Р., XI, 242.

Digitized by Google

россійскій лѣтописецъ [1]). Въ новоустроенной главной мечети отправлено было мусульманское пятничное богослуженіе въ присутствіи падишаха и его сановниковъ и въ первый разъ раздался въ Каменцѣ, вмѣсто колокольнаго звона, любезный мусульманскому уху голосъ «муэдзинскаго изана» [2]). Колокола были снущены: падишахъ приказалъ разбить ихъ и перелить на орудія, а нѣкоторые подарилъ Дорошенку [3]). Тогда поймали восьмилѣтняго мальчика по имени Петра Ястржембскаго, привели въ главную мечеть и въ присутствіи султана обрѣзали [4]). Великодушіе, объявленное жителямъ, не помѣшало сдѣлать для нѣкоторыхъ изъ нихъ исключеніе: падишахъ приказалъ отобрать 800 ребятъ въ янычары [5]), а дамъ и дѣвицъ шляхетскаго званія забирали въ гаремы, назначая, смотря по ихъ красотѣ, однѣхъ къ самому падишаху, другихъ—верховному визирю, а иныхъ—пашамъ [6]). Султанъ назначилъ въ Каменцѣ губернаторомъ Алипашу съ гарнизономъ по однимъ въ числѣ двадцати тысячъ [7]), по другимъ—въ пятнадцать тысячъ [8]).

Падишахъ оповѣстилъ по войску, что пойдетъ далѣе въ глубину непріятельской страны. Но турки не слишкомъ спѣшили, будучи слишкомъ увѣрены въ своемъ превосходствѣ надъ непріятелемъ; они презирали поляковъ, называя ихъ низкими трусами; и въ самомъ дѣлѣ изъ подольскихъ городковъ, не защищаясь, бѣжали польскіе «залоги». Ягельница, куда отведены были изъ Каменца жители, была сдана туркамъ самимъ владѣльцемъ Лянскоронскимъ, и турки, овладѣвши этимъ городомъ, распоряжались жителями какъ своими невольниками и гоняли ихъ работать мостъ на рѣкѣ [9]). Было не мало такихъ, говоритъ современникъ [10]), которые предпочитали остаться подъ властію турокъ, чѣмъ идти въ Польшу, чтобъ не слышать тамъ упрековъ и ругательствъ отъ соотечественниковъ за то, что такъ постыдно сдали Каменецъ.

Нѣсколько времени падишахъ оставался въ станѣ близъ

---

[1]) Лѣт. Сам. 59; тоже, изд. 1828 г., стр. 115.

[2]) Collectanea, II, 67.

[3]) Лѣт. Самов. 115.

[4]) Klimakt., IV, 197.—Впослѣдствіи этотъ мальчикъ, обжившись въ Турціи и даже разбогатѣвши, уже самъ имѣлъ дѣтей, но вспомнилъ о своемъ происхожденіи и убѣжалъ въ отечество, гдѣ обратился снова къ христіанской вѣрѣ.

[5]) А. Ю. З. и Р., XI, 242.

[6]) Ojcz. Sp., II, 174.

[7]) А. Ю. и З. Р., XI, стр. 45.

[8]) Klimakt., IV. 203.

[9]) Ojcz. Sp., II, 172.

[10]) Klimakter, II, 198.

Digitized by Google

Жванца, куда перешло войско изъ-подъ Каменца. Тамъ тѣшился онъ охотою. 17 сентября, турки снялись, и 19-го стали подъ Бучачемъ, городкомъ принадлежавшимъ вдовѣ Терезѣ Потоцкой; жолнѣры, бывшіе въ этомъ городкѣ, сначала храбрились, а когда увидали, что непріятельское войско велико, то сдались [1]). Гуссейнъ-паша взялъ Яловицы [2]); другіе паши овладѣли прочими городками: большая часть этихъ городковъ и мѣстечекъ сдавались безъ отпора; современникъ очевидецъ насчитываетъ ихъ около Каменца болѣе тридцати; турки никого не рубили и обращали въ неволю только тѣхъ, кто былъ взятъ съ оружіемъ, но и тѣхъ впослѣдствіи отпустили на свободу [3]). Только городокъ въ Червонной Руси, называемый Буджаны, надъ рѣкою Серетомъ, представилъ исключеніе. Тамъ засѣлъ Ѳома Лужицкій, братъ того, который съ Ханенкомъ потерпѣлъ отъ татаръ пораженіе на Батогѣ; къ нему въ Буджаны набѣжало изъ окрестностей много народа, способнаго носить оружіе. Турки добыли приступомъ Буджаны и убили Лужицкаго, поставивши ему въ вину его упорство, какъ оскорбленіе султанскаго величества. Съ нимъ побили другихъ лицъ, которыя были познатнѣе, а прочихъ всѣхъ отдали татарамъ въ неволю [4]).

Выше было сказано, что ханъ и Дорошенко отправлены были ко Львову. На пути своемъ, въ Орынинѣ, ханъ встрѣтилъ пословъ отъ коронаго гетмана Собѣскаго, стоявшаго съ войскомъ близъ Красностава у сельца Крупе: Собѣскій приглашалъ хана принять на себя посредничество и примирить польскаго короля съ турецкимъ падишахомъ. Послами были Вѣнявскій и Злотницкій, люди давно знакомые крымскому повелителю [5]). Не трудно было указать хану, что дальнѣйшее униженіе Польши и успѣхъ Турціи не вполнѣ будутъ выгодны для крымскихъ властителей, которые хотя и были подручниками падишаха, но всегда ревниво дорожали за свою самобытность. Ханъ принялъ дружелюбно обоихъ польскихъ пословъ и, по сношеніи съ верховнымъ визиремъ, отвѣчалъ Собѣскому, что готовъ принять на себя посредничество, если наперед будетъ знать, что поляки уступятъ Турціи Подолію и обяжутся платить падишаху годичную дань. Иначе—онъ не только не бралъ на себя посредничества, но угрожалъ опусто-

[1]) Collectanea, II, 69.
[2]) Ibidem. 70.
[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 46.
[4]) Klimakter., IV, 205.
[5]) Ibidem, 229, 200, 202.

Digitized by Google

шеніемъ польскихъ областей. Такой отвѣтъ привезъ коронному гетману Злотницкій, а Вѣнявскій остался при ханѣ [1]).

Ханъ съ ордами и Дорошенко съ казаками слѣдовали ко Львову; съ ними былъ отрядъ турецкихъ силъ подъ начальствомъ Каплань-паши. На пути имъ сдавались городки [2]), а татарскіе загоны расходились по сторонамъ, сожигали поселенія и забирали жителей въ полонъ [3]). Непріятельское полчище достигло до Львова, 20 сентября. Передъ ихъ приходомъ Собѣскій распорядился вывести изъ города Львова всѣ общественныя и частныя имущества, удалить женщинъ, дѣтей и стариковъ и дозволилъ оставаться въ городѣ только людямъ, способнымъ владѣть оружіемъ, а комендантомъ во Львовѣ оставилъ Илью Лонскаго съ четырьмя хоругвями пѣхоты и съ двумя отдѣлами конницы [4]).

Непріятельское полчище сразу окружило Львовъ со всѣхъ сторонъ: съ востока расположились турки, съ юга войска молдавскія, и седмиградскія, съ запада татары, съ сѣвера Дорошенковы казаки. 25 сентября львовяне послали Каплану-пашѣ почетный гостинецъ [5]), но паша не принялъ его и потребовалъ присылки къ нему городскихъ ключей.

— Этого мы не смѣемъ сдѣлать безъ воли короля,—отвѣчали посланцы,—вѣдь мы королевскіе подданные! Ожидаемъ королевскихъ пословъ и надѣемся, что они заключатъ съ вами миръ.

Каплань-паша прогналъ городскихъ пословъ. Началась канонада. Вмѣстѣ съ тѣмъ турки стали вести подкопы. 28 сентября, удалось туркамъ взять замокъ, господствовавшій надъ городомъ. Но въ ночь съ 28 на 29 прибыли желанные послы польскаго короля, каштелянъ волынскій Францишекъ Любомицкій

---

[1]) Ojcz. Sp., II, 171, 174, 181.

[2]) Klimakt. IV, 215.

[3]) Лѣт. Сам. 115. Лѣт. Граб. 207.

[4]) Kronika miasta Lwowa, 422. Львовскій комендантъ впослѣдствіи жаловался, что у него было такъ мало силы, что невозможно было давать отпора тридцати тысячамъ турокъ, пятнадцати тысячамъ татаръ и нѣсколькимъ тысячамъ казаковъ (Ojcxyste Sp., II, 176). По другимъ извѣстіямъ, орды было до шестидесяти тысячъ, турокъ до пятнадцати тысячъ, а казаковъ до восьми тысячъ (Ojcz. Sp., II, 179). Но это разнорѣчіе можетъ объясниться тѣмъ, что татарскія орды не бивали всѣ вмѣстѣ, а воевали порознь; такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ говорилось о всей ордѣ, пришедшей съ ханомъ,—въ другомъ же о той, которая въ данное время стояла противъ польскаго войска. Притомъ же цифра численности непріятельскихъ силъ поляками могла быть соображена только глазомѣрно и потому только приблизительна къ истинѣ.

[5]) 4 хлѣба, 10 головъ сахару и боченокъ пивного меда.

Digitized by Google

и коронный подскарбій Шумовскій. Первое ихъ стараніе состояло въ томъ, чтобы при посредствѣ хана прекратить канонаду. На другой день, 30 сентября, начались переговоры. На первыхъ порахъ салтаны или аги подняли такой шумъ, что ни къ чему не могли придти и отложили сходку на другое утро у хана. Турки умышленно старались унизить польскихъ пословъ, не давали имъ стульевъ, приказывали слушать и говорить стоя, снявши шапки.

На другой сходкѣ, 1 октября, поляки заговорили-было о Дорошенкѣ и объ Украйнѣ, но турки и ханъ прервали ихъ и объявили, что объ этомъ нечего уже тратить словъ, когда Украйна давно уже отдалась подъ власть падишаха. Польскіе послы упорно состязались о платежѣ каждогодной дани, добиваясь, чтобъ эту дань называли не харàчемъ (какъ звалась дань, платимая турецкому султану порабощенными христіанами), а «упоминками». Это рѣшено было предоставить волѣ падишаха. Мусульмане требовали-было уступки не только Подоліи, но Львова и съ нимъ вмѣстѣ всего воеводства русскаго, но потомъ на просьбы пословъ согласились, чтобъ городъ Львовъ заплатилъ за себя окупъ въ размѣрѣ двадцати тысячъ червонцевъ. Тогда коммиссары послали въ городъ звать выборныхъ делегатовъ. Выслали изъ Львова четырехъ членовъ магистрата и при нихъ одного каноника. Эти делегаты, по собственному ихъ выраженію, какъ нищіе выпрашивали милости, представляя, что городъ не имѣетъ средствъ. «Возьмите Львовъ—говорили делегаты,—разберите по кирпичику всѣ костелы и каменныя строенія, и тогда не соберете большой стоимости; магнаты и богатѣйшіе граждане ушли, изъ костеловъ все серебро вывезли». Турки ничего не уступили. Когда во Львовѣ сдѣланъ былъ сборъ денегъ по развертцѣ, то едва набралось 5,000 червонныхъ, и потому въ обезпеченіе уплаты остальной суммы Львовъ далъ заложниками нѣсколькихъ знатныхъ лицъ изъ своихъ гражданъ, которые 5 октября выданы были послами Рѣчи-Посполитой туркамъ и отправлены въ Каменецъ [1]).

Во всѣ стороны отъ Львова свирѣпствовали татарскіе загоны; десятками тысячъ жителей, и большихъ и малыхъ, и старыхъ и молодыхъ, гоняли татары въ неволю, сожигали ихъ жилье, истребляли хлѣбные запасы. Коммиссары умоляли Капланъ-пашу приказать пощадить край. Но Капланъ-паша отвѣчалъ: «на то война, благодарите еще Бога за то, что наши войска и крымцы не пошли

[1]) Kronika miasta Lwowa, 426.

Digitized by Google

за Вислу! Зачѣмъ Рѣчь-Посполитая не повѣрила, когда васъ остерегали»? [1]).

Возвращаясь съ послѣдней сходки, послы увидали Дорошенка и его товарищей, сидѣвшихъ на коняхъ. Враги взаимно поклонились другъ другу. Здѣсь былъ Петрановскій, знакомый панамъ по своему посольству отъ Дорошенка. «Каково поживаете, господа?» сказали полякамъ казаки съ явною насмѣшкою. — Эхъ, господа, господа! отвѣчалъ Любовицкій: будьте мудры и смотрите заранѣе, какой конецъ для васъ изъ этого будетъ.

Въ тотъ же день, 5-го октября, послы Рѣчи-Посполитой со статьями договора отправились въ станъ падишаха подъ Бучачемъ. Ничего не могли выторговать поляки у тѣхъ, кому было поручено принять отъ нихъ договорныя статьи. 7-го октября (20-го числа мусульманскаго мѣсяца Джумазыль-Ахыла) верховный визирь, упавши ницъ предъ высокимъ стременемъ падишаха, представилъ договоръ на высочайшее утвержденіе [2]).

Польша обязывалась давать турецкому государю ежегодный даръ въ количествѣ двадцати двухъ тысячъ червонныхъ злотыхъ на срокъ 26-го октября, а падишахъ давалъ отъ себя обязательство запретить своимъ подданнымъ и подручникамъ дѣлать наѣзды и разоренія въ польскихъ владѣніяхъ, и если бы случилось что-нибудь такое, а турецкій императоръ не учинилъ бы удовлетворенія по жалобѣ польскаго короля, то польскій король въ тотъ годъ будетъ свободенъ отъ взноса опредѣленнаго годичнаго дара. Польша уступала Турціи Подолію въ ея давнихъ границахъ, а если бы случились какія-нибудь недоразумѣнія о рубежахъ, то слѣдовало въ такомъ случаѣ съ обѣихъ сторонъ выслать порубежныхъ судей, которые будутъ опираться на свидѣтельство старожиловъ, и власти мусульманскія обязаны будутъ подчиняться приговору этихъ судей. Польскимъ военнымъ людямъ изъ подольскихъ городовъ и крѣпостей предоставляется выходить съ семьями и домашними пожитками, а также унести съ собою и собственное оружіе, но не вывозить крѣпостныхъ орудій. Остающаяся въ Подоліи шляхта (бейзадé), находясь съ своими маетностями подъ турецкою властію, будетъ пользоваться прежними льготами. Поселяне, шляхетскіе подданные обложатся «харачемъ» наравнѣ съ прочими мусульманскими подданными турецкой имперіи (въ размѣрѣ отъ 20 до 50% съ годоваго дохода), или десятиною (данью, которою облагались принявшіе

[1]) Ojcz. Spom., I, 189.
[2]) Collectanea, II, 70.

Digitized by Google

исламъ, въ размѣрѣ 10%), а владѣльцы обязаны были черезъ султанскихъ коммиссаровъ представлять въ казну весь доходъ съ своихъ имѣній разомъ съ собираемыми съ поселянъ государственными податьми, изъ чего владѣльцамъ будетъ оставлена опредѣленная часть. Зато на шляхту не будетъ налагаться никакихъ личныхъ поборовъ. За исключеніемъ мечетей, которыя будутъ находиться въ городахъ и замкахъ, мусульманскія власти не имѣютъ права вступаться въ остальныя земли и усадьбы шляхты, остающейся въ турецкомъ владѣніи, и всѣ подольскіе жители съ ихъ семьями и потомками, подобно другимъ обитателямъ порубежныхъ областей турецкаго государства, не будутъ подвергаться никакимъ стѣсненіямъ въ отправленіи своихъ глупыхъ религіозныхъ обрядовъ. Подольской шляхтѣ дозволялось выѣзжать по своимъ дѣламъ въ польскіе края срокомъ на два мѣсяца, но изъ поселянъ никто ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ былъ ѣздить въ *Лехистанъ* [1]). Вся Украйна уступалась казакамъ въ ея давнихъ рубежахъ, а если бы возникли по поводу рубежей недоразумѣнія, то онѣ должны были рѣшаться тѣмъ же способомъ, какой указанъ выше по отношенію къ Подоліи. Польскія войска обязаны были выдти изъ Бѣлой-Церкви и изо всѣхъ крѣпостей и замковъ украинскихъ, оставивши на мѣстѣ орудія и боевые запасы. Всѣмъ казакамъ, находившимся при Ханенкѣ, поляки не должны препятствовать уходить въ свои дома въ Украйну; самому же Ханенку не дозволять ѣздить въ ту сторону. Поляки не должны мстить польскимъ татарамъ, такъ-называемымъ *липкамъ* за то, что во время войны поступали подъ турецкое знамя, поляки должны были дозволить имъ по ихъ желанію переселяться въ «домъ Ислама». Ханъ крымскій обязанъ не только сдерживать своихъ татаръ отъ набѣговъ въ королевскія области, но и помогать польскому королю противъ его непріятелей, а король польскій обязывался не давать помощи непріятелямъ султана и не дозволять другимъ въ польскихъ владѣніяхъ набирать военныхъ охотниковъ для войны съ Турціею [2]). Таковъ былъ Бучацкій договоръ, считаемый въ польской исторіи самымъ унизительнымъ для Рѣчи-Посполитой; но это былъ единственный актъ, по которому Польша принуждена была отказаться легально отъ власти надъ правобережною Малороссіею, такъ долго добивавшейся независимости отъ Польши.

По заключеніи мира турки отодвинулись къ Жванцу. Пади-

[1]) Такъ турки называли Польшу.

[2]) А. Ю. и З. Р., XI 218. Collectanea, II, 71—95.

Digitized by Google

шахъ назначилъ оставить въ новоприобрѣтенной Подоліи залоги въ различныхъ количествахъ по городамъ [1]). Ко Львову отправлено было приказаніе прекратить войну [2]). Но татары, разошедшись загонами, продолжали еще около мѣсяца своевольствовать. Польскія войска ходили отрядами для преслѣдованія татаръ, но ничего не сдѣлали имъ, отличаясь сами только хвастовствомъ и трусостію [3]). Одинъ Собѣскій удачно расправлялся съ татарскими загонами [4]). Казацкій гетманъ Ханенко также довольно удачно дѣйствовалъ тогда съ своими казаками противъ татарскихъ загоновъ. Послѣ своего пораженія подъ Четвертыновкою, онъ стоялъ у Дубна и тамъ отбилъ нападеніе турецкаго подъѣзда [5]), потомъ, 5-го октября, разбилъ татарскій загонъ подъ Краснобродомъ и отбилъ до двухъ тысячъ полоненниковъ. Вслѣдъ затѣмъ нанесъ татарамъ пораженіе у Томашова, гдѣ никого изъ татаръ не оставили въ живыхъ казаки [6]). Не одни казаки и польскіе жолнѣры Собѣскаго били тогда татаръ: и поселяне Червонной Руси составляли добровольные отряды, разгоняли татарскіе загоны и освобождали христіанскихъ плѣнниковъ [7]) [8]).

Ханъ съ Дорошенкомъ, по приказанію падишаха, отступивши отъ Львова, прибыли въ главный турецкій обозъ подъ Жванцемъ и тамъ представились снова верховному повелителю. Казацкій гетманъ благодарилъ падишаха за великодушное благодѣяніе, оказанное казакамъ. Падишахъ поздравлялъ его съ совершеннымъ освобожденіемъ отъ ляховъ и приказалъ возложить

---

[1]) Въ Каменцѣ по однимъ—20,000 человѣкъ, по другимъ—15,000, а по иннымъ 10,000, въ Межиборжѣ, Барѣ, Ядловцѣ—по 1,000 человѣкъ, а въ другихъ, менѣе значительныхъ городкахъ—по 300 человѣкъ (А. Ю. и З. Р. XI 143. 155). Разнорѣчиво показывали объ этомъ разные выходцы, занимавшіе въ тотъ вѣкъ роль газетъ нашего времени.

[2]) Collectanea, II, 81. А. Ю. и З. Р., XI, 75.

[3]) Pam. Paska 298—303.

[4]) Szujski Dziejé Polski, IV, 40.

[5]) А. Ю. и З. Р., XI, 76.

[6]) Ojcz. Sp., II, 185.

[7]) Ibidem. 187.

[8]) Польскіе историки выставляютъ тогдашнія побѣды своихъ соотечественниковъ, въ особенности Собѣскаго, чѣмъ-то необыкновенно геройскимъ и указываютъ на многочисленность татарскихъ силъ въ сравненіи съ польскими. Но безпристрастно вникнувши въ дѣло, эти побѣды не окажутся такъ изумительными, какими ихъ окрашиваютъ поляки: татарскіе загоны не держались никакого порядка и были отягчены громаднымъ числомъ уводимыхъ въ неволю полоненниковъ, а потому нетрудно было сколько-нибудь устроенному войску разгонять ихъ и освобождать изъ ихъ рукъ ясырь.

Digitized by Google

на него халатъ, вышитый золотомъ. Верховный визирь въ своемъ шатрѣ велъ съ Дорошенкомъ такую бесѣду:

— Отчего, спросилъ онъ гетмана, ваше славное войско запорожское такъ умалилось и обезсилѣло противъ прежнихъ временъ.

— Раздѣлилось—отвѣчалъ Дорошенко:—большая часть осталась на лѣвой сторонѣ у царя, и на правой сторонѣ городъ Кіевъ у него же во власти.

— А ты бы—сказалъ визирь—спросилъ себѣ у царя заднѣпровскую Украйну и Кіевъ.

— Царь не отдаетъ,—сказалъ Дорошенко.

— А какимъ подобіемъ достались эти края царю? — спрашивалъ визирь.

Дорошенко отвѣчалъ:

— Сперва сами поддались, потомъ отложились отъ царя, но царь посылалъ большое войско, тогда они и по неволѣ подчинились царю, и живутъ у него въ подданствѣ.

— Такъ потерпите же и молитесь Богу,—сказалъ визирь:—вотъ какъ польскаго короля одолѣемъ и подъ данью крѣпко учинимъ, тогда и Кіевъ и заднѣпровская Украйна будутъ наши [1]).

Дорошенко оставилъ при султанскомъ дворѣ въ качествѣ своихъ резидентовъ Петрановскаго и писаря Воеховича съ четырьмя человѣками товарищей [2]).

Падишахъ двинулся обратно съ войскомъ за Днѣстръ въ свои владѣнія, а Дорошенко съ ханомъ въ Украйну. Дорошенко безъ труда отобралъ подъ свою власть городки, подчинившіеся Ханенку между Днѣстромъ и Бугомъ; польскіе жолнѣры, бывшіе тамъ въ замкахъ, ушли безъ сопротивленія [3]). Недалеко отъ Умани ханъ съ своими ордами отправился въ Крымъ, а Дорошенко остановился въ Кристиновкѣ, недалеко отъ Умани. Этотъ городъ передъ турецкимъ приходомъ держался Ханенка, который прежде былъ уманскимъ полковникомъ и по всему видно родомъ былъ изъ Умани; по крайней мѣрѣ, семья его тамъ оставалась, а полковникомъ отъ своей руки поставилъ Ханенко тамъ Бѣлогруда. Услыхавши, что Дорошенко въ Кристиновкѣ, уманцы собрались на раду и разсудили, что теперь Дорошенко страшенъ и надобно ему кланяться. Духовные и міряне повезли ему въ гостинецъ, какъ выражается лѣтописецъ [4]), «ско-

---

[1]) А. Ю. и З. Р. XI 168.

[2]) Ibid. 76.

[3]) Лѣт. Сам. 59.

[4]) Величко, II, 332.

Digitized by Google

ромнаго и постнаго провѣнта» и разныхъ напитковъ. Дорошенко ласково принялъ предлагаемые гостинцы, но похулилъ уманцевъ за то, что поддались Ханенку и ляхамъ. «Ляхи,— говорилъ онъ,—наши первѣйшіе враги; отрѣкитесь отъ нихъ, будьте подъ турецкою протекціею, не вѣрьте тѣмъ, которые васъ пугаютъ нарушеніемъ православной вѣры и старыхъ порядковъ». Въ заключеніе онъ пригласилъ депутатовъ на обѣдъ, дружелюбно простился съ ними и отправился въ Чигиринъ, а черезъ полторы недѣли потребовалъ изъ Умани къ себѣ нѣкоторыхъ знатныхъ казаковъ и приказалъ ихъ—кого повѣсить, а кого разстрѣлять, и Ханенкову жену прислать въ Чигиринъ. Но въ Умани были запорожцы преданные Ханенку—по однимъ извѣстіямъ—полторы тысячи,—по другимъ—пятьсотъ [1]). Они ушли въ Бѣлую-Церковь и увлекли за собою многихъ уманцевъ, опасавшихся расправы отъ Дорошенка [2]). Тогда Дорошенко послалъ къ Бѣлоцерковскому коменданту Лобелю требованіе выступить съ польскими жолнѣрами сообразно условію, постановленному въ мирномъ договорѣ съ турками. Но Лобель отвѣчалъ, что не выйдетъ, пока не получитъ приказа отъ своего короля. Вслѣдъ затѣмъ Лобель сталъ дразнить Дорошенка: онъ послалъ своихъ жолнѣровъ и велѣлъ имъ сжечь казацкіе городки Семеновку и Хвастовъ [3]). Такимъ образомъ Дорошенко, еще до истеченія полугодія со времени Бучацкаго договора, имѣлъ уже полное право упрекать поляковъ въ вѣроломствѣ и несоблюденіи мирнаго договора.

III.

Политика московскаго правительства.—Опасенія разрыва съ Турціею.—Царскія грамоты христіанскимъ европейскимъ державамъ.—Проектъ сойтись съ Дорошенкомъ.—Освобожденіе Сѣрка.—Рада у Дорошенка весною 1673 года.—Народное недовольство турецкимъ господствомъ.—Каневскій полковникъ Лизогубъ.—Его сношенія съ московскимъ правительствомъ.—Сношенія Дорошенка съ Польшею.—Рада на Расовѣ и въ Чигиринѣ. Неудачное посольство Шумлянскаго.—Послѣдняя борьба Дорошенка съ Ханенкомъ.—Ханенко подъ Кіевомъ.—Убійство Пиво-Запольскаго.—Ханенко уходитъ въ Запорожье.—Хотинская побѣда Собѣскаго надъ турками.—Увертка Дорошенка.

Московское государство держалось почти безучастно во все время войны турокъ съ поляками. Когда падишахъ шелъ на

[1]) Ojcz. Spom. II, 192.
[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 112.
[3]) Ibid. 95.—Ojcz. Sp. II, 193.

Digitized by Google

Каменецъ, король Михаилъ посылалъ въ Москву просить содѣйствія на основаніи Андрусовскаго договора, но ему отвѣтили, что Андрусовскія статьи повреждены уже самими поляками, что, однако, царь, по христіанскому долгу, уже указалъ подвластнымъ калмыкамъ, татарамъ и донскимъ казакамъ сдѣлать нападеніе на крымскіе улусы въ видахъ отвлеченія крымцевъ, воевавшихъ вмѣстѣ съ турками противъ поляковъ; что не запрещается, кромѣ того, охотникамъ изъ подданныхъ московскаго государя участвовать вмѣстѣ съ поляками въ войнѣ противъ невѣрныхъ. Тѣмъ и ограничилось московское благорасположеніе къ Польшѣ, въ трудное для послѣдней время. Каменецъ былъ взятъ. Польша утратила Подоль и Украйну;—тогда опасный вѣтеръ сталъ вѣять и на Россію. Ромодановскій и Самойловичъ получали и сообщали въ Москву зловѣщіе слухи о томъ, что турки собираются вторгаться въ царскія владѣнія [1]), а кіевскій воевода князь Козловскій извѣщалъ, что въ лѣвобережной Украйнѣ стали ходить «прелестные» листы Дорошенка [2]). Самъ Дорошенко, напротивъ, къ великороссійскимъ властямъ показывалъ предупредительность и письменно просилъ великороссійскаго воеводу въ Кіевѣ пребывать къ нимъ въ любви «совѣтно» [3]). Въ Москвѣ мало вѣрили дружелюбію Дорошенка и въ видахъ опасности, въ концѣ декабря послали въ малороссійскіе города ратную силу подъ главнымъ начальствомъ князя Трубецкого, назначеннаго въ Кіевъ воеводою [4]); самъ царь объявилъ намѣреніе идти въ походъ своею особою и для этого приказано было строить государевъ дворъ въ Путивлѣ. Ожиданіе столкновенія съ могущественною Оттоманскою державою побудило московское правительство искать содѣйствія европейскихъ государей и съ этою цѣлью разосланы были съ царскими грамотами гонцы къ цесарю, папѣ, курфирстамъ саксонскому и бранденбургскому, къ венеціанской республикѣ, во Францію, Испанію, Англію, Голландію, Швецію и Данію [5]). Это было первое обращеніе московскаго государства къ европейскимъ державамъ о войнѣ съ турками; до тѣхъ поръ съ запада присылались подобныя предложенія къ московскому государству и были напрасны.

Но, ожидая отъ Дорошенка, турецкаго подручника, непріязненныхъ поступковъ, въ Москвѣ считали возможнымъ болѣе чѣмъ

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 73, 77, 118, 124, 94, 100, 125.
[2]) Ibidem. 77, 81, 88.
[3]) Ibidem. 99.
[4]) Ibidem. 131.
[5]) Ibidem. 104.

Digitized by Google

прежде сойтись съ Дорошенкомъ. Не разъ уже онъ заявлялъ желаніе поступить подъ высокодержавную руку православнаго монарха, съ тѣмъ однако, чтобы сохранилось единство Украйны, разодранной Андрусовскимъ договоромъ. Московское правительство, признавая Дорошенка польскимъ подданнымъ, находило затруднительнымъ принять его, чтобы не нарушить мирнаго договора съ Польшею. Теперь такое затрудненіе устранялось. Дорошенко пересталъ быть польскимъ подданнымъ послѣ того, какъ сама Польша договоромъ съ Турціею отреклась отъ Украйны подчиненной Дорошенку, и пріемъ правобережнаго гетмана въ подданство царю не долженъ былъ, казалось, повлечь за собою разрыва съ Польшею. Скорѣе ожидалось изъ-за этого столкновеніе съ Турціею, но въ Москвѣ въ то время надѣялись, что теперь, по царскому приглашенію, ополчатся противъ враговъ креста святого христіанскія державы, много разъ прежде того побуждавшія къ войнѣ московское государство. Составился проектъ отклонить Дорошенка отъ союза съ Турціею и склонить къ подданству московскому царю. Этотъ проектъ, сообщенный прибывшему въ Москву отъ Самойловича протопопу Адамовичу вмѣстѣ съ сыновьями гетмана, поручался для исполненія боярину Ромодановскому и гетману Самойловичу. Предполагалось обращаться съ Дорошенкомъ такъ, чтобъ его и ласкать, и припугивать. Сперва гетманъ и бояринъ должны были отправить къ Дорошенку двухъ умныхъ людей съ увѣщательною грамотою отъ царскаго имени, а сами затѣмъ на страхъ Дорошенку они со своими военными силами должны были подвинуться къ берегамъ Днѣпра [1]). Если Дорошенко приметъ грамоту, то пусть пріѣдетъ къ боярину и гетману и въ ихъ присутствіи присягнетъ въ вѣрности царю;—если же станетъ упрямиться, то грозить ему военнымъ походомъ противъ него. Тогда уже предполагали, что могли правобережные полковники съ своими полками, мимо воли своего гетмана, отступиться отъ Турціи и поступить въ подданство къ царю,—заранѣе указывалось принять ихъ. Въ это же время освободили изъ Сибири и отпустили въ Запорожье Сѣрка по ходатайству польскаго короля [2]) и кошевого запорожскаго [3]), несмотря на просьбу гетмана задержать его [4]). Сѣрко, уѣзжая на свободу, выслушалъ отъ московскаго патріарха назидатель-

---

[1]) А. И. Д. 1673, № 9.
[2]) А. Ю. и З. Р., XI. 11.
[3]) Ibidem. 112.
[4]) Ibidem. 139.

Digitized by Google

ное увѣщаніе быть вѣрнымъ поставленному отъ Бога монарху, но внутри затаилъ надолго, если не навсегда, нерасположеніе къ Москвѣ.

Какъ только Дорошенко услыхалъ, что въ царской державѣ затѣвается что-то на его счетъ, то созвалъ въ Чигиринѣ на раду полковниковъ и старшинъ и спрашивалъ, что̀ имъ дѣлать. Всѣ, зная преданность своего гетмана къ Турціи, единогласно положили: «намъ отъ турка отступиться нельзя. Царь, по мирному договору съ Польшею, насъ не приметъ, искони вѣковъ Украйна наша не была въ раздѣлѣ, а подъ королевскою рукою ни за что быть не хотимъ. Коли въ нынѣшнее время намъ отъ турка отложиться, то насъ турокъ до останка разоритъ! [1]) Такимъ образомъ, прежде чѣмъ отъ московскаго царя пришлось имъ услышать голосъ, призывающій ихъ къ отступленію отъ турокъ, правобережные казаки рѣшали держаться крѣпко турецкой власти, но они говорили только изъ угодливости Дорошенку: то не былъ всеобщій голосъ народа. Народъ въ Украйнѣ, напротивъ, роптalъ на своего гетмана за подданство Турціи. Изъ Подоліи,— страны, населенной малороссіянами, но уступленной Польшею Турціи, приносились ужасающія вѣсти о жестокостяхъ бусурманъ надъ христіанскими жителями: церкви божіи обращались въ мечети или кладовыя, запрещался церковный благовѣстъ, малыхъ ребятъ брали отъ родителей, не допускали жениться, крестить младенцевъ, хоронить умершихъ, не заплатившимъ положенныхъ за то пошлинъ. Наказывали по одному подозрѣнію, ввели круговую поруку, невинный отвѣчалъ за виновнаго: ушелъ самовольно какой-то мѣщанинъ, вмѣсто него посадили въ тюрьму другого и заставили заплатить порядочную сумму. Запретили христіанамъ свободную торговлю горѣлкою и пивомъ. «Заковываютъ христіанъ въ кандалы, такъ что уже въ Подоліи и желѣзо вздорожало отъ потребности въ кандалахъ» [2]). Такіе толки кружились тогда въ народной громадѣ и отвращали народъ отъ Дорошенка; между самими старшинами, которые, угождая Дорошенку, на радѣ подавали голосъ въ пользу Турціи, нашлись сразу такіе, что были готовы служить видамъ московскаго государя. Ближе всѣхъ къ Дорошенку былъ тогда каневскій полковникъ Яковъ Лизогубъ. Гетманъ отдалъ за его сына свою дочь. Лизогубъ повелъ подкопъ подъ своего свата. Онъ началъ съ того, что послалъ къ переяславскому полковнику Дмитрашкѣ

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 166—189.—Ojcz. Sp., II, 239.
[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 169—181.—Ojcz. Sp., II, 198.

Digitized by Google

Райчѣ одного грека, переяславскаго жителя, сообщить по секрету, что каневскій полковникъ со всѣмъ полкомъ желаетъ быть въ подданствѣ у великаго государя. Дмитрашка Райча отправилъ присланнаго грека къ Самойловичу.

— Какъ у васъ дѣло дѣлалось, разскажи?—спрашивалъ Самойловичъ грека.

Грекъ сказалъ:

— Лизогубъ призвалъ меня къ себѣ и говорилъ: приходятъ на насъ лихія времена, разволокуть турки всѣхъ насъ врознь. Я бы хотѣлъ съ городомъ Каневомъ и со всѣмъ моимъ полкомъ отступиться отъ Дорошенка, да не смѣю у великаго государя милости просить.

Самойловичъ послалъ объ этомъ извѣстіе въ Москву, а изъ Москвы, 16-го января 1673 года, отправили въ Батуринъ подъячаго Семена Щеголева съ указомъ гетману, если подлинно окажется, что Лизогубъ хочетъ быть въ подданствѣ у царя, то поручить ему уговаривать и другихъ полковниковъ отступить отъ Дорошенка. Разомъ съ тѣмъ слѣдовало узнать отъ Лизогуба, не хочетъ ли самъ Дорошенко отступить отъ султана. Самойловичъ долженъ былъ послать за этимъ къ Лизогубу вѣрнаго и знающаго человѣка со словеснымъ наказомъ, но никакъ ничего не довѣрять бумагѣ.

Самойловичъ тотчасъ послалъ къ Дмитрашкѣ Райчѣ того же грека, который къ нему пріѣзжалъ, но въ разговорахъ со Щеголевымъ гетманъ не показалъ расположенія вести съ Дорошенкомъ мирные переговоры. Самойловичъ боялся, чтобъ Дорошенко впослѣдствіи какъ-нибудь не вошелъ въ милость у царя и не выпросилъ для себя гетманства надъ обѣими сторонами въ Украйнѣ. Самойловичъ говорилъ московскому послу, что предпочитаетъ идти войною на Дорошенка. 30-го января онъ отправилъ Щеголева самого къ Дмитрашкѣ Райчѣ.

Щеголевъ видѣлся съ Дмитрашкою Райчемъ въ Кіевѣ 14-го февраля. Дмитрашко Райча сказалъ ему:

«Лизогубъ со мною издавна въ совѣтѣ живетъ, а теперь учинился сватомъ Дорошенку по неволѣ. Лизогубъ присылалъ ко мнѣ, чтобъ я отдалъ свою падчерицу за его сына. Я-было и помыслилъ такъ сдѣлать, хотячи Лизогуба на сю сторону перевести; но потомъ, черезъ своего зятя Ивана Гладченка, Лизогубъ передалъ мнѣ вотъ что: ѣздилъ онъ, Лизогубъ, къ Дорошенку спрашивать о женитьбѣ сына своего, а Дорошенко и говоритъ ему: напрасно съ Дмитрашкою родниться хочешь, они люди богатые и спѣсивые, что тебѣ съ ними въ свойство вхо-

Digitized by Google

дить? Знать, Дорошенка не посмѣешь просить, оттого, что онъ гетманъ, а Дорошенко не побрезгуетъ Яковомъ Лизогубомъ, его сыномъ, а у Дорошенка есть дочь!—Послѣ такихъ словъ Яковъ Лизогубъ убоялся Дорошенка и тотчасъ же, не отговариваясь, женилъ своего сына на дочери своего гетмана, а теперь Яковъ Лизогубъ говоритъ: такое со мною учинилось, чего моя душа никогда не желала».

Щеголевъ обдарилъ Дмитрашку Райчу соболями, а Дмитрашко Райча уѣхалъ въ Барышевку, условившись позвать туда Щеголева послѣ того, какъ снесется съ Лизогубомъ.

Щеголева позвали въ Барышевку 28-го февраля, и тогда онъ держалъ бесѣду съ грекомъ, воротившимся изъ Канева, куда посылалъ его Дмитрашка Райча. Грекъ говорилъ:

— Лизогубъ сказалъ мнѣ: со всѣмъ полкомъ готовъ царю служить, только безъ присылки сюда царскаго войска намъ отлучиться отъ Дорошенка невозможно. Онъ всѣми силами своими оступитъ меня и мученію паче другихъ человѣкъ предастъ за то, что я съ нимъ въ свойствѣ. Радъ бы я со всѣмъ своимъ домомъ и пожитками перебраться въ сторону царскую, да славу свою утеряю. Здѣсь я начальный знатный человѣкъ и всѣ люди нашей стороны меня слушаютъ, и лучше будетъ мнѣ, живучи на правой сторонѣ, показать службу свою великому государю. Уже и теперь люди нашей стороны, видя отъ турокъ утѣсненія, проклинаютъ Дорошенка. Да и самъ Дорошенко жалѣетъ, что поддался турскому султану, только не знаетъ, что̀ ему дѣлать. Не дай Богъ коли польскій король станетъ совсѣмъ подъ данью у турецкаго султана; тогда онъ долженъ будетъ дѣлать все, что̀ прикажетъ султанъ и поляки пойдутъ войною на царскую державу.—Подали питье; Лизогубъ первую чашу выпилъ за царя, вторую за гетмана Самойловича и потомъ произнесъ: пусть бы великій государь присылалъ многочисленную рать въ Украйну, пока турскія войска не пришли. Ни одинъ городъ, кромѣ Чигирина, не станетъ держаться съ Дорошенкомъ. Всѣ сдадутся, и самъ Дорошенко, какъ увидитъ близко себя царскую рать, не то станетъ думать, что̀ теперь. У насъ на правой сторонѣ всѣ съ охотою отдадутся подъ высокодержавную царскую руку, только пусть великій государь насъ пожалуетъ: нашихъ полковниковъ и прочихъ начальныхъ людей не велитъ грабить, разорять и въ Сибирь ссылать. У насъ этого очень боятся. Да еще и того многіе опасаются:—какъ сдадутся подъ высокую царскую руку, а великій государь изволитъ ихъ королевскому величеству отдать, какъ уже было при Бруховецкомъ. Какіе были

Digitized by Google

городы побраны, а потомъ опять отданы Польшѣ: тогда ужъ покоя у насъ не будетъ, потому что подъ королевскою рукою намъ ни за что не быть». Прощаясь со мною, Лизогубъ сказалъ: «пусть бы царскій подъячій пріѣхалъ ко мнѣ повидаться въ Каневъ».

Щеголевъ не дозволилъ себѣ безъ вѣдома гетмана входить въ дальнѣйшія объясненія и ѣхать на свиданіе къ самому Лизогубу, потому что не зналъ степени искренности Лизогуба и воротился въ Батуринъ. На прощаньи съ нимъ, Дмитрашко Райча, всегда склонный къ козняхъ, старался выставить себя особенно преданнымъ царю и способнымъ оказать услуги, а своихъ земляковъ-малороссіянъ чернилъ всевозможнѣйшимъ образомъ всѣхъ огуломъ, не касаясь лицъ, и только одного Лизогуба хвалилъ.

По возвращеніи въ Батуринъ подъячій услыхалъ отъ Самойловича такой отзывъ о Лизогубѣ:

— Вѣрилъ я Лизогубу, пока онъ не былъ въ сватовствѣ съ Дорошенкомъ, а теперь не вѣрю; думаю,—все, что Лизогубъ говорилъ греку Павлу, научилъ его такъ говорить самъ Дорошенко. Вотъ какъ пойдемъ съ княземъ Ромодановскимъ на ту сторону съ войскомъ, такъ и не въ честь станутъ намъ сдаваться, знаючи, что иначе турки придутъ и разволокутъ всѣхъ. Вотъ Хмельницкій съ бусурманами водился, да и залетѣлъ въ Царьградъ, да и Дорошенко изъ-подъ Каменца отъ бусурмана насилу утекъ. Не отбыть ему и впередъ. Къ Лизогубу посылать не нужно. Лизогубъ наши слова станетъ передавать Дорошенку, а Дорошенко передастъ объ этомъ султану и тѣмъ станетъ его противъ насъ возбуждать.

Эти слова показывали, какое взаимное недовѣріе господствовало въ малороссійскомъ обществѣ: одинъ другого хотѣлъ подвести, одинъ другого остерегался. Самойловичъ, наученный опытами прежнихъ лѣтъ, осматривался на всѣ стороны, чтобъ его не провели и не вооружили противъ него въ Москвѣ правительство [1]).

Щеголевъ уѣхалъ 13 марта.

По договору съ турками поляки обязались дать Дорошенку Бѣлую-Церковь, но бѣлоцерковскій комендантъ Лобель не сдавалъ ее, а Ханенко продолжалъ именоваться гетманомъ всей правой стороны, и недовольство въ Украйнѣ подчиненіемъ Турціи подавало ему надежды. Умань отложилась отъ Дорошенка. По

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 177.

Digitized by Google

разсказу лѣтописи Величка [1]), въ понедѣльникъ на пасху былъ обѣдъ, устроенный братствомъ въ воскресенской церкви; тамъ были многіе значные жители и начальные люди компанейцевъ и серденятъ, посланныхъ Дорошенкомъ въ Умань. Во всемъ городѣ много тогда пили ради праздника Господня. Когда полковники компанейскій Силичъ и серденятскій Жеребило возвращались верхомъ съ пира, пьяницы на улицѣ стали задирать ихъ бранными словами, а когда тѣ стали отъ нихъ отмахиваться канчуками, бросились на нихъ съ дрючками (кольями). Жеребило ускакалъ изъ города съ конными компанейцами, а Силичъ съ пѣшими серденятами, запершись въ какомъ-то домѣ, отстрѣливался отъ уманцевъ, пока, наконецъ, уманцы взяли его со всѣми серденятами и всѣхъ перебили. Кгродзенко, поставленный отъ Дорошенка полковникомъ, убѣжалъ къ своему гетману, а уманцы выбрали полковникомъ Яворскаго, прежняго войскового товарища, и послали къ Ханенку объявить, что хотятъ быть подъ его региментомъ. Тогда Ханенко началъ открытую вражду съ Дорошенкомъ. Назначенный имъ въ званіи Бѣлоцерковскаго полковника, Игнатъ Макуха началъ безпокоить подъѣздами украинскіе городки, признававшіе Дорошенка, а Бѣлоцерковскій комендантъ просилъ помощи у кіевскаго воеводы. Дорошенко обратился за помощью въ Крымъ черезъ войскового товарища Ивана Мазепу [2]), но разсудилъ, что до прихода къ нему на помощь союзниковъ ссориться съ Польшею не слѣдуетъ: онъ послалъ королю Михаилу письмо, гдѣ заявлялась мысль о соединеніи Украйны съ Польшею на основаніи Гадяцкаго договора, съ непремѣннымъ однако условіемъ немедленнаго выхода поляковъ изъ украинскихъ городовъ [3]). Посланецъ Дорошенка былъ на дорогѣ схваченъ турками и вскорѣ въ Чигиринъ явился турецкій чаушъ съ запросомъ, что̀ значитъ посылка къ польскому королю. Дорошенко отговорился, что это была хитрость: узналъ онъ, что поляки намѣрены напасть на Украйну, хотѣлъ обмануть ихъ и задержать пока не пришлется къ нему помощь изъ Турціи. Отпуская этого чауша, Дорошенко послалъ къ султану въ подарокъ польскихъ плѣнниковъ, содержавшихся у него въ чигиринскомъ замкѣ. Дорошенко туркамъ говорилъ тогда правду; онъ сносился съ поляками, не думая на самомъ дѣлѣ съ ними дружить. Король послалъ къ нему львовскаго православнаго епископа Шумлян-

[1]) Лѣт. Вел., т. II, стр. 337—340.
[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 232.
[3]) Ibidem. 222, 239.

Digitized by Google

ского, человѣка искренно преданнаго полякамъ и склоннаго къ уніи, которую принялъ впослѣдствіи [1]). Въ ожиданіи пріѣзда этого владыки, Дорошенко назначилъ генеральную раду на рѣкѣ Расавѣ для разсужденія о томъ, что̀ дѣлать съ поляками, но самъ туда не поѣхалъ, зная напередъ, что въ большомъ народномъ собраніи встрѣтитъ противъ себя раздраженіе [2]), а послалъ туда вмѣсто себя наказнымъ Лизогуба, который на радѣ выслушалъ отъ казаковъ большое негодованіе къ турецкому господству, непреклонную вражду къ полякамъ и наклонность къ московскому царю [3]). Когда же пріѣхалъ Шумлянскій [4]), Дорошенко въ Чигиринѣ собралъ опять раду уже при себѣ, но вмѣсто того, чтобы подготовлять казаковъ къ соединенію съ Польшею, вспоминалъ всякія оскорбленія, нанесенныя малороссіянамъ ляхами, и превозносилъ турецкаго государя. Шумлянскій понялъ, что Дорошенко лукавитъ и уѣхалъ изъ Чигирина ни съ чѣмъ [5]), а Дорошенко отправилъ къ турецкому султану полученныя отъ польскаго короля письма, изъ которыхъ султанъ могъ узнать, что у христіанскихъ государей возникла мысль составить между собою союзъ, чтобы идти войною на мусульманъ [6]).

Прежде чѣмъ къ Дорошенку пришла ожидаемая изъ Крыма помощь, онъ услыхалъ, что Ханенко, стоявшій на Волыни у Корца, двинулся на него въ Украйну съ своими казаками и поляками, чтобы предупредить прибытіе къ Дорошенку орды [7]). По извѣстію одного украинскаго лѣтописца [8]), Ханенко дошелъ до Стеблова и былъ тамъ пораженъ на голову, стиснутый съ одной стороны Дорошенкомъ, а съ другой—крымскимъ салтаномъ, успѣвшимъ дойти на помощь къ Дорошенку. Много бѣжало изъ его войска, которое, какъ показываютъ современники, у него простиралось до десяти тысячъ; съ оставшимися Ханенко ушелъ къ Кіеву и расположился станомъ подъ печерскимъ монастыремъ. Современныя извѣстія объ этомъ событіи не упоминаютъ, но сообщаютъ, что Ханенко бился съ отрядомъ Дорошенкова войска, бывшаго подъ начальствомъ наказнаго Якова Лизогуба на рѣкѣ Либеди, близъ Кіева. Какъ это битва кончилась—неизвѣстно, но

---

[1]) Ibidem. 237—239.—Ojcz. Sp., II, 217, 221.
[2]) Ojcz. Sp, II, 238.
[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 271.
[4]) Ojcz. Sp., II, 217.
[5]) А. Ю. и З. Р., XI, 284.
[6]) Ojcz. Sp., II, 228.
[7]) А. Ю. и З. Р., XI, 286—296.
[8]) Велич., II, 339—340.

Digitized by Google

Ханенко послѣ того приблизился къ Кіеву и послалъ кіевскому воеводѣ князю Трубецкому объявить, что онъ съ своими казаками, тѣснимый Дорошенкомъ, не въ состояніи сладить съ своимъ врагомъ, не желаетъ болѣе служить польскому королю, недоволенъ будучи короннымъ гетманомъ Яномъ Собѣскимъ и проситъ принять его въ подданство царю. Воевода прогонялъ его отъ Кіева къ Димеру, но Ханенко не пошелъ туда [1]), а перешелъ на островъ, образуемый Днѣпромъ и Чарторыею и обратился къ Самойловичу съ просьбою пропустить его въ Запорожье. Самойловичъ послалъ въ приказъ просить на это разрѣшеніе и не получалъ отвѣта въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, а Ханенковы казаки поодиночкѣ уходили искать селитьбы въ царскихъ областяхъ. Ханенко, не дождавшись разрѣшенія, съ умаленною въ значительной степени своею ватагою, двинулся на Полѣсье въ городъ Димеръ, съ намѣреніемъ отмстить своему личному врагу, польской службы полковнику Пиво-Запольскому [2]).

Пиво-Запольскій былъ типичною личностью поляка своего времени. Посланный въ полѣсскій край по сосѣдству съ Кіевомъ, онъ набралъ себѣ своевольный отрядъ, постоянно возбуждавшій жалобы малороссіянъ на безчинства и насилія. Лѣтомъ 1678 г. онъ напалъ на Кіевъ и надѣлалъ тамъ разоренія. Нѣсколько времени въ Кіевѣ боялись, что этотъ польскій полковникъ снова сдѣлаетъ нападеніе на Кіевъ съ цѣлью отобрать его во власть польскаго короля. Но вдругъ Пиво-Запольскій изъявилъ готовность перейти на службу къ московскому государю; ему отказали, не желая входить въ недоразумѣнія съ польскимъ королемъ [3]). Тогда Пиво-Запольскій предложилъ себя на службу Дорошенку и уже въ Паволочи, передъ Дорошенковымъ генеральнымъ асауломъ Шуликомъ, произнесъ присягу украинскому гетману, турецкому подручнику [4]). Такія измѣны у поляковъ въ тотъ вѣкъ оправдывались шляхетскою вольностію. Вотъ съ этимъ-то господиномъ былъ Ханенко во враждѣ. Въ предшествовавшемъ году Ханенко отбилъ на дорогѣ плѣнницу, черкешенку изумительной красоты, которую Дорошенко посылалъ въ даръ падишаху. Ханенко отдалъ ее на сбереженіе въ Бѣлую-Церковь къ коменданту Лобелю до своего востребованія. Провѣдавши о ней, Пиво-Запольскій сочинилъ фальшивое письмо отъ имени Ханенка, и такъ искусно подписался подъ его руку, что Лобель выдалъ

[1]) Симбирс. Сборн. Малорос. дѣла, стр. 4, 15—16.
[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 318, 320.
[3]) Ibid. 215, 222. — Письма Лаз. Барановича, стр. 183. О нападеніи на Кіевъ.
[4]) Ibid. 231, 232.

Digitized by Google

дѣвушку подателю письма. Пиво-Запольскій жилъ съ нею четверть года, потомъ, какъ говорятъ, на ней женился. Ханенко, пока служилъ Польшѣ, таилъ въ себѣ желаніе мести, но послѣ пораженія Дорошенкомъ, недовольный притомъ поляками за то, что его мало наградили, рѣшился отступить отъ Польши и на прощаніе расправиться съ своимъ врагомъ. Не открывая никому своего намѣренія, онъ прибылъ въ Димеръ, расположился передъ замкомъ, пригласилъ Пиво-Запольскаго къ себѣ на пирушку, убилъ его въ своемъ шатрѣ [1]), потомъ выступилъ изъ Димера въ Брагинъ и отуда послалъ новую просьбу къ Самойловичу о дозволеніи пройти въ Запорожье [2]). Самойловичъ тогда уже получилъ рѣшеніе московскаго правительства. Царская грамота отъ 23 октября дозволяла Самойловичу пропустить Ханенка на Запорожье, а его разбѣжавшихся казаковъ, шатавшихся на лѣвой сторонѣ, водворить на жительство въ лѣвобережной Украйнѣ, но приказать начальнымъ людямъ по полкамъ смотрѣть за ними, чтобъ отъ нихъ не было ничего дурного [3]). Вслѣдъ за уходомъ Ханенко на Запорожье, множество жителей изъ Уманскаго полка, признавшіе Ханенка, не хотѣли подчиняться Дорошенку и турецкой власти, покинули, по выраженію украинскаго лѣтописца, свои красныя жилища и угодья, перешли на лѣвый берегъ Днѣпра и поселились въ разныхъ мѣстахъ полтавскаго полка близко къ днѣпровскому побережью [4]). Стремленіе переселяться въ царскія владѣнія охватило и тѣхъ малороссіянъ, которые жили въ краѣ, непосредственно принадлежавшемъ Польшѣ. Поляки стали не допускать народъ до такихъ переходовъ, и весною 1673 года, подъ Любаромъ, остановили большую партію «прачанъ» (такъ-назывались въ то время переселенцы). Дорошенко роптатъ, что ляхи «не пропускаютъ нашихъ», но, заступаясь за прачанъ, желалъ, чтобъ они селились въ его пустѣвшихъ владѣніяхъ, а перевозиться черезъ Днѣпръ претилъ имъ не лучше поляковъ [5]).

Осенью, между тѣмъ, у поляковъ возобновлялся разрывъ съ Турціею. Вопреки бучацкому договору, поляки не платили опредѣленной дани, не выводили своихъ «залогъ» изъ подольскихъ городковъ и даже стали выгонять турецкія и татарскія

[1]) Ojcz. Sp., II, 251, 253.
[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 321.
[3]) Ibidem. 319.
[4]) Величка, II, 340.
[5]) Ojcz. Sp. II, 215.

Digitized by Google

залоги, помѣщенные въ Подоліи [1]). Падишахъ грозилъ наказать поляковъ военною силою за вѣроломство; но поляки, съ своей стороны, понадѣялись на измѣну Турціи господарей: молдавскаго Гики и валахскаго Петриченка [2]). Коронный гетманъ Собѣскій съ наступленіемъ осени двинулся къ Хотину. Услышавши объ этомъ движеніи, турецкій сердарь (главнокомандующій) отправилъ Гуссейна-пашу съ небольшимъ отрядомъ и къ усиленію его приказалъ идти другому турецкому генералу, Капланъ-пашѣ, съ двадцатью тысячами войска. Но, прежде чѣмъ Капланъ-паша успѣлъ придти, поляки атаковали Гуссейна-пашу. Силы враговъ оказались неравномѣрными: у поляковъ было 30,000 человѣкъ, да еще 4,000 валаховъ, у турокъ — только 10,000. Гуссейнъ и бывшіе съ нимъ паши покинули свои становища, добѣжали до моста, построеннаго черезъ Днѣстръ, и ушли въ Каменецъ. За ними, по тому же направленію къ мосту, бросилась бо́льшая часть турецкаго войска, но отъ многолюдства мостъ обломился, много турокъ потонуло, умѣвшіе хорошо плавать спаслись, но поляки съ берега по нимъ стрѣляли; остальные турецкіе воины, не бѣжавшіе черезъ Днѣстръ, были натиснуты на глубокую и узкую пропасть между двумя скалами и тамъ погибли съ своими лошадьми [3]). Въ тотъ же вечеръ сдался полякамъ Хотинъ.

Поляки, какъ часто съ ними случалось, не воспользовались своею побѣдою. Приближалась зима. Жолнѣры стали роптать и требовать, чтобъ ихъ отпустили на зимнія квартиры [4]). Кромѣ того, въ самый день побѣды умеръ во Львовѣ король Михаилъ. Начиналось междуцарствіе; паны рвались къ участію въ выборѣ новаго короля. И султанъ, съ своей стороны, не хотѣлъ продолжать военныхъ дѣйствій въ зимнее время.

Послѣ хотинской побѣды, торжествующій Собѣскій отправилъ къ Дорошенку находившагося у него въ плѣну казацкаго сотника Савву Туптала (родителя св. Димитрія Ростовскаго) — уговаривать гетмана отступить отъ басурманъ и вмѣстѣ съ христіанами идти противъ невѣрныхъ на освобожденіе христіанскихъ народовъ изъ неволи. Дорошенко и митрополитъ Тукальскій оба выставляли себя передъ Тупталомъ ревнителями и поборниками христіанства [5]); но, вслѣдъ затѣмъ, явились къ Дорошенку посланцы отъ турецкаго султана съ приказаніемъ быть готовымъ

[1]) Симбирск. Сборн. Малоросс. Дѣла, стр. 42.
[2]) Collect. II., 93.
[3]) Collect. II, 99.—Ojez. Sp. I, 201.—Симб. Сборн. Малор. Д., стр. 50, 57, 58.
[4]) Ojez. Sp. II. 284.
[5]) А. Ю. и З. Р., XI. 330.—Симб. Сборн. Малор. Д., стр. 51.

Digitized by Google

на-весну къ содѣйствію султану. Не могъ предвидѣть Дорошенко, чья сторона возьметъ теперь верхъ въ возобновившейся борьбѣ Турціи съ Польшею, особенно когда поляки старались заручиться содѣйствіемъ христіанскихъ державъ. И счелъ Дорошенко на то время за лучшее мирволить и тѣмъ, и другимъ. Онъ отправилъ на содѣйствіе Гуссейну-пашѣ два полка: брацлавскій и могилевскій, съ наказнымъ полковникомъ Шумскимъ, а Собѣскому написалъ, что посланные къ туркамъ казаки не будутъ вредить польскимъ войскамъ. Такимъ образомъ, Дорошенко, исполняя для вида обязанность турецкаго вассала, въ виду одержанной уже поляками надъ турками побѣды, приготовлялъ себѣ иную дорогу — на случай, если и далѣе счастье измѣнитъ Турціи.

IV.

Зажигатели.—Посольство монаха Серапіона къ Дорошенку.—Условія, предложенныя Дорошенкомъ, и отвѣтъ на нихъ московскаго правительства.—Отзывы Самойловича.—Походъ русскихъ войскъ на правый берегъ Днѣпра.—Сдача городовъ.—Разсказъ Лизогуба о радѣ у Дорошенка.—Возвращеніе Самойловича и Ромодановскаго на лѣвую сторону Днѣпра.—Рада въ Переяславѣ.—Избраніе Самойловича гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра.—Мазепа.

Намѣреніе склонить Дорошенка къ подданству московскому государю пріостановилось по представленіямъ Самойловича, находившаго, что, вмѣсто мирныхъ попытокъ, лучше прибѣгнуть прямо къ военной силѣ. Самойловичъ старался возбудить недовѣріе московскаго правительства къ искренности Лизогуба, а о Дорошенкѣ писалъ, что онъ подсылаетъ тайныхъ зажигателей въ лѣвобережную Украйну [1]). По этому донесенію московское правительство для осторожности приказало воеводамъ въ Малороссіи учредить строгій надзоръ за всѣми пріѣзжавшими съ праваго берега Днѣпра [2]), но не покидало мысли мирно сойтись съ Дорошенкомъ. Самъ Дорошенко, видя въ народѣ правобережной Украйны сильное тяготѣніе къ Москвѣ и соображая, что,

[1]) Въ іюнѣ 1673 года въ Конотопѣ поймали зажигателя, объявившаго подъ пыткою, что его наняли за три рубля съ полтиною зажечь городъ, и что Дорошенко разослалъ по лѣвобережной Украйнѣ „паліевъ“, въ видѣ слѣпыхъ нищихъ съ поводырями, и назначилъ надъ ними главнаго атамана, Ѳедора Ольшанскаго, который ходитъ въ красномъ кафтанѣ и въ желтыхъ сапогахъ (А. Ю. и З. Р. XI, 266). Это извѣстіе едва ли можно признавать вполнѣ достовѣрнымъ: оно исходитъ отъ врага Дорошенкова—Самойловича, который заимствовалъ его изъ народной молвы.

[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 257.

Digitized by Google

быть можетъ, рано или поздно ему придется отдаться ей въ руки, опять дѣлалъ дружелюбные шаги, писалъ кіевскому воеводѣ, князю Трубецкому, что считаетъ для себя высшимъ счастьемъ милость православнаго монарха и обѣщалъ не пускать въ царскія области своихъ союзниковъ татаръ [1]). Въ Кіевѣ ревностно поддерживалъ мысль о мирномъ соглашеніи съ Дорошенкомъ печерскій митрополитъ Иннокентій Гизель, и, по его совѣту, кіевскій воевода отправилъ 10-го августа въ Чигиринъ умнаго іеромонаха печерскаго монастыря Серапіона Палчовскаго.

Серапіонъ пробылъ въ Чигиринѣ до 4-го сентября. Дорошенко далъ ему статьи, на которыхъ соглашался отдаться подъ московскую протекцію. Онъ требовалъ, чтобъ Кіевъ былъ отданъ въ казацкое управленіе, чтобъ гетманъ надъ обѣими половинами Украйны былъ одинъ, чтобы Украйна состояла въ предѣлахъ прежнихъ польскихъ воеводствъ: кіевскаго, черниговскаго и брацлавскаго, чтобы Запорожье было въ повиновеніи у гетмана и чтобъ московскій царь обязался защищать Украйну отъ турокъ, если турецкій султанъ захочетъ мстить казакамъ.

Серапіонъ замѣтилъ ему, что Самойловичъ уже избранъ на радѣ казаками гетманомъ и утвержденъ царемъ. Дорошенко сказалъ:

— Пусть Самойловичъ не хвалится, чтобъ онъ былъ такой казакъ, какъ я — отъ прадѣдовъ казакъ! Развѣ онъ видалъ запорожскія рѣчки и море? Гдѣ онъ бывалъ? къ чему присмотрѣлся? Съ какими государями о войнѣ и о мирѣ добрымъ обычаемъ переговаривалъ? Съумѣетъ ли онъ что нужно для царскаго величества начать? Пусть укажетъ: коли все знаетъ и можетъ доброе дѣло вести, я ему уступлю и низко поклонюсь за то, что сниметъ съ меня тягость гетманскаго чина. Но знаетъ то Богъ и люди: не давній онъ казакъ. Развѣ переходилъ онъ всѣ войсковые чины, отъ малаго до большого? Я такъ многажды былъ полковникомъ и всѣ старшинскіе чины прошелъ. Пусть царское величество самъ разсудитъ, что это будетъ, когда подъ царскою рукою будетъ состоять разомъ насъ два гетмана! Я его не люблю, а онъ меня не любитъ, — и станетъ у насъ дѣлаться въ Украйнѣ то же, что дѣлается въ Польшѣ, гдѣ два гетмана и вѣчно между собою ссорятся. Ты говоришь: Самойловичъ избранъ вольными голосами; знаемъ мы, какое это вольное избраніе: иной бы не хотѣлъ подать за него голосъ, да принужденъ былъ подавать,—оттого, что за него держалъ руку бояринъ!

---

[1]) Ibidem. 230.

Digitized by Google

— Онъ царскимъ величествомъ утвержденъ,—повторилъ монахъ.— Какъ теперь его отставить или понизить?

— Я не желаю его пониженія,—сказалъ Дорошенко.—Панъ Самойловичъ можетъ инымъ способомъ быть награжденъ отъ царскаго величества. Я желаю за вѣру христіанскую и за цѣлость державы его царскаго величества въ поганскихъ земляхъ умирать, а онъ пусть себѣ спокойно жительствуетъ безъ хлопотъ. Всегда я желалъ—и теперь желаю—добра его царскому величеству и землѣ московской, только одною стороною Украйны нельзя намъ отъ турокъ и татаръ обороняться; загѣмъ-то мы и принуждены были поддаться турецкому государю: если я это сдѣлалъ, то сдѣлалъ для вѣры христіанской. Самъ о себѣ я всего менѣе помышлялъ; сыновей вѣдь у меня нѣтъ! Мнѣ идетъ дѣло о людяхъ: не хочу, чтобъ кто-нибудь по моей волѣ погибъ!

Былъ потомъ Серапіонъ у Тукальскаго. Митрополитъ восхвалялъ благочестіе Дорошенка и превозносилъ его за то, что давно уже хочетъ отдать Украйну царской власти. Въ бытность Серапіона у Тукальскаго пришелъ туда и Дорошенко.

— Дай Богъ,—сказалъ Дорошенко,—чтобъ я недостойный того дождался, когда бы его царское пресвѣтлое величество покорилъ своей власти стольный градъ греческій, идѣже есть святая святыхъ! Пусть только великій государь изволитъ отвратить свой гнѣвъ отъ христіанъ и обратитъ его на невѣрныхъ. Николи не бывало такого удобнаго времени турка воевать, какъ теперь. Лишь бы царь только началъ, а то многіе помощники у него обрящутся. Начать бы надлежало ранѣе и не медлить, покамѣстъ турки поляковъ подъ свою власть не подбили,—а то коли подобьютъ, то и поляки на царскую державу недобромъ станутъ!—

Еще не простился Серапіонъ съ Дорошенкомъ, какъ явились къ гетману посланцы отъ крымскаго хана просить казацкой помощи противъ непокорныхъ ногайскихъ мурзъ, а вслѣдъ за ними пріѣхали ногайцы просить Дорошенка не оказывать противъ нихъ содѣйствія крымскому хану. Дорошенко, разсказавши объ этомъ Серапіону, воскликнулъ: «дай Богъ, чтобъ эти бусурманы сами себя разрывали, и чтобы ненависть, которая до сихъ поръ была между христіанскими народами, обратилась на невѣрныхъ» [1]).

Серапіонъ не получилъ отъ Дорошенка ничего писаннаго и только самъ записалъ слышанныя имъ рѣчи [2]).

---

[1]) Архивъ Юстиціи, кн. 24, листъ 39—60.

[2]) Въ какой степени искренно было то, что Дорошенко говорилъ о себѣ,—о томъ можетъ быть сомнѣніе, но онъ безспорно говорилъ правду на-счетъ турокъ.

Digitized by Google

Когда въ Москвѣ узнали о бесѣдѣ съ Серапіономъ, послали къ Дорошенку царскую грамоту, въ которой похваляли его за то, что желаетъ отречься отъ агарянъ и поступить подъ высокодержавную царскую руку [1]); но на предложенныя условія дали отрицательный отвѣтъ. Московское правительство увѣряло, что не будетъ отдачи Кіева и Украйны полякамъ, которые уже сами отреклись отъ Украйны договоромъ съ Турціею, но на единое гетманство въ Украйнѣ, котораго добивался Дорошенко, не соглашалось; предоставляли Дорошенку быть только гетманомъ на правой сторонѣ Днѣпра, а лѣвая останется подъ управленіемъ Самойловича. Отецъ Серапіонъ Палчовскій снова поѣхалъ къ Дорошенку съ такимъ отвѣтомъ. Дорошенко, прочитавши отвѣтъ, сказалъ: «Не знаю, что́ теперь и молвить, — все здѣсь противно. Я съ моимъ желательствомъ о подданствѣ отозвался и теперь не отмѣняюсь, обѣщаю, пока Богъ здоровье дастъ, служить, сколько силъ моихъ станетъ, великому государю».

Самойловичъ былъ еще болѣе недоволенъ этими сношеніями съ Дорошенкомъ, чѣмъ прежними. Когда царскій гонецъ передалъ ему для прочтенія отвѣтъ, посылаемый къ Дорошенку, Самойловичъ сказалъ:

«И прежде я писалъ къ царскому величеству, и теперь то же скажу: и Дорошенко, и Тукальскій только баломутятъ. Умышляютъ они, какъ бы выманить у великаго государя выступленія ратныхъ царскихъ людей изъ Кіева, чтобъ Кіевъ потомъ туркамъ отдать! Дорошенко разомъ и къ великому государю, и къ польскому королю посылаетъ — и обоихъ обманываетъ, а дружитъ съ однимъ туркомъ. Кабы онъ искренно хотѣлъ поддаться, такъ не выдумывалъ бы то того, то другого, а просто — просилъ бы только принять его подъ высокодержавную руку — и ничего больше».

Изъ одинаковыхъ показаній разныхъ лицъ, посѣщавшихъ тогда турецкія области, ясно оказывается, что московское государство было нравственно сильнѣе, чѣмъ само это сознавало. Не только народъ въ правобережной Украйнѣ предпочиталъ соединеніе съ московскимъ государствомъ всякой иной для себя судьбѣ — и у христіанъ Балканскаго полуострова возрастала надежда, что Россіи суждено избавить ихъ отъ мусульманской неволи. Приходили вѣсти, что греки, валахи, болгары, сербы, всѣ христіанскіе народы, какъ только услыхали, что великаго государя ратные люди вмѣстѣ съ поляками хотятъ идти на турокъ, обрадовались и молятъ Бога, чтобы это скорѣе сталось: хотятъ они соединиться съ государевыми людьми и вмѣстѣ съ ними подняться на турокъ войною, потому что всѣ они „у турецкаго султана въ тяжелой неволи и безпрестанно чинится имъ отъ турокъ великая налога“ (А. Ю. и З. Р., XI, 277—299).

[1]) Архивъ Юстиціи, кн. 24, л. 193.

Digitized by Google

Гетману не нравилось, что царь соглашался оставить Дорошенка гетманомъ даже и на одной правой сторонѣ. «Если Дорошенко останется тамъ гетманомъ,—говорилъ онъ,—то станетъ и подъ меня подыскиваться».

По настоянію гетмана Самойловича, послѣ неудавшихся толковъ отца Серапіона съ Дорошенкомъ, въ концѣ ноября состоялся царскій указъ князю Ромодановскому и гетману Самойловичу идти съ войсками за Днѣпръ на Дорошенка: если Дорошенко самъ заранѣе пришлетъ съ желаніемъ поддаться царю, предводители должны были пригласить его въ свой станъ и безъ напрасныхъ проволочекъ принять отъ него присягу на подданство, давши обѣщаніе защищать его отъ турокъ. Дозволялось предводителямъ, если самъ Дорошенко станетъ упрямиться, принять въ подданство правобережные полки и мимо Дорошенка, и допустить ихъ избрать себѣ иного гетмана, хотя бы и самого Самойловича [1]).

Походъ соединенныхъ войскъ—великорусскаго, подъ начальствомъ Ромодановскаго, и малороссійскаго, съ гетманомъ Самойловичемъ во главѣ—открылся въ концѣ января 1674 года. Дошли до Днѣпра противъ Крылова. Сожгли Воронóвку, Боровицу, Бужинъ. Отъ Бужина отправили подъѣздъ къ Чигирину, боярину — своего товарища Скуратова, гетманъ — Дмитрашку Райчу. Дорошенко выслалъ противъ нихъ 2000, на половину конныхъ, на половину пѣшихъ. Дорошенковцы не выдержали боя и ушли. Скуратовъ и Дмитрашка Райча сожгли переднюю часть чигиринскаго посада и воротились къ Бужину [2]).

Русское войско двинулось вверхъ по Днѣпру, по льду — и 2-го февраля дошло до Черкасъ; тамъ находился Дорошенковъ обозный Гулакъ съ черкасскимъ полковникомъ Григоровичемъ. Когда къ нимъ прислано было въ Черкасы приглашеніе сдаться —они отказались. Начался бой, продолжавшійся два дня. Взяты были два города, изъ которыхъ второй заключался въ серединѣ перваго; затѣмъ оставался третій городъ—въ серединѣ второго. Какъ только приступили къ этому третьему, осажденные замахали шапками и закричали, что сдаются. Выѣхали обозный Гулакъ, полковникъ Григоровичъ, протопопъ Семенъ Лукьяновичъ и значный товарищъ Левко Потапенко съ нѣкоторыми другими: они принесли присягу на вѣчное подданство великому государю. Въ Черкасахъ, кромѣ черкасскаго полка, находились тогда вре-

[1]) Ibidem. л. 420—442.
[2]) Ibidem. л. 520.

Digitized by Google

менно двѣ сотни, принадлежавшія корсунскому полку, — и тѣ присягнули вмѣстѣ съ черкасцами. Жители Черкасъ во время взятія города потерпѣли немного, потому что сидѣли запершись въ домахъ. Предводители велѣли Гулаку и Григоровичу съ черкасскими казаками идти за собою чинить промыселъ надъ другими городками, а въ Черкасахъ оставили: Самойловичъ — прилуцкаго полковника Лазаря Горленка, а Ромодановскій — острогожскаго полковника Герасима Карабута съ ихъ полчанами [1]).

Февраля 8-го, прибыли войска къ Мошнамъ. Этотъ городокъ, вѣроятно, тогда немноголюдный, послѣ перехода оттуда многихъ жителей на лѣвый берегъ, сдался и присягнулъ царю безъ сопротивленія. Отсюда предводители отправили отрядъ приглашать къ сдачѣ Каневъ, а сами, вслѣдъ затѣмъ, потянулись съ обозомъ по льду къ тому же городку. Въ Каневѣ сидѣлъ генеральный есаулъ Лизогубъ, назначенный отъ Дорошенка наказнымъ гетманомъ: къ нему для усиленія послалъ Дорошенко 300 серденятъ съ полковникомъ Щуренкомъ. Лизогубъ, обѣщавшій заранѣе дѣйствовать въ пользу царскаго дѣла, теперь сдержалъ свое обѣщаніе, склонилъ къ тому же каневскаго полковника Ивана Гурскаго и Щуренка, вмѣстѣ съ ними выѣхалъ въ станъ боярина и билъ челомъ о принятіи Канева со всѣмъ каневскимъ полкомъ въ подданство. Предводители послали привести къ присягѣ всѣхъ, раздѣлявшихъ чувствованія Лизогуба. Всѣ въ Каневѣ — и казаки, и посполиты — присягнули безпрекословно; съ каневскими казаками были тамъ и присягнули двѣ сотни уманскаго полка и одна корсунскаго. Послѣ присяги предводители послали начальниковъ этихъ сотенъ съ убѣдительными письмами къ полковникамъ уманскому и корсунскому послѣдовать примѣру каневцевъ, не допуская надъ собою принудительныхъ мѣръ. Каневскіе казаки должны были слѣдовать за гетманомъ Самойловичемъ въ дальнѣйшій походъ.

11-го февраля, Лизогубъ пригласилъ предводителей на обѣдъ. Былъ тамъ генеральный обозный Гулакъ. Онъ сообщилъ, что у Дорошенка недавно была рада въ Чигиринѣ. Дорошенко убѣждалъ, что казакамъ и посполитымъ слѣдуетъ уповать только на милость турецкаго государя, могущественнѣйшаго между земными владыками, потомъ сдѣлалъ радѣ вопросъ: кого намъ держаться — турокъ или поляковъ, а о московскомъ царѣ не спрашивалъ. «Въ пользу поляковъ не могло раздаться ни одного голоса,— замѣтилъ Гулакъ, — а на московскую сторону всѣ бы склони-

[1]) Ibidem, л. 596.

Digitized by Google

лись, только самимъ навязываться съ этимъ именемъ было бы не безопасно: не разъ случалось, что Дорошенко нарочно выпытаетъ, чтобы держать у себя на худой примѣтѣ того, кто сунется съ противными ему мыслями, а потомъ, при случаѣ, придерется къ нему какъ-будто за что-нибудь другое; поэтому всѣ на радѣ завопили, что лучше держаться протекціи турецкаго султана, и Дорошенко объявилъ, что таковъ войсковой приговоръ» [1]).

Рѣдкій, однако, въ душѣ мирился тогда съ подданствомъ бусурманскаго властителя, и это наглядно могли видѣть Ромодановскій и Самойловичъ: къ ихъ табору толпами валили жители правобережной Украйны съ женами и дѣтьми, умоляли принять ихъ и переправить на лѣвый берегъ Днѣпра; намѣревались они найти себѣ новоселье въ царскихъ областяхъ, покинувши на вѣкъ землю своихъ прародителей, поступавшую подъ власть турокъ. 12-го февраля, Самойловичъ отрядилъ цѣлый лубенскій полкъ подъ командою полковника Сербина въ разные украинскіе правобережные городки приводить ихъ въ подданство царю [2]). Сами предводители не пошли уже отъ Канева далѣе по причинѣ ожидаемой распутицы, перешли назадъ черезъ Днѣпръ вмѣстѣ съ толпою правобережныхъ причанъ и расположили свои обозы на лѣвомъ берегу противъ Канева, а потомъ, при недостаткѣ корму и запасовъ, 15-го февраля отступили къ Переяславу.

Въ Москвѣ были недовольны, когда получили извѣстіе, что отправленный къ Чигирину подъѣздъ воротился рановременно и не держалъ Дорошенка въ осадѣ. Въ своемъ оправданіи, боярин и гетманъ писали, что подъѣзды ходили къ Чигирину не безъ пользы, сожгли посады, истребили живность и приготовили большую тѣсноту Чигирину, а долѣе нельзя было тамъ оставаться: городъ Чигиринъ укрѣпленъ, у Дорошенка тысячъ шесть казаковъ и не сегодня, завтра могли придти къ нему татарскія силы [3]).

Примѣру Канева и Черкасъ послѣдовали многіе другіе городки правобережной Украйны. Тотчасъ же по прибытіи предводителей въ Переяславъ, явились къ нимъ казацкіе старшины и выборные изъ поспольства городковъ: Стаекъ и Триполья—съ челобитьемъ принять ихъ въ подданство царю. Гетманъ отправилъ полковника Солонину отобрать присягу отъ всѣхъ тамош-

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 378.
[2]) Ibidem. 374—375.
[3]) Ibidem., 379.

Digitized by Google

нихъ жителей, а вслѣдъ затѣмъ, по просьбѣ Лизогуба, послалъ на залогу въ Каневъ переяславскаго полковника Дмитрашку Райча и нѣжинскаго Филиппа Уманца; бояринъ придалъ имъ слободскихъ полковниковъ ахтырскаго и сумскаго [1]).

17-го февраля, пріѣхалъ въ Переяславъ Ханенко съ предложеніемъ положить свою булаву: съ нимъ было до двухъ тысячъ казаковъ и три польскихъ хоругви: Ромодановскій и Самойловичъ отправили ихъ въ Ржищевъ въ качествѣ сторожевой залоги отъ непріятеля вмѣстѣ съ приданными къ нимъ царской службы казаками и ратными людьми. Между тѣмъ, близкіе къ Кіеву городки Мотовиловка, Хвастовъ, Черногородка, Бышевка сдались безъ сопротивленія кіевскому воеводѣ, выславшему къ нимъ отряды [2]).

Городъ Корсунъ не сдался на предложеніе посланнаго туда Кіяшки, но корсунскаго полка мѣстечки Стебловъ, Каменный Бродъ и иныя склонились къ подданству, а бѣлоцерковскій полковникъ Степанъ Бутенко съ городками и мѣстечками своего бѣлоцерковскаго полка поддался подъ высокодержавную руку великаго государя, лично прибылъ въ Богуславъ и принесъ присягу передъ Самойловичевымъ и генеральнымъ войсковымъ эсауломъ Лысенкомъ [3]). Дошло до предводителей извѣстіе, что въ Корсунѣ собираются силы гетмана Дорошенка: братъ его Андрей и полковники—корсунскій, торговищенскій, уманскій, паволоцкій, брацлавскій, калницкій и могилевскій, да пѣшіе серденяцкіе полки, а другой братъ Дорошенка, Григорій, находится въ Лисянкѣ. По такому извѣстію Самойловичъ 20-го февраля отрядилъ нѣсколько десятковъ тысячъ казаковъ къ Корсуну; съ ними были Лизогубъ и Ханенко съ своею пестрою толпою, состоявшею на половину изъ запорожцевъ, на половину изъ поляковъ [4]); бояринъ Ромодановскій придалъ къ нимъ отрядъ царскихъ ратныхъ людей, а черниговскій полковникъ Борковскій пошелъ къ Лисянкѣ противъ Грицька Дорошенка. Грицько Дорошенко съ серденятами сперва удачно отбилъ Борковскаго и пошелъ къ Корсуну на соединеніе съ своимъ братомъ Андреемъ и семью полковниками. Но подъ городомъ Медвинымъ напали на Грицька Дорошенка и на бывшихъ при немъ татаръ—казаки, посланные Самойловичемъ къ Корсуну, разбили и гнали на протяженіи 15-ти верстъ; Грицько съ одною частью татаръ заперся въ Ли-

[1]) Арх. Юст., кн. 24, л. 634.

[2]) Арх. Юст., кн. 24, л. 658. Симбир. Сборн. Малор. Дѣл., стр. 119.

[3]) Арх. Юст., кн. 24, л. 700.

[4]) Симбир. Сборн. Малорос. Дѣл., стр. 114.

Digitized by Google

сянкѣ, другіе его татары ушли въ Тарасовку. И въ Лисянкѣ, и въ Тарасовкѣ, жители поднялись на татаръ, многихъ перебили, 90 взяли живьемъ въ плѣнъ, связали самого Грицька Дорошенка и провозгласили себя подданными великаго государя. Вслѣдъ затѣмъ произошло волненіе въ Корсунѣ. Бывшіе тамъ въ сборѣ полковники и начальные люди зашумѣли противъ Дорошенка; упрямые сторонники гетмана Петра: братъ его Андрей, шуринъ гетмана Яненченко и паволоцкій полковникъ Гамалѣя, видя, что противники беруть верхъ, убѣжали въ Чигиринъ, а остальные полковники и всѣ полковые старшины, какъ ихъ полковъ, такъ и покинутаго Гамалѣею паволоцкаго полка, принесли присягу на вѣрность великому государю передъ генеральнымъ эсауломъ Самойловича, Лысенкомъ, и послали къ гетману Дорошенку приглашеніе положить свой бунчукъ и булаву [1]). 4-го марта привезли въ Переяславъ къ предводителямъ плѣнныхъ татаръ и Грицька Дорошенка, а 5-го марта прибыли полковники: брацлавскій Павелъ Лисица и подольскій Остапъ Гоголь, съ извѣстіемъ о переходѣ на царскую сторону полковниковъ въ Корсунѣ. Предводители приказали всѣмъ присягнувшимъ полковникамъ, не ожидая порчи зимняго пути, съѣзжаться въ Переяславъ на раду, для избранія себѣ новаго гетмана по своимъ правамъ и вольностямъ; разомъ отправилъ Самойловичъ универсалы во всѣ правобережные полки, чтобъ всѣ начальные люди, ни мало не мѣшкая, спѣшили на раду для той же цѣли [2]). Убѣжавшіе изъ Корсуна въ Чигиринъ, сторонники Дорошенка показывали не слишкомъ бодрый духъ. Проѣзжая черезъ Медвѣдовку, Андрей Дорошенко говорилъ вслухъ передъ всѣми: «буду совѣтовать брату, чтобъ не губилъ міра, не надѣялся больше ни на какіе турскіе и татарскіе посилки и сдавался бы царю». Жители тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя они слѣдовали, не въявляли готовности стоять за дѣло Дорошенка [3]).

15-го марта, съѣхались въ Переяславъ правобережные старшины, полковники, полковые старшины, войсковые товарищи и многіе значные казаки. Назначена избирательная рада 17-го марта. Она происходила въ большомъ городѣ на майданѣ, въ присутствіи Ромодановскаго.

Прежде всего явился, по приглашенію боярина и Самойловича, носившій гетманское званіе Ханенко. Передъ нимъ несли

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 556.
[2]) Арх. Юст., кн. 24, л. 730.
[3]) Ibid., л. 753.

Digitized by Google

булаву и бунчукъ—знаки его достоинства, пожалованные польскимъ королемъ. Поклонившись на всѣ стороны, онъ сказалъ:

«Вѣдомо всѣмъ вамъ, что я не своею волею, а по королевскому повелѣнію сдѣлался гетманомъ и ходилъ во всемъ по королевскому указу; если я кому либо изъ старшинъ, либо какому простому казаку учинилъ чѣмъ-нибудь досаду,—въ томъ вы меня простите!»

Съ этими словами онъ положилъ на столъ булаву.

— Мы всѣ, и старшины, и войско, во всемъ тебя прощаемъ,—возгласили казаки.

Ханенко отошелъ, а казакъ, который несъ бунчукъ его, продолжалъ стоять, держа этотъ знакъ гетманства для передачи тому, кого рада изберетъ [1]).

Князь Ромодановскій объявилъ: «Великій государь, его царское величество, которому вы всѣ присягнули на вѣрное и вѣчное подданство, изволилъ указать выбрать вамъ, по вашимъ правамъ и вольностямъ, новаго гетмана, вмѣсто Ханенка и Дорошенка».

Сказавши это, князь Ромодановскій отошелъ. Не пришлось долго казакамъ совѣщаться о выборѣ. Собраніе провозгласило сразу имя Самойловича, и обозный Гулакъ, отъ лица всѣхъ, произнесъ:

— Желаемъ всѣ, чтобъ великій государь пожаловалъ насъ старшинъ и поспольство, велѣлъ бы у насъ учинить гетмана Ивана Самойловича на обѣихъ сторонахъ Днѣпра единымъ гетманомъ надъ всѣмъ войскомъ запорожскимъ, и быть бы намъ въ подданствѣ у великаго государя по нашимъ старинным правамъ не на иныхъ статьяхъ, а на такихъ, какими онъ, великій государь, пожаловалъ со стороны гетмана и старшинъ и все поспольство [2]).

Всѣ стали кланяться Самойловичу. По казацкимъ обычаямъ надобно было ему отказываться отъ предлагаемой почести, и онъ произнесъ:

— Изберите себѣ особаго гетмана изъ своей стороны—такого, который бы вашу сторону лучше меня зналъ.

— Мы,—говорили правобережные,—ужъ и такъ за многими гетманами пришли въ конечное разореніе. Не нужны намъ многіе гетманы. Пусть великій государь пожалуетъ насъ, велитъ быть у насъ одному гетману на лѣвой сторонѣ и на правой—Ивану Самойловичу.

---

[1]) Арх. Юст., кн. 24. л. 806.

[2]) А. Ю. и З. Р., XI, 390.

Digitized by Google

— Великій государь, — сказалъ бояринъ, — жалуетъ васъ: дозволяетъ вамъ избрать по вашему хотѣнію, и будете вы на прежнихъ правахъ и вольностяхъ вашихъ въ вѣчномъ подданствѣ великому государю.

Старшины и полковники опять принялись упрашивать Самойловича. Тотъ все не соглашался. Наконецъ, противъ его воли, схватили его подъ-руки такъ сильно, что изодрали на немъ платье, крикнули: «ты намъ любъ, ты намъ любъ!» поставили на скамьѣ, прикрыли тѣмъ бунчукомъ, который держалъ Ханенковъ казакъ, и вкладывали ему въ руки булаву, положенную Ханенкомъ на столѣ. Раздавались обѣщанія быть ему послушными, раздавалась просьба, чтобъ онъ оставилъ на своихъ мѣстахъ всѣхъ старшинъ, какіе были при Дорошенкѣ [1]). Потомъ читались статьи, составленныя въ московскомъ приказѣ и привезенныя гонцомъ Колобовымъ. Ихъ смыслъ былъ таковъ: правобережная Украйна отдавалась царю на-вѣки въ подданство. Государь будетъ охранять ее отъ турокъ и татаръ и извѣщать о всякихъ сношеніяхъ съ иностранными державами, насколько онѣ касаться будутъ малороссійскаго края. Въ случаѣ войнъ между Турціею и Польшею, украинцы не будутъ помогать ни одной, ни другой сторонѣ. Если бы гетманъ затѣялъ какую смуту, каждый обязанъ извѣстить о томъ царя; но гетмана можетъ судить только одинъ великій государь. Послѣ кончины гетмана, новый избирается вольными голосами. Бѣглецовъ великороссійскихъ всякаго званія не слѣдовало принимать и скрывать въ Украйнѣ, но малороссійскихъ полоняниковъ, взятыхъ прежде и поселенныхъ въ Великороссіи, если они, не сдѣлавши воровства, уйдутъ на свою родину, дозволялось не выдавать. Малороссіянамъ—не ввозить въ великороссійскій край табаку и вина. Безъ совѣта старшинъ гетманъ и на правой сторонѣ, какъ на лѣвой, не могъ никого казнить и ни у кого отнимать вотчинъ. Затѣмъ слѣдовали челобитья о такихъ статьяхъ, которыя уже прежде были приняты московскимъ правительствомъ для лѣвой стороны и теперь безъ всякаго спора и безъ представленія въ Москву утвердились для правой бояриномъ Ромодановскимъ. Главнѣйшія были: сохраненіе казацкихъ имуществъ за вдовами и дѣтьми, свобода казаковъ отъ подводной и постойной повинности, вписываніе въ казацкій реестръ въ числѣ 20,000 для правой стороны Днѣпра казацкихъ, а при надобности—мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей, сборы съ маетностей въ пользу содержанія

[1]) Арх. Юст., кн. 24, л. 806.

Digitized by Google

казацкаго войска, исключая маетностей архіерейскихъ и монастырскихъ, право казацкихъ чиновниковъ, владѣющихъ имѣніями, судить своихъ крестьянъ.

Послѣ всего этого присягали по записи генеральные чины, обозный Гулакъ, есаулъ Лизогубъ, судья Петренко, полковники, сотники и всякіе чиновные люди войска запорожскаго праваго берега Днѣпра. Всѣ прикладывали руки къ просительнымъ статьямъ.

Кто-то изъ полковниковъ сказалъ:

— Мы просимъ, чтобъ гетманъ жилъ въ Чигиринѣ или въ Каневѣ, а буде невозможно — хоть въ Переяславѣ, поближе къ нашей правой сторонѣ Днѣпра.

— Радъ я жить тамъ, гдѣ мнѣ великій государь укажетъ,— сказалъ Самойловичъ.

Старшины, полковники и простые казаки лѣвой стороны, бывшіе на этой радѣ, стояли поодаль и не принимали ни малѣйшаго участія во всемъ, что передъ ихъ глазами происходило.

По окончаніи рады явился отъ Дорошенка генеральный писарь Мазепа. Дорошенко писалъ своему сопернику дружелюбнымъ тономъ, что готовъ поступить во всемъ по указу царскаго пресвѣтлаго величества, лишь бы ни въ чемъ не были нарушены стародавнія права и вольности [1]).

Бояринъ и гетманъ стали разспрашивать Мазепу, Мазепа сказалъ:

— Когда меня гетманъ Дорошенко отпускалъ, то присягнулъ, что хочетъ самъ идти въ Переяславъ бить челомъ, чтобъ великій государь изволилъ принять его въ подданство и вины его простилъ; тебя же, бояринъ, приказалъ гетманъ Дорошенко просить, чтобъ ты прислалъ ему знатныхъ и вѣрныхъ людей, съ кѣмъ можно было бы ему сюда пріѣхать.

— Я пошлю,—сказалъ бояринъ,—только тебя надобно привести къ присягѣ, на томъ, что посланнымъ отъ меня не будетъ порухи и задержанія.

Мазепа присягнулъ. Бояринъ отправилъ съ нимъ дворянина Василія Гринева, а гетманъ—стародубскаго полкового судью Андрея Авраменка [2]).

Тотчасъ послѣ рады правобережные старшины послали отъ себя въ Москву полковниковъ кіевскаго и уманскаго съ челобитною, въ которой выражались такъ: «не подай насъ, вѣрныхъ

[1]) Ibidem. л. 811, 818.

[2]) Ibidem. л. 937.

Digitized by Google

подданныхъ и слугъ твоихъ, отступникамъ и давнимъ врагамъ нашимъ, ляхамъ, въ поруганье! Изволь, ваше царское пресвѣтлое величество, писать къ польскому королю, чтобъ ляхи вышли изъ города Бѣлой-Церкви» [1]). Московскій царь приказалъ разослать всѣмъ правобережнымъ полковникамъ грамоты за отворчатою печатью. «Вы—сказано было отъ царскаго имени—приняты подъ нашу высокодержавную руку изъ-подъ турецкаго, а не изъ-подъ польскаго подданства, а потому и нынѣ и впередъ никогда коронѣ польской уступлены не будете» [2]).

Успокоительныя увѣренія московскаго царя не вязались однако съ вѣстями, полученными Самойловичемъ изъ Побужья. Польскій предводитель Мондржіевскій вступилъ съ войскомъ, назначеннымъ для подчиненія Украйны Рѣчи-Посполитой. Узнавши, что власть Дорошенка шатается, поляки покушались скорѣе захватить снова его владѣнія. Жолнѣры безчинствовали надъ людьми въ полкахъ брацлавскомъ и кальницкомъ, забирали у жителей послѣдніе пожитки и самихъ людей жгли огнемъ, а между тѣмъ край уже былъ до того истощенъ, что люди питались мякиною («плеву ѣдятъ») [3]). Мондржіевскій занялъ Винницу, и Брацлавскій полковникъ Лисица писалъ гетману: если насъ добромъ не обнадежишь, то народъ разбредется: скоро въ Забужьи и Поднѣстріи не останется людей: тутъ каждый часъ татаръ съ поля ожидаемъ, а сверху ляхи наступаютъ! —Польскій же предводитель писалъ Самойловичу, что вступилъ въ общихъ видахъ дѣйствій противъ турокъ и татаръ и просилъ доставлять содержаніе польскому войску. На донесеніе объ этомъ, посланное Самойловичемъ въ Москву, послѣдовалъ царскій указъ требовать отъ Мондржіевскаго вывода польскихъ войскъ изъ тѣхъ полковъ, которые уже добровольно поступили въ подданство великому государю, а ко всѣмъ вообще жителямъ правой стороны гетманъ долженъ былъ разослать универсалъ, чтобъ они не принимали никакихъ писаній отъ польскихъ людей и въ городы къ себѣ не впускали поляковъ [4]).

Тѣмъ не менѣе изъ правобережныхъ полковниковъ—поднѣстровскій полковникъ Гоголь, недавно присягнувшій съ другими царю, перешелъ на польскую сторону и по городамъ полка своего сталъ вводить поляковъ. Но какъ непрочень былъ такой

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 409.
[2]) Ibid. 421, 424.
[3]) Ibid. 425.
[4]) Ibid. 459.

Digitized by Google

переходъ малороссіянъ на польскую сторону, показываетъ примѣръ Шарогрода: едва Гоголь ввелъ туда на королевское имя залогу, какъ явился Самойловичевъ охочій полковникъ Мурашка, и все шарогродское поспольство снова присягнуло царю [1]).

V.

Увертки Дорошенка.—Непріязненныя дѣйствія съ Дорошенкомъ.—Посольство Терпигорева.—Дорошенко посылаетъ къ хану Мазепу.—Мазепа попадается въ плѣнъ.—Мазепа въ Москвѣ.—Его показанія.—Нашествіе турокъ.—Взятіе Лодыжина и Умани.—Неудачный походъ боярина и гетмана къ Чигирину.—Паника въ Украйнѣ.—Сильное переселеніе народа.

Дорошенко не поѣхалъ по своему обѣщанію въ Переяславъ, а началъ выдумывать разные предлоги къ проволочкѣ: въ письмѣ своемъ къ Самойловичу, онъ клялся исполнить данное слово, но прежде своего пріѣзда въ Переяславъ, просилъ прислать довѣренныхъ лицъ для отобранія у него присяги въ Чигиринѣ [2]). Гетманъ и бояринъ отправили къ нему: первый—черниговскаго полкового асаула Калиника Ничипоренка, а второй—стрѣлецкаго голову Романа Ефимьева. Эти посланцы, пріѣхавши въ Черкасы, потребовали изъ Чигирина присылки на свое мѣсто аманатовъ, прождали шесть дней, не дождались ни аманатовъ, ни письма отъ Дорошенка и воротились назадъ ни съ чѣмъ, а привезли только полученныя въ Черкасахъ вѣсти, что Дорошенко послалъ за помощью къ турецкому султану и крымскому хану [3]).

Послѣ того цѣлый апрѣль не откликался уже Дорошенко къ боярину и гетману, а между тѣмъ къ нему пришло 4,000 татаръ, и онъ, отобравъ часть этой орды, поручилъ брату своему Андрею подчинять отпавшіе отъ него городы. Мѣстечки Балаклея и Орловка сдались безъ боя, повѣривши обѣщаніямъ помилованія, но гетманъ Дорошенко всѣхъ жителей этихъ мѣстечекъ приказалъ отдать въ неволю татарамъ. Говорили даже, что послѣ занятія этихъ мѣстечекъ тамошнимъ старшинамъ буравили глаза [4]). По такимъ извѣстіямъ бояринъ и гетманъ выслали на правую сторону подъѣздъ—боярин рейтарскаго строя полковника Беклемишева, а гетманъ, въ качествѣ наказнаго, Дмитрашку Райчу,

[1]) Ibid. 469—472.

[2]) Архивъ Юстиціи, кн. 24, л. 944.

[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 428—429.

[4]) Ibid. 462.—Симбирс. Сборн. Малор. Дѣл., стр. 213.

Digitized by Google

съ полками переяславскимъ, полтавскимъ, миргородскимъ, гадяцкимъ и лубенскимъ, приказавши имъ еще сойтись съ правобережными полками—черкасскимъ, каневскимъ, уманскимъ и торговицкимъ, да съ охочими полками и стоять, выжидая дальнѣйшаго поворота обстоятельствъ [1]). Но царь Алексѣй Михайловичъ и теперь все еще не терялъ надежды раздѣлаться съ Дорошенкомъ мирнымъ путемъ, и по царскому указу боярин и гетманъ послали еще разъ въ Чигиринъ царскую убѣдительную грамоту съ головою московскихъ стрѣльцовъ Терпигоревымъ [2]).

По извѣстію, сообщенному впослѣдствіи Мазепою, Дорошенко, получивши черезъ Терпигорева царскую грамоту, созвалъ чигиринцевъ и приказалъ прочитать ее передъ всѣми вслухъ.

Чигиринцы въ одинъ голосъ закричали: всѣ мы хотимъ быть у царя въ подданствѣ.

Дорошенко сказалъ имъ: «И я былъ бы радъ, колибъ намъ прислали подлинную царскую грамоту, а то у нихъ вотъ какъ ведется: пришлютъ въ полки къ боярину, а также къ гетману Самойловичу неписанную бумагу, и на такой бумагѣ тѣ сами напишутъ какую угодно имъ грамоту, потомъ, смотря по времени, къ намъ ее пошлютъ. Только прельщаютъ насъ» [3])!

Позвавши къ себѣ Терпигорева, Дорошенко говорилъ ему такъ:

«Я подданный его величества турецкаго султана. Двѣ сабли висятъ у меня постоянно надъ шеею: султанская и крымскаго хана! Напередъ сего я точно хотѣлъ быть въ подданствѣ у великаго государя, а наши старшины и полковники того не пожелали, но приговорили быть въ подданствѣ у турецкаго султана».

— Нынѣ,—сказалъ Терпигоревъ:—твои старшины и полковники уже сами безъ тебя учинились въ подданствѣ царскому величеству и присягу на вѣрность принесли.

— Это,—сказалъ Дорошенко,—учинили они для соболей. Не вѣчно они останутся въ подданствѣ! Скоро измѣнятъ: увидите сами. А въ царской грамотѣ, что ты привезъ, мнѣ грозятъ, что князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ учнутъ надъ Чигириномъ воинскій промыселъ чинить. Я готовъ имъ отпоръ давать, лишь бы орды дождаться. И теперь уже два крымскихъ салтана стоятъ съ шестью тысячами татаръ за 20 верстъ отсюда. Пусть боярин и гетманъ идутъ на меня.

---

[1]) Ibid. 464—467.—Симбир. Сбор. Малор. Дѣл., стр. 215.

[2]) Архивъ юстиціи, кн. 24, л. 1,026.

[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 630.

Digitized by Google

Терпигоревъ просилъ отпустить его для передачи отвѣта. Дорошенко сказалъ, что отпуститъ черезъ непродолжительное время, но потомъ приказалъ Терпигорева заковать и посадить въ тюрьму [1]).

Ромодановскій и Самойловичъ, пославши Терпигорева сообразно царской волѣ, дожидались отвѣта и, выславши за Днѣпръ подъѣздъ, удерживались переводить все войско на правую сторону. Между тѣмъ посланный въ подъѣздъ Дмитрашка Райча, между городками Балаклеею и Смѣлою, 9-го іюня разбилъ и взялъ въ плѣнъ Андрея Дорошенка [2]). Вслѣдъ затѣмъ приносились изъ-за Днѣпра боярину и гетману вѣсти, что къ Дорошенку собираются турецкія и татарскія вспомогательныя силы, и въ-добавокъ Дорошенко сталъ надѣяться на союзъ съ поляками, которые злобились на Россію за намѣреніе вырвать изъ польскихъ рукъ правобережную южную Русь: избранный въ маѣ новый польскій король Янъ Собѣскій (прежній коронный гетманъ) приказалъ въ іюнѣ своему полковнику Преоровскому писать къ Андрею Дорошенку, что братъ его гетманъ Петръ можетъ надѣяться на помощь со стороны Польши противъ московскаго царя, несправедливо присвоивающаго себѣ Украйну [3]). По донесеніямъ предводителей послѣдовалъ наконецъ царскій указъ немедленно «чинить надъ Дорошенкомъ воинскій промыселъ» [4]). 5-го іюля, перешелъ Самойловичъ въ Черкасы. За нимъ стали переправляться великороссійскіе полки.

Въ Чигиринѣ сдѣлалась тревога. Туда набѣжало множество народа изъ мѣстечекъ и селъ въ осаду. Отъ многолюдства наступилъ голодъ; люди заволновались, кричали, чтобы Дорошенко сдалъ городъ и присягалъ царю. Такихъ крикуновъ было много, и Дорошенко не смѣлъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, увѣрялъ окружавшихъ его, что скоро придетъ сильное мусульманское войско, а самъ постоянно скрывался въ замкѣ и не отваживался выходить въ большой городъ, гдѣ могъ встрѣтить открытый противъ себя мятежъ. «Если»—говорилъ онъ ближнимъ:—«царскія войска станутъ меня доставать, я сяду на пороховую бочку и взорву себя, а живой въ руки не дамся москалямъ». У Дорошенка во власти, кромѣ Чигирина, оставалось всего только два городка: Жаботынъ и Медвѣдовка, а главная сила, на которую онъ надѣялся, были его союзники: турки и татары. Но

[1]) Архивъ юстиціи, кн. 108, л. 65.

[2]) Ibidem, кн. 24, л. 1,109.

[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 479.

[4]) Ibidem. 531.

Digitized by Google

татары стояли еще за два дни пути отъ Чигирина на берегу рѣки Ингула, а турецкое войско еще было по ту сторону Днѣстра. Падишахъ шелъ тогда не выручать Дорошенка, а противъ поляковъ—наказывать ихъ за несоблюденіе Бучацкаго договора, и польскіе коронные гетманы, ссылаясь на Андрусовскій договоръ, домогались военной помощи съ московской стороны. Но падишахъ на пути получилъ вѣсть, что москали беруть у Дорошенка городки и замки и уже угрожаютъ самому Чигирину [1]). По такой вѣсти, падишахъ нашелся вынужденнымъ измѣнить свой планъ, отложить на будущее время расправу съ Польшею, спѣшить выручать своего подручника и вступить во враждебныя отношенія къ московскому государству. Онъ поручилъ крымскому хану спасать скорѣе гетмана Дорошенка и далъ затѣмъ обѣщаніе немедленно двинуться со всѣми турецкими силами [2]).

Надѣясь единственно на помощь отъ турокъ и татаръ, Дорошенко отправилъ своего генеральнаго писаря Мазепу съ письмами къ разнымъ правительственнымъ лицамъ Турціи и Крыма. Посланцу Дорошенка придано было 9 татаръ, которые стерегли и вели 15 христіанскихъ невольниковъ, жителей лѣвой стороны Днѣпра: Дорошенко посылалъ ихъ своимъ союзникамъ въ подарокъ. Когда Мазепа съ татарами и невольниками приближался къ Ингулу, ему перегородили путь запорожцы, шедшіе изъ Сѣчи до рѣки Буга съ своимъ кошевымъ атаманомъ Сѣркомъ. Запорожскіе товарищи Алексѣй Барода и два брата Темниченки остановили Мазепу, побили татаръ, бывшихъ съ нимъ, освободили христіанскихъ невольниковъ, а самого Мазепу доставили своему атаману съ перехваченными письмами [3]). Запорожцы пришли въ сильное негодованіе, какъ увидали, что Дорошенковъ посланецъ велъ христіанскихъ невольниковъ въ даръ бусурманамъ и хотѣли убить Мазепу, но его отстоялъ Сѣрко. «Не убивайте, братцы, этого человѣка»,—говорилъ онъ: «быть можетъ онъ на что-нибудь отчизнѣ и пригодится»! И запорожцы ограничились тѣмъ, что только заковали Мазепу [4]), а Сѣрко извѣстилъ о томъ гетмана Самойловича. Гетманъ потребовалъ присылки къ нему схваченнаго Дорошенкова гонца, но Сѣрко опасался, что Самойловичъ отправитъ Мазепу въ Москву и тѣмъ будетъ нарушено

[1]) Ibidem, 534—535.—Архивъ юстиціи, кн. 24, л. 116, 1,224.—Симбир. Сборникъ. Малорос. Дѣл., стр. 175—185, 189—191.

[2]) Collect. II, 113.

[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 525.

[4]) Величко. II, 342.

Digitized by Google

старинное право не выдавать никого изъ Сѣчи. Сѣрко отказалъ Самойловичу въ выдачѣ Мазепы. Тогда Ромодановскій, узнавши объ упорствѣ кошевого, по совѣту гетмана, послалъ въ Харьковъ взять подъ караулъ проживавшую тамъ жену Сѣрка и зятя его Ортеменка, требуя, чтобъ они побудили Сѣрка выдать гетману пойманнаго Дорошенкова посланца [1]). Ортеменко, имѣвшій на тестя большое вліяніе, упросилъ кошевого исполнить приказаніе гетмана [2]).

Сѣрко прислалъ Мазепу къ гетману, а гетманъ, побесѣдовавши съ нимъ, передалъ его боярину, у котораго пробылъ Мазепа два дня. Іюля 15-го, его отправили въ Москву. Самойловичъ на отпускѣ написалъ къ Мазепѣ: «повторяю тебѣ то, о чемъ говорилъ съ тобою при свиданіи и въ чемъ далъ тебѣ слово. Ты останешься въ цѣлости при всѣхъ своихъ пожиткахъ со всѣмъ своимъ домомъ. Посылаю съ тобою Павла Михаленка, полкового писаря нѣжинскаго, онъ тебя и въ Москву и назадъ изъ Москвы будетъ провожать. Только ты въ Малороссійскомъ приказѣ откровенно разскажи все, что намъ здѣсь говорилъ о Дорошенковыхъ замыслахъ и о ханѣ и о Сѣркѣ, и объ иномъ обо всемъ никакого дѣла, хоть и малаго, не утай! Желаю тебѣ счастливаго пути и скораго къ намъ возврата [3]).

Мазепа былъ человѣкъ очень ловкій и сообразительный, притомъ одинъ изъ такихъ, которые обладаютъ врожденною способностію сразу всякому нравиться и располагать къ себѣ людскія сердца. Избѣжавши крайней опасности въ полѣ отъ запорожцевъ, онъ успѣлъ понравиться Самойловичу и Ромодановскому; сразу понравился онъ кому нужно было и въ Москвѣ. Мазепа сообразилъ, что служить Дорошенку нѣтъ болѣе разсчета, потому что Дорошенково дѣло было уже почти совсѣмъ проиграно; Мазепа уразумѣлъ, что кто изъ близкихъ къ Дорошенку въ пору и кстати отъ него отречется и окажетъ услугу его противникамъ, тотъ много выиграетъ въ жизни. Въ такомъ именно положеніи созналъ себя тогда Мазепа. Онъ въ Малороссійскомъ приказѣ все разсказалъ о своихъ отношеніяхъ къ Дорошенку, объ извѣстныхъ ему замыслахъ правобережнаго гетмана и о разныхъ обстоятельствахъ событій послѣдняго времени.

«Почему—спросили Мазепу—Дорошенко не послалъ аманатовъ въ Черкасы, когда бояринъ и гетманъ отправили къ нему посланцевъ принять отъ него присягу»?

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 591.

[2]) Ibidem. 562.

[3]) Архивъ юстиціи, кн. 27, листъ 547.—А. Ю. и З. Р., XI, 535—536.

Digitized by Google

Мазепа объяснилъ:—Пріѣхало 23 человѣка отъ Сѣрка и стали говорить Дорошенку, чтобъ онъ не ѣздилъ къ боярину и гетману въ Переяславъ, не отдавалъ бы своей булавы и бунчука, а по прежнему оставался бы гетманомъ на правой сторонѣ и пріѣхалъ въ Сѣчь для подтвержденія своего гетманства. А тутъ пришли вѣсти, что изъ Крыма идетъ къ Дорошенку въ помощь орда. Дорошенко не поѣхалъ въ Запорожскую Сѣчь, опасаясь государевыхъ людей на дорогѣ, но съ посланнымъ стрѣлецкимъ головою не сталъ уже ссылаться. Я просился у него въ Корсунъ къ женѣ своей, а Дорошенко не пустилъ меня и сказалъ: тебя, вѣрно, Ромодановскій соблазняетъ соболями, хочешь мнѣ измѣнить! Онъ приказалъ мнѣ присягнуть, а потомъ послалъ меня къ турецкому визирю съ письмомъ и приказалъ на словахъ сказать ему, чтобы прислано было поскорѣе турецкое или татарское войско. Съ тѣмъ отправилъ меня Дорошенко; а на степи меня перенялъ Сѣрко. Провожатыхъ татаръ запорожцы побили, а я отъ нихъ не бѣжалъ и не бился и былъ у нихъ на степи недѣль пять [1]).

Взятыя у Мазепы Дорошенковы письма были писаны къ турецкому главному визирю, къ крымскому хану, къ ханскому визирю и къ нѣкоторымъ мурзамъ, ханскимъ любимцамъ. Дорошенко извѣщалъ своихъ союзниковъ, что враги «барабаши» (такую кличку давали правобережные лѣвобережнымъ казакамъ) подступаютъ подъ Жаботинъ, а Ромодановскій и гетманъ «барабашскій» уже «переправляются черезъ Днѣпръ подъ Каневомъ. Хотя москали не страшны и прежніе гетманы при помощи однихъ татаръ съ ними справлялись, но у меня теперь людей мало» [2]).

Ласково приняли въ Москвѣ Мазепу и отпустили, дозволивши перейти съ семьею и съ пожитками на лѣвый берегъ Днѣпра, о чемъ просилъ за него гетманъ Самойловичъ [3]). Отсюда начался поворотъ въ судьбѣ этого замѣчательнаго человѣка.

Неудача посольства Мазепы къ туркамъ не помѣшала туркамъ подать помощь Дорошенкову дѣлу. Вмѣсто Мазепы, Дорошенку пособилъ тогда Гоголь, который, передавшись, какъ выше было сказано, послѣ переяславской рады Польшѣ, измѣнилъ полякамъ, опять перешелъ на сторону Дорошенка и въ пору извѣстилъ турецкаго султана объ опасности, грозившей чигиринскому

---

[1]) А. Ю. З. и Р., XI, 554—566.
[2]) Ibidem, 510, 511.
[3]) Ibidem, 579—580.

Digitized by Google

гетману [1]). Спѣша спасать турецкаго подручника, въ началѣ іюня турецкое войско перешло черезъ Днѣстръ у Сороки; турки взяли городокъ Костницу и истребили тамъ всѣхъ жителей, потомъ подошли подъ Куничное: туда стеклось множество людей изъ другихъ городковъ и въ теченіи одиннадцати дней осажденные упорно отбивались, наконецъ турки жестокимъ приступомъ взяли Куничное и все живое въ немъ истребили, а городъ сожгли [2]). Гоголь между тѣмъ разбилъ вѣрнаго царю поднѣстровскаго полковника Зеленскаго [3]). 29 іюля, брацлавскій полковникъ Лисица доносилъ Самойловичу, что турки ворвались въ Тульчинъ, осадили его въ тамошнемъ замкѣ, и просилъ о выручкѣ [4]). По этому письму Самойловичъ приказалъ Дмитрашкѣ Райчѣ идти туда изъ-подъ Смѣлой, но Дмитрашко Райча, дошедши до городка Вуки, отправилъ своего наказнаго Войцу-Сербина съ двумя тысячами къ Лодыжину, а самъ воротился въ Корсунъ, а оттуда въ Каневъ, потому что взятые въ плѣнъ турецкіе языки всполошили казаковъ, наговоривши имъ подъ пыткою, будто турки помирились съ поляками и идутъ на Кіевъ [5]). Войца-Сербинъ соединился съ Андреемъ Мурашкою, котораго Самойловичъ отправилъ также въ Лодыжинъ съ охотницкимъ полкомъ. Едва они успѣли вступить въ этотъ городокъ, какъ подъ Лодыжинъ подошла турецко-татарская сила. Лодыжинскія предмѣстья были сожжены [6]). Казаки заперлись въ замкѣ. Но лодыжинское поспольство пришло въ страхъ: выбросили бѣлое знамя. Великій визирь, при самомъ началѣ этой войны, объявилъ повелѣніе «обрекать всѣхъ невѣрныхъ побѣдоносному мечу“ [7]), и турки, не обращая вниманія на бѣлое знамя, продолжали палить въ Лодыжинъ. Мѣщане выслали къ нимъ еще депутатовъ: тѣ кланялись туркамъ и увѣряли, что всѣ жители Лодыжина остаются вѣрными подданными падишаха, что враждебныя дѣйствія оказываютъ не они, а 2,000 барабашевцевъ, которые пришли къ нимъ незваными и засѣли въ замкѣ. Великій визирь далъ имъ такой отвѣтъ: «коли бы вы были на самомъ дѣлѣ вѣрные подданные Высокаго Порога, то вы бы должны были или выдать пришедшихъ къ вамъ или отлучиться отъ нихъ. Побѣдителямъ не возможно дѣлать между вами раз-

[1]) Крат. Опис. Малор. въ прилож. къ изд. Самов. 1878 г., стр. 278.
[2]) Самов., изд. 1878 г., стр. 123.—Арх. И. Д. 1674 г. № 47.
[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 587.
[4]) Ibid. 548.
[5]) Ibidem. 651.—Симбир. Сборн. Малор. Дѣла, стр. 219.
[6]) А. Ю. и З. Р., XI, 600.—Collect., II, 114.
[7]) Colect., II, 112.

Digitized by Google

личія». Пальба усилилась, и мѣщане въ третій разъ выслали депутацію: на челѣ ея былъ лодыжинскій протопопъ. Жители предавались на волю побѣдителя и просили только выпустить ихъ живыми съ семьями и пожитками [1]). Неумолимый визирь сказалъ: «что́ нибудь одно изъ двухъ выбирайте — или неволю или смерть, иной судьбы не будетъ вамъ; если еще разъ съ этимъ придете, прикажу картечами васъ встрѣтить. На другой день мѣщане выслали сказать, что сдаются совершенно на волю побѣдителя. Вышло 800 казаковъ, положили оружіе. Турки тотчасъ забили ихъ въ колодки и отправили невольниками на свои галеры. Такой же участи подверглись всѣ лодыжинскіе мѣщане съ своими семьями [2]). Мурашка ни за что не хотѣлъ сдаться, держался нѣсколько дней съ своими казаками, пока отъ безпрестанныхъ битвъ, отъ зноя и безводья, всѣ не изнемогли и не полегли одинъ на другомъ [3]). Такъ гласитъ одно извѣстіе. По другому извѣстію [4]), Мурашка сдался самъ съ двѣнадцатью человѣкъ, въ числѣ которыхъ были сотникъ и протопопъ. Но когда визирь сталъ допрашивать, сколько при Ромодановскомъ и Самойловичѣ войска, Мурашка отвѣчалъ: такъ много, что могутъ побѣдить и султана и хана. Это не понравилось визирю. Онъ крикнулъ на Мурашку, а Мурашка смѣло сталъ укорять визиря: вы — говорилъ онъ — воровски пришли на насъ; такъ между государями не водится; обступили нежданно въ Лодыжинѣ насъ и побили. Если бы царю было заранѣе вѣдомо о вашихъ затѣяхъ, такъ вашего султана встрѣтили бы не то что за Днѣстромъ, но еще и за Дунаемъ. Разгнѣванный визирь приказалъ увести его и отрубить голову, но, обдумавшись, воротилъ его снова, а Мурашка сталъ ругать визиря и султана и всѣхъ турокъ жестокою бранью и проклинать магометанскую вѣру. Визирь приказалъ казнить его [5]).

---

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 607.

[2]) Collect., II, 115.—Лѣт. Самов., 123.

[3]) Крат. Опис. Малор., прилож. къ Лѣтоп. Самов., изд. 1878, стр. 279.

[4]) Арх. Юст., кн. 32, л. 144 дал.

[5]) Это показаніе Анастаса Черкеса, грека, занимавшагося въ Лисянкѣ торговлею, и послѣ взятія въ плѣнъ Грицька Дороженка прибывшаго въ Переяславъ и назначеннаго ротмистромъ въ охотномъ войскѣ. Самойловичъ отправилъ его съ отрядомъ на Падаль, гдѣ, соединившись съ Мурашкою и Войцою-Сербиномъ, онъ засѣлъ въ Лодыжинѣ. Анастасъ показывалъ, что, послѣ появленія турецкихъ силъ, Войца-Сербинъ тайно ушелъ, а потомъ Мурашка сдался туркамъ, и оставшіеся выбрали старшимъ Анастаса. Шесть сутокъ турки палили въ городъ, на седьмые сдѣлали два приступа. Анастасъ отбилъ ихъ. Но мѣщане сдались и были всѣ обращены въ неволю, а малыхъ ребятъ въ зависти бусурманы покололи копьями и ножами. Анастасъ,

Digitized by Google

Главный визирь изъ-подъ Лодыжина отрядилъ товарища своего, или каимъ-мекама, султанскаго любимца Мустафу-пашу, подъ Умань—съ приказаніемъ сжечь городъ и жителей увести въ неволю, а если окажутъ сопротивленіе, то перебить всѣхъ безъ разбора.

Вмѣстѣ съ турками подъѣхали къ Умани Дорошенковы старшины и стали уманцамъ дѣлать предложеніе сдаться, обѣщая милость. Уманскій полковникъ Яворскій соблазнился такимъ обѣщаніемъ и отправился въ турецкій станъ на поклонъ; его объявили невольникомъ и заковали. Умань осталась безъ начальника. Турки требовали безусловной покорности. По этому требованію явились въ турецкій станъ полковые чины, знатнѣйшіе казаки и мѣщане. Турки всѣхъ объявили невольниками, а городъ, вмѣсто пощады, стали истреблять. Но въ Умани набралось людей не мало, и были они хорошо вооружены, а городъ укрѣпленъ. Они стали защищаться [1]). Тогда турки повели подъ замокъ шанцы отъ Грѣковаго лѣса, насыпали валы и бойницы вровень съ городскими, палили изъ пушекъ и въ то же время начали подводить подкопы. Взорвана была значительная часть замковой стѣны на лѣвой сторонѣ отъ дороги къ Мени. Уманцы закладывали прорывы возами, навозомъ, землею... но турки подземнымъ ходомъ проникли въ городъ. Уманцы отчаянно отбивались отъ нихъ съ заборовъ, съ домовыхъ кровель; кровь потоками полилась по улицамъ, турки безъ разбора всѣхъ умерщвляли. Остатокъ уманцевъ столпился около городскихъ воротъ, называемыхъ Рашевскою брамою, и тамъ защищались они до тѣхъ поръ, пока турки всѣхъ ихъ не побили; нѣкоторые заползли въ погребъ: турки натащили туда соломы, зажгли и всѣхъ подушили дымомъ. Такъ погибла Умань вся до тла съ церквами и наро-

---

избѣгая жестокой кары, которая постигла бы его какъ начальнаго человѣка, переодѣлся мужикомъ, былъ проданъ, выкупленъ волошскимъ господаремъ Дукою и отправленъ черезъ Венгрію въ Польшу, представился тамъ королю, былъ имъ обласканъ, обдаренъ и отпущенъ въ Украйну, а Самойловичъ послалъ его въ Москву. Его показаніе исполнено хвастовства и несообразностей. Въ Лодыжинѣ, кромѣ 20,000 мѣщанъ съ ихъ женами и дѣтьми, было воинскихъ людей всего полтора тысячи, всего одна пушка и та испорчена, а валъ зѣло худъ, у турокъ же до 40,000 воиновъ и 80 пушекъ, но Анастасъ такъ храбро отбивался, что побилъ 19,000 непріятелей; султанъ казнилъ янычарскаго начальника, досадуя, зачѣмъ не взялъ города, и назначилъ 500 червонцевъ за голову Анастаса. О Мурашкѣ—такое противорѣчіе: сначала говорится, что Мурашка сдался и письменно убѣждалъ Анастаса послѣдовать его примѣру, а потомъ сообщается, что визирь казнилъ Мурашку за смѣлыя и дерзкія выходки. Поэтому показаніе это маловажно.

[1]) А. Ю. и З. Р., XI, 588.

Digitized by Google

домъ христіанскимъ, на седьмой день по прибытіи къ ней туровъ [1]). По сторонамъ отъ Умани турецкіе отряды истребляли сосѣдніе городки и забирали въ неволю жителей, которыхъ вообще въ этомъ краѣ оставалось тогда уже мало послѣ бѣгства на лѣвую сторону. Такъ разорены были до основанія: Тростянецъ, Бершакъ, Маниовка, Полонное Малое и другіе городки [2]).

Когда на западной сторонѣ Украйны такъ расправлялись турки за Дорошенка, самъ Дорошенко засѣлъ въ верхнемъ городкѣ или замкѣ Чигиринскомъ. У него, по показанію сидѣвшаго въ неволѣ Терпигорева, было до четырехъ тысячъ войска, состоявшаго изъ чемерисовъ (польскихъ татаръ), турецкихъ янычаръ, крымскихъ татаръ и такъ-называемыхъ желдаковъ (наемное войско), не считая мѣщанъ и согнанныхъ въ осаду поселянъ, всего тысячъ до пятнадцати [3]). 23 іюля, бояринъ и гетманъ подступили къ Чигирину и въ этотъ день прислали къ нимъ изъявленіе покорности городки: Медвѣдовка, Суботово и Жаботинъ; предводители послали привести ихъ къ присягѣ [4]). Осадное войско расположилось по сю сторону Тясьмина: бояринъ сталъ подъ боромъ подлѣ озерца, а по лѣвую сторону отъ того озерца, на перестрѣлъ отъ города, сталъ гетманъ [5]). На другую сторону отъ Чигирина посланъ былъ генеральный бунчужный и слободскіе полки сумской и острогожскій.

Возвели одиннадцать шанцевъ, поставили на нихъ пушки и начали палить. Но изъ Чигирина можно было отвѣчать тѣмъ же: въ обоихъ городкахъ — нижнемъ и верхнемъ было до ста пушекъ, достаточно боевыхъ запасовъ, только искусствомъ мало могли похвалиться защитники, и выстрѣлы царскихъ войскъ были дѣйствительнѣе: разбили домъ Тукальскаго, митрополитъ убѣжалъ въ верхній городъ и отъ страха заболѣлъ, а поселяне, бывшіе въ осадѣ, перебѣгали въ русскій станъ и говорили, что чигиринцы готовы сдаться, и самъ Дорошенко обѣщаетъ податься, если черезъ недѣлю не придетъ къ нему ожидаемый ханъ съ ордою [6]). Бояринъ и гетманъ, услыхавши объ этомъ, хотѣли завязать сношенія съ Дорошенкомъ и воспользовались тѣмъ, что у нихъ въ станѣ находился плѣнный братъ гетмана Дорошенка Григорій; они приказали ему написать письма къ

[1]) Лѣт. Сам. изд. 1878, стр. 124—Рам. Jem. 239.
[2]) Велич., II, 355.
[3]) Арх. Юст., кн. 108 л. 65.
[4]) Арх. Юст., кн. 24, л. 1279.—А. Ю. и З. Р. XI, 591, 595.
[5]) А. Ю. и З. Р. XI, 654.
[6]) Ibid. XI, 601—604.

Digitized by Google

своей матери и къ брату, увѣщевая сдаться и положиться на царскую милость [1]). Съ этими письмами послали стрѣльца. Гетманъ Дорошенко отвѣчалъ, что если боярин желаетъ съ нимъ толковать о мирѣ, то пусть пришлетъ не простого стрѣльца, а какого-нибудь знатнаго человѣка [2]). Дорошенко хотѣлъ этимъ показать, что помнитъ о своемъ достоинствѣ, но стрѣлецъ, ходившій въ Чигиринъ съ письмами, разсказывалъ, что Дорошенко, видя свой послѣдній часъ, хочетъ насильно себя развеселить и всѣмъ показать, будто ничего не боится: безпрестанно напивается пьянъ, ходитъ по шинкамъ, а передъ нимъ играютъ волынки и скрипки [3]).

28-го іюля, предводители дали приказаніе переходить войску на другую сторону Тясьмина и готовиться къ приступу, но приведенные языки показали, что турецкій султанъ уже перешелъ черезъ Днѣстръ и отправилъ хана съ ордою на выручку Чигирина [4]). Казалось бы, такой слухъ долженъ былъ побудить предводителей скорѣе кончать расправу съ Дорошенкомъ, прежде чѣмъ придетъ къ нему помощь. Но предводители простояли до 9-го августа, не предпринявши ничего рѣшительнаго, а въ этотъ день получили извѣстіе, что турецкій визирь съ войскомъ стоитъ уже подъ Лодыжиномъ; ханъ же идетъ къ Чигирину. Предводители рѣшили, что не безопасно дожидаться хана, 10-го августа приказали зажечь свой таборъ и снялись, а 12-го дошли до Черкасъ [5]). Крымскій ханъ, черезъ день по отступленіи русскаго войска, былъ встрѣченъ Дорошенкомъ за десять верстъ отъ Чигирина и на первыхъ порахъ, въ видѣ привѣтственнаго дара, получилъ отъ гетмана человѣкъ до двухсотъ невольниковъ изъ лѣвобережныхъ казаковъ, а для всѣхъ своихъ татаръ дозволеніе брать сколько угодно людей въ неволю изъ окрестностей Чигирина за то, что жители съ приходомъ русскихъ войскъ отпали отъ Дорошенка [6]). Вслѣдъ затѣмъ ханъ погнался за отступившими отъ Чигирина русскими войсками [7]), догналъ подъ Черкасами 13-го августа, но послѣ незначительной передовой

---

[1]) Ibidem. 581.

[2]) Ibidem. 630.

[3]) Ibidem. 571.

[4]) Ibidem. 622.

[5]) Ibidem, 636.

[6]) Арх. Юст. кн. 108, л. 65.

[7]) Вѣсти о причинахъ такого быстраго ухода, приносимыя выходцами, были различны: одни говорили, что татары думаютъ перебраться на лѣвую сторону Днѣпра, другіе—что татары пойдутъ подчинять власти Дорошенка отпавшіе отъ него правобережные городки. По иному извѣстію (Рам. Jem. 239) татары услыхали, что Сѣрко съ запорожцами безпокоитъ окрестности Перекопа и ногайцевъ.

Digitized by Google

стычки повернулъ обратно къ Чигирину [1]). Объ успѣхахъ турецкихъ войскъ въ западной части Украйны русскіе предводители, правда, еще не знали, хотя у гетмана въ рукахъ были жалобныя письма, писанныя изъ Лодыжина и Умани въ послѣдніе роковые дни для этихъ городковъ; но бояринъ и гетманъ не сочли возможнымъ посылать туда помощь, тѣмъ болѣе, что силы ихъ умалялись: не только у боярина, но и у самого гетмана изъ полковъ самовольно разбѣгались подчиненные, такъ что казацкихъ силъ при гетманѣ оставалось не болѣе пятнадцати тысячъ [2]). Гетманъ и бояринъ разсудили за благо убраться на лѣвую сторону, и отходя приказали сжечь Черкасы: укрѣпленія этого города находились въ дурномъ состояніи, все подгнило, обвалилось, не было ни тайниковъ, ни колодцевъ, ровъ обмелѣлъ и поправлять было некѣмъ; много черкасцевъ жило на Запорожьѣ. Остававшіеся въ Черкасахъ жители безъ ропота, по приказанію боярина и гетмана, послѣдовали на лѣвый берегъ за войсками, зная, что иначе ихъ бы забрали татары.

Ханъ, отступивши отъ Черкасъ, отправился къ Умани, а Дорошенко, пробывъ нѣсколько дней въ своей столицѣ для распоряженій объ ея оборонѣ, послѣдовалъ за ханомъ [3]). Тогда многіе изъ поспольства, находившагося въ осадѣ въ Чигиринѣ, убѣжали на лѣвый берегъ Днѣпра. 26-го августа, освободился задержанный Дорошенкомъ Терпигоревъ: разломалъ окно своей тюрьмы и выползъ оттуда въ оковахъ, вмѣстѣ съ сидѣвшими тамъ узниками. За нимъ была погоня, но онъ счастливо избѣжалъ ее, переправился черезъ Днѣпръ и добрался до Кременчуга, откуда его проводили въ полкъ къ Ромодановскому. Дорошенко, какъ говорили, приказалъ повѣсить тѣхъ, которые не догнали Терпигорева [4]).

Русскія войска, такъ рѣшительно собиравшіяся переходить правый берегъ, стремительно въ одну ночь перебрались на лѣвый [5]). За ними валили толпы правобережныхъ прачанъ. Примѣръ однихъ увлекалъ другихъ. Въ половинѣ августа изъ Лысянки полковникъ Мигалевскій писалъ, что долго удерживалъ поспольство «отъ волокиты», обнадеживая помощью отъ Самойловича, но когда разнеслась въ народѣ вѣсть, что бояринъ и гетманъ возвратились на лѣвый берегъ, то уже невозможно было

[1]) А. Ю. и З. Р. XI, 637.
[2]) Ibidem. 642.
[3]) Арх. юст., кн. 108, л. 67.
[4]) Ibidem.
[5]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 125.

Digitized by Google

ничѣмъ удерживать народа. Опустѣлъ Крыловъ. Изъ большихъ и малыхъ городковъ, изъ селъ и деревень шли обозы съ возами, нагруженными прачанами, ихъ семьями и пожитками [1]). Слѣдуя ихъ примѣру, и жители Лысянки всѣ ушли за Днѣпръ. Городъ, прежде многолюдный и крѣпкій, дававшій отпоръ Чарнецкому, Тетерѣ, Суховѣенку, теперь совершенно опустѣлъ,—говоритъ украинскій лѣтописецъ [2]), безпрепятственно вошли въ него татары, тогда какъ прежде боялись и смотрѣть на этотъ городъ. Движеніе народа къ переселенію, уже много лѣтъ сряду возраставшее послѣ посѣщенія Украйны турками, теперь дошло до высшей степени. Паника овладѣла жителями Украйны. Гдѣ только услышать, что близко появились бусурманы, тотчасъ обыватели поднимаются съ семьями и съ пожитками, какія успѣютъ на-скоро захватить. Часто они сами не знали, гдѣ имъ искать пріюта и шли, какъ выражались тогда, «на мандрівку» или на волокиту. Большая часть ихъ направлялась на лѣвую сторону; на перевозахъ противъ Черкасъ и Канева каждый день съ утра до вечера толпилось множество возовъ съ прачанами, ожидая очереди для переправы; едва успѣвали ихъ перевозить; перешедши за Днѣпръ, они тянулись на востокъ къ слободскимъ полкамъ искать привольныхъ мѣстъ для новаго поселенія [3]). Но нѣкоторые съ западной части Украйны бѣжали на Волынь и въ Червонную Русь въ польскія владѣнія. Множество прачанъ, не добравшись до новоселья, погибали отъ скудости пищи, безводія и крайняго утомленія силъ въ непривѣтной пустынѣ, въ которую обращалась тогда правобережная Украйна, недавно еще называемая поляками ихъ благодатнымъ Египтомъ. Покидая на вѣки родину своихъ предковъ, нерѣдко прачане сожигали свои дворы. Такъ, Дорошенко, слѣдуя изъ Чигирина за ханомъ, услыхалъ, что жители Богуслава собираются сжечь свои жилища и бѣжать въ волокиту; онъ издалъ универсалъ, въ которомъ писалъ: «узнавайте добродѣтель нашу изъ того, что мы васъ по чужимъ угламъ шататься не посылаемъ, а радѣемъ о вашемъ добрѣ и за васъ не жалѣемъ собственнаго здоровья. Не сомнѣвайтесь же ни въ чемъ и задерживайте тѣхъ, которые идутъ въ волокиту; совѣтуйте имъ возвращаться къ своимъ жилищамъ, къ своему достоянію. Тѣ же, которые насъ не послушаютъ и не захотятъ воротиться назадъ отъ Днѣпра въ свои прежнія жи-

[1]) А. Ю. и З. Р. XI 619. Арх. Юст. кн. 32, стр. 114—118.
[2]) Прилож. къ лѣтоп. Самов. изд. 1878 г., стр. 278.
[3]) А. Ю. и З. Р., XI, 656.

Digitized by Google

лица, не уйдутъ отъ бѣды и тамъ, куда укрыться думаютъ, потому что мы, не покончивши съ заднѣпрянами, не помышляемъ оставить своего дѣла, хотя бы война и на нѣсколько лѣтъ потянулась» [1]).

Городки и села, которые соблазнились такими универсалами и сдались Дорошенку, были жестоко наказаны за свое довѣріе: Дорошенко отдавалъ татарамъ всѣхъ тамошнихъ жителей въ неволю [2]). Были и такіе случаи, когда поспольство само отъ крайняго голода отдавалось татарамъ; такъ, изъ окрестностей Корсуня 3000 поселянъ, не видя для себя удобнымъ пробраться на лѣвый берегъ Днѣпра, хотѣли бѣжать въ Орду, но Андрей Дорошенко заворотилъ ихъ [3]).

Дорошенко мимо разоренной и залитой кровью Умани [4]) направился къ султанскому стану, находившемуся гдѣ-то недалеко отъ Лодыжина [5]). Когда гетманъ въѣзжалъ въ турецкій обозъ, ему загородила путь густая толпа украинскихъ невольниковъ, кланявшихся въ землю и молившихъ о заступленіи передъ султаномъ [6]). 5 сентября, гетманъ представился падишаху, получилъ бархатный колпакъ, отороченный собольимъ мѣхомъ, золотую булаву, коня съ богатымъ уборомъ и халатъ—обычный даръ султанскаго благоволенія подручникамъ [7]). Дорошенко выпросилъ у падишаха свободу нѣкоторымъ невольникамъ: то были, разумѣется, немногіе изъ громады наловленныхъ людей всякаго рода, преимущественно молодыхъ парубковъ и дѣвицъ [8]).

Отпущенный падишахомъ, Дорошенко съ ханомъ пошелъ въ Синицу [9]). Города одинъ за другимъ присылали къ гетману объявлять покорность. Пристали тогда къ Дорошенкѣ и брацлавскій полковникъ Лисица, который вѣрно служилъ царю, но, не получивши отъ Самойловича въ пору помощи, теперь по неволѣ поклонился Дорошенку. Отъ Букъ [10]), ханъ отправилъ часть орды съ многочисленнымъ ясыремъ, который, однако, успѣли отбить и освободить на дорогѣ малороссіяне. Самъ ханъ

---

[1]) Арх. Юст., кн. 108 л., 110.
[2]) Лѣт. Сам., изд. 1878, стр. 126.
[3]) Арх. Юст., кн. 32, л. 316.
[4]) Прибав. къ лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 279.
[5]) Арх. Юст., кн. 30, л. 24.
[6]) Велич., II, 355.
[7]) Collect., II, 119.
[8]) Велич., II, 355.
[9]) Село Каневскаго уѣзда, при рѣкѣ Роси.
[10]) Мѣстечко Уманскаго уѣзда, при р. Горномъ Тикачѣ.

Digitized by Google

шелъ вмѣстѣ съ Дорошенкомъ ко Днѣпру; на пути Дорошенко приказалъ захватить и заковать въ кандалы начальныхъ людей городковъ: Насташки [1]), Рокитны [2]), Вахновки [3]), и Богуслава за то, что они возбуждали народъ къ отпаденію отъ Дорошенка, а Степанъ Бутенко, бѣлоцерковскій полковникъ, убѣжалъ съ женою въ Бѣлую-Церковь; но бѣлоцерковскій комендантъ польской службы приказалъ изрубить его подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ прежде измѣнялъ Ханенку и переходилъ къ Дорошенку [4]). Дорошенко съ ханомъ подступили къ Днѣпру у Ржищева и уже собирали паромы, чтобы перебираться на лѣвый берегъ, какъ вдругъ ханъ быстро повернулъ въ Крымъ, услыхавши, что царскія рати, калмыки и донскіе казаки безпокоятъ крымскіе улусы. Дорошенко сталъ въ Корсунѣ; ему оставлено было татаръ, какъ говорятъ, тысячъ до десяти. Тутъ услыхалъ Дорошенко, что тысячъ болѣе десяти прачанъ ѣдутъ изъ Побужья и Поднѣстрья обозомъ, направляясь за Днѣпръ. Дорошенко съ татарами перегородилъ имъ путь подъ Смѣлою; прачане стали-было сопротивляться. Дорошенко приказалъ ихъ всѣхъ рубить, не разбирая ни пола, ни возраста, а тѣхъ, которые не сопротивлялись и съ разу покорились, отдалъ татарамъ въ неволю [5]).

Положеніе Дорошенка стало теперь по истинѣ трагическимъ. Приходъ на помощь къ нему турокъ и татаръ не только не поддержалъ его дѣла, но окончательно подорвалъ. Не въ силахъ были его бусурманскіе союзники насильно заставить народъ любить гетмана. Напротивъ, южноруссы сильнѣе рвались покидать землю предковъ, лишь бы не быть въ подчиненіи у Дорошенка, и уже изъ его родныхъ, которыхъ было много въ Украйнѣ, и изъ самыхъ рьяныхъ его сторонниковъ стали уходить на лѣвую сторону [6]). Собранное имъ казацкое войско въ Корсунѣ подняло противъ него шумъ: «онъ насъ голодомъ поморилъ»,—кричали казаки, «весь край опустошилъ, поспольство въ прахъ разорилъ, христіанъ въ неволю отдалъ». Даже наиболѣе вѣрные Дорошенку серденята стали оставлять гетмана: серденецкій полковникъ Ѳедоръ Мовчанъ съ пятьюстами серденятъ своихъ прибылъ въ Каневъ и присягнулъ царю [7]). Его примѣру послѣдовало еще

---

[1]) Нынѣ мѣстечко Васильковскаго уѣзда.

[2]) Нынѣ мѣстечко Васильков. уѣзда, при рѣкѣ Рокитной.

[3]) Нынѣ мѣстечко Бердичевскаго уѣзда.

[4]) Арх. Юст., кн. 30, л. 19, 49.

[5]) Ibidem, л. 63, 65, 118.

[6]) Арх. Юст., кн. 32, л. 461.

[7]) Ibidem, кн. 108, л. 866.

Digitized by Google

200 серденятъ [1]) и напрасно Дорошенко писалъ къ отшедшимъ отъ него, убѣждая воротиться [2]). Въ-добавокъ турецкій султанъ приказалъ Дорошенку послать въ Турцію 500 мальчиковъ и дѣвочекъ до пятнадцати-лѣтняго возраста, и это возмутило противъ Дорошенка самыхъ близкихъ людей, даже тестя его Яненка, такъ что Дорошенко вышелъ изъ Чигирина и скрывался три дня въ лѣсу съ своими вѣрными серденятами, пока не улеглось волненіе въ городѣ [3]).

Н. Костомаровъ.

---

[1]) Ар. Ин. Д., связка 45, № 3.
[2]) Арх. Юст., кн. 108, л. 881.
[3]) Ibid., кн. 30, л. 133.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е іюля, 1880.

I.

— *Heinrich von Sybel:* Geschichte der Revolutionszeit von 1789 — 1800. Fünfter Band, Zweite Abtheilung. Stuttgart, 1879.
— *Wilhelm Maurenbrecher:* Geschichte der katholischen Reformation. Nördlingen, 1880.
— *Ch. L. Chassin:* les Derniers serfs de France. Paris, 1880.

Въ нѣмецкой исторической литературѣ съ нѣкоторыхъ поръ наступилъ застой; выдающіяся произведенія, сравнительно съ блестящей эпохой пятидесятыхъ годовъ, появляются въ ней теперь довольно рѣдко. Зибель принадлежитъ къ числу немногихъ историковъ той эпохи, не сошедшихъ еще съ литературной сцены. Новая его книга заслуживаетъ вниманія и по своему предмету. Составляя окончаніе обширнаго труда, предпринятаго имъ около двадцати лѣтъ тому назадъ, она обнимаетъ собою послѣдній годъ существованія Директоріи (1799-й), т.-е., послѣднія вспышки революціоннаго огня и окончательное подавленіе его переворотомъ 18-го брюмера.

Въ исторіи событій 1799 года для насъ, русскихъ, не можетъ не быть интересенъ взглядъ историка на образъ дѣйствій Суворова въ Италіи и въ особенности въ Швейцаріи, при знаменитомъ переходѣ черезъ Сенъ-Готаръ. Далекій отъ ожесточенія, съ которымъ говоритъ о Суворовѣ, напримѣръ, Тьеръ,—Зибель осуждаетъ, однако, довольно рѣзко многія изъ распоряженій нашего полководца. Главное обвиненіе, взводимое Зибилемъ на Суворова, заключается въ томъ, что политическія соображенія слишкомъ часто брали въ немъ верхъ надъ военными, что, увлекаясь своей ненавистью къ Австріи, желаніемъ помѣшать успѣху ея себялюбивыхъ плановъ, онъ рисковалъ изъ-за этого судьбою кампаніи, судьбою своего войска. 27-го августа, Суворовъ получаетъ приказаніе перейти изъ Италіи въ Швей-

Digitized by Google

царію, на смѣну отступающаго оттуда эрцгерцога Карла; 3-го сентября, онъ узнаетъ отъ самого Карла о начинающемся передвиженіи послѣдняго съ береговъ Цюрихскаго озера на берега Рейна. Въ виду приближающейся осени, въ виду опасности, угрожающей русскимъ и австрійскимъ отрядамъ въ Швейцаріи со стороны болѣе сильнаго теперь, чѣмъ они, Массены, Суворовъ очевидно долженъ спѣшить переходомъ черезъ Альпы; но онъ медлитъ, колеблется, потому что не хочетъ оставить Италію на произволъ Австріи, не можетъ примириться съ мыслью о захватѣ ею, вмѣстѣ съ Ломбардіей, и Пьемонта. Русскія войска приходятъ въ движеніе только 8-го сентября, останавливаются при вѣсти о наступленіи французовъ съ запада и юго-запада—хотя при безсиліи Шампіонне и Моро эта вѣсть могла быть оставлена безъ всякаго вниманія,—окончательно трогаются въ путь 10-го, теряютъ пять дней близъ Лаго-Маджоре въ напрасномъ ожиданіи слишкомъ поздно заказанныхъ перевозочныхъ средствъ, рѣшаются наконецъ замѣнить ихъ казацкими лошадьми, такъ какъ конница все равно не можетъ дѣйствовать въ горахъ, и лишь 22-го начинаютъ подниматься на Сенъ-Готаръ. Выборъ Сенъ-Готара—второй пунктъ обвиненія противъ Суворова. Онъ долженъ былъ, по мнѣнію Зибеля, предпочесть обходное движеніе черезъ Бернардинъ, чтобы избѣжать сопротивленія со стороны французовъ, занимавшихъ сенъ-готарскій проходъ, и очутиться по ту сторону Альповъ не въ западнѣ, представляемой южнымъ берегомъ Четырехъ-кантоновъ, а въ открытой долинѣ Рейна, среди союзнаго австрійскаго войска. Очевидно, Суворовъ не зналъ, что̀ ожидаетъ его по ту сторону Сенъ-Готара. Можно ли оправдать его незнаніе небрежностью австрійскаго генеральнаго штаба, не сообщившаго ему надлежащихъ свѣдѣній? Нѣтъ; съ помощью книгъ, картъ и разспросовъ, свѣдѣнія эти легко могли быть собраны самимъ русскимъ полководцемъ. Какъ бы то ни было, 26-го сентября, русскія войска, съ величайшимъ трудомъ и большими жертвами перешедшія черезъ Сенъ-Готаръ, видятъ себя прижатыми къ озеру и горамъ, и за неимѣніемъ лодокъ опять принуждены идти по едва проходимымъ горнымъ тропинкамъ. Изъ двухъ путей Суворовъ избираетъ не только болѣе трудный, но и болѣе опасный съ военной точки зрѣнія, потому что онъ ведетъ не въ Гларусъ, къ австрійцамъ, а въ Швицъ, т.-е., можетъ быть, прямо на встрѣчу французамъ. Еще не оконченъ второй утомительный переходъ, какъ оказывается уже необходимымъ предпринять третій, немногѣе тяжелый. У подошвы Росштока, черезъ который еще тянутся русскія войска, Суворовъ узнаетъ о пораженіи Корсакова при Цюрихѣ и наступленіи Массены къ Швицу; идти впередъ невозможно, нужно повернуть къ Гларусу, куда Суворовъ не захотѣлъ направить свои войска прямо съ

Digitized by Google

южнаго берега озера Четырехъ-кантоновъ. Переходъ черезъ Прагель, при снѣжной погодѣ и среди безпрестанныхъ стычекъ съ французами, изнуряетъ безъ того уже утомленныя русскія войска; но вмѣсто того, чтобы удержать позицію при Гларусѣ и перейти въ наступленіе, Суворовъ еще разъ заставляетъ своихъ солдатъ испытать всѣ ужасы осенняго горнаго перехода. 11-го октября, они достигаютъ долины Рейна, едва способные къ продолженію военныхъ дѣйствій. Храбрости и выносливости русскаго войска Зибель отдаетъ полную справедливость, тѣмъ больше удивляясь имъ, чѣмъ меньше уроженцы равнины подготовлены, вообще говоря, къ движеніямъ и битвамъ среди гористой мѣстности; но къ славѣ Суворова швейцарскій походъ въ глазахъ нѣмецкаго историка ничего не прибавляетъ. Планъ, сулившій гибель арміи Массены—ее предполагалось обойти со всѣхъ сторонъ и затѣмъ атаковать съ фронта (Корсаковъ), фланга (австрійцы и тыла (Суворовъ)—обрушился на голову самого автора, подобно плану Вурмзера (австрійскаго генерала, сражавшагося въ 1796 г. противъ Бонапарта), подобно только-что неудавшемуся (въ Италіи) плану Моро и Макдональда противъ самого Суворова. Такова неизбѣжная почти судьба всѣхъ плановъ, составленныхъ издалека и надолго впередъ, разсчитанныхъ на точность и одновременность сложнаго движенія, забывающихъ о возможности непредвидѣнныхъ и непредвидимыхъ компликацій. Въ началѣ сентября было задумано подавить Массену, въ концѣ мѣсяца, войсками, отдѣленными еще другъ отъ друга сотнями верстъ и трудно проходимыми горами; удивительно ли, что Массена не сталъ спокойно ожидать исполненія этого плана, а самъ взялъ на себя инициативу и разбилъ порознь, или по крайней мѣрѣ парализовалъ противниковъ, которые, соединясь, должны были его уничтожить.

Предоставляемъ спеціалистамъ подробный разборъ мнѣнія Зибеля, во всякомъ случаѣ весьма интереснаго и чуждаго — какъ и вообще взглядъ этого историка — предвзятой антипатіи ко всему русскому. Намъ кажется, что неудачный исходъ итальянско-швейцарской кампаніи Суворова былъ естественнымъ результатомъ тѣхъ условій, при которыхъ была задумана и ведена эта кампанія. Слабыя стороны, свойственныя всякой коалиціи, болѣе чѣмъ когда-нибудь преобладали въ русско-австрійскомъ союзѣ 1799 года. Россія не имѣла никакого повода къ войнѣ съ Франціей; для Австріи эта война была жизненнымъ вопросомъ, поставленнымъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и лишь отсроченнымъ, но не разрѣшеннымъ въ Кампоформіо. Россія не преслѣдовала никакихъ матеріальныхъ выгодъ; Австрія только и думала о возвращеніи потеряннаго и о новыхъ пріобрѣтеніяхъ. Россія, поддерживая отвлеченное начало, желала возстановле-

Digitized by Google

нія сардинскаго престола; Австрія считала Пьемонтъ своей законной добычей. Понятно, что при такомъ различіи намѣреній и стремленій о прочномъ единодушіи между союзниками не могло быть и рѣчи; понятно, что ненормальность положенія должна была отзываться и на Суворовѣ, подчиненномъ вдобавокъ — по крайней мѣрѣ, по формѣ — австрійскому правительству. Сознаніе, что русскою кровью достигаются цѣли, чуждыя или даже противоположныя русской политикѣ, не могло остаться безъ вліянія на образъ дѣйствій полководца, слишкомъ проницательнаго и даровитаго, чтобы быть простымъ исполнителемъ получаемыхъ имъ приказаній. Если припомнить, затѣмъ, извѣстныя свойства австрійскаго гофъ-кригсрата и взаимное нерасположеніе русскихъ и австрійцевъ, такъ ясно выразившееся и пятьдесятъ лѣтъ спустя, во время венгерской кампаніи, то первое обвиненіе Зибеля противъ Суворова теряетъ значительную часть своей силы. Положимъ, что онъ колебался и медлилъ, прежде чѣмъ оставить Италію, положимъ, что медленность его была первой причиной всѣхъ послѣдующихъ неудачъ въ Швейцаріи; остается еще рѣшить, могъ ли онъ поступить иначе, не было ли необходимой связи между завязкой и развязкой предпріятія, перенесшаго русскую армію за тысячи верстъ отъ родины, поставившаго его между открытой враждой французовъ и скрытой непріязнью австрійцевъ. Роковую рѣшимость Суворова перейти въ Швейцарію черезъ С.-Готаръ, а не черезъ Бернардинъ, Зибель объясняетъ желаніемъ его предупредить отступленіе изъ Швейцаріи послѣдняго австрійскаго отряда, охранявшаго долину Рейна *впредь до занятія ея русскими*, и получавшаго, слѣдовательно, желанный предлогъ къ удаленію, какъ только на смѣну его покажется тамъ русское войско. Объясненіе это, подтверждаемое до извѣстной степени поспѣшнымъ отступленіемъ изъ Швейцаріи главныхъ австрійскихъ силъ, подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, не доказываетъ ли ненормальность тѣхъ условій, при которыхъ приходилось дѣйствовать Суворову? Если отсутствіе въ русской главной квартирѣ точныхъ свѣдѣній о топографіи сѣверной подошвы С.-Готара и прибрежной области озера Четырехъ-кантоновъ и не можетъ не быть поставлено въ вину русскому главнокомандующему, то не уменьшается ли эта вина обстоятельствами, превратившими русское войско какъ-бы въ австрійскую дивизію и заставившими его полагаться на дѣятельность австрійскаго генеральнаго штаба [1])? Читая описаніе швейцарскаго похода 1799 года, превзой-

[1]) Распоряженія Суворова передъ с.-готарскимъ переходомъ (онъ направилъ генерала Розенберга въ обходъ с.-готарской вершины, черезъ Диссентисъ, а австрійскій отрядъ Ауффенберга — въ обходъ Чортова моста, черезъ Мадеранскую долину,

Digitized by Google

деннаго — съ точки зрѣнія трудностей и лишеній — только зимнимъ переходомъ черезъ Балканы въ 1877—78 г., нельзя не порадоваться, что прошла пора неестественныхъ союзовъ, обрекавшихъ Россію на безцѣльныя потери и ничѣмъ невознагражденныя жертвы.

Внутреннее положеніе Франціи передъ 18-мъ брюмера описано Зибелемъ въ довольно яркихъ чертахъ. Всеобщее обѣднѣніе, упадокъ промышленности и торговли, испорченные и непоправляемые пути сообщенія, опустѣлыя школы, деморализованная магистратура, безпорядочная и безсильная администрація, до крайности разстроенные финансы, хроническій и постоянно растущій дефицитъ, низкій уровень государственнаго кредита, два законодательныя собранія, враждующія между собою, пятиглавое правительство, лишенное всякаго единодушія, конституція, потерявшая всякій авторитетъ вслѣдствіе неоднократныхъ и безнаказанныхъ ея нарушеній, возстанія роялистовъ на югѣ и западѣ, волненія якобинцевъ въ Парижѣ, оборванное и голодное войско, выдерживающее борьбу съ половиной Европы — такова картина, нарисованная Зибелемъ не безъ пристрастія, можетъ быть, къ черной краскѣ, но во всякомъ случаѣ безъ явныхъ преувеличеній. Какой контрастъ между этой картиной и положеніемъ Франціи въ 1851 г., передъ паденіемъ второй французской республики! Глубокій миръ со всѣми европейскими государствами, полное спокойствіе внутри страны, конституція, не совсѣмъ удачно склеенная изъ компромиссовъ, но еще никѣмъ не нарушенная, одно законодательное собраніе, раздѣленное, конечно, на партіи, но съ рѣзко обозначеннымъ и компактнымъ большинствомъ, сосредоточенная въ рукахъ одного лица исполнительная власть, правильно дѣйствующая административная машина, прогрессивно увеличивающееся матеріальное благосостояніе населенія — вотъ условія, естественное развитіе которыхъ было прервано 2-мъ декабря 1851 г. Съ этой точки зрѣнія декабрьскій переворотъ можетъ показаться извиненіемъ брюмерскаго; отсутствіе всякихъ оправданій для перваго можетъ дать преувеличенное значеніе обстоятельствамъ, которыми обыкновенно оправдывается послѣдній. Въ пользу брюмерскаго переворота, сравнительно съ декабрьскимъ, можно привести и то, что онъ совершился безъ пролитія крови, безъ рѣзни, въ родѣ той, которая произошла 4-го декабря на Монмартрскомъ бульварѣ; что

и именно благодаря этому сбилъ французовъ съ позицій ихъ по сю и по ту сторону Чортова моста) показываютъ, что онъ хорошо зналъ топографію С.-Готара; какимъ же образомъ онъ могъ не знать, что отъ южной оконечности озера Четырехъ-кантоновъ нѣтъ (т.-е. не было тогда) удобной дороги къ Швицу? Если онъ надѣялся найти въ Флюеленѣ лодки, на чемъ была основана его надежда? Этотъ пунктъ, какъ намъ кажется, требуетъ еще разъясненія.

Digitized by Google

въ 1799 г. ни въ Парижѣ, ни въ провинціи, никто и не подумалъ стать, съ оружіемъ въ рукахъ, за нарушенную конституцію и попранную свободу; что лучшіе вожди партій первой республики пали во время террора, оставивъ послѣ себя лишь болѣе или менѣе жалкихъ эпигоновъ, а въ 1851 г. не было ничего подобнаго; что генералъ Бонапартъ не побоялся лично показаться въ упраздняемыхъ имъ совѣтахъ, между тѣмъ какъ Людовикъ-Наполеонъ не выходилъ изъ-за стѣнъ елисейскаго дворца, предоставляя *дѣйствіе* Морни, Сентъ-Арно, Мона и Маньяну; что брюмерскія событія не избѣгали дневного свѣта, между тѣмъ какъ главные эпизоды декабрьской драмы были разыграны ночью; что генералъ Бонапартъ не приносилъ присяги на вѣрность конституціи, которую нарушилъ; что въ его прошедшемъ были блестящія побѣды въ Италіи и Египтѣ, а въ прошедшемъ его подражателя—только похожденія въ Страсбургѣ и Булони, да развѣ еще безславная осада Рима. Все это такъ, — но изъ того, что въ исторіи есть нѣчто худшее, чѣмъ брюмерскій переворотъ, отнюдь не вытекаетъ еще возможность снисходительнаго отношенія къ этому перевороту. Тьеръ, въ своей „Исторіи французской революціи“, прямо провозгласилъ его необходимымъ; отъ того же заключенія недалекъ, повидимому, и Зибель, осуждающій только способъ употребленія Наполеономъ доставшейся ему власти. Посмотримъ, не опровергается ли оно данными, приводимыми самимъ Зибелемъ.

Около половины 1799-го года положеніе Франціи дѣйствительно могло казаться отчаяннымъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ большинство совѣта пятисотъ [1]), настроенное, особенно со времени послѣднихъ выборовъ, на ультра-демократическій ладъ, измѣнило, путемъ маленькаго парламентскаго coup d'état (30-го преріаля), составъ директоріи, но все-таки не достигло этимъ единодушія между исполнительною и законодательною властью. Изъ числа четырехъ новыхъ членовъ директоріи, двое—Сіейсъ и Роже-Дюко—принадлежали къ умѣренной, двое — Муленъ и Гойе — къ якобинской партіи; пятый директоръ, развратный и продажный интриганъ Баррасъ — служилъ только своимъ личнымъ интересамъ и во всякую данную минуту готовъ былъ стать на сторону сильнѣйшаго. Въ совѣтѣ старѣйшинъ большинство принадлежало умѣренной партіи, но вліяніе его уступало вліянію совѣта пятисотъ. Между министрами господствовало такое же разногласіе, какъ и между совѣтами и директорами. Такъ какъ преріальскій переворотъ былъ совершенъ ультра-демократической

[1]) По конституціи 1795-го или III-го года законодательная власть была раздѣлена между двумя собраніями—совѣтомъ пятисотъ и совѣтомъ старѣйшинъ.

Digitized by Google

или якобинской партіей, то ей достались и первые плоды побѣды. Она настояла на принятіи двухъ законовъ, грозившихъ возвращеніемъ къ временамъ террора. Однимъ изъ нихъ — такъ-называемымъ закономъ о заложникахъ (loi des otages)—постановлялось, что вслѣдъ за появленіемъ въ какой-либо мѣстности признаковъ политической смуты, всѣ бывшіе дворяне, живущіе въ этой мѣстности, берутся подъ стражу, съ тѣмъ, чтобы за каждое убійство, совершенное мятежниками, четверо изъ арестованныхъ были высылаемы во французскую Гвіану, т.-е. обрекаемы на медленную, но почти неизбѣжную смерть. Бѣгство изъ-подъ стражи наказывалось включеніемъ въ эмигрантскій списокъ, т.-е. конфискаціей имущества и смертною казнью въ случаѣ поимки. Другой законъ возлагалъ на болѣе достаточную часть населенія участіе въ такъ-называемомъ принудительномъ прогрессивномъ займѣ — участіе, равнявшееся для многихъ потерѣ всего годового дохода. Послѣдствіемъ перваго закона было усиленіе и ожесточеніе междоусобной войны вездѣ, гдѣ имѣлись для нея горючіе матеріалы, послѣдствіемъ второго—всеобщая паника, сокрытіе капиталовъ, злоупотребленія при раскладкѣ, крайне медленное и неуспѣшное поступленіе *занимаемыхъ* денегъ и увеличеніе недобора въ обыкновенныхъ податныхъ платежахъ. Въ продолженіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ принудительный заемъ, разсчитанный на 100 милліоновъ, доставилъ всего отъ 7 до 8 милліоновъ франковъ. Само собою разумѣется, что результатъ обоихъ законовъ обнаружился не вдругъ; принятіе ихъ было торжествомъ для крайней партіи и увеличило ея самонадѣянность, ея требовательность. Она рѣшила возсоздать могущественное оружіе, составлявшее ея силу въ 1793 г.—возстановить клубы, въ томъ числѣ и якобинскій, и дать имъ организацію, которая обнимала бы собою всю Францію. На сторонѣ якобинцевъ стояли нѣкоторые изъ самыхъ популярныхъ генераловъ—Журданъ, Ожеро, Брюкъ, Шампіонне; недалекъ отъ нихъ былъ и тогдашній военный министръ, Бернадоттъ. Между журналами, появившимися вновь послѣ преріальскаго переворота, нѣкоторые напоминали геберовскаго „отца Дюшена“. Внѣшній врагъ стоялъ, между тѣмъ, у воротъ Франціи; въ Италіи, послѣ битвы при Нови, ничто не мѣшало союзникамъ идти на Провансъ; въ Швейцаріи Массена ничего не предпринималъ и не могъ предпринять противъ эрцгерцога Карла; рейнская граница была защищена слабо, въ Голландіи высадилось англо-русское войско.

Таково, повторяемъ, было положеніе дѣлъ въ концѣ лѣта и началѣ осени 1799-го года; но оно не замедлило измѣниться, и весьма существенно. Внѣшняя опасность миновала уже въ сентябрѣ, съ удаленіемъ Суворова изъ Италіи, побѣдой Массены при Цюрихѣ и пораженіемъ англо-русскихъ войскъ при Бергелѣ и Алкмаарѣ. Еще

Digitized by Google

важнѣе былъ постоянно возрастающій перевѣсъ умѣренной партіи надъ крайнею. Рѣшительныя мѣры Сіейса, поддерживаемаго не только Роже-Дюко, но и Баррасомъ — удаленіе Бернадотта изъ министерства, закрытіе якобинскаго клуба, высылка безъ суда шестидесяти-шести журналистовъ, пріостановка восьми газетъ—не вызвали соотвѣтствующаго отпора ни со стороны директоріи, ни со стороны совѣтовъ, ни со стороны парижанъ. Муленъ и Гойе ограничились безплоднымъ протестомъ противъ удаленія Бернадотта; въ совѣтѣ пятисотъ Журданъ предложилъ объявить отечество въ опасности, по примѣру 1792-го года, но предложеніе его было отвергнуто значительнымъ большинствомъ голосовъ (245 противъ 171), хотя въ это время опасность нашествія съ сѣверо-востока еще не была устранена побѣдами Брюна; масса рабочаго класса въ Парижѣ не только осталась спокойной при вѣсти о закрытіи якобинскаго клуба, но относилась съ явной враждой къ неисправимымъ нарушителямъ общественнаго спокойствія, приписывая имъ застой въ дѣлахъ и бѣдственное положеніе трудящагося населенія. Главнымъ яблокомъ раздора между директоріей и совѣтами служили до тѣхъ поръ финансовыя дѣла; совѣты долго не хотѣли допускать и мысли о существованіи дефицита, не хотѣли слышать о коренномъ преобразованіи финансовой системы. Когда весной 1799 г. директорія заявила совѣтамъ о грозящемъ дефицитѣ въ 67 милліоновъ франковъ, заявленіе это послужило однимъ изъ поводовъ къ преріальскому перевороту; теперь, въ октябрѣ мѣсяцѣ, директорія исчислила неминуемый дефицитъ въ 400, безъ малаго, милліоновъ—и отвѣтомъ на ея разсчетъ былъ не взрывъ негодованія, а цѣлый планъ реформъ, направленный къ возстановленію бюджетнаго равновѣсія. За нѣсколько дней до 18-го брюмера начались въ совѣтѣ пятисотъ пренія объ отмѣнѣ принудительнаго займа, и никто не сомнѣвался въ томъ, что они приведутъ къ желанной цѣли. Въ то же самое время назначена была коммиссія для пересмотра закона о заложникахъ; другой коммиссіи поручено было озаботиться уменьшеніемъ числа лицъ, включенныхъ въ списокъ эмигрантовъ. Во главѣ войскъ, направленныхъ противъ мятежныхъ вандейцевъ и шуановъ, поставленъ былъ мягкій, умѣренный Гедувилль, съ полномочіемъ на открытіе мирныхъ переговоровъ. Поворотъ, такимъ образомъ, совершился полный; для успокоенія страны, для возстановленія порядка въ администраціи и финансахъ были предприняты или по крайней мѣрѣ задуманы всѣ тѣ мѣры, которыя составляютъ свѣтлую сторону первыхъ лѣтъ консульства. Прибѣгать къ насилію не было никакой надобности, потому что все благопріятствовало *законной* реформѣ. Въ совѣтѣ пятисотъ умѣренной партіи удалось перетянуть къ себѣ ту колеблющуюся, нерѣши-

Digitized by Google

тельную средину, которая до тѣхъ поръ — по примѣру „Равнины“ или „Болота“ въ Конвентѣ—чаще всего подавала голосъ за-одно съ якобинцами. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ предстояли выборы одной трети членовъ въ совѣты и одного директора; выдти изъ директоріи долженъ былъ ненадежный Баррасъ, а выборы въ совѣты, при господствующемъ настроеніи умовъ, непремѣнно должны были обратиться въ пользу умѣренной партіи. Пересмотръ конституціи, необходимый для болѣе прочнаго устройства и бо́льшаго единства органовъ власти, представлялся, такимъ образомъ, вопросомъ времени— а подождать Франція могла, потому что положеніе ея во всѣхъ отношеніяхъ было сносно, и хотя медленно, но постоянно улучшалось. Для приведенія въ порядокъ финансовъ, для возстановленія государственнаго кредита, для поднятія народнаго благосостоянія нуженъ былъ прежде всего миръ — а заключенію мира генералъ Бонапартъ могъ способствовать какъ нельзя больше, ставъ во главѣ войска и нанеся союзникамъ, безъ того уже не особенно сильнымъ, нѣсколько рѣшительныхъ ударовъ. Назначить его главнокомандующимъ директоріи, безъ сомнѣнія, согласилась бы, хотя бы для того, чтобы удалить его изъ Парижа. По справедливому замѣчанію Зибеля, Франція, въ концѣ 1799 г., желала только спокойствія и порядка; изъ всего сказаннаго нами видно, что она могла получить ихъ и безъ насильственнаго переворота. Если брюмерскіе дни, такимъ образомъ, не были необходимы, то они ничѣмъ не могутъ быть оправданы, и вина Наполеона заключается не только въ способѣ пользованія властью, но и въ способѣ пріобрѣтенія ея. Между тѣмъ и другимъ существуетъ, притомъ, самая тѣсная связь; если бы Наполеонъ иначе достигъ власти, онъ не могъ бы видѣть въ ней личнаго достоянія своего, которымъ онъ въ правѣ распоряжаться безотчетно и безконтрольно.

Весьма обстоятельно разсказана Зибелемъ исторія неаполитанскихъ событій 1799 г., бросающихъ такую мрачную тѣнь на жизнь англійскаго національнаго героя—Нельсона. Довольно неожиданнымъ является только выводъ Зибеля, возлагающаго отвѣтственность за эти событія на одного Нельсона. Инсургенты, защищавшіе Неаполь противъ королевскихъ войскъ, сдались предводителю послѣднихъ, кардиналу Руффо, на капитуляцію, обѣщавшую инсургентамъ прощенье и безпрепятственное удаленіе изъ Неаполя. Заключая эту капитуляцію, Руффо дѣйствовалъ въ силу неограниченнаго полномочія, даннаго ему королемъ, и съ согласія представителей иностранныхъ державъ, въ томъ числѣ и Англіи [1]). Король и королева, какъ и

[1]) Отсутствующаго посланника замѣнялъ въ это время капитанъ Футъ.

Digitized by Google

Нельсонъ, находились въ это время въ Сициліи; въ тотъ самый день, когда заключена была капитуляція, Нельсонъ, во главѣ англійскаго флота, отплылъ къ Неаполю, съ инструкціями отъ короля, допускавшими помилованіе инсургентовъ, если только оно необходимо для прекращенія военныхъ дѣйствій. Намѣренія Руффо сходились, такимъ образомъ, съ намѣреніями короля,—но не сходились съ планами королевы и Нельсона. Проникнутый же величайшей враждой противъ якобинцевъ, Нельсонъ, какъ и королева, какъ и англійскій посланникъ Гамильтонъ, женѣ котораго безусловно подчинялся герой Абукира—не хотѣлъ и слышать о пощадѣ, о снисхожденіи къ обезсиленному врагу. Появившись передъ Неаполемъ, Нельсонъ употребилъ всѣ усилія, чтобы склонить на свою сторону самого Руффа, чтобы убѣдить его въ недѣйствительности договора съ инсургентами; Руффо остался непоколебимъ, и Нельсонъ, наконецъ, обѣщалъ ему, письменно и словесно, не предпринимать ничего противорѣчащаго капитуляціи. Основываясь на этомъ обѣщаніи, инсургенты окончательно очистили находившіяся въ ихъ рукахъ укрѣпленія и стали садиться на суда, которыя должны были перевезти ихъ во Францію. Когда они предали себя, беззащитными, въ руки Нельсона, онъ заговорилъ другимъ языкомъ; ссылаясь на письмо королевы, написанное еще до полученія въ Палермо извѣстія о капитуляціи, онъ велѣлъ пріостановить отъѣздъ сдавшихся инсургентовъ, захватилъ бывшаго ихъ вождя, адмирала Караччіоло, учредилъ надъ нимъ военный судъ и немедленно привелъ въ исполненіе смертный приговоръ, произнесенный судомъ. Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Неаполь самъ король; выслушавъ Руффо, онъ нашелъ, что однажды данное слово не можетъ быть нарушено; но, выслушавъ Гамильтона и Нельсона, согласился на дальнѣйшее его нарушеніе. Верховный судъ, учрежденный Руффо и высказавшійся за обязательность капитуляціи, былъ закрытъ и замѣненъ другимъ, по приговорамъ котораго 99 человѣкъ было казнено, 222 присуждено къ пожизненному тюремному заключенію, 288—къ ссылкѣ, 67—къ изгнанію, 322—къ болѣе или менѣе продолжительному лишенію свободы. Въ оправданіе Фердинанда Зибель приводитъ нарушеніе капитуляціи Нельсономъ безъ вѣдома и согласія короля еще до прибытія его въ Неаполь; но развѣ первое нарушеніе необходимо должно было повлечь за собою цѣлый рядъ послѣдующихъ? Примѣръ, данный Нельсономъ, не былъ обязателенъ для короля; онъ могъ согласиться съ Руффо и остановить дѣло мести въ самомъ его началѣ. Замѣчательно, что образъ дѣйствій Нельсона не повредилъ ему во мнѣніи англичанъ; министерство нашло его совершенно правильнымъ, протестъ Фокса прозвучалъ безслѣдно, народъ продолжалъ обожать своего героя.

Digitized by Google

Послѣдній томъ „Исторіи революціоннаго времени“ отличается тѣми же достоинствами и недостатками, какъ и предъидущіе. Всего полнѣе изложены Зибелемъ дипломатическія сношенія; отдѣлы, посвященные имъ, содержатъ въ себѣ много новаго, такъ какъ Зибель пользовался архивами, прежде закрытыми или трудно доступными. Военныя дѣйствія изображены сжато, но рельефно. Во внутренней исторіи Франціи всего лучше разработаны финансовые вопросы; политическое движеніе описано довольно блѣдно, умственная жизнь народа оставлена почти совершенно безъ вниманія; живой характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ искать было бы напрасно. Но во всякомъ случаѣ сочиненіе Зибеля принадлежитъ къ числу тѣхъ, знакомство съ которыми необходимо для всякаго, изучающаго революціонную эпоху.

Исторія реформаціи принадлежитъ къ числу тѣхъ предметовъ, которые всего полнѣе разработаны въ нѣмецкой литературѣ. Въ только-что вышедшемъ сочиненіи боннскаго профессора Мауренбрехера, спеціально посвятившаго себя изученію этой эпохи [1]), встрѣчаются, какъ и слѣдовало ожидать, отдѣлы, не содержащіе въ себѣ ничего существенно-новаго; но рядомъ съ ними есть и такіе, которые вполнѣ заслуживаютъ вниманія. Самое заглавіе книги: „Исторія *католической* реформаціи“ указываетъ на задачу, которую поставилъ себѣ авторъ. Преобразовательное движеніе, охватившее въ XVI вѣкѣ католическую церковь, обыкновенно называется *контръ-реформаціей* (Gegenreformation), т.-е. реакціей противъ реформаціи; Мауренбрехеръ даетъ ему имя католической реформаціи, потому что оно возникло независимо отъ протестантизма, еще до Лютера, и только въ послѣдующихъ фазисахъ своихъ испытало на себѣ вліяніе новыхъ религіозныхъ ученій. Подобно тому, какъ реформація въ собственномъ смыслѣ слова—реформація протестантская—была по преимуществу дѣломъ германскаго племени, католическая реформація нашла свою исходную точку и свои главныя опоры среди романскихъ народовъ, особенно среди испанцевъ. Она началась съ Испаніи, въ концѣ XV вѣка; цѣлью ея было обновленіе и усиленіе церкви, безъ малѣйшаго отступленія отъ доктрины, отъ преданія, отъ культа, такими средствами, какъ—болѣе тщательный выборъ священниковъ и епископовъ, лучшая богословская ихъ подготовка, строгій надзоръ за ними, возстановленіе дисциплины въ монастыряхъ, суровое преслѣдованіе ереси и свободной мысли, предоставленіе духовенству цензуры надъ всѣми

[1]) Первое сочиненіе Мауренбрехера: „Karl V und die deutschen Protestanten“, появилось въ свѣтъ въ 1865 г.; затѣмъ онъ издалъ еще „Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit“ и „England im Reformationszeitalter“.

Digitized by Google

вновь выходящими книгами. Благодаря могущественной поддержкѣ *католическихъ* монарховъ—Фердинанда и Изабеллы, благодаря цѣлой группѣ энергическихъ и даровитыхъ церковниковъ, въ родѣ Хименеса, католическая реформація въ Испаніи, ко времени вступленія на престолъ Карла V-го, могла считаться оконченною. Воспитанный подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ, Карлъ усвоилъ себѣ ея принципы и сдѣлался коронованнымъ ея представителемъ; усердіе его къ ней умѣрялось только тогда, когда поперекъ дороги становились, на короткое время, соображенія политическаго свойства. Въ этомъ первомъ своемъ періодѣ, католическая реформація поддерживала, конечно, принципъ папскаго главенства, но отнюдь не всѣ выводы изъ этого принципа; она стремилась къ ограниченію власти папы надъ отдѣльными церквами, къ изъятію изъ его рукъ права замѣщенія церковныхъ должностей и званій, къ укрѣпленію государственнаго контроля надъ духовенствомъ, однимъ словомъ—къ созданію *національныхъ* церквей. Съ точки зрѣнія современнаго ультрамонтанства, Хименесъ и его сотрудники подлежали бы обвиненію въ галликанизмѣ.

Въ Италіи главнымъ апостоломъ католической реформаціи былъ Савонарола, никогда не оставлявшій средневѣковой почвы, но еще болѣе рѣшительный противникъ папскихъ злоупотребленій, чѣмъ испанскіе реформаторы. Не имѣя за собой такихъ защитниковъ, какими были для послѣднихъ Фердинандъ и Изабелла, онъ долженъ былъ погибнуть въ неравной борьбѣ съ папой. Въ Германіи католическая реформація приняла нѣсколько другой характеръ; она подала руку гуманизму или по крайней мѣрѣ одному, наиболѣе умѣренному его оттѣнку. Нѣмецкіе епископы, стремящіеся въ концѣ XV и началѣ XVI-го вѣка къ внутреннему обновленію церкви, пользуются содѣйствіемъ такихъ людей, какъ Гейлеръ фонъ-Кайзерсбергъ—популярный проповѣдникъ, открытый врагъ нѣкоторыхъ церковныхъ обычаевъ; Себастіанъ Брантъ—сатирикъ, бичевавшій испорченность духовенства; Вимфелингъ—преобразователь нѣмецкой школы, мечтавшій о сліяніи богословія съ наукой. Такія мечты не были чужды и испанскимъ реформаторамъ; нѣкоторые изъ нихъ были знатоками древности, учениками Эразма; но въ Испаніи гуманизмъ не былъ такой живой силой, какъ въ Германіи—рядомъ съ инквизиціей и цензурой онъ естественно не могъ играть выдающейся роли. Высшимъ выраженіемъ союза между католическими преобразовательными тенденціями и гуманизмомъ служитъ дѣятельность Эразма; Мауренбрехеръ видитъ въ ней какъ-бы особую форму реформаціи, нѣчто среднее между реформаціей испанской и реформаціей лютеранской.

Руководящая мысль Эразма, которой онъ былъ вѣренъ всю свою

Digitized by Google

жизнь, заключалась въ томъ, что церковь, оставаясь единой и непоколебимой, должна проникнуться духомъ науки, воспользоваться всѣми пріобрѣтеніями ея, возстановить, съ ея помощью, основы первобытнаго христіанства и сообразовать съ ними свою дѣятельность. Догматическимъ разногласіямъ онъ не придавалъ большого значенія, требуя прежде всего духовнаго единенія членовъ церкви съ ея невидимымъ главою. Пока Лютеръ ограничивался нападеніями на нѣкоторые отдѣльные пункты церковнаго ученія, выработанные въ мрачную эпоху схоластики и составлявшіе какъ-бы наростъ на первоначальной христіанской доктринѣ, Эразмъ сочувствовалъ ему и видѣлъ въ немъ своего союзника; но пути ученаго и проповѣдника разошлись въ разныя стороны, какъ только Лютеръ отдѣлился отъ церкви, пересталъ признавать для себя обязательными ея рѣшенія. Уже въ 1524 г. Эразмъ открыто высказался противъ Лютера, избравъ главнымъ пунктомъ своего нападенія лютерово ученіе о добрыхъ дѣлахъ и благодати, т.-е. отрицаніе свободной воли, съ точки зрѣнія безусловнаго предопредѣленія. На сторону обскурантовъ или крайнихъ консерваторовъ Эразмъ однако не перешелъ, продолжая, наоборотъ, бороться противъ нихъ и претерпѣвать ихъ ожесточенныя обвиненія [1]). Его мягкой, созерцательной натурѣ, его широкому уму были противны догматическія пререканія обѣихъ сторонъ, безполезныя для науки, опасныя для общественнаго спокойствія. Поддерживая сношенія съ наиболѣе умѣренными приверженцами враждующихъ партій—напримѣръ, съ императорскимъ канцлеромъ Гаттинарой въ рядахъ католиковъ, съ Меланхтономъ въ рядахъ протестантовъ,—Эразмъ постоянно, въ самый разгаръ борьбы, настаивалъ на возможности и необходимости соглашенія, возражалъ противъ суровыхъ репрессивныхъ мѣръ, совѣтовалъ прекратить распри на каѳедрахъ и въ брошюрахъ и сосредоточить все вниманіе на общихъ всѣмъ исповѣданіямъ началахъ религіи и нравственности. Въ попыткахъ послѣдовать этимъ совѣтамъ, найти среднюю линію, одинаково отдаленную отъ Лютера и отъ безусловныхъ защитниковъ церковнаго status quo, не было недостатка. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ герцогъ Іоаннъ Клевскій задумалъ организовать церковь, въ предѣлахъ герцогства, по указаніямъ Эразма, и обнародовалъ съ этою цѣлью рядъ узаконеній, установлявшихъ нѣчто въ родѣ церковнаго нейтралитета; проповѣдникамъ обоихъ исповѣданій была строго запрещена всякая полемика; предѣлы, въ которыхъ должна была вра-

[1]) До какой степени въ то время была сильна нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, объ этомъ даетъ понятіе просьба Эразма, обращенная къ главѣ испанской инквизиціи и имъ уваженная—наложить молчаніе на монаховъ, оспоривавшихъ правовѣріе Эразма и видѣвшихъ въ немъ родоначальника лютеровой ереси.

Digitized by Google

щаться проповѣдь, были опредѣлены свѣтскою властью. Единственнымъ результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ было усиленіе въ Клеве лютеранизма. Примирительное настроеніе, пропагандируемое Эразмомъ, находило благопріятную почву и при другихъ дворахъ—даже при дворѣ перваго сановника нѣмецкой католической церкви, архіепископа Майнцскаго, даже при дворѣ давнишняго врага реформаціи, герцога Георга Саксонскаго; но практическихъ послѣдствій оно никогда не имѣло; усилія князя тогдашней науки остались безуспѣшными; катастрофа, которую онъ предчувствовалъ, осуществилась—гуманизмъ, только-что расцвѣтшій въ Германіи, надолго былъ погребенъ подъ бременемъ безплодныхъ богословскихъ споровъ. И вскорѣ Мауренбрехеръ правъ, находя, что компромиссъ въ духѣ Эразма—насколько онъ былъ практически возможенъ — былъ бы несчастьемъ для Германіи, для всей Европы.

Система Эразма страдала неизлечимымъ внутреннимъ противорѣчіемъ; она требовала коренной реформы—и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненія главныхъ основъ существующаго порядка. Она провозглашала непоколебимость церковныхъ учрежденій, устранявшихъ возможность серьёзнаго преобразованія. Что̀ такое папство въ теоріи и на практикѣ—это было слишкомъ ясно и въ эпоху Эразма, когда папскій престолъ занимали то изверги въ родѣ Александра VI-го, то индифференты въ родѣ Льва X-го, то интриганы въ родѣ Юлія II-го и Климента VII-го, и когда изверги, индифференты и интриганы сходились только въ одномъ: въ упорномъ охраненіи папскаго полновластія. Короткое управленіе честнаго, набожнаго Адріана VI-го показало съ достаточною ясностью, что даже папа безсиленъ къ добру, когда затронуты интересы римской куріи. Никогда папская власть не была такъ сильна, какъ передъ самымъ появленіемъ Лютера. За нѣсколько мѣсяцевъ обнародованія знаменитыхъ виттенбергскихъ тезисовъ окончилась въ Римѣ сессія латеранскаго собора. Началась она (въ 1512 г.) при неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ для папы; въ Пизѣ засѣдалъ соборъ, собравшійся безъ согласія и даже прямо вопреки волѣ папы, по иниціативѣ самыхъ вліятельныхъ кардиналовъ, съ одобренія французскаго короля и императора Максимиліана,—соборъ, имѣвшій въ виду реорганизацію церковнаго управленія на новыхъ, болѣе правильныхъ началахъ. И что же? не прошло и пяти лѣтъ, какъ о пизанскомъ соборѣ всѣ забыли; его руководители принесли повинную голову и приняли участіе въ латеранскомъ соборѣ, созванномъ папой именно для противодѣйствія пизанскимъ непослушникамъ. Этотъ соборъ единогласно провозгласилъ абсолютное подчиненіе папѣ необходимымъ условіемъ вѣчнаго блаженства, и разошелся, не устранивъ ни одного изъ всѣмъ извѣст-

Digitized by Google

ныхъ и всѣми признанныхъ злоупотребленій. Чего же можно было ожидать отъ непогрѣшимаго папы и отъ такихъ *независимыхъ* соборовъ? Всего меньше, конечно, терпимости, уваженія къ наукѣ, т.-е. къ свободѣ мысли (на томъ же латеранскомъ соборѣ, епископамъ, по примѣру Испаніи, была предоставлена цензура надъ всѣми выходящими книгами), искренней готовности къ реформамъ,—неизбѣжно неблагопріятнымъ для власти и доходовъ духовенства,—возвращенія къ простотѣ и чистотѣ первобытной церкви. Чѣмъ же объяснить упорную вѣру Эразма въ совмѣстность науки и средневѣкового католицизма? Что питало въ немъ надежду на уступки со стороны послѣдняго въ пользу первой? Весьма вѣроятно, что среднее положеніе, занятое и твердо удерживаемое Эразмомъ, было скорѣе дѣломъ его характера, чѣмъ его убѣжденія, что примкнуть къ протестантамъ ему помѣшала, съ одной стороны, нерѣшительность, боязнь передъ открытымъ разрывомъ съ церковью, съ другой стороны—гордость ученаго, не признающаго за толпой права голоса въ области религіозно-философскихъ вопросовъ. Рекомендуя воздержаніе отъ полемики, Эразмъ судилъ о другихъ по себѣ, ожидалъ отъ другихъ спокойствія, которое ему самому такъ легко давалось. Онъ думалъ, что споръ, сдѣлавшійся достояніемъ всѣхъ и каждаго, можетъ быть покончен соглашеніемъ немногихъ передовыхъ умовъ, что этому соглашенію подчинятся и власти—церковныя и свѣтскія,—и массы. Что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ торжество Эразма было бы, въ сущности, полнымъ порицаніемъ для протестантизма, а слѣдовательно и для свободы мысли, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Первымъ условіемъ компромисса было бы возвращеніе протестантовъ въ лоно католической церкви—а между тѣмъ суть протестантизма заключалась не въ ученіи о благодати, не въ бракѣ священниковъ, не въ пріобщеніи подъ обоими видами: она заключалась именно въ отдѣленіи отъ церкви, т.-е. въ освобожденіи мысли отъ внѣшняго авторитета. Если бы уступчивость Меланхтона на аугсбургскомъ сеймѣ 1530 г. [1])—уступчивость, быть можетъ внушенная отчасти вліяніемъ Эразма—не разбилась о твердость Лютера и объ упрямство императора и папскаго легата, реформація была бы произведена напрасно, и Европѣ пришлось бы ожидать новаго Лютера. Всѣ плоды компромисса достались бы не *эразмовской* реформаціи, а *испанской*, какъ болѣе послѣдовательной и цѣльной; мы видимъ, что она восторжествовала вездѣ, гдѣ не побѣдилъ протестантизмъ. Что касается до вреда, причиненнаго наукѣ продолжительнымъ господствомъ бого-

[1]) Онъ готовъ былъ допустить подчиненіе протестантовъ католической церковной іерархіи.

Digitized by Google

словскихъ споровъ, то онъ не былъ ни такъ великъ, ни такъ глубокъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Гуманизмъ пострадалъ несомнѣнно—но гуманизмъ былъ только преддверіемъ къ наукѣ, возстановленіемъ или воспроизведеніемъ основъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго ея развитія; она скоро проложила себѣ новые пути, и движеніе ея не останавливается даже въ XVI-мъ вѣкѣ. Гуманизмъ процвѣталъ преимущественно въ небольшой, замкнутой сферѣ, мало распространясь за ея предѣлы; реформація дала сильный толчокъ народной школѣ и положила начало обязательному обученію, отъ полнаго осуществленія котораго такъ далеко еще и наше время.

Французскій историкъ и публицистъ Шассенъ, извѣстный трудами о такъ-называемыхъ cahiers 1789 г., т.-е. объ инструкціяхъ, данныхъ избирателями депутатамъ при избраніи генеральныхъ штатовъ, издалъ недавно небольшой этюдъ о послѣднихъ крѣпостныхъ людяхъ во Франціи. Русскіе читатели, знакомые съ сочиненіемъ г. Карѣева о крестьянахъ и крестьянскомъ вопросѣ во Франціи конца XVIII-го вѣка [1]), найдутъ въ этюдѣ Шассена много любопытныхъ дополненій къ общей картинѣ, нарисованной г. Карѣевымъ. По разсчету Шассена крѣпостныхъ людей во Франціи, въ 1789 г., было во всякомъ случаѣ болѣе милліона, можетъ быть и около полутора милліона. Писатели консервативной и клерикальной партіи стараются доказать, что крѣпостное право сохранилось до революціи въ одной только провинціи—Франшъ-Конте; между тѣмъ оно оказывается на лицо и въ Бургундіи, и въ Эльзасѣ, и въ Лотарингіи, и въ Оверни, и въ Бурбонне, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Крѣпостные люди Франшъ-Конте, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые принадлежали сенъ-клодскимъ каноникамъ, извѣстны больше другихъ, вслѣдствіе усилій, сдѣланныхъ въ ихъ пользу Вольтеромъ—усилій, подробно и интересно изображаемыхъ Шассеномъ; но они были далеко не единственными жертвами стараго учрежденія пережившаго вѣка и упорно отстаивавшаго свое право на существованіе. Мысль объ его отмѣнѣ, съ вознагражденіемъ собственниковъ, возникала еще при Людовикѣ XIV-мъ; сохранился проектъ декрета по этому предмету, написанный рукою извѣстнаго Ламуаньона. Прошло цѣлое столѣтіе, пока вопросъ, поднятый вновь краснорѣчіемъ и гуманностью Вольтера, подготовленный Тюрго и разработанный Неккеромъ, подвинулся на одинъ шагъ къ своему разрѣшенію. Въ 1779 г. былъ изданъ Людовикомъ XVI-мъ эдиктъ, отмѣнявшій крѣпостное право въ королевскихъ владѣніяхъ, но въ частныхъ имѣніяхъ только слегка ограничивавшій его, въ томъ

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ 1879 г. № 5, Литературное Обозрѣніе.

Digitized by Google

предположеніи, что владѣльцы сами послѣдуютъ примѣру короля и уступятъ подвластному населенію, за сходную цѣну, право на свободу. Предположеніе это не оправдалось; добровольныхъ выкупныхъ сдѣлокъ между владѣльцами и крѣпостными заключено было въ продолженіи десяти лѣтъ весьма немного; безансонскій парламентъ, вѣрный союзникъ дворянства и духовенства въ ихъ борьбѣ противъ всякаго посягательства на привилегіи землевладѣльцевъ, отказался даже занести въ свои регистры эдиктъ 1779 г. На выборахъ 1789 г. значительной части населенія Франшъ-Конте пришлось еще требовать для себя самаго элементарнаго изъ всѣхъ правъ—права личной свободы. Однимъ изъ депутатовъ провинціи былъ выбранъ адвокатъ Кристенъ, вѣрный адъютантъ Вольтера въ его литературной кампаніи за бѣдныхъ—„serfs du Mont-Jura". Какъ велики были иллюзіи высшихъ сословій и самого правительства наканунѣ соціальнаго переворота, объ этомъ даютъ понятіе слѣдующіе факты: дворянство Франшъ-Конте, заявляя въ своихъ cahiers согласіе на отмѣну, съ денежнымъ вознагражденіемъ, крѣпостного права, прибавляло, что выборъ между свободой и крѣпостнымъ состояніемъ долженъ быть предоставленъ на усмотрѣніе каждой общины. Предполагалось, слѣдовательно, что любители крѣпостного права найдутся и между самими крѣпостными, и притомъ не въ видѣ отдѣльныхъ единицъ, а въ составѣ цѣлыхъ общинъ! Еще замѣчательнѣе то, что Неккеръ, 15-го апрѣля 1789 г., выражаетъ готовность *обсудить* вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, но *не раньше*, какъ *по окончаніи сессіи генеральныхъ штатовъ!* Неудивительно послѣ этого, что въ знаменитой декларацiи 23-го іюня, составителямъ которой казался черезчуръ либеральнымъ самъ Неккеръ, объ отмѣнѣ крѣпостного права говорится только какъ о *желаніи* короля, а не какъ о реформѣ, рѣшенной по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Нужна была великая ночь 4-го августа, чтобы съ лица Франціи было стерто пятно крѣпостного права.

Къ числу самыхъ интересныхъ страницъ книги Шассена принадлежитъ очеркъ возмутительнѣйшаго изъ всѣхъ феодальныхъ правъ—„права первой ночи" (droit du seigneur, droit de prélibation ou de jambage, markette), существованіе котораго такъ усердно старались оспорить духовные и свѣтскіе защитники *добраго стараго времени*. Шассенъ доказываетъ неоспоримыми документами, что оно примѣнялось на практикѣ и ограждалось авторитетомъ судебной власти еще въ началѣ XIV-го вѣка. Впослѣдствіи оно исчезло или приняло смягченную форму денежнаго выкупа; ясный слѣдъ его сохранился въ Франшъ-Конте до самаго XVIII-го вѣка, въ видѣ постановленія, по которому крѣпостная женщина могла наслѣдовать своему отцу въ такомъ лишь случаѣ, если она провела первую ночь послѣ брака

Digitized by Google

въ отцовскомъ домѣ, а не у мужа. Это постановленіе служило источникомъ безконечныхъ процессовъ—то со стороны братьевъ наслѣдницы, то со стороны господина, къ которому, при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ, переходило имущество крѣпостного,—и они часто оканчивались во вредъ дочери, не заручившейся заранѣе точными доказательствами о мѣстѣ нахожденія своего въ первую ночь послѣ брака. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ любопытнымъ случаемъ *переживанія*—и вмѣстѣ съ тѣмъ перерожденія—юридическаго института. Обязательное нахожденіе новобрачной, въ первую ночь послѣ брака въ домѣ отца, а не у мужа, имѣло смыслъ лишь тогда, когда оно служило гарантіей *правъ* (!) господина. Потерявъ это первоначальное значеніе, оно осталось, однако, нормой обычнаго права, потому что обратилось въ источникъ дохода для господина и для всѣхъ, грѣвшихъ руки около судебной ябеды.

Говоря о ночи 4-го августа, Шассенъ выражаетъ сожалѣніе, что Франція до сихъ поръ не обладаетъ изданіемъ, въ которомъ были бы изложены, съ надлежащею точностью и полнотою, великія засѣданія французскихъ законодательныхъ собраній. „Монитёръ“ 1789 г., съ этой точки зрѣнія, такъ же мало удовлетворителенъ, какъ и „Archives parlementaires“—изданіе, предпринятое во время второй имперіи. Между тѣмъ возсоздать живую картину ночи 4-го августа, какъ и другихъ памятныхъ засѣданій учредительнаго собранія, законодательнаго собранія, національнаго конвента, было бы вполнѣ возможно съ помощью оффиціальныхъ протоколовъ и въ особенности отчетовъ, писемъ и мемуаровъ самихъ депутатовъ.

II.

—*А. Блокъ*, Государственная власть въ европейскомъ обществѣ. Взглядъ на политическую теорію Лоренца Штейна и на французскіе политическіе порядки. С.-Петербургъ, 1880.

Содержаніе этой книги опредѣляется довольно точно вторымъ ея заглавіемъ. Авторъ разбираетъ мнѣнія Л. Штейна о задачѣ, дѣятельности и организаціи государственной власти, и затѣмъ повѣряетъ ихъ указаніями современной французской исторіи. Отсюда нѣкоторая раздвоенность въ изложеніи; каждый изъ трехъ главныхъ отдѣловъ книги раздѣленъ на двѣ части — полемику съ Л. Штейномъ и историческій разборъ соотвѣтствующей стороны французской государственной жизни,—которыя съ гораздо бо̀льшимъ удобствомъ могли бы быть соединены въ одно цѣлое. Такъ, напримѣръ, во второй главѣ идетъ рѣчь объ аттрибуціяхъ законодательной и админи-

Digitized by Google

стративной власти. Наиболѣе характерныя изъ безчисленныхъ измѣненій, испытанныхъ ими во Франціи, легко могли бы найти мѣсто въ разборѣ теоріи Штейна, вмѣстѣ съ примѣрами, заимствованными изъ государственнаго права другихъ европейскихъ державъ; но г. Блокъ выдѣляетъ все касающееся Франціи въ особый отдѣлъ главы, наполняя его подробнымъ хронологическимъ перечнемъ различныхъ конституціонныхъ постановленій. Этотъ небольшой, чисто внѣшній недостатокъ не вредитъ интересу сочиненія, затрогивающаго весьма серьёзные и важные вопросы. Мы убѣдимся въ этомъ, прослѣдивъ вкратцѣ содержаніе книги г. Блока.

Государство, опредѣляемое Л. Штейномъ, какъ „единеніе людей, возвысившееся на степень самостоятельной и самодѣятельной личности", должно подчинять частные интересы общимъ, одинаково заботясь о всѣхъ своихъ членахъ. Народное представительство не можетъ достигнуть этой цѣли, потому что оно олицетворяетъ собою общество, а въ обществѣ господствуютъ имущіе надъ неимущими. Противовѣсомъ одностороннему вліянію и сравнительно узкимъ интересамъ общества можетъ служить только монархическая власть, съ своими органами, т.-е. съ должностными лицами. Монархическая власть не можетъ оставаться „покоющимся, лишеннымъ самодѣятельности, представительствомъ государственной идеи"; она ощущаетъ потребность „въ личномъ хотѣніи и дѣйствованіи". „Назначеніе этой потребности состоитъ въ томъ, что монархическая власть должна самодѣятельно, противъ воли и естественной тенденціи господствующаго класса, взяться за возвышеніе низшаго, соціально и политически подчиненнаго класса, и въ этомъ смыслѣ употреблять ввѣренное ей государственное верховенство". Полемизируя противъ этого взгляда, г. Блокъ указываетъ на то, что государство—въ сущности не что иное, какъ общество, съ организованною въ немъ государственною властью; что если въ обществѣ существуетъ различіе интересовъ, то и для государства немыслимо одинаковое охраненіе всѣхъ интересовъ; что между противоположными стремленіями общественныхъ классовъ государственной власти приходится дѣлать выборъ, и этотъ выборъ по необходимости останавливается на господствующемъ классѣ, какъ наиболѣе вліятельномъ и сильномъ; что правительство, дающее своей политикѣ „народное направленіе", подвергаетъ опасности собственное свое существованіе. „Что же остается дѣлать монархическимъ правительствамъ въ европейскихъ государствахъ?" спрашиваетъ себя г. Блокъ. „Остается брать примѣръ съ представительныхъ учрежденій, т.-е. соблюдать интересы господствующаго класса, не вступая въ разладъ съ этимъ могущественнѣйшимъ элементомъ общества... Всякая попытка преобразовать соціальныя

Digitized by Google

отношенія въ интересахъ рабочихъ предполагаетъ не только разрывъ, но и систематическую борьбу съ господствующимъ классомъ общества. Для такой борьбы требуются огромныя силы и средства—а ихъ не можетъ дать слабый пролетаріатъ. Мнимое могущество его—не что иное, какъ „красный призракъ", который въ дѣйствительности „не такъ страшенъ, какъ его малюютъ". Съ этой стороны „довольно поучительны неудачи и быстрыя крушенія временныхъ правительствъ, опиравшихся на голодныя массы". Исторія Франціи показываетъ, что когда королевская власть соединилась съ буржуазіей противъ феодализма, послѣдній былъ уже слабъ, первая — довольно сильна, обладая богатствомъ и умственнымъ развитіемъ. Начиная съ революціи 1789 г., характеръ французской политики опредѣляется интересами одного имущаго класса; короткія интермедіи 1848 и 1871 г. обнаружили только всю слабость пролетаріата, все могущество буржуазіи — этой force majeure, этой доминанты французской государственной жизни.

Мы не станемъ защищать Л. Штейна противъ г. Блока. Теорія нѣмецкаго ученаго несомнѣнно запечатлѣна метафизическимъ характеромъ, основана на апріорныхъ, недоказанныхъ положеніяхъ; онъ преувеличиваетъ значеніе формы, признаетъ за нею такое абсолютное превосходство, котораго она на самомъ дѣлѣ не имѣетъ. Отсюда не вытекаетъ еще, однако, основательность всѣхъ возраженій г. Блока. Нѣкоторыя изъ нихъ представляются ударами въ пустое пространство, другія лишены достаточной внутренней силы. Главный тезисъ Л. Штейна состоитъ не въ томъ, что монархическая власть всегда стояла и стоитъ на сторонѣ народа, а въ томъ, что она *должна стоять* на сторонѣ его. Доказать, съ помощью исторіи, что политика французскихъ королей и императоровъ была благопріятна для буржуазіи, а не для народа—не значитъ еще, слѣдовательно, опровергнуть Л. Штейна. Вопросъ сводится къ тому, всегда ли образъ дѣйствій государственной власти долженъ соотвѣтствовать исключительно интересамъ господствующаго, т.-е. имущаго класса, существуетъ ли необходимое соотношеніе между политикой правительства и стремленіями буржуазіи? Другими словами, составляетъ ли программа, указанная Л. Штейномъ, неисполнимую мечту, недосягаемый идеалъ, или же цѣль, въ извѣстный моментъ, при извѣстныхъ условіяхъ, практически осуществимую? Само собою разумѣется, что правительство, какова бы ни была его форма, должно имѣть реальныя точки опоры, должно считаться съ наличными общественными силами и дѣйствовать противъ однѣхъ другими, по меньшей мѣрѣ равными; но едва ли можно отвергать, что правительство, существующее издавна, имѣющее за себя преданіе и привычку, само по себѣ есть

Digitized by Google

сила, способная иногда дать перевѣсъ менѣе вліятельному классу общества надъ болѣе вліятельнымъ. Мы не видимъ достаточныхъ основаній утверждать a priori, что четвертое сословіе, поддержанное — въ законныхъ требованіяхъ своихъ—крѣпко установившеюся, прочною правительственною властью, не могло бы имѣть успѣха въ борьбѣ противъ несправедливыхъ притязаній третьяго сословія. Такой комбинаціи событія новѣйшей западно-европейской исторіи еще не представляли. Примѣръ временныхъ правительствъ, приводимый г. Блокомъ, ничего не доказываетъ, именно потому, что это были правительства временныя, слабыя, только-что призванныя къ жизни и притомъ далекія отъ внутренняго единодушія. Правительства, шедшія наперекоръ интересамъ третьяго сословія, не могли удержаться — это правда; но кто помогалъ третьему сословію въ ихъ низверженіи? Четвертое сословіе, часто увлекавшее за собою буржуазію гораздо дальше того пункта, на которомъ она первоначально предполагала остановиться. Такъ было въ іюнѣ 1830-го, такъ было и въ февралѣ 1848-го года. Какъ бы велико ни было могущество буржуазіи, какъ бы велика ни была слабость пролетаріата, позволительно усомниться, чтобы первая оказалась сильнѣе правительства, опирающагося на послѣдній. Если, такимъ образомъ, существованіе правительства не требуетъ, всегда и безусловно, поддержки *господствующаго* класса, если правительство можетъ, не рискуя паденіемъ, взять на себя охрану интересовъ массы, то картина, плѣнившая Л. Штейна, можетъ, рано или поздно, перейти изъ міра фантазіи въ міръ дѣйствительности, и усилія ученаго, ищущаго идеалъ власти далеко подъ обыкновеннымъ ея уровнемъ, не могутъ быть названы вполнѣ безплодными.

Во второй главѣ г. Блокъ разбираетъ мнѣніе Л. Штейна о кругѣ дѣйствій законодательной и исполнительной власти. Исходя изъ метафизическихъ построеній о существованіи въ государствѣ трехъ личныхъ моментовъ (der Wille, die That und das Ich), которымъ соотвѣтствуютъ власть законодательная, власть административная и верховный глава государства,—Л. Штейнъ не только обленаетъ послѣдняго правомъ отмѣнять, въ экстренныхъ случаяхъ, постановленія законовъ, но и расширяетъ чрезъ мѣру область исполнительной власти. Онъ признаетъ за нею, напримѣръ, право изданія обязательныхъ распоряженій по всѣмъ предметамъ, не предусмотрѣннымъ въ законѣ. Г-нъ Блокъ совершенно основательно возражаетъ противъ отвлеченнаго характера разсужденій Л. Штейна, противъ крайностей его теоріи, умаляющихъ значеніе законодательной власти и затемняющихъ различіе между административнымъ распоряженіемъ и закономъ; но мы напрасно стали бы искать у автора опредѣленія этого разли-

Digitized by Google

чія, точнаго, по возможности, указанія той границы, которая должна быть противопоставлена неопредѣленной и сбивающейся въ сторону демаркаціонной чертѣ Л. Штейна. Изъ приводимыхъ г. Блокомъ примѣровъ, изъ образа конституціонной исторіи Франціи можно заключить, что законодательная власть вездѣ, кромѣ Англіи, заключена въ слишкомъ тѣсные предѣлы; но какъ и насколько слѣдовало бы ихъ раздвинуть, какъ избѣжать, притомъ, неудобствъ, сопряженныхъ съ англійской системой *частныхъ биллей*—этого мы не видимъ. Въ историческомъ обзорѣ, посвященномъ Франціи, много излишнихъ подробностей, но сферы властей законодательной и исполнительной обрисованы преимущественно словами конституцій, а не фактами, которые показывали бы дѣйствительный размѣръ функцій той и другой власти.

Третья глава посвящена вопросу объ отношеніяхъ министерства и верховной власти къ народному представительству. Л. Штейнъ находитъ, что министерство должно служить выраженіемъ духа народнаго представительства, но не желаетъ полной зависимости перваго отъ послѣдняго, такъ какъ она равнялась бы передачѣ управленія въ руки партіи. Министры должны оставлять свою должность, когда взгляды исполнительной правительственной власти на потребности администраціи существенно отличаются отъ взглядовъ народнаго представительства. Чтобы принудить министерство къ отставкѣ, у народнаго представительства есть два средства: систематическое отклоненіе всѣхъ предложеній правительства и отказъ въ правѣ производства тѣхъ расходовъ, которые даютъ администраціи возможность дѣйствовать вопреки видамъ палаты. Съ перваго взгляда всѣ эти положенія могутъ показаться вполнѣ согласными съ духомъ парламентаризма; но, по справедливому замѣчанію г. Блока, они теряютъ бо́льшую часть своего значенія, если сопоставить ихъ съ другими сторонами теоріи Л. Штейна. Систематическое отклоненіе всѣхъ предложеній правительства имѣетъ смыслъ тамъ, гдѣ широка область законодательной власти, гдѣ правительство, слѣдовательно, на каждомъ шагу нуждается въ содѣйствіи палатъ; но если администрація въ правѣ издавать распоряженія, равносильныя законамъ, то она долго можетъ обойтись безъ этого содѣйствія. Отказъ въ правѣ производства расходовъ можетъ имѣть силу только въ концѣ финансоваго года, когда еще не разрѣшены расходы на слѣдующій годъ, въ противномъ случаѣ министерство спокойно можетъ управлять цѣлый годъ безъ согласія палаты. Прибавимъ къ этому, что исторія конфликта между Бисмаркомъ и прусской палатой депутатовъ показываетъ безцѣльность отказа въ производствѣ расходовъ, когда правительство сохраняетъ право собирать доходы. До какихъ стран-

Digitized by Google

ностей доходитъ Л. Штейнъ въ своей погонѣ за парламентарнымъ, но все-таки независимымъ отъ парламента министерствомъ, это видно изъ того, что нѣмецкіе министры кажутся ему болѣе подходящими къ идеалу, чѣмъ англійскіе. И все-таки Л. Штейнъ правъ, признавая полную зависимость министерства опасной для правильнаго развитія политической жизни; но независимость министерства должна быть нравственная, а не юридическая — она должна заключаться въ рѣшимости скорѣе отказаться отъ власти, чѣмъ подчиниться несправедливому требованію, капризу большинства. Съ другой стороны, залогомъ вліянія палатъ на министерство служитъ не столько тотъ или другой законъ о министерской отвѣтственности, не столько право палатъ отказывать въ сборѣ доходовъ или производствѣ расходовъ, сколько общій политическій складъ народа, обезпечивающій за народнымъ представительствомъ первое мѣсто въ государственномъ организмѣ. Массу матеріаловъ по вопросу о реальномъ взаимодѣйствіи политическихъ силъ представляетъ новѣйшая исторія Франціи; но г. Блокъ и здѣсь отвелъ всего больше мѣста изложенію конституціонныхъ постановленій, почти не касаясь фактовъ, въ которыхъ выражалось, въ разное время, отношеніе французскихъ министерствъ къ французскимъ палатамъ. Основная мысль автора—что степень вліянія властей прямо пропорціональна ихъ кругу дѣйствій —выступила бы на видъ несравненно рельефнѣе, если бы составныя части французскаго государственнаго организма были характеризованы не одними только опредѣленіями закона. Укажемъ, для примѣра, на знаменитый споръ о формулѣ: „le roi règne, mais ne gouverne pas“,—вовсе не упомянутый г. Блокомъ въ его очеркѣ іюльской монархіи.

III.

— *Степанъ Фортунатовъ*, Исторія политическихъ ученій въ Соединенныхъ Штатахъ. Часть первая. Федералистъ и трактаты Кальгуна. Москва, 1879.

Книга г. Фортунатова посвящена предмету, мало извѣстному въ Россіи, несмотря на всю его важность; интересъ изслѣдованія увеличивается тѣмъ, что содержаніе политическихъ ученій постоянно излагается авторомъ въ связи съ обстоятельствами времени, съ исторіей Соединенныхъ Штатовъ. „Федералистъ“ относится къ той эпохѣ, когда изъ временнаго, непрочнаго союза отдѣльныхъ штатовъ выработывалась стройно-организованная сѣверо-американская федерація, когда созидались формы, въ которыхъ она существуетъ и въ настоящее время. Сочиненія Кальгуна, появившіяся въ свѣтъ

Digitized by Google

полъ-вѣка спустя, знаменуютъ собою первый періодъ великаго кризиса, кульминаціонной точкой котораго была междоусобная война 1861—1865 г. Вся политическая жизнь Соединенныхъ Штатовъ наполнена борьбою между двумя принципами—національнымъ, выдвигающимъ на первый планъ государственное единство сѣверо-американскаго народа, и партикуляристическимъ, стремящимся къ возможно бо̀льшему обособленію каждаго отдѣльнаго штата. Одно время можно было думать, что партикуляризмъ возьметъ верхъ и помѣшаетъ самому образованію *государства*, въ смыслѣ настоящаго политическаго цѣлаго. Работа объединенія, предпринятая черезъ три года послѣ окончанія войны за свободу (1786), подвигалась впередъ медленно, встрѣчала препятствія на каждомъ шагу; нужно было достигнуть сначала созыва конвенціи, уполномоченной на составленіе новаго плана союзнаго устройства, потомъ соглашенія между членами конвенціи, далеко расходившимися во взглядахъ на основныя черты федераціи, наконецъ, утвержденія конституціи по меньшей мѣрѣ девятью штатами изъ существовавшихъ тогда тринадцати. Въ самый рѣшительный моментъ, когда конституція—заключавшая въ себѣ цѣлый рядъ компромиссовъ, но все-таки установлявшая союзное государство (Bundesstaat), а не союзъ государствъ (Staatenbund)—была принята конвенціей, но еще не принята отдѣльными штатами,—трое изъ числа сподвижниковъ Вашингтона взяли на себя печатную пропаганду идей, положенныхъ въ основаніе конституціи. Это были Джей, Мадисонъ и Гамильтонъ; сборникъ статей (числомъ 85), написанныхъ ими съ октября 1787-го по октябрь 1788 г. и извѣстныхъ подъ общимъ именемъ „Федералиста“, не только способствовалъ успѣху защищаемаго ими дѣла, но остается до сихъ поръ однимъ изъ главныхъ источниковъ американскаго государственнаго права. Не много найдется произведеній періодической прессы, которыя въ этомъ отношеніи выдержали бы сравненіе съ „Федералистомъ“. Своею популярностью, своимъ прочнымъ значеніемъ онъ обязанъ не блестящей формѣ, не могучему юмору писемъ Юніуса или памфлетовъ Поль-Луи Курье, а исключительно ясной постановкѣ и всестороннему обсужденію вопросовъ, бывшихъ тогда и продолжающихъ быть до сихъ поръ жизненными вопросами для Америки. Мы находимъ у г. Фортунатова сначала характеристику авторовъ „Федералиста“, потомъ сжатый обзоръ главныхъ его доводовъ и положеній. Между авторами первое мѣсто принадлежитъ Гамильтону — „революціонеру по темпераменту, консерватору по убѣжденіямъ“. Монархистъ въ душѣ, приверженецъ англійскихъ учрежденій, онъ способствовалъ основанію республики, потому что не видѣлъ другого исхода для Америки; но старался сохранить, по возможности, внутреннюю связь

Digitized by Google

между прошедшимъ Штатовъ, какъ англійскихъ колоній, и будущимъ ихъ, какъ самостоятельнаго государства. Онъ не былъ поклонникомъ демократіи, не выводилъ права гражданина изъ правъ человѣка; въ „Федералистѣ“ часто дѣлаются ссылки на Монтескьё, даже на Блекстона, но нѣтъ ни одной ссылки на Руссо. Послѣ введенія въ дѣйствіе конституціи 1788 г., Гамильтонъ — бывшій министромъ финансовъ при первомъ президентѣ республики, Вашингтонѣ — сдѣлался однимъ изъ основателей партіи федералистовъ, защищавшей (противъ такъ-называемой республиканской партіи) сильное центральное правительство, преобладаніе федераціи надъ отдѣльными штатами. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ прямою противоположностью Гамильтону былъ Джефферсонъ (президентъ республиканскаго союза съ 1801 по 1809 г.), глава республиканской партіи, государственный человѣкъ и писатель скорѣе французской, чѣмъ англійской школы, теоретикъ абсолютной демократіи. Джефферсону г. Фортунатовъ обѣщаетъ посвятить слѣдующій свой этюдъ; въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи онъ переходитъ отъ эпохи образованія союза къ эпохѣ перваго потрясенія его, отъ авторовъ „Федералиста“ [1]) — къ Кальгуну. Кальгунъ, бывшій вице-президентомъ союза съ 1828 по 1832 г., министромъ иностранныхъ дѣлъ — въ сороковыхъ годахъ, игралъ такую же роль между демократами (такъ стали называться съ двадцатыхъ годовъ прежніе республиканцы, т.-е. партикуляристы, защитники автономіи отдѣльныхъ штатовъ), какая принадлежала Клею и Вебстеру въ рядахъ національныхъ республиканцевъ, наслѣдовавшихъ преданія федерализма. Онъ былъ ораторомъ, публицистомъ и систематикомъ своей партіи, крайнимъ, откровеннымъ выразителемъ ея взглядовъ. Вопросъ о невольничествѣ, смутно волновавшій умы уже при самомъ образованіи федераціи, выступилъ на первый планъ лишь подъ конецъ жизни Кальгуна; но антагонизмъ между югомъ и сѣверомъ начался гораздо раньше, а вмѣстѣ съ нимъ родилась и мысль о правѣ *сецессіи*, т.-е. о правѣ каждаго отдѣльнаго штата на выходъ изъ состава союза. Яблокомъ раздора служилъ въ то время вопросъ о таможенномъ тарифѣ; сѣверные штаты, въ которыхъ преобладала мануфактурная промышленность, поддерживали протекціонизмъ, — южные штаты, какъ страна преимущественно земледѣльческая, требовали свободы торговли. Во главѣ агитаціи, достигшей

[1]) Мадисонъ, четвертый президентъ сѣверо-американскаго союза (1809—1817), перешелъ впослѣдствіи на сторону республиканской партіи, но во время составленія „Федералиста“ раздѣлялъ, въ главныхъ чертахъ, образъ мыслей Гамильтона. Третьему члену литературнаго союза, Джею, принадлежатъ только пять статей „Федералиста“, да и въ политической жизни Америки онъ игралъ менѣе важную роль, чѣмъ Гамильтонъ и Мадисонъ.

Digitized by Google

своего апогея въ началѣ тридцатыхъ годовъ, стояла, какъ и при Линкольнѣ, Южная Каролина, представителемъ которой въ федеральномъ сенатѣ былъ Кальгунъ. Она провозгласила законъ о тарифѣ для себя необязательнымъ, возвысивъ, такимъ образомъ, волю отдѣльнаго штата надъ волей федеральнаго правительства; послѣднее отвѣчало угрозой употребить силу. Уступчивость сѣверянъ на этотъ разъ предупредила столкновеніе, отсрочивъ на тридцать лѣтъ разрѣшеніе рокового вопроса.

Авторы „Федералиста", работая надъ созданіемъ федераціи, останавливались всего больше на внутреннемъ ея устройствѣ, на взаимныхъ отношеніяхъ властей центральной и мѣстныхъ, законодательной и исполнительной. Кальгунъ, защищая сепаратные интересы своего штата и вообще всего юга, разработывалъ преимущественно вопросъ объ отношеніяхъ меньшинства къ большинству, о самостоятельности единицъ, входящихъ въ составъ политическаго цѣлаго. Принципы „Федералиста", давно осуществленные на практикѣ, сдѣлались популярными не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ, благодаря въ особенности Токвилю (т.-е. его „Демократіи въ Америкѣ"), высоко цѣнившему статьи Гамильтона и Мадисона; идеямъ Кальгуна вредило, при его жизни, близкое ихъ сосѣдство съ рабовладѣльческими тенденціями, вредитъ до настоящаго времени печальная роль, разыгранная ими въ эпоху великой борьбы между Сѣверомъ и Югомъ. Онѣ заслуживаютъ, однако, внимательнаго изученія, какъ и всякая попытка найти гарантію противъ тиранніи большинства надъ меньшинствомъ. Припомнимъ, какое значеніе придавалъ этому вопросу Милль, въ своихъ „Разсужденіяхъ о представительномъ правленіи". Двѣ главы, посвященныя г. Фортунатовымъ теоріи Кальгуна, составляютъ самую любопытную часть его изслѣдованія. По мнѣнію Кальгуна, управленіе абсолютнаго большинства, къ которому, вообще говоря, стремится демократія, должно уступить мѣсто управленію гармоничнаго большинства (concurring majority), т.-е. соглашенію, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, большинства преобладающей партіи съ большинствомъ партіи, менѣе сильной въ численномъ отношеніи. Въ случаѣ разногласія того и другого дѣйствіе правительственной власти должно пріостанавливаться. Кальгунъ высказывается также за предоставленіе каждому интересу права veto противъ постановленій, принятыхъ большинствомъ. Чтобы доказать практическую возможность такого устройства, Кальгунъ ссылается и на единогласіе, требуемое отъ присяжныхъ, и на примѣръ конференцій, образуемыхъ индійскими племенами, и на примѣръ Польши, въ которой принципъ liberum veto, хотя и проведенный слишкомъ далеко, служилъ источникомъ геройскаго мужества, два раза спасшаго Европу, и величай-

Digitized by Google

шей любви къ свободѣ. Причину паденія Польши Кальгунъ видитъ не столько въ злоупотребленіи правомъ veto, сколько въ зависѣвшей отъ него возможности иностраннаго вмѣшательства въ дѣла государства. Въ примѣненіи къ Соединеннымъ-Штатамъ, Кальгунъ допускаетъ какъ право каждаго штата на выходъ изъ федераціи, въ основаніи которой лежитъ договоръ свободно заключенный, а слѣдовательно и дѣйствительный лишь до тѣхъ поръ, пока на то существуетъ свободная воля всѣхъ договаривающихся сторонъ,—такъ и право штата на признаніе для себя необязательнымъ (nullification) извѣстнаго закона, несогласнаго, по его убѣжденію, съ федеральной конституціей. Въ послѣднемъ случаѣ вопросъ о дѣйствительности спорнаго закона Кальгунъ предлагаетъ предоставить окончательному разрѣшенію трехъ четвертей штатовъ; ихъ приговору должны подчиниться обѣ стороны, т.-е. и недовольный закономъ штатъ, и федеральное правительство,—если только штатъ не предпочтетъ подчиненію выходъ изъ союза. Нѣчто похожее на систему гармоничнаго большинства Кальгунъ находитъ въ конституціи Южной Каролины, по которой одна часть штата имѣетъ больше представителей въ сенатѣ, другая—въ нижней палатѣ. Отсюда можно заключить, что на практикѣ Кальгунъ помирился бы съ гораздо меньшимъ, чѣмъ требовалъ въ теоріи. Неполнота его ученія бросается въ глаза съ перваго взгляда. Пріостановка правительственной дѣятельности, предлагаемая имъ на случай непримиримаго разногласія между большинствомъ и меньшинствомъ, не можетъ считаться правильнымъ исходомъ изъ затруднительнаго положенія; допустить возможность ея на сколько-нибудь продолжительное время, значило бы допустить возможность обходиться вовсе безъ правительства. Ссылка на единогласіе присяжныхъ нисколько не убѣдительна; если приговоръ присяжныхъ не состоится, единственнымъ послѣдствіемъ этого—не говоря уже о возможности достигнуть единогласія при другомъ составѣ присяжныхъ—является безнаказанность подсудимаго, равносильная его оправданію и нимало не нарушающая общественнаго порядка. Прекращеніе правительственной дѣятельности—явленіе совсѣмъ другого свойства и другой важности. Не вполнѣ соглашены между собою у Кальгуна—судя по изложенію г. Фортунатова—теорія гармоничнаго большинства и теорія veto каждаго отдѣльнаго интереса, очевидно не совпадающія одна съ другою.

Сказаннаго нами, надѣемся, достаточно, чтобы возбудить интересъ къ труду г. Фортунатова, продолженіе и окончаніе котораго будетъ весьма полезнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей литературы.

Digitized by Google

Fr. *Spielhagen*, Quisisana. Leipzig, 1880.

Общая оцѣнка дѣятельности лучшихъ современныхъ нѣмецкихъ романистовъ — Ауэрбаха, Фрейтага, Шпильгагена, — привела въ статьяхъ, помѣщенныхъ у насъ и посвященныхъ этимъ писателямъ, къ тому заключенію, что дарованіе ихъ клонится къ упадку; только-что вышедшею въ свѣтъ новеллой Шпильгагена заключеніе это опровергается, къ сожалѣнію, столь же мало, какъ и двумя послѣдними сочиненіями Ауэрбаха [1]). Что „Quisisana“ не имѣетъ никакого отношенія къ современному положенію Германіи, что дѣйствіе ея могло бы происходить точно такъ же пятьдесятъ или сто лѣтъ тому назадъ, какъ и въ настоящее время—за это мы не станемъ упрекать Шпильгагена, хотя сильной стороной его таланта всегда былъ именно тенденціозный романъ. Въ томъ, что избранная имъ тэма — горячая искренняя любовь пожилого человѣка—далеко не нова, также не было бы большой бѣды, если бы только исполненіе заставило забыть объ изношенности сюжета; но въ томъ-то и дѣло, что исполненіе оставляетъ желать весьма многаго. На первомъ планѣ въ „Quisisana“, какъ и въ предъидущей новеллѣ Шпильгагена „Das Skelet im Hause“— и интересъ чисто внѣшній, интересъ эффектовъ, отдѣльныхъ драматическихъ сценъ, а не характеровъ и психологическаго анализа. Герой разсказа—Бертрамъ, обманутый въ молодости честолюбивою кокеткой, отдавшійся съ тѣхъ поръ нераздѣльно ученому, кабинетному труду, считавшій себя умершимъ для сердечной жизни и внезапно пробуждаемый къ ней, въ пятьдесятъ лѣтъ, глубокимъ чувствомъ къ молодой дѣвушкѣ, Эрнѣ—задуманъ недурно; его колебанія, его мученья, его короткая радость и новое, ничѣмъ невознаградимое горе изображены въ довольно яркихъ краскахъ—но этимъ и исчерпывается все то, что́ можно сказать въ пользу повѣсти. Въ лицѣ Эрны Шпильгагенъ хотѣлъ представить возвышенную, серьёзную чистую натуру—и представилъ легкомысленную дѣвочку, разочарованную (вслѣдствіе недоразумѣнія) въ своемъ первомъ возлюбленномъ и ищущую утѣшенія въ романѣ съ Бертрамомъ, въ воображаемой любви къ нему. Она сознательно и намѣренно увлекаетъ Бертрама— и потомъ спокойно возвращается къ своему Курту, даже не замѣчая, что жизнь Бертрама еще разъ, и теперь уже окончательно, разбита. Достойно вниманія, что счастливый побѣдитель Бертрама—офицеръ, отличившійся въ франко-германской кампаніи и соединяющій въ себѣ всѣ возможныя добродѣтели: мужество, самоотверженіе въ любви и

[1]) „Unterwegs“ и „der Forstmeister“ („В. Евр.“, 1879 г., № 12, и 1880 г., № 2, Литературное Обозрѣніе).

Digitized by Google

дружбы, голубиную нѣжность и въ особенности скромность—ту скромность, которою Шпильгагенъ не могъ достаточно налюбоваться въ Рейнгольдѣ Шмидтѣ, въ („Sturmflut"). Со времени торжества Германіи надъ Франціей, прусское войско рѣшительно сдѣлалось для Шпильгагена такимъ же разсадникомъ героевъ, какимъ для него былъ прежде міръ демократической оппозиціи. Лейтенантъ Куртъ Рингбергъ—новый портретъ для той военной галереи, которая уже такъ богато украшена изображеніями генерала фонъ-Вербена, полковника фонъ-Заттельштедта, маіора графа Штейнбургъ-Рода, капитана фонъ-Шёнау; теперь въ ней представлены всѣ чины прусской арміи. Изъ числа остальныхъ дѣйствующихъ лицъ баронъ Лоттеръ нарисованъ по давно извѣстному шаблону праздная, тщеславнаго дворянина (не состоящаго ни въ военной, ни въ гражданской службѣ); отецъ Эрны, Отто, напоминаетъ Вальбаха въ „Sturmflut", мать ея, Гильдегарда—баронессу Гренвицъ въ „Загадочныхъ натурахъ"; русская княгиня Александра Волинцова была бы гораздо умѣстнѣе въ сенсаціонномъ нѣмецкомъ романѣ средней руки, чѣмъ въ Шпильгагенской повѣсти. Послѣ „Skelet im Hause", послѣ „Plattland", послѣ „Quisisana", замѣтнымъ шагомъ впередъ—или, лучше сказать, желаннымъ возвращеніемъ къ прошедшему, создавшему извѣстность и популярность Шпильгагена — показался бы даже такой романъ, какъ „Sturmflut", все-таки напоминающій иногда стараго борца за прогрессъ и свободу— К. К.

Digitized by Google

НАШИ ПОЖАРЫ.

I.

Во всякой странѣ, стоящей на болѣе или менѣе низкой ступени развитія, бѣдствія, постигающія народъ въ формѣ пожаровъ, эпизоотіи, голода и народныхъ болѣзней, отличаются особою интензивностью. Въ такой странѣ условія для развитія этихъ бѣдствій очень благопріятны, а средства для борьбы съ ними крайне слабы. Поэтому, если такую страну постигаетъ какое-нибудь бѣдствіе, бѣдствіе это начинаетъ производить страшныя опустошенія и продолжаетъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока не прекратится само *естественнымъ* образомъ, собравъ обильную жатву. Мѣры, принимаемыя противъ этихъ бѣдствій администраціею, оказываются далеко недостаточными для серьёзнаго имъ противодѣйствія, потому что не соотвѣтствуютъ ихъ размѣрамъ. Притомъ мѣры эти какъ-то обходятъ *коренныя* причины явленія, останавливаясь на второстепенныхъ, или даже ограничиваясь только самымъ явленіемъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобъ вырвать причину явленія съ корнемъ, или парализовать ея дѣйствіе, прибѣгаютъ къ палліативамъ, можетъ быть, и достаточнымъ для пріостановки бѣдствія, но вовсе недостаточнымъ для устраненія возможности новаго его развитія. Населеніе, интересовъ котораго эти мѣры непосредственно касаются, мало обнаруживаетъ къ нимъ сочувствія и живого участія, можетъ быть, потому, что не видитъ въ нихъ большой пользы для себя, сознаетъ ихъ недостаточность. А тамъ, гдѣ къ мѣрамъ, принимаемымъ въ интересахъ населенія, нѣтъ живого участія въ послѣднемъ, гдѣ населеніе это полагается болѣе не на административныя мѣропріятія, а на „авось“, никакія мѣры, даже самыя разумныя и резонныя не принесутъ ни малѣйшей пользы.

Digitized by Google

Имѣя все это въ виду, мы, конечно, не станемъ удивляться, что у насъ народныя эпидеміи, эпизоотіи, страшные пожары сдѣлались явленіями заурядными. Опредѣлить цифрами размѣры убытковъ, наносимыхъ народному хозяйству каждымъ изъ этихъ бѣдствій, кромѣ развѣ пожаровъ, мудрено. Жизнь человѣка, напр., на деньги цѣнить не приходится. Но если въ каждомъ человѣкѣ видѣть лишь рабочую силу, то можно себѣ представить, какой ущербъ несетъ народное хозяйство отъ одного дифтерита, опустошающаго особенно наши малорусскія губерніи. Эпизоотія не уступаетъ по своей опустошительности эпидеміямъ. Отъ одной чумы пало у насъ въ 1877 г., по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ [1]), 212,768 головъ крупнаго рогатаго скота. Если стоимость каждой головы цѣнить *среднимъ* числомъ въ 40 рублей,—получимъ 8.511,720 р. убытку. Въ это число не входитъ огромное количество крупнаго скота и лошадей, павшихъ отъ сибирской язвы, повальнаго воспаленія легкихъ, сапа и пр. и пр. Сильное распространеніе указанныхъ бѣдствій, постигающихъ наше народное хозяйство, требуетъ самаго серьёзнаго изученія вызывающихъ ихъ причинъ. Къ сожалѣнію, по части такого изученія у насъ сдѣлано очень мало, чтобъ не сказать—ничего. Такъ, относительно эпизоотій, кромѣ небольшихъ газетныхъ статеекъ и сочиненій чисто ветеринарнаго характера, у насъ въ литературѣ ничего не попадается. Никто не бралъ на себя труда подвесть итоги ущербамъ, причиняемымъ эпизоотіями. Болѣе посчастливилось пожарамъ, можетъ быть, потому, что оффиціальная статистика ихъ, при всѣхъ ея недостаткахъ, болѣе разработана, можетъ быть и потому, что пожары какъ-то болѣе бросаются въ глаза и вызываютъ на ихъ изслѣдованіе.

На статистическое изслѣдованіе нашихъ пожаровъ первый обратилъ вниманіе г. Вильсонъ, обработавшій „Статистическія свѣдѣнія о пожарахъ въ Россіи", изданныя въ 1865 году Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Обнимая длинный періодъ, болѣе чѣмъ въ 20 л. (1842 — 64 г.), изслѣдованіе г. Вильсона даетъ довольно полную картину пожаровъ. Работа, начатая г. Вильсономъ, была продолжена во „Временникѣ" Центр. Стат. К-та, въ которомъ свѣдѣнія о пожарахъ доведены до 1869 г. Но статистическія данныя за послѣднее десятилѣтіе вовсе не были подвергаемы обработкѣ, между тѣмъ какъ въ нихъ-то и заключается главный интересъ. Разбросанныя по разнымъ годамъ „Правительственнаго Вѣстника", данныя эти были нами собраны во-едино. Къ сожалѣнію, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" мы не нашли свѣдѣній за трехлѣтіе съ 1870 по 1872 г., такъ что свѣдѣнія, нами собранныя, обнимаютъ

[1]) По частнымъ болѣе.

Digitized by Google

только семь лѣтъ, съ 1873 по 1879 г. включительно. Форма статистическихъ данныхъ „Правительственнаго Вѣстника“ представляетъ особенности сравнительно съ данными работы г. Вильсона и „Статистическаго Временника“. Въ книгѣ г. Вильсона и во „Временникѣ“ представлены статистическія свѣдѣнія о пожарахъ въ *одной* европейской Россіи, тогда какъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ взяты еще азіатская Россія и Привислянскій Край. Но за то у г. Вильсона и во „Временникѣ“ указаны отдѣльно пожары въ городахъ и уѣздахъ, чего недостаетъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Сопоставленіе тѣхъ и другихъ данныхъ, во всѣхъ подробностяхъ, такимъ образомъ, не представляется возможнымъ. Но въ главныхъ, существенныхъ чертахъ, напр., относительно числа пожарныхъ случаевъ, убытковъ и поджоговъ по европейской Россіи, такое сопоставленіе не представляетъ затрудненій.

Разсматривая вѣдомости „Правительственнаго Вѣстника“ о пожарахъ, невольно поражаешься колоссальностью пожарныхъ убытковъ въ послѣднее семилѣтіе.

Убытки эти выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

1873	44.416,315 р.
1874	58.897,888 „
1875	64.096,896 „
1876	56.360,719 „
1877	50.006,605 „
1878	63.075,524 „
1879	80,085,658 „
Итого. . . .	416.939,605 р.

Но суммой 416.939,605 р. еще не опредѣляется общій убытокъ отъ пожаровъ за семь лѣтъ, такъ какъ въ 15,642 случаяхъ убытокъ не былъ показанъ. Полагая средній убытокъ отъ каждаго пожара въ 2,169 р., получимъ за 6 лѣтъ (1874 — 79 г.) [1]) еще 33.927,498 р., а всего 450.867,104 р.! Сумма, по истинѣ, колоссальная. Выдѣливъ изъ этой суммы убытки по Привислянскому краю (27.299,522 р.), получимъ 423.567,000 р., которыми и опредѣлится убытокъ *по имперіи*. Изъ итоговъ убытковъ по имперіи, вообще слѣдуетъ исключить убытки по азіатской Россіи; за исключеніемъ послѣднихъ останется 364.099,566 рублей. Такимъ образомъ, за семилѣтіе 1873—79 г. пожарные убытки въ губерніяхъ европейской Россіи, исключая обл. Донского войска, превышали 364 милл. рублей. Поразительные сами по себѣ, пожарные

[1]) За 1873 г. въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ числа случаевъ, въ которыхъ убытокъ не опредѣленъ, не означено.

Digitized by Google

убытки послѣднихъ лѣтъ получаютъ особое значеніе при сопоставленіи ихъ съ данными прежняго времени, собранными г. Вильсономъ и помѣщенными во „Временникѣ". Изъ труда г. Вильсона видно, что пожарные убытки по губерніямъ европейской Россіи составляли въ пятилѣтіе 1860—65 г. = 150.819,200 р.

Въ послѣдующее пятилѣтіе 1865 — 69 гг. (см. „Временникъ") убытки составляли 144.492,000 р. Между тѣмъ въ пятилѣтіе 1875—79 гг. убытки достигли громадной суммы 269.667,485 р. Нужно замѣтить, что этою суммою еще не выражаются всѣ наши потери отъ пожаровъ въ теченіи пяти лѣтъ. Для удобства сравненія данныхъ за пятилѣтіе 1875—79 гг. съ данными г. Вильсона и „Временника", показывающихъ только случаи опредѣленныхъ убытковъ и исключающихъ всѣ тѣ случаи, когда убытки не были показаны,—для удобства сравненія мы взяли лишь тѣ случаи, когда пожарные убытки были показаны въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Если-бы прибавить къ нимъ еще массу случаевъ, по которымъ убытокъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" не показанъ, опредѣливъ средній убытокъ, то получилась бы сумма, далеко превышающая 269.667,485 р. Какъ бы то ни было, уже приведенная нами сумма пожарныхъ убытковъ за пятилѣтіе 1875—79 гг. показываетъ, что опустошительность, убыточность нашихъ пожаровъ возрастаетъ чрезвычайно сильно. Обращаясь отъ общей суммы пожарныхъ убытковъ по всей европейской Россіи къ частнымъ даннымъ по губерніямъ, мы видимъ, что наиболѣе убытковъ несутъ губерніи Московская и Тамбовская. Въ первой изъ этихъ губерній въ пятилѣтіе 1860—64 г. пожарные убытки равнялись 9.758,090 р., въ пятилѣтіе 1865—69 г. 8.179,111 р., тогда какъ въ пятилѣтіе 1875 — 79 г. дошли до 27.053,583 р. Во второй убытки распредѣлялись по пятилѣтіямъ такимъ образомъ:

1860—65 г.	1865—69 г.	1875—79 г.
6.834,430 р.	12.506,194 р.	18.881,682 р.

Итакъ, по двумъ только этимъ губерніямъ пожарные убытки представляютъ громадное увеличеніе на 29.342,745 р., сравнительно съ 1860—64 г., и на 25.249,960 сравнительно съ 1864—69. По всѣмъ остальнымъ губерніямъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, замѣчается такое же возрастаніе пожарныхъ убытковъ. По нѣкоторымъ же, убытки послѣдняго пятилѣтія превышаютъ убытки прежнихъ лѣтъ втрое, вчетверо.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ данными за пятилѣтіе 1870—74 гг.: по этому періоду у насъ есть свѣдѣнія лишь за два послѣдніе года (1873 и 1874). По этой причинѣ опредѣлить пожарные убытки за весь періодъ 1870—74 гг. не представляется возмож-

Digitized by Google

нымъ. Но судя по свѣдѣніямъ 1873 и 1874 годовъ, періодъ 1870—74 гг. по размѣрамъ ущерба, причиненнаго пожарами, немного уступалъ послѣдующему. Такъ, общій убытокъ въ 1873 г. составлялъ 44.416,315 рубл., а въ 1874 г.—58.897,888 р., т.-е. значительно болѣе, чѣмъ въ 1876 г. (56.360,719 руб.), и въ 1877 г. (50.006,605 р.).

Итакъ, пожарные убытки послѣднихъ лѣтъ далеко оставляютъ за собою убытки 1860—69 годовъ. Если принять во вниманіе приростъ населенія въ послѣднее десятилѣтіе, то все-таки окажется, что въ это десятилѣтіе пожарныхъ убытковъ падаетъ на душу гораздо болѣе, чѣмъ прежде. Намъ приходилось слышать очень простое объясненіе такого возрастанія пожарныхъ ущербовъ: за послѣднее время свѣдѣнія о пожарахъ собираются болѣе тщательнымъ образомъ, тогда какъ въ прежнюю пору многіе случаи пожаровъ ускользали отъ лицъ, собирающихъ эти свѣдѣнія, и убытки, поэтому, показывались далеко не полно. Едва ли такое объясненіе можно признать основательнымъ. Если руководствоваться такимъ наивнымъ объясненіемъ, то придется допустить, что въ 1875 г., по которому сумма убытковъ опредѣлена въ 64.000,000 р., свѣдѣнія были собраны тщательнѣе, чѣмъ въ 1876 г., по которому сумма убытковъ показана въ 56.000,000 р., въ 1878 г. свѣдѣнія собраны болѣе тщательнымъ образомъ, чѣмъ въ 1877 г.

Возрастаніе суммы пожарныхъ убытковъ, обнаруживающееся въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, объясняется вовсе не бо́льшею тщательностью регистраціи, а умноженіемъ условій, благопріятствующихъ новымъ пожарамъ и увеличенію ихъ опустошительности.

Какъ ни колоссальна приведенная нами сумма пожарныхъ убытковъ, но она нисколько не можетъ казаться преувеличенною; скорѣе ее можно считать ниже дѣйствительной по той причинѣ, что оффиціальныя цифры, которыми мы пользовались, при сопоставленіи съ нѣкоторыми достовѣрными частными данными, оказываются ниже послѣднихъ. Такъ, по оффиціальнымъ даннымъ весь пожарный убытокъ по оренбургской губерніи опредѣленъ за прошлый годъ въ 1.981,013 р., тогда какъ по частнымъ свѣдѣніямъ одинъ пожаръ въ Оренбургѣ причинилъ убытковъ „на десятки милліоновъ рублей“. Иначе и быть не могло: богатый, торговый городъ выгорѣлъ почти весь до тла. Одна фирма Коншиныхъ лишилась товаровъ на 600,000 р.; фирма Занана на 400,000 р. [1]). Правда, въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ о пожарахъ въ оренбургской губерніи за 1879 г., указано

[1]) „Недѣля“ 1879 г., стр. 167. Подтвержденіе данныхъ, приведенныхъ „Недѣлей“, можно найти и въ другихъ частныхъ газетахъ прошлаго года.

Digitized by Google

128 случаевъ, въ которыхъ пожарный убытокъ не опредѣленъ, но, принимая въ разсчетъ и эти случаи, и полагая на каждый убытку 4,068 р., получимъ 520,704 р., всего же на̀ все — 2.501,717 р. Такимъ образомъ, приведенная нами сумма пожарныхъ убытковъ за семилѣтіе 1873—79 гг. не только не можетъ считаться преувеличенною, но, напротивъ, должна быть признана ниже дѣйствительныхъ убытковъ.

Всѣ эти пожарные убытки падаютъ главнымъ образомъ на *деревню*. Иначе и быть не можетъ при огромномъ преобладаніи у насъ сельскаго населенія надъ городскимъ. Убытки въ городахъ получаютъ перевѣсъ только въ случаяхъ такихъ колоссальныхъ пожаровъ, какіе были въ Козловѣ, Моршанскѣ, Борисоглѣбскѣ, Оренбургѣ, Ирбитѣ, Уральскѣ, Иркутскѣ, но такіе опустошительные пожары довольно рѣдки и, можно сказать, всѣ наперечетъ. Поэтому, милліонные ущербы, наносимые нашему народному хозяйству пожарами, падаютъ главнымъ образомъ на деревню, на земледѣльца. Убытки, которые несутъ крестьяне отъ пожаровъ, должны быть тѣмъ для нихъ ощутительнѣе, что въ деревняхъ обыкновенно уничтожаются не только строенія, но жертвою огня становятся земледѣльческія орудія: соха, борона, телѣги, упряжь; иногда погибаетъ даже скотъ. Пожары въ деревняхъ, по свидѣтельству доклада коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи, такъ часты, что въ 25 лѣтъ почти всѣ села выгораютъ и вновь выстраиваются [1]).

Причина опустошительности пожаровъ лежитъ въ тѣснотѣ построекъ. „У насъ постройки, говорилъ г. Лоде въ петербургскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ, до такой степени скучены, что почти не было примѣра, чтобъ, разъ начался пожаръ въ одномъ домѣ, уцѣлѣло селеніе. Почти всегда дѣло оканчивается тѣмъ, что все селеніе выгораетъ до тла. Между тѣмъ, возьмите остзейскія губерніи, бо̀льшую часть западныхъ губерній, Финляндію. Развѣ найдется тамъ, чтобъ 300 дворовъ разомъ сгорѣли? Нѣтъ, а почему? потому, что нѣтъ той скученности, которая обычна нашимъ селеніямъ“ [2]). Нельзя сказать, чтобъ противъ тѣсноты построекъ у насъ не принималось никакихъ мѣръ. Напротивъ, какъ наши законы, такъ и изданные въ ихъ дополненіе или разъясненіе циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ, начертываютъ очень обстоятельныя правила для огражденія происходящей отъ тѣсноты строеній опустошительности пожаровъ. По существующимъ постановленіямъ—

---

[1]) Докладъ, Прилож. III, отд. IX, стр. 5.

[2]) „Голосъ“, 1879, № 139.

Digitized by Google

„Гнѣзда крестьянскихъ дворовъ составлять не болѣе, какъ изъ двухъ, четырехъ, шести или восьми дворовъ, такъ, чтобъ въ гнѣздѣ, состоящемъ изъ двухъ дворовъ, эти дворы прилегали одинъ къ другому огородами, а въ гнѣздѣ, состоящемъ изъ четырехъ, шести и восьми дворовъ, середину гнѣзда составляли два двора, соединенные между собою огородами, по сторонамъ же размѣщались прочіе дворы, прилегая къ строеніямъ огородами. Прилегающіе къ строеніямъ огороды обсаживать скоро-растущими деревьями. Гнѣзда отдѣлять одно отъ другого переулками въ шесть саженъ".

Нельзя не признать, что всѣ эти правила вполнѣ раціональны; но вопросъ: насколько они осуществимы? У насъ привыкли всю вину въ тѣснотѣ деревенскихъ построекъ валить на мужика, объясняя обычай строиться тѣсно, жаться другъ къ другу плотнѣе, вѣковымъ, исконнымъ обычаемъ нашихъ крестьянъ, которые будто-бы такъ съ нимъ сроднились, что ихъ никакъ не заставишь строиться свободнѣе, оставляя между гнѣздами переулки въ 6 саженъ. Можетъ быть, такое обвиненіе и имѣетъ свою долю справедливости, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно и то, что если крестьяне и захотѣли бы строиться шире, отдѣляя гнѣздо отъ гнѣзда шести-саженными переулками, они не могли бы этого сдѣлать въ силу Положенія 19-го февраля 1861 года.

Въ трудахъ высочайше учрежденной комиссіи по изслѣдованію сельскаго хозяйства и сельской производительности Россіи указано, что крестьяне сами бы желали раздвинуть свои селенія, но не могутъ, потому что, по положенію 19-го февраля 1861 г., имъ назначена черта усадебъ, за которую они выдти не имѣютъ права, а прибавленіе народонаселенія и семейные раздѣлы увеличиваютъ количество отдѣльныхъ крестьянскихъ усадебъ (приложеніе III, отд. IX, стр. 5). Понятно послѣ этого, что всѣ предписанія отдѣлять гнѣзда одно отъ другого переулками въ 6 саженъ должны оставаться мертвой буквой.

Ограниченіе усадебной осѣдлости извѣстнымъ опредѣленнымъ райономъ не даетъ намъ, однако, еще ключа къ объясненію увеличенія пожарныхъ убытковъ въ послѣдніе годы сравнительно съ 60-ми. Положеніе 19-го февраля вошло въ дѣйствіе уже давно, и ограниченіе усадебной осѣдлости должно было бы оказать свое вліяніе на пожары еще въ періодъ 60-хъ годовъ; однако, мы видимъ, что съ особою силою пожары начинаютъ дѣйствовать въ послѣднее десятилѣтіе. Это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе въ увеличеніи крестьянскихъ раздѣловъ. Семейные раздѣлы, читаемъ въ Докладѣ комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи", съ каждымъ годомъ

Digitized by Google

увеличиваются и дошли до того, что не только два брата, но даже отецъ съ сыномъ дѣлятся на разныя хозяйства" [1]). Недавно изданные министерствомъ государственныхъ имуществъ „Матеріалы для изученія современнаго положенія землевладѣнія и сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи", также указываютъ на повсемѣстное почти увеличеніе семейныхъ раздѣловъ. Ни одна почти семья, гдѣ есть нѣсколько женатыхъ сыновей, не остается въ общемъ сожитіи. Въ давыдковской волости (моск. губ.) за пятилѣтіе 1873—77 г. было 88 семейныхъ раздѣловъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что число дворовъ повсюду увеличилось на 25—30%. „Матеріалы" приводятъ въ примѣръ, типическій, по ихъ мнѣнію, для всей Россіи, двѣ деревни Лозоватовку и Елизаветовку (екатериносл. губ.), гдѣ, при 548 дворахъ, только 1 дворъ имѣетъ 5 работниковъ, 2 двора—по 4, 28 дворовъ по 3, 69—по 2 и 448 съ одиночками [2]).

Въ самарской губерніи дробленіе крестьянскихъ семей въ послѣднія 15 лѣтъ достигло громадныхъ размѣровъ. Тамъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ за 1859 г., значилось 36 дворовъ на 491 душу обоего пола, въ 1869 г. было 107 дворовъ при населеніи въ 667 душъ, а въ 1873 г. считалось уже 159 дворовъ съ 875 душами [3]). Вмѣстѣ съ такимъ дробленіемъ семействъ замѣчалось и возрастаніе пожарныхъ убытковъ. Въ то время какъ во *все* десятилѣтіе 1860—69 г. пожарныхъ убытковъ было 6.669,033 р., за *одно* пятилѣтіе 1875—79 г. сумма пожарныхъ убытковъ дошла до 10.074,760. Правда въ послѣдній итогъ входитъ обширный пожаръ, бывшій въ Самарѣ, но и за исключеніемъ его все-таки сумма убытковъ за послѣднее пятилѣтіе будетъ превышать еще сумму за шестидесятые годы.

Итакъ, ограниченіе усадебной осѣдлости въ связи съ возрастаніемъ крестьянскихъ дѣлежей есть главная причина увеличенія опустошительности и разорительности пожаровъ послѣднихъ лѣтъ. Устранить эту разорительность возможно только увеличеніемъ осѣдлости. Тогда только предписаніе „гнѣзда отдѣлять одно отъ другого переулками въ 6 саженъ", получитъ практическое значеніе и окажетъ благотворное вліяніе на народное хозяйство, сохранивъ въ народномъ карманѣ нѣсколько милліоновъ рублей. Авторъ статьи „Деревенскіе пожары", помѣщенной въ „Недѣлѣ" (1879 г., стр. 908), описывая пожаръ въ одной курской деревнѣ, замѣчаетъ: „совершенно случайно девять сгорѣвшихъ у насъ дворовъ были отдѣлены отъ слѣдующихъ дворовъ небольшимъ промежуткомъ, гдѣ проходитъ ма-

[1]) Докладъ, Прилож. I, отд. I, стр. 253.

[2]) „Матеріалы для изученія современнаго положенія землевладѣнія и сельскохозяйственной промышленности въ Россіи". Спб. 1880, стр. 16.

[3]) „Извѣстія геогр. о-ва, ст. XII, отд. I, стр. 80.

Digitized by Google

ленькій лужокъ, и благодаря этой счастливой случайности остальная часть деревни уцѣлѣла. Устройство промежутковъ между дворами—одна изъ настоятельнѣйшихъ противопожарныхъ мѣръ, хотя и трудно осуществимая". Въ связи съ этою мѣрою авторъ, въ видахъ предотвращенія распространенія пожаровъ, предлагаетъ обсадку избъ деревьями. Мѣра эта не нова: она, какъ мы видѣли, предлагается и „постановленіями", хотя въ нихъ мѣра эта рекомендуется нѣсколько въ иной формѣ—предлагается обсаживать „огороды", вѣроятно, для предохраненія отъ пожаровъ огурцовъ, капусты и проч. Предлагали, впрочемъ, обсаживать деревьями и избы. Но, предлагая, сомнѣвались въ успѣхѣ предлагаемой мѣры, заранѣе виня невѣжество мужика, который будто бы никакъ не можетъ помириться съ тѣмъ, чтобъ его изба была обсажена деревьями. Приводились, впрочемъ, и факты такого невѣжества и непониманія собственныхъ интересовъ. Въ петербургскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ г. Лоде указывалъ, что онъ, послѣ пожара, далъ своимъ крестьянамъ лѣсъ на новыя избы, съ тѣмъ, чтобъ вновь возведенныя постройки имѣли одна отъ другой промежутки въ нѣсколько саженъ, и чтобъ въ этихъ промежуткахъ были посажены деревья. „Прошло нѣсколько лѣтъ,—разсказываетъ г. Лоде—и я, пріѣхавъ въ это село, былъ пораженъ тѣмъ, что все село было обсажено деревьями, но мое восхищеніе продолжалось недолго. Пріѣхалъ я вечеромъ, но, когда я на слѣдующее утро пошелъ посмотрѣть на деревню, то увидѣлъ слѣдующее: оказалось, что крестьяне наканунѣ моего пріѣзда нарубили потребное число клену, липы и березы и, заостривъ концы, воткнули ихъ въ землю. Признаюсь откровенно, это произвело на меня такое впечатлѣніе, что я тотчасъ же сѣлъ въ коляску и уѣхалъ домой, простясь съ селомъ навсегда и уступилъ его сосѣду. Могу привести и другой примѣръ подобнаго же рода. Разъ мнѣ случилось быть у одного помѣщика тамбовской губерніи, къ которому при мнѣ явилась депутація отъ крестьянъ погорѣвшаго селенія, съ просьбою отпустить имъ лѣсъ на возобновленіе построекъ. Такъ какъ въ томъ краѣ, даже за деньги, весьма трудно было достать лѣса, кромѣ какъ у этого владѣльца, то когда владѣлецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „Что ему дѣлать?"—я отвѣчалъ: „лѣсу дайте. Если вы не дадите, то они сами возьмутъ—усмотрѣть будетъ трудно. Но дайте съ тѣмъ условіемъ, чтобы они оставили интервалы между возводимыми постройками и засадили ихъ деревьями, которыми можно снабдить ихъ изъ обширныхъ питомниковъ сада. Владѣлецъ этотъ такъ и сдѣлалъ, но что же вышло? Взять лѣсъ крестьяне взяли, но посадить ничего не посадили".

Такимъ образомъ, мужики обманули помѣщиковъ, предпочитая лучше погорѣть, чѣмъ послѣдовать ихъ благимъ совѣтамъ. Мы, признаться,

Digitized by Google

этого не постигаемъ, и думаемъ, что мужики не воспользовались совѣтами помѣщиковъ потому, что обсадка избъ деревьями немыслима безъ расширенія усадебъ. Авторъ статьи „Деревенскіе пожары" полагаетъ, что „легко можно достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ, уменьшая страховую премію съ тѣхъ дворовъ, которые достаточно ограждены деревьями". Эта мѣра сама по себѣ недостаточна: никакое уменьшеніе премій не поможетъ, если деревьевъ будетъ сажать *некуда*.

Наконецъ, ради уменьшенія опустошительности пожаровъ, предлагаютъ возводить, вмѣсто деревянныхъ построекъ, глинобитныя и глиномятныя. Матеріаловъ для такихъ построекъ у насъ очень много, какъ свидѣтельствуетъ г. Королевъ въ своей статьѣ „О сельскихъ постройкахъ изъ негорючихъ матеріаловъ" [1]). Крестьяне, впрочемъ, во многихъ мѣстахъ именно, въ губерніяхъ тульской, рязанской, тамбовской, воронежской и орловской, сами уже приступили къ возведенію такихъ построекъ. По свидѣтельству г. Семенова [2]), такихъ построекъ появилось: въ лебедянскомъ 38%, въ крапивенскомъ 31, въ богородицкомъ—30, въ ефремовскомъ—31, въ данковскомъ—30,9. Вообще уѣзды означенныхъ губерній, по числу кирпичныхъ и каменныхъ построекъ, могутъ быть сгруппированы такимъ образомъ:

Свыше 30% кам. избъ.	Отъ 4-хъ до 16%.	Менѣе 4.
Крапивенскій	Епифанскій	Ряжскій
Богородицкій	Скопинскій	Козловскій
Ефремовскій	Раненбургскій	Тамбовскій
Данковскій	Липецкій	Кирсановскій
Лебедянскій	Ливенскій	Борисоглѣбскій
Елецкій	Малоархангельскій	Усманскій
	Новосильскій	
	Чернскій	
	Задонскій	

Побудительной причиной, заставившей крестьянъ обратиться отъ деревянныхъ построекъ къ каменнымъ, послужило то обстоятельство, что послѣ отмѣны крѣпостного права крестьяне перестали получать строительные матеріалы отъ помѣщиковъ, или обстраиваться ихъ заботами, и были предоставлены собственнымъ своимъ силамъ и соображеніямъ. Лѣсъ для построекъ отъ помѣщиковъ они получать перестали. Тогда они обратились къ возведенію кирпичныхъ избъ съ засыпью

[1]) „Сельское хозяйство и лѣсоводство", 1878, декабрь.
[2]) Ibidem, 1879, январь.

Digitized by Google

(по способу Герарда). Такія кирпичныя постройки появились прежде всего у хозяевъ, выдвинувшихся быстро впередъ своею зажиточностью. Потомъ онѣ стали распространяться и между другими крестьянами. Но такое распространеніе кирпичныхъ построекъ совершается далеко неравномѣрно: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ пропорція каменныхъ построекъ, какъ мы видѣли, изъ нуля возрасла въ 17 л. до 38% (а въ отдѣльныхъ волостяхъ до 80%), тогда какъ въ другихъ она не перешла еще и 1%. Къ возведенію построекъ изъ огнеупорнаго матеріала обратились и крестьяне Пензенской губерніи. Изъ села Большіе-Верхи, Ломовскаго уѣзда, писали въ прошломъ году, что опустошительные пожары, часто повторявшіеся въ этомъ селеніи, заставили крестьянъ прибѣгнуть къ постройкѣ жилищъ изъ другихъ матеріаловъ, менѣе опасныхъ въ пожарномъ отношеніи, чѣмъ дерево и солома. Они воспользовались иломъ и пескомъ, которыми обильно завалены берега рѣчки, протекающей чрезъ село. Перемѣшивая разведенный водою илъ съ пескомъ и соломою (преимущественно гнилою съ старыхъ кровель), крестьяне дѣлаютъ изъ этой массы крупный кирпичъ-сырецъ и изъ него возводятъ постройки, укладывая кирпичъ на глинѣ и обмазывая глиною же все зданіе, когда оно совсѣмъ готово. Такія постройки оказались гораздо удобнѣе деревянныхъ, безопаснѣе отъ огня, красивѣе и несравненно дешевле, такъ какъ бо́льшая часть строительнаго матеріала рѣшительно ничего не сто́итъ [1]).

Любопытно было бы прослѣдить, въ какой мѣрѣ возведеніе построекъ изъ камня и глины обнаружило вліяніе на уменьшеніе опустошительности пожаровъ. Положительныхъ данныхъ для этого, къ несчастію, не имѣется. Между тѣмъ для какихъ бы то ни было прочныхъ выводовъ необходимо съ точностію знать, въ какомъ году началось возведеніе новыхъ построекъ въ томъ или другомъ уѣздѣ, или даже въ той или иной волости, какой % построекъ этихъ существовалъ въ тотъ или другой годъ, и какая сумма пожарныхъ убытковъ въ эти годы приходилась на уѣздъ или волость. По отношенію къ цѣлымъ губерніямъ выводъ будетъ лишенъ основательности, особенно если каменныя постройки появились въ значительномъ числѣ по одному уѣзду, тогда какъ въ другихъ ихъ очень мало. Въ лебедянскомъ уѣздѣ построекъ изъ кирпича, напримѣръ, 38%, а въ другихъ 1—6. Дѣлать, поэтому, какіе-нибудь выводы о вліяніи каменныхъ построекъ на уменьшеніе опустошительнаго дѣйствія пожаровъ по *всей* тамбовской губерніи не представляется возможнымъ. Намъ могутъ замѣтить, что каменныя постройки, сгруппированныя въ значительномъ числѣ въ одномъ уѣздѣ и разбросанныя въ ничтожномъ

[1]) «Голосъ», 1879 г., № 182.

Digitized by Google

числѣ по другимъ уѣздамъ все-таки не могутъ остаться безъ вліянія на пожарные убытки по *всей* губерніи. Но въ тамбовской губерніи, какъ видно изъ спеціальной работы о пожарахъ въ этой губерніи, завелось страхованіе по „особой оцѣнкѣ", и потому легко можетъ быть, что дѣйствительные убытки въ ней вовсе не представляютъ того возрастанія, какое оказывается по оцѣнкамъ. Болѣе основаній для положительныхъ выводовъ,—гдѣ % каменныхъ построекъ болѣе значителенъ и распредѣленъ по уѣздамъ равномѣрнѣе. Въ этой губерніи въ 1875 г. пожарныхъ убытковъ было 1.329,953 р., въ 1876 г. 1.304,557, въ 1877 г. 848,463, въ 1878 г. 1.291,262, въ 1879 г. 1.220,214; число пожарныхъ случаевъ было въ 1875 г. 777, въ 1876 г. 834, въ 1877 г. 808, въ 1878 г. 1,112, въ 1879 г. 800. Такимъ образомъ, средняя убыточность каждаго пожара уменьшилась: въ 1875 г. она составляла 1,910 р., въ 1876 г.—1,564 р., въ 1877 г. только 1,050 р., въ 1878 г. 1,161 р. и въ 1879 г. 1,425 р. Отсюда видно, что убыточность пожаровъ вообще за послѣдніе три года сократилась. Мы далеки отъ мысли приписывать такое сокращеніе исключительно распространенію каменныхъ построекъ; но сдѣланное нами сопоставленіе не можетъ не подать мысли, что въ этомъ уменьшеніи извѣстная доля вліянія принадлежитъ распространенію каменныхъ построекъ.

Разсмотрѣнныя нами коренныя причины пожаровъ и указанныя мѣры ихъ устраненія касаются собственно вопроса объ ихъ убыточности. Нѣтъ надобности доказывать, что принимая мѣры къ предотвращенію распространенія пожаровъ, мы тѣмъ самымъ противодѣйствуемъ ихъ опустошительности. Если наши села и деревни будутъ строиться шире, если избы будутъ возводиться изъ кирпича, камня или глины и станутъ обсаживаться деревьями, то такому распространенію и опустошительности пожаровъ, какое существуетъ теперь, будетъ положенъ конецъ. Но этимъ не будутъ еще устранены причины, вызывающія пожары—неосторожность и поджоги.

Первая изъ этихъ причинъ наиболѣе распространенная. Неосторожное обращеніе съ огнемъ, какъ источникъ пожаровъ, проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Къ разряду „неосторожностей" относятъ, напримѣръ, ссыпку горячей золы на дворѣ, гдѣ кругомъ—самый удобовоспламеняемый матеріалъ, отъ куренія табаку гдѣ-нибудь на сѣновалѣ [1]), и т. п.

Способъ держанія спичекъ въ избахъ также служитъ немаловажною причиною пожаровъ, отъ неосторожности. „Въ каждой крестьянской избѣ,—говоритъ г. Вороновъ,—коробки спичекъ лежатъ въ печур-

---

[1]) Кстати: куреніе табаку дѣлаетъ у насъ значительные успѣхи. Въ тульской губ. курятъ даже бабы.

Digitized by Google

кахъ, т.-е. въ углубленіяхъ, сдѣланныхъ съ лицевой стороны русскихъ печекъ. Такое мѣсто храненія весьма опасно: спички, вслѣдствіе теплоты печурки, могутъ самовозгораться, и при прилипаніи одной спички къ другой, приходится одну изъ нихъ отдирать, а отъ этого зачастую вспыхиваетъ весь коробокъ, а если передъ печкою случится развѣшенное для просушки бѣлье, то легко можетъ произойти пожаръ [1]).

Профессоръ Чернопятовъ, какъ на причину пожаровъ отъ неосторожности, указываетъ на то, что тамъ, гдѣ существуютъ въ избахъ подъизбища, въ послѣднихъ держится скотъ и солома для него, на которую изъ избы, сквозь неплотно настланный полъ, проваливаются горящіе уголья отъ лучины и, воспламеняя ее, производятъ пожаръ [2]). Обыкновеніе ходить съ лучиною и со свѣчей въ рукахъ на дворъ, на службы, или молотить хлѣбъ при свѣчѣ, также служитъ источникомъ пожаровъ отъ неосторожности. Г. Вороновъ указываетъ, какъ на причину пожаровъ, на существующій въ деревняхъ обычай жечь масляницу и выжигать покойниковъ. Поздно вечеромъ въ прощальное воскресенье крестьянскіе парни и дѣвицы складываютъ посреди деревни огромную кучу изъ хвороста, старыхъ лаптей, стружекъ отъ очистки лыкъ, а также бересты, и кучу эту торжественно зажигаютъ. Вспыхнувъ яркимъ пламенемъ, куча осыпаетъ деревню искрами. „Нечего и говорить, замѣчаетъ г. Вороновъ, что такого рода странный обычай, несмотря на большое стеченіе народа, въ видахъ цѣлости селеній отъ пожаровъ, болѣе чѣмъ опасенъ, потому что случись сильный вѣтеръ, толпа не въ силахъ удержать разлетающіяся по деревнѣ искры и легкія головни". Выжиганіе покойниковъ не менѣе опасно. Оно состоитъ въ томъ, что послѣ каждаго покойника солома съ той постели, гдѣ лежалъ больной, и съ той, на которой его мыли, выносится, вмѣстѣ со стружками оставшимися отъ дѣланія гроба, за деревню, куда-нибудь по близости бань, и зажигается; когда дымъ идетъ на деревню — значитъ въ семьѣ больше покойника не будетъ, когда же отъ деревни — нужно ждать вскорѣ другого. Насколько этотъ обычай страненъ, на столько же опасенъ. Нѣкоторые относятъ къ неосторожности дурное устройство печей и трубъ. Но въ такомъ случаѣ и самая постройка деревянной избы съ соломенной крышей будетъ неосторожность; въ такомъ случаѣ вся „деревянная и соломенная Россія" во всемъ своемъ составѣ представитъ одну колоссальную „неосторожность".

Отъ неосторожности предлагаются разнаго рода предосторожности.

---

[1]) „Труды И. В. Э. О-ва", 1879 г., окт.

[2]) См. „Скотоводство въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ Россіи". Москва 1872 г., стр. 66.

Digitized by Google

Въ этомъ отношеніи регламентація не оставляетъ желать ничего болѣе:

Въ селеніяхъ жилые покои топить въ обыкновенные часы, а не по ночамъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще освѣщаются лучиной, наблюдать, чтобъ у свѣтца ставилась на полу шайка или корытцо съ водой, и уголь отъ лучины попадалъ бы въ воду, а не въ подполицу. Не вносить для сушки въ избу конопли, пеньки, льна, особенно въ то время, когда въ избѣ сидятъ съ зажженною лучиною. Не должно отнюдь прямо изъ печи выносить горячую золу на избяной потолокъ; для этого она должна быть выносима сначала въ особую яму, или подержана въ закрытыхъ горшкахъ не менѣе сутокъ, или предварительно залита водою. Тамъ, гдѣ есть пчельники внутри селенія, не осматривать пчёлъ съ огнемъ въ вѣтряное время. Не позволять переносить изъ одного двора въ другой огонь въ горшкахъ; для этого должны быть употребляемы исправные фонари. Бани, кузницы и горны устроивать внѣ усадебъ, и тамъ, гдѣ есть водяныя урочища, на самыхъ берегахъ рѣкъ, озеръ и овраговъ, или при колодцахъ, нарочно для того вырытыхъ. Имѣть на каждомъ дворѣ лѣстницу, приставленную къ избѣ такъ, чтобъ тотчасъ можно было влѣзть на крышу.

Предосторожности, какъ видно, указаны очень обстоятельно. Но достигаютъ ли эти указанія цѣли?

Чтобъ побудить крестьянина быть осторожнымъ, необходимо прежде всего сдѣлать, чтобъ онъ дорожилъ своимъ имуществомъ. Къ несчастію, во многихъ мѣстахъ крестьяне поставлены своею бѣдностью въ такое положеніе, что только о томъ и помышляютъ какъ бы удрать куда-нибудь „въ отхожіе промыслы“. Остающіеся въ деревняхъ смотрятъ съ апатичнымъ равнодушіемъ на свою убогую собственность. Въ прошломъ году въ „Недѣлѣ“ былъ указанъ фактъ, что въ одной деревнѣ мужики предпочли лучше отстаивать кабакъ, чѣмъ спасать отъ огня свои избы. Цѣловальникъ напоилъ крестьянъ до-пьяна, кабакъ остался цѣлъ, а деревня сгорѣла [1]). Нельзя, конечно, такое пренебреженіе своимъ имуществомъ взводить въ общее правило, но невозможно также это пренебреженіе считать фактомъ единичнымъ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что разныя предосторожности, предписываемая правилами, въ большинствѣ случаевъ не выполняются. Виною въ этомъ не всегда бываетъ безпечность крестьянъ. Напротивъ, нѣкоторыя правила предосторожности въ концѣ-концовъ являются источникомъ самой неосторожности въ обращеніи съ огнемъ. Правила, составленныя новгородскимъ земствомъ, напр., строго-на-строго воспрещаютъ курить лѣтомъ въ лѣсу

[1]) „Недѣля“, 1879, стр. 909.

Digitized by Google

табакъ. Но такъ какъ въ лѣтнее время, въ пору сбора грибовъ, въ лѣсу набирается народу очень много, и многіе даже ночуютъ тамъ, чтобъ утромъ не опоздать „идти по грибы", то невозможно требовать, чтобъ курящіе табакъ крестьяне воздерживались отъ его употребленія. И дѣйствительно, курить крестьяне въ лѣсу курятъ, но, чтобъ избѣжать отвѣтственности, при появленіи каждаго посторонняго человѣка, бросаютъ дымящіяся папиросы куда попало. Тлѣющая папироса, если есть вѣтеръ, зажигаетъ хворостъ, и начинается пожаръ. Этотъ примѣръ, конечно, касается лѣсныхъ пожаровъ, разсмотрѣніе которыхъ выходитъ изъ предѣловъ настоящей статьи, но онъ указываетъ, что мѣры предосторожности, доводимыя до крайности, иногда обращаются во вредъ. Такимъ образомъ, виною неосторожнаго обращенія съ огнемъ не всегда является безпечность русскаго человѣка. Съ другой стороны, факты указываютъ, что, при всей своей безпечности, крестьянинъ, если испыталъ разъ всю разорительность для своего хозяйства пожара, старается по мѣрѣ силъ быть осторожнымъ. Замѣчено, что въ самарской губерніи, если взять большой періодъ времени, пожары усиливаются, затѣмъ уменьшаются, потомъ снова возрастаютъ. Причина этого лежитъ въ томъ, что частые пожары запугиваютъ населеніе, и оно дѣлается осторожнѣе, а затѣмъ, когда пожаровъ становится меньше, осторожность уменьшается, и пожары становятся болѣе частыми. Въ общемъ, однако, случаи неосторожности возрастаютъ. Статистическія данныя послѣднихъ лѣтъ свидѣтельствуютъ, что, вмѣстѣ съ опустошительностью пожаровъ, увеличилось въ громадныхъ размѣрахъ и число пожарныхъ случаевъ. Въ пятилѣтіе 1860—64 г. случаевъ этихъ было 60,451, въ пятилѣтіе 1865—69 г. 82,097, а въ пятилѣтіе 1875—79 годовъ *130,488*. Принимая въ соображеніе, что наибольшее число пожаровъ приписывается неосторожности, естественно допустить, что число случаевъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ возросло очень сильно. Явленіе это можетъ быть объяснено измѣненіемъ условій крестьянскаго быта. Мы видѣли, что опустошительность пожаровъ зависитъ отъ тѣсноты крестьянскихъ построекъ, усилившейся, благодаря раздѣламъ. Раздѣлы эти вызвали и увеличеніе случаевъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ. На первый взглядъ это замѣчаніе можетъ показаться страннымъ, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла оно окажется вполнѣ основательнымъ. Дѣло въ томъ, что въ прежнюю пору, до раздѣловъ, при существованіи большихъ семействъ, домашнее хозяйство крестьянъ велось сообща: пища готовилась, напр., на семью, состоявшую нерѣдко изъ 10 человѣкъ, въ одной печи. Теперь „сколько стряпухъ, столько печей" [1]).

[1]) Докладъ, прил. I, отд. I, стр. 254.

Digitized by Google

Понятно, что прежде случаевъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ бабъ-стряпухъ было меньше. Съ раздѣлами же умножилось число отдѣльныхъ хозяйствъ,—весьма естественно усилились и случаи неосторожности.

Хотя въ гораздо меньшей, чѣмъ неосторожность, степени, тѣмъ не менѣе весьма распространенною причиною пожаровъ является поджогъ. Побужденія къ поджогамъ могутъ быть очень разнообразны. Извѣстный авторитетъ по судебной медицинѣ, Касперъ, указываетъ, какъ на побужденіе къ поджогамъ, на желаніе избавиться отъ службы, чувство мести, желаніе заставить о себѣ говорить, тоску по родинѣ, наконецъ, сильную подражательность, такъ какъ разъ видѣнный пожаръ подстрекаетъ къ поджогу. Врачи признаютъ существованіе болѣзненной страсти къ поджигательству (пироманіи), представляющей особую форму психическаго разстройства. Это, напр., признаютъ Виллерсъ Іессенъ, подвергнувшій тщательному изслѣдованію весь матеріалъ по данному вопросу, а также Ваксмутъ. Въ прежнее время было даже высказано мнѣніе, что страсть къ поджогамъ зависитъ отъ особаго пораженія мозга, и притомъ въ періодъ развитія возмужалости обоихъ половъ. У насъ наиболѣе распространенною причиною поджоговъ является месть [1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что и легкость поджога служитъ весьма важною причиною совершенія этого преступленія. Человѣкъ, желающій отмстить кому-нибудь, конечно, скорѣе всего остановится на такомъ родѣ мести, который удобовыполнимѣе. Въ этомъ отношеніи поджогъ наиболѣе удобенъ. Этотъ родъ преступленія, по свидѣтельству Каспера, совершается преимущественно людьми тѣлесно и нравственно слабыми, такъ какъ не требуетъ большихъ средствъ, много времени. Совершеніе поджога тѣмъ болѣе соотвѣтствуетъ силамъ этихъ тѣлесно и нравственно слабыхъ людей, чѣмъ удобовоспламенимѣе постройка. „Слѣдуетъ принимать въ соображеніе соломенныя крыши, легкость поджога, такъ какъ во Франціи и въ большихъ городахъ, гдѣ нѣтъ соломенныхъ крышъ, не бываетъ случаевъ побужденія къ поджигательству“ [2]). Наша „деревянная и соломенная Россія“ представляетъ столько удобствъ для поджоговъ, что совершить поджогъ нѣтъ ничего легче, и „красный пѣтухъ“ служитъ соблазнительной приманкой для всякаго, желающаго простымъ, не требующаго труда, способомъ нагадить ненавидимымъ людямъ. Въ нашихъ деревняхъ, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, поджоги часто начинаются *съ соломенныхъ крышъ*. Намъ приходилось гдѣ-то читать, что

[1]) „Судебная медицина“ *Э. Бухнера*, пер. подъ редакціей С. Ловцова, Спб., 1870, стр. 66 и 68.

[2]) Ibid., стр. 68.

Digitized by Google

одинъ крестьянинъ, хотѣвшій поджечь избу съ соломенной крыши, не могъ совершить преступленія единственно потому, что не въ состояніи былъ достать крыши. Отсюда ясно, что распространеніе построекъ изъ огнеупорнаго матеріала должно въ сильной степени уменьшить число пожаровъ.

Наши деревенскія избы представляютъ всѣ удобства для совершенія поджоговъ, и потому они практикуются у насъ съ давнихъ поръ. Но если поджоги существовали у насъ съ давняго времени, то усиливаться они стали у насъ въ послѣдніе годы. Въ европейской Россіи въ пятилѣтіе 1860—64 гг. поджоговъ было 3,165, въ 1866—69 уже 4,385, а въ пятилѣтіе 1875—79 г. число ихъ дошло уже до *18,872*. Такимъ образомъ, въ 1865 — 69 гг. число поджоговъ противъ 1860—64 г. увеличилось на 38,6%, а въ пятилѣтіе 1875—79 гг. противъ 1865—69 гг. на 330,4%! Правда, въ то же время увеличилось и число пожарныхъ случаевъ отъ неосторожности и „неизвѣстныхъ причинъ“, но и по отношенію къ общему числу этихъ случаевъ поджоги въ послѣднее пятилѣтіе представляютъ сильное возрастаніе.

По числу поджоговъ рѣзко выдѣляются губерніи нижегородская, курская, вологодская и волынская, гдѣ число поджоговъ—отъ 20 до 30%; за ними слѣдуютъ губерніи: владимірская, полтавская, черниговская, тульская, ярославская, казанская, симбирская, тамбовская, екатеринославская и рязанская, гдѣ поджоговъ отъ 16 до 20%. Въ десятилѣтіе 1860—69 гг. ни въ одной изъ губерній, наиболѣе выдававшихся количествомъ поджоговъ, *не было такого неблагопріятнаго отношенія къ общему числу пожарныхъ случаевъ*. Наиболѣе отличались поджогами губерніи курская и рязанская, но и въ нихъ число поджоговъ не доходило до 16%. Чѣмъ объяснить такое чрезвычайное возрастаніе поджоговъ? Постепенное увеличеніе ихъ было отмѣчено уже г. Вильсономъ, но объясненіе причинъ этого явленія, которое дѣлаетъ послѣдній, не выдерживаетъ критики.

Г. Вильсонъ въ своемъ изслѣдованіи пожаровъ, разсматривая поджоги, находитъ причины увеличенія цифры послѣднихъ „въ какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствахъ, дѣйствительно возвысившихъ цифру поджоговъ“. По его мнѣнію, увеличеніе этой цифры объясняется очень просто. „Уже выше было замѣчено, говоритъ онъ, что съ 1862 г. донесенія становятся точнѣе и полнѣе, отчего и общая цифра пожаровъ возвысилась передъ предшествовавшими годами. Вѣроятно и опредѣленіе причинъ пожаровъ стало обозначаться также точнѣе. Впрочемъ, на 1863 г., какъ видно, падаетъ даже наименьшій процентъ поджоговъ за все пятилѣтіе, и вся величина процента послѣднихъ трехъ лѣтъ зависитъ отъ 1864 года, который представляетъ цифру весьма значительную, непозволяющую отнести усиленіе

Digitized by Google

на одну бо́льшую точность отчотовъ. Должно замѣтить, что если какія-нибудь обстоятельства особенно вліяютъ на частую повторяемость и опустошительность пожаровъ, то, подъ сильнымъ гнетомъ такого бѣдствія, народная молва преувеличиваетъ дѣйствіе злой воли человѣческой, и, подъ вліяніемъ обыкновенно распространяющейся паники является чрезмѣрное предположеніе поджоговъ; особенно если при этомъ положительно открываются нѣкоторые случаи дѣйствительныхъ поджоговъ". Такимъ образомъ, съ одной стороны, улучшеніе отчетовъ, съ другой—усиленіе паники—вотъ причины увеличенія цифры поджоговъ, по мнѣнію г. Вильсона. Едвали такое мнѣніе можно признать состоятельнымъ. Прежде всего бросается въ глаза противорѣчіе между первою и второю причинами. Если, начиная съ 1862 г. регистрація пожаровъ производится болѣе тщательнымъ образомъ, какъ говоритъ г. Вильсонъ, то какъ согласить съ такимъ улучшеніемъ регистраціи увеличеніе фальшивыхъ цифръ поджоговъ въ силу паники. Притомъ мы имѣемъ положительныя доказательства, что паника, распространяющаяся въ городѣ при возрастаніи пожаровъ, во многихъ случаяхъ не отражается вовсе на оффиціальной регистраціи, при которой не дается вѣры народнымъ толкамъ о поджогахъ, а берутся, по возможности, положительные факты, указывающіе на существованіе поджога въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ. Такъ, въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ о пожарахъ, опустошившихъ Петербургъ въ 1862 г., никакихъ указаній на поджоги не встрѣчаемъ, хотя въ то время въ петербургскомъ населеніи ходили чудовищные толки о поджигателяхъ. Мы очень хорошо помнимъ, какъ въ то время обыватели Петербургской и Выборгской сторонъ проводили ночи, охраняя свои деревянные домишки.

Очевидно, объясненія г. Вильсона не могутъ быть признаны основательными. Они могли казаться еще состоятельными въ *свое* время, но теперь, когда поджоги, какъ мы видѣли, достигли колоссальныхъ размѣровъ сравнительно съ прежнимъ временемъ, довольствоваться при разъясненіи причинъ ихъ улучшеніемъ регистраціи и паникой—никакъ не приходится. Чтобъ рѣшить положительнымъ образомъ, почему увеличиваются поджоги, необходимо прежде всего знать, *кто* ихъ учиняетъ. Для этого въ распоряженіи изслѣдователей пожаровъ не имѣется достаточныхъ данныхъ. Такъ, г. Вильсонъ указываетъ только на женщинъ. „Замѣчательно [1]), говоритъ онъ, что въ числѣ лицъ поджигающихъ весьма часто въ донесеніяхъ называются женщины,—хотя *опредѣлить цифру того или другого пола поджигателей по неточности источниковъ весьма трудно*, но можно думать, что

[1]) „Статистическія свѣдѣнія о пожарахъ въ Россіи", стр. 35.

Digitized by Google

онѣ были бы въ пользу такого заявленія. Причиною поджоговъ женщинами называется большею частью месть изъ ревности или за дурное обращеніе въ семействѣ". Г. Вильсонъ попытался, какъ видно, указать, какія *лица* фигурируютъ въ поджигательствѣ, но самъ же долженъ былъ оговориться, что „опредѣлить цифру того или другого пола поджигателей по неточности источниковъ весьма трудно". Между тѣмъ опредѣленіе пола и возраста, а также занятій поджигателей—необходимое условіе для того, чтобъ выяснить причины поджоговъ и ихъ возрастанія. Если поджигательницами являются, положимъ, женщины, въ силу семейнаго гнета, то съ измѣненіемъ семейнаго положенія женщины, къ лучшему, конечно, должны уменьшиться и побудительныя причины поджоговъ. Если прежде, какъ видно изъ указаній г. Вильсона, въ числѣ поджигающихъ весьма часто назывались женщины, рѣшавшіяся на поджоги, между прочимъ, вслѣдствіе дурного обращенія въ семьѣ, то теперь число такихъ поджигательницъ должно уменьшиться. Дѣло въ томъ, что въ прежнюю пору семейный гнетъ, тяготѣвшій надъ крестьянскою женщиною, проявлялся не только во власти ея мужа, но и во власти разныхъ свекровей и т. п. На этотъ гнетъ указываютъ и народныя пѣсни:

Каково жить въ чужихъ людяхъ:
У чужого отца—матери,
У чужого рода—племени?

спрашивала у выданной уже замужъ старшей сестры младшая. Та отвѣчала:

А родима ты моя сестрица
Живи-ка ти въ чужихъ людяхъ, въ незнаемыхъ,
Держи-ка ретиво сердце покорчивѣй,
Буйну головушку поклончивѣй;
Не тебя пошлютъ—такъ ты поди;
Не тебя кричатъ—такъ ты отвѣтъ давай,
Почитай-ка ты въ чужомъ дому всѣхъ съ большого до малаго.

Эта народная пѣсня изображаетъ какъ нельзя лучше гнетъ молодой женщины въ чужой семьѣ. Этотъ гнетъ вызывалъ ее на поджоги, какъ на наиболѣе удобную форму мести. По свидѣтельству извѣстнаго авторитета по судебной медицинѣ, Каспера, поджигательство, самое малодушное изъ всѣхъ преступленій, совершается преимущественно людьми тѣлесно и нравственно слабыми, женщинами и дѣтьми, и не требуетъ для совершенія его большихъ средствъ, много времени, при всемъ томъ даетъ возможность скрыть преступленіе [1]). Естественно, что съ улучшеніемъ положенія женщины въ

[1]) „Судебная медицина для врачей и юристовъ", д-ра *Эрнста Бумера*. С.-пб., 1870, стр. 68.

Digitized by Google

семьѣ уменьшаются и побудительныя причины къ преступленію. Поворотъ къ лучшему въ этомъ отношеніи начался съ усиленіемъ крестьянскихъ раздѣловъ, достигшихъ, какъ мы видѣли выше, въ послѣдніе годы громаднаго развитія. Есть указанія, что раздѣлы производятся во многихъ случаяхъ по желанію женъ [1]). Отражаясь вредно на крестьянскомъ хозяйствѣ, служа причиною скученности крестьянскихъ построекъ и являясь, отсюда, причиною опустошительности пожаровъ послѣднихъ лѣтъ, раздѣлы эти, однако, отражаются благопріятно на положеніи женщинъ въ семьѣ. Поводовъ мстить разнымъ свекрамъ и свекровямъ становятся меньше. Остается только власть мужей. Но и эта власть съ теченіемъ времени уменьшается. Дикій произволъ со стороны мужей становится явленіемъ, повторяющимся все рѣже и рѣже. Теперь приходится иногда плакаться на свою судьбу уже не бабамъ, а мужикамъ. Со введеніемъ мировыхъ судовъ, въ случаяхъ злоупотребленія властью со стороны мужей жены стали обращаться къ мировымъ судьямъ, а потомъ стали попросту убѣгать отъ своихъ супруговъ, иногда даже безъ всякихъ видимыхъ поводовъ. Г. Назарьевъ, авторъ „Современной глуши", увѣряетъ, что побѣги бабъ становятся все чаще и чаще, входятъ въ обычай, вызывая подражательницъ. Очевидно, въ послѣдніе годы побудительныхъ причинъ къ бабьимъ поджогамъ „вслѣдствіе дурного обращенія въ семействѣ" оказывается меньше и меньше, и если вѣрить свидѣтельству г. Вильсона, что различіе пола обнаруживало въ прежнюю пору замѣтное вліяніе на поджоги, то теперь это вліяніе, несомнѣнно, должно было ограничиться.

Обращаясь къ различію возраста, въ отношеніи его вліянія на поджоги, мы должны снова обратиться къ свидѣтельству писателей по судебной медицинѣ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія нѣкоторые авторы приписывали возрасту чрезвычайно важное значеніе въ вопросѣ о поджогахъ. „Страсть къ поджогамъ,—писалъ Озіандеръ,—зависитъ отъ особаго пораженія мозга, и бываетъ въ періодѣ развитія возмужалости обоихъ половъ". „Если эти тѣлесныя причины продолжаются долго, то страсть къ поджогамъ становится непреодолимою, такъ что хотя уже наказанные поджигатели знаютъ, что ихъ ожидаетъ смертная казнь, все-таки побуждаются къ дальнѣйшимъ поджогамъ, или для избѣжанія послѣдней даже къ самоубійству". Подобное же воззрѣніе было высказано Генке. Но позже въ судебно-медицинской литературѣ появились и иного рода взгляды. Первый, возставшій противъ ученія о болѣзненномъ побужденіи къ

[1]) Докладъ, прил. I, стр. 253.

Digitized by Google

поджигательству, былъ Флеммингъ. Затѣмъ Брефельдъ и Рихтеръ также возстали противъ возможности допустить побужденіе къ поджигательству. Брефельдъ говоритъ, что поджоги совершаются не изъ страсти, но потому, что составляютъ самое легкое, удобное и самое соотвѣтственное степени зрѣлости молодого возраста средство отмстить другому лицу. Рихтеръ указываетъ, что поджигатели—по бо́льшей части находящіеся въ услуженіи по деревнямъ молодые люди съ недостаточнымъ тѣлеснымъ и душевнымъ развитіемъ, потому менѣе способные къ перенесенію трудностей и непріятностей сельской работы [1]). Касперъ, подтверждая, что поджигательство совершается преимущественно людьми тѣлесно и нравственно слабыми, придаетъ въ поджигательствѣ также большое значеніе возрасту. Къ сожалѣнію, какой % между нашими поджигателями принадлежитъ малолѣтнимъ, совершенно неизвѣстно.

Хотя къ поджогамъ, какъ наиболѣе легкому и удобному способу мести, по свидѣтельству судебно-медицинскихъ писателей, прибѣгаютъ женщины и малолѣтніе, но факты нашей жизни указываютъ, что этотъ способъ мести избираютъ и мужики, и причины возрастанія поджоговъ въ послѣдніе годы нужно отыскивать въ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ и общественной жизни крестьянской массы.

Мы видѣли, что положеніе женщины въ крестьянской средѣ въ послѣдніе годы улучшилось, и потому побудительныя причины къ поджогамъ съ ихъ стороны уменьшились. Напротивъ, положеніе мужской массы крестьянскаго населенія стало менѣе благопріятнымъ, не въ отношеніи, конечно, семейнаго положенія, а въ отношеніи экономическомъ и, отчасти, общественномъ.

„Отголоски“, разбирая причины поджоговъ, указывали, что источникъ послѣднихъ—месть, вызываемая экономическимъ гнетомъ міроѣдовъ и произволомъ сильныхъ надъ слабыми.

Распоряженія міра и мірскихъ должностныхъ лицъ, также рѣшенія сословнаго суда, не получивъ законной почвы, должны были стать на почву произвола, и стали на эту почву. Между ихъ произволомъ и отсутствіемъ права жалобы на этотъ произволъ, — безсильныя крестьянскія личности и ихъ убогіе интересы поставлены какъ-бы между молотомъ и наковальнею. Личности осуждены или на подвижническое терпѣніе или на отчаянное озлобленіе и месть. Нравственной силы, располагающей къ терпѣнію и отвращающей отъ мести, у нихъ нѣтъ и не откуда быть.

По чувству самосохраненія, форма мести избирается не явная, но тайная.

Пострадавшая отъ мірского произвола личность мститъ огнемъ своей властной толпѣ.

Digitized by Google

Тою же мѣстью расправляется потерпѣвшая сторона съ вліятельною или юркою противною стороною, расположившею въ свою пользу сословный судъ.

Расправа черезъ поджогъ примѣняется къ міроѣдамъ всѣхъ категорій, въ сословной средѣ и внѣ ея, по такимъ видамъ эксплуатаціи, которые или не могутъ быть обжалованы или обжалованы безуспѣшно.

Такъ какъ въ послѣднее время въ нашихъ деревняхъ водворилось господство міроѣдовъ и кулаковъ, поработившихъ себѣ крестьянъ, то весьма естественно, что крестьяне, не находя никакого иного способа отдѣлаться отъ своихъ угнетателей, прибѣгаютъ къ поджогамъ. Поджоги этого рода аналогичны съ аграрными преступленіями въ Ирландіи.

Притѣсненія со стороны разныхъ управляющихъ также вызываютъ крестьянъ на поджоги. „Очень часто, говоритъ англичанинъ Ротъ, проведшій среди нашихъ крестьянъ довольно долгое время и собравшій свои наблюденія въ очень интересныхъ замѣткахъ, — очень часто платятъ низкое жалованье рабочимъ, или управляющій беретъ взятки съ крестьянъ и надуваетъ ихъ, или управляющій и крестьянинъ соглашаются сообща обворовывать владѣльца, но управляющій, какъ лицо болѣе сильное, проводитъ мужика, и тогда послѣдній изъ мести поджигаетъ хозяйскія постройки. Справедливо или нѣтъ негодованіе крестьянина,—это другой вопросъ; во всякомъ случаѣ поджоги бываютъ часто“ [1]).

Наталкиваетъ крестьянъ на поджоги и необходимость въ силу необезпеченности ихъ хозяйственнаго положенія прибѣгать къ кражѣ лѣса и сѣна. Извѣстно, что у насъ въ сильной степени развиты самовольныя порубки лѣса. Вырубать чужой лѣсъ, казенный или частный, крестьянинъ вовсе не считаетъ за нарушеніе собственности, такъ какъ лѣсъ, по его взглядамъ, есть общее достояніе. Точно также при недостаткѣ сѣна, крестьянинъ беретъ чужое. Въ отношеніи такого „пользованія“ у крестьянъ, впрочемъ, существуютъ свои обычаи. „Кража скошеннаго сѣна на лугу, хлѣба въ полѣ, хотя никто ихъ не сторожитъ, вещь совсѣмъ исключительная, покрывающая виновника вѣчнымъ позоромъ“. Но „существуютъ оригинальные обычаи, имѣющіе цѣлью примирить фактъ настоятельной необходимости нарушить право собственности съ крайнимъ уваженіемъ, которое обнаруживаетъ крестьянство по отношенію къ этому праву“. Въ области донского войска въ неурожайные годы, когда бѣдняки находятся въ безвыходномъ положеніи, они берутъ тайкомъ хлѣбъ или сѣно у богатыхъ, а на другой или даже на третій годъ возвращаютъ

[1]) „Сельское хозяйство и лѣсоводство“, 1878 г., сентябрь.

Digitized by Google

то, что́ было ими взято. Неизвѣстно, таковы-ли обычаи „пользованія“ чужимъ хлѣбомъ и сѣномъ въ другихъ мѣстахъ. Ротъ указываетъ, по крайней мѣрѣ, не на пользованіе, а на кражу лѣса и сѣна. „Если похищенія обнаружены, говоритъ онъ, и виновный подвергнутъ наказанію, то иногда онъ, въ отместку, прибѣгаетъ къ поджогу“ [1]).

Есть не мало указаній на то, что въ поджогахъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, не малую роль играютъ конокрады. Въ 1871 г. крестьяне Чернаго Ключа (дер. въ Самарской губ.) захватили шайку конокрадовъ, и спустя недѣлю послѣ этого вся деревня сгорѣла до тла отъ поджога. Такихъ случаевъ, писалъ корреспондентъ, сообщавшій объ этомъ пожарѣ, *въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ было не мало.* „Чтобъ показать вамъ, какъ крестьяне боятся поджоговъ именно со стороны конокрадовъ, достаточно разсказать слѣдующій случай. У крестьянъ Ивановской волости, сельца Лунина, Михайла Емельянова, Петра Кузьмина и Никифора Макарова, пропали лошади. Емельяновъ и Кузьминъ обратились къ извѣстному кандызскому садыку (завѣдывающему выкупомъ краденыхъ лошадей); онъ велѣлъ имъ ѣхать въ деревню Бавлы. Емельяновъ вмѣстѣ съ Кузьминымъ поѣхали въ Бавлы, и тамъ, отдавъ одному конокраду 25 р. сер., получили, среди бѣлаго дня, въ самой деревнѣ, при сельскомъ старостѣ, своихъ лошадей. Когда одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, возмущенный подобною дерзостью конокрадовъ, сталъ уговаривать Емельянова и Кузьмина начать дѣло и обвинить передъ судомъ конокрадовъ, то крестьяне отвѣчали ему, что конокрады заставили ихъ принести клятву, что они ихъ не выдадутъ, грозя, въ противномъ случаѣ, сжечь ихъ до тла. „Сожгу“ — вотъ роковое слово, которое произноситъ конокрадъ, получая отъ крестьянина деньги и выдавая ему лошадей; вотъ слово, котораго, въ буквальномъ смыслѣ, какъ огня боится крестьянинъ, и которое замыкаетъ ротъ всякой жалобѣ, всякому обращенію его къ защитѣ законной власти: власть конокрадной ассоціаціи сильнѣй“. („Голосъ“ 1873, № 194, корресп. изъ Бугульминскаго уѣзда).

Точно также дѣйствуютъ конокрады и въ другихъ мѣстахъ. Въ газетѣ „Кіевлянинъ“ въ нынѣшнемъ году, напр., было сообщено, что крестьянинъ села Зеленки, Каневскаго уѣзда, Александръ Шулепа, давно уже наводилъ ужасъ на односельчанъ конокрадствами и угрозами поджоговъ. Нѣсколько разъ сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ, и каждый разъ расплачивались за это свидѣтели его преступленій: или скотину украдетъ, или хату сожжетъ. Въ послѣднее время онъ судился за три кражи и, по распоряженію судебнаго слѣдователя, былъ отправ-

[1]) „Слово“, 1878 г. № 1.

Digitized by Google

ленъ подъ конвоемъ пяти человѣкъ въ тюрьму, но на дорогѣ бѣжалъ... На разсвѣтѣ 8 сентября вспыхнула хата у крестьянина К., который весною нынѣшняго года поймалъ Шулепу на кражѣ лошадей и донесъ объ этомъ начальству. Одинъ крестьянинъ, пришедшій на пожаръ, замѣтилъ Шулепу, убѣгавшаго отъ вспыхнувшей хаты, и съ помощью другихъ задержалъ его. Началась расправа: конокрада и поджигателя забили до смерти. Возникло слѣдствіе. Виновными признали себя всѣ крестьяне села Зеленки, числомъ 1,440 душъ [1]).

Конокрадство въ настоящее время приняло у насъ весьма широкіе размѣры, и потому естественно, что съ развитіемъ его увеличились случаи расправы народа съ конокрадами и усилились причины поджоговъ.

Указываютъ еще, какъ на причину поджоговъ, введеніе страхованія. Говорятъ, что поджоги учиняются изъ желанія, получивъ страховую премію, выстроиться вновь. Едва ли эта премія представляетъ столько приманки, чтобъ для полученія ея крестьяне стали жертвовать имуществомъ. Земствомъ, какъ указываетъ докладъ сельско-хозяйственной коммиссіи, почти повсемѣстно установлена нормальная оцѣнка въ 15 рублей за крестьянскій домъ съ дворомъ, что, очевидно, составляетъ только ничтожную долю стоимости крестьянскаго имущества. Допускается дополнительное страхованіе, но плата съ него значительно выше, чѣмъ съ нормально-обязательнаго, вслѣдствіе чего крестьяне добавочнымъ страхованіемъ пользуются очень мало. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ, правда, страхованіе „по особой спеціальной оцѣнкѣ“, но такое страхованіе распространено у насъ незначительно и практикуется не „сѣрыми мужиками“, а искусившимися въ наживѣ торговцами, кулаками и кабатчиками. Изъ отчетовъ тамбовской губернской управы съ 1870 по 1877 годъ видно, что въ 1870 г. по нормальной оцѣнкѣ застрахованій было сдѣлано на сумму 9.598,426 р., а въ 1877 г. на 9.755,756 р., т.-е. въ теченіи цѣлаго семилѣтія сумма застрахованій возрасла всего на 157,330 р.; по особой же оцѣнкѣ въ 1870 г. застраховано было

[1]) Случаи такой совокупной расправы съ конокрадами повсемѣстны. Въ Самарской губерніи былъ случай, что крестьяне цѣлымъ сходомъ обсуждали вопросъ, какъ извести одного конокрада, затѣмъ метали жребій, и подпавшій жребію убилъ конокрада; когда началось слѣдствіе, кто убилъ, то все общество приняло на себя вину; всѣ были преданы суду, и присяжные ихъ оправдали (Изв. Геогр. Общ. 1876 г. отд. I, стр. 89). Въ нынѣшнемъ году въ корреспонденціи изъ виленской губ., помѣщенной въ одной изъ здѣшнихъ газетъ, сообщалось, что уголовная палата завалена дѣлами о конокрадствѣ, но крестьяне сами чинятъ надъ конокрадами судъ и расправу. Въ свенцянскомъ у. былъ случай, что крестьяне въ числѣ 200 чел. напали на одного мужика, подозрѣваемаго въ конокрадствѣ, и заколотили его до смерти.

Digitized by Google

строеній на 4.904,770 р., а въ 1876 г. на 6.764,642 р., т.-е. на 1.859,872 р. болѣе. Въ эти семь лѣтъ страхованіе по нормальной оцѣнкѣ дало прибыли 501,725 р., а страхованіе по особой оцѣнкѣ принесло 294,354 р. убытку. Страхованіе по особой оцѣнкѣ состоитъ въ томъ, что стоимость имущества при страхованіи показывается выше его стоимости. Дѣлается это, понятно, для того, чтобъ, погорѣвъ, обстроиться вновь, лучше прежняго. Отсюда—поджоги.

Указанныя причины, можетъ быть, не вполнѣ, но тѣмъ не менѣе въ значительной степени уясняютъ распространеніе поджоговъ въ послѣдніе годы. Бороться съ этимъ зломъ можно только дѣйствуя на причины, его вызывающія. Пока будетъ надъ крестьяниномъ господствовать произволъ властей, пока будутъ изъ него выжимать сокъ разные міроѣды, пока будутъ во всей силѣ дѣйствовать конокрады и кулаки, эксплуатирующіе населеніе, — объ уменьшеніи поджоговъ нечего будетъ и думать. Карательныя мѣры противъ поджигателей, рекомендуемыя нѣкоторыми, сами по себѣ недостаточны для искорененія зла, да и, кромѣ того, во многихъ случаяхъ бываетъ затруднительно рѣшить: кто виноватѣе — поджигатели или поджигаемые. Если можно сказать положительно, что поджоги, учиняемые конокрадами, кулаками и въ нѣкоторыхъ случаяхъ самими крестьянами ради наживы, заслуживаютъ уголовной кары, то къ поджогамъ, совершаемымъ обездоленными міроѣдскою алчностью крестьянами, относиться такъ строго невозможно. Поэтому, повторяемъ, карательными мѣрами дѣла не поправишь. Поджоги могутъ уменьшиться лишь съ поворотомъ къ лучшему положенія крестьянской массы. Рядомъ съ такимъ улучшеніемъ на уменьшеніе поджоговъ могло бы обнаружить вліяніе и замѣна деревянныхъ, крытыхъ соломой избъ глиномятными, глинобитными и каменными постройками. Мы видѣли, что въ поджогахъ имѣетъ великое значеніе легкость его совершенія. Чѣмъ удобовозгораемѣе строенія, тѣмъ удобовыполнимѣе поджогъ, тѣмъ больше соблазна совершить послѣдній.

Однимъ словомъ, мы должны придти къ тому заключенію, что какъ причины пожаровъ, такъ и опустошительность ихъ лежатъ глубоко въ условіяхъ крестьянскаго быта, что, поэтому, противодѣйствовать страшному народному бѣдствію, представляемому пожарами, можно лишь воздѣйствуя на эти условія, измѣняя ихъ къ лучшему. Къ несчастію, у насъ многіе видятъ все спасеніе въ распространеніи по деревнямъ пожарныхъ трубъ и насосовъ. И трубы, и насосы, разумѣется, вещь очень хорошая, но странно возлагать на нихъ всѣ упованія.

Л. Весинъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюля, 1880.

Торжественный актъ начальныхъ училищъ города Петербурга 30-го мая. — «Матеріалы» по вопросу о введеніи обязательнаго обученія въ Россіи. — Историческая судьба этого вопроса за послѣднее время, и общіе выводы изъ «Матеріаловъ». — Пересмотръ нѣкоторыхъ постановленій нашего таможеннаго тарифа. — Пошлины на металлъ, металлическія издѣлія и машины. — Вопросъ о безпошлинномъ привозѣ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. — Значеніе экспертизы въ вопросахъ этого рода. — Отвѣтъ «Отголоскамъ».

I.

Послѣдніе дни мѣсяца мая ознаменовались въ исторіи нашего государства и общества рожденіемъ двухъ личностей, одаренныхъ въ высокой степени творческимъ геніемъ: одинъ—въ области мысли и дѣла, другой—въ области мысли и слова. 30-ое мая—день рожденія „Мѣднаго Всадника"; 26-го мая явился на свѣтъ его безсмертный пѣвецъ. Оба они родились на московской землѣ, и жизнь обоихъ протекла вдалекѣ отъ Москвы —

На берегу пустынныхъ волнъ...

Это случайное сближеніе, въ виду того торжества, которое недавно и такъ счастливо переживала Россія въ гостяхъ у Москвы, даетъ намъ поводъ сказать о возможности увѣковѣчить это послѣднее торжество, освятивъ его обычаемъ, который передавался бы изъ одного поколѣнія въ другое. Нѣчто подобное уже сдѣлано въ Петербургѣ для памяти великаго его основателя: 30-е мая, съ нынѣшняго года, избрано весьма удачно нашею городскою думою для торжественнаго акта начальныхъ училищъ города Петербурга; совершенно такое же значеніе можно было бы придать и 26-му мая въ Москвѣ, дню, когда было предположено совершить открытіе памятника Пушкину. Ничего не могло бы быть лучше, какъ связать день

Digitized by Google

памяти народнаго поэта со школою, которая со временемъ дастъ ему возможность быть народнымъ въ дѣйствительности. Кто не забудетъ нынѣшнихъ Пушкинскихъ праздниковъ, тотъ пріѣдетъ къ 26-му мая въ Москву и на будущій годъ—и со временемъ этотъ день, по обычаю, сдѣлается днемъ съѣзда въ Москвѣ всѣхъ, кто интересуется дѣломъ народнаго образованія.

Актъ начальныхъ училищъ города Петербурга, которымъ закончился 1879—80 учебный годъ, третій отъ передачи этихъ училищъ изъ рукъ министерства народнаго просвѣщенія въ распоряженіе города—представляетъ интересныя подробности. Мы уже сообщили въ майскомъ обозрѣніи, по дошедшему до насъ и, какъ теперь оказывается, вполнѣ вѣрному извѣстію, что въ нынѣшнемъ году число начальныхъ училищъ Петербурга дойдетъ до *80*, а три года тому назадъ министерство сдало ихъ въ числѣ 16; итакъ, въ теченіе трехъ лѣтъ городского управленія училищами, число ихъ *упятерится*. Въ началѣ истекшаго учебнаго года, какъ видно изъ отчета, прочитаннаго на актѣ, было 51 училище (32 мужскихъ и 19 женскихъ), и въ нихъ обучались 2,362 (1,608 учениковъ и 754 ученицъ); болѣе 600 дѣтей получили отказъ въ пріемѣ, по недостатку помѣщенія—и, это послѣ того, какъ цифра училищъ въ два года возрасла отъ 16 до 51. Въ виду этого прискорбнаго факта, дума тогда же напала на счастливую мысль, которая могла бы значительно парализовать отказъ въ пріемѣ шестистамъ, искавшимъ просвѣщенія, а именно,—открыть при четырехъ изъ существующихъ училищъ послѣобѣденные классы, отъ 3 до 7 ч. вечера, съ особымъ учителемъ. Помимо того соображенія, что такими вечерними занятіями могли бы удобно воспользоваться тѣ дѣти, которыя, по занятіямъ въ мастерскихъ, не могутъ пользоваться утреннимъ классами,—эта мѣра представляла бы значительную экономію: собственно, это было бы новое училище, а содержаніе его стоило бы 830 р., вмѣсто 1,860 р. Итакъ, все существенное и трудное было на лицо—и масса желающихъ учиться, и готовыя деньги: прекрасной мысли недоставало только санкціи бывшаго министерства народнаго просвѣщенія. Бывшее министерство отклонило ходатайство города объ открытіи послѣобѣденныхъ классовъ, находя ихъ „*несообразными* съ требованіями современной педагогики и гигіены"; но при этомъ оставило безъ объясненія, согласно ли съ требованіями этой же современной педагогики и гигіены отказывать въ первоначальномъ обученіи цѣлымъ сотнямъ дѣтей, которые осуждаются такимъ образомъ на непроходимое невѣжество, и все это во имя требованій современной (вѣрнѣе, мѣстной) педагогики: fiat paedagogia, pereat lux! Только наканунѣ отставки гр. Толстого, въ мартѣ, получено было разрѣшеніе на эти послѣ-

Digitized by Google

обѣденные классы, но „на иныхъ основаніяхъ“,—такъ что коммиссія думы нашла неудобнымъ воспользоваться полученнымъ разрѣшеніемъ, да притомъ она нашла возможнымъ еще въ началѣ года открыть 2 новыхъ училища въ память Ѳ. Ѳ. Эвальда, такъ много потрудившагося на пользу городского просвѣщенія. Личное присутствіе на нынѣшнемъ актѣ начальныхъ училищъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, чего городъ прежде не видалъ, какъ будто говорило о томъ, что въ ближайшемъ будущемъ „требованія современной педагогики и гигіены“ не станутъ преслѣдоваться съ такимъ усиліемъ, при которомъ дальнѣйшее развитіе народнаго просвѣщенія можетъ оказаться невозможнымъ.

Итакъ, благодаря усиліямъ нашей думы, въ истекшемъ учебномъ году, городъ, имѣющій 800,000 жителей, а слѣдов., по Буняковскому, около 125,000 дѣтей школьнаго возраста обоего пола всѣхъ сословій (отъ 7 до 14 лѣтъ), обучалъ въ обоихъ начальныхъ мужскихъ и женскихъ училищахъ: 2,362 дѣтей; изъ нихъ выбыло, до окончанія курса, 340 поступившихъ по нуждѣ въ работу на фабрики, а 263 окончили курсъ ученія, съ правомъ для учениковъ (206) на льготу по отбыванію воинской повинности. Въ отношеніи прошедшаго, сдѣлано очень много,—но и очень много остается для будущаго, если сравнить послѣднюю цифру учащихся въ начальныхъ училищахъ, 2,362, съ общею цифрою всего петербургскаго населенія школьнаго возраста въ 125,000 дѣтей, отъ 7 до 14 лѣтъ. Конечно, огромное число изъ этой цифры получаютъ домашнее начальное обученіе, они учатся въ частныхъ пансіонахъ и училищахъ; но все же надобно предположить, что minimum 30 тысячъ нуждаются въ общественномъ, т.-е. въ самомъ дешовомъ начальномъ обученіи, какое можно получить только въ городскихъ училищахъ, а на дѣлѣ—и то съ августа мѣсяца—наши училища, если они дойдутъ до 80, могутъ вмѣстить никакъ не болѣе 4,000; при двухъ школахъ, утренней и вечерней—8,000. Правда, въ нынѣшнемъ году открыли 2 воскресныя школы и—весьма удачно, такъ что, при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, мы можемъ предположить въ близкомъ будущемъ возможность 10,000 учащихся; но и это составитъ только одну треть предполагаемаго нами общаго числа въ Петербургѣ нуждающихся въ начальномъ обученіи.

„Дѣло, за которое такъ ратовалъ Ѳ. Ѳ. Эвальдъ—говорится въ одномъ мѣстѣ отчета — быстрыми шагами идетъ впередъ, и Богъ дастъ, въ не очень отдаленномъ времени мы увидимъ столь ожидавшуюся Эвальдомъ *обѣтованную землю для народнаго образованія* — введеніе въ Петербургѣ *обязательнаго обученія*“.

Digitized by Google

II.

Сравненіе „обязательнаго обученія“ съ „обѣтованною землею“ весьма удачно, такъ-какъ въ исторіи этого вопроса у насъ мы можемъ встрѣтить и пустыню, и чуть не сорокъ лѣтъ нашего странствованія по этому вопросу, а между тѣмъ онъ оттого не перестаетъ быть настоятельнымъ вопросомъ дня. Весьма кстати, потому, бывшее министерство народнаго просвѣщенія издало въ началѣ нынѣшняго года первый томъ, весьма объемистый, подъ заглавіемъ: „Матеріалы по вопросу о введеніи обязательнаго обученія въ Россіи“ (Спб. 1880, стр. 506), гдѣ помѣщенъ сборникъ мнѣній объ этомъ предметѣ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ.

Благодаря просвѣщенному вниманію новаго министерства народнаго просвѣщенія къ печати, и мы получили возможность познакомиться съ этимъ въ высшей степени любопытнымъ изданіемъ. Тутъ можно найти всю исторію этого вопроса за послѣднія 5—6 лѣтъ, и всѣ данныя для того, чтобы видѣть, какъ иногда у насъ пріемы для разрѣшенія различныхъ вопросовъ, иногда весьма простыхъ и легкихъ по себѣ, бываютъ несравненно тяжеловѣснѣе самихъ вопросовъ, такъ что самый процессъ приступленія къ дѣлу утомляетъ дѣятелей до того, что до самаго дѣла они уже и не доходятъ. Нашъ журналъ со временемъ возвратится къ этимъ Матеріаламъ въ спеціальной статьѣ, а теперь мы ограничимся краткимъ очеркомъ послѣдней попытки ввести въ Россіи обязательное обученіе, или школьную повинность, и представимъ общіе результаты, какіе вытекаютъ изъ данныхъ, заключающихся въ „Матеріалахъ“.

Записка, предпосланная „Матеріаламъ“, удостовѣряетъ насъ, что съ самаго начала управленія гр. Толстого, съ 1866 г., въ министерство стали поступать со всѣхъ сторонъ земскія ходатайства о введеніи обязательнаго обученія. Бывшій министръ счелъ долгомъ поэтому поводу высказаться въ своемъ отчетѣ за 1867 г.; отчетъ признаетъ всю важность поднятаго земствами вопроса: „Обсуждая внимательно сей вопросъ (о введеніи обязательнаго обученія), я не могу не признать значительной его важности; *но*, мнѣ кажется, было бы *преждевременно* разрѣшать его въ законодательномъ порядкѣ въ настоящее время. Конечно, ничто такъ не желательно, какъ сообщить широкое развитіе нашему народному образованію; *но*, прежде чѣмъ требовать отъ народа обязательнаго посѣщенія школъ, необходимо *подождать*, чтобы обозначались тѣ предначертанія правительства, которыя приводятся нынѣ въ исполненіе“. Теперь мы можемъ сказать одно, что, вѣроятно, упоминаемыя предначертанія не могли быть

Digitized by Google

исполнены въ теченіи послѣдующихъ 14 лѣтъ, такъ какъ министерство вышло уже въ отставку, а обязательное обученіе не подвинулось ни на шагъ впередъ, и по прежнему все кажется „преждевременнымъ“ разрѣшать вопросъ о немъ.

Но земства не прекращали своихъ ходатайствъ и послѣ 1867 г., въ теченіи слѣдующихъ шести-семи лѣтъ, такъ что министерство вынуждено было, наконецъ, поручить члену совѣта, покойному А. С. Воронову, разсмотрѣть спеціально всѣ эти ходатайства и дать по нимъ свое заключеніе. Результатомъ тщательной работы покойнаго и были двѣ его статьи, напечатанныя въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, въ 1874 г., подъ заглавіемъ: „О введеніи обязательнаго обученія въ С.-Петербургѣ“ и „О введеніи обязательнаго обученія по ходатайствамъ нѣкоторыхъ земскихъ собраній“, гдѣ, между прочимъ, былъ помѣщенъ и самый проектъ правилъ для введенія обязательнаго обученія на практикѣ. Этою работою А. С. Вороновъ снискалъ себѣ право на всеобщую признательность, независимо отъ того, что она осталась безъ всякихъ результатовъ и сохраняетъ одно значеніе памятника ума и любви къ дѣлу народнаго просвѣщенія со стороны покойнаго.

Въ концѣ 1874 года, работа Воронова была отдана на обсужденіе обоимъ отдѣленіямъ ученаго комитета. Ученый комитетъ, вмѣсто того, чтобы обратить все вниманіе на „ученую“ сторону дѣла, сосредоточилъ все свое вниманіе, такъ-сказать, на политикѣ, а именно— поставилъ *главнымъ вопросомъ* — вопросъ „о дозволеніи отдѣльнымъ губернскимъ и уѣзднымъ земствамъ вводить у себя обязательное обученіе“, и высказался — отрицательно! Не можетъ быть, конечно, ничего любопытнѣе тѣхъ доводовъ, въ силу которыхъ можно было бы отрицать подобныя ходатайства, какъ ходатайство объ обязательномъ обученіи. Въ самомъ дѣлѣ, по какимъ причинамъ можно не уважить ходатайства о такомъ полезномъ предметѣ, какъ обязательность обученія, и притомъ со стороны тѣхъ, на которыхъ, какъ именно на земствѣ, лежитъ прежде всего обязанность устроить достаточное число школъ, чтобы затѣмъ имѣть право налагать на населеніе обязательность обученія дѣтей?

Но вотъ любопытныя причины отказа земскимъ ходатайствамъ со стороны ученаго комитета:

1) Земскія собранія „не всегда въ состояніи съ вѣрностью опредѣлить степень потребности въ обязательномъ обученіи всѣхъ мѣстныхъ обществъ уѣзда или цѣлой губерніи, а слѣдовательно — мѣстами могутъ вводить эту систему противъ воли населенія“.

Если принять за чистую монету такую защиту народной воли со стороны ученаго комитета, хотя бы эта воля пожелала пребывать

Digitized by Google

въ невѣжествѣ, то почему же примѣнять этотъ доводъ только къ вопросу обязательнаго обученія?—Разъ земскія собранія не способны съ вѣрностью опредѣлять потребности населенія — нельзя терпѣть за ними права предписывать населенію, напримѣръ, обязательное содержаніе дорогъ и мостовъ въ порядкѣ, такъ какъ земскія собранія могутъ вводить подобныя обязательства иногда противъ воли населенія, что́ и дѣйствительно можетъ случиться.

2) „Обязательное обученіе есть потребность, не предусмотрѣнная и не узаконенная государственною властью" — а потому „земскія учрежденія *едва ли* имѣютъ право вводить эту новую мѣру".

Эта ошибка ученаго комитета предвидѣна логикою и называется тамъ — petitio principii. Да вѣдь дѣло-то и идетъ о томъ, чтобы, наконецъ, предусмотрѣть и узаконить законодательнымъ путемъ то, что́ признается потребностью; разсуждая вмѣстѣ съ ученымъ комитетомъ, мы можемъ остановить всякій новый законъ простымъ указаніемъ, что онъ не предвидѣнъ старымъ закономъ, а потому и противозаконенъ. Когда шелъ вопросъ о разрѣшеніи курить на улицахъ, то, говорятъ, было сдѣлано одно возраженіе такое: хотя подобное разрѣшеніе не представляетъ никакихъ неудобствъ, но оно находится въ прямомъ противорѣчіи съ существующими уже постановленіями на этотъ случай. Послѣдній вопросъ, конечно, мелокъ въ сравненіи съ задачею ученаго комитета, но логика — та же.

Такова теоретическая сторона доводовъ ученаго комитета противъ предоставленія земствамъ права вводить обязательное обученіе, а слѣдовательно — и противъ скорѣйшаго осуществленія самой обязательности. Далѣе теорія подкрѣпляется практическими соображеніями:

1) Такое право „могло бы уничтожить *равновѣсіе* (!) между различными частями государства, давъ значительный нравственный перевѣсъ тѣмъ изъ нихъ, въ коихъ было бы введено обязательное начальное обученіе, предъ тѣми, въ коихъ оно не было бы введено (напримѣръ, западнымъ губерніямъ предъ восточными или южными), что́ едва ли можетъ быть желательно".

Мы цитовали буквально это мѣсто, такъ какъ въ пересказѣ оно могло бы показаться невѣроятнымъ. Ученый комитетъ опасается, что какая-нибудь губернія можетъ получить перевѣсъ въ образованности, и предпочитаетъ такому благородному соперничеству — равновѣсіе въ невѣжествѣ: губернія А не должна идти впередъ губерніи В, и если послѣдняя предпочитаетъ оставаться въ невѣжествѣ, то и губернія А должна поджидать ее. Но, во-первыхъ, такое разсужденіе слишкомъ уже напоминаетъ собою Прокустово ложе, гдѣ гостепріимный хозяинъ обрубалъ излишне длинныя ноги гостей, не укладывавшіяся въ его постель; а во-вторыхъ, и безъ обязательнаго обученія, такого

Digitized by Google

идеальнаго *равновѣсія* въ образованности между различными частями государства не существуетъ: въ псковской губерніи (восточной), изъ 117,500 дѣтей школьнаго возраста, въ народныхъ училищахъ обучается всего 6,336 человѣкъ обоего пола, или 5,39%: почти 95 человѣкъ въ каждой сотнѣ дѣтей остаются безграмотными; въ отношеніи же къ общей цифрѣ сельскаго населенія губерніи % учащихся въ псковской губерніи равенъ лишь 7,6, а для женскаго — 0,6. Въ сосѣднихъ съ псковской губерніей остзейскихъ провинціяхъ (западныхъ) % для сельскихъ мальчиковъ 54,9, и для дѣвочекъ 42,3. Сравните теперь эти двѣ послѣднія цифры съ 7,6 и 0,6, и вы получите ужасающее различіе между сосѣдями: относительно мужескаго пола остзейскія губерніи превышаютъ псковскую чуть не въ *восемь* разъ, а относительно женскаго — мы встрѣчаемъ чуть не безконечность, такъ какъ въ псковской % учащихся дѣвочекъ чуть-чуть поднимается надъ нулемъ. Ученый комитетъ особенно настаиваетъ на томъ, что перевѣсъ западныхъ губерній предъ восточными „едва ли можетъ быть желателенъ"; мы совершенно согласны съ этимъ, но разойдемся съ нимъ въ выводахъ: если нежелательно такое различіе, то необходимо позаботиться о возможности введенія обязательнаго обученія и въ псковской губерніи, а не запрещать сосѣдямъ ея вводить у себя обязательное обученіе, пока псковская губернія рѣшится на то же. Если же на практикѣ существуетъ колоссальный нравственный перевѣсъ лифляндской — и притомъ западной — надъ псковскою, восточною, то почему можетъ быть нежелателенъ нравственный перевѣсъ новгородской губерніи надъ тверскою и т. д.

Во-вторыхъ, ученый комитетъ утверждаетъ, что право отдѣльныхъ земскихъ собраній вводить обязательное обученіе можетъ „порождать *неудовольствіе* и даже *волненія* въ средѣ мѣстныхъ населеній, извлекающихъ выгоду изъ дѣтскаго труда", а съ другой стороны — „оно могло бы повлечь за собою *закрытіе* всѣхъ существующихъ на мѣстныя средства школъ въ губерніи и уѣздѣ, какъ только огласилось бы, что земское собраніе ходатайствуетъ о введеніи въ своей губерніи или уѣздѣ обязательнаго обученія".

Надобно, въ самомъ дѣлѣ, питать особенное предубѣжденіе противъ обязательнаго обученія, чтобы опереться на такіе доводы, какъ „неудовольствіе", даже „волненія" — въ нашемъ народѣ, и все это по поводу обязательнаго обученія! Мы ограничимся только сопоставленіемъ этихъ доводовъ съ любопытнымъ донесеніемъ дирекціи народныхъ училищъ черниговской губерніи, помѣщеннымъ въ этомъ же томѣ „Матеріаловъ" (стр. 160). Свидѣтельствуя о различныхъ попыткахъ во многихъ уѣздахъ этой губерніи къ введенію обязатель-

Digitized by Google

наго обученія, директоръ продолжаетъ: „Несомнѣнно для меня только то, что масса народа приметъ эту мѣру *весьма сочувственно*, если она будетъ хорошо обставлена и приноровлена къ дѣйствительнымъ условіямъ народной жизни и ея потребностямъ. При поѣздкахъ по селамъ, мнѣ весьма часто приходится слышать, что крестьяне не жалѣютъ издержекъ на школу, но находятъ, что вносимыя ими деньги мало приносятъ плода. Мнѣ очень часто говорили: пусть само начальство, вмѣстѣ съ податями, беретъ сборъ на школу — и мы втрое дадимъ". А вотъ примѣры обращенія самихъ крестьянъ къ училищнымъ совѣтамъ, все по тому же вопросу, и помѣщенные въ тѣхъ же „Матеріалахъ" (стр. 161): въ сарапульскомъ уѣздѣ, еще въ 1874 г., бывшіе удѣльные крестьяне чекандинской волости, колосниковскаго общества, въ числѣ 343 дворовъ, постановили: „Нынѣ же ввести обязательное обученіе русской грамотѣ дѣтей обоего пола нашего села, начиная съ 7 до 10-лѣтняго возраста, а по желанію, и старѣе". Что же сдѣлалъ сарапульскій училищный совѣтъ: „Но училищный совѣтъ, сказано въ „Матеріалахъ", призналъ *преждевременнымъ* введеніе обязательнаго обученія, а потому самый приговоръ возвратилъ обществу".

Это—небольшой образчикъ дѣйствій спеціальныхъ вѣдомствъ, на которыя, какъ мы увидимъ, возложило послѣ свои надежды министерство, не считая компетентными по вопросу объ обязательномъ обученіи—земскія собранія.

Конецъ дѣла легко предвидѣть по самымъ мотивамъ отказа. Въ „Матеріалахъ" говорится, что „по *главному* вопросу, именно о дозволеніи отдѣльнымъ губернскимъ и уѣзднымъ земствамъ вводить у себя обязательное обученіе, ученый комитетъ высказался отрицательно: *поэтому*, дальнѣйшаго оффиціальнаго хода этому дѣлу не дано; а г. министръ пожелалъ узнать мнѣніе о введеніи обязательнаго обученія отъ директоровъ начальныхъ училищъ, какъ лицъ, *ближе* знакомыхъ съ народными школами и всѣми вопросами, касающимися развитія народнаго образованія въ данной губерніи". На болѣе вульгарномъ языкѣ, это значитъ: дѣло объ обязательномъ обученіи было положено подъ сукно, и дѣйствительно, съ того времени прошло *пять* лѣтъ, а пока въ результатѣ явился первый томъ „Матеріаловъ по вопросу о введеніи обязательнаго обученія въ Россіи", — самое же дѣло обязательнаго обученія не подвинулось ни на шагъ.

Во всѣ дирекціи было разослано 34 вопросныхъ пункта, и отвѣты ихъ являются теперь собранными вмѣстѣ. Это дѣйствительно въ высшей степени замѣчательный матеріалъ; постараемся теперь же сдѣлать на основаніи его главный выводъ, который далъ бы намъ отвѣтъ на главный и существенный вопросъ: есть ли возможность,

Digitized by Google

при наличномъ числѣ народныхъ школъ въ Россіи ввести повсемѣстно обязательное обученіе, и если такой возможности нѣтъ, — то при какомъ именно ихъ числѣ на всю Россію такая возможность могла бы явиться?

Вотъ, какой получился итогъ, подведенный нами изъ цифръ, разсѣянныхъ въ отвѣтахъ дирекцій на этотъ вопросъ.

По мнѣнію дирекцій, къ существующему уже наличному количеству народныхъ школъ въ Россіи необходимо присоединить новыхъ *восемьдесятъ тысячъ* (80,000) школъ, а слѣдовательно, и такую же новую восьмидесятитысячную армію народныхъ учителей, — чтобы правительство имѣло право на введеніе общей школьной повинности, или обязательности обученія дѣтей для всѣхъ. На устройство такого числа школъ потребовалось бы единовременно около 40 милліоновъ рублей, а ежегодное ихъ содержаніе обошлось бы наименьшее въ 24 милліона рублей. Что дирекціи училищъ показали весьма вѣроятное число требуемыхъ новыхъ школъ—видно изъ общаго разсчета: сколько въ Россіи имѣется дѣтей школьнаго возраста?—По системѣ акад. Буняковскаго, мы имѣемъ до 9 милл. дѣтей школьнаго возраста; изъ нихъ около 2 милл. необходимо положить на прочія сословія, кромѣ крестьянскаго, не посылающія своихъ дѣтей въ начальныя училища, да около 1 милл. уже обучаются въ нынѣ существующихъ школахъ. Итакъ, нуждаются въ настоящую минуту въ начальныхъ училищахъ около 6 милл. обоего пола, оставленныхъ на произволъ судьбы и растущихъ безъ всякой школы. Чтобы обучить ихъ, необходимо какъ разъ 80 тысячъ новыхъ школъ, считая по 75 человѣкъ на школу,—а именно это число и составляетъ итогъ показаній всѣхъ дирекцій.

Изъ всего этого можно сдѣлать два вывода, прямо противоположныхъ: 1) люди, нерасположенные къ введенію обязательнаго обученія у насъ, могутъ легко теперь воскликнуть: какая же возможность говорить въ Россіи объ обязательномъ обученіи, когда оно обусловлено невозможнымъ образомъ,—даже если бы нашлись деньги на постройку 80,000 новыхъ школъ и на ихъ содержаніе, то откуда взять цѣлую армію, въ 80,000, новыхъ учителей?—это дѣло преждевременное, и съ нимъ нужно подождать. 2) Но люди, не имѣющіе никакихъ тенденцій, выведутъ изъ добытаго нами итога прямо обратное: такъ какъ показанія дирекцій убѣждаютъ насъ въ невозможности ввести обязательное обученіе вдругъ, то необходимо предоставить каждой мѣстности, въ лицѣ ея представителей, рѣшать частнымъ образомъ вопросъ о введеніи обязательнаго обученія; вводилась же судебная реформа мало-по-малу, и никто не считалъ препятствіемъ къ тому могущее возникнуть неудовольствіе между губерніями, изъ

Digitized by Google

которыхъ одна покрылась уже благодѣяніями новаго суда, а сосѣднюю бременили старые суды. Никакого, сколько-нибудь серьёзнаго довода противъ предоставленія земскимъ учрежденіямъ вводить у себя обязательное обученіе — нельзя. А между тѣмъ, распространеніе народнаго образованія съ каждымъ годомъ дѣлается все болѣе и болѣе настоятельнымъ. Въ нераспространенности его, которая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ близка къ отсутствію, заключается главная причина нашей общественной и гражданской хворости. Посмотрите, напримѣръ, какіе ужасающіе отвѣты давали иныя дирекціи на одинъ изъ 34 вопросовъ, а именно: „Какъ часто дѣтей школьнаго возраста лишали возможности посѣщать школу?“ Дирекція Петербургской губерніи отвѣчала, что на эту одну губернію слѣдовало бы основать вновь, кромѣ Петербурга, 1,000 школъ; т.-е., въ настоящую минуту 50,000 человѣкъ растетъ безъ всякаго умственнаго и нравственнаго призрѣнія. Но это еще очень хорошая цифра: въ Московской губерніи нужно новыхъ школъ 2,600, а въ городѣ Москвѣ — 400; въ Харьковской губерніи безъ школы остаются 252,000 человѣкъ, а потому требовалось бы устроить вновь 5,000 школъ! Въ Полтавской губерніи, остается безъ школы 318,000, а потому необходимо было бы вновь устроить болѣе 6,300 школъ!! Приводимъ эти цифры, какъ наглядный способъ измѣренія всей глубины нашего народнаго невѣжества. Насколько возможенъ благополучный ростъ и преуспѣяніе общества при такомъ градусѣ невѣжества народныхъ массъ—можетъ всякій судить легко. Между тѣмъ, при обсужденіи причинъ нашей бѣдности, отсталости, мы всегда готовы прибѣгать къ палліативнымъ мѣрамъ—и оттого такъ мало двигаемся впередъ. Видимъ ли мы застой народной промышленности или сельскаго хозяйства, мы тотчасъ обвиняемъ въ этомъ фритредерство нашего тарифа, который покровительствуетъ иностранцевъ на счетъ развитія внутреннихъ силъ. Но какой бы ни былъ фритредерскій тарифъ, хотя бы даже дошли до полной свободы торговли,—но все же и полная свобода торговли не могла бы покровительствовать въ такой степени иностранцамъ, какъ ихъ покровительствуетъ толстый слой невѣжества нашихъ народныхъ массъ и ихъ умственное и нравственное убожество. И наоборотъ—широкое образованіе охранило бы нашу промышленность лучше, нежели самые высокіе охранительные тарифы.

Digitized by Google

III.

Вопросъ объ измѣненіи таможенныхъ пошлинъ на металлы, металлическія издѣлія и машины, возбужденный около пяти лѣтъ тому назадъ, въ 1878 г. отложенный на время въ виду ненормальнаго положенія, созданнаго войною, въ 1879 г. предоставленный разсмотрѣнію особой коммиссіи,—близокъ къ окончательному разрѣшенію, а можетъ быть и получилъ его; представленіе министерства финансовъ по этому предмету слушалось въ государственномъ совѣтѣ, сколько извѣстно, передъ наступленіемъ лѣтнихъ его вакацій. Читателямъ „Вѣстника Европы" знакомы уже нѣкоторыя стороны вопроса. Нашъ журналъ касался его въ 1875 г., по поводу съѣзда машиностроителей, доказывавшихъ необходимость возвышенія таможенныхъ пошлинъ на металлы и машины; въ 1877 г.—по поводу закона, установившаго новую привилегію въ пользу нашихъ механическихъ заводчиковъ (премію за каждый приготовленный ими паровозъ) и позволявшаго опасаться дальнѣйшихъ побѣдъ протекціонизма; въ 1879 г.—по поводу „обзора правительственныхъ мѣропріятій по развитію въ Россіи металлической промышленности", составленнаго однимъ изъ членовъ вышеупомянутой особой коммиссіи. Избѣгая повтореній, мы остановимся преимущественно на тѣхъ пунктахъ, которые не были еще подробно выяснены въ нашемъ журналѣ и постараемся представить сжатую характеристику разнорѣчивыхъ мнѣній, вызванныхъ пересмотромъ немногихъ, но существенно важныхъ частей таможеннаго тарифа.

Предположенная отмѣна безпошлиннаго ввоза чугуна и желѣза, допущеннаго съ 1861 г., въ видѣ льготы, для механическихъ заводовъ, не встрѣчаетъ никакихъ возраженій даже со стороны лицъ, до сихъ поръ пользовавшихся льготой. Чтобы судить о томъ до какой степени эта льгота оказалась нецѣлесообразной, достаточно припомнить, что она была установлена въ видахъ поощренія машиностроенія—а между тѣмъ на приготовленіе машинъ шла лишь небольшая, сравнительно, часть привозимаго безпошлинно металла; многіе заводы, пользовавшіеся льготой, были машиностроительными только по имени. Бывали даже случаи продажи на сторону металла, безпошлинно полученнаго заводчикомъ для собственнаго, и притомъ опредѣленнаго, употребленія. Разногласіе начинается по вопросу о пошлинахъ, которыми, съ уничтоженіемъ льготы, для всѣхъ одинаково должны быть обложены металлы не въ дѣлѣ — чугунъ, желѣзо и сталь. Въ примѣненіи къ чугуну существуютъ три разныя мнѣнія:

Digitized by Google

сохраненію теперь дѣйствующей пошлины (по 5 коп. съ пуда) противопоставляется, съ одной стороны, ея возвышеніе, съ другой—полная ея отмѣна. За возвышеніе пошлины (до 10 или 15 коп. съ пуда) высказалось въ 1875 г. большинство (впрочемъ, незначительное) съѣзда заводчиковъ, высказывается и теперь общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, поддерживаемое нѣкоторыми изъ нашихъ повременныхъ изданій; но изъ числа экспертовъ, спрошенныхъ особою комиссіею 1879 г., къ этому взгляду примкнули только двое. Всѣ другіе не возражали даже противъ совершенной отмѣны пошлины, о чемъ возникалъ вопросъ еще при пересмотрѣ тарифа въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Тогда пошлина въ 5 коп. (установленная въ 1859 г. въ-замѣнъ пятнадцатикопѣечной, опредѣленной тарифомъ 1857 г.) была сохранена, въ виду возможнаго развитія горнаго дѣла на сѣверѣ и на югѣ Россіи; такими же соображеніями защищается status quo и въ настоящее время, хотя изъ среды самихъ заводчиковъ раздаются голоса, признающіе за пятикопѣечною пошлиною лишь фискальное, а не охранительное значеніе. Чтобы ориентироваться въ этомъ лабиринтѣ мнѣній, необходимо имѣть въ виду слѣдующіе безспорные факты. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка Россія занимала, въ отношеніи къ количеству выплавляемаго чугуна, первое мѣсто между европейскими государствами; еще въ 1840 г. она стояла по крайней мѣрѣ впереди Пруссіи, Австріи и Бельгіи, почти наравнѣ съ Соединенными Штатами; теперь она спустилась на нижнюю ступень лѣстницы, уступая даже Австріи, которая, въ свою очередь, далеко отстала отъ другихъ западно-европейскихъ государствъ. Въ Австріи на каждаго жителя въ 1876 г. приходилось по 27 ф. чугуна (въ Великобританіи по 510, въ Бельгіи по 276, въ Соединенныхъ Штатахъ по 146, во Франціи по 98, въ Германіи по 95), а въ Россіи—по 12 ф. Общее количество чугуна, добываемаго въ Россіи—за послѣднее трехлѣтіе, о которомъ имѣются свѣдѣнія, — составляло ежегодно около 25 милліоновъ пудовъ; но изъ этого количества на продажу поступала лишь небольшая часть, а все остальное переработывалось въ желѣзо. Иностраннаго чугуну русскіе машинные и механическіе заводы въ 1874—76 г. употребили впятеро болѣе, чѣмъ русскаго. Привозъ иностраннаго чугуну составлялъ въ послѣднее время среднимъ числомъ около 4-хъ милліоновъ пудовъ въ годъ; но около $^4/_5$ этого количества привозилось безпошлинно, такъ что пошлины получалось около 30,000 руб. ежегодно. Если бы все привозимое количество чугуна оплачивалось пятикопѣечной пошлиной, то общая цифра ея не превышала бы, среднимъ числомъ, 200,000 руб. въ годъ. Съ фискальной точки зрѣнія пошлина на чугунъ, такимъ образомъ, большого значенія не имѣетъ;

Digitized by Google

совершенная ея отмѣна, въ виду преобладавшаго до сихъ поръ безпошлиннаго привоза, была бы едва замѣтна. Что́ касается до слабаго развитія въ Россіи чугуннаго дѣла, то оно объясняется техническою отсталостью пріемовъ производства, истощеніемъ древеснаго топлива вблизи заводовъ, дороговизною доставки издалека, затруднительностью добыванія и подвоза минеральнаго топлива (не всегда, притомъ, годнаго для плавки чугуна), неудовлетворительностью путей сообщенія, высокимъ желѣзно-дорожнымъ тарифомъ. Соединеніе уральской желѣзной дороги съ ближайшими къ ней заводами и лѣсами, сооруженіе незначительной желѣзной дороги на соединеніе съ Волгою донецкаго каменноугольнаго бассейна, для доставки оттуда на Уралъ антрацита водянымъ путемъ, устройство желѣзныхъ дорогъ въ другихъ богатыхъ мѣсторожденіяхъ руды и каменнаго угля, улучшеніе способовъ перевозки чугуна и топлива, удешевленіе провоза—вотъ средства, указываемыя спеціалистами для поднятія чугуноплавильнаго производства въ Россіи. При настоящемъ положеніи этого производства, покровительственная пошлина на иностранный чугунъ не принесетъ никакой пользы, а значительное повышеніе въ цѣнѣ чугуна (уже десятикопѣечная пошлина составляетъ отъ 30 до 50% на заграничную его цѣну) неизбѣжно повлечетъ за собою стѣсненіе и разстройство многихъ отраслей промышленности, нуждающихся въ чугунѣ, и вздорожаніе многихъ предметовъ потребленія. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что чѣмъ выше пошлина на металлъ, тѣмъ больше повода для заводчиковъ—въ виду отмѣны льготнаго, безпошлиннаго ввоза—домогаться возвышенія пошлинъ на машины и металлическія издѣлія. Платя пошлину за весь употребляемый имъ металлъ, заводчикъ будетъ прибавлять ее къ цѣнѣ машины или издѣлія—и, слѣдовательно, больше будетъ нуждаться въ обезпеченіи противъ иностранной конкурренціи.

Въ запискѣ, направленной противъ пониженія тарифа, общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ утверждаетъ, между прочимъ, что пудъ иностраннаго чугуна стоитъ въ Петербургѣ 60 коп., пудъ русскаго чугуна—85 коп., и на этомъ именно разсчетѣ основываетъ необходимость повышенія пошлины на чугунъ до 25 копѣекъ кредитныхъ или 15 металлическихъ. Между тѣмъ, по отзыву одного изъ экспертовъ, спрошенныхъ особою коммиссіею, чугунъ съ казенныхъ заводовъ Гороблагодатскаго округа можетъ продаваться въ Петербургѣ по 60 коп. за пудъ и даже нѣсколько дешевле (на нѣкоторыхъ заводахъ чугунъ обходится по 18 коп. пудъ, а доставка его оттуда до Петербурга стоитъ не болѣе 25 коп. съ пуда). По свѣдѣніямъ за 1876 г. чугунъ не въ дѣлѣ обходился заводчикамъ въ Петербургѣ: иностранный—отъ 45 коп. до 1 руб., рус-

Digitized by Google

скій—отъ 60 коп. до 1 р. 10 коп. Но для правильнаго заключенія необходимо принять во вниманіе не однѣ только петербургскія цѣны; необходимо припомнить, что повышеніе пошлины на чугунъ закроетъ иностранному чугуну доступъ на внутренніе, отдаленные отъ моря и отъ границы рынки, и, слѣдовательно, приведетъ къ произвольному возвышенію цѣнъ на русскій чугунъ. Уже теперь въ центральныхъ губерніяхъ и въ приволжскомъ краѣ цѣны на русскій и на иностранный чугунъ приблизительно однѣ и тѣ же (въ 1876 г.—отъ 55 до 65 коп. за русскій, отъ 53 до 63—за иностранный); для того, чтобы цѣна иностраннаго чугуна превзошла здѣсь цѣну русскаго, не нужно даже повышенія пошлины — достаточно сохраненія ея въ прежнемъ размѣрѣ, съ отмѣною безпошлиннаго ввоза. Въ запискѣ общества указывается, далѣе, на то, что чугуноплавильному дѣлу предстоитъ, въ ближайшемъ будущемъ, широкое развитіе—вслѣдствіе возникающаго на Уралѣ бессемеровскаго производства рельсовъ,—если только ему будетъ оказано достаточное покровительство, путемъ возвышенія пошлинъ. Общество упускаетъ изъ виду, что если вновь добываемый чугунъ пойдетъ на выдѣлку рельсовъ, то потребность въ необработанномъ чугунѣ туземнымъ чугуннымъ производствомъ по прежнему удовлетворяема не будетъ, и возвышенная пошлина упадетъ несправедливымъ бременемъ на тѣхъ, которые по прежнему будутъ *вынуждены* выписывать чугунъ изъ-за границы. Общество полагаетъ, что отмѣна пошлины на чугунъ должна убить нашу металлическую промышленность; но почему же эта промышленность здравствуетъ до сихъ поръ, хотя пошлина на чугунъ уже около двѣнадцати лѣтъ de facto почти не существуетъ? Почему чугунное дѣло въ Финляндіи развивается успѣшно (между 1865 и 1875 г. производство чугуна увеличилось тамъ болѣе чѣмъ на 50%), и финляндскій чугунъ выдерживаетъ въ нашихъ портахъ конкурренцію съ иностраннымъ? Слабость аргументовъ, приводимыхъ защитниками протекціонизма, убѣждаетъ насъ еще больше въ возможности не только удержанія нынѣ существующаго размѣра пошлины на чугунъ, но и совершенной отмѣны этой пошлины [1]).

О возвышеніи пошлины на желѣзо поступали ходатайства со стороны нѣкоторыхъ желѣзодѣлательныхъ заводчиковъ, но, вообще говоря, оно не составляетъ предмета такихъ усиленныхъ настояній, какъ возвышеніе пошлины на чугунъ. Существующія нынѣ пошлины на желѣзо предполагается оставить, въ существѣ, безъ измѣненія, распредѣливъ лишь нѣсколько иначе различные сорта желѣза, опла-

[1]) Подать въ $1^1/_2$ коп. съ каждаго пуда чугуну, уплачиваемую теперь нашими горными заводами, предполагается отмѣнить, одновременно съ изданіемъ новыхъ тарифныхъ правилъ.

Digitized by Google

чиваемые пошлиной въ бо́льшемъ или меньшемъ размѣрѣ. Такъ, напримѣръ, самая низкая пошлина (20 коп. съ пуда) взыскивалась до сихъ поръ съ рельсоваго желѣза; теперь этой пошлинѣ предполагается подчинить желѣзо въ лому, а пошлину съ рельсоваго желѣза возвысить до 35 или даже до 45 копѣекъ. Различіе между желѣзомъ, оплачиваемымъ 35 коп. (полосовымъ, прокатнымъ), и желѣзомъ, оплачиваемымъ 50 коп. (въ листахъ и плитахъ), остается въ силѣ, но область перваго расширяется, область послѣдняго—съуживается; до сихъ поръ пошлина въ 50 коп. обусловливалась, между прочимъ, шириною листовъ или плитъ свыше 7 дюймовъ, теперь ее предполагается пріурочить къ ширинѣ свыше 18 дюймовъ. Объ этой перемѣнѣ ходатайствовалъ еще въ 1875 г. съѣздъ заводчиковъ, такъ какъ установленный тарифомъ семидюймовый предѣлъ слишкомъ стѣснителенъ при выпискѣ листовыхъ частей и другихъ сортовъ желѣза крупнаго размѣра. Наше желѣзное производство нуждается не въ новыхъ покровительственныхъ пошлинахъ, а въ улучшеніяхъ, давно уже введенныхъ за границей. Добыча желѣза производится на Уралѣ первобытнымъ способомъ, почти вовсе безъ участія машинъ; рабочая сила расходуется по-напрасну, какъ и топливо; бѣлый чугунъ, преимущественно удобный для выдѣлки желѣза, получается, бо́льшею частью, лишь случайно, вмѣсто труднѣе переработываемаго въ желѣзо сѣраго чугуна. Новыя формы производства распространились лишь недавно или только-что начинаютъ входить въ употребленіе. Крупное листовое и котельное желѣзо приготовляется въ опредѣленныхъ, издревле установленныхъ размѣрахъ, вдвое меньшихъ, чѣмъ наибольшіе листы заграничной работы. Эти размѣры пригодны для кровельнаго желѣза, но не могутъ удовлетворять современнымъ требованіямъ машиннаго, корабельнаго и военно-инженернаго дѣла. Для потребностей строительнаго дѣла желѣзо никогда не отдѣлывалось уральскими заводами. При такомъ положеніи желѣзнаго производства въ Россіи, привозъ желѣза изъ-за границы представляется необходимостью; въ 1869 г. его было привезено около $2^1/_2$ милліоновъ пудовъ, въ 1878-мъ—около 7 милліоновъ, въ томъ числѣ почти $3^1/_2$ милліона пудовъ съ уплатой пошлины. Неудивительно, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникала мысль о пониженіи пошлины на желѣзо, что она была высказываема даже на съѣздѣ заводчиковъ въ 1875 г.; осуществленію ея въ настоящее время препятствуетъ предположенное уравненіе пошлины на сталь съ пошлиною на желѣзо, къ которому мы теперь и переходимъ.

По дѣйствующему тарифу, сталь не въ дѣлѣ оплачивается пошлиной въ 80 к. съ пуда. Уже на съѣздѣ 1875 г. было заявлено, что сталь, при современныхъ пріемахъ производства, не всегда легко

Digitized by Google

отличить отъ желѣза, и что поэтому ихъ слѣдовало бы обложить одною и тою же пошлиною. Къ тому же заключенію пришло и большинство экспертовъ, спрошенныхъ особою коммиссіею. Они нашли, что открытіе и примѣненіе новыхъ способовъ приготовленія стали непосредственно изъ чугуна повлекло за собою рѣшительный переворотъ во всемъ желѣзодѣлательномъ и сталелитейномъ производствѣ. Различіе между литымъ желѣзомъ и литою сталью все болѣе и болѣе сглаживается; сильно закаленное желѣзо съ такимъ же правомъ можетъ быть названо сталью, какъ слабо закаленная сталь—желѣзомъ. Заводчики, выписывая такой, въ сущности одинаковый металлъ, называютъ его безразлично желѣзомъ или сталью, указывая лишь нумеръ, т.-е. степень твердости. Въ настоящее время есть сорты стали, которые дешевле желѣза,—и, наоборотъ, сорты желѣза, которые дороже стали. Желѣзо сварочное имѣетъ отличіе отъ стали, но распознаваніе ихъ другъ отъ друга затруднительно и требуетъ экспертизы, не всегда возможной и во всякомъ случаѣ крайне неудобной при таможенномъ осмотрѣ. Въ виду этихъ, вполнѣ убѣдительныхъ соображеній, предполагается обложить сталь тѣми же пошлинами, какъ и желѣзо. Въ сущности это не будетъ большой перемѣной, такъ какъ пошлина въ 80 к. была установлена въ то время, когда литая сталь была еще почти неизвѣстна, и такъ какъ въ 1876 г. допущенъ уже привозъ литой стали для заводчиковъ съ пошлиной по 35 к. съ пуда. Пошлины, существующія для желѣза, составляютъ не менѣе 30—35% заграничной цѣны на литую сталь, и, слѣдовательно, послужатъ достаточной охраной для нашего сталелитейнаго производства, покровительствуемаго притомъ преміями (за стальные рельсы) и казенными заказами. Противъ уравненія стали съ желѣзомъ протестуютъ только нѣкоторые сталелитейные заводчики, поддерживаемые отчасти обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Въ запискѣ общества указывается на то, что есть одинъ видъ стали, безъ труда отличаемый отъ желѣза: это—рессорная сталь, которую и слѣдовало бы обложить достаточной охранительной пошлиной—не менѣе рубля съ пуда. И здѣсь, слѣдовательно, наши протекціонисты стоятъ не только за сохраненіе высокой пошлины, но и за новое повышеніе ея. На чемъ основана ихъ надежда, что при обложеніи рессорной стали рублевою пошлиною уральская сталь вовсе вытѣснила бы заграничную—этого изъ записки, упомянутой нами, не видно. Замѣтимъ, въ заключеніе, что предположенное у насъ уравненіе пошлинъ на желѣзо и сталь уже осуществлено въ новѣйшихъ иностранныхъ тарифахъ, въ томъ числѣ и въ германскомъ тарифѣ 1879 г.

Digitized by Google

IV.

Пошлины на металлическія издѣлія предполагается отчасти понизить, отчасти повысить, отчасти сохранить въ прежнемъ размѣрѣ, причемъ имѣется въ виду и упрощеніе тарифа, уменьшеніе числа подраздѣленій, болѣе ясное опредѣленіе пограничной черты между отдѣльными статьями; такъ, напримѣръ, предполагается уничтожить различіе между желѣзными и стальными издѣліями, подобно тому, какъ уничтожается различіе между желѣзомъ и сталью не въ дѣлѣ. Не перечисляя подробно всѣхъ проектированныхъ перемѣнъ, мы обратимъ вниманіе читателей только на тѣ, которыя представляются наиболѣе важными или наиболѣе спорными. На съѣздѣ заводчиковъ, въ 1875 г., предложено было понизить пошлины на жестяныя издѣлія, включивъ ихъ въ одну категорію съ чугунными, желѣзными и стальными издѣліями, причемъ minimum пошлины было бы 1 р. 25 к., maximum—2 р. 50 к. съ пуда (вмѣсто нынѣшняго minimum въ 2 р. 50 к. и maximum въ 5 р.). Комиссія не нашла возможнымъ принять это предложеніе и высказалась за сохраненіе существующей пошлины, въ виду того, что привозъ жестяныхъ издѣлій изъ-за границы постоянно увеличивается. Итакъ, комиссія оказалась въ данномъ случаѣ plus royaliste que le roi—что̀ не мѣшаетъ однако обществу для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ упрекать ее за *невозвышеніе* пошлинъ на жестяныя издѣлія! Мотивируется этотъ упрекъ тѣмъ, что ввозъ жестяныхъ издѣлій изъ-за границы увеличивается, а внутренняя производительность не развивается. „Странно объяснять такія явленія“, восклицаетъ общество, „недостаткомъ русской предпріимчивости. Ближе искать причины въ недостаточности охранительной силы пошлины и въ разныхъ другихъ враждебныхъ дѣлу условіяхъ, въ разслѣдованіе которыхъ, къ сожалѣнію, комиссія не вошла“. Почему же пробѣлъ, оставленный комиссіей, не восполненъ обществомъ? Комиссія не имѣла въ виду никакихъ заявленій о необходимости возвысить пошлину на жестяныя издѣлія, и потому могла оставить этотъ вопросъ безъ дальнѣйшаго изслѣдованія; общество, настаивающее на повышеніи и безъ того высокихъ пошлинъ, должно было мотивировать свое мнѣніе чѣмъ-нибудь болѣе солиднымъ, нежели вѣчная ссылка на *охранительную силу* пошлины. Охраны заслуживаетъ только то, что̀ развивается, идетъ впередъ—а наша жестяная промышленность, по признанію самого общества, остается неподвижной. Увеличеніе ввоза доказываетъ только возрастаніе потребности, неудовлетворяемой туземнымъ производствомъ, и не говоритъ ни въ пользу повышенія

Digitized by Google

пошлины, ни даже въ пользу сохраненія ея въ прежнемъ размѣрѣ. Мы также могли бы сдѣлать коммиссіи упрекъ, но противоположный тому, съ которымъ обращается къ ней общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ; мы могли бы замѣтить, что она не обсудила съ свойственною ей вообще обстоятельностью, поднятаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вопроса о пониженіи пошлинъ на жестяныя издѣлія.

Наши протекціонисты выказываютъ, вообще говоря, весьма большую взыскательность, возставая противъ результатовъ дѣятельности коммиссіи по вопросу о пошлинахъ на металлическія издѣлія. Правда, нѣкоторыя пошлины уменьшены ею весьма значительно — напр., maximum пошлины на чугунныя издѣлія пониженъ съ 2 р. 50 к. до одного рубля, maximum пошлины съ издѣлій изъ литой стали (необдѣланныхъ) — съ 4 р. 50 к. до 80 к., maximum пошлины съ желѣзныхъ и стальныхъ слесарныхъ издѣлій, обдѣланныхъ или инымъ образомъ обработанныхъ — съ 4 р. 50 к. до 2 рублей; но всѣ эти перемѣны не имѣютъ существеннаго значенія, потому что предметовъ, обложенныхъ высшими пошлинами, ввозилось до сихъ поръ — съ оплатою, т.-е. не въ видѣ льготы — весьма немного (чугунныхъ издѣлій, въ 1878 г.—около 3,000 пудовъ, издѣлій изъ литой стали — менѣе 100 пудовъ, желѣзныхъ и стальныхъ слесарныхъ издѣлій — $6^1/_2$ тысячъ пудовъ). Между тѣмъ, обширная категорія менѣе дорогихъ чугунныхъ издѣлій (обдѣланныхъ, но не полированныхъ), оплачиваемыхъ до сихъ поръ 80 коп. съ пуда, подводится теперь подъ одинъ уровень съ наиболѣе дорогими — подъ одну общую пошлину въ 1 рубль съ пуда; а издѣлій перваго рода было привезено въ 1878 г., съ оплатою, болѣе 29 тысячъ пудовъ [1]). Косы, серпы, рѣзаки оплачивались до сихъ поръ 44 коп. съ пуда; теперь эту пошлину предполагается возвысить до 50 коп., причемъ она распространяется съ одной стороны на заступы, лопаты, грабли, вилы, съ которыхъ взыскивалось до сихъ поръ по 50 коп. при ввозѣ сухимъ путемъ, по 80 коп. при ввозѣ моремъ; съ другой стороны — на ножницы для стрижки овецъ, которыя пропускались безпошлинно. Заводчики, въ 1875 г., предлагали поднять пошлину съ этихъ предметовъ до 1 рубля съ пуда, эксперты, спрошенные въ коммиссіи — до 80 коп.; цифра, принятая коммиссіею, съ этой точки зрѣнія представляется выгодною для русскаго сельскаго хозяйства,—но все же нельзя не пожалѣть, что пошлина на нѣкоторые необходимые для него предметы повышена, и что уничтожена, безъ видимыхъ при-

[1]) Въ эту цифру входитъ и чугунная эмальированная посуда, для которой предполагается оставить пошлину въ 80 коп. съ пуда.

Digitized by Google

чинъ, льгота, существовавшая для одного изъ сельско-хозяйственныхъ орудій. Предположенное теперь повышеніе пошлины было отвергнуто въ 1868 г. именно потому, что оно можетъ повести къ вздорожанію косъ, серповъ и т. п.—въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ туземнаго ихъ производства. Изъ свѣдѣній, приводимыхъ коммиссіей, не видно, чтобы соображеніе это потеряло свою силу въ настоящее время; напротивъ того, къ числу мѣстностей, *вынужденныхъ* и теперь получать сельско-хозяйственныя орудія изъ-за границы, отнесены прибалтійскія и западныя губерніи, Малороссія, вся южная Россія. Не болѣе удачной кажется намъ другая перемѣна, проектированная коммиссіей относительно ручныхъ инструментовъ для ремеслъ, художествъ, фабрикъ и заводовъ. До сихъ поръ они оплачивались 80 к. съ пуда при ввозѣ моремъ, 50 к.—при ввозѣ сухимъ путемъ; теперь предполагается оплачивать ихъ 70 коп. съ пуда, безъ различія по способу ввоза. Такъ какъ въ послѣднее время ввозъ инструментовъ сухимъ путемъ значительно увеличился и сталъ даже превышать ввозъ моремъ (въ 1878 г. первымъ путемъ ввезено около 158, вторымъ—около 129 тысячъ пудовъ), то предположенная перемѣна очевидно равняется возвышенію пошлины. Возвышеніе это незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, которое было предложено съѣздомъ заводчиковъ въ 1875 г., поддержано экспертами, спрошенными особою коммиссіею, а также обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ (при вѣсѣ менѣе 5 фунтовъ въ штукѣ — 2 руб. 50 коп. съ пуда, а при бо́льшемъ вѣсѣ—1 руб. 25 коп.); но и оно едва ли можетъ быть признано достаточно мотивированнымъ, если инструменты русскаго приготовленія, какъ признаетъ коммиссія, во многихъ случаяхъ не могутъ замѣнить заграничныхъ, а нѣкоторые необходимые инструменты у насъ еще вовсе не приготовляются. Съ другой стороны, трудно объяснить себѣ, почему коммиссія, справедливо признавая мелкую, кустарную промышленность наиболѣе нуждающеюся въ охраненіи, не установила различія въ пошлинѣ по вѣсу инструментовъ. Изъ числа другихъ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, наиболѣе легковѣсныя (вѣсомъ менѣе 5 фунтовъ въ штукѣ) обложены болѣе высокою пошлиною, именно въ видахъ покровительства нашимъ кустарямъ; то же самое могло бы быть сдѣлано и въ примѣненіи къ легковѣснымъ инструментамъ.

Изъ всѣхъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію особой коммиссіи, самую оживленную полемику возбудилъ вопросъ о пошлинахъ на машины. До сихъ поръ безпошлинно пропускались сельско-хозяйственныя машины и орудія (безъ паровыхъ двигателей), машины для обработки волокнистыхъ веществъ, бумагодѣлательныя, скоропечатныя, и еще нѣкоторые другіе снаряды; остальныя машины и при-

Digitized by Google

надежности къ нимъ—кромѣ паровозовъ и тендеровъ—оплачивались пошлиной въ 75 или 30 коп. съ пуда (смотря по тому, сдѣланы ли онѣ изъ мѣди или изъ другихъ металловъ). Пошлина на паровозы и тендеры была возвышена въ 1877 г. до 1 руб. 25 коп. съ пуда за первые и 50 коп. съ пуда за послѣдніе. Основаніемъ къ допущенію безпошлиннаго ввоза сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій послужило то обстоятельство, что онѣ уже въ 1868 г. (т.-е. въ моментъ изданія тарифа) выдѣлывались у насъ удовлетворительно и продавались по цѣнамъ иногда даже болѣе низкимъ, чѣмъ иностранныя машины этого рода; основаніемъ къ допущенію безпошлиннаго ввоза машинъ для обработки волокнистыхъ веществъ, а также бумагодѣлательныхъ и скоропечатныхъ, послужило, наоборотъ, приготовленіе этихъ машинъ исключительно за границей, и притомъ лишь въ немногихъ спеціальныхъ заведеніяхъ. Требованія заводчиковъ, давшія поводъ къ пересмотру приведенныхъ нами тарифныхъ постановленій, направлены, съ одной стороны, къ тому, чтобы уничтожить безпошлинный ввозъ машинъ, съ другой стороны—къ тому, чтобы возвысить существующія уже теперь пошлины на машины примѣрно до 1 руб. 25 коп. съ пуда, безъ всякихъ различій и исключеній. Коммиссія, въ виду предположенной отмѣны безпошлиннаго ввоза желѣза, признала нужнымъ уменьшить число машинъ, допущенныхъ къ безпошлинному ввозу, и повысить пошлины на остальныя. Какія именно машины по прежнему должны быть допускаемы безпошлинно, насколько именно должна быть возвышена пошлина на остальныя—по обоимъ этимъ вопросамъ въ коммиссіи, а затѣмъ и при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи дѣла, были высказаны разныя мнѣнія. Безпошлинный ввозъ одними признается необходимымъ для сельско-хозяйственныхъ машинъ, въ виду возрастающей дороговизны рабочихъ рукъ и увеличивающагося привоза на западно-европейскіе рынки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ изъ такихъ странъ, которыя прежде въ этомъ отношеніи не соперничали съ Россіей; другими—для тѣхъ машинъ, которыхъ еще не начали изготовлять въ Россіи. Что касается до возвышенія теперь уже существующей пошлины на машины (чугунныя, желѣзныя и стальныя; мѣдныхъ машинъ пересмотръ тарифа не коснулся), то предлагаемый размѣръ его колеблется между 15 и 70 коп.; пошлину въ 30 коп. съ пуда предполагается возвысить или до 45 коп., или до 70 коп., или до 1 рубля. Тѣ, которые стоятъ за отмѣну безпошлиннаго ввоза сельско-хозяйственныхъ машинъ, предлагаютъ для нихъ пошлину въ 30 к. съ пуда.

Итакъ, общій результатъ трудовъ коммиссіи клонится къ возвышенію пошлинъ на машины, къ ограниченію безпошлиннаго ихъ ввоза. И здѣсь, однако, ей не удалось удовлетворить нашихъ про-

Digitized by Google

текціонистовъ. „Коммиссія", сказано въ запискѣ общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, „болѣе всего, повидимому, заботилась о томъ, чтобы не обременять потребителей машинъ и не повліять неблагопріятно на ходъ нашей промышленности. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить того, что на сельско-хозяйственныя машины и орудія назначена пошлина только въ 30 коп. съ пуда, т.-е. менѣе пошлины, существующей на обыкновенное сортовое желѣзо. Понятно, что такая мѣра не будетъ содѣйствовать развитію у насъ производства земледѣльческихъ машинъ, подобно тому, какъ существующая пошлина въ 30 коп. на паровыя машины ничего не сдѣлала въ пользу развитія производства этихъ послѣднихъ, а потому нужно ждать, что наше машиностроеніе по прежнему останется въ полномъ застоѣ". Въ этой аргументаціи всего замѣчательнѣе первый упрекъ, дѣлаемый коммиссіи — упрекъ въ томъ, что она старалась не повліять неблагопріятно на ходъ нашей промышленности. Въ чемъ же другомъ могла состоять задача коммиссіи? Спеціальные интересы машиностроителей достаточно представлены ихъ съѣздами и экспертами, выбранными изъ ихъ среды; коммиссія призвана охранять не эти интересы, а общіе интересы русской промышленности или—лучше сказать — русскаго народа. Охранять или поощрять машиностроеніе въ ущербъ другимъ отраслямъ промышленности, въ особенности сельскому хозяйству—она не имѣла ни основанія, ни нравственнаго права. На столько ли, притомъ, машиностроеніе нуждается въ охранѣ, какъ это усиливается доказать записка общества? По словамъ записки, машиностроеніе, вслѣдствіе огражденія его недостаточно высокою пошлиною, находилось и находится въ полномъ застоѣ; оффиціальныя свѣдѣнія обнаруживаютъ противное. Число механическихъ заведеній увеличилось въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ болѣе чѣмъ всемеро, сумма ихъ производства—почти въ пятнадцать разъ; въ продолженіе восьми лѣтъ (1868—76) со времени обложенія машинъ тридцатикопѣечною пошлиною сумма производства механическихъ заведеній возрасла вдвое. Положимъ, что не всѣ механическія заведенія занимаются собственно машиностроеніемъ; но число заводовъ, на которыхъ приготовляются машины и аппараты разнаго рода, а также ихъ части и принадлежности, во всякомъ случаѣ весьма значительно (въ 1878 г.—90). О застоѣ машиностроительной промышленности не можетъ, слѣдовательно, быть и рѣчи, и главный аргументъ протекціонистовъ падаетъ самъ собою.

Обращаясь спеціально къ сельскохозяйственнымъ машинамъ, мы встрѣчаемся съ слѣдующими безспорными фактами. Съ одной стороны, число русскихъ мастерскихъ, занимающихся приготовленіемъ и починкой этихъ машинъ, доходитъ до 205, а сумма ихъ произ-

Digitized by Google

водства превышаетъ $4^1/_2$ милліона; съ другой стороны, машины русскаго приготовленія не вытѣсняютъ изъ употребленія иностранныхъ, потому что послѣднія отличаются лучшимъ выполненіемъ во всѣхъ частяхъ. Если безпошлинный ввозъ сельско-хозяйственныхъ машинъ не помѣшалъ развитію у насъ этой отрасли машиностроенія, но довести ее до желаннаго совершенства оказалась безсильной даже ничѣмъ не стѣсненная конкурренція иностранныхъ машинъ, то не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что ограниченіе конкурренціи, вовсе не нужное для существованія и успѣха промысла, повлекло бы за собою лишь еще бо́льшее ухудшеніе продукта? Небрежность въ выдѣлкѣ машинъ сдерживается, до извѣстной степени, именно возможностью пріобрѣтенія, по сходной цѣнѣ, заграничныхъ машинъ; съ вздорожаніемъ послѣднихъ исчезла бы и эта побудительная причина къ усовершенствованію производства или по крайней мѣрѣ къ сравнительной правильности его. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ безпошлинный ввозъ сельско-хозяйственныхъ машинъ былъ признанъ возможнымъ подъ условіемъ безпошлинной выписки машиностроителями чугуна и желѣза; въ настоящее время, машиностроеніе распространилось и окрѣпло у насъ настолько, что отмѣна льготъ по ввозу металла (въ особенности если будетъ допущенъ, для всѣхъ одинаково, безпошлинный ввозъ чугуна) вовсе не должна имѣть послѣдствіемъ прекращеніе безпошлиннаго ввоза сельско-хозяйственныхъ машинъ. Изъ числа заведеній, занимавшихся у насъ въ 1878 г. приготовленіемъ этихъ машинъ, только 28 употребляли для нихъ иностранный металлъ, получаемый безпошлинно, и притомъ употребляли его въ небольшомъ количествѣ; отмѣна льготы по привозу желѣза—и даже чугуна, если пошлина съ него останется въ силѣ—не можетъ, слѣдовательно, оказать замѣтнаго вліянія на русскихъ производителей земледѣльческихъ машинъ и не служитъ, сама по себѣ, достаточнымъ поводомъ къ отмѣнѣ безпошлиннаго ввоза такихъ машинъ изъ-за границы. По справедливому замѣчанію коммиссіи, немаловажную премію для внутренняго производства земледѣльческихъ машинъ составляетъ уже тяжеловѣсность ихъ и громоздкость, значительно увеличивающія стоимость ихъ перевозки и выгодность пріобрѣтенія ихъ у производителей, близкихъ къ мѣсту потребленія.

Образцомъ неразборчивости въ выборѣ аргументовъ, съ цѣлью достигнуть значительнаго возвышенія пошлинъ на всѣ вообще машины, можетъ служить разсчетъ, дѣлаемый протекціонистами по поводу предполагаемой отмѣны безпошлиннаго ввоза металловъ не въ дѣлѣ. Мы видѣли уже, что противъ этой послѣдней мѣры машиностроители, заинтересованные повидимому въ сохраненіи льготы, не возражаютъ; но почему? Потому что они выводятъ изъ нея необхо-

Digitized by Google

димость увеличенія пошлины на машины, въ размѣрѣ *полуторной* суммы той пошлины, которую придется платить за металлъ. По словамъ машиностроителей, изъ трехъ пудовъ желѣза получается, среднимъ числомъ, только два пуда издѣлія; каждый пудъ желѣза въ машинѣ соотвѣтствуетъ $1^1/_2$ пуда желѣза не въ дѣлѣ—отсюда добавочная пошлина *по меньшей мѣрѣ* въ $52^1/_2$ или 75 коп. на каждый пудъ вѣса машины (смотря по качеству желѣза), не говоря уже о добавочной пошлинѣ, проистекающей изъ потребности машиннаго производства въ бо́льшей противъ прежняго охранѣ. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ коммиссіею, обыкновенная потеря желѣза, при выдѣлкѣ изъ него механическихъ частей, составляетъ лишь отъ 15 до 20%.

Органы печати, стоящіе на сторонѣ протекціонистовъ, придаютъ громадное значеніе голосу экспертовъ, т.-е. представителей тѣхъ отраслей промышленности, объ охраненіи которыхъ идетъ дѣло. Особая коммиссія не спѣшитъ призывомъ и спросомъ экспертовъ—„Московскія Вѣдомости“ довольно грозно напоминаютъ ей объ исполненіи этой обязанности; она выслушиваетъ экспертовъ, но во многомъ не соглашается съ ними—общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ заявляетъ, что цѣль, съ которою призывались эксперты, не достигнута (кѣмъ?); что главный вопросъ—о чугунѣ—остался со стороны экспертовъ вовсе не разработаннымъ (между тѣмъ какъ именно ему посвящена самая обширная часть экспертизы), и что разрѣшеніемъ дѣла слѣдовало бы пріостановиться до новаго съѣзда горнозаводчиковъ и машиностроителей, во время нижегородской ярмарки. Чѣмъ шире и основательнѣе предварительная разработка вопроса, тѣмъ лучше—противъ этого никто не станетъ спорить; но не слѣдуетъ забывать, что эксперты въ тарифномъ дѣлѣ—не то, что эксперты передъ судомъ, въ гражданскомъ или уголовномъ процессѣ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ безпристрастными, чуждыми всякаго личнаго интереса представителями науки, искусства, ремесла, а съ людьми, выгоды которыхъ прямо зависятъ отъ того или другого разрѣшенія вопроса. Это не можетъ не отразиться на самомъ существѣ ихъ заключеній—на подборѣ и группировкѣ фактовъ, на освѣщеніи ихъ, иногда даже (мы только-что видѣли тому примѣръ) на точности приводимыхъ данныхъ. Опасность слишкомъ довѣрчиваго отношенія къ мнѣнію экспертовъ увеличивается тѣмъ, что оно не уравновѣшивается мнѣніемъ другой стороны, вовсе не представленной въ спорѣ: мнѣніемъ покупателей, потребителей, однимъ словомъ—мнѣніемъ общества. Послѣднее, конечно, можетъ найти для себя выраженіе въ печати—но въ печати раздаются голоса и въ пользу другой стороны, такъ что равновѣсіе этимъ путемъ возста-

Digitized by Google

новлено быть не можетъ. Притомъ, печать узнаетъ подробности дѣла, въ большинствѣ случаевъ, позже, чѣмъ такъ называемые эксперты, и съ меньшею полнотою. Своевременное оглашеніе предполагаемыхъ перемѣнъ было бы существенно-важнымъ средствомъ къ всесторонему ихъ обсужденію; но всего правильнѣе было бы противопоставить мнѣнію *экспертовъ* мнѣніе земскихъ учрежденій. Если потребители—въ то же самое время и производители, не менѣе крупные, чѣмъ тѣ, объ охраненіи которыхъ идетъ рѣчь, то всегда можно ожидать того, что случилось на съѣздѣ 1875 г.—компромисса двухъ представленныхъ сторонъ на счетъ третьей, не представленной. Машиностроители—являющіеся потребителями по отношенію къ горнымъ заводчикамъ—согласились на отмѣну невыгоднаго для послѣднихъ безпошлиннаго ввоза металловъ, подъ условіемъ возвышенія пошлины на машины—passez-moi la rhubarbe, je vous passerai le séné. Въ накладѣ остались только покупщики машинъ и орудій, за которыми стоитъ вся масса покупщиковъ хлѣба. Экспертами съ ея стороны могутъ быть только мѣстные представители всѣхъ слоевъ населенія.

Пока тарифные вопросы разрѣшаются безъ выслушанія *этихъ* экспертовъ, охраненіе интересовъ населенія лежитъ всецѣло на правительственныхъ сферахъ—и мы видѣли уже, что оно не было упущено изъ виду особою коммиссіею, пересматривавшею постановленія о пошлинахъ на металлъ, металлическія издѣлія и машины. „Московскимъ Вѣдомостямъ“ чрезвычайно пришелся по сердцу протестъ предсѣдателя московскаго биржевого комитета (въ рѣчи, обращенной въ сентябрѣ прошлаго года къ г. министру финансовъ) противъ „тяжелаго гнета иноземныхъ ученій, пагубно вліявшихъ на развитіе отечественной промышленности“, противъ „враждебныхъ началъ, которыя стремятся поколебать и умалить значеніе матеріальнаго благосостоянія нашего отечества“; онѣ напомнили о немъ и по поводу дѣятельности особой коммиссіи. Другой органъ протекціонизма упомянулъ, по тому же поводу, о финансовой *кружковщинѣ*. Въ настоящемъ случаѣ всѣ эти намеки прошли, повидимому, безслѣдно; но для предупрежденія ихъ на будущее время, финансовой администраціи слѣдовало бы смѣло раздвинуть рамки экспертизы и дать широкое примѣненіе правилу: audiatur et altera pars. Тогда было бы яснѣе видно, кто защищаетъ интересы кружковъ, кто—интересы цѣлаго общества.

При заключеніи нашей хроники, намъ пришлось прочесть въ „Отголоскахъ“ (15-го іюня) отзывъ на одну изъ тэмъ Внутренняго Обозрѣнія іюньской книги журнала, а именно на ту, которая была посвящена разсмотрѣнію вопроса о современномъ положеніи нашей

Digitized by Google

печати. Между прочимъ, у насъ было замѣчено, что „Отголоски“ говорили недавно о томъ же предметѣ, но мы нашли высказанное ими мнѣніе о томъ, будто „нѣтъ правильнаго основанія желать закона болѣе льготнаго и ожидать болѣе льготнаго его примѣненія“ — по меньшей мѣрѣ неожиданнымъ и черезчуръ скромнымъ. По поводу-то этого, „Отголоски“, не желая быть обвиненными въ скромности желаній, говорятъ теперь: „Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ мы никакой особой скромности не обнаружили, и что выраженная нами мысль оправдывается всѣмъ содержаніемъ нашей статьи и въ особенности ея заключительными словами: „Можно иногда не высказываться, не потому, что говорить *не дозволено*, а потому, что говорить *неудобно*“. Тѣ неудобства, которые мы (т.-е. „Отголоски“) разумѣли, не зависятъ отъ законовъ о печати“. Намъ же кажется, что въ настоящемъ случаѣ, „Отголоски“, хотя бы и не намѣренно, допустили такъ-называемую игру словъ, основанную на довольно тонкомъ различіи понятія „недозволеннаго“ и „неудобнаго“. Въ практикѣ печати эти два выраженія совершенно тожественны и употребляются постоянно одно вмѣсто другого, а именно, всякій разъ, когда газета хочетъ сказать, что о томъ или другомъ предметѣ говорить не дозволено, она заявляетъ, что объ этомъ ей говорить неудобно. Но, положимъ, „Отголоски“ не хотятъ признавать этого usus и потребуютъ отъ насъ допустить различіе между „недозволеннымъ“ и „неудобнымъ“; въ такомъ случаѣ мы уступимъ имъ „неудобное“, и будемъ говорить только о „недозволенномъ“; пусть „неудобное“ не зависитъ отъ законовъ о печати, но „Отголоски“ не скажутъ того же о „недозволенномъ“: оно, по общему признанію, должно находиться въ тѣснѣйшей связи съ законами о печати, а именно потому-то мы и находили, что „Отголоски“ весьма неожиданно высказали мысль объ отсутствіи „правильнаго основанія желать закона болѣе льготнаго, чѣмъ нынѣ дѣйствующій, и ожидать болѣе льготнаго его примѣненія“. Пусть понятіе „неудобства“ не зависитъ отъ закона о печати, но понятіе „недозволеннаго“ состоитъ съ нимъ въ органической связи: доказательствомъ тому служитъ и то, что законъ 1865 г. имѣлъ обширныя дополненія, вслѣдствіе чего область „недозволеннаго“ увеличивалась, и то, что̀ годъ тому назадъ было дозволено—дѣлалось недозволеннымъ.

Далѣе, „Отголоски“ повторяютъ высказанный ими прежде отзывъ объ удовлетворительности степени свободы нашей печати, и присоединяютъ къ тому слышанный въ редакціи и весьма оригинальный отзывъ о томъ, „что, слѣдя за статьями нашей прессы по самымъ разнородимъ предметамъ и наблюдая за ея общимъ направленіемъ, *трудно* дать себѣ отчетъ въ томъ, *чѣмъ* именно она стѣсняется или

Digitized by Google

стѣснена; во всякомъ случаѣ, мы желали бы, чтобы насъ по этому предмету наставилъ тотъ почтенный журналъ, которому мы отвѣчаемъ, и притомъ наставилъ бы нѣсколько *опредѣленнѣе*, чѣмъ въ той іюньской статьѣ, гдѣ упомянуто о нашей скромности". Если бы мы затруднились исполнить въ точности желаніе „Отголосковъ", то мы могли бы довольствоваться ссылкою на нихъ же; ниже они сами говорятъ: „Мы признаемся, что чувствуемъ себя постоянно стѣсненными — въ извѣстной мѣрѣ или до извѣстной степени — при изложеніи нашихъ мыслей и вынужденными старательно взвѣшивать наши выраженія", т.-е. не говорить очень опредѣленно. Да вѣдь и мы, и всѣ органы печати должны признаться въ томъ же самомъ. Но далѣе „Отголоски" прибавляютъ, что ихъ стѣсняетъ въ этомъ случаѣ не законъ 1865 г. и не главное управленіе по дѣламъ печати: „Мы только опасаемся повредить дѣлу защиты тѣхъ началъ, которыя мы защищаемъ". Но и мы не жаловались ни на законъ 1865 г., ни на главное управленіе по дѣламъ печати, а, напротивъ, говорили, что было бы желательно на первый разъ хоть полное возстановленіе закона 1865 г., что̀ дало бы мѣсто опять и суду въ дѣлахъ печати. „Отголоски" же признаютъ законъ 1865 г. вовсе нестѣснительнымъ, и въ то же время ничего не имѣютъ противъ позднѣйшихъ его ограниченій, называемыхъ дополненіями. Именно для того, чтобы мы могли исполнить когда-нибудь желаніе „Отголосковъ" и отвѣчать на ихъ запросъ *опредѣленнѣе*,—для того-то и нужно, чтобъ законъ о печати былъ—если не пересмотрѣнъ, то возстановленъ въ томъ видѣ, какъ онъ дѣйствовалъ „во времена Сѣверной Почты", которыя въ „Отголоскахъ" противопоставляются „временамъ Правительственнаго Вѣстника", съ указаніемъ преимущества первыхъ предъ послѣдними.

Болѣе опредѣленно мы выразиться не можемъ; въ заключеніе, укажемъ развѣ только на небольшую неловкость, съ которою газета опровергаетъ необходимость суда въ дѣлахъ печати, и тѣмъ даетъ въ руки противника оружіе противъ себя: „Судебное мѣсто — разсуждаютъ „Отголоски" — коллегіально разсматривающее цѣлую книгу и обращающее свои приговоры въ *подражаніе* отдѣламъ критики ежемѣсячныхъ журналовъ, намъ представляется въ такомъ затруднительномъ положеніи, въ какое главному управленію по дѣламъ печати весьма естественно должно казаться неудобнымъ его ставить". Итакъ, главное управленіе, по словамъ „Отголосковъ", не прибѣгаетъ къ суду только для того, чтобъ не поставить судъ въ неловкое и неприличное для него положеніе подражателя журнальнымъ критикамъ—и, значитъ, великодушно беретъ на себя эту неудобную для суда роль журнальнаго критика: вотъ вѣдь какой выводъ прихо-

Digitized by Google

дится сдѣлать изъ аргументаціи „Отголосковъ“. Но если роль журнальнаго критика неумѣстна для суда, то она не можетъ быть умѣстна и для главнаго управленія. Такимъ способомъ можно легко объяснить и доказать все; мы беремся, напримѣръ, этимъ путемъ изъять изъ вѣдомства суда не только книги, но и людей: такъ какъ, молъ, сужденія надъ людьми высказываются фельетонистами, то полиція можетъ счесть неудобнымъ доводить суды до необходимости обращать свои приговоры въ подражаніе тѣмъ отдѣламъ газетъ, которые называются фельетонами, и ставить судебное мѣсто въ такое несвойственное ему положеніе. Вотъ это — настоящее „côtoiement de la verité“, въ которомъ „Отголоски“ упрекаютъ насъ болѣе мягко, нежели справедливо, обвиняя притомъ еще въ „инсинуаціи“, которую газета усмотрѣла у насъ — risum teneatis, amici — въ „четырехъ точкахъ!“ Въ чемъ бы еще могли обвинить насъ „Отголоски“, если бы у насъ оказалось пять точекъ!!

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

11/23 іюня, 1880.

LIX.

ФЛОВЕРЪ, КАКЪ ПИСАТЕЛЬ И ЧЕЛОВѢКЪ.

Если я когда-нибудь напишу свои мемуары, то одной изъ самыхъ дорогихъ для меня страницъ въ нихъ будетъ настоящій этюдъ... Я постараюсь собрать воедино свои воспоминанія о Гюставѣ Флоберѣ, знаменитомъ и дорогомъ другѣ, котораго мы недавно лишились. Быть можетъ, эти воспоминанія будутъ нѣсколько отрывочны, но я желаю одного—быть точнымъ и обстоятельнымъ. Мнѣ кажется, что мы обязаны представить въ настоящемъ свѣтѣ этого великаго писателя, мы, жившіе его жизнью въ послѣднія десять лѣтъ его существованія. Чѣмъ ближе его узнаютъ, тѣмъ сильнѣе его полюбятъ, и кромѣ того, —всегда умѣстно разрушать легенды. Я думаю, что могу доставить необходимыя данныя, полезныя для литературы. Какимъ сокровищемъ обладали бы мы, если бы на другой день послѣ кончины Мольера кто-нибудь изъ его друзей пересказалъ намъ его исторію, какъ человѣка, и разъяснилъ его, какъ писателя, путемъ добросовѣстнаго анализа, подкрѣпленнаго непосредственнымъ наблюденіемъ! Вотъ именно этотъ самый трудъ я попытаюсь сдѣлать относительно Гюстава Флобера. Въ былое время я судилъ о немъ только какъ о писателѣ; теперь же я желаю изобразить человѣка всего, какъ онъ есть, съ головы до ногъ, съ мясомъ и костями, чтобы устранить необходимость комментаріевъ въ дальнѣйшемъ будущемъ. И безъ того слишкомъ много пошлостей пущено въ ходъ; пора сказать правду.

I.

Смерть Гюстава Флобера была для всѣхъ насъ ударомъ грома. За шесть недѣль передъ тѣмъ, въ Свѣтлое Воскресенье, мы, т.-е. Гонкуръ, Додэ, Шарпантье и я, привели въ исполненіе давнишній замыселъ, а именно, отправились въ гости на цѣлые сутки къ Флоберу въ Круассѐ; уѣхали отъ него въ восторгѣ отъ своей затѣи, растроганные его отеческимъ гостепріимствомъ, и назначили себѣ rendez-vous въ Парижѣ, въ первыхъ числахъ мая,—время, когда онъ долженъ былъ

Digitized by Google

пріѣхать въ Парижъ на два мѣсяца. Въ субботу, 8-го мая, я находился въ Медонѣ, куда перебрался дня за три передъ тѣмъ, и садился обѣдать, радуясь окончанію хлопотъ по переѣзду и мечтая на завтра засѣсть серьёзно за работу, какъ вдругъ пришла телеграмма. Въ деревнѣ, всякій разъ, какъ я получаю телеграмму, у меня слегка сжимается сердце, въ предчувствіи дурной вѣсти. Однако, въ этотъ вечеръ я былъ весело настроенъ; всѣ мои были со мной, и смѣясь, я сказалъ, что авось телеграмма не помѣшаетъ намъ пообѣдать. Раскрывъ ее, я прочиталъ всего два слова: „Флоберъ умеръ". Мнѣ телеграфировали эти два слова, безъ всякихъ объясненій. Ударъ обухомъ по головѣ.

Мы оставили Флобера такимъ веселымъ, здоровымъ, довольнымъ тѣмъ что кончаетъ свою книгу! Ничья смерть не могла сильнѣе поразить и огорчить меня. До самаго вторника, дня похоронъ, онъ неотступно стоялъ передо мной; какъ тѣнь преслѣдовалъ меня, въ особенности ночью; онъ выросталъ передо мной каждую минуту, и вмѣстѣ съ тѣмъ меня давилъ холодный ужасъ сознанія: я больше никогда его не увижу. Я былъ какъ-бы оглушенъ, но по временамъ все во мнѣ возмущалось. Во вторникъ утромъ, я отправился въ Руанъ; мнѣ приходилось идти пѣшкомъ по полямъ до сосѣдней станціи; утро было роскошное; солнце золотистыми стрѣлами пронизывало листву деревъ, изъ которой неслось щебетаніе птицъ, свѣжій вѣтерокъ дулъ съ Сены и проносился какъ свѣжее дыханіе жаркаго утра. Слезы навернулись у меня на глазахъ, когда я остался наединѣ съ самимъ собою среди улыбающихся полей, и слышалъ стукъ своихъ шаговъ по камешкамъ тропинки. Я думалъ о немъ; я говорилъ себѣ, что все кончено, что онъ не увидитъ больше солнца.

Въ Мантѣ я сѣлъ на курьерскій поѣздъ. Додэ ѣхалъ съ этимъ же поѣздомъ съ нѣсколькими писателями и журналистами, давшими себѣ трудъ отправиться на похороны; малочисленность ихъ сжимала намъ сердце; тутъ были и репортеры, отправлявшіе свое ремесло съ бездушіемъ, отъ котораго намъ приходилось подъ-часъ тяжело. Гонкуръ и Шарпантье, выѣхавшіе наканунѣ, находились уже въ Руанѣ. Насъ ждалъ экипажъ на станціи, и мы снова совершили съ Додэ ту поѣздку, которая такъ радовала насъ шесть недѣль тому назадъ. Но намъ не пришлось ѣхать до Круассѐ. Не успѣли мы съѣхать съ дороги въ Кантлё, какъ нашъ кучеръ остановился и прижался къ изгороди. На встрѣчу намъ двигался похоронный поѣздъ, но его еще маскировала группа деревьевъ, росшихъ на перекресткѣ. Мы вышли изъ экипажа и сняли шляпы. Какъ ни сильно былъ я огорченъ, но тутъ испыталъ новое потрясеніе. Нашъ добрый и великій Флоберъ какъ будто ѣхалъ на встрѣчу намъ, лежа въ сво-

Digitized by Google

емъ гробу. Я все еще какъ будто видѣлъ его въ Круассѐ, какъ онъ вышелъ къ намъ изъ дому и звонко расцѣловалъ насъ въ обѣ щеки. А теперь вотъ опять новая встрѣча,—на этотъ разъ послѣдняя. Онъ опять шелъ къ намъ, какъ-бы для привѣтствія. Когда я увидѣлъ похоронныя дроги съ ихъ драпировкой, лошадей, выступавшихъ шагомъ и направлявшихся къ намъ, смертельный холодъ оковалъ меня, и я весь задрожалъ. Направо, налѣво тянулись луга; изгороди пересѣкаютъ траву, тополи перерѣзываютъ небо; то былъ тѣнистый уголокъ сытой Нормандіи, зеленѣвшей подъ золотистыми лучами солнца. А дроги двигались себѣ да двигались среди зелени, подъ обширнымъ небомъ. На одномъ лугу, съ краю дороги, удивленная корова протягивала свою морду черезъ изгородь; когда тѣло проѣхало мимо, она принялась мычать, и это кроткое и протяжное мычанье, среди безмолвія полей, покрывавшее стукъ лошадиныхъ копытъ и колесъ, казалось какъ-бы голосомъ изъ дали, какъ-бы рыданіемъ тѣхъ полей, которыя такъ любилъ великій покойникъ. Я никогда не забуду этой жалобы звѣря.

Тѣмъ временемъ мы съ Додэ стояли у края дороги, безмолвные и блѣдные. Намъ не зачѣмъ было говорить, мы думали объ одномъ и томъ же: когда колеса похоронныхъ дрогъ задѣли насъ, мимо проѣзжалъ нашъ „vieux“—и въ этомъ словѣ вылилась вся наша нѣжность къ нему, какъ къ другу и къ учителю. Послѣднія десять лѣтъ нашей литературной жизни вставали передъ нами. Между тѣмъ дроги двигались все дальше и дальше вдоль луговъ и изгородей, и когда они проѣхали, мы пожали руки Гонкуру и Шарпантье и обмѣнялись незначительными словами, глядя другъ на друга удивленнымъ и утомленнымъ взглядомъ, который является у людей во время крупныхъ катастрофъ. Я оглянулся на кортежъ: насъ было не болѣе двухсотъ человѣкъ провожатыхъ. Затѣмъ я смѣшался съ толпой.

Между тѣмъ, поѣздъ, добравшись до большой дороги въ Кантлё, повернулъ и сталъ подниматься въ гору. Круассѐ—небольшая деревушка, раскинувшаяся на берегахъ Сены и принадлежащая къ приходу Кантлё, гдѣ старинная церковь высится на холмѣ, среди деревьевъ. Дорога превосходная, широкая, и тянется вдоль луговъ и хлѣбныхъ полей; по мѣрѣ того, какъ поднимаешься въ гору, равнина уходитъ вдаль, громадный горизонтъ раскидывается на необозримое пространство, и открывается видъ на Сену, теряющуюся среди селъ и лѣсовъ. Слѣва, Руанъ раскинулъ сѣрое море своихъ крышъ, а направо голубоватый дымокъ уходитъ въ небо. Вдоль этого гребня, немного крутого, кортежъ нѣсколько поразстроился. На каждомъ поворотѣ дроги исчезали въ зелени, потомъ снова показывались возлѣ какого-нибудь поля съ овсомъ, откуда развѣвающіяся драпи-

Digitized by Google

ровка прогоняла стаи воробьевъ. Облака ходили по небу, которое было такъ чисто поутру, и минутами проносились порывы вѣтра, поднимавшаго бѣлую пыль, искрившуюся на солнцѣ. Мы были уже съ ногъ до головы покрыты пылью, а подъемъ все еще не кончился, горизонтъ все еще расширялся. Это погребальное шествіе, двигавшееся среди полей, въ виду долины, имѣло величественный характеръ. Въ хвостѣ, штукъ тридцать каретъ, почти всѣ пустыя, съ трудомъ поднимались въ гору.

Тутъ Мопассанъ сообщилъ мнѣ нѣсколько подробностей о послѣднихъ минутахъ Флобера. Онъ прибѣжалъ въ самый вечеръ его кончины и еще нашелъ его на диванѣ, гдѣ его сломилъ апоплексическій ударъ. Флоберъ жилъ на холостую ногу, и у него въ домѣ была только одна служанка. Наканунѣ, въ минуту откровенности, онъ сказалъ этой женщинѣ, что онъ очень доволенъ: книга его: „Bouvard et Pécuchet", окончена, и онъ долженъ уѣхать въ воскресенье въ Парижъ. Въ субботу утромъ онъ взялъ ванну, потомъ вернулся въ кабинетъ, гдѣ вскорѣ почувствовалъ себя нехорошо. Такъ какъ онъ былъ подверженъ нервнымъ припадкамъ, послѣ которыхъ съ нимъ бывали обмороки, то онъ и подумалъ, что съ нимъ начинается припадокъ, и нисколько не испугался. Однако позвалъ служанку и поручилъ ей сходить за докторомъ Фортеномъ, жившимъ по сосѣдству. Затѣмъ передумалъ, велѣлъ ей остаться и приказалъ разговаривать съ нимъ: во время припадковъ онъ чувствовалъ потребность сознавать, что около него есть живые люди. Но все-таки онъ не испытывалъ ни малѣйшаго страха, разговаривалъ, замѣчая, что было бы гораздо хуже, если бы припадокъ случился съ нимъ завтра, на дорогѣ; онъ жаловался, что видитъ все кругомъ себя въ желтомъ свѣтѣ и удивлялся, что у него нашлось еще столько силы, чтобы откупорить флаконъ съ эфиромъ, за которымъ онъ сходилъ въ свою спальню. Затѣмъ, вернувшись въ кабинетъ, вздохнулъ и объявилъ, что чувствуетъ себя лучше. Однако ноги у него подкашивались, и онъ присѣлъ на турецкій диванъ, занимавшій уголъ комнаты. И тамъ вдругъ, не произнеся ни слова, Флоберъ опрокинулся назадъ; онъ былъ мертвъ. Безъ сомнѣнія, онъ и не почувствовалъ, какъ умеръ. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ думали, что онъ находится въ летаргіи. Но кровь бросилась въ горло, вокругъ котораго апоплексія обвила черное ожерелье, точно будто задушила его. Добрая смерть, завидный ударъ обухомъ; это заставило меня пожелать для самого себя и для всѣхъ, кого я люблю, точно также уничтожиться, подобно червяку, раздавленному гигантскимъ перстомъ.

Мы подходили къ церкви, романской башнѣ, на которой колоколъ гудѣлъ похоронно. Подъ портикомъ, заграждая собой входныя двери,

Digitized by Google

четверо крестьянъ повисли на веревкѣ и раскачивали ее во всю мочь. Гробъ сняли съ дрогъ, и онъ былъ такъ великъ, что носильщики гнулись подъ его тяжестью. Всю мою жизнь буду помнить отпѣваніе нашего добраго и дорогого Флобера въ этой сельской церкви. Я стоялъ на хорахъ, напротивъ пѣвчихъ. Ихъ было пятеро; они выстроились въ рядъ передъ разстроенными клавикордами, взгромоздясь на табуретки, точно японскія куклы, насаженныя на палки,—пятеро деревенскихъ олуховъ, одѣтыхъ въ грязные подрясники, изъ-подъ которыхъ виднѣлись ихъ толстые башмаки; пятеро чучелъ, кирпичнаго цвѣта, точно вырубленныхъ топоромъ изъ дерева; скосивъ ротъ на сторону, они ревѣли по-латыни. Этому конца не было: они ошибались, пропускали реплику, точно плохіе актеры, не знающіе своей роли. Одинъ изъ нихъ молодой, очевидно сынъ старика, стоявшаго рядомъ, отличался рѣзкимъ, раздирающимъ голосомъ, напоминавшимъ крики животнаго, котораго рѣжутъ. Вся эта холодная церковь, гдѣ мы дрожали отъ холода, придя съ солнечнаго припека, выказывала равнодушіе, оскорблявшее меня. Въ Парижѣ, за роскошью драпировокъ, за величественными звуками органа, эта торгашеская банальность, эта безпечность, порождаемая привычкой, хоть сколько-нибудь скрадывается. Но здѣсь слышался только стукъ каждой горсти земли, бросаемой подъ звуки латинскихъ текстовъ.

Выдти изъ церкви всѣмъ намъ было большимъ облегченіемъ. И кортежъ пустился въ обратный путь. Намъ надобно было дойти до Руана, пройти весь городъ и добраться до Монументальнаго кладбища,—въ общей сложности приходилось сдѣлать около семи километровъ. Дроги медленно ѣхали, поѣздъ растянулся по дорогѣ, экипажи слѣдовали позади. Но, войдя въ городъ, поѣздъ тѣснѣе сблизился, друзья Флобера чередовались у колесницы, поддерживая кисти катафалка. Насъ было теперь всѣхъ провожатыхъ человѣкъ около трехъсотъ. Я не хочу никого называть, но многіе отсутствовали, которыхъ всѣ разсчитывали встрѣтить тутъ. Изъ современниковъ Флобера, одинъ Эдмондъ Гонкуръ явился на печальное rendez-vous. Затѣмъ были все молодые люди, друзья послѣднихъ лѣтъ. Понятно еще, что многіе не рѣшились пріѣхать изъ Парижа: тридцать слишкомъ льё могутъ испугать слабое здоровье и старинную дружбу. Но что непонятно, что непростительно, такъ это то, что Руанъ, весь Руанъ не послѣдовалъ за тѣломъ одного изъ своихъ самыхъ знаменитыхъ сыновъ. Намъ возражали, что руанцы, будучи коммерсантами, интересуются литературой какъ прошлогоднимъ снѣгомъ. Однако, въ такомъ большомъ городѣ должны же быть профессора, адвокаты, медики, цѣлое образованное населеніе, читающее книги и которое

Digitized by Google

должно же знать хотя бы только „Madame Bovary"; въ немъ должны быть коллежи, молодые люди, влюбленные, умныя женщины, наконецъ образованные люди, и они должны же были изъ газетъ узнать объ утратѣ, понесенной французской литературой. И что же! никто не тронулся съ мѣста; едва-ли можно было насчитать двѣсти руанцевъ въ жидкомъ кортежѣ,—вмѣсто громадной толпы, вмѣсто гигантскаго хвоста людей, какой мы ожидали встрѣтить. До самыхъ воротъ города мы воображали, что Руанъ ждетъ насъ тамъ, чтобы присоединиться къ шествію. Но мы нашли у воротъ только пикетъ солдатъ, традиціонный пикетъ, который считается обязательнымъ для всякаго умершаго кавалера почетнаго легіона; банальная почесть, жалкая иронія, показавшаяся намъ оскорбительной для такого великаго покойника! Вдоль набережной, затѣмъ вдоль улицы, по которой мы шли, нѣсколько кучекъ буржуа любопытно глазѣли на насъ. Многіе не знали даже, кто былъ этотъ покойникъ, котораго везли, и когда имъ называли Флобера, они припоминали только отца и брата великаго романиста, обоихъ медиковъ, имя которыхъ было популярно въ городѣ. Тѣ же, которые знали въ чемъ дѣло и читали газеты, пришли поглазѣть на парижскихъ журналистовъ. Никакого признака грусти на физіономіяхъ этихъ зѣвакъ. Городъ—ушедшій въ наживу, отупѣвшій, грубо невѣжественный. Я вспоминалъ про наши южные города, про Марсель, напримѣръ, который тоже завязъ въ торговлѣ по уши,—весь Марсель сбѣжался бы на проводы, если бы онъ лишился такого великаго гражданина, какъ Флоберъ. Истина въ томъ, что Флоберъ, наканунѣ своей смерти, былъ неизвѣстенъ четыремъ-пятымъ Руана и ненавидимъ остальной пятой. Вотъ вамъ и слава.

Бульвары съ крутымъ подъемомъ, крутыя улицы ведутъ на Монументальное кладбище, господствующее надъ городомъ. Дроги двигались еще медленнѣе; разбившись на безпорядочныя кучки, задыхаясь отъ усталости, покрытые пылью и съ пересохшимъ горломъ, оканчивали мы свое траурное путешествіе. Внизу, у самыхъ воротъ, большіе кусты сирени наполняютъ благоуханіемъ кладбище; затѣмъ аллеи идутъ вверхъ и теряются въ зелени, а гробницы, расположенныя этажами, бѣлѣютъ на солнцѣ. Но наверху взоры наши приковалъ открывающійся оттуда видъ; у ногъ нашихъ городъ растилался окутанный сизой дымкой, съ краевъ которой, позолоченныхъ солнцемъ, сыпался дождь красныхъ искръ, и при этомъ драматическомъ освѣщеніи вставалъ передъ нами средневѣковой городъ съ своими шпицами и башенками, своими готическими зданіями, своими узкими улицами и безпорядочными кучами разнокалиберныхъ крышъ. Всѣмъ намъ пришла въ голову одна и та же мысль: какимъ образомъ Флоберъ, весь

Digitized by Google

пропитанный романтизмомъ 1830 г., нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не помѣстилъ этого города, представшаго передъ нами точно изъ какой-нибудь баллады Виктора Гюго? Правда, существуетъ описаніе панорамы Руана въ „Madame Bovary", но это описаніе замѣчательно сдержанное, и старинный готическій городъ въ немъ совершенно стушевывается. Мы касаемся здѣсь одного изъ противорѣчій въ литературномъ темпераментѣ Флобера, которое я постараюсь объяснить.

Могила Луи Буйе находится рядомъ съ фамильной гробницей Гюстава Флобера, и тѣло романиста проѣхало мимо поэта, друга его дѣтства, который спитъ здѣсь уже цѣлыхъ десять лѣтъ. Эти два монумента глядятъ на городъ съ высоты зеленаго холма. Гробъ пронесли черезъ лужайку; любопытные, почти всѣ изъ простонародья, бросились на кладбище, запрудили узкія тропинки вокругъ гробницы, такъ что кортежъ могъ подойти къ ней лишь съ трудомъ. Согласно мнѣнію, не разъ высказанному Флоберомъ, рѣчей не было. Только старинный другъ, Гюставъ Лапьерръ, редакторъ „Nouvelliste de Rouen", сказалъ нѣсколько словъ. И затѣмъ произошелъ эпизодъ, который всѣхъ насъ страшно разстроилъ: когда гробъ опустили въ склепъ, то этотъ гробъ, чрезмѣрно громадный, гробъ великана, никакъ не могъ войти. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, могильщики, предводительствуемые худощавымъ человѣкомъ въ широкополой черной шляпѣ, фигурѣ какъ-бы выхваченной живьемъ изъ „Han d'Islande", выбивались изъ силъ; но гробъ, опущенный головой внизъ, ни за что не хотѣлъ двигаться ни вверхъ, ни внизъ, и слышно было, какъ веревки скрипѣли, а дерево трещало. Это было ужасно; племянница, которую такъ любилъ Флоберъ, рыдала у порога склепа. Наконецъ, послышались голоса: „довольно, довольно, погодите, потомъ"! Мы ушли, оставивъ нашего „vieux" до половины закопаннымъ въ землю.

Внизу на пристани, когда, разстроенные, измученные усталостью и горемъ, мы пришли вмѣстѣ съ Додэ въ гостинницу, гдѣ стоялъ Гонкуръ, играла военная музыка, возлѣ статуи Бозльдьё. Кофейни были биткомъ набиты народомъ, буржуа прогуливались, весь городъ имѣлъ праздничный видъ. Послѣполуденное солнце, заливавшее набережныя, зажигало Сену, и золотые зайчики играли на бѣлыхъ фасадахъ ресторановъ, гдѣ очаги уже горѣли, издавая запахъ всякихъ яствъ. Въ одномъ кабачкѣ цѣлая орава репортеровъ и голодныхъ поэтовъ заказывала себѣ нормандскую камбалу. Ахъ! какая это печальная исторія—похороны дорогого намъ друга!

Digitized by Google

II.

Я могу сообщить мало біографическихъ подробностей. Флоберъ былъ скроменъ на этотъ счетъ; кромѣ того, я очень поздно познакомился съ нимъ, въ 1869 г. Другу дѣтства, или же довѣренному лицу, надлежитъ разсказать намъ его жизнь. Что касается меня, то я удовольствуюсь тѣмъ, что отмѣчу здѣсь то, что́ мнѣ хорошо извѣстно, и, главное, постараюсь выяснить человѣка и писателя, основываясь на томъ, что́ онъ мнѣ самъ разсказывалъ, и на томъ, что́ я могъ наблюсти.

Однако мнѣ нельзя не отмѣтить главныхъ чертъ его жизни. Онъ родился въ Руанѣ, въ 1821 г. Отецъ его, Ашиль Флоберъ, былъ талантливый медикъ, и его доброе сердце и безукоризненная честность стали легендарными. Въ этой школѣ молодой Гюставъ росъ добрымъ, честнымъ и мужественнымъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что онъ былъ достойный сынъ своего отца, и унаслѣдовалъ отъ него свой очаровательный нравъ, который дѣлалъ его такимъ дорогимъ для насъ,—нравъ, представлявшій черты колосса и ребенка. Онъ учился въ Руанѣ и въ дѣтствѣ свелъ знакомство съ Луи Бульé и графомъ д'Осмуа въ пансіонѣ, про который онъ намъ разсказывалъ иногда весьма забавныя исторіи. Дѣтство его и юность были дѣтствомъ и юностью мальчика изъ достаточной и образованной семьи, усердно воспитывавшей его, но не стѣснявшей его наклонностей. Онъ съ раннихъ поръ почувствовалъ страсть къ литературѣ, и не думаю, чтобы ему когда-либо приходило въ голову избрать себѣ какую-нибудь профессію; по крайней мѣрѣ онъ объ этомъ никогда не говорилъ и даже не думалъ серьёзно о медицинѣ, какъ это утверждали. Изъ этой эпохи онъ вспоминалъ съ наибольшимъ удовольствіемъ о прогулкахъ по Руану съ Луи Бульé. Я всегда думалъ, что „Education sentimentale“ во многихъ страницахъ содержитъ исповѣдь, родъ автобіографіи, составленной изъ воспоминаній, собранныхъ понемножку отовсюду. И весьма возможно, если оставить въ сторонѣ требованія интриги романа, что великая дружба Фредерика и Делорье есть отголосокъ дружбы Флобера и Булье. Какъ и Фредерикъ, Флоберъ пріѣхалъ изучать право въ Парижъ, гдѣ Булье долженъ былъ позднѣе съ нимъ съѣхаться.

Въ эту эпоху, девятнадцати лѣтъ отъ роду, онъ совершилъ свое первое путешествіе; не могу сказать, доѣхалъ ли онъ до Италіи, но помню, что онъ часто разсказывалъ мнѣ о своемъ проѣздѣ черезъ Марсель, гдѣ у него было любовное похожденіе. Я дальше поговорю объ его отношеніяхъ къ женщинамъ, которыя, впрочемъ, занимали

Digitized by Google

весьма мало мѣста въ его жизни. Въ Парижѣ онъ усердно занимался, но по временамъ сильно кутилъ. Не будучи свѣтскимъ человѣкомъ, онъ жилъ широко. Уже съ этой эпохи онъ стоялъ одной ногой въ Парижѣ, а другой въ Руанѣ; отецъ его купилъ дачу въ Круассе въ 1842 г., и онъ подолгу проживалъ тамъ. Перечитывая недавно жизнь Корнеля, я былъ пораженъ сходствомъ, которое она представляетъ съ жизнью Флобера. Два крупныхъ факта отмѣчаютъ его существованіе: путешествіе на Востокъ, совершонное имъ въ 1852 г., и путешествіе, предпринятое имъ позднѣе, къ развалинамъ Карѳагена, когда онъ писалъ „Salammbô“. Внѣ этихъ поѣздокъ, онъ всегда велъ ту самую жизнь, какой мы были свидѣтелями въ послѣдніе годы, жизнь трудовую; онъ проводилъ долгіе мѣсяцы въ Круассѣ, затѣмъ пріѣзжалъ искать разсѣянія въ Парижъ, принимая приглашенія на обѣды, принималъ у себя друзей по воскресеньямъ, ночи же все-таки проводилъ за рабочимъ столомъ. Въ этомъ вся его біографія; можно помѣтить все это болѣе точными числами, но главныя черты останутся неизмѣнными.

Домъ въ Круассе очень старинной постройки, исправленной и расширенной въ концѣ прошлаго столѣтія. Бѣлый фасадъ высится въ двадцати метрахъ разстоянія отъ Сены и отдѣленъ отъ нея рѣшеткой и дорогой. Слѣва стоитъ домъ садовника, небольшая ферма; справа тянется узкій паркъ, осѣненный великолѣпными деревьями; затѣмъ, сзади дома холмъ круто поднимается, зеленая листва образуетъ какъ-бы занавѣсъ, повыше котораго, на вершинѣ холма, находятся огородъ и лужайки, засаженныя плодовыми деревьями. Флоберъ божился, что онъ и одного раза въ годъ не бываетъ на верхней площадкѣ своей дачи. По смерти своей матери, онъ даже бросилъ домъ и заперся въ двухъ единственныхъ комнатахъ, гдѣ и жилъ, въ своемъ кабинетѣ и въ своей спальной. Онъ выходилъ изъ нихъ только обѣдать въ столовую, расположенную въ нижнемъ этажѣ, потому что въ концѣ-концовъ такъ возненавидѣлъ ходьбу, что не могъ даже видѣть, какъ другіе ходятъ: это раздражало ему нервы. Когда мы гостили въ Круассѣ, то нашли домъ совсѣмъ безъ украшеній, меблированнымъ старинной фамильной, буржуазной мебелью. Флоберъ презиралъ картины и современныя бездѣлушки. Всѣ его уступки современности ограничивались двумя японскими химерами въ сѣняхъ и гипсовыми копіями съ античныхъ барельефовъ, развѣшенными по стѣнамъ лѣстницы. Его кабинетъ, просторная комната, занимавшая цѣлый уголъ дома, заключала въ себѣ только однѣ книги, разставленныя по дубовымъ полкамъ; и здѣсь тоже не видать было никакихъ произведеній искусства; были здѣсь только рѣдкости, привезенныя съ Востока: нога муміи, персидское мѣдное блюдо съ выпук-

Digitized by Google

лыми украшеніями, куда онъ бросалъ перья, и нѣсколько другихъ вещей, не имѣвшихъ большой цѣны. Между двумя окошками находился мраморный бюстъ сестры, которую онъ обожалъ, и которая умерла въ молодыхъ лѣтахъ. Вотъ и все, если прибавить нѣсколько гравюръ, портреты товарищей дѣтства и старинныхъ подругъ. Но отъ этого покоя съ его безпорядкомъ, его истасканнымъ ковромъ, его старыми креслами, широкимъ диваномъ, шкурой бѣлаго медвѣдя, давно уже пожелтѣвшей, вѣяло трудомъ, ожесточенной борьбой съ непокорными фразами. Для насъ въ этомъ былъ весь Флоберъ. Передъ нами вставала вся его жизнь, проведенная въ этой комнатѣ, среди старыхъ фоліантовъ, въ которые онъ такъ часто заглядывалъ, папокъ, куда онъ прятадъ свои замѣтки, любимыхъ вещей, которыхъ онъ не позволялъ сдвигать съ мѣста — манія всѣхъ людей, ведущихъ сидячую жизнь.

Въ Парижѣ я не былъ знакомъ съ нимъ, когда онъ жилъ въ квартирѣ, находившейся на бульварѣ Тампль. Домъ стоялъ въ сосѣдствѣ съ театромъ Petit-Lazari. Онъ существуетъ до сихъ поръ въ углубленіи, куда примкнули новые дома. Онъ жилъ тамъ по крайней мѣрѣ лѣтъ пятнадцать. Тамъ познадъ онъ славу и вкусилъ отъ ея великихъ радостей. Тамъ онъ напечаталъ три своихъ первыхъ сочиненія: „Madame Bovary“ „Salammbô“ и „l'Education sentimentale“. Вокругъ него стали толпиться почитатели. Его обычными посѣтителями въ ту пору были: Эдмондъ и Жюль де-Гонкуры, Теофиль Готье, Тэнъ, Фейдо и другіе. Онъ собиралъ ихъ по воскресеньямъ, послѣ полудня, и тутъ-то шла оживленная бесѣда, сыпались скоромные анекдоты и велись литературные споры. Имперія, желавшая имѣть своихъ писателей, дѣлала ему любезности; онъ ѣздилъ въ Компьень и сталъ обычнымъ гостемъ Пале-Рояля, гдѣ принцессѣ Матильдѣ удалось собрать вокругъ себя великіе таланты. Послѣ войны онъ переѣхалъ на другую квартиру, въ улицу Мурильо; его квартира, состоявшая изъ трехъ маленькихъ комнатъ, была въ пятомъ этажѣ и выходила окнами на паркъ Монсо,—великолѣпный видъ, ради котораго онъ и рѣшился нанять эту квартиру.

Онъ велѣлъ обить комнаты кретономъ съ крупными разводами, но это была единственная роскошь, какую онъ себѣ дозволилъ, и, какъ и въ Круассе, бездѣлушки отсутствовали; тутъ были только арабское сѣдло, привезенное изъ Африки, и Будда изъ разволоченнаго картона, купленный у одного руанскаго перекупщика. Тутъ я коротко познакомился съ нимъ. Онъ былъ въ ту пору очень одинокъ, очень обезкураженъ. Неуспѣхъ „Education sentimentale“ нанесъ ему жестокій ударъ. Съ другой стороны, хотя онъ и былъ чуждъ политики, но паденіе имперіи казалось ему кончиной міра. Онъ

Digitized by Google

дописывалъ тогда „la Tentation de Saint-Antoine“ съ трудомъ и нерадостно. По воскресеньямъ я встрѣчалъ у него одного только Эдмонда де-Гонкуръ, тоже сраженнаго смертью брата, не притрогивавшагося больше къ перу и весьма печальнаго. Въ улицѣ Мурильо, Альфонсъ Додэ, такъ же какъ и я, сталъ однимъ изъ вѣрныхъ приверженцевъ Флобера. Вмѣстѣ съ Мопассаномъ, мы были единственными близкими людьми къ Флоберу. Я забываю Тургенева, который былъ самымъ вѣрнымъ и самымъ дорогимъ его другомъ. Одинъ разъ Тургеневъ сталъ переводить намъ прямо цѣлыя страницы изъ Гёте съ неподражаемой прелестью. Мы проводили восхитительные дни, но съ грустью на душѣ. Особенно памятно мнѣ одно воскресенье на масляницѣ, когда, въ то время, какъ на улицѣ происходилъ обычный разгулъ, я до ночи слушалъ, какъ Флоберъ и Гонкуръ оплакивали прошлое.

Послѣ того Флоберъ снова перемѣнилъ квартиру и переѣхалъ въ № 240 въ улицѣ Фобуръ-Сентъ-Оноре. Онъ желалъ жить поближе отъ племянницы, снѣдаемый скукой старыхъ холостяковъ. Даже разъ вечеромъ, онъ, этотъ закоренѣлый холостякъ, высказалъ мнѣ сожалѣніе о томъ, что не женился; въ другой разъ его нашли плачущимъ надъ малымъ ребенкомъ. Квартира въ улицѣ Фобуръ-Сентъ-Оноре была просторнѣе; но окна выходили на море крышъ, съ торчащими на нихъ трубами. Флоберъ даже не далъ себѣ труда ее отдѣлать. Онъ просто-на-просто вырѣзалъ портьеры изъ своихъ старыхъ пестрыхъ обой. Будду поставили на каминъ, и дневныя сборища возобновились въ бѣломъ съ золотомъ салонѣ, гдѣ было пусто и чувствовалось, что находишься какъ-бы въ походной палаткѣ. Надо сказать, что около этой эпохи денежныя дѣла сильно поразстроились у Флобера; онъ отдалъ свои деньги племянницѣ, мужъ которой запутался въ дѣлахъ; великодушное сердце его сказалось въ этомъ, но даръ превышалъ, быть можетъ, размѣръ его силъ и онъ смутился въ виду угрожающей бѣдности,—онъ, никогда не знавшій, что̀ значитъ заработывать свой хлѣбъ. Одну минуту онъ боялся даже, что ему нельзя будетъ пріѣзжать въ Парижъ, и дѣйствительно цѣлыхъ двѣ зимы сряду не пріѣзжалъ туда. Со всѣмъ тѣмъ я увидѣлъ его возрожденіе въ улицѣ Фобуръ-Сентъ-Оноре; къ нему вернулся его зычный голосъ и размашистые жесты. Мало-по-малу онъ привыкъ къ новому порядку вещей, и ко всѣмъ партіямъ относился съ пренебреженіемъ поэта. Кромѣ того, „les Trois Contes“, надъ которыми онъ работалъ, очень занимали его. Кружокъ его знакомыхъ расширился, его стали посѣщать молодые люди; насъ собиралось иногда по воскресеньямъ человѣкъ двадцать. Когда Флоберъ встаетъ въ памяти у насъ, его приближенныхъ послѣднихъ лѣтъ, то

Digitized by Google

мы всегда видимъ его въ этомъ бѣломъ съ золотомъ салонѣ, какъ онъ останавливается передъ нами и топчется на каблукахъ, съ свойственной ему манерой, колоссальный, безмолвный, — вперивъ свои громадные голубые глаза, или же разражается жестокими парадоксами, грозя кулаками въ потолокъ.

Я желалъ бы нарисовать здѣсь физіономію этихъ воскресныхъ собраній. Но это очень трудно, потому что на нихъ часто говорили тѣмъ скоромнымъ языкомъ, который осужденъ во Франціи со времени шестнадцатаго столѣтія. Флоберъ, носившій зимою поповскую скуфью и душегрѣйку, заказалъ себѣ для лѣта широкіе шаровары полосатые, бѣлые съ краснымъ, и родъ тюника, и въ этомъ костюмѣ смахивалъ на переодѣтаго турка. Онъ говорилъ, что одѣвается такъ ради удобства; но я подозрѣваю, что въ этомъ откликались романтическія моды, потому что я видалъ его, въ эпоху моего перваго знакомства съ нимъ, въ панталонахъ съ крупными клѣтками, въ сюртукѣ со сборами у таліи и въ широкополой шляпѣ, лихо надѣтой на бекрень. Когда дамы пріѣзжали по воскресеньямъ, что́ бывало рѣдко, и заставали его одѣтымъ по-турецки, онѣ слегка пугались. Въ Круассѐ, когда онъ прогуливался въ такихъ костюмахъ, прохожіе останавливались на дорогѣ и глядѣли на него сквозь рѣшетку; одна легенда гласитъ даже, будто бы руанскіе буржуа, отправляясь въ Буйль водою, брали съ собой дѣтей, обѣщаясь имъ показать г. Флобера, если они будутъ хорошо себя вести. Въ Парижѣ онъ часто самъ отворялъ двери, когда позвонятъ; онъ цѣловалъ васъ, если вы были ему милы и онъ давно не видѣлъ васъ, и вмѣстѣ съ нимъ вы вступали въ дымный салонъ. Въ немъ отчаянно курили. Онъ заказывалъ для своего употребленія маленькія трубочки и содержалъ ихъ въ большомъ порядкѣ; иногда вы заставали его надъ ихъ чисткой, и если онъ васъ очень любилъ, то давалъ вамъ покурить изъ нихъ и даже дарилъ. Между тремя и шестью часами вечера, мы скакали галопомъ черезъ всѣ сюжеты; литература служила главной темой, толковали о книгѣ или о пьесѣ, имѣвшей успѣхъ въ данную минуту; обсуждались общіе вопросы, самыя рискованныя теоріи; задѣвались всѣ предметы; не щадили ни людей, ни вещей. Флоберъ громилъ, Тургеневъ разсказывалъ исторіи неподражаемой оригинальности и прелести, сужденія Гонкура отличались обычной тонкостью и весьма своеобразными оборотами рѣчи, Додэ передавалъ свои анекдоты съ тѣмъ удивительнымъ шикомъ, который дѣлаетъ изъ него одного изъ самыхъ очаровательныхъ собесѣдниковъ, какихъ я только знаю. Что́ касается меня, то я отнюдь не блисталъ, ибо плохой разсказчикъ. Какіе счастливые часы проводили мы и какъ грустно думать, что они никогда больше не вернутся, потому что Флоберъ былъ на-

Digitized by Google

шимъ общимъ достояніемъ и его отеческія объятія соединяли всѣхъ насъ.

Разъ ему пришло въ голову устроить обѣды освистанныхъ авторовъ. Дѣло было послѣ „Candidat“. Права наши заключались: у Гонкура, въ „Henriette Maréchal“; у Додэ: „Lise Tavernier“; у меня: всѣ мои пьесы. Что касается Тургенева, то онъ клялся, что его не разъ освистывали въ Россіи. Каждый мѣсяцъ мы собирались въ ресторанѣ; но выборъ его былъ дѣломъ нелегкимъ, и мы побывали всюду, переходя отъ цыпленка къ Kari à la bouillabaisse. Уже съ супа начинались споры и анекдоты. Я помню ужасный споръ о Шатобріанѣ, продолжавшійся съ семи часовъ вечера до часу утра; Флоберъ и Додэ защищали его; Тургеневъ и я на него нападали; Гонкуръ оставался нейтральнымъ. Въ другіе разы толковалось о страстяхъ, о любви и женщинахъ, и въ эти вечера даже гарсоны поглядывали на насъ съ удивленнымъ видомъ; потомъ, такъ какъ Флоберъ ненавидѣлъ возвращаться домой одинъ, то я провожалъ его по темнымъ улицамъ и возвращался къ себѣ въ три часа утра, профилософствовавъ съ нимъ на всѣхъ перекресткахъ. Въ настоящую минуту это наилучшія воспоминанія моей жизни.

Я говорилъ, что женщины занимали очень мало мѣста въ жизни Флобера. Двадцатилѣтнимъ юношей онъ любилъ ихъ, какъ трубадуръ. Онъ мнѣ разсказывалъ, что во время оно онъ ходилъ за двадцать лье, чтобы поцѣловать въ голову собаку, которую ласкала одна дама. Идеи его о любви высказаны въ „Education sentimentale“: страсть, наполняющая существованіе и никогда не удовлетворяющаяся. Безъ сомнѣнія, и у него бывали увлеченія. Онъ былъ здоровый малый въ молодости и большой силачъ. Но эти увлеченія длились не долго, и онъ затѣмъ спокойно принимался за работу. Онъ относился съ отеческой лаской къ потеряннымъ женщинамъ; разъ на окружныхъ бульварахъ мы встрѣтили, возвращаясь домой, одну, очень дурную собой, которая его разжалобила, и онъ хотѣлъ подарить ей пять франковъ. Но она осыпала насъ ругательствами, говоря, что не проситъ милостыню, а заработываетъ свой хлѣбъ. Добродушный народъ казался ему комическимъ и вызывалъ у него смѣхъ à la Рабле.

Примирите, какъ знаете, эту склонность къ легкомысленнымъ и веселымъ дамочкамъ съ его идеаломъ любви безконечной къ женщинѣ, которую бы онъ видѣлъ разъ въ годъ и безъ всякой надежды. Впрочемъ, повторяю, дамочки надъ нимъ не имѣли власти. Онъ скоро отдѣлывался отъ нихъ. Онъ самъ говорилъ, что носилъ какъ бремя немногія связи, бывшія въ его жизни. Мы понимали въ этомъ другъ друга, и онъ мнѣ часто повторялъ, что его пріятели ему дороже и что лучшія его воспоминанія были о ночахъ, проведенныхъ съ Буле въ

Digitized by Google

куреніи табаку и разговорахъ. Женщины, впрочемъ, чувствовали, что онъ не изъ ихъ поклонниковъ; они дразнили его и обращались съ нимъ по-товарищески. Это характеризуетъ человѣка. Изучите поклонника женщинъ въ Сентъ-Бёвѣ, и сравните между собой этихъ двухъ людей...

Я предлагаю здѣсь свои замѣтки о Флоберѣ безъ всякой системы. Это все отдѣльныя черты, которыя должны дополнять его физіономію. Передъ тѣмъ я говорилъ объ ударѣ, нанесенномъ ему паденіемъ имперіи. Онъ, однако, ненавидѣлъ политику, и въ своихъ книгахъ проповѣдывалъ ничтожество человѣка и всеобщую глупость. Но на практикѣ онъ вѣрилъ въ іерархію, онъ уважалъ власть, что удивляло насъ, принадлежащихъ къ поколѣнію скептиковъ; принцесса, министръ выдѣлялись для него изъ толпы простыхъ смертныхъ, и онъ преклонялся передъ ними. Легко понять поэтому его смущеніе при паденіи порядка, пышность котораго его ослѣпляла. Въ письмѣ, написанномъ Эрнесту Фейдо послѣ смерти Теофиля Готье, онъ говоритъ объ „infection moderne“ (современной заразѣ) и объявляетъ, что послѣ 4-го сентября все кончено для нихъ. Во время моихъ первыхъ визитовъ, онъ съ любопытствомъ разспрашивалъ меня про демагоговъ, которыхъ считалъ моими пріятелями. Торжество демократическихъ идей казалось ему агоніей литературы. Въ сущности, онъ не любилъ своей эпохи и я еще поговорю объ этой ненависти, вліявшей на его литературный темпераментъ. Вскорѣ, къ тому же, зрѣлище нашей политической борьбы наполнило его отвращеніемъ; его старинные пріятели, бонапартисты, показались ему такъ же глупы и такъ же неловки, какъ и республиканцы.

Я настаиваю на этомъ потому, что нужно, чтобы знали, что ни одна партія не можетъ называть его своимъ. Внѣ своихъ автократическихъ инстинктовъ и своей вѣры во власть, даже въ ея ничтожнѣйшихъ представителяхъ, онъ слишкомъ презиралъ человѣчество. Я нахожу въ немъ, довольно часто повторяющійся на великихъ писателяхъ, примѣръ революціонера, все разрушающаго, не сознавая своего жестокаго дѣла, и вопреки добродушію, заставляющему его вѣрить въ общественныя условія и во всю ложь, какою онъ окруженъ.

Тутъ слѣдуетъ отмѣтить еще одну характерную черту: Флоберъ былъ провинціалъ. Одинъ изъ его старинныхъ пріятелей говаривалъ довольно зло: „Дьяволъ этотъ Флоберъ, чѣмъ чаще пріѣзжаетъ онъ въ Парижъ, тѣмъ сильнѣе отдаетъ провинціаломъ“. Понимайте это такъ, что въ немъ сохранялись наивность, невѣдѣніе, предразсудки, неповоротливость человѣка, который хотя и хорошо зналъ Парижъ, но никогда не былъ пропитанъ его духомъ вранья и остроумнаго

Digitized by Google

легкомыслія. Я сравнилъ его съ Корнелемъ, и въ этомъ сходство опять разительное. У него былъ тотъ же эпическій складъ ума, отъ котораго ускользали парижскія ухищренія и оттѣнки. Не безъ основанія говорили, что „Madame Bovary"—самое живое изъ всѣхъ его произведеній, и что въ „Education sentimentale" вся парижская часть романа отличается какой-то тяжеловѣсной неуклюжестью; салонъ m-me Дамбрёзъ, напримѣръ, похожъ болѣе на сераль, нежели на сборище молодыхъ парижанокъ. Онъ понималъ людей, но духъ времени и мода ускользали отъ него. Этотъ провинціализмъ отмѣчалъ не только писателя, но и человѣка, расположеннаго всему вѣрить и лишеннаго того скептицизма, который внушаетъ недовѣріе; никто больше его не бывалъ обманутъ внѣшностью; нужны были катастрофы, чтобы открыть ему глаза. Не любя свѣта, сильно страдая отъ духоты въ салонѣ, онъ считалъ себя обязаннымъ посѣщать ихъ, натягивалъ черный фракъ съ нѣкоторой торжественностью, хотя и съ шутками; и когда, бывало, одѣнется, повяжетъ бѣлый галстухъ и натянетъ бѣлыя перчатки, то станетъ передъ вами съ привычными словами: „Voilà mon bon!",—въ которыхъ слышалась дѣтская радость, что вотъ онъ, простой романистъ, ѣдетъ въ гости къ вельможамъ. Все это было крайне добродушно и трогало насъ, но въ сущности въ этомъ проглядывалъ провинціальный буржуа.

Да! вотъ наконецъ я высказалъ страшное слово: Флоберъ былъ буржуа,—и самый достойный, самый честный, самый степенный, какого только можно встрѣтить. Онъ самъ это говорилъ иногда, гордясь уваженіемъ, какимъ пользовался, своей жизнью, отданной труду, что̀ не мѣшало ему рѣзать буржуа, убивать ихъ при всякомъ случаѣ своими лирическими порывами. Это противорѣчіе легко объяснить. Во-первыхъ, Флоберъ выросъ въ разгаръ романтизма, среди ужаснѣйшихъ парадоксовъ Теофиля Готье, имѣвшаго на него вліяніе, о которомъ я потомъ ниже. Во-вторыхъ: ругательная кличка „буржуа" стала въ концѣ-концовъ въ его устахъ обобщенной анаѳемой, посылаемой въ лицо глупаго человѣчества; подъ словомъ буржуа онъ подразумѣвалъ дураковъ, нищихъ духомъ, тѣхъ, кто отрицаетъ солнце, а не добрыхъ людей, проводящихъ жизнь безъ шума у своего камелька. Прибавлю, что гнѣвъ его падалъ какъ кипящее молоко. Онъ кричалъ очень громко; жестикулировалъ съ краснымъ лицомъ; затѣмъ внезапно успокоивался; то были какъ-бы бравурныя аріи, которыя онъ пріучился въ кругу дѣятелей 1830 г. розыгрывать самому себѣ. Кстати, мнѣ передавали, что одинъ русскій писатель, съ которымъ мы обѣдали у Тургенева, былъ до такой степени удивленъ этой нѣсколько театральной раздражительностью Флобера, что въ своей статьѣ, гдѣ онъ говоритъ о немъ, обвиняетъ его

Digitized by Google

въ „фатовствѣ". Это слово кажется мнѣ такимъ неподходящимъ, что я протестую противъ него изъ всѣхъ силъ. Флоберъ былъ безусловно добросовѣстенъ въ своихъ вспышкахъ, до такой степени, что чуть не подвергался иногда апоплексическому удару, и мы принуждены были открывать окна, чтобы дать доступъ свѣжему воздуху. Но я согласенъ, что въ его поведеніи играло важную роль прежнее увлеченіе, любовь къ литературѣ, къ силѣ и блеску. Но считаю нужнымъ засвидѣтельствовать, что этотъ человѣкъ, такой необузданный на словахъ, въ жизнь свою не позволилъ себѣ ни единаго насильственнаго поступка. Онъ былъ отечески кротокъ съ своими друзьями и сердился только на дураковъ. Да и то, при своемъ добродушіи, при отсутствіи критическаго такта, о чемъ я еще поговорю, онъ не со всѣми дураками обращался такъ строго, какъ они того заслуживали. Пошлость, высказанная нечаянно, выводила его изъ себя, между тѣмъ какъ онъ допускалъ иногда бездарности и даже защищалъ ихъ. Ходячая глупость, обыденная пошлость, отъ которой никто почти не свободенъ, бѣсили его еще сильнѣе, чѣмъ печальное ничтожество человѣка, которое онъ такъ мастерски изобразилъ въ своихъ произведеніяхъ. Вотъ двѣ черты, живо рисующія его: онъ кричалъ, когда былъ увѣренъ; но легкость, съ какою онъ заблуждался на счетъ людей и вещей, равнялась легкости, съ какой онъ выходилъ изъ себя. У него было очень доброе сердце, невинное и ребяческое, горячее сердце, приходившее въ негодованіе при малѣйшей обидѣ. Его главная прелесть заключалась въ этомъ, и вотъ почему всѣ мы обожали его, какъ родного отца.

III.

Первые мои визиты къ Флоберу произвели во мнѣ большое разочарованіе и даже боль. Я пріѣхалъ съ выдуманнымъ Флоберомъ въ головѣ. Я выдумалъ себѣ, на основаніи его произведеній, Флобера—піонера вѣка, живописца и философа нашего современнаго общества. Я представлялъ себѣ, что онъ открываетъ новые пути, основываетъ правильное государство въ области, завоеванной у романтизма, представлялъ себѣ человѣка, вперяющаго взоры въ будущее съ энергіей и довѣріемъ. Словомъ, я искалъ то лицо, какимъ онъ является въ своихъ книгахъ, а нашелъ бѣдоваго малаго, парадоксальный умъ, нераскаяннаго романтика, оглушавшаго меня по цѣлымъ часамъ градомъ сумасшедшихъ теорій. Вечеромъ я вернулся къ себѣ домой больной, разбитый, оглушенный, говоря себѣ, что, какъ человѣкъ, Флоберъ ниже самого себя, какъ писателя. Съ тѣхъ

Digitized by Google

поръ я измѣнилъ это мнѣніе, я вошелъ во вкусъ этого темперамента, исполненнаго противорѣчій, я привыкъ къ нему, и ни за что въ мірѣ не хотѣлъ бы, чтобы мнѣ перемѣнили моего Флобера. Но первымъ впечатлѣніемъ было тѣмъ не менѣе разочарованіе, и то же самое впечатлѣніе повторялось у всѣхъ молодыхъ людей, которые съ нимъ знакомились.

Напримѣръ, возможно ли было безъ изумленія слушать то, что онъ говорилъ о „Madame Bovary". Онъ клялся, что написалъ эту книгу, чтобы сыграть шутку надъ реалистами, надъ Шанфлёри и его друзьями; онъ хотѣлъ имъ показать, что можно быть за разъ и правдивымъ живописцемъ современности, и великимъ стилистомъ. И это онъ утверждалъ такъ положительно, что невольно спрашивалъ себя: сознаетъ ли онъ значеніе своего произведенія, предвидѣлъ ли онъ, какой переворотъ оно произведетъ въ литературѣ? По правдѣ сказать, я сомнѣвался въ этомъ нынѣ; многіе творческіе умы таковы: они не вѣдаютъ, что приносятъ съ собой новое слово. Всѣ его теоріи говорили противъ формулы, которую мы, его младшіе братья, почерпнули въ „Madame Bovary". Такимъ образомъ, онъ объявлялъ своимъ громовымъ голосомъ, что современность не существуетъ, что никакихъ современныхъ сюжетовъ нѣтъ, и когда, одурѣвъ отъ этого заявленія, къ нему приставали за объясненіемъ, онъ прибавлялъ, что Гомеръ такъ же современенъ, какъ и Бальзакъ. Если бы онъ сказалъ: человѣченъ, можно было бы согласиться, но названія современный нельзя было принять. Впрочемъ, онъ, казалось, отрицалъ литературные перевороты. Я сто разъ спорилъ съ нимъ по этому поводу, и не могъ отъ него добиться, съ исторіей нашей литературы въ рукахъ, признанія, что писатели не выростаютъ, какъ грибы, что между ними существуетъ связь, что они образуютъ цѣпь, представляющую извѣстные изгибы, сообразно нравамъ и историческимъ эпохамъ. Но онъ, какъ ярый индивидуалистъ, отпускалъ мнѣ крѣпкія словца, клялся, что плевать ему (поставьте другое слово) на все это, что ничего такого не существуетъ, что каждый писатель независимъ, что обществу нѣтъ никакого дѣла до литературы, что надо писать прекраснымъ слогомъ—и ничего больше. Конечно, я соглашался, что было бы нелѣпо желать основать школу, но я прибавлялъ, что школы основываются сами собой, и что надо ихъ признать. Недоразумѣніе между нами тѣмъ не менѣе продолжалось; безъ сомнѣнія, онъ думалъ, что я мечтаю о томъ, чтобы регламентировать темпераменты, когда я просто-на-просто разсуждалъ, какъ критикъ, разбирающій періоды, существовавшіе въ прошломъ и теперь еще развивающіеся на нашихъ глазахъ. Когда онъ возставалъ противъ ярлыковъ, противъ всякихъ *измовъ*, я возражалъ ему, что

Digitized by Google

нужны однако слова, чтобы обозначать факты, и что часто эти слова фабрикуются и навязываются публикой, которой нужно разобраться въ произведеніяхъ своей эпохи. Въ концѣ-концовъ мы сходились на необходимости свободнаго развитія оригинальности; у насъ была одна философія и одна эстетика, однѣ литературныя ненависти и однѣ симпатіи; наше разногласіе начиналось тогда, когда я старался идти дальше, перейти отъ писателя къ группѣ, узнать, откуда взялась наша литература и куда она идетъ.

Если я не очень ясенъ въ эту минуту, то потому, что, по правдѣ сказать, никогда не могъ схватить въ цѣломъ его идеи о литературѣ. Онѣ мнѣ казались довольно безсвязными, онѣ вдругъ прорывались въ разговорѣ съ рѣзкостью парадоксовъ и раскатовъ грома, и чаще всего исполнены были противорѣчій и непредвидѣннаго. Быть можетъ, я искалъ слишкомъ большой логики между мыслителемъ и писателемъ у Флобера. Я бы желалъ, чтобы авторъ „Madame Bovary“ любилъ современный міръ, чтобы онъ вѣрилъ въ науку, чтобы онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ переворотѣ, котораго онъ былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ агентовъ; и меня огорчало, что я вѣчно натыкаюсь на романтика, который вопитъ противъ желѣзныхъ дорогъ, газетъ и демократіи, на индивидуалиста, для котораго писатель есть нѣчто абсолютное, простое реторическое явленіе. Въ тотъ день, когда мы такъ жестоко спорили о Шатобріанѣ, такъ какъ онъ утверждалъ, что въ литературѣ важна только хорошо написанная фраза, я вывелъ его изъ себя, сказавъ: „Есть кое-что иное, кромѣ хорошо написанныхъ фразъ въ „Madame Bovary“, и что черезъ это-то иное ваше произведеніе и будетъ жить. Говорите, что хотите, а тѣмъ не менѣе вы нанесли первый ударъ романтизму“. Тогда онъ закричалъ, что „Madame Bovary“—чортъ знаетъ, что такое, что онъ плюетъ на нее, что его осаждаютъ этой книжонкой, которую онъ охотно отдалъ бы за одну фразу Шатобріана или Гюго. Онъ рѣшительно отказывался видѣть что-либо другое, кромѣ литературы, въ романахъ другихъ писателей, и даже въ своихъ собственныхъ онъ отрицалъ, не скажу—прогрессъ, но даже самое движеніе идей; прекрасный языкъ—и ничего больше. Его индивидуализмъ, его отвращеніе къ группировкѣ происходили отъ великой гордости. Однимъ изъ его любимыхъ выраженій, когда кто-нибудь излагалъ свои принципы въ предисловіи и связывалъ ихъ съ какимъ-нибудь движеніемъ, бывало: „имѣйте же больше гордости“. Писать правильныя и красивыя фразы и писать ихъ въ углу, какъ бенедиктинецъ, отдающій жизнь труду,—вотъ его литературный идеалъ.

Я упоминалъ уже объ его ненависти къ современному міру. Она высказывалась во всѣхъ его словахъ. Я подозрѣваю, что онъ заразился этой ненавистью отъ Теофиля Готье, потому что, когда въ

Digitized by Google

прошломъ году я прочиталъ томъ воспоминаній, изданный Эмилемъ Бержера о своемъ тестѣ,—я былъ сраженъ, найдя всего своего Флобера въ непрерывномъ фонтанѣ парадоксовъ, бьющемъ у автора „Mademoiselle de Maupin". Та же любовь къ Востоку, та же страсть къ путешествіямъ вдали отъ этого отвратительнаго Парижа, буржуазнаго и мизернаго. Флоберъ утверждалъ, что созданъ жить на Востокѣ, въ палаткѣ. Запахъ кофе производилъ у него галлюцинаціи о караванахъ, шествующихъ по пустынѣ; онъ ѣлъ съ благоговѣніемъ самыя отвратительныя блюда, лишь бы у нихъ было какое-нибудь экзотическое названіе. Тѣ же діатрибы противъ всѣхъ нашихъ изобрѣтеній; одинъ видъ машины выводилъ его изъ себя, вызывалъ у него припадокъ нервнаго отвращенія. Онъ, правда, ѣздилъ по желѣзной дорогѣ въ Руанъ, но единственно лишь затѣмъ, чтобы сберечь время, говаривалъ онъ, и не переставалъ ворчать всю дорогу. Тѣ же насмѣшки возбуждали въ немъ новые нравы и новыя искусства, то же вѣчное сожалѣніе о „старой" Франціи, какое-то добровольное ослѣпленіе и глухой страхъ будущаго. Послушать его, бывало, такъ намъ не дожить до завтрашняго дня,—мы идемъ къ мрачной безднѣ. И когда я высказывалъ свою вѣру въ двадцатое столѣтіе, когда я надѣялся, что наше обширное движеніе, научное и общественное, должно привести къ счастію человѣчество, онъ пристально глядѣлъ на меня своими большими голубыми глазами и пожималъ плечами. Впрочемъ, то были уже общіе вопросы, которыхъ онъ не касался; онъ предпочиталъ держаться литературной техники. Но гнѣвъ его обрушивался главнымъ образомъ на печать; газетъ, производимый газетами, значеніе, какое онѣ себѣ приписываютъ, глупости, какія они печатаютъ роковымъ образомъ при тѣхъ вѣчныхъ попыхахъ, въ какихъ находятся, приводили его въ бѣшенство. Онъ толковалъ о томъ, что надо всѣхъ ихъ упразднить за-разъ. Что его особенно оскорбляло, такъ это подробности, которыя иногда сообщали объ его персонѣ. Онъ находилъ это неприличнымъ, онъ говорилъ, что только писатель есть достояніе публики. Онъ меня жестоко отдѣлалъ разъ, когда я осмѣлился ему замѣтить, что въ сущности критикъ, занимающійся его платьемъ и его обѣдомъ, подвергаетъ его тому же самому анализу, какому онъ, романистъ, подвергаетъ лицъ, наблюдаемыхъ имъ въ дѣйствительности. Это было логично; но никогда онъ не хотѣлъ сознаться, что въ сущности все развивается рука объ руку, и что печать, питающаяся одними сплетнями, младшая сестра, очень дурно воспитанная, согласенъ, „Madame Bovary". Впрочемъ, этотъ свирѣпый человѣкъ, собиравшійся повѣсить всѣхъ журналистовъ, бывалъ тронутъ до слезъ, если ничтожнѣйшій изъ писакъ печаталъ статью о немъ. Онъ находилъ его талантливымъ, носилъ газету въ карманѣ.

Digitized by Google

По прошествіи десяти лѣтъ онъ повторялъ на память фразы, написанныя объ его книгахъ, и все еще трогался похвалами и огорчался критическими замѣчаніями. Онъ навсегда остался дебютантомъ въ смыслѣ этой живости впечатлѣній. Богатый, работая на досугѣ, чуждый журналистикѣ, онъ игнорировалъ ее, порою презиралъ, а порою слишкомъ ей вѣрилъ. Хотя онъ и негодовалъ на гласность, но часто реклама, простое объявленіе восхищали его. Онъ страдалъ, увы! какъ и всѣ мы—болѣзненной потребностью заставить міръ заниматься нашей личностью. Но только онъ вносилъ въ нее наивность взрослаго ребенка. За нѣсколько недѣль до его смерти „la Vie Moderne“ напечатала его волшебную сказку: „Le Chateau des Coeurs“; онъ былъ въ восторгѣ, потому что журналъ былъ выставленъ за витриной руанскихъ книгопродавцевъ, гдѣ его старая служанка въ Круассé увидѣла книжку. „Я становлюсь великимъ человѣкомъ“, говорилъ онъ Бержера. Ну, развѣ это не восхитительно?

Это очаровательное добродушіе проистекало изъ полнѣйшаго отсутствія въ немъ критики. Поймите меня: онъ былъ очень хорошій судья о самомъ себѣ и обладалъ обширной эрудиціей; но въ его мнѣніяхъ о другихъ недоставало пропорціи, его легковѣріе дѣлало его диковинно-снисходительнымъ, тогда какъ его упрямое нежеланіе обобщать, принимать во вниманіе исторію идей, дѣлало его строгимъ, какъ чистѣйшаго ритора. Такимъ образомъ, онъ дивилъ насъ порою своими хвалами, порою же возмущалъ несправедливостью приговоровъ о талантахъ, которые ему были антипатичны. Чтобы быть вполнѣ понятнымъ, я долженъ еще разъ вернуться къ его литературному идеалу. Часто онъ повторялъ: „все было сказано раньше насъ, намъ приходится пересказывать то же самое, но въ болѣе прекрасной формѣ, если возможно“. Прибавьте, что когда онъ разгорячался въ спорѣ, то начиналъ отрицать все, кромѣ слога, и вотъ, когда онъ изрекалъ оглушительныя вещи, приводившія насъ въ отчаяніе: хорошихъ людей въ книгахъ не существуетъ, правда одна только блажь, матеріалы ни къ чему не служатъ, одной фразы, хорошо написанной, достаточно для безсмертія человѣка. Эти слова тѣмъ болѣе огорчали насъ, что самъ же онъ признавался, что имѣлъ глупость терять время на собираніе документовъ и желать изображать однѣ только правдивыя и живыя лица. Что за странная и поучительная вещь: авторъ „Madame Bovary“ и „Education sentimentale“—презирающій жизнь, презирающій правду и изнывающій въ мучительныхъ поискахъ за совершенствомъ слога! Понятны отнынѣ его литературныя пристрастія и антипатіи. Онъ зналъ наизусть фразы изъ Шатобріана и Виктора Гюго и декламировалъ ихъ съ удивительнымъ паѳосомъ. Гонкуръ справедливо говорилъ, что и объ-

Digitized by Google

явленія, пропѣтыя такимъ тономъ, покажутся величественными. И онъ не шелъ дальше этихъ фразъ: по его мнѣнію, весь Шатобріанъ и весь Гюго были въ этихъ фразахъ. Натурально, по тѣмъ самымъ причинамъ, онъ былъ самаго низкаго мнѣнія о Мериме и ненавидѣлъ Стендаля. Онъ называлъ этого послѣдняго: monsieur Beyle, подобно тому, какъ звалъ Мюссé: monsieur de Musset. По его мнѣнію, поэтъ былъ дилеттантъ, имѣвшій безтактность смѣяться надъ языкомъ, пускаясь въ просодію. Что касается Стендаля, то развѣ онъ не былъ тѣмъ прилизаннымъ насмѣшникомъ, который хвастался, что каждый день поутру читаетъ страницу изъ кодекса законовъ, чтобы настроить себя какъ слѣдуетъ? Мы знали, что этотъ великій психологъ, по словамъ Тэна, былъ такъ антипатиченъ Флоберу, что даже избѣгали произносить его имя. Прибавлю здѣсь, что очень трудно бывало спорить съ Флоберомъ, когда не раздѣляешь его мнѣнія, потому что онъ не разсуждалъ обстоятельно, какъ человѣкъ, у котораго есть аргументы для подкрѣпленія своихъ словъ, и который соглашается выслушать аргументы своего противника, желая добиться истины; онъ начиналъ съ рѣзкихъ заявленій и почти тотчасъ же терялъ голову, если съ нимъ не соглашались. Тогда, чтобы не огорчать его, чтобы не дать ему взволноваться черезъ мѣру, мы ему поддакивали или же молчали. Совершенно безполезно было желать его убѣдить.

Къ счастію, рядомъ съ непогрѣшимымъ стилистомъ, съ риторомъ, влюбленнымъ въ совершенство языка, въ Флоберѣ жилъ и философъ. Это—самый безпощадный отрицатель, какого только мы имѣли въ нашей литературѣ. Онъ проповѣдуетъ истинный нигилизмъ—слово на *изм*ъ, которое вывело бы его изъ себя, — онъ страницы не написалъ, гдѣ бы не доказывалъ нашего ничтожества. Всего страннѣе, повторяю, было то, что этотъ живописецъ людского паденія, этотъ горькій скептикъ, былъ въ душѣ такой нѣжный и наивный человѣкъ. Весьма ошибся бы тотъ, кто вообразилъ бы себѣ его Іереміей, скорбящимъ о паденіи міра; въ интимной жизни онъ совсѣмъ не затрогивалъ этихъ вопросовъ, ему случалось ругать мелкія скверности житейскія, но безъ всякаго лиризма. Хорошій человѣкъ—вотъ его характеристика.

Комическая жилка въ немъ была такъ оригинальна, что требуетъ особеннаго изученія. Глупость привлекала его, какъ нѣчто магическое; когда онъ обрѣталъ какой-нибудь документъ о великой глупости, онъ плавалъ въ блаженствѣ, онъ говорилъ о немъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль. Я помню, что онъ досталъ себѣ сборникъ стиховъ, написанныхъ исключительно медиками; онъ заставлялъ насъ слушать, какъ онъ декламировалъ ихъ самымъ оглушительнымъ тономъ, и удивлялся, если мы не хохотали до упаду, какъ

Digitized by Google

онъ. Разъ у него вырвалось такое грустное замѣчаніе: „Странно, я смѣюсь теперь надъ такими вещами, надъ какими никто больше не смѣется". Въ Круассé у него были удивительныя коллекціи въ его папкахъ, протоколы, составленные полевыми сторожами, любопытные документы изъ различныхъ процессовъ, дѣтскія и нелѣпыя картинки —всѣ документы человѣческой глупости, какія только онъ могъ собрать. Замѣтьте, что всѣ его произведенія заключаются въ этомъ, что онъ всю жизнь только и изучалъ, что проявленія этой глупости даже въ божественныхъ видѣніяхъ „Tentation de Saint-Antoine". Онъ примѣнялъ свой великолѣпный слогъ къ описанію человѣческой глупости, и самой низкой, самой пошлой, и только порою увлекался лирическими порывами, какъ оскорбленный поэтъ. Его комизмъ не есть легкомысленное остроуміе прошлаго столѣтія, тонкій и лукавый смѣхъ, кошачье царапанье, уколы булавкой. Нѣтъ, его комизмъ восходитъ къ шестнадцатому столѣтію, онъ тяжеловѣсиѣе и больнѣе, въ немъ добродушіе и грубость переплетаются между собой, его удары пробиваютъ насквозь, калѣчатъ людей. Это объясняетъ его неуспѣхъ въ салонахъ и между женщинами. Находили, что его веселость смахиваетъ на веселость комми-вояжера. Въ интимномъ кружкѣ онъ бывалъ ужасенъ, когда являлся на распашку.

Итакъ, вотъ черты его физіономіи, которыя помогутъ ее возсоздать.

IV.

Перехожу теперь къ произведеніямъ Гюстава Флобера. Надо помнить, что онъ дебютировалъ въ 1856 г., тридцати пяти лѣтъ отъ роду. Его друзья поддразнивали его такъ называемой лѣностью, и, повидимому, не особенно вѣровали въ его будущность. Когда они узнали, что Флоберъ пишетъ романъ, то насмѣшкамъ конца не было. Они освѣдомлялись о ходѣ произведенія, очевидно сомнѣваясь, чтобы оно когда-нибудь было написано. Это даетъ какъ-бы поводъ думать, что до тѣхъ поръ онъ колебался, безуспѣшно брался за разныя дѣла, претерпѣлъ неудачу въ различныхъ попыткахъ, подобно своему Фредерику Морò. Однако онъ никогда не говорилъ о своихъ первыхъ опытахъ; онъ упоминалъ лишь шутя о своей попыткѣ написать комическую трагедію о прививаніи оспы. Безъ сомнѣнія, онъ написалъ много плохихъ стиховъ, которые, быть можетъ, найдутся въ его бумагахъ. Луи Булье считался тогда великимъ человѣкомъ группы, и Максимъ Дюканъ, изъ котораго сдѣлали недавно академика, уже составилъ себѣ почти знаменитое имя, между тѣмъ какъ Флоберъ все еще не зналъ, на что рѣшиться. Я увѣренъ, что несмотря на свое великодушное сердце, онъ страдалъ отъ

Digitized by Google

такого положенія, отъ безсилія, парализовавшаго его талантъ, тогда какъ люди менѣе способные такъ легко дѣлали себѣ карьеру и съ пренебреженіемъ относились къ нему. Я этимъ тоже объясняю преувеличенное восхищеніе, выказываемое имъ всегда къ Луи Буле; онъ говорилъ какъ человѣкъ, который видѣлъ когда-то первостепеннаго мастера въ этомъ второстепенномъ поэтѣ. Замѣтки, сообщаемыя мною здѣсь, даны мнѣ однимъ стариннымъ пріятелемъ Флобера.

Итакъ, появленіе „Madame Bovary" оказалось сюрпризомъ. Эта книга, написанная послѣ путешествія на Востокъ, совершеннаго въ обществѣ Максима Дюкана, говорятъ, была внушена чтеніемъ простого случая, сообщеннаго въ газетахъ, о самоубійствѣ жены доктора, знакомаго Флоберу. Но что за дѣло,—неизвѣстный авторъ, работавшій въ своемъ углу, явился съ тою мощно-оригинальной нотой, которая должна была преобразовать романъ—вотъ въ чемъ сила. Я даже не думаю, чтобы пріятели Флобера поняли въ ту пору значеніе этого произведенія. Онъ читалъ имъ его отрывки, и говорятъ, что они заставляли его многое въ немъ измѣнять, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, потому что Флоберъ послѣднихъ годовъ врядъ ли бы согласился измѣнить одну запятую. Впрочемъ, всѣ они, приверженцы романтизма, какъ и онъ, должны были смотрѣть на „Madame Bovary", какъ на лирическую насмѣшку надъ реалистами того времени. Извѣстенъ нелѣпый процессъ, вчиненный автору, и колоссальный успѣхъ романа. По этому поводу долженъ замѣтить, что Флоберъ несмотря на все свое добродушіе не легко забывалъ оскорбленія; онъ никогда не могъ простить Пинару его знаменитой обвинительной рѣчи, ставшей теперь посмѣшищемъ. Книга принесла очень мало денегъ романисту, кажется, всего лишь четыреста франковъ. Надобно было бы обстоятельно пересказать эту исторію, потому что она представляетъ любопытную страницу въ хроникѣ нашей книжной торговли. Правда, что позднѣе онъ продалъ тому же самому издателю довольно дорого „Salammbô" и „Education sentimentale". Но что я хочу доказать, такъ это удивительную ненависть, какою Флоберъ мало-помалу проникся къ „Madame Bovary". Послѣ всѣхъ его другихъ произведеній, такъ какъ ему безпрестанно кололи глаза его первымъ романомъ и повторяли: „Дайте намъ другую, новую „Madame Bovary", онъ сталъ проклинать эту старшую дочь, такъ сильно вредившую своимъ младшимъ сестрамъ. Это заходило такъ далеко, что однажды онъ серьёзно объявилъ намъ, что если бы не нуждался въ деньгахъ, то извлекъ бы ее изъ продажи и запретилъ бы печатать новыя изданія. Быть можетъ также, его романтическое сердце глухо страдало при видѣ богатыхъ, натуралистическихъ побѣговъ, вызванныхъ его произведеніемъ въ нашей литературѣ. Мы опять наталкиваемся тутъ на безсознательность, о которой я говорилъ.

Digitized by Google

Мнѣ незачѣмъ распространяться о Саламмбо. Успѣхъ былъ тоже блестящій; я еще помню насмѣшки маленькой прессы, карикатуры, пародіи. Гвалтъ особенно усилился послѣ того, какъ одна знатная дама рискнула появиться въ костюмѣ Саламмбо, на балѣ въ Тюльери. Книга вышла въ 1863 г. Она стоила Флоберу громадныхъ трудовъ, по собиранію историческихъ матеріаловъ, не говоря уже о путешествіи, предпринятомъ имъ въ Тунисъ. Вѣроятно, читатели еще не забыли ожесточенную полемику, завязавшуюся между нимъ и однимъ ученымъ, Фрѣнеромъ, оспаривавшимъ вѣрность его документовъ. Онъ возражалъ также, хотя и любезно, на статью Сентъ-Бёва. Это единственныхъ два случая, когда онъ пустился въ полемику. Онъ былъ тогда очень друженъ съ Сентъ-Бёвомъ, съ которымъ встрѣчался у принцессы Матильды и на обѣдахъ у Маньи, возбуждавшихъ столько толковъ. У Маньи также подружился онъ съ другими лицами: Тэномъ, Ренаномъ, Поль де-Сен-Викторъ, принцемъ Наполеономъ, не говоря уже о Теофилѣ Готье и Гонкурахъ. Жоржъ-Сандъ, кажется, не разъ тамъ появлялась. Она очень любила Флобера, была съ нимъ на *ты* и писала ему длинныя письма, хотя они и расходились во взглядахъ на литературу; я помню споръ между ними по поводу Седена, котораго она хвалила, а онъ называлъ жидкой водицей; когда она умерла, онъ былъ очень огорченъ. Чтобы покончить съ Саламмбо, разскажу, что разъ засталъ его грустнымъ, за корректурами изданія, появившагося у Шарпантье. Онъ мнѣ сказалъ, что сочиненіе это показалось ему на добрую треть растянутымъ. Чѣмъ больше онъ писалъ, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ потребность мѣры. Мѣра — это совершенство.

Въ сущности, книга, отъ которой онъ всего сильнѣе настрадался, это—„Education sentimentale“. Онъ положилъ всю свою душу въ это произведеніе, перерылъ библіотеки, изучалъ газеты и гравюры, дѣлалъ громадныя усилія, чтобы возстановить мѣстность, какъ она была сорокъ лѣтъ тому назадъ, а съ тѣхъ поръ сильно измѣнилась. Когда писатель просидитъ шесть или семь лѣтъ надъ своимъ произведеніемъ и ухлопаетъ на него столько труда и заботы, онъ естественно придаетъ этому сочиненію большое значеніе.

Флоберъ былъ, слѣдовательно, убѣжденъ, что выпускаетъ трудъ гораздо болѣе совершенный, чѣмъ „Madame Bovary“, и что появленіе его произведетъ сильное впечатлѣніе на публику. Впрочемъ, при изданіи каждой изъ своихъ книгъ, онъ всегда сильно надѣялся на успѣхъ, съ довѣрчивостью ребенка и невѣдѣніемъ условій книжной торговли, напоминавшимъ чудныя мечты Бальзака. Его много дразнили въ ту пору мнимымъ ящикомъ en bois des îles, въ которомъ онъ будто бы привезъ „Education sentimentale“ изъ Круассѐ въ Парижъ. Этотъ ящикъ былъ изъ простого бѣлаго дерева, и Флоберъ

Digitized by Google

заказалъ его деревенскому столяру, чтобы перевезти съ бо́льшею безопасностью свою рукопись, которая была громадна; вдобавокъ онъ долженъ былъ читать изъ нея отрывки у принцессы Матильды и не рѣшился бы явиться съ свертокомъ бумаги подъ мышкой. Романъ появился въ концѣ 1869 г. Книга расходилась туго, журналы съ ожесточеніемъ напали на нее; и Флоберъ жестоко разочаровался въ своихъ мечтахъ. Ударъ этотъ былъ для него такъ чувствителенъ, что онъ до конца не могъ забыть его. Что ему было всего обиднѣе, это—молчаніе, подъ которымъ похоронили „Education sentimentale"; ее объявили скучной до нестерпимости, и никто больше о ней не говорилъ. Онъ заперся въ Круассѐ; это было его убѣжище въ минуты сильнаго горя. Когда мы навѣстили его недавно, онъ говорилъ намъ, показывая на свой кабинетъ: „вотъ комната, гдѣ я много работалъ и гдѣ я еще больше страдалъ".

Это меня сильно тронуло, потому что я хорошо знаю это головное страданіе, терзающее въ уединеніи. Тутъ онъ скрывалъ свои раны; онъ рыдалъ на томъ самомъ диванѣ, на которомъ умеръ; онъ изнывалъ надъ этимъ столомъ, за которымъ перечеркивалъ такое множество разъ непокорныя фразы. Надо знать, чего ему стоила хорошо написанная страница, ему, добровольно изсушившему свое вдохновеніе въ погонѣ за совершенствомъ языка. Онъ мучился непрерывно, писалъ съ такимъ трудомъ, что хоть выть отъ боли, ругалъ себя дуракомъ, идіотомъ. Онъ намъ часто повторялъ: „каждую ночь мнѣ хочется разбить себѣ голову". Подумайте, каковы должны были быть мученія этого человѣка, когда онъ очутился наединѣ съ самимъ собой, послѣ крушенія его произведенія. Онъ видѣлъ, что семь лѣтъ труда пропали даромъ, и всѣ его убѣжденія поколебались. Плодовитые писатели скоро утѣшаются, но ему приходилось ждать нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ снова увѣровать въ свой трудъ. Вдобавокъ времена были мрачныя; наступило нашествіе непріятеля и окончательно сокрушило его. Этотъ романистъ, котораго бранятъ за скептицизмъ и индифферентизмъ, который никогда не писалъ словъ: отечество и знамя, ужасно страдалъ отъ чужеземной оккупаціи. Когда я снова увидѣлъ его, онъ все еще не оправился отъ удара, и былъ весь блѣдный и дрожащій. То были тяжкіе для него годы, я уже говорилъ объ этомъ, и онъ провелъ ихъ въ улицѣ Мурильо. Рана, нанесенная неуспѣхомъ „Education sentimentale", никогда не закрывалась; часто онъ внезапно останавливался передъ кѣмъ-нибудь изъ насъ и восклицалъ: „да скажите же мнѣ, почему эта книжонка не имѣла успѣха"? Въ прошломъ году, послѣ статьи, написанной мною по случаю новаго изданія этого романа, онъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ характеризовалъ его очень вѣрной фразой: „Это —честная книга". Затѣмъ прибавлялъ, что, быть можетъ, онъ былъ не-

Digitized by Google

правъ, выйдя изъ роковыхъ рамокъ каждаго романа и написавши этотъ дневникъ повседневной жизни. Такимъ образомъ, онъ пришелъ къ тому, что усумнился въ самомъ себѣ, а это означало страшную работу внутри его, для всѣхъ, кто его зналъ. Я уже высказалъ въ другомъ мѣстѣ, какъ я восхищаюсь „Education sentimentale“ [1]).

Что касается „Tentation de Saint-Antoine“, то онъ просидѣлъ надъ этимъ слишкомъ двадцать лѣтъ. Раньше „Madame Bovary“ онъ уже работалъ надъ нимъ; одинъ отрывокъ, посѣщеніе царицы Савской, даже появился въ „Artiste“. Но онъ постоянно откладывалъ въ сторону эту книгу и все не былъ ею доволенъ. Первый текстъ отрывка о Савской царицѣ даже лучше того, какимъ онъ явился послѣ передѣлки, и это доказываетъ болѣзненную сторону въ его стремленіи къ совершенству.

Въ 1874 г., когда онъ, наконецъ, окончилъ это произведеніе, онъ почувствовалъ большое облегченіе, не то, чтобы онъ былъ имъ безусловно доволенъ, но у него уже умъ за разумъ зашелъ, по его словамъ, и онъ боялся, что опять начнетъ съизнова, если не рѣшится печатать книгу такъ, какъ есть. Успѣха—книга имѣла еще меньше, нежели „Education sentimentale“. Флоберъ удивлялся этому, потому что воображалъ, что такое произведеніе науки и искусства легко можетъ стать популярнымъ; но онъ страдалъ отъ неуспѣха менѣе, чѣмъ мы опасались. „La Tentation de Saint-Antoine“ до конца оставалось его любимымъ произведеніемъ.

Я не стану распространяться о „Trois Contes“. Флоберъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на развлеченіе. Онъ началъ „Bouvard et Pécuchet“, свое посмертное произведеніе, когда, устрашенный предстоявшимъ трудомъ, озабоченный потерею своего состоянія, онъ бросилъ это громадное сочиненіе и написалъ три повѣсти: „la Légende de Saint Julien l'Hospitalier“, „Un coeur simple“ и „Hérodias“. Надъ каждой онъ просидѣлъ около полугода. Это онъ называлъ отдыхать.

Теперь мнѣ слѣдовало бы сказать то, что́ я знаю о „Bouvard et Pécuchet“, но я буду кратокъ; книга еще не появилась, и я предпочитаю не ослаблять ея интереса. „Bouvard et Pécuchet“, по идеѣ автора, должны быть для современнаго міра тѣмъ, чѣмъ является „Tentation de Saint Antoine“ для міра античнаго: отрицаніемъ всего или вѣрнѣе доказательствомъ всеобщей глупости. Но только „Tentation de Saint Antoine“ есть эпопея, доведенная до лиризма, между тѣмъ какъ „Bouvard et Pécuchet“ — комедія, доведенная до карикатуры.

Флоберъ взялъ двухъ простаковъ, двухъ отставныхъ чиновниковъ

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, 1875, ноябрь, стр. 401: „Флоберъ и его сочиненія“, письмо VIII.

Digitized by Google

министерства, которыхъ заставилъ удалиться въ деревню, гдѣ они пытаются овладѣть всѣми человѣческими познаніями, ради развлеченія и съ благороднѣйшей цѣлью стать полезными; натурально, всѣ ихъ попытки не удаются, они вѣчно терпятъ фіаско, и послѣ того какъ безплодно переходили отъ земледѣлія къ исторіи и отъ литературы къ религіи, они не находятъ болѣе интереснаго занятія, какъ списывать всѣ печатныя бумаги, какія имъ попадаютъ подъ руку. Эта переписка двухъ добряковъ должна была составить второй томъ, въ которомъ Флоберъ помѣстилъ бы всѣ глупости, сорвавшіяся съ пера самыхъ ничтожныхъ и самыхъ знаменитыхъ писателей, начиная съ него самого; не знаю, настолько ли законченъ этотъ второй томъ, чтобы появиться въ печати, но знаю, что „Bouvard et Pécuchet“ стоили безумныхъ трудовъ Флоберу; нѣсколько разъ онъ готовъ былъ все бросить, такія трудности представлялъ монотонный обзоръ всѣхъ человѣческихъ знаній, и до такой степени онъ терялся въ сложныхъ изслѣдованіяхъ. По одному земледѣлію, занимающему всего лишь тридцать страницъ въ книгѣ, ему пришлось перечитать сто семь сочиненій. Однако онъ упорствовалъ; это произведеніе было давнишней его идеей, и онъ въ нее вѣрилъ. Я позволю себѣ разсказать здѣсь анекдотъ, показывающій, какое значеніе онъ придавалъ малѣйшимъ подробностямъ. Сначала онъ скрывалъ отъ насъ заглавіе книги; онъ говорилъ: „mes bonshommes“; позднѣе, когда онъ намъ довѣрилъ его, то все еще обозначалъ не иначе, какъ заглавными буквами: *B. et P.*, въ своихъ письмахъ. Разъ мы завтракали у Шарпантье и говорили объ именахъ, и я сказалъ, что придумалъ превосходное, а именно: Буваръ, для одного дѣйствующаго лица въ романѣ „Его Превосходительство Эженъ Ругонъ“, надъ которымъ я тогда работалъ. Я замѣтилъ, что Флоберъ сталъ страненъ послѣ этого. Когда мы вышли изъ-за стола, онъ увелъ меня въ глубину сада и съ большимъ волненіемъ сталъ умолять предоставить ему имя Буваръ. Я, смѣясь, согласился на это. Но онъ продолжалъ быть очень серьёзнымъ, сильно разстроганнымъ и повторялъ, что не могъ бы продолжать своей книги, если бы я оставилъ себѣ это имя. Для него все произведеніе заключалось въ этихъ двухъ именахъ „Bouvard et Pécuchet“, безъ нихъ оно для него становилось немыслимымъ.

Не могу не упомянуть также и о „Candidat“, этой несчастной пьесѣ, провалившейся на театрѣ „Vaudeville“. Его всегда мучила страсть къ театру, но не особенно отвлекала отъ романа. Его главнымъ образомъ подзадоривалъ примѣръ Булье. Онъ написалъ въ сотрудничествѣ съ нимъ одну пьесу: „le Sexe faible“, которая сначала была принята въ „Vaudeville“. Но Карваллю, бывшій тогда директоромъ, предпочиталъ получить пьесу, написанную имъ однимъ; и вотъ Флоберъ написалъ „Candidat“. Онъ сначала вѣрилъ въ свою

Digitized by Google

пьесу, но на генеральной репетиціи, которая привела насъ всѣхъ въ уныніе, почувствовалъ неизбѣжность фіаско. Я нашелъ его молодцомъ въ этомъ случаѣ. Онъ присутствовалъ при своемъ пораженіи, безъ видимаго волненія; зала осталась холодно почтительной; едва раздалось два-три свистка. На дворѣ шелъ снѣгъ. Я нашелъ его при выходѣ; онъ курилъ сигару на тротуарѣ и вернулся домой, разговаривая съ пріятелями. Послѣ четвертаго представленія, онъ снялъ пьесу съ афиши. Онъ былъ просто удивленъ, что комизмъ, внесенный въ пьесу, не произвелъ большого эффекта. Если онъ и страдалъ отъ этой неудачи, то мы ничего о томъ не знали. Позднѣе онъ намъ прочиталъ „le Sexe faible", которую собирался давать на театрѣ „Cluny". Идея была остроумна, и попадались отличныя сцены; но общая компоновка показалась намъ очень слабой; онъ понялъ наше смущенное молчаніе и взялъ обратно пьесу. Я не стану утверждать, чтобы онъ не разстался въ этотъ день съ новой и дорогой иллюзіей, потому что пока шли репетиціи „Candidat", онъ говорилъ намъ о пяти или шести сюжетахъ для пьесъ, которыя ему пришли въ голову, и онъ думалъ поставить ихъ на сцену, если публика останется довольна. Онъ больше никогда съ нами о нихъ не заговаривалъ и совсѣмъ отказался отъ театра. Единственную слабость онъ сохранилъ къ своей волшебной пьесѣ: „le Château des Coeurs", написанную въ сотрудничествѣ съ Луи Булье и д'Осмуа и напечатанную недавно въ „Vie moderne". Онъ постоянно говорилъ, что желалъ бы видѣть, прежде чѣмъ умереть, на сценѣ картины „Cabaret" и „Royaume du pot au feu". Онъ ихъ не видѣлъ на сценѣ, и друзья его полагаютъ, что такъ лучше.

Разумѣется, Флоберъ думалъ, что проживетъ еще долго. Конечно, онъ говорилъ о смерти, думалъ о ней и боялся ея; но это не мѣшало ему составлять при насъ литературные проекты, для осуществленія которыхъ ему понадобилась бы вторая жизнь, такъ какъ онъ употреблялъ среднимъ числомъ семь лѣтъ на то, чтобы написать одинъ томъ. Нашимъ страстнымъ желаніемъ было, чтобы онъ снова написалъ романъ на тэму человѣческихъ страстей; мы чувствовали, что ему нуженъ большой успѣхъ, мы убѣждали его помѣстить любовную исторію въ рамки второй имперіи, которую онъ видѣлъ вблизи и о которой собралъ отличный матеріалъ. Онъ не отказывался прямо, но колебался; его пугалъ трудъ, потому что, при его системѣ, ему нужно было бы перерыть документы цѣлой эпохи; быть можетъ, также онъ не чувствовалъ себя вполнѣ независимымъ послѣ своихъ посѣщеній Компіеня; прибавьте наконецъ, что его сильно озабочивала фабула его романовъ, хотя она и кажется такой простой, но ему трудно было угодить самому себѣ.

Однако онъ нашелъ-таки сюжетъ, но говорилъ о немъ слишкомъ

Digitized by Google

смутно, чтобы я могъ сказать о немъ что-нибудь опредѣленное. То была исторія страсти, распредѣленной по мѣркѣ, обуржуазившагося порока, удовлетворяющаго самого себя съ соблюденіемъ всѣхъ приличій. Онъ хотѣлъ, чтобы это было „добродушно“. Но, надо сказать правду, этотъ романъ изъ второй имперіи, какъ мы его называли, не особенно занималъ его умъ. Другія идеи ему наклевывались и становились поперекъ дороги роману, и я сомнѣваюсь, чтобы онъ когда-либо его написалъ. Одной изъ этихъ идей, занимавшихъ его въ послѣдніе два года, была повѣсть о „Леонидѣ въ Ѳермопилахъ“. Я нашелъ его разъ очень взволнованнымъ, просто въ лихорадкѣ. Онъ не спалъ всю ночь, занятый этимъ сюжетомъ, который внушенъ былъ ему наканунѣ чтеніемъ. „Я весь горю имъ!“ говорилъ онъ мнѣ. Онъ видѣлъ, какъ Леонидъ отправляется въ Ѳермопилы съ своими тремя-стами соратниками, и говорилъ о нихъ, какъ о какихъ-нибудь національныхъ гвардейцахъ, съ которыми водилъ знакомство: то были честные буржуа, отправлявшіеся на свой постъ, засунувъ руки въ карманы. Затѣмъ онъ слѣдилъ за ними по дорогѣ, по которой ѣхалъ самъ во время своего путешествія на Востокъ; что его останавливало, такъ это желаніе вторично повидать Грецію, но на худой конецъ онъ бы удовольствовался прежнимъ матеріаломъ. Я увѣренъ, что послѣ „Bouvard et Pécuchet“, если бы онъ остался живъ, онъ бы принялся за своего Леонида; онъ написалъ бы еще двѣ другихъ повѣсти, и такимъ образомъ далъ бы pendant къ „Trois Contes“. Сюжеты этихъ повѣстей уже были найдены,—между прочимъ одинъ трактовалъ объ очень смѣломъ наблюденіи по части любовной физіологіи.

V.

Мнѣ остается сказать, какъ работалъ Гюставъ Флоберъ и что было для него тѣмъ совершенствомъ, которое составляло радость и мученіе его жизни.

Беру его эпоху съ самаго начала, когда сюжетъ уже почти созрѣлъ въ его головѣ, и онъ набросалъ конспектъ на бумагѣ. Послѣ того онъ распредѣлялъ его на отдѣлы и начиналась погоня за документами.

Онъ въ особенности много читалъ сочиненій, но надо сказать, что онъ больше ихъ перелистывалъ, съ замѣчательнымъ чутьемъ находя то, что ему было нужно. Часто сочиненіе въ пятьсотъ страницъ давало ему всего лишь нѣсколько строкъ, которыя онъ аккуратно выписывалъ, часто даже оно ему ничего не давало. Этимъ объясняются семь лѣтъ, употребляемые имъ, среднимъ числомъ, на каждую изъ своихъ книгъ,—изъ нихъ четыре по крайней мѣрѣ шли на пред-

Digitized by Google

варительное чтеніе. Онъ увлекался, отъ одной книги переходилъ къ другой, ссылки въ концѣ страницъ отсылали его къ спеціальнымъ трактатамъ, къ источникамъ, съ которыми онъ непремѣнно желалъ познакомиться, такъ что въ концѣ-концовъ ему приходилось перечитать цѣлую библіотеку, и все это по поводу какого-нибудь сомнительнаго факта, какого-нибудь слова, въ которомъ онъ не былъ увѣренъ. Къ тому же, думается мнѣ, что ему случалось забывать о своемъ романѣ и увлекаться чтеніемъ ради эрудиціи. Онъ пріобрѣлъ ее такими чтеніями, обусловливаемыми его трудами; онъ снова засѣлъ за латынь, онъ перерылъ всю древность и всѣ наши современныя науки ради „Salammbô“ и „Tentation de Saint-Antoine“, ради „Education sentimentale“ и „Bouvard et Pécuchet“. Но вотъ, мало-по-малу матеріалы накоплялись и наполняли громадныя папки. Онъ разспрашивалъ также спеціалистовъ, разглядывалъ эстампы въ библіотекѣ, рыскалъ по провинціи и возвращался съ документами о тѣхъ мѣстностяхъ, куда онъ хотѣлъ помѣстить своихъ лицъ. Все это увеличивало кучу матеріала. Чтобы дать понятіе объ его добросовѣстности, достаточно сказать, что, прежде чѣмъ написать „Education sentimentale“, онъ перелистовалъ всю коллекцію „Charivari“, чтобы проникнуться духомъ мелкой журналистики при Луи-Филиппѣ, и словами, найденными въ этой коллекціи, онъ создалъ своего Гюссонѣ. Я могу привести двадцать примѣровъ этой добросовѣстности, доходившей до маніи. Наконецъ, груда матеріаловъ лежала на столѣ; онъ имѣлъ подъ руками все, что̀ ему требовалось, или по-крайней-мѣрѣ прекращалъ свои изслѣдованія вслѣдствіе утомленія или нетерпѣнія, потому что, при его совѣстливости, изслѣдованія могли бы вѣчно длиться; наступалъ часъ, когда, говорилъ онъ, онъ чувствовалъ потребность писать. И тогда-то онъ приступалъ къ своему тяжкому труду, потому что тутъ только и начинались его мученія.

Я замѣчу здѣсь, что когда онъ соберетъ, бывало, всѣ свои матеріалы, то проникнется къ нимъ презрѣніемъ. Матеріалы по „Bouvard et Pécuchet“, напримѣръ, образовали цѣлую гору бумагъ, которую мы видали на его столѣ, въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ. Изъ нихъ можно было набрать по-крайней-мѣрѣ двадцать томовъ in-octavo. Для каждой главы былъ свой отдѣльный dossier. Иногда цѣлая страница замѣтокъ должна была свестись къ одной фразѣ. Это былъ сырой матеріалъ, изъ котораго онъ долженъ былъ выжать квинтэссенцію. Понятно, какой страшный трудъ предстоялъ ему, прежде чѣмъ онъ придетъ къ такому резюмѣ, тѣмъ болѣе, что онъ хотѣлъ его имѣть на безукоризненномъ языкѣ, о которомъ поговорю ниже. Языкъ былъ все, а замѣтки—ничто. Онъ презиралъ даже своихъ дѣйствующихъ лицъ. Какъ онъ повторялъ, быть точнымъ, не пропустить ни одной ошибки, значило просто быть честнымъ относительно публики.

Digitized by Google

Это само собой разумѣется. Толькіе плохіе умы говорятъ о томъ, чего не знаютъ. Затѣмъ, если къ нему приставали, то онъ закричитъ, бывало, что наплевать ему на правду,—что надо было быть такимъ больнымъ субъектомъ, какъ онъ, чтобы выказывать дурацкую заботливость о точности, и что единственной важной и вѣчной вещью въ здѣшнемъ мірѣ была хорошо написанная фраза.

Садясь писать, онъ быстро напишетъ, бывало, отрывокъ, цѣлый эпизодъ, страницъ пять-шесть, — самое большое. Порою, когда онъ не находилъ нужнаго ему слова, то оставлялъ пробѣлъ. Потомъ снова принимался за этотъ отрывокъ — и тогда уже страстно работалъ надъ этими пятью-шестью страницами двѣ или три недѣли сряду, иногда долѣе. Онъ хотѣлъ, чтобы онѣ были совершенны, а увѣряю васъ, что его совершенство было не изъ покладливыхъ. Онъ взвѣшивалъ каждое слово, вникалъ не только въ его смыслъ, но и въ его сложеніе. Избѣгать повтореній, риемъ, рѣзкостей—было для него черной работой. Онъ доходилъ до того, что не хотѣлъ, чтобы одинакія буквы повторялись въ фразѣ; часто какая-нибудь буква досаждала ему,—онъ искалъ выраженій, гдѣ бы она не встрѣчалась; а не то ему требовалось извѣстное количество *p*, чтобы придать звучность періоду. Онъ писалъ не для глазъ, не для читателя, который читаетъ про-себя, сидя у камелька,—онъ писалъ для читателя, который декламируетъ, который громко произноситъ фразы, и даже вся его система была основана на этомъ. Чтобы испытать свои фразы, онъ выкрикивалъ ихъ самъ, сидя за письменнымъ столомъ, и былъ доволенъ только тогда, когда онъ прокричитъ ихъ тѣмъ тономъ, какой ему нравился. Въ Круассѐ его метода работать была хорошо извѣстна, и слугамъ отдано было приказаніе не трогаться съ мѣста, когда они услышатъ, что баринъ кричитъ; одни только буржуа останавливались на дорогѣ изъ любопытства, и многіе звали его адвокатомъ, думая безъ сомнѣнія, что онъ изощряется въ остроуміи. Ничего не можетъ быть характеристичнѣе, по-моему, этой потребности въ гармоніи. Чтобы познакомиться съ слогомъ Флобера, надо декламировать, какъ онъ, его фразы. Этотъ слогъ созданъ для того, чтобы его декламировали, и тогда звучность словъ, ширина ритма придаетъ удивительную силу идеѣ, порою благодаря лирическому паѳосу,—порою благодаря комическимъ сопоставленіямъ. Онъ удивительно какъ умѣлъ говорить о дуракахъ, съ раскатами грома, ихъ подавляющими.

Я не могу дать даже понятія о его щекотливости въ дѣлѣ слога. Надобно было бы входить во всѣ мелочи языка. Знаки препинанія имѣли въ его глазахъ капитальную важность. Онъ хотѣлъ движенія, красокъ, музыки—и всего этого посредствомъ мертвыхъ словъ лексикона, которыя онъ долженъ былъ оживить. Онъ не былъ однако

Digitized by Google

строгимъ приверженцемъ грамматики, потому что не отступалъ передъ перестановкой словъ, если она могла сдѣлать фразу болѣе сжатой и болѣе сильной. Съ другой стороны, онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе стремился къ сжатости, потому что совершенство—врагъ многословія. Часто я думалъ, не говоря ему объ этомъ, что онъ дѣлаетъ дѣло Буало надъ языкомъ романтизма, напичканномъ новыми выраженіями и оборотами. Онъ отбрасывалъ все лишнее до такой степени, что, наконецъ, начиналъ бояться словъ и переворачивалъ ихъ на всѣ лады, когда они, по его мнѣнію, не подходили. Разъ въ воскресенье мы нашли его дремлющимъ, разбитымъ усталостью. Наканунѣ онъ окончилъ страницу изъ „Bouvard et Pécuchet", которою былъ очень доволенъ, и отправился обѣдать въ гости, предварительно переписавъ ее на большой листъ голландской бумаги, которую онъ обыкновенно употреблялъ. Вернувшись домой около полуночи, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же лечь, онъ захотѣлъ доставить себѣ удовольствіе—перечитать свою страницу. Но пришелъ въ неописанное волненіе: отъ его вниманія ускользнуло повтореніе словъ на короткомъ разстояніи. Хотя въ кабинетѣ у него не было огня и было очень холодно, онъ захотѣлъ, во что бы то ни стало, устранить повтореніе. Затѣмъ увидѣлъ другія слова, которыя ему не понравились, не смогъ ихъ всѣ измѣнить и съ отчаяніемъ легъ спать. Въ постели онъ ни за что не могъ уснуть, вертѣлся и все думалъ объ этихъ проклятыхъ словахъ. Вдругъ онъ неожиданно придумалъ удачную поправку, соскочилъ съ постели, зажегъ свѣчу и въ рубашкѣ побѣжалъ въ кабинетъ записать новую фразу. Затѣмъ, дрожа отъ холода, залѣзъ подъ одѣяло. Три раза вскакивалъ онъ такимъ образомъ и зажигалъ свѣчу, чтобы переставить слова или прибавить запятую. Наконецъ, не выдержавъ, подгоняемый демономъ совершенства, онъ захватилъ съ собой страницу, надвинулъ фуляръ на уши, подоткнулся со всѣхъ сторонъ одѣяломъ и до разсвѣта исправлялъ свою страницу, и всю исчеркалъ ее карандашомъ. Вотъ какъ онъ работалъ. Со всѣми нами случаются такіе припадки, но онъ переживалъ ихъ сплошь, пока писалъ книгу.

Когда онъ усядется, бывало, за письменный столъ, передъ страницей первой редакціи, онъ подопретъ голову обѣими руками и долго глядитъ на страницу, точно магнетизируетъ ее. Положитъ въ сторону перо, молчитъ, сидитъ, углубленный въ поиски слова, не дающагося ему, или оборота, ускользающаго отъ него. Тургеневъ, видѣвшій его въ такихъ положеніяхъ, говоритъ, что трогательно бывало на него глядѣть. И не надо было ему мѣшать; онъ выказывалъ ангельское терпѣніе,—онъ, обыкновенно такой нетерпѣливый. Онъ былъ очень кротокъ съ языкомъ, не ругался, по часамъ ждалъ, чтобы

Digitized by Google

онъ соблаговолилъ дать ея ему въ руки. Онъ говоритъ, что ищетъ иногда словъ по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Я назвалъ Тургенева. Однажды я присутствовалъ при очень типичной сценѣ. Тургеневъ, хранившій въ душѣ симпатіи къ Мериме, захотѣлъ въ одно воскресенье, чтобы Флоберъ объяснилъ ему, почему онъ находитъ, что авторъ „Colomba" писалъ дурно; Флоберъ прочиталъ одну страницу, останавливаясь на каждой строчкѣ, хуля „qui" и „que", возставая противъ готовыхъ выраженій въ родѣ: „prendre les armes" или „prodiguer des baisers". Какофонія нѣкоторыхъ сближеній между согласными, сухость окончаній иныхъ фразъ, нелогичная разстановка знаковъ препинанія—все подверглось его критикѣ. Тургеневъ глядѣлъ на него изумленными глазами. Очевидно, онъ не могъ этого взять въ толкъ и объявилъ, что никакой писатель ни на какомъ языкѣ не ударялся въ такія тонкости. Съ этихъ поръ, когда мы примемся бывало проклинать „qui" и „que", Тургеневъ, часто я вижу, улыбается; онъ говорилъ намъ бывало, что всѣ мы напрасно не относимся проще къ своему языку, который одинъ изъ самыхъ ясныхъ и точныхъ. Я совершенно съ нимъ согласенъ и всегда дивился вѣрности его сужденій; быть можетъ онъ, какъ иностранецъ, судилъ объ насъ съ тѣмъ безпристрастіемъ и независимостью, какія и требуются.

Приведу еще одну фразу, которую Флоберъ недавно писалъ одному пріятелю: „Я очень любилъ Бальзака, но стремленіе къ совершенству оттолкнуло меня отъ него мало-по-малу". Въ этомъ весь Флоберъ. Я пишу здѣсь замѣтки, а не диссертацію о литературной теоріи; но долженъ прибавить, что стремленіе къ совершенству было настоящей болѣзнью у романиста, истощавшей его и поражавшей безплодіемъ. Прослѣдите за нимъ внимательно съ этой точки зрѣнія, начиная съ „Madame Bovary" и кончая „Bouvard et Pécuchet",—вы увидите, какъ онъ мало-по-малу поглощается формой, сокращаетъ свой словарь, все болѣе и болѣе увлекается процессомъ писанія и отрѣшается отъ человѣчности дѣйствующихъ лицъ. Безъ сомнѣнія, онъ надѣлилъ французскую литературу мастерскими произведеніями. Но нельзя было безъ грусти видѣть, какъ надъ этимъ талантомъ повторяется древняя басня о нимфахъ, медленно превращавшихся въ камень, сначала отъ ногъ до таліи, затѣмъ и съ головой. Флоберъ превращался въ прекрасную мраморную статую.

Порою я возбуждалъ этотъ вопросъ при немъ съ осторожностью, потому что боялся его огорчить. Критическое замѣчаніе приводило его въ неописанное состояніе. Когда онъ читалъ намъ какой-нибудь отрывокъ, съ нимъ нельзя было спорить, не рискуя сдѣлать его больнымъ. Я видѣлъ, что когда онъ преслѣдовалъ qui и que, онъ не обра-

Digitized by Google

щалъ вниманія на et; и такимъ образомъ можно найти страницы, гдѣ et не оберешься, между тѣмъ какъ que и qui совсѣмъ отсутствуютъ. Я хочу сказать, что умъ, занятый преслѣдованіемъ такого оборота рѣчи, который свойственъ духу языка, спотыкается о другой оборотъ, котораго не боится, а слѣдовательно и учащаетъ. Въ подобный пуризмъ всегда вносится много личнаго каприза. Но только, повторяю, безполезно бывало желать убѣдить Флобера. Человѣкъ, проводившій иногда цѣлые дни надъ одной фразой, убѣжденный въ правильности своего взгляда, не могъ уступить этой фразы на основаніи замѣчанія посторонняго наблюдателя, онъ отказывался слѣдовательно отъ всякихъ поправокъ, тѣмъ болѣе, что для него измѣнить одно слово значило разрушить всю страницу. Каждая буква имѣла свое значеніе, свой цвѣтъ, свою музыку. Онъ приходилъ въ смятеніе отъ одной мысли переставить запятую. Это было невозможно, это убивало фразу. Когда онъ прочиталъ намъ „Un coeur simple", мы попросили его уничтожить фразу о попугаѣ, котораго Фелисите принимаетъ за св. Духа: „Le Père, pour s'énoncer, n'avait pu choisir une colombe, puisque ces bêtes-là n'ont pas de voix, mais plutôt un des ancêtres de Loulou". Намъ показалось, что это замѣчаніе слишкомъ хитроумно для старой служанки и потому впадаетъ въ преувеличеніе. Флоберъ очень взволновался, обѣщалъ намъ обсудить это обстоятельство; нужно было просто только выкинуть фразу, но онъ этого не сдѣлалъ: онъ нашелъ бы, что все произведеніе искалѣчено.

Натурально, что послѣ такого труда, оконченная рукопись получала въ его глазахъ важное значеніе. То не было тщеславіе, то было уваженіе къ труду и вѣра въ него, такъ какъ онъ стоилъ ему такъ много усилій, и онъ всего себя вложилъ въ него. Онъ давалъ переписать рукопись и снова тщательно пересматривалъ ее; эта копія и посылалась въ типографію для набора. Въ его бумагахъ безъ сомнѣнія найдутся всѣ его оригинальныя рукописи, написанныя его рукой; онъ выбиралъ для нихъ особенную бумагу, толстую и прочную, съ мыслью оставить для потомства вѣрный подлинникъ. Что касается копіи, то по его словамъ она отчуждала его отъ его произведеній; онъ читалъ ее, какъ посторонній, его книга не казалась ему больше его собственной, и онъ безъ страданія разлучался съ нею; тогда какъ если бы онъ далъ подлинный манускриптъ, тотъ манускриптъ, надъ которымъ онъ такъ долго мучился, ему казалось бы, что у него отрываютъ кусокъ мяса отъ сердца. Прежде чѣмъ передать пакетъ въ типографію, онъ любилъ читать изъ него отрывки въ пріятельскихъ домахъ. То было настоящее торжество. Онъ читалъ очень хорошо, звучно и ритмично, произнося фразы, какъ речитативъ, и отлично оттѣняя музыку словъ, но не фразируя ихъ,

Digitized by Google

безъ всякихъ оттѣнковъ. Я назову это лирической декламаціей, и у него была на этотъ счетъ цѣлая теорія.

Въ сильныхъ мѣстахъ, когда онъ приближался къ финальному эффекту, онъ усиливалъ голосъ и доходилъ до громовыхъ раскатовъ, отъ которыхъ дрожали стѣны. Я слышалъ, какъ онъ кончилъ: „la Légende de Saint Julien l'Hospitalier", настоящимъ громовымъ ударомъ, чрезвычайно эффектно. Затѣмъ, съ печатаніемъ книги начиналась другая, немалая возня. Онъ былъ крайне разборчивъ въ выборѣ типографіи, объявляя, что ни у одного парижскаго типографа не было хорошихъ чернилъ. Вопросъ о бумагѣ тоже сильно занималъ его; онъ требовалъ, чтобы ему показали образчики, былъ очень придирчивъ, очень сокрушался также о цвѣтѣ обертки и порою мечталъ о небывалыхъ форматахъ. Затѣмъ самъ выбиралъ шрифтъ. Для „Tentation de Saint-Antoine" онъ потребовалъ сложную типографію, всякаго сорта шрифты, и изо всѣхъ силъ выбивался, чтобы найти то, что̀ ему было желательно. Всѣ эти мелочныя работы проистекали, повторяю, отъ уваженія къ литературѣ и къ собственному труду. Во время набора, онъ волновался, не не потому, чтобы сильно исправлялъ корректуры, онъ довольствовался корректурой въ типографскомъ отношеніи, потому что не согласился бы измѣнить ни одного слова, такъ какъ отнынѣ произведеніе его казалось ему такимъ же прочнымъ, какъ мѣдь, и доведеннымъ до возможной степени совершенства. Онъ тревожился только матеріальной стороной дѣла, писалъ по два раза въ день въ типографію и къ издателю, трепеталъ какъ бы какая-нибудь корректура не ускользнула отъ него, и иногда сомнѣніе до такой степени овладѣвало имъ, что онъ бралъ карету, чтобы удостовѣриться, что такая-то запятая на своемъ мѣстѣ. Наконецъ, книга выходила изъ печати, онъ разсылалъ ее друзьямъ, по заранѣе составленнымъ спискамъ, изъ которыхъ вычеркивалъ тѣхъ лицъ, которыя его прежде не благодарили за присылку. Литература въ его глазахъ была высшимъ дѣломъ, самымъ важнымъ дѣломъ въ мірѣ. Поэтому онъ хотѣлъ, чтобы къ ней относились почтительно. Его презрѣніе къ людямъ коренилось главнымъ образомъ въ ихъ равнодушіи къ искусству, въ ихъ глухомъ недовѣріи, въ ихъ смутномъ страхѣ къ выработанному и яркому слогу. У него было любимое словечко, которое онъ часто повторялъ громовымъ голосомъ: „ненависть къ литературѣ! ненависть къ литературѣ!"—и эту ненависть онъ встрѣчалъ повсюду: у политическихъ дѣятелей еще больше, чѣмъ у простыхъ буржуа.

Таковъ Гюставъ Флоберъ, какимъ онъ рисуется въ моихъ воспоминаніяхъ; чудесный писатель, логическій умъ, исполненный противорѣчій. Онъ весь отдался литературѣ, до такой степени, что

Digitized by Google

былъ несправедливъ къ другимъ искусствамъ, къ музыкѣ и живописи, напримѣръ, съ пренебреженіемъ обзывая ихъ „низшими искусствами“. Въ живописи несомнѣнно у него не было никакого критическаго такта; онъ никогда не говорилъ о картинахъ, откровенно сознаваясь въ своемъ невѣжествѣ. Я видѣлъ только, что онъ немного увлекался картинами Гюстава Моро, выработанность таланта котораго имѣла большое сходство съ его собственнымъ. Когда ему говорили о томъ, чтобы иллюстрировать какое-нибудь изъ его сочиненій, онъ приходилъ въ ярость, говоря, что надо не уважать его прозы, чтобы испещрить ее картинками, которыя начнутъ и уничтожатъ текстъ. Только одинъ разъ и по особенному случаю, онъ уступилъ въ этомъ отношеніи. „Vie Moderne“ напечатала его волшебную пьесу съ рисунками, но онъ пожалѣлъ о томъ, что называлъ подлостью съ своей стороны, писалъ яростныя письма, недовольный этой публикаціей, бывшей одной изъ послѣднихъ горестей его жизни.

Точно такъ онъ не хотѣлъ, чтобы съ него снимали портреты, и пока былъ живъ, упорствовалъ въ этомъ. Со всѣмъ тѣмъ, если не существуетъ его портрета масляными красками, то имѣется фотографическій, который онъ снялъ для одной дамы, въ минуту слабости. Портретъ, напечатанный въ „Vie Moderne“, сдѣланный Липаромъ съ фотографіи, чрезвычайно похожъ. Старинные друзья Флобера подсмѣивались надъ нимъ, говоря, что онъ изъ кокетства не позволяетъ снять съ себя портретъ. Онъ былъ, говорятъ, очень красивъ съ-молоду; но, рано облысѣвъ, жалѣя о своихъ волосахъ, называлъ себя старикомъ съ тѣмъ обожаніемъ красоты, какое отмѣчало поколѣніе 1830 г. Это обожаніе намъ до такой степени чуждо, что кажется непонятнымъ. Гюставъ Флоберъ съ своимъ высокимъ ростомъ, обширнымъ лбомъ, длинными усами, пересѣкавшими его мощную челюсть, казался намъ превосходнымъ типомъ мыслителя и писателя.

Прежде чѣмъ кончить, скажу нѣсколько словъ объ одномъ очень щекотливомъ фактѣ, которымъ противники его могли бы воспользоваться впослѣдствіи. Когда Флоберъ съ такимъ великодушіемъ пожертвовалъ всѣмъ своимъ состояніемъ, чтобы помочь мужу своей племянницы, его друзья, видя его такимъ встревоженнымъ и растроеннымъ, стали измышлять способъ успокоить его, найдя ему какіе-нибудь рессурсы. Нѣкоторымъ пришло въ голову мысль доставить ему мѣсто консерватора библіотеки. Сначала онъ наотрѣзъ отказался. Въ продолженіи долгихъ недѣль убѣждали его; онъ лежалъ тогда въ постели съ сломанной ногой, и пришлось ѣздить въ Круассе, чтобы убѣдить его. Въ Парижѣ у министра уже было готово его назначеніе. Такимъ образомъ, Гюставъ Флоберъ, въ послѣдніе полтора года своей жизни, получалъ отъ государства замаскированную пенсію въ три тысячи франковъ.

Digitized by Google

Впрочемъ, кромѣ этого, онъ ничѣмъ не долженъ своему краю. Онъ не былъ членомъ академіи и никогда бы не попалъ въ нее, по той простой причинѣ, что рѣшительно отказывался идти туда. Всякая мысль о регламентаціи приводила его въ ужасъ. Въ 1866 г. имперія наградила его орденомъ. Но позднѣе, около 1874 г., онъ снялъ свою ленточку и больше никогда не носилъ ее. Когда мы его спрашивали объ этомъ, онъ намъ отвѣчалъ, что дали орденъ одному извѣстному мошеннику и что онъ не хочетъ больше носить креста, который носитъ мошенникъ. Со всѣмъ тѣмъ онъ понималъ слабую сторону своего положенія. На одномъ обѣдѣ, у одного изъ нашихъ общихъ друзей, зашла какъ-то рѣчь объ его упрямомъ нежеланіи носить красную ленточку, и одинъ буржуа прямо сказалъ ему, что такъ какъ онъ не хочетъ ее носить, то ему не слѣдовало бы ее и просить. Это вызвало въ немъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ гнѣва, обуздать которые онъ былъ, повидимому, не въ силахъ, и которые смущали хозяина дома и его гостей, когда разражались за обѣдомъ на званомъ вечерѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ правъ, если предпочиталъ оставаться простымъ гражданиномъ, и когда онъ умеръ, онъ былъ ничѣмъ, онъ былъ только—Гюставъ Флоберъ.

Эмиль Золя.

МЕФИСТОФЕЛЬ АНТОКОЛЬСКАГО.

Письмо въ Редакцію.

...Говорятъ, съ поэтомъ спорить нельзя; поэтъ волёнъ въ своихъ поэтическихъ вымыслахъ. Врядъ ли можно принять эту сентенцію,—преданіе старыхъ временъ,—безусловно: вѣдь на поэтовъ не было бы никакой управы; а изъ опыта извѣстно, что управа есть на все на свѣтѣ. Человѣкъ только подумалъ и никому еще не сообщалъ своей мысли, а управа тутъ какъ тутъ: заглядываетъ ему въ глаза, читаетъ въ выраженіи его лица, что у него происходитъ на душѣ и творитъ судъ.

Исходя изъ несомнѣнной и всячески дознанной истины, что есть управа на все, я намѣренъ призвать къ суду науки и художественной критики гр. А. Голенищева-Кутузова, за его стихотвореніе

Digitized by Google

„Къ Мефистофелю“, напечатанное въ іюньской книжкѣ вашего журнала. Обвиненія, которыя я на него взвожу, касаются двухъ пунктовъ. Поэтъ, во-первыхъ, неправильно понялъ созданіе Антокольскаго—его бюстъ „Мефистофель“; во-вторыхъ, онъ не понялъ вообще Мефистофеля, какимъ онъ можетъ представиться уму и сознанію современнаго человѣка, при теперешнемъ состояніи знанія.

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ увидалъ у Мефистофеля Антокольскаго искривленную усмѣшку на устахъ, туманъ лжи, отраву презрѣнья въ задумчиво-блуждающихъ глазахъ. Ему показалось, будто взоръ Мефистофеля надъ нимъ, поэтомъ, смѣется; будто Мефистофель язвитъ и хохочетъ, подмигиваетъ на красоту, на чувство, сжигаетъ людей огнемъ презрѣнія. Признаюсь, я въ исполненномъ глубокаго значенія произведеніи Антокольскаго не замѣтилъ ничего подобнаго. Въ искривленномъ ртѣ выражается, на мой взглядъ, совсѣмъ не хохотъ и язвительность, а глубокое душевное страданіе преждевременно состарѣвшагося человѣка. Мефистофель Антокольскаго, съ его рѣдкими волосами и болѣзненной худобой, обличаетъ не стараго, но дряхлаго человѣка, который много пережилъ, много испыталъ и завялъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ. Глаза его, въ которыхъ сосредоточена вся сила и вся энергія этого молодого старика, далеко не выражаютъ презрѣніе и еще менѣе того задумчиво блуждаютъ; напротивъ, взглядъ его до того силенъ, проницателенъ и сосредоточенъ, что отъ него становится жутко, холодъ пробѣгаетъ по жиламъ, когда долго на него смотришь. Поэту хотѣлось непремѣнно увидать въ Мефистофелѣ злобныя душевныя движенія, это было ему нужно для основной его мысли, которая выражена въ первой строфѣ и въ самомъ концѣ стихотворенія, и вотъ онъ приписываетъ бюсту выраженіе, котораго онъ, я думаю, не имѣетъ. Вотъ мое первое обвиненіе. Второе находится съ нимъ въ тѣснѣйшей связи. Поэтъ видитъ въ твореніи Антокольскаго то, чего по мнѣ въ немъ нѣтъ, потому что задался извѣстнымъ, готовымъ представленіемъ о Мефистофелѣ, а это представленіе, какъ мнѣ кажется, далеко ниже того, что̀ выразилъ Антокольскій,—сознательно или безсознательно—это до насъ не касается. Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ воображаетъ себѣ Мефистофеля геніемъ злобы и сомнѣнія, духомъ презрѣнія, ядовитой насмѣшки, клеветы; Мефистофель, по его понятіямъ, долженъ дышать ложью и развратомъ, развѣнчивать святыню, и нашептывать людямъ лукавыя рѣчи, переданныя въ слѣдующихъ стихахъ:

„Добро и зло, ничтожество, величье,
„Все, что̀ живетъ, что̀ отжило давно...
„Гдѣ судъ тому, гдѣ мѣра, гдѣ различье?
„Не все-ль людьми изругано равно!“

Digitized by Google

Было время, когда отрицаніе добра, возведенное въ принципъ, составляло предметъ глубокаго вѣрованія и передавалось въ творческихъ созданіяхъ поразительнаго величія, красоты и мощи. Но то были созданія, возникшія въ эпоху юности философской мысли и научнаго знанія. Когда они возмужали и созрѣли,—эти образы и самыя идеи, которыя ихъ породили, поблекли. Мѣсто полной вѣры въ ихъ дѣйствительность заступила критика, продолжающаяся безпрерывно и неутомимо до сихъ поръ. Теперь рѣчь идетъ не о томъ, есть ли добро и зло какъ два начала, рѣзко и безусловно противоположныя другъ другу, а послѣдуется вопросъ, откуда взялось ихъ противуставленіе другъ другу, гдѣ та почва, на которой могъ возникнуть дуализмъ, лежащій въ основаніи древнихъ и новыхъ представленій о Мефистофелѣ и существахъ одного съ нимъ характера, свойства и порядка. Начиная отъ Аримана и до Лермонтовскаго „Демона“ включительно, наука и искусство не переставали трудиться надъ выясненіемъ начала зла и вносили въ него новыя понятія, по мѣрѣ того, какъ расширялся кругъ знанія, и подъ его вліяніемъ измѣнялись міросозерцанія. Но усилія цѣлыхъ поколѣній не могли разрѣшить задачи. Принципъ зла и теперь остается такимъ же сфинксомъ, какимъ до сихъ поръ былъ для испытующей, критической мысли. Попытка Гёте возвести въ принципъ традиціоннаго средневѣкового нѣмецкаго Мефи́сто, принадлежитъ къ числу неудачныхъ, потому что нѣмецкій философскій идеализмъ, царившій надъ умами въ эпоху Гёте, не давалъ ключа къ разрѣшенію загадки.

Антокольскій, если не ошибаюсь, первый перенесъ Мефистофеля изъ сферы отвлеченной мысли и принциповъ на психическую почву. Въ этомъ, мнѣ кажется, его огромная заслуга, хотя бы, повторяю, онъ и не задавался этой задачей. Его Мефистофель—типъ человѣка, утратившаго душевную жизнь, идеализмъ чувства, вслѣдствіе односторонняго развитія исключительно объективнаго знанія. Современный Мефистофель все знаетъ, все понимаетъ, все провидитъ заранѣе. Онъ знаетъ, что то, что́ происходитъ въ дѣйствительномъ мірѣ, есть неизбѣжное, роковое послѣдствіе данныхъ условій и ихъ извѣстной группировки; что малое и великое, важное и ничтожное, жизнь человѣка и жизнь а́тома, судьба всего рода человѣческаго и капельнаго человѣческаго общежитія, одинаково совершаются по вѣчнымъ законамъ, которыхъ ничто въ мірѣ отмѣнить или пріостановить не можетъ. Что́ же такое, рядомъ съ правильнымъ и безпощаднымъ ходомъ вещей, личная жизнь отдѣльнаго человѣка? что́ значатъ его усилія, его идеалы, его мечты, его запросы на счастіе и удовлетвореніе, на разумное существованіе, на продолжительность и прочность порядка вещей, при которомъ ему живется хорошо? Все это—дѣтскія иллюзіи, жалкій самообманъ,

Digitized by Google

который исчезаетъ, какъ марево, при малѣйшемъ соприкосновеніи съ положительнымъ знаніемъ, раскрывающимъ суровую, горькую, черствую правду дѣйствительной жизни. Ты, юноша, тратишь здоровье и жизнь, преслѣдуя общественные идеалы, готовъ отдать все, чтобъ видѣть ихъ осуществленіе,—мечта! Ты погибнешь, а міръ будетъ идти своимъ заведеннымъ порядкомъ. Ты, счастливый мужъ или отецъ, отдаешься весь несравненному благополучію, которое создалось для тебя вокругъ твоего домашняго очага; не довѣряйся этому: завтра, послѣ-завтра, тифъ, дифтеритъ, скарлатина могутъ отнять у тебя разомъ все, на что ты, бѣдняга, опирался какъ на каменную гору, на чемъ ты построилъ карточный домикъ твоего личнаго счастія. Ты, оптимистъ и филантропъ, перенесшій всѣ заботы и всю любовь на служеніе людямъ, на водвореніе вокругъ себя правды, на осуществленіе добра, хотя бы въ микроскопическомъ кругѣ дѣятельности, который выпалъ тебѣ на долю: берегись! каждую минуту, безпощадный ходъ вещей безсмысленно можетъ пройтись губкой по всѣмъ твоимъ начинаніямъ и съ разу уничтожить то, надъ чѣмъ ты работалъ годами, чему отдалъ всю душу. Единичное, личное, индивидуальное—ничто, прахъ и дымъ! Прочное, неизмѣнное, непоколебимое, единственно-истинное—это роковой ходъ вещей, обусловленный законами дѣйствительности, съ которыми человѣкъ не можетъ бороться, и дѣйствію которыхъ онъ подчиненъ наравнѣ съ послѣдней былинкой.

Однако, съ тѣхъ поръ что міръ стоитъ, человѣкъ никогда не могъ помириться съ этими истинами. Какъ бы знаніе, наука ни твердили ему, что онъ и вся его дѣятельность, жизнь, помыслы, стремленья, удачи и неудачи—продуктъ роковыхъ условій, онъ не можетъ побѣдить въ себѣ вѣру, что міръ долженъ идти по его желанію, что онъ имѣетъ власть передѣлать его, какъ ему хочется, что онъ волёнъ въ своихъ мысляхъ и поступкахъ, что онъ имѣетъ право на удовлетвореніе и счастіе, и никогда не перестаетъ къ нимъ стремиться словомъ и дѣломъ; а когда всѣ пути въ дѣйствительности къ нимъ заказаны—переноситъ ихъ въ вѣрованія и мечты. Факиры, шаманисты, столпники, экзорцисты, утописты и мистики, не уступаютъ въ этомъ передовымъ мыслителямъ, неутомимымъ дѣятелямъ, реформаторамъ и революціонерамъ. Фаталисты и самоубійцы не составляютъ исключенія изъ общаго правила. Первые возводятъ рокъ въ провидѣніе и тѣмъ утѣшаютъ себя; вторые спасаются насильственною смертью отъ жизни, когда она не даетъ имъ того, чего они отъ нея требуютъ.

Мефистофель Антокольскаго есть типъ человѣка, въ которомъ вѣра въ возможность личнаго удовлетворенія и счастія разрушена. Оттого онъ преждевременно и состарѣлся. Его искривленный ротъ

Digitized by Google

выражаетъ длинный рядъ глубокихъ страданій, обратившихся въ нормальное состояніе. Когда прекратятся самыя страданія, Мефистофель сдѣлается червоннымъ валетомъ, станетъ Юханцевымъ, Лансбергомъ, Кути-де-ла-Помрэ, или подобнымъ субъектомъ публичныхъ обличеній души и совѣсти современнаго человѣка. Такіе субъекты не случайныя явленія; они—выраженіе міросозерцанія, выработаннаго вѣками, послѣднее слово цѣлаго, односторонняго направленія философской мысли, развившейся до своихъ крайнихъ послѣдствій. Въ этомъ смыслѣ, Мефистофель Антокольскаго—представитель цѣлой эпохи. Его нельзя ненавидѣть; напротивъ, онъ вызываетъ глубокій интересъ и участіе. Душевныя его страданія не выкупаются глубиною его знанія и пониманія. Горькое чувство, застывшее на его устахъ—плодъ ошибки, которая его терзаетъ, но до которой онъ еще не додумался. Когда онъ ее откроетъ и пойметъ—миръ и покой возвратятся въ его измученную душу.

Въ чемъ же его ошибка? Вотъ великій вопросъ нашего времени, который каждый рѣшаетъ по-своему. Большинство, не умѣя съ нимъ совладать, ни вынести нестерпимой душевной скорби, ищетъ спасенія въ прошедшемъ, въ преданіи, клянетъ умъ и знаніе. Но міросозерцанія прошлаго даютъ отвѣтъ на вопросы, поставленные въ иныхъ условіяхъ науки; преданіе сложилось въ назиданіе людей другого склада, другихъ умственныхъ запросовъ и привычекъ. Современному Мефистофелю—а каждый изъ насъ болѣе или менѣе Мефистофель,—нуженъ другой отвѣтъ, удовлетворяющій нашему пониманію и стоящій въ уровень съ наукою нашего времени.

Мнѣ кажется, что корень заблужденій современной мысли лежитъ въ смѣшеніи законовъ общихъ, отвлеченныхъ, составляющихъ необходимую предпосылку всего существующаго, съ условіями личной, индивидуальной жизни. Не умѣя ихъ различать, люди долго возводили послѣднія во всемірные законы, вопреки неотразимымъ доводамъ научнаго знанія; наконецъ, убѣдившись въ невозможности такого міросозерцанія, они, во имя науки и опираясь на ея требованія, стали, наоборотъ, отрицать условія личной жизни и непосредственно примѣнять къ ней общіе, отвлеченные законы бытія. Лишенная вслѣдствіе того основаній и необходимыхъ предпосылокъ своего существованія и развитія, она поблекла и замерла. Не разъ оба эти міросозерцанія смѣнялись въ исторіи, но никогда еще общіе законы не прилагались непосредственно къ личной жизни съ такою неумолимою послѣдовательностію, какъ въ наше время. Причина лежитъ въ томъ, что никогда еще свойства и особенности отвлеченной мысли не были выяснены съ такою полнотою и подробностью. За то только теперь и стало возможно подмѣтить ошибку въ выводахъ и понять ея послѣдствія для личной жизни.

Digitized by Google

Мы говоримъ: истина и ложь,—не давая себѣ яснаго отчета о томъ, что̀ подъ этимъ разумѣемъ. Обыкновенно намъ при этомъ представляется нѣчто объективно-существующее внѣ насъ и помимо насъ. Но истина и ложь есть только извѣстный способъ нашего личнаго отношенія къ предмету. Внѣ людей, нѣтъ ни лжи, ни истины, и наука напрасно стала бы допытываться, что̀ есть истина сама по себѣ. Ея, въ смыслѣ предмета, нѣтъ, какъ нѣтъ и лжи.

Что̀ такое необходимость и случайность, которыя мы тоже противополагаемъ другъ другу? Въ общемъ, отвлеченномъ смыслѣ случайности нѣтъ: все совершается съ роковою необходимостью; только для личной индивидуальной жизни существуетъ это различеніе, и въ ней оно играетъ огромную роль. Все, что̀ совершается въ предѣлахъ нашего предвидѣнія или преднамѣренія, то мы называемъ необходимымъ; а чего мы не могли предусмотрѣть, или что̀ не лежитъ въ нашемъ намѣреніи, а между тѣмъ совершилось, мы считаемъ случайнымъ.

На противоположеніи добра и зла построены всѣ наши нравственныя понятія, вся наша нравственная дѣятельность. Но ихъ различеніе лежитъ въ условіяхъ индивидуальной жизни; съ общей, отвлеченной точки зрѣнія, нѣтъ ни добра, ни зла; каждое явленіе, какое бы оно ни было, есть необходимый результатъ данныхъ условій и, слѣдовательно, не имѣетъ и не можетъ имѣть, само по себѣ, нравственнаго значенія. Поэтому, добро, какъ желаемое и достойное одобренія, зло, какъ нежелаемое, достойное порицанія или наказанія, не существуютъ съ общей отвлеченной точки зрѣнія; а въ индивидуальной, личной жизни мы не можемъ ступить шагу, не наталкиваясь на ихъ различеніе и противоположность.

Необходимость противопоставляется также свободной волѣ. Ихъ противоположеніе тоже относится только къ личной, индивидуальной жизни; для общей, отвлеченной мысли, этого различенія вовсе не существуетъ. Нескончаемый споръ о свободѣ воли вертится на смѣшеніи общаго и индивидуальнаго. Въ отвлеченномъ смыслѣ, свободной воли нѣтъ, и никакая аргументація въ мірѣ не можетъ ея доказать; въ личной, индивидуальной жизни, напротивъ, свобода воли въ мысляхъ и дѣйствіяхъ есть, на ряду съ чувствомъ добра и зла, одно изъ основныхъ условій существованія. Тотъ, кто съ общей точки зрѣнія отвергаетъ свободу воли, не въ состояніи, еслибъ даже захотѣлъ, отрицать ее въ своей личной дѣятельности, гдѣ она ежеминутно о себѣ напоминаетъ.

Эта параллель указываетъ на два, я бы сказалъ—порядка условій и законовъ, управляющихъ дѣйствительностью. Одни, общіе, отвлеченные, открываемые наукою, неизмѣнно опредѣляютъ жизнь, хотя

Digitized by Google

бы и не достигали до сознанія. Такъ, мы можемъ и не подозрѣвать законовъ, по которымъ совершаются въ нашемъ тѣлѣ многочисленные, естественные процессы, можемъ даже вовсе не чувствовать, какъ они совершаются; а они между тѣмъ идутъ въ насъ своимъ порядкомъ и производятъ свое дѣйствіе, помимо нашего сознанія и воли. Законы этого рода составляютъ предпосылку всей дѣйствительной жизни и получаютъ видъ общихъ отвлеченныхъ формулъ только въ нашемъ сознаніи. Въ этомъ видѣ, они не суть нѣчто самостоятельное, внѣ насъ существующее, а только особый способъ нашего отношенія къ дѣйствительному міру, котораго мы составляемъ частицу. Общія отвлеченныя положенія живутъ и умираютъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Непреложными, вѣчными кажутся они только потому, что до насъ были и послѣ насъ будутъ люди, въ которыхъ отвлеченныя истины живутъ, въ которыхъ онѣ возбуждаютъ дѣйствительнымъ міромъ. Но еслибъ родъ человѣческій когда-нибудь исчезъ съ лица земли, то съ нимъ и онѣ перестали бы существовать, потому что существуютъ только въ немъ и для него. Въ дѣйствительности ни одинъ законъ не выражается въ видѣ отвлеченныхъ формулъ, какимъ онъ представляется нашему уму; кромѣ того, въ ней никогда не дѣйствуетъ одинъ какой-нибудь законъ, а всѣ вмѣстѣ, одновременно, оттого дѣйствительная жизнь съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности безпрестанно расходится. Чтобы подмѣтить и изслѣдовать общій законъ, наука вынуждена сперва изолировать явленіе, въ которомъ онъ выражается, отъ всѣхъ другихъ, искусственно воспроизвести его, искусственно устранить отъ другихъ явленій, въ которыхъ выражаются другіе законы, и уже потомъ надъ такимъ отвлеченнымъ явленіемъ она производитъ свои опыты и наблюденія. Этимъ и объясняется, почему общій законъ и дѣйствительная жизнь никогда не совпадаютъ, почему послѣдняя никогда не совершается по требованіямъ общихъ формулъ, выработанныхъ наукою, и не будетъ съ ними совпадать, если бы даже формулы всѣхъ явленій сдѣлались когда-нибудь извѣстны.

Дѣйствительно существуютъ только единицы, индивидуальныя существа, начиная съ атомовъ и оканчивая такими сложными явленіями, какимъ человѣкъ; только единицы дѣйствуютъ, и ихъ различныя сочетанія и группы составляютъ дѣйствительный міръ, со всѣмъ его безконечнымъ разнообразіемъ. Общіе, отвлеченные законы составляютъ лишь ихъ необходимыя предпосылки, необходимыя условія, въ предѣлахъ которыхъ совершается жизнь. Но, сверхъ того, жизнь единицъ обусловлена еще и такимъ, что̀ общими законами не опредѣляется, изъ нихъ, такъ сказать, выпадаетъ, хотя имъ и не противорѣчитъ. Таковы особенныя цѣли, задачи и стремленія каждой изъ

Digitized by Google

единицъ или индивидуальностей—и различныя комбинаціи данныхъ, посреди которыхъ имъ приходится жить и дѣйствовать. Каждая изъ нихъ стремится сохранить свою единичную, особенную жизнь посреди другихъ, устроить свое индивидуальное существованіе какъ можно удобнѣе и лучше, соотвѣтственно съ своими особыми свойствами, наклонностями и привычками. Между этими индивидуальными задачами, цѣлями и стремленіями и общими законами бытія только и есть то общаго, что жизнь единицъ, какъ сказано, совершается въ предѣлахъ и условіяхъ, поставленныхъ общими законами и не можетъ ихъ переступить; во всемъ остальномъ тѣ и другія совершенно между собою различны. Общій законъ не можетъ быть задачею и цѣлью индивидуальной жизни, уже потому, что составляетъ ея предпосылку и дѣйствуетъ помимо сознанія и воли, вступая въ разнообразнѣйшія сочетанія съ особенными условіями индивидуальнаго существованія. Только мыслью, при помощи положительнаго знанія, мы выдѣляемъ общіе законы изъ дѣйствительной жизни и формулируемъ ихъ въ отвлеченныя схемы. Животрепещущій интересъ дѣйствительности составляютъ сочетанія явленій, безразличныя въ общемъ смыслѣ. Оттого, только въ наукѣ мы имѣемъ дѣло съ общимъ, роковымъ и неизмѣннымъ; въ дѣйствительной же жизни, мы, наоборотъ, заняты лишь особеннымъ, условнымъ, подвижнымъ и измѣнчивымъ. Съ общимъ закономъ единица не можетъ бороться; напротивъ, сочетанія явленій, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ жизни, въ большинствѣ случаевъ существенно зависятъ отъ дѣятельности, знанія, умѣнья и ловкости отдѣльныхъ единицъ или индивидуальностей. Регуляторомъ этого подвижнаго міра, безпрестанно измѣняющаго свой обликъ, являются, по отношенію къ человѣку, не общіе законы, а идеализированныя или обобщенныя чувства, кристаллизирующіяся, подъ вліяніемъ упражненія и опыта, въ привычки и нравственный характеръ. Безъ такъ-называемыхъ нравственныхъ началъ, немыслима жизнь отдѣльнаго лица въ обществѣ, ни правильно устроенная общественность, но эти начала не суть неизмѣнные законы бытія, ибо бываютъ различны въ разныя времена, у разныхъ народовъ; они только обобщенныя чувства, возведенныя упражненіемъ и привычкою въ характеръ. Для личности они то же, что общіе законы для всего существующаго: съ ними она сообразуется въ своихъ дѣйствіяхъ, при помощи ихъ ориентируется въ волнующемся житейскомъ морѣ, на нихъ опирается въ борьбѣ съ окружающимъ и безъ нихъ не можетъ жить; между тѣмъ, они не имѣютъ, подобно общимъ законамъ, своихъ неизмѣнныхъ формулъ, вслѣдствіе своего личнаго, индивидуальнаго характера и подвижности, измѣнчивости явленій, къ которымъ относятся. Мы видѣли,

Digitized by Google

что общіе законы всего бытія совершаются помимо сознанія и воли, очень часто и вопреки имъ; а идеализированныя чувства, нравственные принципы становятся обязательными для людей, только пройдя чрезъ ихъ сознаніе и волю; они, по внѣшнему виду, уподобляются общимъ законамъ, лишь обратившись чрезъ частое и долгое примѣненіе въ безсознательную привычку и нравы. Не вникая въ это существенное различіе общихъ законовъ бытія и особенныхъ условій индивидуальной жизни, мы устроиваемъ послѣднюю по схемамъ отвлеченныхъ законовъ и тѣмъ ее калѣчимъ и уродуемъ. Въ этомъ-то, какъ мнѣ кажется, и скрывается та фатальная ошибка, на которую я указывалъ выше. Она повторяется всюду и во всемъ, и есть характеристическій признакъ нашего времени. Упрекаютъ врачей въ томъ, что они заботливо относятся только къ тѣмъ больнымъ, которые представляютъ интересъ для науки; но въ этомъ виноваты не одни врачи, а всѣ—и политики, и юристы, и администраторы, и экономисты, и педагоги, и психологи. Мы всѣ только и думаемъ, что объ общемъ и пренебрегаемъ индивидуальнымъ. Богатые знаніемъ, мы бѣдны чутьемъ и тактомъ дѣйствительности; преклоняясь передъ обществомъ, мы едва обращаемъ вниманіе на людей и относимся къ нимъ свысока или равнодушно. Въ дѣтяхъ и юношахъ мы развиваемъ только общее — умъ, знанія, таланты; объ особенномъ, личномъ—именно ихъ характерѣ, мы мало думаемъ, да и то только съ точки зрѣнія внѣшняго приличія и дрессировки для общества.

Личности, индивидуумы въ современныхъ представленіяхъ—не болѣе какъ единицы въ составѣ суммы, какъ цифры въ бюджетѣ. Личность разсматривается, какъ нѣчто, тоже только въ отвлеченномъ смыслѣ, а не какъ живая единица, съ ея особенностями, характерными чертами и непосредственностью. Она существуетъ, вычеркнуть изъ дѣйствительности ее нельзя: но она, въ глазахъ всѣхъ и въ собственномъ сознаніи, обезличена. Въ нравственномъ смыслѣ она и не можетъ существовать, когда только общіе отвлеченные законы суть истины, а все остальное, на чемъ личная жизнь вертится, именно чувство добра и зла, свобода воли, необходимость и случайность, считаются за миражи умственнаго зрѣнія. При такомъ взглядѣ не все ли равно: тотъ или другой человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ? Вѣдь въ концѣ-концовъ во всякомъ случаѣ будетъ то, чему быть слѣдуетъ; стало быть, безумецъ тотъ, кто посвящаетъ жизнь свою и усилія преслѣдованію какой-либо идеальной цѣли. Если эта цѣль соотвѣтствуетъ ходу вещей, она будетъ достигнута и безъ тяжкихъ жертвъ и лишеній; а если нѣтъ, то всѣ труды напрасны. Самыя усилія, направленіе дѣятельности, выборъ цѣлей и средствъ для достиженія—не жалкое ли самообольщеніе, когда каждый нашъ шагъ,

Digitized by Google

каждое движеніе, каждая мысль есть необходимый результатъ извѣстныхъ условій, которыя создаютъ волю, родятъ намѣренія, цѣли, стремленія? Хотимъ мы или не хотимъ, мы все же будемъ необходимо мыслить и дѣлать то, что̀ мыслимъ и дѣлаемъ, побуждаемые условіями, которыя дѣйствуютъ помимо насъ. Стремиться къ добру, воздерживаться отъ зла—безполезно, при убѣжденіи, что мы шагу отъ себя ступить не можемъ, и все, что̀ мы дѣлаемъ, есть дѣйствіе, результатъ данныхъ условій, помимо нашей воли. Что́ такое добро и зло? Доброе сегодня будетъ зломъ завтра, и наоборотъ. Удалось достигнуть хорошаго результата,—мы смотримъ сквозь пальцы на то, какими средствами онъ достигнутъ. Черезъ десять, пятьдесятъ, сто лѣтъ, думаемъ мы, не мы такъ другіе будутъ спокойно ѣздить и возить товары по желѣзнымъ дорогамъ, построеннымъ концессіонерами, которые безовѣстнѣйшимъ образомъ набили себѣ карманы на счетъ государства, акціонеровъ и рабочихъ. Сокровища науки и искусства, кѣмъ и какъ бы ни были добыты, принесутъ несомнѣнную пользу будущимъ поколѣніямъ и культурѣ страны. Такъ злыя дѣла и преступленія, подобно хорошимъ и добродѣтельнымъ, покроются со временемъ достигнутыми чрезъ нихъ хорошими или дурными результатами. Такой складъ мыслей создаетъ современнаго Мефистофеля, онъ живетъ исключительно общими, отвлеченными интересами, а не личною жизнью, одерживаетъ побѣды вездѣ, гдѣ нужно знаніе, искусство, умѣнье справляться съ препятствіями, и безхарактеренъ, ничтоженъ, равнодушенъ и безучастенъ во всемъ, что̀ касается интересовъ личной душевной жизни, потому что они для него не существуютъ. Онъ способенъ пренебречь и матеріальными благами, и положеніемъ, и комфортомъ, и наслажденіемъ, и вліяніемъ, и властью, словомъ—всѣмъ на свѣтѣ, но только во имя общаго, отвлеченнаго, а не во имя требованій индивидуальной душевной жизни, которыя въ немъ вовсе не развиты, потому что онъ ихъ считаетъ ребяческими иллюзіями. Въ общемъ ходѣ вещей, думаетъ онъ, кто-нибудь долженъ же страдать, кого-нибудь должно же раздавить колесо жизни. По естественному закону, подъ это колесо подпадаютъ слабые, малознающіе, малоразвитые, малоопытные и неумѣлые. Ихъ, пожалуй, и жаль, но они обречены на погибель, и съ этимъ надо помириться: не становиться же, на ихъ мѣсто, другимъ изъ-за фантазіи! Эти другіе пригодятся на что-нибудь получше роли жертвъ въ борьбѣ жизни. И добро бы еще, еслибъ такими жертвами что-нибудь выигрывалось и выкупалось. А то—ничего! Нравственное спокойствіе, сознаніе выполненнаго долга, вѣра въ торжество добра и правды на землѣ—все это иллюзіи тѣхъ, которымъ недостало знанія, силы, ловкости или умѣнья стать твердой ногой въ дѣйствительной жизни и отстоять себя посреди житейской борьбы.

Digitized by Google

Современный мефистофелизмъ приписываютъ упадку нравовъ, не умѣя объяснить, какъ и отчего онъ произошелъ. Но упадокъ нравовъ есть результатъ ошибочнаго міросозерцанія, которое развилось послѣдовательно и представляетъ собою необходимую ступень въ общемъ ходѣ вещей. Ее пережили въ свое время и греки въ философіи, и римляне въ правѣ, но она никогда еще не представлялась въ такой полнотѣ и законченности, какъ у новыхъ европейскихъ народовъ. Мы испытываемъ теперь на себѣ всѣ послѣдствія исключительнаго, безраздѣльнаго господства отвлеченной мысли надъ живою личностью. Умаленіе ея, оскудѣніе душевной жизни заставило глубже всмотрѣться въ природу и свойства мышленія и въ его роль въ общей экономіи человѣческаго существованія. Это дало новое направленіе философской критикѣ, которая предвѣщаетъ нарожденіе новаго міросозерцанія, равно обнимающаго всѣ стороны дѣйствительной жизни. Вѣра и надежда, чувство добра и зла, увѣренность, что есть свободная воля и въ смыслѣ самопроизвольности, и въ смыслѣ свободы выбора, наконецъ любовь—вотъ необходимыя предпосылки нашего личнаго существованія. Для индивидуальной жизни перечисленныя выше условія суть законъ, отъ котораго нельзя безнаказанно отступать, не разрушая ее въ самомъ основаніи. Горе тому лицу и тому обществу, которое, во имя общихъ, отвлеченныхъ истинъ, заглушитъ въ себѣ чувство добра и зла и ихъ различіе, не выработаетъ личной иниціативы и самообладанія. Несомнѣнныя истины, въ непосредственномъ примѣненіи къ индивидуальной жизни, могутъ обратиться въ софизмы, тѣмъ болѣе вредные, что они опираются на общіе законы дѣйствительности. Такъ, многіе у насъ увѣрены, что для достиженія хорошей цѣли хороши всѣ средства, что для общаго блага нельзя останавливаться передъ жизнью, честью, счастіемъ отдѣльныхъ лицъ, что если зло неизбѣжно, то позволительно имъ воспользоваться для себя, и т. п. Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, общій законъ переносится непосредственно въ жизнь и дѣятельность отдѣльныхъ личностей, чѣмъ онѣ выводятся изъ условій личнаго существованія, этой основы нравственнаго чувства, нравственнаго характера. Вслѣдствіе общихъ законовъ, зло и добро дѣйствительно переплетаются въ жизни, изъ зла выходитъ добро, изъ добра зло, хорошіе люди гибнутъ, недостойные торжествуютъ, правдѣ и неправдѣ приносятся человѣческія жертвы,—но индивидуальная жизнь управляется не одними этими законами. Кромѣ нихъ, для нея существуютъ еще и другія условія, отъ которыхъ ближайшимъ образомъ зависитъ ея возможная самостоятельность и полнота.

Современный Мефистофель есть жертва печальнаго недоразумѣнія. Онъ—не дѣятельное начало зла, а напротивъ, разрушенная нравственная личность, потерявшая точку опоры, а вслѣдствіе того, всякую

Digitized by Google

инціативу и энергію. Онъ—воплощенное знаніе и пониманіе общихъ, отвлеченныхъ условій бытія, но неспособенъ ни къ какой творческой дѣятельности, доступной и открытой только для личностей, соединяющихъ съ знаніемъ и пониманіемъ полноту индивидуальной нравственной жизни. Въ наше время, онъ уже не силенъ и не страшенъ, потому что дни его сочтены. Наука породила, наука же и сведетъ его въ могилу. Антокольскій увѣковѣчилъ его образъ, незадолго передъ его смертью.

Быть можетъ, многіе изъ моихъ читателей скажутъ:—Что вы фантазируете! Мефистофель Антокольскаго совсѣмъ не таковъ, какимъ вы его описываете. Все, что вы говорите о немъ, создано вашимъ воображеніемъ!

О томъ, вѣрно или нѣтъ впечатлѣніе, которое на меня произвелъ бюстъ—я не буду спорить. Несомнѣнно то, что онъ вызвалъ во мнѣ именно тѣ мысли, которыя невольно вылились на бумагу. Художественный вопросъ я совершенно отклоняю, предоставляя разсудить его знатокамъ дѣла...

К. Кавелинъ.

С. Иваново, Тульской губ., Бѣлевск. уѣзда.
10-го іюня, 1880 г.

ОПЕЧАТКА:

Въ майской книгѣ журнала, на стр. 226, строч. 25 св., напечатано: *патологія* (Pathologia), вмѣсто: *ботологія* (Phytologia).

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

РУИНА

Историческая монографія

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

Гетманство Самойловича.

1672—1687 гг.

VII.

Посѣщеніе польскимъ королемъ Украйны.—Переполохъ въ народѣ.—Походъ Ромодановскаго и Самойловича.—Полемика Самойловича съ Дорошенкомъ.—Смерть митрополита Тукальскаго.—Кочубей.—Его извѣстія о Дорошенкѣ.—Дорошенко и Сѣрко.—Дорошенко сдаетъ запорожцамъ клейноты.—Неудовольствія Москвы и Самойловича противъ Сѣрка.—Привозъ въ Москву турецкихъ санджаковъ и турецкихъ грамотъ.—Новыя увертки Дорошенка.—Принудительныя мѣры.—Послѣдній походъ противъ Дорошенка.—Дорошенко сдается царю.

Послѣ ухода турокъ за Днѣстръ, польскій король Янъ Собѣскій съ войскомъ вступилъ въ Украйну и достигъ до Пàволочи и до Бѣлой-Церкви. Оставленные турками городки Рашковъ, Немировъ, Баръ, Межибожъ, Кальникъ покорились полякамъ [1]), и король поставилъ тамъ гарнизоны, но то было на короткое время, и вслѣдъ затѣмъ жители этихъ городковъ и окрестныхъ селъ бѣжали искать новоселья въ царскихъ областяхъ за Днѣпромъ. Поляки, гдѣ только могли, старались препятствовать такому переселенію народа. Бунчужный Полуботокъ писалъ

*) См. выше: іюль, 202 стр.

[1]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г. стр. 126. Pam. Jem. 246.

Digitized by Google

гетману Самойловичу изъ Канева: «ляхи, словно рыболовы съ удками, стерегутъ нашихъ людей, а тѣ безпрестанно идутъ на лѣвый берегъ Днѣпра» [1]). Въ слѣдующую затѣмъ зиму, на лѣвомъ берегу Днѣпра появилось такое множество прочанъ, что Самойловичъ не зналъ что́ съ ними дѣлать: «ихъ набралось, писалъ онъ въ Приказъ, семей тысячъ двадцать; всѣ безъ пріюта, лошади у нихъ отъ безкормицы пропали и самимъ людямъ ѣсть нечего». Польскій король издалъ къ русскимъ обывателямъ Украйны универсалъ, въ которомъ называлъ себя ихъ законнымъ государемъ, пытался употребить дружелюбныя мѣры съ Дорошенкомъ, посылалъ къ нему знакомаго ему архіерея Шумлянскаго и, ничего не сдѣлавши, ушелъ въ концѣ января въ Польшу, оставивши на время своихъ гетмановъ съ войскомъ. Это посѣщеніе короля надѣлало переполохъ въ народѣ, пошли противорѣчивые толки; одни говорили, будто ляхи сходятся съ Дорошенкомъ и съ бусурманами и хотятъ воевать царскую державу, другіе—будто польскій король сложился съ московскимъ царемъ на́-зло козачеству, разомъ войдутъ въ Украйну русскія и польскія военныя силы и станутъ принуждать малороссіянъ къ покорности полякамъ. Самойловичъ, самъ нерасположенный къ полякамъ, по царскому указу своими универсалами старался успокоить народную тревогу, но послѣ ухода короля писалъ къ польскимъ гетманамъ, чтобъ они не вступались въ города и села, поступившіе подъ царскую державу изъ-подъ турецкой власти, потому что тамошніе жители не хотятъ быть подъ властію поляковъ и ни за что не отдадутся имъ.

Поляки, при всякомъ случаѣ показывавшіе намѣреніе захватить себѣ Украйну, не предпринимали никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Москвы; напротивъ, сами нуждались въ помощи московскаго правительства, тогда, когда съ весною 1675 г. татары произвели опустошительный набѣгъ на польскія области. Московское правительство не отрекалось оказать Польшѣ помощь, но приступало къ этому дѣлу вяло и неохотно, какъ-будто насмѣхаясь надъ поляками, по ихъ выраженію; еще неохотнѣе относился къ нему Самойловичъ, и на совѣщаніяхъ съ царскими гонцами и съ бояриномъ Ромодановскимъ твердилъ все одно и то же, что полякамъ ни въ чемъ не слѣдуетъ довѣрять [2]). Сообразно такимъ представленіямъ гетмана, московское правительство тѣмъ и ограничилось, что приказало войскамъ двигаться

[1]) Арх. Юст., кн. 108, л. 602.

[2]) А. И. Д., св. 45, № 3. Рам. Зем. 246.

Digitized by Google

медленно къ Днѣпру, а за Днѣпръ не переходить, такимъ образомъ водить поляковъ, пока не услышатъ, что татары вышли изъ Польши, а тогда написать польскимъ гетманамъ, что уже воевать теперь не съ кѣмъ. Напрасно нѣсколько разъ въ своихъ письмахъ польскіе гетманы извѣщали, что ханъ взялъ тотъ городъ, осадилъ другой, что надобно спѣшить; отъ нихъ отдѣлывались, писали, что русскія войска пристанутъ къ королевскимъ только тогда, когда коронныя войска соединятся съ литовскими. Самойловичъ и Ромодановскій, собравшись съ своими обозами раннею весною у Артополота [1]), не ранѣе какъ въ сентябрѣ достигли Яготина [2]) и тамъ встрѣтили польскихъ посланцевъ съ извѣстіемъ, что ханъ уже ушелъ изъ польскихъ предѣловъ къ Каменцу. Предводители, сообразно царскому указу, отвѣчали, что если такъ, то уже нѣтъ повода соединяться съ польскими войсками [3]). Въ продолженіи этого лѣта, Самойловичъ и Дорошенко вели между собою, такъ-сказать, письменную полемику универсалами и письмами, стараясь каждый обвинить другого, а себя выгородить. «Ты меня хулишь за союзъ съ бусурманами»,—писалъ Дорошенко,—но вѣдь и давніе князья россійскіе противъ своихъ недруговъ призывали бусурманскія силы и Богдану Хмельницкому пришлось дружить съ татарами, когда ляхи-христіане стали намъ главными непріятелями... И я, предковъ своихъ пѣстуя славу, прежде всего милости и обороны искалъ у польскаго короля, но польскій король милости мнѣ не далъ, а къ царю послѣ андрусовской коммиссіи, насъ разлучившей, невозможно уже было намъ обращаться; и такъ мы, всего войска запорожскаго совѣтомъ, склонились къ турскому султану подъ оборону».—Куда намъ равняться съ князьями россійскими!—писалъ на это Самойловичъ,—равные съ равными должны быть сравниваемы, а россійскіе князья были независимые владѣтели. Впрочемъ, про этихъ князей хроники свидѣтельствуютъ, что немного они отъ помощи бусурманской воспріяли себѣ; напротивъ, ихъ державы оттого на долгое время разорвались и ни во что обратились. И гетманы, союзами съ невѣрными, никакого добра народу и войску не учинили, а только досталь отчизну свою и благочестіе на правой сторонѣ искоренили и завели многое множество братіи своей въ вѣчную неволю бусурманскую. Вотъ и теперь, кто виноватъ, что народъ на сю сторону валитъ: не

---

[1]) Бывшая рѣка въ Роменскомъ уѣздѣ, Полтавской губ.

[2]) Мѣстечко Пирятинскаго уѣзда, Полтавской губ.

[3]) Арх. И. Д., св. 45, № 4.

Digitized by Google

отъ великой прохлады сюда идутъ, оставя свое имущество, а отъ турецкой неволи съ душами убѣгаютъ [1]).

Отправивши письма къ польскимъ гетманамъ изъ Яготина, Ромодановскій и Самойловичъ послали на правый берегъ отряды подъ начальствомъ — первый Вульфа, а второй—генеральнаго асаула Лысенка. Серденята, остававшіеся въ Корсунѣ, бѣжали въ Чигиринъ, а послѣ ихъ ухода жители изъ Корсуна, Мошны, Млѣева, Богуслава, Насташки и окрестныхъ селеній пошли на лѣвый берегъ. Самойловичъ давалъ приказаніе переяславскому полковнику Войцѣ Сербину и полковнику охотному Новицкому не разселять ихъ по близу Днѣпра, но отправлять на новоселье въ дальнѣйшія мѣста. Не такъ легко удалось бѣглецамъ изъ Тарговицы, въ числѣ трехъ тысячъ, собравшихся на лѣвую сторону по поводу слуха, что Дорошенковъ резидентъ Астаматій ведетъ турокъ. Дорошенко послалъ противъ бѣглецовъ татаръ, а тѣ захватили ихъ въ полонъ [2]). Въ началѣ сентября каневскій полковникъ доносилъ Самойловичу, что атаманы Ольховскій и Звенигородскій привезли въ Каневъ 1000 возовъ съ переселенцами и полковникъ всѣхъ ихъ переправилъ черезъ Днѣпръ [3]). Тогда къ Ромодановскому и Самойловичу пріѣхали корсунскіе козаки—пасынокъ Богдана Хмельницкаго Степанко съ товарищами: они объявили, что Дорошенко посылалъ ихъ съ судьею Чернявскимъ находиться при ханѣ во время ханскаго похода въ Польшу, а когда ханъ съ Ибрагимъ-пашею, сопровождавшимъ его, повернулъ въ Волощину, козаки, отпущенные ими къ Дорошенку, не пошли въ Чигиринъ, а отправились на лѣвую сторону и присягнули царю [4]). Польскія войска проникли тогда въ Корсунъ, нашли его совершенно безлюднымъ и сожгли [5]). Тогда окончательно опустѣло и все Побужье. Жители, остававшіеся еще тамъ, выгнали отъ себя поставленные польскіе залоги и пустились въ волокиту.

Все это приближало Дорошенка къ неизбѣжному паденію. 10-го августа лишился онъ своего многолѣтняго друга и совѣтника, митрополита Тукальскаго, который скончался, ослѣпши незадолго до смерти. Не было у Дорошенка ни малѣйшихъ средствъ остановить бѣгущаго въ царскія области народа; не

[1]) Ibidem. Арх. Юст., кн. 108, л. 986. Кн. 32, л. 512 и дал.

[2]) Арх. Ю., кн. 38, л. 152. Акты Зап. Рос. V. 135. Архивъ Юстиціи, кн. 32, л. 556.

[3]) Арх. И. Д., св. 45, № 4.

[4]) А. Ю., кн. 38, л. 183.

[5]) Лѣт. Сам., изд. 1878, стр. 127.

Digitized by Google

присылали къ нему для удержанія прочанъ ни турецкихъ, ни татарскихъ силъ, и ему представлялась возможность скоро остаться одинокимъ въ пустынѣ. Въ числѣ пришедшихъ съ правой стороны къ Самойловичу, былъ Василій Леонтьевичъ Кочубей, которому суждено было пріобрѣсти громкую трагическую извѣстность впослѣдствіи. Начавши службу еще при Бруховецкомъ въ гетманской канцеляріи, тогда онъ былъ подпискомъ или канцеляристомъ у Дорошенка, пріобрѣлъ у него большую довѣренность, и чигиринскій гетманъ посылалъ его въ Турцію. На возвратномъ пути челядникъ укралъ у Кочубея важныя бумаги и убѣжалъ. Кочубей послѣ того не смѣлъ явиться къ Дорошенку, переправился къ Самойловичу и сообщилъ такія вѣсти о Дорошенкѣ. «Грызетъ самъ себя Дорошенко,—говорилъ онъ: — надѣялся на турокъ и татаръ, но тѣ и другіе мало подаютъ имъ надежды. Крымцы гнѣваются на него за то, что мало почиталъ и цѣнилъ ихъ, а считалъ за такихъ союзниковъ, которые, по приказанію турецкаго султана, должны дѣлать ему услуги. Да и у самихъ турокъ такое слово носится: взять бы этого Дорошенка, со всѣми будучими при немъ козаками, да и задать на каторги, чтобъ они больше насъ, турокъ, не смущали и не чинили смуты промежъ монархами. Вотъ какъ про Дорошенка говорятъ его союзники, а свои украинскіе люди, какіе еще остаются въ его владѣніи, всѣ гнушаются имъ отъ бо́льшаго до малаго. Въ самомъ Чигиринѣ при немъ нѣтъ ни полковника, ни обознаго, ни другого кого изъ старшинъ, чтобъ ему былъ дружелюбенъ, кромѣ развѣ родни его, да писаря, да судьи».

Увидѣлъ Дорошенко, что приходитъ пора ухватиться за послѣднее средство спасенья, которое онъ приберегалъ къ концу: не манить болѣе московскаго государя, а отдаться ему прямо, искренно. Но ему хотѣлось все-таки сдаться такъ, чтобы выговорить себѣ и безопасность и спокойное житье на старость, а если можно, то сохранить и гетманскій титулъ. Довѣриться безусловно Самойловичу, котораго онъ оскорблялъ, казалось ему слишкомъ рискованнымъ дѣломъ; во всякомъ случаѣ ему пришлось бы проститься съ своимъ гетманствомъ. Дорошенко рѣшился еще разъ сдѣлать опытъ—устроиться такъ, чтобы, присягнувши московскому государю, остаться въ гетманскомъ достоинствѣ. И прибѣгнулъ Дорошенко къ такому извороту: получилъ онъ свое гетманское достоинство отъ войска—войску онъ и сдать его долженъ, а это войско можетъ его и снова избрать гетманомъ. Но козацкаго войска на правомъ берегу у него уже не стало; правобережные полковники отъ него отступились, козаки или

Digitized by Google

ушли на лѣвую сторону, или, оставаясь еще на правой, не хотѣли ему повиноваться; посполство безпрестанно бѣжало, возсоздать и пополнить войска было уже нѣ изъ кого. Дорошенко рѣшился показать, что считаетъ настоящимъ войскомъ запорожскимъ Сѣчь и задумалъ передъ сѣчевиками сдать свое гетманство, положить клейноты и принести передъ ними присягу на вѣрность царю. Не даромъ старѣйшій гетманъ Богданъ Хмельницкій въ первый разъ получилъ свое гетманское достоинство въ Сѣчѣ; съ тѣхъ поръ въ Сѣчѣ сохранялась высокомѣрная увѣренность, что сѣчевое товарѝство есть лучшій цвѣтъ козачества, что оно-то и должно управлять судьбою всей Украйны. Когда Дорошенково письмо съ такимъ предложеніемъ пришло въ Сѣчу, тамъ находились донскіе козаки съ своимъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ, прибывшимъ туда, чтобы воевать вмѣстѣ съ запорожцами противъ крымцевъ. Кошевой атаманъ, знаменитый Иванъ Сѣрко, постоянно былъ той мысли, что гетманъ долженъ быть въ Сѣчѣ; потому-то онъ и поддерживалъ Ханенка противъ Дорошенка, но когда Ханенко сошелъ со сцены, Сѣрко возобновилъ прежнюю дружбу съ Дорошенкомъ, и уже давалъ ему совѣтъ не отдавать клейнотовъ ни московскому боярину, ни лѣвобережному гетману. Теперь, получивши Дорошенково письмо, Сѣрко созвалъ на раду все сѣчевое товарѝство. То была «черневая рада»: въ ней участвовали всѣ запорожцы не по чинамъ. И донцы, хотя гости, но все же по званію козаки, приглашены были къ участію въ радѣ. Письмо Дорошенка было прочитано и вся рада приняла его предложеніе съ восторгомъ.

10-го октября Сѣрко и Фролъ Минаевъ съ толпою запорожцевъ, донцовъ и калмыковъ прибыли къ Чигирину. Дорошенко встрѣтилъ ихъ въ предшествіи духовенства съ хоругвями и образами, и созвалъ на раду всѣхъ остававшихся у него въ Чигиринѣ козаковъ и посполитовъ. Въ этомъ собраніи Дорошенко положилъ свои войсковые клейноты—булаву, бунчукъ и знамя, и предъ св. Евангеліемъ произнесъ присягу на вѣчное подданство царю Алексѣю Михайловичу. Взамѣнъ запорожцы произнесли присягу въ томъ, что Дорошенко будетъ принятъ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ въ отеческую милость и останется въ цѣлости при ненарушимомъ здоровьи, чести и пожиткахъ со всѣмъ войскомъ при немъ находящимся, сохранивши свои войсковые клейноты, не подвергаясь отмщенію за свои прежнія вины, и отъ всѣхъ непріятелей татаръ, турокъ и ляховъ будетъ царскими войсками защищаемъ и обороняемъ, а всѣ запустѣлыя мѣста на правой сторонѣ наполнятся снова людьми и будутъ во

Digitized by Google

вѣки тѣшиться вольностями и разживаться, какъ и лѣвая заднѣпровская сторона.

Сѣрко взялъ отъ Дорошенка войсковые клейноты и увезъ въ Сѣчу, а 15 октября извѣстилъ малороссійскій приказъ о происшедшемъ важномъ событіи и отъ имени всего запорожскаго коша билъ челомъ, чтобъ Дорошенко былъ принятъ милостиво, сообразно данной имъ присягѣ вѣрно служить царскому пресвѣтлому величеству [1]).

Архіепископъ Лазарь Барановичъ послалъ Дорошенку похвальную грамоту, но гетману Самойловичу было до крайности непріятно это происшествіе, и онъ писалъ въ малороссійскій приказъ въ такомъ смыслѣ: «Поступокъ Дорошенка не болѣе какъ лукавство. Не приходитъ ему помощи ни отъ турокъ, ни отъ татаръ, а тутъ ляхи въ гостяхъ, да и мы недалеко, свой же край подъ его владѣніемъ совсѣмъ опустѣлъ. Вотъ онъ, въ соумышленіи съ Сѣркомъ, и пустился на обманъ, чтобы время какънибудь протянуть и перезимовать, съѣстные припасы съ нашей стороны получать и бѣжавшихъ людей снова перезвать къ себѣ, а весною по прежнему смуту завести». Въ Москвѣ приняли продѣлку Сѣрка также неблагосклонно и написали ему [2]), что онъ взялся не за свое дѣло, а за такое, которое по царской волѣ уже положено было на боярина Ромодановскаго и на гетмана Самойловича. Сѣрко въ это время шагнулъ еще далѣе въ своемъ самоуправствѣ, и 29 декабря разослалъ универсалы въ полки черниговскій, стародубскій, нѣжинскій и прилуцкій о подданствѣ Дорошенка. За это новое присвоеніе правъ гетмана, который одинъ только могъ посылать къ полковникамъ универсалы, Сѣрко немедленно получилъ опять изъ малороссійскаго приказа выговоръ съ такимъ предостереженіемъ: коли ты начнешь писать мимо гетмана къ полковникамъ или какимъ-нибудь другимъ урядамъ, которые тебѣ вѣдать не указано, то знай, что такихъ твоихъ писаній не велѣно имъ слушать [3]).

Въ январѣ 1676 года пріѣхали въ Москву Дорошенковы посланцы: тесть его Яненко и Семенъ Тихій [4]). Они привезли бунчукъ и санджаки, которые турецкій султанъ назадъ тому четыре года присылалъ Дорошенку, когда тотъ стоялъ подъ Уманью. Санджаки эти были: два тафтяныхъ знамени, одно красное, другое желтое съ красною каймою. Такія знамена, какъ

[1]) Арх. И. Д., св. 45, № 10.—Рус. Арх. 1876, 440. Лазаревскій, о Кочубеѣ.
[2]) Арх. И. Д., св. 45, № 9.—Письма Лазаря Барановича, стр. 206.
[3]) Арх. И. Д., св. 45, № 11.
[4]) А. Юст., кн. 37, л. 883.

Digitized by Google

знакъ повѣряемой отъ падишаха власти надъ краемъ, давались всегда крымскому хану и всякому турецкому подручнику. Посылая эти санджаки въ Москву, Дорошенко писалъ, что оставилъ у себя еще одинъ клейнотъ — булаву, подаренную ему турецкимъ султаномъ подъ Каменцомъ, оставилъ ее для того, чтобъ можно было ему прилично явиться въ Москву, когда великій государь дозволитъ ему видѣть свои царскія очи. «Я давно уже,—писалъ Дорошенко,—хотѣлъ совершить доброе дѣло, но не могъ за препоною отъ властолюбцевъ, потому что когда на съѣздахъ предъявлялись грамоты царскія, польскія и турецкія и спрашивалось: при которомъ государѣ намъ оставаться—всѣ приговаривали держаться турецкаго султана. Еслибъ я противился—они бы иного гетмана себѣ выбрали, а все-таки держались бы поганыхъ. Да не меньше того и заднѣпровской Украйны власти нашему доброму дѣлу старались помѣшать изъ зависти, чтобъ мы не получили отъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества такой же благодати, какою они пользовались».

Приглашенные къ боярину Матвѣеву посланцы объявили, что Дорошенко не стоитъ на томъ, чтобъ ему оставаться гетманомъ, а только проситъ, чтобъ ему съ его сродниками и со всѣмъ поспольствомъ, при немъ будучимъ, дозволили жить на правой сторонѣ и не переводили никого насильно на лѣвую сторону, этого они всѣ боятся, потому что у нихъ слухъ носится, будто прикажутъ на правой сторонѣ всѣ города и дворы пожечь и жителей перевести.

— Зачѣмъ,—спросилъ Матвѣевъ,—Дорошенко самъ не ѣдетъ къ Ромодановскому и Самойловичу, или въ Москву къ великому государю?

— Остерегается, — отвѣчалъ Яненко, — чтобъ съ нимъ не поступили такъ, какъ поступилъ Бруховецкій съ Самкомъ, боится, чтобъ не схватили его на дорогѣ.

— А зачѣмъ, — спросилъ Матвѣевъ,—Дорошенко принялъ санджаки отъ поганаго турецкаго салтана?

— Онъ не хотѣлъ ихъ принимать, да войско приказало,—былъ отвѣтъ.

Пріемъ привезенныхъ отъ Дорошенка знаковъ гетманскаго достоинства происходилъ 12-го января съ торжественною церемоніею. Козаки везли съ малороссійскаго двора въ царскій дворецъ бунчукъ, булавы, санджаки и султанскія грамоты [1]). Зна-

[1]) Привезено было двѣ булавы: первая „съ наполми золотыми и съ каменьями; черневыя мѣста и гнѣзда, куда вставлялись каменья золотыя; тринадцать камней, шесть изум-

Digitized by Google

мена везли волоча по землѣ тафту. Ихъ принесли передъ столовую палату, откуда смотрѣлъ государь, потомъ тѣмъ же путемъ унесли на малороссійскій дворъ и тамъ угощали посланцевъ [1]).

При отпускѣ Яненка дана была отвѣтная грамота Дорошенку въ такомъ смыслѣ. Государь похвалялъ его за желаніе отступить отъ турецкаго султана и отдаться въ подданство царю, обѣщалъ дозволить ему со всѣми сродниками жить, гдѣ пожелаетъ, но гетманство свое онъ долженъ былъ сложить съ себя; гетманомъ надлежало быть на обѣихъ сторонахъ одному Самойловичу. Народъ въ правобережной Украйнѣ могъ жить на своихъ мѣстахъ, не страшась ни насильственнаго переселенія, ни отдачи полякамъ во владѣніе. Однако присяга, данная Дорошенкомъ передъ запорожцами въ Чигиринѣ, не признавалась дѣйствительною, и Дорошенко, сообразно прежнему царскому указу, непремѣнно долженъ былъ ѣхать на лѣвую сторону и присягнуть передъ св. Евангеліемъ въ присутствіи гетмана Самойловича и князя Ромодановскаго [2]). Вмѣстѣ съ посланцами Дорошенка, были въ Москвѣ посланцы и отъ Сѣрка; отправляясь въ обратный путь, они повезли съ собою царскую грамоту кошевому съ выговоромъ за самовольное принятіе на себя того, что̀ поручено было отъ царя не ему, а другимъ.

30 января того же 1676 года скончался царь Алексѣй Михайловичъ. Отъ имени преемника его царя Ѳеодора Алексѣевича изъ малороссійскаго приказа въ мартѣ былъ посланъ къ Дорошенку стольникъ Деримедонтовъ съ тѣмъ, чтобъ отъ него принять присягу царю на мѣстѣ, не обязывая Дорошенка ѣхать къ Самойловичу и Ромодановскому для этой цѣли. Посланецъ заѣхалъ прежде къ Самойловичу. Гетманъ, увидавши, что грамота къ Дорошенку написана ласковымъ тономъ и притомъ съ *вичемъ* (что̀ означало уважительное обращеніе), ужаснулся, понявши, что новое правительство хочетъ измѣнить прежній спо-

---

рудовъ, семь лаловъ; межъ черневыхъ мѣстъ земля и рукоять серебряныя, чеканныя. Другая булава золотымъ яблокомъ и съ золотою рукоятью турецкой работы, яблоко сквозное, въ яблокѣ камень яхонтъ, граненый, расшибенъ, рукоять черезъ полосу черневая, а въ концѣ рукояти бирюза; на яблокѣ и на рукояти три пояса, въ нихъ одиннадцать изумрудныхъ искорокъ". Грамотъ или привилегій турецкаго султана прислано четыре. Онѣ были на пергаменѣ, писаны черезъ строку и черезъ двѣ золотомъ, съ огромнымъ султанскимъ титуломъ. Эти грамоты были тогда же переведены въ малороссійскомъ приказѣ (А. И. Д., кн. 37, л. 378).

[1]) Кромѣ Яненка и Тихаго въ Москву прибыли тогда писарь, асаулъ, хорунжій, 2 сотника и 38 рядовыхъ козаковъ.

[2]) Арх. Юст., кн. 37, л. 390—407.

Digitized by Google

собъ обращенія съ Дорошенкомъ. Самойловичъ взялъ на свой страхъ смѣлость задержать Деримедонтова и написалъ въ приказъ представленіе, что съ Дорошенкомъ не слѣдуетъ обращаться такъ уважительно и вовсе не посылать въ Чигиринъ для отобранія у него тамъ присяги, а привести Дорошенка на сю сторону, хотя бы и военною силою. По такимъ представленіямъ гетмана указано было снова поступать сообразно указамъ покойнаго государя и приглашать Дорошенка на лѣвую сторону для произнесенія присяги передъ княземъ Ромодановскимъ и гетманомъ Самойловичемъ.

Тогда гетманъ и бояринъ Ромодановскій опять начали посылать къ Дорошенку гонцовъ одного за другимъ, повторяя приглашеніе ѣхать на лѣвую сторону, присягнуть и сдать свое гетманство Самойловичу. Дорошенко подъ разными предлогами увертывался: то говорилъ, что ожидаетъ возврата посланцевъ своихъ изъ Москвы, то — что нельзя ему оставить Чигирина изъ опасенія непріятельскаго нашествія, то, наконецъ, что не можетъ сдать булавы безъ войсковой рады, и т. п. Посланцы, посылаемые къ нему, замѣчали, что онъ какъ-бы издѣвался. При одномъ, напримѣръ, онъ, упомянувши объ отправкѣ санджаковъ въ Москву, сказалъ: «не велика потеря для султанскаго величества какое-нибудь портище тафты! Другой, пріѣзжавшій къ Дорошенку отъ князя Ромодановскаго, приглашенный къ обѣду, былъ свидѣтелемъ такой сцены. За столомъ сидѣли оставшіеся при Дорошенкѣ старшины, какой-то пріѣхавшій отъ Самойловича игуменъ и запорожцы, прибывшіе изъ Сѣчи. Когда гости подпили, запорожцы стали убѣждать Дорошенка не отдавать булавы гетману-поповичу.

Дорошенко налилъ вина и возгласилъ:

— На томъ пью передъ вами, что мнѣ гетману Самойловичу булавы не отдавать! Войско мнѣ булаву дало—войску я и отдамъ ее назадъ! Кому захотятъ, тому пусть и передадутъ!

— Мы булавы никогда не отдадимъ,—сказалъ обозный Бережецкій,—а станетъ у насъ силою ее поповичъ отнимать, такъ будемъ за нее биться.

— Пане гетмане! поѣзжай съ войсковыми клейнотами и съ булавою къ намъ на кошъ,—сказали запорожцы.

Дорошенко обратился къ игумену, который до сихъ поръ не вмѣшивался въ разговоръ, и промолвилъ:

— Скажите гетману Самойловичу, что Петро Дорошенко своихъ клейнотовъ и булавы ему никогда не отдастъ!

Digitized by Google

Игуменъ продолжалъ молчать. Къ концу обѣда Дорошенко разгорячился и, обратясь къ запорожцамъ, сказалъ:

— Панове товарйщи, не выдавайте меня какъ донцы Стеньку Разина выдали; пусть донцы своихъ выдаютъ, а вы не выдавайте!

— Не выдадимъ, ни за что не выдадимъ!—восклицали запорожцы.

Желая, однако, показаться передъ Ромодановскимъ вѣрнымъ доброжелателемъ московскаго государя, Дорошенко послалъ къ боярину письмо, полученное изъ Турціи отъ Ибрагима-паши. Въ этомъ письмѣ изъявлялось удивленіе, что Дорошенко давно ничего не пишетъ и въ Турціи не знаютъ, что происходитъ въ Украйнѣ. «Носятся у насъ слухи,—писалъ турокъ,—будто ты, согласившись съ плутомъ Сѣркомъ, склонился на обманъ, спятилъ съ ума и отступилъ отъ нашего храбраго, могущественнѣйшаго государя. Если точно такъ ты поступилъ, то вѣрить тебѣ уже впередъ нельзя, и храбрый, непобѣдимый, могущественнѣйшій, грозный государь нашъ пошлетъ на тебя свои войска. Тогда покаешься, да ужъ не во-время; если же хочешь быть съ нами по прежнему, пиши ко мнѣ въ Бабу».

Самойловичъ весною послалъ-было къ Чигирину сильный козацкій отрядъ подъ начальствомъ черниговскаго полковника Борковскаго, но долженъ былъ отозвать его, получивши царскій указъ не принимать противъ Дорошенка слишкомъ суровыхъ мѣръ. Самойловичъ, зная, что Дорошенка къ непокорности побуждаетъ Сѣрко, запретилъ изъ Малороссіи возить въ Запорожье хлѣбные запасы: это средство у гетмановъ всегда было уздою, сдерживавшею запорожское своеволіе, потому что братчики, занимаясь только войною, не вели у себя сельскаго хозяйства; сверхъ того, гетманъ запретилъ принимать въ городахъ запорожцевъ на зимовье, такъ какъ у нихъ было въ обычаѣ всегда шататься по городамъ и селамъ полтавскаго полка. Съ Дорошенкомъ волею-неволею пришлось гетману и князю Ромодановскому, сообразно царскимъ указамъ, обращаться по прежнему, то-есть посылать безполезныя приглашенія, а Дорошенко въ концѣ іюня сказалъ на-отрѣзъ: «не поѣду и не сдамъ гетманства безъ войсковой рады: это безчестно». Въ іюлѣ Самойловичъ представилъ въ малороссійскій приказъ, что посылать къ Дорошенку далѣе унизительно, что онъ издѣвается надъ всѣми, что онъ посылалъ уже къ Ибрагимъ-пашѣ своего челядника съ письмомъ, заложеннымъ въ сапогъ, что лучше всего отправить за Днѣпръ войско и силою принудить его сдать свое гетманство. По та-

Digitized by Google

кимъ представленіямъ гетмана, нѣсколько разъ повтореннымъ, рѣшилось наконецъ московское правительство указать Ромодановскому и Самойловичу двинуться къ Днѣпру съ своими войсками. Предводители прежде выслали передовой подъѣздъ, Ромодановскій—Косáгова съ пятнадцатью тысячами царскихъ ратныхъ людей, а Самóйловичъ—генеральнаго бунчужнаго Леонтія Полуботка съ полками: гадяцкимъ, миргородскимъ, лубенскимъ и своею конною надворною компаніею. Приказано имъ перейти Днѣпръ и подступить къ Чигирину. За передовымъ отрядомъ двинулись бояринъ и гетманъ съ остальнымъ войскомъ. 15-го августа они приблизились къ Днѣпру выше Крылова противъ мѣстечка Воронóвки. Крыловскіе и вороновскіе жители не допустили ихъ пять верстъ до Днѣпра и прислали депутацію съ изъявленіемъ подданства царю [1]).

17-го августа гетманъ отправилъ въ Сѣчь къ Сѣрку требованіе примкнуть съ запорожскимъ товарѝствомъ къ гетманскому войску, чтобы принудить Дорошенка снять съ себя гетманство и предаться на волю царя. Сѣрко отвѣчалъ: «не приклоняемся къ твоему замыслу. Хотя у Дорошенка не много военной силы, но онъ будетъ стоять за свои войсковые клейноты. Совѣтуемъ вашей милости оставить свое намѣреніе и пребывать себѣ спокойно на своемъ мѣстѣ. Пошлите бить челомъ великому государю, чтобъ не указалъ начинать междоусобной войны. Приберегите вашу воинственность противъ непріятеля креста святого. Если-жъ вы насъ не послушаете—мы не станемъ терпѣть. Ваше наступленіе будетъ не на Дорошенка, а на наше здоровье, и мы будемъ стараться, чтобы клейноты войсковые изъ стольнаго города Чигирина никуда не переносились, развѣ въ Сѣчу на корень, гдѣ скарбница для клейнотовъ войсковыхъ устроена. Въ десятый разъ просимъ: не начинайте богомерзкаго междоусобія» [2]). О такой новой выходкѣ Сѣрка Самойловичъ извѣстилъ приказъ. Сѣрку изготовлена была внушительная грамота, но не дошла до него, потому что желанное дѣло и безъ того совершилось.

Бояринъ Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ стали переправлять свое войско черезъ Днѣпръ частями, и тѣмъ, которые успѣли переправиться, приказано было идти къ городкамъ, еще державшимся Дорошенка: къ Черкасамъ, Жаботину, Суботову и Медвѣдовкѣ. Жители этихъ городковъ предупредили приходъ подъѣздовъ и прислали депутацію съ изъявленіемъ готовности

[1]) А. И. Д., св. 46, № 15.
[2]) Арх. Юст., кн. 43, л. 297.

Digitized by Google

присягнуть царю на вѣчное подданство. Косáговъ и Полуботокъ остановились за нѣсколько верстъ отъ Чигирина и отправили къ Дорошенку увѣщательную грамоту отъ царскаго имени, а на другое утро придвинулись ближе къ городу. Завязался бой, но не долговременный. Дорошенко созвалъ всѣхъ чигиринцевъ на раду, прочелъ царскую грамоту, и всѣ безпрекословно рѣшили отдаться на милость царскаго величества. Бой прекратился по данному отъ Дорошенка приказанію.

На слѣдующее затѣмъ утро Дорошенко выѣхалъ за три версты отъ Чигирина къ рѣкѣ Янчаркѣ. Ему предшествовало духовенство съ хоругвями и образами; его провожали старшины и чигиринское поспольство. Тамъ, въ присутствіи Косагова, Полуботка и прибывшихъ съ ними лѣвобережныхъ полковниковъ, Дорошенко произнесъ предъ св. евангеліемъ присягу на вѣрное и вѣчное подданство царю и уѣхалъ обратно въ Чигиринъ, а потомъ выслалъ къ Косáгову и Полуботку своего двоюроднаго брата Кондрата Тарасенка и своего генеральнаго писаря Воеховича; онъ просилъ отправить ихъ къ боярину Ромодановскому для извѣщенія, что Дорошенко за ними вслѣдъ прибудетъ для сложенія съ себя гетманства. Посланцы повезли статьи, на которыхъ желалъ быть принятымъ въ подданство Дорошенко: великій государь обнадежилъ бы его, что онъ, Дорошенко, остается при неизмѣнной монаршей милости, при цѣлости своей особы и своего имущества, со всѣми старшинами и со всѣмъ поспольствомъ города Чигирина, съ церквами и селами, принадлежащими къ этому городу, особенно же съ сохраненіемъ для всѣхъ войсковыхъ правъ и вольностей, надлежащей чести и пребыванія на старыхъ мѣстахъ своего жительства нынѣ и впредь на грядущія времена. Косáговъ и Полуботокъ немедленно отправили Дорошенковыхъ посланныхъ, а сами оставались съ своимъ подъѣздомъ подъ Чигириномъ, до ихъ возвращенія. Согласуясь съ милостивыми царскими грамотами, боярин и гетманъ «именемъ царскимъ при всѣхъ тѣхъ желаніяхъ ихъ сохранити цѣло и ненарушимо обѣщали и обовязательствомъ совѣсти своей подтвердили». Получивши въ такомъ смыслѣ удовлетворительный отвѣтъ, Дорошенко въ сопровожденіи своихъ козаковъ, которыхъ у него оставалось тогда только до двухъ тысячъ, выѣхалъ изъ Чигирина и отправился за Днѣпръ. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхали Косáговъ и Полуботокъ съ частію бывшихъ при нихъ военныхъ силъ; прочіе оставались въ полѣ подъ Чигириномъ. Правобережный гетманъ привезъ съ собою гетманскіе клейноты: бунчукъ, булаву, знамена, грамоты, а за нимъ везли 12 пушекъ. Все

Digitized by Google

вручилъ онъ въ распоряженіе Ромодановскаго, а Ромодановскій передалъ все Самойловичу, какъ гетману обѣихъ сторонъ Днѣпра. По его словесному челобитью, бояринъ и гетманъ словесно обнадежили его въ принятіи тѣхъ статей, которыя прежде подали его посланцы. Тогда Дорошенко объявилъ себя слагающимъ гетманское достоинство и присягнулъ на вѣрность и вѣчное подданство, а за нимъ присягали всѣ сопровождавшіе его съ правой стороны, которые были изъ жителей чигиринскихъ, жаботинскихъ, суботовскихъ, медвѣдовскихъ, черкасскихъ, крыловскихъ и вороновскихъ. Послѣ того бояринъ пригласилъ къ обѣду Дорошенка и Самойловича, и въ этотъ же день посланы были въ Москву съ радостнымъ извѣстіемъ отъ боярина стольникъ Иванъ Ивановичъ Ржевскій, а отъ гетмана—канцеляристъ Радичъ.

Самойловичъ зналъ и былъ увѣренъ, что покорность Дорошенка недобровольная, что передъ самымъ приходомъ русскаго подъѣзда къ Чигирину, Дорошенко посылалъ въ Крымъ къ хану и въ Каменецъ къ турецкому пашѣ просить помощи, не получилъ ее ни откуда, и потому сдался. Но Самойловичъ уже не поминалъ этого Дорошенку, и, какъ увидимъ, рѣшился крѣпко стоять на соблюденіи обѣщанія, даннаго царскимъ именемъ.

На другой день послѣ сложенія съ себя гетманства Дорошенко уѣхалъ обратно въ Чигиринъ. Бояринъ и гетманъ разсудили, что за нимъ вслѣдъ надобно послать военную силу и занять ею городъ. Бояринъ назначилъ стольника Михайла Ромодановскаго съ ратными царскими людьми, а Самойловичъ—черниговскаго полковника Борковскаго съ его полкомъ. За ними самъ гетманъ лично поѣхалъ въ Чигиринъ.

Дорошенко, въ качествѣ прежняго хозяина, выѣхалъ на встрѣчу гетману за три версты отъ города. Царскихъ ратныхъ [1]) помѣстили въ верхнемъ, а козаковъ [2]) въ нижнемъ городѣ. Положеніе послѣднихъ было лучше, потому что они помѣстились въ домахъ чигиринскихъ обывателей, а въ верхнемъ городѣ не было никакого жилья, кромѣ четырехъ избъ да крытыхъ сараевъ, гдѣ у Дорошенка хранились запасы; притомъ тамъ колодезь былъ чрезвычайно глубокъ, хотя вода въ немъ хороша. Дорошенко передалъ Самойловичу городовые ключи и 16 пушекъ, находившихся въ верхнемъ городѣ. Въ знакъ своего видимаго удовольствія, Дорошенко приказалъ палить изъ пушекъ. Гетманъ и стольникъ Ромодановскій переночевали въ Чигиринѣ, а на

[1]) 1,600 человѣкъ солдатъ полка Шепелева.

[2]) 1,000 человѣкъ.

Digitized by Google

другое утро уѣхали обратно, приказавши всѣмъ Дорошенковымъ серденятамъ слѣдовать за собою [1]).

Оставаться долѣе съ войскомъ близъ Днѣпра военачальники признали и ненужнымъ и неудобнымъ: на лѣвой сторонѣ за фуражемъ надобно было посылать верстъ за пятьдесятъ, а на правой была совершенная пустыня, и только Чигиринъ съ окрестными городами представлялъ жилыя мѣстности, но жители тамошніе находились въ крайней нищетѣ и не могли доставлять содержанія войску. Поэтому бояринъ и гетманъ, сдѣлавши свое дѣло, воротились. Самойловичъ, прибывши въ Батуринъ, распустилъ козаковъ на отдыхъ, а потомъ поѣхалъ въ Кіевъ благодарить Бога и печерскихъ чудотворцевъ за совершонный имъ благополучно подвигъ. «Ничему иному, токмо божіему милостивому призрѣнію и царскаго пресвѣтлаго величества особому счастію причитаю, что такое дѣло совершилось безъ кровопролитія», писалъ онъ въ своемъ донесеніи, отправленномъ въ малороссійскій приказъ [2]).

Взятые у Дорошенка клейноты доставлены были въ столицу отъ Ромодановскаго ротмистромъ Братцовымъ, а отъ Самойловича охочимъ полковникомъ Новицкимъ. Эти посланцы достигли Москвы 12 октября и остановились въ селѣ Коломенскомъ. По царскому повелѣнію, указано было десяти стрѣльцамъ взять оттуда клейноты и нести въ городъ, держа въ наклонномъ положеніи, въ сопровожденіи лицъ, которыя привезли ихъ изъ Малороссіи. Шествіе слѣдовало Кузьмодемьянскою улицею и болотомъ, черезъ Бальчикъ, на Живой мостъ въ Китай-городъ, до посольскаго приказа. 17 октября государь указалъ «тайнымъ обычаемъ» присоединить сюда и санджаки, доставленные при покойномъ царѣ. Ротмистръ Братцовъ со стрѣльцами и полковникъ Новицкій съ козаками повезли клейноты въ Кремль. Ротмистръ ѣхалъ по правой сторонѣ, полковникъ — по лѣвой; близъ ротмистра несли клейноты, присланные Ромодановскимъ, а близъ полковника — присланные Самойловичемъ. Знамена слѣдовало нести, положа древки на лѣвыя руки, распустивши по землѣ тафту, булавы держать внизъ головами, привилегіи нести особо отъ влагалищъ. Передъ клейнотами стрѣльцы очищали дорогу, а по сторонамъ шесть человѣкъ разгоняли толпу батожьемъ.

На показъ народу выставлены были клейноты на крыльцѣ посольскаго двора и въ это время ротмистръ и полковникъ си-

---

[1]) А. И. Д., св. 46, № 15. Арх. Юст., кн. 43, л. 322—363.

[2]) Арх. Юст., кн. 43, л. 333.

Digitized by Google

дѣли въ приказѣ. Спустя часъ они двинулись во дворецъ. Полковникъ несъ въ рукахъ развернутую гетманскую грамоту. Шли во дворецъ Благовѣщенскою папертью, а клейноты несли среднею лѣстницею; потомъ всѣ вошли въ столовую палату. Въ столовой палатѣ сидѣлъ въ царскомъ нарядѣ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, по правую руку отъ него стоялъ бояринъ князь Ѳедоръ Алексѣевичъ Куракинъ, по лѣвую — Иродіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, а противъ государева мѣста стоялъ бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, за нимъ — стольники и дворяне. Думный дьякъ Иларіонъ Ивановъ стоялъ противъ средняго окна.

Ротмистръ и полковникъ приблизились къ государю, а у входныхъ дверей палаты остановились тѣ, что̀ принесли клейноты. Думный дьякъ явилъ государю посланцевъ, а посланцы ударили челомъ. Новицкій проговорилъ короткую рѣчь о присылкѣ клейнотовъ, подалъ грамоту и велѣлъ положить клейноты у подножья царскаго сѣдалища.

По царскому приказанію, думный дьякъ принялъ грамоту, спросилъ о здоровьѣ боярина и гетмана, объявилъ царскую похвалу боярину и гетману, а посланцамъ сказалъ, что, по царской милости, вмѣсто стола, будетъ посланъ имъ кормъ вдвое. Затѣмъ они были отпущены. Бунчукъ [1]), двѣ булавы и знамена лежали на полу столовой палаты, нижними концами къ царскому мѣсту, а верхними — ко входнымъ дверямъ палаты. Когда посланцы вышли, бояринъ князь Никита Одоевскій, а за нимъ всѣ члены царской думы, вклянялись государю и поздравляли его съ Дорошенковымъ подданствомъ. Царь велѣлъ стрѣльцамъ отнести клейноты въ посольскій приказъ и выставить по-прежнему на перилахъ крыльца для показа народу. Пролежали эти вещи такимъ образомъ съ часъ, а потомъ думный дьякъ приказалъ отнести эти вещи въ оружейную палату, а привилегіи оставить для храненія въ дѣлахъ малороссійскаго приказа.

Такъ кончилось гетманство Дорошенка и съ нимъ вмѣстѣ политическая жизнь этого замѣчательнаго человѣка. Несомнѣнно, онъ былъ искренно преданъ и постоянно вѣренъ идеѣ независимости и самобытности своей родины, но вмѣстѣ съ тѣмъ упорно и ревниво желалъ, чтобы этотъ идеалъ для нея былъ добытъ имъ, а не кѣмъ-нибудь другимъ. Хотя во многихъ его

[1]) Бунчукъ, изъ конскихъ волосъ (по-перемѣнно черныхъ съ бѣлыми), обшитъ былъ волосянымъ плетенымъ снуркомъ, яблоко на немъ мѣдное, позолоченное; лежалъ онъ въ чемоданѣ, котораго одна половина была кожаная, а другая — суконная, малиноваго цвѣта.

Digitized by Google

поступкахъ и замѣтно было лукавство, но оно возбуждалось внѣшними, налегавшими на него обстоятельствами. Вѣрный продолжатель того, что́ намѣчено было Богданомъ Хмельницкимъ, неудачно приводилось въ исполненіе Выговскимъ и, наконецъ, попорчено другими по ихъ неспособности, — Дорошенко видѣлъ невозможность сойтись съ поляками и искренно желалъ отдаться Москвѣ, какъ отдался ей и Богданъ Хмельницкій, но Москва не хотѣла принимать Дорошенка, во-первыхъ, потому, что заключила съ Польшею договоръ, ненавистный для малороссіянъ и гибельный для идеи самобытности Малороссіи, во-вторыхъ — потому, что Дорошенко соглашался отдавать Украйну въ подданство съ условіями такой широкой мѣстной свободы, которая противорѣчила видамъ московской государственной политики. Только невозможность сойтись съ Москвою бросила его въ подданство Турціи. По тогдашнимъ близорукимъ государственнымъ понятіямъ, ему представлялась въ розовомъ свѣтѣ зависимость отъ Турціи; онъ вѣрилъ въ обѣщанія и льготы, основанныя на бумажныхъ привилегіяхъ, точно также какъ довѣрялъ имъ и Богданъ Хмельницкій. Дорошенко даже, можно сказать, поступалъ прямодушнѣе Богдана Хмельницкаго: онъ отдался Турціи послѣ того, какъ уже испыталъ рѣшительную невозможность сойтись съ Москвою. Дорошенко оказался виновнымъ болѣе передъ малороссійскимъ народомъ, чѣмъ передъ Москвою. Желая достигнуть самобытности, чего бы она ни стоила, Дорошенко не останавливался ни предъ какими мѣрами, присутствовалъ въ Каменцѣ при поруганіи мусульманами христіанской святыни, отдавалъ въ турецкую и татарскую неволю толпы крещенаго народа—все это съ надеждою достигнуть самобытности и упрочить ее за Украйною, и былъ жестоко наказанъ; вмѣсто признательности отъ народа, — раздражилъ противъ себя народъ; малороссіяне не пошли за нимъ, покинули его, и онъ долженъ былъ, лишенный всякаго сочувствія подчиненныхъ, отдаться на милость того монарха, которому прежде не захотѣлъ отдаваться безусловно.

VIII.

Дѣло стародубскаго полковника Петра Рославца и нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича.

Не разъ уже въ Малороссіи ловкіе искатели счастья затѣвали посылать въ Москву доносы на своихъ начальствующихъ лицъ, съ цѣлью войти въ милость у московскаго правительства.

Digitized by Google

Доносчики соображали, что малороссіянамъ ничѣмъ нельзя было такъ угодить Москвѣ, какъ самимъ предупреждать ея всегдашнее тайное желаніе скрѣпить возможно тѣснѣе связь Малороссіи съ остальною московскою державою и умалить отдѣльную самобытность присоединившагося края. На этомъ пути выѣхалъ протопопъ Филимоновичъ, преобразившійся въ блюстителя митрополичьяго престола подъ именемъ епископа Меѳодія; по тому же пути шелъ Бруховецкій — и изъ бывшаго слуги Хмельницкаго сдѣлался гетманомъ. Оба не удержались на своей высотѣ и, не поладивши съ Москвой, измѣнили ей; но ихъ примѣры еще не должны были останавливать другихъ вслѣдъ за ними, а могли только давать имъ полезную науку. Дѣло съ Многогрѣшнымъ было еще въ свѣжей памяти, а оно обошлось очень счастливо для доносчиковъ. Самъ Рославецъ былъ участникомъ паденія, мстивши Демьяну за то, что тотъ, отрѣшивши Рославца отъ полковничьяго уряда, назначилъ вмѣсто него своего брата Савву [1]). Не было ничего естественнѣе явиться намѣренію, посредствомъ тайнаго доноса, столкнуть Самойловича съ гетманства, какъ уже удалось, вмѣстѣ съ этимъ Самойловичемъ, столкнуть Демка Многогрѣшнаго. Намѣреніе это явилось у стародубскаго полковника Петра Рославца и протопопа Семена Адамовича, человѣка уже извѣстнаго намъ своею двуличностью.

Рославецъ, управлявшій самымъ обширнѣйшимъ изъ малороссійскихъ полковъ, былъ очень богатъ и пользовался между полковниками первенствующимъ значеніемъ. Самойловичъ обращался съ нимъ дружелюбно, но всегда съ осторожностью, — и вотъ этотъ-то Рославецъ сталъ искать пути нанести вредъ гетману.

Возникла у Рославца мысль отдѣлить стародубскій полкъ отъ гетманскаго управленія и отчислить къ разряду слободскихъ полковъ. Ему казалось, что это должно было придтись по вкусу московскому правительству, такъ какъ оно само прежде принимало малороссійскихъ поселенцевъ, отводило имъ привольныя земли, утѣшало обѣщаніями хранить малороссійскія права и обычаи, но не отдавало переселенцевъ подъ управленіе гетмана. Мысль эта возникла у Рославца отъ бесѣды съ сумскимъ полковникомъ Герасимомъ Кондратьевымъ, который съ своимъ полкомъ, населеннымъ кровными малороссіянами, не подчинялся гетману. Въ іюлѣ 1676 года Рославецъ началъ распространять эту мысль между своими полчанами, и нѣкоторые пристали къ

[1]) Письма Лазаря Барановича, стр. 161.

Digitized by Google

его умыслу, въ ожиданіи царской милости. Но полковые старшины и значные стародубскіе козаки сообразили, что пока гетманъ Самойловичъ пользуется въ Москвѣ довѣріемъ и благосклонностью, едва ли тамъ сдѣлаютъ угодное одному изъ подчиненныхъ полковниковъ и едва ли повѣрятъ обвиненіямъ, которыя этотъ полковникъ необходимо долженъ будетъ взводить на гетмана, чтобы оправдать свое желаніе выдти изъ-подъ его зависимости. Они дали знать гетману о затѣѣ своего полковника и просили дозволить имъ выбрать, вмѣсто Рославца, иного полковника. Самойловичъ дозволилъ. Тогда Рославецъ увидѣлъ, что послѣ этого ему приходится или бросить затѣянное дѣло вовсе и принести гетману повинную, или отважиться на рѣшительную борьбу съ гетманомъ и ѣхать самому въ Москву. Рославецъ рѣшился на послѣднее [1]).

Съ Рославцемъ поѣхали въ Москву полковой асаулъ, полковой писарь, по прозвищу Подгурскій, четыре сотника, три городовыхъ атамана, восемнадцать сотенныхъ чиновъ, сорокъ-семь рядовыхъ козаковъ, трубачи, литаврщики и тридцать-два челядника. Самойловичъ объяснялъ, что чиновные люди, съ нимъ поѣхавшіе, были не тѣ, которые занимали должности въ то время, когда онъ сообщалъ полчанамъ о своей затѣѣ, а новые, которыхъ Рославецъ, передъ самою своею поѣздкою въ столицу, возвелъ въ чины. Лошадей подъ ними было 177 [2]).

Рославецъ былъ принятъ въ Москвѣ съ подобающею честью: ему отвели помѣщеніе въ посольскомъ дворѣ. 11 августа подалъ онъ доносъ на гетмана въ такомъ смыслѣ: гетманъ, въ противность постановленіямъ избирательной рады, набираетъ компаніи и, призвавши изъ-за Днѣпра 500 козаковъ, приказалъ распо-

[1]) Самойловичъ въ письмѣ своемъ, посланномъ въ приказъ, говоритъ: „Ставшися цале мнѣ и всему войску запорожскому городовому противникомъ, людей значныхъ полку своего до того приводилъ, же бы регименту моему не повиновалися. Людская однакъ справила то ростропность и ку своему добру посполитому зычливость, же его превратныя рады не слухаючи, до мене одозвалися зъ своимъ неодмѣннымъ послушенствомъ черезъ значныхъ своихъ присланныхъ особъ и давши о его нестанку вѣдать, просили мене о позволене на обране иншого собѣ полковника. Зачимъ я хотячи, жебы они непорушно при першомъ могли зоставати порядку, позволилемъ имъ ведлугъ давнего звичаю войскового зъ межъ себе обрати кого злюбятъ полковникомъ. Онъ за тымъ, видячи, же въ надѣѣ своей омылился, дався зъ тимъ на потомъ чути же мѣлъ удатися забравши всѣ знаки войсковые до вашего царскаго пресвѣтлаго величества къ Москвѣ“ (А. И. Д., подлинники, іюля 27, 1676 г., № 334).

[2]) Самойловичъ, передъ отправленіемъ въ столицу Рославца, написалъ ему: „поѣзжай здоровъ, а мы будемъ ожидать, какой указъ будетъ на ваше челобитье, чего вы тамъ хотите добиваться, — мы же, по совѣту генеральной старшины, сами когонибудь пошлемъ“.

Digitized by Google

ложить ихъ на становище въ Стародубскомъ полку; — гетманъ безъ совѣта со старшинами облагаетъ народъ новоустановленными податьми [1]), беруть даже съ козачьихъ мельницъ и съ козачьихъ винокурень, чего не слѣдовало по войсковому праву; кромѣ того, беруть на дворъ гетманскій всякіе запасы [2]); гетману воспрещено, безъ совѣта старшинъ, отставлять чиновныхъ людей, а онъ меня отъ полковничества отставилъ и далъ полковничество атаману Тимохѣ. Рославецъ билъ челомъ также на архіепископа Лазаря Барановича: за то, что въ Стародубѣ убили священника Якова Халчинскаго, архіепископъ запретилъ стародубскому протопопу и всѣмъ священникамъ совершать богослуженіе и требы, и оттого многіе умерли безъ напутствія и погребены безъ отпѣванія, младенцы остаются безъ крещенія, родильницы безъ молитвы. Для избѣжанія такихъ стѣсненій Рославецъ желалъ, чтобы стародубскій полкъ съ городами Стародубомъ, Почепомъ, Погаромъ и Мглиномъ былъ изъятъ отъ гетманскаго регимента и перешелъ въ завѣдываніе боярина Ромодановскаго наравнѣ со слободскими полками, а въ церковномъ отношеніи подчинялся бы непосредственно московскому патріарху. При этомъ указывалось, что стародубскій полкъ былъ издавна отчина московская, потомъ уступленъ Польшѣ и возвращенъ разомъ съ Малороссіей, а потому и присоединенъ къ ней. Самойловича во многихъ полкахъ не любятъ и не желаютъ имѣть его гетманомъ,—прибавлялъ въ своей челобитной Рославецъ.

Ошибся съ разу въ своемъ разсчетѣ Рославецъ. Въ малороссійскомъ приказѣ ему замѣтили: для чего онъ, видя злоупотребленія, не отнесся прежде къ совѣту старшинъ, а безъ гетманскаго вѣдома пріѣхалъ въ Москву.

«Я,—сказалъ Рославецъ,—къ нимъ на раду не поѣхалъ, потому что у нихъ рада безъ убивства не бываетъ. Чтожъ, я не къ ляхамъ и не къ туркамъ поѣхалъ, а къ своему законному государю. Я вѣрный царскій холопъ, служилъ покойному царю 20 лѣтъ и теперь желаю служить великому государю царю Ѳедору Алексѣевичу. Меня со всѣмъ полкомъ моимъ ненавидятъ по зависти, оттого что въ городахъ моего полка я съ товарищами строилъ мельницы, и за то еще ненавидятъ, что я велѣлъ

---

[1]) Беруть отъ хлѣба, соли, отъ винныхъ котловъ по рублю, а отъ пивныхъ полъ-сорока алтынъ, отъ мельничныхъ колесъ по 3 рубля, и съ боровов и съ пріѣзжихъ торговыхъ людей, которые чрезъ то не хотятъ ѣздить въ Стародубъ.

[2]) Яловицами, баранами, боровами, конопляннымъ масломъ, сыромъ, коровьимъ масломъ, гусями, курами и деньгами, а козакамъ, разставленнымъ на становища, люди даютъ всякое одѣяніе.

Digitized by Google

въ городахъ моего полка остерегаться отъ чернецовъ и всякихъ лазутчиковъ литовскихъ и украинскихъ, чтобъ не приводили народъ къ измѣнѣ и шатости. Я служу государю вѣрою и правдою, а другіе старшины и полковники въ своихъ маетностяхъ позаписывали себѣ въ крестьяне старинныхъ козаковъ». На всѣ эти представленія Рославцу данъ былъ такой отвѣтъ:

«Великій государь указалъ и бояре приговорили: сдѣлать тебѣ, Рославцу, выговоръ за то, что противно войсковому праву и должному послушанію ты пріѣхалъ въ столицу. Хоть бы тебѣ и какія трудности были, ты все-таки долженъ былъ прежде переговорить съ старшинами и совѣтъ свой гетману подать. Ты сдѣлалъ такое, чего никогда не бывало; и тебѣ, Петру, надобно было другихъ отъ такого своеволія унимать, а не подавать имъ собою примѣръ сопротивленія гетману. За такое непослушаніе стоило бы тебя отправить тотчасъ же къ гетману, но такъ какъ прибыло отъ гетмана посольство, то указано задержать тебя въ Москвѣ, а къ гетману отправить знатную особу для объясненій».

Прибылъ гетманскимъ посланцемъ кіевскій полковникъ Солонина съ товарищами. Призванный въ приказъ онъ далъ объясненіе по поводу обвиненій, взводимыхъ Рославцемъ на гетмана. По вопросу о компаніяхъ сказано было, что гетманъ принималъ изъ-за Днѣпра Мовчана съ серденятами и другихъ козаковъ отъ Дорошенка по царскому указу. Неправда, будто гетманъ въ стародубскомъ полку допускаетъ грабленіе людей. У гетмана ежедневные великіе расходы: и государевыхъ пословъ принимаетъ, и всякихъ войсковыхъ людей довольствуетъ, а тутъ еще, спасаясь отъ непріятелей креста святаго, съ правой стороны Днѣпра изъ Побужья, изъ Поднѣстрья, изъ Волыни, приходятъ на сю сторону не только простые люди, но и шляхта и духовенство на житье. Всѣ просятъ хлѣбнаго жалованья и всякаго вспоможенія, а у гетмана приходу немного, гетманъ же никому не отказываетъ. Прежде аренды были, теперь нѣтъ. Грабежа нигдѣ никому не было, только осенью съ мельниковъ берется поколесчина, со свинопасовъ—покабанщина, отъ винокуровъ—показанщина, а отъ посполитыхъ пахатныхъ людей — отмѣръ хлѣбный, и этого всего собирается такъ немного, что на годъ не-станетъ, притомъ показанщина берется только въ стародубскомъ, да въ черниговскомъ полкахъ, а въ другихъ полкахъ вина вовсе не курятъ. Съ козаковъ же нигдѣ ничего не берется. Неправда и то, будто Самойловича козаки не хотятъ имѣть гетманомъ.

Такія данныя представлены были Солониною въ защиту гетмана. Вмѣстѣ съ тѣмъ Солонина подалъ отъ гетмана извѣтъ на

Digitized by Google

нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича и приложилъ показаніе войсковаго товарища Быстроновскаго, который, явившись къ гетману въ присутствіи старшинъ, доносилъ, что протопопъ по секрету съ нимъ говорилъ, что онъ постарается ссадить гетмана съ уряда и что многія знатныя особы съ нимъ въ согласіи. Гетманъ черезъ Солонину просилъ отобрать у Рославца полковничьи клейноты (перначъ, знамя, литавры, двѣ пушечки, три мѣдныхъ трубы и суремки) и шесть лошадей, для передачи всего этого новому стародубскому полковнику Тимоѳею Алексѣенку.

По этому представленію велѣно было всѣхъ пріѣхавшихъ съ Рославцемъ отпустить, а Рославца посадить подъ стражу до царскаго указа.

15 августа отвели Рославца на греческій дворъ. Съ нимъ велѣно сидѣть безотходно стрѣлецкимъ начальнымъ людямъ, сотнику и пятидесятнику съ двумя караульными стрѣльцами; у дверей палаты и у воротъ поставлено было 27 стрѣльцовъ на карауле: имъ на-крѣпко было запрещено пускать кого то ни было къ арестованному полковнику.

20 августа были на карауле у Рославца стрѣлецкій сотникъ, пятидесятникъ и рядовые стрѣльцы — всего 30 человѣкъ. Въ этотъ день, во время смѣны дневныхъ часовъ на ночные, къ дневальному головѣ Данилу Барашеву прибѣжалъ съ караула стрѣлецъ съ вѣстію: колодникъ Петрушка ушелъ; ходилъ за нимъ пятидесятникъ Никита и упустилъ его.

Дѣло происходило такъ. Бывшій при Рославцѣ стрѣлецкій сотникъ Василій Шиловъ приказалъ «собрать столъ», чтобъ ужинать вмѣстѣ съ своимъ колодникомъ. Рославецъ попросилъ позволенія выдти, сотникъ приказалъ идти за нимъ пятидесятнику. Чуть переступили они за двери, какъ раздался крикъ пятидесятника: колодникъ ушелъ. Бросились въ погоню, но не догнали. Бѣгство колодника повлекло за собою арестъ тѣхъ, которые обязаны были его стеречь. Шиловъ послалъ стрѣльца Митрошку къ своей матери извѣстить ее, что онъ посаженъ подъ караулъ. Братъ Шилова Тимоѳей пошелъ со стрѣльцомъ Митрошкою навѣстить брата, и когда они проходили мимо рядовъ мясныхъ за Смоленскими воротами,—вдругъ Митрошка узналъ Рославца, шедшаго изъ Бѣлаго-Города въ Земляной-Городъ, нагналъ его, схватилъ, привелъ къ Смоленскимъ воротамъ и сдалъ караульнымъ стрѣльцамъ. Рославца привели въ малороссійскій приказъ. Тамъ онъ показалъ.

«Какъ вышелъ я на дворъ, взошелъ на церковь, а съ ней

Digitized by Google

спустился на улицу и пошелъ. Хотѣлъ я пробраться къ Карачевцу Григорію Юрасову, но двора его не нашелъ и хотѣлъ идти въ Новодѣвичій монастырь, чтобъ тамъ перебыть, пока не уѣдетъ изъ Москвы гетманскій посланецъ Солонина, который домогался, чтобъ ему отдали меня отвезти къ гетману. Какъ бы только Солонина уѣхалъ, я опять пришелъ бы въ приказъ. Не нашедши Юрасова двора, я ночевалъ подлѣ церкви, не знаю какой, а утромъ пошелъ за Смоленскія ворота: тамъ встрѣтилъ меня стрѣлецъ и привелъ сюда. Изъ Москвы я бѣжать не думалъ, совѣтниковъ къ побѣгу не было у меня и подкупа никому не давалъ. Взялъ я съ собой на харчъ пять рублей, и тѣ цѣлы».

По розыску оказалось, что Григорій Юрасовъ умеръ, а сынъ его Аѳанасій объявилъ, что не знаетъ Рославца.

Указано держать Рославца за карауломъ.

Вслѣдъ затѣмъ произошелъ случай, который не могъ послужить въ пользу Рославца. Жена его Анна, урожденная Васютинская, жившая въ Брянскѣ, послала на подводѣ стародубскаго мѣщанина Яська Ничипоренка, пріѣхавшаго къ ней отъ рославцева благопріятеля, Ивана Киселевскаго, священника села Гордова, въ двадцати верстахъ отъ Стародуба, съ поддѣльною челобитною, будто бы составленною отъ жителей стародубскаго полка, ходатайствующихъ у царя за своего любимаго полковника, на самомъ же дѣлѣ сложенную самимъ Киселевскимъ безъ всякаго участія тѣхъ, отъ имени которыхъ посылалась. Рославцева приложила и отъ себя письмо къ мужу и отдала мѣщанину, ѣхавшему съ челобитною [1]). Мѣщанинъ «кравецъ» Ясько Ничипоренко, достигнувши Москвы, отправился прямо на посольскій дворъ, спрашивать полковника Рославца. Его схватили и привели къ Солонинѣ, а Солонина, отобравши у него всѣ бумаги, представилъ ихъ какъ доказательство плутней Рославца, котораго благопріятели составляютъ въ его пользу фальшивыя челобитныя отъ всего поспольства стародубскаго полка.

Рославца держали въ оковахъ, а по дѣлу о немъ послали къ Самойловичу стольника Семена Алмазова. 19 августа Алмазовъ подалъ Самойловичу царскую грамоту самаго милостиваго содержанія: Самойловичъ долженъ былъ объяснить Алмазову обстоятельства и причины Рославцевой затѣи.

Алмазовъ спросилъ Самойловича: «съ твоего ли гетманскаго вѣдома архіепископъ Лазарь Барановичъ положилъ на него клятву, какъ онъ жалуется».

---

[1]) Арх. Юст., кн. 43, л. 189.

Digitized by Google

— Безъ моего вѣдома, — отвѣчалъ гетманъ,—но мнѣ было извѣстно, что Рославецъ приказалъ бить передъ церковью дубинами священника и притомъ въ тотъ самый день, когда священникъ служилъ литургію. Я писалъ Рославцу, чтобы онъ просилъ у архіепископа прощенія, архіепископа же письменно просилъ, чтобъ онъ положилъ милость на Рославца и разрѣшилъ отъ клятвы. Рославецъ мое благорасположеніе ни во что поставилъ и злословилъ меня. Дивно мнѣ, что Рославецъ задумалъ мнѣ учинить зло, когда я былъ всегда съ нимъ хорошъ и обѣщалъ не смѣнять его съ полковничьяго уряда.

Алмазовъ сказалъ: «Рославецъ учинилъ такъ своею дуростію. Буде возможно, ты бы гетманъ простилъ его, а онъ тебѣ учинитъ послушаніе. Только я это отъ себя говорю и совѣтую, а великій государь въ наказѣ не велѣлъ мнѣ такъ тебѣ говорить».

На самомъ дѣлѣ у Алмазова въ наказѣ велѣно было такъ говорить, но какъ будто отъ себя. Гетманъ на это отвѣчалъ:

— Хотя бы Рославецъ учинилъ мнѣ и бо́льшую досаду, я бы ему отпустилъ, а такого дѣла нельзя отпустить, потому что Рославецъ говорилъ, что у него въ томъ дѣлѣ много совѣтниковъ, и будто меня на сей сторонѣ Днѣпра не любятъ и гетманомъ имѣть не хотятъ. Пусть старшины разберутъ это дѣло по нашимъ войсковымъ правамъ и допросятъ его, какіе у него были совѣтники и кто не любитъ меня и гетманомъ имѣть не хочетъ? Не только у насъ есть плуты и своевольники, много ихъ и въ другихъ странахъ, и у васъ въ великороссійскихъ городахъ есть они; только у васъ всѣ подъ страхомъ пребываютъ, а у насъ въ малороссійскихъ городахъ — вольность. Кабы не было мнѣ государской милости, то у насъ бы на всякій годъ было по десяти гетмановъ.

Прощаясь съ Алмазовымъ, Самойловичъ вручилъ ему грамоту въ приказъ, въ которой просилъ прислать Рославца на войсковой судъ всѣхъ старшинъ, и вмѣстѣ съ нею далъ Алмазову для передачи Рославцу письмо такого содержанія:

«Рославецъ! Что это пришло тебѣ? Безъ всякой данной отъ насъ причины, сверхъ ожиданія моего и всѣхъ украинскихъ людей, учинился ты намъ противникомъ, направился туда, куда не долженъ былъ ѣхать, и дерзнулъ безъ стыда и страха Божія оговаривать насъ предъ царскимъ престоломъ въ томъ, чего намъ и не грезилось! Не думаю, чтобъ самъ собою ты затѣялъ такое шалопутное дѣло. Кто-то подалъ тебѣ въ томъ совѣтъ. По чьимъ возбужденіямъ ты схватился за такое малоуміе? Исповѣдай все

Digitized by Google

по святой правдѣ передъ синклитомъ царскаго величества и тебѣ самому будетъ легче. Прежде желательный тебѣ Иванъ Самойловичъ, гетманъ войска запорожскаго».

Рославецъ, получивши это письмо, подалъ въ приказъ челобитную, въ которой приносилъ раскаяніе и сознавался, что прогнѣвилъ гетмана и архіепископа Лазаря, но увѣрялъ, что поступалъ такъ безъ злого умысла и безъ хитрости, единственно отъ страха не поѣхалъ къ нимъ, а убѣжалъ въ Москву. Онъ умолялъ государя написать къ гетману и къ архіепископу о прощеніи ему вины противъ того и другого. По этой челобитной послана была прямо къ гетману царская грамота, въ которой говорилось уже отъ имени царя то, что́ прежде Алмазовъ совѣтовалъ какъ-бы лично отъ себя: чтобъ гетманъ простилъ преступленіе Рославца въ уваженіе къ его слезному раскаянію. Но эта грамота посылалась уже разомъ при отправкѣ самого Рославца, котораго велѣно было везти къ гетману въ оковахъ за крѣпкимъ карауломъ изъ московскихъ стрѣльцовъ. Гетманъ, давши ему прощеніе, долженъ былъ написать къ архіепископу, чтобъ и тотъ поступилъ также милостиво съ виновнымъ [1]).

10 сентября вывезли изъ Москвы скованнаго Рославца. Разомъ поѣхалъ и Алмазовъ для передачи преступника гетману. Алмазовъ не засталъ гетмана въ Батуринѣ, но отъ гетманскаго наказного услыхалъ радостную вѣсть, что Дорошенко, наконецъ, добилъ великому государю челомъ и сдалъ Чигиринъ. Алмазовъ поѣхалъ въ Переяславъ, прибылъ туда 2 октября, засталъ тамъ

---

[1]) При отправленіи Рославца взяты были у него вещи, находившіяся при немъ въ Москвѣ: шкатулка польская съ четырьмя мѣшками, наполненными деньгами: орлянками, польскими ортами, чехами и левками; другая шкатулка съ чехами и рублями, третья съ письмами. Сундучокъ съ платьемъ: ферезея алая, суконная на рысяхъ, пять кафтановъ, два бархатныхъ вишневаго и червчатаго цвѣта; два покрытые атласомъ и байберековою тафтою съ золотою нашивкою и одинъ суконный червчатый кафтанъ на куницахъ. Чемоданъ съ восемью кафтанами суконными цвѣта, коричневаго и чернаго, тафтяной бѣлый, атласный зеленый и камчатный лазоревый кафтаны на бѣлкахъ, одинъ изуфреневый (?) кирпичнаго цвѣта и два кафтана объярныхъ на соболяхъ, одинъ цвѣта вишневаго, другой зеленаго; четыре польскія книги, лубяная коробочка съ порохомъ, два сѣдла нѣмецкія, окованныя серебромъ по краямъ, три узды, оправленныя серебромъ, два саадака, двѣ сабли оправленныя, двѣ простыя, девять пищалей и въ томъ числѣ четыре винтовки, три крашенинныхъ палатки. Сверхъ того, билъ челомъ Рославецъ, что Солонина, пріѣхавши въ Москву, отнялъ у него насильно образъ Воскресенья Христова, золотую панагію въ 140 червонцевъ, 2 суконныхъ кармазинныхъ кафтана, одинъ коричневаго, другой голубаго цвѣта. Солонина воспользовался пребываніемъ своимъ въ Москвѣ, чтобы выпросить подтвержденіе гетманскихъ универсаловъ на пожалованныя ему маетности въ Остерскомъ повѣтѣ села: Евминки, Боденки, Кряжева, Воропаева, а въ Козелецкомъ село Вовчки.

Digitized by Google

гетмана и подалъ царскую грамоту, гдѣ говорилось о помилованіи Рославца:

Гетманъ, прочитавши грамоту, сказалъ:

«Безъ указа великаго государя я Петра Рославца не только смертію казнить не буду, но и никакого наказанія не учиню ему. Только теперь новое открылось у насъ. Былъ у Рославца тайный совѣтъ съ протопопомъ Адамовичемъ и нѣжинскій протопопъ списывался съ Дорошенкомъ, совѣтуясь какъ бы меня погубить, а гетманомъ на обѣихъ сторонахъ быть Петру Дорошенку. Теперь, какъ Дорошенко съ себя гетманство снялъ, его генеральный писарь Воеховичъ мнѣ все открылъ и сказку на письмѣ подалъ: присылалъ Адамовичъ боровицкаго козака Дубровскаго и передавалъ черезъ него, что на лѣвой сторонѣ желаютъ гетманомъ имѣть Дорошенка, а меня не хотятъ, и знатныя особы съ нимъ, протопопомъ, въ соумышленіи: полковники: стародубскій Рославецъ, переяславскій Дмитрашко Райча, прилуцкій Горленко и бывшій генеральный писарь Карпо Мокріевичъ. Обѣщали они съ Самойловичемъ поступить такъ, какъ Дорошенко прикажетъ: либо убить, либо учинить ему то, что Многогрѣшному. На томъ цѣловалъ протопопъ крестъ и отдалъ крестъ этотъ козаку для передачи Дорошенку. Дорошенко, добивши челомъ великому государю, мнѣ самъ все это разсказалъ и крестъ этотъ мнѣ передалъ».

На другой день, 3 октября, Алмазову было передано письменное показаніе Воеховича и Алмазовъ говорилъ Рославцу: «повинись, скажи правду! гетманъ вину твою тебѣ отпуститъ».

— Ничего я не знаю — говорилъ Рославецъ, — съ протопопомъ совѣта не держалъ, съ Дорошенкомъ не ссылался.

Привели Рославца караулившіе его въ дорогѣ стрѣльцы передъ гетмана. И Алмазовъ пришелъ къ гетману. Съ гетманомъ находились всѣ генеральные старшины, кланялись Алмазову, благодарили царя за милость, оказанную присылкою Рославца, а гетманъ послѣ того, обратившись къ Рославцу, сказалъ:

«Не такъ ты, Петре, учинилъ, какъ обѣщалъ на первой и на второй радѣ великому государю служить, а мнѣ всякаго добра хотѣть и ни на какіе совѣты не поддаваться. Я надѣялся, что такого другого пріятеля, какъ ты, мнѣ и не было, а ты за мою добродѣтель хотѣлъ меня сгубить; но видишь: Богъ мздовоздаятель не помогъ тебѣ!»

— Я, — говорилъ Рославецъ, — въ совѣтѣ съ нѣжинскимъ протопопою не былъ и дѣлъ никакихъ не знаю. Въ томъ только передъ тобою виноватъ, что поѣхалъ въ Москву безъ твоего

Digitized by Google

отпуска и вѣдома, а сдѣлалъ я это оттого, что боялся черневой рады, чтобъ на ней меня не убили.

Рославецъ повалился на землю, лежалъ распростершись, рыдалъ и просилъ помилованія.

Самойловичъ поручилъ генеральному бунчужному Полуботку держать Рославца подъ карауломъ, отыскать протопопа и доставить къ суду. Судъ надъ ними назначенъ былъ къ 6 января 1677 года.

Рославца отправили въ Батуринъ, а въ концѣ октября доставленъ былъ туда же взятый въ Оболони протопопъ Адамовичъ.

Судъ производился послѣ Богоявленія 1677 года въ Батуринѣ. Засѣдали генеральный обозный Забѣла, генеральные судьи Домонтовичъ и Животовскій при участіи полковниковъ, полковыхъ судей и войтовъ городовъ Кіева, Нѣжина и Чернигова. Гетманъ въ качествѣ истца уполномочилъ вмѣсто себя генеральнаго бунчужнаго Полуботка и генеральнаго писаря Прокоповича. О Рославцѣ не долго приходилось толковать: его вина была явна, его присудили къ смертной казни. Но съ Адамовичемъ пришлось потягаться, такъ какъ онъ ни въ чемъ не сознавался. Его уличали свидѣтельствами другихъ. Важнѣе всѣхъ свидѣтельствъ было показаніе Дорошенкова писаря Воеховича и отзывъ самого Дорошенка. Представлены были къ суду, какъ вещественныя улики: крестъ, который протопопъ посылалъ къ Дорошенку, отвѣтное письмо Дорошенка въ одобрительномъ смыслѣ, серебряная зубочистка, которую потомъ протопопъ отправлялъ къ Дмитрашкѣ Райчѣ съ запискою, что онъ отъ своихъ «наступниковъ» бѣжитъ въ Москву и поручаетъ Дмитрашкѣ Райчѣ продолжать, вмѣсто себя, вести сношенія съ Дорошенкомъ. Кромѣ этихъ уликъ, представленныхъ братомъ Дорошенка Андреемъ, на Адамовича показывалъ войсковой товарищъ Грембецкій, что протопопъ поручалъ ему передать своему свояку Карпу Мокріевичу о намѣреніи скинуть съ гетманства Самойловича и поставить Дорошенка. О томъ же показалъ на Адамовича полковой нѣжинскій писарь Михаловскій. На этомъ основаніи духовныя особы, бывшія на судѣ [1]), приговорили протопопа Адамовича лишить священнаго сана и предать мірскому суду.

12 января, въ день, когда должна была совершиться казнь Рославца, Самойловичъ объявилъ царскую грамоту о дарованіи

---

[1]) Духовникъ Лазаря Барановича Ѳеодосій Гугуревичъ, черниговскаго елецкаго монастыря архимандритъ Іоанникій Голятовскій, кіевскаго Кирилловскаго монастыря игуменъ Дзикъ и протоіереи: черниговскій, менскій, лохвицкій и лубенскій.

Digitized by Google

преступнику жизни. Судъ измѣнилъ свой приговоръ и постановилъ Петра Рославца отдать за крѣпкій караулъ на вѣчное безчестье съ тѣмъ, чтобъ онъ никогда не былъ назначенъ ни въ самый наименьшій чинъ, былъ бы отлученъ отъ жены и сродниковъ и во все время житія своего ни въ какомъ съѣздѣ между честными особами въ Малороссійскомъ краѣ не имѣлъ участія. Протопопа, уволивъ отъ смертной казни, духовныя особы и генеральные старшины положили постричь.

«Я давно того и хотѣлъ, — сказалъ протопопъ,—по се время все откладывалъ, и видно Богъ меня за то и покаралъ».

Дмитрашкѣ Райчѣ и Лазарю Горленку, которыхъ участіе не было доказано, велѣли присягнуть въ ихъ невинности, а Карпа Мокріевича, хотя и подвергли такой же присягѣ, но какъ за нимъ уже водились какія-то козни противъ гетмана, то его осудили на изгнаніе изъ малороссійскаго края, назначивъ ему четыре недѣли сроку на выѣздъ изъ Чернигова, гдѣ онъ жилъ, впрочемъ безъ конфискаціи имуществъ.

Протопопъ Адамовичъ выпросилъ себѣ срокъ до сырной недѣли, чтобъ учинить расправу съ женою и устроить свои домашнія дѣла. По минованіи срока гетманъ отправилъ Полуботка представить Адамовича для постриженія предъ архіепископа. Съ Лазаремъ Барановичемъ протопопъ имѣлъ прежде вражду за то, что архіепископъ упросилъ гетмана отобрать отъ протопопа владѣемыя послѣднимъ имѣнія, село Воловицу и деревню Степановку, и присоединить къ архіепископскимъ маетностямъ на основаніи ихъ прежней принадлежности къ достоянію архіепископской каѳедры [1]). Въ Черниговѣ въ начальномъ монастырѣ (Елецкомъ) собрались духовные сановники, положили монашеское одѣяніе и познали осужденнаго. Адамовичъ объявилъ, что не хочетъ постригаться потому, что женатъ. Тогда ему объявили, что его извергаютъ изъ сословія духовнаго чина и отдаютъ войсковому суду.

Адамовичъ подвергнутъ былъ допросу и опять во всемъ запирался. Полуботокъ посадилъ его въ «тѣсное узилище», въ которомъ протопопу стало черезъ-чуръ тѣсно, и онъ объявилъ, что хочетъ всенародно открыть всѣ тайны своего преступленія.

Тогда въ Черниговѣ въ домъ генеральнаго бунчужнаго приглашены были мѣстныя духовныя особы [2]), черниговскіе полковые

---

[1]) Письма Лаз. Барановича, стр. 209.

[2]) Степанъ Шуба—воскресенскій, Максимъ Гашевскій—благовѣщенскій протопопы и священники съ ними.

Digitized by Google

старшины [1]) и отъ горожанъ войтъ, бурмистръ и знатныя мѣщанскія особы.

Адамовичъ сознался, что велъ сношенія съ Дорошенкомъ, посылалъ къ нему крестикъ, а Дмитрашкѣ Райчѣ зубочистку, показывалъ на Дмитрашку, что онъ грозилъ застрѣлить гетмана, на Лазаря Горленка, на полкового нѣжинскаго писаря Михаленка и на Быстроновскаго, что они были ему помощниками въ замыслѣ противъ гетмана, а на Карпа Мокріевича показалъ, что онъ ему дважды говорилъ, что пойдетъ бунтовать запорожцевъ противъ гетмана. И Рославца въ томъ же оговаривалъ протопопъ, прибавляя, что когда Рославца взяли, то Рославчиха просила Адамовича, чтобъ на ея мужа не показывалъ.

И Рославца и Адамовича посадили въ тюрьму.

По волѣ государя Самойловичъ обязанъ былъ избавить ихъ отъ смертной казни, но это видно было не по̀ сердцу ему; по крайней мѣрѣ говорили въ Малороссіи съ ропотомъ, что гетманъ своихъ враговъ держитъ въ жестокой тѣснотѣ, да и самъ Самойловичъ сознавался въ своемъ письмѣ, что они «в вязеню на полъ южъ живыми зостаютъ». По войсковымъ правамъ слѣдовало у такихъ осужденныхъ конфисковать имущество и теперь допрашивали у нихъ, гдѣ оно находится. Рославецъ объявилъ за собою 13,720 злотыхъ и 20 фунтовъ серебра въ разной утвари, находившихся у его брата Ивана, жившаго въ Почепѣ и, сверхъ того, показалъ, что много денегъ, вещей серебряныхъ, мѣдныхъ и оловянныхъ и всякой домашней рухляди отдалъ онъ на сохраненіе своимъ знакомымъ въ Трубчевскѣ и Брянскѣ. Гетманъ, по совѣту старшинъ, посылалъ отыскивать это имущество и писалъ о томъ же къ воеводамъ брянскому и трубчевскому. Посланные въ Почепъ не застали Рославцева брата Ивана, убѣжавшаго въ Смоленскъ, но застали другого брата Андрея, отъ котораго взяли показанныя деньги и дорогія вещи. Изъ нихъ Самойловичъ роздалъ охочему полку Мовчана, надъ которымъ былъ уже тогда полковникомъ Илья Новицкій, по 20 злотыхъ на рядового казака, чтб составило 10,000 злотыхъ, а 1000 злотыхъ на полковыхъ старшинъ. Однако послѣ того еще не малое время доискивался Самойловичъ остального имущества своихъ враговъ [2]).

По царскому указу, Рославецъ и Адамовичъ были препровождены въ Москву и тотчасъ же сосланы въ Сибирь. Спустя

---

[1]) Обозный Константинъ Угревецкій, городовой атаманъ Янъ Харитоновичъ, нѣсколько сотниковъ и знатныхъ товарищей.

[2]) Арх. И. Д., связка 47, № 10.

Digitized by Google

нѣсколько лѣтъ, Адамовичъ изъ Сибири посылалъ царю челобитную, въ которой увѣрялъ въ своей невинности и твердилъ, что наговорилъ на себя подъ страхомъ мученій. Неизвѣстно, какое послѣдствіе имѣла эта челобитная [1]). Дмитрашко Райча и Лазарь Горленко были удалены отъ полковничьихъ урядовъ: прилуцкимъ полковникомъ наставленъ Мовчанъ, а по немъ Чернявскій, переяславскимъ Войца Сербинъ. Дмитрашко ушелъ за Днѣпръ, передался полякамъ, но жена его, вдова казненнаго Золотаренка, не послѣдовала за нимъ и онъ самъ вскорѣ воротился и былъ прощенъ Самойловичемъ, оставаясь въ званіи значнаго войскового товарища. Горленко спустя нѣсколько времени опять получилъ прилуцкое полковничество и сталъ вѣрнымъ сторонникомъ Самойловича, тогда какъ Дмитрашка Райча затаилъ къ гетману злобу и впослѣдствіи, какъ увидимъ, имѣлъ случай опять стать его открытымъ и уже не безсильнымъ врагомъ. Горленко остался гетману вѣренъ до положенія живота своего [2]).

IX.

Переходъ Дорошенка на лѣвую сторону. — Царь требуетъ его въ Москву. — Представленія Самойловича противъ отправки Дорошенка въ столицу. — Пребываніе Дорошенка въ Москвѣ. — Его послѣдняя судьба.

Самойловичъ указалъ Дорошенку перейти на житье на лѣвую сторону, оставляя за нимъ право владѣнія имуществомъ, находившимся въ Чигиринѣ, гдѣ оставались его родные. Дорошенко не противился и не роптал, переѣхалъ на лѣвую сторону съ женою и съ братомъ Андреемъ 1 ноября 1676 года и прежде всего прибылъ въ Батуринъ. Самойловичъ встрѣтилъ его чрезвычайно радушно и по поводу пріѣзда его три дня пировалъ. Прежніе враги, казалось, стали друзьями. Дорошенко просилъ дозволить ему жить какъ возможно поближе къ гетману, и Самойловичъ назначилъ ему жить въ Сосницѣ. Тамъ приготовляли Дорошенку дворъ, куда привезли изъ Чигирина 30 двуконныхъ возовъ съ его пожитками, а при дворѣ назначено быть 15 душъ челяди. Гетманъ далъ Дорошенковой матери на прокормленіе доходы съ чигиринскихъ мельницъ. Кромѣ матери, остались на прежнихъ мѣстахъ жительства тесть Дорошенка,

[1]) Списокъ челобитной сообщенъ мнѣ П. И. Мельниковымъ.

[2]) Лазаревскій, Очерки Малор. фамилій, Рус. Арх., 1875 стр., 249, 403. (У Лазаревскаго событіе съ Рославцемъ и все послѣдовавшее съ Дмитрашкомъ отнесено ошибочно къ болѣе раннему времени).

Digitized by Google

Яненко и двоюродный братъ Кондратъ Тарасенко съ нѣкоторыми бывшими старшинами, но бывшій Дорошенковъ писарь Воеховичъ поселился въ имѣніи жены своей, въ селѣ Жукинѣ, кіевскаго полка, которое утвердилъ за нимъ и его женою гетманъ своимъ универсаломъ.

Недолго пришлось Дорошенку спокойно прожить на новосельѣ. Въ первыхъ числахъ декабря того же года, пріѣхалъ къ Самойловичу стольникъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Волконскій съ подъячимъ Часовниковымъ. Они привезли гетману указъ прислать Дорошенка въ Москву къ царскому величеству.

Самойловичъ сказалъ:—По царскому указу обѣщано Дорошенку мѣсто жительства въ Украйнѣ и мы съ бояриномъ Ромодановскимъ назначали ему жить въ Сосницѣ. За нимъ ничего подозрительнаго не замѣчено.

Волконскій возразилъ:—Боярину было указано назначить Дорошенку мѣсто жительства до государева указа, а вотъ нынѣ и указъ государевъ пришелъ къ тебѣ такой, чтобъ быть Дорошенку на Москвѣ.

Гетманъ сказалъ:—Да вѣдь Дорошенко недавно только переѣхалъ на сю сторону и дворъ ему начали строить въ Сосницѣ; еще и всѣхъ его пожитковъ изъ Чигирина не привезли. Дорошенко отдался, повѣривши нашему обѣщанію, что ему дозволятъ жить, гдѣ пожелаетъ, и прежнія вины его не будутъ воспомянуты.

Волконскій отвѣчалъ:—Великій государь обѣщанія своего не нарушаетъ; вины Дорошенковы не будутъ вспоминаться и великій государь приказываетъ послать его въ Москву при прежней обнадежительной грамотѣ; зовутъ его для того только, чтобъ онъ видѣлъ государевы пресвѣтлыя очи и подтвердилъ бы свою присягу на вѣрность и вѣчное подданство.

«Если по Божіей и царской милости и по изволенію всего войска запорожскаго на меня положено оберегать цѣлость и спокойствіе края,—сказалъ гетманъ,—то я долженъ доложить царскому пресвѣтлому величеству, что скорый и нечаянный отъѣздъ Дорошенка нарушитъ между здѣшнимъ народомъ спокойствіе, котораго мы добивались много лѣтъ. Мы съ генеральными старшинами и полковниками на свою совѣсть взяли Дорошенка по царскому указу и руками своими подписались, чтобъ ему жить здѣсь въ тихомирномъ и безопасномъ пребываніи со всѣми пожитками. Если теперь, послѣ такого нашего обѣщанія отправить Дорошенка въ Москву, то по всей Украйнѣ между козаками и поспольствомъ разславится, что мы не держимъ нашего слова, а

Digitized by Google

запорожцамъ съ ихъ кошевымъ Сѣркомъ это будетъ особенно кстати, такъ какъ они и прежде удерживали Дорошенка отъ переѣзда на лѣвую сторону, стращая Сибирью. За Днѣпромъ остаются еще Дорошенковы старшины: уже они намѣтили себѣ мѣсто жительства на лѣвой сторонѣ, были у меня, я имъ позволилъ переселяться и далъ имъ проѣзжіе листы; какъ теперь они узнаютъ, что Дорошенка повезли въ Москву, то не поѣдутъ на сю сторону. Есть у Дорошенка друзья на обѣихъ сторонахъ Днѣпра: какъ бы они смуты не устроили!»

Князь Волконскій не нашелся ничѣмъ опровергнуть доводовъ гетмана, но промолвилъ:

— Гетманъ! учини по волѣ великаго государя. Пошли Дорошенка со мною безъ всякаго сумнительства. Положись на волю Всемогущаго Бога и на царскую милость. Ни старшинамъ, что́ на правой сторонѣ остались, ни свойственникамъ, ни друзьямъ Дорошенка сомнѣваться нечего, а ты, гетманъ, о Дорошенковой посылкѣ объяви по своему разсмотрѣнію какъ пристойно, чтобъ они опасенія въ томъ не имѣли; Дорошенка-де не въ Сибирь засылаютъ, а великій государь по своей прежней обнадежительной грамотѣ указалъ прислать его для того, чтобъ онъ видѣлъ государевы пресвѣтлыя очи, да и того ради, чтобъ разспросить его о городахъ на правой сторонѣ, какъ пристойнѣе ихъ укрѣпить на случай, Боже сохрани, прихода турецкаго султана и крымскаго хана, чтобы Дорошенко далъ совѣтъ, съ которой стороны великаго государя ратнымъ людямъ отпоръ непріятелю давать.

Самойловичъ отвѣчалъ:—Хоть я такъ и объявлю о посылкѣ Дорошенковой, только никто мнѣ не повѣритъ, а всѣ думать будутъ, что его заслали въ Сибирь. А чтобъ его спрашивать о приходѣ турскаго султана, такъ вѣдь его братъ Григорій въ Москвѣ; тотъ столько же знаетъ, сколько и самъ Петро Дорошенко.

Волконскій сказалъ:—Этотъ братъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Москву давно; не знаетъ онъ о послѣднихъ замыслахъ турецкихъ и татарскихъ.

Самойловичъ представлялъ:—Всѣ письма, какія были у Дорошенка отъ турецкаго султана и визиря и крымскаго хана, онъ уже мнѣ передалъ и о турецкихъ замыслахъ все мнѣ объявилъ; я о томъ писалъ уже великому государю и впередъ буду спрашивать Дорошенка и писать къ великому государю о всемъ, что́ отъ него узнаю. Посылать же Дорошенка въ Москву ни-

Digitized by Google

какъ нельзя, для зазора малороссійскихъ жителей не только правой, но и нашей лѣвой стороны.

Князь Волконскій продолжалъ:—Гетманъ, учини волю великаго государя, пошли Дорошенка безъ всякаго сомнительства. Великій государь беретъ его въ Москву жалуючи тебя же. Вѣдь Дорошенко твой давній непріятель; онъ всяческія мѣры пріискивалъ на твою пагубу, на смуту и на разореніе всего малороссійскаго народа. Тебѣ самому дѣла эти лучше вѣдомы. Опасно, чтобъ онъ, будучи на сей сторонѣ Днѣпра, по прежнему своему злоковарству не вымышлялъ бы какихъ-нибудь дѣлъ противныхъ для тебя и не побуждалъ бы на зло нежелающихъ покоя.

«Хоть онъ,—сказалъ гетманъ,—и былъ мнѣ давній непріятель, только мы сами призывали его въ подданство и я, гетманъ, со всѣми старшинами, обѣщали и присягнули хранить его въ цѣлости и прежнихъ винъ его уже не вспоминать, а онъ отъ себя далъ присягу вѣрно служить и быть въ вѣчномъ подданствѣ великаго государя. Опасаться его нечего. И прежде когда онъ не былъ еще въ подданствѣ у царя, я все зналъ, что у Дорошенка дѣлалось, а теперь наипаче все мнѣ будетъ извѣстно».

Князь Волконскій возразилъ:—Дорошенко и прежде учинилъ присягу царю передъ кошевымъ Сѣркомъ и прислалъ съ тестемъ своимъ въ Москву турецкіе санджаки, а послѣ того опять списывался съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ. Его непостоянство видимо и впередъ его надобно опасаться. Поэтому, гетманъ, учини по волѣ великаго государя, пошли Дорошенка со мною безъ сомнительства.

«Челомъ бью на милости монаршей,—сказалъ гетманъ,—что жалѣючи меня велитъ мнѣ остерегаться Дорошенка. Я уже приказалъ жителямъ Сосницы смотрѣть за нимъ, и если онъ хотя малое что затѣетъ, мнѣ о томъ тотчасъ дадутъ знать. Только вотъ что я еще скажу: Дорошенко оттого пріѣхалъ ко мнѣ и къ боярину царскому въ обозъ для учиненія присяги, что довѣрился нашему обнадеживанію, иначе бы онъ къ намъ и не пріѣхалъ. Послѣ того, къ нему пришло на помочь тысячи двѣ татаръ, и еслибъ то случилось прежде его присяги, то нелегко было бы намъ его доставать въ Чигиринѣ. Теперь же ему невозможно ничего дурного учинить: въ Чигиринъ посланы ратные люди, а самъ онъ, Дорошенко, на сей сторонѣ. Чуть только что услышу, сейчасъ указъ учиню надъ нимъ!»

«Господь Богъ,—говорилъ князь Волконскій,—сотворилъ человѣка словеснымъ и разумнымъ: надобно быть осторожнымъ въ такихъ дѣлахъ, отъ которыхъ уже было зло. Тебѣ, гетманъ,

Digitized by Google

очень хорошо извѣстно, что Дорошенко принялъ подданство и свое гетманство тебѣ сдалъ не отъ истиннаго своего желательства, а по самой великой неволѣ. Письмо, которое писали къ нему запорожцы прежде вашего прихода, ясно показываетъ, что онъ хотѣлъ сопротивляться. Гетманъ, имѣй и нынѣ опасеніе отъ Дорошенка, а если ты его теперь со мною отправишь и станешь о немъ писать къ великому государю, великій государь укажетъ учинить съ нимъ все по твоему гетманскому прошенію».

«Дайте мнѣ время подумать,—сказалъ Самойловичъ,—посовѣтуюсь со старшинами, которые нынѣ въ Батуринѣ».

Стольникъ сказалъ:—Жалуючи тебя за твою вѣрность и за радѣтельную службу, великій государь указалъ мнѣ съ тобою объ этомъ дѣлѣ говорить наединѣ втайнѣ.

Гетманъ произнесъ:—Не посовѣтовавшись со старшинами, невозможно мнѣ этого учинить. У насъ права; я, гетманъ, не самовластенъ. Помыслю со старшинами и за тобой пришлю.

6-го декабря прислалъ за царскимъ посломъ гетманъ и на этотъ разъ бесѣдовалъ съ нимъ въ присутствіи старшинъ. «Вотъ,—сказалъ онъ,—я мыслилъ со старшинами о тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ я съ тобою, князь, говорилъ: никакъ нельзя послать теперь Дорошенка за вышесказанными причинами! Притомъ, теперь Дорошенко нуженъ для суда надъ Рославцемъ и Адамовичемъ, а послѣ суда я стану его наговаривать: пусть самъ добровольно пожелаетъ ѣхать въ Москву и видѣть царскія очи. Ты же, князь, поѣзжай въ Москву, а я въ грамотѣ своей къ великому государю напишу, за какими причинами невозможно посылать Дорошенка».

«Безъ указа великаго государя, не привозя Дорошенка, мнѣ ѣхать нельзя,—сказалъ князь Волконскій:—не смѣю этого сдѣлать, а стану писать къ великому государю, то заранѣе, вѣдаю подлинно, будетъ тебѣ царскій указъ таковъ, чтобъ Дорошенка послать со мною. Черезъ это дѣлается одно мѣшканіе. Лучше бы ты, гетманъ, послалъ Дорошенка со мною безъ всякаго сумнительства, надѣясь на милость великаго государя.

«Обожди царскаго указа, князь Иванъ Ѳедоровичъ,—сказалъ Самойловичъ: Я пошлю въ Москву своего посланца съ грамотою и въ ней объясню, почему невозможно посылать Дорошенка. Чаю себѣ за то царской милостивой грамоты, потому что и прежде указано было мнѣ послать къ Дорошенку въ Чигиринъ стольника Дерімонтова, а я написалъ къ великому государю, что этого стольника послать невозможно и за то мнѣ выговора

Digitized by Google

не было, а прислана была отъ великаго государя милостивая грамота».

Въ заключеніе всего князь Волконскій остался въ Батуринѣ, а Самойловичъ отправилъ въ Москву канцеляриста Ивана Дорошкевича съ грамотою, въ которой излагались причины, по которымъ не слѣдовало отсылать Дорошенка въ Москву. Кромѣ доводовъ, изложенныхъ словесно въ бесѣдѣ съ княземъ Волконскимъ, гетманъ указывалъ еще и на обстоятельства, случившіяся недавно въ Польшѣ. Съ Турціею возобновилась у поляковъ война, но скоро окончилась новымъ миромъ Журавницкимъ, который былъ повтореніемъ Бучацкаго мира съ нѣкоторыми измѣненіями: часть Украйны, Полѣсье и Бѣлоцерковщина возвращалась подъ державу Рѣчи-Посполитой и король Янъ Собѣскій положилъ назначить тамъ жительство козакамъ, признававшимъ надъ собою польскую власть. Гетманомъ надъ этими козаками король назначилъ Гоголя, бывшаго поднѣстранскаго полковника, нѣсколько разъ измѣнявшаго и Польшѣ, и Москвѣ, и Дорошенку. Гоголь долженъ былъ, собравши своихъ козаковъ, которыхъ у него было тогда четыре полка, расположить ихъ въ Полѣсьѣ на жительство, раздѣлить по сотнямъ и пополнять убылыя мѣста новыми козаками изъ малороссійскихъ жителей Волыни и другихъ краевъ. Города: Димеръ, Черноградъ, Коростышевъ, Чернобыль, по королевскому универсалу, отдавались въ вѣдомство новаго козацкаго гетмана. Гоголь сносился письменно съ печерскимъ архимандритомъ Иннокентіемъ Гизелемъ, увѣрялъ его, что, какъ истинный сынъ православной церкви, онъ болѣе всего желателенъ престолу православнаго монарха: по такимъ сношеніямъ Самойловичъ надѣялся перезвать Гоголя подъ царскую державу съ его козаками и этимъ путемъ опять соединить все козачество подъ единою властію царя и подъ единымъ управленіемъ утвержденнаго царемъ гетмана. Это казалось тѣмъ удобнѣе, что часть козаковъ, подчиненныхъ Гоголю, уже тотчасъ послѣ паденія Дорошенка признали надъ собою власть Самойловича [1]). И въ этихъ видахъ, чтобъ не подать Гоголю и его козакамъ опасеній, Самойловичъ находилъ вреднымъ отправить Дорошенка въ Москву и нарушить данное ему царскимъ именемъ обѣщаніе оставить его жить въ Украйнѣ.

Московское правительство на время приняло соображенія Самойловича и 24 декабря Волконскій объявилъ гетману, что

[1]) Арх. Юст., кн. 43, лл. 525, 532, 556.—Акты зап. Россіи. V, 140.

Digitized by Google

ему указано ѣхать въ Москву, а Дорошенка не указано везти съ собою.

— Великій государь,—сказалъ Волконскій:—не для иныхъ причинъ хотѣлъ-было взять въ Москву Дорошенка, какъ только жалѣючи тебя, чтобъ Дорошенко къ прежнимъ своимъ дѣламъ не обратился.

— Бью челомъ великому государю за такую милость,—сказалъ Самойловичъ,—только Дорошенка никакъ не слѣдуетъ отправлять въ Москву: у него здѣсь и теперь найдется болѣе ста друзей, а тѣ могутъ наговорить во злу не одну тысячу. Дорошенко же, согласно своей присягѣ, ничего дурного здѣсь не сдѣлалъ и обѣщается впередъ ни къ какому злу не приставать.

Дѣйствительно, Дорошенко, живя въ Сосницѣ, держалъ себя самымъ надежнымъ образомъ. Онъ писалъ къ гетману, что ничего такъ не желаетъ, какъ жить въ дружбѣ съ Самойловичемъ, сколько возможно къ нему поближе и быть ему во всемъ полезнымъ. Зная положеніе Турціи, Дорошенко первый сдѣлалъ гетману предостереженіе, что султанъ держитъ Юраска Хмельниченка не для чего иного, какъ для того, чтобы его провозгласить козацкимъ гетманомъ подъ турецкою верховною властію и теперь сдѣлаетъ это, когда Дорошенко отъ него отпалъ; уже назначена сумма 15,000 червонцевъ на подкупъ, чтобы склонить запорожцевъ на сторону Хмельниченка; у Хмельниченка же въ Чигиринѣ, Жаботинѣ и Медвѣдовкѣ найдутся и пріятели и родные. Дорошенко указывалъ также, что не слѣдуетъ въ Чигиринѣ держать жены бывшаго Дорошенкова полковника Шульги, послѣ перехода Дорошенкова приставшаго на польскую сторону: женщина эта самъ дьяволъ во плоти, выразился о ней Дорошенко. Затѣмъ Дорошенко обѣщалъ еще сообщать гетману, если что-нибудь услышитъ новое или припомнитъ прежнее.

Вскорѣ опасность, о которой предостерегалъ Самойловича Дорошенко, оправдалась. Въ Константинополѣ, узнавши навѣрное, что «негодный и неблагодарный Дорошенко» — какъ выражается турецкій источникъ [1])—забывши всѣ благодѣянія падишаха, измѣнилъ ему и отдался московскому государю, положили отправить войско для удержанія Украйны подъ турецкою властью. Надобно было назначить новаго гетмана для козаковъ отъ руки турецкаго падишаха. Тогда пришелъ чередъ сидѣвшему въ темницѣ Хмельниченку. Его вывели изъ Едикула, привели къ великому визирю, возложили ему на голову бархатный

[1]) Collect., II, 123.

Digitized by Google

колпакъ, а на плечи соболью шубу и провозгласили гетманомъ и «княземъ малороссійской Украйны». Турецкая политика выдумала этотъ новый титулъ, какого еще никому не давали, и самому Дорошенку; турки этимъ хотѣли подѣйствовать на украинское населеніе, такъ какъ сыну Хмельницкаго давалось какъ-бы наслѣдственное право. Хмельницкій отговаривался, представляя, что онъ уже постригся въ монахи, но великій визирь приказалъ константинопольскому патріарху разрѣшить его отъ монашескаго обѣта [1]). Находясь во власти турокъ, и Хмельницкій и патріархъ должны были исполнять ихъ волю. Визирь приказалъ сердарю (главнокомандующему турецкими силами) вручить Юраскѣ знаки гетманскаго достоинства, бунчукъ, булаву, знамя и берэтъ, или султанскую грамоту, а при наступленіи лѣта съ войскомъ вести новаго князя на владѣніе. Объ этомъ Самойловичъ получилъ извѣстіе отъ немировскаго старосты Куницкаго, вмѣстѣ со спискомъ универсала Хмельницкаго, а потомъ отъ кіевскаго торговаго человѣка, бывшаго въ Яссахъ и тамъ узнавшаго, что самъ турецкій султанъ и крымскій ханъ хотятъ вести Хмельницкаго подъ Чигиринъ и подъ Кіевъ.

Самойловичъ, получивши эти извѣстія, тотчасъ сообщилъ ихъ въ Москву и онѣ произвели тамъ большую тревогу. Туча поднимавшаяся со стороны Турціи, на первыхъ же порахъ внушила московскому правительству мысль, что теперь уже никакъ нельзя оставлять въ Украйнѣ Дорошенка, недавно еще наводившаго въ этотъ край турокъ. Притомъ же изъ Чигирина царскій воевода Кровковъ писалъ, что чигиринцы изъ-за Дорошенка произносятъ дерзкія слова противъ царской власти. Къ Самойловичу прибылъ царскимъ посланцемъ знакомый ему стольникъ Семенъ Алмазовъ и привезъ новое требованіе послать съ нимъ Дорошенка въ Москву.

Самойловичъ сказалъ Алмазову:—Народъ нашъ мнителенъ: какъ узнаютъ, что Дорошенко посланъ въ Москву, учнутъ распускать плевосѣятельныя слова, а какъ дойдутъ онѣ до Сѣрка, тотъ еще и своего прибавитъ. Какова будетъ воля великаго государя: чтобъ Дорошенко оставался на житьѣ въ Москвѣ, или чтобъ онъ только великому государю ударилъ челомъ и потомъ ѣхалъ назадъ?

— Того не вѣдаю,—сказалъ Алмазовъ,—но если ты, гетманъ, напишешь объ отпускѣ его изъ Москвы, великій государь укажетъ его отпустить.

---

[1]) А. Ю., кн. 46, л. 105.

Digitized by Google

— Пусть бы,—сказалъ гетманъ:—коли на то воля великаго государя, оставили его жить и въ Москвѣ, но только такъ, чтобъ мои посланцы и Сѣрковы могли всегда его видѣть и знать, что онъ живетъ не въ неволѣ, а при милости его величества. Хорошо было бы, еслибъ великій государь при этомъ отпустилъ на свободу Дорошенкова брата Грицька; обрадовались бы сродники и мать его, а она уже не разъ меня просила ходатайствовать о его отпускѣ.

6-го марта отпустилъ Самойловичъ Алмазова въ Сосницу за Дорошенкомъ, а отъ себя послалъ съ нимъ генеральнаго судью Домонтовича. «Ты, Семенъ — сказалъ гетманъ Алмазову,—не очень торопи его и побудь въ Сосницѣ хоть бы и недѣлю, пока Дорошенко соберется». Дорошенку гетманъ писалъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Москву смѣло, ничего не опасаясь: его зовутъ не для чего иного, какъ только для того, что хотятъ разспросить о способахъ турецкихъ и татарскихъ.

— Хоть бы кому на смерть приказывали идти, и того бы заранѣе увѣдомили, — сказалъ Дорошенко, когда ему объявили о предстоящей поѣздкѣ:—Суди Богъ гетману, что заранѣе мнѣ вѣдомости не учинилъ.

Не долго собирался Дорошенко. 8-го марта вечеромъ онъ выѣхалъ съ Алмазовымъ и Домонтовичемъ. Ихъ провожали отъ города до города отъ тридцати до сорока козаковъ [1]).

За Дорошенкомъ вслѣдъ прибылъ въ Москву гетманскій посланецъ, генеральный писарь Савва Прокопóвичъ. 20-го марта оба прибывшіе отъ гетмана—и Домонтовичъ и Прокопóвичъ были допущены къ царской рукѣ. Съ ними былъ представленъ предъ царскую особу и Дорошенко. Сначала гетманскимъ посланцамъ объявлена была похвала гетману и милостивое слово, потомъ думный дьякъ обратился съ рѣчью къ Дорошенку. Пересчитаны были подробно всѣ его вины: какъ неоднократно онъ обѣщалъ пріѣхать въ обозъ, но не исполнилъ обѣщанія и потомъ призывалъ бусурманъ, пока наконецъ опомнился и исполнилъ

---

[1]) Въ виду обереганія Чигирина, гетманъ послалъ туда новаго полковника Григорія Карповича-Коровченка, велѣлъ согнать жителей изъ сосѣднихъ городковъ, чтобъ навозили лѣсу на починку чигиринскаго замка и приказывалъ вмѣстѣ съ воеводою унимать легкомысленныхъ людей отъ непристойныхъ словъ. Самойловичъ, въ донесеніи своемъ въ Приказъ, изъявлялъ опасеніе, чтобъ чигиринскіе жители, услышавши о новомъ нашествіи турокъ, не стали убѣгать на лѣвую сторону; тамъ они произведутъ переполохъ и жители полковъ Переяславскаго, Миргородскаго и Полтавскаго станутъ оставлять свои жилища и бѣжать—кто въ слободскіе полки, кто къ полякамъ, а кто и къ туркамъ.

Digitized by Google

свое обѣщаніе. Объявлялось ему, что великій государь всѣ вины его и преступленія прощаетъ и никогда уже вины тѣ ему воспомянуты не будутъ, а за учиненіе присяги царю и за отлученіе отъ агарянскаго ига, великій государь его милостиво похваляетъ. Затѣмъ объявлялось, что великій государь указалъ ему «быть на Москвѣ при своей государской милости для способовъ воинскихъ противъ непріятельскаго наступленія турецкаго султана и крымскаго хана въ Украйну». Братъ его Григорій, который уже прежде былъ раскованъ и ходилъ по волѣ, былъ отпущенъ въ Малороссію.

Спрошенный въ Приказѣ, Дорошенко сообщилъ маршрутъ, которымъ по его предположенію пойдетъ въ Украйну турецкое войско, открылъ, что у турокъ есть замыселъ покорить Запорожье и построить тамъ крѣпость. Чтобъ Юраско не могъ найти пристанища въ Чигиринѣ, Дорошенко совѣтовалъ свезти изъ Жаботина и Медвѣдовки всѣхъ жителей, а тестя своего Яненка, который приходился Хмельницкому дядею и братомъ жены Григорія Дорошенка, переселить на лѣвую сторону. 28-го марта написалъ Дорошенко къ кошевому Сѣрку письмо, въ которомъ убѣждалъ его на старости лѣтъ полагать душу свою и здоровье за православную вѣру и за его царское пресвѣтлое величество. «Я, пріѣхавши въ Москву,—писалъ онъ,—паче моего достоинства удостоился премного царскаго милосердія и великой чести: меня сподобили видѣть царское лицо и быть у руки его царскаго пресвѣтлаго величества, а брата моего тотчасъ домой отпустили».

Давая правительству полезные совѣты, Дорошенко билъ челомъ о своихъ дѣлахъ: просилъ дать указъ чигиринскому воеводѣ и козацкому полковнику, находившемуся въ Чигиринѣ, чтобъ матери его, братьямъ и сродникамъ не было обидъ и не отнимали бы у нихъ угодій и имуществъ. По совѣтамъ и по челобитію Дорошенка посланы были соотвѣтствующіе указы гетману и чигиринскому воеводѣ.

Находя нужнымъ оставить Дорошенка на-всегда въ Великороссіи и не пускать его болѣе въ Украйну, апрѣля 20-го въ Приказѣ велѣли ему подать челобитную о доставленіи къ нему жены его. «Вѣдаю,—писалъ Дорошенко къ гетману,—что я здѣсь не потребенъ и пріѣздъ жены моей не нуженъ, но что повелѣваютъ, то и творю по нуждѣ. Если милость твоя, благодѣтель мой, напишешь письмо о моемъ отпускѣ, то можетъ быть и пріѣздъ жены моей въ забвеніе положатъ и меня отпустятъ».

24-го апрѣля выѣхалъ изъ Москвы подъячій Юдинъ съ по-

Digitized by Google

рученіемъ привезти въ Москву Дорошенкову жену. 4-го мая прибылъ онъ въ Батуринъ.

Гетманъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, говорилъ ему:—Я исполню указъ великаго государя и жену Петра Дорошенка изъ Сосницы къ мужу ея отпущу и подводы дамъ. Только долженъ я сказать, что по царскому указу, когда мы принимали Дорошенка, то обнадежили ему, чтобъ жить ему съ женою, братьями и родичами, гдѣ они захотятъ въ Украйнѣ на сей сторонѣ Днѣпра. Онъ изъ Москвы ко мнѣ писалъ, чтобъ я билъ челомъ великому государю объ отпускѣ его назадъ въ Сосницу, а объ отпускѣ жены своей къ нему въ Москву онъ мнѣ не писалъ.

«Петръ Дорошенко, — сказалъ Юдинъ,—билъ о томъ челомъ не по принужденію; его челобитная за его рукою въ Приказѣ».

Гонецъ показалъ гетману списокъ съ челобитной. Самойловичъ сказалъ: «Я еще до царскаго указа, какъ послышалъ про Юрасковъ приходъ, велѣлъ перевести изъ Чигирина мать Дорошенка, тестя его Яненка, жену Григорія Дорошенка и бывшихъ старшинъ. Тесть со старшинами живетъ въ Новыхъ-Млинахъ, мать — въ Сосницѣ, иные же — при мнѣ, въ Батуринѣ. Что Дорошенко совѣтуетъ вывести людей изъ городковъ и селъ около Чигирина, такъ уже люди оттуда и сами почти всѣ вышли на сю сторону. А что онъ проситъ, чтобъ обидъ его имуществамъ не было, такъ вѣдь у него пасѣки и сѣножати за Чернымъ лѣсомъ: никто не возбраняетъ туда его людямъ ѣздить, только имъ самимъ нельзя туда ѣздить оттого, что тамъ стоятъ татары».

6-го мая Юдинъ у Самойловича увидалъ Дорошенкову мать, старицу Митродору, братьевъ Григорія и Андрея и Петрову жену. Дорошенко изъ Москвы прислалъ къ гетману еще письмо съ козакомъ Левченкомъ. Онъ писалъ, что, по царскому указу, велѣно жену его къ нему прислать, — онъ же самъ желаетъ, чтобъ гетманъ его самого взялъ въ малороссійскіе городы, помня свое обѣщаніе.

— Видишь,—сказалъ гетманъ Юдину:—Дорошенко не пишетъ, что онъ билъ великому государю объ отпускѣ жены своей. Я Дорошенковы листы пошлю съ тобою къ великому государю, а Дорошенковой жены насильно посылать невозможно. Буде я ее насильно отошлю, то его мать и братья, оставаясь въ малороссійскихъ городахъ, да и жена, ѣдучи дорогою, станутъ жаловаться малороссійскимъ людямъ, и будутъ въ народѣ ходить толки, что я Петрову жену послалъ насильно въ Москву за тѣмъ, чтобъ его вмѣстѣ съ нею заслали въ Сибирь, и легкомысленные люди, малороссійскіе жители, что переѣхали съ той

Digitized by Google

стороны на сю сторону, послышавши такія слова, станутъ сомнѣваться и мыслить, что я и другихъ многихъ также въ Москву зашлю, а ихъ оттуда въ Сибирь упрячутъ.

— Вели, — сказалъ Юдинъ, — мнѣ поговорить съ Петровой матерью и съ братьями объ отпускѣ Петровой жены.

Гетманъ дозволилъ, и Юдинъ, повидавшись съ матерью и братьями Дорошенка, пришелъ къ гетману съ Андреемъ Дорошенкою и сказалъ:

— Мать говоритъ: мы царскому указу не противны, когда поволитъ гетманъ Самойловичъ.

— Точно такъ ли? — спросилъ гетманъ Андрея Дорошенка въ присутствіи старшинъ: войскового писаря, судьи и бунчужнаго.

— Дай намъ, пане гетмане, сроку на двѣ недѣли, чтобъ я собралъ, какія есть потребы моего брата и къ нему послалъ, а для иныхъ потребъ надобно послать въ Чигиринъ, — сказалъ тогда Андрей Дорошенко.

— Дожидаться тебѣ,—сказалъ гетманъ Юдину,—пока они соберутъ жену Дорошенкову, а я тогда отпущу ее съ тобою безъ мотчанія.

Дорошенковы родные уѣхали въ Сосницу. Юдинъ съѣздилъ въ Кіевъ по дѣламъ и воротился въ Батуринъ 17-го мая. Пріѣхали Григорій и Андрей Дорошенки, но безъ жены Петровой. Войсковой бунчужный Леонтій Полуботокъ прибылъ къ Юдину съ Андреемъ Дорошенкомъ и сказалъ: «Андрей бьетъ челомъ, чтобъ не посылать жены Дорошенковой, а по какой причинѣ, онъ самъ пусть тебѣ скажетъ».

Андрей Дорошенко говорилъ: «Писалъ ко мнѣ братъ Петро съ козакомъ Левченкомъ, чтобъ я прислалъ къ нему жену его, буде она отъ своихъ дурныхъ дѣлъ отстала и живетъ по обѣщанію, данному тогда, когда онъ ее взялъ къ себѣ изъ чернаго платья, а буде за нею есть какіе-нибудь дурные поступки, то я бы отписалъ ему о томъ; я гетману уже говорилъ и тебѣ также объявляю вотъ что: братъ мой Петро, за ея злыя дѣла, положилъ на нее черное платье, а потомъ, видя дочь свою въ младыхъ лѣтахъ въ сиротствѣ, умилосердился надъ нею и принялъ ее опять къ себѣ: она тогда обѣщала по смерть живота своего ничего хмѣльнаго не пить, потому что въ хмѣлю отъ ней чинится всякое злое дѣло, но по отъѣздѣ Петра къ великому государю начала она опять пить и вести себя безобразно: безъ вѣдома моего таскается и чинитъ злыя дѣла. Нынѣ, пріѣхавши въ Сосницу, я велѣлъ ей собираться ѣхать къ мужу своему, а она при отцѣ своемъ Яненкѣ съ крикомъ отвѣчала: коли меня

Digitized by Google

въ Москву насильно пошлешь, то брату твоему Петру недолго придется жить! Слыша такія слова, я билъ челомъ, чтобъ ее къ брату Петру до времени не отсылать».

Юдинъ отправился къ гетману и въ присутствіи Андрея Дорошенка сталъ просить отослать Петрову жену въ Москву по царскому указу. Самойловичъ опирался на заявленіи Андрея Дорошенка. Юдинъ сказалъ:

— Это Андрей выдумалъ для того, чтобы жену братову не отпускать. Какъ къ нему отъ брата челядникъ пріѣзжалъ и пробылъ здѣсь три дня, я былъ у тебя, гетмана, при Андреѣ. Отчего же онъ ничего такого въ тѣ поры не сказывалъ?

Самойловичъ рѣшительно сказалъ: «Невозможно отправлять Петровой жены противъ ея воли насильно. Я напишу о томъ въ своей грамотѣ великому государю».

— Коли братъ Петръ,—сказалъ Андрей Дорошенко,—вѣдая о злодѣйскихъ поступкахъ жены своей, напишетъ мнѣ, чтобъ къ нему ее прислать, тогда я ее отпущу. Я долженъ здоровье брата своего беречь, а не ее, злодѣйку, жалѣть.

Самойловичъ отпустилъ Юдина въ Москву и сообщилъ, что задержалъ Дорошенкову жену по заявленію Андрея о ея поведеніи и объ угрозахъ. «Если,—присовокупилъ онъ,—мимо всего этого прикажетъ Петръ, чтобъ она къ нему ѣхала, я тогда не стану возбранять ей ѣхать».

Дорошенко послѣ этого благодарилъ Самойловича, что онъ «за высокоблагочестнымъ мудрымъ разсужденіемъ» удержалъ его «малоумную господыню» и, снова «падая къ ногамъ господскимъ», умолялъ исходатайствовать ему отпускъ въ Украйну. Въ дѣлахъ малороссійскаго приказа значится, что іюля 27 того же года прибыла въ Москву Дорошенкова жена Евфросинья. Неизвѣстны обстоятельства ея выѣзда изъ Украйны. Дорошенко былъ вначалѣ помѣщенъ, какъ выше сказано, на новомъ греческомъ дворѣ, но съ пріѣзда жены переведенъ во дворъ Григорія Никитина; однако жаловался, что въ этомъ новомъ помѣщеніи его безпокоитъ дымъ и течь. Тогда Дорошенку купили дворъ за 700 рублей и назначили построить новый домъ о девяти покояхъ. 7 августа онъ спрашивалъ въ своей челобитной, отпустятъ ли его въ Украйну, или же навсегда прикажутъ оставаться въ Москвѣ, и если онъ долженъ пребывать въ Москвѣ, то просилъ, чтобъ ему пожаловали деревню. Ему назначили съ семействомъ и со всею прислугою въ числѣ 24-хъ человѣкъ поденный кормъ, что составляло въ годъ 936 рублей 16 алтынъ и обѣщали деревню. Въ 1679 году въ апрѣлѣ ему предложили

Digitized by Google

быть воеводою въ Вяткѣ съ жалованьемъ по 1000 рублей въ годъ. Онъ пробылъ тамъ до 1682 года и воротился снова въ Москву. Царь подарилъ ему изъ дворцовыхъ волостей 1000 дворовъ въ селѣ Ярополчѣ (волоколамскаго уѣзда моск. губ.) со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями. Въ Украйну его не отпустили, впрочемъ онъ и самъ пересталъ проситься послѣ того, какъ Чигиринъ, его родина, былъ разоренъ до основанія и съ нимъ пропало все право Дорошенка на прежнія доходныя статьи. Онъ примирился съ мыслію сдѣлаться навсегда жителемъ московской земли и доживалъ вѣкъ то въ Москвѣ, то въ своемъ имѣніи Ярополчѣ: тамъ онъ и окончилъ жизнь въ 1698 г. ноября 9-го, на 71 году отъ рожденія.

X.

Первая чигиринская война.

Вступленіе Юраска Хмельницкаго въ Украйну. — Его наказной гетманъ Астаматій. — Универсалы. — Тревога при появленіи Хмельницкаго. — Приготовленія къ оборонѣ Чигирина. — Извѣстія, приносимыя Самойловичу о Хмельницкомъ. — Ссора Самойловича съ Сѣркомъ. — Приступъ Юраска Хмельницкаго и турокъ къ Чигирину. — Прибытіе соединеннаго великороссійскаго и малороссійскаго войска. — Бѣгство турокъ. — Отступленіе русскихъ войскъ.

Весною перешелъ Дунай новоназначенный султаномъ гетманъ съ титуломъ князя. Съ перваго раза видно было, что этотъ князь выставленъ былъ только какъ значокъ; турки разсчитывали на обаяніе, которое, по ихъ соображеніямъ, должно было произвести на малороссіянъ имя сына Богданова. Все веденіе военныхъ дѣлъ возлагалось на Ибрагимъ-пашу, прозваннаго *шайтаномъ* (т.-е. чортомъ). Турецкаго войска назначалось въ Украйну, какъ говорили, до сотни тысячъ, а у князя Хмельницкаго было вначалѣ только полтораста козаковъ. Юраска назначилъ своимъ наказнымъ гетманомъ Евстафія Гиновскаго [1]), который былъ извѣстенъ въ свое время подъ именемъ Астаматія. Этотъ наказной отъ имени своего князя началъ разсылать универсалы по Подоліи, требуя, чтобы польскіе залоги немедленно выходили изъ подольскихъ городковъ, такъ какъ весь край уступленъ Польшею турецкому падишаху. Одинъ изъ такихъ универсаловъ былъ посланъ немировскому старостѣ Стефану Куницкому, сообщившему

[1]) Такимъ именемъ подписался онъ въ своемъ универсалѣ.

Digitized by Google

списокъ съ него гетману Самойловичу [1]). Жители селъ Подоліи извѣщались о скоромъ вступленіи «безчисленныхъ» турецкихъ силъ и обнадеживались, что если признаютъ своимъ княземъ Хмельницкаго, то могутъ себѣ спокойно предаваться мирнымъ занятіямъ, не страшась оскорбленій отъ турокъ и татаръ. 7-го апрѣля Юраска отправилъ посланцевъ въ Сѣчу съ письмомъ къ Сѣрку, изъявлялъ желаніе всѣхъ благъ отъ Бога, «ему же возможно нищаго и смиреннаго вознести и посадить со князи, а сильнаго низложить», намекнулъ о подвигахъ своего родителя, вспоминалъ о собственномъ прошломъ, о томъ, какъ много бѣдъ онъ претерпѣлъ, пока Богъ не «подвигнулъ сердце непобѣдимаго цесаря турецкаго, тремя частями свѣта обладающаго, даровать ему свободу, утвердить гетманомъ и княземъ малороссійской Украйны». Письмо его оканчивалось убѣжденіемъ склониться къ нему и прислать посольство. Грамота Юраскова была запечатана новоизобрѣтенною печатью: на ней въ кругу было изображеніе всадника на конѣ, съ булавою въ распростертой рукѣ; выше конской головы, украшенной пучкомъ перьевъ—яблоко со крестомъ, а подлѣ всадника находилось изображеніе стоящаго на землѣ человѣка съ мушкетомъ. На печати была подпись: печать княжества малороссійскаго. Юрасковы посланцы требовали, чтобъ Сѣрко лично выступилъ на встрѣчу вступавшему въ свое наслѣдіе князю.

Не съ довѣріемъ встрѣтили запорожцы это обращеніе къ нимъ Юраски. Раздался крикъ: «турки думаютъ съ нами такъ поступить, какъ съ уманцами, хотятъ выманить часть нашихъ въ поле, а остальныхъ въ Сѣчѣ забрать и нашъ кошъ разорить!» Но у запорожцевъ почти всегда дѣлалось такъ: пошумятъ, покричатъ, а потомъ склонятся къ уступкамъ. И теперь такъ случилось. Запорожцы соблазнились надеждою доставить чрезъ ходатайство Хмельницкаго свободу своимъ товарищамъ, захваченнымъ татарами въ Лодыжинѣ во время взятія этого города, и отправили къ Хмельницкому трехъ своихъ товарищей [2]). Сѣрко, однако, увѣдомилъ о томъ Самойловича, объяснивши, что запорожцы для избавленія своихъ братій заключили перемиріе съ Крымомъ, и эти поступки не должны побуждать къ подозрѣніямъ въ вѣрности ихъ царю. За это Самойловичъ послалъ Сѣрку выговоръ, замѣтивши, что освобожденіе плѣнныхъ могло быть отложено и до другого времени [3]).

[1]) Арх. Юст., кн. 46, л. 288.

[2]) Арх. И. Д., св. 48, № 14.

[3]) Арх. Юст., кн. 46, л. 312.

Digitized by Google

Появленіе Хмельницкаго произвело тревогу и лихорадочную дѣятельность въ Москвѣ. Посланы были въ малороссійскіе полки и въ Сѣчу царскія грамоты о томъ, чтобъ не слушать прельстительныхъ универсаловъ Юраски [1]). Въ Чигиринъ отправленъ былъ генералъ-маіоръ Аѳанасій Трауэрнихтъ, стрѣлецкіе головы Титовъ и Мещериновъ съ ихъ приказами и полковникъ инженеръ Фанъ-Фрастенъ. Въ посланныхъ туда трехъ стрѣлецкихъ приказахъ было до 24,000 человѣкъ [2]). Ромодановскому, стоявшему въ Курскѣ, указано быть въ постоянныхъ пересылкахъ съ Самойловичемъ и идти къ нему на соединеніе по его требованію [3]). Въ подмогу имъ назначено другое войско, которому слѣдовало стоять въ Путивлѣ подъ главнымъ начальствомъ боярина Василія Васильевича Голицына. Гетманъ отправилъ въ Чигиринъ четыре съ половиною тысячи выборныхъ козаковъ изъ пяти полковъ [4]) и охочихъ козаковъ, назначивши надъ всѣми наказнымъ чигиринскаго полковника Карповича-Коровченка [5]). Тогда же гетманъ выпросилъ у верховнаго правительства разрѣшеніе бить въ Путивлѣ особую монету подъ названіемъ *чехи*, собственно на жалованье малороссійскому войску и, кромѣ того, выпросилъ 10,000 червонцевъ на раздачу охочему войску заимообразно, обязываясь произвести уплату изготовленными чехами [6]).

Запорожскіе посланцы, явившись къ Хмельницкому, были позваны къ Ибрагиму-пашѣ, который сказалъ имъ: «признайте Юрія Хмельницкаго наслѣдственнымъ княземъ Украйны и тогда ни запорожцамъ, ни украинскому народу не окажется никакого непріятельскаго поступка отъ турокъ и татаръ. Хмельницкій послалъ Сѣрку новое увѣщательное письмо, обѣщалъ сохраненіе правъ и вольностей, увѣрялъ, что исходатайствуетъ свободу запорожскимъ плѣнникамъ, но не могъ этого исполнить потому, что Ибрагимъ-паша его не слушался.

Пошли недѣли за недѣлями. Сѣрко не шелъ къ Хмельницкому, но ссорился съ гетманомъ Самойловичемъ, не ѣхалъ къ нему для совѣта, отписываясь, что боится, чтобъ гетманъ не заслалъ его въ Сибирь [7]), а Самойловичъ, въ своихъ донесеніяхъ

---

[1]) Ibidem, л. 161, 163.

[2]) Gord. II, 434.

[3]) Арх. Юст., кн. 46, л. 312, 364.

[4]) Нѣжинскаго, стародубскаго, кіевскаго, черниговскаго и прилуцкаго.

[5]) Ibidem, л. 288, 316.

[6]) Каждый червонецъ цѣнился тогда въ 1 рубль, 16 алтынъ, 4 деньги. А. И. Д., св. 48, № 13.

[7]) А. И. Д., подлинники, № 338.

Digitized by Google

въ приказъ, выставлялъ Сѣрка измѣнникомъ. Въ Москвѣ продолжали относиться дружелюбно и довѣрчиво къ гетману, но не раздражали и Сѣрка, такъ какъ знали, что Самойловичъ и Сѣрко личные недруги, а потому естественно склонны были одинъ на другого наговаривать. Послѣ извѣстій, доставленныхъ Куницкимъ, гетманъ не имѣлъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній о движеніи непріятеля до половины іюня. Наконецъ, въ это время ватажники, отправленные для вѣстей, напали на турецкій обозъ съ припасами и взяли турецкихъ языковъ. Тогда Самойловичъ узналъ, что Хмельницкій уже переправился черезъ Днѣстръ и разсчитываетъ въ 16 дней достигнуть до Чигирина, а между тѣмъ послалъ отпущенныхъ изъ турецкаго полона малороссіянъ съ универсалами въ Немировъ, Кальникъ и другіе города склонять къ себѣ малороссійскій народъ ласковыми убѣжденіями, грозя приступить къ оружію, когда ему добровольно не покорятся [1]).

Въ самомъ Чигиринѣ дѣла шли такимъ образомъ: прибывшій въ концѣ іюня генералъ-маіоръ Трауэрнихтъ прилежно занялся приведеніемъ въ порядокъ укрѣпленій чигиринскаго верхняго города, а нижній городъ вмѣстѣ съ *мѣстомъ* (т.-е. съ посадомъ) оставленъ былъ защитѣ козаковъ [2]). Царскіе ратные люди возводили дубовыя стѣны, недавно сгорѣвшія отъ пожара [3]). Козаки въ нижнемъ городѣ рубили стѣны, тарасы, насыпали каменьемъ, углубляли рвы [4]). Такъ прошелъ іюль. 28 іюля явился въ Чигиринѣ дезертиръ и объявилъ, что онъ былъ козакъ, взятъ въ плѣнъ турками, поступилъ къ нимъ въ службу, а потомъ убилъ своего товарища и бѣжалъ. Онъ сообщилъ, что турки уже недалеко, надѣются взять Чигиринъ дня въ три, либо четыре, а потомъ пойдутъ на Кіевъ [5]). Извѣстили объ этомъ гетмана, бывшаго въ то время съ войскомъ въ Ромнахъ [6]). 3-го августа въ виду Чигирина стали появляться непріятели, а утромъ 4-го числа все огромное турецкое войско раскинулось по восточной и южной сторонѣ отъ Чигирина [7]). На 216 саженяхъ разстоянія отъ рва,

---

[1]) А. И. Д., св. 48, № 16.

[2]) Ibidem, св. 49, № 32. Гетманъ прислалъ въ подкрѣпленіе еще одинъ охочій пѣхотный полкъ, роту гетманской драгуніи и три сотни полковъ гадяцкаго и лубенскаго.

[3]) Gord., II, 434.

[4]) Арх. Ю., кн. 46, л. 511.

[5]) Gord., II, 455.

[6]) А. И. Д., св. 49, № 33.

[7]) По извѣстію одного плѣннаго, у Ибрагимъ-паши подъ командою было 14 пашей, при нихъ 40,000 кавалеріи, 20,000 янычаръ и прочей пѣхоты, да 12,000 молдаванъ и волоховъ; по другому—пашей было только 8; по третьему, которое совре-

Digitized by Google

окружавшаго верхній городъ, былъ старый валъ. Непріятели сразу заняли его, стали насыпать шанцы, дѣлать траншеи и апроши, уставлять орудія. Людей у нихъ было много и потому работа шла очень спѣшно. Въ тотъ же день къ вечеру, они открыли пальбу.

Всѣ усилія непріятеля обращались сначала на верхній городъ [1]). Нижняго, примыкавшаго къ мѣсту или посаду, они почти не трогали. Хмельницкій послалъ къ сидѣвшимъ тамъ козакамъ универсалъ, убѣждалъ признать себя княземъ, обѣщалъ отъ падишаха всякія милости и, сверхъ того, сулилъ каждому козаку жалованье за два года и по два новыхъ жупана. Нѣсколько дней послѣ того турки не дѣлали никакого нападенія на нижній городъ и не палили въ него, ожидая, какое дѣйствіе произведетъ универсалъ Хмельницкаго. Находившіеся въ верхнемъ городѣ московскіе воеводы стали подозрѣвать, не сговариваются ли козаки съ Хмельницкимъ и не думаютъ ли отступать отъ царя, и когда турки свои змѣеобразныя траншеи подвели къ верхнему городу на сто шаговъ, Трауэрнихтъ, испытывая вѣрность козаковъ, приказалъ имъ идти на вылазку; козаки не перечили и вышли въ ночь съ 5-го на 6-е августа въ числѣ тысячи человѣкъ; къ нимъ присоединили 800 царскихъ ратныхъ людей, хотя не безъ труда, потому что Трауэрнихтъ былъ человѣкъ смирный и добрый и притомъ нѣмецъ: его подчиненные не боялись, не долюбливали и мало слушали. На этотъ разъ русскіе побили много турокъ въ непріятельскихъ траншеяхъ. Съ этой поры турки, уразумѣвши, что убѣжденія Хмельницкаго не дѣйствуютъ, стали палить и въ нижній городъ, какъ и въ верхній, а великороссіяне перестали бояться измѣны отъ козаковъ, пускали ихъ въ верхній городъ и повѣрили имъ охраненіе вала отъ рѣки [2]). 10-го августа прибыли къ туркамъ крымскіе татары въ числѣ двухъ тысячъ со своимъ ханомъ и расположились въ той сторонѣ отъ Чигирина, которая лежала по направленію къ Черкасамъ.

Въ этотъ же самый день, 10-го августа, гетманъ на Арто-

менникъ Гордонъ считаетъ вѣрнѣйшимъ, съ Ибрагимъ-пашею было 15,000 янычаръ, 30,000 прочихъ турокъ и волоховъ и 20,000 татаръ при 28 пушкахъ. (Gord., II, 448).

[1]) По извѣстію Гордона (Gord., II, 447), замокъ или верхній городъ занималъ 88 саженъ, шириною къ полю—65, къ сторонѣ нижняго города только 17, окружностію съ бастіонами выступами и валомъ до рѣки—375 саженъ; нижній городъ съ *мястомъ* съ каменною стѣною и палисадами—982 сажени окружностію. Отъ замка до старыхъ окоповъ, занятыхъ турками, было 219 саженъ.

[2]) Gordon. II, 439.

Digitized by Google

полотѣ соединился съ Ромодановскимъ и оба войска разомъ двинулись по направленію къ Днѣпру; на пути предводители получали безпрестанно новыя извѣстія о состояніи осажденныхъ, которые умоляли спѣшить имъ на помощь скорѣе, иначе турки разобьютъ и сожгутъ городъ. 17-го августа гетманъ отрядилъ туда еще пѣхотный серденятскій полкъ, а бояринъ 1,000 драгуновъ [1]).

Не довольствуясь безпрестанною пушечною пальбою по верхнему и нижнему городу, турки подъ Чигириномъ стали вести разомъ три подкопа. Первый взрывъ былъ неудаченъ: русскіе заранѣе узнали о замыслѣ своихъ непріятелей отъ одного перебѣжчика и, не умѣя копать контръ-мины, сдѣлали, однако, въ своемъ валу пещеры для прохода въ воздухъ пороха во время взрыва. Благодаря этимъ пещерамъ, взрывъ не удался. 23-го августа взорвало еще одинъ турецкій подкопъ, но осажденные снова узнали о немъ заранѣе черезъ молдаванина и козаки отбили турокъ, бросившихся въ прорывъ. На другой день послѣ взрыва, 24-го августа, осажденные со стѣнъ замѣтили, что значительная часть непріятельскаго полчища куда-то отдаляется. Это значило, что съ лѣвой стороны Днѣпра уже подходили войска русскія: осажденные только-что узнали объ этомъ отъ прибывшихъ къ нимъ отрядовъ, которые, пройдя благополучно сквозь орду въ виду турецкаго войска, вошли въ городъ съ музыкою и съ распущенными знаменами [2]).

Препятствовать переходу русскихъ войскъ черезъ рѣку Днѣпръ сначала отправился ханъ съ ордою, а за нимъ вслѣдъ Ибрагимъ-паша съ бо́льшею половиною своихъ силъ. Оставленнымъ подъ Чигириномъ приказано было не подавать осажденнымъ и вида, что нападеніе на нихъ уменьшается, и въ самомъ дѣлѣ турки въ эти дни, какъ замѣтили осажденные, стали сильнѣе палить по городу изъ своихъ ломовыхъ пушекъ [3]).

Цѣлый день 25-го августа турки и татары, расположась по правому берегу Днѣпра, не допускали русскихъ переходить черезъ рѣку и палили изъ пушекъ и ручного оружія. Но козаки, по приказанію своего гетмана, поплыли въ лодкахъ по Днѣпру, перешли на правый берегъ и зашли туркамъ въ тылъ, такъ что туркамъ пришлось отстрѣливаться съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Наступила между тѣмъ ночь и русское войско, поль-

[1]) А. И. Д., св. 49, № 32.

[2]) Тогда говорили, что татары умышленно ихъ пропустили изъ зависти и изъ недоброжелательства къ туркамъ (Арх. Юст., кн. 125, л. 101).

[3]) А. И. Д., св. 49, № 32.—Арх. Юст., кн. 125, л. 127.—Gord. II, 445.

Digitized by Google

зуясь темнотою, благополучно переправилось. Утромъ въ воскресенье, 26-го августа, турки не безъ изумленія увидали, что всѣ ихъ непріятели уже на правомъ берегу. «Жалостно стало имъ зѣло,—говоритъ современное донесеніе,—что не оборонили переправу, а тамъ еще и чигиринская крѣпость стояла имъ костью въ горлѣ» [1]).

Турки отступили къ Крылову, а потомъ, пробираясь по-за Тясьминомъ, достигли Чигирина къ ночи и уже не думали болѣе добывать города. Они продолжали еще канонаду по городу только для того, чтобъ осажденные не узнали, что будетъ происходить въ турецкомъ станѣ. Между тѣмъ, въ это время турки вывозили свой обозъ и артиллерію, а на слѣдующій день въ 3 часа утра зажгли свой станъ и быстро ушли. Когда развиднѣлось, осажденные бросились за городскія стѣны, но въ турецкихъ траншеяхъ нашли одного только турка, забытаго своими, и тотъ оказался такъ глупъ, что не могъ дать русскимъ никакихъ свѣдѣній о своихъ соотечественникахъ [2]).

Прибывши къ Чигирину 29-го августа, гетманъ и Ромодановскій увидали удивившее ихъ зрѣлище: земля около Чигирина была изрыта глубокими змѣеобразно идущими рвами, окаймленными земляными насыпями, на которыхъ для повышенія клались еще бревна; за такими-то насыпями укрывался «поганый народъ»... Было покинуто десять раскатовъ, на которыхъ уставлялись ломовыя орудія, палившія въ городъ. Деревянныя стѣны города во всѣхъ направленіяхъ были сильно повреждены, хоромы въ «мѣстѣ» были разбиты. Болѣе всего обращали вниманіе русскіе на турецкіе подкопы, съ удивленіемъ замѣчая, что для турковъ и камень «не былъ препоною».

Предводители не погнались тотчасъ за ушедшими непріятелями: отправленъ былъ только для провѣдыванія о нихъ трехтысячный отрядъ и привелъ плѣннаго, по одному извѣстію болгарина [3]), по другому—серба [4]). Этотъ плѣнникъ сообщилъ: турки такъ скоро бѣжали, что на переправахъ кидали лошадей и наметы; татары отъ Буга поворотили домой, а турки направились въ свои владѣнія къ Днѣстру [5]). Гетманъ по такимъ вѣстямъ отправилъ большой отрядъ козаковъ, которые, нагнавши за Ингуломъ партію татаръ, разсѣяли ихъ, а сами возвратились

[1]) Арх. Юст., кн. 125, л. 128 и дал.
[2]) Gord. II, 446.
[3]) Gord. II, 449.
[4]) А. И. Д., св. 48, № 24.
[5]) Gord. II, 449.—Арх. И. Д., св. 48, № 21.

Digitized by Google

съ добычею [1]). Князь Ромодановскій приказалъ засыпать землею турецкія траншеи и сравнять бугры, насыпанные непріятелемъ для своихъ орудій [2]).

Сдѣлавши надлежащее распоряженіе къ охраненію Чигирина до дальнѣйшихъ мѣръ правительства, Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ отправили свои донесенія въ Москву [3]), а сами съ войсками своими 9-го сентября пошли обратно на лѣвую сторону Днѣпра, гдѣ встрѣтили другое войско, шедшее на подмогу подъ главнымъ начальствомъ боярина князя Василія Васильевича Голицына. Но враговъ уже подъ Чигириномъ не было. Предводители воротились каждый къ своимъ мѣстамъ — Ромодановскій въ Курскъ, гетманъ въ Батуринъ, князь Голицынъ въ Путивль.

XI.

Вторая чигиринская война. — Мысль разорить Чигиринъ. — Самойловичъ своими представленіями удерживаетъ правительство. — Самойловичъ и Сѣрко. — Посольство Поросукова въ Турцію. — Вѣсти о новомъ нашествіи. — Приготовленія къ защитѣ Чигирина. — Религіозное значеніе войны. — Воевода Ржевскій и генералъ Гордонъ въ Чигиринѣ. — Прибытіе турецкаго полчища. — Переправа русскихъ войскъ черезъ Днѣпръ. — Первое сраженіе. — Побѣда русскихъ. — Смерть Ржевскаго. — Бездѣйствіе Ромодановскаго. — Сожженіе Чигирина. — Отступленіе войскъ. — Послѣдняя битва у Днѣпра.

Въ первыхъ числахъ октября 1677 года прибылъ къ гетману царскій посолъ за важнымъ дѣломъ: узнать мнѣніе гетмана и малороссійскихъ старшинъ — что дѣлать съ Чигириномъ? По взгляду, образовавшемуся тогда у московскихъ государственныхъ людей, слѣдовало, въ ожиданіи скораго повторительнаго нашествія непріятелей, разорить этотъ укрѣпленный пунктъ, потому что, послѣ недавняго разрушенія, поправки и отстройки потребуютъ слишкомъ большихъ издержекъ; главное же, въ Москвѣ не были увѣрены, останется ли навсегда въ подданствѣ царю заднѣпровская Украйна. Поляки безпрестанно заявляли притязанія на этотъ край, какъ на древнее владѣніе своей Рѣчи Посполитой. Московское правительство не разъ отвѣчало на такія притязанія польскимъ посламъ, да не разъ твердило и малороссіянамъ, что не отдастъ Польшѣ этого края, доставшагося

[1]) А. И. Д., св. 48, № 23.
[2]) Gord. II, 449.
[3]) А. И. Д., св. 48, № 24.

Digitized by Google

московской власти не отъ поляковъ, а отъ Дорошенка, данника Турціи. Но поляки не давали съ своей стороны одобренія московскимъ заявленіямъ; и въ Москвѣ понимали, что могутъ повернуться обстоятельства, когда поляки заговорятъ объ этомъ рѣшительнѣе, и Москвѣ придется быть уступчивѣе по отношенію къ Польшѣ. Такое-то опасеніе возбуждало мысль не стоять крѣпко за Чигиринъ, чтобъ напрасно не потратиться на сохраненіе за собою того, что можетъ нѣкогда стать чужимъ достояніемъ. Такихъ соображеній, однако, не высказывали московскія власти малороссіянамъ, хотя послѣдніе сами о нихъ догадывались и безпрестанно высказывали боязнь, чтобъ ихъ не возвратили снова подъ польскую власть. Пріѣхавшій теперь къ гетману царскимъ посломъ стольникъ Василій Тяпкинъ, одинъ изъ замѣчательно умныхъ московскихъ людей того времени, сталъ говорить Самойловичу о трудностяхъ обороны Чигирина отъ турокъ и спрашивалъ, не разорить ли этотъ городъ.

Гетманъ на рѣчи Тяпкина сказалъ:

«Если Чигиринъ будетъ содержаться крѣпко подъ царскою рукою, то и обѣ стороны Днѣпра будутъ пребывать въ вѣрности великому государю; если же Чигиринъ разорить, то ужъ лучше прежде сказать украинскому народу, что онъ царю не надобенъ, а потому-то Чигиринъ разоряется, либо непріятелю отдается! У насъ въ народѣ говорятъ: за кѣмъ Чигиринъ, за тѣмъ и Кіевъ, а за тѣмъ и всѣ мы въ подданствѣ. Засядетъ въ Чигиринѣ Юраска—всѣ тѣ, что съ правой стороны къ намъ сюда перешли, пойдутъ къ нему опять на правую сторону, и намъ трудно будетъ ихъ удержать! Если же, Боже сохрани, овладѣютъ Чигириномъ турки и посадятъ тамъ своихъ людей, тогда царь турецкій велитъ брать запасы съ сей стороны Днѣпра и всѣ наши малороссійскіе городы станутъ по неволѣ отдавать ему послушаніе: тогда и въ великороссійскіе городы проста будетъ туркамъ дорога! Вотъ и теперь уже козаки только того и ждутъ, чья сторона верхъ возьметъ въ Чигиринѣ. Хорошо, что вотъ намъ теперь удалось; отъ этого тотчасъ два полковника изъ-подъ Гоголева гетманства къ намъ отозвались; есть надежда, что и Гоголь съ остальными въ подданство царю перейдетъ; а какъ Юраска шелъ еще къ Чигирину, то Гоголь уже подумывалъ: не придется ли ему пристать къ Юраскѣ, если Юраска одолѣетъ насъ?»

Тяпкинъ изъ Батурина съѣздилъ въ Чигиринъ, взялъ составленную тамъ опись укрѣпленіямъ и, воротившись къ гетману, опять велъ съ нимъ бесѣду о Чигиринѣ, но уже въ присутствіи

Digitized by Google

старшинъ. Всѣ въ одинъ голосъ твердили, что Чигиринъ слѣдуетъ поправить и охранять, иначе Украйнѣ придетъ бѣда отъ турокъ. Самойловичъ, поглядывая на образъ Богородицы, со слезами произнесъ: «о! не дай Богъ попасть намъ въ бусурманскія руки» [1]). Послѣ отъѣзда Тяпкина гетманъ посылалъ въ Москву войсковаго канцеляриста Василія Кочубея, толковать о томъ же и отстаивать Чигиринъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ ему представлять московскому правительству, что малороссіянамъ никакъ нельзя вести противъ бусурманъ войны за-одно съ поляками, которыхъ льстивому благорасположенію отнюдь не слѣдуетъ довѣрять. Въ этихъ вопросахъ Самойловичъ одержалъ верхъ на время: Чигиринъ не приказывали ни разорять, ни покидать, напротивъ, придумывали мѣры и способы къ защитѣ противъ ожидаемаго новаго непріятельскаго вторженія.

Самойловичъ, въ бесѣдахъ съ Тяпкинымъ и другими, посѣщавшими его, царскими послами и гонцами, чернилъ своего недруга Сѣрка, увѣрялъ, что онъ тайно сносится съ врагами и только притворно выставляетъ себя вѣрнымъ царю. Московское правительство, сохраняя прежній тактъ, ласкало гетмана, награждало посылкою объярей и соболей, но отправило къ самому Сѣрку царскую милостивую грамоту съ подарками, какъ ни противно было это гетману. Сѣрко принялъ царскаго посланца Перхурова съ почестями, приносилъ благодарность царю, но просилъ для себя знамени и бунчука, знаковъ верховнаго начальства надъ сѣчевыми козаками [2]). Ясно видно было его намѣреніе находиться въ независимомъ положеніи отъ нелюбимаго гетмана, а можетъ быть возобновлялась надежда со временемъ замѣнить Самойловича въ гетманскомъ достоинствѣ, которое ускользнуло отъ Сѣрка во время конотопской рады. Московское правительство, оставаясь благосклоннымъ и къ Самойловичу и къ Сѣрку, не сдѣлало угожденія ни тому, ни другому въ ихъ взаимной недружбѣ.

Каждый часъ въ Москвѣ ожидали услышать о новой попыткѣ турокъ вторгнуться въ Украйну, но рѣшились попробовать мирнымъ соглашеніемъ съ турецкимъ правительствомъ отстранить отъ себя грозу: въ Турцію отправленъ былъ гонецъ Поросуковъ извѣстить о вступленіи на престолъ царя Ѳедора Алексѣевича, предложить возобновленіе дружественныхъ отношеній между государствами и представить, что нѣтъ достаточныхъ поводовъ къ

[1]) А. И. Д., св. 48, № 25.

[2]) Арх. Юст., кн. 125, л. 654.

Digitized by Google

ихъ нарушенію. Гетману поручали съ своей стороны провѣдывать о замыслахъ турокъ [1]). Исполняя царскій указъ, Самойловичъ, подъ видомъ купцовъ, посылалъ лазутчиковъ въ турецкія владѣнія, велъ сношенія съ немировскимъ старостою Куницкимъ и тайную корреспонденцію съ молдавскимъ господаремъ, сообщавшимъ ему, что дѣлается у турокъ. Такъ въ продолженіи зимы получилъ онъ разными путями свѣдѣнія, что турецкій султанъ разгнѣвался за неудачу подъ Чигириномъ и вмѣсто него назначилъ воинственнаго Капланъ-пашу, а на будущее лѣто собирается самъ идти подъ Чигиринъ съ несмѣтнымъ войскомъ — 17 пашей пойдутъ съ нимъ и «бѣлые арабы». Съ раннею весною стали посылать ватаги или подъѣзды въ степь для добытія языковъ. Ватажники, отправляясь за Днѣпръ, бродили по опустѣлой странѣ, терпя всякія лишенія, питаясь по цѣлымъ недѣлямъ валявшимися желудями и считали особымъ благополучіемъ, когда удавалось застрѣлить какого-нибудь звѣря себѣ въ пищу; однако, успѣвали наловить татарскихъ языковъ изъ загоновъ, отправлявшихся изъ Крыма съ такою же цѣлію, съ какою выѣзжали въ степь малороссійскіе ватажники. Отъ нихъ узнали, что ханъ Селимъ смѣненъ, вмѣсто него назначенъ Мурадъ-Гирей, когда-то прославившій себя пораженіемъ московскаго войска подъ Чудновомъ, и этотъ новый ханъ, по приказанію турецкаго султана, собирается лѣтомъ съ ордою на Чигиринъ [2]).

Сообщая обо всемъ этомъ въ приказъ, гетманъ просилъ высылать скорѣе въ Малороссію царскія ратныя силы, а для увеличенія средствъ содержанія охочаго козацкаго войска въ Малороссіи, представилъ постановленіе старшинъ о заведеніи орандъ (отдачи на откупъ) «на винную, дегтяную и тютюнную (табачную) продажу» срокомъ на годъ [3]).

Правительство утвердило постановленіе старшинъ объ орандахъ, назначило въ Чигиринъ новымъ воеводою окольничаго Ивана Ивановича Ржевскаго, давно уже знакомаго малороссіянамъ, а инженеромъ при немъ — шотландца Петра Гордона, оставившаго любопытныя записки о своемъ долговременномъ пребываніи въ Россіи,—и подъ ихъ начальствомъ—пять стрѣлецкихъ приказовъ съ головами и сѣвскій драгунскій полкъ; гетманъ долженъ былъ доставлять въ Чигиринъ хлѣбные запасы царскимъ ратнымъ на продовольствіе черезъ малороссійскихъ жителей.

---

[1]) А. И. Д., св. 50, № 31.
[2]) Арх. Юст., кн. 125, л. 720, 742, 803.
[3]) А. И. Д., св. 50, № 35; св. 51 № 5.

Digitized by Google

Царскій гонецъ Поросуковъ, проведенный въ Турцію козаками, нашелъ тамъ не совсѣмъ благосклонный пріемъ. Его не допустили къ самому падишаху и наотрѣзъ объявили, что если московскій царь не отступится отъ Чигирина и Украйны, то война неизбѣжна. Гонецъ былъ свидѣтелемъ поспѣшнаго сбора военныхъ силъ Турціи и не безъ труда сообщилъ объ этомъ въ Москву. По полученіи этихъ извѣстій 12 апрѣля, царь по совѣту съ духовенствомъ и боярами указалъ князю Ромодановскому идти съ войскомъ въ Малороссію, но прежде военныхъ дѣйствій противъ турецкаго войска вступить съ визиремъ въ переговоры, попытаться убѣдить его, что Малороссія изстари—достояніе Россіи и Дорошенко неправильно отдавалъ ее Турціи, а потому въ войнѣ нѣтъ причинъ; въ случаѣ же неудачи переговоровъ, Ромодановскому велѣно было попытаться защищать Чигиринъ, но если онъ увидитъ, что нельзя его защитить, то долженъ разорить его до основанія, а съ турками постановить такой договоръ, чтобъ на тѣхъ мѣстахъ городовъ никакихъ не строить, и всѣхъ оставшихся тамъ жителей перевести на лѣвую сторону Днѣпра. Но Ромодановскому предписывалось дѣлать это такъ, чтобъ не произошло оттого ропота и смятенія въ малороссійскомъ народѣ [1]).

Ожиданіе турецкаго вторженія возбуждало не панику, а тревогу, смѣшанную съ какимъ-то таинственнымъ чувствомъ страха и рѣшимости. Самойловичъ далъ приказаніе готовиться въ отраженію врага не только козакамъ, но и поспольству: всѣ мѣщане и поселяне должны были поставить каждый изъ семьи своей по воину,—богатые изъ трехъ членовъ семьи одного, а убогіе съ пяти одного. Къ этому обязывались и ремесленники, и художники, и скрипари, и дудари, по выраженію лѣтописи. Архіепископъ Лазарь Барановичъ, своею архіерейскою грамотою, наложилъ по всей Малороссіи трехдневный постъ каждую седмицу, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ: всѣ должны были въ эти дни воздерживаться отъ всякой пищи и питья и пребывать въ благоговѣйной молитвѣ. Гетманъ своимъ универсаломъ предписывалъ всѣмъ начальствующимъ надзирать за соблюденіемъ архіепископскаго распоряженія [2]). И въ другихъ русскихъ краяхъ

[1]) Соб. Гос. Гр. IV, 357. 366.

[2]) Ригельмана, Лѣт. Пов. о Мал. Рос. 160.—Акты Зап. Рос. V. 141—144. Святогорскаго Аѳонскаго монастыря игуменъ Исакій, извѣщая гетмана, что турки собираются на Кіевъ, писалъ: „у васъ духовные ведутъ себя безчинно, молебни поютъ пьяные, ни страха Божія, ни поста у нихъ нѣтъ, какъ скоты безсмысленные живутъ; прикажи въ монастыряхъ и въ приходахъ наложить постъ три дни въ седмицу: въ понедѣльникъ, среду и пятокъ, въ понедѣльникъ пусть всенощное служатъ арх. Ми-

Digitized by Google

всего московскаго государства разосланы были отъ архіереевъ печатныя молитвословія о побѣдѣ надъ супостатами: ихъ опредѣлили читать по всѣмъ монастырямъ и приходскимъ церквамъ въ уреченный день въ недѣлю, и въ этотъ день всѣ должны были поститься съ утра до вечера и въ ночь и на слѣдующее утро до конца литургіи; во все это время монастыри должны быть заперты, чтобъ никто не выходилъ ни изъ монаховъ, ни изъ служекъ. Такъ слѣдовало поступать до окончанія войны [1]).

Самойловичъ выступилъ въ походъ въ первыхъ числахъ іюня и сошелся съ Ромодановскимъ на Артополотѣ. Тамъ предводители устроивали другъ другу пиры. На пиръ, данный бояриномъ, приглашены были козацкіе чины, которымъ отдавалось большое предпочтеніе предъ великорусскими и послѣдніе за то озлобились [2]). Отсюда двинулись они къ Лубнамъ, куда прибыли 12-го іюня [3]). Впередъ отправленъ былъ отрядъ въ 12,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Косагова—пріискать удобнѣе мѣсто для переправы огромному соединенному войску. За нимъ гетманъ и бояринъ къ концу іюня приблизились къ Днѣпру, а 1-го іюля пришло къ нимъ извѣстіе, что турецкія силы приближаются къ Бугу [4]). Тогда предводители сообразили, что переходъ въ томъ мѣстѣ, куда они отправили Косагова, не удобенъ, потому что имъ придется идти къ Чигирину три мили черезъ лѣса и болота, и если непріятели тамъ нападутъ на нихъ, то имъ некуда будетъ повернуться со своимъ тѣсно замкнутымъ вагенбургомъ. Они рѣшили повернуть вверхъ по теченію рѣки Сулы, перешли черезъ нее 3-го іюля, а потомъ дошли до Бужинскаго перевоза на Днѣпрѣ. Въ этихъ мѣстахъ было приготовлено много байдаковъ; началась переправа, на которую оказалось потребно не менѣе четырехъ сутокъ по причинѣ большого количества войска [5]). Тутъ пришелъ Ромодановскому указъ подождать прибытія князя Каспулата Муцаловича Черкасскаго съ калмыками и татарами. Такимъ образомъ, къ большой досадѣ сидѣвшихъ тогда въ осадѣ въ Чигиринѣ, войско, шедшее къ нимъ на выручку, оставалось продолжительное время на берегу

хаилу, въ среду Покрову, въ пятницу молебенъ, а въ субботу акаѳистъ и въ войскѣ чтобъ у васъ женщинъ не было, тогда увидишь милость Божію". А. И. Д., св. 51, № 10.

[1]) Акты Историч. IV, 310, 312, 315—317.

[2]) Gord. II, 468. Акты Зап. Россіи, V, 147.

[3]) Gordon II, 545.

[4]) Арх. Юст., кн. 125, л. 1524.

[5]) Gord. II. 546.

Digitized by Google

Днѣпра до 28-го іюля, пока не явился долго ожидаемый князь Каспулатъ Муцаловичъ.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось въ то время въ Чигиринѣ. Назначенные туда начальниками воевода Иванъ Ивановичъ Ржевскій и генералъ-инженеръ Патрикъ Гордонъ прибыли въ концѣ апрѣля и съ тѣхъ поръ, до появленія подъ городомъ непріятелей, Гордонъ дѣятельно занимался устроеніемъ всякаго рода укрѣпленій, бастіоновъ, равелиновъ, валовъ, стѣнъ, шанцевъ, фашинъ и пр., употребляя на работы ратныхъ людей. Онъ учредилъ эстафетное сношеніе съ Москвою. 12-го мая прибыли въ Чигиринъ назначенные въ «залогу» отъ гетмана гадяцкіе козаки съ своимъ полковникомъ Ѳедоромъ Криницкимъ: ихъ должно было быть 6,000, но пока пришло на лицо только 4,500. 17-го іюня присланы гетманомъ еще козаки полковъ нѣжинскаго и лубенскаго собственно для веденія земляныхъ работъ. Нижній замокъ или городъ былъ предоставленъ исключительно козакамъ гетманскаго регимента, а главное начальство надъ всѣми ими было поручено въ званіи наказнаго гетмана Павлу Животовскому. Двѣ сотни слободскихъ полковъ, сумскаго и ахтырскаго, находились съ великороссіянами въ верхнемъ городѣ [1]). Всего войска въ верхнемъ городѣ было 5,520 человѣкъ, въ нижнемъ 6,163.

8-го іюля появился передъ Чигириномъ передовой турецкій отрядъ и на первой схваткѣ съ нимъ козаковъ былъ убитъ серденецкій полковникъ Рубанъ. За передовымъ турецкимъ отрядомъ появились молдаване и валахи съ своими господарями, а за ними стали показываться непріятельскіе ряды все гуще и гуще. На слѣдующій день, 9-го іюля, вся окрестность подъ Чигириномъ покрылась непріятельскими полчищами [2]). На холмахъ

---

[1]) По извѣстію Гордона (т. II, 478) пороху было до двухъ тысячъ пудовъ въ запасѣ, кромѣ розданнаго по полкамъ, всякаго рода пушечныхъ ядеръ 3,600 штукъ, но бомбъ только 500, да и годныхъ къ дѣлу мортиръ оказалось только 4. Въ замкѣ или верхнемъ городѣ было 4 сорока-фунтовыхъ орудія и, сверхъ того, еще два добытыя когда-то отъ поляковъ Богданомъ Хмельницкимъ въ Барѣ. Кромѣ нихъ было 6 восьми и десяти-фунтовыхъ пушекъ и 8 меньшихъ, 14 полевыхъ, 14 картечныхъ, 8 кулевринъ двухъ и трехъ-фунтовыхъ и 11 желѣзныхъ разнаго калибра. Ручныхъ гранатъ было 1,200 штукъ. Въ нижнемъ городѣ у козаковъ было всего 15 желѣзныхъ пушекъ, немного пороху и боевыхъ запасовъ, хотя Гордонъ заранѣе предупреждалъ объ этомъ гетмана. Ржевскій берегъ боевые запасы и даже Гордону не дозволялъ дѣлать опыты пальбы изъ пушекъ до пришествія непріятеля.

[2]) Человѣка два-три сербовъ убѣжали къ своимъ русскимъ единовѣрцамъ и сообщили о числѣ и расположеніи турецкаго войска. По ихъ показаніямъ, съ верховнымъ визиремъ пришло тогда 15,000 янычаръ и такое же число воиновъ, называе-

Digitized by Google

завиднѣлись нарядные шатры турецкихъ военачальниковъ; за ихъ передними рядами красовался шатеръ верховнаго визиря съ пятью высокими верхами, а отъ него въ почтительномъ разстояніи шатры другихъ знатныхъ пашей. Въ длину весь турецкій станъ простирался верстъ на десять. Турецкая пѣхота вооружена была мечами и щитами; конница, составлявшая показистую часть турецкаго войска, отличалась породистыми лошадьми, щегольскимъ оружіемъ и личною ловкостію всадниковъ.

На первыхъ порахъ визирь отправилъ письма къ козакамъ въ нижній городъ [1]) и къ осажденнымъ въ верхнемъ городѣ великороссіянамъ. Верховный визирь писалъ послѣднимъ, чтобъ они сдали Чигиринъ, принадлежность падишаха, и за то обѣщалъ имъ свободное возвращеніе во-свояси. Великороссійскіе начальные люди оставили безъ отвѣта визирское письмо, а малороссійскіе—полученное ими письмо послали въ верхній городъ.

Съ этого времени, въ продолженіе мѣсяца шла непрерывная война: турки копали траншеи одна за другою, все ближе и ближе подходя ко рву, окаймлявшему валы и стѣны, а между тѣмъ усердно палили по городу изъ орудій, уставленныхъ на земляныхъ насыпяхъ. Русскимъ пушкарямъ, отвѣчавшимъ пальбою

мыхъ „семѣни“, 15,000 копачей, 3,000 спаговъ султанской гвардіи, до десяти тысячъ другихъ гвардій, до двухъ тысячъ состоящихъ при орудіяхъ и боевыхъ запасахъ и до десяти тысячъ молдаванъ и валаховъ съ ихъ господарями. Крымскій ханъ велъ съ собой 50,000 орды. Въ войскѣ было четыре большія осадныя пушки, которыхъ везли 32 пары буйволовъ, 27 батарейныхъ орудій разнаго калибра, 130 полевыхъ орудій, 6 мортиръ для бомбъ во 120 пудъ и 9 мортиръ для бомбъ отъ 30 до 40 пудъ, 8,000 возовъ, 5,000 верблюдовъ подъ боевыми запасами, 8,000 пастуховъ и 10,000 провіантскихъ повозокъ. Копачи, пастухи и погонщики были изъ турецкихъ христіанъ (Gordon, II, 485).

[1]) Письмо къ козакамъ сохранилось въ дѣлахъ малороссійскаго приказа въ современномъ русскомъ переводѣ въ такомъ видѣ: „Чигиринскимъ сидѣльцамъ, барабашевскимъ козакамъ, украинскимъ начальнымъ и прочимъ военнымъ людямъ. Напередъ сего благочастному, могучему, великому государю нашему мусульманскому величеству козацкій гетманъ на Украйнѣ учинился въ подданствѣ и въ холопствѣ, а послѣ того, въ небытность государя нашего, пришли въ Чигиринъ московскія ратныя силы. Нынѣ Божіею милостію благочастный великій государь нашъ мусульманское величество меня, холопа своего, послалъ со многими несчетными силами взять Чигиринъ подъ его высокую руку, и я нынѣ съ несчетными ратными людьми на васъ пришелъ. Буде безъ боя городъ сдадите, то вамъ никакого убытка не будетъ: которые козаки изъ васъ похотятъ идти за Днѣпръ и имъ идти за Днѣпръ вольно, а которые козаки и начальные люди похотятъ быть въ городѣ и они будутъ въ прежнихъ чинахъ своихъ безо всякаго убытка жить въ покоѣ. Буде въ отдачѣ учините упрямство и дадите бой—и то въ воли Божіей: какъ кому Богъ помочи дастъ. А если его величеству помощь Бога будетъ, всѣ вы будете порабощены, посѣчены и въ полонъ поиманы, и тогда покаяніе будетъ вамъ не въ пользу. Визирь Асанъ-Мустафа-паша“.

Digitized by Google

непріятелямъ, по замѣчанію очевидца, не доставало сноровки и опытности, но за то русскіе удачно тушили водою и мокрыми рогожами и кожами пожары, начинавшіеся отъ брошенныхъ въ замокъ и городъ огненныхъ снарядовъ. У осажденныхъ силы понемногу прибывали: въ верхній городъ вошелъ ахтырскій слободской полкъ 1,200 человѣкъ, а въ нижній — полкъ серденятъ [1]). Войска Ромодановскаго и Самойловича, переправившись черезъ Днѣпръ 12-го іюля подлѣ Бужина при селѣ Шабельникахъ [2]), встрѣтили отрядъ турецкаго войска, высланный визиремъ. Отъ третьяго часа дня (8-го часа утра) до вечера шелъ бой: русскіе отбили напоръ непріятеля. Въ слѣдующіе затѣмъ семь дней повторялись битвы съ турками, подходившими изъ-подъ Чигирина, но, какъ доносилъ Самойловичъ, «враги не получили утѣшенія»; они даже не воспрепятствовали русскимъ вести сношенія съ осажденными въ Чигиринѣ соотечественниками [3]). Ромодановскій, исполняя царскій указъ, все дожидался князя Черкасскаго съ калмыками и не шелъ впередъ, какъ ни убѣдительно изъ Чигирина звали войско поспѣшить на выручку города. 26-го числа гетманъ Самойловичъ получилъ «прелестный» листъ Хмельницкаго, оставленный безъ отвѣта и отправленный въ малороссійскій приказъ [4]).

---

[1]) Ibidem, 491.

[2]) Лѣт. Сам., 143.

[3]) Арх. Юст., кн. 125, л. 1112.

[4]) Письмо, обращенное къ гетману Самойловичу и ко всей старшинѣ въ современномъ русскомъ переводѣ гласитъ такъ: „Вѣдомо вамъ, каковымъ способомъ Украйна за отцовъ нашихъ стала подъ оборону прежде найяснѣйшей Порты Оттоманской, нежели царскаго московскаго величества. Знати, что, Божіимъ смотрѣніемъ было столько причины на вѣру нашу и народъ нашъ русскій, что будучи подъ поляками въ великомъ утѣсненіи, искали обороны найяснѣйшаго хана Исламъ-Гирея, а потомъ благополучно царствовавшимъ наслѣднымъ монархамъ подданство предки наши крѣпко подтверждали, о чемъ довольно буди, потому что еще не вышло изъ памяти милостей вашихъ; потомъ крѣпко то подтвердилъ панъ Дорошенко самому найяснѣйшему султанову величеству, яко самимъ милостямъ вашимъ лучше то вѣдомо. Потребно было мнѣ для общей нужды и послѣднимъ здоровьемъ упадшую нашу Украйну заложить. Язъ и нынѣ тѣмъ закончаемъ и радѣемъ по изволенію найяснѣйшаго визиря, яко и найяснѣйшаго ханскаго величества, которые особами своими пресвѣтлыми здѣсь пребываютъ, о цѣлости васъ всѣхъ яко дѣдичъ, а не наемникъ есмь съ той земли. Иввольте милости ваши умилитися сами надъ собою и надъ остаточною пагубою нашею, а не поддаватися въ бо́льшее развореніе, и отступиться отъ россійскаго, а къ намъ привратитесь, сохраняя цѣлость свою аки голуби: увидите милости ваши купно и войско запорожское милость вельможныхъ монарховъ и нашу притомъ; но во-время извольте радѣть милости ваши о себѣ, а не потомъ, когда уже наступятъ бо́льшія силы. Не расширяя письма своего совѣту и высокому разсуженію милостей вашихъ то предлая, желаю вскорѣ намъ видѣтися съ собою въ любви и поцѣловаться,

Digitized by Google

Черезъ день, 28-го іюля, прибылъ, наконецъ, долго ожидаемый князь Каспулатъ Муцаловичъ, но привелъ калмыковъ вовсе не въ такомъ числѣ, какъ ожидали: ихъ было всего какихъ-нибудь четыре тысячи. Ромодановскій и Самойловичъ на другой же день выслали ихъ и, кромѣ того, первый—рейтаровъ и копейщиковъ, а гетманъ—охочихъ козаковъ, всего тысячъ до двадцати. Вслѣдъ за ними и все войско двинулось съ Бужинскаго поля къ Чигирину [1]).

Чигиринцы съ каждымъ днемъ приходили въ стѣсненное положеніе и 27-го іюля трудно уже было доставлять Ромодановскому безпрестанныя просьбы о скорѣйшемъ поспѣшеніи на выручку. Непріятельская канонада усиливалась; зной былъ такъ великъ, что козаки не въ силахъ были работать для утушенія пожаровъ; къ непріятелю прибыли новыя силы и съѣстные запасы съ Капланъ-пашою; турки стали вести подкопы. 29-го іюля былъ первый взрывъ, 30-го второй и третій съ такимъ оглушающимъ трескомъ, что въ нижнемъ городѣ подумали, что въ верхнемъ не осталось уже никого въ живыхъ; въ срединѣ одного больверка открылся прорывъ отъ 12 до 15 саженъ; турки бросились въ прорывъ,—однако Гордонъ заранѣе распорядился устроить въ валу дыры и пещеры для сообщенія вспыхивающаго пороха съ воздухомъ. Русскіе удачно отбили враговъ, пытавшихся вторгнуться черезъ прорывъ, и кое-какъ засыпали его, потерявши 68 убитыми и 97 раненными. 1-го августа въ виду осажденныхъ часть войска съ Капланъ-пашою двинулась противъ Ромодановскаго и Самойловича; оставшіеся продолжали метать въ городъ и замокъ ядра и бомбы еще сильнѣе, чѣмъ въ прежніе дни [2]).

Между Днѣпромъ и Чигириномъ были горы, въ которыя упиралась равнина, простиравшаяся отъ Днѣпровскаго побережья. На этихъ горахъ расположились турецкія войска подъ началь-

---

и безъ кровопролитія подъ однимъ монархомъ наіяснѣйшимъ и непобѣдимѣйшимъ султанскимъ величествомъ турскимъ оставаться. Про то сказавши, отвѣту отъ милостей вашихъ желаемъ и насъ самихъ и славу христіанскую милостямъ вашимъ вручаемъ. Данъ въ Бердычовѣ вашимъ милостямъ всѣмъ благожелательный Георгій Гедеонъ Венжикъ Хмельницкій, князь Украйны".

[1]) Ibidem, л. 1074.

[2]) Съ перваго дня осады бросали въ городъ ежедневно по нѣсколько сотъ ядеръ и бомбъ, а 2-го августа число первыхъ дошло до 1008, послѣднихъ же до 387. Вслѣдъ затѣмъ ночью татары, стоявшіе на другой сторонѣ рѣки Тясьмина, тайно извѣстили козаковъ, что боярынъ и гетманъ отъ нихъ уже не далеко и съ часу на часъ надобно имъ ждать желанной выручки (Gord., II, 495—508).

Digitized by Google

ствомъ Капланъ-паши, чтобы не давать впередъ хода русскимъ войскамъ. Съ турками были крымскія орды, молдавскія и валахскія силы. Турки взвели батареи, уставили пушки и стали защищать всходъ на гору. Попытки русскихъ овладѣть высотами 1-го и 2-го августа были неудачны. 3-го августа, въ субботу, Ромодановскій выслалъ значительный отрядъ [1]); козаки лѣво пошли отдѣльнымъ ополченіемъ [2]), а потомъ за ними послѣдовали бояринъ и гетманъ съ остальными войсками и обозами [3]), оставивъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра охотные полки съ приказаніемъ ловить и вѣшать бѣглецовъ изъ войска, если окажутся на лѣвомъ берегу.

Турки и татары, допустивши высланныхъ русскихъ до горы, выступили противъ нихъ изъ зарослей и стали пускать на нихъ гранаты. Выборная пѣхота Шепелева и Кровкова взошла на высоты, но конные турки и татары сбили и прогнали ее. Русскихъ было убито до тысячи и столько же раненыхъ: въ числѣ послѣднихъ былъ и генералъ Шепелевъ. 500 русскихъ было отрѣзано и окружено непріятелями; защищаясь упорно, они всѣ погибли бы, если бы на выручку уцѣлѣвшимъ изъ нихъ не отвлекли турокъ стрѣлецкіе полки, сражавшіеся на лѣвомъ крылѣ; а вслѣдъ затѣмъ бросился на высоты резервъ праваго крыла; отрѣзанные соединились снова со своими и турки, видя, что затѣмъ надвигается еще новая конная сила русскихъ, стали подаваться, и когда вслѣдъ затѣмъ еще русская конница примкнула къ своимъ, стоявшимъ уже на высотахъ — тутъ одержана была

---

[1]) Генералъ-лейтенанта Аггея Алексѣевича Шепелева и генералъ-маіора Кровкова съ выборною инфантеріею отъ 5 до 6 тысячъ, составлявшею правое крыло; въ резервѣ у него было 10,000 конницы и пѣхоты подъ командою генерала Зиѣева. Центръ образовали 9 стрѣлецкихъ полковъ, при нихъ дѣти боярскіе; въ резервѣ у него 15,000. Лѣвое крыло и резервъ къ нему образовали Бѣлогородскій и Сѣвскіе полки (Gord. II, 549).

[2]) Гетманъ—подъ начальствомъ наказнаго Василія Борковскаго отправилъ полки: Черниговскій (полковника Василія Борковскаго), Лубенскій (полковника Максима Ильяшенко), Миргородскій (полковника Павла Апостоленка), Прилуцкій (полковника Ѳедора Мовчана), Нѣжинскій (полковника наказнаго Василія Игуменскаго), пѣхотные полки Герасима да Ивана, конные Ильяша Новицкаго да Якова Павловскаго со всѣмъ ихъ товариствомъ, съ которыми полковники были изъ Переяславскаго, Стародубскаго, Полтавскаго полковъ, мужественные товарищи и козаки, а тѣ три полка были сами на заставѣ позади обоза (Арх. Юст. кн. 125, л. 1112. Донесеніе гетмана отъ 17-го августа). Акты Зап. Рос. V, 148 (Письмо гетмана полковнику Новицкому).

[3]) „И тѣ ваши великаго государя войска пославъ прежде себя, сами вслѣдъ за ними шлисьмо съ обозами и со всѣмъ войскомъ въ обозѣ будучимъ“ (Ibidem).

Digitized by Google

полная побѣда надъ турками [1]). По извѣстіямъ очевидцевъ [2]), они бѣжали въ безпорядкѣ за Тясминъ къ Чигирину и истребили за собою огнемъ мосты, сдѣланные заранѣе молдаванами и валахами между Чигириномъ и Суботовымъ [3]). Татары бѣжали къ Медвѣдовкѣ; за ними гнались и истребляли ихъ закоренѣлые враги калмыки. По извѣстію Гордона [4]), въ этомъ бою, продолжавшемся три часа, турки потеряли 500 человѣкъ, а русскіе 1500 убитыми и до тысячи ранеными. Плѣнные турки показывали число своихъ убитыхъ до восьми тысячъ [5]). Русскіе овладѣли 28 пушками и богатыми турецкими шатрами.

Въ этотъ самый день (5-го августа, въ субботу), когда русскія войска одерживали надъ врагами побѣду, въ 2 часа пополудни турки зажгли подкопъ и взорвали значительную часть вала, потомъ бросились въ прорывъ. Въ продолженіи двухъ часовъ шла отчаянная рѣзня. Въ это время воевода Ржевскій вышелъ на валъ верхняго замка и былъ убитъ осколкомъ бомбы или гранаты, поразившимъ его въ подбородокъ [6]). Начальство надъ всѣми силами въ Чигиринѣ осталось за Гордономъ. Услыхавши о побѣдѣ, одержанной русскими войсками, онъ посылалъ къ Ромодановскому просьбу прибыть скорѣе и тѣмъ завершить

---

[1]) Gord. II, 550.

[2]) „А какъ войска ваши храбро и смѣло на непріятеля пошли, и мы съ обозами и со всѣмъ войскомъ къ горамъ приблизились и тѣхъ непріятелей турокъ спаговъ полки и крымскія силы и иныхъ земель собранія побили, отъ окоповъ, шанцевъ, выводовъ и нарядовъ ихъ и отъ шатровъ отбили и самихъ множество на голову побивъ и живьемъ побравъ, и знамена, прогнали страхомъ такъ, что того сполоха наполнясь, уходя на мостахъ своихъ черезъ рѣчку Тясму подѣланныхъ, другъ друга давили и мосты поломали и, на ту сторону Тясмы переправляясь, многіе потонули и послѣ того своего вредительнаго переходу и мостъ пожгли“ (Арх. Юст., кн. 125. Донесеніе Самойловича). „И какъ бояринъ и гетманъ на гору всходили и въ то время были бои великіе съ утра до полудня, и Капланъ-пашу съ войскомъ сбили, и шатры и обозъ и пушки русскіе взяли; ничего съ собою турки не унесли и побито ихъ въ то время письмяннаго люду тысячъ съ восемь, а Капланъ-паша съ войскомъ убѣжалъ черезъ Тясму на мосты и ратные люди царскіе гоняли ихъ и били до самаго мосту, а перебѣжавъ мосты, турки зажгли ихъ за собою и поставили караулы, чтобы царскіе ратные люди черезъ мостъ не дѣлали надъ ними промысла и еслибы царскіе люди ихъ тутъ осилили, они бы всѣ побѣжали, оставя промыселъ надъ Чигириномъ“ (Арх. И. Д., св. 52, № 10. Показаніе плѣннаго турка).

[3]) Арх. Юст., кн. 125, л. 1074.—Лѣт. Сам., изд. 1878 г., стр. 144.

[4]) Gord. II, 551.

[5]) А. И. Д., св. 52, № 19. Надобно замѣтить, что восточные люди всегда имѣютъ склонность преувеличивать; когда же находятся въ плѣну, то дѣлаютъ это такъ, чтобы сказать пріятное побѣдителямъ.

[6]) Арх. Юст., кн. 125, л. 1071. Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г.—Gord. т. II, стр. 210.

Digitized by Google

свое побѣдное торжество, потому что тогда непріятели уйдутъ отъ Чигирина.

Но Ромодановскій, переночевавши на полѣ побѣды, двинулся съ войскомъ далѣе и остановившись за двѣ съ половиною версты отъ Чигирина, послалъ на подкрѣпленіе Гордону только одинъ драгунскій полкъ. 5-го августа Гордонъ снова посылалъ приглашать Ромодановскаго и указывалъ для стана мѣсто на острову пониже Чигирина, откуда можно будетъ обстрѣливать непріятельскій станъ. Но бояринъ прислалъ Гордону еще только около трехъ тысячъ ратныхъ, предоставляя Гордону сдѣлать вылазку [1]). Если бы Ромодановскій послушался Гордона, то вѣроятно турки убѣжали бы отъ Чигирина: и безъ того, какъ показывали ихъ плѣнные, послѣ пораженія на горѣ, они думали разбѣжаться, но визирь удержалъ ихъ, убѣдивши попытаться еще повести подкопы и давши обѣщаніе сняться, если подкопы въ теченіи недѣли не поведутъ къ рѣшительному покоренію города [2]). Исполняя приказаніе Ромодановскаго, Гордонъ 6-го августа предпринялъ вылазку, но она не удалась [3]).

И послѣ того бояринъ не переходилъ со всѣмъ войскомъ за рѣку ближе къ непріятельскому стану, какъ домогался Гордонъ, но ограничился только тѣмъ, что отрядилъ Косагова и Вульфа занять два островка на Тясминѣ, а къ Гордону отправилъ еще 1,800 человѣкъ сумскихъ козаковъ и рыльскихъ служилыхъ людей для новыхъ вылазокъ; съ тою же цѣлью Самойловичъ отъ себя посылалъ въ нижній городъ прибавочныя сотни козаковъ разныхъ полковъ, замѣняя ими посланные туда прежде. Вылазки не удавались ни изъ верхняго города, ни изъ нижняго, потому что янычары очень ловко устроились въ своихъ шанцахъ: одни сидѣли во рву подъ прикрытіемъ земляныхъ краевъ рва и оттуда стрѣляли, а выше ихъ сидѣли по горѣ другіе; верхніе берегли нижнихъ, а нижніе верхнихъ и выбить ихъ оттуда было трудно [4]).

У Косагова, посланнаго на островокъ, ратные люди при непріятельскомъ наступленіи разбѣжались, а Вульфа послѣ того отозвалъ самъ Ромодановскій [5]). Такъ вяло дѣйствовалъ Ромодановскій для выручки Чигирина. Между тѣмъ полякъ Кирпицкій, бывшій у турокъ въ плѣну и перешедшій къ русскимъ, сооб-

[1]) Gord. II, 512.
[2]) А. И. Д., св. 52, № 10.
[3]) Gord. II, 516.
[4]) Арх. Юст., кн. 125, лл. 1084, 1091.
[5]) Gord. II, 518.

Digitized by Google

щилъ, что у турокъ ощущается недостатокъ продовольствія и они при первой неудачѣ станутъ уходить [1]). Дѣло въ томъ, что еще 12 іюля Сѣрко, постоянно выставляемый гетманомъ союзникомъ враговъ, напалъ съ запорожцами на турецкій караванъ, плывшій изъ Кизыкерменя по Днѣпру съ запасами для войска, отнялъ запасы, и это оказалось такъ надолго чувствительнымъ для турокъ, что привезенные потомъ Капланъ-пашою запасы не могли уже замѣнить имъ этой утраты [2]). Гордонъ по этому извѣстію еще умолялъ Ромодановскаго принять болѣе рѣшительный образъ дѣйствія, но бояринъ снова ограничился посылкою въ городъ отряда для вылазки, который вскорѣ потомъ самъ и отозвалъ.

11 августа, въ воскресенье, въ часъ пополудни взорвало мину подъ валомъ нижняго города; образовался прорывъ; бывшіе тамъ близко козаки въ числѣ 500 погибли, другіе бѣжали; ужасный громъ оглушилъ всѣхъ: пустились въ бѣгство и тѣ, которые находились подалѣе [3]); иныхъ засталъ взрывъ пьяными, другихъ спящими [4]). Нестройною толпою кинулись козаки изъ города черезъ московскій мостъ, думая уйти въ войсковой обозъ. Но за мостомъ уже стояли турки, пробравшіеся туда черезъ болото; они подломили мостъ; козаки въ тѣснотѣ давили другъ друга [5]); много козаковъ потонуло и въ томъ числѣ гадяцкій полковникъ Криницкій; турки зажгли башню съ воротами, стоявшую на московскомъ мосту; успѣвшихъ перейти за мостъ козаковъ гнали и истребляли непріятели. Между тѣмъ, отъ взрыва по всему нижнему городу сдѣлался пожаръ; вступившіе въ прорывъ враги распространяли его, зажигая строенія. Три полка серденецкихъ: Герасимовъ, Иванѣевъ и Ребриковскаго убѣжали черезъ плотину въ верхній городъ. Турки зажгли внѣшнія стѣны верхняго города, называемыя новымъ городомъ; оставались пока въ цѣлости внутренніе — старый городъ. Никакія попытки Гордона спасти погибавшій Чигиринъ не могли удаться; подчиненные не слушали команды [6]). Вечеромъ одинъ стрѣлецкій голова по секрету

---

[1]) Ibid. 523.

[2]) Арх. Юст., кн. 125, л. 1112.

[3]) Gord. II, 532.

[4]) Лѣт. Сам., стр. 144.

[5]) Ibidem.

[6]) „11-го въ недѣлю вечеромъ подкопы взорвало къ рѣкѣ Тясмѣ близко хоромъ и землю раскидало по сторонамъ и отъ того взрыву хороми загорѣлись и учинился пожаръ, и осадные сидѣльцы, видя пожаръ, изъ города побѣжали въ обозъ черезъ московскій мостъ, и турки, увидя то, прибѣжали отъ болота къ московской башнѣ и зажгли, чтобъ осаднымъ сидѣльцамъ изъ города выпуска не дать, и мостъ обломился, и съ того мосту утонулъ гадяцкій полковникъ Ѳедоръ Криницкій и иные потонули

Digitized by Google

сказалъ Гордону, что Ромодановскій прислалъ своего адъютанта съ повелѣніемъ вывести гарнизонъ изъ верхняго города, но адъютантъ не хотѣлъ войти въ городъ, а только у воротъ передалъ словесный приказъ боярина. Гордонъ на это промолвилъ: «мнѣ дано повелѣніе лучше погибнуть, чѣмъ оставить свой постъ; и другимъ я того не позволю, не получивши письменнаго приказа». Онъ продолжалъ дѣлать распоряженія о погашеніи пожара, и чтобъ не подать солдатамъ подозрѣнія, что онъ покинетъ свой постъ, приказалъ готовить ужинать и поставить на столъ свой серебряный сервизъ.

Часовъ въ 10 вечера (въ третьемъ часу ночи) явился барабанщикъ полковника Карандѣева, стоявшаго у воротъ съ боярскимъ адъютантомъ, который все-таки не смѣлъ войти въ замокъ и передалъ письменный приказъ Ромодановскаго такого содержанія: Гордонъ долженъ выступить съ ратными царскими людьми, взять съ собою тѣ пушки, которыя были полегче, а другія закопать, разорить укрѣпленія, истребить боевые запасы и порохъ. Гордонъ показалъ приказъ начальнымъ офицерамъ, при немъ остававшимся, велѣлъ оставить фитили въ амбразурахъ и зажечь ворота, устроенныя для вылазокъ, а самъ собственноручно зажегъ запасной и аммуниціонный магазины. Въ это время всѣ солдаты, не ожидая команды, съ ужаснымъ крикомъ побросали оружіе и пустились бѣжать изъ пылающаго замка; много ихъ было застигнуто и изрублено турками, много ихъ потонуло въ рѣкѣ, черезъ которую пытались пройти вплавь. Самъ Гордонъ вышелъ черезъ мостъ, держа въ одной рукѣ пистолетъ, а въ другой саблю, счастливо прошелъ посреди непріятелей, носившихъ на копьяхъ отрубленныя головы русскихъ и въ чрезвычайномъ утомленіи добрался до стана. Первымъ его словомъ боярину Ромодановскому былъ упрекъ за то, что военачальникъ не только не подалъ ему во-время помощи, но даже не увѣдомилъ заранѣе о томъ, что онъ долженъ будетъ оставить чигиринскій замокъ, и тѣмъ самымъ не далъ возможности гарнизону выдти въ надлежащемъ порядкѣ.

многіе, да на Пляцовей было козаковъ человѣкъ 500 и тѣ всѣ отъ подкоповъ пропали, и турки, вбѣжавъ въ городъ, зажигали хоромы и въ то время три серденецкіе полка Герасимовъ, Иванѣевъ и Ребриковскаго въ московскую башню изъ города не побѣжали, а приложились къ верхнему городу и башню, которая на плотинѣ, захватили и непріятелю ее не дали. А верхній городъ, что сдѣлалъ было вновь воевода Ржевскій, непріятели зажгли въ то же время какъ въ большомъ нижнемъ городѣ учинился пожаръ отъ подкоповъ. И ратные царскіе люди и сердюки при верхнемъ городѣ за каменною церковью до самаго вечера непріятеля изъ города выбивали дважды и башню съ плотиною боронили и имъ не давали". (Арх. Юст., кн. 125, л. 1091. См. также Лѣт. Сам., стр. 144. Ригельмана, стр. 162. Величка, II, 462).

Digitized by Google

Ромодановскій съ неудовольствіемъ слушалъ упреки и мало отвѣчалъ на нихъ. Гордонъ, уходя отъ Ромодановскаго въ отведенное для себя помѣщеніе, зашелъ къ полковнику Бурнету и въ это время раздался въ Чигиринѣ ужасный оглушительный трескъ: взорвало пороховой магазинъ и, какъ послѣ узнали, отъ этого взрыва погибло тамъ болѣе 4000 турокъ, успѣвшихъ вступить въ чигиринскій замокъ тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ русскіе его покинули [1]).

По извѣстіямъ современниковъ, въ войскѣ Ромодановскаго господствовалъ большой безпорядокъ, какъ и вообще во всемъ тогдашнемъ военномъ русскомъ строѣ. «У насъ въ походѣ, — говорилъ впослѣдствіи въ Москвѣ гетманскій посланецъ Мазепа, — «съ Ромодановскимъ людей было много, а на бояхъ было ихъ мало, только солдатскіе полки, да стрѣлецкіе приказы, да и стрѣльцовъ было не много; прочее все пряталось въ обозѣ на телѣгахъ, отъ рейтаръ, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ только одинъ крикъ! Гетманъ много разъ посылалъ къ нимъ, а они не шли, и гетманъ принужденъ былъ послать въ бой всѣ свои козацкіе полки, а самъ остался со своимъ дворомъ и драгунами, которые всегда находились неотлучно при немъ» [2]). Изъ царскаго войска безпрестанно толпами бѣгали ратные люди, такъ что уже когда войско дошло до Чигирина, то его осталась едва половина противъ того числа, какое было при началѣ похода. Поэтому-то Ромодановскому не оставалось болѣе ничего какъ уходить.

И вотъ, бояринъ и гетманъ, оба съ своими войсками двинулись отъ Чигирина къ Днѣпру въ обратный путь на другое утро послѣ разрушенія Чигирина, 12 августа. Они вели свои войска четвероугольниками, окаймивши ихъ нѣсколькими рядами возовъ, какъ-бы шанцами. Всѣ конные спѣшились; только самъ Ромодановскій да гетманъ ѣхали сидя верхомъ на лошадяхъ. Турки и татары съ разныхъ сторонъ дѣлали на нихъ нападенія, но безуспѣшно [3]). На ночлегѣ нападенія на нихъ не было. Съ разсвѣтомъ 13 августа войска двинулись далѣе и при переходѣ черезъ болотистыя мѣста безпокоили ихъ непріятели, но такъ же, какъ и вчера, безуспѣшно. Къ полудню русскіе достигли прежняго своего становища у Бужина и стали въ своихъ прежнихъ ретраншаментахъ; они начали посылать возы къ самому Днѣпру

---

[1]) Gord. II, 544.

[2]) Арх. Юст., кн. 50, л. 603.

[3]) Gord. II, 552.

Digitized by Google

въ видахъ начать переправу, но тутъ турки, по оплошности русскихъ, овладѣли брошенными окопами и начали палить. Это заставило русскихъ отложить переправу и давать непріятелямъ отпоръ до тѣхъ поръ, пока не принудятъ отступить. Въ тотъ же день калмыки, не желая помогать русскимъ, ушли на другую сторону Днѣпра, а потомъ направились въ свой край, но по пути «надѣлали не мало бѣдъ малороссійскимъ людямъ» [1]). На другой день послѣ того гетману доставлено было письмо отъ крымскаго хана. Называя Самойловича Иваномъ-Поповичемъ, гетманомъ заднѣпровскимъ, Мурадъ увѣрялъ въ расположеніи къ козакамъ и убѣждалъ гетмана отступить отъ Москвы, но при этомъ давалъ слово не побуждать его черезъ то въ подданство турецкому падишаху.

Такое же письмо отъ хана прислано было ко всѣмъ старшинамъ собирательно. Эти письма не имѣли никакого успѣха и на нихъ не отвѣчали. Но за то многіе козаки не расположены были долѣе драться и самовольно уходили за Днѣпръ. Это заставило гетмана учредить сторожу, чтобы не пропускать бѣглецовъ, а нѣсколько человѣкъ, пытавшихся переплыть Днѣпръ, поймали и отстегали плетьми [2]). Непріятели, послѣ неудачныхъ попытокъ склонить на свою сторону козаковъ, продолжали напирать на русскіе обозы и палили изъ пушекъ; доходило дѣло до того, что сражались не только оружіемъ, но вступали и въ рукопашку; подъ самимъ визиремъ убито двѣ лошади; очень хотѣлось непріятелямъ разгромить русскіе обозы или припереть ихъ къ Днѣпру [3]), но русскіе, особенно козаки, держались стойко, сдѣлали двѣ ночныхъ вылазки, убили и взяли въ плѣнъ многихъ турокъ, хотя и турки принесли въ свой обозъ 90 русскихъ головъ [4]). Такъ прошло время до 19 августа. Наконецъ визирь, видя, что не удается овладѣть русскими таборами, а своихъ воиновъ пропадаетъ не мало, въ ночь съ 19 на 20 августа со всѣмъ своимъ полчищемъ отступилъ къ Чигирину [5]), а князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ со своими войсками переправились черезъ Днѣпръ уже безо всякаго препятствія отъ непріятеля [6]).

Неудачный походъ Ромодановскаго въ свое время подалъ

---

[1]) Арх. Юст., кн. 125, л. 1094.

[2]) Велич., II, 463.

[3]) Лѣт. Сам., изд. 1878 г., стр. 145.—Велич., II, 463.

[4]) А. И. Д., св. 52, № 10.

[5]) Арх. Юст., кн. 50, л. 64.

[6]) Лѣт. Сам. изд. 1846 г. стр. 69.—Ригельм., 163.

Digitized by Google

поводъ къ толкамъ. Говорили, что турки подкупили его, что русскій боярин продалъ имъ Чигиринъ и нарочно велъ дѣло такъ, что они могли имъ овладѣть. Въ малороссійскомъ и великороссійскомъ войскахъ ходили такіе толки: въ неволѣ у бусурманъ былъ сынъ князя Ромодановскаго, Андрей, взятый въ плѣнъ Суховѣенкомъ въ 1668 году;—визирь турецкій заранѣе послалъ къ Ромодановскому тайно сказать: если московскій полководецъ допуститъ визиря взять Чигиринъ, то визирь отпуститъ сына его Андрея на волю; если же не допуститъ, то къ боярину пришлютъ голову его сына, набитую сѣномъ. Ромодановскій ради спасенія жизни своего сына велъ дѣла такъ, чтобы все сталось по желанію визиря [1]). Въ турецкихъ областяхъ говорили, что туркамъ пришлось бы пропасть подъ Чигириномъ, еслибъ ихъ непріятель Ромодановскій дѣйствовалъ иначе; гетманъ же долженъ былъ потакать боярину, какъ царскому намѣстнику, противъ собственной воли; когда-жъ бы дѣлалось такъ, какъ гетману хотѣлось, то ни одинъ человѣкъ не ушелъ бы цѣлымъ изъ турецкаго войска. О такихъ толкахъ извѣщалъ Самойловича Куницкій [2]). Самойловичъ, передавая о томъ въ приказъ, прибавлялъ отъ себя, что это басни ложныя. Гетманъ былъ расположенъ къ Ромодановскому и когда узналъ, что московское правительство намѣревается замѣнить его другимъ лицомъ въ командѣ надъ царскимъ войскомъ въ Малороссіи, то въ письмахъ своихъ, посылаемыхъ въ приказъ, изъявлялъ сожалѣніе и прибавлялъ, что желаетъ, дабы всякій другой, кто будетъ на мѣстѣ Ромодановскаго, пребывалъ съ гетманомъ въ такомъ совѣтѣ и дружбѣ, какъ Ромодановскій [3]).

Въ какой степени былъ виновенъ Ромодановскій—рѣшить трудно при недостаткѣ матеріаловъ, которые пролили бы свѣтъ на тайныя событія того времени; но несомнѣнно, что Ромодановскій имѣлъ возможность и передъ правительствомъ и передъ потомствомъ совершенно отклонить отъ себя упреки въ потерѣ Чигирина: еще прежде, чѣмъ онъ съ войскомъ достигъ до этого города, у него былъ уже царскій указъ—покинуть оборону Чигирина и предать его истребленію, если окажется слишкомъ труднымъ его удерживать. Такимъ образомъ, Ромодановскій поступилъ сообразно царскому указу; должно думать, что, сообразно тому же указу, онъ заводилъ или по крайней мѣрѣ пытался заводить съ

[1]) Велич., II, 463.
[2]) Арх. Юст., кн. 50, л. 255.
[3]) А. И. Д., подлинники, № 348.

Digitized by Google

визиремъ сношенія о мирѣ. Въ дѣлахъ мы не нашли о томъ донесенія; во всякомъ случаѣ это вѣроятно, потому что въ въ царскомъ указѣ ему повелѣвалось разорить Чигиринъ и попытаться завести съ турками сношенія о мирѣ; если половина указа была имъ исполнена, то нельзя предполагать, чтобы другая оставалась безъ исполненія, тѣмъ болѣе, что условія, которыя велѣно было предложить тогда туркамъ объ оставленіи впустѣ правобережной Украйны, дѣйствительно состоялись по договору, заключенному двумя годами позже, а потому есть основаніе думать, что онѣ тогда были сообщены туркамъ. Въ Москвѣ однако послѣ чигиринской катастрофы, какъ кажется, не признавали Ромодановскаго способнымъ вести далѣе дѣло обороны малороссійскаго края и онъ уже болѣе не показывался въ Малороссію. Малороссіяне сильно соболѣзновали о разореніи Чигирина и приписывали это бѣдствіе «незычливости и нерадивости принципала». Сѣрко написалъ Самойловичу чрезвычайно рѣзкое и ѣдкое письмо, обвинялъ его въ потачкѣ Ромодановскому, уже навѣрное считаемому имъ измѣнникомъ. Что малороссіяне могли заблуждаться насчетъ Ромодановскаго—это было естественно, когда повелѣніе истребить Чигиринъ и завести сношенія съ турками дано было ему секретно, съ оговоромъ, чтобы не произошло ропота въ народѣ, и, слѣдовательно, осталось невѣдомымъ для малороссіянъ.

По переходѣ черезъ Днѣпръ, Самойловичъ, находя, что козацкое войско отъ тяжелаго похода въ опустѣлую страну «изнужало и изнищало», распустилъ по домамъ полки Полтавскій, Прилуцкій, Лубенскій, Миргородскій и Гадяцкій, а Кіевскій, Переяславскій, Черниговскій, Нѣжинскій и Стародубскій двинулъ къ Переяславу, потому что услыхалъ о новыхъ затѣяхъ непріятеля [1]).

Н. Костомаровъ.

[1]) Ibidem, св. 52, № 10.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ

ВЪ

ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ.

V.—Гюставъ Флоберъ *).

Новая школа французскихъ романистовъ понесла недавно тяжелую потерю въ лицѣ Флобера; она единогласно признавала его своимъ вождемъ, наравнѣ съ основателемъ современнаго французскаго реализма — Бальзакомъ. «Знаменитый писатель, талантъ котораго закрѣпилъ побѣду за реалистическимъ движеніемъ, — изобрѣтатель новыхъ законовъ въ искусствѣ слова,— глава современныхъ романистовъ, составляющій честь и славу Франціи, — величайшій писатель, какого только насчитываетъ въ настоящую минуту наша литература», — вотъ образецъ похвалъ, нагромождаемыхъ одна на другую въ статьѣ г. Зола о Флоберѣ [1]). Возносить Флобера на пьедесталъ расположены, впрочемъ, не одни французы; еще недавно одинъ изъ русскихъ критиковъ назвалъ его величайшимъ романистомъ нашего времени. Настоящею популярностью пользуется, собственно говоря, только первый его романъ — «Madame Bovary», — съ-разу доставившій ему громкую извѣстность. Остальныя произведенія его не имѣли большого успѣха; но виноватъ въ этомъ, по мнѣнію поклонниковъ Флобера, не авторъ — виновата публика, которая

---

*) См. выше: янв., 286 стр.

[1]) „Парижскія письма", стр. 43—74.

Digitized by Google

«должна еще созрѣть для его пониманія», виновата критика, неспособная оцѣнить превосходство каждаго новаго сочиненія Флобера надъ прежними [1]). Какъ-бы въ вознагражденіе за несправедливость большинства, послѣдователи Флобера относятся съ одинаковымъ восторгомъ и къ строго-реалистическимъ его романамъ, сюжетъ которыхъ взятъ изъ современной жизни, и къ фантазіямъ его на исторической или легендарной подкладкѣ. Первую изъ этихъ двухъ группъ составляютъ «Madame Bovary» (1856) и «l'Éducation sentimentale» (1869), вмѣстѣ съ разсказомъ: «Un coeur simple» (1877), вторую — «Salammbo» (1862), «la Tentation de Saint-Antoine» (1874) и двѣ легенды, извѣстныя читателямъ «Вѣстника Европы» по переводу И. С. Тургенева: «Saint Julien l'hospitalier» и «Hérodias» (1877). Излагать содержаніе всѣхъ произведеній Флобера мы не будемъ; это уже сдѣлано отчасти въ статьѣ г. Зола, да и помимо ея большинство русской читающей публики хорошо знакомо съ Флоберомъ. Мы хотимъ только бросить общій взглядъ на особенности его направленія, на свойства его таланта, оттѣнивъ преимущественно тѣ черты, къ которымъ сводится разногласіе наше съ французскимъ критикомъ Флобера.

I.

Одно изъ основныхъ положеній реалистической критики состоитъ въ томъ, что творчество художника ничѣмъ существенно не отличается отъ творчества ученаго, что процессъ работы для обоихъ долженъ быть одинъ и тотъ же. Судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Зола, Флоберъ вполнѣ удовлетворялъ этому требованію. Онъ трудился какъ бенедиктинецъ, писалъ лишь на основаніи точныхъ, тщательно имъ самимъ провѣренныхъ фактовъ. Если ему были нужны какія-нибудь спеціальныя данныя, онъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль посѣщалъ библіотеки, пока не находилъ желаемаго. Чтобы написать небольшой эпизодъ, въ которомъ идетъ рѣчь о лицахъ, занимающихся земледѣліемъ, онъ не отступалъ передъ скучнымъ трудомъ прочтенія нѣсколькихъ десятковъ книгъ, трактующихъ объ этомъ предметѣ, разспрашивалъ знатоковъ его, самъ ходилъ въ поле. Ради первой главы «Сантиментальнаго воспитанія», дѣйствіе которой проис-

[1]) Произнося такой приговоръ надъ критикой, г. Зола не имѣлъ въ виду послѣдней, по времени, книги Флобера—„Trois contes".

Digitized by Google

ходить на пароходѣ, поднимающемся вверхъ по Сенѣ отъ Парижа до Монтеро, онъ проѣхалъ вдоль берега рѣки въ кабріолетѣ, такъ какъ пароходы давно уже прекратили тамъ свои рейсы. Даже тогда, когда Флоберъ избиралъ для той или другой сцены воображаемую мѣстность, онъ старался найти въ дѣйствительности нѣчто по возможности близкое къ придуманной имъ обстановкѣ. Описывая минувшую эпоху, онъ изучалъ относящіяся къ ней гравюры, книги, журналы. Каждая страница такого описанія требовала неимовѣрныхъ трудовъ, безконечныхъ справокъ. Работая надъ «Сантиментальнымъ воспитаніемъ», Флоберъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ занимался политической и нравственной исторіей французскаго общества; онъ собралъ груду матеріаловъ, доставленныхъ цѣлымъ поколѣніемъ людей. «Чтобы написать книгу,—такъ резюмируетъ г. Зола эту картину авторскаго подвижничества,—Флоберу приходится перерыть вселенную». Литературная честность, которою обусловливается столь необыкновенное трудолюбіе, зависѣла, въ свою очередь, отъ страстнаго стремленія къ совершенству, составлявшаго, по словамъ г. Зола, индивидуальность Флобера. Онъ не допускалъ въ своихъ произведеніяхъ ни малѣйшей ошибки; малѣйшее пятнышко сдѣлало бы его несчастнымъ человѣкомъ, преслѣдовало бы его угрызеніемъ совѣсти, какъ дурной поступокъ. Для полнаго спокойствія ему была нужна увѣренность въ безусловной правдѣ всѣхъ подробностей, имъ приводимыхъ. Внѣшняя форма произведенія стоила Флоберу такого же продолжительнаго, упорнаго труда, какъ и подборъ для него матеріаловъ. Прежде чѣмъ приступить къ изложенію, онъ припасалъ множество замѣтокъ, приведенныхъ въ полный порядокъ; часто цѣлая страница такихъ замѣтокъ давала только одну строчку для романа. Редактировалъ Флоберъ сразу и сравнительно быстро цѣлый отрывокъ, но затѣмъ возвращался къ нему, передѣлывалъ, измѣнялъ неудачныя выраженія, не пропускалъ ни малѣйшей небрежности, пріискивалъ наиболѣе подходящія слова, ломая себѣ надъ этимъ голову цѣлые мѣсяцы или недѣли, проводя цѣлые дни надъ нѣсколькими предложеніями. Онъ хотѣлъ, чтобы страница, выходящая изъ его рукъ, отличалась безупречной правильностью и неувядаемой красотою; онъ хотѣлъ говорить языкомъ яркимъ какъ золото, крѣпкимъ какъ бронза или мраморъ. Его мощное честолюбіе стремилось къ тому, чтобы создать вѣчное, безсмертное твореніе. Его мечтой, безъ сомнѣнія, было написать одну только книгу въ жизни; онъ безпрестанно передѣлывалъ бы, улучшалъ бы ее, и не прежде рѣшился бы отдать ее на судъ публики, какъ

Digitized by Google

при послѣднемъ издыханіи, когда перо выпало бы изъ его окоченѣвшихъ рукъ.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, процессъ творчества Флобера, какимъ онъ изображенъ въ статьѣ г. Зола. Сомнѣваться въ вѣрности этого изображенія мы не видимъ ни малѣйшаго основанія; оно подтверждается и тѣми свѣдѣніями о Флоберѣ, которыя прежде проникали въ печать, и малочисленностью его произведеній, отдѣленныхъ одно отъ другого значительными промежутками времени. Весь вопросъ заключается въ томъ, какъ отразился на этихъ произведеніяхъ способъ работы, принятый Флоберомъ. Можно ли считать его за образецъ, достойный подражанія, можно ли видѣть въ немъ нормальное, единственно правильное отношеніе художника къ своей задачѣ? Послужилъ ли онъ для Флобера источникомъ слабости или силы?

Самый большой просторъ для непосредственнаго наблюденія представляютъ въ романѣ описанія природы; точность воспроизведенія можетъ быть доведена здѣсь до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Весьма вѣроятно, что изъ всѣхъ подобныхъ описаній, часто встрѣчающихся у Флобера, нѣтъ ни одного, которое не было бы списано съ натуры; весьма вѣроятно, что Флоберъ не щадилъ для этого ни времени, ни усилій. Много ли, однако, выиграли отъ того самыя описанія? Возьмемъ, для примѣра, хотя бы то изъ нихъ, изъ-за котораго Флоберъ, по словамъ г. Зола, совершилъ поѣздку въ кабріолетѣ по берегу Сены. «Рѣка была окаймлена песчаными отмелями. На встрѣчу попадались плоты, раскачиваемые прибоемъ волнъ; въ лодкѣ безъ парусовъ кто-то, сидя, удилъ рыбу. Бродячій туманъ разсѣялся, появилось солнце; холмъ, шедшій направо параллельно теченію Сены, понизился, на противоположномъ берегу показался другой, болѣе близкій. Онъ былъ увѣнчанъ деревьями, окружавшими низенькіе домики, съ крышами на манеръ итальянскихъ. Отъ домовъ, по склону холма, шли сады, разграниченные новыми стѣнами или желѣзными рѣшетками, съ газонами, съ оранжереями; вазы съ гераніумомъ симметрически размѣщались по террасамъ, на которыя удобно было опереться... При каждомъ изгибѣ рѣки, глазу представлялся все тотъ же занавѣсъ изъ блѣдныхъ тополей... Направо разстилалась равнина, налѣво луга мягко сливались съ холмами, на которыхъ виднѣлись виноградники, орѣшники, мельница, окруженная зеленью; еще дальше тропинки поднимались зигзагами по бѣлой скалѣ, соприкасавшейся съ краемъ неба. Черезъ нѣсколько времени показался замокъ съ квадратными башнями, съ заостренной крышей; передъ

Digitized by Google

его фасадомъ разстилался цвѣтникъ; аллеи, какъ черные своды, углублялись подъ высокія липы... Подходя къ берегу, пароходъ прошелъ мимо веревочной фабрики, потомъ мимо цѣлаго ряда низенькихъ домовъ; около нихъ стояли котлы съ дегтемъ, валялись обломки дерева; уличные мальчишки бѣгали и кувыркались по песку». Вотъ весь матеріалъ, вывезенный Флоберомъ изъ поѣздки вдоль Сены; стóило ли предпринимать ее изъ-за такой скудной добычи? Есть ли въ приведенномъ нами описаніи хоть одна характеристическая черта, свойственная именно Сенѣ между Парижемъ и Монтеро, несомнѣнно и ярко отличающая ее отъ другихъ французскихъ или нѣмецкихъ рѣкъ? Нужно ли было удостовѣряться лично, что на рѣкѣ встрѣчаются лодки, въ которыхъ удятъ рыбу, плоты, раскачиваемые прибоемъ волнъ? Весьма можетъ быть, что на берегахъ Сены много домовъ съ крышами на итальянскій манеръ, съ новыми желѣзными рѣшетками, съ террасами и вазами гераніума; но всѣ эти подробности помогаютъ ли намъ возсоздать живую картину, проходившую, въ памятное для него утро, передъ глазами Фредерика? Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ, чтобы ближе познакомиться съ описательными пріемами нашего автора. Фредерикъ, въ почтовой каретѣ, подъѣзжаетъ къ Парижу. «Равнина была точно покрыта неопредѣленными развалинами. Укрѣпленный валъ выдавался горизонтально на ея поверхности. На земляныхъ тротуарахъ, окаймлявшихъ дорогу, низенькія деревья были защищены досками съ цѣлой щетиной гвоздей. Химическіе заводы чередовались съ лѣсными складами. Сквозь полу-раскрытыя высокія ворота, какія встрѣчаются на фермахъ, виднѣлись гадкіе дворы, полные нечистотъ, съ лужами грязной воды по срединѣ. Къ первому этажу длинныхъ кабаковъ, цвѣта бычачьей крови, были прибиты биллiардные кіи, посреди нарисованныхъ цвѣточныхъ вѣнковъ; отъ времени до времени попадались недостроенные глиняные домишки, покинутые хозяевами. Дальше домá шли по обѣ стороны дороги безъ перерывовъ; на головъ ихъ фасадѣ выдѣлялась кое-гдѣ жестяная бѣлая сигара, какъ признакъ табачной лавочки. Вывѣски повивальныхъ бабокъ представляли пожилую женщину въ чепцѣ, няньчащую младенца въ вышитомъ кружевами одѣялѣ. Афиши, на три четверти разорванныя, покрывали углы домовъ и дрожали отъ вѣтра, какъ старое тряпье». Фредерикъ посѣщаетъ Крель, небольшой городокъ, въ который не надолго переносится дѣйствіе романа. «Городъ, построенный на склонѣ двухъ небольшихъ холмовъ (одинъ изъ нихъ обнаженъ, другой увѣнчанъ лѣсомъ), съ своей церковной

Digitized by Google

башней, своими неровными домами и своимъ каменнымъ мостомъ, показался ему веселымъ, заслуживающимъ довѣрія, добрымъ. Большая плоская лодка спускалась по теченію воды, журчавшей подъ ударами вѣтра; курицы что-то клевали въ соломѣ; женщина прошла мимо, съ мокрымъ бѣльемъ на головѣ». Такихъ описаній, напоминающихъ то опись судебнаго пристава, то фотографію, снятую въ пасмурный день, съ перваго попавшагося, заурядnаго пейзажа, у Флобера встрѣчается не мало. Онъ злоупотребляетъ номенклатурой меньше, чѣмъ нѣкоторые изъ его послѣдователей; но инвентари оранжерей, садовъ, рыбныхъ и колбасныхъ лавокъ, играющіе такую важную роль въ романахъ г. Зола, все-таки находятъ для себя первообразъ въ «Madame Bovary» и «Education sentimentale». Мы узнаемъ, напримѣръ, что на фермѣ Руо, появляющейся въ романѣ лишь эпизодически, между курицами и индѣйками было пять или шесть павлиновъ; что гумно при ней было высокое, съ стѣнами гладкими какъ рука; что подъ навѣсомъ стояли двѣ большія телѣги и четыре плуга, съ кнутами, упряжью и всѣми другими принадлежностями; что дворъ фермы шелъ покато и былъ симметрически усаженъ деревьями. Мы знакомимся съ сервировкой обѣда у банкира Дамбрёза и у маркиза д'Андервиллье, съ убранствомъ будуара госпожи Дамбрёзъ. съ обстановкой одного изъ парижскихъ публичныхъ баловъ, съ костюмами всѣхъ приглашенныхъ на маскарадъ къ Розанеттѣ; мы можемъ дѣлать сравнительные этюды надъ menus обѣдовъ или ужиновъ въ парижскихъ ресторанахъ, у богатаго биржевика, у спекулянта средней руки, у провинціальнаго аристократа. Та же точность, граничащая съ мелочностью, часто переносится Флоберомъ въ описаніе дѣйствующихъ лицъ, хотя бы они только одинъ разъ, мимоходомъ, появлялись въ разсказѣ, въ качествѣ простыхъ статистовъ. Къ числу такихъ статистовъ принадлежатъ, напримѣръ, наставникъ виконта де-Сизи, гувернантка, живущая въ домѣ Дамбрёзовъ; однако намъ сообщаютъ о первомъ, что у него были густые бакенбарды, что длинный сюртукъ его былъ застегнутъ внизу только на одну пуговицу и образовалъ на груди нѣчто въ родѣ шали; о послѣдней—что у нея приплюснутый носъ и лицо сильно изрытое оспой. Реженбару принадлежитъ въ романѣ болѣе видное мѣсто; но для характеристики его едва ли необходимо знать, что онъ вытиралъ себѣ лобъ носовымъ платкомъ, свернутымъ въ видѣ колбасы и вложеннымъ между двухъ пуговицъ сюртука, что онъ носилъ панталоны со штрипками, длинный галстухъ и высокіе башмаки.

Digitized by Google

Указанные нами недостатки описаній Флобера не случайны; они состоятъ въ тѣсной связи съ тѣми взглядами на искусство, которые несомнѣнно лежали въ основаніи дѣятельности Флобера, а теперь возводятся въ систему его послѣдователями. Погоня за абсолютною точностью, за полнымъ воспроизведеніемъ фактовъ, почерпнутыхъ изъ дѣйствительности, обращаетъ иногда даже даровитаго писателя въ копировальщика, изъ-за тщательной передачи деталей рискующаго упустить изъ виду общій смыслъ цѣлаго. Тотъ или другой пейзажъ, замѣченный крайнимъ реалистомъ, та или другая сцена, подсмотрѣнная имъ, переносятся имъ на бумагу во всей неприкосновенности—существенное рядомъ съ несущественнымъ, характеристическое рядомъ съ безцвѣтнымъ и безразличнымъ. Такой способъ изображенія гарантируетъ его вѣрность—но это вѣрность дагерротипа, а не картины, вѣрность, часто достигаемая въ ущербъ художественности. Читая Флобера, можно иногда повѣрить его недоброжелателямъ, утверждавшимъ, что его романы—склеенныя такъ или иначе страницы изъ его записной книги. Случилось ему увидѣть нѣсколько предметовъ, поставленныхъ рядомъ, наблюсти нѣсколько явленій, слѣдовавшимъ другъ за другомъ—и онъ составляетъ изъ нихъ одинъ рисунокъ, хотя бы между ними и не было никакого внутренняго единства. Онъ записываетъ дѣйствія своихъ героевъ съ добросовѣстностью отмѣтчика, серьёзно относящагося къ своему дѣлу, и разсказываетъ ихъ затѣмъ какъ лѣтописецъ, для котораго все одинаково важно и одинаково интересно. Фредерикъ и Розанетта проводятъ нѣсколько дней въ Фонтенбло; Флоберъ слѣдитъ за каждымъ ихъ шагомъ, какъ Данжо слѣдилъ за каждымъ шагомъ Людовика XIV-го. «Послѣ завтрака имъ подали открытый экипажъ. Они выѣхали изъ Фонтенбло черезъ широкую площадь и стали подниматься въ гору по песчаной дорогѣ, среди мелкаго сосноваго лѣса... Вдругъ появился трактирный слуга; они вышли изъ экипажа передъ входомъ въ садъ, уставленный круглыми столами... Розанетта выпила бутылку лимонаду, купила себѣ трость, и вошла въ пещеру, предшествуемая мальчишкой съ факеломъ въ рукахъ. Экипажъ ждалъ ихъ въ нижнемъ Брео. Живописецъ въ синей блузѣ работалъ подъ дубомъ, съ ящикомъ красокъ на колѣняхъ. Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на нихъ. На половинѣ спуска Шальи внезапно лопнувшее дождевое облако заставило ихъ поднять верхъ экипажа. Почти тотчасъ же дождь прекратился и уличная мостовая блестѣла подъ солнечными лучами, когда они возвратились въ городъ». Цвѣтъ блузы живописца, мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ и гдѣ

Digitized by Google

находился его ящикъ съ красками, пунктъ, на которомъ путники были застигнуты дождемъ, продолжительность дождя—все опредѣлено съ величайшею подробностью, позволяющею предполагать, что Флоберъ самъ совершилъ прогулку по окрестностямъ Фонтенбло, въ открытомъ экипажѣ, при перемѣнчивой погодѣ и т. п. Романъ, при такихъ условіяхъ, дѣйствительно перестаетъ быть романомъ и становится чѣмъ-то въ родѣ дневной записки аккуратнаго до щепетильности человѣка; но выгодно ли для него подобное превращеніе? Много ли выигрываетъ разсказъ отъ сходства съ путеводителемъ по Фонтенбло или съ «faits divers» какой-нибудь газеты? То, въ чемъ иные видятъ послѣднее слово реализма,—кажется намъ его утрировкой, почти пародіей на него. Пускай романистъ представилъ бы намъ не вполнѣ вѣрную въ мелочахъ картину Фонтенблоскаго лѣса—каменистую дорогу вмѣсто песчаной, дубовую рощу близъ города вмѣсто сосновой, подъемъ у Шальи вмѣсто спуска, продолговатые столы въ трактирномъ саду вмѣсто круглыхъ; мы ничего не потеряли бы отъ этого, лишь бы только былъ схваченъ и сохраненъ характеръ цѣлаго. Слишкомъ пристально вглядываясь въ отдѣльныя деревья можно, по нѣмецкой пословицѣ, просмотрѣть лѣсъ, въ составъ котораго они входятъ. Искусство уловить главныя господствующія черты картины, обусловливающія собою все остальное, быстро врѣзывающіяся въ память и глубоко запечатлѣвающіяся въ ней—это искусство не имѣетъ ничего общаго съ фотографическою точностью снимка; стремленіе къ послѣдней въ большинствѣ случаевъ можетъ только повредить первому. Матеріалы для описаній, какъ и для всего другого, даетъ, конечно, природа, дѣйствительность; но комбинація ихъ принадлежитъ художнику, подъ однимъ лишь условіемъ вѣроятности, правдоподобности. Если въ воображеніи художника слагается пейзажъ, вполнѣ удобный для задуманнаго дѣйствія и вѣрный, im Grossen und Ganzen, мѣсту, гдѣ дѣйствіе происходитъ, то ему незачѣмъ искать, во что́ бы то ни стало, реальной модели для этого пейзажа. Ничего существеннаго такая модель къ пейзажу не прибавитъ; она можетъ только нарушить его первоначальную гармонію, усложнивъ его случайными, мелочными деталями, перенеся центръ тяжести съ главнаго на побочное, съ общаго колорита на аксессуары. Если художникъ привыкъ писать съ натуры, избраніе модели для него неизбѣжно—но это еще не значитъ, чтобы ему оставалось только механически воспроизвести ее на страницахъ романа или поэмы. Цѣль писателя достигнута, если ему удалось возбудить въ читателяхъ *впечатлѣніе, подобное* тому,

Digitized by Google

какое описываемый предметъ оставляетъ на самомъ дѣлѣ. Описанія Флобера не производятъ, бо́льшею частью, такого впечатлѣнія; массѣ труда, потраченнаго на нихъ, далеко не всегда соотвѣтствуетъ достоинство результата. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сто́итъ только сравнить Флобера съ Диккенсомъ, Бальзакомъ, Тургеневымъ и другими мастерами описательнаго жанра.

Типы литературныхъ описаній весьма различны, какъ различна и цѣль, съ которою они вводятся въ разсказъ или дѣлаются главной тэмой беллетристическаго произведенія. Иногда назначеніе ихъ состоитъ исключительно въ томъ, чтобы возсоздать картину природы, или, лучше сказать—дѣйствіе, ею производимое; предметъ показывается такимъ, какимъ онъ представляется всякому спокойному, воспріимчивому зрителю, а не такимъ, какимъ онъ отражается въ душѣ, настроенной на извѣстный ладъ, наполненной однимъ господствующимъ чувствомъ. Въ другихъ описаніяхъ на первый планъ выступаетъ именно настроеніе, чувство дѣйствующаго лица или самого автора; художникъ видитъ картину глазами своего героя или съ своей особенной точки зрѣнія, передаетъ ощущенія, возбуждаемыя ею въ данную минуту, при данномъ душевномъ состояніи. Задачей описанія можетъ быть, наконецъ, изображеніе обстановки, постоянно вліяющей на человѣка, обусловливающей, въ бо́льшей или меньшей степени, его привычки, его взгляды и въ свою очередь иногда носящей на себѣ отпечатокъ его индивидуальности. Образцы описаній перваго и второго типа—образцы, едва ли кѣмъ-либо превзойденные—можно найти у Тургенева, какъ въ «Запискахъ Охотника», такъ и въ позднѣйшихъ повѣстяхъ и романахъ. Кто не помнитъ изображенія ранней осени въ «Свиданіи», прекраснаго іюльскаго дня въ «Бѣжиномъ Лугѣ», томительнаго зноя, среди унылой мѣстности, въ «Пѣвцахъ», стараго и молодого лѣса въ «Касьянѣ съ Красивой Мечи»? «Съ самаго ранняго утра небо ясно; утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается кроткимъ румянцемъ. Солнце—не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно лучезарное—мирно всплываетъ подъ узкой и длинной тучкой, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый ея туманъ. Верхній, тонкій край растянутаго облачка засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованаго серебра». Мы не продолжаемъ выписки, потому что пришлось бы выписывать слишкомъ много; нѣсколькихъ словъ, приведенныхъ нами, вполнѣ достаточно, чтобы напомнить, въ чемъ заключается сила и прелесть Тургеневскихъ *объективныхъ*

Digitized by Google

описаній. Каждое слово здѣсь на своемъ мѣстѣ; нѣтъ ничего лишняго и ничего недосказаннаго. Каждый эпитетъ опредѣляетъ и усиливаетъ впечатлѣніе, возбуждаетъ дѣятельность фантазіи, дѣлаетъ читателя участникомъ впечатлѣній, испытанныхъ авторомъ; сравненія дополняютъ картину, оттѣняютъ ея характеристическія черты. Изъ такой картины естественно вытекаетъ гармонирующее съ нею настроеніе—и когда авторъ прямо выражаетъ это настроеніе, намъ кажется, что онъ только облекъ въ поэтическую форму наше собственное смутное чувство. «Гдѣ-нибудь далеко, далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба, и рядомъ съ нимъ качается другой, напоминая своимъ движеніемъ игру рыбьяго плёска, какъ будто движеніе то самовольное и не производится вѣтромъ. Волшебными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя облака—и вотъ, вдругъ этотъ лучезарный воздухъ, эти вѣтки и листья, облитые солнцемъ — все заструится, задрожитъ бѣглымъ блескомъ и поднимется свѣжее, трепещущее, лепетанье, похожее на безконечный мелкій плескъ внезапно набѣжавшей зыби... Вы глядите—и какъ облака по небу, какъ будто вмѣстѣ съ ними, медлительной вереницей проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія, и все вамъ кажется, что взоръ вашъ уходитъ дальше и дальше и тянетъ васъ самихъ за собой въ ту спокойную, сіяющую бездну, и невозможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины»... Такимъ же мастерствомъ отличаются у Тургенева описанія, средоточіемъ которыхъ служитъ душевное состояніе дѣйствующихъ лицъ. Припомнимъ, напримѣръ, ту минуту, когда «лишній человѣкъ», еще не потерявшій надежды на любовь Лизы, смотритъ вмѣстѣ съ нею, съ крутого обрыва, на заходящее солнце; припомнимъ лѣтнюю ночь, среди которой Лаврецкій начинаетъ сознавать или по крайней мѣрѣ чувствовать любовь свою къ Лизѣ. «Обаянье лѣтней ночи охватило его; все вокругъ казалось такъ неожиданно-странно, и въ то же время такъ давно и такъ сладко знакомо; вблизи и вдали все покоилось; молодая расцвѣтающая жизнь сказывалась въ самомъ этомъ покоѣ... Звѣзды исчезали въ какомъ-то свѣтломъ дымѣ; неполный мѣсяцъ блестѣлъ твердымъ блескомъ; свѣтъ его разливался голубымъ потокомъ по небу и падалъ пятномъ дымчатаго золота на проходившія близко тонкія тучки; свѣжесть воздуха вызывала легкую влажность на глаза, ласково охватывала всѣ члены, лилась вольною струею въ грудь. Лаврецкій наслаждался и радовался своему наслажденію». Жизнь природы сливается здѣсь съ

Digitized by Google

внутреннею жизнью человѣка—и этотъ стройный аккордъ дѣйствуетъ на насъ съ неотразимой силой.

Описанія Диккенса иногда близко подходятъ къ Тургеневскимъ, иногда образуютъ съ ними полный контрастъ, нося на себѣ слѣды своеобразнаго юмора, причудливаго воображенія. Картина бури, среди которой погибаютъ Стирфортъ и Гамъ Пегготти (въ «Давидѣ Копперфильдѣ»), полна сдержанной силы; образъ грознаго моря предстаетъ передъ нами во всей своей величественной простотѣ; къ сравненіямъ авторъ прибѣгаетъ лишь для того, чтобы рельефнѣе изобразить страшное могущество разсвирѣпѣвшихъ волнъ. Картина швейцарской долины, въ которой Давидъ оживаетъ послѣ перенесеннаго имъ горя, дышитъ спокойствіемъ и миромъ. Въ другихъ случаяхъ Диккенсъ видитъ природу сквозь призму фантазіи, умѣющей отыскать странное посреди заурядnаго, чувствующее посреди неодушевленнаго. Таково, напримѣръ, описаніе ночного вѣтра въ одной изъ рождественскихъ сказокъ («Chimes»), таково описаніе безоглядной погони Домби за Каркеромъ и роковой ихъ встрѣчи на рельсахъ желѣзной дороги. Описанія Бальзака, повидимому, ближе подходятъ къ описаніямъ Флобера—но только повидимому. Бальзакъ описываетъ гораздо подробнѣе, чѣмъ Флоберъ, и часто не знаетъ мѣры въ деталяхъ; но картины, рисуемыя первымъ, составляютъ необходимую принадлежность цѣлаго, объясняютъ человѣка, знакомя насъ съ его обстановкой, отражаютъ въ себѣ иногда цѣлое историческое наслоеніе, цѣлую общественную группу, раскрываютъ передъ нами ту или другую сторону современной жизни. Напрасно было бы искать у Флобера такихъ страницъ, какъ описаніе пансіона Воке въ «Père Goriot», квартиры журнальнаго авантюриста въ «Grand homme de province à Paris», знаменитыхъ, теперь давно уже сломанныхъ, «деревянныхъ галлерей» Пале-Рояля (тамъ же), жилища скупого провинціала въ «Eugénie Grandet». Каждый штрихъ служитъ здѣсь или дополненіемъ, комментаріемъ къ портрету, или иллюстраціей къ оригинальнымъ продуктамъ, вырабатываемымъ жизнью крупной соціальной единицы. Мы цитировали выше изъ «Education sentimentale» панораму окрестностей Парижа; даетъ ли она хоть какое-нибудь понятіе о городѣ, о типическихъ его чертахъ, бросающихся въ глаза уже при первомъ приближеніи къ нему? Всѣ эти доски съ щетиною гвоздей, всѣ эти химическіе заводы и лѣсные склады, всѣ эти грязные дворы и вытянутые въ длинную линію кабаки могли бы быть перенесены въ сосѣдство любого большого города, безъ всякаго отступленія отъ дѣйствитель-

Digitized by Google

ности; устраните ихъ изъ приведенной нами картины — и она останется настолько же характеристичной для Парижа, какъ и прежде, т.-е. вовсе не характеризующей его. У Бальзака, наоборотъ, Парижъ выступаетъ передъ нами какъ живое существо, со всѣмъ разнообразіемъ своей лихорадочно напряженной дѣятельности, со всѣми своими контрастами богатства и нищеты, добра и зла, наслажденія и горя. Иногда Бальзакъ обходится даже безъ продолжительной мозаичной работы, составляющей обыкновенный пріемъ его творчества; онъ умѣетъ иногда сказать многое въ немногихъ словахъ, легко дополняемыхъ воображеніемъ читателя. Такова, напримѣръ, картина пробуждающихся рабочихъ кварталовъ Парижа (въ «Ferragus»), приводимая нами въ подлинникѣ, чтобы вполнѣ сохранить ея выразительность и силу: «toutes les portes bâillent, tournent sur leurs gonds, comme les membranes d'un grand homard, invisiblement manoeuvrées par trente mille hommes ou femmes, dont chacune ou chacun *vit dans six pieds carrés, y possède une cuisine, un atelier, un lit, des enfants, un jardin, n'y voit pas clair et doit tout voir*». Насъ обвинятъ, быть можетъ, въ литературной ереси, если мы скажемъ, что въ детальной живописи мы отдаемъ и Фрейтагу предпочтеніе передъ Флоберомъ. У Фрейтага описанія никогда не бываютъ оторваны отъ разсказа, соединены съ нимъ чисто внѣшнею связью (какъ, напримѣръ, у Флобера только-что упомянутое нами описаніе окрестностей Парижа). Мы подробно осматриваемъ магазины Шретера, но видимъ ихъ глазами Антона, для котораго они долго служили цѣлымъ міромъ; передъ нами рисуются деревянныя галлереи, съ спускомъ къ грязному ручью, въ домѣ Пинкуса — но мы смотримъ на нихъ вмѣстѣ съ Итцигомъ, судьба котораго получаетъ тамъ свою завязку и развязку.

Мы говорили до сихъ поръ только о тѣхъ романахъ Флобера, сюжетъ которыхъ взятъ изъ современной жизни, потому что только къ нимъ примѣнима вполнѣ доктрина французскихъ нео-реалистовъ. Въ отдаленной области древняго міра («Salammbo»), въ сферѣ фантастическихъ видѣній («Tentation de St. Antoine») нѣтъ мѣста для строгаго ригоризма, для безусловно-точнаго воспроизведенія дѣйствительности; Флоберъ, по выраженію г. Зола, не боялся здѣсь дать волю своему воображенію. Между обѣими категоріями романовъ Флобера существуетъ однако — съ занимающей насъ точки зрѣнія — большее сходство, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Привычка къ перечисленіямъ, пристрастіе къ мало характеристическимъ деталямъ чувствуется

Digitized by Google

и въ «Саламбо», и въ «Искушеніи св. Антонія»; и въ нихъ авторъ часто стремится къ пластичности, къ картинности путемъ номенклатуры, менѣе сухой лишь потому, что она менѣе намъ знакома. Дворецъ и сокровища Гамилькара, ужинъ наемниковъ, костюмъ Ганнона и Мато, Саламбо и царицы Савской выдвигаются на первый планъ, занимаютъ несоразмѣрно важное мѣсто. Описаніе Александріи въ «Искушеніи» напоминаетъ описаніе Парижа или береговъ Сены въ «Сантиментальномъ воспитаніи». «Въ предмѣстьѣ виднѣются фабрики стекла, благовонныхъ товаровъ и папируса. Бродячіе торговцы, носильщики, погонщикиословъ бѣгутъ, сталкиваются другъ съ другомъ. На порогѣ лавокъ останавливаются женщины, работаютъ ремесленники. Скрипѣніе колесницъ спугиваетъ птицъ, пожирающихъ на землѣ отбросы мясныхъ лавокъ и остатки рыбы». Попадаются, конечно, и описанія другого рода, своеобразныя, полныя живни—Карѳагенъ при восходящемъ солнцѣ въ первой главѣ «Саламбо», пустыня при солнечномъ закатѣ въ началѣ «Искушенія»; но такія страницы можно найти и въ «Madame Bovary», и въ «Сантиментальномъ воспитаніи». Укажемъ, для примѣра, на картину свѣтовыхъ эффектовъ, на характеристику деревьевъ въ томъ же описаніи фонтенблоскаго лѣса, недостатки котораго намъ уже извѣстны. Вся бѣда въ томъ, что подобныхъ картинъ у Флобера вездѣ слишкомъ мало; ихъ нужно искать, тогда какъ съ обычными описательными его пріемами мы встрѣчаемся на каждомъ шагу, до утомленія.

Если погоня за точностью въ описаніяхъ — черта, общая у Флобера со всѣми писателями французской экспериментальной или натуральной школы, то стремленіе къ тщательной, безупречной отдѣлкѣ фразы, къ безусловному совершенству формы составляетъ особенность, выдѣляющую его изъ среды его учениковъ и продолжателей. Результаты этого стремленія могутъ быть оцѣнены со всѣхъ сторонъ только французской публикой, французской критикой; вопросъ о формѣ такъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о языкѣ, что вполнѣ компетентны къ его разрѣшенію только соплеменники автора. Мы позволимъ себѣ здѣсь, поэтому, лишь нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній и перейдемъ затѣмъ къ общему, для всѣхъ одинаково доступному вопросу—о значеніи формы въ художественномъ произведеніи. Флоберъ, по свидѣтельству г. Зола, проводилъ цѣлые дни надъ нѣсколькими предложеніями, цѣлыя недѣли ломалъ себѣ голову надъ пріисканіемъ наиболѣе подходящихъ словъ для своей мысли. Наиболѣе подходящими словами, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать тѣ, которыя пе-

Digitized by Google

редаютъ мысль всего живѣе и ярче, но вмѣстѣ съ тѣмъ всего проще и яснѣе. Всегда ли удавалось Флоберу находить именно такія слова? Едва ли. Отличаются ли, напримѣръ, простотой слѣдующія фразы: «il lui découvrait enfin une beauté toute nouvelle, *qui n'était peut-être que le reflet des choses ambiantes, à moins que leurs virtualités secrètes ne l'eussent fait s'épanouir*»... «les pupilles, *bien que noyées dans des ténèbres visqueuses*, avaient une expression énigmatique, intolérable». Подъ этими фразами смѣло могъ бы подписаться Бальзакъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда имъ овладѣвала страсть къ изысканному, вычурному способу выраженій. Какъ и Бальзакъ, Флоберъ употребляетъ иногда безъ всякой надобности техническіе термины, конечно не увеличивающіе ясность рѣчи (le ciel bleu continuait indéfiniment *l'outremer des cintres*... la terre qui s'écroulait mettait comme des franges noires au bord des sables *pailletés de mica*). Усиліе, напряженіе чувствуется нерѣдко; самая простота слога отзывается иногда дѣланностью, разсчетомъ. Намъ кажется, что при томъ способѣ работы, котораго держался Флоберъ, это и не могло быть иначе. Степень совершенства, достигаемаго формой, вовсе не пропорціональна количеству труда, на нее потраченнаго. Чрезмѣрная щепетильность въ отдѣлкѣ рѣчи—такая же крайность, какъ и небрежность въ ея постройкѣ. Le mieux est souvent l'ennemi du bien, говорятъ французы; эта поговорка примѣнима и къ литературной работѣ. Постоянно *ломая себѣ голову* надъ лучшимъ выраженіемъ мысли, писатель можетъ упустить изъ виду, что выраженіе это уже готово, что соотвѣтствіе между содержаніемъ и формой уже существуетъ, что дальнѣйшая переработка фразы угрожаетъ ея естественности и свѣжести. Безспорно, у одного писателя мысль немедленно находитъ для себя подходящее слово, у другого — ищетъ его довольно долго; но припомнимъ, что предметъ поисковъ Флобера—не просто подходящая, а безусловно наилучшая, абсолютно совершенная форма. Такая форма дается только тому, въ чьемъ дарованіи преобладаетъ, если можно такъ выразиться, элементъ музыкальный и пластическій, чье ухо чутко къ красотѣ звуковыхъ сочетаній, къ различнымъ ритмамъ рѣчи, къ внутренней гармоніи слова и идеи; она дается тому, кто мыслитъ образами, кто смотритъ на природу глазами художника, чувствуетъ каждый ея оттѣнокъ, и въ силу этой воспріимчивости мѣтко дѣлаетъ выборъ изъ массы эпитетовъ и сравненій. Даже и такимъ писателямъ она дается далеко не всегда; даже Гёте, Байронъ, Мюссе, Пуш-

Digitized by Google

кинъ не претендовали на то, чтобы каждая страница, выходящая изъ-подъ ихъ пера, «отличалась неувядаемою красотою, была ярка какъ золото, крѣпка какъ мраморъ или бронза».

Достаточно ли, притомъ, совершенство формы для *вѣчности*, для *безсмертія* литературнаго произведенія? Весьма можетъ быть, что надгробныя слова Боссюэ по слогу должны быть поставлены выше «Характеровъ» Ла-Брюйера или «Провинціальныхъ писемъ» Паскаля; но это еще не значитъ, чтобы славѣ проповѣдника суждено было пережить славу моралистовъ. Стихъ Платена, можетъ быть, благозвучнѣе, чѣмъ стихъ Гейне; но Платенъ уже почти забытъ, а Гейне живетъ и будетъ жить еще долго. То же самое можно сказать о Меѣ сравнительно съ Некрасовымъ. Художественность формы несомнѣнно играетъ большую роль въ долговѣчности литературныхъ произведеній, но только тогда, когда на помощь къ формѣ является содержаніе—и наоборотъ, замѣчательное содержаніе можетъ на долго спасти отъ забвенія вещь, далеко не первоклассную съ точки зрѣнія формы. Большую ошибку сдѣлалъ бы писатель, который осуществилъ бы мечту, приписываемую Флоберу — т.-е. посвятилъ бы цѣлую жизнь одной книгѣ, «безпрестанно передѣлывая, улучшая ее, и не отдавая ея на судъ публики до тѣхъ поръ, пока перо не выпало бы изъ окоченѣвшихъ рукъ его». Для такого писателя самымъ большимъ счастьемъ была бы ранняя смерть; только она могла бы предохранить его созданіе отъ безконечныхъ и безцѣльныхъ переработокъ, изъ которыхъ оно вышло бы обезсиленнымъ и искалѣченнымъ. Вмѣстѣ съ писателемъ состарѣлось и ослабѣло бы его произведеніе; если оно хоть сколько-нибудь носило на себѣ печать обстоятельствъ, при которыхъ оно было задумано, эта печать успѣла бы стереться, не замѣненная ничѣмъ другимъ; первый слой впечатлѣній, самыхъ глубокихъ и свѣжихъ, исчезъ бы подъ цѣлой массой новыхъ наслоеній, не слитыхъ въ одно живое, органическое цѣлое. Слово, которое могло когда-то прогремѣть какъ могучій призывъ, раздалось бы какъ запоздалый, слабый звукъ, не находящій отклика ни въ чьемъ умѣ и ни въ чьемъ сердцѣ. Голосъ публики и критики не указалъ бы писателю его слабыхъ и сильныхъ сторонъ; дарованіе его, которому, можетъ быть, оказались бы по плечу самыя широкія, самыя разнообразныя задачи, осталось бы навсегда погребеннымъ подъ бременемъ одного дѣла, въ сущности давно исполненнаго и обратившагося въ бездѣлье. «Ein edler Mensch», говоритъ Гёте въ «Torquato Tasso»,

Digitized by Google

«Kann einem engen Kreise
Nicht seine Bildung danken. Vaterland
Und Welt muss auf ihn wirken. Ruhm und Tadel
Muss er ertragen lernen. Sich und andre
Wird er gezwungen recht zu kennen. Ihn
Wiegt nicht die Einsamkeit mehr schmeichelnd ein.
Es will der Feind—es darf der Freund nicht schonen».

Флоберъ, къ счастію, не замкнулся на всю жизнь въ скорлупу одного романа; но если небольшое число его романовъ объясняется медленною ихъ отшлифовкой и полировкой, продолжительными размышленіями надъ фразами и словами, то нельзя не пожалѣть объ авторскомъ самолюбіи, лишившемъ насъ, можетъ быть, многихъ замѣчательныхъ произведеній. Мы вовсе не сочувствуемъ заказной литературной работѣ, поставляемой на срокъ, поглощающей заранѣе опредѣленное и всегда одинаковое число часовъ въ сутки; мы помнимъ слова Гёте въ только-что цитированной нами сценѣ:

«es ist die Zeit
Von einem guten Werke nicht das Maass;
Und wenn die Nachwelt mitgeniessen soll,
So muss des Künstlers Mitwelt sich vergessen».

Но между работой на всѣхъ парахъ и безконечной авторской корректурой есть средина, которой держались почти всѣ великіе писатели. Печальна была бы участь литературы, если бы Шекспиръ, Гёте, Шиллеръ, Байронъ, В. Гюго, Бальзакъ, Пушкинъ писали по способу Флобера, если бы первый изъ нихъ, напримѣръ, проработалъ по десяти лѣтъ надъ «Ромео и Юліей» и «Ричардомъ III»—и не написалъ, вслѣдствіе этого, «Гамлета», «Макбета», «Отелло», «Короля Лира». Слабыя стороны, зависящія отчасти именно отъ спѣшной работы, есть и въ «Гамлетѣ»; но даже тѣ, которые видятъ въ этой трагедіи высшее проявленіе Шекспировскаго генія, конечно не согласились бы купить устраненіе ея недостатковъ цѣною всего того, что было создано Шекспиромъ послѣ «Гамлета». Истинно творческому уму нѣтъ времени останавливаться на мелкихъ погрѣшностяхъ однажды оконченной работы; передъ нимъ безпрестанно возстаютъ новыя задачи, новые образы, его постоянно увлекаютъ новые интересы, и если производительность его останавливается или замедляется, то разгадку этого можно искать въ чемъ угодно—только не въ боязни, что готовый трудъ еще не доведенъ до желаннаго совершенства. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что безуслов-

Digitized by Google

ное совершенство формы, въ глазахъ великаго художника — нѣчто недосягаемое, что онъ всегда сознаетъ недостатки своего произведенія—и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ невозможность полнаго ихъ исправленія. Именно это сознаніе, это чувство становится для него, говоря словами Ауэрбаха, «исходной точкой новой творческой работы».

Процессъ работы замедлялся у Флобера, кромѣ пріисканья наиболѣе удачныхъ словъ и оборотовъ, кромѣ внѣшней отдѣлки деталей, неутомимымъ собираніемъ и тщательной провѣркой данныхъ, изъ которыхъ онъ строилъ свои романы. Мы рѣшаемся утверждать, что и въ этомъ отношеніи не вся масса труда, понесеннаго Флоберомъ, можетъ быть признана производительною. О чемъ бы ни говорилъ романистъ, онъ не долженъ, конечно, говорить несообразностей; но всестороннее знаніе *каждаго* предмета, *мимоходомъ* имъ упоминаемаго, для него вовсе не необходимо. Романистъ — не историкъ, для котораго не существуетъ *факта*, пока онъ съ точностью не доказанъ; да и историкъ, впрочемъ, въ правѣ пополнять факты предположеніями, лишь бы только онъ ясно отдѣлялъ послѣднія отъ первыхъ и не придавалъ догадкамъ достовѣрности, которой онѣ имѣть не могутъ. Чѣмъ шире и основательнѣе общее образованіе романиста, тѣмъ лучше; вмѣстѣ съ талантомъ, оно служитъ для него источникомъ силы, залогомъ правильнаго пониманія жизни и могучаго вліянія на общество. Но общее образованіе и техническія, спеціальныя свѣдѣнія—далеко не одно и то же. Глубоко изучить, исчерпать до дна романистъ долженъ только то, что составляетъ главное содержаніе его произведеній. Когда онъ пишетъ, напримѣръ, тенденціозный романъ, съ цѣлью выставить на видъ тотъ или другой порокъ общественнаго устройства, доказать справедливость той или другой реформы, онъ долженъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ овладѣть своей темой, приготовиться къ ея защитѣ такъ же точно, какъ если бы ему приходилось говорить за нее съ каѳедры или трибуны; но когда одинъ изъ эпизодовъ романа происходитъ на какой-нибудь фабрикѣ, то это ничуть не обязываетъ автора пройти цѣлый курсъ соотвѣтствующаго фабричнаго производства. О лицахъ, занимающихся земледѣліемъ, Флоберъ, если мы не ошибаемся, говоритъ только въ «Madame Bovary», по поводу отца героини, Руо, и земледѣльческой выставки въ Іонвиллѣ; стоило ли изъ-за этого «разспрашивать знатоковъ, читать нѣсколько десятковъ книгъ, трактующихъ о земледѣліи?» Стоило ли изучать выдѣлку фаянса, вслѣдствіе того, что Фредерикъ, въ «Сантиментальномъ воспитаніи», осматриваетъ вмѣстѣ

Digitized by Google

съ madame Арну фаянсовый заводъ ея мужа? Стоило ли рыться въ гравюрахъ и журналахъ временъ Людовика-Филиппа, чтобы возстановить мужской или женскій костюмъ этой эпохи, для описанія скачекъ или публичнаго бала (въ «Сантиментальномъ воспитаніи»)? Къ чему привело Флобера изученіе другихъ, болѣе серьёзныхъ сторонъ недавняго французскаго прошлаго—это мы еще увидимъ. Что знакомство съ исторіей Карѳагена (для «Саламбо»), съ ересями первыхъ вѣковъ христіанства (для «Искушенія») требовало не малаго труда—это безспорно; но утверждать, вмѣстѣ съ г. Зола, что для каждаго своего романа Флоберу приходилось «перерыть вселенную»—значило бы перейти границу, отдѣляющую критику отъ панегирика.

Проводя параллель между Бальзакомъ и Флоберомъ, г. Зола отмѣчаетъ три главныя черты различія между ними. Бальзакъ имѣлъ пристрастіе къ диковиннымъ выдумкамъ, къ чрезвычайнымъ происшествіямъ; страницы безъ всякихъ прикрасъ, изображающія одну только правду, встрѣчаются у него сравнительно рѣдко. Романы Флобера отличаются, наоборотъ, точнымъ воспроизведеніемъ жизни и безусловнымъ отсутствіемъ всякаго романическаго вымысла; въ нихъ нѣтъ никакой, хотя бы даже самой простой интриги; они развертываются сами собою, сообщаютъ явленія изо дня въ день, не готовятъ никакихъ сюрпризовъ; когда ихъ дочитаешь, то кажется, будто съ улицы вернулся къ себѣ домой. Бальзакъ не умѣетъ обходиться безъ героевъ, т.-е. страшно преувеличенныхъ, раздутыхъ лицъ, куколъ, превращенныхъ въ колоссы; Флоберъ проводитъ нивеллирующую черту надъ головами всѣхъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Бальзакъ постоянно вмѣшивается въ разсказъ, дѣлаетъ замѣчанія, выводитъ моральныя заключенія; Флоберъ исчезаетъ позади изображаемаго имъ дѣйствія, никогда не заявляетъ о своемъ существованіи, не судитъ о поступкахъ дѣйствующихъ лицъ, сохраняетъ нравственное безпристрастіе, по крайней мѣрѣ кажущееся. Другими словами, г. Зола восхваляетъ въ Флоберѣ воплощеніе своей доктрины—доктрины экспериментальнаго или реалистическаго романа, съ которою мы уже встрѣчались въ статьѣ о В. Гюго. Не повторяя нашихъ возраженій противъ этой доктрины, главную ошибку которой мы видимъ въ ея исключительности, въ отрицательномъ отношеніи ея ко всѣмъ другимъ родамъ романа,—замѣтимъ прежде всего, что даже въ произведеніяхъ Флобера она осуществлена не такъ послѣдовательно и строго, какъ это кажется г. Зола. Въ «Сантиментальномъ воспитаніи» мнѣніе Флобера о нѣкоторыхъ явленіяхъ фран-

Digitized by Google

цузской политической жизни высказывается не только въ общемъ тонѣ разсказа, но и въ совершенно ясныхъ, опредѣленныхъ выраженіяхъ. Описывая собраніе оппозиціонной молодежи (передъ февральской революціей), Флоберъ говоритъ прямо отъ себя, что къ законнымъ жалобамъ она присоединяла *самые глупые упреки* (les reproches les plus bêtes). «Фредерикъ», восклицаетъ онъ, «долженъ былъ вынести общество національныхъ гвардейцевъ!» «Большая часть присутствовавшихъ на вечерѣ (у Дамбрёза) мужчинъ—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ—служили послѣдовательно четыремъ правительствамъ; чтобы обезпечить свое состояніе, чтобы избѣжать непріятности, или просто изъ низости, изъ-за инстинктивнаго поклоненія силѣ, они готовы были продать Францію и весь человѣческій родъ». Довольно часто, также, попадаются размышленія, моральныя сентенціи, афоризмы, ничѣмъ не отличающіеся отъ бальзаковскихъ. «Въ совѣсти всегда остается осадокъ отъ софизмовъ, которою ее успокоивали; она сохраняетъ ихъ вкусъ, какъ-бы отъ испорченнаго напитка». «Есть положенія, въ которыхъ самый добрый человѣкъ чувствуетъ себя настолько отрѣшеннымъ отъ всѣхъ другихъ, что онъ могъ бы спокойно присутствовать при гибели всего человѣчества». «Въ самыхъ интимныхъ сообщеніяхъ всегда умалчиваешь что-нибудь, изъ ложнаго стыда, деликатности или состраданія; въ другомъ или въ самомъ себѣ открываешь пропасть или грязь, передъ которыми останавливаешься; чувствуешь, притомъ, что сказать все, значило бы остаться непонятымъ; душевное единеніе, поэтому, встрѣчается рѣдко».—«Королевскимъ резиденціямъ свойственна какая-то особая меланхолія, чувствуемая даже самыми наивными умами». Если писатель, объективный и сдержанный по преимуществу, допускаетъ такія уклоненія отъ строго-безличной формы разсказа, то не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что эта форма вовсе не составляетъ необходимой принадлежности реалистическаго романа, тѣмъ болѣе романа вообще; что въ авторскихъ вставкахъ нужно только соблюдать извѣстную мѣру, что онѣ не должны выступать на первый планъ и заслонять дѣйствіе? Съ этой точки зрѣнія Флоберъ дѣйствительно скорѣе можетъ быть принятъ за образецъ, чѣмъ Бальзакъ — но различіе между ними, очевидно, только количественное, а не качественное. То же самое можно сказать и по вопросу объ интригѣ. Если понимать подъ интригой совокупность событій, средоточіемъ которыхъ служатъ главныя дѣйствующія лица романа, событій, имѣющихъ завязку и развязку, усложняемыхъ побочными эпизодами, то интрига есть и въ «Madame Bovary», и

Digitized by Google

даже въ «Education Sentimentale». Связь Эммы съ Родольфомъ, потомъ съ Леономъ, ея самоубійство, смерть Шарля Бовари—все это, вмѣстѣ взятое, образуетъ вполнѣ законченную интригу. Въ «Education Sentimentale» красной нитью, проходящей черезъ весь романъ, служитъ любовь Фредерика къ m-me Арну; первая ихъ встрѣча служитъ естественной завязкой, послѣдняя—естественной развязкой разсказа; вѣдь никто же не думаетъ теперь, что развязкой можетъ быть только бракъ или смерть героя и героини. Правда, интрига у Флобера несравненно проще, чѣмъ въ большинствѣ случаевъ у Бальзака; но это опять-таки различіе лишь въ степени, а не въ родѣ. У Флобера нѣтъ героевъ и героинь въ томъ смыслѣ, въ какомъ они есть у Бальзака—т.-е. въ смыслѣ фигуръ, выдающихся изъ ряда, стоящихъ выше или ниже обыкновеннаго уровня; но это доказываетъ только, что Флоберъ проникалъ не во всѣ сферы жизни, рисовалъ не всѣ вырабатываемые ею типы. Чрезвычайныя происшествія и необыкновенныя лица существуютъ не въ одной только фантазіи сказочниковъ или поэтовъ; они встрѣчаются и въ дѣйствительности—сравнительно рѣдко, такъ что не каждому изъ насъ случается видѣть ихъ лицомъ къ лицу, но едва ли рѣже въ наше время, чѣмъ въ былое. Ошибочно было бы утверждать, что они одни или они по преимуществу заслуживаютъ изображенія со стороны романистовъ; но такой же или еще бо́льшей ошибкой было бы систематическое изгнаніе ихъ изъ области романа. Отсутствіе у Флобера героевъ и героинь—не недостатокъ, но и не достоинство. Такихъ отцовъ, какъ Руо, старикъ Бовари, Рокъ несравненно больше, чѣмъ такихъ, какъ Горіо; но образъ этого мученика отцовской любви не только высоко драматиченъ—онъ возможенъ, реаленъ, все равно, срисованъ ли онъ Бальзакомъ съ натуры или созданъ всецѣло его воображеніемъ. Поиски Бальзака за истиннымъ величіемъ не всегда, конечно, бывали успѣшны; фальшивыхъ героевъ, преувеличенныхъ, неестественныхъ фигуръ у него не мало—но это, по извѣстному французскому выраженію, le défaut de sa qualité, а вовсе не неизбѣжный результатъ творчества, выходящаго за предѣлы будничной обстановки, обыденной жизни.

Если понимать подъ именемъ реализма въ искусствѣ протестъ противъ всего рутиннаго и условнаго, стремленіе къ правдѣ и простотѣ, къ расширенію области искусства, то реализмъ, никогда́ неисчезавшій вполнѣ во французской литературѣ—припомнимъ Рабле, Мольера, Дидро—окончательно восторжествовалъ во Франціи еще въ лицѣ Бальзака. Пользуясь побѣдой роман-

Digitized by Google

тизма надъ классицизмомъ, Бальзакъ довелъ освободительное движеніе до крайняго его выраженія, укрѣпилъ за романомъ право проникать во всѣ сферы общества, касаться всѣхъ вопросовъ, изображать мелочи жизни наравнѣ съ самыми крупными ея проявленіями, анализировать, безъ умолчаній и оговорокъ, всѣ чувства, всѣ страсти, начиная съ самыхъ высокихъ до самыхъ низкихъ. Къ этимъ завоеваніямъ ни Флоберъ, ни другіе нео-реалисты не прибавили ничего существеннаго; новаторомъ, въ полномъ смыслѣ слова, никто изъ нихъ названъ быть не можетъ, если даже говорить только о Франціи и не принимать въ соображеніе другихъ странъ, въ которыхъ еще раньше или въ то же самое время совершился расцвѣтъ реализма [1]). Никакихъ новыхъ законовъ въ искусствѣ слова Флоберъ не открылъ; «вѣрное и правдивое слово», котораго всѣ «дожидались», было сказано до него; «непроходимый лѣсъ» Бальзака былъ «расчищенъ и освѣщенъ» самимъ Бальзакомъ—другими словами, смѣсь пшеницы и плевелъ, отличающая большинство произведеній этого писателя, въ лучшихъ его романахъ уступаетъ мѣсто одной пшеницѣ. Не признавая, такимъ образомъ, за Флоберомъ права на положеніе высшее и передовое сравнительно съ Бальзакомъ, мы видимъ въ немъ, однако, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей французскаго реалистическаго романа; мы возстаемъ не противъ него, а противъ слишкомъ усердныхъ его поклонниковъ. Отстранивъ ихъ преувеличенные восторги, покончивъ съ вопросомъ о формѣ романовъ Флобера, посмотримъ, въ чемъ заключается ихъ внутренній смыслъ, какой вкладъ внесенъ ими въ область современной литературы.

II.

Вопреки мнѣнію г. Зола, мы считаемъ «Madame Bovary» не только самымъ популярнымъ, но и самымъ крупнымъ, самымъ глубокимъ изъ всѣхъ произведеній Флобера; его литературный дебютъ совпадаетъ, въ нашихъ глазахъ, съ кульминаціонной точкой его дарованія. «Эмма Бовари», справедливо замѣчаетъ г. Зола, «составляетъ общій типъ, несмотря на всю свою

[1]) Въ Англіи реалистическій романъ существуетъ еще со временъ Фильдинга; новѣйшій представитель его, Теккерей, писалъ въ одно время съ Бальзакомъ. „Мертвыя души“ вышли въ свѣтъ нѣсколько позже главныхъ романовъ Бальзака (о вліяніи ихъ на Гоголя, конечно, не можетъ быть и рѣчи), но русская натуральная школа окрѣпла и пустила корни раньше французской.

Digitized by Google

характерность. *Это Бовари*—часто говорятъ теперь, подобно тому, какъ въ семнадцатомъ столѣтіи говорили (и прибавимъ отъ себя, говорятъ и до сихъ поръ): *это Тартюфъ*». О какомъ другомъ лицѣ въ романахъ Флобера можно сказать то же самое? Развѣ объ одномъ только аптекарѣ Гоме, также выведенномъ на сцену въ «Madame Bovary». Изъ числа дѣйствующихъ лицъ «Сантиментальнаго воспитанія», ни одно не можетъ быть возведено на степень типа; имена Делорье, Сенекаля, Реженбара не возбуждаютъ такого опредѣленнаго, цѣльнаго представленія, которое дѣлало бы излишней всякую дальнѣйшую характеристику. А между тѣмъ, величайшія литературныя фигуры именно тѣ, въ которыхъ индивидуальность соединена съ типичностью, которыя, по выраженію г. Зола, поступаютъ въ разрядъ непреходящихъ типовъ человѣческаго творчества. Стоитъ только назвать Донъ-Кихота или Санхо-Пансу, Гарпагона или Альцеста, Горіо, Гюло или madame Марнеффъ, мистера Домби или Ребекку Шарпъ, Манилова или Чичикова, для того, чтобы передъ нами возсталъ ярко расцвѣченный образъ, живой, какъ нѣчто реальное, и вмѣстѣ съ тѣмъ широкій, какъ мѣткое, правдивое обобщеніе. Высшую ступень на этой же лѣстницѣ занимаютъ великія фигуры Фауста, Манфреда, Гамлета, Отелло, короля Лира. Флоберу удалось съ перваго раза создать типъ—и этимъ, а не чѣмъ-либо инымъ объясняется, по нашему мнѣнію, *прочный* успѣхъ «Madame Bovary». Въ первое время послѣ появленія романа, извѣстности его не мало способствовалъ нелѣпый процессъ, безтактно возбужденный противъ него французской прокуратурой; но процессъ этотъ давно забытъ—а «Madame Bovary» остается главнымъ основаніемъ литературной славы Флобера.

«Все произведеніе», говоритъ г. Зола о занимающемъ насъ романѣ, «отличается интересомъ, до него незнакомымъ, — интересомъ правды, интересомъ драмы, ежедневно созерцаемой въ жизни. Оно захватываетъ васъ съ непобѣдимой силой, какъ зрѣлище чего-то такого, что дѣйствительно совершается передъ вашими глазами. Тѣ факты, которые въ немъ описываются—вы двадцать разъ бывали ихъ свидѣтелемъ; дѣйствующія лица—да это все ваши хорошіе знакомые. Вы точно у себя дома въ этомъ произведеніи, и все, что въ немъ происходитъ, напоминаетъ вамъ о средѣ, васъ окружающей. Этимъ объясняется то волненіе, которое вами овладѣваетъ». Въ этой характеристикѣ много преувеличеннаго и даже невѣрнаго. Правдивое изображеніе жизни не было, какъ мы уже видѣли, чѣмъ-то неслыханнымъ и до Флобера; въ «Cousine Bette», въ «Grand homme de province

Digitized by Google

à Paris», въ «Ménage de garçon» Бальзака, въ «Ногасе», Ж. Занда французскіе читатели встрѣчались уже съ драмами, выхваченными прямо изъ дѣйствительности; ежедневную, будничную обстановку описывали—кромѣ Бальзака—Шарль Бернаръ, Мюрже, Шанфлёри. Нельзя сказать также, чтобы романъ Флобера возбуждалъ волненіе, душевную тревогу; за исключеніемъ немногихъ сценъ, онъ можетъ быть прочитанъ такъ же спокойно, какъ онъ написанъ. Впечатлѣніе, производимое имъ, коренится, какъ намъ кажется, не въ новизнѣ интереса, не въ заурядности событій и дѣйствующихъ лицъ, а въ мастерствѣ психологическаго анализа, раскрывающаго всѣ изгибы внутренней жизни Эммы Бовари. Разладъ, приводящій Эмму сначала къ паденію, потомъ къ смерти, начинается еще въ монастырѣ, куда отдаетъ ее на воспитаніе простякъ отецъ (Руо), фермеръ средней руки, отличающійся отъ крестьянина лишь бо́льшей привычкой къ матеріальному комфорту. Та же привычка, только въ болѣе утонченныхъ, болѣе деликатныхъ формахъ, составляетъ, въ сущности, господствующую черту въ натурѣ Эммы. Мечтательность, почерпнутая изъ чтенія плохихъ романовъ, изъ болтовни съ подругами, изъ полу-мистической, полу-чувственной атмосферы французскаго католическаго монастыря, окрашиваетъ въ обманчиво-блестящій цвѣтъ влеченія темперамента, унаслѣдованнаго Эммой отъ Руо [1]). Тоска, овладѣвающая ею въ уединеніи отцовской фермы, заставляетъ ее видѣть избавителя въ женихѣ, какъ бы мало онъ ни соотвѣтствовалъ ея идеалу. Она воображаетъ себѣ, что любитъ Шарля Бовари — ограниченнаго до тупости добряка, полуневѣжественнаго лекаря въ глухомъ нормандскомъ мѣстечкѣ. Иллюзія эта пропадаетъ на другой день послѣ свадьбы и оставляетъ пустоту, которую Эммѣ нечѣмъ наполнить. Мимолетное соприкосновеніе съ великосвѣтской жизнью, плѣняющей Эмму именно своими чувственными сторонами, служитъ каплей, переполняющей сосудъ. Съ этихъ поръ паденіе ея—дѣло случая и времени, и не можетъ быть остановлено даже рожденіемъ дочери, которую она, по французскому обычаю,

[1]) „Старикъ Руо", читаемъ мы въ одной изъ первыхъ главъ романа, „не охотно вынималъ руки изъ кармановъ, но не жалѣлъ расходовъ на себя лично; онъ любилъ жить въ теплѣ и холѣ, любилъ вкусную пищу, сочное мясо, крѣпкій сидръ, тщательно приготовленное кофе съ водкой. Онъ обѣдалъ въ кухнѣ, противъ огня, одинъ, за маленькимъ столикомъ, который ему приносили совсѣмъ готовымъ, какъ на театрѣ". Эти послѣднія тонкія черты обнаруживаютъ въ Руо не простого обжору, а гастронома, наслаждающагося не только ѣдой, но и ея обстановкой; освѣщая натуру Руо, онѣ бросаютъ отраженный свѣтъ и на натуру его дочери.

Digitized by Google

тотчасъ же отдаетъ на вскормленье въ сосѣднюю деревню. Она не рѣшается сама сдѣлать первый шагъ, и это нѣсколько замедляетъ развязку; но какъ только на мѣсто робкаго юноши — Леона — является смѣлый и опытный Родольфъ, участь Эммы рѣшена. Отъ Родольфа она переходитъ въ Леону, запутываетъ денежныя дѣла мужа, рискуетъ спуститься еще ниже и находитъ спасеніе только въ самоубійствѣ.

Такова простая исторія, получающая подъ рукой Флобера неожиданно глубокое значеніе. Длинная цѣпь мечтаній, сожалѣній, порывовъ, соединяющая первое разочарованіе Эммы съ ея предсмертнымъ отчаяніемъ, развертывается передъ нами съ необыкновенною ясностью и полнотою. Не довольствуясь немногими штрихами, не стремясь, какъ въ позднѣйшихъ своихъ романахъ, къ тацитовской сжатости разсказа или, по выраженію г. Зола, къ алгебраическимъ формуламъ, Флоберъ останавливается подробно на каждомъ фазисѣ нравственной болѣзни, имъ изучаемой, изображаетъ настроеніе Эммы въ цѣломъ рядѣ картинъ, поражающихъ своею рельефностью. Мы видимъ наглядно, какъ скучная, скудная домашняя обстановка, спокойная, ровная, хотя и безграничная любовь мужа, его нравственное и умственное безсиліе, его безпощадная ординарность, даже неряшливость его безвкуснаго туалета производятъ на Эмму удручающее вліяніе, возбуждаютъ въ ней отвращеніе ко всему окружающему. Чего она хочетъ? Болѣе широкой дѣятельности, новыхъ горизонтовъ для мысли, дружеской руки, побуждающей идти впередъ и жить полною жизнью? Нѣтъ; она жаждетъ наслажденій, изящныхъ, тонкихъ, постоянно новыхъ; ей нуженъ не насущный хлѣбъ, а пряности и ароматы. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы ей мерещатся виллы, окруженныя лимонными деревьями, швейцарскіе шале, шотландскіе коттеджи,—и тамъ, рядомъ съ нею, мужъ въ черномъ бархатномъ одѣяніи, въ остроконечной шляпѣ, въ манжетахъ и мягкихъ сапогахъ, театральный даже въ своемъ нарядѣ герой чувствительнаго романа или эффектной драмы. Ея жизнь скоро стала казаться ей «холодной, какъ чердакъ, окно котораго обращено къ сѣверу; скука, какъ молчаливый паукъ, ткала свою паутину во мракѣ, во всѣхъ изгибахъ ея сердца». Нѣсколько часовъ, проведенныхъ ею въ замкѣ маркиза д'Андервиллье, среди веселаго, пышнаго, нарядnаго общества, «пробили брешь въ ея жизни, въ родѣ тѣхъ большихъ трещинъ, которыя оставляетъ въ горахъ ночная буря. Она тщательно спрятала свой бальный туалетъ и даже атласные башмаки, подошва которыхъ пожелтѣла отъ соприкосновенія съ скользкимъ

Digitized by Google

воскомъ паркета. То же было и съ ея сердцемъ; соприкосновеніе съ богатствомъ оставило на немъ неизгладимый слѣдъ». Чтеніе романовъ погружаетъ ее въ воображаемый міръ, передъ которымъ меркнетъ знакомая ей дѣйствительность. Эта дѣйствительность кажется ей какимъ-то исключеніемъ, какою-то случайностью, за предѣлами которой разстилается необозримая область счастья и страсти. «Въ ея желаніяхъ нѣга роскоши сливалась съ сердечной радостью, изящество привычекъ—съ деликатностью чувствъ. Любовь, какъ и рѣдкія растенія, не можетъ обойтись, казалось ей, безъ особо-приготовленной почвы, безъ особой температуры. Вздохи при лунномъ свѣтѣ, долгія объятія, слезы, текущія по тѣсно сплетеннымъ рукамъ, лихорадочный жаръ плоти и томная нѣжность сердца—все это не отдѣлялось въ ея фантазіи отъ обширныхъ, полныхъ досуга замковъ, отъ будуаровъ съ шелковыми шторами и мягкимъ ковромъ, отъ блеска драгоцѣнныхъ камней и ливрейныхъ аксельбантовъ... Ее тянуло то въ дальнія страны, то въ знакомый ей монастырь. *Она желала, въ одно и то же время, и умереть, и жить въ Парижѣ*... Въ глубинѣ души она ожидала какого-то событія; какъ матросы на погибающемъ кораблѣ, она обводила отчаяннымъ взоромъ пустыню своей жизни, высматривая бѣлый парусъ въ далекихъ туманахъ горизонта; она не знала, какой вѣтеръ принесетъ ей желанную случайность, къ какому берегу онъ ее приведетъ, въ какомъ кораблѣ—нагруженномъ горестями или до самаго борта полномъ наслажденіями. Но каждое утро, просыпаясь, она надѣялась, что день подаритъ ей ожидаемое—прислушивалась къ малѣйшему звуку, внезапно поднималась съ своего мѣста, удивлялась, что ничего не случается, и при закатѣ солнца, все болѣе и болѣе печальная, нетерпѣливо начинала ждать завтрашняго дня». Это возбужденное состояніе смѣняется унынiемъ, доходящимъ почти до болѣзни. Сравнивая себя съ герцогинями, видѣнными у маркиза, и находя нѣкоторыхъ изъ нихъ менѣе красивыми и менѣе изящными, Эмма ропщетъ на судьбу, отказывающую ей въ счастьѣ, сомнѣвается въ божественной справедливости, плачетъ, блѣднѣетъ, худѣетъ, теряетъ аппетитъ, пьетъ уксусъ, чтобы заболѣть серьёзно и этимъ заставить мужа переѣхать въ другое, менѣе забытое міромъ мѣсто. Они переѣзжаютъ изъ Тоста въ Іонвилль, т.-е. изъ одного глухого нормандскаго мѣстечка въ другое, только болѣе близкое къ Руану. Эмма ожидаетъ здѣсь рожденія своего перваго ребенка, но не испытываетъ радостныхъ волненій, сопряженныхъ съ этимъ ожиданіемъ, потому что не можетъ устроить дѣтскую по своему вкусу

Digitized by Google

—не можетъ, за недостаткомъ средствъ, купить люльку въ видѣ челнока, съ розовыми занавѣсами и вышитыми наволочками. Она заказываетъ всѣ принадлежности дѣтскаго туалета гуртомъ, ничего не обсуждая и не выбирая, не зная тѣхъ сладкихъ заботъ, среди которыхъ заранѣе созрѣваетъ материнская нѣжность.

Больше, чѣмъ новорожденная дочь, занимаетъ Эмму Леонъ —первый *интересный* молодой человѣкъ, встрѣченный ею. Наединѣ съ нимъ, она чувствуетъ то, что прежде только предчувствовала. «Леономъ и Эммой овладѣвало одно и то же, новое для нихъ томленье; удивляясь ему, они не старались дать себѣ въ немъ отчетъ или открыть его причину. Будущее счастье, какъ тропическій берегъ, бросаетъ на все предшествующее ему свою врожденную сладость, свое благоуханное дуновеніе; въ упоительной дремотѣ, навѣваемой имъ, не думается о предстоящемъ, еще не видимомъ горизонтѣ». Окружая своего мужа непривычной заботливостью, притворяясь холодной въ отношеніи ко всѣмъ другимъ, Эмма мучительно любитъ Леона, негодуетъ на него за его недогадливость и робость, на себя — за слишкомъ большую сдержанность, на всѣхъ—за непониманіе ея добродѣтели, невниманіе къ приносимымъ ею жертвамъ. Леонъ уѣзжаетъ; она вознаграждаетъ себя за все потерянное капризами, причудами, изысканными туалетами. Забываетъ она Леона, въ сущности, такъ же скоро, какъ поверхностно было ея чувство; но пустоту, оставленную имъ, она ничѣмъ не можетъ пополнить. Попытки заняться чѣмъ-нибудь серьёзнымъ слѣдуютъ одна за другой безъ всякаго успѣха. Къ физическому труду, весьма благоразумно рекомендуемому ей тёщей, она не привыкла, да притомъ онъ показался бы ей несовмѣстнымъ съ ея тонкой, деликатной натурой. Въ это время появляется Родольфъ — и побѣда достается ему легко и скоро, потому что ее подготовилъ Леонъ, самъ того не зная. Случайная встрѣча въ пріемной Шарля, сантиментальная бесѣда подъ шумокъ банальныхъ рѣчей, произносимыхъ на земледѣльческомъ съѣздѣ (параллельное развитіе этихъ двухъ дѣйствій принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ страницъ романа), намѣренный перерывъ знакомства со стороны Родольфа, одна поѣздка верхомъ, въ лѣсу, въ теплый октябрьскій день—вотъ, въ двухъ словахъ, исторія паденія Эммы, или лучше сказать, послѣднихъ шаговъ ея на пути, на который она вступила въ самый день своей свадьбы. Она не чувствуетъ ни сожалѣнія, ни смущенія, ни раскаянія; она торжествуетъ, какъ послѣ удачной мести—мести всему тому, изъ-за чего она такъ

Digitized by Google

долго, по ея мнѣнію, страдала. «Она повторяла сама себѣ: у меня есть любовникъ, у меня есть любовникъ! — наслаждаясь этимъ сознаніемъ, какъ вновь наступившимъ расцвѣтомъ ея женской природы. Наконецъ-то ей доступны тѣ радости любви, на которыя она перестала-было надѣяться! Она вступала въ какую-то чудесную область, гдѣ все должно быть страстью, бредомъ, экстазомъ; она парила въ голубомъ пространствѣ, господствуя мыслью надъ вершинами чувства, свысока взирая на будничное существованіе, виднѣющееся гдѣ-то далеко, въ тѣни, въ промежуткахъ между тѣми вершинами. Она вспоминала о преступныхъ героиняхъ прочитанныхъ ею романовъ,—и весь этотъ лирическій легіонъ говорилъ съ ней, какъ съ сестрой, напѣвалъ ей чарующіе мотивы. Она сама становилась какъ-бы частью этихъ видѣній, любовалась въ себѣ картиною любви, которой она такъ долго завидовала въ другихъ». Упоеніе, идущее изъ такого источника, продолжается недолго; охлажденіе начинается со стороны Родольфа, никогда, впрочемъ, и не ошибавшагося насчетъ истиннаго свойства отношеній своихъ къ Эммѣ. «Любовь, въ которую Эмма была погружена, начала мельчать, какъ рѣка, вода которой уходитъ подъ землю и выставляетъ на показъ накопившуюся на днѣ тину». Эмма не хочетъ разстаться съ своей мечтой, воображаетъ себя преслѣдуемою въ своемъ домѣ и наконецъ предлагаетъ Родольфу бѣжать вмѣстѣ съ нею. Картины жизни вдвоемъ, въ прелестномъ, мирномъ уголкѣ, рисуются передъ ней такъ же живо, какъ и тогда, когда ей приходилось воображать, вмѣстѣ съ обстановкой, и героя своего романа. Къ несчастью для нея, роль героя вовсе не по Родольфу; онъ любитъ Эмму, насколько вообще можетъ любить, но вовсе не желаетъ навязывать ее себѣ на шею. Онъ взвѣшиваетъ удобства и неудобства предложеннаго Эммой плана — взвѣшиваетъ ихъ такъ же холодно и спокойно, какъ если бы рѣчь шла о простомъ ариѳметическомъ разсчетѣ — и уѣзжаетъ одинъ, жалѣя не объ Эммѣ, а только о потерѣ пріятнаго развлеченія, которое она ему доставляла. Сцена, когда Родольфъ пишетъ Эммѣ прощальное письмо, когда онъ, улыбаясь, пріискиваетъ сантиментальныя фразы для выраженія чуждаго ему чувства, въ высшей степени замѣчательна; но согласиться съ г. Зола, что она производитъ трагическое впечатлѣніе, можно было бы только въ такомъ случаѣ, если бы Эмма любила Родольфа другою любовью. Въ сущности, разница между чувствами ихъ заключается только въ томъ, что для Эммы любовь была давно желанной новинкой, для Родольфа—давно знакомой забавой.

Digitized by Google

Измѣна Родольфа приводитъ Эмму къ мысли о самоубійствѣ; отчаяніе ея разрѣшается тяжелою болѣзнью, за которою слѣдуетъ короткій пароксизмъ набожности, смиренія, добраго расположенія ко всему живущему на свѣтѣ. Равнодушная, по природѣ, къ чужимъ страданіямъ и вообще къ чужой судьбѣ, она не только раздаетъ милостыню, но и принуждаетъ себя работать на бѣдныхъ. Вмѣстѣ съ здоровьемъ, однако, возвращается и прежнее ея настроеніе; она забываетъ прошедшее и отдается Леону, сформированному Парижемъ, такъ же легко, какъ отдалась Родольфу. На этотъ разъ увлеченіе съ обѣихъ сторонъ остываетъ одинаково скоро; Эмма поддерживаетъ его искусственно, настроиваетъ себя на извѣстный ладъ чтеніемъ и воспоминаніями —но все-таки чувствуетъ усталость, почти отвращеніе, находитъ въ запрещенной любви всѣ плоскости своей супружеской жизни. Она хочетъ забыться, бросается въ шумное веселье, бѣшено танцуетъ въ маскарадѣ; но дѣйствительность вслѣдъ затѣмъ опять вступаетъ въ свои права, все становится ей нестерпимымъ, и больше всего — она сама. Въ своей лихорадочной погонѣ за удовольствіями она тратитъ, не считая, деньги своего мужа, дѣлаетъ громадные, по ихъ средствамъ, долги—и внезапно видитъ себя въ безвыходномъ положеніи, изъ котораго не хотятъ или не могутъ вывести ее ни Леонъ, ни возвратившійся между тѣмъ Родольфъ. Въ сценахъ съ Лёрё, съ нотаріусомъ, съ Бине она близка къ такому паденію, въ сравненіи съ которымъ меркнутъ всѣ прежнія ея ошибки; ее удерживаетъ не столько нравственное, сколько эстетическое чувство—отвращеніе къ грязи, ничѣмъ не скрашенной и не прикрытой. Это чувство, нѣкогда заставлявшее ее искать наслажденій, теперь заставляетъ ее искать смерти. Ея мучительная агонія проходитъ передъ нами со всею наглядностью реальнаго страданія; нельзя не пожалѣть только, что картина физической боли слишкомъ заслоняетъ собою послѣдніе моменты душевной борьбы, всѣ предшествующіе фазисы которой изображены авторомъ съ такою отчетливостью и полнотою. Чрезвычайно мѣткой чертой кажется намъ успокоеніе, чувствуемое Эммой сейчасъ послѣ того, какъ она проглотила ядъ — успокоеніе, похожее на сознаніе исполненнаго долга; но спокойствіе это не могло быть прочно—натуры въ родѣ Эммы не легко разстаются съ жизнью, какъ бы тяжело она передъ тѣмъ на нихъ ни давила. О душевномъ настроеніи Эммы во время ея продолжительныхъ предсмертныхъ страданій Флоберъ упоминаетъ только мимоходомъ. «Покончены—думала она—измѣны, низость, безчисленныя желанія, ее мучившія. Теперь она никого не ненавидитъ;

Digitized by Google

смутные сумерки покрываютъ ея мысль; изъ всѣхъ земныхъ звуковъ она слышитъ только прерывистые стоны своего бѣднаго сердца, мягкіе и едва опредѣлимые, какъ послѣднее эхо удаляющейся музыки». Когда она увидѣла надъ собою фіолетовую рясу священника, она почувствовала давно забытое ощущеніе первыхъ ея мистическихъ порывовъ, вмѣстѣ съ видѣніемъ близкаго вѣчнаго блаженства. За нѣсколько минутъ до смерти она потребовала зеркало и смотрѣлась въ немъ, пока изъ глазъ не полились крупныя слезы. Всѣ эти черты намѣчены совершенно вѣрно—но общее впечатлѣніе выходитъ неполнымъ, потому что мы почти не видимъ проблесковъ того страстнаго сожалѣнія о жизни, той отчаянной борьбы противъ добровольно призванной смерти, которыхъ заставляетъ ожидать все прошедшее Эммы.

Если главная сила, главная прелесть «Madame Bovary» коренится въ характерѣ Эммы, очеркъ котораго мы постарались представить — говоря, гдѣ это было возможно, словами самого автора,—то не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что первый романъ Флобера, несмотря на весь реализмъ нѣкоторыхъ подробностей, написанъ далеко не по шаблону французской нео-реалистической школы? Не слѣдуетъ ли объяснить этимъ и предпочтеніе, отдаваемое г. Зола послѣдующимъ произведеніямъ Флобера? По ученію упомянутой нами школы, романистъ долженъ только наблюдать и излагать результаты своихъ наблюденій, ничего къ нимъ не прибавляя, ничего въ нихъ не измѣняя; но сокровенная работа мечты и мысли, ни въ чемъ, до поры до времени, не проявляющаяся наружу—та работа, которой посвящены лучшія страницы «Madame Bovary»—недоступна для непосредственнаго посторонняго наблюденія. Самъ Флоберъ, конечно, не испыталъ ощущеній своей героини; не говоря уже о различіи въ обстановкѣ, его темпераментъ — насколько можно судить и по его романамъ, и по отзыву г. Зола—имѣетъ весьма мало общаго съ темпераментомъ Эммы Бовари. Чтобы описать душевную жизнь Эммы, Флоберъ долженъ былъ поставить себя мысленно на ея мѣстѣ, *вообразить* себѣ ея внутренній міръ, *угадать* движенія ея сердца—однимъ словомъ, совершить работу, не укладывающуюся въ рамки *экспериментальнаго* романа. Само собою разумѣется, что пособіемъ при этой работѣ должны были служить, между прочимъ, и личныя наблюденія Флобера надъ женщинами, близкими къ типу madame Бовари; но главная роль принадлежала, во всякомъ случаѣ, творческой фантазіи автора. Только ей принадлежитъ честь созданія *типа*, т.-е. соединенія общихъ признаковъ, свойственныхъ цѣлой категоріи лицъ,

Digitized by Google

съ индивидуальными особенностями, обусловливаемыми не только темпераментомъ, не только наслѣдственнымъ предрасположеніемъ, но и всей обстановкой, воспитаніемъ, степенью и направленіемъ умственнаго развитія, разнообразными перипетіями жизни. Эмма Бовари, какъ справедливо замѣчаетъ г. Зола—типическая представительница женщинъ, «выбитыхъ изъ колеи, изъ роли жены и матери, недовольныхъ своей судьбой, испорченныхъ вздорной сантиментальностью, роковымъ образомъ осужденныхъ на позорную любовь—женщинъ, встрѣчающихся во Франціи (и конечно —слѣдуетъ прибавить—не въ одной Франціи) во всѣхъ слояхъ, во всѣхъ сферахъ общества». Съ этими послѣдними словами не вполнѣ согласуется другое замѣчаніе г. Зола — что Эмма умираетъ отъ глупости своей среды. Нѣтъ, та же участь ожидала бы ее, по всей вѣроятности, и при другой обстановкѣ, даже при другомъ мужѣ. Въ тѣ минуты, когда она — еще до паденія— оплакиваетъ и проклинаетъ судьбу, связавшую ее съ Шарлемъ, и рисуетъ себѣ идеалъ мужа, который пришелся бы ей по сердцу, она останавливается, между прочимъ, и на суровой фигурѣ ученаго, преданнаго только своимъ книгамъ, за то украшеннаго орденами, прославляемаго въ журналахъ, извѣстнаго всей Франціи; но этотъ образъ является въ ея мечтахъ лишь мимоходомъ, —она видитъ въ немъ лишь pis-aller, а отнюдь не высшее выраженіе доступнаго для нея счастья. Перенесите Эмму въ кружокъ маркиза д'Андервилье, въ парижскіе салоны, по которымъ она вздыхаетъ—и она останется той же Эммой; роль Родольфа или Леона разыграетъ кто-нибудь другой—напримѣръ виконтъ, съ которымъ она вальсировала на балу у маркиза,—роль провинціальной скуки—столичная суета, роль Шарля Бовари—любой мужъ не-сангвиническаго темперамента и не-сентиментальнаго склада. Эммы Бовари перестанутъ быть возможными или по крайней мѣрѣ сдѣлаются болѣе рѣдкими только тогда, когда существенно измѣнится воспитаніе женщинъ (во Франціи менѣе удовлетворительное, чѣмъ гдѣ бы то ни было, за исключеніемъ развѣ южныхъ романскихъ народовъ), положеніе ихъ въ обществѣ, отношеніе къ нимъ законодательства, нравовъ, общественнаго мнѣнія,—когда поднимется вообще уровень образованія и нравственности. Съ этой точки зрѣнія «Madame Bovary» неожиданно принимаетъ размѣры романа тенденціознаго; она затрогиваетъ, косвенно, одинъ изъ самыхъ важныхъ общественныхъ вопросовъ и указываетъ на необходимость разрѣшенія его въ извѣстномъ смыслѣ, хотя авторъ нигдѣ не ставитъ этого вопроса, ни-

Digitized by Google

гдѣ даже на него не намекаетъ и можетъ быть вовсе не имѣлъ его въ виду при написаніи романа.

О другихъ сторонахъ «Madame Bovary» мы скажемъ не много. Во весь ростъ нарисованы, кромѣ Эммы, только двѣ фигуры: Шарля Бовари и аптекаря Гоме; всѣ остальныя лица — только бѣгло очерченные силуэты. «Надо самому быть писателемъ», говоритъ г. Зола, «чтобы знать, какъ трудно ярко охарактеризовать дурака. Ничтожество само по себѣ безцвѣтно. А между тѣмъ этотъ горемыка Шарль вышелъ невѣроятно рельефенъ. Онъ наполняетъ книгу своимъ ничтожествомъ; его видишь на каждой страницѣ жалкимъ врачемъ, жалкимъ мужемъ, жалкимъ и злополучнымъ всегда и во всемъ — и это безъ всякаго нелѣпаго преувеличенія. Онъ остается крайне правдивъ и естественъ. Онъ даже симпатиченъ, бѣднягa; онъ внушаетъ подъ конецъ жалость и нѣжность. Онъ только глупъ, тогда какъ Родольфъ и Леонъ — жестокіе эгоисты». Къ этой прекрасной характеристикѣ можно только прибавить, что симпатиченъ Шарль силою и глубиною своей любви къ Эммѣ, вѣрной, неизмѣнной и самоотверженной. Эта любовь напоминаетъ, если хотите, преданность собаки — но развѣ не трогательна собака, умирающая съ тоски на могилѣ своего господина? Искренняя любовь облагораживаетъ, возвышаетъ самую заурядную натуру. Шарль не въ силахъ забыть Эмму; память о ней остается для него дорогой и тогда, когда онъ узнаетъ ея невѣрность. Это не привычка, не чувственная страсть, а полная, беззавѣтная отдача всего себя любимому человѣку. При встрѣчѣ съ Родольфомъ глухое бѣшенство закипаетъ въ Шарлѣ, отражается на минуту въ его глазахъ — но всепрощающее чувство беретъ верхъ, онъ видитъ въ Родольфѣ только человѣка, котораго любила Эмма, и говоритъ ему: «Я не сержусь на васъ». Эти простыя слова производятъ глубокое впечатлѣніе именно потому, что имъ предшествуетъ внутренняя борьба, что ихъ подсказываетъ не одна апатія отчаянія, а та «голубиная нѣжность», которою проникнута натура Шарля.

«Имя Гоме», по мнѣнію г. Зола, «стало нарицательнымъ; оно характеризуетъ извѣстный классъ глупцовъ. Гоме выражаетъ собою провинціальную спѣсь, ученость захолустья, самодовольную глупость цѣлаго края». Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться безъ оговорки. Гоме — вовсе не глупецъ; онъ гораздо умнѣе своего прототипа, Жозефа Прюдомма. Онъ любитъ, подобно Прюдомму, торжественныя, высокопарныя фразы, но въ нихъ слышится иногда мысль, или по крайней мѣрѣ зародышъ

Digitized by Google

мысли; у него есть кое-какіе опредѣленные взгляды, есть стремленіе къ самостоятельнымъ сужденіямъ. Припомнимъ, напримѣръ, его отношеніе къ «Аталіи» Расина, возбуждающей въ немъ, въ одно и то же время, негодованіе и восторгъ: негодованіе—своею близостью къ ненавистному для него клерикализму, восторгъ—своими прекрасными стихами. У Гоме есть критическая жилка—а съ нею несовмѣстима «махровая, съ трескомъ» тупость, по выраженію тургеневскаго Пигасова. Мы видимъ въ Гоме ординарнаго, не умнаго, но и не глупаго человѣка, постепенно атрофирующагося въ стоячей водѣ провинціальнаго захолустья. Это обыкновенный пѣтухъ, который жилъ бы себѣ тихо и скромно въ кругу другихъ такихъ же пѣтуховъ, но высоко поднимаетъ свой гребешокъ, оставаясь одинъ на своемъ заднемъ дворѣ, посреди ухаживающихъ за нимъ куницъ. Гоме—первый въ своей деревнѣ, и это первенство бросается ему въ голову; онъ умнѣе и образованнѣе Шарля, Бине, Лёрё, Бурнизьена—ему начинаетъ казаться, что онъ дѣйствительно очень уменъ и образованъ. Чрезвычайно тонкой кажется намъ, съ этой точки зрѣнія, та черта, что самодовольство Гоме идетъ все crescendo и именно къ концу книги достигаетъ комически-широкихъ размѣровъ. «Каждое утро Гоме искалъ въ газетѣ извѣстія о пожалованіи ему ордена—но извѣстіе это все не приходило. Наконецъ, потерявъ терпѣнье, онъ устроилъ въ своемъ саду лужайку въ формѣ креста почетнаго легіона, съ двумя полосками травы, изображающими ленту. Онъ гулялъ вокругъ нея съ скрещенными руками, размышляя о неблагодарности людей и о неспособности правительства».

Перечитывая «Madame Bovary», трудно повѣрить, чтобы авторъ ея могъ быть преданъ суду по обвиненію въ оскорбленіи общественной нравственности. Судьба героини вовсе не такъ привлекательна, чтобы въ комъ-нибудь могло явиться желаніе послѣдовать ея примѣру; оборотная сторона медали постоянно видна рядомъ съ лицевою, даже тогда, когда романъ еще не близится къ своей трагической развязкѣ. Эммѣ принадлежитъ только сожалѣніе читателей; сочувствіе ихъ скорѣе на сторонѣ Шарля, и ужъ конечно не на сторонѣ Родольфа и Леона; а по настроенію читателей можно судить и о намѣреніяхъ автора. Въ отдѣльныхъ сценахъ романа господствуетъ такая сдержанность, отъ которой весьма далеки нѣкоторые изъ новѣйшихъ представителей французской натуральной школы. Менѣе всего Флоберъ останавливается именно на тѣхъ ощущеніяхъ Эммы, которыя могли бы послужить самымъ благодарнымъ матеріаломъ для пи-

Digitized by Google

кантныхъ картинокъ. Избытокъ реализма замѣтенъ лишь въ немногихъ деталяхъ, излишнихъ, впрочемъ, только съ эстетической точки зрѣнія, а отнюдь не съ нравственной. Когда Флоберъ, напримѣръ, говоритъ про Эмму: «на ней не было шейнаго платка; на ея обнаженныхъ плечахъ виднѣлись маленькія капли пота», то можно замѣтить, что послѣдняя подробность вовсе не нужна для объясненія впечатлѣнія, производимаго Эммою на Шарля; но самый строгій ригористъ не найдетъ въ этихъ словахъ ничего опаснаго для общественной морали. Другія черты, болѣе рѣзкія (онѣ встрѣчаются преимущественно въ описаніи послѣднихъ отношеній Эммы къ Леону) необходимы для пониманія борьбы между чувственностью и пресыщеніемъ, между фантазіей и прозой, немногимъ уже отличающейся отъ грязи,—борьбы, которая подготовляетъ финальную катастрофу романа.

III.

«Сантиментальное воспитаніе» вышло въ свѣтъ тридцать лѣтъ спустя послѣ «Madame Bovary». «Это сочиненіе», говоритъ о немъ г. Зола—«единственный истинно-историческій романъ, какой я знаю, единственный правдивый, точный, законченный, гдѣ воскрешеніе прошлаго произведено не на живую нитку... Здѣсь нѣтъ романической фикціи, вокругъ которой вертѣлось бы все дѣйствіе. Флоберъ хотѣлъ показать жизнь день за день, со всей цѣпью мелкихъ, будничныхъ явленій, изъ которыхъ въ концѣ-концовъ слагается сложная и страшная драма... Онъ хотѣлъ изобразить то, что происходило на его глазахъ въ описанные имъ годы (1840—52)—постоянное разложеніе человѣчества, непроходимое и нескончаемое царство глупости. Настоящимъ заглавіемъ книги было: «les Fruits secs» (въ вольномъ переводѣ—*неудачники*). Всѣ дѣйствуютъ какъ-бы въ пустомъ пространствѣ, вертятся, какъ флюгарки, бросаютъ добычу въ погонѣ за тѣнью, мельчаютъ съ каждымъ новымъ приключеніемъ и идутъ къ ничтожеству. Это кровавая сатира, страшное изображеніе растерянаго, сбитаго съ толку общества, грозная книга, гдѣ пошлость принимаетъ эпическіе размѣры, гдѣ безобразное, мелкое, ничтожное царитъ и мечется въ глаза. Это храмъ изъ чуднаго мрамора, возведенный въ честь ничтожества». — «Сколько здѣсь сценъ», восклицаетъ г. Зола нѣсколько дальше, «сколько картинъ законченныхъ, характеризующихъ эпоху съ ея искусствомъ, политикой, нравами, удовольствіями, пороками!—Тутъ есть ве-

Digitized by Google

чера въ большомъ свѣтѣ и въ полу-свѣтѣ, дуэль, клубъ 1848 г., баррикады, уличная схватка, очаровательный эпизодъ любви въ лѣсу Фонтенбло, *жизнь цѣлаго народа*» [1]).

Остановимся на этихъ послѣднихъ словахъ, составляющихъ поразительный контрастъ со всѣмъ предъидущимъ. Какимъ образомъ романъ, посвященный ничтожеству, можетъ изображать собою жизнь цѣлаго народа? Похвала, перешедшая черезъ край, не обращается ли здѣсь въ тяжелое обвиненіе противъ Флобера—обвиненіе, спѣшимъ прибавить, имъ незаслуженное? Внутреннее противорѣчіе, допущенное г. Зола, выступаетъ на видъ еще рельефнѣе, если припомнить, что рѣчь идетъ о періодѣ времени между 1840 и 1852 г., когда Франція жила усиленною жизнью, когда ничто не стѣсняло свободное развитіе французской мысли, когда кипѣла политическая борьба, рождались новыя системы, дѣлались попытки къ ихъ осуществленію, когда надежды, стремленія, мечты не исчезали передъ холоднымъ, узкимъ разсчетомъ, когда прокладывались новые пути для искусства, торжествовалъ романтизмъ, подвигался къ побѣдѣ реализмъ, когда Парижъ дѣйствительно былъ умственной столицей для образованнаго меньшинства всей континентальной Европы. И въ этой-то эпохѣ трудолюбивый, добросовѣстный историкъ-романистъ не могъ найти ничего, кромѣ «постояннаго разложенія человѣчества, непроходимаго и нескончаемаго царства глупости!» Если бы это было такъ, то оставалось бы только сказать, что Флоберъ былъ еще болѣе близорукъ, чѣмъ трудолюбивъ и добросовѣстенъ. Но это вовсе не такъ. Ни изъ чего не видно, чтобы планъ и замыселъ Флобера былъ такъ обширенъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ узокъ,—какъ полагаетъ его французскій критикъ-панегиристъ; ни изъ чего не видно, чтобы онъ хотѣлъ изобразить «жизнь цѣлаго народа» или хотя бы только жизнь французскаго общества, французской интеллигенціи на рубежѣ іюльской монархіи и февральской республики. Онъ взялъ только одинъ уголокъ этой жизни, иногда, мимоходомъ приходящій въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми другими ея сторонами. Романъ Флобера нельзя даже назвать, какъ одну изъ повѣстей Бальзака, «l'envers de l'histoire contemporaine»; ничтожные или пошлые люди, дѣйствующіе въ романѣ, вовсе не выступаютъ на широкую

[1]) Почти то же самое сказано однимъ изъ нашихъ журналовъ, въ замѣткѣ по поводу смерти Флобера. Тотъ, кто внимательно прочиталъ „Madame Bovary“ и „Education sentimentale“,—говоритъ русскій критикъ—„имѣетъ самое полное представленіе о французскомъ обществѣ въ эпоху между тридцатыми и пятидесятыми годами“.

Digitized by Google

сцену исторіи или являются на ней въ роли жалкихъ фигурантовъ, идущихъ гдѣ-то въ хвостѣ той или другой партіи. Показать, какая доля вліянія въ крупныхъ міровыхъ событіяхъ принадлежитъ мелкимъ страстямъ и похотямъ, «безконечно-малымъ» политическимъ величинамъ (тѣмъ «infiniment petits», которыхъ воспѣлъ Беранже), сдѣлать въ области романа нѣчто подобное тому, что̀ предпринялъ Тэнъ въ области исторіи французской революціи—задача весьма интересная и особенно благодарная именно для реалиста; но Флоберъ ея себѣ не поставилъ или по крайней мѣрѣ не исполнилъ. Въ «Сантиментальномъ воспитаніи» есть нѣсколько историческихъ картинъ, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы оно могло быть названо историческимъ романомъ. Если бы мы считали себя въ правѣ разсматривать его какъ историческій романъ, то, конечно, не назвали бы его «правдивымъ, точнымъ», и еще менѣе—«законченнымъ».

Мы сказали, что въ «Сантиментальномъ воспитаніи» есть нѣсколько историческихъ картинъ, есть нѣкоторая связь между дѣйствіемъ романа и событіями эпохи. Въ нашихъ глазахъ эти картины, эта связь скорѣе слабая, чѣмъ сильная сторона романа. Мы вполнѣ признаемъ право писателя отмежевать себѣ небольшую часть большого цѣлаго; мы не стали бы, напримѣръ, упрекать И. С. Тургенева за то, что онъ изобразилъ въ «Нови» только одинъ изъ русскихъ соціалистическихъ кружковъ, если бы къ всестороннему и полному ихъ изображенію и не было никакихъ внѣшнихъ препятствій; но когда задача романа ограничена извѣстными предѣлами, то они должны быть обозначены настолько ясно, чтобы не могло возникнуть недоразумѣніе относительно намѣреній автора. Читая «Сантиментальное воспитаніе», можно *иногда* подумать, что Флоберъ хотѣлъ освѣтить общій характеръ обстановки, при которой созрѣлъ и совершился февральскій переворотъ. Бесѣды буржуазной и чиновной публики у Дамбрёза, бесѣды оппозиціонной молодежи у Дюссардье ведены и сопоставлены такимъ образомъ, какъ будто авторъ желалъ возбудить въ читателяхъ мысль о безнадежной ограниченности обоихъ лагерей, враждебно стоявшихъ другъ противъ друга. Въ описаніи толпы, ворвавшейся въ Тюльери, не только нанизаны одинъ на другой факты, неблагопріятные для народа, но встрѣчаются даже эпитеты, выражающіе личныя, столь же неблагопріятныя для него ощущенія автора. Описаніе демократическаго клуба отзывается шаржемъ, каррикатурой. Въ отдѣльности взятый, каждый изъ штриховъ картины можетъ быть совершенно вѣренъ съ натурой; разсматриваемые всѣ вмѣстѣ, они получаютъ

Digitized by Google

оттѣнокъ, до извѣстной степени тенденціозный и притомъ узко-тенденціозный. Окрашенные въ одинъ и тотъ же цвѣтъ, ничѣмъ не дополняемые и не уравновѣшиваемые, факты, подобранные Флоберомъ, скрываютъ позади себя какъ-бы претензію на обобщеніе. Повторяемъ еще разъ, мы не думаемъ, чтобы такая претензія дѣйствительно было у автора; гораздо вѣроятнѣе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло просто съ непроизвольнымъ осадкомъ впечатлѣній и воспоминаній. Артистическая натура молодого Флобера (въ 1848 г. ему еще не было тридцати лѣтъ) была возмущена грубостью, пошлостью, которой довольно во всѣхъ общественныхъ сферахъ и которая всплываетъ на верхъ при всякомъ сильномъ толчкѣ, ими испытанномъ или данномъ; его политическій индифферентизмъ помѣшалъ ему разсмотрѣть все то, чѣмъ иногда выкупается грубость, что̀ иногда одерживаетъ верхъ надъ пошлостью. Мы прочли въ одномъ изъ некрологовъ Флобера, что онъ страстно ненавидѣлъ буржуазію; мы вполнѣ вѣримъ этой ненависти, она слышится и въ «Сантиментальномъ воспитаніи»—но въ ней говоритъ не демократическое, а именно артистическое чувство. Артистическое чувство не мирится съ заурядностью, съ условными формами, съ внѣшнею гладкостью, прикрывающею внутреннюю пустоту, съ исключительнымъ господствомъ разсчета и практическаго смысла—но оно не мирится и съ отсутствіемъ всякихъ формъ, всякой тонкости въ привычкахъ и вкусахъ, съ рѣзкостью, угловатостью нравовъ, почти не тронутыхъ культурой. Въ Флоберѣ была значительная доля того аристократизма, которымъ отличался Штраусъ, которымъ отличается Ренанъ и въ нѣсколько меньшей степени Тэнъ; онъ находилъ, вмѣстѣ съ Коріоланомъ, вмѣстѣ съ своимъ Гюссонне, что народъ, хотя бы и героичный, «нехорошо пахнетъ». Писатель, влюбленный въ красоту слога, по цѣлымъ недѣлямъ «ломавшій себѣ голову» надъ фразой или отдѣльнымъ словомъ, не могъ думать и чувствовать иначе; вѣдь не народъ же, въ самомъ дѣлѣ, способенъ оцѣнить результатъ этой усиленной, *головоломной* работы. Симпатіи и антипатіи артиста-аристократа пробились наружу сквозь надѣтую имъ броню объективизма, показавъ еще разъ, какъ ошибаются тѣ, которые вѣрятъ въ непроницаемость этой брони.

Изъ числа дѣйствующихъ лицъ «Сантиментальнаго воспитанія» трое—Дюссардье, Реженбаръ и Сенекаль—принадлежатъ къ партіи движенія. Слѣдовъ нерасположенія Флобера къ этой партіи нельзя найти только въ изображеніи Дюссардье—добраго малаго, наивнаго, честнаго мечтателя, ничего не понимающаго

Digitized by Google

въ политикѣ, видящаго главную вину Людовика-Филиппа въ томъ, что онъ не вступается за Польшу. Такихъ людей въ сороковыхъ годахъ было много, особенно въ той промежуточной сферѣ—не то буржуазной, не то рабочей,—къ которой принадлежитъ Дюссардье. Это фигура правдивая, живая, обрисованная, впрочемъ, довольно блѣдно. О Реженбарѣ и Сенекалѣ нельзя сказать того же самаго. Реженбаръ сильно смахиваетъ на каррикатуру и былъ бы вполнѣ умѣстенъ въ опереткѣ Оффенбаха или въ одномъ изъ тѣхъ водевилей, которые въ 1849 или 1850 г. изготовлялись по заказу реакціонной партіи. Каждое его слово, каждый его жестъ вызываетъ тотъ смѣхъ, которымъ смѣешься въ палерояльскомъ театрѣ. Присмотрѣвшись къ напускной важности, прислушавшись къ затверженнымъ, вѣчно однимъ и тѣмъ же афоризмамъ Реженбара, можно только удивляться, какимъ образомъ дѣйствующія лица романа постоянно, до самаго конца, «принимаютъ его въ серьёзъ», какимъ образомъ они не замѣчаютъ пустоты, скрытой подъ его лаконизмомъ. Сенекаль—ограниченный, упрямый, холодный республиканецъ, крошечный Сенъ-Жюстъ, вѣчно бичующій чужіе пороки и удивляющійся своей собственной добродѣтели—былъ бы очень хорошъ, если бы Флоберъ не заставилъ его внезапно совершить скачокъ, рѣшительно ничѣмъ не подготовленный. Въ продолженіе всего романа мы видимъ Сенекаля не только фрондирующимъ на словахъ, но и дѣйствующимъ во вредъ себѣ, чтобы остаться вѣрнымъ своей идеѣ. «Суровый къ самому себѣ», читаемъ мы про него, «онъ не имѣлъ никакихъ потребностей и былъ непоколебимо честенъ... Убѣжденія его были безкорыстны. Онъ составилъ себѣ идеалъ добродѣтельной демократіи, похожей отчасти на ферму, отчасти на фабрику—нѣчто въ родѣ американской Спарты, въ которой личность существовала бы только для общества, болѣе всемогущаго и непогрѣшимаго, чѣмъ Далай-Лама или Навуходоносоръ». Онъ деспотъ въ душѣ, завистливъ, недоброжелателенъ, склоненъ къ жестокости; въ 1793 г. онъ сдѣлался бы, вѣроятно, послѣдователемъ Каррье или Марата—но онъ не способенъ продать самого себя. Не умѣя и не желая скрывать свои крайніе взгляды, онъ безпрестанно остается изъ-за нихъ безъ мѣста, безъ средствъ къ жизни, доходитъ до крайней нищеты; въ 1839 г. онъ сражался на сторонѣ Бланки и Барбеса, въ 1847 г. былъ заключенъ въ тюрьму за участіе въ заговорѣ, въ 1849 г. сосланъ по распоряженію администраціи. И вдругъ мы видимъ его полицейскимъ агентомъ, слугою государственнаго переворота, хладнокровно закалывающимъ—во время декабрьской бульварной рѣзни—

Digitized by Google

безоружнаго Дюссардье, своего бывшаго друга! Это психологическая и историческая невозможность, ничуть не устраняемая тѣмъ, что въ началѣ 1851 г. Сенекаль, въ разговорѣ съ Фредерикомъ, признавалъ несостоятельность народныхъ массъ и необходимость диктатуры. Онъ допускалъ все это съ точки зрѣнія: «чѣмъ хуже—тѣмъ лучше», ничуть не измѣняя своему идеалу авторитарной демократіи и дисциплинированнаго коммунизма. Онъ могъ, вмѣстѣ съ большинствомъ парижскихъ рабочихъ, остаться нейтральнымъ зрителемъ наполеоновскаго coup d'état, но не могъ сдѣлаться его активнымъ сообщникомъ. Историческою невозможностью мы называемъ превращеніе Сенекаля потому, что не видимъ сколько-нибудь подходящаго примѣра въ исторіи второй имперіи. Когда Людовикъ-Наполеонъ былъ кандидатомъ въ президенты, наивнѣйшіе изъ демократовъ-соціалистовъ считали его своимъ человѣкомъ, основываясь на кое-какихъ мѣстахъ изъ его «Idées napoléoniennes»; но къ концу 1851 г. этотъ миражъ едва ли могъ уцѣлѣть въ чьей-либо головѣ — тѣмъ менѣе въ систематическомъ, хотя и узкомъ умѣ Сенекаля. Примѣръ Фуше ничего не доказываетъ, потому что кровожадный коммиссаръ конвента въ Ліонѣ и страшный для бывшихъ друзей своихъ министръ наполеоновской полиціи въ сущности всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ—всегда былъ человѣкомъ безъ убѣжденій, раболѣпнымъ поклонникомъ успѣха и силы. Не такимъ изображаетъ Флоберъ Сенекаля,—и перемѣна, происходящая въ немъ на послѣднихъ страницахъ романа, остается для насъ совершенно непонятной.

Кромѣ названныхъ нами представителей крайней партіи, нѣкоторое отношеніе къ политикѣ имѣютъ еще Делорье, Мартинонъ и Дамбрёзъ. Подобно Сенекалю, Делорье началъ съ радикализма и кончилъ излишнимъ усердіемъ на службѣ наполеоновскому режиму; но здѣсь этотъ переходъ представляется вполнѣ естественнымъ. Делорье—одна изъ самыхъ живыхъ и цѣльныхъ фигуръ романа—никогда не былъ ничѣмъ инымъ, какъ мелкимъ карьеристомъ и честолюбцемъ, фразеромъ съ сильно развитыми аппетитами, озлобленнымъ бѣдностью и неудачами, готовымъ пойти на всякую выгодную для него сдѣлку. Это Растиньякъ въ миніатюрѣ, безъ престижа изящной наружности и великосвѣтскихъ манеръ; это одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ цѣлыми десятками можно было насчитать въ рядахъ такъ-называемыхъ bonapartistes du lendemain, т.-е. бонапартистовъ со времени побѣды бонапартизма. Мартинонъ, по мѣткому опредѣленію г. Зола—надутое, прилизанное, самодовольное ничтожество, бу-

Digitized by Google

дущій сенаторъ, не изъ щекотливыхъ, ухаживающій за тёткой, чтобы жениться на племянницѣ. Дамбрёзъ—одинъ изъ тѣхъ депутатовъ, которымъ во время реставраціи дали кличку «брюха» палаты, финансистъ, видящій въ правительствѣ часового при купеческихъ конторахъ и банкирскихъ кассахъ, трусливый въ минуту опасности, озлобленный въ минуту торжества, въ оффиціальномъ надгробномъ словѣ прославляемый какъ «защитникъ общества», въ неоффиціальномъ—называемый «l'un des potdevinistes les plus distingués du dernier règne», т.-е. мастеромъ въ раздаваніи и полученіи взятокъ.

Мы познакомились съ группой дѣйствующихъ лицъ, представляющихъ въ романѣ политику и политиканство іюльской монархіи и февральской республики. Что она не исчерпываетъ собою всѣхъ главныхъ типовъ эпохи — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Стбитъ только вспомнить, что мы не видимъ въ ней ни одного честнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ серьёзнаго политическаго дѣятеля, какихъ было не мало во всѣхъ тогдашнихъ партіяхъ, начиная съ легитимистовъ и оканчивая нео-якобинцами во вкусѣ Ледрю-Роллена. Бо́льшая часть дѣйствія происходитъ при министерствѣ Гизо, которое поддерживали не одни только консерваторы à la Дамбрёзъ, но и доктринеры узкаго конституціонализма; между тѣмъ, представителя послѣднихъ мы въ романѣ не находимъ, точно также какъ и представителей лѣваго центра, династической оппозиціи, клерикальной партіи, въ сороковыхъ годахъ расправлявшей уже свои крылья для широкаго полета временъ второй имперіи. Такая сила, какъ журнализмъ, выведена на сцену только въ лицѣ Гюссонне, принадлежащаго скорѣе къ полу-литературной, полу-артистической богемѣ. Рабочій классъ едва затронутъ, масса народа является—мы уже знаемъ, въ какомъ видѣ—лишь при взятіи Тюльери. Прибавимъ, кстати, что изъ области искусства взята одна фигура Пеллерена, и что, слѣдовательно, о характеристикѣ Флоберомъ «эпохи съ ея искусствомъ» можно говорить еще меньше, чѣмъ о характеристикѣ «эпохи съ ея политикой». На всѣхъ этихъ пробѣлахъ мы не стали бы останавливаться, если бы не имѣли въ виду преувеличеній г. Зола; полнота картины, какъ мы уже говорили, необязательна для романиста. Гораздо важнѣе опредѣленная ея окраска—и здѣсь мы встрѣчаемся уже съ положительнымъ недостаткомъ «Сантиментальнаго воспитанія». Если бы авторъ не указалъ времени, къ которому относится дѣйствіе романа, если бы въ немъ не упоминалось прямо о такихъ историческихъ фактахъ, хронологія которыхъ общеизвѣстна, то читателямъ было бы не совсѣмъ

Digitized by Google

легко угадать, особенно въ первой части романа, рисуется ли передъ ними послѣднее десятилѣтіе іюльской монархіи или первое десятилѣтіе второй имперіи. Дамбрёзъ, Делорье, Мартинонъ, Сенекаль—все это типы одинаково подходящіе и къ той, и къ другой эпохѣ; люди въ родѣ Дюссардье чаще встрѣчаются въ первой, но возможны и въ послѣдней; Реженбаръ слишкомъ карикатуренъ, чтобы быть характеристичнымъ для того или другого періода времени. Общій колоритъ картины скорѣе напоминаетъ имперію, чѣмъ іюльскую монархію; разнузданность мелкихъ страстей, преобладаніе мелкихъ интересовъ достигли своего апогея послѣ 1851 г. Главныя черты до-февральскаго времени — броженіе идей, смутное безпокойство, предшествующее перевороту, скептицизмъ, не исключающій вѣры въ будущее, идеалистическій взглядъ на жизнь рядомъ съ практическимъ матеріализмомъ — намѣчены Флоберомъ весьма слабо или не намѣчены вовсе.

Мы уже сказали, что въ «Сантиментальномъ воспитаніи» есть интрига, есть дѣйствіе. Его героемъ или по крайней мѣрѣ его центромъ служитъ Фредерикъ Моро, весь составленный изъ отрицательныхъ качествъ—безцвѣтно добрый, до вялости мягкій, пустой, вѣчно и напрасно ищущій сильнаго чувства. Такихъ людей много вездѣ и всегда, но они такъ блѣдны въ дѣйствительности, что по необходимости выходятъ блѣдными и въ романахъ. Дилеттантъ въ политикѣ, въ искусствѣ, даже въ любви, Фредерикъ проходитъ черезъ жизнь въ какомъ-то полу-снѣ, соприкасаясь съ событіями, но не испытывая на себѣ ихъ вліянія. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ нравственныхъ недорослей, про которыхъ сложилась поговорка: «малая собачка — до старости щенокъ». Не въ жизни такого человѣка, конечно, можетъ отразиться цѣлая эпоха; одного выбора Фредерика въ герои романа было бы достаточно, чтобы доказать ошибочность взгляда г. Зола на задачу и значеніе «Сантиментальнаго воспитанія». Женщины, «сантиментально воспитывающія» Фредерика, очерчены рельефнѣе, чѣмъ онъ самъ, особенно Розенетта — ничуть не идеализированная лоретка, ограниченная, взбалмошная, но способная и къ искреннему увлеченію, — и госпожа Дамбрёзъ, холодная, до мозга костей испорченная свѣтская женщина, восклицающая послѣ смерти мужа: «quel débarras» и думающая только о томъ, какъ бы не нарушить требованій приличія въ глазахъ прислуги. Симпатичный образъ Мари Арну остается въ нѣкоторомъ туманѣ; больше удался Флоберу самъ Арну, веселый, бездѣтный жуиръ, нераскаянный, но простодушный грѣшникъ,

Digitized by Google

безпрестанно измѣняющій женѣ и все-таки по-своему ей преданный, неразборчивый въ выборѣ средствъ къ обогащенію—и все-таки не только говорящій о своей честности, но и вѣрящій въ нее. Сизи, Рокъ, дочь его Луиза, мать Фредерика дополняютъ собою длинный рядъ лицъ, проходящихъ мимо насъ въ «Сантиментальномъ воспитаніи», но не прибавляютъ къ роману ничего существеннаго. Главную его силу слѣдуетъ искать не въ характерахъ, не въ политической или общественной подкладкѣ, а въ подробностяхъ, въ отдѣльныхъ картинкахъ и сценахъ, часто превосходныхъ.

Способность къ психологическому анализу, такъ блистательно доказанная Флоберомъ въ «Madame Bovary», въ «Сантиментальномъ воспитаніи» проявляется въ тонкихъ штрихахъ, не составляющихъ одного стройнаго цѣлаго. Внутренняя жизнь дѣйствующихъ лицъ не возсоздается здѣсь съ тою полнотою, которой мы удивлялись, говоря объ Эммѣ Бовари; но на отдѣльные моменты этой жизни авторъ бросаетъ иногда яркій свѣтъ, немногими мѣткими и многозначущими словами. Фредерикъ, мечтая въ восемнадцать лѣтъ о своемъ настоящемъ и будущемъ, находитъ, что «счастье, заслуженное превосходствомъ его души, заставляетъ себя ждать слишкомъ долго». Первый разговоръ съ любимой женщиной—Мари Арну—возбуждаетъ въ немъ «одно изъ тѣхъ душевныхъ содроганій, которыя переносятъ насъ какъ-бы въ высшій міръ. Онъ почувствовалъ въ себѣ какую-то необыкновенную способность, не зная еще, въ чемъ она заключается. Онъ серьёзно спросилъ себя, будетъ ли онъ великимъ живописцемъ или великимъ поэтомъ—и рѣшился въ пользу живописи, потому что условія этой профессіи сблизятъ его съ madame Арну. Итакъ, онъ нашелъ свое призваніе! Теперь цѣль жизни для него ясна, будущее въ его рукахъ! Онъ увидѣлъ себя въ зеркалѣ; его лицо показалось ему прекраснымъ, и онъ цѣлую минуту всматривался въ самого себя». Въ мимолетномъ пароксизмѣ отчаянія Фредерикъ, утомленный безсонной ночью, измокшій отъ тумана, думаетъ о самоубійствѣ. «Стоитъ только сдѣлать одно движеніе—тяжесть тѣла увлечетъ его въ воду. Онъ видѣлъ уже мысленно, какъ его трупъ уносится теченіемъ; онъ наклонился—но рѣшетка моста была слишкомъ широка, онъ не перешагнулъ черезъ нее изъ усталости. Ужасъ объялъ его; онъ возвратился на бульваръ и опустился на скамью». Въ другой разъ, полный радости и надежды, онъ смотритъ вокругъ себя, нѣтъ ли бѣды, въ которой онъ могъ бы помочь, горя, которое онъ могъ бы облегчить; ничего подходящаго не оказывается—и ве-

Digitized by Google

ликодушный порывъ проходитъ, потому что искать случаевъ къ доброму дѣлу Фредерикъ не былъ способенъ. Прелестно описаніе того періода любви Фредерика къ Мари Арну, когда онъ довольствуется немногимъ, когда любимая женщина представляется его мечтамъ внѣ обыкновенныхъ жизненныхъ условій, когда онъ чувствуетъ себя, рядомъ съ нею, менѣе важнымъ, чѣмъ шелковинки, падающія изъ-подъ ея ножницъ, когда каждый ея палецъ былъ для него болѣе, чѣмъ вещью, былъ какъ-бы особымъ живымъ существомъ. Такъ-называемые друзья Фредерика, выходя отъ него, критикуютъ все, что у него видѣли, упрекаютъ его, за-глаза, въ неумѣньѣ жить, въ банальности вкусовъ, въ скупости; Делорье, только-что получившій отъ него въ подарокъ двѣ тысячи франковъ, «молчалъ, придерживая рукой, въ карманѣ панталонъ, свои банковые билеты». Дюссардье, въ собраніи молодыхъ людей, долго не отвѣчаетъ на вопросъ, какія женщины ему болѣе по вкусу, и наконецъ говоритъ, краснѣя: «я желалъ бы любить одну только женщину, любить ее всегда!» «За этими словами—прибавляетъ Флоберъ—послѣдовала минута молчанія; однихъ удивила наивность Дюссардье,—другіе узнали, можетъ быть, въ его признаніи тайное стремленіе своего собственнаго сердца». Рядомъ съ такими чертами, которыхъ мы могли бы привести еще много, въ «Сантиментальномъ воспитаніи» разсѣяны картины нравовъ, значеніе которыхъ г. Зола цѣнитъ слишкомъ высоко, но которымъ нельзя отказать въ интересѣ содержанія и изяществѣ формы. Таковы, напримѣръ, описанія вечеровъ и обѣдовъ у Дамбрёза, бесѣдъ у Фредерика и Дюссардье, собраній въ магазинѣ и въ домѣ Арну, распродажи его мебели, похоронъ Дамбрёза.

Кто читалъ «Сантиментальное воспитаніе», тотъ, конечно, помнитъ послѣднюю сцену романа. Фредерикъ и Делорье, состарѣвшіеся, разочарованные, вспоминаютъ свое отрочество, свою первую молодость—вспоминаютъ, между прочимъ, и о томъ, какъ они, еще почти мальчиками, попали въ запретный, болѣе чѣмъ прозаическій домъ, прельщавшій ихъ именно своею таинственностью и отверженностью, но бѣжали оттуда, испугавшись собственной своей смѣлости. Оба соглашаются съ тѣмъ, что это лучшее изъ всѣхъ ихъ воспоминаній. Какъ исключительное слово романа, этотъ выводъ едва ли можно признать удачнымъ. Какъ ни безцвѣтно и безплодно прошла жизнь Фредерика и Делорье, они все-таки за что-то боролись, къ чему-то стремились: Фредерикъ—къ взаимной любви, Делорье—къ власти. Судьба имъ по временамъ улыбалась, они знали и ожиданіе наслажденія, и

Digitized by Google

самое наслажденіе. Какимъ образомъ все это можетъ померкнуть передъ впечатлѣніемъ полу-дѣтской шалости, хотя бы оно и напоминало давно утраченную свѣжесть, давно исчезнувшія иллюзіи? Если бы въ прошедшемъ Фредерика не было любви къ Мари Арну, мы не удивились бы его послѣднему восклицанію; но лучшія минуты этой любви, безъ сомнѣнія, были и лучшими минутами его жизни. Если Флоберъ хотѣлъ еще разъ показать всю пустоту своихъ героевъ, всю безцѣльность ихъ существованія, онъ могъ бы достигнуть этой цѣли и безъ пущеннаго имъ въ ходъ крайняго средства. Фредерикъ и Делорье, эти жалкіе трутни современнаго общества, ясны для насъ и безъ заключительной сцены романа.

Небольшой разсказъ: «Простое сердце», вошедшій въ составъ сборника: «Trois contes», содержитъ въ себѣ нѣсколько настоящихъ жемчужинъ. Отъ обычныхъ недостатковъ Флобера — излишнихъ подробностей, ненужныхъ описаній — онъ далеко не свободенъ, но они выкупаются вполнѣ симпатичной фигурой Фелиситѐ, старой служанки, умѣющей только любить, всецѣло, безкорыстно, безъ всякой мысли о взаимности. Она теряетъ всѣхъ, кто былъ ей дорогъ — племянника, заступавшаго для нея мѣсто сына, взлелѣянную ею барышню, свою госпожу, своего попугая — и все-таки не черствѣетъ, не замыкается въ самой себѣ, продолжаетъ жить для другихъ, т.-е. для тѣхъ, кому она хоть чѣмъ-нибудь можетъ быть полезной. Оглохшая, почти парализованная, впавшая въ дѣтство, она сосредоточиваетъ свою привязанность на чучелѣ своего покойнаго любимца — попугая; благодаря его сходству съ голубемъ, онъ становится для нея священнымъ предметомъ, занимаетъ мѣсто въ ея наивныхъ религіозныхъ представленіяхъ. Эта небольшая, простая тэма разработана Флоберомъ съ тою же глубиной психологическаго анализа, которою блеститъ «Madame Bovary». Укажемъ, для примѣра, на впечатлѣнія, выносимыя пожилымъ ребенкомъ — Фелиситѐ — изъ поздняго знакомства съ евангельской исторіей, съ католическимъ культомъ; на прощанье ея съ Викторомъ, на ощущенія ея послѣ извѣстія о его смерти; на то мгновеніе, когда Фелиситѐ и ея госпожа сближаются, какъ равныя, въ общемъ чувствѣ невознаградимой потери. «Фелиситѐ и попугай вели между собой разговоры — онъ, твердя безъ конца три фразы своего репертуара, она, отвѣчая ему также безсвязно, но отъ полноты сердца. Въ ея одиночествѣ, Лулу (попугай) былъ для нея почти сыномъ, почти возлюбленнымъ. Онъ взбирался на ея пальцы, клевалъ ея губы, прицѣплялся къ ея шейному платку; когда она качала

Digitized by Google

надъ нимъ головою, какъ кормилица надъ младенцемъ, длинные концы ея чепчика трепетали вмѣстѣ съ крыльями птицы». Ей казалось непонятнымъ, какимъ образомъ ея госпожа могла умереть прежде нея; это было что-то чудовищное, противное порядку вещей и здравому смыслу. Когда она узнала, что у нея та болѣзнь, отъ которой умерла ея госпожа, она нашла это совершенно естественнымъ. Въ моментъ ея смерти, мимо ея оконъ проходитъ процессія въ честь праздника тѣла Господня (Fête-Dieu); для украшенія устроеннаго передъ ними reposoir (мѣста, у котораго на время останавливается процессія), она отдала свое единственное сокровище—чучело Лулу. «Дымъ отъ кадилъ голубоватымъ паромъ поднялся въ комнату Фелиситѣ. Она втянула его въ себя съ мистическимъ наслажденіемъ, потомъ опустила вѣки; губы ея улыбались. Движенія ея сердца замедлялись все больше и больше, становились съ каждымъ разомъ все неопредѣленнѣе и мягче, какъ изсякающій фонтанъ, какъ ослабѣвающее эхо; и когда она испускала послѣдній вздохъ, ей казалось, что надъ ея головой, среди полуотверстаго неба, паритъ гигантскій попугай».

IV.

«Il existe, en un mot, chez les trois quarts des hommes, un poète mort jeune à qui l'homme survit». Эти слова Сентъ-Бёва, сказанныя въ прозѣ, но сложившіяся сами собою въ красивое двустишіе, вызвали поэтическій отвѣтъ Мюссе, оканчивающійся стихами: «Souviens-toi qu'en nous il existe souvent un poète endormi toujours jeune et vivant». Все это пришло намъ на память, когда мы перечитывали статью г. Зола о Флоберѣ. «Вся молодость Флобера», говоритъ г. Зола, «прошла озаренная лучемъ плеяды 1830 г., и на немъ остался какъ-бы отблескъ отъ той эпохи лирической поэзіи, которую онъ пережилъ. Позже онъ сталъ неумолимымъ живописцемъ людской пошлости и глупости; но двойственность осталась въ немъ. Лирикъ не умеръ, онъ живетъ рядомъ съ романистомъ и плачетъ отъ отвращенія и грусти, влачась съ обрѣзанными крыльями въ толпѣ тупыхъ и плоскихъ буржуа. Только иногда, въ нѣкоторыя роковыя минуты, романистъ натуральной школы соглашается отступить на задній планъ. Тогда забьетъ чудный родникъ свѣта и поэзіи. Авторъ пишетъ «Salammbo» или «Tentation de Saint-Antoine»; онъ переносится въ древній міръ, далеко отъ современной жизни,

Digitized by Google

отъ нашей тѣсной одежды, отъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ и сѣраго неба, которое онъ ненавидитъ. Подъ руками у него пурпурныя ткани и золотыя ожерелья. Онъ не боится больше дать волю своему воображенію, не взвѣшиваетъ каждой фразы изъ боязни вложить въ уста деревенскаго аптекаря живописные образы восточнаго поэта. Но возлѣ лирика остается романистъ натуральной школы; онъ держитъ перваго на уздѣ и требуетъ правды даже въ самомъ блескѣ».—«Флоберъ»,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—восточный поэтъ, перенесенный въ чуждый ему край. Чувствуешь, что онъ особенно счастливъ тогда, когда можетъ писать яркими красками, не прибѣгая ко лжи. Произведенія, для него особенно дорогія, тѣ, которыя онъ создавалъ безъ всякаго утомленія, несмотря на громадныя изслѣдованія, которыхъ они требовали—это «Salammbo» и «Tentation de Saint-Antoine».

Итакъ, въ Флоберѣ поэтъ не умиралъ, а только дремалъ—во время работъ надъ современной жизнью,—и просыпался молодымъ и свѣжимъ, когда онѣ уступали мѣсто другимъ, болѣе поэтическимъ тэмамъ. Но развѣ поэтическими тэмами могутъ считаться только тѣ, которыя почерпнуты изъ дальнихъ странъ, изъ давно прошедшихъ временъ? Истинный поэтъ находитъ поэзію всюду—и подъ небомъ, еще болѣе сѣрымъ, чѣмъ французское (припомнимъ, сколько чудныхъ страницъ внушено бѣдной, невеселой русской природой), и подъ тѣсной, неуклюжей одеждой, и среди дыма фабрикъ и локомотивовъ. Пурпурныя ткани и золотыя ожерелья вдохновляютъ его ничуть не больше, чѣмъ черный фракъ и круглая шляпа. Признаемся, для насъ непонятно поэтическое дарованіе, то хранимое подъ-спудомъ, то выступающее наружу, смотря по мѣсту и времени дѣйствія, избраннаго авторомъ. Неужели древній Карѳагенъ, съ своими разжирѣвшими буржуа, съ господствомъ торгашества, съ полнымъ отсутствіемъ идеаловъ, поэтичнѣе Германіи въ началѣ XVI-го или Франціи въ концѣ XVIII-го вѣка, только потому, что столѣтія, прошедшія съ тѣхъ поръ, считаются десятками, а не единицами, и дѣйствіе переносится по ту сторону Средиземнаго моря? Неужели тѣ поэтическія черты, которыя безспорно есть въ самой Саламбо или въ Гамилькарѣ, зависятъ только отъ того «прекраснаго далека», въ которомъ мы ихъ видимъ? Неужели въ Гошѣ—беремъ это имя на удачу, въ видѣ примѣра—менѣе поэзіи, чѣмъ въ вождѣ карѳагенскихъ наемниковъ, въ madame Роланъ—менѣе, чѣмъ въ поклонницѣ Таниты? Не въ одномъ только близкомъ къ намъ прошедшемъ можно найти, впрочемъ, параллели мистицизму и самопожертвованію Саламбо, суровой энергіи Гамиль-

Digitized by Google

кара; ихъ даетъ и современная дѣйствительность, въ которой не безраздѣльно же царитъ ничтожество и пошлость. Мы не отрицаемъ существованія поэтической струны въ дарованіи Флобера; мы не думаемъ, чтобы безъ нея могъ обойтись такой замѣчательный романистъ, какимъ и мы признаемъ Флобера; мы отвергаемъ только различіе, проводимое г. Зола, съ этой точки зрѣнія, между обѣими категоріями романовъ нашего автора. Поэтическаго чувства въ «Саламбо», въ «Св. Юліанѣ», въ «Иродіадѣ», на нашъ взглядъ, ничуть не больше, чѣмъ въ «Madame Bovary», въ «Сантиментальномъ воспитаніи», въ «Простомъ сердцѣ».

Мы видѣли уже, что между описаніями въ «Саламбо» и описаніями въ тѣхъ романахъ Флобера, сюжеты которыхъ заимствованъ изъ современной жизни, нѣтъ существенной разницы — а описанія стоятъ въ «Саламбо» на первомъ планѣ. Они тѣснятся одно за другимъ, наполняя романъ длинными перечисленіями людей и предметовъ, внѣшній видъ которыхъ непривыченъ нашему глазу, самыя названія — непривычны нашему уху. Ганнонъ страдаетъ болѣзнью, незнакомою европейцамъ по личному опыту — проказой; онъ чешетъ свои струпья лопаточкой изъ алоэ, натираетъ ихъ мазью, составленной изъ чернаго вина, собачьяго молока, мирры и стиракса, пьетъ изъ серебряной или золотой чаши бульонъ, настоенный на виперахъ, умывается кровью только что обезглавленныхъ плѣнниковъ. Сокровища Гамилькара хранятся среди столбовъ изъ кедроваго дерева, въ мѣшкахъ изъ гиппопотамовой кожи; изъ монетъ образуются цѣлыя колонны, иногда полу-обрушившіяся. Слоны, убитые во время сраженія, громоздятся цѣлой горой, на вершинѣ которой до самаго вечера рычитъ громаднѣйшій изъ всѣхъ слоновъ, раненый въ глазъ стрѣлою. Такія картины, развертываясь въ безконечную перспективу, конечно, производятъ эффектъ — и если бы поэзія была синонимомъ чрезвычайнаго, то «Саламбо» дѣйствительно слѣдовало бы назвать самымъ поэтическимъ романомъ Флобера. Другимъ источникомъ эффекта служатъ описанія битвъ, осадъ, казней, пытокъ. Въ продолженіе всего романа мы присутствуемъ при разныхъ перипетіяхъ войны между наемниками и Карѳагеномъ; на нашихъ глазахъ то цѣлый городъ изнываетъ отъ жажды, то цѣлая армія умираетъ отъ голода. И все-таки въ душу читателя закрадывается скука; дѣйствіе едва подвигается впередъ, являются неизбѣжныя повторенія, растянутость описаній становится все болѣе и болѣе замѣтной. Если допустить безусловную точность всѣхъ историческихъ данныхъ, приводимыхъ въ «Саламбо» (самъ

Digitized by Google

Флоберъ отстаиваетъ ее, въ письмѣ къ одному изъ критиковъ, съ такимъ жаромъ, какъ если бы онъ написалъ ученое изслѣдованіе о древнемъ Карѳагенѣ), то чтеніе «Саламбо» можетъ дать намъ основательное знакомство съ костюмами карѳагенянъ, съ устройствомъ ихъ домовъ и храмовъ, съ ихъ національными кушаньями, лекарствами и т. п.; но даетъ ли оно намъ наглядное, ясное представленіе о характерѣ народа, о нравственномъ и умственномъ его складѣ, о внутренней жизни Карѳагена? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ едва ли возможенъ. Такихъ сценъ, какъ совѣщаніе старѣйшинъ въ храмѣ Молоха, въ романѣ слишкомъ мало; на отношенія аристократіи къ народу мы находимъ только намеки. Главныя дѣйствующія лица, несмотря на всѣ старанія Флобера соблюсти такъ-называемую couleur locale, часто напоминаютъ намъ людей нашего времени. «Сентъ-Бёвъ», говоритъ г. Зола, «читалъ книгу Флобера какими-то странными глазами; иначе онъ не сталъ бы упрекать автора за сложный характеръ его варваровъ. Я нахожу ихъ, напротивъ того, цѣльными, руководимыми инстинктомъ, идущими къ одной цѣли. Мато, сраженный любовью на первой страницѣ, оглушенъ ею въ теченіе всей книги и наконецъ умираетъ отъ нея (?). У остальныхъ — подобнаго же рода побужденія, всецѣло отдающія ихъ во власть инстинктовъ». Мнѣніе Сентъ-Бёва кажется намъ болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ мнѣніе г. Зола. Господствующее чувство Мато—дѣйствительно любовь, но выражаетъ онъ ее иногда скорѣе какъ современный европеецъ, чѣмъ какъ африканскій степнякъ III-го вѣка до Р. Х. «Она держитъ меня прикованнымъ къ невидимой цѣпи», восклицаетъ онъ, говоря о Саламбо; «если я иду, то это значитъ, что она подвигается впередъ; если она отдыхаетъ—я останавливаюсь. Она меня окружаетъ, она въ меня проникаетъ. Мнѣ кажется, что она стала моей душой. А между тѣмъ, насъ раздѣляютъ какъ-бы невидимыя волны безграничнаго океана. Она далека и неприступна! Величіе ея красоты образуетъ вокругъ нея облако свѣта; я спрашиваю себя, видѣлъ ли я ее когда-либо, существуетъ ли она, не сонъ ли все это?» Еще больше современнаго въ героинѣ романа — Саламбо. Возражая Сентъ-Бёву, назвавшему Саламбо карѳагенскою madame Бовари, Флоберъ замѣчаетъ, что «madame Бовари волнуютъ разнообразныя страсти; Саламбо, напротивъ того, прикована къ одной идеѣ—она маніакъ, въ родѣ святой Терезы». Самъ авторъ едва ли вѣрно оцѣнилъ здѣсь свое созданіе. Мистицизмъ—только одна черта въ натурѣ Саламбо; ее томитъ потребность знанія, она разспрашиваетъ Шахабарима о причинахъ бытія, о проис-

Digitized by Google

хожденіи боговъ, о прошедшемъ и будущемъ человѣческой души. Вмѣстѣ съ тѣмъ она жаждетъ любви, жаждетъ наслажденія, иначе, болѣе сдержанно и болѣе смутно, но не менѣе сильно, чѣмъ madame Бовари. «Иногда, Таанахъ», говоритъ она своей прислужницѣ, «изъ глубины моего бытія поднимаются жаркія дуновенія, болѣе тяжелыя, чѣмъ испаренія вулкана. Меня зовутъ голоса, огненный шаръ катится и поднимается въ моей груди, онъ душитъ меня, я умираю; потомъ что-то сладкое льется отъ лба до ногъ, переходитъ въ мое тѣло. Меня охватываетъ ласка, я чувствую себя подавленною, какъ если бы Богъ наклонился надо мною».—«Богиня», говоритъ ей Шахабаримъ, «управляетъ любовью людей другъ къ другу».—«Любовь людей другъ къ другу!» задумчиво повторяетъ Саламбо. Когда она идетъ въ палатку Мато за священнымъ покрываломъ, она не желаетъ—по мнѣнію г. Зола—ничего другого, какъ только спасти свою родину и ея святыню. Нѣтъ; ее влечетъ и образъ Мато, сливающійся передъ ея глазами съ образомъ Молоха, въ одномъ общемъ сіяніи. Мато ей страшенъ—но въ этомъ страхѣ есть что-то заманчивое. «Позже», продолжаетъ г. Зола, «она остается вѣрной тому, кто обладалъ ею; она чувствуетъ, что отнынѣ принадлежитъ ему, и умираетъ надъ его трупомъ, отъ ужаса и отчаянія, спасаясь такимъ образомъ отъ объятій Наргаваса». И здѣсь ощущенія Саламбо болѣе сложны, чѣмъ изображаетъ ихъ г. Зола; она чувствуетъ, правда, тайную связь, соединяющую ее съ Мато, но вмѣстѣ съ тѣмъ ненавидитъ его, желаетъ его смерти, любуется своимъ женихомъ — Наргавасомъ, — потомъ опять вспоминаетъ ласки Мато. Внезапная смерть Саламбо, при видѣ Мато, умирающаго у ногъ ея послѣ ужасныхъ мученій, остается загадкой, не разрѣшаемой послѣдними словами романа: «такъ умерла дочь Гамилькара, вслѣдствіе того, что прикоснулась къ покрывалу Таниты». Общій выводъ нашъ таковъ: въ «Саламбо» есть отдѣльныя красоты, но въ цѣломъ этотъ романъ еще больше уступаетъ «madame Bovary», чѣмъ «Сантиментальное воспитаніе». Это литературный «tour de force», основанный на эрудиціи и внѣшнемъ блескѣ, рѣдко достигающій внутренней силы; это опера à grand spectacle, въ которой декораціи и балетъ играютъ болѣе важную роль, чѣмъ музыка.

Въ легендѣ о св. Юліанѣ и въ «Иродіадѣ» Флоберъ могъ не заботиться ни о чемъ другомъ, кромѣ роскоши картинъ и красоты языка; съ этой точки зрѣнія должна смотрѣть на нихъ и критика, не требуя отъ нихъ ни ширины замысла, ни характеровъ, ни дѣйствія, ни идеи. Недостатки флоберовской манеры

Digitized by Google

здѣсь менѣе чувствительны, достоинства ея выступаютъ на видъ не менѣе ярко. Въ «Иродіадѣ» особенно замѣчательна картина пиршества у Антипы; и въ ней, однако, есть преувеличенія, фальшивыя ноты. Изступленіе, въ которое приходитъ Антипа при видѣ танцующей красавицы, было бы возможно только въ дикарѣ, не привыкшемъ сдерживать и скрывать своихъ ощущеній, а не въ хитромъ, утонченно-лицемѣрномъ тетрархѣ. Впечатлѣніе, производимое появленіемъ на блюдѣ головы Іоанна, нисколько не усиливается отъ реалистическихъ деталей въ родѣ слѣдующихъ: «Острое лезвіе меча, скользнувъ сверху внизъ, захватило часть челюсти. Судорога стянула углы рта; уже запекшаяся кровь пестрила бороду. Закрытыя вѣки были блѣдно-прозрачны, какъ раковины». Какъ бы то ни было, объ легенды ничего не прибавляютъ къ славѣ Флобера; подробный разборъ ихъ былъ бы необходимъ только въ этюдѣ, спеціально посвященномъ слогу этого писателя.

«Искушеніе св. Антонія» стоитъ особнякомъ между произведеніями Флобера; это не романъ, не разсказъ, не историческая картина, а нѣчто среднее между историко-философскимъ этюдомъ и фантастическою поэмой. Долго останавливаться на немъ мы не будемъ, по той же причинѣ, по которой мы оставили въ сторонѣ драмы, комедіи и культурно-историческіе этюды Фрейтага, философскія изслѣдованія Ауэрбаха, всю широкую дѣятельность В. Гюго въ качествѣ поэта, драматурга и публициста. Наша задача ограничивается оцѣнкой того, что̀ сдѣлано Флоберомъ въ области современнаго романа. «Искушеніе св. Антонія» не принадлежитъ, притомъ, къ числу тѣхъ произведеній, значеніе которыхъ можно опредѣлить нѣсколькими словами. Флоберъ работалъ надъ нимъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ; содержаніе его и форма одинаково оригинальны, основная мысль его можетъ быть объяснена весьма различно. Оставаясь вѣрнымъ своему тезису о непрерывномъ прогрессѣ въ дарованіи Флобера, г. Зола называетъ «Искушеніе св. Антонія» самымъ страннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ блестящимъ произведеніемъ этого писателя. «Несмотря на колебанія публики и недоумѣніе критики», говоритъ г. Зола, «Флоберъ высказался здѣсь еще болѣе крупнымъ талантомъ, чѣмъ прежде... Никто еще не давалъ такой пощечины человѣчеству. Мы теперь далеко оставили за собой скромную сатиру и скромный смѣхъ «Madame Bovary» и «Сантиментальнаго воспитанія»,—Флоберъ описываетъ уже глупость не одного какого-нибудь общества, а цѣлаго міра. Взять человѣчество съ колыбели, показать его во всѣ эпохи его существованія въ крови

Digitized by Google

и въ грязи, точно отмѣтить каждый его ложный шагъ, доказать его безсиліе, неразумѣе и ничтожество — вотъ долго лелѣянная и тщательно подготовленная цѣль автора... Флоберъ весь высказался въ этомъ произведеніи. Онъ уступилъ желанію отрицанія, безусловнаго сомнѣнія, осудивъ всѣ религіи въ равной степени и высказавъ, быть можетъ, нѣкоторую нѣжность только къ греческимъ богамъ красоты. Если онъ остановился на легендѣ св. Антонія, то только потому, что тутъ онъ сталкивался лицемъ къ лицу съ древнимъ міромъ, съ Востокомъ, который онъ такъ любитъ и гдѣ ему можно развернуться, создать колоссальные и яркіе образы. Избравъ современныя рамки, пришлось бы все умалить и написать комедію вмѣсто поэмы». Не говоря уже о послѣдней фразѣ, повторяющей невѣрное въ самомъ основаніи своемъ положеніе о невозможности найти поэзію вблизи себя, о необходимости искать ее въ какомъ-то «прекрасномъ далекѣ», — взглядъ г. Зола на «Искушеніе» и вообще едва ли можетъ быть признанъ правильнымъ. Видѣть въ прошедшемъ человѣчества только глупость и неразумѣе, только безсиліе и ничтожество, значитъ смотрѣть на него съ такой односторонней точки зрѣнія, которая понятна въ минуту унынія и отчаянія, но едва ли возможна, какъ послѣднее слово цѣлой жизни, проведенной въ спокойномъ, внимательномъ изученіи человѣка. Міросозерцаніе Флобера не было такъ узко, чтобы онъ могъ свести исторію мысли и чувства къ «крови и грязи», чтобы онъ могъ забыть другую сторону медали, т.-е. все великое и доброе въ стремленіяхъ человѣчества. Правда, на первый планъ «Искушенія» слишкомъ часто выступаютъ наименѣе привлекательныя стороны различныхъ вѣрованій и ученій, фантазія автора слишкомъ часто останавливается на картинахъ грубой или утонченной чувственности, разнузданности животныхъ инстинктовъ; но выводить отсюда общее значеніе произведенія было бы явною ошибкой. Главный недостатокъ «Искушенія», объясняющій возможность неправильной его оцѣнки — неясность основной темы, затемненной обиліемъ подробностей, повтореніями, отсутствіемъ строго выдержаннаго плана. Самымъ естественнымъ заключеніемъ книги была бы та глава, въ которой сатана показываетъ Антонію неизмѣримыя, необъятныя пространства науки; между тѣмъ за ней слѣдуетъ еще глава, самая слабая въ цѣлой книгѣ. Въ спорѣ сладострастія съ смертью слышатся мотивы, давно уже исчерпанные въ началѣ книги; послѣднія сцены, въ которыхъ являются блемміи, нисны, кинокефалы, мартихоръ, катоблепъ, василискъ и грифъ, напоминаютъ самыя темныя мѣста второй части «Фауста», на

Digitized by Google

каждомъ шагу нуждаются въ комментаріяхъ и вовсе не приготовляютъ къ финальному монологу Антонія. Стремясь къ величественному, Флоберъ часто достигаетъ только страннаго. Сильная сторона «Искушенія»—какъ и всего написаннаго Флоберомъ, кромѣ «Madame Bovary»—заключается въ отдѣльныхъ страницахъ, поразительно яркихъ, а не въ цѣломъ, оставляющемъ смутное впечатлѣніе.

Вліяніе романа на современниковъ, значеніе его въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній можетъ корениться въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Онъ можетъ черпать свою силу изъ вопросовъ, разгадку которыхъ издавна ищетъ человѣчество; изъ идеи, составляющей пріобрѣтеніе и отличительную черту извѣстной эпохи; изъ смутныхъ стремленій къ чему-то высшему и лучшему—и изъ тенденцій, преслѣдующихъ ясно опредѣленную цѣль, осуществимую въ настоящемъ или въ ближайшемъ будущемъ; изъ горячаго чувства, одушевляющаго автора и неудержимо передающагося читателямъ; изъ типовъ, отражающихъ въ себѣ ту или другую сторону человѣческой натуры; изъ художественнаго изображенія отдѣльныхъ характеровъ или цѣлаго общества въ данную минуту его жизни; изъ образнаго, блестящаго языка, сообщающаго прозѣ всю прелесть изящной стихотворной рѣчи. Въ романахъ Флобера—за исключеніемъ «Madame Bovary» и пожалуй «Простого сердца»,—преобладаетъ послѣдняя черта, т.-е. наименѣе широкое и прочное изъ всѣхъ основаній, на которыхъ строится слава романиста. Произведенія Флобера, взятыя какъ одно цѣлое, не дѣйствуютъ на насъ съ неотразимой силой, не откликаются на задачи, занимающія нашу эпоху, не разъясняютъ темныхъ сторонъ общественной и личной жизни; отъ нихъ слишкомъ часто вѣетъ холодомъ, равнодушіемъ, игрою въ искусство. При всѣхъ недостаткахъ формы, лучшіе романы В. Гюго, Бальзака, Ж. Занда затрогиваютъ насъ за живое, глубоко врѣзываются въ душу; чтеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ произвести переломъ въ нравственномъ строѣ, оставить неизгладимый слѣдъ въ воспріимчивой натурѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ европейскихъ литературахъ—о лучшихъ романахъ Диккенса и Теккерея, Гоголя и Тургенева. Съ точки зрѣнія внѣшняго мастерства рѣчи, Флоберъ, можетъ быть, превосходитъ нѣкоторыхъ изъ только-что названныхъ нами писателей—и если будущее, въ области искусства, принадлежитъ простому воспроизведенію дѣйствительности, лишь бы только оно было облечено

Digitized by Google

въ блестящую, красивую форму, то вождь французскихъ неореалистовъ займетъ въ немъ то первенствующее мѣсто, которое заранѣе отводятъ ему его поклонники. Но если великими писателями по прежнему будутъ считаться тѣ, которые обладаютъ даромъ «ударять по сердцамъ съ невѣдомою силой», то окончательный приговоръ критики о Флоберѣ едва ли совпадетъ съ восторженными отзывами теоретиковъ экспериментальнаго романа.

Мы видѣли уже, что г. Зола сравниваетъ типичность Эммы Бовари съ типичностью Тартюффа, и нашли это сравненіе совершенно вѣрнымъ. Слѣдуетъ ли заключить отсюда, что «Madame Bovary» можетъ быть поставлена наряду съ величайшей комедіей Мольера? Мы этого не думаемъ. Тэнъ, въ своей книгѣ объ идеалѣ въ искусствѣ, измѣряетъ художественное значеніе произведенія, между прочимъ, степенью важности господствующаго въ немъ характера (le dégré d'importance du caractère). Типъ Тартюффа, въ этомъ смыслѣ, важнѣе, чѣмъ типъ Эммы Бовари. Онъ представляетъ собою одно изъ воплощеній мрачной силы, съ которою цѣлые вѣка борется человѣчество, которая и теперь стоитъ поперекъ его дороги. Тартюффы той или другой величины подаютъ руку инквизиціи и іезуитамъ, преслѣдуютъ свободу мысли, налагаютъ свою тяжелую руку на школу, поддерживаютъ клерикализмъ во всѣхъ его формахъ—и не въ однѣхъ только католическихъ странахъ. Сорвавъ маску съ своего Тартюффа, Мольеръ сослужилъ великую службу не только литературѣ, но и всему цивилизованному міру. Жгучая сатира поэта не потеряла своей силы и по прошествіи двухъ столѣтій, потому что еще не миновало зло, противъ котораго она была направлена. Госпожи Бовари—явленіе другого порядка, менѣе крупное и менѣе грозное. Не мало еще пройдетъ времени, пока оно исчезнетъ, не совсѣмъ ничтожна роль, принадлежащая ему въ нашемъ обществѣ—но это скорѣе одинъ изъ симптомовъ болѣзни, чѣмъ самая болѣзнь. И теперь не Эммы Бовари стоятъ на первомъ планѣ, не съ ними приходится считаться больше всего въ частной и общественной жизни; значенію ихъ, судя по всѣмъ признакамъ, суждено не увеличиваться, а уменьшаться. Имъ недостаетъ могучихъ двигателей къ добру и ко злу, недостаетъ страсти и мысли. Онѣ стоятъ въ сторонѣ отъ движенія своего вѣка—и вмѣстѣ съ тѣмъ не принадлежатъ всѣмъ существомъ своимъ одной изъ тѣхъ элементарныхъ силъ, которыя не могутъ быть пріурочены ни къ какой эпохѣ и остаются вѣчной задачей для искусства.

Digitized by Google

Статья наша была уже окончена, когда мы прочли въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы» воспоминанія г. Зола о Флоберѣ. Флоберъ-человѣкъ во многомъ объясняетъ Флобера-писателя, онъ былъ равнодушенъ ко всему, чѣмъ живетъ и движется наше время; равнодушіе это не могло не отразиться на его произведеніяхъ. Ему недоставало любви, увлеченія, убѣжденія—и недостатокъ ихъ не могъ быть вознагражденъ одною художественною отдѣлкой формы. Даже подъ перомъ поклонника и друга, Флоберъ является натурой талантливой, добродушной, но не сильной—а прочное значеніе въ литературѣ всегда пріобрѣтали до сихъ поръ только сильныя натуры.

Z. Z.

Digitized by Google

ПО ПРИНЦИПУ

РОМАНЪ

I.

Василій Александровичъ Барановъ—женится.

Вѣсть эта какъ молнія облетѣла гостиныя Петербурга, залетѣла въ Москву, по близости которой лежали большія нигдѣ не заложенныя имѣнія Барханова, изъ Москвы полетѣла, наконецъ, въ имѣнья,—и всѣхъ, до послѣдняго дворецкаго, удивила и ошеломила.

— Avez vous entendu, madame, la nouvelle du jour,—тонко улыбаясь, спрашивалъ красивый офицеръ старую чопорную даму, г-жу Арбатову.

Послѣдняя, хотя и вращалась всегда въ свѣтѣ, но, будучи патріоткой, терпѣть не могла говорить иначе, какъ по-русски. И тутъ, поднявъ на вопрошающаго ее офицера сѣдую, но еще красивую голову:

— Слышала, батюшка, слышала эту новость,—проговорила она.—Дивлюсь на старика, что это ему на седьмой-то десятокъ вздумалось, и на комъ еще?

— Но вы знаете,—продолжалъ, таинственно наклонясь къ ней, офицеръ,—on parle, что его сынъ, le beau André, былъ прежде къ ней неравнодушенъ, и она, кажется, отвѣчала ему.

— Ну, а это, батюшка, сплетни, и ты ихъ, сдѣлай милость, не разноси, вотъ что!—сердито проговорила старая дама,—и отошла въ сторону.

Офицеръ только плечами пожалъ: чтб, молъ, подѣлаешь со старухой; ей все съ рукъ сходитъ.

Digitized by Google

А въ московскихъ гостиныхъ уже во всеуслышаніе говорилось, что «le vieux» «не вѣдаетъ что творитъ», что онъ самъ попалъ въ силки, разставленные ему его же сыномъ, красавцемъ Андреемъ, что это скандалъ и скандалъ... Послѣднее достигло быстро и до ушей дворецкихъ и управляющихъ, и слово «скандалъ» сдѣлалось необходимой приправой при упоминаніи о свадьбѣ Барханова, которая должна быть сыграна на дняхъ въ его любимой Борисовкѣ. И тутъ, на кухнѣ и конюшнѣ, заговорила генеральская дворня...

— Надысь, значитъ, кульера посылалъ къ Ѳедору Егоровичу, чтобъ все въ отличномъ порядкѣ состояло, ѣду, говоритъ, на дняхъ, и съ невѣстой значитъ,—повѣствовалъ косоглазый конюхъ Никишка, въ кругу жадно внимавшихъ ему слушателей.

— И этотъ, молодой-отъ сынъ съ нимъ ѣдетъ?—съ любопытствомъ допрашивала его толстая скотница.

— Хм! ѣдетъ? А отчего же бы ему не ѣхать, кады его превосходительство, папинька ихъ, вѣнчаться изволятъ?—глубокомысленно и иронически процѣдилъ Никишка.

— Знавала я его, во́ еще какимъ махонькимъ,—говорила почтенная скотница,—вѣдь въ крѣпостныхъ еще у Василія Александровича-то была. Ну, доложу я вамъ, шустрый былъ, хоть и отъ земли еще не видать,—а ужъ красавчикъ-то какой сталъ потомъ—диво; дѣвки всѣ на селѣ изводились по немъ. Съ тѣхъ поръ значитъ, какъ отдали его въ Петербургъ учиться, разъ всего только и наѣзжалъ сюда. Генералъ-отъ въ деревнѣ все проживалъ, какъ службу, значитъ, въ Питерѣ бросилъ. Пріѣхалъ разъ, помнится мнѣ, сынокъ къ нему погостить; науки, значитъ, всѣ окончилъ. Только со старымъ-то они, не знаю ужъ изъ-за чего, не ладно такъ жили. Старый-то, бывало, закричитъ на него, затопаетъ, а онъ возьметъ шапку, да дня три и пропадаетъ,—никто не знаетъ гдѣ. И часто этта у нихъ всякія батальи бывали. Потомъ Андрей Васильевичъ уѣхалъ, служить, сказываютъ,—и съ тѣхъ самыхъ поръ сюды и не заглядывалъ; лѣтъ шесть почитай ужъ тому. Только вотъ Гришуха, сынишка камельдинера Павла, что при самомъ-то всегда въ услуженіи, разсказывалъ мнѣ надысь, что Андрей-отъ Васильевичъ въ Петербургѣ въ Татьяну Павловну, въ теперешнюю невѣсту князя, и влюбись, и она въ него тоже; но это было много раньше, старый-то значитъ о томъ ничего еще и не помышлялъ. Ну, они, сказываютъ, промежду собой и хороводились, съ годъ этакъ. Потомъ, значитъ, поссорились они сильно, и въ глаза другъ другу не смотрѣли. Тутъ старый-отъ и пріударь за ней, она со зла-то

Digitized by Google

и согласись. Вотъ она исторія-то какова! А старикъ, сказываютъ, все знаетъ, только молчитъ, думаетъ: приберу я тебя, барыня, къ рукамъ-то. И приберетъ, куда какъ лютъ!

И много всевозможныхъ толковъ со всевозможными варьяціями ходили всюду о неожиданной свадьбѣ стараго барина.

Его знали за человѣка строгихъ и неумолимыхъ правилъ, за крѣпостника, который ставилъ выше всего свой старый родъ и свое богатство.

И вдругъ, этотъ старый феодалъ, пропитанный до мозга костей понятіями фамильной чести и аристократизма, одной ногой уже стоя въ гробу, внезапно отрѣшается ото всего, что наполняло его внутренній и внѣшній міры,—и женится на какой-то смазливенькой дѣвочкѣ, дочери отставного губернскаго секретаря Бѣлобрисова. Конечно, подобной mésaillance не могъ не возмутить всего его знакомства.

«Онъ всегда былъ чудакъ»,—говорили нѣкоторые, пытаясь хоть чѣмъ-нибудь объяснить необъяснимое.

Старика любили и уважали за его прямой, хотя слишкомъ иногда крутой характеръ, за долголѣтнюю и полезную дѣятельность его на службѣ. Естественно, что всю вину доброжелатели Барханова старались свалить на эту несчастную дочь губернскаго секретаря, безъ имени, безъ средствъ, безъ сколько-нибудь приличнаго положенія въ свѣтѣ.

Ее осуждали, порицали, смѣшивали съ грязью.

Эта злосчастная дѣвчонка, un rien, осмѣливалась врываться въ кругъ людей, которому была совсѣмъ чужда.

Смутныя, но некрасивыя исторіи ходили объ отношеніяхъ ея къ будущему пасынку ея, Андрею. Ее нерѣдко встрѣчали съ молодымъ человѣкомъ вдвоемъ въ ложѣ Михайловскаго театра, въ циркѣ, на островахъ. Въ томъ не было ничего предосудительнаго, что онъ проводитъ свой досугъ съ хорошенькой дѣвушкой; она была много ниже его по общественному положенію, чтобъ эта близость могла заставить говорить, предполагать, опасаться... И вдругъ, какъ снѣгъ на голову, неожиданная вѣсть о свадьбѣ Василія Александровича Барханова.

Языки, молчавшіе доселѣ, нашли обильную пищу своему злословію; предположеніямъ и догадкамъ не было конца. Большинство упорствовало видѣть въ этомъ общую продѣлку «губернской секретарши» и сына, тѣмъ болѣе, что послѣдній не сходился прежде со старикомъ,—и между ними, время отъ времени, возникали продолжительныя недоразумѣнія.

Что-то чудовищно-развратное, изъ ряда вонъ выходящее,

Digitized by Google

разыгрывалось въ этомъ скандалезномъ бракѣ на глазахъ удивленныхъ и оскорбленныхъ въ своемъ собственномъ достоинствѣ знакомыхъ и друзей жениха.

Тѣмъ не менѣе начальникъ департамента, въ которомъ наименѣе видное мѣсто занималъ губернскій секретарь Бѣлобрисовъ, былъ удивленъ и даже какъ-бы опечаленъ, прочтя форменное прошеніе его объ отставкѣ.

Онъ потребовалъ къ себѣ Бѣлобрисова.

На другой день въ назначенный часъ тотъ вошелъ къ нему въ кабинетъ робкой, нерѣшительной походкой.

— Ваше превосходительство, вы приказали, — началъ-было онъ тихимъ почтительнымъ голосомъ.

Генералъ сердито повернулся въ креслѣ и, окинувъ недоумѣвающимъ взглядомъ фигуру чиновника въ поношенномъ вицмундирѣ, строго и внушительно проговорилъ:

— Кто васъ звалъ? Какъ вы смѣли явиться сюда? Ваша фамилія?

Онъ забылъ въ эту минуту, что вчера самъ приказалъ вызвать къ себѣ предписаніемъ «по дѣламъ службы» губернскаго секретаря Бѣлобрисова.

— Бѣлобрисовъ, ваше прев-ство, — поспѣшно отвѣчалъ на его окликъ чиновникъ въ поношенномъ вицмундирѣ.

Лицо генерала прояснилось. Нѣчто въ родѣ привѣтливой улыбки появилось на тонкихъ губахъ.

— Ахъ, да! Виноватъ, любезный, я не узналъ васъ. Онъ надѣлъ на носъ золотое pince-nez и молча, въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ, смотрѣлъ на вошедшаго.

Генералъ со вниманіемъ и любопытствомъ разсматривалъ будущаго тестя столь извѣстнаго въ Петербургѣ лица какъ Бархановъ.

— Я васъ вызвалъ... Дѣло вотъ въ чемъ, — заговорилъ онъ наконецъ, какъ-бы вспомнивъ что-то. — Вы подали прошеніе объ отставкѣ, любезнѣйшій. Зачѣмъ это? Мнѣ будетъ жаль; вы были полезны на службѣ, — и наконецъ ваши лѣта далеко еще не такія, чтобы идти на покой, что вы на это скажете?

Плутовскіе, жиромъ оплывшіе, глаза Бѣлобрисова какъ-то особенно иронически остановились при этомъ на полномъ собственнаго достоинства лицѣ его превосходительства и, униженно кланяясь, — онъ проговорилъ тихимъ и грустнымъ голосомъ:

— Если-бы не въ конецъ разстроенное здоровье мое на службѣ, я бы... я бы счелъ за счастье продолжать службу подъ милостивымъ начальствомъ вашего прев-ства. Но многолѣтніе

Digitized by Google

труды, лишенія, заботы о хлѣбѣ, убили мои силы. Я понимаю, ваше прев-ство, что молодежь будетъ много полезнѣе насъ, стариковъ.

— Ну нѣтъ. Намъ нужно знаніе дѣла, опытность, а это не всегда можно встрѣтить въ молодомъ человѣкѣ. Служите,—вотъ мой совѣтъ. Рвеніе ваше не пропадетъ даромъ... Начальство не оставитъ безъ вниманія.

Бѣлобрисовъ возвелъ глаза къ потолку и тихонько вздохнулъ, не измѣняя своей почтительной позы.

— Ваше прев-ство, я старъ; не о чинахъ мнѣ, а о душѣ своей радѣть надо. Позвольте поблагодарить васъ за снисходительное вниманіе ваше.—Генералъ неловко завертѣлся на креслѣ.

— Очень жаль. Я былъ всегда вами доволенъ, любезнѣйшій, можете идти...

— Счастливо оставаться, ваше прев-ство; еще разъ позвольте вамъ выразить чувство моей глубокой благодарности за ваше...

— Ну, полноте, полноте, я вѣрю вамъ, вы были хорошій подчиненный,—нетерпѣливо перебилъ его генералъ, чувствуя себя крайне неловко отъ этихъ «искреннихъ благодарностей».

А губернскій секретарь, Павелъ Аѳанасьевичъ Бѣлобрисовъ, лихо заломивъ свою форменную фуражку, гордо шагалъ по многолюдной улицѣ, преисполненный счастливыхъ думъ:

«Плевать на тебя теперь хочу—вотъ что! что мнѣ въ 35 рубляхъ, когда тесть мой милліонами ворочаетъ. Барханов! а, каково, шуточное ли дѣло! Такой вельможа, что другого не сыщешь. Недуренъ тестюшка! Ну, да и Танюшка молодецъ—не промахъ; молодой сорвался съ крючка, а самъ-отъ, глядишь, тутъ какъ тутъ,—и попался. Огонь дѣвка, что и говорить»!

II.

Татьяна Павловна къ семи часамъ поджидала къ себѣ своего сановнаго жениха.

Онъ долженъ былъ пріѣхать, чтобы провести съ ней послѣдній вечеръ въ Петербургѣ; завтра рѣшено выѣхать въ Москву—и прямо въ имѣнье.

«Два, много три дня», думала счастливая невѣста, «и я становлюсь женою Барханова, знатной и богатой, страшно богатой»!

При этой мысли, выразительные глаза ея загорѣлись. Она слишкомъ хорошо понимала, какую огромную взятку удалось

Digitized by Google

взять ей отъ жизни въ лицѣ этого хотя и стараго, но богатаго барича.

Пусть ей завидуютъ озлобленныя важныя маменьки, пусть злятся старыя вакантныя кокетки, пусть свѣтъ чернитъ её и осуждаетъ,—ей нѣтъ до этого дѣла.

Она увѣрена, что онъ же, этотъ безжалостный и неумолимый судья, будетъ поклонникомъ ея красоты, молодости и богатства. Имя Бархановой должно блистать въ томъ свѣтѣ, гдѣ теперь ей нѣтъ мѣста, нѣтъ снисхожденья.

Быстро рисуетъ разгоряченное воображеніе картины ожидающей ее жизни.

Невиданная ею роскошь окружаетъ ее. Женщины, которыя не удостоивали ее прежде даже равнодушнаго взгляда, теперь наперерывъ заискиваютъ ея дружбы, гордятся ею. Гостиная ея наполнена цвѣтомъ общества. Она—центръ среди этого блеска; къ ней одной стремится эта красивая толпа дамъ и мужчинъ.

А вотъ и мужъ ея является въ общей картинѣ.

Онъ старъ, ему почти семьдесятъ, но грудь его украшена звѣздами, видъ величественный, взоръ строгій и благородный. Онъ ждетъ ея малѣйшаго движенія, онъ слѣдитъ за ея опущенными глазами, чтобъ уловить ея желанье, чтобъ удовлетворить ея капризамъ. Онъ рабъ ея,—не повелитель. Предъ его потухшими глазами трепещутъ многіе, онъ крутъ, онъ властенъ; но она, жена его, она не знаетъ предъ нимъ смущенья и страха. Въ залитой огнями залѣ, среди толпы расфранченной, разволоченной,—ее замѣтили, красавицу Барханову. Съ ней знакомятся наперерывъ, ее осаждаютъ, осыпаютъ восторженными похвалами. О, сколько счастья, блеска, упоенья ожидаетъ её впереди!

И развѣ не достойна она этого счастья?

Развѣ въ бѣдномъ ситцевомъ или холстинковомъ платьѣ она не въ состояніи затмить своей гибкой и высокой фигурой, своими черными глазами, своей строгой красотой, разрисованнаго сонма чопорныхъ дѣвъ и важныхъ свѣтскихъ барынь?

Но дочь бѣднаго чиновника и барыня большого свѣта—не могутъ ни минуты стоять рядомъ. Она была существомъ низшаго разряда; рожденіе и состояніе обусловили ей страшную борьбу съ обществомъ, съ собой, чтобы подняться въ концѣ-концовъ изъ уличной грязи, обновленной заимствованнымъ блескомъ.

А подняться ей было необходимо; злой духъ тщеславія сидѣлъ въ ней чуть не со дня ея рожденья.

Горькія слезы текли по лицу семилѣтней дѣвочки, когда она видѣла такихъ же маленькихъ дѣвочекъ, разодѣтыхъ въ бархатъ

Digitized by Google

и шелкъ, окруженныхъ гувернантками и лакеями, а на ней, Танюшкѣ, всегда грязное ситцевое платье, башмаки стоптанные, изодранные. Она плакала отъ злобы, сознавая себя и красивѣе и умнѣе своихъ разряженныхъ сверстницъ.

А за эти слезы ей много доставалось; мать била ее, называла «дурой завидущей», а отецъ хохоталъ надъ ея ребячествомъ.

Онъ не билъ ее никогда, онъ любилъ свою красавицу Танюшку, любилъ сильно, по-своему и, послѣ смерти матери, принялся «дѣлать изъ нея человѣка».

Въ свободное отъ службы время, онъ водилъ съ собой по Невскому свою 9-ти-лѣтнюю дочку, подводилъ ее къ ярко освѣщеннымъ магазинамъ, гдѣ блестѣли за стеклами золото, серебро, дорогія матеріи, дорогія бездѣлушки. Не съ удивленіемъ разсматривала ихъ дѣвочка; она изучала ихъ до мельчайшихъ подробностей, пожирала глазами, даже мысленно примѣряла къ себѣ. Ей говорилъ отецъ много разъ, что съ красотой и умомъ богатство само идетъ въ руки, что все это будетъ ея собственнымъ, что все ей дастъ тотъ, котораго съумѣетъ она сдѣлать своимъ мужемъ, что она должна будетъ жить счастливо и богато, потому что не хуже, а лучше другихъ, утопающихъ въ богатствѣ. Маленькая Таня жадно внимала словамъ добраго папаши; она чувствовала всѣмъ своимъ существомъ, что онъ правъ, что нужно ей будетъ отыскать себѣ богатаго мужа. А дома, послѣ этой прогулки, отъ которой мысли путались и голова кружилась у дѣвочки, она садилась за неизмѣнныя щи и кашу, жевала черствую корку хлѣба. Штопанье, подшиванье изорванныхъ полуразвалившихся платьевъ занимали потомъ весь ея длинный и скучный вечеръ. Одинокая сидѣла она въ крохотной комнаткѣ, руки работали машинально, голова же работала горячо, не по-дѣтски.

Завтра опять она увидитъ эту столь привлекательную ей роскошь, увидитъ на улицѣ, за стекломъ магазиновъ, и мысленно прикинетъ ее къ себѣ. Воображеніе создавало дѣвочкѣ и роскошный домъ, и красивые экипажи, и шелковыя платья, золото, деньги... Оно переносило ее въ иной міръ, дарило богатствомъ, блескомъ, радостью.

Такъ жила Танюша изо дня въ день подъ ревнивымъ подстрекательствомъ отца.

Она всему научилась, что нужно было молодой свѣтской дѣвушкѣ; изъ одолженія ее обучили посторонніе и языкамъ, и музыкѣ, и пѣнью. И вотъ ей стукнуло 18 лѣтъ. Въ околоткѣ ее называли красавицей, называли умницей, а она все въ томъ

Digitized by Google

же ситцевомъ платьѣ,—и ни одной вещички изъ красивыхъ магазиновъ на Невскомъ не попадало еще въ ея руки.

Мужчины, равные ей по состоянію и положенію, сторонились ея, боясь приступить къ слишкомъ «гордой красавицѣ». Молодые чиновники, товарищи отца, не выносили ее пристальнаго презрительнаго взгляда, стушевывались, нѣмѣли передъ нимъ. А такого, надъ кѣмъ стоить потрудиться, не попадалось еще до сихъ поръ Танюшѣ.

— Погоди, наклюнется,—не унывалъ отецъ, и дѣйствительно какъ будто и наклюнулся.

Молодой, красавецъ собой, съ извѣстной фамиліей и огромнымъ состояніемъ, которое все должно было перейти къ нему скоро въ руки, какъ единственному сыну, Андрей Васильевичъ Барханов сдѣлался въ глазахъ Танюши блестящимъ олицетвореніемъ ея завѣтнаго идеала. Она рѣшила женить его на себѣ; къ тому же, это не трудно, онъ такъ искренно влюбленъ въ нее. И началась игра съ убійственнымъ равнодушіемъ и разсчитаннымъ кокетствомъ. Она длилась почти годъ; влюбленный — казалось до безумія—все однако не дѣлалъ ей предложенія.

Красавица вела себя на славу.

Отецъ начинаетъ сердиться и ворчать на «вертопраха». Минутами онъ рушился и на дочь.

— Дура ты набитая, вотъ что, ужъ ежели такой кусочекъ изъ рукъ выпустишь,—говаривалъ онъ иногда.

И Танюша понимала, что отецъ правъ.

Она употребила послѣднее усиліе и, во всеоружіи своей по истинѣ рѣдкой красоты и тонкаго неотразимаго кокетства, выступила на генеральный бой... Молодой Барханов предложилъ ей, наконецъ, роскошную квартиру, рысаковъ, ложу въ итальянскомъ абонементѣ; но руки своей не предложилъ, упомянувъ, какъ-бы въ свое оправданіе, что требованія свѣта слишкомъ строги, что ему не простили бы никогда этого брака, что онъ въ отчаяніи, но не въ состояніи идти противъ принциповъ.

А у Танюши были свои принципы, и противъ нихъ она не въ состояніи была тоже идти. Она признавала лишь бракъ выгодный, блестящій, о другомъ же она думать не хотѣла, да и не могла.

Она — разсерженная, уязвленная въ самое больное мѣсто, онъ, казалось, огорченный, убитый ея рѣзкимъ отказомъ, — они разошлись.

Но счастье не оставило Танюши.

Крѣпко памятенъ ей тотъ день, когда впервые встрѣтилась

Digitized by Google

она съ *нимъ*, съ этимъ высокимъ сѣдымъ старикомъ, котораго черезъ нѣсколько дней назоветъ она своимъ мужемъ. Встрѣча была случайная—«роковая», такъ говорила она себѣ, впослѣдствіи вспоминая о ней.

Встрѣтились они въ театрѣ. Она сидѣла въ ложѣ съ однимъ почтеннымъ семействомъ, состоящимъ изъ толстой мамаши и двухъ молоденькихъ золотушныхъ дочекъ. Но если бы спросили ее сейчасъ же по выходѣ изъ театра, кто пѣлъ, какъ понравилась ей знаменитая пѣвица, — она положительно не была бы въ состояніи отвѣтить на эти вопросы, такъ занята она была во все время спектакля инымъ... Съ затаеннымъ дыханіемъ, съ яркой краской, выступившей на лицѣ, сидѣла она, безцѣльно устремивъ предъ собою неподвижный взоръ.

— Красавица!—раздавалось въ ея ушахъ.—Я не встрѣчалъ еще такой женщины... Неужели это она?—тихій разговоръ долеталъ до нея изъ сосѣдней ложи. Въ ней сидѣло трое мужчинъ.

— Она, конечно. Вѣдь я нерѣдко видалъ ее съ вашимъ сыномъ.

— Посмотрите, что́ за поворотъ головы. — А глаза, брови! И откуда въ ней такая порода?!

Таня вздрогнула.

«Порода!» Дочь губернскаго секретаря... Конечно, гдѣ ужъ тутъ быть *породѣ*?

Она чуть не до крови закусила свою красивую губу, и глаза ея загорѣлись зловѣщимъ огнемъ. Она понимала теперь, кто былъ этотъ горбоносый высокій старикъ въ сосѣдней ложѣ, восхищающійся ею съ видомъ аматёра. Конечно, это старикъ Барховъ, тотъ важный, упрямый старикъ, про котораго она такъ много уже успѣла наслышаться отъ Андрея.

Теперь онъ сидитъ съ ней рядомъ и разсматриваетъ, оцѣниваетъ ея красоту. Именно—*оцѣниваетъ*, непремѣнно *оцѣниваетъ*, казалось ей, — и жгучая, безсильная злоба клокотала въ груди.

Но вотъ заговорили опять и, кажется, умышленно громко.

— О, я хочу съ ней познакомиться,—говоритъ все тотъ же голосъ. — Хотите, Василій Александровичъ,—я представлю васъ въ антрактѣ,—почти шопотомъ отвѣчаетъ другой уже слышанный ею голосъ, представлю этой толстой дамѣ, что сидитъ съ ней вмѣстѣ. Она будетъ въ восторгѣ...

— Отлично. Вы меня представите. Я постараюсь быть любезенъ и со старухой и—съ красавицей. Надѣюсь, мой сынъ ничего не возымѣетъ противъ послѣдняго.

И онъ тихо засмѣялся при этомъ.

Digitized by Google

Въ антрактѣ Барханов былъ представленъ внушительной madame Perounoff, которая и не замедлила познакомить его съ обѣими дочерьми и Таней: une amie de famille,—повела она глазами на красавицу Таню.

Два остальныхъ дѣйствія Василій Александровичъ бойко бесѣдовалъ и любезничалъ съ ними, расположившись позади на стулѣ, какъ хорошо уже знакомый, короткій человѣкъ.

Барханов просилъ позволенія пріѣхать съ визитомъ. Съ милымъ заигрываньемъ ему было отказано въ этомъ: на другой же день его ждали «запросто, вечеркомъ».

Таня видѣла произведенное ею впечатлѣніе. Она торжествовала и мучилась вмѣстѣ. Торжествовала отъ сознанія своей силы, мучилась—страхомъ, что этотъ важный старикъ черезъ недѣлю—другую признается ей въ любви, предложивъ взамѣнъ роскошную квартиру и дорогихъ рысаковъ... Взамѣнъ чего? Взамѣнъ имени, положенія, той желанной жизни среди роскоши и богатства, на которую она имѣетъ такъ много права,—отвѣчала она себѣ на невольно возникшій вопросъ.

— О! онъ будетъ моимъ мужемъ,—рѣшила она.—Опять началась игра, холодная, обдуманная до мелочей. Ей не хотѣлось проиграть этой ставки: ставка была крупная. И она не проиграла ее...

Барханов цѣлыми вечерами просиживалъ въ невзрачной квартиркѣ губернскаго секретаря. Красавица Таня крѣпко, крѣпко приковала его къ своей побѣдной колесницѣ. Скоро, какъ воздухъ, она стала ему положительно необходима.

И онъ не выдержалъ... Онъ прямо признался ей, что жить безъ нея не въ состояніи, что влюбленъ въ нее до безумія.

— Да, именно до безумія,—потрясеннымъ голосомъ говорилъ онъ.—Любовь старика—вѣдь она безумна... Ну, что же? Я знаю это, но бороться съ безуміемъ не могу; оно сильнѣе меня. Сокровище мое, не смѣйтесь надъ этими сѣдинами. Будьте женой моей... будьте, будьте! — шепталъ онъ съ искривившимся отъ волненія ртомъ.

Долго не могла забыть она выраженія его лица. Первую минуту ей стало страшно; она думала, что его хватитъ ударъ.

«Противный, противный, страшный!» вертѣлось въ ея головѣ при взглядѣ на это обезображенное страстью лицо. Другого чувства въ эту минуту она не испытывала.

Она закрыла лицо руками и невольно попятилась назадъ.

— Будьте, будьте... будь!—уже совсѣмъ нѣмѣющимъ языкомъ лепеталъ старикъ, все ближе и ближе придвигаясь къ ней.

Digitized by Google

Въ одну секунду пронеслась въ ея воображеніи пережитая картина униженій, страданій самолюбія, и неясная, но ослѣпительная картина манящаго, новаго счастья.

— Берите... я ваша!—вырвалось у нея.

И оба, эта молодая снѣдаемая гордостью и тщеславіемъ дѣвушка, и этотъ самолюбивый, деспотичный старикъ, — казалось, были такъ счастливы и довольны теперь своей судьбою, какъ могутъ быть только счастливы дѣти наканунѣ своихъ именинъ.

— Ну, Таня, вотъ какъ большой барыней будешь, не отрекись и отъ меня, старика, — говорилъ Павелъ Аѳанасьевичъ, дружелюбно хлопая ее по плечу.

— Я вамъ сказала уже, папаша, что вамъ будетъ положена извѣстная сумма въ годъ, чтобъ вы могли прожить не служа и прилично,—нетерпѣливо отвѣтила ему Таня.

— Хе-хе-хе! не служа и прилично; это хорошо, дочка, это очень хорошо,—не служа и прилично.

— Только ужъ жить вмѣстѣ, впередъ говорю, и не разсчитывайте.

— Не разсчитываю, не разсчитываю;—гдѣ ужъ намъ, старому хламу, въ палаты залѣзать. И такъ проживемъ. А тебѣ, дочка, тебѣ широкая дорога; знай себѣ живи да веселись, а главное—при случаѣ и отплатить другому, третьему можемъ, да-съ, кто прежде-то оттого насъ какъ котятъ не душилъ, что слишкомъ малы были, хе-хе-хе! трудиться не стоило...

И Таня, не въ первый разъ, выслушала длинную, пропитанную сознательной злобой и желчью на жизнь, тираду отца. Она привыкла къ нимъ спозаранку, но теперь, казалось, еще съ бо́льшимъ вниманіемъ, съ бо́льшей чѣмъ когда-нибудь чуткостью, она внимала послѣднему родительскому напутствованію.

Въ передней раздался сильный звонокъ.

Павелъ Аѳанасьевичъ опрометью бросился отпирать двери.

Таня выпрямилась, подошла къ висѣвшему на стѣнѣ зеркалу и, окинувъ быстро свою горделивую изящную фигуру, тихо улыбнулась своему отраженію.

— Красота—это сила,—невольно прошептала она, и пошла на встрѣчу уже появившемуся въ дверяхъ Василію Александровичу Барханову.

Это былъ старикъ высокаго роста съ бѣлыми какъ лунь волосами, съ бритымъ типичнымъ лицомъ и орлинымъ носомъ. Несмотря на года,—ему было около семидесяти,—немалый запасъ энергіи и молодости виднѣлся въ его уже потухшихъ, но еще строгихъ и выразительныхъ глазахъ.

Digitized by Google

Въ молодости онъ слылъ красавцемъ. Нагнувъ нѣсколько свою высокую еще крѣпкую талью, онъ неспѣшно подошелъ къ Танѣ и, взявъ ея обѣ руки, съ чувствомъ поцѣловалъ ту и другую. При этомъ старикъ особенно громко чмокалъ, какъ-бы стараясь показать, что онъ цѣлуетъ уже свою собственность, что онъ знаетъ, что́ дѣлаетъ.

— Вы ждали меня?—проговорилъ онъ послѣ своихъ громкихъ поцѣлуевъ не менѣе громкимъ голосомъ.

— Какъ же-съ, еще къ семи часамъ ожидали, вѣдь обѣщать изволили,—поспѣшилъ отвѣтомъ Павелъ Аѳанасьевичъ, не сводя съ своего будущаго зятя подобострастнаго взора.

— Ну да, я знаю. Къ семи... теперь восемь; меня задержали. Вы прощаете великодушно, моя очаровательница? — шутливымъ тономъ обратился онъ къ Танѣ, тихо тронувъ ее за руку выше локтя.

— Отчего же не простить такихъ пустяковъ,—съ обаятельнѣйшей улыбкой отвѣчала она,—прощаю. Но вообще вамъ не слѣдуетъ слишкомъ много полагаться на мое великодушіе. Я не такъ, можетъ быть, великодушна, какъ вы думаете.

— Хе-хе-хе! Ужъ это, извините ваше пр-ство, манера у насъ такая есть,— шутить и себя хулить, не взыщите, ваше прев-ство...

Барановъ, казалось, не замѣчалъ ни ухаживаній, ни почтительныхъ взоровъ, ни робкаго съ нимъ заигрыванья его будущаго тестя.

Онъ взялъ за руку Таню и повелъ ее съ собою въ маленькую комнатку на-право, которая служила имъ гостиной.

— Позвольте поднести вамъ хорошенькую вещицу, которая, конечно, померкнетъ на-ряду съ вашей красотой, но которая имѣетъ также не малую цѣну — говорилъ онъ, подавая Танѣ кожаный футляръ и открывая его передъ самымъ лицомъ дѣвушки.

Колье горѣло ослѣпительнымъ сіяніемъ, ничего подобнаго не видала Таня въ магазинахъ на Невскомъ.

Низко наклонивъ голову надъ раскрытымъ футляромъ, она не могла отвести глазъ отъ камней, искрившихся передъ нею въ своей золотой оправѣ.

— Чудо, прелесть!—воскликнула она.—Мегсі, Василій Александровичъ.

Онъ смотрѣлъ на нее съ дѣтскимъ восхищеніемъ.

— Ничто—въ сравненіи съ вами,—тихо проговорилъ онъ, взявъ ея руку и поднося къ губамъ.—Если это — брильянты

Digitized by Google

хорошей воды, то вы, мое сокровище, вы—брильянтъ наилучшей воды, которому и цѣны нѣтъ.

Голосъ его задрожалъ и перешелъ въ сдержанный страстный шопотъ. Онъ припалъ къ ея рукѣ.

Та подняла на него свои смѣющіеся глаза и тряхнула красивой головкой...

— Да ну, можете посмѣлѣе,—скороговоркой проговорила она.

Старикъ взглянулъ на нее въ какомъ-то опьянѣніи и прильнулъ влажными губами къ ея щекѣ.

— Будетъ, довольно!—рѣзко и брезгливо отвернулась она.

III.

У Арбатовой по субботамъ давались вечера.

Сегодня Варвара Григорьевна поднялась раньше обыкновеннаго, имѣла продолжительную бесѣду съ поваромъ, нарядила трехъ горничныхъ для чистки стариннаго серебра, командировала лакея въ оранжерею за цвѣтами.

Покончивъ съ необходимыми распоряженіями по части домашней администраціи, она принялась за туалетъ.

Привычная камеристка высоко взбила ея сѣдые волосы, и облачила старуху въ длинный темно-лиловый бархатный капотъ, два браслета украсили ея пухлыя руки и закончили собой обрядъ ея облаченія.

— Попросите ко мнѣ барышню, — отдала она приказаніе почтительно стоявшей у дверей горничной.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь будуара съ шумомъ растворилась и молодая дѣвушка, съ некрасивымъ, но миловиднымъ личикомъ, быстро влетѣла въ комнату.

— Вотъ и я, мама. Здравствуй, мама! — и она бросилась обнимать старуху.

— Фуй, несносная дѣвочка, всю прическу изомнешь, — добродушно-ворчливо отстранила ее Варвара Григорьевна.—А вотъ садись-ка лучше, да посиди десять минутъ смирно. Можетъ, и понравится, что я скажу тебѣ, Ната,—и при этомъ она ласково потрепала ее по щекѣ.

Беззаботно-веселое личико Наташи сдѣлалось мгновенно серьёзнымъ и ея маленькіе темные и живые глаза съ крайнимъ вниманіемъ и интересомъ сосредоточились на матери.

— Ну, говори, мама, я буду слушать.

— Видишь что: тебѣ черезъ мѣсяцъ, мой другъ, стукнетъ

Digitized by Google

19 лѣтъ. Сама знаешь, уже не ребенокъ. Вонъ, подруги-то твои — и замужемъ, и дѣтей имѣютъ.

Наташа нетерпѣливо повела плечами.

— Да нечего ёжиться-то,—правду вѣдь говорю, а правду всегда слушать должно,—строго замѣтила ей мать.—Я не упрекаю тебя,—ласковѣе продолжала она,—какъ это многія матери дѣлаютъ,—что до сихъ поръ не вышла еще замужъ. Но я бы хотѣла—откровенно говорю тебѣ, Ната,—видѣть тебя пристроенной за человѣкомъ достойнымъ, съ хорошимъ именемъ, съ положеніемъ. Ты, мой другъ, должна сдѣлать приличную партію. Ты сама, конечно, богата, покойный отецъ оставилъ тебѣ хорошее и даже очень хорошее состояніе,—ну, да и я въ могилу своего не возьму. Значитъ, все—твое. Отчего-жъ тебѣ и не разсчитывать на приличную партію, мой другъ?

— Да гдѣ ее взять, эту партію?—комически-безнадежно улыбнувшись замѣтила Наташа.

— А если я тебѣ скажу, что сама раньше ужъ объ этомъ позаботилась, что нашла тебѣ не только приличнаго, но вполнѣ блестящаго жениха: молодой, красавецъ собой, будетъ богачомъ, хорошей фамиліи, со связями. А? Что ты на это скажешь?

— Кто это? Кто, мама? Ну, скажи же скорѣе, не мучь! —приставала заинтересованная Наташа.

Арбатова, не спѣша, взяла со столика табакерку и, нюхнувъ изъ нея два раза, проговорила тихимъ и торжественнымъ голосомъ:

— Андрей Васильевичъ Бархановъ.

При этомъ, съ ласковой и довольной улыбкой, она уставилась на дочь.

Наташа зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ.

— Мама, мама,—взволнованно заговорила она,—да онъ на мнѣ никогда и не женится. Ему красавица жена нужна; онъ самъ такой красивый, такой богатый, умный.

— Ну, ну, не говори вздору—«онъ на мнѣ никогда и не женится!» Конечно, если ты сама того не захочешь. Ната, нравится онъ тебѣ?

Наташа горячо обняла старуху и спрятала къ ней на грудь свое пылающее личико.

— Да, мама, — едва внятно проговорила она, не поднимая головы.

Варвара Григорьевна наклонилась къ ней и, поднявъ почти насильно ея опущенную голову, пристально и лукаво посмотрѣла ей прямо въ глаза.

Digitized by Google

— Ну, ступай къ себѣ, моя будущая madame Барханова. Да помни, что Андрей Васильевичъ сегодня будетъ у насъ.

Наташа, какъ птичка, быстро выпорхнула изъ комнаты.

Оставшись одна, Варвара Григорьевна вполнѣ предалась своей завѣтной и любимой мечтѣ.

Она давно, еще въ дѣвушкахъ, знала Василія Александровича Барханова.

Онъ былъ красивъ, уменъ и ловокъ. Даже позже, женившись, наконецъ, на Зинѣ З*, онъ долго оставался жуиромъ и неисправимымъ ловеласомъ.

При воспоминаніи о Зинѣ, княгиня тяжело вздохнула.

Она видитъ еще, какъ живую, миніатюрную, милую, хорошенькую Зину.

Она была ея лучшимъ другомъ. У Зины не было отъ нея секретовъ. Она искренно, со слезами на глазахъ, разсказывала ей о томъ, какъ тяжелъ и крутъ бывалъ съ нею подъ-часъ мужъ ея, какъ часто тщетно пропадали ея старанія и попытки угодить ему и накликали, вмѣсто того, оскорбленія или же его холодное, убійственное равнодушіе.

Женщина эта, пятнадцать лѣтъ проживъ подъ однимъ кровомъ со своимъ мужемъ, не могла себѣ до конца усвоить и понять этого человѣка, хотя любила его искренно и горячо. Сіяя счастьемъ и радостью, она спѣшила подѣлиться съ своей пріятельницей Варей всякимъ малѣйшимъ проявленіемъ любви и привязанности, оказаннымъ ей мужемъ. Но на другой же день, вся въ слезахъ, она исповѣдывала той же неизмѣнной Варѣ свое новое несчастье и горе. Онъ былъ съ ней грубъ, рѣзокъ сегодня. Утромъ онъ небрежно отстранилъ ее, когда она подошла, чтобы поцѣловать его, — онъ упрекалъ ее за невниманіе къ Андрюшѣ, за неглижированье его свѣтскимъ воспитаніемъ и т. д.

— Господи, какая я несчастная! — заканчивала вся въ слезахъ молодая женщина. — Вѣришь ли, Варя, я, ей-Богу, его не понимаю. То онъ ласковъ со мной, какъ съ любимымъ ребенкомъ, — то въ немъ столько желчи, столько раздраженія! — и она начинала всхлипывать все сильнѣе и сильнѣе...

Еще молодая, красивая, на 33-мъ году, она умерла отъ скоротечной чахотки, — умерла тихая, спокойная, какъ-бы недоумѣвая — зачѣмъ ей такъ рано умирать?

Маленькому Андрею стукнуло тогда 12 лѣтъ.

Первые три года Варвара Григорьевна замѣнила ему мать. Она видалась съ нимъ ежедневно, и мальчикъ искренно привязался къ ней. Это было тяжелое для нея время. Въ два мѣсяца

Digitized by Google

она внезапно потеряла мужа и двухъ сыновей и осталась одна со своей двухъ-лѣтней Наташей.

Лучшаго друга она нашла въ Васильѣ Александровичѣ, который, будучи къ ней всегда расположенъ, проявилъ въ это тягостное время еще болѣе свое къ ней искреннее расположеніе и привязанность.

Арбатовы и Барханова слились во-едино; это была старая, тѣсная дружба, безъ корысти, безъ видовъ.

Варвара Григорьевна, казалось, одна могла ладить съ упрямымъ и деспотичнымъ старикомъ. Она говорила ему всегда горькую правду въ глаза, не стѣснялась называть его «звѣремъ», «азіатомъ», трунила надъ нимъ зло въ обществѣ,—и тотъ все слушалъ и выносилъ отъ нея, молча и терпѣливо.

Подъ-часъ называлъ онъ ее «вѣдьмой», «гусаромъ», но цѣнилъ и уважалъ въ душѣ рѣдкую прямоту ея характера, и всегда помнилъ, что Андрей, оставшись безъ матери, не мало обязанъ своимъ воспитаніемъ Арбатовой.

Молодой человѣкъ окончилъ университетскій курсъ и остался въ Петербургѣ на видномъ, но въ сущности ничего не значущемъ мѣстѣ. Красивый блондинъ съ голубыми глазами, съ стройной и мужественной фигурой, пропитанный до мозга костей сознаніемъ своего положенія въ свѣтѣ, онъ быстро пошелъ въ гору.

«Вотъ уже мѣсяцъ, какъ старый самодуръ женился; положимъ, бракъ его справенъ, неприличенъ даже, но дѣло сдѣлано,—и его не поправишь», думала Варвара Григорьевна.

Она употребляла все свое вліяніе, чтобы отклонить его отъ этого шага. Но тутъ оно оказалось нулемъ — и, къ великому огорченію старухи, не внявъ ея доводамъ и увѣщаніямъ, онъ обвѣнчался у себя въ имѣньи, и уѣхалъ оттуда съ молодой супругой за-границу, чтобы провести тамъ остатокъ зимы.

— Скоро, Богъ милостивъ, другую свадебку сыграемъ,— говорилъ онъ, прощаясь съ нею въ Москвѣ, куда ѣздила провожать молодыхъ Варвара Григорьевна. — Наташѣ-то ужъ 19, да и моему-то,—указалъ онъ на пасмурно стоявшаго Андрея,— весной стукнетъ 30.

При этомъ онъ значительно пожалъ ея руку.

Съ той минуты, мысль о бракѣ Наташи съ Андреемъ не покидала Варвары Григорьевны, и она считала этотъ бракъ теперь уже не только возможнымъ, но неминуемымъ, — а радостное смущеніе Наташи еще болѣе подтвердило ея удачный выборъ.

«А что до того, что о немъ тамъ, да о молодой мачихѣ

Digitized by Google

толкуютъ—наплевать я на это хочу, энергично рѣшила она. Ну, поухаживалъ за нею, поволочился—эка бѣда! Точно ужъ нельзя за смазливенькой губернской секретаршей и поволочиться-то!» оправдывала она своего будущаго зятя.

Не чувствуя подъ собой ногъ отъ неожиданнаго волненія и счастья, Наташа быстро вбѣжала на верхъ въ свою комнату и бросилась на постель.

Неужели это правда, думалось ей, неужели это не сонъ, не мечта? Но нѣтъ, это только желаніе, предположеніе, надежда матери—не болѣе. И съ чего этому красавцу Андрею, отъ котораго всѣ хорошенькія дѣвушки и женщины просто безъ ума, жениться на ней, Наташѣ! Вѣдь она некрасива, въ ней нѣтъ даже того свѣтскаго изящества, которымъ такъ умѣютъ при случаѣ блеснуть ея подруги. Конечно, они почти-что вмѣстѣ росли; онъ часто разсказывалъ ей, что носилъ ее на рукахъ, будучи самъ еще мальчикомъ. Но впослѣдствіи, послѣдніе годы въ особенности, отношенія ихъ такъ измѣнились, и, кто знаетъ, еслибъ не старая семейная дружба, они легко, быть можетъ, и порвались бы совсѣмъ. У него такое хорошее положеніе въ свѣтѣ, самъ онъ такъ рѣзко выдѣляется изъ всей молодежи,—его всѣ ищутъ, ловятъ. Вкусъ его такъ избалованъ, требователенъ, что, конечно, не остановится онъ ни на минуту на ней, Наташѣ,—и не подумаетъ даже о возможности быть ея мужемъ.

— Мужемъ, мужемъ!.. почему-то вслухъ проговорила Наташа, и вся съёжилась на своей постелькѣ въ какомъ-то тихомъ, радостномъ чувствѣ.

Она закрыла на минуту глаза, и старалась вызвать передъ собой образъ Андрея.

О, какъ бы стала любить она этого хорошаго красиваго Андрея, еслибъ сдѣлалась его женой! Вѣдь она давно его любитъ.

Ребенкомъ любила товарища дѣтства, игръ, взрослой—любить въ немъ человѣка, мужчину,—однимъ словомъ съ тѣхъ поръ его любить, какъ только себя помнитъ.

Но она никогда не говорила ему объ этомъ... о, нѣтъ! она старалась, напротивъ, чтобы онъ не видалъ, не замѣчалъ ея привязанности. Онъ такой часто разсѣянный, въ особенности послѣдній годъ; онъ такъ смѣшно и искренно отвѣчаетъ ей иногда не вопадъ на ея длинные, безконечные разспросы о немъ, о его житьѣ-бытьѣ. Еслибъ онъ только могъ догадаться, какъ это было больно ей, Наташѣ, какимъ острымъ ножомъ вонзилось въ ея любящее сердечко это равнодушіе, это постоянное «отсутствіе куда-то».

Digitized by Google

Но она умѣла скрывать свои чувства, когда хотѣла этого, умѣла смѣяться, когда самой хотѣлось плакать.

О немъ много говорятъ, сплетничаютъ быть можетъ, ему приписываютъ множество побѣдъ. Но самъ онъ такой всегда холодный, равнодушный, насмѣшливый.

Вотъ только въ Татьяну-то Павловну онъ было и въ самомъ дѣлѣ влюбился,—продолжала размышлять Наташа,—однако съумѣлъ остановиться во́-время. Значитъ, очень серьёзнаго тутъ ничего не было. Она опытная кокетка, увлекла его на время, притворилась любящей, чтобы заставить полюбить себя, и когда увидала, что ей не женить его на себѣ, принимается за старика, и потомъ выходитъ за него замужъ, становится мачихой Андрею. Конечно, онъ теперь не можетъ не понять этой женщины, не можетъ не оцѣнить ея по достоинству — утѣшала себя Наташа. А если онъ свободенъ, никого не любитъ, такъ отчего-жъ ему въ самомъ дѣлѣ и не жениться на ней, Наташѣ? Вѣдь она ему нравится хоть немножко-то, иначе онъ не былъ бы съ ней такъ внимателенъ, такъ ласковъ, какъ бывалъ прежде, да и теперь еще время отъ времени.

Еще недавно,—радостно вспомнила Наташа,—онъ сказалъ ей такую значительную фразу:

— У васъ, Наташа, минутами бываютъ такіе добрые, хорошіе глаза, что, кажется, смотрѣлся бы въ нихъ долго, долго...

Она помнитъ эту фразу отъ слова до слова. А развѣ пустяки эта фраза?

Она подошла къ зеркалу и, близко наклонившись къ нему, принялась разсматривать свои глаза.

Глаза были дѣйствительно добрые, хорошіе, они не жгли безпокойнымъ пламенемъ, а горѣли ровнымъ и яснымъ свѣтомъ, они ласкали, холили тихо и нѣжно.

Казалось, она осталась довольна произведенной ревизіей глазъ. Поправивъ распустившіяся, густыя темнорусыя косы, она принялась за дальнѣйшій осмотръ.

— Да, но вѣдь дурняшка просто,—и больше ничего,—продолжала она, по пунктамъ разбирая свою физіономію.

И разогорченная она задумчиво опустилась на диванъ.

Дверь ея комнаты съ шумомъ распахнулась и, шурша шелковымъ платьемъ, молодая дѣвушка съ совсѣмъ съѣхавшей на бокъ маленькой шляпкой, съ румянымъ, свѣжимъ личикомъ влетѣла и быстро схватила Наташу въ свои распростертыя объятья.

— А вотъ и я, моя душка, вотъ и я... Соскучилась о тебѣ, цѣлую недѣлю не видала. Нѣтъ, думаю, не стану до вечера

Digitized by Google

ждать. Приставала къ maman, приставала,—поѣдемъ, да поѣдемъ—и уломала ее,—пріѣхала чуть не съ самаго утра. До вечера останемся, голубушка, не уѣдемъ,—твоя мама просила. Обѣдать у васъ будемъ... Я это предчувствовала и распорядилась заранѣе,—видишь надѣла шелковое платье.

Молодая дѣвушка говорила не переводя духу, вся сіяя радостью и весельемъ и покрывая лицо Наташи поцѣлуями.

— Оля, дружочекъ, какъ я рада тебѣ,—вотъ наговоримся-то!—непритворно радовалась старому другу Наташа.—Ну, снимай шляпу скорѣе. Садись, разсказывай. Да хочешь, я велю чаю подать?

— Нѣтъ, не хочу. Ухъ, какъ устала, летѣла по лѣстницѣ. А ты и не слышишь,—видно, замечталась сильно, а?

— Былъ грѣхъ,—и въ самомъ дѣлѣ мечтала.

— Какъ? что? о чемъ? Въ кого-то влюбилась, Наташа? разсказывай-же, вѣдь цѣлую недѣлю не видала; чего добраго ужъ жениха нашла!—волновалась быстроглазая Оля.

— Ну, слушай же, слушай внимательно, да не удивляйся пожалуйста ничему. Я вижу, ты и теперь ужъ глаза такіе удивленные дѣлаешь. Не я, а мама мнѣ жениха дѣйствительно отыскала.

— Да кто же? кто? я знаю его?

— Знаешь, и хорошо знаешь, ну-ка подумай.—Оля задумалась на минутку.

— Неужели Андрей Вас...., начала-было она съ нескрываемымъ удивленіемъ.

— Онъ, онъ, онъ самый и есть!—вскрикнула Наташа, не давъ ей даже договорить имени, и въ какомъ-то ребяческомъ восторгѣ запечатлѣла на полныхъ губахъ своего друга громкій и звучный поцѣлуй.

— Но какъ же это, Наташа, вѣдь онъ не ухаживалъ за тобой, кажется. Я скорѣе думала, что онъ заинтересованъ Лидой Хоботовой, по крайней мѣрѣ у васъ на вечерахъ...

— Ну, ужъ это извини, ma chère...—внезапно, почти желчно перебила ее Наташа.—Что такое Лида Хоботова? Она бѣдна, во-первыхъ,—у ней ровно ничего нѣтъ, да и происхожденіе, подумай сама... Отецъ вышелъ въ люди Богъ знаетъ изъ какихъ тамъ. Говорятъ, онъ изъ солдатъ выслужился. Нечего сказать, хорошая ему партія.

— На вкусъ и на цвѣтъ — товарищей нѣтъ,—глубокомысленно проговорила Оля.—Вѣдь старый-то князь женился на дочери чуть ли не писаря... Что подѣлаешь, душка! Ужъ такіе

Digitized by Google

они странные стали, мужчины.—Наташа передала другу отъ слова до слова свой недавній разговоръ съ матерью.

Она имѣетъ право надѣяться, поясняла она, вѣдь maman же не станетъ говорить ей такія вещи,—и такъ прямо, безцеремонно, не имѣя на то серьёзныхъ данныхъ. Вѣроятно Андрей намекнулъ уже ей объ этомъ, а можетъ быть и просто просилъ разузнать о ея къ нему чувствахъ.

— Почемъ я знаю, Оля, закончила она;—быть можетъ, между ними уже все устроено, улажено. Вѣдь съ чего же нибудь да говорила мнѣ мама?

— Ну, дай тебѣ Богъ, душечка, вотъ счастье-то будетъ,—восхищалась Оля, вполнѣ убѣжденная послѣднимъ доводомъ Наташи.—Вѣдь, я знаю, ты ужъ давно влюблена въ него.

— Я этого и не скрывала отъ тебя; вѣдь ты же мой лучшій другъ, Оля,—ну, вообрази только, этотъ милый, безподобный красавецъ, котораго я такъ сильно люблю, такъ...

— Ну, да ужъ что и говорить, ты счастливица, Наташа, ты подъ счастливой, видно, звѣздой родилась, вотъ не какъ мы, безталанныя.

— А что?

— Да у насъ ни богатства нѣтъ твоего, ни извѣстной фамиліи. Карчагина—дочь какого-то отставного полковника,—не велика вѣдь штука, не правда ли? Знаешь, душечка, я ужъ начинаю къ тому привыкать, что мнѣ вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть,—и состарюсь и умру въ дѣвкахъ. Трудно, ma chère, въ Петербургѣ хорошую партію сдѣлать. Ну, богачки такія, какъ ты, да вдобавокъ съ древней фамиліей—дѣло другое. А намъ, простымъ смертнымъ,—просто дѣло невозможное. За кого-нибудь, за какого-нибудь чиновничка, сама понимаешь, идти что́ за неволя; лучше ужъ въ дѣвкахъ просидѣть.

— А ты, Оля, скажи мнѣ по совѣсти, откровенно, влюблена ты въ кого-нибудь?

— Что за глупости ты выдумываешь,—недовольно проговорила она,—ну, въ кого прикажешь мнѣ влюбляться, въ кого? Въ Андрея Барханова? Такъ онъ не на мнѣ вѣдь, а на тебѣ женится. Въ студента Отхватаева, что Митю ариѳметикѣ обучаетъ? такъ madame Отхватаевой я и сама быть не желаю.

Наташа, казалось, осталась довольна объясненіемъ своей подруги.

— Да, это правда,—тихо проговорила она, глядя на нее съ непритворнымъ соболѣзнованіемъ.

— Знаешь, меня часто папа смѣшитъ, продолжала Оля:—

Digitized by Google

вѣдь онъ такой у насъ чудакъ. Выбирай, говоритъ, себѣ мужа, дѣльнаго да честнаго, а не богатаго; богатый-то, говоритъ, тотъ самъ себѣ выбирать станетъ, и въ нашу хату съ тобой и не заглянетъ. Вѣкъ такой, что деньга къ деньгѣ. И какъ начнетъ онъ въ такомъ духѣ проповѣдывать, хоть изъ дому вонъ бѣги,— не угомонится. Ну, maman, какъ водится, молчитъ, молчитъ, а въ концѣ-концовъ и давай его урезонивать. Что, говоритъ, за честь, когда нечего ѣсть! Куда, говоритъ, съ дѣльнымъ-то да съ честнымъ твоимъ, когда у него въ карманѣ ни гроша, она въ наше время дѣнется? Не для того, говоритъ, мы послѣдніе свои рессурсы на нее тратимъ, одѣваемъ, да гостей принимаемъ, чтобъ въ концѣ-концовъ она намъ зятя съ мостовой привела голаго, да раздѣтаго: одѣньте, де-молъ, его папаша съ мамашей, пообчистите, вѣдь онъ мнѣ мужъ Богомъ данный. Нѣтъ, голубчикъ, не для этого мы изъ кожи вонъ лѣземъ, себя забываемъ, подъчасъ въ нужномъ отказываемъ, а для того, чтобъ дать ей возможность приличную партію составить, чтобы на старости лѣтъ и намъ уголъ былъ, гдѣ головы преклонить. А папа знай все свое, какъ заладитъ, такъ и твердитъ себѣ: честнаго да дѣльнаго, какъ попугай какой, прости Господи! Повѣришь ли,—и смѣешься и горько становится. Такъ подъ-часъ горько, что, кажется, убѣжала бы куда, чтобъ ни на что не глядѣть, ничего не слышать. Оля вся разгорѣлась. Свѣтлые, обыкновенно веселые глазки ея наполнились непритворными слезами, пухлыя губки сжимались въ плаксивую гримасу. Она готова была сейчасъ расплакаться, а Наташа, нѣжно обнявъ ее за шею, сочувственно смотрѣла въ ея взволнованное лицо.

— Mesdemoiselles, madame vous prie de descendre,—послышался за дверью старческій голосъ француженки-экономки.

Обѣ молодыя дѣвушки вскочили съ дивана,—и быстро принялись приводить въ порядокъ передъ зеркаломъ свои разстроенныя прически и лица.

— Не покажи вида, что ты знаешь, Оля,—напутствовала ее счастливая Наташа.

— Не бойся; ну, пойдемъ же, а то наши mamans подумаютъ, что мы съ тобой здѣсь и Богъ вѣсть какими комплотами занимались,—уже весело шутила Оля.

Предъ дверью гостиной онѣ внезапно остановились, какъ-бы сговорившись между собой.

— Слышишь?—смѣшливо повела глазомъ Наташа на закрытую дверь.

— Какъ не слышать; какъ труба трубитъ.

Digitized by Google

— Кто у maman?—обратилась Наташа съ еле-сдерживаемымъ смѣхомъ къ проходившему лакею.

— Анна Михайловна Карчагина и его превосходительство, генералъ Хоботовъ,—почтительно отрапортовалъ онъ на ходу, и при этомъ старался скрыть легкую улыбку.

— По-просту сказать, матушка Варвара Григорьевна, всѣ эти нигилисты, коммунисты и всякіе соціалисты—мошенники, и больше ничего, раздавался хриплый басъ Хоботова.

Молодыя дѣвушки вошли въ гостиную.

Анна Михайловна, женщина съ худымъ желтымъ лицомъ и ястребинымъ носомъ, поспѣшно вскочила со стула и бросилась обнимать Наташу.

— Имѣю честь засвидѣтельствовать вамъ свое нижайшее почтеніе, сударыни,—заговорилъ поднявшись съ мѣста низенькій и толстый генералъ, молодецки тряхнувъ эполетами.

Огромная голова заканчивала его короткое, но широкое туловище, два безконечно добрые, веселые глаза смотрѣли изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей, блестящая лысина и вздернутый носъ—придавали всей его фигурѣ въ высшей степени смѣшной, но симпатичный характеръ.

Молодыя дѣвушки рядомъ усѣлись на диванѣ.

— Ахъ, генералъ,—болѣзненнымъ тономъ тянула Анна Михайловна, теперь такъ страшно жить, такъ страшно право. Никто не ручается за то, что̀ можетъ быть завтра.

— Полноте, матушка,—утѣшалъ ее Хоботовъ,—когда же кто ручался за завтра?—всѣ по̀дъ Богомъ ходимъ, да-съ, по̀дъ Богомъ ходимъ.

Анна Михайловна тяжело вздохнула и обратила къ потолку свои томные золотушные глазки.

— А этого-то у насъ и нѣтъ, вѣры нѣтъ, религіи нѣтъ никакой, чадъ какой-то въ головахъ стоитъ,—прогнѣвали мы Господа,—вставила хозяйка.

— По истинѣ, матушка, прогнѣвали. И послалъ онъ на насъ, многогрѣшныхъ, какъ въ оныя древнія времена на египтянъ, всякія казни: голодъ, моръ, нигилистовъ, и всяческую непотребу,—серьёзно говорилъ генералъ.

Молодыя дѣвушки не выдержали—и громко разсмѣялись.

— Ну, чего вы, чего, сударыни, изволите потѣшаться?—любезно осклабился генералъ.—Истинную правду говорю, доложу я вамъ. Ну, хоть бы вы-съ, Ольга Ивановна?—обратился онъ къ зарумянившейся Олѣ,—потрудитесь припомнить, много-ли времени въ день вы полагаете на молитву? Вѣдь какъ придется, не прав-

Digitized by Google

да-ли? Ну,—минута, двѣ, три, ни одной? А много-ли времени въ день въ зеркало изволите на себя любоваться или романы чувствительные читать? Больше вѣдь будетъ, не въ примѣръ больше? Такъ-то-съ, сударыни,—снова обратился онъ къ обѣимъ.—Вотъ и выходитъ явственно, что Бога-то мы и забыли, а Онъ забывчивость нашу и караетъ...

— Да что и говорить; давно, давно всякое религіозное чувство потеряли,—и не мы одни, а и въ народѣ — нѣтъ, нѣтъ, тоже невѣріе проявляется,—вторила ему Варвара Григорьевна.

— Петръ Герасимовичъ,—обратилась къ гостю Наташа, желая прекратить скучную для нея бесѣду,—отчего Лиду не привезли съ собой? Вѣдь она будетъ сегодня, непремѣнно, да?

— Будетъ, милая барышня, непремѣнно вечеромъ привезу. А теперь нельзя-съ, время не такое. Сидитъ дома, переводы тамъ разные пишетъ. Изъ редакціи получила, съ англійскаго... а я, грѣшный человѣкъ, шалберничаю.

И генералъ откланялся.

IV.

— Ну-съ, cher ami, поѣдешь ты со мной, наконецъ?

— Право, Серёжа, нельзя; меня ждутъ у Арбатовыхъ,— отдѣлывался Андрей Васильевичъ.

Серёжа былъ маленькій, юркій брюнетъ съ симпатичнымъ подвижнымъ лицомъ. Онъ стоялъ во фракѣ, со шляпой въ рукахъ, передъ лѣниво развалившимся въ креслѣ Андреемъ.

— Да у Арбатовыхъ, кажется, всегда субботы бываютъ; сегодня не попадешь, такъ въ будущую будешь. Поѣдемъ, голубчикъ. Сегодня всѣ наши туда собираются, маскарадъ будетъ замѣчательно оживленный, оттуда куда-нибудь, partie de plaisir,— экспромптомъ,—уговаривалъ Барханова Серёжа Лѣсниковъ, старый пріятель еще по университету.

— Вѣдь ты теперь въ оперу?—обратился къ нему Андрей.

— Ну да, мой абонементъ.

— А оттуда—въ маскарадъ?

— Ну да, конечно.

— Такъ слушай же. Клади ты свою шляпу, и усаживайся, вотъ тутъ, поудобнѣе,—указалъ онъ ему на диванъ.—Въ оперу право не стóитъ сегодня. А вмѣсто маскерада, я повезу тебя ко-нозже къ Арбатовой, представлю, она рада будетъ, у нихъ всегда просто, радушно,—хочешь?

Digitized by Google

— Гм, я пожалуй не прочь познакомиться. Только ловко-ли будетъ, прямо вечеромъ?

— Пустяки, завтра, конечно, поѣдешь съ визитомъ. Ну, располагайся—рѣшено значитъ.

— А знаешь, Андрей, заговорилъ Серёжа, усѣвшись на диванѣ,—я давно хотѣлъ познакомиться съ этой барыней, въ особенности съ дочерью Наташей,—такъ, кажется, вѣдь зовешь ты ее? ну, да все случая не представлялось, а ты послѣднее время и бывалъ тамъ рѣже. Эта дѣвочка показалась мнѣ очень симпатичной, послѣдній разъ я разсмотрѣлъ ее на Невскомъ. А со стороны я слышалъ, Андрей Васильевичъ, что она къ вамъ не равнодушна, а?

Андрей лѣниво улыбнулся.

— Можетъ быть,—протянулъ онъ.

— И если къ этому еще прибавить старую дружбу съ дѣтства, чуть не вмѣстѣ росли, такъ выходитъ, что дѣвица Арбатова и не на шутку влюбились въ нашего Париса,—добродушно подшучивалъ Серёжа.

— Она славная дѣвушка,—заговорилъ князь Андрей, не обращая вниманія на слова пріятеля,—только ей недостаетъ, во-первыхъ, красоты, во-вторыхъ — этого изящнаго спокойствія въ словахъ, въ движеніяхъ, которое я такъ люблю видѣть въ женщинѣ. Она слишкомъ—порохъ, не сдержанна очень, почти ребенокъ.

— А сколько лѣтъ этому ребенку?

— Девятнадцать, или около того,—не знаю.

— Женихи вѣроятно увиваются, состояніе, говорятъ, большое.

— Да, состояніе очень хорошее отъ отца еще, не считая того, что перейдетъ отъ матери. Старуха сама очень богата. Ну, а женіховъ что-то не помню. Варвара Григорьевна слишкомъ разборчива; къ ней не всякій сунется.

— Оно и понятно.

— Ну, а давно ты не видалъ Лидіи Петровны,—рѣзко перемѣнилъ разговоръ Андрей.

Серёжа такъ и привскочилъ.

— Ахъ, я, болванъ, совсѣмъ было-забылъ! Вчера заѣзжалъ днемъ. Она просила меня передать тебѣ нарочно, что въ субботу будетъ тамъ вечеромъ.

Андрей слегка вспыхнулъ, и низко наклонился надъ столомъ, старательно разсматривая свои ногти.

— Да?—протянулъ онъ.

— Полно, Андрей, брось ты это,—сказалъ Серёжа, прямо

Digitized by Google

глянувъ въ его вспыхнувшее лицо,—не дѣло ты, я вижу, затѣваешь. Вѣдь на Хоботовой ты не женишься?

— Конечно, не женюсь, да и кто тебѣ говорилъ, что я женюсь на ней?

Онъ всталъ и принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Никто не говорилъ этого — правда. Да она, бѣдная, кажется, увѣрена въ этомъ.

— Что? увѣрена?

Андрей Васильевичъ внезапно остановился и смотрѣлъ ему въ лицо своими строгими выразительными глазами.

— Мнѣ кажется, что увѣрена,—продолжалъ Серёжа,—а то не стала бы она назначать тебѣ свиданіе, какъ теперь, да къ тому же еще черезъ другихъ. Положимъ, она знаетъ, что Серёжа Лѣсниковъ и Андрей Васильевичъ Барановъ старые пріятели,—ну, а все же, оно, знаешь, какъ то не того...

— Лидія Петровна слишкомъ умная и развитая дѣвушка, чтобы тѣшить себя несбыточными фантазіями,—нахмурившись говорилъ Андрей,—и если я нахожу удовольствіе съ ней говорить болѣе чѣмъ съ другими, то это еще не доказываетъ, чтобы я имѣлъ въ виду въ благодарность за это удовольствіе поднести ей свою руку и сердце.

— Ну, довольно, довольно. Расправь, братъ, свои нахмуренныя брови и брось съ пріятелемъ-то по крайней мѣрѣ этотъ сенаторскій тонъ. Гордѣе сатаны, дружище,—всегда вѣдь говорилъ.

Лѣсниковъ давно сошелся на самую короткую ногу съ Андреемъ. Еще на первомъ курсѣ университета они встрѣтились и скоро подружились, хотя послѣдній былъ вообще мало склоненъ къ искреннимъ, тѣснымъ отношеніямъ къ кому бы то ни было изъ товарищей.

Врожденная гордость, усиленная жизнью и воспитаніемъ, заставляла его слишкомъ свысока смотрѣть на окружающихъ. Онъ слылъ за «гордеца», за «барича», и люди съ самолюбіемъ спѣшили нерѣдко сами отвернуться отъ него, чтобы не дать возможности этому самоувѣренному «аристократишкѣ» повернуть имъ свою спину. Въ кругу молодежи Барановъ оставался почти одинокимъ, лишь Лѣсниковъ, «добрый и не глупый малый», какъ мысленно называлъ его Андрей, казалось, ничуть не чуждался богача, аристократа, а, напротивъ, съ замѣтнымъ удовольствіемъ дарилъ ему свободное отъ занятій время. А времени свободнаго было не мало. Молодые люди сблизились незамѣтно, просиживая по цѣлымъ часамъ въ роскошной квартирѣ

Digitized by Google

Барханова, и посѣщая вмѣстѣ всѣ публичныя мѣста и гулянья. Старикъ жилъ по большей части въ деревнѣ, бросивъ свою служебную карьеру; и огромный домъ его со всѣмъ комфортомъ и удобствомъ богатаго барича остался весь въ распоряженіи сына.

Дѣла было немного на юридическомъ факультетѣ; время систематически убивалось на кутежи и непрерывное веселье.

Лѣсниковъ былъ сирота. Съ ранняго дѣтства онъ узналъ жизнь въ чужихъ людяхъ, жилъ изъ милости у богатаго родственника, единственнаго оставшагося у него послѣ смерти родителей. Дружба съ Бархановымъ дала ему возможность разнообразить невеселое житье и вкусить заманчиваго плода библейскаго древа. Жизнь, окруженная роскошью, даже не наемною, а чужою, трата денегъ безъ счету, опять-таки чужихъ, постоянное порханіе беззаботной бабочкой, все это понравилось ему не мало послѣ обиднаго отчужденія, послѣ томящей злобы, которую испытывалъ онъ во все время своей сиротской, скитальческой доли.

Къ Андрею онъ искренно привязался, и научился понимать его лучше всѣхъ тѣхъ, которые инстинктивно отворачивались отъ «аристократа», какъ-бы предвидя уколъ своему самолюбію. Самолюбіе Лѣсникова не страдало, по крайней мѣрѣ. Онъ слишкомъ ясно видѣлъ, что Андрей его полюбилъ, слишкомъ привыкъ къ нему, и что измѣненіе возникшихъ отношеній было бы не легко для него.

И отношенія не измѣнялись къ обоюдному удовольствію.

До старика доходили слухи о не совсѣмъ тихой и правильной жизни сына. Арбатова писала ему не разъ, что не видаетъ Андрея иногда по мѣсяцамъ, что онъ Богъ-вѣсть гдѣ проводитъ свое время, постоянно въ обществѣ какого-то пріятеля, который чуть ли не живетъ у него «и преважно катается на чужихъ рысакахъ», поясняла она въ заключеніе. Василій Александровичъ негодовалъ, писалъ сыну грозныя филиппики, требовалъ измѣненія жизни, серьёзныхъ занятій и т. д. Когда Андрей, послѣ окончанія курса со степенью кандидата, навѣстилъ отца въ деревнѣ, откуда старикъ почти-что и не выѣзжалъ, между ними возникали бурныя и тяжелыя сцены.

Но сынъ оставался при своемъ и, несмотря на рѣшительныя требованія отца, чтобы онъ занимался серьёзно службой и карьерой, бросивъ неприличный для его положенія слишкомъ веселый образъ жизни, уѣхалъ обратно въ Петербургъ и, опредѣлившись на «удобную» службу, не измѣнилъ ни на іоту своихъ старыхъ привычекъ. Успѣхъ по службѣ примирилъ отца съ сыномъ.

Digitized by Google

Неизмѣнный Серёжа остался тоже при немъ, онъ занялъ какое-то мѣсто при палатѣ, тоже болѣе для виду, «для очистки совѣсти», какъ говаривалъ онъ.

Теперь обстоятельства его измѣнились къ лучшему и изъ бездомнаго сироты-нахлѣбника, послѣ смерти своего единственнаго родственника, обратился въ человѣка съ значительнымъ капиталомъ, а потому и вѣсомъ.

Старая дружба осталась, въ ней измѣнились только отношенія, могущія когда-либо уколоть самолюбіе, нарушить равновѣсіе.

V.

Вечеръ Варвары Григорьевны былъ въ самомъ разгарѣ.

Кромѣ обыкновенныхъ посѣтителей ея субботъ, на этотъ разъ было разослано не мало спеціальныхъ приглашеній.

У ней не танцовали, но время проводили весело и оживленно, что́ встрѣчается теперь не часто.

Балы она давала лишь два раза въ годъ; въ свои имянины и въ имянины Наташи, и тогда собиралось къ ней большое блестящее общество.

Уже нѣсколько разъ тревожно взглядывала Наташа на широко раскрытую дверь ярко освѣщеннаго зала.

Въ ней-то и дѣло появлялись разнообразныя фигуры дамъ и мужчинъ, останавливались на секунду при входѣ въ наполненную гостиную, отыскивали глазами хозяйку, и направлялись къ ней.

— Какъ много у васъ сегодня, — на ходу шепнула Оля Карчагина измученной и уже поблѣднѣвшей Наташѣ.

Около нея былъ постоянный приливъ и отливъ.

Съ заученной улыбкой, которая ни завтра, ни послѣзавтра не измѣнится ни на іоту, подходили къ ней старыя и молодыя дамы, произнося при этомъ почти одинаковыя фразы: «vous êtez charmante, Natalie», или «какая вы интересная, mon ange» и тому подобное.

На все это неумолкаемое великосвѣтское жужжанье Наташа успѣвала отвѣчать заученной и красивой фразой, и въ то же время не сводила пристальныхъ глазъ съ широкой двери; она ждала Андрея съ такимъ нетерпѣніемъ, какого она еще никогда не испытывала.

«Уже одиннадцать часовъ; онъ могъ бы пріѣхать. Неужели

Digitized by Google

онъ не будетъ?» думала Наташа, и въ то же время весьма легко кидала вправо и влѣво любезныя, но въ сущности стереотипныя, слова и цѣлыя фразы.

Наконецъ поклоны, улыбки, почтительныя пожиманья руки, поцѣлуи подругъ, — все это прекратилось и, утомленная, взявъ подъ руку неизмѣнную Олю, она намѣревалась хоть на минуту отдохнуть отъ тяжелой обязанности, и незамѣтно проскользнуть съ ней на противоположный конецъ раскрытой амфилады комнатъ, въ угловую, полуосвѣщенную однимъ висячимъ матовымъ фонаремъ.

Высокая, замѣчательно красивая брюнетка, въ сѣромъ шелковомъ платьѣ, плотно обтягивавшемъ ея стройную, нѣсколько сухощавую фигуру, загородила ей дорогу.

— Наташа, я хочу просить тебя удѣлить мнѣ пять минутъ времени. Можно?—и она завладѣла ея свободной рукою, увлекая ее въ то же время въ дальнюю комнату.

— Лидочка, можетъ быть, я здѣсь лишняя? — спросила ее Карчагина.

— Нѣтъ, нѣтъ, все равно; это не секретъ.

Онѣ усѣлись втроемъ въ глубинѣ маленькаго дивана, и Лида принялась разсказывать сдержаннымъ и тихимъ голосомъ:

— Я право не знаю какъ приступить къ этому, голубчикъ, ну, да начну сначала. Слушайте же. Есть у меня одна знакомая дѣвочка, лѣтъ десяти. Она дочь бѣднаго чиновника, живетъ почти рядомъ со мной, за два дома. Если бы вы только знали, въ какомъ ужасномъ подвалѣ помѣщаются они, платятъ девять рублей мѣсяцъ за квартиру,—грязь, вонь, духота лѣтомъ и холодъ зимой, — къ тому же отецъ, я слышала, съ утра до ночи пилъ, и со службы его за это выгнали. Бѣдной дѣвочкѣ просто житья не было; онъ билъ ее до синяковъ, бранилъ, кричалъ. Ну, я устроила такъ, что она у меня почти что жила, только ночевать домой ходила. Ребенокъ страшно привязался ко мнѣ и все, все мнѣ разсказываетъ. Папа́ призывалъ къ себѣ Голобаева—это фамилія отца ея—обѣщался пристроить гдѣ-нибудь, только чтобы онъ бросилъ пить. Тотъ разыгралъ передъ нимъ цѣлую сцену, божился, что никогда пить не будетъ. Папа́ и помѣстилъ его писаремъ куда-то, все шло ничего, мѣсяцъ, другой—крѣпился, не пилъ совсѣмъ, тихій такой, разсудительный сталъ. Маничка просто надивиться на него не могла; только вчера вдругъ прибѣгаетъ она ко мнѣ, вся въ слезахъ, бѣдная, дрожитъ вся. «Папа́, говоритъ, не хочетъ просыпаться, и лежитъ, холодный такой, какъ ледъ». Дѣйствительно, оказалось, что Голобаевъ

Digitized by Google

умеръ неожиданно отъ удара, и малютка осталась одинокая во всемъ мірѣ, безъ гроша денегъ, безъ малѣйшей надежды на будущее. Маню я хочу оставить пока у себя, буду учить ее, а тамъ хотѣла бы очень устроить ее въ какой-нибудь институтъ на казенный счетъ. Дѣвочка способная, смѣтливая,—и круглая, круглая сиротка. Вотъ я тебя, голубчикъ Наташа, и хочу просить объ этомъ, попроси ты о ней maman, она не откажетъ тебѣ, ей ничего не будетъ стоить замолвить кому слѣдуетъ слово,—и тогда ее непремѣнно примутъ. Не откажи мнѣ, голубчикъ, говорила Лида—и, взявъ ее за обѣ руки, смотрѣла на нее своими чудными, лучистыми глазами.

— Я сама, знаешь, боюсь безпокоить твою maman, да она, сказать по правдѣ, кажется и не совсѣмъ меня жалуетъ; опасной либералкой считаетъ,—она улыбнулась.

— Совсѣмъ нѣтъ, Лида,—протестовала Наташа.— Я непремѣнно передамъ ей, буду просить похлопотать о дѣвочкѣ, непремѣнно.

При этомъ она быстро поднялась, и глаза ея мгновенно загорѣлись дѣтской неудержимой радостью. Андрей Васильевичъ стоялъ въ дверяхъ угловой, уже нѣсколько секундъ никѣмъ не замѣченный, и съ ласковой, показалось Наташѣ, улыбкой смотрѣлъ на нее.

— Секретничаете, mesdames?—съ той же улыбкой проговорилъ онъ.

Еслибъ внимательный наблюдатель взглянулъ теперь на Лиду, то онъ былъ бы пораженъ внезапно происшедшей въ ней перемѣной. Смуглое разгорѣвшееся во время горячаго разсказа лицо ея покрылось внезапной блѣдностью и глаза засвѣтились.

— Готовъ биться объ закладъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ ней,—что рѣчь шла у васъ о страданіяхъ меньшей обиженной братьи.

— Андрей Васильевичъ,—вы правы. Мы, дѣйствительно, быть можетъ, объ этихъ страданьяхъ сейчасъ вспоминали. Но къ чему эта иронія, эта маска безчувственности?—сказала Лида и впилась въ спокойное насмѣшливое лицо Андрея.

— Нѣтъ, Лидія Петровна, я буду правъ, когда замѣчу вамъ, что природа ошибкой создала въ васъ женщину; вамъ слѣдовало бы быть мужчиной,—подшучивалъ онъ,—реформаторомъ, проповѣдникомъ. Вѣдь вашихъ глазъ, когда они глядятъ такъ властно и гнѣвно, вынести невозможно. Но вы только женщина...

— Ну, и что же?—нетерпѣливо почти крикнула она.

— А то, что, когда вы такъ будете говорить намъ, мужчи-

Digitized by Google

намъ, то мы не заслушаемся васъ, уже потому, что заглядимся на васъ.

Онъ зналъ, что подобными словами разсердитъ ее, и говорилъ ихъ съ этой именно цѣлью, хотя самъ чувствовалъ, что эти слова глупы, обидны и, можетъ быть, дерзки.

«Попалъ, значитъ—вспыхнула вся», подумалъ онъ.

Лидія Петровна была и обижена, и ошеломлена; онъ никогда такъ не говорилъ съ ней. А этого только и нужно было ему.

Слова Лѣсникова, сказанныя ему два часа тому назадъ, раздавались еще въ его ушахъ.

«Мнѣ кажется, что увѣрена», вспоминалъ онъ эти слова и, не обращая болѣе вниманія на огорченную дѣвушку, весело заговорилъ съ Наташей и быстроглазой ея подругой. Лидія Петровна не выдержала, встала и направилась къ гостиной.

«Такъ вотъ онъ какой», думала она, не замѣчая передъ собою никого,—«такъ онъ, какъ на красивую игрушку, какъ на вещь, смотритъ на женщину. Не размышляй, не думай, ты женщина, — будь довольна своимъ положеніемъ, твоя привилегія—чувство,—и живи однимъ этимъ. Неужели всѣ они правы! Неужели намъ ничего не остается больше? Чувствовать самой, другихъ заставлять чувствовать... О, это отношеніе низко, подло!..».

— Лидія Петровна, что это ужъ вы очень замечтались, я сталъ вамъ нарочно на самую дорогу, думаю, авось увидятъ.

— Ахъ, это вы, Сергѣй Михайловичъ,—внезапно какъ-бы очнулась она. Какими судьбами вы здѣсь? Когда успѣли познакомиться? Вотъ не ожидала васъ встрѣтить,—и Лида радушно протянула ему руку.

— Какими судьбами?—нѣсколько фамильярно передразнилъ ее Лѣсниковъ, — въ каретѣ Андрея Васильевича пріѣхалъ, съ хозяйкой дома имѣлъ честь ровно десять минутъ тому назадъ познакомиться, вотъ съ барышней еще не имѣлъ этой чести, никакъ найти ее не могу, да и чичероне моего Андрея—тоже.

— Они тамъ въ угловой, идите прямо,—указала она и опустилась на первый попавшійся стулъ.

— Да вы-то, вы-то чѣмъ такъ разстроены, скажите мнѣ?

— Вотъ пристали,—натянуто разсмѣялась Лида,—то замечтались, то разстроились,—еще чего не найдете ли? Ступайте-ка лучше туда, кивнула она головой по направленію угловой.

— Пойду, пойду, не гоните. Только на прощанье скажу вамъ, что жаль мнѣ васъ, Лидія Петровна.—При этомъ онъ взглянулъ на нее умными пристальными глазами.

— Что вы говорите такое?

Digitized by Google

— Хорошій вы человѣкъ, оттого мнѣ васъ и жаль,—почти шопотомъ сказалъ Лѣсниковъ.

— Сергѣй Михайловичъ,—видимо взволновалась Лида,—говорите мнѣ прямо, вы знаете, что я не разсержусь на васъ.

— Знаю, знаю, — отчего вы только не прибавили: «къ шутовству-де вашему не привыкать стать»,—съ худо скрываемой горечью говорилъ онъ. Ну, хорошо, воспользуюсь правами «невмѣняемаго» и буду говорить прямо. Жаль мнѣ васъ потому, что славная вы такая, добрая, хорошая...

— Ха-ха-ха! разсмѣялась Лида: — вы оттого только меня и жалѣете?

— Конечно, оттого. Съ чего же бы еще мнѣ о васъ печалиться? Еслибъ кожа у васъ была потолще, да когти крѣпкіе,— вотъ какъ у всѣхъ этихъ господчиковъ,—указалъ онъ глазами на расфранченныя группы,—такъ и жалѣть васъ нечего бы было. А теперь не то. Теперь васъ всякій обидѣть можетъ — т.-е. въ широкомъ смыслѣ—кому не лѣнь только, потому всѣ они плотоядные, а вы между ними одна слабая. Вотъ и жаль мнѣ васъ, хоть и самъ я тоже плотоядный. А пока прощайте, пойду молодую хозяйку отыскивать.

«Плотоядные», «плотоядные», мысленно повторила себѣ Лида. Что онъ хотѣлъ этимъ сказать? Чудакъ большой этотъ Лѣсниковъ, и злой подъ-часъ. Онъ всегда во всѣхъ видитъ одно дурное. Впрочемъ, Андрея Васильевича онъ никогда не браниТъ, но и не хвалитъ его тоже никогда. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, всѣ люди— дурные, хищные, плотоядные? Что за вздоръ!

И она съ любопытствомъ осмотрѣлась вокругъ.

Почти рядомъ съ ней образовался тѣсный кружокъ около высокаго старика съ красивымъ оголеннымъ лбомъ.

Она никогда не видала его прежде, этого старика, но поняла сейчасъ, что онъ изъ «сильныхъ»; слова его слушались почти съ жадностью. Разговоръ шелъ о славянскихъ дѣлахъ, о сербахъ и болгарахъ, о баши-бузукахъ.

Тэма была богатая: звѣрства баши-бузуковъ и страданія христіанъ.

Лида перестала уже вслушиваться въ этотъ неумолкаемый говоръ, перестала ловить небрежно брошенныя фразы о гуманности и долгѣ, перестала даже смотрѣть на оживленную группу всякихъ «дѣятелей» и «сочувствующихъ»,—и задумалась.

Съ аристократическаго вечера она внезапно перенеслась памятью въ бѣдный губернскій городишко, въ чистую свѣтлую комнатку, съ ситцевыми гардинами на окнахъ.

Digitized by Google

И сколько горшечковъ со всевозможными цвѣтами на этихъ окнахъ! А въ глубинѣ этой комнаты стоитъ новенькій, красивый рояль. Братъ Миша въ разстегнутомъ юнкерскомъ мундирѣ съ поджатыми ногами сидитъ на старомъ диванчикѣ и, подперевъ рукою голову, будто ожидаетъ чего-то.

И себя она видитъ маленькой 14-ти-лѣтней дѣвочкой; она тоже сидитъ не шевелится.

Чего они ожидаютъ? Но вотъ дверь сосѣдней комнаты скрыпнула, и тихими, неслышными шагами входитъ высокая, худая женщина, съ добрымъ ласковымъ лицомъ, входитъ и перебираетъ у стола толстую пачку нотъ. А они сидятъ, не шелохнутся, ждутъ, что-то имъ выберетъ мама.

Выбрала что-то, опустилась на круглую тубаретку, высоко подняла поблекшую голову, — ударила по клавишамъ, и полетѣли по комнатѣ стройные, могучіе звуки.

Лида и Миша сидятъ какъ очарованные.

Давно это было,—и чудныя минуты не повторялись больше.

Много горя пережила она за послѣднія семь лѣтъ. Умерла мать, которую она боготворила, а братъ Миша... не вспоминать о немъ лучше! Но предъ ней назойливо выплываетъ образъ брата, его блѣдное, испитое лицо и мутные, оловянные глаза. Затѣмъ все смѣшалось. Въ головѣ вертится только: «двадцать тысячъ», «долгъ чести», «проигралъ». Горе, отчаянье старика, хлопоты, и безотрадныя думы... Все отдано, ничего не осталось, деньги заплачены, отецъ въ долгу. «Честь, милая, осталась честь»,— говоритъ ей старикъ, а самъ заливается.

Миша уѣхалъ. Долги, бѣдность... А тамъ — трудъ и трудъ.

Вдругъ будто электрическая искра пробѣжала по всему ея тѣлу и она очнулась, внезапно поднявшись со стула.

Вотъ сама Варвара Григорьевна Арбатова. Она идетъ подъ руку съ Андреемъ.

Лицо ея гордо и торжественно; тонкія губы сложились въ довольную улыбку. И онъ улыбается тоже, только блѣденъ онъ что-то.

— Лида, Лидочка, поди скорѣй, Наташа зоветъ наверхъ; очень нужно,—порывистымъ шопотомъ сообщаетъ ей вся запыхавшаяся Оля.

Она идетъ машинально.

У двери остановились.

Плачетъ кто-то, заливается. Да, это Наташа, это ея голосъ!

— Наташа, милая, что съ тобой? что случилось? Господи! — обнимаетъ она рыдающую дѣвушку.

Digitized by Google

— Лида... поздравь меня... Андрей сдѣлалъ мнѣ... предложеніе. Мама... согласна,—сквозь неудержимыя, радостныя слезы говоритъ ей Наташа, и бросается на грудь ея, плача и улыбаясь.

VI.

По праздникамъ Лида преимущественно занималась музыкой.

Сегодня даже музыка не въ состояніи занять ее. Она чувствуетъ что-то тяжелое, гнетущее, — хочется плакать и плакать.

Отчего онѣ, эти слезы? Гдѣ оно, это горе гнетущее?

Жизнь Лиды не измѣнилась извнѣ, течетъ она старымъ однообразнымъ порядкомъ,—даже лучше стало, пожалуй; значительно умножилась работа ея, а съ нею и заработокъ увеличился.

А все же хочется плакать и плакать...

На порогѣ комнаты показался Петръ Герасимовичъ.

Онъ стоялъ нѣсколько секундъ въ недоумѣніи, смотря на сидящую къ нему спиною и вздрагивающую отъ слезъ Лиду.

Доброе, благодушное выраженіе лица его мгновенно измѣнилось. Глубокія морщины легли на крупномъ лбу, красные, какъ-бы припухшіе вѣки его, задрожали, и вся неуклюжая маленькая широкая фигура его какъ-то склонилась, съёжилась.

— Лида, Лида, что ты!

Голосъ его звучалъ необычайной нѣжностью и, положивъ свою широкую ладонь на ея плечо, онъ съ какимъ-то смущеніемъ заглянулъ ей въ лицо. Она быстро отерла платкомъ текущія по щекамъ слезы и старалась улыбнуться ему.

— Ничего, папа, я немножко расклеилась, въ вискахъ стучитъ, ну, и расплакалась... Нервы, это пройдетъ, ничего.

Старикъ заботливо взглянулъ ей въ самые глаза.

— Коли горе какое есть, ну, ваше маленькое дѣвичье горе, не скрывай отъ отца; отъ ничего или отъ нервовъ этихъ плакать не станешь,—добавилъ онъ, помолчавъ съ минуту.

Лида обвила его шею рукой и крѣпко поцѣловала его вмѣсто всякаго отвѣта.

— Ну, что тебя тревожитъ, что мучитъ?—допрашивалъ онъ, гладя ее черные густые волосы.

— Да право такъ...—всплакнулось, сама не знаю съ чего.

Петръ Герасимовичъ недовѣрчиво покачалъ головой, съ еще бо́льшей любовью и безпокойствомъ смотря на нее. Казалось, онъ хотѣлъ ей сказать что-то, спросить ее, быть можетъ, но не рѣшался почему-то.

Digitized by Google

Молчаніе воцарилось неловкое, тягостное.

— Что-то Миша давно не пишетъ,—проговорила, наконецъ, Лида, — ужъ здоровъ ли онъ, боюсь, не случилось ли съ нимъ что-нибудь.

Что-то неуловимое, но тревожное мигомъ пробѣжало по лицу Петра Герасимовича.

— Богъ милостивъ, ничего дурного не случится,—тихо проговорилъ онъ,—командиръ полка старый товарищъ, я писалъ ему, просилъ,—въ случаѣ чего, немедленно дастъ знать.

— Знаешь, папа, боюсь я очень, чтобъ не бросился онъ въ Сербію добровольцемъ, теперь то-и-дѣло туда отправляются. Не снести ему тамъ головы; знаешь, онъ какой отчаянный...

— Напишу, напишу, а ужъ что̀ проку въ этомъ будетъ — не знаю,—съ горечью промолвилъ Петръ Герасимовичъ и задумчиво опустилъ свою огромную голову.

— Такъ вотъ что тебя мучитъ, Лидуша, — черезъ минуту продолжалъ онъ.—Славная ты у меня, добрая...

— Нѣтъ, нѣтъ,—быстро перебила она,—это мнѣ только сейчасъ въ голову пришло,—не знаю почему.

«О чемъ же плакала она, что̀ мучитъ ее? — усиленно размышлялъ Петръ Герасимовичъ въ своемъ кабинетѣ. «Устала она у меня,—трудится много,—не это ли? Вѣдь въ ея-то годы, да съ такой красотой о трудѣ небось другія и не слыхали... Тяжелая, поганая жизнь! А другого исхода пока не предвидится. Охъ, жизнь, жизнь! И она сидитъ — трудится, и самъ тридцать лѣтъ лямку тянешь,—а счастья нажить себѣ не можемъ».

А Лида, оставшись одна, мгновенно вспомнила, что до 17-го лишь только нѣсколько дней,—а 17-го числа назначена свадьба Барханова съ Наташей.

Прошелъ почти мѣсяцъ, послѣ памятнаго вечера у Арбатовой. На все это время она заперлась добровольно въ четырехъ стѣнахъ,—никого почти не видала, кромѣ отца и дѣтей; — одинокая, съ неотвязными тяжкими думами, съ сердцемъ разбитымъ, мучилась она это время, не имѣя мужества даже себѣ самой сознаться въ причинѣ этихъ страданій.

Двадцать слишкомъ лѣтъ прожила она и не знала этой муки, что̀ подъ-часъ дороже всякой радости, что̀ зовется первой и глупой любовью. Теперь лишь понимаетъ она, чѣмъ сдѣлался для нея этотъ красивый, умный, иногда насмѣшливый и всегда холодный человѣкъ. Онъ оказывалъ ей вниманіе, даже болѣе, одну, изъ всѣхъ, дарилъ онъ ее порою задушевной дружбой и искренней бесѣдой, — такъ по крайней мѣрѣ думала она. Она

Digitized by Google

не обманывала себя возможностью брака,—нѣтъ, объ этомъ она не думала, не гадала, и вѣрила въ простотѣ своего перваго, неопытнаго чувства, что такъ будетъ долго, долго и мечтать о бо́льшемъ считала грѣхомъ и безумствомъ.

И одинъ день, одинъ вечеръ, одинъ часъ, безъ всякой подготовки, сразу отнимаетъ у ней это счастье, въ конецъ и безвозвратно.

Что же это? Наказанье Божье, или всегда такъ?

VII.

Молодые Барха́новы поспѣшили изъ-за границы ради свадьбы сына. Они вернутся черезъ недѣлю,—и остановятся въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ и Андрей Васильевичъ. Павелъ Аѳанасьевичъ съ нетерпѣніемъ поджидаетъ возвращенія своей «сенаторши».

Въ тотъ самый мигъ, какъ увидалъ онъ ее въ богатомъ свадебномъ нарядѣ подъ руку съ сановитымъ женихомъ, онъ просто ужаснулся того величія, какого достигла его «Танюша», и почувствовалъ даже нѣчто въ родѣ блаженной робости отъ сознанія своей «прикосновенности» къ этому величію.

Три тысячи рублей серебромъ ежегодно было положено ему на содержаніе его зятемъ. Такія деньги даже и во снѣ не снились Павлу Аѳанасьевичу—и конечно, должны были произвести въ немъ немалый нравственный переворотъ. Увидѣвъ въ рукахъ столько «деньжищъ», онъ мигомъ почувствовалъ, что крылья растутъ у него за плечами,—растутъ не по днямъ, а по часамъ, а съ ними вмѣстѣ невзрачная, плюгавая фигура его, Павла Аѳанасьевича, принимаетъ не только благообразный, но будто и внушительный видъ.

Идетъ онъ по Невскому, закутавшись въ теплую шинель съ настоящимъ бобровымъ воротникомъ. Чинно, не спѣша, какъ и подобаетъ солидному человѣку съ достаткомъ и вѣсомъ, прогуливается Павелъ Аѳанасьевичъ. Мимо него, распустивъ сабли, снуютъ офицеры. Ехидно, съ тонкой усмѣшкой поглядываетъ онъ на нихъ.

«Чего трезвону-то задаете, чего?» размышляетъ онъ на ихъ счетъ; «знаю, братъ, что тѣмъ лишь и живешь, что брякъ да брякъ, а поди часто и выбриться-то не на что. А вотъ мы тихо идемъ, не шумимъ, а статья тутъ будетъ совсѣмъ иная — да-съ!»

— Бѣлобрисовъ! дружище! не узналъ-было тебя,—говоритъ, догоняя его, бывшій пріятель и сослуживецъ.

Digitized by Google

— А, Подколесинъ, это ты,—небрежно цѣдитъ онъ ему, не подавая руки и окидываетъ быстрымъ взглядомъ и рябую, тучную фигуру его, и старое полуразвалившееся пальтишко на ватѣ.

Но пріятель видимо не замѣчаетъ «ехидства» Павла Аѳанасьевича и безцеремонно беретъ его подъ руку.

— Ну, разскажи, дружище, какъ живешь теперь, поди барином сталъ.

Павелъ Аѳанасьевичъ чувствуетъ неодолимую страсть покуражиться, но покуражиться умно, тонко.

— Ничего, Иванъ Ивановичъ,—говоритъ онъ,—живемъ съ Божьей помощью, живемъ. А теперь чай время обѣденное, пойдемте-ка и мы съ вами закусимъ, упираетъ онъ на «закусимъ».

— Къ Доминику, что ли?—волнуется Иванъ Ивановичъ, тамъ, братъ, дешево и сердито.

— Зачѣмъ къ Доминику, Иванъ Ивановичъ. Мы васъ и къ Борелю свеземъ.

Иванъ Ивановичъ—весь восторгъ и удивленье.

— Какъ же это, братецъ, къ Борелю? Вѣдь тамъ, небось, чортъ знаетъ что дерутъ. А ужъ если и взаправду хочешь стараго пріятеля угостить, поѣдемъ. Только что это ты мнѣ, Павелъ Аѳанасьевичъ, «вы» вдругъ зачалъ говорить?

А Павелъ Аѳанасьевичъ будто и не слышитъ, тонко такъ, хитро ухмыляется, и садится на лучшаго извозчика, не торгуясь.

У Бореля усѣлись они въ отдѣльной комнатѣ. Не хотѣлъ этого очень Павелъ Аѳанасьевичъ, но Иванъ Ивановичъ положительно таки-настоялъ.

— Не могу,—говорилъ онъ,—я себя по душѣ чувствовать, когда тутъ, небось, на право—генералъ, на лѣво—генералъ, куда ни плюнь—генералъ. Вотъ засядемъ въ своей коморкѣ—дѣло иное.

Пришлось уступить. Угощеніе, съ блюдами, названій которыхъ Иванъ Ивановичъ не слыхивалъ, съ обильными возліяніями, произвело полный эффектъ.

— Дѣйствительный статскій, какъ есть! —умилялся на него Иванъ Ивановичъ.

Павелъ Аѳанасьевичъ скромно улыбался. Ну, думаетъ, теперь-то я надъ нимъ развернусь.

— Скажу тебѣ, другъ ты мой, сущую правду,—говорилъ онъ коснѣющимъ языкомъ,—зять мой Василій (съ наслажденіемъ называлъ онъ его теперь такъ)—человѣкъ добрый, мягкій,—изъ него хоть лыко вяжи. Про лютый характеръ его разсказывали —вздоръ, братъ, это все.

— И любитъ онъ меня, привязался ко мнѣ—страсть. Ежели

Digitized by Google

говоритъ, мой дорогой тестюшка, десяти тысячъ тебѣ въ годъ мало, такъ ты, говоритъ, не сумнѣвайся, и двадцать и тридцать дамъ. Довольно, говорю, голубчикъ, а мало будетъ, тогда скажу, разсказывалъ Павелъ Аѳанасьевичъ.—Да оно, знаешь, и довольно...

Павелъ Аѳанасьевичъ вралъ какъ только можетъ врать самый нахальный лжецъ, но, глядя на багровое лицо Ивана Ивановича, на его съ благоговѣніемъ устремленные на него красные, широко раскрытые глаза, онъ не могъ ни минуты сомнѣваться, что ему вѣрятъ отъ слова и до слова— и торжествовалъ.

VIII.

Вино ударило въ голову Павла Аѳанасьевича и, расхрабрившись, почти повѣривъ самъ всему, что только-что изливалъ своему старому пріятелю-сослуживцу,—онъ рѣшилъ навѣстить «внука Андрюшу», какъ не безъ важности называлъ онъ Андрея Васильевича.

«Зайду,—порѣшилъ онъ—къ нему по родственному, покалякаемъ о томъ, о семъ,—ну, да и о своихъ «голубкахъ» навѣрно узнаю, доподлинно, когда будутъ и все прочее».

Въ эту минуту, опьяненный виномъ и только-что нарисованной-было имъ картиной, своего нравственнаго значенія и завиднаго благополучія, онъ точно забылъ о своемъ первомъ и съ тѣхъ поръ послѣднемъ визитѣ къ «внуку Андрюшѣ».

А долго не могъ забыть этого визита Павелъ Аѳанасьевичъ.

Дѣло было такъ.

Проводивъ молодыхъ и получивъ отъ зятя въ собственныя руки солидную пачку ассигнацій, на первое время, какъ поясниль ему при этомъ Василій Александровичъ, Павелъ Аѳанасьевичъ въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ дней былъ въ такомъ розовомъ настроеніи, подобнаго которому, какъ онъ выражался, «въ жисть не запомнитъ».

Прежде всего Павелъ Аѳанасьевичъ позаботился о томъ, чтобы устроиться прилично своему новому положенію.

На Васильевскомъ островѣ, какъ еще передъ свадьбой поясниль онъ дочери, снялъ онъ вполнѣ приличную квартиру «съ мебелью», нанялъ по случаю въ «стряпухи» молодую дѣвку за 4 рубля въ мѣсяцъ.

— Хоть и не изъ петербургскихъ будетъ,—говаривалъ онъ про свою Мавру,—да оно и лучше; избаловаться еще не успѣла;

Digitized by Google

добрая баба, дикая, и всегда съ почтеніемъ,—одно слово—деревня.

И жирно ѣстъ, и сладко пьетъ и долго спитъ теперь Павелъ Аѳанасьевичъ.

Чего бы, кажется, ему еще? А лукавый такъ и мутитъ его душу.

— Ступай,—шепчетъ ему лукавый,—ступай въ палаты, навѣсти «внука». Не чужой, небось, вѣдь, а родной. Не выгонитъ, старина, ступай, да не кланяйся мальчишкѣ, полно тебѣ унижаться, ступай какъ ровня къ ровнему, какъ родной къ родному. Вѣдь не выгонить же тебя и взаправду молодой-то барчукъ. Это онъ *прежде* тебѣ руки-то не подавалъ, когда за дочерью приволакивался. Посшибали *теперь* ему спѣси, уважать, почитать тебя долженъ, по закону, по человѣчеству.

Вотъ со старикомъ-то, съ зятемъ, все же легче и сподручнѣе чувствуется, хоть тоже послѣ всякаго разговора «потъ прошибаетъ». А этотъ Андрюшка молокососишка, чтобъ ему ни дна ни покрышки, важничаетъ такъ, что просто и не подступай.

И Павелъ Аѳанасьевичъ внезапно почувствовалъ приливъ справедливой злобы и негодованія на «молокососишку».

Онъ потребовалъ новую сюртучную пару.

Сѣвъ въ первыя попавшіяся ему на улицѣ сани, онъ поѣхалъ, не долго размышляя, къ «внуку» Андрею Васильевичу.

Нарядный швейцаръ встрѣтилъ его за стеклянною дверью подъѣзда.

— У себя Андрюша?—храбро спросилъ его Павелъ Аѳанасьевичъ.

Швейцаръ окинулъ его пристальнымъ насмѣшливымъ взглядомъ. Онъ никогда не видалъ его прежде.

— Да вамъ кого желательно? Во всей дворнѣ нашей я Андрюши что-то не припомню. Ошибиться, вѣроятно, изволили.

Кровь такъ и стукнула въ голову Павла Аѳанасьевича.

— Ахъ, ты негодяй, хамово отродье!—закричалъ онъ внѣ себя отъ ярости.—Я покажу тебѣ, что значитъ говорить такъ со мной, мерзавецъ! Я Бѣлобрисовъ, и желаю видѣть внука своего Андрея.

— Такъ вы бы такъ и изволили сказать, а то на-ко, Андрюшу,—понять невозможно. Они-съ у себя, только у нихъ сегодня гости кушаютъ.

— Ну, я—другое дѣло. Я пойду и безъ доклада.

Павелъ Аѳанасьевичъ чувствовалъ теперь небывалый приливъ смѣлости и такую безконечную злобу на грубіяна швейцара, что

Digitized by Google

готовъ бы былъ въ эту минуту на все рѣшиться, чтобы подавить «этого мерзавца» своимъ привилегированнымъ положеніемъ «дѣда».

Не чувствуя подъ собою ногъ, онъ взлетѣлъ какъ ураганъ по широкой лѣстницѣ, причудливо убранной дорогими растеніями и цвѣтами, и на секунду остановился какъ-бы въ недоумѣніи. Предъ нимъ будто изъ земли выросъ самъ «внукъ Андрюша»—и уставился въ раскраснѣвшуюся взволнованную физіономію «дѣда» вопросительнымъ взглядомъ.

Вблизи, направо раздавались смѣхъ и громкіе голоса. Павелъ Аѳанасьевичъ съ разу осѣлъ.

— Я къ вамъ, Андрей Васильевичъ,—робко и заискивающе заговорилъ онъ.—Простите, не во-время можетъ... Навѣстить хотѣлъ, давно не видались. Скучно стало; навѣщу, думаю...

Тотъ слушалъ его съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Войдите,—сквозь зубы процѣдилъ онъ, отворачиваясь отъ него.—Закусите...

Большая столовая была буквально наполнена гостями. Огромный столъ, заставленный бутылками и тарелками со всевозможными закусками, былъ окруженъ шумной толпой военной и штатской молодежи. Завтракъ былъ въ самомъ разгарѣ; тутъ и тамъ виднѣлись фигуры безъ сюртуковъ и съ разстегнутыми жилетами; рѣчь перестала быть сдержанной и перешла въ несвязный, неумолкаемый гулъ.

Павелъ Аѳанасьевичъ остановился посереди комнаты, видимо затрудняясь, что дѣлать ему съ своей фигурой въ этомъ шумномъ и незнакомомъ обществѣ. А фигура его была въ эту минуту неподражаемо смѣшна. Клочки сѣдыхъ волосъ на полуобнаженной головѣ безпорядочно растрепались и прилипли на потныхъ вискахъ. Заплывшіе, маленькіе глазки его смотрѣли изъ-подъ рѣдкихъ бровей растеряннымъ недоумѣвающимъ взглядомъ, и въ довершеніе всего,—о ужасъ! новый только-что надѣтый сюртукъ на рукавѣ и спинѣ былъ буквально покрытъ желтоватымъ липкимъ соусомъ.

Подъ ногами валялась разбитая тарелка съ остатками того же соуса.

Полупьяный, безцеремонный хохотъ привѣтствовалъ Павла Аѳанасьевича.

Всѣ смѣялись,—и усатыя, подпившія фигуры военныхъ, и жиденькіе франты во фракахъ,—всѣ смѣялись громкимъ неудержимымъ смѣхомъ, смотря на него.

Digitized by Google

Жгучее чувство обиды заговорило въ немъ. Вѣроятно, они не знаютъ—кто онъ, мелькнуло въ его головѣ.

— Господа, имѣю честь рекомендоваться, я губернскій секретарь Бѣлобрисовъ,—слегка дрожащимъ голосомъ началъ Павелъ Аѳанасьевичъ,—я тесть...

— Подите вонъ,—раздался тихій, но хорошо знакомый ему голосъ надъ самымъ ухомъ.

Онъ увидалъ блѣдное, искаженное злобой лицо Андрея.

— Подите вонъ, сейчасъ же.

Холодные голубые глаза Андрея заблестѣли злымъ, непріязненнымъ блескомъ.

Присутствующіе видимо старались сдержаться.

Въ комнатѣ воцарилась тишина,—и десятки насмѣшливыхъ, полупьяныхъ глазъ наблюдали за Павломъ Аѳанасьевичемъ.

Мурашки пробѣжали по его спинѣ, сердце болѣзненно сжалось, глаза заволакивались, и онъ зарыдалъ внезапно громко и неудержимо.

Нѣсколько человѣкъ фыркнуло.

Какъ выбѣжалъ оттуда Павелъ Аѳанасьевичъ, какъ надѣлъ свою шубу, какъ пробѣжалъ опять мимо швейцара, этого онъ самъ не помнитъ.

Помнитъ только, что какой-то благопріятель привезъ его ночью мертвецки пьянаго домой, сдавъ его на руки озадаченной Мавры.

IX.

Послѣ вечера у Арбатовой, на которомъ Андрей Васильевичъ рѣшилъ свою участь и участь Наташи, онъ ни разу не былъ у Хоботовыхъ.

Онъ помнилъ, каковы были его послѣднія, сказанныя ей на этомъ вечерѣ, слова, помнилъ, конечно, и то, что̀ вызвало ихъ. Теперь обстоятельства измѣнились, и если дѣйствительно Лида разсчитывала на возможность когда-либо сдѣлаться его женою, то этимъ разсчетамъ и надеждамъ уже нѣтъ болѣе мѣста. Не сегодня—завтра должны вернуться изъ-за границы отецъ и молодая мачиха, и тогда, не откладывая въ долгій ящикъ, должна быть сыграна свадьба его съ Наташей.

Онъ не хотѣлъ окончательно разсориться съ Хоботовой.

Лида за послѣдній годъ, быть можетъ, гораздо больше занимала мѣста въ жизни Андрея, чѣмъ онъ самъ предполагалъ. Красота дѣвушки дѣйствовала на него обаятельно, ея смѣлый

Digitized by Google

самостоятельный умъ, вся жизнь ея, сложившаяся какъ-то необыкновенно для свѣтской дѣвушки,—интересовала его.

Онъ былъ въ состояніи подшутить иногда надъ ея самостоятельнымъ трудомъ, но потому лишь, что подшутить надъ чѣмъ бы то ни было уже въ его характерѣ, и потому, что, живя привилегированной жизнью, онъ не понималъ, что̀ такое бѣдность, нужда. О ней много говорятъ, спорятъ, много пишутъ, ее называютъ иногда «неизбѣжнымъ зломъ», — и на этомъ легко помирился Андрей. Если это зло дѣйствительно неизбѣжно, порѣшилъ онъ себѣ разъ навсегда, то и бороться съ нимъ — безуміе. Да и кого могу я спасти отъ этой бѣдности? Пожалуй, всякаго бѣднякa я могъ бы сдѣлать богачомъ, но вѣдь тогда я самъ бы сталъ бѣднякомъ. Нѣтъ, лучше иногда посокрушаться только, чѣмъ спасать такою цѣною. Но и сокрушаться ему ни надъ чѣмъ не приходилось. Да и кто сокрушается въ томъ кругу, который наполняетъ его жизнь?

Сокрушается молодой офицерикъ Петя, что долго не умираетъ его старый дядя милліонеръ; сокрушается Фанни, если ея старый принципалъ не даритъ ей ежегодно тысячныя колье и экипажи; Серёжа Лѣсниковъ — тотъ тоже четыре раза въ годъ сокрушается, что его пятипроцентные билеты не выигрываютъ не только двухъ-сотъ тысячъ, но даже и семидесяти-пяти. И вдругъ — не странно ли — молодая дѣвушка, умнѣе и симпатичнѣе тысячи другихъ,—дѣвушка, которая такъ имѣетъ право на жизнь и счастье, создаетъ себѣ, вмѣсто того, какія-то искусственныя сокрушенія и муки.

И надъ чѣмъ она сокрушается?

Не надъ тѣмъ, что приходится ей, достойной лучшей доли, корпѣть надъ скучными переводами и нелегкимъ трудомъ зарабатывать деньги не только для удовлетворенія своихъ «законныхъ прихотей», но и для покрытія чужого долга, — а надъ тѣмъ, изволите ли видѣть, что мало у ней работы, что много еще остается свободныхъ, безъ дѣла, минутъ. Странно!

Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ онъ на Лиду,—да иначе, пожалуй, и смотрѣть не могъ; такъ смотрѣли на нее многіе изъ его круга... Въ салонахъ онъ имѣлъ полное право прослыть за умнаго, блестящаго человѣка, — внѣ же этой чисто-внѣшней, мишурной жизни, онъ былъ неопытенъ и несвѣдущъ какъ дитя. А Лида занимала его какъ новинка, какъ что-то такое, чего онъ еще не встрѣчалъ. Онъ слушалъ ее не для того, чтобы выслушать и понять, а для того, чтобы услыхать, удивиться, разсмѣяться порой весело и беззаботно.

Digitized by Google

Теперь онъ рѣшилъ загладить нанесенную ей на вечерѣ у Арбатовой обиду,—и отправился къ Хоботовымъ.

Петра Герасимовича не было дома. Онъ спросилъ барышню. Слуга, справившись, почтительно доложилъ ему, что барышня не совсѣмъ здорова, извиняется и не можетъ его принять.

Раздосадованный, онъ поѣхалъ домой.

«Отчего же она не приняла меня, какъ, бывало, прежде принимала — одна, безъ отца?» размышлялъ онъ. «Вѣроятно, она еще сердится,—вѣроятно, не можетъ простить моей шутки. Однако это глупо,—не умѣть понять шутки, да и, къ тому же, я не сказалъ ей ничего, кажется, особеннаго, — такого, за что слѣдовало бы дѣйствительно сердиться, — а она сердится, она обидѣлась».

Теперь онъ придавалъ уже иной характеръ своей выходкѣ: онъ признавалъ ее за шутку, хотя помнилъ, что не шутилъ тогда, что говорилъ умышленно колко, обдуманно, помнилъ даже, какъ онъ былъ доволенъ, когда увидалъ, что она вспыхнула, не выдержала, встала и удалилась.

Онъ тысячу разъ не правъ, говорилъ ему внутренній голосъ, но на самомъ дѣлѣ признать себя неправымъ, сознаться въ этомъ онъ не могъ. А Лида не приняла его, отговорившись нездоровьемъ. Этого не случалось до сихъ поръ; онъ всегда былъ жданнымъ и желаннымъ гостемъ, даже болѣе—онъ былъ почти другомъ ея. Неужели разрывъ рѣшенъ? Нѣтъ, онъ не хочетъ этого; теперь, болѣе чѣмъ когда, чувствуя себя неправымъ относительно ея, онъ боится и не желаетъ этого разрыва.

Такъ размышлялъ Андрей Васильевичъ, пасмурный и сердитый, по дорогѣ домой.

— Господинъ Бѣлобрисовъ изволитъ васъ дожидаться въ кабинетѣ,—извѣстилъ его при входѣ швейцаръ.

— Кто?—удивленно переспросилъ онъ.

— Господинъ Бѣлобрисовъ.

— Вѣдь я же не приказалъ пускать къ себѣ этой приказной гадины!

— Да имъ запрету нѣтъ, Андрей Васильевичъ: пріѣхали совсѣмъ не въ своемъ видѣ,—чуть не силой ворвались.

Въ кабинетѣ, дѣйствительно, полу-лежалъ на диванѣ Павелъ Аѳанасьевичъ. Онъ былъ, что-называется, «совсѣмъ готовъ» и умиленно оглядывалъ высокій потолокъ кабинета, изукрашенный вычурными арабесками.

— Андрюша, внукъ мой, голубчикъ, я... пріѣхалъ тебя навѣстить... дитя мое... ну, поцѣлуй меня, — заговорилъ онъ со-

Digitized by Google

вершенно пьянымъ голосомъ, съ трудомъ поднявшись съ дивана и съ неменьшимъ трудомъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, выступая на встрѣчу къ появившемуся въ дверяхъ Андрею.

Казалось, гнѣвъ душилъ Андрея, но онъ старался побороть его въ себѣ всѣми силами.

— Что вамъ угодно отъ меня?—холодно, полу-презрительно глянулъ онъ на Павла Аѳанасьевича, отстраняясь отъ распростертыхъ объятій.

— Ничего... особеннаго мнѣ не угодно. Повидать тебя... было угодно, да о голубкахъ своихъ вѣсточки собрать. Когда ждешь голубковъ-то?

Тотъ не могъ уже себя выдержать.

— Не смѣйте называть такъ моего отца, юродивый вы этакій!—съ остервенѣніемъ закричалъ онъ. — Не смѣйте называть такъ и мачихи моей, несчастный вы пьяница! Я не позволяю вамъ этого—слышите ли? Не позволяю!

Павелъ Аѳанасьевичъ опѣшилъ на минуту. Но лукавый не дремалъ. «Не трусь, старина», зашепталъ онъ ему, «не трусь. Ну, чего тебѣ молокососа бояться? Плюнь ты на него, пожалуй, да и уходи по-добру по-здорову. А при случаѣ — подсади его, подсади непремѣнно. Знай-де, молъ, нашихъ,—вотъ что».

Злоба клокотала въ душѣ старика, но онъ принудилъ себя улыбаться униженно, подобострастно. Лицо его приняло выраженіе горькой обиды и рабской покорности, когда, шатаясь, онъ подошелъ къ столу, взялъ свою шляпу и проговорилъ какъбы потрясеннымъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Полноте, что вы... за что вы на меня кричите? За что вы выгнали меня, старика, прошлый разъ? Стыдно, батюшка, стыдно, съ родней своей такъ обращаться. Ну, полноте—я уйду, коли ужъ такъ вамъ противенъ. Горько это мнѣ,—ну, да что же дѣлать. Авось, дочь-то родная—хоть та отъ себя по шеямъ не выгонитъ. Стыдно такъ обижать, стыдно.

И съ трудомъ двигая ноги, онъ тихо вышелъ изъ комнаты.

X.

Щегольская карета остановилась у подъѣзда дома Арбатовой.

Почти не дыша, съ лихорадочнымъ румянцемъ, Наташа припала къ окну и не сводила глазъ съ экипажа.

— Они, они!—закричала она.

Digitized by Google

Варвара Григорьевна подошла къ зеркалу, окинула себя взглядомъ, поправила съѣхавшіе браслеты и сѣдые локоны.

— Его прев-ство Василій Александровичъ Бархановъ, съ супругою,—доложилъ вошедшій лакей.

Наташа такъ много слышала о Татьянѣ Павловнѣ, что была заранѣе крайне заинтересована своей будущей ростевницей. Она никогда не видала ее, а потому и имѣла какое-то почти фантастическое представленіе о ея красотѣ.

То представлялась она Наташѣ цыганкой, — почему именно «цыганкой» представлялась она ей, Наташа сама не знала хорошенько,—то (но это бывало рѣже) представлялась она ей высокой, румяной женщиной, съ черными большими глазами и съ постоянной довольной улыбкой на губахъ. Но это представленіе быстро уступало всегда мѣсто первому, и Наташа начинала положительно вѣрить, что молодая Барханова обязательно должна походить на красавицу цыганку. Наконецъ-то она увидитъ ее, будетъ говорить съ ней, знакомиться. О, она съѣстъ ее, Наташу, своими черными глазами за то, что Андрей черезъ два дня будетъ ея мужемъ. Что бы тамъ ни было, а все-таки она не могла не увлекаться ея Андреемъ; она жила вѣдь мыслью, что онъ женится на ней. А онъ и смотрѣть-то на нее теперь не хочетъ, радостно рѣшила она; онъ весь отдался одной ей, Наташѣ.

Только-что вчера вечеромъ вернулись въ Петербургъ Бархановы, — ихъ первый визитъ былъ къ Арбатовой. Сегодня же ждали Андрея Васильевича къ обѣду; предполагалось провести день по-семейному. Послѣ-завтра наступалъ страстно желанный Наташей день ея свадьбы...

Долго тянулось время для молодой дѣвушки.

Теперь этотъ день близокъ уже; куда ни повернется, куда ни взглянетъ Наташа — все говоритъ ей объ этомъ днѣ; весь домъ уже давно на ногахъ,—все суетится, хлопочетъ, все готовится къ этому дню. Комната ея и смежная съ ней гардеробная загромождены роскошными платьями, цвѣтами, картонками всевозможной величины и формъ. А чего-чего только не навезъ ей ея Андрей? Сколько дивныхъ уборовъ, сколько дорогихъ бездѣлушекъ!

Наташа была какъ во снѣ; она просто не вѣрила своему счастью,—до того всегда казалось оно велико ей и несбыточно. Но теперь оно здѣсь, это счастье, страшно близко уже, оно въ рукахъ ея... Возможно ли?

Теперь мечта ея близка къ осуществленію; теперь она впервые стала сама собой, искренно, безконечно счастлива...

Digitized by Google

Въ дверяхъ показалась могучая фигура старика Барханова и рядомъ съ нею—изящный образъ молодой женщины.

Татьяна Павловна была ослѣпительно хороша. Все сколько-нибудь угловатое въ ея движеніяхъ и манерѣ,— все это стушевалось теперь и замѣнилось полной непринужденностью и граціей. Роскошный визитный костюмъ оттѣнялъ еще болѣе ея красоту.

Василій Александровичъ нѣсколько разъ съ чувствомъ поцѣловалъ руку Арбатовой.

— Я не буду ждать, чтобы насъ представляли,—обратилась къ Наташѣ Татьяна Павловна,—позвольте обнять васъ, Наташа, безъ церемоній, какъ близкую и дорогую родственницу.

Наташа не успѣла еще отвѣчать на эти ласковыя, простыя слова, какъ почувствовала уже свои руки въ рукахъ этой, столь интересной для нея женщины, и холодныя губы прикоснулись слегка къ ея горячей щекѣ.

Наташа вздрогнула отъ этого прикосновенія; оно, казалось, прожгло ее, ужалило. Въ ту же секунду она почувствовала, что ненавидитъ эту холодную, гордую красавицу, ненавидитъ такъ, какъ только въ состояніи была ненавидѣть ея душа.

Послѣ первыхъ привѣтствій и поздравленій, всѣ усѣлись въ гостиной, въ ожиданіи Андрея, который долженъ былъ непремѣнно пріѣхать къ обѣду.

Наташа не спускала глазъ съ Татьяны Павловны. Она любовалась ею и ненавидѣла ее въ одно и то же время.

— Знаете, Варвара Григорьевна,—говорилъ старикъ,—если бы не такое благое и экстренное дѣло, какъ предстоящая свадьба нашихъ дѣтей, мы вѣроятно не скоро бы вырвались изъ Швейцаріи. Теперь тамъ рай въ сравненіи съ нашимъ Петербургомъ. Вотъ спросите-ка у ней,—указалъ онъ на Татьяну Павловну,—какъ ей понравилось тамъ? просто уѣзжать не хотѣла.

— Полноте, вы всегда утрируете,—съ неуловимой улыбкой презрѣнія возразила молодая женщина,—я никогда не увлекалась ничѣмъ, тѣмъ болѣе природой. Знаете, это пахнетъ слишкомъ дешевой идилліей. *Вы* увлекались мѣстностью гораздо больше меня, хотя были тамъ не первый разъ. Вспомните сцену у Женевскаго озера...—И при этомъ она громко разсмѣялась.

Наташѣ показалось, что смѣхъ былъ злой и натянутый.

При послѣднихъ словахъ, въ особенности при этомъ внезапномъ взрывѣ смѣха, Барханов слегка нахмурилъ брови и на лицѣ его появилось выраженіе глубокой грусти.

«Онъ несчастенъ съ нею, бѣдный, бѣдный!» подумала На-

Digitized by Google

таша, и окинула Татьяну Павловну негодующимъ, сердитымъ взглядомъ.

Та встрѣтила этотъ взглядъ и отвѣчала на него только снисходительной улыбкой.

Наташа поняла эту улыбку и почувствовала съ досадой, что она краснѣетъ предъ этой женщиной, что ей не выдержать ея взгляда, не вынести ея высокомѣрнаго снисхожденія.

— Воображаю, съ какимъ томительнымъ нетерпѣніемъ вы ожидаете теперь своего жениха,—заговорила Татьяна Павловна, оставшись наединѣ съ Наташей.

— Да, конечно,—окончательно уже смутилась та.

Татьяна Павловна не спускала съ нея своихъ блестящихъ, насмѣшливыхъ, казалось Наташѣ, глазъ.

— И вы его очень любите, Наташа? Извините, что я васъ такъ называю; но вѣдь черезъ день мы будемъ такъ близки другъ другу, что, я думаю, лучше заранѣе сойтись безъ церемоній. Не такъ ли? Называйте меня Таней, Татьяной, Танюшей, какъ хотите, я васъ прошу.

Наташа горѣла какъ въ огнѣ. Она опустила глаза и ничего не отвѣчала. Сердце билось часто и тревожно, слезы просились наружу.

— Ну, повѣрьте мнѣ, скажите мнѣ, давно ли вы любите Андрея? И какъ это между вами вышло? Я ужасно люблю эти маленькіе романы сердца.

— Зачѣмъ вы смѣетесь надо мной?—едва могла проговорить Наташа и слезы заблестѣли на ея глазахъ.

— Allons donc, какъ вамъ не стыдно такъ говорить! Развѣ я смѣюсь надъ вами? Что вы, Наташа? Вы знаете вѣдь я не чужая вамъ и Андрею тоже.

Чаша была переполнена. Молодая дѣвушка залилась горькими, неудержимыми слезами. Татьяна Павловна встала и, съ злорадной улыбкой взглянувъ на ея опущенную голову, медленно вышла изъ комнаты.

— Натальѣ Юрьевнѣ дурно, подайте воды въ гостиную,—отдала она приказаніе попавшемуся ей лакею.

Наташѣ дѣйствительно было дурно. Варвара Григорьевна совсѣмъ переполошилась. Василій Александровичъ тоже перепугался за свою будущую дочь. Весь домъ засуетился, забѣгалъ; послали за докторомъ; одна Татьяна Павловна оставалась все той же невозмутимой и холодной.

— Вѣроятно это нервы,—говорила она перепуганной Вар-

Digitized by Google

варѣ Григорьевнѣ.—Не случалось ли съ ней прежде нервныхъ припадковъ.

— Никакихъ припадковъ не случалось съ ней никогда, матушка,—сердито отвѣчала та.—Да разскажите вы мнѣ толкомъ, какъ это случилось. Вѣдь мы ушли съ Василіемъ Александровичемъ, васъ однѣхъ тогда оставили.

— Да я сама не понимаю больше вашего, по-крайней мѣрѣ не съумѣю указать вамъ на причину разстройства. Она была сначала ничего, весела даже,—выпутывалась Татьяна Павловна,—мы говорили съ ней о женихѣ, объ Андреѣ;—другого разговора у насъ и не было,—и вдругъ она заплакала ни съ того, ни съ сего. Не безпокойтесь такъ, Варвара Григорьевна, это пройдетъ, просто нервное разстройство, ничего больше.

— Да что вы заладили все одно, прости Господи!— не выдержала Варвара Григорьевна,—какое можетъ быть такое нервное разстройство у молодой дѣвушки,—и откуда ему взяться, если ее никто не разстроитъ?

И съ этими словами, не скрывая болѣе своего гнѣва, она повернулась къ ней спиной и отправилась на верхъ, къ Наташѣ.

Барановы остались одни.

— Презлая, должно быть, вѣдьма,—обратилась Татьяна Павловна къ мужу, кивнувъ вслѣдъ удалившейся хозяйки.

— Совсѣмъ нѣтъ; она женщина извѣстная своимъ добрымъ сердцемъ; напрасно ты такъ отзываешься о ней,—недовольнымъ голосомъ проговорилъ Василій Александровичъ.

— Ну, да, конечно, о такой близкой роднѣ, какой становится намъ старуха и эта курносая нервная дѣвчонка,—вспыхнула Татьяна Павловна.

Василій Александровичъ поблѣднѣлъ. Быстрыми шагами онъ подошелъ къ ней и, низко наклонившись къ ея лицу, проговорилъ строгимъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Будьте осторожны, я васъ прошу о томъ; я не привыкъ, чтобъ такъ говорили со мной, слышите?

Черные глаза ея блестѣли, но она повидимому спокойно выслушала рѣзкое замѣчаніе мужа и только презрительно повела плечами.

Въ комнату вошелъ Андрей Васильевичъ. Онъ дружески подалъ руку отцу и холодно поклонился мачихѣ.

— Гдѣ Варвара Григорьевна, Наташа гдѣ?—спросилъ онъ, быстро окинувъ взглядомъ раскрытую амфиладу комнатъ.

— Обѣ наверху; съ Наташей маленькій обморокъ,— отвѣчалъ Василій Александровичъ.

Digitized by Google

— Обморокъ? Съ чего это? Съ ней никогда не бывало обмороковъ,—говорилъ онъ, снимая перчатки.

Варвара Григорьевна, услыхавъ о пріѣздѣ жениха, поспѣшила къ нему.

— Ты слышалъ, Андрюша, — говорила она, нѣжно цѣлуя его въ голову,—Наташѣ дурно, съ ней обморокъ. Я не знаю, что́ и дѣлать. Послала за докторомъ,—да не ѣдетъ что-то.

— Докторъ Гринбаумъ!—громко доложилъ слуга.

Маленькая, тщедушная фигурка, низко согнувшись, быстро вбѣжала въ комнату.

Докторъ отдалъ на ходу общій поклонъ и подлетѣлъ къ хозяйкѣ.

— Я спѣшилъ, спѣшилъ, явиться на вашъ зовъ. Что́ случилось, что́ прикажете? Неужели Наталья Юрьевна заболѣла? Ведите меня скорѣе къ ней... Мы пропишемъ ей такое лекарство, что завтра же она у насъ будетъ на ногахъ, — суетился комическій старичокъ.

— Съ ней обморокъ, батюшка. Ступайте наверхъ къ ней, —васъ дѣвушка проводитъ, да смотрите же, чтобы не разболѣлась она у меня, житья вамъ тогда отъ меня не будетъ, слышите?..

— Хе-хе-хе! Слышу, слышу очень хорошо...

И вполнѣ довольный собой, низко наклонивъ плѣшивую голову, онъ скрылся за появившейся горничной.

— Ахъ, какой смѣшной этотъ докторъ! онъ должно быть премилый, право,—засмѣялась вслѣдъ ему Татьяна Павловна.

— Да, онъ очень милый, простой, добрый, — отвѣтила ей вскользь Варвара Григорьевна. — При покойномъ мужѣ былъ еще домашнимъ докторомъ.

— Однако я очень огорченъ этимъ, я боюсь, чтобы ея болѣзнь не затянулась и не отдалила бы нашей свадьбы, — вставилъ Андрей Васильевичъ.

— Ну, нѣтъ, надѣюсь до этого не дойдетъ.

— Однако...

— Да полно вамъ, Андрей, вѣдь это только обморокъ, не больше,—замѣтила Татьяна Павловна. — Ваша милая невѣста черезъ часъ будетъ сидѣть между нами.

— Мнѣ, какъ старику, простительно навѣстить молодую дѣвушку, хотя-бъ она лежала въ постелѣ. Пойдемте-ка къ ней, Варвара Григорьевна. Быть можетъ, докторъ позволитъ намъ быть около нея, тогда всѣ и переберемся туда. Пойдемте.

И Василій Александровичъ подалъ руку Арбатовой.

Digitized by Google

Татьяна Павловна, оставшись наединѣ съ Андреемъ, внезапно залилась звонкимъ смѣхомъ, смотря на него блестящими, словно влажными глазами.

— Что это васъ такъ забавляетъ?

— Что? Еще спрашиваетъ? Да вы, мой милый сыновъ, вы меня забавляете. Посмотрите-ка въ зеркало, на васъ лица нѣтъ, ха-ха-ха!..

— Во всякомъ случаѣ вашъ смѣхъ для меня непонятенъ.

— Очень жаль. Впрочемъ, для васъ многое непонятно.

Андрей Васильевичъ поблѣднѣлъ.

— Вы правы, для меня многое непонятно, и прежде всего —это вы, сударыня,—рѣзко замѣтилъ онъ.

— Сударыня... какой тонъ! Такъ не говорятъ съ мачихой, мой милый сыновъ, ужъ говорите мнѣ лучше, «ваше превосходительство».

— Я право затрудняюсь, какъ мнѣ говорить съ вами и...

— И какими глазами смотрѣть? Не правда ли?

— Вы угадали.

Татьяна Павловна на минуту задумалась.

— О, это прошлое,—внезапно заговорила она взволнованнымъ голосомъ, — отъ него не уйдешь! Однако надо уйти отъ него. Договоримся, Андрей; это необходимо разъ навсегда. Скажите, вы презираете меня? Отвѣчайте прямо, не стѣсняясь.

— Не знаю,—вѣрнѣе, что я ненавижу васъ.

Она улыбнулась.

— Жаль. Презрѣніе прочнѣе ненависти. Однако попробуйте объяснить мнѣ причины ея; хотите, я помогу вамъ? Вы ненавидите меня за то, что я была тоже горда, что я съумѣла опомниться во́-время и оттолкнуть отъ себя то, что мнѣ дало бы слезы и позоръ, за то, что я понимаю, что́ бѣлое, что́ черное, что я предпочла имѣть старика мужемъ, чѣмъ молодого любовникомъ, за то, что я была нищая, безъ имени и положенія, за то, что, оттолкнувъ въ васъ любовника, я рѣшилась быть женою вашего отца? Вѣдь за то вы ненавидите меня, Андрей, за то? Скажите же теперь, кто правъ, кто виноватъ? Вы, недавно еще клявшійся мнѣ въ любви, вы женихъ, безъ ума влюбленный въ свою невѣсту, скажите мнѣ, чѣмъ я хуже васъ, чѣмъ я имѣла несчастіе не заслужить вашего ко мнѣ расположенія, не говорю любви,—не нужно мнѣ такой любви, какъ ваша!

Андрей Васильевичъ не сводилъ съ нея глазъ во все время этой горячей тирады.

Digitized by Google

— Вы—демонъ, а не женщина,—съ усиліемъ проговорилъ онъ, опуская передъ ней глаза.

— А вы—слабый, несчастный человѣкъ.

XI.

Свадьба Андрея Васильевича съ Наташей была отложена впредь до окончательнаго выздоровленія послѣдней.

Докторъ Гринбаумъ положительно заявилъ, что у ней обнаруживаются признаки горячки,—и требовалъ щадить больную, не насиловать ея ослабѣвшихъ нервъ какими бы то ни было сильными впечатлѣніями.

— Будьте покойны,—утѣшалъ онъ совсѣмъ разогорченную Варвару Григорьевну, переждемъ недѣлю, другую, — и убьемъ болѣзнь въ самомъ ея зародышѣ. Осторожности надо, осторожности больше. Субъектъ нервный—до бѣды не долго. Охъ, бѣда только съ этими нервами!

Кромѣ своихъ, т.-е. Андрея и Бархановыхъ, Арбатова никого не принимала. Оля Карчагина пробовала-было два раза навѣстить пріятельницу, но ее не приняли.

— Ну, Богъ съ ней, не до нея теперь, стрекозы; наболтаетъ пожалуй чего, опять не дай Богъ что-нибудь случится.

Чего именно боялась Варвара Григорьевна, какихъ разговоровъ со стороны окружающихъ Наташу она опасалась, ей было бы трудно объяснить это самой себѣ. Она смутно чувствовала, что тутъ Татьяна Павловна съ ея будто бы бывшими отношеніями къ Андрею при чемъ-нибудь да есть.

И не взлюбила же она Татьяны Павловны!

Однажды вечеромъ она увела Андрея Васильевича изъ комнаты Наташи. Прямо и откровенно она предложила ему вопросы объ его прежнихъ отношеніяхъ съ Татьяной Павловной, передала безъ утайки всѣ сплетни, пущенныя въ свѣтѣ по поводу ихъ.

— Откройся мнѣ по душѣ, откровенно, Андрюша, что у васъ тамъ съ ней было? Самъ знаешь, не сплетница я какая; скажи правду, милый, какъ матери. Объясни ты мнѣ только путемъ все,—буду знать, чему вѣрить, чему нѣтъ. Да если и въ самомъ дѣлѣ ты любилъ ее, такъ Богъ съ тобой, кто же изъ молодыхъ людей не влюбляется? Только изъ-за чего у васъ размолвка-то вышла—вотъ что ты скажи?

— Я вамъ правду скажу, maman (послѣднее время онъ называлъ ее такъ), если вы такъ желаете ее. Можетъ быть, и увле-

Digitized by Google

кался я ею,—да и навѣрное увлекался,—но не настолько, могу васъ завѣрить, чтобъ сдѣлать un faux pas. Ни одной минуты, даю вамъ въ томъ мое честное слово, я не помышлялъ назвать ее своей женой. Это было бы уже слишкомъ; моя голова оставалась еще при мнѣ, maman. Теперь вы понимаете, конечно, причину нашей бывшей размолвки. Татьяна Павловна всегда была страшно самолюбива, и бездушна, если хотите. Я готовъ присягнуть, что она никогда не любила и никогда не полюбитъ. Много ума, красоты, но полнѣйшее отсутствіе сердца.

— Я сама не понимаю также, Андрей. Но скажи, голубчикъ, дѣйствительно ли ты свободенъ теперь отъ этого увлеченія, прошло ли оно безслѣдно? Провѣрь себя; Наташа слишкомъ тебя любитъ, чтобы перенести это...

Андрей Васильевичъ быстро поднялся съ кресла.

— Даю вамъ слово, что я не люблю ее, моей мачихи,—мало того, какое-то странное, вѣрите-ли, тяжелое, гнетущее впечатлѣніе производитъ на меня одинъ ея видъ. Я желалъ бы умѣть лучше относиться къ женѣ своего отца, чѣмъ отношусь къ ней.

— Не долюбливаю и я ее, голубчикъ, ну, да что же дѣлать, не намъ судить, надо покориться, — и видѣть въ ней не то, что́ она есть, а то, чѣмъ она стала,—со вздохомъ проговорила Варвара Григорьевна.

— Конечно,—въ раздумьи протянулъ онъ.—Но, знаете, меня самого удивляютъ мои къ ней теперешнія отношенія. Нѣтъ спору, я увлекался ею. А теперь, куда дѣлось оно, это увлеченіе? Вѣдь и слѣда по себѣ не оставило!..

— Полно, такъ-ли? Развѣ ты относишься къ ней совершенно равнодушно?

— Нѣтъ, этого я не скажу. Равнодушно я не могу къ ней относиться; — я почти ненавижу и, вѣрите ли,—понизилъ онъ голосъ, я уважаю ее,—вотъ что странно.

— Ты уважаешь въ ней жену твоего отца.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ мачиху, какъ жену моего отца,—я ненавижу, почти презираю ее, но какъ женщину, какъ человѣка...

— Да что́ ты, что́ ты, Андрюша? Изъ-за чего ты такъ волнуешься?

Но онъ не слушалъ ее. Онъ продолжалъ съ видомъ человѣка, которому трудно остановиться:

— Мало того, что я уважую эту женщину, по временамъ я испытываю передъ ней нѣчто въ родѣ робости. Вѣрите-ли, maman, я говорю правду. Она умна, maman. она очень умна; въ ней много смѣлаго, рѣшительнаго, ея характеръ—желѣзный,

Digitized by Google

но она, должно быть, страшно зла. Я не видалъ ее злой; она не кричитъ, не горячится, но еслибъ вы слышали, какъ иногда она хохочетъ! Это злой смѣхъ, это демонъ смѣется. Не удивляйтесь, maman, что я такъ говорю вамъ о ней. Вѣдь это я вамъ только говорю. Я васъ люблю какъ мать, я какъ съ матерью и говорю съ вами... Знаете, мнѣ за отца страшно становится. Онъ сбитъ съ позиціи; его крутость, его строгость не дѣйствуетъ на нее; она отвѣчаетъ на нихъ или улыбкой, или, того хуже, пренебрегаетъ ими; она не видитъ ихъ. Maman, я вамъ правду скажу, отецъ несчастенъ съ нею, онъ грустенъ, онъ хандритъ; я не знаю, что дальше будетъ, но, если все пойдетъ тѣмъ же шагомъ, онъ не выдержитъ, онъ прорвется, онъ сдѣлаетъ глупость. Боже сохрани,—вѣдь вы знаете его характеръ; это левъ,—берегись, когда рычитъ онъ, а не то растерзаетъ. И эти сцены изъ-за отца, изъ-за этого приказнаго пьяницы, о! онѣ даромъ не пройдутъ ему. Она требуетъ, да пожалуй она и имѣетъ право требовать, чтобы его почитали какъ ея отца... Но еслибъ вы только видѣли этого субъекта! Но не думайте, что онъ денегъ отъ нея добивается, о, нѣтъ! онъ достаточно обезпеченъ отцомъ. Его червь сосетъ, подлый, какъ и онъ самъ... Отецъ терпитъ его теперь по необходимости, но это не можетъ такъ долго продолжаться; онъ выгонитъ его, какъ я уже два раза выгонялъ! Скверно, maman, скверно! Тяжело отцу съ этой женщиной; кто кому уступитъ—не знаю. Нашла коса на камень!

Варвара Григорьевна съ жаднымъ вниманіемъ слушала несдержанную, внезапно вылившуюся рѣчь Андрея.

Онъ тяжело дышалъ и, заложивъ руки за спину, взволнованно ходилъ по комнатѣ. Онъ былъ очень блѣденъ и глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ.

— Я такимъ тебя еще, Андрей, съ малолѣтства только разъ одинъ видѣла,—ласково смотря на него, заговорила она. Ты вѣроятно не помнишь этого: давно это было, тебѣ тогда восьмой годокъ только пошелъ. Высѣкъ тебя отецъ за то, что-де не въ свое дѣло совался... Охъ, старое, хорошее время,—разжалобилась она. —Помнишь-ли ты мать, помнишь Зину? Ангелъ Божій на землѣ была, а не человѣкъ. Ну, и за эту-то ангельскую кротость доставалось ей подъ-часъ отъ Василія Александровича. А ужъ тебя, Андрюша, какъ она любила! Разъ отецъ твой и закричалъ на нее по-своему, а ты тоже тутъ случился. Не помню ужъ что, только сказалъ ты тогда отцу въ защиту ея свое дѣтское дерзкое слово, и высѣкъ онъ тебя самъ, первый разъ и послѣдній. Помнится мнѣ, хоть и былъ ты малымъ ребенкомъ, а точь-въ-

Digitized by Google

точь, какъ теперь — блѣдный такой былъ, а въ глазенкахъ-то гнѣвъ горѣлъ. Помнишь-ли это, Андрюша?

Варвара Григорьевна совсѣмъ разжалобилась при воспоминаніи о далекомъ старомъ времени. Она встала, подошла къ нему и, обнявъ его за шею, заглянула ему въ глаза.

Волненіе Андрея, при воспоминаніи о давно умершей матери, было замѣтно. Онъ не старался скрыть его и, наклонившись надъ Варварой Григорьевной, проговорилъ теплымъ голосомъ:

— Вы будете моей матерью, я буду любить васъ такъ же, какъ любилъ ее ребенкомъ.

Варварѣ Григорьевнѣ удалось смягчить этого гордаго, всегда холоднаго и равнодушнаго человѣка, но и она тихо заплакала, чего давно съ ней не бывало.

— Господи! да скоро-ли я оставлю эту несносную постель, жаловалась Наташа сидящему близъ нея жениху. Андрей Васильевичъ замѣтно скучалъ, просиживал по необходимости долгіе часы у постели своей невѣсты.

Такъ и теперь, онъ лѣниво взглянулъ на поблѣднѣвшее ея личико и не сказалъ ни слова.

— Мнѣ грустно, Андрей,—продолжала она упавшимъ голосомъ.

— Отчего же?

— Да я и сама не могу понять—отчего.

— Ну, это такъ, пройдетъ,—безотчетная грусть.

— Дай Богъ. Но, право, мнѣ кажется, что надо мной тяготѣетъ какое-то большое несчастье. И какое это можетъ быть несчастіе, теперь, когда я такъ счастлива, такъ счастлива, Андрей? А все же по временамъ тяжело что-то и грустно мнѣ.

Темные глазки Наташи подернулись невольной слезой, и остановились на лицѣ Андрея съ выраженіемъ безграничной привязанности и неясной, но томительной тоски.

Онъ взялъ и тихо пожалъ ея руку.

— Полноте, Наташа, вы будете счастливы со мной, я обѣщаю вамъ это, обѣщаю.

— О, мой хорошій! Но отчего мнѣ такъ грустно?

— Это слѣдствіе нездоровья, Наташа. Гринбаумъ обѣщалъ сегодня черезъ три дня вамъ позволить встать. А тамъ, два, три дня еще переждать и вы будете женою моей, Наташа,—говорилъ онъ, не выпуская изъ своей руки ея руку.

— Господи, Господи, какъ я счастлива!

Наташа нѣжно пожимала его руку и не спускала съ него своихъ добрыхъ глазъ.

Digitized by Google

— Знаете-ли, Андрей,—съ увлеченіемъ начала она,—я долго сама не вѣрила своему счастью... Вѣдь я давно еще васъ любила,—только вы того не замѣчали, или не хотѣли замѣчать, противный! А я мучилась... Еслибъ вы только знали, Андрей, какъ я мучилась! Ну, да вамъ не до меня было,—особенно послѣднее время, когда вы ухаживали за... Татьяной Павловной,—при этомъ она вся вспыхнула и еще крѣпче сжала въ своей рукѣ его руку.—Ахъ, эта женщина—она такъ хороша, Андрей! Я слышала, что она красавица, но представляла ее себѣ гораздо хуже. Она дивно хороша! Но въ ней есть что-то, что васъ вмѣстѣ и манитъ къ ней и отталкиваетъ отъ нея. Я не люблю ее, Андрей, сознаюсь въ томъ. Вы знаете, она оскорбила меня...

— Что вы говорите? Васъ оскорбила она?

— Ну-да, оскорбила,—смѣялась надо мной въ первый же день, въ первый же часъ нашего знакомства, съ упорствомъ продолжала она.—Вотъ тогда-то и случился со мной этотъ первый припадокъ, Андрей.

Наташа умолкла—и задумалась.

— Да скажите же мнѣ, что у васъ съ ней было, чѣмъ оскорбила она васъ, что могла сказать она вамъ?—волновался Андрей Васильевичъ, крайне озадаченный ея словами.

— Она такъ зло смотрѣла на меня своими большими черными глазами, такъ насмѣшливо! ... Я не могу выносить этихъ глазъ, мнѣ больно отъ нихъ, Андрей. Вотъ и тогда, я помню, мнѣ было страшно неловко, я не знала куда дѣться, что говорить. Но это бы ничего еще. Но какъ она говорила, еслибъ вы только слышали! все болѣе и болѣе волновалась Наташа.—Она спрашивала меня, очень ли я васъ люблю,—и съ какой насмѣшкой она спросила меня это! Она мнѣ осмѣлилась сказать, что она любитъ маленькіе романы сердца. Я заплакала, заплакала невольно, такъ обидно мнѣ было выслушивать это. И отъ кого же? Отъ нея! И въ довершеніе всего, Андрей, она мнѣ сказала такую страшную, такую ужасную вещь...

Наташа закрыла лицо руками.

— Что-же? Что еще сказала она?

Андрей Васильевичъ былъ блѣденъ и глубокая морщина прорѣзалась между бровями.

Въ сущности весьма простое замѣчаніе Татьяны Павловны, что «и Андрей ей не чужой»—острымъ ножомъ вонзилось въ любящее и ревнивое сердечко Наташи.

— Она сказала мнѣ,—почти уже всхлипывая, съ трудомъ начала она,—она сказала мнѣ, что вы, Андрей... Нѣтъ, я не могу произнести этого ужаснаго слова, не могу, не могу!

Digitized by Google

И она опять закрыла лицо руками.

— Да въ чемъ же дѣло, наконецъ! Не мучьте меня, Наташа!

— Что вы не чужой ей...—съ невыразимымъ усиліемъ проговорила наконецъ Наташа, и залилась слезами.

Андрей Васильевичъ недоумѣвалъ, смотря на плачущую дѣвушку; онъ не могъ понять, не хотѣлъ, быть можетъ, понимать этого слова такъ, какъ поняла его Наташа.

— Ну, да, не чужой,—съ неподдѣльнымъ удивленіемъ проговорилъ онъ.—Конечно, не чужой: я ей пасынокъ. Но что же тутъ такого ужаснаго,—я, правс, не понимаю.

— Господи,—и онъ еще спрашиваетъ!—внѣ себя, съ сверкающими глазами воскликнула она.—Не чужой,—значитъ вы любили ее, или любите еще,—почемъ я знаю! значитъ, вы близки другъ другу—вотъ что это значитъ, Андрей Васильевичъ!

Она не владѣла уже собой. Ревнивая злость душила, жгла ее, парализовала разсудокъ.

Андрей Васильевичъ вздрогнулъ.

— Что вы, что вы? Что съ вами, Наташа? Опомнитесь, что вы говорите!

— Я правду говорю—вотъ что! Она бросила мнѣ въ лицо эту правду... Я не вѣрила слухамъ, Андрей, я не вѣрила толкамъ, сплетнямъ, пересудамъ,—я вамъ одному лишь вѣрила. И теперь, кромѣ васъ, я никому не повѣрю. Простите меня, простите мнѣ эту выходку, Андрей! я не могу... я не могла себя выдержать!.. Это выше силъ моихъ! Вѣдь я такъ люблю васъ! Я ревнива, Андрей, ревнива до безумія, но что же мнѣ дѣлать! Я не могу...—И слова ея заглушились глухими рыданіями.

Нервы опять заговорили съ прежнею силой; съ ней начинался старый припадокъ.

Въ эту минуту на порогѣ показалась Варвара Григорьевна.

— Что это съ ней опять? что это?—Ната!—бросилась она съ перекосившимся отъ испуга лицомъ къ истерически хохотавшей уже Наташѣ.

— Старое опять начинается,—какъ-то глухо проговорилъ Андрей Васильевичъ, и съ блѣднымъ серьёзнымъ лицомъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Черезъ часъ пріѣхавшій Гринбаумъ озабоченно объявилъ Варварѣ Григорьевнѣ, что болѣзнь усложняется и принимаетъ очень серьёзный оборотъ.

Онъ потребовалъ созвать консиліумъ.

Ю. З.

Digitized by Google

КНЯЗЬ
АНТІОХЪ КАНТЕМИРЪ

ВЪ ПАРИЖѢ

I.

Назначеніе посланникомъ. — Кардиналъ Флёри. — Инструкція отъ русскаго двора. — Французская политика. — Затрудненіе Кантемира. — Вопросъ о посылкѣ посла въ Петербургъ. — Посредничество Франціи въ мирныхъ переговорахъ съ Турціей. — Жалобы Кантемира. — Маркизъ Шетарди. — Вопросъ объ императорскомъ титулѣ. — Жалованье.

Шесть лѣтъ провелъ нашъ сатирикъ Антіохъ Кантемиръ въ Лондонѣ [1]) въ качествѣ русскаго посла. Черезъ него въ 1738 году возобновлены были прерванныя дипломатическія сношенія русскаго двора съ французскимъ; онъ же былъ назначенъ и въ посланники въ Парижъ, какъ скоро было получено оттуда извѣщеніе, что Франція не прочь сблизиться съ Россіей и готова съ своей стороны отправить посла въ Петербургъ. Кантемиру приказано было передать лондонскому двору, что ему назначенъ другой постъ—«въ разсужденіи того, что онъ находится въ близости отъ Франціи и при французскомъ дворѣ нѣкоторыя знакомства имѣетъ». Дѣйствительно, Кантемиру приходилось уже второй разъ отправляться изъ Лондона въ Парижъ. За два года онъ ѣздилъ туда совѣтоваться съ извѣстнымъ окулистомъ Жандро-

[1]) См. мою статью: „Князь Антіохъ Кантемиръ въ Лондонѣ“ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1867 г., т. I и II.

Digitized by Google

номъ о своемъ слабомъ зрѣніи, поврежденномъ непрестанными занятіями. Тогда-то онъ и познакомился здѣсь съ нѣсколькими лицами, но скорѣе въ сферѣ ученой и литературной, чѣмъ въ дипломатической и административной. Въ то время писали въ газетахъ, что онъ жилъ въ Парижѣ incognito, ни къ кому изъ министровъ не ѣздилъ и ихъ визитовъ не принималъ. Но это нисколько не мѣшало разойтись молвѣ въ парижскихъ кружкáхъ объ его умѣ, образованіи и учености, несмотря на его молодые годы: тогда ему было двадцать девять лѣтъ. О прямомъ же, честномъ и ровномъ характерѣ французскіе министры могли знать отъ своего посланника въ Лондонѣ. Отсюда понятно, что парижскій дворъ съ удовольствіемъ узналъ объ его назначеніи.

Въ это время политическими дѣлами Франціи управлялъ кардиналъ Флёри, самый хитрый дипломатъ, у котораго было много общаго съ русскимъ вице-канцлеромъ Остерманомъ. Но этотъ долженъ былъ постоянно хитрить со всѣми царедворцами и болѣе или менѣе согласоваться съ видами всесильнаго Бирона; Флёри же былъ вполнѣ самовластенъ, подчиняя своимъ видамъ и короля Людовика XV. Всѣ другіе министры были предъ нимъ безгласны.

Хотя Кантемиръ былъ уже не новичокъ въ дипломатической сферѣ, но ему съ прямымъ и честнымъ характеромъ предстояло не мало затрудненій устоять между двухъ огней — угадывать настоящія намѣренія Флёри и исполнять приказанія Остермана. Въ инструкціи отъ русскаго двора, присланной ему передъ отъѣздомъ въ Парижъ, было объявлено, что на первыхъ порахъ онъ будетъ состоять при французскомъ дворѣ полномочнымъ министромъ, а не чрезвычайнымъ посломъ, какимъ онъ былъ при дворѣ англійскомъ. Ему поручалось заявить, кромѣ дружбы со стороны русской императрицы, еще и готовность ея принять посредничество Франціи въ мирѣ русскихъ и ихъ союзницы Австріи съ турками. При этомъ требовалось высказать кардиналу *Дефлерію* много лести, т.-е. «засвидѣтельствовать особливое почтеніе къ его персонѣ и великимъ меритамъ и достойно заслуженной отъ всего свѣта знатной славѣ, равно и совершенную конфиденцію къ его *правоудушію*». Здѣсь же Кантемиру предписывалось объявить, что принимая французскую *медіацію*, императрица никакъ не можетъ отречься и отъ медіаціи морскихъ державъ, изъ опасенія, чтобъ не озлобить ихъ и чтобъ они не вздумали препятствовать успѣшному заключенію выгоднаго мира.

Кромѣ этого порученія Кантемиру давалось еще и другое, по которому онъ много и безуспѣшно хлопоталъ и при лондонскомъ дворѣ: признаніе императорскаго титула за русскою да-

Digitized by Google

рицею. Точно также какъ и въ Лондонѣ, ему совѣтовалось имѣть откровенное и *конфидентное* обхожденіе съ римско-цезарскимъ министромъ.

Съ этою инструкціею Кантемиръ явился въ Парижъ 8 сентября 1738 года. На другой же день кардиналъ Флёри и его помощникъ по дипломатическимъ сношеніямъ съ сѣверными государствами статсъ-секретарь Амелотъ приняли русскаго посланника ласково и учтиво, какъ выражается самъ Кантемиръ. Французскій министръ много разсчитывалъ на прямыя сношенія съ петербургскимъ дворомъ. Его сильно озабочивала мысль, что на сѣверѣ Россія достигла слишкомъ высокой степени могущества, отчего колеблется въ Европѣ политическое равновѣсіе, что союзъ Россіи съ Австрійскимъ домомъ чрезвычайно опасенъ. Австрія еще недавно въ польскихъ дѣлахъ явно показала, какъ она можетъ злоупотреблять этимъ союзомъ: благодаря ей, десяти-тысячный корпусъ русскихъ войскъ былъ приведенъ на самые берега Рейна. Кто можетъ ручаться, что и въ другой разъ не воспользуется вѣнскій дворъ русскими силами, когда ему будетъ нужно подчинить своему произволу всю Германію, и что онъ не запрудитъ эту страну толпами варваровъ. Предотвратить такое несчастіе не въ силахъ сами германскіе владѣтели, разъединенные и слабые. Слѣдственно предстояло уже Франціи обдумать всѣ способы, чтобы ослабить Австрію и Россію и какъ-нибудь разорвать ихъ союзъ. Для этого необходимо было завести прямыя сношенія съ Россіей. Но, съ другой стороны, кардиналъ боялся, чтобъ эти сношенія еще болѣе не увеличили значеніе сѣвернаго государства, что̀ никакъ не входило въ виды французской дипломатіи. Ему предстояли двѣ задачи: разорвать тѣсный союзъ двухъ имперій и связать Россіи руки страхомъ войны съ Швеціею, но такъ, чтобы во всемъ этомъ она и не подозрѣвала участія Франціи. Хотя кардиналъ и получалъ нѣкоторыя извѣстія изъ Россіи, что ей въ тягость война съ Турціей и что миръ ей необходимъ; но, съ другой стороны, получались извѣстія и объ успѣхахъ русскихъ войскъ, о ставучанской битвѣ, о взятіи крѣпости Хотина. Правда, непріятное впечатлѣніе отъ русскихъ побѣдъ нѣсколько смягчалось извѣстіемъ о неудачахъ цезарскихъ войскъ и о мирныхъ переговорахъ, начатыхъ Вѣною отдѣльно отъ союзниковъ. Это подавало надежду на охлажденіе между вѣнскимъ и петербургскимъ дворами. Самое лучшее, что̀ теперь представлялось хитрому кардиналу—воспользоваться случаемъ и взять мирные переговоры въ свои руки, если правда, что Россія

Digitized by Google

также желаетъ мира, а тамъ можно будетъ настоять на томъ, что будетъ выгодно для Франціи.

Съ такими намѣреніями кардиналъ Флёри принялъ Кантемира и заявилъ, что онъ находитъ пристойнѣе послать къ русскому двору представителя Франціи съ посольскимъ характеромъ, т.-е. степенью выше полномочнаго министра, какимъ явился Кантемиръ къ французскому двору. Такъ какъ этимъ назначеніемъ выказывалась особенная честь русскому государству, куда прежде Франція посылала только своихъ повѣренныхъ и резидентовъ, то полагалось само собою, что и представитель русскаго двора во Франціи будетъ съ такимъ же характеромъ. Это обстоятельство привело Кантемира въ большое затрудненіе: по данной ему инструкціи онъ долженъ былъ тотчасъ же представиться королю и вручить ему кредитивную грамоту; а по совѣтамъ кардинала ему нужно было выждать извѣстія отъ русскаго двора, согласенъ ли онъ облечь его въ посольскій характеръ, и уже потомъ представиться къ королю. Кардиналъ изъ какихъ-то видовъ хотѣлъ оттянуть представленіе, можетъ быть, выжидая новыхъ извѣстій изъ Вѣны или Константинополя, и въ то же время, чтобы не быть обязаннымъ спѣшить отправленіемъ своего посла въ Россію. Но при этомъ онъ очень любезно обнадеживалъ Кантемира, что употребитъ свое вліяніе въ Турціи и Швеціи въ нашу пользу. Чтобы не испортить дѣла, Кантемиръ рѣшился слѣдовать его совѣтамъ и спокойно выжидать извѣстія отъ петербургскаго двора. Но тамъ это рѣшеніе было принято съ большимъ неудовольствіемъ. Торопясь миромъ и разсчитывая на французское содѣйствіе, Остерманъ посмотрѣлъ на бездѣйствіе посла какъ на вредную проволочку въ дѣлѣ мирныхъ переговоровъ и прислалъ ему строжайшій выговоръ отъ имени самой императрицы.

Русскому вице-канцлеру представлялась здѣсь интрига со стороны самого Кантемира, чтобы добиться отъ русскаго двора высшаго посольскаго званія. Прибыть во французскую столицу въ качествѣ посланника и жить тамъ нѣсколько дней инкогнито казалось ему непристойнымъ и предосудительнымъ, что могло произвести неблагопріятные толки въ политическомъ мірѣ. Кантемиру предписывалось немедленно настоять на представленіи къ королю и вступить въ публичное отправленіе своей должности, но такъ, чтобы никто не могъ узнать, будто онъ дѣлаетъ это по присланному указу, а не по своимъ соображеніямъ согласно съ прежнимъ рескриптомъ. Остерманъ видимо боялся, чтобы французскій дворъ не вздумалъ возобновить переговоровъ о сте-

Digitized by Google

пени посла, котораго онъ назначилъ въ Петербургъ, черезъ что оттянулось бы настоящее дѣло еще на нѣсколько недѣль.

Кантемиръ принялъ къ сердцу выговоръ, писалъ оправданіе и извиненіе [1]). Но домогательство его представиться королю не съ-разу имѣло успѣхъ: онъ могъ добиться представленія только 23-го декабря. А вскорѣ послѣ этого прислана была ему изъ Петербурга новая кредитивная грамота на званіе чрезвычайнаго посла. Потребовалось новое представленіе уже болѣе торжественное. Настоянія Кантемира были не совсѣмъ пріятны кардиналу, на что онъ намекнулъ въ письмѣ къ Остерману, который и замѣтилъ нашему послу: «кардиналъ будто какое неудовольство имѣетъ, отъ чего со всякимъ крайнимъ прилежаніемъ убѣгать надобно». Флёри видимо чего-то выжидалъ, задерживая отправленіе и французскаго посла къ русскому двору. Конечно, до него доходили изъ Россіи извѣстія объ озлобляющемъ господствѣ нѣмцевъ при русскомъ дворѣ, объ открываемыхъ заговорахъ, объ ожиданіи близкаго переворота въ пользу Елизаветы Петровны или голштинскаго герцога. Только этимъ и можетъ оправдаться выжиданіе осторожнаго, хитраго и дальновиднаго кардинала. Въ первое же съ нимъ свиданіе Кантемиръ узналъ, что посломъ въ Петербургъ назначается графъ Вогренанъ, бывшій испанскій посланникъ, которому приказано выѣхать какъ можно скорѣе. А между тѣмъ онъ и не думалъ выѣзжать, оправдываясь передъ Кантемиромъ разными причинами: то позднимъ осеннимъ временемъ, то трудностью отправить моремъ экипажъ, котораго, по словамъ Кантемира, никогда у него и не было. А въ сущности ему не съ чѣмъ было и ѣхать: кардиналъ не назначалъ ему ни жалованья, ни денегъ на подъемъ, такъ что онъ даже не могъ дѣлать никакихъ приготовленій къ отъѣзду. Всѣ усиленныя представленія и настоянія Кантемира не производили никакого дѣйствія: все сваливали на зиму и указывали на весну. Остерманъ былъ недоволенъ, писалъ Кантемиру замѣчанія, и наконецъ въ упрекъ ему прислалъ письмо, которое онъ получилъ отъ самого кардинала. Оказалось, что Флёри въ свое оправданіе свалилъ всю вину на русскаго посла, который будто напугалъ Вогренана недоступностью русскихъ портовъ съ самой осени, что и заставило отложить его отъѣздъ до весны. Но при этомъ обвиненіи Остерманъ почелъ нужнымъ замѣтить: «отнюдь вамъ ни-

[1]) Реляціи Кантемира за 1738 и 1739 г. напечатаны въ Памятникахъ новой русской исторіи, часть III, 1873 г., изданіе Базунова, а за 1740 и слѣд. извлечены мною изъ московскаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ и изъ Румянцевскаго Музея и напечатаны въ полномъ собраніи сочиненій Кантемира, часть II.

Digitized by Google

какимъ образомъ о томъ не отзываться или въ какое толкованіе и экспликацію вступать, которыя всегда ко огорченію и къ студеностямъ поводъ подаютъ, но паче и насупротивъ того чрезъ всякіе способы трудиться кардинальскую конфиденцію къ себѣ получить». Кантемиръ долженъ былъ посмотрѣть на себя какъ на жертву дипломатіи и убѣдиться, что посолъ долженъ исполнять только волю пославшаго его, любезно улыбаться передъ тѣмъ, кто взводилъ на него напраслину, и подавлять въ себѣ чувство обиды и неудовольствія. «Сколь мнѣ тяжки», писалъ Кантемиръ въ отвѣтъ Остерману, «внушенія кардинальскія, которыя могутъ противъ меня на гнѣвъ привесть, но со всѣмъ тѣмъ я объ нихъ ни мало ему не упоминалъ и упоминать не стану по силѣ высочайшихъ указовъ, уповая, что изъ другихъ обстоятельствъ и образовъ изволите признать, что тѣ кардинальскія внушенія со всѣмъ безосновательны и употреблены для покрытія своихъ прямыхъ резоновъ, которые таковы, что говорить о нихъ стыдно... Подобное на меня нареканіе я никакимъ образомъ не могу приписать кардинальской на меня злобѣ, понеже я не могу довольно ухвалиться его къ себѣ учтивствомъ и ласкою, да и причину къ тому никакую не имѣетъ, ибо я съ крайнимъ прилежаніемъ и осторожностію поступки свои умѣряю, чтобъ никакого недовольства ему не подать; страшуся впрочемъ описать похвалы, которыя онъ мнѣ и за глаза и въ присутствіи часто дѣлаетъ».

Итакъ, личныхъ неудовольствій между кардиналомъ и русскимъ посломъ не было; но дипломатія, какъ картежная игра, допускала всякія лукавыя измышленія, лишь бы подсидѣть своего партнера. Такая игра оказалась несовсѣмъ подъ силу ученому Кантемиру съ его характеромъ. Онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы скорѣе покончить съ посольскимъ вопросомъ, но съ каждымъ разомъ больше убѣждался, что съ нимъ хитрятъ, не могъ угадать цѣли всѣхъ этихъ хитростей, не смѣлъ выказать даже малѣйшихъ подозрѣній, которыя могли бы навести на мысль о недовѣріи къ французской дипломатіи. Такимъ образомъ протянулось время до весны. Вогренанъ уже успѣлъ выспросить у русскаго посла все, что ему нужно было знать объ удобствахъ петербургской жизни, узналъ, что въ новой русской столицѣ найдется довольно большихъ домовъ для помѣщенія, что тамъ безъ всякаго труда можно найти всякіе уборы, и китайскіе и европейскіе, что есть тамъ довольно и мастеровъ для дѣланія каретъ, стульевъ, столовъ и прочаго; заходилъ наконецъ разговоръ о католической капеллѣ даже съ самимъ кардиналомъ.

Digitized by Google

«Онъ, кардиналъ, писалъ Кантемиръ, меня просилъ, чтобъ увѣдомиться обрѣтаемая въ С.-Петербургѣ церковь католическая на чьемъ коштѣ построена и подъ чью протекціею; ибо графу Вогренану сказано, что принадлежитъ цесарскому министру, и потому чаетъ, что ему не прилично будетъ въ той церкви второе мѣсто занимать, для чего требуетъ, чтобъ ему опредѣлена была особливая капелла, а кардиналъ, знать, желалъ бы спасти 12,000 франковъ, которыя обыкновенно посламъ на содержаніе капеллы даются». Кантемиръ увѣрялъ, что во всей Россіи можно свободно имѣть капеллу, легко даже найти и священника. Но всѣ эти увѣренія не подвигали дѣла. Наконецъ Вогренанъ уже самъ подалъ смѣту: по его вычисленію, чтобы поддерживать съ нѣкоторымъ приличіемъ достоинство французскаго посла при такомъ дворѣ, который отличается особенной роскошью, ему необходимо получать ежегоднаго жалованья 20,000 рублей, да на подъемъ, на путевыя издержки, на обзаведеніе въ Петербургѣ, ограничиваясь только самымъ необходимымъ и неизбѣжнымъ, 119,000 франковъ. Этотъ огромный счетъ не былъ принятъ кардиналомъ. Въ мысляхъ его произошла перемѣна. Кантемиру объявили уже въ началѣ апрѣля, что въ Петербургъ назначается французскимъ посломъ маркизъ Шетарди, который съ 1731 года былъ посланникомъ при берлинскомъ дворѣ. Ему было съ небольшимъ тридцать лѣтъ, но онъ уже успѣлъ выказать въ себѣ идеальныя качества дипломата: вкрадчивый, двуличный, лукавый, гдѣ нужно—дерзкій, онъ въ то же время былъ стройный, красивый, остроумный, любезный, краснорѣчивый и умѣлъ нравиться женщинамъ. Надо полагать, что кардиналъ Флёри, зная, съ какимъ тонкимъ дипломатомъ придется имѣть дѣло въ Россіи французскому посланнику, съ самаго начала намѣтилъ туда маркиза; но такъ какъ онъ нуженъ былъ нѣкоторое время и въ Берлинѣ, то, чтобы не возбуждать лишняго безпокойства въ русскомъ дворѣ, поспѣшившемъ прислать въ Парижъ своего посла, кардиналъ съигралъ комедію съ Вогренаномъ, который нѣсколько мѣсяцевъ слылъ за французскаго посла, сидя въ Парижѣ и безъ денегъ не имѣя возможности дѣлать какія-либо приготовленія къ своему отъѣзду. Онъ только выспрашивалъ Кантемира о петербургской жизни и вольно или невольно поддерживалъ кардинальскій обманъ. Наконецъ, когда обстоятельства потребовали ускорить отъѣздъ посла, Вогренанъ былъ оставленъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ему необходимо назначить большое жалованье по незначительности его собственныхъ доходовъ. Этотъ предлогъ Кантемиру показался страннымъ, потому

Digitized by Google

что «Шетарди,—писалъ онъ,—не богатѣе графа Вогренана и, сверхъ того долженъ въ Берлинѣ 8,000 франковъ, которые прилично, не отъѣзжая оттуда, уплатить». Нашъ посолъ высказывалъ въ своей депешѣ опасеніе, чтобъ изъ-за этого долга не вышло новой задержки и новыхъ затрудненій. Онъ въ самомъ дѣлѣ полагалъ, что хитрый кардиналъ думалъ выиграть нѣсколько тысячъ франковъ, замѣняя одного другимъ. Конечно, не эти разсчеты были у того на умѣ. Маркизъ Шетарди получилъ возможность заплатить берлинскій долгъ, и въ широкихъ размѣрахъ заняться въ Парижѣ приготовленіемъ къ своему отъѣзду: у него на умѣ было «показать русскимъ варварамъ во всѣхъ отношеніяхъ, что значитъ Франція».

Впрочемъ, русскому вице-канцлеру Остерману было непріятно такое назначеніе. Онъ, конечно, зналъ о всѣхъ дипломатическихъ достоинствахъ маркиза Шетарди черезъ русскаго посланника въ Берлинѣ и не могъ не опасаться, что коса найдетъ на камень. Чтобы устранить его, русскій дипломатъ придумалъ несовсѣмъ ловкій предлогъ: онъ ссылался на то, что русскій посолъ при французскомъ дворѣ весьма знатнаго происхожденія, а маркизъ Шетарди въ этомъ случаѣ не можетъ равняться съ нимъ. Но кардиналъ Флёри умѣлъ настаивать на своемъ. Остерманъ долженъ былъ уступить.

Между тѣмъ настоящія дѣла почти не двигались впередъ. Кардиналъ безпрестанно обнадеживалъ нашего посла, что французскій посолъ въ Константинополѣ Вильневъ всѣми силами хлопочетъ о выгодномъ заключеніи мира; что посолъ въ Стокгольмѣ Сентъ-Северинъ держится партіи русскихъ и сдерживаетъ другую партію, воинственно настроенную противъ Россіи; но во всѣхъ этихъ увѣреніяхъ французскаго министра Кантемиръ видѣлъ столько противорѣчій и въ словахъ и въ фактахъ, что часто не зналъ, какъ ему поступать и что отвѣчать. Его депеши къ русскому двору наполнялись жалобами на кардинала Флёри и описаніемъ своего затруднительнаго положенія. «У кардинала такой авторитетъ,—писалъ онъ,—что прочіе министры безъ его позволенія ни за окошко выглянуть не смѣютъ; о семъ авторитетѣ столь, кажется, онъ благонадеженъ, что рѣдко когда, съ чужестранными министрами говоря, упоминаетъ королевское имя; обыкновенные его рѣчи суть: я прикажу, я сдѣлаю, я не могу сего сдѣлать»... «Бывъ въ Версали, я имѣлъ съ господиномъ кардиналомъ довольно долгую конференцію, которой съ моей стороны намѣреніе было, чтобъ 1) отнять ему подозрѣніе, происшедшее отъ сообщенія его письма обрѣтаемому при вашемъ дворѣ шведскому

Digitized by Google

министру [1]); 2) чтобъ склонить его къ сообщенію копій съ Вильневовыхъ писемъ; 3) чтобъ сколько возможно еще высмотрѣть его прямое намѣреніе въ дѣлѣ турецкой негоціаціи; но онъ свои рѣчи такимъ образомъ учреждалъ и такими противорѣчіями примрачилъ, что я отъ всего того разговору ничего точно заключить не въ состояніи»...

«Невозможно,—пишетъ Кантемиръ въ другой депешѣ,—изъ кардинальскихъ словъ, какому здравому разсужденію основаніе получить, и трудность та наипаче умножается несогласіемъ въ рѣчахъ статскаго секретаря (Амелота) съ кардиналомъ; правда, что такой ихъ прикрытый поступокъ можетъ подать подозрѣніе о ихъ какомъ-либо потаенномъ намѣреніи, но только на догадкахъ основано будетъ... должно бы имѣть дѣла яснѣе, изъ которыхъ бы смѣло можно удостовѣрить о его истинномъ или лукавомъ намѣреніи: вѣрныя копіи съ доношеній Вильнева и Сенть-Северина, какъ и посылаемыхъ къ нимъ указовъ, къ тому изрядно служить бы могли, да я никакой дороги не вижу, которою бы тѣ достать было можно. И я бы указъ преступилъ, еслибъ безразсудно отводилъ свою конфиденцію неизвѣстнымъ персонамъ и тѣмъ открылъ свое подозрѣніе; потому принужденъ еще ожидать способнаго случая, чтобъ пріискать какой надежный къ тому себѣ способъ».

Кантемиръ не разъ просилъ императрицу остерегаться хитростей кардинала: «одно съ другимъ сличая, трудно съ основательствомъ судить — онъ, кардиналъ, прямо ли или коварно поступаетъ... Изъясняется онъ обыкновенно темными экспрессіями, и часто двухъ дней разговоры одинъ другому противенъ; желалъ бы онъ такъ въ словахъ, какъ въ поступкахъ своихъ являться чистосердечнымъ; но часто къ тому такой способъ употребляетъ, что хитрость весьма гола становится». Въ подтвержденіе своихъ словъ Кантемиръ ссылался на цезарскихъ пословъ, съ которыми ему было приказано быть откровеннымъ: «часто они со мною признаютъ, что не знаютъ, что заключать отъ его кардинальскихъ рѣчей и поступковъ, повсядневно отмѣнныхъ и межъ собою не сходныхъ. Князь Лихтенштейнъ (австрійскій посолъ) иногда чрезъ мѣру всѣмъ кардинальскимъ рѣчамъ довѣряетъ, разсуждая, что трудно честному человѣку грубо обманывать; иногда о всѣхъ его кардинальскихъ рѣчахъ сомнѣвается, разсуждая, сколь одного

[1]) Кардиналъ передъ этимъ сердился и упрекалъ Кантемира за то, что содержаніе его кардинальскаго письма къ Остерману сдѣлалось извѣстно шведскимъ министрамъ. Кантемиръ же, повторяя слова Остермана, увѣрялъ, что письмо не было никому показано.

Digitized by Google

дня рѣчи съ другого дня рѣчьми не сходны; въ такихъ околичностяхъ трудно не ошибиться».

Какъ дипломатъ, кардиналъ Флёри дѣлается любопытнымъ предметомъ наблюденія для нашего сатирика. Ему хочется разгадать, что это за человѣкъ, что понуждаетъ его дѣйствовать вопреки всѣмъ нравственнымъ принципамъ.

Въ своихъ депешахъ онъ не разъ принимается за его характеристику, но всегда оказывается безсильнымъ понять французскаго идеальнаго дипломата. «Извиняютъ его старость, которой малопамятство и легкоподозрительство обыкновенны, нравъ его непостоянный, который въ дѣлахъ, кои сквозь его руки происходятъ, чувствителенъ; духъ, сродный французской націи, которая въ счастіи любитъ властвовать и мало умѣрять такъ слова, какъ поступки свои. Извиняютъ его положеніе и обстоятельства дѣлъ европейскихъ». Иногда Кантемиру хотѣлось обнаружить явный обманъ и коварство, которые ему говорили въ глаза; но онъ долженъ былъ притворяться, что вѣритъ всему, и терпѣть страшную нравственную пытку. «Для прекращенія такого кардинальскаго поступка,—пишетъ онъ,—одинъ бы способъ былъ доказать ему тѣми доводами, которые я въ своихъ рукахъ имѣю, что ваше императорское величество основательно увѣдомлены о всѣхъ шведскихъ происхожденіяхъ, но то самое наисильнѣйше высочайшими вашими указами мнѣ запрещено и можетъ быть, открывая то, что онъ прикрыть намѣренъ, могло бы его раздражить, хотя впрочемъ и понудило бы къ лучшему чистосердечію». Одинъ разъ ему показалось, что кардиналъ говорилъ съ нимъ откровенно и безхитростно, и онъ поспѣшилъ сообщить своему двору какъ о дѣлѣ самомъ необыкновенномъ: «со мною столь особливою учтивостію и ласковостію поступалъ, что оный день наипаче при немъ удачливымъ почитаю, и еслибъ неотмѣнно впредь того-жъ поступка держался, трудно бы имѣть какого подозрительства о его намѣреніяхъ; но по несчастію дни его одинъ на другого не похожи и можетъ быть въ будущій вторникъ отмѣну въ немъ найду».

Кардиналъ, конечно, не могъ быть недоволенъ поведеніемъ русскаго посла, который умѣлъ прикрывать свою досаду мнимой довѣрчивостью. Хитрый дипломатъ думалъ, что онъ искусно проводитъ простодушнаго посла, который употребляетъ во всѣхъ разговорахъ «столь умѣренныя и столь чистосердечныя экспрессіи». И вотъ онъ ставитъ Кантемира въ примѣръ другимъ иностраннымъ посламъ, зная, конечно, что такая похвала будетъ ему передана. А между тѣмъ онъ продолжалъ вести свою политику.

Digitized by Google

Чтобы отстранить отъ себя подозрѣнія со стороны другихъ, онъ самъ безпрестанно высказывалъ несправедливыя подозрѣнія къ иностраннымъ дворамъ и заставлялъ ихъ оправдываться и извиняться. Онъ вызывалъ всѣхъ на откровенность, выставляя часто безъ всякаго повода свою правдивость и чистосердечіе и гдѣ нужно ссылаясь на короля, котораго нисколько не занимала политика. «Весьма непристойно,—говорилъ онъ Кантемиру,—великому государю, каковъ его величество (Людовикъ XV), меньше-жъ христіанину употреблять коварные поступки противъ другого государя, съ которымъ дружбу свою возобновилъ и который ему свои интересы препоручилъ». И это онъ говорилъ въ то время, когда въ рукахъ у русскаго посла были доказательства французскихъ интригъ въ Швеціи противъ русскихъ интересовъ и когда въ Брестѣ снаряжалась французская эскадра изъ четырехъ военныхъ кораблей въ Балтійское море. Сообщая объ этомъ, Кантемиръ прибавляетъ, что приказано офицерамъ и гардемаринамъ по своей возможности лучшій себѣ уборъ приготовить, чтобы могли при шведскомъ дворѣ въ богатомъ платьѣ явиться. Не благовидно было и то, что эти приготовленія скрывались отъ русскаго посла, а онъ даже не смѣлъ завести о томъ разговора, связанный приказаніемъ — избѣгать всего, что можетъ дать мысль о подозрѣніи.

Не довольствуясь своими вымышленными подозрѣніями и безпрестанными увѣреніями въ своей правдивости, кардиналъ употреблялъ еще и другой маневръ: полагая, что посолъ можетъ сообщать своему двору заключенія объ его кардинальной двуличности, онъ самъ посылалъ къ тому двору письма съ легкими жалобами, которыя давали видъ неудовольствія. «Примѣчено въ немъ,—пишетъ Кантемиръ,—что когда опасается отъ кого жалобъ на себя, оныя своими жалобами предупреждаетъ». Такъ и Остерманъ получалъ письма, изъ которыхъ заключалъ, что французскій министръ былъ не совсѣмъ доволенъ русскимъ посломъ. А Кантемиръ не зналъ, какъ согласовать это съ тѣми личными любезностями, которыя высказывалъ ему кардиналъ и съ тѣми похвалами, которыя онъ высказывалъ о немъ другимъ. Эта тонкая политика не сразу была понята молодымъ русскимъ дипломатомъ. Не могъ понять Кантемиръ и Остермана, который такъ боялся показать Флёри малѣйшее недовѣріе даже и тогда, когда подтверждалось подозрѣніе русскаго посла, что «господинъ Вильневъ для оказательства (для виду) только продолжаетъ мирныя негоціаціи, а подъ рукою старается сколь можно войну продолжать». Самъ Остерманъ нисколько не довѣрялъ кардиналу

Digitized by Google

Флёри и писалъ Кантемиру: «подлинно дѣла съ французской стороны такимъ образомъ происходятъ, что ежели-бъ мы склонны были обо всемъ тотчасъ подозрѣніе взять, то-бъ разные къ тому поводы имѣли... Кардиналъ и французскіе министры одно объявляютъ, будто о шведской негоціаціи съ Портою никакого извѣстія никогда не имѣли [1])... Не понятно, для чего французскіе министры такимъ образомъ поступаютъ, когда оные сами легко разсудить могутъ, что намъ нельзя не вѣдать, о чемъ почитай всѣмъ чужестраннымъ министрамъ въ Швеціи извѣстно... По послѣдней съ Швеціей заключенной конвенціи довольно явствуетъ, что Франція съ нами въ какое полезное обязательство вступить едва ли намѣрена... Въ чемъ французскіе интересы нынѣ состоятъ, намъ неизвѣстно... Способы французскаго министра въ Копенгагенѣ употребляются для склоненія короля датскаго ко вступленію въ предложенный отъ Франціи союзъ, способы не весьма намъ полезные и поступки не вовсе безсумнительные, которые по послѣдней мѣрѣ то подтверждаютъ, что Франція не имѣетъ прямого намѣренія ко вступленію съ нами въ какое полезное обязательство».

Не смотря на такія и подобныя имъ заключенія, Остерманъ постоянно убѣждалъ Кантемира выказывать кардиналу полное довѣріе, хотя бы и притворное, думая этимъ вызвать откровенность французскаго министра. Но тотъ былъ себѣ на умѣ. Онъ самъ постоянно твердилъ о своей откровенности и правдивости, и продолжалъ безсовѣстно хитрить, убѣжденный, что вся дипломатія основана на хитрости.

Кантемиръ видѣлъ, что ему не подъ силу вести переговоры съ такимъ дипломатомъ, передъ которымъ онъ казался начинающимъ ученикомъ. Ему были крайне тяжелы постоянныя опасенія, что его перехитрятъ, подведутъ, незамѣтно для него нанесутъ ущербъ русскимъ интересамъ или достоинству русскаго двора, на него же нажалуются, введутъ въ отвѣтственность. Онъ уже думалъ отказаться отъ своего поста и писалъ Остерману въ началѣ мая 1739 г.: «должность (долгъ) моя принуждаетъ меня объявить, что для нынѣшнихъ деликатныхъ негоціацій и для *здѣшнихъ не гораздо простыхъ министровъ* требуется больше искуства и искусу (опыта), нежели во мнѣ самъ нахожу; *трудно*»... На это заявленіе не послѣдовало отвѣта. А было при-

[1]) Рѣчь идетъ о тайныхъ переговорахъ Швеціи съ Портою, чтобы затянуть войну съ Россіею. Отъ Франціи ожидалось, что она помѣшаетъ этимъ переговорамъ и своимъ вліяніемъ отвлечетъ шведское министерство отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи.

Digitized by Google

слано приказаніе, чтобъ «въ исполненіи указовъ поступать по нраву министровъ и по околичностямъ (обстоятельствамъ)». «Безъ такого изъясненія высочайшей воли,—писалъ Кантемиръ,—руки мнѣ были много связаны; не смѣя на себя перенять то, что указами не повелѣно и съ опасностію удерживался предписанное не исполнять, не вѣдая, какъ то будетъ принято. По несчастію подобные мои поступки раза два-три будучи дезапробованы (не одобрены) мнѣ несмѣлость прибавили, къ которой безъ того малый искусъ (опытность) обыкновенно поводъ подаетъ... не всегда ревности и прилежанію удача въ дѣлахъ соотвѣтствуетъ».

Все это ясно показываетъ, какъ трудна была дипломатическая служба человѣка, склоннаго, по своему характеру, къ занятіямъ другого рода, и въ какомъ непріятномъ настроеніи духа часто приходилось бывать русскому сатирику. Онъ долженъ былъ писать множество разныхъ депешъ, подробно описывая свои свиданія съ кардиналомъ и статсъ-секретаремъ, свои разговоры съ ними, и въ то же время хлопотать о многихъ мелочахъ, упущеніе которыхъ грозило выговорами со стороны взыскательнаго Остермана.

Не мало хлопотъ принесъ ему вопросъ объ отправленіи французскаго посла въ Россію. Еще 5 апрѣля 1739 г. онъ доносилъ, что маркизъ Шетарди получилъ отъ кардинала приказъ немедленно отправляться въ Петербургъ; но только 28 іюня могъ отписать: «Шетарди уже на прошлой недѣлѣ *дѣйствительно* отправилъ весь свой экипажъ въ Руанъ, откуда моремъ въ Амстердамъ, откуда въ С.-Петербургъ пошлется. Самъ онъ... сегодня прибудетъ для полученія отпуску отъ короля, потомъ, мало дней помѣшкавъ въ Парижѣ, намѣренъ напослѣдокъ отъѣхать. Чтобъ ужъ болѣе мнѣ не ошибаться, поставляю точное время его пріѣзда ко двору вашему около половины сентября». Но и тутъ онъ ошибся.

Съ отправленіемъ французскаго посла соединялся вопросъ о признаніи императорскаго титула за русской царицей. Объ этомъ Кантемиръ начиналъ разговоръ еще при назначеніи посломъ Вогренана, указывая, что теперь представляется удобный случай королю показать знакъ своей дружбы русской императрицѣ, употребивъ такой титулъ въ вѣрющей грамотѣ. Кардиналъ возражалъ очень неискусно: онъ ссылался, во-первыхъ, на то, что при французскомъ дворѣ не охотно отмѣняютъ старый обычай, а во-вторыхъ и германскій императоръ не даетъ царицѣ этого титула. Кантемиръ ловко отразилъ послѣднее возраженіе, замѣтивъ, что королю «величественнѣе» давать, чѣмъ принимать примѣры; если

Digitized by Google

же они нужны ему, то можно указать на нѣкоторыя европейскія государства, которыя употребляютъ этотъ титулъ въ сношеніяхъ съ русской государыней. Къ тому же, имъ не высказывается ничего новаго: «царь по русски тожъ самое, что цезарь по латински, такъ что здѣсь дѣло идетъ о переводѣ одной рѣчи, а между тѣмъ король выкажетъ этимъ знакъ своей дружбы». Кардиналъ пустился въ филологію и запутался въ ней. Онъ утверждалъ, что по французски это слово слѣдовало бы писать Tzar, какъ выговариваютъ по русски, и тогда его ужъ нельзя будетъ производить отъ слова *цезарь*.

Этимъ разговоромъ и кончился первый приступъ Кантемира. «Я впредь,—писалъ онъ,—еще всѣ приличные случаи не пропущу для исполненія своей рабской должности». Но случаи представлялись не часто. Только черезъ мѣсяцъ имѣлъ онъ возможность напомнить о томъ же вопросѣ статсъ-секретарю Амелоту, который отвѣчалъ, что король по образцу цезарскому будетъ употреблять старинный титулъ. «Буду искать другую способнѣйшую оказію,—прибавляетъ въ своей депешѣ Кантемиръ,—для повторенія своихъ о томъ предложеній, когда кардиналъ успокоитъ всѣ свои сумнительства». Но ждать успокоенія кардинальскихъ «сумнительствъ» было долго: у него одни смѣнялись другими. Въ этомъ дѣлѣ Кантемиръ ничего не могъ добиться.

Много заботили Кантемира и денежныя его обстоятельства. Его посольское положеніе требовало большихъ расходовъ; отстать отъ другихъ пословъ и жить кое-какъ ему было нельзя, такъ какъ по внѣшней обстановкѣ жизни посла судили о величіи государства, которое онъ представляетъ. А между тѣмъ Кантемиръ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не могъ добиться, чтобы знать, какое ему назначается жалованье. При отъѣздѣ изъ Лондона онъ получилъ пять тысячъ рублей; изъ нихъ заплатилъ тамъ свои долги, часть употребилъ на переѣздъ, и явился въ Парижъ съ тремя тысячами рублями. Этихъ денегъ стало ему до весны. Въ своихъ реляціяхъ нѣсколько разъ, какъ-бы мимоходомъ, онъ напоминалъ о жалованьѣ, но не получалъ на это никакого отзыва. Деньги вышли, приходилось жить въ долгъ, и притомъ въ гостинницѣ, безъ всякой возможности устроиться своимъ домомъ, подобно прочимъ иностраннымъ посламъ. Въ мартѣ 1739 г. Кантемиръ писалъ на имя императрицы: «я здѣсь по сію пору живу на постояломъ дворѣ, слѣдовательно не могу жить здѣсь какъ прилично. Первое—не въ характерѣ посольскомъ, понеже, не зная, сколь долго имѣю здѣсь прожить, не въ состояніи заводиться экипажемъ, домомъ, служителями и сто-

Digitized by Google

ломъ, потребнымъ на нѣсколько мѣсяцевъ. По прибытіи въ здѣшній городъ такое житіе извинить можно, понеже всѣмъ новопріѣзжающимъ министрамъ обыкновенно и что въ зимнее время трудно двора пріискать; если бы еще продлиться имѣло—подастъ причину къ различнымъ толкованіямъ и нѣкакому предосужденію высочайшей вашей славы, ибо скудости или экономіи приписать могутъ то, что̀ отъ другихъ обстоятельствъ происходитъ. Для точной причины, не упоминая о моемъ собственномъ безпокойствѣ и лишнихъ издержкахъ въ такой неизвѣстности, смѣлость принялъ представить, ожидая, впрочемъ, указу о наемѣ двора въ Конпіеннѣ, гдѣ прочіе послы дѣйствительно домы нанимаютъ».

Но всѣ эти напоминанія и прошенія не ускорили дѣла. Въ такомъ положеніи Кантемиръ рѣшается писать Остерману со всею откровенностью. Привожу наиболѣе любопытную часть изъ этого письма, такъ какъ она знакомитъ съ тогдашней жизнію русскаго посла въ Парижѣ:

«Нижайше прошу въ разсужденіе принять: 1) высочайшую степень, которую Е. Им. величество содержитъ межъ коронованными государями; 2) великолѣпность двора и роскошность народа здѣшняго; 3) дороговизну здѣшняго города; 4) моихъ доходовъ состояніе. Противъ 1-го примѣчать я долженъ, что и самый сардинскій посолъ содержитъ домъ, котораго уборъ сталъ болѣе 100 тысячъ: дворянъ, пажей, множество служителей, лошадей съ двадцать, каретъ три, почтовыя коляски, и чинитъ равномѣрныя тому штату иждивенія, которыя всходятъ до 120000 ливровъ въ годъ. Не упоминаю о цесарскомъ, гишпанскомъ, аглинскомъ, португальскомъ и неаполитанскомъ послахъ, которыхъ расходы вдвое и втрое больше; но не чаю, чтобъ ея императорское величество изволила своего посла содержать ниже сардинскаго. Но 2-е излишне вашему сіятельству доносить, что дворъ здѣшній какъ и все дворянство во всемъ пышенъ. Платье свое и служителей, кружева, бѣлье, лошади, уборъ конскій и домовый, столъ, все должно быть богатое, и то цѣлый годъ безпереч. Мотовство такъ далеко идетъ, что и на игру должно опредѣлить не малую сумму въ годъ, понеже нельзя безъ картъ здѣсь прожить, какъ безъ хлѣба и безъ воды. 3) Дороговизны здѣшней пропорцію изволите точно угадать, считая люидоръ противъ рубля въ С.-Петербургѣ, то-есть всѣ вещи впятеро здѣсь противъ с.-петербургскаго дороже. 4) Мои собственные доходы всегда были такъ малы, что какова бы ни была ревность моя оные къ службѣ ея им. величества употребить, весьма мало бъ слу-

Digitized by Google

жили, а послѣ тяжбы съ мачихою [1]), принцессою гессенъ-гомбургскою, и тѣ пресѣклись описко моихъ деревень; по всему тому слѣдуетъ, что если Е. И. величество изволитъ меня здѣсь оставить, то на мое содержаніе должно будетъ опредѣлить не малую сумму и на пріуготовленіе дома, экипажа, серебряной посуды и прочее еще не меньшую... Понеже постоялый дворъ плачу по 500 ливровъ, карету по 370 на мѣсяцъ, ливреи двѣ сдѣлалъ, платья себѣ паръ пять-шесть и сколько домъ позволяетъ, служителей содержу число не малое, и обѣды хоть не велики, но часты. Хотя иждивенія мои и теперь не малы, чести мало дѣлаютъ. Еслибъ домъ свой завести, утроенныя издержки будутъ не больше приличныя; если домъ не найму лѣтомъ, зимою сыскать будетъ не можно... Чтобъ не показалось, что я съ корыстливости такъ высоко всѣ нужды подымаю, покорнѣйше представляю, что я ничего не требую на свои пріуготовленія и на уборъ домовый, только бы позволено было прислать точныя росписи, что на то изойдетъ, съ тою кондиціею, что серебряную посуду сдѣлать подъ гербомъ императрицинымъ, при возвращеніи въ отечество имѣю возвратить въ казну и всѣ прочія вещи противъ той росписи оставить опредѣляемому по мнѣ наслѣднику... Безъ серебряной посуды пробиваться не можно, а мою по меньшей мѣрѣ надлежитъ утроить, чтобъ можно было служить къ обѣду 20 персонъ. Прилагаю самый умѣреннѣйшій планъ, по которому не женатый посолъ здѣсь домъ свой содержать долженъ [2]). Я неотмѣнно должности своей чаялъ о всемъ подробно донесть, чтобъ молчаніе мое не учинило меня повиннымъ, если недостатки мои при продолженіи моей сдѣсь резиденціи явятся славѣ Ея Им. величества предосудительны»...

Но и за этимъ письмомъ не вдругъ успокоена была боязнь Кантемира повредить славѣ императрицы экономною жизнію.

---

[1]) Эту тяжбу вела мачиха со всѣми братьями Кантемирами, въ то время, когда князь Антіохъ жилъ въ Лондонѣ.

[2]) По приложенному списку видно, что послу необходимо было содержать 27 человѣкъ: два секретаря посольства, священникъ, пономарь, дворянинъ, конюшій, два пажа, дворецкій, конфектный мастеръ, два повара, два камердинера, ключникъ, свизъ (швейцаръ) для воротъ, шесть лакеевъ, три конюха, поваренный слуга, блюдомоя, фротеръ, что домъ чиститъ. Кромѣ того, два цука лошадей, лошади для почтовой коляски, лошади для посылки и для пажей, три кареты и одна почтовая коляска.

Digitized by Google

II.

Впечатлѣніе отъ извѣстія о бракѣ Анны Леопольдовны. — Дѣло объ убійствѣ Синклера. — Новое замедленіе посольства Шетарди. — Бѣлградскій миръ. — Шведскія дѣла. — Положеніе Кантемира при новомъ правительствѣ въ Россіи. — Услуга Бирону. — Жалобы на Шетарди. — Отношеніе Кантемира къ кардиналу Флёри. — Секретныя услуги. — Шведская война. — Награды.

Не оправдались разсчеты Кантемира, что маркизъ Шетарди въ половинѣ сентября явится при русскомъ дворѣ. Тотъ намѣренно медлилъ и приводилъ нашего посла въ полное недоумѣніе: нельзя было не подозрѣвать какихъ-то тайныхъ политическихъ причинъ въ этомъ продолжительномъ замедленіи, но трудно было угадать ихъ. Кардиналъ Флёри былъ крайне недоволенъ извѣстіемъ о бракѣ принцессы Анны Леопольдовны съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ, близкимъ родственникомъ австрійскому дому. Кардиналу не удавались интриги, чтобы разорвать союзъ двухъ имперій; напрасно онъ наговаривалъ на австрійское правительство, обвиняя его въ томъ, что оно дѣйствовало не единодушно съ русскимъ въ переговорахъ о мирѣ съ турками; напрасно пользовался всякимъ случаемъ, чтобы набросить тѣнь на Австрію передъ русскимъ посломъ.

И вдругъ всякая надежда была потеряна. Родственный союзъ между двумя царствующими домами долженъ былъ скрѣпить еще болѣе и союзъ политическій.

Это неудовольствіе было выражено на приватной аудіенціи у французскаго короля 13 іюля, когда Кантемиръ передавалъ ему письмо русской императрицы о совершившемся бракѣ ея племянницы. «Его французское величество,—доносилъ Кантемиръ,—на комплиментъ ни однимъ словомъ не отвѣтствовалъ». Это молчаніе посолъ приписываетъ «природной несмѣлости» короля. «Его величество обыкновенно не многорѣчивъ, и когда дѣло о комплементѣ идетъ, часто предъизбираетъ молчаніемъ прикрыть свою несмѣлость; тотъ его величества характеръ отъ всѣхъ чужестранныхъ министровъ примѣченъ». А между тѣмъ Кантемиръ сообщаетъ, что на той же аудіенціи король «довольно съ нимъ разговаривалъ о письменахъ, о языкѣ русскомъ и о подобныхъ любопытныхъ матеріяхъ». Но Кантемиру не пришла мысль, что король только вторитъ кардиналу и статсъ-секретарю, которые также никакимъ комплиментомъ не отозвались на сообщеніе о бракѣ. «Чѣмъ изъяснить ихъ молчаніе,—прибавляетъ посолъ,—не знаю». Но ихъ молчаніе очень ясно указывало на ихъ поли-

Digitized by Google

тику, на ихъ несочувственное отношеніе къ союзу двухъ имперій. Имъ оставалась только нѣкоторая надежда на правительственный переворотъ въ самой Россіи, откуда получались извѣстія о заговорахъ, о судѣ надъ первыми русскими вельможами, Голицыными, надъ ссыльными Долгорукими, которые выставлялись участниками заговоровъ. Указывалась великая княжна, дочь Петра Великаго, Елизавета Петровна, около которой должны группироваться русскіе патріоты противъ нѣмецкихъ выходцевъ, составлявшихъ русское правительство. Политика требовала выжиданія, и неожиданный случай помогъ кардиналу оттянуть посольство Шетарди еще на нѣсколько времени.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ по всей Европѣ разнеслась молва о злодѣйскомъ убійствѣ шведскаго агента Синклера въ предѣлахъ Силезіи. Всѣ единогласно обвиняли русское правительство, которое подослало убійцъ. Молва не ошиблась. Безсердечность бироновскихъ компаньоновъ, практикуясь въ кровавыхъ придворныхъ интригахъ, перешла въ дипломатію. Еще въ половинѣ 1738 года русскій посолъ при шведскомъ дворѣ Бестужевъ доносилъ Остерману, что шведы ведутъ тайные переговоры съ Турціей въ намѣреніи заключить съ ними наступательный союзъ противъ Россіи, что подробности объ этомъ можно узнать изъ шведскихъ депешъ, которыя повезетъ въ Турцію курьеръ, майоръ Синклеръ. Назвавъ его великимъ злодѣемъ и поносителемъ всей россійской націи, Бестужевъ совѣтовалъ тайно схватить его въ дорогѣ (анлевировать) и потомъ пустить слухъ, будто на него напали гайдамаки или кто-нибудь другой. Совѣтъ Бестужева не остался безъ дѣйствія: Остерманъ снесся съ фельдмаршаломъ Минихомъ, который тогда предводительствовалъ русскими войсками въ Турціи; а Минихъ тотчасъ же далъ инструкцію драгунскому поручику Левицкому—сторожить Синклера и въ скрытномъ мѣстѣ «стараться его умертвить или въ воду утопить, а письма прежде безъ остатка отобрать».

Но на этотъ разъ Синклеръ безопасно пробрался въ Константинополь черезъ Марсель. Бестужевъ узнаетъ, что оттуда онъ будетъ возвращаться съ новыми депешами. Передавая это извѣстіе Остерману въ концѣ того же года, онъ прибавляетъ тотъ же совѣтъ анлевировать этого шпіона въ Польшѣ, черезъ которую, надо полагать, онъ поѣдетъ. Остерманъ и теперь не замедлилъ распорядиться черезъ фельдмаршала, который далъ такую же инструкцію капитану Кутлеру и поручику Веселовскому. Въ то же время было условлено и съ австрійскимъ дворомъ арестовать шведскаго эмиссара, если онъ явится въ це-

Digitized by Google

царскихъ областяхъ или въ Польшѣ. Кутлеръ и Левицкій взяли паспорты въ Варшавѣ отъ цезарскаго резидента и поспѣшили на подвигъ. Въ началѣ іюля 1739 года вся Европа заговорила объ ужасномъ злодѣйствѣ, и хотя убійцы успѣли скрыться, но всѣ были увѣрены, что это были русскіе, такъ какъ ихъ имена были записаны на почтовыхъ дворахъ, гдѣ они брали лошадей. Въ августѣ мѣсяцѣ 1739 года въ «Mercure politique» была напечатана длинная оффиціальная статья о подробностяхъ этого убійства. Она потомъ была издана особою брошюрою, на французскомъ и шведскомъ языкѣ. Приводимъ изъ нея нѣкоторыя мѣста, такъ какъ она неизвѣстна въ нашей литературѣ: [1]) «15-го іюня, въ то время какъ графъ Шафгочь (Schaffgotsch), директоръ силезскаго правленія, бывшій тогда въ Бреславлѣ, садился за столъ, одинъ изъ чиновниковъ увѣдомилъ его, что нѣкій горожанинъ того же города, который уѣзжалъ на нѣкоторое время, воротился изъ Константинополя. Такъ какъ императорскій дворъ строго запретилъ принимать въ Бреславлѣ кого-либо, прибывающаго изъ Венгріи или Турціи (гдѣ была чума), безъ самыхъ точныхъ разспросовъ о всѣхъ обстоятельствахъ, то графъ Шафгочь тотчасъ же послалъ за синдикомъ и приказалъ ему арестовать этого горожанина и внимательно разспросить его о карантинѣ. Тотъ объявилъ, что онъ воротился въ сообществѣ съ однимъ шведскимъ майоромъ и французскимъ купцомъ Кутюрьеромъ, которые остановились въ гостинницѣ «Сабля». Майора допросили. Оказалось, что онъ былъ политическій агентъ и исполнялъ важныя порученія, въ доказательство чего онъ показалъ письма къ королямъ англійскому и шведскому. Купецъ также представилъ свой паспортъ и показалъ, что онъ спутникъ майора. Синдикъ донесъ о всемъ этомъ директору; а тотъ послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ извиниться передъ майоромъ во всемъ случившемся, ссылаясь на строгость приказовъ отъ императора, который предписалъ дѣйствовать такимъ образомъ. Майору и купцу объявили, что они свободны и могутъ выѣхать, когда имъ угодно. Послѣ этого оба они отправились вмѣстѣ въ почтовой каретѣ по дорогѣ въ Саксонію. Черезъ два часа нѣкто капитанъ Кутлеръ, силезскій уроженецъ и состоящій въ службѣ одной иностранной державы, прибылъ въ Бре-

[1]) Много общаго съ этой статьей составляетъ разсказъ въ журналѣ Георга Штейнбергера въ Бреславлѣ, напечатанный въ переводѣ въ „Русской Старинѣ“ 1878 г. въ іюльской книжкѣ. Мы склонны думать, что часть этого послѣдняго составлена по секретному оффиціальному донесенію бреславскаго трибунала, присланному въ Вѣну,— донесенію, по которому и написано газетное объясненіе въ „Mercure politique“.

Digitized by Google

славль вмѣстѣ съ однимъ лейтенантомъ и четырьмя драгунами въ форменномъ платьѣ. Оба офицера сначала явились къ директору, объявивъ, что имъ нужно сообщить ему о самомъ важномъ дѣлѣ. Правитель допустилъ ихъ къ себѣ, и капитанъ передалъ ему открытое письмо отъ императорскаго резидента въ Варшавѣ, адресованное ко всѣмъ силезскимъ вѣдомствамъ, въ особенности же директору бреславскаго правленія. Сущность его состояла въ томъ, что эти два офицера имѣютъ указъ отъ своего двора преслѣдовать и захватить шведскаго майора и французскаго купца, которые возвращались изъ Константинополя черезъ Силезію съ бумагами очень важными для ихъ двора; а такъ какъ это касается и интереса императора, то предписывалось оказывать этимъ офицерамъ пособіе во всемъ, въ чемъ имъ будетъ нужда. Прочитавъ письмо, директоръ сказалъ капитану все, что̀ зналъ по этому дѣлу. Тогда тотъ сталъ настаивать, чтобы его скорѣе отправили далѣе и дали бы ему необходимое предписаніе въ полученіи почтовыхъ лошадей, ссылаясь на то, что ему приказано безъ остановки преслѣдовать эти два лица. Директоръ распорядился во всемъ, чего капитанъ требовалъ. Тотъ вмѣстѣ съ своимъ лейтенантомъ и четырьмя драгунами погнался за шведскимъ майоромъ, котораго и настигли за Нейштедтлемъ. Затѣмъ произошло убійство [1]). Капитанъ скрылся по дорогѣ въ Польшу. Говорятъ, что бумаги, похищенныя у майора Синклера, содержатъ весьма важную тайну, о которой первое извѣстіе было дано нѣкіимъ министромъ въ Варшаву. Такъ какъ шведскій министръ отнесся къ этому двору, требуя преслѣдованія убійцъ, то императорскій дворъ напечаталъ слѣдующее объявленіе: «За нѣсколько дней было получено непредвидѣнное и непріятное извѣстіе, что шведскій майоръ Синклеръ былъ убитъ близъ Христіанштада въ Лузаціи двумя русскими офицерами, которые до того гнались за нимъ. Императорскій дворъ не получилъ объ этомъ извѣстія отъ русскаго двора. Такимъ образомъ можно предполагать, что если у этихъ офицеровъ былъ какой-либо указъ, то они превзошли его и дѣйствовали противъ воли ея всероссійскаго величества. Отсюда навѣрно не было послано никакого приказа задержать Синклера въ дорогѣ. Все, что̀ извѣстно объ этомъ дѣлѣ, извѣстно по распространившейся въ публикѣ молвѣ, будто онъ былъ посланъ въ Турцію съ нехристіанскимъ порученіемъ устроить наступательный и оборонительный союзъ съ Портою. Но на этотъ слухъ не было обращено особеннаго вни-

[1]) Оно описано такъ же, какъ и въ разсказѣ Штейнбергера.

Digitized by Google

манія, чтобы въ силу его сдѣлать какое-либо распоряженіе. Послѣ случившагося событія получена изъ трибунала бреславскаго суда справка, по которой значится, что русскій резидентъ въ Варшавѣ Гелембевскій просилъ Скиннера, резидента императора въ томъ же городѣ, написать въ тотъ трибуналъ просьбу о задержаніи Синклера, еслибъ онъ явился въ Силезіи. Резидентъ его импер. величества полагалъ, что онъ не могъ не уважить просьбу русскаго резидента, тѣмъ болѣе, когда было извѣстно, что на Синклера возложено порученіе весьма опасное для обоихъ союзныхъ дворовъ, направленное къ ущербу всему христіанству и въ выгодѣ невѣрнымъ, съ которыми тѣ находятся въ открытой войнѣ. Такъ какъ въ Вѣнѣ не знали и не могли знать, когда Синклеръ выѣдетъ изъ Турціи и по какой дорогѣ, то поэтому и не могли извѣстить императорскаго резидента въ Варшавѣ, ни трибуналъ бреславскаго суда, какъ они должны поступить въ этомъ обстоятельствѣ. Если бы возможно было предвидѣть такое дѣло, то, конечно, Синклеръ былъ бы огражденъ отъ того несчастія, которое съ нимъ случилось. Что же касается до Скиннера, то ему уже давно приказано въ силу тѣснаго союза между двумя коронами дѣйствовать согласно съ русскими министрами во всѣхъ дѣлахъ, которыя клонятся къ взаимной выгодѣ той и другой державы... Онъ согласился написать въ бреславскій трибуналъ — арестовать Синклера, если онъ покажется въ странѣ. Въ этомъ случаѣ онъ поступилъ по естественному и человѣческому праву, которое позволяетъ пользоваться невинными средствами, чтобы отвратить нашъ собственный ущербъ и невыгоды, когда общій непріятель могъ бы найти въ нихъ себѣ помощь».

Убійцы успѣли передать Синклеровы бумаги русскому послу въ Дрезденѣ Кейзерлингу, который немедленно ихъ отправилъ въ Петербургъ. Да и самые убійцы поспѣшнымъ и секретнымъ образомъ были доставлены туда же и укрыты сперва въ Шлиссельбургѣ, а потомъ въ Сибири близъ Тобольска [1]).

[1]) При этомъ дано было предписаніе преображенскому поручику Коновницыну, чтобы „они тамо секретно были и никто про оныхъ знать и ихъ видѣть не могъ, и для того на самихъ ихъ, ни людей ихъ изъ квартиры не спускать, также искуснымъ образомъ смотрѣть, чтобъ они никуда писемъ отъ себя посылать не могли; однакожъ о томъ, что вы такой приказъ имѣете, имъ не объявлять, но во всемъ съ учтивостію безъ озлобленія съ ними поступать, и токмо имъ твердить, чтобъ они для собственной ихъ безопасности себя также и людей своихъ тайно держали". Уже черезъ четыре года ихъ произвели въ высшіе чины, и перевели въ казанскій гарнизонъ съ перемѣною ихъ фамильныхъ именъ: Кутлера назвали Туркелемъ, а Левицкаго Ликевичемъ. (Истор. Россіи, Соловьева, т. 20, приложеніе 16).

Digitized by Google

При неожиданной огласкѣ убійцъ вся Европа была возмущена, а въ Швеціи анти-русская партія требовала немедленнаго объявленія войны Россіи; самъ русскій посолъ въ Стокгольмѣ былъ не безопасенъ: грозили на немъ отмстить смерть Синклера. Русское правительство почувствовало себя въ крайне затруднительномъ и щекотливомъ положеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что императрица Анна не знала о распоряженіи своихъ дипломатовъ противъ Синклера, хотя они и дѣйствовали ея именемъ. Имъ нужно было, съ одной стороны, убѣдить всѣ иностранные дворы, что русское правительство не принимало никакого участія въ злодѣйскомъ убійствѣ; съ другой стороны, выгородить себя передъ императрицею и увѣрить ее, что на это дѣло они никого не уполномочивали. И вотъ начинается фабрикація самой наглой лжи. Императрицѣ даютъ подписывать рескрипты къ Миниху и Кейзерлингу, гдѣ убійство Синклера названо богомерзкимъ, безумнымъ, «понеже не токмо мы никогда къ тому указа отправлять не велѣли, но и не чаемъ, чтобъ кто изъ нашихъ оное опредѣлить могъ. Иное было письмо отобрать, а иное людей до смерти бить». Миниху заявлялась увѣренность, что онъ въ этомъ «мерзостномъ приключеніи» не принималъ участія, и что ему и въ мысль не могло придти безъ указу «учинить подобное»; точно также никто изъ русскихъ офицеровъ не могъ «съ пренебреженіемъ всей чести и совѣсти такъ мерзостно погрѣшить и въ такомъ на большой дорогѣ смертномъ убивствѣ виною быть». Съ этимъ вмѣстѣ приказывалось—«наиприлежнѣйше и жесточайше изслѣдовать и донести обстоятельно безъ всякаго укосненія и малѣйшей утайки и умолчанія всего того, что о всемъ семъ дѣлѣ свѣдомо быть можетъ». Минихъ съ своей стороны увѣрялъ, что онъ не только не принималъ въ этомъ приключеніи никакого участія, но никогда не давалъ даже и повода. Мало этого, онъ даже заявлялъ, что офицеръ съ именемъ Кутлера уже давно получилъ отставку вмѣстѣ съ другими офицерами, которые остались жить въ Польшѣ. У насъ есть еще реляція Миниха, гдѣ онъ уже признается въ своемъ участіи и оправдывается тѣмъ, что «турка или татарина или Синклера убить, то мнится все равно», такъ какъ извѣстно, что онъ «весьма злой россійской имперіи непріятель» [1]). Конечно, эта реляція не могла успокоить совѣсть императрицы, но едва ли она и была ей показана. Въ то же время изобрѣтательный Остерманъ сталъ высказывать

[1]) Въ надписи на могильномъ памятникѣ Синклера въ Штральзундѣ обозначено, что съ 1709 по 1722 г. онъ былъ военно-плѣннымъ въ Сибири („Рус. Стар.“, 1878 годъ, іюль).

Digitized by Google

подозрѣніе, что все это произведено французскими интригами съ цѣлью возбудить противъ Россіи общее негодованіе, въ особенности же дать Швеціи предлогъ объявить войну Россіи. Впрочемъ, эта мысль, какъ увидимъ, имѣла основаніе. Для иностранныхъ дворовъ дипломатическая фантазія оказалась также плодовитою. Для пресѣченія слуха и шума выдумали написать письмо будто бы отъ неизвѣстнаго католическаго священника, которому какой-то незнакомый человѣкъ признался на исповѣди, что онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ корысти хотѣлъ ограбить на дорогѣ шведскаго офицера; но такъ какъ этотъ сталъ сопротивляться и выстрѣлилъ по немъ, то и онъ не затруднился убить его. Это письмо положено было скрытнымъ образомъ распространить въ Швеціи и тѣмъ возбудить сомнѣніе, справедливо ли обвинять русскій дворъ въ убійствѣ. Въ то же время ко всѣмъ иностраннымъ дворамъ были посланы лживыя декларації, а вѣнскому двору, съ которымъ было предварительно условлено схватить и ограбить Синклера, было написано: «мы по сіе время вѣрить не хотимъ, что то наши люди были; но нѣкоторыя интриги въ томъ обращаются, отъ кого бы оныя ни произошли; мы подлинно въ томъ не виновны; но сіе предпріятіе не инако какъ за крайнѣйшую мерзость поставлять можемъ; а между тѣмъ обоимъ дворамъ въ томъ нужда, дабы оное дѣло всячески заминать».

Не мало хлопотъ и непріятностей доставилъ этотъ несчастный эпизодъ нашему послу въ Парижѣ. Кантемиръ узналъ о немъ изъ иностранныхъ газетъ и былъ убѣжденъ, что убійство совершено русскими, но онъ не зналъ, участвовало ли въ немъ русское правительство. Конечно, онъ былъ возмущенъ такимъ поступкомъ, но, не зная настоящей правды, которую Остерманъ не сообщалъ ему, долженъ былъ оправдывать русскій дворъ и пріискивать всевозможныя объясненія, въ особенности же выгородить личность самой императрицы. Это было тѣмъ затруднительнѣе, что вѣнскій посолъ въ Парижѣ князь Лихтенштейнъ, желая спасти свой дворъ отъ подозрѣнія въ участіи, поспѣшилъ набросить тѣнь на русскаго резидента Кейзерлинга, по рекомендательнымъ письмамъ котораго убійцы будто бы получили паспорты отъ цезарскаго резидента въ Варшавѣ. Кантемиру было приказано хлопотать черезъ кардинала, чтобъ было напечатано во французскихъ газетахъ оправданіе русскаго двора. Съ этого онъ и началъ, но встрѣтилъ возраженіе со стороны французскихъ министровъ. Ему сказали, что русской императрицѣ «персонально» не нужно никакого оправданія, такъ какъ никому не

Digitized by Google

всходило и на умъ, чтобъ она могла позволить или приказать такое дѣйствіе; но что нельзя сомнѣваться въ участіи русскаго резидента въ этомъ дѣлѣ; самое же лучшее оправданіе «наказать въ образецъ всему свѣту авторовъ такого гнуснаго дѣла». Кантемиръ увѣрялъ, что императрица употребитъ всевозможные способы сыскать виновныхъ, и если они окажутся не русскими подданными, то это послужитъ лучшимъ доказательствомъ неосновательности подозрѣнія; а если будутъ русскіе, то потерпятъ строгое наказаніе. Кантемира продолжали увѣрять, что личность императрицы въ этомъ дѣлѣ нисколько не страдаетъ и не приняли его оправдательнаго письма для печати, совѣтуя напечатать его прежде въ вѣнскихъ газетахъ, откуда потомъ перепечатаютъ въ переводѣ во французскихъ. Нашъ посолъ при этомъ какъ-бы въ утѣшеніе писалъ, что «оная декларація будетъ напечатана въ амстердамскихъ газетахъ, которыя больше здѣшнихъ во всемъ свѣтѣ читаются».

Все это дѣло могло бы тѣмъ и кончиться, такъ какъ Кантемиру было объявлено, что оно не касается французскаго двора и потому королю нѣтъ никакой нужды изслѣдовать его причины и обстоятельства; приписывать же кому-либо столь мерзкое дѣло у него нѣтъ никакого желанія. Но въ это время саксонскій секретарь въ Парижѣ получилъ указъ отъ своего короля объявить, что по требованію русскаго посла Кейзерлинга арестованъ сопутникъ Синклера французъ Кутюрьеръ, у котораго былъ французскій паспортъ, и что онъ безвинно держится въ тюрьмѣ. Это извѣстіе возмутило кардинала Флёри. Объ объявилъ, что такой поступокъ противенъ народному праву, и что король долженъ принять его какъ за крайнюю себѣ обиду и будетъ требовать не только немедленнаго освобожденія отъ ареста своего подданнаго, но и удовлетворенія на счетъ тѣхъ, которые его арестовали. Объ этомъ фактѣ Кантемиру ничего не было извѣстно. А между тѣмъ положеніе его сдѣлалось очень серьёзнымъ: ему объявили, что по этому случаю отъѣздъ маркиза Шетарди задержанъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ освобожденъ Кутюрьеръ и не выяснится все дѣло. Кантемиръ пробовалъ возражать, что это дѣло не настолько важно, чтобъ изъ-за него остановить торжественно-обѣщанное посольство, тѣмъ болѣе, что еще неизвѣстно, за что арестованъ Кутюрьеръ: можетъ быть, даже какъ участникъ въ убійствѣ или свидѣтель, отъ котораго можно узнать настоящихъ убійцъ. «Въ партикулярной особѣ, каковъ Кутюріеръ, повторялъ Кантемиръ въ своей депешѣ, честь французской націи не зависитъ, и не можно заключить, что его арестованіемъ на-

Digitized by Google

родъ французскій обезчещенъ», какъ утверждалъ кардиналъ. «Но всякій день въ разныхъ государствахъ подданные чужестранные и арестуются и наказуются; но нація оныхъ участія въ томъ не принимаетъ, а оставленіе посольства какъ дѣло собою важное натурально подастъ поводъ къ предосудительнымъ толкованіямъ, такъ что не можно будетъ унять подозрѣніе, что между двумя дворами холодность произошла». А этого послѣдняго всего больше опасался русскій дворъ, такъ какъ подобные толки могли ободрить враговъ Россіи. Судя по раздраженію Флёри и Амелота, можно догадываться, что арестованный Кутюрьеръ былъ тайный политическій агентъ, прикрывшійся именемъ купца, и французскіе министры сильно опасались, чтобы на допросѣ не выяснилось участіе Франціи въ тайныхъ переговорахъ Швеціи съ Турціею. Вотъ почему кардиналъ нисколько не поддавался убѣжденіемъ Кантемира, который обратился даже къ посредству вѣнскаго посла. Французскій министръ продолжалъ твердить одну рѣчь объ афронтѣ всей націи, такъ что изъ разговоровъ съ нимъ послы вынесли подозрѣніе о другой скрытной причинѣ отсрочки посольства: «кардиналъ симъ своимъ поступкомъ претекстъ ищетъ къ замедленію отправленія посольства или совсѣмъ оное удержать намѣренъ». Много бумаги пришлось исписать Кантемиру о подробностяхъ своихъ переговоровъ съ кардиналомъ [1]), пока наконецъ Шетарди не дано было приказа немедленно отправиться въ Берлинъ, взять отпускную аудіенцію отъ прусскаго короля, и спѣшить въ Петербургъ. Послѣ этого нашъ посолъ вздохнулъ свободнѣе.

Въ то же время взятіе турецкой крѣпости Хотина русскими войсками ускорило переговоры о мирѣ, и наконецъ пришло извѣстіе о заключеніи Бѣлградскаго мира. Хотя у насъ и хорошо понимали, что онъ соотвѣтствовалъ нашимъ побѣдамъ и жертвамъ, но нашли нужнымъ льстить кардиналу и благодарить его за мнимыя его старанія о выгодахъ Россіи. Все это возложено было на Кантемира, который при томъ долженъ былъ передать ему и благодарственное письмо императрицы. Кардиналъ былъ доволенъ, конечно, болѣе всего собою, тѣмъ, что такъ хитро провелъ всѣхъ. «Отъ многихъ я вѣдаю,—писалъ Кантемиръ,—что онъ показанною ему отъ всемилостивѣйшаго императорскаго вели-

[1]) По разсказу Штейнбергера, Кутюрьеръ содержался шесть недѣль подъ арестомъ въ Зонненштейнѣ за то, что донесъ, будто убійство совершено русскими; но затѣмъ, въ видѣ удовлетворенія, получилъ отъ короля (саксонскаго или польскаго) золотую табакерку, а отъ русскаго резидента—кошелекъ съ дукатами и по освобожденіи поспѣшилъ въ Стокгольмъ, чтобы словесно сообщить о всемъ шведскому королю.

Digitized by Google

чества чрезъ свою грамоту милостію весьма доволенъ и кого ни видитъ, всякому о томъ хвалится; недавно и при столѣ своемъ ту вашу грамоту гостямъ своимъ къ похвалѣ своей показалъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ и мнѣ то свое удовольствіе всѣми мѣрами показать тщится и меня съ особливою ласкою и учтивостію принимаетъ».

Итакъ, всѣ были довольны. Кантемиръ почувствовалъ облегченіе. Оставались только заботы о шведскихъ дѣлахъ, на которыя нужно было направить французскую дипломатію къ выгодамъ Россіи. Здѣсь опять начались хитрости, увѣренія въ преданности, подозрѣнія. Кардиналъ, хотя и утверждалъ, что не сомнѣвается въ истинѣ словъ Кантемира, но въ то же время прибавлялъ, что и дворы обыкли самимъ своимъ посламъ того не объявлять, чего отъ извѣстія прочихъ укрыть намѣрены». Эти слова, повторенныя Кантемиромъ въ депешѣ, служили какъ-бы упрекомъ самому Остерману, который въ самомъ дѣлѣ во многомъ оставлялъ посла въ неизвѣстности. Въ началѣ 1740 года, кардиналъ Флёри уже сталъ заговаривать о томъ, чтобы успокоить бѣдныхъ шведовъ уступкою имъ чего-нибудь изъ завоеваній Петра Великаго. Это показывало, чью сторону болѣе склоненъ держать французскій министръ. Кантемиръ сталъ предостерегать русскій дворъ и совѣтовалъ остерегаться какъ со стороны Франціи, такъ и Швеціи, ссылаясь на «перемѣнчивый кардинальскій нравъ, который не позволяетъ на его обнадеживанья совсѣмъ полагаться».

Кантемиръ неослабно и зорко слѣдилъ за политикою кардинала и не позволилъ ему подкупить себя ласками и учтивостями. Въ депешѣ отъ іюля 1740 года онъ могъ уже ясно высказать взглядъ на эту политику: «ваше величество,—писалъ онъ,—легко судить изволитъ, что отъ здѣшняго двора никакой пользы себѣ ожидать не можетъ: если въ нѣкоторыхъ случаяхъ и являются склонны къ интересамъ вашимъ, то для того только, чтобъ удержать васъ отъ вступленія съ другими державами въ какія-нибудь обязательства, здѣшнимъ видамъ противныя; когда же опасность такихъ обязательствъ минется, то и ласкательство прекратится. Съ глазъ своихъ здѣсь не спускаютъ, что во всей Европѣ только одна ваша сила здѣшнюю въ равновѣсіи держать можетъ, и что ваше величество въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ цезаремъ находится, отчего на васъ смотрятъ, какъ на главнѣйшее препятствіе къ совершенному униженію австрійскаго дома, что всегда было главною цѣлью здѣшняго двора. Изъ этого легко заключить, что когда случай представится для уменьшенія вашей

Digitized by Google

непріятной силы, то или подъ рукою или явно, смотря по обстоятельствамъ времени, его не пропустятъ». Какъ ни маскировалъ свои планы кардиналъ, но умный русскій посолъ разгадалъ ихъ.

Что онъ вѣрно смотрѣлъ на коварную политику кардинала Флёри, это подтверждается секретной инструкціей, данной въ то же самое время маркизу Шетарди при его отправленіи въ Петербургъ: «Въ продолженіи нынѣшняго сейма государственныхъ чиновъ въ Стокгольмѣ,—между прочимъ писалось тамъ,—король (французскій) не только заключилъ съ Швеціей трактатъ о субсидіяхъ, но и употреблялъ всѣ усилія, чтобы удалить изъ правительства въ Швеціи всѣхъ лицъ, которыя извѣстны были своею преданностью Англіи и Россіи. Если эти старанія сверхъ всякаго ожиданія увѣнчались успѣхомъ, то, конечно, не безъ опасенія для Россіи, и именно этому можно приписать ея рѣшимость не давать болѣе императору (австрійскому) обѣщаннаго вспоможенія, чтобъ не остаться безъ своихъ лучшихъ войскъ, какъ это дѣлалось въ три предыдущія кампаніи, когда это было можно по случаю совершенной безопасности... Интересы его величества (Франціи) не требуютъ, чтобы опасенія Россіи разсѣялись до такой степени, чтобы она считала себя въ возможности безнаказанно преслѣдовать свои честолюбивые замыслы, уже нѣсколько лѣтъ ею высказываемые...»[1]).

Но, конечно, нашъ посолъ не могъ проникнуть въ другія намѣренія кардинала, которыя высказаны въ той же инструкціи: «Состояніе Россіи еще не обезпечено настолько, чтобы не опасаться внутреннихъ переворотовъ. Иноземное правительство, чтобы утвердиться, ни чѣмъ не пренебрегало для притѣсненія и разогнанія старинныхъ русскихъ фамилій, но несмотря на всѣ усилія, все еще остаются недовольные иноземнымъ игомъ—они вѣроятно прервутъ молчаніе и оставятъ бездѣйствіе, когда будутъ въ возможности сдѣлать это съ безопасностью и успѣхомъ. Нынѣ король не можетъ, по справедливости, имѣть вѣрныя подробности объ этомъ положеніи; но, вспоминая незначительность права, которое возвело на русскій тронъ герцогиню курляндскую, когда была принцесса Елизавета и сынъ герцогини голштинской, трудно предполагать, что за смертью царствующей государыни не послѣдовали волненія... Весьма важно, чтобы маркизъ Шетарди, употребляя всевозможныя предосторожности, узналъ, какъ можно вѣрнѣе, о состояніи умовъ, о положеніи

[1]) Маркизъ де-ла-Шетарди, Пекарскаго.

Digitized by Google

русскихъ фамилій, о вліяніи друзей, которыхъ можетъ имѣть принцесса Елизавета, о сторонникахъ дома Голштинскаго, которые сохранились въ Россіи, о духѣ въ разныхъ корпусахъ войскъ и тѣхъ, кто ими командуетъ, наконецъ о всемъ, что̀ можетъ дать понятіе о вѣроятности переворота, въ особенности, если царица скончается прежде, чѣмъ сдѣлаетъ какое-либо распоряженіе о наслѣдованіи престоломъ»...

Короче сказать, французскому послу рекомендуются хитрыя интриги въ пользу принцессы Елизаветы или герцога голштинскаго противъ существующаго правительства. При этомъ ему совѣтуется «особенная предосторожность и недовѣрчивость къ нескромнымъ внушеніямъ въ странѣ, гдѣ въ большомъ употребленіи шпіоны и фальшивая откровенность».

Только десять мѣсяцевъ пробылъ Шетарди при дворѣ Анны Ивановны, и въ это время уже успѣлъ приглядѣться ко всему тому, на что̀ ему указывалось въ инструкціи.

Смерть императрицы не могла измѣнить положенія Кантемира. На регента Бирона онъ могъ даже много разсчитывать, такъ какъ не задолго до этого успѣлъ ему оказать услугу. Бирону хотѣлось имѣть генеалогію, которая болѣе бы соотвѣтствовала его титулу герцога курляндскаго. Онъ узналъ, что во Франціи существуетъ фамилія герцоговъ Бироновъ, и поручилъ Кантемиру разслѣдовать о ней. Кантемиръ отвѣчалъ: «фамилія маршала дюка Бирона изъ знатнѣйшихъ сего государства; предки его были въ главнѣйшихъ достоинствахъ и онъ самъ теперь старшій маршалъ и кавалеръ св. Духа; у короля и у кардинала въ милости, а наипаче его сынъ, который командуетъ полкомъ королевскимъ; въ кровномъ союзѣ находится такъ же со знатными фамиліями, двѣ его дочери выданы были—одна за графа Боневаля (который отъ Порты въ ссылку сосланъ), а другая за онаго маркиза Бонака, отца нынѣшняго; сей родился въ Константинополѣ, отъ роду ему восемнадцать лѣтъ, молодецъ благоразсудный и добрыхъ нравовъ»...

По этому описанію, Бирону показалось не безчестнымъ предложить французскимъ дюкамъ признать свое родство съ нимъ. Маркизъ Бонакъ, женатый на дочери маршала Бирона, получилъ русскій андреевскій орденъ еще отъ Петра Великаго за успѣшное посредничество въ качествѣ французскаго посланника въ Константинополѣ, при заключеніи трактата Россіи съ Портою въ 1724 году. Теперь этого ордена просилъ маршалъ Биронъ для своего внука, молодого Бонака. Разумѣется, курляндскому герцогу ничего не стоило удовлетворить такую скромную просьбу,

Digitized by Google

и родственныя связи всѣхъ Бироновъ французскихъ и курляндскихъ были признаны [1]).

Во всемъ этомъ Кантемиръ принималъ дѣятельное участіе и, разумѣется, расположилъ къ себѣ еще болѣе всесильнаго временщика. Но онъ хорошо понималъ шаткое положеніе Бирона и видѣлъ, что теперь ему нужно быть особенно осторожнымъ. Приличіе и разсчетъ требовали отвѣчать самолюбивому регенту самыми изысканными выраженіями удовольствія и радости на его извѣстіе о томъ, что теперь онъ регентъ россійской имперіи; но что если это регентство будетъ принято враждебно русскимъ шляхетствомъ и войскомъ? Кантемиръ хорошо помнилъ всѣ обстоятельства послѣ смерти Петра II, и новый переворотъ ему казался очень возможнымъ. Поэтому онъ отослалъ свое письмо на имя герцога курляндскаго къ одному изъ своихъ петербургскихъ пріятелей, съ просьбою доставить его по адресу въ такомъ только случаѣ, «если духовная покойной государыни останется во всей своей силѣ; иначе же немедленно сжечь его». Такая предосторожность оказалась не совсѣмъ лишнею. Прежде чѣмъ письмо пришло въ Петербургъ, Биронъ попалъ въ казематъ. Впрочемъ, доброжелателемъ Кантемира при русскомъ дворѣ остался князь Черкасскій, который получилъ чинъ великаго канцлера. Можетъ быть, благодаря ему, нашему послу стали исправно высылать жалованье, такъ что ему не приходилось болѣе докучать «о своихъ нестерпимыхъ нуждахъ», которыя, какъ онъ писалъ, приводили его въ отчаяніе.

Много времени отнялъ у Кантемира маркизъ Шетарди своимъ страннымъ поведеніемъ при русскомъ дворѣ. На него безпрестанно присылались въ Парижъ жалобы, которыя нашъ посолъ долженъ былъ представлять кардиналу и вести съ нимъ переговоры. Шетарди не хотѣлъ надѣвать траура по покойной императрицѣ, требовалъ аудіенціи у младенца-императора, котораго такъ берегли, что никому не показывали, отказывался отъ представленія отцу императора, герцогу Антону, не хотѣлъ никому передавать вѣрющей грамоты, кромѣ какъ самому императору, придирался ко всякимъ мелочамъ и достаточно надоѣлъ всѣмъ. Почти всѣ депеши Кантемира за нѣсколько мѣсяцевъ наполнены описаніемъ переговоровъ съ кардиналомъ по поводу разныхъ

[1]) По свидѣтельству П. И. Панина, французскій Биронъ сказалъ: „мнѣ вовсе неизвѣстно, чтобы кто-нибудь изъ фамиліи нашей переселился въ другія государства; но если одинъ изъ владѣтельныхъ европейскихъ государей почитаетъ себя происшедшимъ отъ французскаго дворянства, то симъ дѣлаетъ онъ честь народу французскому“ („Русск. Старина“, 1879, ноябрь: Русскій дворъ).

Digitized by Google

поступковъ Шетарди. Разумѣется, кардиналъ поддерживалъ своего посла, и сколько комизма проявилось во всѣхъ этихъ мелочахъ, которыя принимались за что-то очень важное для чести цѣлой націи! Кардиналъ обыкновенно принималъ вспыльчиво всѣ представленія русскаго посла, раздражался его настойчивыми требованіями; а Кантемиръ писалъ съ своей стороны на имя грудного ребенка такія донесенія: «Амелотъ и теперь удивляется тому, что возрастъ вашего императорскаго величества и опасность вашего дражайшаго здравія причина отказа аудіенціи представляется, когда извѣстно, что министры посылаются къ самому лицу государскому, такъ что они должны имъ однимъ вручать, и не видитъ въ томъ никакой опасности въ здравіи вашего императорскаго величества, а что касается до возраста, то если бы король находился въ возрастѣ только трехъ дней, никакого затрудненія къ допуску чужестранныхъ министровъ къ его королевскому величеству аудіенціи не учинено бы... что нимало достоинству вашего императорскаго величества и характеру посольскому не кажется быть неприлично, что ваше императорское величество при такой аудіенціи лежали въ колыбеляхъ и при грудяхъ кормилицы, понеже тѣ обстоятельства съ возрастомъ вашимъ нераздѣльны... Амелотъ объявилъ, что маркизъ Шетарди при аудіенціи у вашего императорскаго величества долженъ поставить грамоту предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, а не вручить другому, и рѣчь свою однимъ вамъ адресовать... Я ему представлялъ, что грамоту вашего императорскаго величества за крайнимъ своимъ малолѣтствомъ принять не можете. На это мнѣ Амелотъ отвѣтилъ: генеральный вездѣ обычай требуетъ, чтобы грамоты государей чрезъ пословъ самимъ государямъ были подаваемы и при присутствіи государя всякая другая власть престаетъ, такъ что маркизъ Шетарди не оказалъ бы должный респектъ вашему императорскому величеству, еслибъ въ присутствіи вашемъ адресовалъ рѣчь государынѣ-правительницѣ»...

Въ то время какъ Шетарди безпрестанно писалъ кардиналу, что при русскомъ дворѣ показываютъ ему «много холодности» и поступаютъ съ нимъ «не съ такою атенціею», какую бы можно ожидать, Остерманъ сообщалъ русскому послу, что ему стараются показать всевозможную вѣжливость даже передъ прочими послами, и описывалъ при этомъ разные случаи, въ которыхъ дѣйствительно видна такая предупредительность, какой нельзя было бы ожидать отъ французскаго двора ни къ одному изъ чужестранныхъ пословъ. Кардиналъ, основываясь на письмахъ Шетарди, накидывался съ упреками на Кантемира, а тотъ

Digitized by Google

въ свою очередь отражалъ сообщеніями русскаго министра, обвиняя Шетарди въ придирчивости и въ мелочности. «Маркизъ такія импрессіи подаетъ, замѣчалъ Кантемиръ, какія никогда не ожидали; должность наша требуетъ, еслибы и были какія личныя неудовольствія, презирать, чтобъ для нашего личнаго интереса не вводить холодность между нашими государями». Эти слова заслуживаютъ вниманія, такъ какъ въ нихъ выражается честное отношеніе Кантемира къ своему дѣлу. «Излишне маркизу жаловаться, что не имѣетъ содружества въ С.-Петербургѣ, продолжалъ онъ, потому что еслибъ это было и правда, такое несходство всѣмъ чужестраннымъ въ первыхъ годахъ пребыванія въ чужихъ краяхъ неминуемо; и мы здѣсь то же переносимъ, тѣмъ болѣе, что французскіе господа при пріѣздѣ нашемъ не визитуютъ. Въ самомъ дѣлѣ,—при этомъ прибавляетъ онъ въ своей депешѣ,—сколько здѣшній народъ ни славится отмѣнною къ чужестраннымъ учтивостью, много труда и еще больше ждивенія нужно, чтобы свести съ ними знакомство».

И при всякой новой встрѣчѣ съ кардиналомъ или Амело-томъ начинался тотъ же самый разговоръ и обыкновенно оканчивался отсрочкою послѣдняго рѣшенія до другого раза. Уже хорошо знакомый съ искусствомъ кардинала вести интриги и проводить довѣрчивыхъ людей, Кантемиръ писалъ къ своему двору, что эта медленность становится подозрительна; что за нею скрываются какія-нибудь новыя коварства кардинала. «Я по должности своей,—замѣчалъ онъ,—желаю дать вамъ понять, съ какими людьми мы принуждены имѣть дѣло и что каково бы ни было прилежаніе и искусство чужестраннаго министра, мало можетъ надѣяться на удачу, если нѣтъ въ чемъ интереса для Франціи... во всемъ видна здѣсь склонность къ разрыву... и поведеніе маркиза Шетарди, повидимому, служитъ средствомъ къ этому».

Наконецъ Кантемиръ сталъ получать отъ своего двора такіе рескрипты: «даемъ вамъ секретно знать, что всѣ поступки Шетарди клонятся къ ссорѣ и потому намъ бы хотѣлось, чтобы онъ былъ отозванъ отъ нашего двора». Согласно съ этимъ, Кантемиръ сталъ дѣлать намеки, что характеръ Шетарди не позволяетъ сблизиться обоимъ дворамъ, что съ другимъ посломъ скорѣе можно было бы разсчитывать на болѣе тѣсный и дружескій союзъ между двумя государствами. Но кардиналъ не поддерживалъ такихъ разговоровъ; Кантемиръ видѣлъ бѣду въ томъ, «что никто не склоняется ѣхать въ столь отдаленныя и холодные края». На самомъ же дѣлѣ была бѣда другого рода, которой не могъ подозрѣвать русскій посолъ въ Парижѣ. Шетарди

Digitized by Google

своими донесеніями доказывалъ, что искусно исполнялъ инструкцію, данную ему при его отправленіи въ Петербургъ. Кардиналу было извѣстно, что онъ подготавливаетъ принцессу Елисавету Петровну къ произведенію новаго переворота въ петербургскомъ правительствѣ въ интересахъ французскихъ. Отозвать въ это время интригующаго посла было бы безразсчетно и неблагоразумно, и ужъ, конечно, не кардиналъ Флёри могъ на это рѣшиться. Ожиданіе этого переворота, можетъ быть, и заставило оттягивать обычное представленіе французскаго посла новому двору. Въ этомъ случаѣ невыгода положенія была на сторонѣ Кантемира: онъ не зналъ того, что̀ было извѣстно кардиналу Флёри, и напрасно истощалъ передъ нимъ свое краснорѣчіе. Но къ его чести надо сказать, что онъ какъ нельзя лучше разгадалъ характеръ перваго французскаго министра, понималъ его политику, и все это умѣлъ отъ него хорошо скрывать. Въ этомъ случаѣ положеніе его, какъ посла, нужно назвать выгоднымъ. Въ то время какъ кардиналъ думалъ, что опутываетъ его своими хитростями, онъ совершенно свободно и критически относился ко всѣмъ его словамъ и увѣреніямъ. Онъ всегда хладнокровно выслушивалъ самыя раздражительныя его рѣчи, не вѣрилъ имъ ни на волосъ, и въ то же время обезоруживалъ его увѣреніемъ, что нашъ дворъ полагается на его праводушіе и христіанскія намѣренія. Это была слабая сторона кардинала—слыть за праводушнаго въ то время, какъ у него не было этого качества. Какъ дипломатъ, Кантемиръ долженъ былъ иногда скрывать правду, но онъ не прибѣгалъ къ намѣренной лжи, хотя она и оправдывается въ дипломатической сферѣ. Все, что̀ онъ ни передавалъ кардиналу и къ чему тотъ иногда относился съ недовѣріемъ и сомнѣніемъ, потомъ оправдывалось на дѣлѣ, и кардиналъ наконецъ привыкъ вѣрить его слову. Въ этомъ тоже была его нравственная выгода. Чтобы узнавать о тайныхъ рѣшеніяхъ французскаго кабинета, Кантемиръ, подобно другимъ, пользовался секретными услугами людей, близкихъ къ министерству, и можетъ быть, платилъ имъ за это, но прибѣгать къ такимъ источникамъ посолъ долженъ былъ по своей обязанности. Въ этомъ случаѣ особенною услужливостью отличались женщины. Кантемиръ указываетъ на маркизу Монконсель, жену бригадира и военнаго инспектора. Съ нею онъ познакомился еще въ 1735 году, когда пріѣзжалъ на время въ Парижъ изъ Лондона. «Съ тѣхъ поръ она мнѣ услуживаетъ, сколько можетъ, пишетъ онъ. Эта госпожа—остраго ума, любопытна и искусна въ дѣлахъ, какъ здѣшнихъ, такъ и иностранныхъ. Во время Шовелинова

Digitized by Google

правительства (передъ кардиналомъ Флёри), имѣя съ нимъ тѣсную и почти подозрительную дружбу, обязала себѣ многихъ, какъ канцелярскихъ служителей, такъ и здѣшнихъ господъ, между которыми находится и секретарь статскихъ военныхъ дѣлъ Бретьоль, который, сверхъ того, живетъ въ тѣсномъ согласіи съ ея сестрою. Милордъ Валграфъ, бывшій англійскій посолъ, много пользовался во время Шовелиново дружбою сей госпожи, такъ что и теперь она имѣетъ иногда переписку съ кавалеромъ Вальполемъ, отъ котораго, говорятъ, что и пенсію получала. Правда, тогда она была больше въ состояніи услужить своимъ пріятелямъ, но и теперь чрезъ старыя знакомства лучше всѣхъ увѣдомлена о происхожденіи здѣшняго двора... Но весьма ей было бы непріятно, еслибъ узнали, что она мнѣ передаетъ вѣсти, тѣмъ болѣе, что кардиналъ вѣдаетъ ея склонность къ Шовелину, и поэтому прошу поберечь ея имя»...

Пользуясь такими источниками, Кантемиръ въ то же время рѣшительно отказался отъ окольной дороги мимо кардинала, когда одинъ изъ его пріятелей указалъ на нее, чтобы имѣть ближайшій доступъ къ королю. «По всѣмъ извѣстіямъ, которыя я здѣсь получаю,—писалъ онъ,—король скучаетъ кардиналомъ, однако-жъ его кредитъ не столько сбавился, чтобъ было мнѣ безопасно мимо его внушать королю какія-либо предложенія; поэтому на предложеніе своего пріятеля я отвѣчалъ, что я не могу идти другою дорогою въ производствѣ дѣлъ, кромѣ кардинала и опредѣленнаго отъ короля министра для чужестранныхъ дѣлъ»...

Но, несмотря на многихъ доброжелателей при французскомъ дворѣ, Кантемиръ не могъ отвлечь отъ Россіи войну со шведами. Съ самаго начала онъ составилъ себѣ такое мнѣніе, что французская политика была «движеніями шведовъ держать сѣверныя державы въ тревогѣ, не допуская дѣла къ дѣйствительной войнѣ, которая можетъ быть тягостна Франціи». Но когда стали доходить слухи, что шведы готовятся къ войнѣ, и что уже послали корпусъ войскъ въ Финляндію, то онъ нисколько не затруднился назвать эту политику безсовѣстною. «Нѣтъ никакого сомнѣнія,—писалъ онъ,—что французскій дворъ былъ главнѣйшимъ производителемъ шведскихъ движеній. Если министерство здѣшнее и увѣряетъ въ противномъ, то на это положиться нельзя: здѣсь честь и совѣсть почитается малой важности при учрежденіи своего поведенія». Конечно, съ одной стороны было забавно смотрѣть, какъ кардиналъ разъигрывалъ передъ посломъ роль невиннаго человѣка. Онъ наивно говорилъ, что самъ не можетъ понять, откуда шведы берутъ деньги на свои военныя приготов-

Digitized by Google

ленія и на чемъ полагаютъ свою надежду. А между тѣмъ Кантемиръ уже успѣлъ убѣдиться, что въ Швецію посылаются изъ Франціи значительныя денежныя субсидіи. Все это давало Кантемиру поводъ писать русскому двору рѣзкія характеристики кардинала. «Если изволите припомнить всѣ поступки кардинала съ самаго начала турецкой войны, изволите признать, что нынѣшнія его коварства не новыя и что безсовѣстныя обѣщанія и самыя присяги не кажутся довольныя обязательства къ упущенію того, что своимъ высокомысленнымъ намѣреніемъ считаетъ полезнымъ. Самые французы признаютъ, что онъ отжилъ всякій стыдъ и не боится божественнаго наказанія, потому что по общему мнѣнію и въ Бога не вѣритъ, несмотря на то, что часто призываетъ въ своихъ разговорахъ имя Божіе»...

Кантемиру часто приходилось извиняться въ малой удачѣ своихъ переговоровъ, но службой его, какъ видно, были довольны при русскомъ дворѣ: 12 августа 1741 года онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника — это была первая награда за посольскую его службу въ Парижѣ. Въ это время Кантемиру готовился другой, болѣе высокій постъ. По свидѣтельству французскаго его біографа, Анна Леопольдовна имѣла намѣреніе сдѣлать его воспитателемъ своего сына императора, что́ уже доказываетъ ея особенное къ нему уваженіе и довѣріе. И дѣйствительно, замѣчаетъ біографъ, никто болѣе не былъ способенъ образовать умъ и сердце великаго монарха, какъ этотъ вельможа, соединявшій въ себѣ съ глубокимъ умомъ большое знаніе людей, благородство, любовь къ общественному благу и непоколебимую честность, подкрѣпляемую религіей. Но происшедшій новый переворотъ избавилъ его отъ опасенія принять на себя обязанность, тяжесть которой онъ заранѣе чувствовалъ и которой боялся какъ могилы своей свободы.

III.

Воцареніе имп. Елизаветы.—Ея пристрастіе къ Франціи.—Переговоры о шведскомъ мирѣ.—Поведеніе Шетарди.—Отзывъ его отъ русскаго двора.—Пристрастіе къ нему императрицы.—Возвращеніе его.—Заговоръ въ Петербургѣ.—Какая роль готовилась Кантемиру.—Его идеальная политика.

Съ извѣстіемъ о воцареніи Елизаветы Петровны Кантемиръ узналъ и о паденіи Остермана, своего непосредственнаго начальника, отъ котораго ему не разъ приходилось получать не всегда заслуженные выговоры. Его мѣсто заступилъ великій канцлеръ

Digitized by Google

князь Черкасскій. Значитъ, съ этой стороны Кантемиръ могъ считать, что обстоятельства сложились для него очень благопріятно. Онъ тотчасъ же извѣстилъ французскій дворъ о правительственной перемѣнѣ въ Россіи, не зная того, что кардиналъ съ Амелотомъ уже давно поджидали этой катастрофы, разсчитывая воспользоваться ею въ вопросѣ о шведскихъ дѣлахъ. Послѣ этого комично выходитъ заявленіе Кантемира въ первой его депешѣ на имя императрицы Елизаветы Петровны: «Два французскіе министра,—пишетъ онъ,—признавая въ этомъ важномъ происшествіи дѣло руки Божіей, съ любопытствомъ околичности этого дѣла желали узнать». Но на самомъ дѣлѣ они, конечно, уже знали всѣ тѣ околичности изъ донесенія своего посла, виднаго участника въ томъ «важномъ происшествіи» [1]). Въ той же депешѣ русскій посолъ поздравлялъ Елизавету «съ должнымъ рабскимъ усердіемъ съ симъ отъ Бога устроеннымъ повышеніемъ на родительскій престолъ, прося Всевышняго, чтобы продолжилъ и благословилъ жизнь и царствованіе ваше къ истинному благополучію вашего государства и къ прирастенію славы высокоименитыхъ предковъ». Конечно, такое желаніе было очень кстати въ виду всего того, что̀ совершалось на глазахъ Кантемира въ теченіе какихъ-нибудь пятнадцати лѣтъ.

Кардиналъ выразилъ большую надежду на прекращеніе сѣверной войны и очень неловко сталъ оправдываться, будто онъ помогалъ шведамъ противъ Россіи. Но эти оправданія не увѣрили Кантемира, а еще болѣе убѣдили въ противномъ. Онъ понималъ, что теперь ему нужно быть особенно осторожнымъ и зорко слѣдить за политикой кардинала, такъ какъ новое русское правительство могло сдѣлаться жертвою французскихъ интригъ. Уже на четвертый день послѣ переворота Кантемиру писалось приказаніе—приложить все стараніе, чтобы Шетарди былъ удержанъ при русскомъ дворѣ съ прежнимъ посольскимъ характеромъ. «Говоритъ,—писалъ онъ,—что Шетарди обѣщаетъ всякую удачу къ приведенію русскаго двора съ французскимъ въ тѣсное согласіе. Здѣшнее министерство то же на это надѣется... Но что мнѣ пріятнѣе было видѣть,—при этомъ прибавляетъ онъ,—такъ это-то, что народъ здѣшній выражаетъ почти общее доброжелательство къ высочайшему лицу вашего императорскаго величества, которое тѣмъ менѣе подозрительно, что оно основано на памяти августѣйшаго отца вашего»...

---

[1]) Реляція Шетарди была писана 25 ноября, на другой день послѣ переворота. Этимъ же числомъ подписанъ и рескриптъ къ Кантемиру.

Digitized by Google

Въ это же время Кантемиръ старался охлаждать довѣріе русскаго двора къ французской политикѣ. «Потому на Россію здѣсь смотрѣли непріятнымъ глазомъ,—сообщалъ онъ,—что она помогаетъ австрійскому дому и дружитъ съ Англіей. И пока ваше императорское величество въ дружбѣ съ этими державами, нельзя надѣяться пріобрѣсть дружбу Франціи».

Императрица Елизавета, пристрастная къ Франціи, хотѣла устроить свой дворъ по образцу французскаго, и требовала отъ нашего посла описанія всѣхъ церемоніаловъ парижскаго двора, также всѣхъ его «обыкновеній и поведеній въ публичныхъ торжествахъ, какъ коронаціяхъ, такъ и другихъ случаяхъ, и вообще обо всемъ, что̀ касается тамошняго этикета и церемоніала». Исполняя это требованіе, Кантемиръ и самъ сочинялъ описанія и указывалъ на печатныя книги, гдѣ можно было найти все, что̀ требовалось. Такимъ образомъ онъ является первымъ посредникомъ въ перенесеніи къ русскому двору французскаго этикета, который имѣлъ вліяніе на придворные нравы русскихъ вельможъ.

Между тѣмъ начатые переговоры со шведами шли неудачно. Шведы видѣли, что обманулись въ своихъ надеждахъ на личную благодарность Елизаветы, которой будто бы они помогали добыть русскій престолъ своими прокламаціями противъ прежняго русскаго правительства: они требовали перемѣны условій Ништадскаго мира въ свою пользу, разсчитывая получить обратно русскую Финляндію. Ихъ поддерживали и французскіе министры. Но все краснорѣчіе маркиза Шетарди не могло склонить императрицу уничтожить плоды трудовъ ея отца. Она, наконецъ, убѣдилась, что подозрѣнія Кантемира въ двоедушной политикѣ Франціи были справедливы. «Политика Франціи,—говорится въ рескриптѣ къ нему,—становится подозрительною и потому вы приложите все стараніе, чтобъ провѣдывать обо всемъ, что̀ касается нашихъ интересовъ, не жалѣя для этого ни трудовъ, ни денегъ, хотя-бъ и знатную до 5 и 6 тысячъ рублей сумму старались сыскать, чтобъ такимъ образомъ возможно было открыть способы о прямыхъ тамошнихъ намѣреніяхъ, видахъ и подвигахъ, какъ при нынѣшней шведской войнѣ, такъ и въ другомъ, а особливо о корреспонденціи маркиза Шетардія и о приходящихъ отъ него донесеніяхъ, потому что въ нихъ-то вся важность». По словамъ той же депеши «Шетарди употреблялъ, по принятому вновь обыкновенію своему, нарекательныя и не совсѣмъ пристойныя экспрессіи», потому что не принимали его предложеній въ вопросѣ о мирѣ.

Хотя Кантемиръ и употреблялъ денежные подкупы, что̀ въ

Digitized by Google

то время относилось къ ревности дипломатической службы, но какъ видно, это средство мало ему давалось. «Тайныя дѣла, — писалъ онъ,—проходятъ здѣсь только черезъ руки кардинала, Амелота, да еще развѣ двухъ-трехъ канцеляристовъ, которыхъ благосостояніе уже основано, такъ что не захотятъ оное потерять; но если бы и нашелся изъ нихъ лакомый къ деньгамъ, то нельзя заводить съ ними знакомства, такъ какъ они постоянно въ Версали. Потому ваше имп. вел. можете видѣть, какъ трудно доставать здѣсь тайныя письма, въ чемъ увѣрились всѣ чужестранные здѣсь министры, и самъ я употребилъ всевозможное стараніе къ этому, не забывая и обѣщаніе награжденій по силѣ указовъ блаж. памяти Анны Іоанновны, но мнѣ тоже не удалось. Но я все же буду стараться узнать, что пишетъ Шетарди въ своихъ донесеніяхъ».

Разъ выказавъ себя способнымъ къ интригамъ, Шетарди сталъ возбуждать опасенія противъ себя и въ новомъ правительствѣ, въ интересахъ котораго онъ прежде дѣйствовалъ и которое теперь не хотѣло подчиниться его руководству. Не того онъ ожидалъ вначалѣ и не то обѣщалъ своему двору. Въ крайней досадѣ на неуспѣхъ, онъ не сдерживалъ своего раздраженія, позволялъ себѣ разныя безтактныя выходки и грубости. Но за нимъ очень ухаживали, выносили всѣ его дерзости и только боялись, чтобъ они не усилились. Весьма характерно письмо, написанное Кантемиру по поводу крайнихъ дерзостей, которыми французскій посолъ наполнилъ свое письмо къ князю Черкасскому изъ-за вопроса о посольской аудіенціи. «Это письмо написано такимъ стилемъ,—сообщалось Кантемиру,—и въ такихъ неумѣренныхъ терминахъ, что не соотвѣтствуетъ нисколько той обыкновенной учтивости, которую иностранный министръ долженъ оказывать министерству того двора, гдѣ онъ находится, а также тому обхожденію и снисхожденію, которое къ нему показывается во всемъ и при всѣхъ случаяхъ, зная его нравъ и его обычаи въ трактованіи, избѣгая всегда непріязненныхъ изъясненій и холодности, хотя со стороны Шетарди часто подавался поводъ къ этому. Такимъ же образомъ поступлено и теперь: *маркизу ничего не высказано*, но оставлено его письмо безъ отвѣта, и только словесно ему сказано, но *о его непристойныхъ нареканіяхъ и не упомянуто*. Намъ не хочется жаловаться двору французскому на поступки Шетарди, но чтобы это не продолжало усиливаться, мы посылаемъ вамъ копію съ его письма, чтобы вы *при случаѣ частнымъ образомъ* сообщили его кардиналу, и кардиналъ можетъ принять мѣры, чтобы Шетарди былъ

Digitized by Google

умѣреннѣе въ своихъ письмахъ къ нашимъ министрамъ. Впрочемъ, вы знаете тамошніе нравы и обычаи, и потому это дѣло предоставляемъ вашему разсужденію и искусству».

Но не пришлось Кантемиру выказать своего искусства въ этомъ дѣлѣ. Онъ былъ предупрежденъ извѣстіемъ, что король отзываетъ маркиза Шетарди отъ петербургскаго двора и, вмѣсто него, назначаетъ другого уже не въ качествѣ чрезвычайнаго посла, а въ низшей степени. Оказалось, что французскій дворъ хотѣлъ навязаться своимъ посредничествомъ въ дѣлѣ заключенія мира со Швеціею и убѣдилъ шведское правительство отправить въ Россію посла для мирныхъ переговоровъ черезъ маркиза Шетарди. Посолъ прибылъ въ Москву, гдѣ тогда праздновалась коронація императрицы, и при первомъ же разговорѣ съ русскимъ министромъ узналъ, что Россія никогда не можетъ согласиться признать посредничество Франціи, которая была въ тѣсномъ союзѣ со Швеціей. Послѣ этого рѣшительнаго объявленія онъ поспѣшилъ оставить Москву, а маркизъ Шетарди просилъ свой дворъ отозвать его. Въ другое время Кантемиру пришлось бы выслушать отъ кардинала Флёри и Амелота много непріятныхъ замѣчаній и выраженій; но теперь Франція сама была въ затруднительномъ положеніи отъ неудачныхъ дѣлъ въ Германіи. Кардиналъ видѣлъ, что не можетъ помочь Швеціи, и считалъ опаснымъ раздражать русскій дворъ какими либо рѣзкими выходками. Кантемиру объявили, что маркизъ Шетарди отозванъ для удовольствія русскихъ министровъ, что о французскомъ посредничествѣ не будетъ больше и рѣчи, что, не смотря на это, король будетъ способствовать заключенію мира. «Мы еще долго говорили съ Амелотомъ,—прибавляетъ Кантемиръ въ своей депешѣ,—и я примѣтилъ, что онъ говорилъ съ умѣренностью и учтивостью, *что должно приписать худому состоянію здѣшнихъ дѣлъ*». А еще такъ недавно сообщалъ Кантемиръ, что онъ убѣгаетъ лишнихъ толкованій съ французскими министрами, которые «не умѣряютъ своихъ словъ, и потому иногда *не возможно избѣгать неучтиваго отъ меня отвѣта*». Судя по депешамъ Кантемира, положеніе его при французскомъ дворѣ въ это время было очень непріятно, такъ какъ французскіе министры были раздражительно настроены противъ Россіи за военныя неудачи шведовъ и за неуступчивость русской императрицы по вопросу о мирныхъ условіяхъ: имъ хотѣлось какъ можно болѣе выторговать въ пользу Швеціи; но ихъ прежняя недобросовѣстность въ турецкомъ посредничествѣ научила нашего посла, какъ нужно съ ними

Digitized by Google

обращаться. Съ его взглядами согласовалось и новое русское правительство.

Но не мало должны были удивить Кантемира тѣ милости, какія на прощанье посыпались на маркиза Шетарди. «*Въ разсужденіи прежнихъ его заслугъ*,—сообщалось ему отъ русскаго двора,—мы пожаловали маркиза орденомъ Св. Андрея Первозваннаго; кромѣ того, мы дали ему рекомендацію нашу за него у короля французскаго». Съ этимъ вмѣстѣ Шетарди привезъ въ Парижъ такіе подарки, о которыхъ заговорилъ весь парижскій дворъ. Но еще болѣе удивило нашего посла приказаніе «засвидѣтельствовать кардиналу желаніе русской императрицы, которой было бы пріятно, чтобы маркизъ былъ опять аккредитованъ къ русскому двору». Личное расположеніе Елизаветы Петровны къ французскому послу стало вопреки всякой политикѣ.—Императрица вступила даже въ письменное сношеніе съ матерью Шетарди, графинею Монастроль по какому-то секретному дѣлу. Въ письмѣ отъ 13 іюня 1742 г. Кантемиръ сообщалъ государынѣ: «ѣздилъ къ графинѣ Монастроль въ деревню, откуда въ сей часъ возвращаюся, и всѣми образами домогался при ней, чтобы мнѣ объявила дѣло, о которомъ она намѣрена была доносить в. им. в-у, но не могъ ее къ тому уговорить: склонилась однако сообщить то самой в. в-ву письмомъ своимъ, которое нижайше при семъ прилагаю, каково отъ нея мнѣ вручено запечатанное» [1]). Далѣе Кантемиръ благодаритъ императрицу, поручившую ему такую коммиссію, за довѣріе къ его лицу. Хотя намъ и неизвѣстно содержаніе письма графини Монастроль, но зная, что императрица высказала большое удовольствіе за поспѣшное исполненіе ея порученія, можемъ заключить, что въ коммиссіи заключалось что-нибудь особенное.—Скрѣпя сердце, Кантемиръ долженъ былъ исполнить волю своей повелительницы и выслушать отъ Амелота отвѣтъ, въ передачѣ котораго слышится нѣкоторая иронія: «если бы король могъ предвидѣть это удовольствіе маркизомъ Шетардіемъ, безъ сомнѣнія не отозвалъ бы его отъ вашего двора, потому что этому отзыву причиной были производимыя отъ вашего двора жалобы на него, по которымъ его велич. думалъ, что маркизъ не могъ бы быть способенъ къ службѣ при дворѣ ея имп. вел.». Затѣмъ слѣдовали обѣщанія возвратить Шетарди, но по обыкновенію пошли разныя проволочки, которыя вызывали со стороны нашего посла безпрестанныя напоминанія и домогательства. Проходили мѣсяцы, Кантемиръ напол-

[1]) Архивъ Воронцова, т. 1, стр. 340.

Digitized by Google

нялъ свои депеши извѣстіями о своихъ переговорахъ, что, какъ видно, надоѣло и самой императрицѣ. Въ ея рескриптѣ слышится даже обида: «мы вамъ писали домогаться о возвращеніи къ нашему двору Шетардія, въ увѣренности, что и онъ самъ того желаетъ; но какъ теперь оказывается, что дѣло остается за Шетардіемъ, то вы объ этомъ перестаньте хлопотать». Хлопоты въ самомъ дѣлѣ прекратились. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. «Вдругъ,— по выраженію Кантемира,—въ министерствѣ вспыхало желаніе его отправить съ крайнею поспѣшностью, украсить его наивысшими характерами и титулами и снабдить разными полными мочьми, чтобъ какъ скоро ко двору в. имп. вел. доѣдетъ, старался заключить не знаю сколько трактатовъ дружбы, купеческій, союзный». При этомъ скоромъ и даже тайномъ отъѣздѣ Шетарди не обращено было даже вниманія на рѣшительное заявленіе Кантемира, что отъ французскаго короля не будетъ принята никакая грамота, если въ ней не будетъ прописанъ императорскій титулъ.

«Декларація о томъ дѣлѣ титулатуры была столь точна,— писалъ Кантемиръ,—столь тверда и безотлагательна, что никакимъ образомъ не можно было чаять, чтобъ министерство здѣшнее могло себя льстить, что в. имп. вел. оную для здѣшнихъ прихотей склонились оставить; со всѣмъ тѣмъ еще съ бо́льшею горячностью стали поспѣшать отправленіе маркиза Шетардія. Всѣ мои представленія и домогательства остановить его не могли, и онъ путь свой къ С.-Петербургу поспѣшилъ скорѣе курьера. О дѣлахъ человѣческихъ не можно заранѣе судить и предвидѣть средство съ удачею, развѣ когда они учреждаютъ свои поступки или по правиламъ благоразсудства, или по правиламъ политическимъ, или по своимъ собственнымъ интересамъ, или по всѣмъ тѣмъ тремъ началамъ, неотмѣнно должно было чаять, что онъ, маркизъ, подлинно снабженъ вѣрющею грамотою, которою титулъ императорскій вамъ дозволенъ».

Удивленіе Кантемира еще усилилось, когда онъ узналъ изъ Петербурга, что Шетарди прибылъ туда изъ Стокгольма черезъ Финляндію «налегкѣ и скорѣе ожиданнаго», и что его не допускаютъ до аудіенціи, такъ какъ грамота оказывается безъ императорскаго титула. На это Кантемиръ писалъ: «онъ живетъ при дворѣ в. имп. вел., ни о чемъ рта не отворяя, а когда здѣсь я повторяю внушеніе о томъ дѣлѣ титулатуры, отвѣтствуютъ пустыми словами, всегда однако клоня подавать надежду. Между тѣмъ я понять не могу, какъ министерство не чувствуетъ остуду, которая двору здѣшнему происходитъ предъ всѣмъ

Digitized by Google

свѣтомъ, что его полномочный и чрезвычайный посолъ живетъ при чужестранномъ дворѣ и принятъ бываетъ какъ простой дворянинъ и не могучи получить приличный по его характеру пріемъ и аудіенцію и что столь бо́льшему еще стыду болѣе еще себя подвергнуть, если какъ курьеромъ пріѣзжалъ изъ Парижа въ С.-Петербургъ, такимъ же образомъ возвратится назадъ, никакого дѣла ни сдѣлавъ»...

Все это писалъ Кантемиръ для того, чтобъ дать «новое изъясненіе о дикости поступковъ французскаго двора и сколь мало объ нихъ можно основать какое-либо мнѣніе». Таинственный отъѣздъ и путешествіе Шетарди въ Швецію должны были наводить на мысль о новыхъ интригахъ и ковняхъ французской политики, но пока трудно было угадать ихъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до этого, кардиналъ Флёри уже сошелъ въ могилу. Мѣсто его занялъ архіепископъ руанскій. Ему-то и пришлось видѣть пораженіе французской политики: миръ русскихъ со шведами былъ заключенъ въ Або съ присоединеніемъ одной части Финляндіи къ русской имперіи, чего Франція не хотѣла допускать; при этомъ Швеція, спасая остальную часть Финляндіи, обязалась выбрать наслѣдникомъ шведскаго престола, вмѣсто голштинскаго принца, сдѣлавшагося русскимъ великимъ княземъ и наслѣдникомъ, епископа любскаго по указанію русской императрицы и во вредъ интересамъ Франціи, которая желала поддерживать герцога цвейбрюкенскаго. Шведская политика теперь стала въ зависимости отъ русской, а это-то и было крайне невыгодно для Франціи, которая до сихъ поръ имѣла рѣшительное вліяніе на шведскія дѣла и искусными интригами старалась отвлекать русскія силы отъ союза съ австрійскими. Теперь явилось сильное опасеніе, что Марія-Терезія получитъ помощь отъ Россіи и будетъ торжествовать надъ Франціей. Кантемиръ привыкъ подмѣчать политическія чувства французскихъ министровъ въ ихъ обращеніи съ нимъ: «здѣшній дворъ,—писалъ онъ,—имѣетъ нынѣ нужду въ вашемъ имп. вел., которую довольно изъ того можно узнать, что министры пріемлютъ мои насильственныя представленія съ смиренностію и отвѣтствуютъ учтиво, чему въ счастливѣйшихъ себѣ премѣнахъ не весьма бывали обыкли». Но министрамъ оставалась надежда на какой-нибудь новый политическій переворотъ въ Россіи, и надежда ихъ поддерживалась газетными слухами о разныхъ заговорахъ и возмущеніяхъ то въ Москвѣ въ дни празднованія коронаціи, то въ войскѣ въ Финляндіи, то въ Петербургѣ. Къ Кантемиру часто обращались съ вопросами

Digitized by Google

о разъясненіи этихъ слуховъ. А онъ въ свою очередь обращался къ нашему двору за совѣтами, что́ и какъ ему отвѣчать. И затѣмъ французскимъ министрамъ сообщалось, что серьёзнаго ничего не было. «Никакихъ конспирацій и слѣда нѣтъ,—писали Кантемиру,—и за наше правленіе насъ такъ любятъ подданные, что намъ нечего бояться конспирацій. Не легко здѣсь возбудить революцію, и при нашемъ правительствѣ очень мало нашлось между нашими подданными, которые захотѣли бы принять участіе въ этомъ дѣлѣ»... Разспросы и любопытство Амелота наводили Кантемира даже на подозрѣніе, что здѣсь кроется коварство дипломатіи: привлечь наиболѣе вниманіе русскаго правительства во внутреннимъ дѣламъ и спокойствію и «отнять охоту пріобщаться къ предпріятіямъ союзниковъ королевы венгерской» (Маріи-Терезіи) или своими мнимо-дружескими сообщеніями и «предъувѣщаніями» отвратить отъ себя всякое подозрѣніе, если бы въ Россіи и въ самомъ дѣлѣ приключилась какая смута. Но подозрительный Кантемиръ не подмѣтилъ, что быстрый отъѣздъ маркиза Шетарди послѣдовалъ тотчасъ же за извѣстіемъ, распространеннымъ письмами изъ Голландіи, Берлина, Гамбурга, объ открытіи огромнаго заговора австрійскаго посла въ Петербургѣ, маркиза Ботты, въ союзѣ съ нѣкоторыми вельможами, между которыми называли Лопухиныхъ, Бестужевыхъ. Французскіе министры быстро сообразили, что нельзя пренебречь такимъ счастливымъ случаемъ: имъ казалось, что теперь разрывъ Россіи съ Австріей неминуемъ. Нужно только такъ дѣйствовать, чтобы устранить тѣхъ русскихъ министровъ, которые стояли за австрійскую политику и относились враждебно къ Франціи. За смертью князя Черкасскаго иностранная политика перешла вся въ руки Алексѣя Бестужева, который, несмотря на пристрастіе самой императрицы къ Франціи, утверждалъ, что только одинъ Кантемиръ можетъ доставлять вѣрныя свѣдѣнія о французскихъ намѣреніяхъ, и что петербургскіе совѣтники императрицы, преимущественно иностранцы, и въ ихъ числѣ французскій посланникъ Даліонъ, могутъ говорить и обѣщать много, но издалека не могутъ имѣть яснаго понятія о дѣлахъ. Взгляды вице-канцлера поддерживалъ братъ его, обергофмаршалъ Бестужевъ, бывшій посланникъ въ Швеціи. По несчастію, въ числѣ обвиненныхъ по дѣлу маркиза Ботты была и жена этого Бестужева. Надо сказать правду, что все это дѣло было сильно раздуто: изъ пустыхъ разговоровъ лицъ, сожалѣвшихъ объ участи свергнутаго императора и его родителей, разговоровъ, къ которымъ охотно при-

Digitized by Google

ставалъ и австрійскій посолъ, сдѣлали опасный заговоръ и присудили мнимыхъ его участниковъ къ жестокимъ казнямъ [1]).

Французскіе дипломаты сразу сообразили, что теперь представляется самый удобный случай дѣйствовать на императрицу въ свою пользу: уронить въ ея глазахъ Бестужевыхъ, привлечь на свою сторону графа Воронцова, женатаго на ея родственницѣ по матери и имѣвшаго большую силу при дворѣ, а для завѣдыванія иностранными дѣлами составить комитетъ изъ генерала Румянцева, Нарышкина, посла въ Лондонѣ и Кантемира [2]). Изъ этого видно, какъ ловко Кантемиръ умѣлъ вести себя при французскомъ дворѣ; его, врага французской политики, считали ея сторонникомъ; они не догадывались, что Бестужевъ смотрѣлъ на французскія намѣренія глазами русскаго посла. «Хотя генералъ Румянцевъ,—писали изъ Петербурга,—самъ по себѣ и не склоненъ къ французамъ, но можно обнадежиться его женою интригантною и очень ловкою госпожою». Ко всѣмъ этимъ интригамъ маркизъ Шетарди казался очень способнымъ по своимъ свѣтскимъ качествамъ, которыми онъ умѣлъ нравиться императрицѣ. Нужно было собрать только побольше уликъ и обвиненій противъ Бестужевыхъ. Для этого Шетарди долженъ былъ побывать въ Стокгольмѣ, гдѣ передъ войною брать вице-канцлера былъ посломъ; тамъ секретно можно будетъ составить обвинительный противъ него актъ, и явиться съ нимъ въ Петербургъ; а на дальнѣйшія дѣйствія укажутъ обстоятельства. Вотъ почему Шетарди съ такой быстротой и «на-легкѣ» совершилъ свое путешествіе. Понятно, что Кантемиръ не могъ предугадать всего этого. Онъ только дивился, какимъ образомъ Шетарди безъ стыда можетъ жить въ Петербургѣ въ качествѣ простого дворянина, когда онъ прибылъ туда чрезвычайнымъ посломъ. Но Шетарди, ласково принятый при дворѣ какъ веселый собесѣдникъ, не былъ безъ дѣла. На его несчастье Бестужевъ былъ не такъ простъ, какъ тотъ думалъ, и не далъ подъ себя подкопаться [3]).

Едва ли бы Кантемира обрадовалъ или соблазнилъ тотъ постъ, который ему готовила французская политика, если бы она даже и удалась. Но говоря уже о томъ болѣзненномъ состояніи, которое въ это время совсѣмъ его обезсиливало, несмотря на его молодость, онъ вообще боялся стать близко къ престолу, гдѣ положеніе казалось ему очень шаткимъ. Быть постоянно въ сферѣ интригъ ему надоѣло и среди французскихъ дипломатовъ. Не-

[1]) См. Исторію Соловьева, часть 21.

[2]) Тамъ же, стр. 285.

[3]) См. Исторію Соловьева, ч. 21.

Digitized by Google

смотря на свою дружбу съ покойнымъ княземъ Черкасскимъ (умерш. въ концѣ 1742), онъ даже боялся вступить въ бракъ съ его дочерью, богатѣйшею невѣстою въ Россіи, хотя и считался ея женихомъ. Онъ говорилъ одному изъ своихъ друзей, что близкое родство съ первымъ министромъ въ государствѣ помѣшало бы тому спокойствію, котораго онъ добивался. Онъ боялся втянуться противъ воли въ государственныя дѣла, думая только о томъ, какъ бы удалиться отъ нихъ, чтобы вполнѣ посвятить себя распространенію наукъ и искусствъ въ своемъ отечествѣ [1]). Такимъ образомъ свадьба отсрочивалась съ года на годъ; а по смерти князя Черкасскаго, вдова его, не желавшая также этого союза, поспѣшила выдать дочь за графа Шереметева.

Вообще Кантемиру хотѣлось отдѣлаться отъ политики, тѣмъ болѣе, что она въ тогдашнее время совсѣмъ не согласовалась съ его взглядами, которые выработывались изъ чтенія, въ особенности же книги Боссюэта «Politique sacrée». Собственная политика русскаго посла, замѣчаетъ французскій его біографъ и пріятель, вытекала болѣе изъ философіи священнаго писанія и интересовъ человѣчества, чѣмъ изъ книги Макіавеля и придворныхъ хитростей. Въ политикѣ, по его мнѣнію, должна быть одна цѣль — забота о счастіи людей; а имя отца народа должно опредѣлять обязанности государя; интересы государя и народа всегда должны идти рука объ руку, и если государи и могутъ покупать себѣ безопасность и спокойствіе цѣною народной крови, то проливать ее для удовлетворенія своего честолюбія значило бы нарушить законы природы и правленія. Вотъ какія правила Кантемиръ хотѣлъ бы положить въ основаніе своей политики, считая, что тѣ народы только и могутъ быть счастливы, у которыхъ они приняты въ государственномъ управленіи. «Я не буду передавать, — прибавляетъ біографъ, — всего того, что онъ высказывалъ о договорахъ между государями, въ бо́льшей части которыхъ онъ видѣлъ скорѣе доказательства недовѣрія, чѣмъ дружбы; но я не могу не привести мысли, которую однажды онъ мнѣ высказалъ и которая служитъ доказательствомъ его человѣколюбія. Выходя изъ театра, гдѣ онъ видѣлъ какого-то министра, и встрѣтившись со мною, онъ сказалъ: «я не понимаю, какъ можно спокойно отправиться въ театръ, подписавъ смертный приговоръ сотнямъ тысячъ человѣкъ». Тогда только-что была объявлена война».

В. Стоюнинъ.

---

[1]) Біографич. очеркъ, при французскомъ изданіи сатиръ Кантемира.

Digitized by Google

ВОТЯКИ

ИХЪ

ИСТОРІЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ

Бытовые и этнографическіе очерки.

О современномъ бытѣ вотяковъ было мало писано, и до сихъ поръ въ нашей литературѣ не существуетъ ни одного сколько-нибудь полнаго и обстоятельнаго описанія ихъ внутренней жизни, нравовъ, характера, вѣрованій, обрядовъ и пр. Изъ сочиненій стараго времени укажемъ на драгоцѣнный трудъ извѣстнаго академика Миллера: «Описаніе живущихъ въ казанской губерніи инородцевъ, яко-то: вотяковъ, черемисъ и чувашъ» (Спб. 1795). Въ новой же литературѣ заслуживаетъ вниманія трудъ г. Риттиха: «Этнографическое изслѣдованіе казанской губерніи «(Казань, 1870) и г. Островскаго: «Вотяки казанской губерніи», въ «Трудахъ казанскаго общества естествоиспытателей» (IV выпускъ, Казань, 1874); но первый посвятилъ вотякамъ не болѣе десятка страницъ, а послѣдній писалъ по преимуществу о вотякахъ казанской губерніи, которые, вслѣдствіе близкаго сосѣдства татаръ и черемисъ, многое переняли отъ послѣднихъ и утратили нѣкоторыя изъ своихъ бытовыхъ чертъ. Такая бѣдность нашей литературы въ отношеніи этихъ инородцевъ, съ одной стороны, и наше близкое, долговременное знакомство съ ними какъ уроженца того края — съ другой, побудили насъ сдѣлать опытъ къ пополненію пробѣла въ этнографіи племени,

Digitized by Google

живущаго на востокѣ европейской Россіи въ числѣ 275,000 человѣкъ, изъ которыхъ 10,000 остаются въ язычествѣ и по настоящее время, живя столѣтіями бокъ-о-бокъ съ христіанскою культурою.

I.

Нѣсколько словъ объ исторіи вотяцкаго племени. Негостепріимный сѣверъ европейской Россіи и теперь еще занятъ различными отраслями громадной нѣкогда финской семьи, составляющей, по мнѣнію большинства финнологовъ (Кастренъ, Кеппенъ и др.), посредствующее звено между славянами и монголами. Было время, когда всѣ эти народы жили гораздо южнѣе нынѣшняго, занимая предѣлы средней Россіи; но постоянно оттѣсняемые новыми пришельцами, прежде всего греками, затѣмъ славянами, монголами и турко-татарами, они должны были отступать шагъ за шагомъ далѣе къ сѣверу, гдѣ сама природа—непроходимые болотистые лѣса, голыя тундры и условія климата—послужила имъ естественной защитой отъ другихъ болѣе сильныхъ племенъ. Только на далекомъ сѣверѣ подъ естественной защитой условій мѣстности и климата, финское племя могло сохранить свой типъ и племенную независимость. Другія отрасли того же племени — Весь, Меря, Мурома и Мордва, оставшіяся ближе къ новому центру славянъ, должны были по необходимости придти въ столкновеніе съ послѣдними и, представляя болѣе слабый элементъ, естественно должны были или выродиться, или слиться постепенно съ славянами. Такъ на самомъ дѣлѣ и случилось. Три упомянутые народа: Весь, Меря и Мурома—совершенно исчезли, не оставивъ почти никакихъ слѣдовъ своего существованія; а Мордва быстро идетъ къ вырожденію. Съ дальнѣйшимъ движеніемъ русскаго населенія къ сѣверу можно думать, что и другія финскія племена подвергнутся той же участи.

Въ далекія, до-историческія времена, вслѣдствіе ли внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ, народы, населяющіе среднюю Азію, пришли въ движеніе; послѣ чего по склонамъ Саянскихъ и Алтайскихъ горъ, по хребтамъ Алатау и по верховьямъ великихъ бассейновъ Иртыша, Оби и Енисея является громадное племя Чудь, которое въ настоящее время считается за прародителя всѣхъ финскихъ народовъ. Протекли вѣка—и Алтайскія и Саянскія горы уже не помнятъ Чуди. Только рука современнаго человѣка въ густыхъ и мрачныхъ лѣсахъ Сибири на простран-

Digitized by Google

ствѣ отъ Енисея до восточнаго склона Уральскихъ горъ и въ бѣлкахъ Алтая открываетъ ясные слѣды этого громаднаго племени. На всемъ этомъ пространствѣ разбросаны такъ-называемыя Чудскія копи и могилы, оставшіяся историческими свидѣтелями не только существованія Чуди, но и высокой степени культурнаго развитія, какого достигъ народъ, населявшій эту страну еще во времена глубокой древности. Богатство благородными металлами горныхъ мѣстностей представляло, повидимому, всѣ благопріятныя условія для развитія здѣсь обширной горной промышленности, которая, по словамъ Геродота и Страбона, составляла долгое время одинъ изъ важныхъ предметовъ торговли этихъ странъ съ черноморскими греческими колоніями. Но послѣ вытѣсненія изъ этихъ мѣстъ Чуди, вѣроятно, татарскими племенами, рудокопство здѣсь совершенно прекращается, такъ какъ послѣдніе вовсе не были рудокопами; и только со временъ царя Ивана Васильевича, въ 1573 году, русскіе возобновили здѣсь добываніе и разработку золота и серебра. Замѣчательно, что болѣе или менѣе богатые рудники въ настоящее время были уже обработываемы Чудью; русскіе въ открытіи рудниковъ шли, такъ сказать, по слѣдамъ послѣдней. Такъ открыты богатѣйшіе рудники этой мѣстности, Зыряновскій и Змѣиногорскій. Далѣе по всей западной сторонѣ Урала находятся многочисленныя мѣдныя чудскія копи. Самые богатые рудники—Тетярскіе, Васильевскіе, Чалтуртукскіе и др. имѣютъ свое начало также со временъ Чуди; послѣдней была извѣстна даже выплавка мѣди, что доказывается остатками плавильныхъ печей по всѣмъ склонамъ Урала (Эйхвальдъ). Кромѣ того, по всей мѣстности отъ Урала до Алтая и въ особенности по склонамъ послѣдняго до сихъ поръ встрѣчаются чудскія могилы, на которыхъ возвышаются курганы или грубыя каменныя изваянія на подобіе истукановъ съ лицомъ, обращеннымъ къ востоку, слывущія въ народѣ подъ названіемъ «каменныхъ бабъ». Подобныя же изваянія встрѣчаются и по всей южной Россіи, гдѣ онѣ поставлены, по мнѣнію Эйхвальда, вѣроятно, въ болѣе позднее время. Какъ самые курганы, такъ и отрываемыя здѣсь серебряныя и золотыя вещи, а также барельефы на чашахъ, вазахъ и амулетахъ, и до сихъ поръ носимыхъ на груди потомка Чуди — эста; наконецъ, самые скелеты, отрываемые въ могилахъ, — все это, несомнѣнно, чудскаго происхожденія. Изъ археологическихъ изысканій ясно, что здѣсь именно въ мѣстности отъ Алтайскихъ и Саянскихъ вплоть до Уральскихъ горъ впервые получило осѣдлость финское племя — Чудь и еще въ глубокой древности достигло высокаго культурнаго развитія.

Digitized by Google

Изъ этой мѣстности различныя чудскія племена, вѣроятно стѣсняемыя сосѣдними народами турко-татарскаго племени, должны были направиться къ западу въ предѣлы Европейской Россіи. О самомъ фактѣ переселенія, равно какъ объ его причинахъ—прямыхъ указаній не существуетъ. Одно лѣтописное китайское сказаніе, правда, говоритъ, что блѣднорусый народъ, по имени Узунъ, который этнографы принимаютъ за финновъ, сначала поселился по верховьямъ рѣкъ Оби и Енисея вплоть до Байкальскаго озера, а потомъ былъ вытѣсненъ изъ мѣста своего жительства въ Киргизскую степь. Поселившись здѣсь около озера Балкаша, Узунъ снова укрѣпился подъ управленіемъ своихъ князей. Въ IV-мъ вѣкѣ по Р. Х., вѣроятно, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ одна часть Узунъ должна была перекочевать къ Иртышу, а другая осталась на р. Сыръ-Дарьѣ. Есть и другія, болѣе или менѣе баснословныя сказанія о переселеніяхъ этихъ племенъ... Такъ или иначе, но нельзя думать, чтобы переселеніе многочисленныхъ финскихъ племенъ, укрѣпившихся въ изобильной природными богатствами странѣ и достигшихъ своего высокаго культурнаго развитія, могло совершиться добровольно. Всего вѣроятнѣе, что только послѣ долгихъ стѣсненій и безуспѣшной борьбы эти народы согласились промѣнять свои богатыя земли на дикія и пустынныя мѣста тогдашней средней и сѣверной Россіи, гдѣ они и одичали. Полагаютъ, что первыми вышли ливы, за ними двинулись эсты, занявшіе берега восточной Балтики. Далѣе выступила Водь, которая достигла береговъ Камы и Вятки въ то время, когда Эсты уже дошли до Балтійскаго прибрежья. За Водью двинулись и остальныя финскія племена, «заднія тѣсня переднихъ»: Весь, Меря, Мари, Мурома и др.

Памятниками этого великаго переселенія Чудскаго племени могутъ служить многія мѣстныя названія, указывающія на происхожденіе отъ Чуди. Такъ, въ пермской губерніи считается четыре такихъ селенія: село Чудово въ камышловскомъ уѣздѣ, Чудиново, Чудское и деревня Чудиновская въ оханскомъ уѣздѣ; въ оренбургской губерніи—село Чудиново челябинскаго уѣзда и т. д. Всѣхъ мѣстъ съ подобными названіями, означающими направленіе переселенія Чуди, извѣстно 36, по Яновскому. Кромѣ того, Риттихомъ указаны еще два поселенія въ казанской губерніи и мнѣ извѣстно два такихъ поселенія съ названіемъ Чудиновка въ вятской губерніи, такъ что всѣхъ поселеній съ чудскимъ названіемъ существуетъ, по настоящимъ свѣдѣніямъ, около 40 въ 20 губерніяхъ.

Digitized by Google

Мѣстности, въ которыхъ остались селенія съ сохранившимися чудскими названіями, располагаются, какъ легко можно замѣтить, по двумъ главнымъ направленіямъ—одно на сѣверо-западъ, куда входятъ губерніи: оренбургская, пермская, вятская, казанская, вологодская, костромская, нижегородская, ярославская, владимірская, московская, тверская и новгородская, другое направленіе — юго-западное, куда входятъ остальныя восемь губерній — пензенская, орловская, тамбовская, кіевская, полтавская, могилевская, волынская и подольская. По первому направленію, какъ можно думать, прошли: ливы, эсты, водь, черемисы, весь, мурома и другія финскія племена, населяющія сѣверную Россію; по второму вѣроятно — мадьяры, аланы, готы и мордва. Такимъ образомъ финны, выселившись со склоновъ Алтая, заняли первоначально среднюю и южную Россію и оставались здѣсь, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока славяне, двигавшіеся въ сѣверномъ направленіи, не отодвинули ихъ дальше къ сѣверу. Но если такимъ образомъ давать вѣроятіе предположенію, что финскія племена прежде всего заняли среднюю и южную Россію, то является вопросъ: гдѣ же, такъ сказать, вещественныя доказательства существованія Чуди на югѣ Россіи, кромѣ указанныхъ мѣстныхъ названій, т.-е. возможно ли найти подтвержденіе существованія здѣсь Чуди въ археологическихъ изысканіяхъ? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ важныя изслѣдованія Эйхвальда о древней географіи южной Россіи: онъ говоритъ, что Чудь и Скиѳовъ, судя по мѣстожительству и названію (Scythae, Thuidi), слѣдуетъ принять за одинъ и тотъ же народъ. Такимъ образомъ всѣ тѣ безчисленныя археологическія древности южной Россіи, какъ могилы, курганы и каменныя бабы съ чашами, постройка которыхъ приписывается Скиѳамъ, могутъ считаться памятниками одного великаго племени—Чуди.

Водь или вотяки, какъ одна изъ отраслей этого племени, вышла, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ другими финскими народами изъ той же при-Алтайской мѣстности, причемъ одна часть Води, вѣроятно, вышедшая изъ своей родины вслѣдъ за ливами, направилась до нынѣшней петербургской и новгородской губерній, гдѣ и теперь осталась весьма незначительная часть ея въ Ямбургскомъ уѣздѣ (Вотская Пятина); другая же часть Води, выселившаяся, какъ можно думать, гораздо позднѣе, дошла до Прикаспійской степи и здѣсь поселилась преимущественно по рѣкѣ Кумѣ, откуда она уже позднѣе должна была переселиться сѣвернѣе въ предѣлы нынѣшней казанской и вятской губерній. Еще въ прошломъ столѣтіи, въ 1735 году, академикъ Миллеръ, путе-

Digitized by Google

шествуя по Сибири, открылъ слѣды «аринцевъ» или вотяковъ въ красноуфимскомъ уѣздѣ, о которыхъ упоминаетъ и Страленбергъ. Миллеръ встрѣтилъ здѣсь единственнаго старика—Аринца, пережившаго свое племя. Послѣдній говорилъ еще на своемъ аринскомъ языкѣ и сообщилъ, между прочимъ, что именемъ ари прозвали ихъ сосѣди—татары [1]) и что предки его жили нѣкогда къ западу отъ р. Енисея, отъ устья р. Кача до пороговъ, которые въ настоящее время служатъ рубежомъ между енисейскимъ и красноуфимскимъ уѣздами. Со словъ того же старика записано Миллеромъ цѣлое сказаніе объ изгнаніи аринскаго народа изъ своей родины змѣями, подъ которыми слѣдуетъ понимать, конечно, враговъ-пришельцевъ. Такую странную форму могло принять народное сказаніе, вѣроятно, потому, какъ думаетъ Эйхвальдъ, что еще и теперь въ богатыхъ мѣстностяхъ при-Алтайской страны змѣи составляютъ настоящій бичъ для мѣстныхъ жителей. При копаніи шахтъ, напримѣръ, часто приходится нанимать работниковъ сначала только для очищенія мѣстности отъ змѣй (отсюда названіе Змѣиногорскаго рудника). Вѣроятно ари-вотяки точно также, какъ и всѣ чудскія племена, должны были покинуть свои поселенія въ этой мѣстности и двинуться далеко на западъ вслѣдствіе стѣсненія или нападенія со стороны сосѣднихъ народовъ монголо-татарскаго происхожденія. Сами вотяки называли себя Удъ или Одъ-Муртъ. Удъ или Одъ есть собственное имя, а муртъ есть имя нарицательное—значитъ человѣкъ. Называя себя Удъ-Муртъ, вотяки говорятъ аналогично съ нашимъ выраженіемъ: «русскій человѣкъ» [2]). Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили вотяки, мы встрѣчаемъ множество рѣкъ, озеръ и селеній съ названіемъ «Удъ»: напр. Верхнеудинскъ, Нижнеудинскъ, Новоудинскъ и Усть-удинское селеніе балаганскаго уѣзда; р. Уда, впадающая въ Селенгу и пр. Во времена Страбона эти Уды или Utii жили уже преимущественно по теченію р. Кумы, отчего эта рѣка въ древности и носила названіе Удъ-донъ (Эйхвальдъ). Что же касается направленія выселенія Удовъ къ сѣверу, то можно думать съ большою вѣроятностію, что оно совершилось водою

---

[1]) Въ переводѣ съ татарскаго *ари* значитъ шершень или пчела, что показываетъ, что вотяки и на своей родинѣ въ Азіи были еще усердными пчеловодами. Интересно, что татары и до сихъ поръ называютъ вотяковъ—ари.

[2]) По Кастрену названіе Удъ, Вудъ, какъ часто произносится, происходитъ отъ вотскаго слова „Ву“ или вѣроятно первоначально „Вут“, что значитъ вода, а такъ какъ вотяки сами называютъ себя Удъ-Муртъ, то это названіе и означаетъ просто-на-просто „народъ при водѣ“. Магазинъ землевѣд. и путеш., изд. Фролова, т. VI, ч. 2-я. Путешествіе Кастрена въ Сибирь.

Digitized by Google

по рр. Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ, такъ какъ этотъ путь представляется всего естественнѣе; при томъ же на этомъ пути мы встрѣчаемъ прямые слѣды переселенія вотяковъ въ видѣ остатковъ вотскихъ поселеній. Несомнѣнно, что при переселеніи народа, который ищетъ новыхъ и лучшихъ мѣстъ для жительства, нѣкоторые члены его, двигаемые тѣмъ или другимъ чувствомъ, напр. обольщенные привольемъ мѣста, могли отстать отъ всей массы и выбрать мѣсто для своего поселенія гдѣ-нибудь на пути, что, вѣроятно, случилось и съ вотяками. Такъ, мы встрѣчаемъ вотяковъ въ самарской губерніи въ бугульминскомъ уѣздѣ числомъ до 1500, незначительное число въ уфимской губерніи и до 10 тыс. въ казанскомъ и мамадышскомъ уѣздахъ. Самая же главная масса вотяковъ поселилась по верхнему теченію р. Вятки и ея притокамъ въ предѣлахъ нынѣшней вятской губерніи, откуда уже гораздо позднѣе они были отѣснены черемисами и новгородскими славянами нѣсколько дальше къ востоку, даже въ предѣлы пермской губерніи (осинскій уѣздъ).

Съ переселеніемъ въ страну вятскую, вотяки пришли въ столкновеніе съ черемисами.

Тѣснимая со стороны своихъ дикихъ сосѣдей, Воть должна была отодвигаться все дальше и дальше къ сѣверо-востоку, ища себѣ убѣжища въ глухихъ и болотистыхъ мѣстахъ. Здѣсь вотяки навсегда уже теряютъ то значеніе, которое когда-то имѣли въ средѣ другихъ народовъ: торговыя отношенія ихъ совершенно прекратились и сами они съ этихъ поръ превращаются въ жалкихъ дикарей. Жилищами имъ стали служить легкіе шалаши изъ жердей. Въ этихъ шалашахъ были лавки и нары, оконъ не было, полъ замѣняла земля, а потолкомъ служила крыша изъ жердей, покрытая сверху дранью, древесными листьями и хворостомъ для защиты отъ дождя. По срединѣ раскладывался костеръ, на которомъ варилась и коптилась пища; здѣсь же приносились жертвы богамъ. Характеръ такихъ жилищъ и теперь еще сохранился у вотяковъ въ тѣхъ чумахъ или лѣтнихъ жилищахъ, о которыхъ мы скажемъ подробнѣе ниже. Эти чумы, квала повотски, существуютъ у каждаго вотяка и служатъ помѣщеніемъ для него во время лѣта. Со времени переселенія въ страну вятскую они вѣроятно вели бродячій образъ жизни. Можно сказать, что и до сихъ поръ они не достигли прочной осѣдлости. Если вотякамъ почему-либо не понравится ихъ мѣсто, они тотчасъ задумываютъ планъ переселенія всей деревни. Бывали случаи, когда вотяки оставляли свои избы другимъ, а сами уходили искать себѣ новаго мѣста для поселенія. Въ настоящее время случается не-

Digitized by Google

рѣдко, что когда въ вотскихъ деревняхъ, особенно стоящихъ по большимъ дорогамъ, начинаютъ селиться русскіе, вотяки оставляютъ свои жилища для пришельцевъ, а сами выселяются въ глушь, въ лѣса, расчищаютъ ихъ и живутъ своимъ порядкомъ, избѣгая такимъ образомъ общенія съ русскими. Вслѣдствіе этого у вотяковъ новыя деревни или починки (по мѣстному названію) быстро увеличиваются въ числѣ. Вслѣдствіе той же легкости переселенія вотскія деревни никогда не представляютъ такихъ громадныхъ поселеній, какъ у татаръ, несмотря на то, что вотяки, какъ и татары, живутъ между собою очень дружно и не имѣютъ родового раздѣла, что́ должно бы много способствовать скучиванію селенія.

Въ вятской губерніи по берегамъ р. Камы, Вятки, Чепцы и многочисленныхъ ихъ притоковъ встрѣчаются остатки древнихъ построекъ, имѣющихъ видъ укрѣпленій и называемыхъ въ народѣ «чортовыми городищами». Всѣхъ такихъ построекъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ вятскомъ статистическомъ комитетѣ [1]), въ предѣлахъ вятской губерніи числится до 50. «Чортовы городища» встрѣчаются почти исключительно на высокихъ пунктахъ побережій, что́ придаетъ имъ характеръ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ или сторожевыхъ постовъ. Форма и величина этихъ городищъ бываютъ различны; бо́льшею частію они съ двухъ или трехъ сторонъ защищены естественными препятствіями, напр. глубокими оврагами или крутыми спусками къ рѣкѣ, а съ остальныхъ сторонъ тянутся искусственные земляные валы или насыпи. Не рѣшено еще достовѣрно, кому принадлежатъ эти постройки. Можетъ быть, что одна часть ихъ принадлежала черемисамъ, имѣвшимъ очень рано княжеское управленіе и болѣе или менѣе окрѣпшій бытъ, а другая составляла, можетъ быть, постройки позднѣйшихъ новгородскихъ пришельцевъ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія приписывать эти постройки вотякамъ, у которыхъ къ тому времени не могло сложиться еще прочнаго общественнаго благоустройства. Все племя дѣлилось на множество родовъ, управляемыхъ родоначальниками, какъ старшими въ родѣ,—послѣднимъ принадлежало рѣшительное право голоса въ семейныхъ дѣлахъ и право домашней жертвы. Начальниковъ общихъ цѣлому племени или болѣе или менѣе значительной части его вотяки никогда не имѣли; а въ дѣлахъ, касавшихся цѣлаго племени, собирались обыкновенно одни родоначальники на совѣщаніе и рѣшеніе ихъ имѣло обязательную

[1]) См. отчетъ вятскаго статистическаго комитета за 1874 годъ.

Digitized by Google

силу для всѣхъ родовъ, представители которыхъ участвовали на совѣщаніи. До сихъ поръ деревни вотяковъ сохраняютъ, кромѣ собственныхъ названій, еще общія, принадлежащія цѣлому околотку деревень, указывающія на происхожденіе ихъ отъ этого общаго имъ всѣмъ рода (Зунъ-шудзи, Будзимулъ-шудзи, Нерсы-шудзи и т. д.). На общественныхъ собраніяхъ вотяковъ всегда (какъ и теперь) играли одну изъ самыхъ видныхъ ролей жрецы или коштаны. Они пользовались непоколебимымъ общественнымъ уваженіемъ и часто вліяли даже на семейныя дѣла вотяковъ. До сихъ поръ коштаны руководятъ общественнымъ мнѣніемъ вотяковъ и вотякъ во всѣхъ затруднительныхъ дѣлахъ своей жизни призываетъ къ себѣ коштана для совѣта и указанія. Можно съ большой вѣроятностью сказать, что у нихъ существовалъ общинный бракъ, изъ котораго развился впослѣдствіи бракъ при помощи умычки или похищенія невѣсть изъ чужого рода или общины).

У нѣкоторыхъ языческихъ вотяковъ малмыжскаго и елабужскаго уѣздовъ сохранился еще обычай доставлять временно своихъ женъ дорогому гостю. Извѣстный антропологъ Лёббокъ, находя подобный обычай у многихъ дикихъ племенъ, замѣчаетъ, что «повидимому этимъ обычаемъ признается извѣстное право за каждымъ членомъ общины и за посѣтителемъ ея, какъ временнымъ членомъ», и считаетъ этотъ обычай остаткомъ общиннаго брака [1]). До сихъ поръ еще у вотяковъ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстностей существуетъ дѣтская игра въ жены, которую встрѣчаютъ также въ обычаяхъ нѣкоторыхъ дикихъ племенъ. Только у вотяковъ игра эта не всегда дѣтская. Она состоитъ въ томъ, что собираются нѣсколько парней и дѣвушекъ и раздѣляются по-парно. Каждый парень въ правѣ для себя выбрать такую дѣвушку, которая болѣе ему нравится, причемъ дѣло не всегда обходится безъ ссоры или даже драки. Раздѣлившись такимъ образомъ на пары, молодые парни съ дѣвушками расходятся въ разныя стороны и стараются обыкновенно скрыться въ темныхъ мѣстахъ. Послѣ того «женины пары» (по мѣстному выраженію, т.-е. семейныя) снова сходятся и приступаютъ къ продолженію игры. Эту странную игру мы встрѣтили въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ глазовскаго уѣзда и, какъ намъ передавали, она существуетъ еще у вотяковъ пермскихъ, въ осинскомъ уѣздѣ; въ другихъ же мѣстахъ, насколько намъ извѣстно, она нигдѣ не сохранилась. Но вездѣ вотяцкія дѣвушки не отличают-

[1]) Начало цивилизаціи, пер. Коронч. стр. 92.

Digitized by Google

ся строгой нравственностью; напротивъ, каждая дѣвушка съ 13—14 лѣтъ уже свободно гуляетъ съ парнями, ни мало не вызывая такимъ поведеніемъ упрека со стороны старшихъ. Съ другой стороны, умычка сохранилась до сихъ поръ почти во всей своей цѣлости. Между вотяками донынѣ очень распространенъ обычай брать себѣ невѣсту чрезъ насильственное похищеніе изъ другой деревни, или, по-крайней мѣрѣ, изъ другого рода (каждый родъ имѣетъ у вотяковъ особые фамильные знаки,—пудомпусъ, по вотяцки). Что указанные обычаи вотяковъ не зависѣли отъ позднѣйшей деморализаціи, это можно видѣть изъ того факта, что вотячки, державшіяся въ дѣвушкахъ очень свободныхъ обычаевъ, съ выходомъ замужъ становятся самыми строгими исполнительницами супружескихъ обязанностей. Многимъ, описывавшимъ нравы вотяковъ, фактъ этотъ всегда казался страннымъ и трудно объяснимымъ; онъ объясняется, если видѣть здѣсь сохраняющіеся остатки общепризнаваемаго обычая. Въ общинномъ бракѣ всѣ женщины по праву принадлежали каждому мужчинѣ, какъ члену извѣстной общины, а коль скоро женщина пріобрѣтается мужчиной чрезъ похищеніе изъ другого племени, то она такимъ образомъ безъ нарушенія правъ общины считается собственностью своего похитителя. Такъ и донынѣ для вотячки-дѣвицы вольное поведеніе не считается позорнымъ, съ выходомъ же ея замужъ, она принадлежитъ одному только мужчинѣ — своему обладателю.

Съ переселенія въ вятскую страну въ жизни вотяковъ можно видѣть сильный упадокъ относительно ихъ прежняго высокаго культурнаго развитія—съ этимъ вмѣстѣ вотяки теряютъ свою племенную независимость, подвергаясь вскорѣ, какъ мы видѣли, подчиненію со стороны черемисъ, а позднѣе того, въ XII вѣкѣ, оба эти народа были покорены новгородцами.

Отношенія побѣдителей новгородцевъ къ туземцамъ — черемисамъ и вотякамъ—оставались долгое время враждебными, что много способствовало позднѣйшему отчужденію этихъ инородцевъ отъ русскихъ.

Съ покореніемъ царемъ Иваномъ III страны вятской московскому владычеству, это отчужденіе не прекратилось, какъ можно видѣть по грамотамъ Ивана III, подтвержденнымъ впослѣдствіи Иваномъ и Петромъ Алексѣевичами особенными грамотами къ вятскому воеводѣ Собакину. По этимъ послѣднимъ грамотамъ, относящимся къ 1686 году, верхочепецкіе и каринскіе вотяки составляютъ особыя общества и имѣютъ свой судъ и расправу, платятъ валовой оброкъ, не раздѣляютъ вполнѣ съ русскими по-

Digitized by Google

винностей и пр. и подчиняются каринскимъ татарскимъ князьямъ [1]). Подчиненіе татарамъ вотяки, какъ извѣстно, считали особою милостью со стороны московскихъ государей — фактъ, не говорящій въ пользу хорошаго управленія страной вятской. Впослѣдствіи Петръ Великій имѣлъ мысль объединить вотяковъ съ русскими, подчинивъ ихъ одному общему управленію и уничтоживъ прежнія льготныя грамоты; но дурная администрація много мѣшала осуществленію его плана.

Распространеніе христіанства, конечно, могло бы скорѣе всего сблизить вотяковъ съ русскими, но оно задержалось почти до настоящаго столѣтія. Причины такого страннаго факта сводятся къ слѣдующимъ главнымъ: во-первыхъ, вятская область въ продолженіи 400 лѣтъ со времени подчиненія ея власти московскихъ государей не имѣла ни одного монастыря и въ продолженіи 477 лѣтъ не имѣла своего мѣстнаго епископа; во-вторыхъ, она была удалена отъ древнихъ святительскихъ каѳедръ — новгородской, кіевской и ростовской и отдѣлена отъ нихъ болотами и лѣсами, что́ не только мѣшало распространенію христіанства въ странѣ вятской между инородцами, но помогало также деморализаціи и тѣхъ немногихъ исповѣдниковъ христіанства, которые явились первыми обладателями вятской земли. Такъ еще около 1456 года Іона митрополитъ кіевскій обличалъ вятчанъ въ томъ, что многіе изъ нихъ незаконно съ женами живутъ, другіе имѣютъ по три, по четыре и даже по 10 браковъ, что священники преданы пьянству и нисколько не заботятся о своей паствѣ. Въ другомъ своемъ посланіи, относящемся къ 1452 году, тотъ же митрополитъ упрекаетъ вятчанъ въ вѣроломствѣ, клятвопреступничествѣ и ужасномъ звѣрствѣ при нападеніи на вотчину великаго князя; а священниковъ обличаетъ въ безнравственномъ поведеніи [2]). Въ томъ же обличалъ вятчанъ и Геронтій, угрожая имъ отлученіемъ отъ православной церкви [3]). Въ 1555 году вятская церковь была подчинена вѣдѣнію казанскихъ архипастырей; но это подчиненіе осталось безъ послѣдствій по отношенію къ распространенію христіанства, такъ какъ условія мѣстности и засѣвшіе на пути черемисы и татары препятствовали частому и болѣе близкому сношенію между Казанью и Вяткою. Въ 1658 году была основана особая вятская и вельско-пермская епархія; но первые три мѣстныхъ епископа не оказали особаго

---

[1]) Акты археографической экспедиціи, IV, 433—435.
[2]) Историч. акты, I, стр. 489—499.
[3]) Историч. акты, I, стр. 141—143.

Digitized by Google

рвенія по распространенію христіанскаго ученія среди инородцевъ. Обращеніе язычниковъ началось только при четвертомъ епископѣ Алексѣѣ. Указомъ Петра Великаго въ 1717 году всѣ вотяки были переписаны по дворамъ, а въ 1722 году и по душамъ; съ этимъ вмѣстѣ вотяки обязывались платить подушную подать и нести рекрутскую повинность. Съ этимъ годомъ совпадаетъ и начало обращенія вотяковъ. Послѣднихъ старались склонять къ христіанству денежными наградами, различными льготами, освобождая на три года отъ податей и повинностей. Но съ одной стороны обиды и стѣсненія, падавшія на новокрещенныхъ отъ ихъ языческихъ единоплеменниковъ [1]), и съ другой — отсутствіе правильной проповѣди дѣлали то, что при Алексѣѣ всѣхъ новокрещеныхъ считалось 95 человѣкъ. При преемникахъ Алексѣя обращеніе язычниковъ въ христіанскую вѣру совершенно забылось и только при епископѣ Веніаминѣ, съ 1739 года, снова возобновилось. Дѣло пошло быстро. Началась правильная проповѣдь, а въ 1740 году послѣдовалъ указъ Анны Іоанновны, по которому льготы новокрещеннымъ подтверждены. По этому указу опредѣлено съ принявшихъ св. крещеніе «въ продолженіи трехъ лѣтъ подушныхъ денегъ и другихъ чрезвычайныхъ поборовъ не брать и опредѣленнаго съ иновѣрцевъ провіанта не спрашивать, а вмѣсто ихъ съ некрещеныхъ»; новокрещеные освобождаются на три года отъ рекрутской повинности и работъ на казенныхъ мѣстахъ. Тѣмъ же указомъ вмѣнялось въ обязанность священнослужителямъ съ крестившихся вотяковъ за вѣнчаніе не брать, а при крещеніи давать вотякамъ мѣдный или серебряный крестъ (смотря по состоянію крестившагося) и снабжать одеждой. Охотниковъ креститься вслѣдствіе этого указа явилось множество, такъ какъ крестившіеся вотяки получали льготу отъ рекрутчины, которой они боялись болѣе всего и старались избѣгать всѣми возможными мѣрами. Въ первый же годъ вотяки приходили креститься сотнями, такъ что въ 1741 году всѣхъ крещеныхъ вотяковъ считалось уже 636, а 14-го іюня того же года начата была постройка первой церкви для крещеныхъ инородцевъ. Съ этого времени дѣлу обращенія вотяковъ было положено болѣе прочное начало, и оно довольно быстро продолжается до нашего времени. Въ настоящее время главная масса вотяковъ крещена; остаются въ язычествѣ 7072, живущихъ въ малмыжскомъ, елабужскомъ и сарапульскомъ уѣздахъ вятской губерніи,

[1]) См. жалобу духовнаго приказа въ 1722 году, хранящуюся въ архивѣ вятской духовной консисторіи.

Digitized by Google

и 3224 въ казанскомъ и мамадышскомъ уѣздахъ; такимъ образомъ, вотяковъ-язычниковъ Европейской Россіи можно считать въ данную минуту не менѣе десяти тысячъ. Именно среди этихъ послѣднихъ, наиболѣе, разумѣется, сохранились нравы, обычаи и преданія самыхъ отдаленныхъ эпохъ; но и принявшіе христіанство далеко не совсѣмъ отстали отъ языческихъ идей и представленій, какъ мы въ томъ убѣдимся изъ послѣдующей картины вотяцкаго быта.

II.

Центромъ современнаго поселенія вотяковъ служитъ юго-восточная часть вятской губерніи, гдѣ вотяки почти сплошною массою заселяютъ части уѣздовъ: глазовскаго, слободскаго, елабужскаго, сарапульскаго, малмыжскаго и уржумскаго. Всѣхъ вотяковъ въ предѣлахъ вятской губерніи считается 262,073 [1]). Кромѣ того, вотяки живутъ въ казанскомъ и мамадышскомъ уѣздахъ казанской губерніи въ числѣ около 9 тыс. человѣкъ; въ осинскомъ уѣздѣ, пермской губерніи, на границѣ съ вятской считалось 2,953 чел., въ бугульминскомъ уѣздѣ самарской губерніи — 1,357 чел., и въ незначительномъ числѣ въ уфимской губерніи. Такимъ образомъ, всѣхъ вотяковъ вмѣстѣ взятыхъ считается 275,000 человѣкъ. Вотяки живутъ бо́льшею частію изолированно, не сближаясь ни съ русскими, ни съ татарами; даже съ своими близкими родичами черемисами не уживаются. Вотяки сами сторонятся отъ своихъ сосѣдей. Если какая-нибудь вотская деревня превращается въ село, куда прибываетъ русскій элементъ, вотяки начинаютъ мало-по-малу выселяться въ болѣе глухія мѣста. Мало также они селятся по большимъ дорогамъ. Мѣста для своего поселенія вотяки выбираютъ красивыя и удобныя — подлѣ рѣчки или ручья и вблизи лѣса, какъ необходимаго мѣста ихъ языческаго культа. Деревни ихъ, обыкновенно небольшія по числу дворовъ, часто раскидываются на большое

---

[1]) По уѣздамъ эта цифра распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Въ глазовскомъ уѣздѣ	мужчинъ	48,651	женщинъ	53,727	обоего пола	102,378
„ сарапульскомъ уѣздѣ . . .	„	31,354	„	32,497	„ „	63,851
„ малмыжскомъ „ . . .	„	22,946	„	25,372	„ „	48,318
„ елабужскомъ „ . . .	„	20,794	„	21,658	„ „	42,452
„ слободскомъ „ . . .	„	2,443	„	2,500	„ „	4,943
„ уржумскомъ „ . . .	„	—	„	—	„ „	131

Отчетъ вятскаго статистическаго комитета за 1872 годъ.

Digitized by Google

пространство вслѣдствіе разбросанности построекъ. Дѣло въ томъ, что при своемъ домѣ вотякъ желаетъ имѣть подъ руками всѣ хозяйственныя постройки и лужокъ для корма скота. При въѣздѣ въ деревню прежде всего поражаетъ нескончаемый, оглушительный лай собакъ-дворняшекъ, которыхъ каждый вотякъ содержитъ не менѣе двухъ-трехъ, а за ними бѣгутъ толпы грязныхъ мальчишекъ, изъ любопытства высовывающихъ свои русыя головки изъ воротъ. Если ихъ любопытство будетъ замѣчено, они быстро убѣгаютъ, чтобы снова украдкой взглянуть изъ другого мѣста. Но болѣе всего бросается въ глаза въ вотскихъ деревняхъ ужасная грязь, крайняя неправильность улицъ и безобразіе постройки избъ. Послѣднія строятся такъ, какъ упало первое бревно; нерѣдко случается, что на улицу изба выходитъ угломъ, или уголъ одной избы упирается въ стѣну другой. Только въ послѣднее время администрація обратила на это обстоятельство строгое вниманіе и новыя деревни начинаютъ строиться болѣе или менѣе правильно, съ прямыми улицами; старыя мало-по-малу выравниваются. Но и теперь еще случается въ глухихъ деревняхъ, что, въѣхавши въ одинъ дворъ, можно бываетъ дворами и закоулками проѣхать всю деревню. Причина такой неправильности построекъ заключается въ слѣдующемъ. Задумавъ постройку дома, вотякъ зоветъ своихъ сосѣдей, угощаетъ ихъ и совѣтуется на счетъ новаго дома. (Безъ совѣта сосѣдей у вотяка не обходится ни одно важное въ его жизни дѣло). На совѣтъ приглашается и вотскій знахарь, туно, который при помощи гаданія указываетъ новое мѣсто для постройки. Какъ знахарь скажетъ, такъ и должно быть. Нарушить указанія туно значитъ — нарушить священный законъ и несоблюденіемъ правила можно навлечь на себя величайшія бѣды и несчастія. Поэтому послѣ гаданія вотякъ обыкновенно старается задобрить угощеніемъ и подарками сельскихъ начальниковъ и употребляетъ всѣ усилія, чтобы ему не помѣшали выстроить избу такъ, какъ сказалъ туно. Иногда деревни строятся такъ, что при каждой избѣ существуетъ подъ рукой и поле. Такимъ образомъ, избы отдѣляются другъ отъ друга засѣяннымъ полемъ и деревня растягивается на громадное протяженіе. Такая форма постройки имѣетъ свои преимущества. Первое то, что у каждаго домохозяина свое поле всегда подъ рукой; второе—гарантія отъ опустошенія деревень пожарами, и третье—бо́льшая возможность поддерживать чистоту улицъ при нескученности построекъ. Крытыхъ дворовъ при вотскихъ деревняхъ или совсѣмъ не бываетъ, или дворъ представляетъ обнесенное жердями пространство безъ всякой крыши въ противоположность

Digitized by Google

дворамъ русскихъ крестьянъ; такая ограда у вотяковъ называется *озборъ*. Дворъ всегда чистый, все лѣто зеленый. Погребовъ, амбаровъ, конюшенъ и хлѣвовъ бо́льшею частію нѣтъ, или это составляетъ нововведеніе русскихъ. Избы вотяковъ грязны и темны. Пильнаго лѣсу здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ постройкахъ вотяковъ, вы никогда не встрѣтите. Почти всѣ избы курныя, одноэтажныя, но онѣ выше избъ русскихъ; низенькія окна, числомъ не болѣе трехъ, обращены бо́льшею частью во дворъ. Одно изъ оконъ, обыкновенно косящатое, другія же волоковыя, т.-е. открываются посредствомъ выдвижной ставни и часто обтянуты бычачьей брюховиной. Причина постройки такихъ оконъ заключается въ ихъ дешевизнѣ, такъ какъ стекла въ этихъ глухихъ мѣстахъ составляютъ рѣдкость; но вѣроятно также на постройку избъ съ волоковыми окнами много вліяла бывшая система пошлинъ, собиравшаяся по числу оконъ и трубъ въ домѣ. Только у зажиточныхъ вотяковъ изба дѣлится сѣнями на двѣ половины: лѣтнюю—бѣлую и зимнюю—черную. Дверь, ведущая изъ сѣней въ черную избу, всегда отворяется внутрь въ отличіе отъ русскихъ; сейчасъ у дверей налѣво битая изъ глины печь, которая служитъ только для печенія хлѣба, отчего и зимой она топится не каждый день. Все же остальное вотякъ предпочитаетъ варить надъ огнемъ. Для этого на шесткѣ у печи устроивается особый горнъ (учоггъ) съ чугуннымъ котелкомъ, повѣшеннымъ на деревянномъ крюкѣ; у зажиточныхъ такихъ котельковъ бываетъ иногда до трехъ. Такъ какъ горшковъ, плошекъ и вообще всякой глиняной посуды вотяки не имѣютъ и жареныя блюда у нихъ не въ обычаѣ, то вся ихъ пища готовится на котелкѣ, словомъ, одинъ котелокъ замѣняетъ вотяку всю кухню. На немъ также варится пиво и грѣется вода. Въ одномъ углу у некрещеныхъ вотяковъ стоитъ обыкновенно лубяной коробъ, въ которомъ хранятся ложки, чашки, ножи, употребляемые для стола у жертвоприношеній. Около стѣнъ избы протянуты нары, на которыя набросаны грязные войлоки, подушки, перины и проч. Въ нарахъ хранятся дорогіе женскіе уборы и одежда. Палатей и полокъ, какъ у русскихъ, въ избѣ вотяковъ никогда не бываетъ; на всю избу поставленъ одинъ стулъ для отца семейства; въ переднемъ углу стоитъ столъ, на которомъ лежитъ, завернутый въ грязную скатертку, хлѣбъ, жбанъ съ квасомъ или сюкасемъ, какъ называютъ его вотяки. Въ этой бѣдной трапезѣ выражается все гостепріимство вотяковъ; достать чего-нибудь другого, напримѣръ, курицу, или другую домашнюю птицу, у нихъ и за деньги трудно; замѣтимъ при этомъ, что вотяки имѣютъ

Digitized by Google

обыкновеніе ежегодно приносить въ жертву домашнихъ животныхъ своему богу и, пока старшій въ семьѣ не исполнитъ этого обряда относительно каждой породы, никто изъ семьи не въ правѣ зарѣзать ни одно домашнее животное. Избы вотяковъ почти никогда не чистятся и не метутся, вслѣдствіе чего въ нихъ грязь, смрадъ и нечистота невообразимые. Во время ненастной погоды грязи въ избѣ бываетъ столько же, сколько и на улицѣ. Смрадъ происходитъ какъ отъ общей нечистоты и постоянно варящейся въ котелкѣ тухлой зайчины, такъ и оттого, что вотяки въ этой же избѣ вѣшаютъ овчины, отъ которыхъ распространяется нестерпимая вонь, зимою же въ избу загоняются на ночь всѣ домашнія животныя, т.-е. коровы, овцы, козы, гуси, утки, куры и проч. Здѣсь, вмѣстѣ со скотомъ, вотяки спятъ на полу въ повалку безъ различія пола и возраста. Вообще нечистоплотность и неопрятность вотяковъ превышаетъ всякое описаніе. Ложки и ножи они моютъ въ той же лохани, надъ которой умываются и изъ которой пьетъ скотина. Вёдра употребляются одни и тѣ же, какъ для носки воды, такъ и для пойла скота; на нихъ же таскаютъ непромытое бѣлье, смоченное зольной водой. Взявъ изъ-подъ лавки чашку, изъ которой собака только-что опорожнила молоко, вотякъ даже не всегда сполоснетъ ее своими помоями изъ лохани и преспокойно ставитъ на столъ для собственнаго употребленія. Вообще вкусъ вотяка неразборчивъ до невѣроятности.

Изъ предметовъ пищи ячная каша (джукъ), приправленная кускомъ сала, почитается за особенное лакомство. Для этой каши они обыкновенно вываривaютъ гуся, утку, а чаще мясо зайчины или бѣлки, не рѣдко протухлой, кусками обкладывая по краямъ чашки съ кашей. Къ любимымъ кушаньямъ принадлежатъ также толстыя лепешки изъ яровой муки или табань, которыя ѣдятъ съ масломъ или битымъ молокомъ—арьянъ [1]); табань вотяки также ѣдятъ съ солеными грибами, запивая медомъ или кумышкой. Вареный заяцъ или бѣлка, а по большимъ праздникамъ сушеный или копченый гусь, обыкновенно истертый въ порошокъ, составляютъ лучшія блюда вотяковъ. Хлѣбъ пекутъ изъ ржаной или овсяной муки; съ зольнымъ непріятнымъ вкусомъ затхлый и прѣсный хлѣбъ этотъ выходитъ у нихъ всегда недопёкой, такъ что сильно липнетъ къ нёбу и зубамъ. Въ будни и во время постовъ, которые крещеными вотяками соблюдаются очень строго, имъ служатъ пищею: горохъ, чечевица, гороховые и рѣпные

[1]) Арьянъ приготовляютъ изъ замороженнаго прѣснаго молока: ледъ скребутъ и взбиваютъ, отчего получается масса, похожая на густыя сливки.

Digitized by Google

пироги, капуста, огурцы и картофель. Изъ грибовъ вотяки большіе охотники до груздей, которыми они запасаются въ урожайные годы на всю зиму. Грузди обыкновенно солятъ и въ такомъ видѣ, какъ лакомство, употребляютъ только по праздникамъ и въ случаѣ прибытія дорогого гостя, котораго всегда стараются накормить ими до отвалу. Самой же обыкновенной пищей во время поста и въ будни служитъ ячменная мука, размѣшанная въ квасу (сезь-пы́зъ). Сыръ, приготовленный изъ створоженнаго молока, служитъ всегдашнимъ угощеніемъ родильницъ, когда по вотскому обычаю ходятъ къ ней съ поздравленіями (сейонéнъ). Кромѣ того, вотяки ѣдятъ охотно мясо мелкихъ птицъ: воробьевъ, синицъ, клестовъ и т. п.

Въ лѣтнее время вотяки не живутъ въ своихъ избахъ, а переселяются въ чумъ (куали): это—холодное строеніе безъ потолка, полъ въ немъ замѣняетъ земля; по стѣнамъ нары и лавки. По срединѣ чума всегда курится костеръ; надъ нимъ на деревянномъ крючкѣ повѣшенъ тотъ же котелокъ, который и здѣсь играетъ роль кухни. Свѣтъ проникаетъ въ чумъ черезъ дверь и особое отверстіе въ крышѣ надъ костромъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и для пропуска дыма. Въ этомъ чумѣ, особенно во время сильнаго вѣтра, дымъ такъ сгущается, что въ немъ можно просто задохнуться, между тѣмъ, вотская семья спокойно располагается вокругъ костра, какъ будто дымъ доставляетъ ей наслажденіе. Чумъ для вотяка-язычника служитъ также и священнымъ мѣстомъ: въ немъ приносятся домашнія жертвы и совершаются моленія, поэтому вотякъ-язычникъ изъ боязни осквернения неохотно пускаетъ въ свой чумъ русскаго. Кромѣ чума, вотяки имѣютъ на своемъ дворѣ еще особыя двухъ-этажныя лѣтнія помѣщенія (юкенóсь), въ нижнемъ этажѣ которыхъ хранится хлѣбъ и всякая рухлядь, а верхній этажъ (азбаръ-кенóсь) служитъ также для лѣтняго помѣщенія семьи. Это помѣщеніе,—азбаръ-кенóсь, раздѣлено на отдѣльныя маленькія комнатки съ нарами (каркасъ-кенóсь) для каждой брачной пары, гдѣ супруги хранятъ свое добро и куда безъ ихъ позволенія никто не можетъ войти. У вотяковъ, какъ мы упоминали выше, не существуетъ родового раздѣла, поэтому если женится сынъ, то ему строится только особая клѣть на дворѣ. Въ томъ только случаѣ, когда на дворѣ не находится мѣста, женатый сынъ устроиваетъ особый дворъ, но всегда недалеко отъ своего семейства. Вслѣдствіе этого, число членовъ вотяцкой семьи всегда велико — не рѣдко человѣкъ до двадцати и болѣе.

Многіе вотяки на лѣто предпочитаютъ удаляться въ лѣсъ съ

Digitized by Google

своими семьями, гдѣ устроиваютъ обыкновенно изъ циновокъ и рѣдко изъ холста временныя постройки въ формѣ шалашей или палатокъ. Эти шалаши, у которыхъ постоянно дымятся костры, даютъ впечатлѣніе цыганскаго табора, только нѣтъ здѣсь ни лошадей, ни повозокъ, не раздается звонкихъ пѣсенъ, нѣтъ живыхъ плясокъ.

Наружность вотяка мало привлекательна и носитъ на себѣ отпечатокъ безсилія. Въ сравненіи съ русскими и татарами, вотякъ роста ниже средняго, тѣлосложенія слабаго, худъ и невзраченъ на видъ, сутуловатъ и съ кривыми ногами. Цвѣтъ лица желтый, смуглый, волоса чаще рыжіе или русые (черныхъ почти не встрѣчается), жосткіе, безъ блеска и всегда нечесаные. Вотякъ подстригаетъ свои волосы или на русскій манеръ — кругомъ головы, или стригаетъ до-гладка. Голова почти всегда неправильно угловатая; глаза маленькіе, съ узкимъ разрѣзомъ, тусклы и безжизненны, по бо́льшей части — голубые или свѣтло-сѣрые, иногда каріе, и конечно, отъ дыма и нечистоты постоянно гноятся, что̀ производитъ сильное безобразіе. Лобъ вотяка невысокій, нѣсколько опрокинутъ назадъ; носъ немного приплюснутый, съ низкимъ переносьемъ; ротъ большой; губы, изъ-за которыхъ выставляется бѣлый рядъ зубовъ, всегда покрыты бѣловатою слюною, — можетъ быть, отъ большого употребленія грубаго табаку. Щеки впалыя; височныя кости выпуклы; подбородокъ острый; борода всегда маленькая и рѣдкая, рыжеватая; усовъ или нѣтъ, или очень маленькіе. Туловище и ноги тощія, стопа не велика. Вообще въ физіономіи вотяка мало привлекательности. Нельзя найти на лицѣ его выраженія ума, симпатіи, не замѣтно веселости и игривости; красоты никогда не встрѣчается. Напротивъ, отпечатокъ тупости въ умственномъ отношеніи, вялости и флегматичности въ движеніяхъ, скрытности и хитрости въ характерѣ рѣзко проглядываетъ въ наружности вотяка. Походка сутуловатая, медленная; во всѣхъ движеніяхъ замѣтна неповоротливость и лѣность; въ дѣйствіяхъ же незамѣтно той смѣтливости, которой можетъ похвастаться русскій человѣкъ.

Женщины еще некрасивѣе, грубѣе и неопрятнѣе мужчинъ. Онѣ въ большинствѣ случаевъ имѣютъ рыжій цвѣтъ волосъ, широкое лицо, голубые глаза, большой ротъ и носъ съ низкимъ переносьемъ; груди и животъ полны. Въ старости вотячки совсѣмъ безобразны отъ свойственной имъ въ этомъ возрастѣ характерной желтизны.

Костюмъ вотяка простъ и незатѣйливъ, и много напоминаетъ собою одежду русскаго мужика. Отличительный цвѣтъ одежды

Digitized by Google

вотяковъ — бѣлый или сѣрый. Вотяки какъ-будто имѣютъ пристрастіе къ этимъ цвѣтамъ, разнообразя ихъ исключительно однимъ краснымъ цвѣтомъ. Въ лѣтнее время вотяки носятъ длинную бѣлую холщевую рубашку, поверхъ которой надѣваютъ сѣрый портяной или холщевой кафтанъ, или шабуръ (дукѣсъ), съ гладкими спинками, безъ воротника, и бѣлые панталоны; воротъ, подолъ и прорѣзь на груди рубашки обшиваются тесьмою багрово-краснаго цвѣта, въ перемежку съ бѣлыми нитками. Рубашка опоясывается плетенымъ изъ нитокъ или шерсти поясомъ, а кафтанъ, опускающійся до колѣнъ, — широкимъ кожанымъ ремнемъ, къ которому вотякъ привѣшиваетъ почти весь необходимый рабочій инвентарь — ножъ, топоръ, кожаный кисетъ съ кремнемъ, огнивомъ, табакомъ и трубкой, и пр. Голова покрывается черной шляпой съ небольшими полями или вовсе безъ нихъ, въ формѣ суконнаго колпака, много напоминающаго отрѣзанный рукавъ. На ноги надѣваютъ легкіе остроконечные лапти, которые плетутся нѣсколько иначе, чѣмъ у русскихъ (форма ихъ приближается къ сапогу съ острымъ носкомъ). Голени обвертываютъ въ нѣсколько разъ черными холстинами. Замѣчательно, что вотяки обращаютъ много вниманія на чистоту своихъ ногъ и обуви, въ противоположность одеждѣ. Зимой вотяки надѣваютъ подъ шабуръ овчинный полушубокъ; но мнѣ нерѣдко случалось видать вотяка, отправляющагося въ лѣсъ во время сильныхъ вьюгъ и трескучихъ морозовъ въ одномъ лѣтнемъ шабурѣ, подвязаннаго вокругъ шеи грязнымъ и дырявымъ лоскутомъ. Костюмъ женщинъ представляетъ болѣе оригинальнаго, сравнительно съ мужскимъ, такъ какъ въ ихъ одежду, кромѣ разнообразныхъ тканей, входятъ еще украшенія изъ металлическихъ вещей. Вотячки носятъ бѣлую, конопляную, имѣющую видъ мѣшка, рубашку (дерѣмъ), съ обшитыми красной тесьмой воротомъ и подоломъ; къ ней иногда еще пристегиваютъ передникъ ярко-краснаго цвѣта, вышитый разными рисунками. Особенность эта, встрѣчающаяся по преимуществу въ казанской губерніи, вѣроятно, заимствована отъ татаръ.

Снизу дерѣмъ вотячки носятъ панталоны изъ конопляной холстины. Сверху рубашки надѣваютъ короткій кафтанъ-безрукавку (шотъ-дерѣмъ) синяго цвѣта, съ множествомъ сборовъ на спинѣ. Головной уборъ женщинъ состоитъ изъ айшдна, напоминающаго формой русскій кокошникъ, но гораздо выше послѣдняго и не покрывается фатой. Въ основаніи айшдна лежитъ особая цилиндрическая коробка изъ бересты, обтянутая сукномъ или ситцемъ. Спереди айшднъ украшается серебряными деньгами,

Digitized by Google

нанизанными на подобіе чешуи, покрывающей весь лобъ. Надъ чешуей придѣланы къ основанію айшóна деревянныя дужки, обтянутыя также сукномъ или ситцемъ, вслѣдствіе чего высота айшона достигаетъ иногда трехъ четвертей аршина. Съ дужекъ висятъ разноцвѣтныя ленты и кисти. Все это еще покрывается большимъ, вышитымъ шерстями, холщевымъ платкомъ такимъ образомъ, что средина одного края прикладывается къ темени, а средина другого спускается на спину до пояса, въ формѣ покрывала. Изъ-подъ платка часто торчатъ двѣ косы, на которыхъ привѣшены крупныя серебряныя деньги; болѣе же пожилыя вотячки обыкновенно собираютъ косы напередъ, закрывая ими почти весь лобъ, и концы на вискахъ завиваютъ въ букли. На грудь надѣвается родъ ожерелья (чертеныш); это — широкая суконная или холщевая лента, сплошь нанизанная серебряными старинными монетами, или же разноцвѣтными стеклянными бусами. Кромѣ этого широкаго ожерелья навѣшивается на грудь много еще другихъ пронизокъ (комали), спускающихся съ плечъ полукругомъ. Въ уши продѣваютъ изъ желѣзной проволоки кольца на подобіе серегъ (иги), отъ которыхъ спускаются до пояса нитки, нанизанныя нерѣдко крупными монетами, старинными рублевиками и полтинниками, числомъ иногда больше двадцати. Отъ такой тяжести, отверстія въ ушахъ и самыя мочки безобразно растягиваются. На руки вотячки надѣваютъ жестяныя или серебряныя изъ монетъ запястья (поскéсъ) или бусы, надѣтыя на ленту (кивéсъ [1])).

Въ будни женщины обыкновенно не носятъ айшóна, а покрываютъ свою голову большимъ платкомъ, обшитымъ бахромой, повязывая его точно такимъ же образомъ, какъ и сверху айшóна. Въ праздникъ же всѣ женщины обыкновенно щеголяютъ во всемъ лучшемъ и дорогомъ; особенно же заботятся онѣ насчетъ своего головного убора. Вообще слѣдуетъ сказать, что костюмъ женщинъ очень опрятенъ, всегда чистъ. Костюмъ дѣвушекъ почти тотъ же, что и у женщинъ, съ такими же на груди

[1]) Вообще старинныя монеты составляютъ самую дорогую и любимую вещь въ костюмѣ вотячекъ. Между деньгами очень часто встрѣчаются копѣйки московскихъ государей, отъ Ивана Васильевича до Алексѣя Михайловича; но мнѣ нерѣдко удавалось видѣть и болѣе старыя, новгородскія деньги, такъ-называемыя „бѣлыи лобки“ или „кони“—на вотскомъ языкѣ. По всей вѣроятности, русскія монеты вотякамъ были извѣстны съ самыхъ древнихъ временъ, когда русская гривна равнялась фунту серебра; по старому обычаю фунтъ у вотяковъ донынѣ называется гривенкой. Серебряныя старинныя деньги вотяковъ имѣютъ большую цѣнность; въ расходъ онѣ никогда не употребляются, а составляютъ наслѣдственное богатство каждаго семейства.

Digitized by Google

монетами и побрякушками; здѣсь тѣ же чертекы́шъ, комали́, иги́, кивесъ и поскéсъ, только вмѣсто айшóна носятъ на головѣ шапочки, называемыя кичка́ми или такья́ми, спускающіяся впереди до самыхъ бровей. На лбу эти кички́ покрываются также мелкою серебряною монетою, въ формѣ чешуи. Сверхъ шапочки дѣвушки повязываются холщевымъ платкомъ. Между женщинами у вотяковъ существуетъ еще различіе въ костюмѣ молодушекъ, вышедшихъ замужъ не болѣе году (вилкунлéнъ) и замужнихъ болѣе году (чномуртлéнъ). Первыя носятъ бѣлый съ черными полосами айшóнъ и бѣлые рубашку и кафтанъ съ рукавами, а вторыя — айшóнъ краснаго цвѣта. Г. Островскій разсказываетъ даже объ одномъ обычаѣ, существующемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для перемѣны одежды молодушки на костюмъ настоящей женщины. По истеченіи года со времени замужства, въ избу къ молодушкѣ собираются парни. Молодушка наряжается въ полный костюмъ и уходитъ за печку. По прошествіи нѣкотораго времени, ее оттуда выводятъ и одинъ изъ парней, снявши съ молодушки ашья́нъ (айшóнъ, по сѣверному нарѣчію), надѣваетъ его на себя, пляшетъ въ немъ и потомъ бросаетъ на полъ. Послѣ этого обряда, молодушка становится уже чномуртленъ — женщиной и перестаетъ носить бѣлую одежду [1]).

Описанный костюмъ женщинъ очень характеренъ. При малѣйшемъ движеніи или ходьбѣ, серебряныя деньги производятъ очень пріятный шумъ, а разнообразіе цвѣтовъ поражаетъ своею оригинальностью. Впрочемъ, одежда не у всѣхъ вотяковъ одинакова: она бываетъ различна даже въ разныхъ волостяхъ; къ тому же, вотяки, особенно мужчины, не отличаются привязанностью къ старинѣ въ одеждѣ и часто перенимаютъ ее у своихъ сосѣдей — русскихъ; напротивъ, у вотяковъ елабужскаго, мамадышскаго и казанскаго уѣздовъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ татарами, въ одеждѣ замѣчается много особенностей на татарскій манеръ. Женщины въ этомъ отношеніи гораздо консервативнѣе мужчинъ.

Въ нравахъ и характерѣ вотяка, вообще говоря, болѣе хорошихъ, чѣмъ дурныхъ чертъ. Съ одной стороны, онъ миролюбивъ, дружелюбенъ, въ домашней жизни не сварливъ, гостепріименъ, тихъ, скроменъ, бережливъ часто до скупости, хорошій земледѣлецъ, страстный пчеловодъ и неутомимый лѣсникъ; съ другой стороны, онъ робокъ и боязливъ, особенно передъ русскими и властью, нерѣшителенъ, скрытенъ, хитеръ и лживъ, въ

[1]) Островскій. Вотяки Казанской губерніи. Труды Казанскаго Общества Естествоиспытателей, вып. IV.

Digitized by Google

высшей степени суевѣренъ, нелюдимъ и непріязненъ къ народамъ чуждаго ему племени; по временамъ онъ беззаботенъ, лѣнивъ и всегда неповоротливъ. Въ сравненіи съ своими сосѣдями, русскими и татарами, вотякъ всегда представляется существомъ слабымъ и беззащитнымъ. Вотъ почему первые за смиреніе, кротость и тупость вотяка прозвали «рябчикомъ», а татары называютъ его «собакой», только не по характеру, а потому, что, по ихъ понятіямъ, вотякъ и не заслуживаетъ названія человѣка. Жалкая обстановка вотяка, всегдашняя нищета и бѣдность, и оттого—отсутствіе болѣе широкихъ бытовыхъ интересовъ, конечно, не могли выработать изъ него болѣе энергическаго типа. Русскій крестьянинъ, въ сравненіи съ вотякомъ, просто герой, да и тотъ гнется подъ тяжелымъ гнетомъ обстановки; а положеніе вотяка еще хуже. Замѣчательно, что вотяки хорошо понимаютъ свою безпомощность передъ русскими и татарами, что́ ясно выражается оригинальной вотской пословицей: «биге́ръ кіо́нъ, зю́цъ гонды́ръ, утъ-моргъ села́», т.-е. татаринъ—волкъ, русскій—медвѣдь, вотякъ—рябчикъ. По этому сознанію безпомощности понятна ихъ робость предъ русскими и татарами, ихъ безотвѣтная, не имѣющая никогда протеста и до крайности скрытная душа—и, наконецъ, ихъ склонность жить своимъ кругомъ, держаться въ сторонѣ отъ своихъ сосѣдей. Впрочемъ, существуютъ деревни, гдѣ вотяки сближаются съ русскими, вступаютъ съ ними въ браки, усвоиваютъ русскіе обычаи и принимаютъ ихъ языкъ и вѣру. За то эти вотяки боятся и ненавидятъ татаръ, какъ людей, живущихъ хищничествомъ и мошенничествомъ. Напротивъ, другія вотскія деревни сближаются съ татарами, держатъ съ ними взаимное хлѣбосольство, общее пчеловодство, и не любятъ и чуждаются русскихъ до того, что ими стращаютъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Въ такомъ случаѣ вотякъ вполнѣ подпадаетъ подъ власть татарина: послѣдній нанимается къ вотяку въ работу, покупаетъ всякія произведенія недалекаго вотскаго хозяйства, и въ то время, какъ вотякъ предается вѣчной праздности и безпечности, татаринъ никогда не упуститъ случая воспользоваться этимъ и всегда въ выигрышѣ. Достаточно припомнить одно конокрадство, гдѣ нахальство и наглость татаръ превосходятъ всякое вѣроятіе, чтобы понять, какъ тяжело обходится вотяку его сосѣдство съ татарами. Замѣчательно, что вотяки тщательно скрываютъ конокрадство татаръ—по той, будто бы, причинѣ, что послѣдніе не будутъ возвращать за выкупъ украденыхъ лошадей.

Сосѣдство татаръ сильно вліяетъ на вотяковъ, что̀ отражается въ бытовыхъ чертахъ, языкѣ и даже въ религіозныхъ обрядахъ.

Digitized by Google

Такъ, вотяки южныхъ уѣздовъ почти всѣ умѣютъ говорить по татарски и празднуютъ еженедѣльно пятницу—сеинъ или иинъ по вотски. Въ сѣверныхъ уѣздахъ татарскій языкъ также распространенъ, но въ меньшей степени. Подъ татарскимъ вліяніемъ измѣняются и нравы: вотяки, обученные сосѣдями, не пренебрегаютъ маленькими кражами и помогаютъ татарамъ въ воровствѣ, принимая отъ нихъ краденое. Такъ поступаютъ нерѣдко и зажиточные вотяки, но не рискуя на большія кражи. Есть, впрочемъ, и такія деревни, преимущественно не крещеныя, которыя, пожалуй, не уступятъ татарамъ въ грабежахъ и воровствѣ. Между собой вотяки всегда живутъ въ дружбѣ, безъ ссоръ и ведутъ общую хлѣбъ-соль. Во время угощенія всегда проглядываетъ въ вотякѣ неподдѣльная привѣтливость и радушіе. Если у него находится въ гостяхъ цѣлое семейство, онъ всегда поторопится угощеніемъ, въ которомъ главную роль играетъ кумышка [1]); когда вотякъ на-веселѣ, онъ забываетъ свою скупость и всегда съумѣетъ угостить своихъ гостей на славу, которыя въ знакъ благодарности и памяти о весело проведенномъ днѣ берутъ по мѣдной монетѣ и вколачиваютъ ее въ косякъ или стѣну. Всякій хозяинъ гордится этими почетными значками его гостепріимства.

Какъ ни щедры бываютъ вотяки на угощеніе своихъ друзей, во вседневной жизни они всегда скупы. Кромѣ соли и табаку, до которыхъ всѣ вотяки большіе охотники, они ничего не покупаютъ. Употребленія мыла они не знаютъ вовсе, а для мытья довольствуются щелокомъ. Все, что только есть у вотяка въ избѣ и одежда на немъ, все это не купленое, а фабрикуется самими вотяками, хотя самымъ грубымъ образомъ. По домашней жизни невозможно отличить богатаго отъ бѣднаго: грязь и нечистота—одна и та же; всѣ носятъ одинаковую одежду и употребляютъ одинаковую пищу. Деньги, необходимыя для расхода, вотяки держатъ дома, но обыкновенно въ такихъ мѣстахъ, на которыя меньше всего падаетъ подозрѣніе, напримѣръ, въ ржаной мукѣ или гдѣ-нибудь въ стѣнѣ, или, наконецъ, бабы заплетаютъ ихъ въ свои волосы. Всякую же лишнюю копѣйку, которая остается отъ расхода, онъ мѣняетъ на старое серебро и скрываетъ его гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ пустомъ пчелиномъ бортѣ, или зарываетъ въ землю, гдѣ оно нерѣдко и остается навсегда, переходя въ область кладовъ, если вотякъ не успѣетъ передъ смертью указать своимъ ближайшимъ родственникамъ его мѣсто. Такимъ образомъ, не-

[1]) Любимый опьяняющій напитокъ вотяковъ.

Digitized by Google

смотря на видимую бѣдность обстановки, у вотяка всегда есть извѣстный запасъ денегъ, который ему годится на случай бѣды или чернаго дня. Этимъ объясняется обстоятельство, что среди вотяковъ никогда не встрѣчается нищей братіи.

Изъ нерасположенія къ русскимъ и особенно къ начальственнымъ лицамъ вотяки весьма склонны къ кляузничеству и ложныя жалобы или показанія у нихъ всегда производятся по общему уговору. Вообще у вотяковъ никто не рѣшается на какое-нибудь предпріятіе, безъ общаго согласія; при какомъ-нибудь общемъ дѣлѣ они собираютъ сходъ, на которомъ дѣло рѣшаютъ богатые и уважаемые (узырысь и коштаны); отъ остальныхъ требуется только согласіе. На этихъ сходахъ нерѣдко сговариваются и о ложныхъ жалобахъ. Рѣшеніе схода всѣми исполняется обязательно и нарушитель подобнаго заговора становится предметомъ общаго презрѣнія и получаетъ прозвище куштонъ, т.-е. негодный человѣкъ для общества.

Суевѣріе вотяковъ превосходитъ всякое вѣроятіе. Всѣ болѣзни они считаютъ навожденіемъ злого духа; мало того— самую болѣзнь они олицетворяютъ. Если есть въ домѣ больной, то вотякъ никогда не заколетъ ни одного изъ домашнихъ животныхъ и птицъ изъ боязни, чтобы болѣзнь не усилилась за кровь этого животнаго. Для умилостивленія болѣзни выставляютъ за окно различныя яства, пресытившись которыми, болѣзнь должна, по ихъ понятіямъ, оставить больного. Если болѣзнь очень тяжелая, то подъ изголовье или у порога избы кладутъ ножъ, топоръ или косу. Во время эпидеміи вотяки уставляютъ вокругъ деревни шесты, разщепленные вверху на-трое и на нихъ кладутъ разную домашнюю стряпню, завернутую въ лоскутъ холста. Впрочемъ, во время сильныхъ болѣзней вотяки спѣшатъ обратиться къ своимъ знахарямъ, которые лечатъ болѣзни наговорами, молитвами и травами. При рожденіи ребенка вотячка намазываетъ ему лицо сажей изъ боязни различныхъ урдковъ. Во время Петровокъ вотякъ не коситъ сѣна, вотячка не станетъ мыть бѣлья, не будетъ черпать металлическимъ ковшомъ или ведромъ воды изъ рѣки — всѣмъ этимъ они могутъ прогнѣвать Бога, который тогда лишитъ ихъ хорошаго урожая. Въ великій четвергъ вотяки еще до восхода солнца отправляются въ лѣсъ съ пучками пихты или можжевельника, начинаютъ сильные крикъ и гагайканье; наконецъ, зажигаютъ пихту и вересъ и прыгаютъ черезъ пламя. Этимъ они изгоняютъ хищныхъ звѣрей: волковъ, медвѣдей и проч. Въ тотъ же четвергъ вотяки считаютъ необходимостью идти въ баню и тамъ обмываются водою съ серебряной монеты.

Digitized by Google

Такая вода считается священной, а потому они и запасаются ею на цѣлый годъ для леченія различныхъ недуговъ.

О медленности и неповоротливости вотяковъ мы выше упоминали. Пошлите вотяка куда-нибудь, онъ непремѣнно пошлетъ другого помоложе, этотъ третьяго, третій четвертаго—маленькаго ребенка, который, конечно, уже ничего не сдѣлаетъ. Самая походка вотяка невѣроятно медленная: въ день онъ пройдетъ не болѣе 20 верстъ, отдыхая на каждой третьей-четвертой верстѣ. Ни къ какой работѣ, гдѣ необходима поспѣшность и проворство, вотякъ рѣшительно неспособенъ. На своемъ полѣ вотякъ, впрочемъ, не лѣнивъ и работаетъ съ ранняго утра до поздняго вечера; но здѣсь отъ него и не требуется особеннаго проворства. Зимой же, запасшись хлѣбомъ, вотякъ предается совершенной лѣни, ничего не работаетъ и заводитъ безконечные праздники, на которыхъ можно видѣть пьяными не только мужчинъ, но и женщинъ, даже дѣвушекъ и дѣтей отъ 10 лѣтъ—словомъ, всѣхъ поголовно. Въ продолженіи недѣли или двухъ безостановочно вотяки пьянствуютъ до того, что, наконецъ, впадаютъ безсознательное состояніе одуренія и конвульсій [1]). Во время подобныхъ оргій вотякъ совершенно измѣняется въ нравѣ: онъ становится гордъ, упоренъ, мстителенъ, золъ; опасно раздражить пьянаго вотяка; нерѣдко онъ рѣшается въ этомъ случаѣ на убійство, чтó почти никогда не случается съ вотякомъ въ трезвомъ видѣ.

Своей нравственностью вотяки не могутъ похвалиться, о чемъ уже мы упоминали; намъ остается только дополнить сказанное еще нѣсколькими фактами. У вотяковъ не считается неприличіемъ, если дѣвка забеременѣетъ; напротивъ, такая дѣвка входитъ въ моду и женихи начинаютъ ее одолѣвать. Это объясняется любовью вотяка къ семьѣ: дѣло въ томъ, что вотяки считаютъ за несчастіе для себя имѣть безплодную жену. Родители вообще очень легко относятся къ шалостямъ своихъ дочерей, держась своей оригинальной пословицы: піóсъ уску́ дярату́ инмарнò у́съ дярату́,—дѣвушку мужикъ не любитъ, Богъ не любитъ. Отъ святокъ вплоть до великаго поста происходятъ такъ-называемыя посидѣнки. Молодые парни и дѣвушки собираются куда-нибудь въ нежилое строеніе, часто въ баню; первые подъ предлогомъ плесть лапти, а вторыя для занятія пряжей, и проводятъ здѣсь зимніе вечера до глубокой ночи. Сюда родители

---

[1]) Болѣзнь эта, которую вотяки называютъ кереметкою, приписывая ее силѣ злого духа Керемета, развивается отъ содержанія въ кумышкѣ достаточнаго количества сивушнаго масла.

Digitized by Google

обыкновенно не заглядываютъ и молодые люди предаются нерѣдко повальному разврату. Отсюда сильное распространеніе сифилиса; нѣтъ, кажется, семьи, гдѣ бы не было этой болѣзни, такъ что буквально почти все племя заражено. Впрочемъ, какъ мы видѣли, съ выходомъ замужъ вотячки совершенно измѣняются.

III.

Въ умственномъ отношеніи вотякъ такъ же сонливъ и неповоротливъ, какъ и въ физическомъ. Онъ работаетъ лишь по необходимости, заботясь только о томъ, чтобы не умереть съ голоду. Дальше куска дурного затхлаго хлѣба, черной избы и самой ограниченной домашней утвари—его желанія не идутъ. Вотякъ считаетъ себя вполнѣ счастливымъ, если ему удалось скопить нѣсколько рублей и положить ихъ въ запасъ про черный день. Замѣчательно, что у этого народа есть всегда какой-то страхъ предъ будущимъ: онъ все ждетъ какой-то бѣды, чернаго дня и каждый на этотъ случай сберегаетъ свои немногіе рубли, зарывая ихъ въ землю.

Вотякъ до того забитъ судьбою и обиженъ природою, что онъ самъ собою уже не можетъ вырваться изъ вѣчной грязи и невѣжества. У него нѣтъ для этого ни силъ, ни энергіи; онѣ заглохли подъ гнетомъ обстоятельствъ и судьбы. Мало того, замкнутый въ своей обстановкѣ, онъ дошелъ до такого состоянія, что не въ силахъ и помышлять о какой-нибудь лучшей жизни. При всемъ томъ онъ очень хорошо понимаетъ свое положеніе. Спросите его, почему онъ дурно кормитъ свою лошадь, хотя и въ состояніи, и почему держитъ такую клячу? Вы услышите: «гдѣ намъ кормить свою лошадь, живетъ намъ и кляча».—Почему онъ живетъ грязно и бѣдно?—«Мы вотяки, насъ Богъ не любитъ». Если вы сообщите вотяку, что вотъ тамъ-то живутъ хорошо, потому что работаютъ, не лѣнясь, онъ отвѣтитъ непремѣнно: «тамъ не вотяки живутъ».

Всегдашняя скрытность и замкнутость вотяковъ помогаютъ ихъ отсталости въ умственномъ отношеніи. Занятія и ремесла ихъ отличаются такою же грубостію, какъ, можетъ быть, тысячу лѣтъ назадъ и производятся допотопными орудіями. Нельзя однако сказать, чтобы этотъ народъ былъ лишенъ способности перенимать отъ другихъ. Отъ русскихъ нѣкоторые вотяки перенимаютъ способъ постройки избъ и усвоиваютъ ихъ занятія и производства. Если же и до сихъ поръ мы встрѣчаемъ вотяка

Digitized by Google

въ его первобытной обстановкѣ, то въ этомъ виновато уже нерадѣніе русскихъ. «Народомъ этимъ никто не занимался,—справедливо говоритъ Риттихъ,—онъ вѣчно былъ въ угнетеніи и потому неудивительно, что не подвинулся ни на шагъ съ тѣхъ поръ, какъ усвоилъ себѣ способность выражаться».

Изъ всѣхъ занятій вотяки болѣе всего склонны къ земледѣлію, и надо отдать справедливость, здѣсь вотякъ показываетъ себя совсѣмъ съ другой стороны. Всѣ писавшіе о вотякахъ свидѣтельствуютъ согласно о нихъ какъ хорошихъ и усердныхъ земледѣльцахъ. Многимъ можетъ показаться страннымъ это противорѣчіе. Мнѣ кажется, что оно объяснимо при помощи другихъ чертъ вотяка — его скупости и бережливости. Онъ хорошо знаетъ, что хлѣбъ его богатство; что успѣшное земледѣліе— единственная вѣрная поддержка его существованія. Къ болѣе же рискованнымъ занятіямъ, напримѣръ, торговлѣ вотякъ менѣе склоненъ, именно потому, что это занятіе сопряжено съ рискомъ; вотякъ скорѣе зароетъ свой капиталъ въ землю «до бѣды», чѣмъ пуститъ его въ торговый оборотъ. Такимъ образомъ, въ силу сознанія, что съ успѣхомъ земледѣлія связано его благосостояніе, вотякъ прилагаетъ къ дѣлу все свое усердіе, работаетъ дѣйствительно «въ потѣ лица своего».

Едва успѣлъ сойти послѣдній весенній снѣгъ и еще земля не успѣла обсохнуть, вотякъ уже исправляетъ свои земледѣльческія орудія, выходитъ осмотрѣть свое поле, справляется съ погодой, разсчитываетъ по ней, какъ время посѣва, такъ и будущую жатву. Въ это время у вотяка является какъ-то больше жизни, больше энергіи; по крайней мѣрѣ у него является сознательное стремленіе къ работѣ, къ дѣятельности. Пробудившись отъ полусна и дремоты, которые овладѣвали имъ цѣлую зиму, онъ чувствуетъ теперь въ себѣ новыя силы, новыя желанія и какъ-бы новую жизнь. Это сознательное стремленіе, эта общая радость предъ посѣвомъ выражается въ томъ, что у вотяковъ существуетъ даже особый праздникъ для привѣтствія полевыхъ работъ (окаяшки). Позволимъ себѣ здѣсь небольшое отступленіе по поводу этого праздника. День торжества обыкновенно назначается старшинами деревни за недѣлю и даже болѣе, чтобы дать время приготовиться къ празднику, какъ слѣдуетъ, т.-е. наварить болѣе кумышки, пива, меду и различной стряпни. По окончаніи приготовленій, предъ самымъ праздникомъ всѣ вотяки отправляются въ баню, которая въ этомъ случаѣ служитъ символомъ очищенія, послѣ чего наряжаются въ лучшія праздничныя одежды и въ назначенный часъ, всегда около полудня, разомъ выѣзжаютъ

Digitized by Google

верхомъ на поля, захвативъ съ собою часть изъ приготовленныхъ съѣстныхъ припасовъ и немного сѣмянъ. Здѣсь, помолясь Богу, каждый принимается за распашку небольшого участка земли, посѣваетъ нѣсколько горстей зерна и заборониваетъ. Затѣмъ вотякъ зарываетъ въ землю яйцо, если есть пасхальное, а также кашу, хлѣбъ въ формѣ лепешекъ или оладій и посыпаетъ все это солью, приговаривая: «ну, мать-земля, кормила ты насъ до сей поры, прокорми же и нынѣшній годъ». Вся остальная стряпня частію съѣдается, частію разбрасывается по полю «на расхватъ или на счастливаго». Надо думать, что зарываніемъ въ землю съѣстныхъ припасовъ, вотяки хотятъ показать, что и они землѣ платятъ тѣмъ же, т.-е. кормятъ ее. Покончивъ съ этимъ священнымъ для каждаго обычаемъ, молодые парни обыкновенно начинаютъ конскую скачку и бѣгаютъ въ запуски; малыя ребята въ это время занимаются особой игрой—катаньемъ яицъ, а старики и вообще люди пожилые отправляются въ деревню и предаются грубому пьянству, переходя изъ одного дома въ другой, отъ одного хозяина къ другому; здѣсь среди пьянства начинается пляска и пѣніе, которыя состоятъ въ сущности въ топтаньѣ безъ всякаго такта и въ произношеніи дикихъ звуковъ: «ой до, ой до! ой ду, ду!» Женщины тѣмъ временемъ берутъ ведра съ водой, идутъ на поля и поливаютъ посѣвъ; затѣмъ возвращаются къ пирующимъ и обливаютъ послѣднихъ съ головы,—обычай, трудно объяснимый.

Освятивъ такимъ образомъ начало пашни, вотяки принимаются за полевыя работы, т.-е. за распашку полей, посѣвъ сѣмени и т. д. Сѣютъ сообразно условіямъ мѣстности и климата—ячмень, рожь, овесъ и пшеницу. Льна никогда не сѣютъ, его замѣняетъ конопля; гречиху сѣютъ въ южной части вятской губерніи и въ казанской губерніи, но она родится плохо. Изъ всѣхъ жатвъ, самая лучшая бываетъ ячменная, далѣе рожь, въ южной части вятской губерніи и въ казанской губерніи, даетъ нерѣдко самъ 6—7; хорошо родится также конопля, но пшеница и гречиха даютъ посредственные урожаи.

Послѣ посѣва яровыхъ хлѣбовъ вотяки заняты исключительно домашними работами, которыя, впрочемъ, прямо относятся къ земледѣлію, напр. поправка хлѣбныхъ амбаровъ и ригъ, молотьба стараго хлѣба и т. д. — все это продолжается вплоть до сѣнокоса и жатвы. По какому-то суевѣрію вотяки никогда не начинаютъ жатвы и сѣнокоса раньше Ильина дня, и съ этого времени принимаются только за сѣнокосъ. Между тѣмъ у русскихъ крестьянъ той же мѣстности сѣнокосъ начинается съ Петрова

Digitized by Google

дня и уже совершенно оканчивается къ Ильину дню, такъ что съ этого времени начинаютъ уже ржаную жатву. Такимъ образомъ, русскіе болѣе или менѣе разумно распредѣляютъ свою работу. У вотяковъ къ Ильину дню скопляется и сѣнокосъ и ржаная жатва; къ тому же времени часто подоспѣваетъ и жатва яровая. Слѣдствіемъ этого, разумѣется, является упущеніе въ работѣ; принявшись съ Ильина дня за сѣнокосъ, вотякъ оставляетъ крошиться зерну съ переспѣлыхъ жатвъ, которыя остаются на корню нерѣдко до поздней осени. Вотяки такимъ образомъ никогда не въ состояніи кончить жатву къ Семенову дню, какъ это дѣлаютъ русскіе. Не мудрено встрѣтить вотяка, работающаго надъ жатвой около Покрова дня, а иногда и долѣе, если помѣшаетъ ему убрать хлѣбъ дурная погода, очень обыкновенная въ это время года. Кромѣ того, успѣшности земледѣлія не мало препятствуютъ продолжительные лѣтніе праздники вотяковъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ и самыя запашки ихъ въ большинствѣ случаевъ по размѣру гораздо ограниченнѣе запашекъ русскаго крестьянина. Сжатый хлѣбъ вотяки никогда не ставятъ въ суслоны, какъ это дѣлаютъ русскіе, а вѣшаютъ на прясла или надѣваютъ на колья такимъ образомъ, чтобы колосъ выходилъ наружу. Эту мѣру нельзя не признать полезной, потому что если зерна еще зелены, то во время хорошей погоды онѣ могутъ дозрѣть, а въ дурную погоду они подвергаются провѣтриванью и поэтому не могутъ прорастать.

По окончаніи жатвы вотяки снова начинаютъ общее пированье, для чего обыкновенно ими устроивается складчина. Въ день праздника всѣ отправляются на поле, взявши съ собою съѣстные припасы, а также кумышку, пиво и медъ, раскладываютъ здѣсь костры и варятъ кашу. Далѣе слѣдуетъ пьянство и обычная пляска вокругъ огней. Это празднованіе въ полѣ нерѣдко продолжается далеко за полночь. На слѣдующій день праздникъ возобновляется въ деревнѣ и продолжается до тѣхъ поръ, пока не останется ни одной капли отъ громадныхъ запасовъ кумышки и пива, такъ что пированіе тянется нерѣдко двѣ или три недѣли. Послѣ этихъ праздниковъ вотяки принимаются за складку хлѣба въ кабаны [1]), чтобы затѣмъ снова предаться многодневному пьянству. Крытыхъ гуменъ, какія устроиваются русскими, у вотяковъ совсѣмъ нѣтъ, точно также какъ и сушильныхъ овиновъ съ печами. Хлѣбъ вотяки молотятъ сырой, не

[1]) Кабанами называются конусообразныя, похожія на копны сѣна скирды, деревянное дно которыхъ поднято четверти на двѣ отъ земли.

Digitized by Google

просушая его искусственно, вслѣдствіе чего, въ случаѣ ненастья, вотяки находятся въ затрудненіи, если у нихъ нѣтъ въ запасѣ готоваго хлѣба, что бываетъ очень нерѣдко.

Несмотря на многіе недостатки земледѣлія вотяковъ, хлѣба родится настолько достаточно (въ особенности въ южной части вятской губерніи), что часть его, какъ излишекъ отъ домашняго хозяйства, сбывается на сторону. Продаютъ хлѣбъ обыкновенно въ сыромъ видѣ—кабанами, вслѣдствіе чего вотяки никогда не выручаютъ его нормальной стоимости. Кулакъ скупаетъ вотскіе кабаны по самой низкой цѣнѣ и потомъ съ невѣроятной выгодой продаетъ хлѣбъ въ формѣ готоваго зерна на рынки. Такой порядокъ продажи хлѣба, приносящій существенный вредъ благосостоянію вотяковъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ вызвалъ особыя мѣры со стороны мѣстнаго управленія, въ формѣ внушенія вотякамъ не продавать сырой хлѣбъ въ кабанахъ по низкой цѣнѣ. Но потому ли, что внушеніе было сдѣлано недостаточно, или по старой привычкѣ, вотяки и до сихъ поръ не оставляютъ этого способа продажи.

Въ противоположность земледѣлію, скотоводствомъ вотяки занимаются очень небрежно. Правда, каждый вотякъ держитъ всегда не одну лошадь, иногда пять и шесть, и двѣ или три коровы, но этотъ скотъ до того мелокъ, хилъ и плохъ, что составляетъ на мѣстѣ особую породу, получившую названіе *вотской*. Лошади эти нестройны, худы, низки ростомъ и слабы, такъ что всѣ пять едва могутъ замѣнить хозяину одного порядочнаго ломовика. Причина плохого состоянія скотоводства заключается въ скупости хозяина, такъ какъ скотъ содержится на самомъ скудномъ кормѣ. Всю зиму кормятъ обыкновенно соломой съ примѣсью дурного сѣна, вслѣдствіе чего во время зимы скотъ худѣетъ до невѣроятности; лѣтомъ же онъ нѣсколько поправляется на подножномъ корму. Только рабочихъ лошадей вотяки кормятъ сноснѣе, подбавляя къ соломѣ или сѣну немного хлѣба и овса, какъ лакомства, необходимаго, по понятіямъ вотяковъ, только на время пашни. Вотъ почему вотякъ не въ состояніи употреблять свою лошадь для работы по найму и очень рѣдко занимается извозомъ. Трудно полагать, чтобы окупались хозяину эти пять-шесть безсильныхъ лошадей, такъ какъ они употребляются только во время полевыхъ работъ, а затѣмъ, оставаясь безъ дѣла, скорѣе составляютъ лишнее бремя въ хозяйствѣ. — Не разъ принимались мѣры для улучшенія породы лошадей у вотяковъ, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны частныхъ предпринимателей. Такъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ устроены были въ

Digitized by Google

разныхъ пунктахъ губерніи конскіе заводы, при помощи которыхъ старались разводить породы арабскихъ и англійскихъ скаковыхъ лошадей; но эти попытки оставались всегда безъ успѣха. О прославленной вятской породѣ лошадей у вотяковъ не можетъ быть и рѣчи; она давно уже выродилась, перевелась и ее гораздо чаще можно встрѣтить на улицахъ нашихъ столицъ, чѣмъ на мѣстѣ. Не маловажной помѣхой къ разведенію хорошихъ породъ лошадей у вотяковъ служитъ также конокрадство татаръ, вкусъ которыхъ, какъ извѣстно, неразборчивъ относительно породы. Крупный рогатый скотъ вотяковъ также замѣчательно мелокъ, слабъ и худъ и не даетъ много молока. При дурномъ уходѣ вотяки не могутъ сбывать молодой скотъ въ продажу, потому что порядочные, сколько-нибудь сносные выкормки у вотяковъ рѣшительно невозможны. Нельзя думать, что мелкота породы зависитъ отъ того, что въ краѣ не могло бы существовать крупныхъ породъ,—нѣтъ, у русскихъ крестьянъ здѣсь сплошь и рядомъ встрѣчается холмогорскій и тирольскій скотъ и совсѣмъ не измельченный, не выродившійся. Стало быть, все зависитъ отъ небрежности ухода и дурной пищи. Дурное состояніе скотоводства, разумѣется, много отзывается на успѣшности земледѣлія, такъ какъ эти два дѣла одно безъ другого немыслимы, въ особенности при бѣдности почвы, требующей всегда хорошаго удобренія.

Изъ другихъ родовъ рогатаго скота болѣе важную роль играютъ овцы, которыхъ на дворѣ зажиточнаго вотяка можно насчитать иногда до нѣсколькихъ сотенъ.

Изъ птицъ вотяки предпочитаютъ гусей и утокъ, вѣроятно, потому, что они не требуютъ хорошаго ухода; напротивъ, куръ и индѣекъ почти вовсе не держатъ.

Одно изъ болѣе любимыхъ занятій вотяковъ есть пчеловодство, которое однако не служитъ источникомъ большой прибыли. Тѣмъ не менѣе пчеловодству вотякъ предается по истинѣ со всею страстью охотника. Свой пчельникъ онъ наблюдаетъ чуть не каждый день и проводитъ около него по нѣскольку часовъ къ-ряду, постоянно лазая на высокія деревья. Ульи вотякъ или просто привязываетъ къ ели, или же самъ выдалбливаетъ въ старомъ дуплѣ родъ улья, куда и садятся дикія пчелы; мѣстомъ для пчельника выбирается открытая поляна или проталина. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на одинъ странный обычай вотяковъ обставлять изгородь пчельника цѣлымъ рядомъ лошадиныхъ череповъ,—обычай, который, правда, встрѣчается иногда и у русскихъ пчеловодовъ; но послѣдніе, вѣроятно, заимствовали

Digitized by Google

его отъ вотяковъ же. Можетъ быть, этотъ обычай имѣетъ смыслъ заклинанія.

Другое любимое занятіе вотяковъ—охота, или «лѣсованіе» на мѣстномъ нарѣчіи. Каждый вотякъ непремѣнно охотникъ и имѣетъ свое ружье. Чуть свободное время, онъ беретъ свой кожаный мѣшокъ съ порохомъ, лыкомъ выплетенный сосудъ съ дробью, допотопной работы ружье-кремневку, нерѣдко съ ложей самодѣльной, собаку и трубку, и направляется въ лѣсъ, зимой на лыжахъ, на далекія разстоянія отъ своей деревни, и нерѣдко днюетъ и ночуетъ на охотѣ по цѣлой недѣлѣ. Въ лѣсу вотякъ никогда не потеряется: по корѣ деревъ, толщинѣ ихъ, по просвѣту и чащѣ, по запаху, по мху и т. д.—по тѣмъ признакамъ, которые для насъ вовсе неуловимы, онъ легко оріентируется въ самыхъ глухихъ мѣстахъ.

Предметомъ добычи изъ птицъ служитъ по преимуществу рябчикъ и тетеревъ; изъ звѣрей болѣе всего бѣлка и заяцъ. Кромѣ того, ловятся лисицы и куницы—отравою, и волки—капканами. Медвѣдей бьютъ мало, потому что охота эта не по характеру и не по силамъ вотяку и сопряжена съ опасностью. Изъ всѣхъ родовъ охоты, вѣроятно, самая выгодная для вотяковъ есть охота на бѣлку и рябчика. Того и другого предмета охоты каждый вотякъ убиваетъ ежегодно въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ или тысячъ и, конечно, выручаетъ порядочную сумму. Рябчикъ обыкновенно обозами отправляется въ города вятской губерніи и Казань, а шкура бѣлки идетъ на рынки, преимущественно на нижегородскую ярмарку. Кромѣ выручки вотякъ пользуется еще изъ продуктовъ своей охоты мясомъ, такъ какъ бѣлка и зайчина составляютъ любимую пищу вотяковъ.

Ремеслъ и производствъ у вотяковъ почти совсѣмъ нѣтъ или очень мало. Въ мѣстахъ лѣсистыхъ, гдѣ есть липа, они занимаются выдѣлкой мочала, лубья, плетеніемъ кулей, рогожъ и циновокъ. Эти почти единственные продукты вотскаго производства запруживаютъ мѣстные рынки и отправляются на хлѣбныя пристани ближайшихъ городовъ—Сарапула, Елабуги, Уржума, Малмыжа и Казани.

Другія производства вотяковъ удовлетворяютъ по преимуществу ихъ собственнымъ нуждамъ. Такъ, для своей одежды вотяки фабрикуютъ домашнимъ образомъ сукна, которыя, обладая большою прочностью и чистотою отдѣлки, обыкновенно предпочитаются сукнамъ русскаго крестьянина, несмотря на то, что вотскіе ткацкіе станки болѣе грубы и менѣе удобны, чѣмъ у рус-

Digitized by Google

скихъ. Крашенье, вышиванье и тканье есть дѣло женщинъ, которыя исполняютъ его очень искусно [1]).

Но есть еще одно весьма обширное производство у вотяковъ, на которомъ стоитъ остановиться, это — выкуриваніе кумышки. Кумышка есть мутный напитокъ, отвратительнаго до тошноты вкуса, съ сильнымъ запахомъ дыма. Несмотря на это, вотскій вкусъ находитъ кумышку очень пріятною, предпочитая ее русской водкѣ. Она выкуривается также, какъ и послѣдняя, только всегда изъ затхлой муки и въ меньшей пропорціи. Отвратительность вкуса и запаха кумышки, вѣроятно, происходитъ отъ того, что вотяки не даютъ ей хорошо выбродить и принимаются гнать, не заботясь объ отдѣленіи сивушнаго масла. Самая лучшая кумышка выкуривается дѣвушками, вѣроятно потому, что послѣднія прилагаютъ больше усердія; такая кумышка содержитъ не менѣе 15% спирта. Ею вотяки угощаютъ только своихъ родственниковъ и лучшихъ друзей и обыкновенно прячутъ подальше, зарывая въ землю въ подпольѣ для большей сохранности. Человѣкъ мало знакомый вотяку и вообще такой, который не успѣлъ заслужить особеннаго расположенія со стороны послѣдняго, никогда не можетъ разсчитывать на угощеніе этимъ цѣннымъ напиткомъ. Вотяки пьютъ кумышку обыкновенно изъ деревянныхъ чашекъ и притомъ очень медленно, чтобы имѣть время больше насладиться. Такое потягиванье кумышки изъ чашекъ по праздникамъ, какъ мы видѣли, продолжается день и ночь, пока она не произведетъ своего дѣйствія—одуренія.

Еще Миллеръ упоминаетъ о сильномъ развитіи среди вотяковъ какъ пьянства, такъ и производства кумышки. «Вотяки наипаче,—говоритъ онъ,—имѣютъ къ тому (къ пьянству) хорошій случай, потому-что при завоеваніи ихъ земли отъ великаго царя Ивана Васильевича получили вольность сидѣть въ своихъ деревняхъ вино, что у черемисъ и чувашъ весьма рѣдко бываетъ» [2]). Въ послѣднія 20 лѣтъ производство кумышки постоянно возростало и теперь доведено до невѣроятныхъ размѣровъ. Причиною сильнаго развитія винокуренія между вотяками, вѣроятно, послужили бывшіе еще въ шестидесятыхъ годахъ питейные откупа. Много тогда вытерпѣли вотяки за тайное куренье кумышки; но ничто не могло остановить ея употребленія. У вотяковъ даже сохранилось преданіе, что сама царица Екатерина II, къ

[1]) Для крашенья вотячки сами приготовляютъ краску изъ дико-растущей марены и дубовой или ивовой коры.

[2]) Миллеръ. Описаніе живущихъ въ казанской губерніи инородцевъ, яко-то вотяковъ, чувашъ и черемисъ, стр. 13.

Digitized by Google

которой они посылали выборныхъ для узнанія ея воли насчетъ крещенія, разрѣшила вотякамъ курить кумышку по слѣдующему случаю: въ одно время затонулъ у царицы корабль такъ, что нельзя было поднять его никакими усиліями. Тогда царица велѣла каждому изъ подвластныхъ ей народовъ молиться своему богу. Молитвы другихъ народовъ были тщетны; только когда вотяки помолились своему инмару, плеснувши на огонь кумышку, корабль началъ всплывать на поверхность воды по мѣрѣ того, какъ паръ отъ кумышки поднимался вверхъ (свящ. Блиновъ). Такъ какъ откупной системой невозможно было остановить куренье кумышки, то законъ сдѣлалъ для вотяковъ уступку, позволивъ имъ курить кумышку безпошлинно, съ обязательствомъ покупать извѣстное число ведеръ водки, высчитывая по числу жителей. Водка, предназначенная вотякамъ, по цѣнѣ была низшаго сорта и носила названіе вотяцкой водки. Ничто, кажется, не могло быть несообразнѣе этого закона. Вотяки, чтобы не быть въ убыткѣ, разомъ открыли громадное производство кумышки, слѣдствіемъ чего явилось страшное развитіе между ними пьянства. Съ поднятіемъ акциза на водку производство кумышки должно было еще болѣе увеличиться. Съ этимъ вмѣстѣ явилась необходимость учредить, кромѣ обыкновенныхъ (Николина дня, Рождества, масляницы, Пасхи), новые праздники и даже лѣтомъ, чего прежде никогда не бывало. Эти лѣтніе праздники носятъ названія богомолій и празднуются передъ началомъ посѣва, сѣнокоса, жатвы, уборки хлѣба и даже предъ смотрѣньемъ меду у пчелъ; поминовеніе усопшихъ считается вотяками также за праздникъ, но въ особенности удобнымъ случаемъ истребленія кумышки служатъ свадьбы вотяковъ, къ которымъ мы и перейдемъ въ слѣдующей главѣ.

В. Бехтеревъ.

Digitized by Google

РОДЪ МИРАБО

ОЧЕРКИ

КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ВОСЕМНАДЦАТАГО ВѢКА.

— *Les Mirabeau.* Nouvelles études sur la société française au XVIII siècle, par Louis de Loménie, de l'Academie Française. Deux volumes. Paris. 1879.

V [1]).

Два параллельныхъ историческихъ процесса. — Молодость маркиза Мираб6. — Его политическое завѣщаніе.—Его «Польза провинціальныхъ собраній» и «Другъ людей».

Одною изъ самыхъ характерныхъ особенностей восемнадцатаго вѣка было одновременное, и притомъ крайне наглядное и осязательное, разложеніе феодальныхъ понятій, феодальнаго строя жизни, и нарожденіе новыхъ идей, новыхъ и смѣлыхъ попытокъ перестроить общественную жизнь на раціональныхъ основаніяхъ. Эти два процесса—разложенія и нарожденія—отразились, какъ въ зеркалѣ, въ сохранившихся безчисленныхъ литературныхъ и другихъ письменныхъ памятникахъ того времени. Ихъ можно наблюдать не только на долгомъ протяженіи почти цѣлаго столѣтія, но, такъ-сказать, и въ каждую данную минуту этого столѣтія, не только въ цѣломъ обществѣ, но и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, почему либо выдѣлившемся въ то время изъ такъ-называемой толпы. Кромѣ передовыхъ людей вѣка,

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", іюль, стр. 112.

Digitized by Google

французскихъ философовъ-энциклопедистовъ, которые не останавливались передъ самыми крайними выводами изъ отрицательнаго отношенія къ существующему порядку во всѣхъ его проявленіяхъ, глубокое недовольство этимъ порядкомъ сказывалось и во французской аристократіи, и въ среднемъ сословіи, и въ духовенствѣ, и въ крестьянствѣ. Многіе, правда, еще не отчаявались примирить старое съ нарождавшимися новыми требованіями; людямъ того времени общественный переворотъ еще не могъ казаться такъ несомнѣнно близкимъ, какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Многіе, особенно въ рядахъ аристократіи, еще стояли одною ногой въ прошломъ, не помышляя о возможности полнаго разрыва съ нимъ, даже не желая такого разрыва. Но уже по одному тому, какъ ставили они общественные вопросы, какъ сильно они сознавали необходимость обновленія, какъ энергически стремились къ цѣли, можно было заключить, что въ лучшихъ и дѣятельныхъ умахъ разрывъ уже совершился безповоротно. Такихъ симптомовъ было не мало, и однимъ изъ самыхъ поучительныхъ представляетъ жизнь маркиза Мирабо, старшаго брата тому мальтійскому командору, о которомъ мы говорили въ предъидущей статьѣ, и отца знаменитаго оратора и трибуна.

20-го декабря 1774 года, среди восторженныхъ надеждъ, возбужденныхъ вступленіемъ на престолъ Людовика XVI, когда Тюрго былъ уже министромъ, довольно многочисленное общество собралось въ залѣ одного дома въ улицѣ Вожираръ. Въ глубинѣ зала, на большомъ цоколѣ, стоялъ мраморный бюстъ, къ которому было обращено съ грустью и почтеніемъ все собравшееся общество, и хозяинъ дома произнесъ къ нему, между прочимъ, слѣдующее:

«Господа, мы понесли горькую потерю, мы лишились нашего учителя. Истинный благодѣтель человѣчества уже связанъ съ землею только воспоминаніемъ и неизгладимыми послѣдствіями своихъ благодѣяній. Мы лишились нашего отца, которому были обязаны всѣмъ: и нашими принципами, и физическимъ закономъ нашего долга, и тѣмъ усердіемъ, которое положило начало этимъ собраніямъ, составляющимъ разсадникъ нашего ученія, и тѣмъ навѣки неугасимымъ свѣтомъ, который пролитъ имъ на физическую солидарность человѣческихъ интересовъ, на гражданское братство, какъ прочную и почти необходимую основу братства чувствъ и душъ, внушаемаго намъ религіей подъ именіемъ милосердія... Говорятъ, Сократъ совлекъ нравственность съ небесъ; нашъ учитель возростилъ ее на землѣ. Небесная нравственность

Digitized by Google

насыщаетъ только избранныя души; мораль «чистаго дохода» [1]), во-первыхъ, даетъ пропитаніе человѣческимъ дѣтямъ, не допускаетъ похищать его у нихъ силой или обманомъ, указываетъ его распредѣленіе, его производство и, ограждая насъ отъ стѣснительныхъ требованій природы, трудомъ пріучаетъ насъ къ повиновенію, а своими благими послѣдствіями къ любви и признательности... Вскорѣ всѣ люди будутъ знать свои права и обязанности, необходимость извѣстныхъ отношеній между людьми, свободу, какъ основаніе этихъ отношеній, и собственность какъ результатъ ихъ, тожество всѣхъ человѣческихъ интересовъ, и единство того центральнаго пункта, въ которомъ они всѣ сливаются... О, мой учитель! Какъ много я заимствовалъ у тебя, какъ бѣденъ я и нищъ, а ты оставляешь меня въ нѣкоторомъ родѣ главой или по крайней мѣрѣ старшимъ изъ твоихъ безутѣшныхъ дѣтей... Повторимъ, господа, въ эту минуту горя и нѣжности, данную нами внутренно клятву посвятить наши силы обученію ближнихъ и развитію той науки, которая рано или поздно должна сдѣлать общество мирно благоденствующимъ, а людей — благоразумными и добродѣтельными».

Хозяинъ закончилъ обращеніемъ къ бюсту и воззваніемъ къ общему братству.

Эта странная и слабая рѣчь, обращенная къ бюсту недавно умершаго Кенэ, основателя физіократической школы и врача г-жи Помпадуръ, была произнесена не энциклопедистомъ, не философомъ, не вольтеріанцемъ, а аристократомъ по рожденію и образу мыслей, монархистомъ и отъявленнымъ противникомъ переворотовъ. Она была произнесена маркизомъ, гордившимся своею принадлежностью къ одному изъ «тѣхъ привилегированныхъ родовъ, которые, по его мнѣнію, какъ-бы созданы для власти надъ людьми», но добровольно принявшимъ на себя скромную роль ученика Кенэ и возвѣщавшимъ новое ученіе и общее братство, въ виду очевиднаго крушенія старыхъ формъ жизни.

Маркизъ Мирабо собственно не былъ ученикомъ Кенэ. Извѣстнѣйшее изъ его сочиненій: «Другъ людей», пережившее, какъ говорятъ, двадцать изданій, и названіе котораго стало прозвищемъ автора, появилось впервые, когда Кенэ былъ еще неизвѣстенъ въ качествѣ экономиста, и совсѣмъ не зналъ маркиза. Именно это сочиненіе послужило первымъ поводомъ къ знаком-

[1]) Извѣстное техническое выраженіе въ экономическомъ ученіи Кенэ и физіократовъ.

Digitized by Google

ству и сближенію Кенэ съ маркизомъ Мирабо. Порывистый и всего менѣе систематическій умъ послѣдняго самостоятельно пришелъ къ тѣмъ же мнѣніямъ, которыя были выработаны систематическимъ умомъ Кенэ; но ему не доставало твердо и логически поставленныхъ общихъ формулъ, не доставало системы; встрѣтивъ ихъ у этого оригинальнаго и сильнаго человѣка, онъ съ восторгомъ сталъ подъ его знамя и оставался ему вѣренъ до конца. Онъ отказался тогда же отъ тѣхъ своихъ мнѣній, которыя не согласовались съ системой учителя, и посвятилъ себя вполнѣ развитію и распространенію послѣдней. Кенэ, поэтому, отчасти обязанъ ему своей славой и своимъ значеніемъ въ обществѣ. Маркизъ Мирабо больше всѣхъ другихъ сторонниковъ знаменитаго доктора способствовалъ образованію его школы, горячо поддерживалъ ея изданія, вербовалъ въ нее послѣдователей, а эта школа, какъ извѣстно, имѣла большое вліяніе на умы XVIII-го вѣка, искавшіе выхода изъ укоренившейся рутины феодальныхъ порядковъ, изъ душной и искусственной атмосферы, въ которой гибли народныя силы и благосостояніе Франціи.

Маркизъ Викторъ Мирабо родился въ 1715 году, въ томъ же городкѣ Пертюи, близъ замка Мирабо, гдѣ родились и двое младшихъ его братьевъ, уже знакомыхъ нашимъ читателямъ, и куда мать его обыкновенно переселялась для родовъ. Зачисленный съ ранней юности въ мальтійскій орденъ и военную службу, онъ пятнадцати лѣтъ былъ взятъ отцомъ изъ полка и отправленъ въ Парижъ для обученія въ одной изъ тогдашнихъ «академій», гдѣ юные дворяне совершенствовались не въ наукахъ и литературѣ, а въ физическихъ упражненіяхъ, пригодныхъ для военнаго человѣка. Эти первые годы юности, проведенные въ такъ-называемой «академіи», обнаружили въ немъ почти столько же безпорядочный, пылкій и бурный характеръ, какимъ отличался впослѣдствіи и старшій сынъ его, знаменитый ораторъ 1789 года. Любовныя похожденія, скандалы въ театрахъ и тому подобныя исторіи побудили отца вызвать его черезъ годъ изъ Парижа въ Безансонъ, гдѣ стоялъ его полкъ, въ которомъ ему дали теперь роту. Два года спустя, восемнадцати лѣтъ отъ роду, онъ участвуетъ въ войнѣ съ Германіей, и потомъ, съ согласія отца, возвращается въ Парижъ, чтобы купить себѣ полкъ. Одинъ изъ его сослуживцевъ везетъ его въ Версаль и представляетъ Баржаку, любимому слугѣ всемогущаго тогда кардинала Флёри (1735). Сослуживецъ объясняетъ Баржаку, что его кліентъ готовъ заплатить 10,000 ливровъ тому, кто доставитъ ему позволеніе купить полкъ.—«Это не по моей части», отвѣчаетъ Бар-

Digitized by Google

жакъ. «Мнѣ удается иногда выпрашивать у кардинала неважныя вещи; я могу только дать возможность видѣться съ нимъ, да при случаѣ подсунуть ему для прочтенія докладную записку. Взять съ вашего товарища деньги, значило бы просто украсть ихъ. Или онъ въ правѣ имѣть полкъ, и тогда моя помощь безполезна, или ему еще не пришла очередь, и тогда деньги его тоже не принесли бы никакой пользы». За юнаго маркиза вступается, правда, его дядя. Благодаря этой протекціи, молодой человѣкъ представленъ кардиналу, военному министру, королю, королевѣ и дофину, но и это мало помогло ему. Ему недоставало во всю жизнь практической, житейской ловкости и находчивости, и онъ имѣлъ полное основаніе сказать впослѣдствіи о своемъ юномъ сынѣ, ораторѣ Мирабо: «Онъ столько же вкрадчивъ, сколько я былъ недотрогой». И ему, какъ впослѣдствіи его сыну, приходилось жить не по средствамъ, дѣлать долги, затѣвать дуэли; но онъ былъ разборчивѣе въ выборѣ кредиторовъ и, занимая, заботился о томъ, когда и чѣмъ онъ можетъ уплатить свой долгъ. Не мало чести дѣлаетъ ему также сохранившаяся переписка юности съ извѣстнымъ капитаномъ Вовенаргомъ, однимъ изъ тонкихъ моралистовъ XVIII-го вѣка, искренно его полюбившимъ [1]). Въ ней сказывается неизмѣнная черта природы маркиза Мирабо: въ Вовенаргѣ, какъ и въ другихъ своихъ друзьяхъ и родныхъ, онъ видимо любилъ тѣ свойства, которыхъ ему недоставало. Оба провансальцы, ровесники и дальніе родственники, эти два человѣка имѣли однакоже совершенно противоположные характеры. «Любезный Мирабо», пишетъ однажды Вовенаргъ своему пріятелю: «вы пылки, желчны, болѣе волнисты, болѣе великолѣпны, болѣе неровны, чѣмъ самое море, и прежде всего жаждете удовольствій, знанія и почестей. Я же слабъ, тревоженъ, свирѣпъ, безучастенъ къ тому, что всѣми признается за благо, упрямъ, страненъ и все, что хотите». Портретъ двадцати-двухлѣтняго маркиза, будущаго «друга людей», очень вѣрно набросанъ Вовенаргомъ, который тутъ же очертилъ себя только на половину. Небогатый, некрасивый и къ тому же еще слабый здоровьемъ, онъ чувствовалъ въ себѣ однакоже большія умственныя и нравственныя силы, мечталъ о славѣ, и вовсе не былъ ни свирѣпъ, ни особенно страненъ, ни безучастенъ къ тому, что всѣми признается за благо, но былъ раздражителенъ, постоянно встрѣчая на жизненномъ своемъ пути

[1]) Авторомъ замѣчательнаго труда: „Introduction à la connaissance de l'esprit humain".

Digitized by Google

препятствія, которыя казались ему неодолимыми. «Нѣтъ никакого соотвѣтствія, никакой соразмѣрности между моими силами и желаніями»—писалъ онъ своему пріятелю—«между моимъ умомъ и сердцемъ, между моимъ сердцемъ и моимъ положеніемъ, и я столько-же повиненъ въ этомъ, сколько больной, неспособный пользоваться предлагаемыми ему благами, не имѣющій возможности измѣнить состояніе своихъ органовъ и чувствъ, или найти подходящіе ему предметы». И онъ сгоралъ въ грустномъ и томительномъ бездѣйствіи, пренебрегая обыденными развлеченіями гарнизонной жизни, бѣдный, гордый, честолюбивый, сомнѣваясь въ самомъ себѣ и падая духомъ. Самоувѣренный маркизъ, порывистый и неровный, подмѣтилъ въ этомъ мнимо-апатичномъ человѣкѣ задатки большого таланта, и вызывалъ его на литературную дѣятельность. «Вы настоящій англичанинъ, любезный Вовенаргъ», писалъ ему Мирабо: «вы мыслите твердо, вѣрно и глубоко. Но къ чему служитъ вамъ эта способность, какъ скоро вы обрекаете себя бездѣйствію? Не работая, вы зарываете въ землю лучшія въ мірѣ дарованія! Я не расточаю вамъ похвалъ, а говорю правду... У меня больше огня, воображенія, здоровья; но у васъ больше ума и послѣдовательности въ мысляхъ». Вовенаргъ отвѣчаетъ, что чувствуетъ себя мало знающимъ, мало подготовленнымъ. «Вы не взвѣшиваете вашихъ похвалъ», говоритъ онъ Мирабо: «вы не знаете, какъ велика ихъ сила, вы губите меня. Пощадите, молю васъ объ этомъ колѣнопреклоненно!» Но Мирабо продолжаетъ настаивать, и Вовенаргъ пишетъ ему наконецъ: «Я со страстью предался чтенію, пріѣхавъ въ Реймсъ, и черезъ пять-шесть дней у меня до того разболѣлись глаза, что пришлось возвратиться къ праздности; не могу ни читать, ни писать. Я хочу послѣдовать вашимъ совѣтамъ и наполнить пустоту моей жизни умственной работой; съ этой цѣлью, я пригласилъ двухъ чтецовъ, которые должны читать мнѣ: одинъ—поутру, другой — вечеромъ. Они искажаютъ читаемое, но это все-таки лучше чѣмъ ничего».

Изъ этой переписки двухъ пріятелей мы узнаёмъ совершенно новое обстоятельство: если Вовенаргъ не совсѣмъ погибъ для литературы (онъ умеръ въ молодости, тридцати-двухъ лѣтъ), если онъ оставилъ въ ней знаменательный слѣдъ своего глубокого, пламеннаго и увлекательнаго таланта, то литература, быть можетъ, обязана этимъ настояніямъ маркиза Мирабо. Та же переписка знакомитъ насъ съ невозможными, по нашимъ понятіямъ, соображеніями, руководившими молодого маркиза въ вопросѣ о предстоявшемъ ему, рано или поздно, бракѣ. Аристократическое

Digitized by Google

происхожденіе жены, безъ солиднаго состоянія, всегда было мало привлекательно въ глазахъ людей, дорожившихъ знатностью своею или своихъ предковъ. Маркизъ Мирабо, повидимому, смотрѣлъ на бракъ именно какъ на средство пріумножить достояніе своего аристократическаго рода. Онъ не высказываетъ этого прямо, но факты его жизни, относящіеся къ его брачнымъ планамъ, не имѣютъ иного смысла. Въ письмахъ его къ Вовенаргу рано сказывается и будущій физіократъ, и будущій супругъ по фамильному разсчету. Онъ пишетъ Вовенаргу изъ замка Мирабо, что всюду вокругъ предлагаетъ вопросы, «которые, говоритъ онъ, могли бы служить мнѣ для близкаго ознакомленія съ земледѣліемъ, которое я теперь изучаю. А гдѣ, спросите вы меня, почерпнули вы эту новую страсть къ земледѣлію? Я же чувствую, что философъ долженъ кончать этимъ». Чтобы кончить, какъ прилично философу, маркизъ Мирабо помышляетъ и о женитьбѣ, и даже извѣщаетъ пріятеля о предстоящемъ своемъ бракѣ съ одною изъ четырехъ сестеръ болѣе извѣстной, чѣмъ почтенной г-жи Майи. Была ли эта невѣста его одною изъ тѣхъ трехъ сестеръ, которыя послѣдовательно замѣняли, одна за другою, свою старшую сестру въ гаремѣ Людовика XV, — неизвѣстно. Но уже двѣ недѣли спустя, онъ извѣщаетъ своего пріятеля, что предположенный бракъ разстроился, указываетъ всѣ его вѣроятныя неудобства и радуется тому, что остался свободнымъ. Этотъ разрывъ, говоритъ онъ радостно, «привлечетъ мнѣ много всякаго рода новыхъ предложеній». Предложенія, дѣйствительно, были ему сдѣланы съ разныхъ сторонъ; но выборъ его палъ, и притомъ, по собственнымъ его словамъ, «случайно», на Марію-Женевьеву де-Вассанъ, семнадцатилѣтнюю дочь крупнаго землевладѣльца, которой онъ лично не зналъ, потому-что жила до тѣхъ поръ въ Лимузенѣ. Какъ заключались тогда дворянскіе браки, объ этомъ даетъ наглядное понятіе первый бракъ этой дѣвушки. Въ 1737 году, когда ей было всего двѣнадцать лѣтъ, она уже была невѣстой одного молодого человѣка. У ея родителей была тяжба съ фамиліей Совбефъ; чтобы прекратить эту тяжбу, обѣ стороны условились поженить сына Совбефовъ на старшей дочери де-Вассана, сестрѣ Маріи-Женевьевы; но эта старшая дочь умерла до брака, и Марія-Женевьева, тогда еще дѣвочка, должна была замѣнить ее въ качествѣ будущей супруги юнаго Совбефа. На этотъ разъ онъ не дожилъ до полнаго своего супружества; но Марія-Женевьева, тѣмъ не менѣе, была юридически, а не фактически, его женой, когда онъ умеръ, и за нее-то посватался маркизъ Мирабо, знав-

Digitized by Google

шій отца ея въ Парижѣ. Двадцати-восьми лѣтъ отъ роду, съ состояніемъ въ 16,000 ливровъ дохода, маркизъ вступалъ въ супружескій и имущественный союзъ съ незнакомой дѣвушкой, мать которой была ему также совсѣмъ незнакома, и объ отцѣ которой онъ отзывался самъ, что не считаетъ его способнымъ ни къ чему порядочному. Какъ старшій въ родѣ, онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность заботиться прежде всего о пріумноженіи его богатства и значенія. Дѣятельное воображеніе маркиза, направленное въ эту сторону, уже рисовало ему въ будущемъ блистательную картину присоединенія вассановскихъ имѣній въ Лимузенѣ, Перигорѣ и Пуату, къ провансальскимъ землямъ фамиліи Мирабо, и осуществленія давнишней мечты его «сдѣлать свой провансальскій дворянскій родъ однимъ изъ сильнѣйшихъ дворянскихъ родовъ Франціи».

Но подобныя мечты исполняются рѣдко, да онѣ и не особенно заслуживаютъ успѣха. Въ самомъ скоромъ времени на дѣлѣ оказалось, какъ много неудобствъ и невозможностей представляетъ подобный брачный союзъ. Впослѣдствіи, въ 1780 г., когда супруги окончательно перессорились и разоряли другъ друга процессами, братъ маркиза, мальтійскій командоръ, писалъ ему: «Черезъ три дня послѣ перваго свиданія съ твоей женой, я понялъ, что она непригодна для какого-нибудь виднаго положенія. Я никогда не разсказывалъ тебѣ о томъ, что происходило въ то время, и не сказалъ бы теперь, еслибъ еще оставалось какое-нибудь средство къ примиренію съ подобной самкой. Но уже на первыхъ порахъ твоего супружества—герцогъ Нивернуа можетъ подтвердить это—я, видя, что ты оставляешь военную службу и намѣреваешься пристроиться къ какому-нибудь посольству, просилъ за тебя и этого герцога, и герцога Дюра, и еще нѣкоторыхъ друзей; я даже говорилъ объ этомъ съ старымъ Поншартреномъ и его женой. Всѣ они отвѣчали въ одинъ голосъ: «Но, говорятъ, жена вашего брата—одно изъ смѣшнѣйшихъ созданій въ мірѣ. Вы понимаете, что нельзя же дать дипломатическій постъ человѣку, у котораго такая жена, если онъ не оставитъ ее во Франціи, отправляясь самъ заграницу». Въ то время ты слышалъ кое-что объ этомъ; но, разумѣется, ты понималъ невозможность оставить эту женщину съ нашей матерью, и еще менѣе съ ея родителями, которыхъ вліяніе окончательно сгубило бы ее. Безусловное и общее молчаніе о ней показало мнѣ, что она непріятна не мнѣ одному. Но ты знаешь, что воспитанный человѣкъ никогда не говоритъ съ мужемъ объ

Digitized by Google

его женѣ. Ты долженъ, сверхъ того, сознаться, что и самъ не давалъ къ тому никакой возможности».

И дѣйствительно, до открытаго разрыва съ женой некрасивой, капризной и развратной, маркизъ упорно отстаивалъ свои химерическіе виды на пользу подобнаго союза. Не менѣе утопически велъ онъ и свое имущественное хозяйство, расходуя на него большія суммы, несоразмѣрныя съ получаемымъ доходомъ, и рискованно пріобрѣтая новыя имѣнія, въ ожиданіи будущихъ благъ, которыя никогда не наступали. Пришлось дѣлать долги, пришлось и занимать для исправной ихъ уплаты, пускаться въ предпріятія, много сулившія, но приносившія очень мало или только убытокъ. Между тѣмъ, нѣкоторая часть имѣній, принадлежавшихъ родителямъ его жены, поступила къ нему лишь черезъ тринадцать лѣтъ послѣ женитьбы, по смерти его тестя въ 1756 году; остальная часть, самая значительная, досталась ему только черезъ двадцать-семь послѣ брака, когда умерла и мать его жены. А въ это время, къ великому соблазну дѣтей, жена маркиза была уже въ открытой войнѣ съ мужемъ, которому тогда же приходилось разоряться на обезпеченіе уже взрослыхъ дѣтей, въ томъ числѣ на знаменитаго впослѣдствіи оратора, и на процессы съ женою, расточительность которой ввела и ее въ неоплатные долги.

Но всѣ эти несчастныя обстоятельства, способныя надломить силы человѣка, менѣе падкаго на блестящіе аристократическіе и фамильные планы, не помѣшали маркизу написать безчисленное множество сочиненій, большинство которыхъ даже не было имъ издано. То, что онъ издалъ въ разное время, составитъ, впрочемъ, не менѣе четырехъ томовъ, довольно цѣнныхъ въ литературной и политической исторіи восемнадцатаго вѣка. Сначала феодалъ и филантропъ, потомъ либералъ съ сильнымъ аристократическимъ оттѣнкомъ, противникъ административной централизаціи, наконецъ физіократъ, то-есть полу-монархистъ, полу-демократъ, отвергающій равенство, полу-соціалистъ по своей враждѣ къ денежнымъ и промышленнымъ спекуляціямъ, и крайній консерваторъ по отношенію къ земельной собственности, онъ отражаетъ въ себѣ самыя разнообразныя теченія общественной мысли въ ту великую эпоху. Сочиненія маркиза Мирабо, освѣщенныя его неизданной перепиской, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что авторъ «Друга людей», сдѣлавшись ревностнымъ ученикомъ и послѣдователемъ Кенэ, игралъ значительную роль въ политическихъ и экономическихъ вопросахъ и спорахъ, предшествовавшихъ французской революціи, что между своими совре-

Digitized by Google

менниками, большею частью или ослѣпленными до оптимизма, или беззаботно легкомысленными, онъ принадлежалъ къ числу немногихъ, предвидѣвшихъ неизбѣжность крупнаго общественнаго кризиса. «Игра въ жмурки, продленная черезъ мѣру», писалъ онъ, «непремѣнно окончится тѣмъ, что всѣ попадаютъ съ ногъ». Такъ или иначе, его мысли, заблужденія и утопіи не имѣли другой цѣли, кромѣ прекращенія безумной и безконечной правительственной и общественной игры въ жмурки; онѣ были попытками выяснить положеніе дѣлъ, найти прямую дорогу впередъ, показать опредѣленную цѣль, къ которой должны идти государство и общество, съ точки зрѣнія просвѣщеннаго аристократа, сознающаго близость катастрофы.

Викторъ Гюго называетъ маркиза Мирабо «очень рѣдкимъ мыслителемъ, который былъ въ одно и то же время позади и впереди своего времени». Токвиль характеризуетъ его приблизительно такъ же. Въ глазахъ его маркизъ Мирабо «представляетъ собою вторженіе демократическихъ идей въ феодальный умъ». И въ самомъ дѣлѣ, первая утопія маркиза Мирабо имѣетъ исключительно аристократическую, можно сказать—феодальную окраску. Сочиненіе, излагавшее эту утопію, не было напечатано и не назначалось для печати; авторъ писалъ его въ назиданіе своему потомству, въ 1747 году, и назвалъ своимъ «Политическимъ завѣщаніемъ». Онъ предлагаетъ въ немъ планъ возвеличенія своей фамиліи, совѣтуя потомкамъ продолжать дѣло, которое будетъ начато имъ самимъ. По его мнѣнію, аристократическая фамилія непремѣнно должна имѣть собственный планъ относительно своего усиленія въ государствѣ. Будущность Франціи еще представляется ему въ то время совсѣмъ иною, чѣмъ впослѣдствіи, когда онъ примыкаетъ къ физіократической школѣ. Воспитанный отцомъ въ ненависти къ возрастающимъ посягательствамъ королевской власти на дворянскую, онъ питаетъ надежду на возможность возврата къ аристократическому строю государственной жизни, къ усовершенствованному феодализму. «Именно изъ слабыхъ царствованій императоровъ Сигизмунда и Карла IV,—говоритъ онъ,—вышли преимущества, обезпечившія положеніе столькихъ сильныхъ домовъ въ Германіи; мы увидимъ то же самое во Франціи; самъ король (Людовикъ XV) какъ будто торопится придти къ такой развязкѣ. Но подданные, принимая тѣнь за самое тѣло, гонятся за должностями и набираютъ ихъ побольше съ единственной цѣлью воспользоваться ихъ денежными выгодами, нимало не заботясь о существенномъ, т.-е. о вліяніи и власти. Предоставимъ другимъ поступать, какъ имъ угодно, и

Digitized by Google

будемъ говорить о себѣ». Воображеніе увлекаетъ его такъ далеко, что онъ даже признаётъ возможнымъ раздробленіе французской монархіи. «Этого не надо ни опасаться, ни надѣяться», говоритъ онъ, «но это надо предвидѣть, чтобы постоянно стараться поставить себя въ независимое положеніе отъ цѣлаго, нынѣ составляющаго государственное тѣло». И онъ набрасываетъ въ своемъ сочиненіи политическую программу для знатной фамиліи, желающей поставить себя въ положеніе не только независимое отъ двора, но и довольно прочное для того, чтобы въ крайнемъ случаѣ пережить самую монархію. Впослѣдствіи жизнь и практика не могли не отрезвить политическаго завѣщателя отъ этихъ аристократическихъ грезъ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени. Правда, маркизъ Мирабо едва ли переставалъ когда-нибудь вѣрить въ благотворное призваніе аристократа-землевладѣльца въ его владѣніяхъ. Онъ горячо осуждалъ тѣхъ помѣщиковъ, которые не живутъ въ своихъ имѣніяхъ, хотя самъ онъ почти никогда не жилъ въ своихъ. Отсутствіе, конечно, не мѣшало ему дѣятельно вступаться въ ихъ чисто-мѣстныя дѣла; но вмѣшательство его издалека всегда оказывалось болѣе горячимъ и дѣятельнымъ, чѣмъ удачнымъ, болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, для собственнаго его авторитета. Его не слушались; ему часто приходилось терпѣть неудачу даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣйствовалъ, повидимому, съ самыми безкорыстными намѣреніями. Помѣщику уже не довѣряли въ то время; помѣщика и не любили, и не боялись. Такъ-называемые «интенданты», королевскіе чиновники, съ которыми маркизъ завѣщаетъ своему потомству вести систематическую борьбу, по самой силѣ вещей, по самому своему положенію, нерѣдко должны были ограждать и защищать населеніе отъ помѣщичьей власти. Маркиза въ то время еще не смущала вопіющая привилегія дворянства, противъ которой возставали Боденъ въ шестнадцатомъ, Вобанъ и Фенелонъ въ семнадцатомъ вѣкѣ — привилегія свободы отъ налоговъ, лежавшихъ тяжелымъ бременемъ на народѣ. Увлеченный своей любимой аристократической идеей, онъ предназначаетъ свое завѣщаніе главнымъ образомъ своему сыну, который въ то время еще не родился, и говоритъ ему въ концѣ: «Обдумай все это; мое завѣщаніе написано въ пять дней, но я обдумывалъ его много лѣтъ». А именно этому-то сыну и суждено было впослѣдствіи ударить въ набатъ противъ всякихъ привилегій.

Являясь въ своемъ политическомъ завѣщаніи чѣмъ-то въ родѣ выходца съ того свѣта, маркизъ былъ однакоже слишкомъ живой и подвижный человѣкъ, чтобъ упорно стоять на допотопной

Digitized by Google

и невозможной точкѣ врѣнія. Три года спустя, онъ выступаетъ уже съ новымъ, на этотъ разъ гораздо болѣе современнымъ сочиненіемъ о «Пользѣ провинціальныхъ представительныхъ собраній», которое извѣстный нашъ современникъ, экономистъ де-Лавернь, называетъ самымъ дѣльнымъ изъ экономическихъ и политическихъ произведеній маркиза. Оно было и первымъ напечатаннымъ его сочиненіемъ. Собственно говоря, оно тоже посвящено учрежденію старому и дряхлѣвшему въ своемъ устарѣломъ видѣ, но въ то же время очень живучему и пережившему всевозможныя правительства во Франціи. Очень ослабленныя абсолютизмомъ, провинціальныя собранія еще держались и могли впослѣдствіи стать одною изъ лучшихъ гарантій для народа, желающаго участвовать въ управленіи своими дѣлами. Выступая въ 1750 году защитникомъ того, что мы называемъ теперь мѣстнымъ самоуправленіемъ, представителемъ котораго въ то время были во Франціи только провинціальныя собранія, отецъ знаменитаго Мирабо опережалъ на четверть вѣка планы Тюрго и попытки Неккера, и почти на сорокъ лѣтъ то движеніе умовъ, которое заставило королевскую власть издать въ 1787 году эдиктъ, учреждавшій повсемѣстно, но слишкомъ уже поздно, мѣстное самоуправленіе, преобразившееся потомъ въ нынѣшніе генеральные совѣты Франціи.

Въ то время, когда вышло сочиненіе маркиза Мирабо о пользѣ провинціальныхъ собраній, три четверти французскихъ провинцій совсѣмъ не имѣли такихъ учрежденій, хотя и носили на тогдашнемъ административномъ языкѣ названіе «pays d'élection». То, что нѣкогда дѣлали въ нихъ выборные, теперь перешло въ руки чиновниковъ, и отъ прежнихъ учрежденій давно уже оставалось одно только имя. «Pays d'états» назывались, напротивъ, тѣ немногочисленныя провинціи, гдѣ еще сохранились періодическія мѣстныя собранія, которыя утверждали и распредѣляли налоги и раздѣляли съ интендантомъ мѣстную административную власть. Въ такомъ положеніи находились, между прочимъ, Лангедокъ, Бретань, Бургундія и Провансъ. Когда маркизъ Мирабо выступилъ на защиту этой системы управленія, она подвергалась сильнымъ нападкамъ со стороны приверженцевъ монархической и административной централизаціи. Мирабо доказывалъ, что способъ управленія посредствомъ провинціальныхъ собраній гораздо менѣе притѣснителенъ для народа, чѣмъ порядокъ управленія въ такъ-называемыхъ «pays d'élection», гдѣ все зависитъ отъ произвола интенданта и его чиновниковъ. Налоги распредѣляются тамъ равномѣрнѣе, жалобы на неправильность обложенія выслушиваются внимательнѣе, самый процессъ взима-

Digitized by Google

нія болѣе мягокъ и правиленъ. Съ цифрами въ рукахъ, авторъ обличалъ лживость распространеннаго мнѣнія, будто провинціи, въ которыхъ сохранились мѣстныя собранія, меньше платятъ королю, т.-е. въ казну, чѣмъ другія; ссылаясь на чисто гражданскій характеръ системы мѣстнаго самоуправленія и на постоянный контроль со стороны интенданта, онъ отвергалъ и ходячее мнѣніе, будто эти провинціи склонны къ неповиновенію королевской власти. Авторъ совѣтовалъ возстановить провинціальныя собранія вездѣ, гдѣ они уже не существуютъ, излагалъ различныя формы провинціальныхъ собраній въ четырехъ главнѣйшихъ провинціяхъ этого рода, названныхъ нами выше, и отдавалъ предпочтеніе той изъ нихъ, которая дѣйствительно всѣхъ больше удовлетворяла современнымъ требованіямъ,—лангедокской. Мѣстное провинціальное собраніе, или чины (les états, сословія), какъ почему-то называютъ эти учрежденія у насъ, засѣдало ежегодно, созываемое королевскимъ повелѣніемъ, не долѣе сорока дней, подъ предсѣдательствомъ нарбонскаго архіепископа. Три государственныя сословія имѣли въ немъ своихъ представителей: духовенство въ лицѣ трехъ архіепископовъ и двадцати епископовъ, дворянство въ лицѣ одного графа, одного виконта и двадцати одного барона, и среднее сословіе, представителями котораго были мэры, консулы и депутаты епархіальныхъ городовъ и одного изъ главныхъ городовъ каждаго уѣзда. Замѣчательно, что два вопроса, такъ сильно волновавшихъ Францію въ 1789 году,—вопросъ о двойномъ представительствѣ средняго сословія и рѣшеніи дѣлъ по числу голосовъ, а не по сословіямъ, издавна были рѣшены въ Лангедокѣ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ рѣшила ихъ революція. Въ лангедокскомъ провинціальномъ собраніи, число депутатовъ средняго сословія равнялось соединенному числу депутатовъ другихъ сословій, всѣ они совѣщались въ одной общей залѣ, и рѣшенія постановлялись большинствомъ голосовъ. Замѣчательно также, что маркизъ, еще не измѣнившій тогда окончательно своимъ прежнимъ феодальнымъ убѣжденіямъ, прямо высказывается за лангедокскую систему. Онъ одобряетъ не только двойное число депутатовъ отъ средняго сословія, считая его «правомѣрнымъ, потому что среднее сословіе несетъ главную тяжесть налоговъ», но и рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ, что, по его мнѣнію, гораздо лучше совѣщанія по сословіямъ, сохранившагося въ Бретани и Бургундіи, такъ какъ послѣдній способъ совѣщанія упраздняетъ для депутатовъ средняго сословія законныя послѣдствія ихъ права на двойное представительство. А между тѣмъ, именно по этому вопросу впослѣдствіи

Digitized by Google

поставилъ на карту свою корону несчастный Людовикъ XVI 13-го іюня 1789 года, хотя въ немъ была непосредственно заинтересована только аристократія, да и то не вся: значительное меньшинство ея, вмѣстѣ съ большинствомъ духовенства, отказалось тогда отъ своего притязанія. Именно въ этомъ вопросѣ наслѣдникъ трехъ королей, наиболѣе ограничившихъ права аристократіи во Франціи, напрасно принесъ себя въ жертву для нея, когда она, благодаря его предшественникамъ, да и самой себѣ, обратилась въ корпорацію безполезныхъ и потому ненавистныхъ народу привилегированныхъ тунеядцевъ.

Совѣтуя ввести лангедокскій порядокъ по всей Франціи, маркизъ Мирабо предсказывалъ, что народъ будетъ рукоплескать такой мѣрѣ, когда всѣ увидятъ, что дѣло идетъ серьёзно о введеніи мѣстнаго самоуправленія и равномѣрномъ распредѣленіи повинностей, и заключалъ слѣдующей страницей о положеніи французскаго крестьянства:

«Ни король, ни тѣ, кто его окружаетъ, не могутъ хорошо знать нищету сельскаго населенія. Про одну очень просвѣщенную королеву разсказываютъ, что когда ей сообщили, что бѣдные люди умираютъ съ голоду, она замѣтила: «Можно жить и хлѣбомъ, и сыромъ». Мнѣ никогда не случалось слышать, чтобы крестьянинъ сказалъ что-нибудь столь же наивное о горожанинѣ. Королева, безъ сомнѣнія, воображала, что жить хлѣбомъ да сыромъ значитъ дойти до послѣдней степени нищеты, и короли, я увѣренъ, и теперь еще не знаютъ, что крестьяне сочли бы себя въ высшей степени счастливыми, еслибъ всѣ они имѣли зимою и лѣтомъ столько черстваго хлѣба, сколько имъ нужно для себя и для своихъ дѣтей. А это знаютъ депутаты, члены провинціальныхъ собраній, съѣзжающіеся изъ всѣхъ угловъ провинціи... Напротивъ, все нѣмо въ такъ-называемыхъ «pays d'élection»... Люди живутъ тамъ, какъ стадо безъ пастуховъ, расхищаемое волкомъ. Король, этотъ общій пастырь, слишкомъ далеко, а заѣзжая стража, которой поручено охранять народъ, и есть именно тотъ волкъ, который его расхищаетъ».

Таково содержаніе перваго напечатаннаго сочиненія маркиза Мирабо, которое обратило общее вниманіе на вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи. Первое изданіе этого труда, вышедшее безъ имени автора, приписывали сначала Монтескьё. Вліятельный въ то время аббатъ Берни показывалъ автору письмо библіотекаря императрицы Маріи-Терезіи, который именемъ императрицы просилъ его сообщить имя автора. Дофинъ также поручилъ кавалеру Дю-Мюи узнать это имя. Но Мирабо непремѣнно хотѣлъ

Digitized by Google

остаться неизвѣстнымъ, пока не передѣлаетъ и не дополнитъ своего сочиненія. Неизвѣстно, въ которомъ году вышло это дополненное второе изданіе «Пользы провинціальныхъ собраній»; вскорѣ блестящій успѣхъ «Друга людей» побудилъ автора соединить въ одномъ изданіи оба сочиненія, и прибавить къ первому вступленіе и новый отпоръ противникамъ системы мѣстныхъ представительныхъ собраній. Изданіе это вышло въ 1758 году. Но прибавленія автора къ его первоначальному труду о пользѣ провинціальныхъ собраній не были удачны. Онъ очевидно имѣлъ въ виду, прежде всего, интересы аристократіи и, оставаясь еще подъ вліяніемъ феодальныхъ предразсудковъ, старался оправдать преимущества, которыми пользовались привилегированныя сословія по части налоговъ. Эта крупная ошибка, отъ которой авторъ не замедлитъ отречься, когда сдѣлается послѣдователемъ Кенэ, не упраздняетъ однако его существенной заслуги: въ XVIII вѣкѣ онъ первый возсталъ противъ крайностей административной централизаціи, и этотъ протестъ не переставалъ раздаваться въ обществѣ до самой революціи, не перестаетъ раздаваться и нынѣ.

«Я былъ столько же экономистомъ, сколько и мой котъ, когда сила темперамента, какъ выразился высокочтимый Кенэ, заставила меня написать «Друга людей», говорилъ маркизъ Мирабо, въ 1778 году, въ письмѣ къ своему пріятелю, итальянскому экономисту Лонго. Этими строками опровергается общепринятое у историковъ политической экономіи мнѣніе, будто «Другъ людей» написанъ подъ вліяніемъ Кенэ. Мнѣніе это легко объясняется тѣмъ, что послѣ большого успѣха первыхъ изданій этого сочиненія, авторъ, ставъ послѣдователемъ неизвѣстнаго ему прежде главы физіократовъ, прибавилъ къ третьему изданію «Друга людей», вышедшему въ 1769 году, нѣсколько статей, и въ томъ числѣ толкованіе знаменитой «экономической таблицы» Кенэ. Но первое изданіе вышло въ свѣтъ за четыре года передъ тѣмъ, гораздо раньше чѣмъ авторъ познакомился съ Кенэ и его системой, подъ заглавіемъ «Другъ людей, или трактатъ о народонаселеніи», съ прибавленіемъ внизу: «Авиньонъ, 1756». Дѣйствительно-ли оно было напечатано въ Авиньонѣ, или этотъ городъ показанъ съ умысломъ, какъ это часто дѣлалось тогда въ книгахъ, которыя не хотѣли представлять въ цензуру, — мы не знаемъ; такъ какъ второе и третье изданія вышли совсѣмъ безъ обозначенія города и типографіи, съ прибавленіемъ лишь словъ: *новое изданіе*, то сочиненіе маркиза Мирабо являлось передъ публикой со всѣми признаками изданія запрещеннаго. Гриммъ, въ своей «Литературной перепискѣ», прямо говоритъ,

Digitized by Google

что оно было запрещено; но въ перепискѣ Мирабо не сохранилось никакихъ слѣдовъ запрещенія. Во всякомъ случаѣ, оно читалось на-расхватъ и произвело несомнѣнно сильное впечатлѣніе въ обществѣ. «Смѣлость этого сочиненія доставила ему большой успѣхъ», говоритъ Гриммъ. «Власть имѣла неловкость запретить его, что̀ еще прибавило ему славы. Чтобъ оцѣнить этотъ трактатъ вообще и въ двухъ словахъ, довольно сказать, что авторъ написалъ бы крупное и прекрасное произведеніе, еслибъ обладалъ благородствомъ и возвышенностью языка... Языкъ г. Мирабо не лишенъ огня и стремительности, но онъ простоватъ, низменъ, тривіаленъ и постоянно грѣшитъ противъ благородства, такъ хорошо знакомаго древнимъ и связывающаго читателя съ авторомъ узами дружбы и участія. Вотъ почему я думаю, что слава «Друга людей» будетъ только кратковременна; тѣ же причины, которыя обезпечиваютъ безсмертіе Тациту и Монтескьё, неминуемо должны разрушить славу г. Мирабо. Другой недостатокъ автора, находящійся въ связи съ моими упреками его стилю, заключается въ его излишней болтливости; болтливость—самое вѣрное средство портить лучшія вещи, и г. Мирабо портитъ ихъ на каждомъ шагу... Хотя общія начала его прекрасны, очень вѣрны и могутъ быть названы единственными, какихъ можетъ придерживаться благоразумное правительство, онъ часто пользуется ими для защиты пародоксовъ... Затѣмъ, нельзя не сказать, что въ этомъ трактатѣ встрѣчаются вещи очень хорошія, что̀ онъ дѣлаетъ много чести сердцу и уму автора. То, что̀ онъ видитъ во всю величину, почти всегда прекрасно; но онъ потомъ портитъ это прекрасное мелочными и иногда фальшивыми подробностями»... «Въ книгѣ г. Мирабо есть какой-то жаръ, какая-то чувствительность и елейность, что-то мистическое, всегда сильно привлекающее толпу».

Эта оцѣнка «Друга людей» въ сущности вѣрна, но съ одной оговоркой: языкъ Мирабо̀ скорѣе можно назвать неправильнымъ и фамильярнымъ, чѣмъ тривіальнымъ и низменнымъ. Пересыпанное насмѣшливыми выходками и сантиментальными изліяніями, именно такое изложеніе много способствовало въ первое время необыкновенной популярности автора. Оно дѣлало книгу доступною многочисленному слою людей не-литературныхъ, получившихъ скудное научное образованіе. Въ одномъ письмѣ своемъ къ Лонго маркизъ Мирабо̀ сообщаетъ, что «Другъ людей» доставилъ книгопродавцамъ, по собственному ихъ признанію, 86,000 ливровъ дохода. «Другъ людей» былъ популярною книгой, въ полномъ смыслѣ этого слова, хотя и говорилъ о народонаселеніи, земле-

Digitized by Google

дѣлін и администрацін. Уже въ старости, въ 1786 году, авторъ писалъ Лонго о томъ же большомъ успѣхѣ своей авторской жизни: «Въ «Другѣ людей» есть много наивныхъ частностей, которыя удались — никто не знаетъ почему; а я хорошо это знаю: простота и естественность всегда имѣютъ свою цѣну, всегда очень рѣдки. Меня называли старшимъ сыномъ Монтэня. Публика не любитъ авторскаго *я*, потому что оно всегда говоритъ о себѣ свысока, а нужно, чтобъ оно было просто и чувствительно».

Успѣху «Друга людей», конечно, способствовалъ и духъ того времени, когда онъ появился въ печати. Два главныхъ направленія, стремившихся къ пересозданію существующаго порядка, которымъ всѣ поголовно были недовольны, — направленія либеральное и то, которое хотѣло водворить полное равенство между людьми, уже жили въ обществѣ и имѣли многочисленныхъ представителей въ литературѣ. Въ то время, какъ Монтескьё, Вольтеръ и ихъ послѣдователи боролись противъ административныхъ, судебныхъ и церковныхъ злоупотребленій, Руссо, Мабли, Рэналь и другіе негодовали противъ старой общественной іерархіи, доказывая естественное равенство людей. Аббатъ Рэналь, такъ скоро испугавшійся потомъ революціи и проклинавшій ее въ 1791 году, съ увлеченіемъ спрашивалъ теперь: «Когда же, наконецъ, придетъ ангелъ-истребитель, который долженъ снести все, что возвышается, и уравнять все?» Такъ или иначе, всѣ были воодушевлены любовью къ человѣчеству, сознаніемъ его неотъемлемыхъ естественныхъ правъ, но никто еще не посвящалъ себя спеціально изученію средствъ къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія народовъ. Наука, которую мы называемъ теперь политической экономіей, еще не нарождалась. Въ экономическихъ вопросахъ и дѣлахъ люди еще поступали эмпирически, каждый разъ подъ вліяніемъ данныхъ обстоятельствъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ общихъ началъ, которыми можно было бы руководствоваться въ частныхъ случаяхъ. Исключительную земледѣльческую систему Сюлли смѣнила не менѣе исключительная меркантильная система Кольбёра, давшая, правда, сильный толчокъ французской мануфактурной промышленности, но основанная на ложной идеѣ, будто народъ непремѣнно бѣднѣетъ, покупая издѣлія другихъ народовъ, — идеѣ, породившей запретительную систему, со всѣми ея искусственными и опасными послѣдствіями. Извѣстно, какъ много способствовали христіанство и церковь смягченію вопроса о пауперизмѣ своимъ вліяніемъ на богатыхъ и бѣдныхъ, устра-

Digitized by Google

ная первыхъ и сдерживая послѣднихъ надеждами на воздаяніе въ будущей жизни. Но въ XVIII вѣкѣ уже ни одинъ проповѣдникъ не рѣшился бы сказать въ своей проповѣди то, что говорилъ сто лѣтъ раньше знаменитый іезуитъ, котораго самъ Вольтеръ называлъ «краснорѣчивымъ разумомъ» — Бурдалю. Въ своей проповѣди о «богатствахъ», Бурдалю доказывалъ, опираясь на текстъ св. Іеронима: «Omnis dives aut iniquus est aut haeres iniqui», что въ корнѣ всѣхъ богатствъ лежитъ несправедливость. «Съ трудомъ отыщите вы хотя одно богатство, на глубинѣ котораго не было бы вещей, приводящихъ въ содроганіе», говорилъ этотъ проповѣдникъ семнадцатаго вѣка. Онъ утверждалъ, что человѣкъ, слывущій теперь за справедливаго и прямого, за правомѣрнаго обладателя всего, завѣщаннаго ему предками, въ такой же степени отвѣтственъ передъ Богомъ за ихъ несправедливости и преступленія, въ какой, по мірскому толкованію, онъ выгодно надѣленъ ихъ доходами и сокровищами». Бурдалю едва дѣлаетъ исключеніе для богатствъ, пріобрѣтенныхъ честно и медленно, непрерывнымъ трудомъ многихъ поколѣній. Но такіе случаи, по его мнѣнію, стали очень рѣдки. Указавъ нѣкоторыя изъ средствъ къ обогащенію, наиболѣе употребительныхъ въ его время, проповѣдникъ заявлялъ, что недобросовѣстность — чтобы не сказать обманъ — неминуемо лежитъ въ основаніи всякаго быстро пріобрѣтеннаго состоянія, и, предвидя ожидающее его возраженіе, заранѣе отвѣчалъ такъ: «Но такимъ образомъ, скажете вы, придется предать проклятію многихъ честныхъ людей? А я скажу: во-первыхъ, нужно сначала узнать, кто эти честные люди, и въ какомъ смыслѣ называютъ ихъ честными людьми; во-вторыхъ, я не призванъ проклинать никого; обязанность моего званія — объяснить вамъ божественное слово. Если тѣ, которыхъ вы называете честными людьми, находятъ въ этомъ свое проклятіе, то это ихъ дѣло. Во всякомъ случаѣ, вотъ неоспоримая истина: «Qui festinat ditari, non erit innocens», — кто торопится обогатиться, тотъ не чистъ — даже и въ мірскихъ глазахъ; какъ же могъ бы онъ оставаться чистымъ въ глазахъ божіихъ? А между тѣмъ, дорогіе слушатели, таково упорство вѣка. Чтобъ обогатиться въ короткое время, люди отказываются отъ чистоты, отрекаются отъ честности, даже совлекаютъ съ себя человѣческій образъ, пожираютъ бѣдняка, разоряютъ вдову и сироту, и, послѣ всего этого, путемъ грубаго притворства, становятся, или, лучше, дѣлаютъ себя ханжами: какъ-будто обрядность и набожность, сопровождающія несправедливость, но не исправляющія неправды, покрываютъ и

Digitized by Google

освящаютъ все!» Обращаясь затѣмъ къ бѣднымъ, проповѣдникъ совѣтовалъ имъ почерпнуть урокъ терпѣнія въ примѣрѣ порочнаго богача. «А вы, бѣдные, — говорилъ онъ, — научитесь находить утѣшеніе въ вашей бѣдности, научитесь уважать ее, потому что она предохраняетъ васъ отъ опасностей и несчастія богатыхъ; какъ ни неотразима она, обратите ее въ бѣдность добровольную, принимая ее съ покорностью и перенося съ терпѣніемъ». Но это свойство христіанской проповѣди поддерживать, такъ-сказать, равновѣсіе между богатствомъ и бѣдностью, естественно ослабѣвало, по мѣрѣ того, какъ ослабѣвала самая вѣра, и необходимость матеріальнаго благосостоянія стала перевѣшивать соображенія, помогавшія обходиться безъ него. Въ XVIII вѣкѣ экономисты уже рѣшительно преобладаютъ во Франціи надъ проповѣдниками. Монтескьё, очень осторожный въ вопросахъ политики и администраціи, высказываетъ въ «Духѣ законовъ» нѣсколько смѣлыхъ экономическихъ мыслей, которыя и до сихъ поръ нигдѣ не осуществились на практикѣ. «Милостыня, поданная голому человѣку на улицѣ, — говоритъ онъ, — не исчерпываетъ обязанностей государства, которое обязано доставлять всѣмъ гражданамъ обезпеченное существованіе: пищу, приличную одежду и образъ жизни, не вредный для здоровья». Вслѣдъ за появленіемъ «Духа законовъ» въ печати, Парижъ былъ наводненъ сочиненіями о земледѣліи, торговлѣ, мануфактурахъ, администраціи, налогахъ. Среди этихъ болѣе или менѣе техническихъ сочиненій, мало привлекательныхъ для большинства публики, «Другъ человѣка» обращалъ на себя особенное вниманіе и своимъ заглавіемъ, и своимъ изложеніемъ, представляя странную, но довольно оригинальную смѣсь серьёзныхъ замѣтокъ, болѣе или менѣе остроумныхъ парадоксовъ, новыхъ взглядовъ, сантиментальныхъ выходокъ, злыхъ насмѣшекъ и непривычныхъ фамильярностей. Все это не могло не произвести впечатлѣнія въ такое время, когда даже самые легкомысленные люди стали интересоваться общественными вопросами, когда въ сущности очень серьёзныя, но изящныя и проникнутыя тонкой ироніей бесѣды аббата Галіани о хлѣбной торговлѣ украшали столы въ гостиныхъ женщинъ полу-свѣта.

Авторъ «Друга людей» еще не имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣльной доктрины, окончательно сложившагося ученія. Содержаніе его сочиненія довольно безпорядочно и безсвязно; онъ самъ нашелъ нужнымъ придать ему заключительное слово, въ которомъ изложилъ сущность своихъ мнѣній и на основаніи котораго мы познакомимъ съ ними нашихъ читателей.

Digitized by Google

Маркизъ Мирабо отправляется отъ того положенія, что источникомъ богатства служитъ народонаселеніе. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ Кенэ, онъ откажется отъ этого положенія, признаваясь, что «онъ поставилъ плугъ впереди быковъ», и что, напротивъ, богатство пріумножаетъ населеніе; но вслѣдъ за этимъ тезисомъ, онъ выставляетъ другой, на этотъ разъ совершенно основательный, что населеніе растетъ по мѣрѣ возрастанія средствъ къ пропитанію. А средства къ пропитанію почерпаются, по его мнѣнію, единственно изъ земледѣлія, которое можетъ, будто бы, обходиться безъ всякихъ другихъ отраслей промышленности, тогда какъ ни одна изъ нихъ не можетъ обойтись безъ него; поэтому земледѣліе—важнѣйшій источникъ богатства, заслуживающій наибольшей заботливости и наибольшаго покровительства со стороны законодателя. Признавая Францію, по естественнымъ ея условіямъ, способною стать богатѣйшей земледѣльческой страной въ Европѣ, авторъ утверждаетъ, что настоящее состояніе ея самое жалкое, что населеніе ея постоянно уменьшается, что французское земледѣліе пребываетъ въ дѣтствѣ, и обсуждаетъ причины, задерживающія его ростъ. Онъ видитъ ихъ въ безпрерывно возрастающемъ развитіи фиктивнаго, мнимаго богатства, представляемаго металлами, въ чрезвычайномъ неравенствѣ состояній; «большія состоянія въ государствѣ,—говоритъ онъ, — то же, что щука въ прудѣ. Крупные землевладѣльцы живутъ въ Парижѣ, не занимаясь обработкой своихъ земель, которыя истощаются хищными и небрежными руками управляющихъ. Избирая какое-нибудь помѣстье своимъ мѣстопребываніемъ, они расходуются тамъ единственно на предметы роскоши и комфорта, въ ущербъ производительнымъ расходамъ. Возрастающія нужды государственной казны, сопровождаемыя возвышеніемъ дурно распредѣляемыхъ налоговъ, существующія преграды къ легкому сбыту произведеній земледѣльца, недостатокъ сухопутныхъ и водныхъ путей сообщенія — все это ослабляетъ и парализуетъ земледѣліе. Необходимо, чтобы правительство, любя знатныхъ, поддерживая среднихъ, уважало и малыхъ. «Пока вы не будете уважать низшіе слои человѣчества,—говорилъ онъ,—до тѣхъ поръ невозможно сохранять между ними степень благосостоянія, необходимаго для соревнованія и прогресса. Жалуются, что никто не хочетъ оставаться въ своемъ положеніи, что неумѣстное и всегда безмѣрное честолюбіе истощаетъ низшіе классы и обременяетъ высшіе». Но это происходитъ отъ того, что никому не желательно жить въ униженіи; униженіе переносятъ только по необходимости, а то, что дѣлается

Digitized by Google

подъ вліяніемъ принудительной силы, всегда дѣлается дурно. «Уважайте же малыхъ».

Обращаясь къ вліянію нравовъ и обычаевъ на процвѣтаніе земледѣлія, авторъ обозрѣваетъ существующіе общественные слои, возстаетъ противъ страсти къ деньгамъ, охватившей всѣ классы, оспориваетъ доводы въ пользу роскоши, которую считаетъ бичомъ полезнаго и прочнаго труда и даже бичомъ всего прекраснаго, которое она замѣняетъ въ искусствѣ изысканностью и погремушками. Авторъ «Друга людей» еще остается въ этомъ сочиненіи рѣшительнымъ сторонникомъ твердыхъ общественныхъ классификацій; онъ еще указываетъ духовенству, дворянству, судебному персоналу и буржуазіи тѣ доблести, которыя, по его мнѣнію, особенно необходимы каждому изъ этихъ классовъ; онъ возстаетъ противъ щедрой раздачи дворянскаго званія и неравныхъ браковъ, и въ комическихъ сценахъ издѣвается надъ происходящими отъ нихъ послѣдствіями. Онъ желаетъ терпимости въ дѣлахъ вѣры, но не хочетъ, чтобъ она доходила до равнодушія государства въ религіозныхъ вопросахъ, которые онъ считаетъ основаніемъ морали и всемогущимъ двигателемъ человѣчества. Авторъ высказывается также противъ крайностей философскаго направленія и, совѣтуя правительству сдерживать свое наблюденіе за нимъ въ предѣлахъ благоразумія, находитъ необходимымъ надзоръ за книжною торговлей (надзоръ этотъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, вскорѣ приводитъ и его самого въ тюрьму).

Говоря о финансахъ и торговлѣ, авторъ сильно осуждаетъ публичные займы и помѣщеніе капиталовъ въ государственную ренту, и прямо называетъ «рантье—праздныхъ человѣкомъ и жуиромъ, виновникомъ большинства общественныхъ невзгодъ». По его мнѣнію, пониженіе средней цифры роста всегда будетъ зависѣть отъ усиленія производства и государственнаго благосостоянія; онъ совѣтуетъ правительству постоянно стремиться къ сокращенію и погашенію ренты. Внутренняя и внѣшняя торговля должны быть совершенно свободны. Современные намъ сторонники свободной торговли не имѣютъ болѣе горячаго союзника, чѣмъ авторъ «Друга людей». Ему одинаково ненавистны пушечная и тарифная война. «Проектъ братства между торговыми народами»—говоритъ онъ—«не только не представляетъ ничего фантастическаго, но и оказывается единственнымъ средствомъ обуздать алчность и обезпечить человѣчеству плоды его труда и знаній». Авторъ рисуетъ затѣмъ любопытную картину французской колоніальной системы и бѣдствій, порожденныхъ рабствомъ цвѣтнокожихъ и, возвращаясь къ своей идеѣ братства,

Digitized by Google

объявляетъ, что «отнынѣ Европа не будетъ спокойна, если не направитъ своихъ усилій къ водворенію братства въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ».

Маркизъ Мирабо сводитъ свои мнѣнія о задачахъ внутренней политики Франціи къ слѣдующимъ пяти пунктамъ: 1) любите и уважайте земледѣліе; 2) удаляйте отъ центра къ конечностямъ все, что вы притягиваете теперь отъ конечностей къ центру; 3) презирайте роскошь и неумѣренные расходы; 4) уважайте добродѣтель и таланты, но не платите имъ; понижайте цифру роста, погашайте ренту. Онъ заключаетъ свое сочиненіе двумя воззваніями, обращенными къ друзьямъ человѣчества и къ Людовику XV, которому предлагаетъ стать типомъ настоящаго короля, короля-пастыря, и учредить министерство земледѣлія, раздѣленное на четыре департамента, соотвѣтственно старому дѣленію природы на четыре стихіи: на департаменты земли, воды, воздуха и огня.

Чтобы познакомить читателя съ способомъ изложенія автора, мы приведемъ изъ «Друга людей» слѣдующій небольшой отрывокъ, отчасти объясняющій, почему и довольно пространный трактатъ о народонаселеніи имѣлъ огромный успѣхъ въ такое время, когда умы, пресыщенные чисто дворской и дворянской культурой, съ жаромъ обращались къ природѣ и естественному, даже дикому состоянію человѣка, какъ болѣе завидному, чистому и привлекательному:

«Государство есть дерево», говоритъ маркизъ Мирабо: «корни его — земледѣліе, стволъ — населеніе, вѣтви — промышленность, листья — торговля и искусство. Изъ корней почерпаетъ дерево свои питательные соки; корни пускаютъ изъ себя множество развѣтвленій, вбирающихъ вещества земли; эти вещества превращаются въ соки, стволъ напитывается ими и даетъ множество вѣтвей, которыхъ здоровье зависитъ отъ силы ствола и которыя, казалось бы, могутъ обходиться безъ корней, столь отдаленныхъ и сокрытыхъ, что они остаются почти неизвѣстными. Питательный сокъ заключаетъ свое дѣйствіе созданіемъ листьевъ, самой блестящей и самой пріятной части дерева. Эта часть наименѣе прочна и наиболѣе открыта ударамъ бури; достаточно сильнаго зноя, чтобы заглушить и разрушить ее. Если корни сохраняютъ свою крѣпость, сокъ быстро исправляетъ поврежденіе; новыя листья выступаютъ со всѣхъ сторонъ и замѣняютъ собою высохшія отъ зноя; но если какое-нибудь непріязненное насѣкомое подточитъ корни въ нѣдрахъ земли, то напрасно будете вы ожидать, что солнце и роса оживятъ высохшій стволъ; надо спѣшить

Digitized by Google

на помощь корнямъ, дать имъ просторъ и возможность оправиться: иначе погибнетъ самое дерево».

Юмористическая часть «Друга людей» не утратила своей цѣны и въ наше время. Картинки, изображающая приключенія судьи, женившагося на дочери придворнаго, или жизнь денежнаго туза, породнившагося съ судьей, исторія молодаго человѣка, который, едва вышедъ изъ школы, покупаетъ должность passe-partout и, ставъ префектомъ, учится административному искусству по разнымъ провинціямъ въ ущербъ населенію, а потомъ, когда начинаетъ чему-нибудь научаться, благодаря своимъ промахамъ и ошибкамъ, возвращается въ государственный совѣтъ; эпизодъ стараго сельскаго дворянина, который творитъ судъ за обѣдомъ, прерывая пререканія тяжущихся словами: «Еще вина господину!», —затѣмъ сравненіе пьянства крестьянъ съ пьянствомъ парижскихъ рабочихъ, разсказъ о томъ, какъ французы колонизировали Канаду, вбивая въ землю сваи, которыя они называютъ укрѣпленіями, и черта на нихъ углемъ слова: «Именемъ короля», —всѣ эти эпизоды, разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, много способствовали его успѣху, несмотря на всѣ его слабыя стороны, на спутанность мыслей и неровность изложенія.

Современниковъ «Друга людей» привлекали къ этому сочиненію и встрѣчаемые въ немъ многочисленные контрасты, отвѣчавшіе настроенію тогдашняго большинства, которое уже было недовольно королевскою властью, но еще не разрывало съ нею окончательно. Въ своемъ сочиненіи авторъ является передъ читателями то горячимъ роялистомъ, то человѣкомъ, который не намѣренъ щадить и самого короля. Въ одномъ мѣстѣ онъ обращается къ королю съ такими словами: «Неужели вашему величеству никогда не приходило на мысль, что повелительный и презрительный видъ, который придаютъ вашимъ статуямъ, есть видъ или ребяческій, или очень прискорбный?» Требуя перенесенія подушнаго (поголовнаго) налога съ людей на лошадей, онъ заявляетъ желаніе, чтобы послѣ этой мѣры была отлита медаль въ честь короля, съ слѣдующею надписью: «Людовикъ нашелъ въ своемъ королевствѣ подушный налогъ на людяхъ; онъ освободилъ своихъ братьевъ и обложилъ головы лошадей». Достаточно религіозный для того, чтобы защищать монаховъ въ такое время, когда на нихъ сильно нападали, авторъ относится очень строго или иронически къ современнымъ ему высшимъ духовнымъ лицамъ. За шесть лѣтъ до появленія въ печати «Эмиля» Руссо, онъ проповѣдуетъ матерямъ, что

Digitized by Google

онѣ должны кормить сами своихъ дѣтей. «Еслибъ это отъ меня зависѣло,—говоритъ онъ,—я умножилъ бы матримоніальныя права всякой матери, которая кормила своихъ дѣтей сама». Большой ригористъ въ вопросахъ морали, онъ такъ дорожитъ умноженіемъ населенія, что не только требуетъ, чтобы всякая дѣвушка, сдѣлавшаяся матерью, имѣла подъ рукою многочисленныя заведенія, обязанныя принять и воспитать ея ребенка, но и желаетъ, чтобъ «она получала при выходѣ изъ такого заведенія, если она нуждается, денежную награду за даръ, принесенный ею государству». Проповѣдуя братство, онъ ограничиваетъ его, однако, «правомъ старшаго въ родѣ для дворянъ», что̀ въ свою очередь не мѣшаетъ ему «съ глубокимъ уваженіемъ давать дорогу водоносу, потому что бѣднякъ несетъ тяжесть, и имѣть сношенія съ нищимъ, котораго вонючій запахъ и рубище упрекаютъ насъ за непризнанное братство». Прибавьте къ этому строгія внушенія обществу, въ которомъ, по словамъ автора, каждый говоритъ: «Послѣ меня пусть будетъ хоть потопъ!» и къ которому онъ обращается такъ: «Очень слѣпы тѣ, кто не видитъ предстоящей опасности, потому что она близка».

Въ виду всего этого понятно, почему безъименный авторъ «Друга людей» вскорѣ сдѣлался извѣстенъ всѣмъ, прославился во Франціи и Европѣ, почему названіе его сочиненія стало его собственнымъ именемъ, почему, наконецъ, парижскіе торговцы прибавляли это имя къ своимъ вывѣскамъ, и первый французскій переводъ англійской поэмы Томпсона: «Времена года», напечатанный въ 1760 году, появился съ восторженнымъ посвященіемъ другу людей.

VI.

Знакомство съ Кенэ.—Маркизъ Мирабо—физіократъ.—Его „Теорія налога".—Арестъ и ссылка.—Его прозелитизмъ и физіократическіе вторники.—„Эфемериды".—Экономическія мельницы и хлѣбопекарни.

Среди этихъ-то первыхъ удовольствій литературной славы произошло событіе, которое маркизъ Мирабо называетъ важнѣйшимъ событіемъ своей умственной жизни. Старый докторъ Кенэ, врачъ г-жи Помпадуръ, оберегавшій съ крайнимъ вниманіемъ и усердіемъ здоровье своей красивой, но мало почтенной паціентки, въ то же время издавна обдумывалъ новую систему общественнаго устройства. Въ 1756 году онъ высказалъ въ «Энциклопедіи», подъ словомъ «Фермеры», нѣсколько новыхъ мыслей о

Digitized by Google

земледѣліи, которыя черезъ годъ были имъ подробнѣе развиты тамъ же, подъ словомъ «Хлѣбныя зерна» (Grains). Эти двѣ статьи, появившіяся въ печати одновременно съ «Другомъ людей», и которыми, очевидно, не могъ пользоваться авторъ послѣдняго сочиненія, были замѣчены, но еще не доставили Кенэ ни послѣдователей, ни школы. Читая «Друга людей», онъ былъ пораженъ сходствомъ мыслей автора съ своими, хотя и расходился съ нимъ во многомъ, и написалъ на своемъ экземплярѣ слѣдующія характерныя строки, съ разу обличающія врача и человѣка системы: «Дитя питалось плохимъ молокомъ; сила темперамента возвращаетъ ему силы, но авторъ ничего не понимаетъ въ общихъ началахъ». Кенэ пожелалъ видѣться съ прославленнымъ писателемъ, чтобъ обратить его въ свой толкъ. «Онъ просилъ меня»—писалъ маркизъ Мирабо своему пріятелю Лонго—«увѣдомить его, когда я пріѣду въ Версаль, такъ какъ ему нельзя отойти отъ г-жи Помпадуръ ни днемъ, ни ночью; потомъ, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, г-жа Помпадуръ, въ бытность свою въ Парижѣ, подвозила его къ моей двери часа на два, и только». Первое свиданіе между Кенэ и маркизомъ, происходившее въ версальской квартирѣ перваго, надъ комнатами г-жи Помпадуръ, было очень бурно. Кенэ объявилъ своему гостю, что, принявъ населеніе за источникъ богатства, «Другъ людей» запрегъ быковъ позади плуга, и что писатели, которымъ слѣдовалъ авторъ, особенно Кантильонъ, писавшій о торговлѣ, сущіе глупцы. Маркизъ подумалъ сначала, что его собесѣдникъ помѣшался; но, пораженный его возраженіями, посѣтилъ его еще вечеромъ и возобновилъ утренній споръ. «Тогда-то, говоритъ онъ, разрубили черепъ Голіаѳу» (читатель догадывается, кто былъ въ настоящемъ случаѣ Голіаѳомъ и кто Давидомъ). Послѣ этой второй бесѣды, Кенэ пріобрѣлъ перваго и самаго фанатическаго изъ своихъ учениковъ. Этотъ гордый и насмѣшливый аристократъ отнынѣ боготворилъ своего учителя до самой его смерти и посвятилъ всѣ свои силы распространенію его ученія и основанію его школы. Когда школа была основана, когда она уже имѣла свои сходки, происходившія обыкновенно у маркиза, свои газеты и свой журналъ, день обращенія друга людей въ физіократа сталъ великимъ днемъ въ лѣтописяхъ «науки», какъ называли свое ученіе физіократы, и молодой Дюпонъ (Немурскій), редакторъ «Эфемеридъ гражданина», въ торжественныхъ выраженіяхъ передалъ потомству свѣдѣніе объ этомъ первомъ свиданіи между другомъ людей и великимъ Кенэ.

Однимъ изъ оригинальнѣйшихъ явленій XVIII вѣка было

Digitized by Google

именно возникновеніе новой науки, имѣвшей свою долю вліянія на крушеніе стараго порядка, въ помѣщеніи любовницы Людовика XV. Въ этомъ помѣщеніи размышлялъ ея талантливый врачъ о причинахъ богатства и бѣдности народовъ и объ условіяхъ, способствующихъ благосостоянію и счастію человѣчества. Интересныя записки Дю-Госсе, горничной г-жи Помпадуръ, сохранили намъ вѣрный образъ Кенэ, который безъ нея былъ бы затемненъ для насъ грудой тяжелыхъ сочиненій, оставленныхъ его учениками. Проживъ много лѣтъ подъ одною кровлей съ знаменитымъ докторомъ, г-жа Дю-Госсе рисуетъ намъ этого человѣка тѣмъ съ бо́льшею искренностью, что не можетъ дать себѣ отчета въ его умственной работѣ. «Я слышала,—пишетъ она,—что г. Кенэ очень ученъ въ нѣкоторыхъ предметахъ, относящихся къ финансамъ, что онъ большой экономистъ; но я не знаю хорошенько, что́ это такое». Она поэтому описываетъ человѣка, а не главу школы, описываетъ его съ натуры, малорослаго, съ фигурой обезьяны, въ которой ученики его находили сходство съ Сократомъ, грубоватаго, но любезнаго, веселаго, насмѣшливаго, щедраго на остроумныя выходки и забавныя бесѣды. Подъ этою оболочкой общительнаго человѣка и веселаго собесѣдника, пользующагося довѣріемъ всемогущей любовницы короля, къ которой онъ и самъ, повидимому, былъ искренно привязанъ, скрывался до щепетильности честный характеръ, отъ природы нетерпящій интригъ и фальши, которыхъ полна придворная среда. Кенэ приходитъ въ ужасъ при видѣ управляющаго почтовою частью, когда тотъ приноситъ королю извлеченіе изъ писемъ, отправленныхъ частными лицами по почтѣ. Съ пѣной у рта говоритъ онъ: «Мнѣ было бы такъ же непріятно пообѣдать съ этимъ человѣкомъ, какъ и съ палачомъ». Онъ отвѣчаетъ тѣмъ, кто много говоритъ о могуществѣ штыковъ: «А кто же, въ концѣ-концовъ, управляетъ штыками, какъ не общее мнѣніе?» Однажды, когда г-жа Помпадуръ дивилась его смущенію передъ королемъ, онъ отвѣчалъ ей: «Когда я въ одной комнатѣ съ королемъ, внутренній голосъ говоритъ мнѣ: вотъ человѣкъ, который можетъ отрубить тебѣ голову, и эта мысль меня смущаетъ».—Но справедливость и доброта короля должны бы успокоивать васъ,—замѣтила Помпадуръ.—«Да, онѣ могутъ успокоительно дѣйствовать на разсудокъ; но чувство не размышляетъ», возразилъ Кенэ. Г-жа Дю-Госсе передаетъ также очень любопытный разговоръ, происходившій у Кенэ, между нимъ и первыми его учениками. «Франція въ отчаянномъ состояніи», сказалъ маркизъ Мирабо́: «въ ней нѣтъ ни энерги-

Digitized by Google

ческихъ чувствъ, ни денегъ, которыя могли бы замѣнить ихъ». —Она можетъ быть обновлена только завоеваніемъ, какъ Китай, или какимъ-нибудь крупнымъ внутреннимъ потрясеніемъ», замѣтилъ другой физіократъ, Мерсье де-ла-Ривьеръ; «но горе тѣмъ, которые попадутъ въ эту передрягу: французскій народъ церемониться не будетъ». Эти слова напугали меня, прибавляетъ г-жа Дю-Госсе: я поспѣшила выдти, и тотчасъ записала ихъ.

Еще неизвѣстный публикѣ въ качествѣ великаго реформатора, Кенэ уже слылъ при версальскомъ дворѣ за эксцентрическую голову, за недовольнаго, за врага злоупотребленій, сильно озабоченнаго улучшеніемъ общественныхъ условій посредствомъ земледѣлія. Положеніе врача и довѣреннаго человѣка при г-жѣ Помпадуръ считалось очень вліятельнымъ, и многіе заискивали въ докторѣ, а онъ любилъ поучать всѣхъ своей теоріи. Чтобы пріобрѣсти его покровительство, иные соглашались съ нимъ притворно. Въ своихъ запискахъ Мармонтель кается въ этомъ грѣхѣ. «Кенэ хотѣлъ составить школу», говоритъ онъ: «онъ давалъ себѣ трудъ толковать мнѣ свое новое ученіе, чтобы сдѣлать меня своимъ ученикомъ и послѣдователемъ. Я же имѣлъ въ виду сдѣлать его посредникомъ между мною и г-жою Помпадуръ, я усиливался понять его истины, которыя онъ выдавалъ за очевидныя, но находилъ въ нихъ только туманъ. Я однакоже всегда оставлялъ ему надежду на то, что онъ просвѣтитъ меня рано или поздно, и внушитъ мнѣ свои мнѣнія». А между тѣмъ, онъ воспользовался вліяніемъ Кенэ, чтобы получить хорошее мѣсто черезъ г-жу Помпадуръ.

Маркизъ Мирабо не принадлежалъ къ этой категоріи лично заинтересованныхъ слушателей вліятельнаго доктора. Онъ предался ученію Кенэ не только съ полною искренностью, но и съ фанатизмомъ. И Кенэ и Мирабо были отъ природы утописты, оба искренно вѣрили въ возможность тогда же дать обществу такое устройство, которое обезпечивало бы каждому «право на счастіе», оба, еще ранѣе своего знакомства, признали земледѣліе основой всякихъ общественныхъ преобразованій. Но систематическій умъ давалъ Кенэ большой перевѣсъ надъ плодовитымъ, но безсвязнымъ, менѣе сосредоточеннымъ умомъ его аристократическаго послѣдователя. Въ одномъ письмѣ къ Руссо, маркизъ сознается, уже послѣ успѣха «Друга людей», что «умъ его плаваетъ въ океанѣ неизвѣстности и сомнѣній». Понятно, съ какимъ увлеченіемъ долженъ былъ броситься такой человѣкъ въ объятія Кенэ, предлагавшаго ему цѣлую систему, которая выводила нравственный и общественный порядокъ изъ физическаго, доказывала полное совпа-

Digitized by Google

деніе справедливаго съ полезнымъ, твердо ставила естественное право человѣка на три рода собственности—личную, недвижимую и поземельную, стремилась устроить общество въ видахъ безпрерывнаго возвышенія чистаго дохода отъ земледѣлія, свободой промышленности и торговли примиряла преобладаніе землевладѣльцевъ съ выгодами другихъ классовъ и вѣнчала все это легальнымъ деспотизмомъ. Уже въ 1760 году маркизъ Мирабо издалъ, въ видѣ дополненія къ «Другу людей», книгу о разныхъ вопросахъ, относящихся къ земледѣлію, въ которой онъ впервые объявлялъ во всеуслышаніе, что былъ просвѣщенъ «геніальнымъ человѣкомъ», котораго онъ еще не называлъ по имени, но о которомъ отзывался такъ, что возбуждалъ въ сильной степени любопытство читателей. Въ этой книгѣ онъ рѣзко нападалъ на защитниковъ натуральныхъ повинностей, лежащихъ на крестьянствѣ и отъ которыхъ оно не могло откупиться даже деньгами. Съ легкой руки маркиза, въ литературѣ появилось не мало брошюръ въ томъ же родѣ, подъ ударами которыхъ дорожная натуральная повинность пала въ первый разъ, въ 1776 году, при Тюргò, отчасти принадлежавшемъ также къ физіократической школѣ. Къ ученію Кенэ примкнули, между тѣмъ, совѣтникъ парижскаго парламента Мерсье де-ла-Ривьеръ и финансистъ Гурнэ; но самымъ дѣятельнымъ работникомъ школы оставался неизмѣнно маркизъ Мирабò, писавшій своему брату въ іюлѣ 1760 года: «Несчастливъ тотъ, любезный братъ, кто съ дѣтства дышалъ воздухомъ вѣка, погруженнаго только въ личные интересы, и долженъ чувствовать себя чѣмъ-то въ родѣ нравственнаго Донъ-Кихота, будучи собственно гражданиномъ! Горестно видѣть всѣ умы улетучившимися, всѣ души разслабленными, всѣ сердца холодными и себялюбивыми! Признаюсь: еслибъ не примѣръ настойчиваго и упорнаго доктора (Кенэ), котораго трудовое и апостолическое въ своемъ родѣ усердіе не слабѣетъ ни на минуту, я былъ бы способенъ бросить все; но этотъ человѣкъ, видящій лучше и ближе другихъ всѣ нравственныя невозможности, тѣмъ не менѣе работаетъ неустанно, хотя и не увидитъ великихъ плодовъ своей работы, и мнѣ было бы стыдно быть менѣе настойчивымъ, чѣмъ онъ!» Кенэ, дѣйствительно, не замедлилъ направить вниманіе маркиза на самый жгучій вопросъ того времени, на вопросъ о налогѣ. Задуманное имъ предпріятіе представляло нѣкоторыя опасности; но маркизъ Мирабò не колебался, и оно было причиной самаго громкаго событія его жизни и еще бóльшаго усиленія его популярности. Въ концѣ 1760 года,

Digitized by Google

въ самомъ разгарѣ злополучной Семилѣтней войны, онъ напечаталъ свою «Теорію налога».

«Государь, подъ вашею властью двадцать милліоновъ людей и подданныхъ, болѣе или менѣе. У всѣхъ этихъ людей есть какія-нибудь деньги; они всѣ болѣе или менѣе способны нести ту службу, какой вы отъ нихъ требуете, а между тѣмъ вы уже не можете получать ни услугъ безъ денегъ, ни денегъ для того, чтобъ оплачивать услуги. Это значитъ по-простому, что вашъ народъ удаляется отъ васъ, самъ того не сознавая, такъ какъ онъ пока еще связанъ съ вашею особой, мысленно отдѣляемой отъ агентовъ вашей власти; но онъ не смѣетъ этого высказать, потому что мы живемъ въ изнѣженное и трусливое время. Ваше могущество есть не что иное, какъ слiяніе воли сильнаго и дѣятельнаго народа съ вашею волей, откуда слѣдуетъ, что разъединеніе ихъ подрѣзываетъ нервъ вашего могущества. Таково зло. А вотъ и причины, его порождающія».

Такъ начинается сочиненіе маркиза о налогѣ, появившееся на свѣтъ въ такое время, когда недовольство стало всеобщимъ, когда средства страны казались истощенными, и никто не зналъ, какъ продолжать морскую и сухопутную войну безъ генераловъ, съ арміей, деморализованной многочисленными пораженіями, и съ жалкими остатками флота, истребленнаго непріятелемъ. Въ такое-то время появилась книга, поражавшая смѣлостью критическаго отношенія автора къ людямъ и дѣламъ. Авторъ защищалъ слѣдующія положенія: Налогъ есть дань, приносимая подданными королю, а не добыча, исторгаемая королемъ у подданныхъ; король не имѣетъ права облагать своихъ подданныхъ безъ ихъ содѣйствія и согласія; самымъ естественнымъ, справедливымъ и выгоднымъ налогомъ былъ бы налогъ на чистый доходъ съ земли, т.-е. на поземельную ренту, за вычетомъ всѣхъ расходовъ производства (основное положеніе физіократовъ); распредѣленіе и взиманіе налоговъ должно быть предоставлено мѣстнымъ провинціальнымъ собраніямъ; внутренняя и внѣшняя торговля должна быть освобождена отъ всякихъ сборовъ; необходима безотлагательная отмѣна откупной системы, при помощи которой взималась тогда половина существующихъ налоговъ. Авторъ затрогивалъ, такимъ образомъ, и правительство, и откупщиковъ. Послѣдніе, разумѣется, не замедлили потребовать примѣрной кары для автора, который высказывалъ прямо, что «откупщики всегда скупали народъ у королей, и въ концѣ-концовъ губили и народъ, и короля, да и самихъ себя». Придворный банкиръ Монмартель объявилъ правительству, что если

Digitized by Google

авторъ не будетъ примѣрно наказанъ, то кредитъ его, банкира, будетъ убитъ. Правительство было въ то время неоплатнымъ должникомъ откупщиковъ и находилось въ полномъ ихъ распоряженіи. Черезъ шесть дней по выходѣ «Теоріи налоговъ», авторъ былъ арестованъ и посаженъ въ Венсеннскій замокъ.

Впечатлѣніе, произведенное въ обществѣ книгой маркиза Мирабо и арестомъ ея автора, какъ и сильныя и слабыя стороны книги, удачно переданы въ слѣдующемъ письмѣ г-жи д'Эпинэ къ Вольтеру:

«Слышали ли вы о книгѣ г. Мирабо, подъ заглавіемъ: «Теорія налога»? Это цѣлая буря. Все въ ней перемѣшано, темно, и вдругъ ослѣпительные проблески свѣта, которые сбиваютъ васъ съ ногъ; невѣрные разсчеты, вѣрныя мысли, мѣстами краснорѣчіе, мѣстами чепуха; смѣлость, доходящая до дерзости (другіе сказали бы до нахальства и, можетъ быть, сказали бы правду); впрочемъ, поразительная и вѣрная картина нашихъ несчастій, легкое указаніе на цѣлительныя средства, но довольно сомнительныя. Все это привело его въ Венсеннскій замокъ, гдѣ онъ сидитъ со вчерашняго дня... Никто никогда не былъ такъ арестованъ, какъ г. Мирабо. Ему сказали: «Намъ приказано не слишкомъ торопить васъ. Вы можете быть арестованы и завтра, если вамъ некогда сегодня».—«Нѣтъ, господа»,—отвѣчалъ маркизъ:—«нельзя достаточно торопиться, исполняя приказъ короля; я ожидалъ ареста». И онъ отправляется съ чемоданомъ, набитымъ книгами и бумагами... Книга слишкомъ объемиста, чтобы можно было послать ее по почтѣ; въ противномъ случаѣ, вы уже имѣли бы ее, любезный философъ.»

Вольтеръ не любилъ маркиза Мирабо, который платилъ ему тою же монетой, и ихъ взаимная антипатія легко объясняется несходствомъ ихъ характеровъ и склада ума. Но Вольтеръ умѣлъ подчинять свои личныя чувства требованіямъ общественнаго мнѣнія. Узнавъ отъ г-жи д'Эпинэ, какъ сильно интересовалась публика участью автора «Теоріи налога», онъ тотчасъ написалъ д'Аржантелю, прося его перемѣнить число въ посвященіи «Танкреда» г-жѣ Помпадуръ, такъ какъ въ этомъ посвященіи, въ угоду фаворитѣ, онъ слегка подсмѣивался надъ экономистами и другими писателями, представлявшими положеніе дѣлъ въ мрачномъ видѣ. «Если это посвященіе не будетъ помѣчено другимъ числомъ», писалъ онъ 28-го декабря, оно покажется оскорбленіемъ, нанесеннымъ бѣдному другу людей и его несчастію... Я прослыву за низкаго льстеца, раздѣляющаго

Digitized by Google

вкусы дворецкихъ, когда его товарищъ лакей сидитъ въ ergastulo за то, что имъ противорѣчилъ.»

Маркизъ Мирабо переносилъ заключеніе, какъ настоящій философъ. Онъ писалъ одной своей знакомой, что взялъ съ собою въ тюрьму «Мысли» Марка-Аврелія, книгу премудрости Соломона и очень рѣдкій и забавный сборникъ провансальскихъ пословицъ, и что слуга его былъ очень удивленъ, услыхавъ его хохотъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ дверь его камеры была заперта за нимъ тюремщикомъ. Но Кенэ былъ въ отчаяніи,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ г-жа Дю-Госсѐ.— «Мирабо сидитъ въ Венсеннѣ за свое сочиненіе о налогѣ»,— сказалъ ей Кенэ. «На него донесли откупщики и потребовали, чтобъ онъ былъ арестованъ. Жена его должна броситься сегодня же къ ногамъ г-жи Помпадуръ» — «Черезъ нѣсколько минутъ (продолжаетъ г-жа Дю-Госсé), я пришла въ уборную г-жи Помпадуръ, куда пришелъ и докторъ. Г-жа Помпадуръ сказала ему: «Вы должны быть огорчены несчастіемъ вашего друга Мирабó, и я огорчена имъ, потому что любила его брата».—«Я совсѣмъ не предполагаю въ немъ дурныхъ намѣреній», отвѣчалъ Кенэ; «онъ любитъ короля и народъ».—Да, его «Другъ людей» дѣлаетъ ему много чести, — замѣтила г-жа Помпадуръ. Въ это время вошелъ начальникъ полиціи, и г-жа Помпадуръ спросила его: «Вы читали книгу г. Мирабó? — Да, но не я донесъ на него.— «Что вы думаете объ этой книгѣ?—Я думаю, что онъ могъ бы сказать очень многое въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ. Между прочимъ въ началѣ книги есть двѣ фразы: «Государь, подъ вашею властью двадцать милліоновъ людей, болѣе или менѣе; вы уже не можете получать ни услугъ безъ денегъ, ни денегъ на то, чтобъ оплачивать услуги». — «Какъ, докторъ, это сказано въ книгѣ?» — Сказано, но это первыя строки. Я согласенъ, что онѣ неблагоразумны; но когда прочтешь все сочиненіе, то убѣждаешься, что авторъ жалуется на ослабленіе патріотизма въ сердцахъ, и желалъ бы оживить его.— Вошелъ король, и мы вышли... Когда я вернулась потомъ въ уборную, г-жа Помпадуръ мнѣ сказала: «Король очень раздраженъ противъ Мирабо, но я старалась смягчить его. Начальникъ полиціи —тоже. Это должно удвоить опасенія Кенэ».

Соединенныя усилія Кенэ и многочисленныхъ друзей маркиза Мирабо уладили, однако же, его дѣло. Король согласился на его освобожденіе послѣ восьмидневнаго ареста, и, давъ ему двадцать-четыре часа на устройство дѣлъ въ Парижѣ, сослалъ

Digitized by Google

его на житье въ Биньонъ, одно изъ его имѣній, близъ Немура, впредь до новаго распоряженія.

Ссылка въ Биньонъ нимало не ослабила сношеній маркиза съ парижскими друзьями и знакомыми. Онъ получалъ и писалъ тамъ цѣлыя груды писемъ. «Если это продлится,—писалъ онъ своему брату,—то откупщики почтоваго дохода будутъ платить правительству за то, чтобъ оно держало менѣе въ ссылкѣ, потому что письма приходятъ тюками, а они очень дороги». Послѣдняя почта стоила ему 27 ливровъ. И самъ онъ, въ свою очередь, съ утра до вечера писалъ посланія своимъ друзьямъ и многочисленнымъ поклонникамъ «Теоріи налога». Онъ сообщалъ брату, что послѣдняя почта увезла до сорока однихъ его писемъ. Въ Биньонѣ же мы впервые встрѣчаемся съ личностью, игравшей крупную роль въ жизни маркиза—г-жей Пайи, замужнею женщиной, согласившеюся раздѣлить ссылку съ маркизомъ и его женой. Но ссылка была непродолжительна. За маркиза усиленно хлопоталъ при дворѣ его братъ, будущій мальтійскій коммандоръ, ссылаясь на болѣзнь матери; искусная де-Пайи, познакомившись съ Кенэ, вмѣстѣ съ нимъ и другими такъ удачно дѣйствовала прямо на г-жу Помпадуръ, что уже 21 февраля 1761 года братъ маркиза могъ послать ему слѣдующую записку министра Сенъ-Флорентена: «Съ большимъ удовольствіемъ сообщаю вамъ, м. г., что король соизволилъ на пріѣздъ вашъ въ Парижъ и на пребываніе здѣсь, пока болѣзнь вашей матушки будетъ требовать вашего присутствія и вашихъ заботъ». Какъ ни условно было это разрѣшеніе, маркизъ не безъ основанія считалъ его окончательнымъ, обусловленнымъ только по недавности ссылки, и предался въ Парижѣ распространенію физіократическихъ мнѣній.

Ссылка Мирабо не осталась безъ вліянія на дальнѣйшія судьбы этой школы. Въ одномъ своемъ письмѣ, будущій трибунъ Мирабо, посаженный своимъ отцомъ, маркизомъ, въ Венсенскій замокъ, осмѣивая и клеймя послѣдняго, говоритъ, что физіократы чтятъ заключеніе и ссылку автора «Теоріи налога», какъ восточные фанатики — бѣгство Магомета изъ Мекки въ Медину. Шутка довольно мѣткая: восемь лѣтъ спустя, въ «Эфемеридахъ» 1769 года, органѣ физіократовъ, было напечатано, что послѣ несчастія, разразившагося надъ авторомъ «Теоріи налога», наступили два съ половиною года молчанія для гражданъ-мыслителей, изучавшихъ политическую экономію. Съ ревностью новообращеннаго, Дюпонъ Немурскій объяснялъ въ этомъ журналѣ, какъ много потеряло человѣчество въ эти роковые два съ

Digitized by Google

половиною года отъ такого молчанія. Дѣйствительно, Кенэ и Мирабо, видя со стороны правительства намѣреніе задержать общее стремленіе литературы къ административнымъ и финансовымъ вопросамъ, временно отказались распространять свое ученіе путемъ печати, но не отказались отъ словесной пропаганды. Врачъ г-жи Помпадуръ былъ неутомимъ въ своемъ рвеніи проповѣдника. Дюпонъ Немурскій, Ле-Тронъ, аббатъ Бодо и другіе пристали въ это время къ школѣ. Въ 1765 году Бодо получилъ разрѣшеніе издавать журналъ «Эфемериды гражданина», или «Хроника умственной жизни націи», а съ 1767 года это безвѣстное изданіе, гдѣ, по выраженію маркиза, «папствовалъ аббатъ Бодо, стало органомъ физіократической школы, сохранивъ свое первое названіе, но измѣнивъ второе на «Систематическую библіотеку нравственныхъ и политическихъ наукъ». Журналъ выходилъ 20-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 200—230 страницъ, въ 12-ю долю листа. Въ отсутствіе Бодо, журналомъ завѣдывалъ Дюпонъ, подъ руководствомъ Кенэ и Мирабо. «Дюпонъ—сынъ одного парижскаго часовщика, человѣкъ съ душой и умомъ», писалъ о немъ маркизъ своему пріятелю Лонго, выказывая аристократическую антипатію къ тогдашней философіи и Вольтеру: «онъ предварительно вкусилъ философіи и былъ пенсіонеромъ Вольтера, но это не согласовалось съ преданностью мнѣ; хотя онъ и заносчивъ до того, что однажды возсталъ противъ самого *досточтимаго* (маркизъ разумѣетъ Кенэ), я добился отъ него исполненія двухъ условій, безъ котораго я не сталъ бы ни читать, ни поддерживать его: Во-первыхъ, что «Эфемериды», не будучи его собственностью, должны придерживаться общепринятаго правописанія; во-вторыхъ, что ни въ журналѣ, ни въ сочиненіяхъ нашей школы, не будетъ и слѣдовъ помянутаго дрянного и ненавистнаго философствованія —условіе, которымъ я сдерживалъ всѣхъ мелкихъ писателей и слабые умы, и которое должно быть принято всякимъ, кто помышляетъ произвести крупный переворотъ въ умахъ». Издаваемыя въ этомъ смыслѣ маркизомъ Мирабо и Кенэ, «Эфемериды» существовали до мая 1772 года. Прекращеніе ихъ приписывали гоненію со стороны канцлера Мопу; но маркизъ, въ своей перепискѣ, объясняетъ это событіе неаккуратностью Дюпона: «Книгопродавцы сердились, подписчики отпадали», говоритъ онъ въ одномъ письмѣ; «журналъ дѣлалъ долги, когда мы воспользовались разразившимся надъ журналистами градомъ, чтобы закрыть журналъ на четвертой книжкѣ 1772 года съ приличной обстановкой преслѣдованія».

Digitized by Google

Этотъ первый пятилѣтній періодъ «Эфемеридъ», за которымъ вскорѣ послѣдовалъ второй, былъ самою лучшей порой органа физіократовъ. Дѣятельными сотрудниками его были не только Кенэ, маркизъ Мирабо, Мерсье де-ла-Ривьеръ, Бодо, Тронъ, Рубо, писавшіе въ немъ подъ всѣми буквами азбуки, но и Тюрго, помѣстившій въ немъ впервые свой «Трактатъ объ образованіи и распредѣленіи богатствъ», составленный по основнымъ положеніямъ физіократической школы. Множество новыхъ, менѣе извѣстныхъ именъ примкнули въ это время къ «Эфемеридамъ», и даже баденскій маркграфъ Карлъ-Фридрихъ, обращенный въ физіократію маркизомъ Мирабо, напечаталъ въ этомъ журналѣ безъ подписи, въ 1772 году, краткое изложеніе основныхъ началъ школы, извлеченное изъ экономическихъ бесѣдъ маркиза.

Дюпонъ Немурскій раздѣляетъ тогдашнихъ экономистовъ на два оттѣнка, которые составляли, по его словамъ, двѣ родственныя, братскія школы. Къ одной изъ нихъ, школѣ Кенэ, принадлежали названные выше писатели и Кондорсѐ, судя по его критическимъ замѣткамъ на знаменитый памфлетъ Вольтера противъ физіократіи: «Человѣкъ о сорока ефимкахъ». Другую составляли Гурнэ и его послѣдователи. Они стремились прежде всего къ свободѣ промышленности и торговли, къ отмѣнѣ стѣснительной регламентаціи, введенной Кольбѐромъ, привилегій, монополій и всякаго рода преградъ труду и торговымъ оборотамъ. Знаменитое изреченіе: laissez faire, laissez passer, часто приписываемое Кенэ, принадлежитъ не ему, а Гурнэ, хотя и физіократы придерживались этого правила.

Усердно печатаясь въ «Эфемеридахъ», маркизъ Мирабо учредилъ съ 1767 года свои знаменитые вторники, съ цѣлью поддерживать школу и привлекать въ нее новыхъ приверженцевъ между французами и иностранными путешественниками. «Мы даемъ два обѣда въ недѣлю», писалъ онъ своему брату. «По вторникамъ обѣдаютъ «экономисты» — нѣчто въ родѣ секты, пользующейся большою извѣстностью, гдѣ я одинъ изъ предводителей. Въ этотъ день съѣзжаются много достойныхъ людей и юныхъ аристократовъ, которыхъ поучать легче, чѣмъ тѣхъ, кто уже принадлежитъ къ какой-нибудь другой школѣ; между ними есть также люди нашихъ лѣтъ, напр. маркизъ Брольи, есть и иностранцы. Словомъ, все это въ концѣ-концовъ полезно для человѣчества и приноситъ мнѣ больше чести, чѣмъ расходовъ, потому что мы безъ того кормимъ нашихъ людей и обѣдъ всегда въ запасѣ. По пятницамъ обѣдаютъ наши личные

Digitized by Google

друзья: г-жа Рошфоръ, гг. де-Нивернуа, Бранка, Фламарансъ и другіе».

Вторники маркиза продолжались нѣсколько лѣтъ сряду; онъ отказался отъ нихъ только подъ старость, когда потерялъ кредитъ и разорился. Обѣдъ былъ только предлогомъ къ сходкамъ, и если вѣрить одному неизвѣстному, по любопытному памфлету, напечатанному трибуномъ Мирабо противъ отца въ Голландіи, оставлялъ желать очень многаго. «Эти сходки,—говоритъ Мирабо-сынъ,—очень «экономичны» по части денежныхъ расходовъ (маркизъ Мирабо одаренъ способностью безпокоиться лишь очень мизерно); за-то, наука расточается тамъ до пресыщенія и дурноты». Послѣ обѣда, дѣйствительно, читались статьи, назначенныя для «Эфемеридъ» и обсуждались текущіе экономическіе или политическіе вопросы.

Литературные кружки Европы много занимались въ то время рѣзкимъ разладомъ между Руссо и англійскимъ мыслителемъ Юмомъ, подъ покровительствомъ котораго Руссо поселился въ Англіи. Введенный въ ошибку болѣзненнымъ воображеніемъ, постоянно растравляемымъ его неблагородной подругой, Руссо обвинялъ своего англійскаго друга въ коварномъ посягательствѣ на его покой и честь, подкрѣпляя свои мрачныя догадки самыми странными соображеніями. Негодующій Юмъ составилъ описаніе своихъ сношеній съ Руссо, и приложилъ къ нему происходившую между ними переписку. Это его описаніе, изданное въ 1766 году въ Лондонѣ, на французскомъ языкѣ, стало предметомъ общихъ разговоровъ и надѣлало много шуму въ виду извѣстности обоихъ поссорившихся писателей. Порицаемый большинствомъ и даже своими лучшими друзьями, Руссо съ раздраженіемъ отвергалъ всѣ ихъ замѣчанія и совѣты, и въ это-то время человѣкъ, котораго онъ никогда не видѣлъ, написалъ ему многорѣчивое письмо въ тринадцать страницъ, письмо грубовато-добродушное, въ которомъ относился къ нему какъ къ очень интересному, но безразсудному больному, и предлагалъ ему пріѣхать и поселиться въ одномъ изъ своихъ помѣстьевъ, описывая ихъ подробно и нѣсколько хвастливо. Это былъ маркизъ Мирабо. Руссо отвѣчалъ, что давно желалъ познакомиться съ такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, что особенно цѣнитъ его первый шагъ къ этому знакомству въ такое время, когда онъ оставленъ всѣми, благодарилъ за приглашеніе, но затруднялся воспользоваться имъ: онъ подлежалъ аресту за своего «Эмиля», и не считалъ себя безопаснымъ на французской землѣ. Маркизъ Мирабо настаивалъ, предлагая скрыть его подъ чужимъ име-

Digitized by Google

немъ въ одной изъ своихъ дачъ близь Флёри (sous Meudon), и вотъ, Руссо уѣзжаетъ изъ Англіи съ своей любовницей. Довѣренный слуга маркиза, Гарсонъ, встрѣчаетъ его въ Сенъ-Дени и устраиваетъ на названной дачѣ, гдѣ маркизъ часто навѣщаетъ его съ г-жею де-Пайи, которую Руссо постоянно называетъ своею «прекрасной и доброй соотечественницей», потому что она родилась въ Швейцаріи. И только подъ конецъ, когда Руссо мѣняетъ Флёри на болѣе безопасное убѣжище, предложенное ему княземъ Конти, новый другъ его открываетъ свои физіократическія батареи. Но дѣло обращенія Руссо въ физіократа сразу оказалось безнадежнымъ. Когда маркизъ далъ ему прочесть одну книгу своей школы, Руссо наивно отвѣчалъ ему, что пробовалъ читать эту книгу, но не могъ одолѣть ее. «Я однако возвращусь къ ней», прибавлялъ онъ: «за мою добрую волю ручаюсь, но не ручаюсь за успѣхъ». Когда маркизъ послалъ ему книгу Мерсье-де-ла-Ривьера: «Естественный и существенный порядокъ политическихъ обществъ», которую физіократы считали лучшимъ политическимъ сочиненіемъ своей школы, Руссо прочелъ нѣсколько главъ и вышелъ изъ терпѣнія. «Умоляю васъ», писалъ онъ маркизу, «не говорите мнѣ больше о вашемъ легальномъ деспотизмѣ; я не могу ни полюбить, ни понять его, и не вижу тутъ ничего, кромѣ двухъ противорѣчивыхъ словъ, которыя, взятыя вмѣстѣ, не имѣютъ въ моихъ глазахъ никакого значенія». Руссо оспариваетъ затѣмъ мнѣнія де-ла-Ривьера и въ заключеніе взываетъ къ великодушію маркиза: «Знаменитый другъ людей и мой, у вашихъ ногъ молю васъ сжалиться надъ моимъ положеніемъ и моими несчастіями, и оставить въ покоѣ мою умирающую голову. Любите меня по прежнему, но не присылайте мнѣ больше книгъ; въ мои лѣта люди уже не могутъ искренно перемѣнять свое направленіе». Но маркизъ непремѣнно хочетъ обратить эту мятежную душу на путь истины, и пишетъ ему длинное посланіе, въ которомъ доказываетъ, что открытіе Кенэ объемлетъ все на свѣтѣ, ко всему примѣняется, все выясняетъ, что легальный деспотизмъ есть не что иное, какъ деспотизмъ непреложной истины: дважды два четыре, примѣненной къ управленію государствами. Руссо, однакоже, не убѣждается его доводами. Возобновлявшіяся въ теченіи многихъ мѣсяцевъ попытки маркиза кончились тѣмъ, что, предлагая потомъ Руссо возвратиться къ нему во Флёри, онъ уже обѣщаетъ своему корреспонденту не тревожить его больше бесѣдами и письмами о физіократіи.

Не таковы были отношенія маркиза Мирабо къ Вольтеру,

Digitized by Google

о которыхъ мы уже имѣли случай упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ. Это были тоже люди совершенно различныхъ способностей, противоположныхъ воззрѣній и темпераментовъ, вполнѣ антипатичныхъ другъ другу. Вольтеръ часто издѣвался надъ маркизомъ въ перепискѣ съ друзьями и знакомыми. Мирабо, съ своей стороны, не терпѣлъ его литературнаго и политическаго вліянія на умы. «Этотъ скверный Вольтеръ (писалъ онъ въ 1787 году), обезумѣвшій отъ живости своего ума, мелочности своей души, низости сердца и узкости пониманія... придалъ сволочи бевстыдство и заразилъ человѣчество проказой». Въ другомъ письмѣ, писанномъ десятью годами раньше, въ отвѣтъ итальянскому экономисту Лонго, который вѣроятно восхищался, какъ и многіе современники Вольтера, его «Дѣвственницей», Мирабо говоритъ: «Я не спрашиваю васъ о томъ, что вы находите хорошаго въ «Дѣвственницѣ», я не хочу обсуждать это произведеніе, потому что *физически* бросилъ его въ огонь отъ досады и негодованія; представляя нѣсколько пріятныхъ стиховъ начинающаго поэта, оно не только кощунствуетъ (это я оставляю въ сторонѣ), но и содержитъ такія вонючія грубости, такіе отвратительные образы, шутки такого дурного, кабацкаго тона, что является въ глазахъ здраваго смысла, рукоплещущаго перу Рабле, чудовищнымъ бредомъ, бредомъ пьянаго заплечныхъ дѣлъ мастера». Дальше уже не можетъ заходить антипатія двухъ темпераментовъ и направленій.

Въ 1768 году хлѣбъ вздорожалъ во Франціи вслѣдствіе плохой жатвы предшествовавшаго года, и народъ сильно бѣдствовалъ. Въ «Эфемеридахъ» появилась въ это время статья аббата Бодо: «Совѣтъ честнымъ людямъ, желающимъ дѣлать добро». Продолжая отстаивать свободу хлѣбной торговли, авторъ предлагалъ новую систему молоть и печь хлѣбъ, дававшую возможность дешевле продавать народу хлѣбъ лучшаго качества, совѣтовалъ землевладѣльцамъ заводить экономическія мельницы и хлѣбопекарни, и продавать народу хлѣбъ по той цѣнѣ, въ какую онъ будетъ обходиться имъ самимъ. Слѣдуя этой системѣ, маркизъ Мирабо превращается въ хлѣбника и устраиваетъ хлѣбопекарню близъ Парижа, на своей дачѣ Флёри. Народъ покупаетъ у него хлѣбъ нарасхватъ; знатныя дамы изъ любопытства присылаютъ за нимъ изъ Парижа. «У меня здѣсь хлѣбопекарня, которая печетъ ежедневно 900 фунтовъ хлѣба для моего бѣднаго народа», писалъ онъ брату въ 1768 году, и еслибъ печь могла приготовлять вдвое бо́льшее количество хлѣба, то и оно раскупалось бы народомъ». Воображеніе маркиза сильно разыгралось по этому

Digitized by Google

поводу. Онъ задумывалъ устроить экономическія мельницы и хлѣбопеченіе во всѣхъ своихъ помѣстьяхъ. «Я пошлю къ чорту мои помѣщичьи права, — писалъ онъ, — и народъ, вмѣсто того чтобы обязательно молоть хлѣбъ на господской мельницѣ, охотно будетъ покупать на ней муку и даже хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, что избавитъ его отъ труда дурно и съ убыткомъ мѣсить у себя дома». Маркизъ надѣется, что его примѣру послѣдуютъ другіе и что «такимъ образомъ придутъ къ уничтоженію вопіющей монополіи, поддерживаемой уставами столичной продовольственной полиціи, которые служатъ образцомъ для всѣхъ другихъ городовъ Франціи». Нѣкоторые аристократы, между прочимъ князь Роганъ-Рошфоръ, послѣдовали примѣру маркиза и завели у себя хлѣбопекарни; но потому ли, что правительство помѣшало дальнѣйшему распространенію этой конкурренціи, или потому, что урожай поправилъ обстоятельства, въ послѣдующей перепискѣ маркиза уже не упоминается болѣе объ учрежденіи новыхъ экономическихъ мельницъ или печей. По всей вѣроятности хлѣбопеченіе, устроенное имъ во Флёри, продержалось не долго; но система экономическихъ мельницъ, предложенная «Эфемеридами», была принята мельниками и примѣняется еще и нынѣ, давая больше муки, чѣмъ прежній способъ, при одномъ и томъ же количествѣ хлѣбнаго зерна.

Замѣчательно отношеніе тогдашнихъ потентатовъ къ физіократической школѣ и ея попыткамъ улучшить экономическія условія народной жизни посредствомъ земледѣлія. Тосканскій великій герцогъ Леопольдъ, впослѣдствіи императоръ австрійскій, присылалъ своихъ министровъ совѣтоваться съ маркизомъ Мирабо. Маркграфъ Баденскій самъ пріѣзжалъ въ Парижъ для изученія физіократіи подъ руководствомъ маркиза, и былъ сотрудникомъ «Эфемеридъ». Шведскій король Густавъ III, познакомившійся съ Мирабо въ бытность свою во Франціи, прислалъ ему большой коммандорскій крестъ ордена Вазы, только-что имъ учрежденнаго, при слѣдующемъ письмѣ изъ Стокгольма отъ 18-го августа 1772 года:

«Г. маркизъ Мирабо, титулъ, уже давно дарованный вамъ всѣмъ человѣчествомъ, гораздо выше всего того, что могутъ сдѣлать короли для вашей славы. Я не могу однакоже не заплатить по крайней мѣрѣ мою долю дани, должной вамъ всѣми народами. Полагаю, къ тому же, что учрежденіе, созданное въ честь земледѣлія, было бы неполно безъ имени того, кто научилъ государей понимать всю важность этой дѣятельности. Отнынѣ я больше чѣмъ когда-нибудь считаю себя въ правѣ просить васъ о про-

Digitized by Google

долженія тѣхъ полезныхъ уроковъ, которымъ вы посвятили ваши труды и рѣдкія познанія, и съ своей стороны больше чѣмъ когда-нибудь считаю для себя обязательнымъ пользоваться ими. Молю Бога, г. маркизъ, чтобъ Онъ хранилъ васъ подъ святымъ и достойнымъ Своимъ покровительствомъ. *Густавъ.*»

Письмо это было написано королемъ наканунѣ извѣстнаго, задуманнаго имъ, государственнаго переворота.

Физіократическая школа достигла въ это время высшей точки своего значенія, и вскорѣ одинъ изъ способнѣйшихъ ея послѣдователей, Тюргó, при громкомъ сочувствіи общественнаго мнѣнія, занялъ мѣсто въ совѣтахъ погибавшаго тогда правительства. Немногіе аристократы сочувствовали возвышенію этого новаго человѣка. Во французской аристократіи восемнадцатаго вѣка рѣзко выдаются два теченія, лучшими представителями которыхъ могутъ служить маркизъ Мирабó и его братъ, мальтійскій командоръ. Старшій братъ, маркизъ, принадлежалъ къ тому малочисленному слою аристократіи, котораго первоначальный типъ все болѣе и болѣе стирался и затемнялся подъ вліяніемъ сильныхъ умственныхъ вѣяній времени, тогда какъ второй братъ, мальтійскій командоръ, неизмѣнно остается старосвѣтскимъ патриціемъ, считающимъ феодальные порядки идеаломъ справедливости и человѣколюбія. Этотъ послѣдній готовъ согласиться кое-въ чемъ съ своимъ старшимъ братомъ, но не уступаетъ ему ни на іоту въ томъ, что̀ остается его кореннымъ убѣжденіемъ, а въ силу этого убѣжденія, общество не можетъ жить безъ аристократіи, и если духъ непокорности и равенства не перестанетъ распространяться во Франціи, то ей предстоитъ погибнуть въ кризисахъ деспотизма и республиканства. Въ своей объемистой перепискѣ, оба брата сначала, въ молодости, были вполнѣ согласны между собой, оба признавали, что французскую монархію погубилъ переходъ отъ аристократіи къ абсолютизму. По мнѣнію второго брата, которому не противорѣчилъ и старшій, паденіе монархіи начинается съ Людовика XI, котораго онъ ненавидитъ. «У этого плута,—писалъ онъ,—всегда былъ лисій хвостъ». Будущій командоръ проклинаетъ позднѣйшихъ королей и министровъ, въ томъ числѣ и Людовика XIV, дѣлая исключеніе только для Генриха IV и Сюлли. Ришелье представлялся ему чудовищемъ, водворявшимъ во Франціи чистѣйшій деспотизмъ, «самую безобразную,—прибавлялъ онъ,—и непрочную изъ всѣхъ формъ правленія». Старшій братъ высказывается сначала въ томъ же духѣ. Для обоихъ идеаломъ государя служитъ Карлъ Великій, «потому что, завоевавъ всю Европу, онъ съумѣлъ первый ограничить свою власть»

Digitized by Google

(феодализмомъ). Оба брата скорбѣли о возрастающемъ самоуниженіи аристократіи, погруженной въ дворскія интриги ради своей алчности и своего тщеславія, о преобладаніи денежныхъ людей и аферистовъ, о безъисходной борьбѣ старыхъ парламентовъ съ королевскою властью, о томъ, что все это должно привести къ паденію монархіи, при неспособности страны положить основаніе республикѣ. Оба сходились и въ своихъ мнѣніяхъ о политическихъ учрежденіяхъ Англіи. При всемъ своемъ аристократизмѣ, а можетъ быть и вслѣдствіе его односторонности и узкости, да и по общему складу французскаго ума, они очень не любили Англіи и ея учрежденій. Второй братъ самъ жилъ въ Англіи въ качествѣ плѣнника, но эта страна не произвела на него такого впечатлѣнія, какъ на Вольтера, который писалъ о ней: «Англичане—единственный народъ на землѣ, съумѣвшій поставить предѣлъ королевской власти, и послѣдовательнымъ рядомъ усилій учредить, наконецъ, то благоразумное правленіе, при которомъ у короля, всемогущаго, чтобы дѣлать добро, связаны руки для зла, гдѣ аристократы-землевладѣльцы велики безъ нахальства и вассаловъ, гдѣ народъ безъ замѣшательства участвуетъ въ дѣлахъ управленія». Правда, тотъ же Вольтеръ, въ своей перепискѣ, часто высказывалъ мысль, что «предпочитаетъ жить подъ лапой одного льва изъ хорошаго дома, чѣмъ подвергаться укушеніямъ тысячи крысъ, своихъ собратовъ», но такія противорѣчія встрѣчались у него нерѣдко, какъ у всякаго человѣка, не имѣющаго выработанной политической программы. По мнѣнію обоихъ Мирабо, настоящее англійское дворянство погибло при Карлѣ I, и «эта республика сохранила только названіе королевства, королевскій и дворянскіе титулы; но, въ сущности, Англія—республика, имѣющая дожа, дворянство смѣшанной крови и городское». Братья начинаютъ расходиться въ мнѣніяхъ съ того только времени, когда старшій изъ нихъ сталъ ревностнымъ поклонникомъ и ученикомъ Кенэ. Въ глазахъ второго брата, мальтійскаго командора, военныя заслуги остаются, по старому, единственными, способными внушать высокое уваженіе. Онъ не цѣнитъ ни литературныхъ заслугъ и славы, ни богатства, пріобрѣтеннаго промышленнымъ трудомъ или торговою предпріимчивостью. Старшій братъ смотритъ на вещи иначе; но и его физіократизмъ прикрываетъ аристократическія заднія мысли. «Реформаторъ долженъ имѣть въ виду новый общественный порядокъ, писалъ онъ своему брату въ 1777 году, «но онъ не долженъ показывать его, какъ дѣлаютъ легкомысленные люди; а я думаю, что новый порядокъ долженъ состоять именно въ томъ, что землевладѣльцы будутъ

Digitized by Google

первыми людьми въ государствѣ и естественными совѣтниками короля по земельнымъ и финансовымъ вопросамъ, черезъ посредство своихъ депутатовъ. Искренно предаваясь своей утопіи, маркизъ отъ времени до времени испытываетъ однакоже томительныя сомнѣнія въ успѣхѣ физіократическихъ плановъ, въ виду общей испорченности нравовъ; но надежда на успѣхъ быстро вытѣсняетъ эти сомнѣнія.

Со вступленіемъ Тюрго въ министерство, эта надежда не могла не оживиться. Извѣстно, что личный другъ Тюрго, аббатъ Вери, близко стоявшій въ то же время и къ Морепа, убѣдилъ этого стараго, робкаго и легкомысленнаго старика обратиться къ содѣйствію человѣка, уже очень извѣстнаго въ то время смѣлостью своихъ экономическихъ воззрѣній и замѣчательнымъ умомъ. Общественное мнѣніе, рѣшительно осуждавшее старую правительственную систему и министровъ Людовика XV, и возлагавшее большія надежды на молодого короля, рукоплескало назначенію Тюрго министромъ, какъ признаку измѣненія системы. Но Тюрго, отмѣнивъ натуральныя повинности, продержался въ правительствѣ менѣе двухъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ напрасно выказалъ необычайное трудолюбіе и лихорадочную дѣятельность въ неустанной борьбѣ противъ привилегій, злоупотребленій и несообразностей существующаго порядка. Все, что стояло за эти привилегіи, злоупотребленія и несообразности, соединенными силами сломило его вліяніе при дворѣ. Маркизъ Мирабо заранѣе писалъ о немъ брату: «Тюрго — человѣкъ неукротимаго мужества, но онъ совершенно одинокъ... Ясно различая союзъ всѣхъ плутовъ, придворныхъ, городскихъ и провинціальныхъ, я думаю, что онъ продержится недолго, но выйдетъ изъ правительства, покрытый славой». Маркизъ, впрочемъ, былъ и самъ не совсѣмъ доволенъ Тюрго, который, будучи физіократомъ по убѣжденіямъ, не хотѣлъ оставаться фанатикомъ-сектантомъ, имѣлъ сношенія съ ненавистными маркизу «философами» и энциклопедистами, и вообще шире понималъ свои государственныя задачи. Еще до своего вступленія въ министерство, Тюрго говорилъ: «Меня будутъ называть энциклопедистомъ и экономистомъ; но я не энциклопедистъ, потому что вѣрую въ Бога; я и не экономистъ, потому что не желаю короля во главѣ Франціи». Маркизъ не могъ однакоже не пожалѣть о паденіи Тюрго, ближайшимъ послѣдствіемъ котораго было гоненіе на физіократовъ. Дюпонъ Немурскій былъ сосланъ въ свое имѣніе; «Новыя Эфемериды», возобновившіяся подъ редакціей Бодо, чтобы поддерживать управленіе Тюрго, были запрещены,

Digitized by Google

и главный редакторъ ихъ сосланъ въ Овернь. Та же участь постигла аббата Рубо, издававшаго въ томъ же духѣ «Газету земледѣлія и торговли»; наконецъ, и маркизу было предложено прекратить свои вторники. И когда братъ его сталъ нападать на физіократовъ въ своихъ письмахъ, маркизъ оправдывался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Неужели и ты одного мнѣнія съ толпою противъ экономистовъ? Мы нигдѣ не проповѣдывали равенства; мы, напротивъ, доказывали естественную необходимость отличій и соціальную необходимость преимуществъ, которыхъ не надо смѣшивать съ привилегіями, но мы не высказывались прямо и противъ послѣднихъ, за исключеніемъ изъятій въ дѣлѣ налоговъ. Это философы перемѣшали все и стремятся водворить юридическое и фактическое равенство путемъ доктрины и интриги». Маркизъ и теперь не отчаявается за физіократію. «Мнѣ смѣшны лягушки, хвастающія, что онѣ остановятъ солнце, — писалъ онъ. — Пройдетъ десять лѣтъ, и объ экономистахъ не будетъ и помину, утверждаютъ члены парижскаго парламента. Я всегда отвѣчалъ тѣмъ, кто говорилъ со мной объ этомъ: не мѣшайтесь въ это дѣло,—эти люди не вѣдаютъ, что творятъ».

VII.

Семейныя дѣла маркиза Мирабо. — Его отношенія къ женѣ и дѣтямъ. — Аристократическія мечты и демократическая дѣйствительность. — Чѣмъ онъ кончилъ.

Такова была общественная дѣятельность маркиза Мирабо до переворота 1789 года. Она, конечно, не могла остаться безъ вліянія на его сына, будущаго оратора и трибуна революціи. Но едва ли не большее вліяніе имѣли на него домашнія дѣла маркиза. Мы видѣли, какъ странно женился маркизъ, имѣя въ виду пріумножить владѣнія и вѣсъ своей фамиліи. Этотъ бракъ былъ однимъ изъ самыхъ несчастныхъ, и вскорѣ поставилъ дѣтей маркиза въ самое ложное отношеніе къ отцу и матери, сторону которыхъ они поперемѣнно держали, испытывая на себѣ всѣ послѣдствія семейнаго раздора и супружеской войны. Братъ маркиза, мальтійскій коммандоръ, постоянно высказывалъ, что этотъ несчастный бракъ и ужасающій характеръ маркизы были причиною бѣдствій старшаго брата и дурныхъ свойствъ его дѣтей. «Отъ сотворенія міра,—писалъ онъ старшему брату,— не бывало ни такой жены, какую послалъ тебѣ Господь, — ни такихъ дѣтей, какъ твои». Девятнадцать лѣтъ сожительства вы-

Digitized by Google

держалъ маркизъ съ женщиной, о которой онъ пишетъ брату въ 1783 году: «Да, я много терпѣлъ; двадцатилѣтнее сожительство съ безуміемъ, прицѣпленнымъ ко мнѣ честью, долгомъ, узами самолюбія и тщеславія, съ безуміемъ, обставленнымъ невообразимыми подробностями, давитъ и томитъ душу». Но маркизъ говоритъ это уже тогда, когда жена уѣхала отъ него и затѣяла съ нимъ разорительный процессъ, когда у нихъ уже было одиннадцать дѣтей. Во время самаго сожительства онъ относился къ ней снисходительно, отстаивалъ ее отъ нападковъ брата, скрывалъ ея недостатки и пороки. Онъ все надѣялся уладить свои отношенія съ нею и свои фамильныя, помѣстныя дѣла. Но братъ его отлично понималъ маркизу и питалъ къ ней неодолимое отвращеніе. Когда она поручала мужу передавать ему похвалы и поклоны, онъ отвѣчалъ старшему брату: «Пожалуйста, не говори ничего твоей женѣ о нашихъ сношеніяхъ съ министрами. Я не предполагаю въ ней злыхъ намѣреній, но ея вѣчная болтовня, ея безразсудство и страсть восхвалять меня, отъ чего я уже тысячу разъ просилъ меня избавить, пугаютъ меня больше, чѣмъ злонамѣренность другихъ». Онъ не разъ упрекалъ брата въ слабости характера, которая мѣшаетъ ему сдерживать суетливость и своенравныя выходки жены. Во время ссылки маркиза въ Биньонъ, когда онъ ужасался своего супружескаго tête-à-tête съ женою и желалъ, во что бы то ни стало, иначе устроить свою жизнь, братъ писалъ ему: «Я знаю, что ты имѣешь особенныя причины не любить того мѣста, гдѣ теперь находишься, но это должно заставить тебя призадуматься надъ недостаточностью разсчетовъ нашего ума. У тебя больше ума, чѣмъ у всѣхъ насъ, но мы съ самаго начала лучше тебя понимали все это, и ты могъ бы уменьшить сдѣланную ошибку. Быть можетъ, и теперь еще не поздно, если ты твердо рѣшишься занять въ своемъ домѣ подобающее тебѣ положеніе». Такимъ образомъ человѣкъ, котораго во время его процессовъ съ женою публика считала за свирѣпѣйшаго изъ мужей, былъ въ глазахъ своей матери, своего брата и своихъ друзей слабохарактернымъ мужемъ, не умѣвшимъ сдерживать и направлять свою жену. «Ты былъ три милліона разъ слишкомъ добрымъ мужемъ», писалъ между прочимъ братъ этому мнимому тирану. Домашніе звали маркизу «госпожой Ксантиппой» (madame Xantippe). Мать маркиза, жившая съ ними вмѣстѣ, не могла терпѣть своей невѣстки; маркизъ говорилъ, что безъ него онѣ не прожили бы и недѣли подъ одною кровлей. Маркиза была безстыдна и развратна. Мужчины и женщины, рабочіе,

Digitized by Google

торговцы, лакеи входили къ ней въ комнату, когда она еще лежала въ постели. Она ходила нечесанная и немытая, повсюду вносила грязь и безпорядокъ, была сварлива и капризна, даже безумна въ своихъ прихотяхъ и своемъ развратѣ. Такою представляютъ ее не только письма маркиза, но и письма ея сына, знаменитаго оратора, одно время державшаго ея сторону противъ отца. Измученный маркизъ напрасно предлагаетъ ей разойтись полюбовно, на условіяхъ, выгодныхъ для обѣихъ сторонъ; но ему удается, наконецъ, уговорить ее уѣхать въ Лимузенъ, къ больной ея матери, чтобы навѣстить послѣднюю. Этотъ отъѣздъ, который публика, основываясь на напечатанныхъ отъ имени маркизы брошюрахъ, считала изгнаніемъ маркизы изъ семейства, былъ лишь временной разлукой. Супруги разстались безъ ссоры, и мужъ даже обѣщалъ пріѣхать въ Лимузенъ, вслѣдъ за женою. Но маркизъ уже помышлялъ въ то время воспользоваться отсутствіемъ жены, чтобы склонить ее къ полюбовному и негласному разводу. Съ этою цѣлью онъ ѣдетъ самъ въ Лимузенъ, говоритъ о своемъ намѣреніи съ женой и ея матерью, но онѣ не соглашаются, и маркизъ возвращается въ Парижъ, потерпѣвъ у нихъ рѣшительную неудачу. Вскорѣ случай неожиданно далъ ему противъ жены такое оружіе, при помощи котораго онъ могъ заставить ее остаться жить въ Лимузенѣ и получить отъ него хорошую пенсію. Это были документы, писанные рукою самой маркизы и весьма предосудительные для ея чести. Въ своей перепискѣ братья часто упоминаютъ объ этихъ документахъ, какъ въ высшей степени позорныхъ, но не передаютъ ихъ содержанія, потому что оно было имъ хорошо извѣстно. По письмамъ ихъ можно только заключить объ одномъ изъ этихъ документовъ, что маркиза въ состояніи физическаго опьянѣнія имѣла безстыдство выдать одному офицеру дофинова полка, за своею подписью, собственноручное письменное удостовѣреніе, косвенно подтверждавшее ея собственное безчестье. Съ такими документами въ рукахъ, маркизъ уже перемѣняетъ тонъ въ сношеніяхъ съ женой, препятствуетъ ея возвращенію въ Парижъ, оставляетъ ея письма безъ отвѣта; но онъ никогда не могъ рѣшиться представить эти документы въ судъ, онъ не рѣшился на это и тогда, когда жена затѣяла противъ него процессъ о разводѣ и раздѣлѣ имѣній. Сначала маркиза соглашается остаться жить въ Лимузенѣ, и требуетъ двухъ тысячъ франковъ ежегодно, по пятисотъ франковъ черезъ каждые три мѣсяца. «Это мое послѣднее слово», пишетъ она мужу, прибавляя, что довольствуется шестью тысячами франковъ только пока жива ея мать,

Digitized by Google

а по смерти ея потребуетъ больше. Письмо ея написано безпорядочно, цинически, безъ малѣйшихъ признаковъ сожалѣнія о покидаемыхъ ею дѣтяхъ. Маркизъ отвѣчаетъ, что согласенъ принять ея условіе, и поручаетъ мѣстному банкиру выплачивать ей пенсію по-мѣсячно. Размѣръ этой пенсіи равнялся половинѣ того дохода, который былъ внесенъ маркизой въ семью по смерти ея отца; другая половина естественно должна была идти на воспитаніе пятерыхъ дѣтей, оставшихся въ живыхъ и на рукахъ отца. При всемъ томъ, мать маркизы вскорѣ пріѣхала въ Парижъ для новыхъ переговоровъ съ зятемъ, и убѣдила его обязаться письменно выплачивать женѣ по десяти тысячъ франковъ вмѣсто условленныхъ первоначально—шести.

Казалось бы, супруги могли мирно разойтись теперь по исполненіи всѣхъ требованій, поставленныхъ для этого маркизой. Но она страстно любитъ игру; она заранѣе проигрываетъ свою увеличенную пенсію и остается безъ денегъ. Ея кредиторы обращаются съ своими требованіями къ мужу, и онъ вычитаетъ ихъ претензіи изъ выдаваемой женѣ пенсіи. Маркиза протестуетъ и жалуется; до мужа доходитъ въ Парижъ свѣдѣніе объ ея ссорѣ съ матерью и связи съ однимъ лейбъ-гвардейцемъ. И вотъ, онъ рѣшается прибѣгнуть къ тому опасному средству, которымъ онъ впослѣдствіи такъ часто злоупотреблялъ въ ущербъ собственной репутаціи и собственному спокойствію: онъ выпрашиваетъ у министра Бертена тайное повелѣніе объ арестованіи жены (lettre de cachet) и заключаетъ ее въ одинъ лиможскій монастырь. За одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ, когда управляющій помѣстьемъ Мирабо совѣтовалъ маркизу испросить два такихъ повелѣнія противъ двухъ негодяевъ помѣстья, и правительство отказало въ нихъ, маркизъ писалъ: «Я никогда не возобновлю подобной просьбы, и сожалѣю о томъ, что обратился съ нею къ правительству, хотя моя просьба и осталась безъ послѣдствій. На все есть правильные суды; у нихъ свои недостатки, но мы должны терпѣть эти недостатки, а не пользоваться нашимъ привилегированнымъ положеніемъ, чтобъ извращать дѣло юстиціи. Я не возобновлю подобной просьбы, и совѣтую моимъ наслѣдникамъ никогда не дѣлать этого, какъ бы ни были благовидны ихъ частныя соображенія, потому что такое средство, по своимъ послѣдствіямъ, есть большое злоупотребленіе». Теперь онъ примѣнилъ однако это осужденное имъ средство къ женѣ, и сдѣлалъ крупную несправедливость, ставъ судьею въ собственномъ дѣлѣ и не будучи самъ образцомъ супружеской вѣрности. Это средство было въ то же время и безразсудно: оно ожесточало жен-

Digitized by Google

щину, противъ которой было направлено, и могло вызвать ее на скандалъ, котораго самъ маркизъ такъ сильно опасался.

Вслѣдъ за выдачей тайнаго приказа объ арестѣ, въ министерствѣ былъ составленъ проектъ сдѣлки между супругами, по которому маркизѣ предоставлялось поселиться, въ качествѣ свободной пансіонерки, въ любомъ изъ лиможскихъ монастырей, выходить оттуда только для визитовъ въ городѣ, но не выѣзжать въ другіе города и мѣстности Франціи безъ вѣдома и согласія мужа. Мужъ, съ своей стороны, обязывался испросить отмѣну тайнаго приказанія объ арестѣ жены, и исправно выплачивать ей по пятисотъ франковъ ежемѣсячно. Двѣ копіи съ этого акта были вручены супругамъ, а третья осталась у министра, «дабы впредь новыя жалобы не могли служить поводомъ къ правительственному вмѣшательству, пока настоящее условіе будетъ въ точности исполняемо». Но раздраженная жена только и думала, что о мщеніи, и съ этого времени между супругами возгорается свирѣпая война, въ которой дѣтямъ очень трудно оставаться нейтральными. Дождавшись смерти своей матери, которая оставила ей восемь тысячъ ливровъ дохода, маркиза требуетъ, чтобы мужъ и теперь продолжалъ выплачивать ей прежнюю пенсію; маркизъ, напротивъ, считаетъ уже возможнымъ уменьшить ее. Ей совѣтуютъ, да она и сама очень рада, начать процессъ о разводѣ. Какъ нарочно, судьба устроила такъ, что деньги на расходы по процессу были ей доставлены самимъ маркизомъ.

Въ ноябрѣ 1769 года онъ выдалъ за маркиза де-Кобри́ третью и самую красивую изъ своихъ дочерей, о которой онъ сначала отзывался восторженно. Онъ далъ ей въ приданое, какъ и старшей дочери, восемьдесятъ тысячъ ливровъ, но не могъ уговорить ея бабушку, мать своей жены, дать и этой внучкѣ такое же приданое, какое она дала старшей. Юная маркиза почувствовала сильную зависть къ сестрѣ и негодованіе противъ отца, хотя онъ и сдѣлалъ все возможное, чтобы доставить и ей то же, что́ получила отъ бабушки ея старшая сестра, а противилась этому именно ея мать. Она-то и дала своей матери на процессъ двадцать тысячъ ливровъ изъ денегъ, полученныхъ въ приданое отъ отца, выговоривъ себѣ у матери выгодное завѣщаніе. Она же увлекла въ тѣсный союзъ съ матерью своего старшаго брата, оратора, который, какъ и самъ маркизъ, впослѣдствіи возненавидѣлъ ее.

Въ декабрѣ 1773 года, маркизъ вдругъ узнаётъ, что жена его, съ которой онъ разошелся одиннадцать лѣтъ тому назадъ,

Digitized by Google

пріѣхала въ Парижъ, несмотря на принятыя имъ запретительныя мѣры, въ сопровожденіи одного лимузенскаго дѣльца и одного аббата, и пріѣхала съ деньгами. Напрасно жаловался онъ министру на нарушеніе извѣстныхъ читателю условій соглашенія между ними; министръ отвѣчалъ, что нельзя помѣшать женѣ вѣдаться съ мужемъ судебнымъ порядкомъ. Предвидя вторженіе жены въ домъ (она предварительно должна была доказать суду на дѣлѣ, что мужъ не желаетъ жить съ нею), маркизъ уѣзжаетъ въ деревню, номинально передавъ свой парижскій домъ въ наемъ своему брату. Маркиза живетъ пока у одной изъ своихъ родственницъ; у ней еще есть въ Парижѣ друзья и сторонники. На этотъ разъ дѣло однако же кончилось новою сдѣлкой, по которой маркиза обязалась возвратиться въ Лимузенъ и жить тамъ, а мужъ—платить ей пенсію въ десять тысячъ франковъ и снабдить хорошею мебелью то имѣніе ея матери, которое приносило ей, сверхъ того, восемь тысячъ ливровъ дохода. Но и это соглашеніе недолго укрощало раздраженную супругу. Она вскорѣ стала жаловаться, что мужъ прислалъ ей плохую и старую мебель, что онъ не исполняетъ подписанныхъ ими условій, что онъ живетъ на ея счетъ, и черезъ годъ начала процессъ о разводѣ, предварительно явившись въ домъ мужа, въ сопровожденіи двухъ нотаріусовъ, удостовѣрившихъ, что мужъ не пожелалъ ее видѣть. Судъ уважилъ просьбу маркизы и допустилъ тотъ видъ развода, который извѣстенъ во Франціи подъ именемъ séparation de corps. Тогда маркизъ возобновилъ переговоры о соглашеніи, чтобы не довести до раздѣла имѣній (séparation de biens); но въ это время палъ Тюрго, физіократы утратили свое значеніе, и сторонники маркизы убѣдили ее обратиться къ общественному мнѣнію. Въ сентябрѣ 1776 года появилась оскорбительная для маркиза брошюра, подписанная его женой и ея адвокатомъ. Маркизъ былъ изображенъ въ ней олицетвореніемъ разврата, двоедушія, алчности и тиранства. Нѣсколько удачныхъ выписокъ изъ его писемъ къ женѣ, въ которыхъ сказывалось его непомѣрное тщеславіе, сильно возбудили противъ него публику. Брошюра тѣмъ не менѣе была и очень плохо написана, и чрезвычайно груба. Маркиза жаловалась въ ней публикѣ даже на подозрительное здоровье своего мужа, на зараженную его кровь, «которая, по счастью, не перешла, *кажется*, къ ихъ дѣтямъ». Но этого мало. Маркиза и дочь ея, г-жа де-Кобри, издали вслѣдъ затѣмъ, въ видѣ «Записки графа Мирабо» (оратора, старшаго сына маркиза), письма, писанныя имъ изъ заключенія, куда онъ былъ посаженъ отцомъ

Digitized by Google

съ помощію lettre de cachet, къ министру Мальзербу, и въ которыхъ раздраженный сынъ рѣзко нападалъ на отца.

Къ общему удивленію, маркизъ ничего не отвѣчалъ на эти оскорбленія. «Отвѣчать?—писалъ онъ своему брату на его совѣты.—Но кому и на что? Чтобы навлечь себѣ новыя клеветы? Говорятъ, это показываетъ пренебреженіе къ публикѣ,—какъ будто публика можетъ быть моимъ судьею?» Онъ напечаталъ однако же отчетъ о своемъ управленіи собственными и женинными имѣніями, въ которомъ выставлялъ себя искуснымъ и благоразумнымъ администраторомъ. Но въ этомъ трудно было согласиться съ нимъ, а остальные пункты нападокъ были оставлены имъ безъ отвѣта. Человѣку, даже и безупречному, оскорбительно и трудно отвѣчать на публичные упреки въ невѣрности не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ, а маркизъ не былъ безупреченъ въ этомъ отношеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ впервые разошелся съ женой, ея мѣсто заняла г-жа де-Пайи, которую онъ очень сильно любилъ и уважалъ, и которую пришлось бы вывести на общій судъ. Этого онъ не могъ желать, это было бы слишкомъ скандально и жестоко.

Г-жа де-Пайи была, дѣйствительно, хозяйкой въ домѣ маркиза. По вторникамъ она участвовала въ собраніяхъ физіократовъ. При этомъ, конечно, соблюдались приличія; но въ домѣ хорошо знали, въ чьихъ рукахъ находятся бразды правленія. Ея отношенія къ дѣтямъ маркиза были очень тяжелы и фальшивы, какъ ни старалась она ладить съ ними. Ея переписка показываетъ, какъ сильно она чувствовала эту непріятную сторону своего положенія. Но маркизъ питалъ безусловное довѣріе къ ея разсудку и справедливости. Умирая семидесяти-четырехъ лѣтъ, послѣ тридцатилѣтней связи съ нею, онъ любилъ ее еще сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде. Дѣти маркиза приписывали ей корыстные виды; но мы знаемъ изъ писемъ отца, что онъ остался ей долженъ сорокъ-двѣ тысячи ливровъ, которыя составляли почти все ея состояніе. Дѣтямъ не могла быть симпатична эта посторонняя женщина, имѣвшая такъ много вліянія на отца и, черезъ него, на ихъ собственное положеніе. Не разъ старались они привлечь на свою сторону дядю, чтобы черезъ него дѣйствовать на отца противъ этой женщины. Маркизъ, между тѣмъ, подробно объяснялъ своему брату въ длинномъ письмѣ, какъ много обязаны ей всѣ его дѣти. При такихъ условіяхъ, дѣти не были искренни ни съ нимъ, ни съ нею. Того, что называется семействомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, тутъ уже не было и не могло быть. Дѣти играли въ семьѣ двуличную

Digitized by Google

роль. Въ 1788 году, когда графу Мирабо, будущему трибуну, понадобилось содѣйствіе отца, съ которымъ онъ разсорился, чтобы быть выбраннымъ въ Провансѣ, онъ написалъ изысканно любезное, почтительное и льстивое письмо къ той самой женщинѣ, которую нерѣдко называлъ «куртизанкой» въ своихъ письмахъ къ другимъ. Но отношенія графа Мирабо къ отцу скорѣе принадлежатъ въ его біографіи, чѣмъ къ біографіи маркиза. Мы скажемъ здѣсь только, что будущій трибунъ, потомокъ цѣлаго ряда своеобразныхъ предковъ, дитя разстроенной и безпорядочной семьи, не отличался ни твердостью нравственныхъ правилъ, ни постоянствомъ своихъ привязанностей. Онъ рано женился на наслѣдницѣ богатой семьи; при этомъ отецъ сдѣлалъ его соучастникомъ по управленію своими имѣніями и назначилъ ему хорошее содержаніе, тогда какъ мать отнеслась безучастно, даже враждебно, къ его браку. Но довольно было и одного года, чтобъ онъ надѣлалъ въ своемъ новомъ положеніи большихъ долговъ. Маркизъ и тутъ не погнушался прибѣгнуть къ lettres dè cachet. Заключенный отцомъ, при содѣйствіи правительства, за безпорядочную жизнь и огромные долги, графъ Мирабо принимаетъ сторону матери, является врагомъ отца и ея адвокатомъ, издаетъ противъ отца жестокій пасквиль въ Голландіи; потомъ примиряется съ нимъ и становится такимъ же ревностнымъ его защитникомъ на судѣ и противникомъ матери. Всѣ дѣти маркиза прошли въ своей жизни черезъ эти два враждебныхъ лагеря, и аристократическіе планы и мечты его рушились къ концу его жизни не только вслѣдствіе наступившей революціонной бури, но и по внутреннимъ причинамъ, глубоко лежавшимъ въ самомъ строѣ его семьи и домашнихъ отношеній, по дрянности его характера, по собственной его нравственной распущенности. Изъ популярнаго и любимаго писателя, онъ превратился подъ конецъ, въ глазахъ публики, въ ненасытнаго любителя тайныхъ королевскихъ повелѣній объ арестованіи людей, ему неудобныхъ. Это дѣлало его ненавистнымъ обществу и даже суду, который издавна не терпѣлъ административнаго вмѣшательства въ дѣла, подлежавшія вѣдѣнію юстиціи. Вслѣдствіе новаго прошенія маркизы о раздѣлѣ имѣній, поданнаго въ 1781 году, парижскій парламентъ рѣшилъ дѣло въ ея пользу, хотя защитникомъ мужа на судѣ былъ на этотъ разъ его старшій сынъ, графъ Мирабо, будущій трибунъ, который такъ же рѣшительно и цинически отстаивалъ теперь отца въ присутствіи очень многочисленной публики, какъ защищалъ прежде свою мать. «Въ концѣ-концовъ, судьи убили меня 18-го мая, писалъ маркизъ своему брату, при-

Digitized by Google

бавляя, что ему остается только посовѣтовать тѣмъ своимъ дѣтямъ, которые держатъ его сторону, поставить на его могилѣ слѣдующую эпитафію:

«L'ami du genre humain gît dessous cette table.
Il vécut malheureux et mourut misérable».

Эпитафія вполнѣ отвѣчала обстоятельствамъ жизни этого человѣка. Имущественный разводъ съ женой разорялъ его въ конецъ, разрушая до-тла всѣ тѣ дворянскіе планы, ради которыхъ онъ съ молодыхъ лѣтъ связалъ свою судьбу съ судьбою женщины ему чуждой, потомъ враждебной и недостойной во всѣхъ отношеніяхъ. Эпитафія отвѣчаетъ, по нашему мнѣнію, и общественной дѣятельности маркиза. Черезъ все, что онъ писалъ, печаталъ и предпринималъ, проходятъ красною ниткой именно эти планы, сгубившіе его домашнюю жизнь и общественную дѣятельность. Онъ былъ и умнѣе, и образованнѣе большинства французскихъ аристократовъ того времени; онъ понималъ, что устарѣлые административные порядки безплодно истощаютъ и разоряютъ Францію, что они уже не могутъ долго держаться; онъ предвидѣлъ неизбѣжность кризиса. Но у него не достало ни мужества, ни характера покончить съ этими порядками въ теоріи и на практикѣ, онъ пользовался ими въ своихъ личныхъ дѣлахъ, прибѣгалъ подъ сѣнь ихъ противъ неудобныхъ людей своего помѣстья, противъ жены, противъ женатаго сына и замужней дочери; самая его приверженность къ Кенэ и физіократіи въ значительной степени объясняется желаніемъ поддержать, путемъ физіократическихъ преобразованій, авторитетъ и имущественное положеніе своей фамиліи. Это былъ свѣтскій человѣкъ и аристократъ въ душѣ, не лишенный литературнаго дарованія, пустившій въ оборотъ нѣсколько полезныхъ и смѣлыхъ для его времени идей, изъ которыхъ онъ однако никогда не умѣлъ извлекать конечныхъ выводовъ. Сначала эти идеи доставили ему громкую извѣстность врага злоупотребленій, защитника справедливости и преобразованій. Но онъ такъ и замеръ на нихъ тогда, когда другіе шли дальше, и знаменитое прозваніе «другъ человѣка», нѣкогда пользовавшееся общимъ уваженіемъ и почетомъ, подъ конецъ его жизни произносилось уже съ ироніей, презрѣніемъ, даже съ негодованіемъ. Семейные раздоры маркиза, конечно, много способствовали упадку его популярности; но тотъ же упадокъ объясняется и его неумѣньемъ стоять въ уровень съ нарождающимися вѣяніями времени, его враждою къ передовымъ людямъ великой эпохи, его дворянскимъ презрѣніемъ къ «фило-

Digitized by Google

софіи», въ которой собственно и заключалась вся суть, весь смыслъ тогдашняго умственнаго движенія. Какъ только обстоятельства серьёзно потѣснили и потерли не въ мѣру прославленнаго сначала реформатора, общество съ-разу увидѣло, подъ оболочкой «друга людей», закоренѣлаго эгоиста, всегда готоваго прибѣгнуть къ содѣйствію той самой системы централизаціи и административнаго произвола, противъ которой онъ, повидимому, вооружался такъ искренно и самоотверженно. Глубина его паденія не могла не соотвѣтствовать неумѣренной высотѣ, на которую онъ былъ вознесенъ общественнымъ мнѣніемъ по случайному стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ.

Таковъ былъ отецъ знаменитаго оратора 1789 года.

В. К.

Digitized by Google

А. С. ПУШКИНЪ

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи московскаго университета 6 іюня 1880 г. *).

Первая половина XIX столѣтія ознаменована въ европейской литературѣ сильною реакціею французской революціи, а съ нею духу и направленію такъ-называемой просвѣтительной литературы XVIII вѣка. Мечты о той универсальной монархіи, которою грозилъ Европѣ Наполеонъ, были разсѣяны войнами за свободу, и въ отпоръ замысламъ наслѣдника революціи съ неудержимою силою поднимается національное чувство. Эта реакція, однимъ изъ литературныхъ выраженій которой былъ романтизмъ, охватываетъ съ бо́льшею или меньшею силою почти всѣ континентальныя страны Европы. Слабѣе была она на Руси, ибо и самый предметъ реакціи былъ здѣсь слабѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Идеи такъ-называемой просвѣтительной литературы въ XVIII вѣкѣ крайне слабо принялись на русской почвѣ. Здѣсь господствовалъ, напротивъ, почти нетронутымъ тотъ строй общественной и политической жизни, полнымъ литературнымъ выраженіемъ которой былъ псевдоклассицизмъ. По замѣчанію Пушкина, «подражаніе французскому тону временъ Людовика XV было у насъ въ модѣ» еще въ началѣ 1812 года, когда Русь «готовилась обнять кичливаго врага». Идеалы свободы и національной самостоятельности одушевляли на Руси ту новую литературную эпоху, которой начало ознаменовано появленіемъ первыхъ опытовъ

*) Рѣчь печатается здѣсь безъ пропусковъ, вызванныхъ при ея произнесеніи краткостію отмѣреннаго на то времени, а такъ, какъ была написана. — *Ред.*

Digitized by Google

музы Пушкина. Не переживши великаго движенія германской философіи и критики, задавивши масонскимъ піэтизмомъ и мистицизмомъ развитіе французскихъ «просвѣтительныхъ» идей, русская литература въ началѣ XIX вѣка представляла въ полномъ цвѣтѣ господство ложнаго классицизма съ его типическими формами—торжественною одою, эпическою поэмою и героическою трагедіею. Первому поколѣнію писателей Александровскаго царствованія предстояло—окончательно разрушить тотъ строй литературныхъ преданій, который давно уже сломленъ былъ въ Англіи, Франціи и Германіи могучимъ движеніемъ философскихъ и литературныхъ идей XVIII вѣка. Русская молодежь, пережившая великую эпоху войнъ съ Наполеономъ, не могла не быть поражена тою скудостію мысли, тѣмъ нищенствомъ содержанія, которыя господствовали въ тогдашней русской печати. Оцѣпленная со всѣхъ сторонъ предостерегательными значками оффиціальныхъ «аристарховъ», съ узкимъ кругомъ условнаго содержанія, разобщенная съ вопросами философской мысли и съ разработкою общественныхъ вопросовъ, русская печать не могла удовлетворять тѣмъ новымъ потребностямъ, которыя возникали послѣ европейскихъ войнъ съ Наполеономъ. Появленіе въ печати первыхъ произведеній Пушкина почти совпало со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Парижъ. Изъ своего первоначальнаго воспитанія Пушкинъ вынесъ близкое знакомство какъ съ французскими классиками «великаго вѣка», такъ и съ французскою революціонною литературою XVIII столѣтія. Вольтеръ былъ для Пушкина, въ лицейскій періодъ, «поэтъ въ поэтахъ первый»:

Онъ—все; вездѣ великъ
Единственный старикъ!.....
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ [1]).

Руссо также успѣлъ побывать въ его рукахъ. Менѣе нравился Пушкину Дидро,

То чтитель промысла, то скептикъ, то безбожникъ [2]).

За то первыя попытки Дельвига обратить Пушкина къ знакомству съ нѣмецкою литературою не имѣли успѣха:

Разбиралъ онъ нѣмца Клопштока
И не могъ понять премудраго [3]).

[1]) Сочиненія, II, 36.
[2]) Тамъ-же, II, 505.
[3]) Тамъ-же, II, 198.

Digitized by Google

Знакомясь съ Державинымъ и Дмитріевымъ, Пушкинъ въ то же время съ жадностію читалъ тѣ немногія смѣлыя произведенія русской литературы XVIII вѣка, которыя или рѣшительнымъ протестомъ ложноклассическому направленію и безжалостно, цинически его пересифлировали—произведенія Майкова, Баркова, Чулкова, пролагавшихъ путь развитію «мѣщанской» литературы. Въ лицеѣ Пушкинъ «читалъ охотно Елисея». Въ книжномъ шкафу его въ пыли лежали:

Визгова сочиненья,
Глупона пѣснопѣнья,

а за этою пыльною оградою «пряталась потаенная сафьянная тетрадь».....

Такъ: это сочиненья,
Презрѣвшія печать,—....

драгоцѣнный свитокъ, полученный

Отъ члена русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата....

Желая «вѣчнаго мира и забвенья» классическимъ твореньямъ Визгова и Глупона, Пушкинъ обращается къ Баркову и автору Елисея съ словами:

Хвала вамъ, чада славы,
Врани Парнасскихъ узд.

Очень рано обнаружилась въ поэтѣ основная черта его духовной природы—реальное направленіе: оно сказалось и въ первыхъ литературныхъ симпатіяхъ и въ первыхъ поэтическихъ опытахъ Пушкина. Почти съ дѣтства чувствовалъ онъ тяжесть всякихъ «узъ», въ томъ числѣ и парнасскихъ.... Своими ранними симпатіями Пушкинъ принадлежитъ эротическимъ писателямъ—

Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей.

Въ лицеѣ Пушкинъ звалъ своимъ учителемъ въ поэзіи Анакреона. Подъ зимній вечерокъ его развлекали Вержье, Парни съ Грекуромъ. Батюшковъ и французскіе эротическіе поэты настроили на свой ладъ лицейскія стихотворенія Пушкина. Извѣстно, какъ строго осуждены были впослѣдствіи самимъ поэтомъ эти произведенія, въ которыхъ воспѣвались вино и любовь. Но и въ этихъ первыхъ шалостяхъ молодого пера уже можно замѣтить черты, указывающія на непосредственное отношеніе поэзіи Пушкина къ жизни, на ея реальное направленіе.

Digitized by Google

Зародыши энергической реакціи ложному классицизму живо чувствуются въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. И дѣйствительно, сады «родимой» царскосельской «обители» являли великому поэту «вѣчные слѣды славныхъ лѣтъ»;

Стоятъ населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ...

Живой комментарій къ произведеніямъ лиры Державина былъ, можно сказать, передъ глазами «пылкаго отрока, таившаго въ своей груди смутныя мечтанья». И что же? Окруженный въ садахъ царскосельской школы на каждомъ шагу монументальными воспоминаніями «счастливаго вѣка» Екатерины, «громкаго свидѣтеля военной славы россіянъ, которому бряцали пѣснь Державинъ и Петровъ», Пушкинъ уже не находитъ въ себѣ сочувствія ихъ литературному направленію. На лицейской скамьѣ отталкиваетъ его отъ себя

Холодныхъ одъ творецъ ретивый,
На скучный ладъ сплетая вздоръ.

Во французскихъ стихахъ, написанныхъ въ лицеѣ, Пушкинъ высказываетъ желаніе поскорѣе ускользнуть изъ того кружка, въ которомъ читается торжественная ода. Онъ страшится и самъ участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,

Насъ убивающихъ громадою стиховъ.

«Взрощенный въ дикой простотѣ», Пушкинъ отказывается отъ этого, тогда еще моднаго, рода стихотворства:

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной
Гоняется за счастьемъ и молвой;
Мнѣ страшенъ свѣтъ, проходитъ вѣкъ мой темный
Въ безвѣстности заглохшею тропой,
Пускай пѣвцы *гремящими* хвалами
Полубогамъ безсмертіе даютъ;
Мой голосъ тихъ и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ.

У него въ рукахъ не лира, а дудка, какъ у творца Елисея:

Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полюбилъ,
Въ дни рѣзвости златые
Мнѣ дудку подарилъ.

Digitized by Google

Онъ страшится летать и при звукахъ *лиры* пѣть

Войны кровавый пиръ.

Были и помимо воспоминаній, окружавшихъ Пушкина въ царскосельскихъ садахъ и запечатлѣнныхъ въ литературѣ стихами Державина и Петрова, еще болѣе могучіе глашатаи, которые должны бы были, повидимому, призвать Пушкина къ торжественной одѣ—это самыя событія отечественной войны. И Пушкинъ дѣйствительно пишетъ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», заслужившія горячее одобреніе одряхлѣвшаго Державина, который мнилъ видѣть въ молодомъ студентѣ наслѣдника своей лиры. Но именно въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ и выражаетъ, можетъ быть, въ первый и въ послѣдній разъ, сожалѣніе, что «духъ его не горитъ восторгомъ небесныхъ Аонидъ»,

Какъ нашихъ дней пѣвецъ, Славянской бардъ дружины!

Для Пушкина торжественная ода утонула, можно сказать, именно тамъ, гдѣ искало для нея содержанія современное ему рифмоплетство стараго поколѣнія пѣвцовъ,—она утонула въ могучихъ волнахъ «вѣчной памяти 1812 года», въ тѣхъ волнахъ, которыя выносили на поверхность общественнаго сознанія новаго историческаго героя—народъ.

Поразительно въ стихотвореніи Пушкина «*На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году*» встрѣтить въ заключительной строфѣ выраженіе увѣренности, что «придутъ времена спокойствія златыя» и соберутся нѣкогда «молодыя поколѣнія вокругъ старца солдата»,

Преклонятъ хладный слухъ: и ветхимъ костылемъ
И станъ и ратный строй и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними:
Словами *истины свободными, простыми*
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ,
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

Въ 1819 году Пушкинъ имѣлъ право сказать:

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И идоламъ молвы народной
Кадиломъ лести не кадилъ:
Свободу лишь учася славить
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей.

Digitized by Google

Въ 1824 году, вспоминая «умнаго льстеца» Горація, Пушкинъ снова имѣлъ случай сказать:

Но льстивыхъ одъ я не пишу.

Нерасположеніе къ ложно-классическому направленію у Пушкина обнимало, конечно, не только торжественную, похвальную оду, но и эпическія поэмы и героическія трагедіи, словомъ: всѣ творенія, требовавшія, по ученію старой піитики, возвышеннаго стиля, т.-е. преобладанія въ русской литературной рѣчи славянскихъ выраженій. Въ толпѣ «друзей непросвѣщенья», «враговъ наукѣ» Пушкину представляются (1817 г.) піиты, «воспитанные *славянскимъ невѣжествомъ*»:

Тѣ *слогомъ Нѣкона* печатаютъ поэмы,
Одни *славянскихъ одъ* громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ намѣчена, очень вѣрно, связь тогдашняго русскаго псевдоклассицизма съ славянофилами Александровскаго царствованія, создавшими *Бесѣду любителей россійскаго слова* и заправлявшими Россійскою Академіею. Можно сказать, что съ первыхъ своихъ шаговъ на литературномъ поприщѣ Пушкинъ былъ врагомъ *Бесѣды* и академическаго вкуса и самымъ ярымъ арзамасцемъ. Онъ, еще въ лицеѣ, способенъ былъ оцѣнить новое литературное направленіе, центромъ котораго былъ *Арзамасъ*, и, *«ученью руку давъ»*, тогда же примкнулъ къ небольшому кружку русскихъ писателей, которые имѣли въ первую четверть настоящаго столѣтія столь плодотворное вліяніе на русскую литературу и просвѣщеніе, — писателей, которымъ несносны были «узы», наложенныя старою школою на словесность и самую науку, которые, напротивъ, умѣли:

Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать,
И съ гнѣвной музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной *осмѣять*
И мучить бѣднаго Шишкова
Священнымъ Феба языкомъ,
И лобъ угрюмый Шаховскова
Клеймить единственнымъ стихомъ! (1816 г.)

Въ 1830 году, въ пору высокаго развитія своихъ силъ, Пушкинъ, касаясь первыхъ по времени представителей ложнаго классицизма во Франціи, замѣчаетъ: «Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ *Сла-*

Digitized by Google

вяноруссовъ». Рѣшительное осужденіе направленія *Бесѣды*, гдѣ послѣ Шишкова главнымъ лицомъ былъ Державинъ, высказано было очень рѣзко въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, особенно въ посланіи къ Шаховскому, «бодрому усыпителю» слушателей, «грозѣ балладъ», «записному врагу талантовъ», и въ посланіи (1817) Жуковскому:

..... Что крикъ безумныхъ ихъ дружинъ?
Пускай *бесѣдуютъ* отверженные Феба.
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ Неба;
Ихъ слава—имъ же стыдъ, творенья—смѣхъ уму,
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму.

Въ пору зрѣлости литературныхъ убѣжденій, Пушкинъ, въ откровенномъ письмѣ къ брату, такъ высказался объ «избранномъ пѣвцѣ царей»: «Перечелъ я Державина всего и вотъ мое *окончательное* мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ *оды*, но не можетъ выдержать и строфы. Что же въ немъ? *Мысли, картины и движенія истинно поэтическія*. Читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника... Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ». Трудно допустить, чтобы въ рѣзкости этого отзыва сказались только

Сила, гордость, упованье
И отвага юныхъ дней.

Зародыши этого «окончательнаго» мнѣнія о Державинѣ таятся, правда, въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, но сложилось оно въ столь рѣзко опредѣленную форму потому, что симпатіи Пушкина, предметы и условія его поэтическаго творчества лежали внѣ сферы прежней литературной школы, къ которой принадлежалъ Державинъ. Пушкинъ-лицеистъ въ «мнѣніяхъ, цѣли и усиліяхъ» *Бесѣды* видѣлъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ и Батюшковымъ, «глухого варварства начала», въ послѣдователяхъ автора «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка» — «враговъ наукъ, боевую дружину безсмыслицы». Въ періодъ зрѣлости литературныхъ убѣжденій, поэтъ, приравнивая труды и усилія Ронсара, Жоделя, Дюбелле и Малерба къ стремленіямъ «нашихъ Славяноруссовъ», замѣчаетъ: «Сіи два таланта (Малербъ и Ронсаръ) истощили силы свои въ бо-

Digitized by Google

реніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о *наружныхъ формахъ слова*, нежели *о мысли—истинной жизни его*, независящей отъ употребленія!» Юноша, съ природными задатками реализма, Пушкинъ въ періодъ лицейскаго ученья, «слагалъ стихи, не натуживаясь, въ простотѣ, безъ украшенья», чуждаясь «блестящихъ даровъ трудолюбивой учености». «Уроки сухой учености» старовѣровъ классиковъ были ему «скучны». Онъ дорожилъ не формою, а *мыслію* поэтическаго произведенія. Идеалъ этого «поклонника правды и свободы» былъ не тамъ, гдѣ полагали поэты старой школы. Очень опредѣленно сказывается этотъ идеалъ въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній Пушкина «Уединеніе». Молодые писатели, отдавшіеся новому движенію мысли, конечно обвиняемы были литературными и политическими старовѣрами въ колебаніи общественныхъ основъ. Уже въ 1817 году Пушкинъ жаловался:

Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой...
Кто выражается правдивымъ языкомъ
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата!
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

Съ освобожденіемъ поэтическаго творчества отъ «узъ» піитическихъ правилъ, съ расширеніемъ сферы его предметовъ, измѣнялся коренным образомъ и взглядъ на самое существо и условія поэтическаго творчества. Ложный классицизмъ признавалъ зиждительнымъ началомъ поэзіи—восторгъ, исповѣдуя, что восторгъ «внезапно плѣняетъ умъ». На мѣсто восторга Пушкинъ ставитъ вдохновеніе и такъ его опредѣляетъ: «Вдохновеніе есть расположеніе *души* къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію *понятій*, слѣдственно и *объясненію* оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ *спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго*. Восторгъ не предполагаетъ силы *ума*, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ не продолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. *Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества*. Она исключаетъ постоянный *трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго*». Итакъ, *трудъ* служитъ исходнымъ пунктомъ поэтическаго творчества и составляетъ необходимое условіе истинно великаго. Дополняя недосказанное Пушкинымъ въ этомъ глубокомысленномъ опредѣленіи поэтическаго вдохновенія,—опредѣленіи, которое могло бы найти себѣ

Digitized by Google

превосходную иллюстрацію въ знаменитыхъ «Эстетическихъ опытахъ» Вильгельма Гумбольдта,—можно съ увѣренностію сказать, что Пушкинъ считалъ трудъ, т.-е. ученье, столь же необходимымъ для поэта, какъ и для геометра. Вотъ почему онъ искренно сожалѣлъ, что «мало у насъ писателей, которые бы *учились;* большая часть только разучиваются». Послѣдовательность процесса поэтическаго творчества Пушкинъ съ поразительною ясностію опредѣлилъ въ немногихъ вопросительныхъ фразахъ, которыя Чарскій обращаетъ къ импровизатору (въ «Египетскихъ ночахъ»). «Какъ! чужая *мысль* чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностію, какъ будто вы съ нею *носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно?* Итакъ, для васъ не существуетъ *ни труда*, ни *охлажденія*, ни этого *безпокойства*, которое предшествуетъ *вдохновенію?*» Черновыя тетради Пушкина, въ которыхъ (какъ въ альбомѣ Онѣгина) —

Среди безсвязнаго маранья
Мелькали *мысли*, примѣчанья,
Портреты, буквы, имена
И *думы тайной письмена*,—

эти черновыя тетради, вмѣстѣ съ собственными откровеніями великаго поэта, убѣждаютъ, что *такіе* именно фазисы проходило его поэтическое творчество при созданіи «Евгенія Онѣгина», «Бориса Годунова», «Полтавы»... Когда поэтъ не «чувствовалъ приближенія Бога», когда онъ не находилъ въ душѣ своей «расположенія къ дальнѣйшему принятію впечатлѣній, къ соображенію и изъясненію понятій», онъ оставлялъ перо. «Я пишу (Бориса Годунова),— высказывается Пушкинъ,— и вмѣстѣ думаю. Большая часть сценъ требовала *только* обсужденія. Когда приходилъ я къ сценѣ, требовавшей уже вдохновенія, я или пережидалъ, или просто перескакивалъ черезъ нее». «Борисъ Годуновъ» былъ первымъ большимъ произведеніемъ, надъ которымъ Пушкинъ испробовалъ этотъ «новый для него способъ работы». Процессъ созданія этой трагедіи не только выяснилъ поэту зрѣлость его богатыхъ творческихъ силъ, но и далъ ему вкусить высокихъ нравственныхъ наслажденій... «Писанная мною въ *строгомъ уединеніи* (признается Пушкинъ), *вдали охлаждающаго свѣта*, плодъ добросовѣстныхъ *изученій*, постояннаго *труда*, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: *живое занятіе вдохновенію*, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія»... Такъ, поэтъ, отъ ранней юности «любившій свѣтъ и шумъ его, нена-

Digitized by Google

видѣвшій одиночество» [1]), оцѣнилъ освѣжающее вліяніе „строгаго уединенія».

Я зналъ и *трудъ* и *вдохновенье*
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье [2]).

Въ уединеніи Пушкинъ какъ-бы перерождался:

Оракулы вѣковъ! здѣсь вопрошаю васъ.
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ *трудамъ* рождаетъ жаръ во мнѣ
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ [3]).

Въ невольномъ уединеніи изгнанія Пушкинъ проявлялъ несокрушимую силу нравственнаго чувства, а «нравственное чувство, по словамъ поэта [4]), какъ и талантъ, дается не всякому». Въ изгнаніи оставлялъ онъ свои «заблужденья» —

И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для *сердца* новую вкушаю *тишину*,
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій *трудъ*, и *жажду размышленій*.
. . . . . .
Учусь удерживать *вниманье долгихъ думъ*;
Ищу вознаградить, въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ [5]).

Таковы были основы и условія поэтическаго творчества Пушкина. Писателей старой школы не могли не поразить оригинальностію воззрѣнія слѣдующіе стихи въ извѣстномъ посланіи Жуковскому:

---

[1]) Сочиненія, II, 225.

[2]) Съ особеннымъ сочувствіемъ рисуя личность Ленскаго, Пушкинъ заставляетъ этого героя переживать его собственную исторію:

И міра новый блескъ и шумъ
Обворожили *юный* умъ.
Онъ вѣдалъ трудъ и вдохновенье
И освѣжительный покой,
Къ чему-то жизни молодой
Неизъяснимое влеченье...

Анненковъ, Матеріалы для біографіи Пушкина, изд. 2, стр. 317.

[3]) Сочиненія, II, 259.

[4]) Сочиненія, VII, 108.

[5]) Сочиненія, II, 299.

Digitized by Google

И быстрый *холодъ вдохновенья*
Власы подъемлетъ на челѣ.

«Холодъ вдохновенія» былъ выдающеюся чертою творческой дѣятельности Пушкина въ ту эпоху, когда и силы его развились совершенно и когда онъ чувствовалъ, что могъ творить. «Поэтъ, знавшій сладострастье высокихъ мыслей и стиховъ», даетъ намъ видѣть въ своихъ твореніяхъ результаты продолжительнаго труда, просвѣщенной мысли и постоянно озарявшаго его вдохновенія, когда во всей полнотѣ обнаруживалась «сила его ума, располагавшаго частями въ отношеніи къ цѣлому». И могущественно было нравственное воздѣйствіе процесса поэтическаго творчества на самого Пушкина. Въ минуты поэтическаго творчества, въ минуты наитія «вдохновенія» силою ума очищалась нравственная атмосфера поэта, «гордый разумъ усыплялъ его желанья и страданья» [1]), умирялъ борьбу «демоническихъ» силъ въ его груди и заставлялъ «исчезать заблужденья съ его измученной души». Чтобы перелить въ художественныя произведенія «стихи своего сердца [2]), Пушкину нужно было провести все то, чѣмъ волновалось и болѣзненно билось это сердце, черезъ чистилище поэтическаго творчества и поставить волненія жизни, свои надежды и отчаянія, свои грѣхи и заблужденія передъ спокойнымъ судомъ своего нравственнаго чувства, своего высокаго разума. «Холодъ вдохновенія» отрезвлялъ поэта. Къ Пушкину въ полномъ объемѣ прилагается то, что̀ самъ онъ сказалъ о временномъ «властителѣ своихъ думъ» — Байронѣ: «Онъ *исповѣдался* въ своихъ *стихахъ невольно*, *увлеченный восторгомъ поэзіи*» [3]). Поэтъ, высоко цѣнившій въ писателѣ *искренность*, сознавалъ

---

[1]) Сочиненія, II, 133.

[2]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 92.

[3]) Не излишне припомнить здѣсь слова Льюиса въ біографіи Гёте: „Поэтъ можетъ „освободить свою грудь отъ опаснаго матеріала", излить этотъ матеріалъ въ художественное произведеніе; но во всякомъ случаѣ онъ необходимо долженъ предварительно пережить то, что̀ изображаетъ,—долженъ предварительно побѣдить свои страсти, совладать съ тревожащими его мыслями, и только тогда уже можетъ онъ облечь свои страсти и мысли въ классическое выраженіе... Художникъ не рабъ, а господинъ; онъ властвуетъ надъ страстями, а не страсти надъ нимъ. Художественное творчество принимаетъ въ свое святилище великія скорби міра, но само оно не есть скорбь. Моментъ творчества наступаетъ для художника только тогда уже, когда буря миновала, когда громовыя тучи смѣнились спокойными массами облаковъ, когда уже сквозь облачныя массы протянуло солнце и озарило ихъ своими лучами. Если Вертеръ, какъ говоритъ Гёте, есть его „исповѣдь" и, какъ исповѣдь, облегчилъ его душу, то не могъ онъ исповѣдаться прежде, чѣмъ раскаялся, и не могъ раскаяться, прежде чѣмъ пережилъ заблужденіе".

Digitized by Google

значеніе *такой* уединенной исповѣди: «презирать судъ людей не трудно (писалъ онъ); презирать судъ собственный невозможно». По глубоко-вѣрному замѣчанію П. В. Анненкова, «вообще поэтическое творчество было у Пушкина какъ будто поправкой волненій жизни. Оно сглаживало рѣзкія ея проявленія, смягчало и облагораживало все, что было въ нихъ случайно-грубаго, неправильнаго и жесткаго. По неизмѣнному закону отраженія творческаго произведенія на самомъ художникѣ, умѣрялся и въ послѣднемъ пылъ увлеченія и замолкали струны, которыя звучали бы безъ того тревожно и несогласно, можетъ быть, еще долгое время» [1]). И потому особый глубокій смыслъ имѣло въ устахъ Пушкина прочувствованное восклицаніе:

Да здравствуютъ *Музы*, да здравствуетъ *Разумъ!*

Результатъ такого процесса, реальная и свѣтлая поэзія Пушкина приносила съ собою въ общество «бодрость для духа и свѣжесть для мысли» [2]); она воспитывала въ читателяхъ не только эстетическій вкусъ, но и нравственное чувство. Но это еще не все. Показанія друзей Пушкина «единогласно свидѣтельствуютъ, что, за исключеніемъ двухъ первыхъ годовъ его жизни въ свѣтѣ, никто такъ не трудился надъ дальнѣйшимъ своимъ образованіемъ, какъ Пушкинъ... Неослабно держалось поэтическое вдохновеніе, однажды возбужденное въ душѣ художника; *оно нисколько не охладѣвало*, не разсѣявалось и не слабѣло въ частомъ осмотрѣ и поправкѣ произведенія» [3]). Критика замѣчаетъ, что съ 1833 г. *начало* въ Пушкинѣ крѣпнуть «эпическое настроеніе духа» [4]), т.-е. тотъ процессъ поэтическаго творчества, который у Вильгельма Гумбольдта характеризуется преобладающимъ дѣйствіемъ» спокойнаго разума», — процессъ, который впервые усвоенъ былъ Пушкинымъ не въ 1833 году, а гораздо ранѣе. *Такими* произведеніями воспитывалъ поэтъ молодое поколѣніе писателей и русское «общественное мнѣніе». Уже въ 1833 году Пушкинъ *безъ всякаго хвастовства* [5]), въ ясномъ сознаніи своего литературнаго значенія, писалъ въ проектѣ оффиціальной записки: «Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя (Александра I) я имѣлъ *на все сословіе литераторовъ* гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство (т.-е. министерство на-

[1]) Матеріалы, стр. 88.
[2]) Тамъ же, стр. 89.
[3]) Тамъ же, стр. 48.
[4]) Тамъ же, стр. 217.
[5]) Вопреки Анненкову, Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 108.

Digitized by Google

роднаго просвѣщенія), несмотря на неизмѣримое неравенство средствъ» [1]). Пушкинъ уже тогда убѣдился, что «малое число любителей вѣрило, *наконецъ*... постоянно, хотя и медленно пробивающимся *мнѣніямъ* и безпристрастію *критики* [2]).

«Поэзія,—замѣчаетъ Пушкинъ,—бываетъ исключительною страстію немногихъ; она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни. Старая «пудренная піитика» ограничивала область поэтическихъ сюжетовъ привилегированнымъ кругомъ—«героемъ», двора, знати, высшаго общества, подчиняя и поэтическую обработку избраннаго сюжета формализму строго опредѣленныхъ правилъ. Сроснійся съ произведеніями французскаго псевдоклассицизма александрійскій стихъ—

выпянченъ былъ мамкою не дурой;
За нимъ *смотрѣлъ* степенный Буало;
Шагалъ онъ *чинно, стянутъ былъ* цезурой.
Но пудреной піитикѣ на зло
Растрепанъ онъ свободною цензурой,
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Нидо съ товарищи, *друзья натуры*,
Его гулять пустили безъ цезуры [3]).

Къ числу этихъ «друзей натуры», къ числу приверженцевъ *вполнѣ свободнаго поэтическаго творчества* (которое нашъ поэтъ называлъ истиннымъ романтизмомъ) принадлежалъ и Пушкинъ. Онъ открывалъ русской поэзіи самый широкій кругозоръ. Преданный «искреннему и свободному ходу романтической поэзіи», Пушкинъ съ удивленіемъ замѣчалъ въ русскихъ стихотвореніяхъ, величавшихся *романтическими*, «жеманство лжеклассицизма французскаго» [4]). Ему казалось «довольно страннымъ, что младенческая наша словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцовъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики»... Пушкинъ думалъ, что «французская словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно, причиною сего явленія». «Я,—продолжаетъ Пушкинъ,—въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю

[1]) Тамъ же.
[2]) Сочиненія Пушкина, V, 38. Замѣтка писана *послѣ* 1830 года.
[3]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 460.
[4]) Тамъ же, стр. 138.

Digitized by Google

не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности *своего народа*, какъ онъ повинуется законамъ своего языка... Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли *къ правиламъ*, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ *ея законы*» [1]). «У насъ литература не есть потребность народная», замѣчаетъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ [2]), XIX-го вѣкъ «обидѣлъ законодателя французскаго Парнасса» [3]) и всѣхъ представителей ложнаго классицизма: онъ искалъ для литературы иныхъ «законовъ», онъ требовалъ *свободы, народности*. «Нашему театру, пишетъ Пушкинъ, приличны *народные законы* драмы Шекспировой, а не *свѣтскій обычай* трагедіи Расина» [4]). Тѣсною представляется Пушкину область поэтическаго творчества Расина, этого «пѣвца влюбленныхъ женщинъ и царей». Съ романтической трагедіею Корнеля Пушкинъ мирился болѣе, чѣмъ съ Расиномъ. «Ты перевелъ Сида (пишетъ онъ Катенину)... «Скажи: имѣлъ ли ты *похвальную смѣлость* оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ на *жеманной сценѣ XIX столѣтія?* Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна, ridicule. Ridicule! Пощечина, данная рукою гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! Ridicule! Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева» [5]). Поэтъ, любившій свѣтъ и его шумъ, переливая въ изящныя поэтическія созданія «всѣ наблюденія, всѣ впечатлѣнія своей жизни», гонитъ съ «жеманной сцены» «свѣтскій обычай» ложнаго классицизма и не признаетъ въ дѣйствительности предметовъ «низкихъ», недостойныхъ для поэтическаго представленія: онъ смѣло пролагаетъ литературѣ путь сдѣлаться «потребностью народною». Пушкинъ сдѣлалъ достояніемъ русской поэзіи личность человѣка безъ различія общественныхъ его положеній.

Поросъ крапивою Парнассъ;
Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ-Музъ ужъ не прельщаетъ насъ,
И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на *толкучій рынокъ*.

Чѣмъ болѣе мужалъ геній великаго поэта, тѣмъ свободнѣе становилось его поэтическое творчество, тѣмъ самостоятельнѣе относился онъ къ своимъ прежнимъ образцамъ и тѣмъ болѣе

---

[1]) Анненковъ, Матеріалы стр. 138—139.
[2]) Сочиненія Пушкина VI, 102.
[3]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 460.
[4]) Тамъ же, стр. 131.
[5]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 53.

Digitized by Google

сказывалась въ душѣ поэта любовь къ прямой дѣйствительности, къ русскому быту и русской жизни. Въ юности, «съ толпою чувства раздѣляя», Пушкинъ привелъ свою музу—

на шумъ пировъ и буйныхъ споровъ;

потомъ та же ласковая муза,

. . . . позабывъ *столицы* дальной
И блескъ и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсенъ *степи, ей любезной.*

Наконецъ смирились въ поэтѣ его «весны *высокопарныя мечтанья*»; мѣсто послѣднихъ заняла любовь къ дѣйствительности, къ низменной прозѣ—

И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.
Иныя нужны мнѣ картины;
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи—
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ.
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака...
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я расцвѣтая?
Скажи, фонтанъ Бахчисарая!
Такія-ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ?..

За три года до своей безвременной кончины Пушкинъ выражаетъ свое воззрѣніе на поэта такимъ образомъ:

Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
На *пышныхъ* играхъ Мельпомены—
И улыбается забавѣ *площадной*
И *вольности* лубочной сцены.

Digitized by Google

То Римъ его зоветъ, то гордый Иліонъ,
То скалы старца Оссіана,
И съ дѣтской легкостью межъ тѣмъ летаетъ онъ
Во слѣдъ Бовы иль Еруслана [1]).

Съ высоты этого воззрѣнія на поэта, разбирая сдѣланный ему критикою упрекъ за выборъ героя для «Мѣднаго Всадника», Пушкинъ подсмѣивается:

Какой вы строгій литераторъ!
Вы говорите, критикъ мой,
Что ужъ коллежскій регистраторъ
Никакъ не долженъ быть герой,
Что выборъ мой всегда *ничтоженъ*,
Что въ немъ я страхъ неостороженъ,
Что долженъ брать себѣ поэтъ
Всегда *возвышенный* предметъ,
Что въ спискахъ цѣлаго Парнасса
Героя нѣтъ такого класса...

Люди старой литературной школы, отождествлявшіе торжественность съ вдохновеніемъ, неблагосклонно отнеслись и къ сюжету *Евгенія Онѣгина* и къ веселости, разлитой въ немъ. Пушкинъ защищается ссылкою на классическія произведенія какъ русской, такъ и западно-европейской литературы: «Ужели хотятъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно должно будетъ уничтожить и «Orlando furioso», и Гудибраса, и Веръ-Вера, и Рейнеке и лучшую часть «Душеньки», и сказки Лафонтена, и басни Крылова и проч. Это немного строго. Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи» [2]). Даже между друзьями Пушкина находились такіе, которые не понимали,

Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ...

Изъ школы автора «Повѣстей Бѣлкина» и «Лѣтописи села Горохина» вышелъ Гоголь. Пушкинъ раньше всѣхъ оцѣнилъ первыя произведенія писателя, долженствовавшаго быть продолжателемъ его дѣла, и оправдывалъ «Вечера на хуторѣ» отъ ожидаемыхъ нападеній критики почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ нѣкогда своего «Онѣгина»: «Сейчасъ прочелъ «Вечера близь Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая *веселость*—искренняя, непринужденная, *безъ жеманства и чопорности*. Все это

[1]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 173.
[2]) Тамъ же, стр. 119—120.

Digitized by Google

такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился... Ради Бога, возьмите его сторону [1]), если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на *неприличіе* его выраженій, *на дурной тонъ* и проч. *Пора, пора намъ осмѣять* les précieuses ridicules нашей словесности». «Какъ изумились мы (замѣчаетъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ) *русской* книгѣ, которая заставила насъ смѣяться,—мы, не смѣявшіеся со временъ Фонъ-Визина». Восторженное отношеніе Пушкина къ первымъ произведеніямъ Гоголя истекало изъ твердо сложившагося воззрѣнія поэта на задачи литературы, на свободу поэтическаго творчества. Импровизированная апологія Гоголя очень мѣтко указывала на слабую сторону современной Пушкину литературы—на отсутствіе литературной и научной критики, которая могла бы содѣйствовать развитію и укрѣпленію въ обществѣ здравыхъ философскихъ и эстетическихъ началъ. Въ 1830 году Пушкинъ писалъ: «Хорошее общество можетъ существовать не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные. *Жеманство и напыщенность болѣе оскорбляютъ, чѣмъ простонародность.* Откровенныя, оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую улыбку. Не забавно ли видѣть нашихъ *опекуновъ высшаго* общества» [2])? Роль этихъ консервативныхъ опекуновъ, ревниво оберегавшихъ отсталыя преданія общественной среды, желавшихъ видѣть въ писателѣ не руководителя общественнаго мнѣнія, а рабскаго исполнителя предразсужденій высшаго общества, принадлежала тогдашнимъ русскимъ критикамъ.

Въ бѣгломъ очеркѣ исторіи европейской драмы, Пушкинъ такъ характеризуетъ общественное значеніе писателя ложноклассической эпохи. «Творецъ трагедіи *народной* былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣренностію въ своей возвышенности, и публика безпрекословно это признавала. При дворѣ, наоборотъ, поэтъ чувствовалъ себя ниже своей публики: зрители были образованнѣе его—по крайней мѣрѣ такъ думалъ и онъ и они; онъ не предавался *вольно* и *смѣло* своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію; онъ боялся унизить такое-то высокое званіе,

[1]) Писано къ издателямъ „Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду".
[2]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 287.

Digitized by Google

оскорбить такихъ-то спѣсивыхъ своихъ патроновъ: отъ сего и *робкая чопорность* и отселѣ *смѣшная надутость*, вошедшая въ пословицу, и привычка влагать въ уста людямъ высшаго состоянія, съ какимъ-то подобострастіемъ, *странный нечеловѣческій образъ изъясненія... Мы къ этому привыкли; намъ кажется, что такъ и быть* должно; но надобно признаться, что у Шекспира этого не замѣтно. И если иногда герои выражаются въ его трагедіяхъ какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные *должны* выражать *простыя* понятія, *какъ простые люди*» [1]). Не такъ думали критики Пушкина, ему современные; они оставались вѣрны именно этимъ представленіямъ ложно-классической эпохи. На двѣ главныя черты современной ему критики обратилъ вниманіе Пушкинъ: на требованіе «чопорности», «смѣшной надутости» и на «филологическія придѣпки къ словамъ» [2]), часто обусловленныя привычкою къ «странному, нечеловѣческому образу изъясненія». Журнальная критика Пушкинскаго періода, за немногими исключеніями (Полевой, Кирѣевскій, Шевыревъ), поражаетъ отсутствіемъ твердыхъ философскихъ и эстетическихъ принциповъ, неспособностію понять и освѣтить общественные вопросы, узкимъ пуризмомъ, смѣшивавшимъ нравственность съ нравоученіемъ. Благовоспитанные критики «Сына Отечества» и «Вѣстника Европы» приходили *въ ужасъ* отъ «Руслана и Людмилы», гдѣ «пародировался Кирша Даниловъ и *просвѣщеннымъ* людямъ предлагалась поэма, писанная въ подражаніе «Еруслану Лазаревичу», гдѣ воспроизводились «плоскія шутки старины»... «Невскій зритель» сѣтовалъ по поводу той же поэмы на «*низкія* сравненія, *безобразное* волшебство, *сладострастныя* картины и такія выраженія, которыя оскорбляютъ *хорошій вкусъ*». Въ «Борисѣ Годуновѣ» критика находила «неприличною» сцену свиданія самозванца съ Мариною, порицала «возрастающее безуміе самозванца и возрастающую наглость Марины» и находила это произведеніе неудобнымъ для дамъ высшаго круга. Какой-то критикъ «предложилъ промѣнять сцену «Бориса Годунова» [3]) — на картинку Дамскаго Журнала» [4]). Писатель умный и дорожившій своими убѣжденіями сожалѣлъ, что Пушкинъ заставилъ своего Алеко водить медвѣдя. «Вся поэзія Пушкина (отзывался одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ) была рѣзвая шалунья, для которой весь

[1]) Сочиненія, VI, 106.

[2]) Ср. Анненкова, Матеріалы, стр. 286, 95 и др.

[3]) И какую же? Сцену Пимена съ Отрепьевымъ.

[4]) Анненковъ, Матеріалы, стр. 139.

Digitized by Google

міръ ни въ копѣйку, ея стихія пересмѣхать все—худое и хорошее—просто изъ охоты позубоскалить... Поэзія Пушкина есть просто пародія». Критику оскорблялъ и выборъ Пушкинымъ для своихъ произведеній сюжета и способъ художественной его обработки. «Главнѣйшими изъ пружинъ (увѣряла она), приводящими въ движеніе весь піитическій машинизмъ ихъ (новѣйшихъ поэтовъ), обыкновенно бываютъ: пуншъ, ай, бордо, дамскія ножки, будуарное удальство, площадное подвижничество. Самую любимую сцену дѣйствія составляютъ Муромскіе лѣса, подвижные бессарабскіе наметы, магическое уединеніе овиновъ и бань»... Критика ядовито сравнивала Пушкина то съ Барковымъ, то съ авторомъ Энеиды на изнанку, обнаруживая тѣмъ одновременно и полное непониманіе великаго значенія произведеннаго Пушкинымъ переворота въ русской поэзіи и близорукое отношеніе къ первымъ на Руси представителямъ мѣщанскаго вкуса, горячимъ противникамъ ложнаго классицизма. Критика представляла себѣ литературу этого направленія «кровожадною, развратною вѣдьмою съ прыщиками на лицѣ». Симпатіи критики принадлежали еще «чопорной» школѣ XVIII вѣка, и Пушкинъ очень хорошо понималъ, какъ она должна была относиться къ его широкому и свободному поэтическому творчеству,—къ тому, что̀ онъ называлъ романтизмомъ». «*Робкій вкусъ нашъ* не стерпитъ *истиннаго романтизма*», писалъ онъ въ 1825 году. Критика отучила Пушкина уважать ея отзывы и къ 1831 году онъ съ полнымъ правомъ могъ писать: «Все, что называется у насъ критикой, одинаково... смѣшно. Съ моей стороны я отступился: возражать серьёзно не могу, а плясать передъ публикою не намѣренъ».

И между тѣмъ едва ли какой-нибудь русскій поэтъ, до Пушкина, такъ глубоко убѣжденъ былъ въ просвѣтительномъ, въ общественномъ значеніи литературной критики. «Состояніе критики (пишетъ Пушкинъ) показываетъ степень образованности всей литературы вообще». Великій поэтъ думаетъ такъ, потому что убѣжденъ въ неразрывной связи «истинной критики» съ общественнымъ, или (какъ онъ выражался) «общимъ» мнѣніемъ. Одну изъ причинъ неуспѣха въ публикѣ стихотвореній Баратынскаго Пушкинъ видитъ въ «отсутствіи критики и общаго мнѣнія», и тутъ же прибавляетъ: «у насъ литература не есть потребность народная: писатели получаютъ извѣстность *посторонними обстоятельствами;* публика мало ими занимается; классъ писателей *ограниченъ*, и *имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ, какъ о политической экономіи*, — о политической экономіи, какъ о музыкѣ, т.-е. на-обумъ, по наслышкѣ, безъ

Digitized by Google

всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частью по личнымъ разсчетамъ».

Ахъ! еслибы меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда бы за *меня* своей указкой
Другою строгій критикъ пощелкалъ!
Ужъ то-то бъ неожиданной развязкой
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?..

«Гдѣ же критика? (спрашиваетъ поэтъ). Литература кой-какая есть, а критики нѣтъ»... Вѣрный своему идеалу объ общественномъ значеніи литературы, Пушкинъ настойчиво и постоянно высказываетъ убѣжденіе въ необходимости «истинной», не личной, а принципіальной критики, которая имѣла бы силу стать покровительницею общественнаго мнѣнія и могущественно поддерживать новое, мы готовы сказать — реальное направленіе русской поэзіи. «Голосъ *истинной* критики необходимъ у насъ: *нужно забрать въ руки общее мнѣніе* и дать *нашей словесности новое, истинное направленіе*». Итакъ, цѣль критики двоякая, по Пушкину: направленіе общественнаго мнѣнія и созданіе въ нашей литературѣ новаго направленія. Между тѣмъ, по признанію поэта, современная ему критика была «ниже даже и публики, не только самой литературы». Содѣйствіе утвержденію въ нашей литературѣ критики, въ которой Пушкинъ видѣлъ не просто «уложеніе вкуса», рано дѣлается пламенною мечтою поэта. Такая потребность истекала изъ сознанія, что литература должна быть общественною силою и что «общее мнѣніе» ею создается и питается; а общее мнѣніе Пушкинъ ставилъ необыкновенно высоко. «Уважай общее мнѣніе (пишетъ онъ въ планѣ ученія Великаго Князя Наслѣдника): оно часто бывало просвѣтителемъ монарха; оно — вѣрнѣйшій его помощникъ». Пролагая русской поэзіи новые пути, Пушкинъ не могъ не видѣть, что реформаціонныя усилія геніальнаго поэта находятъ въ «истинной критикѣ» живой, необходимый комментарій, завоевывающій въ «общемъ мнѣніи» сознательное сочувствіе новому литературному направленію и, слѣдовательно, развивающій то направленіе, упрочивающій оное разрушеніемъ старыхъ предразсудковъ. Въ сознаніи этой мысли, отыскивая себѣ въ сферѣ критики такой же опоры, какую нашелъ, какъ поэтъ, въ Гоголѣ, Пушкинъ сѣтуетъ: «Критики у насъ недостаетъ. Отселѣ репутація Ломоносова и Хераскова. Кумиръ Державина — 1/4 золотой,

Digitized by Google

3/4 свинцовый — донынѣ еще не оцѣненъ. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ великимъ поэтамъ, Дмитріевъ также. Мы не знаемъ, что такое Крыловъ». Пушкинъ завидуетъ нѣмцамъ, у которыхъ критика предшествовала литературѣ. Онъ радуется тому, что нѣмецкая философія, «особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей» и что ихъ благотворное вліяніе часъ отъ часу «становится болѣе ощутительно». Пушкинъ съ жаромъ поддерживаетъ «Московскій Вѣстникъ», въ которомъ ожидаетъ создать столь желанный ему критическій органъ. Мысль о необходимости *критическаго* журнала и *политической* газеты неотвязчиво преслѣдуетъ Пушкина, почти съ самаго начала царствованія императора Николая. «Пора задушить альманахи, осужденные на эфемерное существованіе. Журналы вездѣ управляютъ общимъ мнѣніемъ»... Потребность постояннаго періодическаго изданія, которое забрало бы въ руки общее мнѣніе, особенно усиливается въ Пушкинѣ послѣ изданія «Бориса Годунова», — въ то время, когда онъ сознавалъ, что «силы его развились совершенно». Пріемъ, оказанный критикою «Борису Годунову», только укрѣпилъ поэта въ сознаніи необходимости создать органъ здравой литературной критики, «забрать въ руки общее мнѣніе». Оскорбленный превратнымъ отношеніемъ критики къ одному изъ самыхъ дорогихъ для него созданій, въ минуту порывистаго отчаянія, Пушкинъ высказалъ даже мысль: «нововведенія опасны и, кажется, не нужны». Но порывъ былъ непродолжителенъ. Великій воспитатель эстетическаго вкуса въ русскомъ обществѣ, уже успѣвшій совершить «преобразованіе нашей драматической системы», сознавалъ свое значеніе какъ поэта и направителя «общаго мнѣнія», и спокойно замѣтилъ: «строгость и равнодушіе публики теперь мало имѣютъ вліянія на мои труды».

Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ.
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной,
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ...
Ты самъ свой высшій судъ.

«Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ».

Надежды вѣщаго поэта исполнились еще при жизни его.

Digitized by Google

Почти въ одно время съ Гоголемъ, явился такой критикъ, какого пламенно звалъ Пушкинъ. То былъ человѣкъ, воспитанный сколько московскимъ кружкомъ, занимавшимся нѣмецкою философіею, столько — если не болѣе — произведеніями Пушкина и тѣмъ литературнымъ движеніемъ, которому поэтъ придалъ «мощный бѣгъ». И тотъ критикъ, забравшій въ свои твердыя руки общее мнѣніе и воспитавшій своимъ вліяніемъ послѣдующія поколѣнія, въ лучшемъ изъ своихъ сочиненій оставилъ превосходный комментарій къ твореніямъ Пушкина, который образовалъ въ немъ чистый эстетическій вкусъ и поселилъ непреклонное убѣжденіе, что литература есть великая общественная сила. Бѣлинскій положилъ начало исторической критикѣ русскихъ писателей, о которой мечталъ Пушкинъ, и, подъ вопли старой школы, исполнилъ программу великаго поэта — развѣнчалъ литературные авторитеты той школы. По глубоко-вѣрному замѣчанію одного изъ современныхъ даровитыхъ критиковъ, Пушкинъ «былъ провозвѣстникомъ замаскированной публицистики, породившей въ послѣдніе годы его жизни сплошной рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣятелей».

На высоту служенія общественному развитію, общественной мысли поднималъ Пушкинъ русскую поэзію. Движеніе, литературнымъ выраженіемъ коего былъ романтизмъ, вызывало къ жизни новую идею — національность, новаго героя — народъ. При той непосредственности отношенія къ дѣйствительности, которою отличался Пушкинъ, рано понятъ былъ поэтомъ русскій общественный недугъ его времени — крѣпостное право. Въ 1819 году поэтъ уже высказалъ свой идеалъ:

Увижу-ль я, друзья, народъ не угнетенный,
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Позднѣе онъ развилъ свою мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ. Желаніе лучшаго соединитъ всѣ состоянія противъ общаго зла и твердое, *мирное* единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы». Вотъ гдѣ находилъ Пушкинъ условіе нашей политической свободы и нашего просвѣщенія. Обращеніе къ быту, исторіи, безъискусственной поэзіи нашего народа сопровождало творческую дѣятельность Пушкина въ пору его зрѣлости. Критика того времени понимала народность въ самомъ узкомъ смыслѣ, поверх-

Digitized by Google

ностно, и въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» не находила другихъ слѣдовъ народнаго, кромѣ именъ петербургскихъ улицъ и ресторацій. Пушкинъ пишетъ: «Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т.-е. радуются тому, что, изъясняясь по-русски, употребляютъ русскія выраженія. Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками; для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ... Есть образъ мыслей и чувствованій; есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра, даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи». Вотъ почему «съ любопытствомъ и благоговѣніемъ» обращался Пушкинъ къ «старинным памятникамъ нашей словесности, чтобы, въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа наблюдать исторію нашего народа». Вотъ почему, соединяя идею національности съ сознаніемъ необходимости европейскаго просвѣщенія, Пушкинъ благоговѣетъ передъ Петромъ Великимъ, признавая его войны «благодѣтельными и плодотворными», «успѣхъ народнаго преобразованія», когда «европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы». Вотъ почему въ эпоху высшаго проясненія своихъ художественныхъ идей, одновременно съ углубленіемъ въ «народное» творчество Шекспира, Пушкинъ изучаетъ старыя русскія лѣтописи, памятники бытовой исторіи русскаго народа, въ родѣ *Уряднika сокольничья пути*, собираетъ народныя пѣсни и записываетъ народныя пословицы, въ родѣ: *иже не ври же, его же не приноже*, думая и въ этомъ изреченіи найти поддержку своимъ нападкамъ на *Бесѣду славяно-руссовъ* и замѣчая: «и въ старину острились надъ непонятнымъ народу книжнымъ языкомъ».

Нужно ли говорить, что поэзіи Пушкина, съ широтою и глубиною ея содержанія, не былъ пригоденъ старый литературный языкъ какой-нибудь славяно-русской «Бесѣды». Рано высказалъ Пушкинъ желаніе, чтобъ «его поняли всѣ отъ мала до велика». «Надобно дать языку нашему болѣе воли», постоянно твердитъ онъ. И дѣйствительно, Анненковъ справедливо замѣчаетъ: «Никогда великій иностранный образецъ, если бы даже и былъ понятенъ всему кругу читателей, не дастъ и въ половину того, что́ даетъ читателямъ художникъ роднаго слова».

Digitized by Google

Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ,
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены; но дорожитъ
Одними-ль звуками піитъ?

Современную критику, указавшую ему въ періодѣ его поэтической дѣятельности «только пять грамматическихъ ошибокъ», Пушкинъ обращаетъ къ роднику литературной рѣчи — народному языку: «разговорный языкъ простого народа (говоритъ онъ) достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій». Въ литературномъ языкѣ Пушкина нашли себѣ примиреніе всѣ стихіи русской рѣчи: все подготовленное исторіею богатство оной слито было Пушкинымъ въ гармоническое цѣлое, которое служитъ основою современнаго литературнаго языка.

Милостивые государи!

Въ могущественномъ одушевленіи, охватывающемъ, въ настоящее время, всю образованную Россію безъ различія мнѣній, партій, направленій, въ этомъ одушевленіи, вызванномъ возвращеніемъ къ нашему литературному прошедшему, не выражается ли общественная потребность освѣженія чистыми и высокими идеалами искусства? И теперь, когда сдернута пелена съ дорогого изображенія вѣщаго поэта, не провѣряемъ ли и мы съ большею ясностію справедливость мысли Пушкина: «Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны; и между тѣмъ, какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и уступаютъ мѣсто другому, — одна поэзія остается на своемъ неподвижно и не теряетъ своей младости». Пусть же «вѣчно-юная поэзія» Пушкина, эта національная наша гордость,—укрѣпляетъ общественную мысль; пусть своими благодатными струями, съ новою силою, оживляетъ она наше молодое поколѣніе, нашу школу.

Ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ Солнце! да скроется тьма!

Н. Тихонравовъ.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е августа, 1880.

— *Критика отвлеченныхъ началъ*, Владиміра Соловьева. Москва, 1880.
— *Позитивизмъ и „Критика отвлеченныхъ началъ“ В. Соловьева*, В. Д. Вольфсона. Петербургъ, 1880.
— *Пути къ раціональному міровоззрѣнію*. Часть I. О назначеніи человѣка, І. Г. Фихте, переводъ Ипполита Панаева. Часть II. Отголосокъ чрезъ восемьдесятъ лѣтъ, Ипполита Панаева. Петербургъ, 1880.
— *Философія Шопенгауера*. Часть I. Князя Д. Цертелева. Петербургъ, 1880.

Никогда еще, кажется, въ нашей философской литературѣ не было замѣтно такого наружнаго оживленія, какъ въ нынѣшнемъ году. Къ сочиненіямъ гг. Соловьева, Панаева, кн. Цертелева и вызванной первымъ изъ нихъ брошюрѣ г. Вольфсона слѣдуетъ прибавить еще обширный трудъ г. Н. Грота: „Психологія чувствованій“, и изслѣдованіе г. Каринскаго: „Классификація выводовъ“, о которыхъ мы поговоримъ въ другой разъ. Одновременно съ этими оригинальными сочиненіями появляется переводъ послѣднихъ произведеній Спенсера („Основанія нравственности“) и Льюиса („Изученіе психологіи“). Останавливаясь пока на книгахъ гг. Соловьева, Панаева и кн. Цертелева, мы замѣтимъ прежде всего, что ни на одной изъ нихъ не отразилось господствующее теченіе современной западноевропейской философіи. При всемъ несходствѣ ихъ между собою, онѣ имѣютъ одну общую черту (общую имъ и съ книгой г. Чичерина: „Наука и религія“): болѣе или менѣе отрицательное отношеніе къ позитивизму и его новѣйшему видоизмѣненію—критической философіи. Чѣмъ полнѣе выражается извѣстное воззрѣніе, тѣмъ лучше не только для приверженцевъ, но и для противниковъ его. Мы жалѣемъ, поэтому, не объ одновременномъ появленіи нѣсколькихъ сочиненій метафизической окраски, а только о томъ, что давно—со времени выхода въ свѣтъ послѣдней книги г. Лесевича—не появлялось сочиненій противоположнаго оттѣнка. Объясненіемъ этому

Digitized by Google

факту служатъ не только общія условія нашей печати, характеристика которыхъ была недавно представлена въ „Вѣстникѣ Европы“, но, къ несчастію, и особыя условія, стѣснительныя для дѣятельности одного изъ немногихъ представителей научно-философскаго направленія въ Россіи.

Задача, которую поставилъ себѣ г. Соловьевъ, весьма обширна. Онъ предпринялъ пересмотръ отвлеченныхъ началъ, т.-е., по принятой имъ терминологіи—частныхъ идей, отдѣленныхъ отъ цѣлаго и вслѣдствіе того по необходимости неполныхъ, враждебныхъ между собою; онъ предпринялъ этотъ пересмотръ съ цѣлью замѣнить одностороннее, отрывочное, условное—единымъ, цѣлымъ, безусловнымъ. Въ книгѣ, теперь вышедшей въ свѣтъ, разсмотрѣны только сферы нравственности и знанія; сферѣ эстетической г. Соловьевъ предполагаетъ посвятить особое сочиненіе. Въ общемъ планѣ автора допущена, какъ намъ кажется, логическая ошибка, не оставшаяся безъ вліянія на самую сущность книги. Изслѣдованіе вопроса о верховномъ нравственномъ принципѣ предпослано изслѣдованію вопроса объ истинѣ, объ истинномъ знаніи, между тѣмъ какъ первый изъ этихъ вопросовъ, по словамъ самого автора, находится въ тѣсной зависимости отъ послѣдняго. Отвергая эмпирическія теоріи нравственности, обнаруживая пробѣлы раціоналистической этики, г. Соловьевъ строитъ цѣлое ученіе, основанное на мистическомъ началѣ, цѣлое идеальное общество, въ свою очередь основанное на этомъ ученіи—и только потомъ замѣчаетъ, что основанія постройки сами нуждаются въ повѣркѣ, въ подтвержденіи, которое можно найти лишь въ „гнозеологической“ сферѣ. Приступая къ такой повѣркѣ, онъ неизбѣжно вноситъ въ нее предвзятую мысль; нельзя же въ самомъ дѣлѣ создать систему только для того, чтобы вслѣдъ за тѣмъ собственноручно ее разрушить. Чтобы избѣжать ошибки г. Соловьева, мы должны начать съ того, чѣмъ онъ кончилъ, т.-е. съ его теоріи познанія. Если краеугольный камень окажется непрочнымъ, то незачѣмъ будетъ подробно разбирать все то, что на немъ держится.

Во второй части сочиненія г. Соловьева, какъ и въ первой, положительной работѣ предшествуетъ отрицательная; онъ сначала устраняетъ съ дороги все несовмѣстное съ его воззрѣніями, все что заключаетъ въ себѣ, по его мнѣнію, лишь одну долю, одну сторону истины. Полемика его направлена одинаково и противъ эмпиризма или реализма, высшимъ, наиболѣе научнымъ проявленіемъ котораго онъ признаетъ позитивизмъ, и противъ раціонализма или отвлеченной философіи, которую онъ считаетъ окончательно побѣжденной со времени паденія гегельянства. „Отвлеченный реализмъ“, говоритъ онъ, „въ своемъ послѣдовательномъ развитіи приходитъ къ утверж-

Digitized by Google

денію: все есть явленіе. Отвлеченный раціонализмъ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи приходитъ къ утвержденію: все есть понятіе. И оба воззрѣнія, проводя свои принципы логически до конца, должны получить одинъ и тотъ же отрицательный результатъ, должны придти къ чистому ничто". Какъ доказывается г. Соловьевымъ это положеніе въ примѣненіи къ позитивизму? Онъ утверждаетъ, что въ системѣ Конта частныя науки связаны между собою не органически, а только механически; что всякая отдѣльная наука есть простая сумма всѣхъ предшествующихъ ей (или низшихъ) и нѣкотораго самостоятельнаго придатка; что механика не имѣетъ, напримѣръ, необходимаго значенія для математики, біологія—для физики и химіи; что высшія науки опираются на низшія, какъ на свой матеріальный базисъ, но по своему специфическому элементу стоятъ внѣ всякой зависимости отъ нихъ. Ошибочность этого взгляда разъяснена уже отчасти въ брошюрѣ г. Вольфсона. По справедливому замѣчанію г. Вольфсона, контовская іерархія наукъ отнюдь не можетъ быть изображена въ видѣ суммы; содержаніе предшествующихъ наукъ вовсе не повторяется въ послѣдующей—въ соціологіи, напримѣръ, нѣтъ никакихъ признаковъ математики [1]),—но обусловливаетъ собою, отчасти, ея выводы, вслѣдствіе зависимости химическихъ процессовъ отъ физическихъ, и т. п.; позитивную философію слѣдуетъ разсматривать не какъ простую совокупность наукъ, а какъ умозрительную систему, отличительные признаки которой—универсальность и нераздѣльность. Къ этому можно прибавить, что специфическій элементъ каждой послѣдующей науки не прибавляется къ предъидущимъ какъ нѣчто внѣшнее, а составляетъ съ ними одно неразрывное цѣлое и разсматривается отдѣльно лишь для удобства изученія; біологическіе процессы, напримѣръ, суть вмѣстѣ съ тѣмъ процессы физическіе и химическіе. Если послѣдующая наука немыслима, такимъ образомъ, безъ предъидущей, то общая связь между науками, очевидно, не механическая, а органическая. Пойдемъ далѣе. Чтобы провозгласить несостоятельность всѣхъ существующихъ философскихъ ученій, г. Соловьеву недостаточно раскрыть частныя несовершенства той или другой системы,—несовершенства, подлежащія, можетъ быть, исправленію; ему нужно доказать коренное безсиліе реализма и раціонализма—безсиліе ихъ привести къ чему-либо, кромѣ *чистаго ничто*. Мы будемъ слѣдить за аргументаціей г. Соловьева, насколько она касается реализма; дѣло раціонализма (въ смыслѣ метафизики) мы вмѣстѣ съ г. Соловьевымъ считаемъ проиграннымъ, расходясь съ нимъ только

[1]) Съ этимъ мнѣніемъ г. Вольфсона трудно согласиться, если припомнить возможное значеніе теоріи вѣроятностей для соціально-политическихъ наукъ. Но неправильный примѣръ приведенъ здѣсь въ подкрѣпленіе правильной мысли.

Digitized by Google

въ томъ отношеніи, что его собственная теорія кажется намъ ничѣмъ инымъ, какъ видоизмѣненіемъ раціонализма.

Исходной точкой г. Соловьева служитъ reductio ad absurdum того взгляда, по которому мы можемъ познавать только *явленія*, а не сущность вещей. Все, не исключая ни другихъ людей, ни меня самого, дано мнѣ лишь въ состояніяхъ моего сознанія; слѣдовательно, я и себя самого долженъ признавать за состояніе моего сознанія; но это нелѣпо, потому что мое сознаніе уже предполагаетъ *меня*, какъ субъекта; остается, затѣмъ, допустить, что существуютъ явленія сознанія вообще, безъ сознающаго, равно какъ и безъ сознаваемаго. Но если сознающаго, представляющаго нѣтъ, то не можетъ быть ни представленія, ни явленія—есть только безразличное, пустое, ни къ чему другому не относящееся бытіе, ничѣмъ не отличающееся отъ чистаго ничто. Повторивъ ту же операцію надъ *понятіемъ*, г. Соловьевъ приходитъ къ заключенію, что и явленіе, и понятіе предполагаютъ отношеніе субъекта къ предмету (отношеніе либо ощущаемое, либо мыслимое); но такъ какъ предметъ не становится истиннымъ отъ того, что я его ощущаю или мыслю, то ни реальный опытъ, ни разумъ не могутъ дать намъ основанія или мѣрила истины. „Не истина опредѣляется нашимъ отношеніемъ къ ней, а, напротивъ, то или другое наше отношеніе къ предмету (въ чувствѣ или мысли), чтобы быть истиннымъ, должно опредѣляться безотносительной истиной предмета... Для истиннаго познанія необходимо предположить безусловное бытіе его предмета, т.-е. истинно сущаго или всеединаго". Этотъ выводъ полученъ очевидно посредствомъ логическаго скачка, нисколько не оправдываемаго всѣмъ предъидущимъ. Разсужденія о необходимости реальнаго субъекта и реальнаго объекта ощущенія доказываютъ только одно: что, познавая исключительно явленія, мы должны однако *допустить* существованіе того, въ чемъ они происходятъ, и того, кто познаетъ ихъ,—другими словами, существованіе субстрата, кантовскаго нумена или Ding an sich, остающагося для насъ непознаваемымъ, несмотря на увѣренность въ реальномъ его бытіи. Опровергнуть этимъ путемъ можно лишь крайній идеализмъ Фихте или Берклея, но отнюдь не критическій реализмъ и не позитивизмъ, вполнѣ совмѣстимый съ только что приведенной гипотезой [1]). Какимъ образомъ, познавая только отношенія, мы можемъ убѣдиться въ *безотносительной* истинности

[1]) Понятіе о чемъ-то проблематическомъ (problematisches Etwas), лежащемъ въ основаніи явленій и соотвѣтствующемъ Кантовскому „Ding an sich", принимается, напримѣръ, Ланге въ его „Geschichte des Materialismus". К. Гёрингъ, представитель новѣйшаго критицизма или критическаго реализма, признаетъ дѣйствительность какъ субъекта, такъ и объекта.

Digitized by Google

предмета? Что даетъ намъ право предположить *безусловное* бытіе предмета нашего сознанія и затѣмъ опредѣлить этотъ предметъ какъ *истинно-сущее* или *всеединое?* На эти вопросы мы находимъ у г. Соловьева отвѣтъ чисто формальный или словесный. Истина, говоритъ онъ, есть то, что есть; но вещи, отдѣльно взятыя, различаются другъ отъ друга и, слѣдовательно, не могутъ быть истиной, такъ какъ иначе пришлось бы признать, что истина различается отъ истины или не есть истина. Итакъ, истина есть *единое*, и притомъ единое не какъ простая противоположность многому—потому что такое единое, исключая многое, не было бы уже въ сущности единое, — а какъ единство многаго; другими словами, истина есть *все*, и полное опредѣленіе ея выражается въ трехъ предикатахъ: *сущее*, *единое*, *все*. Въ этомъ разсужденіи произвольно, прежде всего, объективированіе истины; она является здѣсь не какъ простое согласіе нашихъ понятій съ дѣйствительнымъ отношеніемъ предметовъ или явленій, а какъ нѣчто существующее само по себѣ, независимо отъ насъ и внѣ насъ, какъ метафизическая сущность, ничѣмъ неотличающаяся отъ абстракцій отвергаемаго г. Соловьевымъ раціонализма. Только объективировавъ истину, можно утверждать, что отдѣльное представленіе не истинно, такъ какъ оно несогласно съ другими; гораздо правильнѣе было бы сказать, что различіе между представленіями — одно изъ условій ихъ истинности, если они соотвѣтствуютъ различнымъ предметамъ. Никакихъ другихъ доказательствъ реальности *сущаго*, кромѣ того, что ощущеніе и мысль необходимо предполагаютъ нѣчто существующее, г. Соловьевъ не приводитъ; но *предположеніе* о чемъ-то существующемъ не можетъ обратиться въ *познаніе* сущаго, и если бы истина была синонимомъ сущаго, то мы должны были бы отказаться отъ ея раскрытія. Положимъ, что познаваемыя нами явленія суть только *образы бытія* или *относительное бытіе сущаго;* область нашего знанія отъ этого ничуть не измѣняется и не расширяется, единственнымъ его предметомъ все-таки остаются явленія, остается относительное, а не абсолютное, безусловное. Указать способъ познаванія абсолютнаго г. Соловьевъ не могъ; онъ превратилъ только предположеніе въ положеніе, и вслѣдъ затѣмъ началъ дѣлать изъ него выводы, забывая, что оно виситъ на воздухѣ. За невозможностью построить мостъ отъ одного берега къ другому, онъ вообразилъ себя на томъ берегу, и сталъ описывать и опредѣлять не подлежащее описанію и опредѣленію.

Мы могли бы, собственно говоря, не идти далѣе; произвольность посылки заранѣе подрываетъ всѣ выведенныя изъ нея заключенія. Нельзя ли, однако, почерпнуть изъ заключеній новыя доказательства противъ посылки? „Сущее не есть бытіе“, говоритъ г. Соловьевъ, „но

Digitized by Google

ему принадлежитъ всякое бытіе, въ томъ смыслѣ, какъ человѣку (мыслящему) принадлежитъ мышленіе. Какъ мыслящій не тождественъ съ мышленіемъ, но имѣетъ мышленіе, такъ и сущее не тождественно съ бытіемъ, но имѣетъ бытіе или *обладаетъ* бытіемъ. Обладать чѣмъ-нибудь значитъ имѣть надъ нимъ силу, такъ что сущее должно опредѣляться какъ сила или мощь бытія, какъ его положительная возможность... Обладающій логически первѣе обладаемаго; въ этомъ смыслѣ безусловно сущее или абсолютное первоначало можетъ быть названо *сверхсущимъ* или даже *верхмогущимъ*. Оно есть во всякомъ бытіи и потому познается во всякомъ познаніи. Оно не можетъ превратиться въ состояніе нашего сознанія или въ актъ нашего мышленія, и въ этомъ смыслѣ безусловно непознаваемо; но вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ оно безусловно познаваемо даже въ эмпирическомъ и логическомъ познаніи, потому что познается не ощущеніе и не мысль, а ощущаемое и мыслимое, т.-е. сущее... Сущее можетъ и должно быть намъ дано не только въ своихъ многообразно отраженныхъ проявленіяхъ, образующихъ предметный міръ, но и внутри насъ, какъ наша собственная основа. Во всѣхъ человѣческихъ существахъ глубже всякаго опредѣленнаго чувства, представленія и воли лежитъ непосредственное, одинаковое у всѣхъ воспріятіе абсолютной дѣйствительности, въ которомъ сущее открывается какъ безусловно единое и свободное отъ всякихъ опредѣленій". Но абсолютное не только отрѣшено отъ всего—оно и находится во всемъ; оно есть въ одно и то же время ничто и все: *ничто*—поскольку оно не есть что-нибудь; *все*—поскольку оно не можетъ быть лишено чего-нибудь. Для того, чтобы быть чѣмъ оно есть, оно должно быть противоположнымъ себя самого или единствомъ себя и своего противоположнаго. „Абсолютное необходимо различается на два полюса или два центра: первый—начало безусловнаго единства, свободы отъ всякихъ формъ, отъ всякаго проявленія, отъ всякаго бытія; второй—начало или производящая сила бытія, т.-е. множественности формъ"... Такъ и нашъ духъ есть единое не потому, чтобы былъ лишенъ множественности, а напротивъ, потому, что проявляя въ себѣ безконечную множественность чувствъ, мыслей и желаній, онъ тѣмъ не менѣе всегда остается самимъ собою. „Первое начало или первая потенція абсолютнаго есть начало, обладающее силой; вторая потенція абсолютнаго есть сила, которою обладаетъ первая, есть то, что въ старой философіи называлось первою матеріей. Матерія всякаго бытія, въ самомъ дѣлѣ, не есть еще бытіе, но она не есть уже и небытіе, а именно непосредственная потенція бытія, влеченіе или стремленіе къ бытію. Эта первая матерія, съ одной стороны, должна пониматься какъ принадлежащая первому началу, имъ обладаемая и, слѣдовательно, ему под-

Digitized by Google

чиненная, — а съ другой стороны, какъ необходимое условіе его существованія, она первѣе его, оно отъ нея зависитъ... Въ отличіе отъ сущаго всеединаго, второе начало есть *становящееся* всеединое".

Остановимся на минуту и бросимъ взглядъ на изумительную цѣпь противорѣчій, только что промелькнувшихъ передъ нами. Абсолютное безусловно непознаваемо—и вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно познаваемо; оно есть въ одно и то же время ничто и все; оно есть единство себя и своего противоположнаго; оно едино—и заключаетъ въ себѣ два начала; оно сущее—и вмѣстѣ съ тѣмъ становящееся. Изъ двухъ началъ, его образующихъ, второе подчинено первому—но первое въ свою очередь зависитъ отъ второго. Есть ли какая-либо существенная разница между всѣми этими положеніями и самой густой, самой непроходимой чащей нѣмецкаго метафизическаго лѣса? Если вникнуть ближе въ нѣкоторыя изъ нихъ, то единственнымъ возможнымъ ихъ смысломъ окажется отрицаніе теоріи, выраженіемъ которой они служатъ. Абсолютное признается безусловно познаваемымъ лишь тогда, когда оно является предметомъ познанія эмпирическаго или логическаго,—другими словами, когда оно перестаетъ быть абсолютнымъ. Что́ дается мнѣ опытомъ или мыслью, то имѣетъ лишь относительное значеніе; познать абсолютное этимъ путемъ я очевидно не могу. Безусловная познаваемость его обращается, такимъ образомъ, въ пустую фразу, и серьёзное значеніе остается лишь за первою частью антитезы, т.-е. за безусловною непознаваемостью абсолютнаго. Какимъ образомъ, далѣе, *сущее* можетъ быть *становящимся*, какимъ образомъ становящееся, т.-е. еще не сдѣлавшееся *всѣмъ* тѣмъ, чѣмъ будетъ, можетъ быть *всеединымъ?* Если обладающій, по выраженію г. Соловьева, *первѣе* обладаемаго, то какимъ образомъ обладаемый можетъ, въ другомъ мѣстѣ, являться *первѣе* обладающаго? Словесный характеръ заключеній г. Соловьева, т.-е. подстановка словъ на мѣсто фактовъ, обнаруживается здѣсь съ особенною ясностью. Онъ говоритъ: „сущее имѣетъ бытіе или *обладаетъ* бытіемъ". Замѣна одного выраженія другимъ, болѣе или менѣе подходящимъ, очевидно не подвигаетъ насъ ни на шагъ впередъ; но г. Соловьевъ думаетъ иначе—онъ останавливается на *словѣ* „обладать" и начинаетъ дѣлать изъ него выводы, какъ будто бы, употребивъ его, онъ этимъ самымъ достаточно уже доказалъ *фактъ* обладанія. Изъ этой игры словъ вытекаетъ и логическое первенство сущаго сравнительно съ бытіемъ, и господство первой потенціи абсолютнаго надъ второю—до тѣхъ поръ, пока вторая не оказывается въ свою очередь господствующею надъ первою. Въ концѣ-концовъ абсолютное, за отсутствіемъ всякихъ средствъ къ его познанію, является у г. Соловьева копіей съ человѣческаго духа, т.-е. совер-

Digitized by Google

шается въ сто первый разъ процессъ перенесенія качествъ съ извѣстнаго на неизвѣстное, свойственный антропоморфизму.

За различными операціями, произведенными надъ абсолютнымъ безъ нарушенія его единства или всеединства—такъ кажется, по крайней мѣрѣ, г. Соловьеву,—слѣдуетъ болѣе опредѣленное выдѣленіе изъ него того *становящагося всеединаго*, о которомъ мы уже упоминали. Это становящееся всеединое имѣетъ два существенные элемента: во-первыхъ—всеединство, какъ вѣчную потенцію, постепенно переходящую въ дѣйствительность; во-вторыхъ—то частное, не все, тотъ природный или матеріальный элементъ, въ силу котораго оно не *есть* всеединое, а только *становится* всеединымъ. Замѣтимъ, что становящееся всеединое обратилось внезапно въ становящееся *всеединымъ*, т.-е. еще не всеединое, т.-е. не абсолютное. Это не мѣшаетъ, однако, г. Соловьеву называть его *вторымъ абсолютнымъ*—отличнымъ отъ перваго, но все-таки абсолютнымъ. Въ этомъ удивительномъ сочетаніи несочетаемаго каждый изъ насъ обязывается узнать самого себя. „Становящееся всеединымъ или второе абсолютное, будучи основаніе всего относительнаго бытія, будучи въ этомъ качествѣ душой міра, въ человѣкѣ впервые получаетъ собственную внутреннюю дѣйствительность, находитъ себя, сознаетъ себя. Въ мірѣ внѣ-человѣческомъ абсолютный элементъ міровой души существуетъ только потенціонально, въ слѣпомъ, безсознательномъ стремленіи; въ человѣкѣ онъ получаетъ идеальную дѣйствительность, постепенно реализуемую... Въ природѣ каждое существо безусловно и вѣчно только въ своемъ абсолютномъ началѣ; человѣкъ безусловенъ и вѣченъ не только въ немъ, но и въ себѣ, въ своемъ индивидуальномъ сознаніи“.

Установивъ и опредѣливъ абсолютное, въ различныхъ проявленіяхъ его, т.-е. дойдя до послѣдняго слова своей метафизической теоріи, г. Соловьевъ внезапно поворачиваетъ назадъ и опять принимается доказывать наше право утверждать существованіе абсолютнаго и приписывать ему извѣстныя свойства. Къ старымъ доказательствамъ прибавляется, однако, мало новыхъ, и шаткость аргументаціи не уступаетъ мѣсто прочности. Отправляясь по прежнему отъ необходимой реальности предмета, которымъ обусловливаются наши ощущенія, авторъ принимаетъ за несомнѣнное, что увѣренность наша въ существованіи этого предмета нисколько не обусловлена ощущеніями, отъ него получаемыми, и понятіями о немъ, а, напротивъ, объективное значеніе нашихъ ощущеній и понятій прямо зависитъ отъ увѣренности въ самостоятельномъ бытіи предмета. „Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—если бы я не былъ увѣренъ, что извѣстный предметъ существуетъ независимо отъ меня, то я не могъ бы

Digitized by Google

относить къ нему своихъ понятій и ощущеній... Мы не только убѣждены въ существованіи внѣшняго предмета, но и убѣждены въ этомъ совершенно непосредственно, независимо ни отъ какихъ логическихъ разсужденій, которыя являются уже потомъ, для изслѣдованія и оправданія нашей непосредственной увѣренности... Въ этой увѣренности познающій субъектъ свободенъ, не связанъ ни фактами опыта, ни формами чистаго мышленія; въ этой увѣренности онъ дѣйствуетъ не какъ эмпирически чувственный и не какъ раціонально-мыслящій, а какъ безусловный и свободный, почему и объектъ познается здѣсь въ своей безусловности. Не безусловное существо познающаго очевидно не можетъ быть ограничено или внѣшнимъ образомъ опредѣлено безусловнымъ существомъ познаваемаго, ибо такое ограниченіе прямо противорѣчитъ качеству безусловности; такимъ образомъ, здѣсь необходимо предполагается нѣкоторая внутренняя связь и существенное единство обоихъ". Безусловное или мистическое знаніе не ограничивается утвержденіемъ, что предметъ его существуетъ; оно обнимаетъ собою характеръ, сущность или идею предмета. Возможно это потому, что „идеальная сущность познающаго субъекта необходимо находится въ извѣстномъ соотношеніи и взаимодѣйствіи съ идеальными сущностями всѣхъ другихъ предметовъ". Идею предмета, „скрывающуюся отъ нашего внѣшняго глаза въ невидимой (безсознательной) глубинѣ нашего духа, нашъ умъ, побуждаемый внѣшними впечатлѣніями, переводитъ изъ этой глубины на поверхность дневного сознанія". Общій выводъ изъ всѣхъ этихъ положеній слѣдующій: „дѣйствительное (объективное) познаніе предмета опредѣляется, во-первыхъ, какъ *вѣра* въ безусловное его существованіе, во-вторыхъ, какъ умственное созерцаніе или *воображеніе* его сущности или идеи, и наконецъ, въ-третьихъ, какъ *творческое воплощеніе* или реализація этой идеи въ актуальныхъ ощущеніяхъ или эмпирическихъ данныхъ нашего природнаго чувственнаго сознанія".

Говоря о логическихъ разсужденіяхъ, „являющихся уже потомъ, для изслѣдованія и оправданія нашей непосредственной увѣренности", г. Соловьевъ хотѣлъ установить общій законъ познанія—но изобразилъ, въ сущности, только свой собственный способъ мышленія, только свой любимый діалектическій пріемъ. Онъ сначала ставитъ абсолютное во главу угла, и потомъ уже принимается искать для него доказательствъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы именно таковъ былъ неизбѣжный и естественный порядокъ всякаго мышленія. Доказать, что увѣренность въ реальности ощущаемаго предмета предшествуетъ ощущеніямъ и нисколько отъ нихъ не зависитъ, можно было бы только путемъ обширнаго психологическаго изслѣдованія, исторіей образованія нашихъ представленій и понятій. Ничего по-

Digitized by Google

добнаго г. Соловьевъ не предпринимаетъ; онъ прямо выставляетъ принципъ, требуя отъ насъ принятія его на вѣру. Исполнить это требованіе, значило бы забыть, что увѣренность въ реальности предметовъ вытекаетъ не изъ чего другого, какъ изъ однородности многихъ разъ повторявшихся ощущеній, что она составляетъ продуктъ продолжительной работы, начинающейся вмѣстѣ съ первыми проблесками умственной жизни каждаго человѣка. Когда дитя въ первый разъ чувствуетъ боль отъ прикосновенія къ огню, оно связываетъ свое ощущеніе съ горящимъ предметомъ, хотя, конечно, не имѣло передъ тѣмъ увѣренности въ реальномъ существованіи этого предмета. *Безусловная свобода* такой увѣренности, утверждаемая г. Соловьевымъ, противорѣчитъ самымъ простымъ, самымъ безспорнымъ фактамъ. А между тѣмъ, всѣ послѣдующія положенія автора зиждутся исключительно на этой безусловной свободѣ. Изъ нея выводится сначала познаніе предмета въ его безусловности, затѣмъ — внутренняя связь между безусловнымъ познающимъ и безусловнымъ познаваемымъ, наконецъ—возможность познанія идеи или сущности предмета. Этотъ послѣдній видъ познанія г. Соловьевъ называетъ *воображеніемъ;* первоначальную форму познанія (т.-е. увѣренность въ безусловномъ существованіи предмета) онъ называетъ *вѣрой;* но эта терминологія не измѣняетъ сущности ученія, затемняя безъ того уже далеко не ясныя его очертанія. Вѣра и воображеніе, въ общепринятомъ смыслѣ слова, не могутъ дать намъ *знанія;* г. Соловьевъ отождествляетъ ихъ съ знаніемъ, съ знаніемъ дѣйствительнымъ, объективнымъ. Одно изъ двухъ: или г. Соловьевъ играетъ словами, называетъ знаніемъ не то, что обыкновенно подъ нимъ понимаютъ, и сознательно хочетъ замѣнить философію неопредѣленной мечтой, смутнымъ чувствомъ—въ такомъ случаѣ совершенно напрасны усилія основать эту мечту, это чувство на фактахъ и аргументахъ, на тезисахъ, сгруппированныхъ по образцу философской системы; или г. Соловьевъ считаетъ возможнымъ достигнуть, съ помощью предлагаемыхъ имъ пріемовъ, *достовѣрнаго* знанія — и въ такомъ случаѣ его теорію ожидаетъ судьба, постигшая и постигающая всѣ метафизическія доктрины. Въ пользу перваго предположенія можно было бы привести слѣдующее мѣсто разбираемой нами книги: „если предметъ воображается въ насъ, то и мы воображаемъ предметъ, т.-е. даемъ ему образъ, соотвѣтствующій нашей собственной сущности; субъектъ видитъ идею предмета въ свѣтѣ своей собственной идеи, *видитъ въ предметѣ только то, что такъ или иначе можетъ ей соотвѣтствовать*“. Мы едва ли ошибемся, однако, если скажемъ, что эти слова не выражаютъ намѣренія автора, что общій характеръ книги говоритъ за второе изъ сдѣланныхъ нами предположеній. То,

Digitized by Google

что со стороны кажется произвольной догадкой, въ глазахъ самого г. Соловьева — безусловная истина.

На представленіяхъ объ абсолютномъ, о двухъ его потенціяхъ и о взаимной ихъ связи г. Соловьевъ строитъ не только теорію познанія, но и теорію нравственности, и идеалъ общественнаго устройства. Въ одномъ отношеніи ему нужно отдать полную справедливость: отвергая „отвлеченный эмпиризмъ“ и „отвлеченный раціонализмъ“, онъ отвергаетъ также „отвлеченный догматизмъ“ или „отвлеченный мистицизмъ“. Задачу міросозерцанія, проповѣдуемаго имъ, онъ видитъ не въ томъ, чтобы возстановить исключительное значеніе традиціонной теологіи, а въ томъ, чтобы ввести абсолютную истину въ форму свободно-разумнаго мышленія и реализовать ее въ данныхъ опытной науки, поставить теологію во внутреннюю связь съ философіей и наукой, и такимъ образомъ организовать всю область истиннаго знанія въ полную систему свободной и научной теософіи. Насколько осуществима такая задача—объ этомъ можно судить по всему вышесказанному; но во всякомъ случаѣ ее нельзя смѣшивать съ заурядными посягательствами на свободу мысли и науки. Организація знанія, по мнѣнію г. Соловьева, предполагаетъ *организацію дѣйствительности*, т.-е. такую переработку всего существующаго, которая, „на мѣсто данныхъ внѣшнихъ отношеній между элементами божественнымъ, человѣческимъ и природнымъ, установила бы, въ общемъ и въ частностяхъ, внутреннія органическія отношенія этихъ трехъ началъ“. Эту переработку г. Соловьевъ возлагаетъ на искусство, которое, какъ мы уже сказали, онъ намѣренъ сдѣлать предметомъ особаго сочиненія. Какимъ образомъ могутъ быть предвосхищены результаты знанія, какимъ образомъ дѣйствительность можетъ быть согласована съ истиной, еще не раскрытой, какимъ образомъ искусство можетъ взять на себя пересозданіе всего существующаго—всѣ эти вопросы приходится, значитъ, отложить до слѣдующей книги г. Соловьева. О главныхъ чертахъ идеала, осуществленіе котораго принадлежитъ искусству, можно, однако, узнать кое-что и изъ „Критики отвлеченныхъ началъ“. Какъ истый метафизикъ, все себѣ уяснившій и ни въ чемъ не сомнѣвающійся, г. Соловьевъ любитъ предрѣшать вопросы, любитъ, если можно такъ выразиться, забѣгать впередъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Послѣднее слово его системы виднѣется отчасти уже въ первомъ ея отдѣлѣ, посвященномъ верховному принципу нравственности.

Въ статьѣ о законѣ историческаго развитія, напечатанной въ видѣ приложенія къ разбираемой нами книгѣ и во многомъ разъясняющей основную мысль автора, мы встрѣчаемъ синоптическую таблицу трехъ ступеней, проходимыхъ человѣчествомъ въ сферѣ

Digitized by Google

творчества, въ сферѣ знанія и въ сферѣ практической дѣятельности. Въ послѣдней изъ этихъ сферъ оно восходитъ, по мнѣнію г. Соловьева, отъ экономическаго общества (земства), черезъ политическое (государство), къ духовному (церковь); въ сферѣ знанія — отъ положительной науки, черезъ отвлеченную философію, къ теологіи. Взглянувъ на эту таблицу и припомнивъ, что теологія — или свободная теософія — есть объединенный абсолютною истиной союзъ философіи и науки, не трудно угадать, что общество, въ высшемъ выраженіи своемъ, должно быть понимаемо г. Соловьевымъ, какъ сліяніе обществъ экономическаго и политическаго, дополненныхъ недостающимъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности безусловнымъ началомъ. И дѣйствительно, послѣ долгихъ — часто вѣрныхъ и интересныхъ—разсужденій о неполнотѣ субъективной этики безъ объективной (т.-е. нравственности личной безъ примѣненія ея къ обществу), о невозможности построить общество исключительно на началѣ матеріальнаго интереса или исключительно на формальномъ правѣ, г. Соловьевъ приходитъ къ заключенію, что верховный нравственный принципъ можетъ быть осуществленъ только въ обществѣ духовномъ, регулирующемъ, съ высоты безусловнаго начала, политическую и экономическую жизнь своихъ членовъ. Мотивировано это заключеніе, въ положительной своей части (т.-е. въ томъ, что́ касается не критики прошедшаго и настоящаго, а идеаловъ будущаго), точно такъ же, какъ и положенія объ абсолютномъ, съ которыми оно составляетъ одно нераздѣльное цѣлое. „Безъ противорѣчія съ самимъ собою“, говоритъ г. Соловьевъ, „человѣкъ можетъ подчиниться только объекту *безусловному*, т.-е. такому, къ которому человѣкъ долженъ стремиться по разуму — долженъ потому, что въ самосознаніи человѣка, какъ существа разумно-свободнаго, уже заключается формальная безусловность; но безусловная форма требуетъ безусловнаго содержанія, и безусловность субъективнаго сознанія должна быть восполнена безусловнымъ объектомъ... Человѣкъ или человѣчество есть существо, содержащее въ себѣ (въ абсолютномъ порядкѣ) божественную идею, т.-е. всеединство или безусловную полноту бытія, и осуществляющее эту идею (въ естественномъ порядкѣ) посредствомъ разумной свободы въ матеріальной природѣ“. Послѣ всего сказаннаго выше, положенія эти не требуютъ, съ нашей точки зрѣнія, дальнѣйшаго разбора.

Идеальное духовное общество, по теоріи г. Соловьева, представляетъ собою сложную филіацію частныхъ обществъ или братствъ, опредѣляющуюся свободнымъ выборомъ по внутреннему сродству индивидуальныхъ идей или назначеній; неограниченный федерализмъ совпадаетъ здѣсь съ безусловною централизаціей. Въ духовномъ обще-

Digitized by Google

ствѣ—великое множество степеней, потому что при нормальномъ порядкѣ общественное положеніе каждаго должно опредѣляться не только свойствомъ той идеи, которой онъ есть выразитель, но и степенью его проникновенія этою идеей, т.-е. степенью его идеальности или нравственнаго достоинства. Чѣмъ болѣе усвоилъ человѣкъ идею, тѣмъ болѣе онъ долженъ имѣть вліянія на другихъ, тѣмъ высшее положеніе онъ долженъ занимать въ обществѣ. Степенью идеальности должна опредѣляться степень вліянія и власти лица. Объемъ правъ долженъ соотвѣтствовать высотѣ внутренняго достоинства. Кто не обладаетъ, въ данное время, т.-е. при данной степени развитія, способностью наполнить безусловную форму безусловнымъ содержаніемъ, тотъ свободно и естественно подчиняется находящимся на высшей, сравнительно съ нимъ, степени духовнаго совершенства. Каждый, будучи въ абсолютномъ порядкѣ безусловною цѣлью, равною со всѣми другими, является вмѣстѣ съ тѣмъ, при постепенномъ осуществленіи этого порядка въ порядкѣ естественномъ (въ государствѣ), какъ средство неравное, но равноцѣнное со всѣми другими. Соотвѣтственно внутреннему достоинству и гражданскому значенію членовъ общества распредѣляется между ними и трудъ, и богатство. Хозяйственная область общества становится, такимъ образомъ, осуществленіемъ свободной общинности, и въ ней находятъ свое примиреніе, соединяются въ высшемъ синтезѣ противоположныя въ своей отвлеченности начала общинности и индивидуализма. Неограниченная конкурренція устраняется единствомъ цѣли, общей для всѣхъ, а возможность эксплуатаціи труда капиталомъ также устраняется, благодаря тому, что обладателями капитала являются лучшіе люди, опредѣляющіе свою дѣятельность нравственнымъ началомъ и неспособные злоупотреблять своими преимуществами.

Таково идеальное или нормальное общество, опредѣляемое г. Соловьевымъ двумя плохо гармонирующими между собою словами: *свободная теократія*. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этой утопіи, отмѣтимъ только одинъ существенно-важный пробѣлъ ея: авторъ не объясняетъ, кто долженъ установлять степень идеальности каждаго члена общества, степень проникновенія его идеей, способность его или неспособность *наполнить безусловную форму безусловнымъ содержаніемъ*—другими словами, отъ кого будетъ зависѣть политическое значеніе и матеріальное благосостояніе каждаго члена общества. А между тѣмъ, этимъ вопросомъ обусловливается, въ сущности, все остальное; если каждый занимаетъ въ обществѣ *отводимое, указываемое* ему мѣсто, то весь вопросъ въ томъ, чѣмъ гарантирована правильность такого указанія. Если оно должно исходить отъ

Digitized by Google

носителей безусловнаго начала, безусловной истины, то какъ узнать ихъ среди массы, какъ избрать будущихъ избирателей? Если мѣру достоинства должны опредѣлять достойнѣйшіе, то самихъ достойнѣйшихъ кто же отличитъ отъ просто достойныхъ? Такъ какъ рѣчь идетъ не объ абсолютномъ, а о естественномъ порядкѣ—т.-е. не о полномъ царствѣ истины, а о постепенномъ осуществленіи ея,—то совмѣстимо ли съ нимъ самое понятіе о достойнѣйшихъ, какъ о носителяхъ безусловной истины? Если такихъ носителей нѣтъ и быть не можетъ, то гдѣ же основаніе возлагать на кого-либо функціи, предполагающія абсолютную непогрѣшимость? Если организація духовнаго общества представляется, въ глазахъ г. Соловьева, чѣмъ-то аналогичнымъ съ обычнымъ типомъ церковной организаціи, то въ чемъ заключается различіе между *свободной теократіей* и просто теократіей? Можно ли говорить, притомъ, о *свободной* теократіи, когда отъ степени усвоенія ея принциповъ зависитъ вся участь каждаго члена общества? Свобода, возможная при такомъ общественномъ устройствѣ, не была ли бы только свободой лицемѣрія? Изъ того, что въ нормальномъ обществѣ г. Соловьева положеніе каждаго зависитъ не только отъ *степени* проникновенія идеей, но и отъ ея свойства, слѣдуетъ заключить, что авторъ допускаетъ возможность существованія отщепенцевъ, вовсе отвергающихъ основную идею этого общества; какова же должна быть ихъ участь, если матеріальныя блага и политическое вліяніе распредѣляются *только* между приверженцами идеи, смотря по мѣрѣ ея усвоенія? Говорить о свободномъ, естественномъ подчиненіи такихъ отщепенцевъ, конечно, нельзя—да и вообще трудно представить себѣ *свободное подчиненіе* большинства регламентированному неравенству, выгодному только для немногихъ. Если намъ скажутъ, что руководящимъ, все примиряющимъ началомъ въ обществѣ, изображаемомъ г. Соловьевымъ, будетъ любовь, то мы отвѣтимъ на это, что при всеобщемъ господствѣ любви падаетъ вопросъ о наилучшей организаціи общества [1]).

---

[1]) Между свободной теократіей г. Соловьева и соціократіей О. Конта есть нѣкоторыя точки соприкосновенія: напримѣръ, свободное подчиненіе свѣтской власти государства—духовной власти философовъ, соотвѣтствіе степени власти—степени идеальности, и т. п. Основываясь на этомъ, г. Вольфсонъ признаетъ за идеаломъ г. Соловьева и цѣну, и глубокій смыслъ, на сколько онъ заимствованъ отъ О. Конта. Въ нашихъ глазахъ только-что указанныя черты контовской системы не принадлежатъ къ числу сильныхъ сторонъ ея; перенесенныя въ систему г. Соловьева, онѣ теряютъ всякую цѣну, потому что власть, основанная на безусловномъ началѣ, имѣетъ слишкомъ мало общаго съ властью, основанною на философіи и наукѣ. *Свободное* подчиненіе послѣдней можно себѣ представить; свободное подчиненіе первой, какъ общее правило, совершенно немыслимо. Различіе въ основаніяхъ власти неминуемо должно отразиться и на ея цѣляхъ, и на ея способѣ дѣйствій.

Digitized by Google

Для полной характеристики сочиненія г. Соловьева, на сколько она возможна въ журнальной замѣткѣ, необходимо упомянуть еще о его взглядѣ на одинъ изъ важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ — на вопросъ о свободѣ воли. Въ данныхъ опыта г. Соловьевъ не находитъ никакого указанія на свободу воли; напротивъ, онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что всѣ человѣческія дѣйствія подлежатъ закону необходимости. Но въ каждомъ человѣкѣ, кромѣ эмпирическаго характера, есть еще характеръ *умопостигаемый*, *трансцендентальный* или *идеальный*, который не составляетъ явленія и не находится ни подъ какими условіями чувственности. На этомъ основаніи можно разсматривать цѣлый рядъ событій съ одной стороны какъ дѣйствіе природы, съ другой—какъ свободное дѣйствіе. Относительно умопостигаемаго характера не имѣетъ мѣста никакое *прежде* или *послѣ;* онъ дѣйствуетъ совершенно свободно, не опредѣляясь въ цѣпи естественныхъ причинъ внѣшними или внутренними, но по времени предшествующими основаніями—и эта его свобода можетъ быть признана не только отрицательно, какъ независимость отъ эмпирическихъ условій, но и положительно, какъ способность начинать сама собой рядъ событій. Свобода умопостигаемаго характера есть, однако, только относительная; если собственная причина моихъ дѣйствій есть мой умопостигаемый характеръ, не опредѣляемый никакими эмпирическими условіями, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не опредѣлялся чѣмъ-либо другимъ, помимо эмпирическихъ условій. Вопросъ, такимъ образомъ поставленный, разрѣшается у г. Соловьева извѣстною уже намъ теоріею о второмъ абсолютномъ. Какъ безусловно сущій, самостоятельный субъектъ всѣхъ своихъ дѣйствій и состояній, человѣкъ безусловно свободенъ, свободенъ въ свободѣ и свободенъ въ необходимости; необходимость есть только одно изъ его состояній, а онъ больше всѣхъ своихъ состояній. Онъ свободенъ безусловно даже по отношенію къ своему безусловному началу, къ первому абсолютному; ибо, какъ становящееся абсолютное, а не сущее, онъ самъ есть основаніе бытія своего. Первое абсолютное опредѣляетъ только то, *чѣмъ* онъ становится—содержаніе и цѣль его жизни; но что онъ этимъ *становится* — это имѣетъ свое основаніе въ немъ самомъ.— Искусственность и шаткость всей этой постройки едва ли требуетъ доказательствъ. По справедливому замѣчанію г. Вольфсона, безусловная свобода человѣка по отношенію къ абсолютному началу совершенно непонятна. Если человѣкъ есть становящееся всеединое, то какимъ образомъ онъ можетъ не становиться всеединымъ? Если второе абсолютное есть потенція перваго, то какимъ образомъ оно можетъ идти съ нимъ въ разрѣзъ, нарушать свое внутреннее съ нимъ единство? Теорія г. Соловьева—одна изъ многочисленныхъ попытокъ

Digitized by Google

разрѣшить „проклятый“ вопросъ, съ особенною силой тяготѣющій надъ современнымъ обществомъ,—попытокъ, дѣлаемыхъ съ разныхъ сторонъ, подъ вліяніемъ самыхъ различныхъ побужденій [1]). Найти желанный выходъ изъ роковой дилеммы удастся, безъ сомнѣнія, не системѣ, основанной на произвольныхъ предположеніяхъ и проникнутой духомъ старой метафизики.

Разсужденіе г. Панаева, напечатанное въ видѣ дополненія къ переведенному имъ сочиненію Фихте: „О назначеніи человѣка“, относится къ книгѣ г. Соловьева какъ бесѣда дилетанта, скользящаго по предметамъ безъ строгой системы, къ труду ученаго, привыкшаго работать методически, послѣдовательно выводить одно положеніе изъ другого. Помимо этой существенной разницы, книги гг. Панаева и Соловьева представляютъ очень много общаго. Подобно г. Соловьеву, г. Панаевъ признаетъ, что міръ, въ которомъ необходимость кажется закономъ, есть міръ явленій, а не міръ *въ себѣ;* что человѣкъ, въ глубинѣ своего существованія, есть нѣчто *въ себѣ*, закону необходимости не подлежащее; что разумъ есть законъ *въ себѣ*, законъ самому себѣ, и что стихія его—свобода. „Люди забыли“, говоритъ онъ, „что они свободны, но свободны только тогда, когда повинуются коренной своей существенности, самому себѣ—какъ разуму, а не силѣ своей чувственной природы“. Само собою разумѣется, что *доказать* эти положенія г. Панаеву удалось столь же мало, какъ и г. Соловьеву. Съ данными науки г. Панаевъ обращается еще гораздо свободнѣе, чѣмъ г. Соловьевъ. Послѣдній нигдѣ прямо ихъ не отвергаетъ—онъ только старается совмѣстить ихъ съ своимъ ученіемъ объ абсолютномъ; первый игнорируетъ несомнѣнные выводы науки—напримѣръ антропологіи и филологіи, утверждая, напримѣръ, что естественнымъ путемъ происхожденіе слова (т.-е. языка) объяснить нельзя, что слово было „прирожденнымъ человѣку идіомомъ“. Чтобы возсоздать происхожденіе сознанія и познанія, г. Панаевъ прибѣгаетъ не къ наблюденіямъ надъ ребенкомъ или надъ дикарями, а къ своему воображенію, рисующему передъ нимъ картину пробужденія перваго человѣка. Г-нъ Панаевъ не знаетъ, но догадывается, какіе сны видятъ самоѣды и негры; онъ догадывается, какова была бы жизнь человѣчества, если бы оно не уклонилось отъ повиновенія разуму. Въ одномъ только отношеніи г. Панаевъ сдержаннѣе, чѣмъ г. Соловьевъ; онъ признаетъ, что абсолют-

---

[1]) См., напр., письмо К. Д. Кавелина: „Мефистофель Антокольскаго“ въ іюльской книгѣ „Вѣстника Европы“ (стр. 394); см. также литературное обозрѣніе въ № 3 „Вѣстника Европы“ за нынѣшній годъ (стр. 335).

Digitized by Google

ная истина міровданія, какъ міровданія въ себѣ, никогда не можетъ быть раскрыта, и ограничивается утвержденіемъ, что человѣкъ имѣетъ во вселенной вѣчное, абсолютное значеніе, что онъ есть разумъ, и какъ таковой принадлежитъ не міру явленій только, но и міру въ себѣ. Въ добрыхъ намѣреніяхъ г. Панаеву отказать нельзя; онъ проповѣдуетъ любовь, уваженіе къ людямъ, взаимную ихъ солидарность, самоотверженіе, постоянное стремленіе къ самоусовершенствованію; но однихъ добрыхъ намѣреній, къ сожалѣнію, недостаточно для того, чтобы сдѣлать шагъ впередъ на „пути къ раціональному міровоззрѣнію".

Говоря о г. Панаевѣ, мы оставили въ сторонѣ переведенное имъ сочиненіе Фихте; говоря о кн. Цертелевѣ, мы не станемъ, точно также, останавливаться на излагаемой имъ философіи Шопенгауера, а обратимъ вниманіе только на критическій отдѣлъ книги, выражающій собою мнѣнія самого автора. Опредѣлить съ точностью смыслъ этихъ мнѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сходство или несходство ихъ съ системой г. Соловьева, довольно трудно. Г-нъ Соловьевъ открыто поднимаетъ знамя мистицизма, провозглашая мистику высшею ступенью въ сферѣ творчества, отождествляя понятія о знаніи безусловномъ и знаніи мистическомъ; князь Цертелевъ исключаетъ мистицизмъ изъ области философіи, относя его къ совершенно иной сферѣ, куда мы не можемъ проникнуть съ обыкновенною логикой. „То, о чемъ мы едва смѣемъ догадываться,—говоритъ онъ,—является мистицизму съ полною очевидностью. Вотъ почему онъ не можетъ быть поставленъ въ одну категорію съ другими направленіями философскаго мышленія; онъ или выше, или ниже ихъ... Гдѣ не можетъ быть точнаго знанія—таковы заключительныя слова книги, напоминающія взглядъ Рибо [1]),—тамъ начинаются гипотезы и догадки; гдѣ нѣтъ основанія и для такихъ догадокъ, тамъ остается только вѣра; но отказаться отъ рѣшенія метафизическихъ и религіозныхъ вопросовъ, какъ ни темны и ни сухи они бываютъ порою, человѣчество не можетъ, потому что они касаются высшихъ его стремленій и на нихъ основаны его понятія о нравственности и о началахъ бытія". Судя по этимъ отрывкамъ, можно было бы предположить, что авторъ проводитъ рѣзкую черту между знаніемъ—и чувствомъ или мечтою, что онъ свободенъ отъ того смѣшенія понятій, которое мы нашли у г. Соловьева; но другія мѣста книги не позволяютъ намъ остановиться на этомъ заключеніи. „Положеніе: всякое измѣненіе имѣетъ

---

[1]) См. литерат. обозрѣніе въ № 9 „Вѣстника Европы" за 1879 г., стр. 348—352.

Digitized by Google

причину,—читаемъ мы на стр. 231,—не можетъ быть ни индуктивнымъ заключеніемъ, ни выводомъ изъ какого-либо высшаго положенія, и потому мы вынуждены или, отвергнувъ и видоизмѣнивъ его, сказать, что нѣкоторыя измѣненія имѣютъ причину, и отказаться отъ всякаго познанія внѣшняго міра, или признать его за *несомнѣнную врожденную истину*, за veritas aeterna, какъ ни устарѣло кажется такое воззрѣніе современнымъ позитивистамъ".—„Если то, что должно мыслиться какъ сущее, можетъ не быть въ дѣйствительности, то всякая возможность познанія исчезаетъ, и съ такимъ же правомъ можно утверждать, что хотя мы и должны мыслить, что сумма 2 и 2 есть 4, но въ дѣйствительности два и два яблока могутъ составить 5 или 3. Можно не согласиться съ тѣмъ, что въ насъ есть идея существа необходимаго; но, допустивши это, нельзя отрицать бытіе такого существа, потому что это значило бы отрицать существованіе помянутой идеи, т.-е. того, что было уже допущено" (стр. 221—222). Разсуждая такимъ образомъ, князь Цертелевъ оказывается въ одномъ лагерѣ съ г. Соловьевымъ; онъ допускаетъ существованіе врожденныхъ истинъ (а не одной только врожденной способности познавать истину), онъ заключаетъ отъ существованія въ насъ идеи—къ реальному существованію соотвѣтствующаго ей предмета. Замѣтимъ, что въ послѣднемъ выводѣ автора нѣтъ даже внѣшней правильности; онъ утверждаетъ бытіе необходимаго существа не потому, что въ насъ *необходимо есть*—т.-е. не можетъ не быть—идея о такомъ существѣ, а только потому, что она есть въ насъ. Недостаточность этого основанія не требуетъ доказательствъ. Другая точка соприкосновенія между княземъ Цертелевымъ и г. Соловьевымъ—это отношеніе къ позитивизму, о которомъ первый отзывается слѣдующимъ образомъ: „есть еще одно направленіе человѣческой мысли, которое, особенно въ послѣднее время, пользуется большимъ вліяніемъ въ публикѣ—позитивизмъ; но оно едва ли можетъ претендовать на самостоятельное значеніе въ сферѣ философіи. Это только механическое соединеніе эмпиризма съ скептицизмомъ". Не въ правѣ ли мы были указать, въ началѣ нашей замѣтки, на внутреннюю связь между сочиненіями гг. Соловьева, Лопаева и князя Цертелева?

—*А. фонъ-Фрикенъ.* Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть третья. Изображенія Спасителя, Богоматери и апостоловъ у первыхъ христіанъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1880.

Третья часть сочиненія г. фонъ-Фрикена составляетъ самостоятельное цѣлое, богатое интересными подробностями. Подобно тому, какъ первообразомъ древне-христіанскаго храма послужила римская

Digitized by Google

базилика, живопись и скульптура отживающаго античнаго міра положили свою печать на первыя произведенія кисти и рѣзца, внушенныя христіанствомъ. Изображенія Спасителя въ видѣ добраго пастыря, окруженнаго стадомъ или несущаго на плечахъ найденную имъ овцу, являются сначала почти буквальнымъ повтореніемъ языческихъ образцовъ, въ которыхъ носителемъ овцы или барана бо́льшею частью былъ Гермесъ, покровитель стадъ. Замѣчательно, что наиболѣе раннія статуи послѣдняго рода, относящіяся къ архаическому періоду греческаго искусства, весьма сходны съ христіанскими статуями добраго пастыря VI-го или VII-го вѣка, т.-е. эпохи полнаго упадка искусства. „Не смотря на многіе вѣка, раздѣляющіе ихъ,“— говоритъ г. фонъ-Фрикенъ, — „эти двѣ эпохи подаютъ другъ другу руку. Но нельзя не замѣтить, что произведенія первой эпохи, не смотря на ихъ уродливость, имѣютъ что-то энергическое—задатокъ будущаго развитія,—тогда какъ произведенія второй эпохи, при томъ же отсутствіи красоты, обнаруживаютъ нѣкоторую вялость, признаки отжитой дѣятельности“. Безусловно подражательными, впрочемъ, христіанскія изображенія добраго пастыря назвать нельзя. Не говоря уже объ устраненіи наготы, о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ позѣ,— въ образѣ добраго пастыря выраженіе состраданія и кротости выступаетъ на видъ гораздо рельефнѣе, чѣмъ въ фигурахъ Гермесовъ и пастуховъ античнаго міра. Пастыри языческіе изображаются всего чаще съ декоративною цѣлью, на второмъ планѣ, напр., по сторонамъ саркофага; добрый пастырь христіанинъ, кромѣ двухъ или трехъ случаевъ, занимаетъ центральное положеніе въ барельефѣ или фрескѣ, и около него группируются другіе, менѣе значительные библейскіе сюжеты. Другимъ символическимъ способомъ изображенія Спасителя, гораздо болѣе рѣдкимъ, но еще болѣе замѣчательнымъ, была фигура Орфея. Авторъ подробно разсматриваетъ, по этому поводу, значеніе восточныхъ культовъ въ религіозной жизни первыхъ столѣтій нашей эры, т.-е. касается того же предмета, которому посвящены отчасти сочиненія Буассье и Гаусрата, извѣстныя читателямъ „Вѣстника Европы“ [1]). Къ числу ученій, занимавшихъ умы, принадлежалъ *орфизмъ*, образовавшійся на греческой почвѣ, но подъ сильнымъ вліяніемъ Востока. Цѣлый циклъ гимновъ, воспѣвавшихъ происхожденіе боговъ, начало міра, освященіе и очищеніе человѣка, былъ приписанъ—въ силу одного изъ тѣхъ благонамѣренныхъ подлоговъ, которые такъ сильно были распространены въ александрійской и вообще современной ей литературѣ — легендарному пѣвцу

[1]) О сочиненіи Буассье: „Римская религія отъ Августа до Антониновъ“, см. „Вѣстникъ Европы“ 1879 г. № 1, литер. обозр.; о сочиненіи Гаусрата: „Исторія временъ Новаго Завѣта“ см. „Вѣстн. Евр.“ 1873, № 11 и 1875, № 12.

Digitized by Google

Орфею, сладкозвучнымъ голосомъ своимъ укрощавшему дикихъ звѣрей, подчинявшему себѣ всю природу. Самая смерть Орфея—отказавшагося, по преданію, промѣнять чистое поклоненіе Аполлону на культъ Бахуса, и растерзаннаго за то вакханками — сближали его, въ понятіяхъ язычниковъ, только-что обращенныхъ къ христіанству, съ новымъ предметомъ ихъ вѣры. Иногда Орфей изображался въ катакомбахъ вмѣстѣ съ добрымъ пастыремъ (въ орфическіе гимны рано стали вставлять намеки на евангельское ученіе, такъ что Орфей могъ быть причисленъ къ пророкамъ, предвозвѣстникамъ христіанства); иногда въ лицѣ его, повидимому, прямо представляемъ былъ Христосъ. Третьей—самой рѣдкой символической формой изображенія Спасителя является фигура рыбака.

Символическое изображеніе Спасителя не было возможно, когда нужно было представить какую-либо изъ сценъ Новаго Завѣта. Въ такихъ случаяхъ Христосъ изображался первоначально молодымъ, красивымъ человѣкомъ, въ римской одеждѣ (палліумѣ), съ свиткомъ въ рукахъ, иногда напоминающимъ фигуру Аполлона или другого языческаго бога; позже появляются, но за то постепенно становятся преобладающими изображенія съ чертами восточнаго типа. Между сирійскими и африканскими христіанами, всего болѣе расположенными къ аскетизму, рано (уже во II-мъ вѣкѣ—Тертулліанъ, Юстинъ, Климентъ Александрійскій) появилось мнѣніе, что Христосъ былъ некрасивъ; но на изображеніяхъ его это мнѣніе не отразилось, да и вообще оно не было принято большинствомъ, какъ слишкомъ несогласное съ традиціонными классическими представленіями о божествѣ. Споръ, происходившій по этому вопросу, доказываетъ вмѣстѣ съ отсутствіемъ, вплоть до V-го вѣка, одного господствующаго типа въ изображеніяхъ Спасителя,—что у христіанъ не было портрета, которымъ могли бы руководствоваться живописцы и скульпторы. Это еще болѣе подтверждается, a contrario, изображеніями апостоловъ Петра и Павла, въ которыхъ, съ самаго начала, постоянно повторяются однѣ и тѣ же типическія черты. Объ изображеніяхъ Богоматери, съ этой точки зрѣнія, слѣдуетъ сказать то же самое, что и объ изображеніяхъ Спасителя. Всего чаще она представлялась съ младенцемъ на рукахъ, принимающею поклоненіе волхвовъ; римскій типъ, наиболѣе обыкновенный сначала, постепенно уступаетъ мѣсто восточному. Спора о красотѣ, подобнаго тому, о которомъ мы только что упомянули, въ примѣненіи къ Богоматери не возникало. Художники постоянно старались придать ея лику возможно бо́льшую красоту, невольно выражая при этомъ тѣ понятія объ идеалѣ, которыя преобладали въ данной средѣ, въ данное время. Христіане-римляне, пока они еще не отрѣшились отъ вліянія классической культуры,

Digitized by Google

изображали Богоматерь съ лицомъ достойнымъ и спокойнымъ, не имѣющимъ въ себѣ ничего аскетическаго; этотъ типъ воскресаетъ въ эпоху возрожденія. У варварскихъ народовъ на Западѣ, въ началѣ среднихъ вѣковъ, изображенія Богородицы принимаютъ матеріальный, нѣсколько грубый характеръ. У христіанъ Востока, въ эпоху торжества идей умерщвленія плоти и враждебнаго взгляда на матерію, Богоматерь представляется съ исхудалымъ, скорбнымъ лицомъ, выражающимъ ея сокрушеніе о грѣхахъ людей. Нимбомъ (сіяніемъ) ликъ Спасителя начинаютъ окружать въ IV-мъ, ликъ Богоматери—въ V-мъ вѣкѣ, когда поклоненіе ей окончательно установляется эфесскимъ соборомъ. Съ этого же времени Богоматерь перестаютъ представлять молящеюся, какою мы ее видимъ на многихъ древнихъ изображеніяхъ.

Книга г. фонъ-Фрикена снабжена пятнадцатью рисунками, значительно облегчающими ея изученіе.

— *Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельской промышленности.* Выпускъ второй. С.-Петербургъ, 1880.

Второй выпускъ сборника, издаваемаго департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности, заключаетъ въ себѣ статистическія свѣдѣнія о посѣвѣ и сборѣ хлѣбовъ за восьмилѣтіе съ 1870 по 1877 г. и о скотоводствѣ за двадцатипятилѣтіе съ 1851 по 1876 г., начало обширнаго труда о сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ и статьи о сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ, объ осушеніи болотъ, о сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станціяхъ, о хмѣлеводствѣ въ Гуслицахъ и о вредныхъ для земледѣлія насѣкомыхъ. Нѣкоторые отдѣлы сборника заключаютъ въ себѣ много интереснаго и для не-спеціалистовъ. Такова, напримѣръ, статья о скотоводствѣ. Существуетъ мнѣніе, что эта отрасль хозяйства клонится у насъ къ упадку, что количество лошадей и рогатаго скота не только не возростаетъ пропорціонально населенію, но, напротивъ, постоянно уменьшается. Цифры, приводимыя въ сборникѣ, скорѣе подтверждаютъ, чѣмъ опровергаютъ это мнѣніе. Если взять за исходную точку число лошадей, рогатаго скота, овецъ и свиней, бывшихъ на лицо въ 1851 г., и считать каждое изъ этихъ чиселъ за сто, то въ 1876 г. число лошадей оказывается неизмѣненнымъ, число рабочаго скота—увеличившимся до 104, число овецъ—до 119, число свиней—до 104. Результатъ сравненія становится еще менѣе благопріятнымъ, если сопоставить 1876-ой годъ не съ 1851-мъ, а съ 1866-мъ. Число лошадей въ этомъ послѣднемъ году было, правда, меньше, чѣмъ въ 1876-мъ (94½%), но рабочаго скота и свиней было больше (113% и 107%), а овецъ столько же.

Digitized by Google

Во всякомъ случаѣ увеличеніе, даже тамъ, гдѣ оно есть, далеко не соотвѣтствуетъ возрастанію населенія. Весьма прискорбны выводы, представляемые нѣкоторыми группами губерній, если взять ихъ отдѣльно отъ другихъ. Такъ, напримѣръ, въ губерніяхъ среднихъ нечерноземныхъ (Петербургской, Новгородской, Тверской, Псковской, Смоленской, Московской, Калужской, Владимірской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Вятской, Пермской) уменьшилось и число лошадей (91%), и число рогатаго скота (92%), и число свиней (80½%); то же самое слѣдуетъ сказать и о губерніяхъ среднихъ черноземныхъ (Тульской, Казанской, Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Харьковской, Черниговской, Полтавской; 96, 85½ и 92%). Наибольшее возрастаніе процентныхъ чиселъ замѣчается въ губерніяхъ прибалтійскихъ, западныхъ и южныхъ степныхъ. Другими словами, въ губерніяхъ собственно великорусскихъ, а отчасти и въ малорусскихъ, скотоводство падаетъ или не поднялось еще отъ своего упадка. Конечно, свѣдѣнія, сообщаемыя въ сборникѣ, не отличаются — какъ оговорено и составителями статьи—большою точностью; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что настоящее положеніе дѣла скорѣе хуже, чѣмъ лучше описаннаго въ сборникѣ. Убѣждаютъ насъ въ этомъ, между прочимъ, и упомянутые въ предъидущемъ обозрѣніи „Матеріалы для изученія современнаго положенія землевладѣнія и сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи", собранные по распоряженію министра государственныхъ имуществъ; они указываютъ уменьшеніе количества скота, какъ фактъ общераспространенный. И въ „Матеріалахъ", и въ „Сборникѣ" указываются всевозможныя причины упадка скотоводства, кромѣ одной, чуть ли не самой главной: обѣднѣнія крестьянъ, вслѣдствіе недостаточности надѣла, тягости платежей и крутыхъ мѣръ при взысканіи недоимокъ, оставляющихъ иногда цѣлыя селенія безъ лошадей и рабочаго скота.

Въ статьѣ о сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ обращаютъ на себя вниманіе безпрестанныя перемѣны, которымъ подвергалось устройство и назначеніе этихъ заведеній. Въ 1803 г. было учреждено въ Царскомъ-Селѣ лѣсное училище; въ 1811 г. оно было переведено въ окрестности Петербурга и переименовано въ форстъ-институтъ; въ 1832 г. при немъ учреждена школа межевниковъ, въ 1837 г. оба эти заведенія были слиты въ одно и названы лѣснымъ и межевымъ институтомъ. Въ 1847 г. институтъ былъ преобразованъ по образцу военно-учебныхъ заведеній. Въ 1857 г. онъ сдѣлался исключительно лѣснымъ институтомъ. Въ 1858 г. при немъ были открыты спеціальные курсы для лицъ, окончившихъ курсъ

Digitized by Google

въ университетѣ; въ 1861 г. пріемъ молодыхъ людей въ институтъ прекращенъ, а въ 1863 г. институтъ, вмѣстѣ съ спеціальными курсами, преобразованъ въ лѣсную академію, существовавшую только до 1865 г. Въ этомъ году зданія института или академіи были заняты земледѣльческимъ (бывшимъ Горыгорѣцкимъ) институтомъ, переведеннымъ сюда изъ Горокъ, Могилевской губерніи. Не перечисляя всѣхъ колебаній и превращеній въ судьбѣ этого института, въ бытность его какъ въ Горкахъ, такъ и въ Петербургѣ, скажемъ только, что въ 1877 г. онъ былъ упраздненъ и вмѣсто него вновь открытъ с.-петербургскій лѣсной институтъ, т.-е. возстановлено положеніе дѣлъ, къ ломкѣ котораго, за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, безъ достаточной причины, приступилъ графъ М. Н. Муравьевъ. Петровская земледѣльческая и лѣсная академія, основанная подъ Москвой въ 1861-мъ и открытая въ 1865-мъ г., испытала меньше превратностей, чѣмъ лѣсной институтъ, но успѣла уже преобразиться изъ спеціальныхъ курсовъ, для всѣхъ открытыхъ, въ высшее учебное заведеніе, устроенное на общемъ основаніи и недоступное, съ 1879 г., даже для семинаристовъ, не выдержавшихъ экзамена въ гимназіяхъ или реальныхъ училищахъ.—К. К.

— Путешествіе по Китаю въ 1874—1875 гг. (черезъ Сибирь, Монголію, Восточный, Средній и Сѣверо-Западный Китай). Изъ дневника члена экспедиціи *П. Я. Пясецкаго*. Въ двухъ томахъ. Съ 12 рисунками (1122 стр.). Спб. 1880.

Мѣсяца три тому назадъ мы извѣщали о выходѣ перваго тома этого сочиненія; теперь, съ появленіемъ второго тома, изданіе окончено, и мы желали бы еще разъ обратить вниманіе читателей на эту книгу, въ разныхъ отношеніяхъ замѣчательную.

Читатели „Вѣстника Европы“ знаютъ имя автора по разсказу о „шипкинскихъ“ дняхъ („Два мѣсяца въ Габровѣ“) и имѣютъ понятіе объ его достоинствахъ, какъ писателя. Въ 1874—75 годахъ докторъ Пясецкій принималъ участіе въ экспедиціи, посланной правительствомъ съ цѣлью изслѣдованія „кратчайшаго пути“ для русско-китайской торговли отъ предѣловъ Западной Сибири къ юго-западному углу Средняго Китая. Начальникомъ экспедиціи былъ капитанъ генеральнаго штаба Сосновскій, и въ составѣ ея находились: докторъ медицины Пясецкій — для естественно-историческихъ изслѣдованій, хотя онѣ не входили въ оффиціальную программу экспедиціи; капитанъ Матусовскій—въ качествѣ топографа; вольнонаемный переводчикъ, „иркутскій гражданинъ“ Андреевскій и три урядника сибирскаго казачьяго войска. Въ экспедиціи не было однако человѣка, знакомаго съ русско-китайской торговлей и начальникъ экспедиціи уже „лично отъ себя“ пригласилъ китайца Сюя,

Digitized by Google

„бывшаго (по словамъ отчета г. Сосновскаго) представителемъ серьёзной чайной фирмы Сю-хе-лунъ, *жившаго въ Кяхтѣ 36 лѣтъ*", т.-е. тридцать шесть лѣтъ не видавшаго другой русско-китайской торговли, для которой и отыскивался путь. Впослѣдствіи, Сюй просто игралъ роль второго переводчика, — очень страннаго впрочемъ: онъ помогалъ Андреевскому, мало знавшему китайскій языкъ, и самъ русскаго языка въ сущности не зналъ, а зналъ только извѣстный „кяхтинскій" языкъ, т.-е. грубый, ломаный по китайски, русскій языкъ, изуродованный и бѣдный жаргонъ лавочниковъ. Наконецъ, былъ при экспедиціи фотографъ. Самъ начальникъ экспедиціи былъ знакомъ съ Китаемъ лишь тѣмъ, что въ 1872 г. подъ его управленіемъ наряжена была развѣдочная экспедиція въ долину Чернаго-Иртыша.

Такимъ образомъ, составъ экспедиціи мало соотвѣтствовалъ задачѣ изученія торговыхъ путей, когда въ ней не было ни знатоковъ торговаго русскаго дѣла, ни даже человѣка, хорошо знающаго оба языка. Въ такихъ условіяхъ взять на себя эту задачу было дѣломъ очень смѣлымъ, и повидимому начальникъ экспедиціи считалъ дѣло для себя простымъ. Когда, на пути изъ Петербурга, въ Москвѣ ему указывали человѣка компетентнаго въ обоихъ отношеніяхъ, начальникъ экспедиціи не нашелъ удобнымъ или нужнымъ воспользоваться его свѣдѣніями и предпочелъ взять „иркутскаго гражданина" и китайца Сюя, жившаго въ Кяхтѣ 36 лѣтъ — и не научившагося по русски. Требовались по крайней мѣрѣ дружныя усилія всѣхъ, но, какъ увидимъ, и этого не было...

Доктора Пясецкаго не касались „учено-торговыя" задачи экспедиціи, какъ называлъ ихъ г. Сосновскій. Г. Пясецкій занимался своимъ дѣломъ, — но вскорѣ оказалось, что способъ выполненія экспедиціи былъ таковъ, что и въ этой отдѣльной своей работѣ онъ былъ стѣсненъ самымъ неблагополучнымъ образомъ. „Экспедиція" или сидѣла безъ всякой видимой пользы на одномъ мѣстѣ, или двигалась такъ поспѣшно, точно за ней была погоня, такъ что не оставалось времени ни для наблюденій, ни для собиранія коллекцій. Наконецъ, личныя отношенія между „начальствомъ" экспедиціи и ея членами установились такія, — страннѣе и хуже которыхъ нельзя представить.

Таковы были условія дѣла; но оставимъ пока ихъ, и обратимся къ книгѣ. Въ заглавіи ея сказано, что она составилась изъ дневника, веденнаго авторомъ, и это одно изъ ея большихъ достоинствъ. Г. Пясецкій не хотѣлъ писать о Китаѣ книги, какія часто пишутся подъ названіемъ путешествій, книги, наполненныя географіей, исторіей, статистикой, взятыми изъ готовыхъ источниковъ, т.-е. просто

Digitized by Google

изъ чужихъ книгъ, и гдѣ личный опытъ и наблюденіе теряются середи избитыхъ справочныхъ свѣдѣній. Онъ предположилъ дать читателю простой разсказъ только о томъ, что́ онъ видѣлъ и наблюдалъ самъ. Но, какъ ни были стѣснены наблюденія незнаніемъ языка и упомянутымъ качествомъ переводчиковъ, забранныхъ притомъ самимъ „начальствомъ", авторъ умѣлъ наблюдать и разсказывать. Въ результатѣ мы имѣемъ книгу, которую можно смѣло поставить въ ряду лучшихъ путешествій, какія есть въ нашей литературѣ.

Передъ читателемъ проходитъ, день за днемъ, вся исторія путешествія, разсказанная съ такой простотой, съ такой свѣжестью впечатлѣній, какую можетъ дать именно только обработанный дневникъ талантливаго и живого человѣка. Книга привязываетъ къ себѣ какъ романъ; читатель, разъ введенный въ интересъ путешествія, слѣдитъ съ неослабѣвающимъ любопытствомъ за приключеніями, встрѣчами, зрѣлищами, которыя находитъ на пути экспедиція, или собственно авторъ. Начавъ читать книгу, нельзя оставить ее не дочитавши до конца. Передъ читателемъ какъ въ панорамѣ проходятъ разнообразныя картины природы, племенныхъ типовъ, городовъ и селъ отъ русской границы черезъ Монголію до Пекина, потомъ до центральнаго Китая, и затѣмъ по обратному пути на сѣверо-западъ черезъ Средній Китай, степь Гоби и т. д. Изображенія природы тѣмъ характернѣе, что авторъ есть не просто внимательный наблюдатель; это образованный натуралистъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ, способный оцѣнить поэтическіе мотивы природы, — качества, которыя встрѣчаются не часто. Изображаемая природа чрезвычайно разнообразна отъ цвѣтущихъ краевъ средняго Китая до страшныхъ пустынь степи Гоби, отъ климата почти тропическаго до снѣжныхъ урагановъ сѣвера. Съ неменьшею наглядностью представлены картины народной китайской жизни, которая вообще такъ бросается европейцу въ глаза своими странностями. Авторъ описываетъ внѣшній видъ города, его стѣны, улицы, внутренность дома, богатаго и бѣднаго, кумирни; далѣе костюмы, домашнюю утварь; пріемы домашняго хозяйства; способы передвиженія и экипажи; уличную толпу; богослуженіе; театръ; китайскій обѣдъ; далѣе, приготовленіе чая на фабрикахъ; разныя производства и т. д. Авторъ любилъ и искалъ видѣть народную толпу, и это было очень нетрудно, потому что появленіе иностранцевъ въ городахъ и селахъ тотчасъ собирало массу народа, которая съ пожирающимъ любопытствомъ разсматривала невиданныхъ людей. Любопытство толпы бывало обыкновенно крайне назойливо, такъ что нелишнимъ было вмѣшательство провожатыхъ полицейскихъ; но въ этой назойливости было почти всегда только до послѣдней степени возбужденное любопытство, и никакой враждебности, какъ можно было

Digitized by Google

бы ожидать по распространенному мнѣнію о китайской ненависти къ иноземцамъ. Г. Пясецкій изъ всей экспедиціи особенно встрѣчался съ народной толпой. Въ каждомъ новомъ городѣ, на каждой остановкѣ онъ интересовался узнать мѣстность; первымъ дѣломъ по пріѣздѣ онъ осматривалъ городъ и — рисовалъ. Если уже появленіе иноземца бывало событіемъ, то процессъ невиданной живописи обыкновенно доводилъ любопытство толпы до крайняго предѣла; самыя власти бывали сильно заинтересованы рисунками и особенно портретами. Въ среднемъ Китаѣ, гдѣ особенно пребывала экспедиція, даже для людей высшихъ классовъ европейскій способъ рисованія былъ совершенной новостью, и ихъ чрезвычайно поражало сходство рисунка съ дѣйствительностью. Г. Пясецкій рисовалъ очень много, и не было случая, чтобы рисованье мѣстности, храма, дома и т. д. не привлекало толпы и не доставляло ей великаго удовольствія. Авторъ разсказываетъ, между прочимъ, глубоко трогательный эпизодъ встрѣчи съ глухонѣмымъ китайскимъ живописцемъ, на котораго европейскій рисунокъ нашего путешественника произвелъ потрясающее впечатлѣніе: глухонѣмой живописецъ, въ своемъ родѣ большой мастеръ, видимо понялъ ничтожество своего искусства и залился слезами... Другое, что сближало автора съ народной массой, была молва объ его врачебномъ искусствѣ: эта молва иногда шла впередъ его самого...

Но внѣшнія условія путешествія, устроенныя самимъ распорядкомъ экспедиціи, были до того неблагополучны, что наконецъ приводили въ отчаяніе нашего путешественника и заставляли его съ крайнимъ волненіемъ ждать русской границы, за которою онъ уже стоялъ бы подъ защитой „суда и общественнаго мнѣнія“. Г. Пясецкій, повидимому, не хотѣлъ прямо разсказывать всѣхъ подробностей; но изъ всего разсказа о путешествіи видно, что начальство экспедиціи поставило себя очень странно и къ дѣлу и къ его участникамъ. Работу, если не ученую, то во всякомъ случаѣ состоявшую въ изученіи, это начальство поняло очень своеобразно: члены экспедиціи, вступая въ нее, дали обязательство повиноваться безпрекословно распоряженіямъ начальника, но не только имъ, никому не могло бы придти въ голову—какъ своеобразно „начальство“ экспедиціи пойметъ свою начальственную власть. Повидимому, на первыхъ же порахъ нѣкоторыя распоряженія вызвали у кого-то изъ членовъ экспедиціи сомнѣніе, высказанъ былъ другой взглядъ — начальство не только не пожелало выслушать чьего-либо мнѣнія, но членамъ экспедиціи было объяснено, что они не должны осмѣливаться на какія-нибудь возраженія, что начальникъ имѣетъ надъ ними право жизни и смерти... Читатель удивится; но изъ разсказа нашего путешественника оче-

Digitized by Google

видно, что начальство экспедиціи пригрозило кому-то изъ членовъ— разстрѣляніемъ! Управленіе „учено-торговой“ экспедиціей было приравнено ея начальствомъ не къ совмѣстному труду образованныхъ людей, сошедшихся на одномъ интересѣ и имѣющихъ въ начальствѣ центръ и руководство, а приравнено было къ власти капитана корабля, къ власти командира при военномъ положеніи, и т. п. Слава Богу, разстрѣлянъ никто не былъ; — разъ только главный переводчикъ въ дорогѣ считался арестованнымъ и съ нимъ было „запрещено говорить“ (!),—но можно себѣ представить, какъ одна возможность разговора о „разстрѣляніи“ должна была подѣйствовать на людей, которые, подписывая обязательство объ исполненіи распоряженій начальника, никакъ не думали, что попадутъ въ положеніе матросовъ военнаго корабля въ океанѣ или содержащихся въ арестантской ротѣ (см. особенно рельефные примѣры на стр. 723, 992, 1016, да и всю книгу въ двухъ томахъ). Въ первое же время путешествія, гг. Пясецкій и Матусовскій стали особнякомъ отъ „начальства“, сношенія съ которымъ оказывались мало удобными. Весь остальной штатъ оставался непосредственно при начальствѣ.

Какъ мы замѣтили выше, эти внутреннія отношенія экспедиціи повели къ крайнему неудобству самой работы двухъ лицъ, которыя, судя по *результатамъ*, были именно лучшими силами экспедиціи. Собираніе естественно-историческихъ коллекцій, топографическая съемка пути Матусовскимъ, исполненіе рисунковъ были крайне затруднены. Путешествіе кончилось едва не трагически. На выѣздѣ изъ послѣдняго китайскаго города, Гучена, къ Зайсанскому посту, русскому пограничному пункту, начальство экспедиціи упорно не хотѣло слушать китайцевъ, указывавшихъ обыкновенный маршрутъ, и рѣшило идти цѣликомъ черезъ песчаную безводную пустыню, будто бы ему извѣстную. Взяты были проводники-монголы, но оказалось, что имъ дорога извѣстна лишь по слуху. Караванъ экспедиціи, отошедши на нѣсколько дней отъ Гучена, окончательно заблудился: отъ утомленія и безводья, стали падать верблюды и лошади, заболѣвали отъ жажды люди, и караванъ могъ ждать себѣ окончательной гибели. Въ этомъ положеніи вещей начальство въ первый разъ обратилось къ спутникамъ, спрашивая ихъ мнѣнія... Счастливая встрѣча съ монгольскимъ караваномъ избавила экспедицію отъ страшной опасности и она добралась до Зайсанскаго поста, откуда однако ранѣе высланы были люди на встрѣчу по той самой дорогѣ, которую указывали китайцы въ Гученѣ.

Конецъ разсказа г. Пясецкаго о неурядицѣ, правившей экспедиціею, производитъ тяжелое и возмущающее впечатлѣніе, а разсказъ о послѣднихъ блужданіяхъ въ безводной пустынѣ передъ рус-

Digitized by Google

ской границей (глава XV: „Кратчайшій путь въ Зайсанъ“) представляетъ страницы потрясающаго интереса.

Нельзя назвать удачной экспедицію, лучшіе участники которой должны были съ нетерпѣніемъ отчаянія стремиться къ русской границѣ подъ защиту „суда и общественнаго мнѣнія“. Но можетъ быть, за исключеніемъ этихъ участниковъ, имѣвшихъ свои особыя спеціальности (Матусовскій — топографію, Пясецкій — изученія естественно-историческія), само начальство съ успѣхомъ исполнило свою „учено-торговую“ задачу? Но нѣтъ и этого. Когда по возвращеніи г. Сосновскій напечаталъ отчетъ, гдѣ изложены были „учено-торговыя“ изслѣдованія, компетентные критики были имъ очень мало удовлетворены. Одинъ изъ такихъ критиковъ, г. Петровскій, большой знатокъ нашей азіатской торговли, разбирая обстоятельно отчетъ г. Сосновскаго, пришелъ къ самому неутѣшительному заключенію. Напримѣръ: .....„Подведемъ итоги тому, что̀ имѣемъ не въ обѣщаніи, а въ дѣйствительности“ (начальникъ экспедиціи собирался, позднѣе, „отдать весь собранный матеріалъ на судъ публики“, но до сихъ поръ еще не отдалъ). „Отчетъ начальника учено-торговой экспедиціи въ Китай, по тѣмъ главнѣйшимъ предметамъ, изслѣдованіе которыхъ было экспедиціи поручено, представляетъ, въ значительной своей долѣ, поверхностнаго свойства компилятивный трудъ изъ матеріаловъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, и свѣдѣній и разсужденій, перепечатанныхъ буквально изъ книгъ и изъ сочиненій изданныхъ десять и болѣе лѣтъ тому назадъ. Собственныя разсужденія автора обыкновенно противорѣчивы и бездоказательны. Заключающіяся же въ отчетѣ разнообразныя свѣдѣнія, вслѣдствіе *общаго характера* отчета и пріемовъ составителя, не могутъ возбуждать къ себѣ серьёзнаго довѣрія, по крайней мѣрѣ до того времени, пока эти свѣдѣнія не будутъ провѣрены и подтверждены лицами безпристрастными и компетентными“.

Но независимо отъ работъ самого начальства, экспедиція, при всѣхъ ея неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, далеко не осталась безплодной. По исполненію спеціальной программы экспедиціи, тотъ же критикъ лучшимъ результатомъ ея считаетъ топографическій маршрутъ экспедиціи, составленный Матусовскимъ, и—работы д-ра Пясецкаго, стоявшія внѣ „учено-торговой“ программы.

Эти работы очень разнообразны и въ высокой степени замѣчательны. Д-ръ Пясецкій составилъ, во-первыхъ, зоологическую и ботаническую коллекцію, переданную имъ въ музей академіи наукъ; ботаническое собраніе разработывается академикомъ Максимовичемъ,— и къ „Путешествію“ приложенъ длинный списокъ растеній, которыя доселѣ были опредѣлены, отчасти съ ихъ китайскими названіями;

Digitized by Google

растенія приведены въ порядкѣ временъ года, когда они были собраны. Во-вторыхъ, онъ составилъ коллекцію минераловъ и почвъ, которая находится въ минералогическомъ музеѣ петербургскаго университета и обрабатывается подъ руководствомъ профессора Иностранцева. Въ-третьихъ, рисунки д-ра Пясецкаго составили огромную коллекцію большихъ акварелей (числомъ до 270, кромѣ мелкихъ),— представляющихъ рядъ любопытныхъ въ высокой степени изображеній китайской природы, типовъ и жизни. Мы имѣли случай не разъ видѣть это замѣчательное собраніе, которое его авторъ, въ теченіе прошлой зимы, открывалъ для тѣхъ, кто бы имъ заинтересовался; намъ случилось при этомъ слышать самые сочувственные отзывы о рисункахъ г. Пясецкаго отъ мастера этнографической живописи, г. Верещагина. Коллекція довершается произведеніемъ, быть можетъ, еще болѣе замѣчательнымъ. Это—панорама пути, пройденнаго экспедиціей отъ города Хань-коу до Зайсанскаго поста; это—акварельная картина (развертывающаяся на валахъ), въ 102 аршина длины и три четверти ширины, представляющая въ непрерывномъ изображеніи à vol d'oiseau мѣстность, по которой шла дорога экспедиціи, — въ пять или шесть тысячъ верстъ.

Наконецъ, результатомъ экспедиціи — хотя вовсе не предвидѣннымъ ея начальствомъ — была прекрасная книга г. Пясецкаго, которая доставитъ много интереса каждому образованному и любознательному человѣку. — А. А.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1880.

Новый взглядъ на наши партіи.—Отношеніе вопроса о партіяхъ къ свободѣ печати.—Введеніе мировыхъ установленій въ прибалтійскихъ губерніяхъ.—Исторія остзейской судебной реформы; два главные ея фазиса и вѣроятная будущность.—Отмѣна обряда публичной казни.—Имущественный цензъ при выборахъ въ мировые судьи. — Отправленіе воинской повинности въ С.-Петербургѣ. — „Московскія Вѣдомости“ о системѣ гр. Толстого и о противникахъ ея.

I.

Періодъ сравнительнаго затишья, наступившій недавно для русскаго общества и русской печати, весьма удобенъ для возвращенія къ нѣкоторымъ вопросамъ, поднятымъ въ тревожное время, но требующимъ спокойнаго обсужденія. Три мѣсяца тому назадъ мы коснулись, вслѣдъ за „Берегомъ“ и „Московскими Вѣдомостями“, вопроса о существованіи у насъ партій. Практическая важность этого вопроса несомнѣнна; отвѣтить на него, значитъ опредѣлить не только степень зрѣлости русскаго общества, степень участія его къ его собственнымъ дѣламъ и интересамъ, но и вѣроятный ходъ общественнаго движенія въ ближайшемъ будущемъ. Споръ идетъ, притомъ, не только о существованіи или несуществованіи у насъ партій, но и объ отличительныхъ признакахъ ихъ, о демаркаціонной чертѣ, которую слѣдуетъ провести между ними. Мы знаемъ уже, что „Московскія Вѣдомости“ различаютъ партію національную отъ антинаціональной; этому дѣленію партій противопоставляется обыкновенно другое дѣленіе—на партіи консервативную и либеральную. Возставая противъ всѣхъ прежде высказанныхъ мнѣній, одинъ изъ нашихъ журналовъ предложилъ недавно новый способъ разграниченія партій. „У насъ несомнѣнно существуютъ,—говоритъ онъ,—элементы будущихъ политическихъ партій; они группируются главнымъ образомъ около двухъ руководящихъ центровъ русской общественной жизни—чинов-

Digitized by Google

ничества и земства, къ которымъ вообще не подходятъ заграничные термины *либеральный* и *консервативный*. Точно и опредѣлительно выразились у насъ только элементарныя различія, касающіяся, такъ-сказать, предварительной расчистки почвы для будущихъ политическихъ партій. Въ силу этихъ элементарныхъ различій, русское общество можетъ быть раздѣлено на двѣ обширныя группы: къ первой принадлежатъ всѣ честныя, искреннія и интеллигентныя силы Россіи, всѣ желающіе блага народу, ставящіе его нужды выше своихъ; ко второй—люди, стремящіеся жить на казенный или народный счетъ, озабоченные только своими личными или общественными выгодами, удовлетворенные или ищущіе удовлетворенія на почвѣ общественнаго пирога". Дальше дѣлается ссылка на извѣстнаго Мэкензи Уоллеса, по мнѣнію котораго русскихъ консерваторовъ и либераловъ правильнѣе было бы назвать людьми апатически удовлетворенными и людьми со стремленіями. Въ этомъ мнѣніи журналъ находитъ тонкое пониманіе русской жизни.

Итакъ, земство и чиновничество, или самоотверженіе и эгоизмъ, безкорыстная преданность общему благу и узкое служеніе личнымъ интересамъ—вотъ два полюса, около которыхъ группируются наши партіи или зародыши партій. Совпадаютъ ли между собою — спросимъ мы прежде всего—обѣ формулы, придуманныя журналомъ для выраженія его мысли? Совпадаетъ ли чиновничество съ лагеремъ удовлетворенныхъ или ищущихъ удовлетворенія, земство—съ лагеремъ друзей народа? Поставить этотъ вопросъ, значитъ разрѣшить его. Къ „общественному пирогу" можно пристроиться и чиновнику, и земскому дѣятелю; заботиться о народѣ можно и въ сюртукѣ, и въ вицъ-мундирѣ. Земству, при другомъ, широкомъ кругѣ дѣйствій, суждено, безъ сомнѣнія, несравненно большее вліяніе на судьбу Россіи, чѣмъ чиновничеству; но за *направленіе* этого вліянія, за его *свойство* неизбѣжно будетъ происходить борьба въ рядахъ самого земства, борьба болѣе серьёзная чѣмъ та, которая можетъ возникнуть между земствомъ и чиновничествомъ изъ-за *степени* вліянія. Признаковъ и зачатковъ будущаго разногласія не мало и въ настоящей, скромной дѣятельности земства; доказательства разномыслія въ средѣ администраціи можно найти на каждой страницѣ ея недавняго прошлаго. Припомнимъ, напримѣръ, исторію крестьянской реформы, наиболѣе вліятельные защитники, какъ и наиболѣе вліятельные противники которой принадлежали къ одной и той же, бюрократической сферѣ. Группировка партій по роду занятій или роду дѣятельности вообще немыслима, за исключеніемъ развѣ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда извѣстное занятіе предполагаетъ принадлежность къ сословію, замкнутому въ самомъ себѣ и проникнутому по-

Digitized by Google

головно одними и тѣми же убѣжденіями и страстями (какъ, напр., современное католическое духовенство). Столь же несостоятельна группировка партій по степени честности и безкорыстія ея членовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ партіи, въ каждой изъ нихъ встрѣчались хорошіе люди рядомъ съ дурными, искренніе поклонники идеи рядомъ съ разсчетливыми ея эксплуататорами. Въ партіяхъ одного оттѣнка первыхъ насчитывалось, можетъ быть, больше чѣмъ послѣднихъ, въ партіяхъ другого оттѣнка—наоборотъ; но монополія добродѣтели или порока никогда никакой партіи не принадлежала. Съ точки зрѣнія, оспориваемой нами, слѣдовало бы отнести Мирабо къ одной партіи съ Дантономъ, Тюрго или Мальзерба—къ одной партіи съ Робеспьеромъ; грюндеровъ и биржевиковъ эпохи берлинскаго и вѣнскаго *краха* слѣдовало бы искать, смотря по личнымъ симпатіямъ, или исключительно между феодалами, или исключительно между прогрессистами. Стремленіе къ общей пользѣ, къ народному благу, можетъ выражаться въ самыхъ различныхъ формахъ, преслѣдовать самыя различныя цѣли, смотря по тому, что̀ понимается подъ именемъ пользы или блага. Соединительнымъ звеномъ между членами партіи можетъ служить, поэтому, не чувство, болѣе или менѣе неопредѣленное, а только образъ мыслей, болѣе или менѣе систематическій и цѣльный, или, лучше сказать, единодушіе по нѣкоторымъ руководящимъ, особенно важнымъ вопросамъ. Намъ скажутъ, можетъ быть, что все это примѣнимо къ партіямъ окончательно сложившимся и дѣйствующимъ, а не къ партіямъ in spe, in potentia, не къ группамъ, лишеннымъ всякой организаціи и обреченнымъ на бездѣйствіе, часто даже на молчаніе. Мы думаемъ, что въ занимающемъ насъ вопросѣ между партіями созрѣвшими и еще недостигшими зрѣлости нѣтъ никакого существеннаго различія. И тѣ, и другія имѣютъ одинаковый центръ тяжести; и тѣ, и другія образуются и дѣйствуютъ по одинаковымъ законамъ, отличаясь между собою по степени развитія, а не по типу. Только благодаря этому возможно быстрое превращеніе группы въ настоящую партію,—превращеніе, примѣрами котораго такъ богата новѣйшая западно-европейская исторія. Если бы группа была одушевлена только общимъ *чувствомъ*, она распалась бы при первомъ призывѣ къ дѣятельности,—а между тѣмъ мы видимъ сплошь да рядомъ, что онъ застаетъ ее устойчивой и прочной, что она крѣпнетъ среди обстоятельствъ, составляющихъ пробный камень для ея жизненности. Черезъ нѣсколько времени въ партіи, образовавшейся изъ группы, часто возникаетъ внутреннее броженіе, оканчивающееся раздѣленіемъ ея на части—но это естественный результатъ сложныхъ условій, встрѣчаемыхъ ею въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, въ борьбѣ съ другими партіями. Раздѣленію под-

Digitized by Google

вергаются иногда и партіи, давно существующія (напр. національ-либеральная партія въ Пруссіи, переживающая именно теперь процессъ этого рода); оно не можетъ, слѣдовательно, служить аргументомъ противъ нашего тезиса. Итакъ, нѣкоторая общность мнѣній—необходимый признакъ партіи, въ какомъ бы фазисѣ развитія она ни находилась. Утверждать, вмѣстѣ съ Уоллесомъ, что въ Россіи есть только люди апатически удовлетворенные и люди со стремленіями, или вмѣстѣ съ журналомъ, противъ котораго мы споримъ, что людямъ, желающимъ народнаго блага, должны быть противопоставлены люди удовлетворенные или ищущіе удовлетворенія въ общественномъ пирогѣ, значитъ утверждать, что въ Россіи нѣтъ ни партій, ни группъ, готовыхъ къ обращенію въ партіи.

Сколько бы ни было сдѣлано—съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія и съ самыми различными побужденіями—попытокъ устранить примѣненіе къ нашей общественной жизни выработаннаго западной Европой понятія о консерватизмѣ и либерализмѣ, попытки эти не будутъ имѣть успѣха, потому что онѣ идутъ въ разрѣзъ съ указаніями ежедневнаго опыта. Борьба между старымъ и новымъ, между сохраненіемъ и перемѣной неизбѣжна вездѣ, гдѣ нѣтъ безусловнаго застоя, гдѣ критическая мысль пользуется хоть какимъ-нибудь просторомъ. Противъ обычнаго дѣленія на консерваторовъ и либераловъ можно возразить только одно—что оно не исчерпываетъ предмета, не отличаетъ консерватора въ тѣсномъ смыслѣ слова отъ реакціонера, не указываетъ на тѣ существенно различные между собою взгляды, которые соединяются подъ общимъ именемъ либерализма, понимаемаго какъ противоположность консерватизму. У насъ есть люди, желающіе поворотить назадъ, возстановить, въ той или другой формѣ, господство помѣщичьяго элемента надъ крестьянскимъ, усилить цензуру, ограничить кругъ власти и независимость суда—слѣдовательно у насъ есть реакціонеры. У насъ есть люди, желающіе *поставить точку* къ реформамъ, не извращая ихъ смысла и не стѣсняя ихъ дѣйствія—слѣдовательно у насъ есть консерваторы. У насъ есть люди, желающіе продолженія преобразовательной работы—слѣдовательно у насъ есть либералы; но они не образуютъ одной партіи, одной группы, потому что мнѣнія ихъ о размѣрѣ, направленіи и цѣли реформъ никакъ не могутъ быть приведены къ одному знаменателю. Одно цѣлое они составляютъ лишь настолько, насколько идетъ рѣчь о борьбѣ противъ консерваторовъ или реакціонеровъ. Убѣдиться въ этомъ дѣйствительномъ характерѣ нашего либерализма весьма легко,—стоитъ только бросить взглядъ на нашу журналистику, выражающую собою, что́ бы ни говорили ея противники, различныя умственныя теченія русскаго общества. Всякій, знакомый съ нашими газетами и журна-

Digitized by Google

лами, не затруднится сгруппировать ихъ — за исключеніемъ немногихъ безцвѣтныхъ или хамелеонообразныхъ изданій—съ одной стороны по общему ихъ духу (за или противъ движенія), съ другой—по болѣе спеціальнымъ, но весьма замѣтнымъ оттѣнкамъ. Попробуйте, наоборотъ, приложить къ нимъ мѣрило честности и искренности—и вамъ придется соединить въ одинъ разрядъ самые несходные, по направленію, органы періодической прессы.

Къ числу тѣхъ пунктовъ, по которымъ согласны между собою всѣ сочувствующіе движенію, по которымъ всего яснѣе, слѣдовательно, обнаруживается противоположность между либерализмомъ и консерватизмомъ, принадлежитъ свобода печати, т.-е. освобожденіе ея отъ административнаго произвола. Какъ ни безспорно, повидимому, это положеніе, оно отвергается журналомъ, которому мы возражаемъ. Свободное выраженіе мнѣній онъ называетъ внѣшней формулой, въ которую можно вложить какое угодно содержаніе и которую, будто бы, вовсе не отвергаютъ консервативные или такъ называемые національные органы. Мы видимъ здѣсь двойную ошибку, теоретическую и фактическую. Свобода печати сама по себѣ, конечно, ничего не предрѣшаетъ, но обезпечиваетъ всестороннюю подготовку всѣхъ рѣшеній, правильное теченіе общественной жизни,—и въ этомъ смыслѣ составляетъ формулу съ весьма опредѣленнымъ содержаніемъ. Въ программу консерваторовъ она можетъ входить и входитъ только тамъ, гдѣ она издавна вкоренилась въ обычаяхъ и нравахъ, гдѣ немыслимо ея уничтоженіе или ограниченіе. Что касается до нашихъ консервативныхъ органовъ, то нѣкоторые изъ нихъ, обвиняя независимую прессу во всевозможныхъ преступленіяхъ, въ сообществѣ съ революціей и анархіей, требовали этимъ самымъ новыхъ репрессивныхъ мѣръ противъ печати; другіе высказывались и высказываются за сохраненіе status quo, объ *удобствахъ* котораго для печати мы недавно говорили. Въ этомъ отношеніи весьма характеристична статья „Отголосковъ“, упомянутая въ концѣ предъидущаго нашего обозрѣнія. Необходимость прямого правительственнаго контроля надъ печатью, неизбѣжность *негласнаго давленія* на печать эта газета мотивируетъ, между прочимъ, отсутствіемъ у насъ политическихъ партій, а слѣдовательно и взаимно уравновѣшивающихся органовъ печати, склонностью всей періодической прессы принимать оппозиціонной оттѣнокъ. Трудно повѣрить, что эти слова написаны и напечатаны въ іюнѣ 1880-го года. Они могли бы имѣть нѣкоторое основаніе двадцать лѣтъ тому назадъ, когда въ нашей печати не было ни оффиціозныхъ, ни даже консервативныхъ органовъ, когда наслѣдство „Сѣверной Пчелы“ лежало еще открытымъ (hereditas jacens), когда всѣ журналы и газеты принад-

Digitized by Google

лежали къ оппозиціи въ томъ (и только въ томъ) смыслѣ, что всѣ желали перемѣны въ устарѣвшей, отжившей правительственной системѣ. Времена эти давно прошли; съ основаніемъ „Вѣсти", съ переходомъ „Московскихъ Вѣдомостей" въ руки гг. Леонтьева и Каткова, съ поворота „Русскаго Вѣстника" отъ англійскаго либерализма къ доморощенной реакціи явилось то *уравновѣшеніе* органовъ печати, котораго ищутъ и не находятъ „Отголоски"—и равновѣсіе было нарушено съ тѣхъ поръ развѣ въ пользу консерватизма. Отсутствіе партій превращается, подъ рукой „Отголосковъ", въ преобладаніе оппозиціи — и изъ двухъ противорѣчащихъ другъ другу посылокъ выводится, путемъ смѣлаго логическаго пріема, одно заключеніе, неблагопріятное для печати. Мы предложили бы, на мѣсто его, слѣдующую дилемму: или у насъ нѣтъ партій — въ такомъ случаѣ нѣтъ повода къ стѣсненію печати въ выраженіи отдѣльныхъ, личныхъ мнѣній, не имѣющихъ никакой опоры въ обществѣ и проносящихся надъ нимъ безплодно и безслѣдно; или у насъ есть партіи (въ смыслѣ неорганизованныхъ, безформенныхъ группъ, связанныхъ только общностью мнѣній)—въ такомъ случаѣ онѣ имѣютъ право высказываться въ печати, тѣмъ болѣе, что у нихъ нѣтъ иного средства выяснить самимъ себѣ и другимъ свои стремленія и цѣли. Образъ мыслей, для котораго въ обществѣ есть на лицо данныя и матеріалы, непремѣнно будетъ распространяться, пріобрѣтать новыхъ приверженцевъ; въ интересахъ всѣхъ и каждаго слѣдуетъ желать, чтобы эта работа происходила открыто, постоянно повѣряемая и поправляемая, контролируемая однимъ только закономъ и примѣняющею его судебною властью.

II.

За исключеніемъ Сибири и Туркестана, русское государство не представляетъ ни одного края, въ которомъ реформы настоящаго царствованія примѣнялись бы медленнѣе и труднѣе, чѣмъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Крестьянская реформа вовсе ихъ не коснулась; о введеніи въ нихъ земскихъ учрежденій пока еще не слышно; городовое положеніе 1870 г. дошло до нихъ только въ 1877 г.; судебная реформа 1864 г. распространена на остзейскій край, и то лишь въ одной своей части, два мѣсяца тому назадъ, послѣ пятнадцатилѣтней подготовительной работы. На Кавказѣ, въ мѣстностяхъ едва замиренныхъ, полныхъ еще воспоминаніями о недавней борьбѣ, судебная реформа была введена въ дѣйствіе въ 1867 и 1868 г.— раньше чѣмъ во многихъ внутреннихъ губерніяхъ,—хотя для этого

Digitized by Google

понадобились значительныя измѣненія въ судебныхъ уставахъ. Когда—въ недобрый часъ для успѣха реформы—допущено было открытіе мировыхъ учрежденій отдѣльно отъ преобразованія общихъ судебныхъ мѣстъ, эта полумѣра весьма скоро (въ 1871 г.) была распространена на сѣверо-западныя и юго-западныя губерніи, не смотря на особенности ихъ политическаго положенія, обусловливающія отсутствіе въ нихъ земскихъ учрежденій; въ 1877 г. рѣшено было открыть въ нихъ и общія судебныя мѣста, на основаніи уставовъ 1864 г., и исполненіе этого рѣшенія замедлилось только по недостатку финансовыхъ средствъ. Въ настоящее время судебная реформа въ кіевскомъ округѣ осуществлена въ полномъ объемѣ. Въ Царствѣ Польскомъ мировыя и общія судебныя учрежденія, организованныя на основаніи уставовъ 1864 г., дѣйствуютъ уже четыре года, хотя положеніе царства еще болѣе исключительно, чѣмъ положеніе западныхъ губерній. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, запоздалость—и вмѣстѣ съ тѣмъ неполнота—примѣненія судебныхъ уставовъ къ остзейскому краю не можетъ быть признана явленіемъ нормальнымъ. Политическая благонадежность остзейскаго края никогда не подвергалась сомнѣнію, спокойствіе его ничѣмъ не было нарушено; въ лицахъ, юридически образованныхъ, тамъ менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь могъ встрѣтиться недостатокъ; неудовлетворительность дѣйствующаго остзейскаго судоустройства и судопроизводства давно констатирована законодательною властью и едва ли оспоривается даже защитниками status quo. Различіе между матеріальнымъ (гражданскимъ) правомъ русскимъ и остзейскимъ требовало, конечно, кое-какихъ перемѣнъ въ новыхъ процессуальныхъ правилахъ; но такое же различіе между матеріальнымъ правомъ польскимъ и русскимъ не помѣшало же, еще въ 1875 г., примѣненію судебныхъ уставовъ, надлежащимъ образомъ измѣненныхъ, къ десяти привисланскимъ губерніямъ. Доказанная опытомъ возможность и удобоосуществимость реформы, признанная высшею властью, еще въ 1867 г., безотлагательная ея необходимость, отдѣленіе вопроса о мировомъ разбирательствѣ отъ вопроса о преобразованіи общихъ судебныхъ мѣстъ—все это оказалось недостаточнымъ для ускоренія дѣла, трудность котораго заключалась не въ немъ самомъ, а въ обстоятельствахъ, внѣ его лежащихъ. Что̀ это за обстоятельства—вопросъ и теперь еще не лишенный интереса, такъ какъ закономъ 28-го мая нынѣшняго года въ остзейскихъ губерніяхъ введены только мировыя учрежденія. Одновременно съ утвержденіемъ этого закона министру юстиціи предоставлено *безотлагательно* приступить къ обсужденію вопроса о порядкѣ примѣненія къ остзейскимъ губерніямъ судебныхъ уставовъ *въ полномъ ихъ объемѣ*. Есть ли основаніе надѣяться, что на этотъ разъ *безот-*

Digitized by Google

медительность перейдетъ изъ слова въ дѣло, что ненормальный порядокъ вещей, создаваемый одновременнымъ дѣйствіемъ въ извѣстной мѣстности двухъ существенно различныхъ порядковъ судопроизводства, будетъ ограниченъ короткимъ срокомъ, безусловно необходимымъ для предстоящей законодательной работы?

Общепринятымъ объясненіемъ медленности, съ которой реформы, исходящія изъ Петербурга, прививаются къ остзейскому краю, служитъ противодѣйствіе, встрѣчаемое ими въ нѣмецкомъ населеніи этого края или, лучше сказать, въ привилегированной его части, сильной не только въ предѣлахъ прибалтійскихъ губерній. Въ нашей печати сдѣлана была, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, попытка доказать непримѣнимость этого объясненія къ судебной реформѣ. Основываясь на исторіи вопроса, уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ перешедшаго изъ Риги въ Петербургъ, изъ мѣстныхъ учрежденій въ центральныя, „Журналъ гражданскаго и уголовнаго права“ (1877 г., № 4) слагалъ съ такъ-называемой „нѣмецкой партіи“ обвиненіе въ сопротивленіи, активномъ или пассивномъ, остзейской судебной реформѣ и приписывалъ ея замедленіе единственно „особымъ свойствамъ нашего законодательнаго механизма“. Ни мало не оспоривая этихъ „свойствъ“, мы не можемъ, однако, признать за ними, въ данномъ случаѣ, исключительнаго значенія или даже господствующей роли; вѣдь не воспрепятствовали же они сравнительно-скорому распространенію судебной реформы на Кавказъ и Закавказье, на западныя и привислянскія губерніи. Проекты узаконеній, регулировавшихъ примѣненіе судебныхъ уставовъ къ этимъ частямъ имперіи, проходили черезъ тѣ же инстанціи, какъ и проектъ, касавшійся остзейскаго края—и все-таки получали сравнительно быстрое разрѣшеніе. Различіе въ судьбѣ тѣхъ и другихъ проектовъ коренится, слѣдовательно, не въ порядкѣ ихъ разсмотрѣнія; ему соотвѣтствуетъ различіе въ исходной точкѣ законодательныхъ работъ, въ направленіи, полученномъ ими съ самаго начала. Когда возникалъ вопросъ о судебной реформѣ на Кавказѣ, въ царствѣ польскомъ, въ западныхъ губерніяхъ, никто не предлагалъ для нея основаній, чуждыхъ судебнымъ уставамъ; рѣчь шла только о томъ, какія постановленія ихъ не могутъ быть введены въ дѣйствіе въ данную минуту, какихъ перемѣнъ требуютъ особыя условія времени или мѣста. Въ остзейскихъ губерніяхъ вопросъ сразу былъ поставленъ на совершенно другую почву. Коммиссія, учрежденная въ 1864 г. при генералъ-губернаторѣ кн. Ливенѣ, игнорируетъ основныя положенія 1862 г. и замѣняетъ ихъ другими, т.-е. дѣйствуетъ такъ, какъ будто объ общей судебной реформѣ для всей Россіи не было и помину. Составленные въ этомъ смыслѣ проекты возвращаются въ ком-

Digitized by Google

миссію (новымъ генералъ-губернаторомъ, гр. Шуваловымъ), для согласованія съ основными положеніями,—но коммиссія не исполняетъ этого требованія. Когда два года спустя, при генералъ-губернаторѣ Альбединскомъ, торжествуетъ предположеніе о введеніи въ дѣйствіе въ остзейскомъ краѣ, на первый разъ, только мировыхъ учрежденій, проектъ организаціи ихъ сочиняется опять-таки на мѣстѣ, совершенно независимо отъ однороднаго съ нимъ по цѣли и одновременнаго по исполненію министерскаго проекта, осуществленнаго уже въ 1868 г. открытіемъ однихъ мировыхъ учрежденій въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ имперіи. При генералъ-губернаторѣ кн. Багратіонѣ коммиссія, составленная изъ представителей дворянства и главныхъ городовъ остзейскаго края, вырабатываетъ цѣлый рядъ *уставовъ*, направленныхъ не къ частному измѣненію или дополненію общаго закона, а къ полной его замѣнѣ. Вопросъ о распространеніи на остзейскій край судебной реформы 1864 г. получаетъ, такимъ образомъ, характеръ вопроса о новой, спеціально-остзейской судебной реформѣ. Замѣчательно, что онъ сохраняетъ, до извѣстной степени, этотъ характеръ и по окончательномъ переходѣ на разсмотрѣніе центральныхъ, русскихъ учрежденій. Въ 1865 г. гр. Шуваловъ полагалъ ограничиться, при введеніи судебной реформы въ остзейскомъ краѣ, немногими—правда, довольно важными—отступленіями отъ судебныхъ уставовъ. Мнѣніе его не было принято ни коммиссіею статсъ-секретаря Буткова (составившею судебные уставы и разсматривавшею затѣмъ всѣ вопросы о примѣненіи ихъ къ различнымъ частямъ имперіи), ни тогдашнимъ министромъ юстиціи (Д. Н. Замятнинымъ); медовый мѣсяцъ судебной реформы очевидно не могъ быть благопріятнымъ для существенныхъ отъ нея уклоненій. Шесть лѣтъ спустя настроеніе высшей судебной администраціи оказалось болѣе подходящимъ къ видамъ остзейскихъ дворянъ и юристовъ. Не всѣ желанія ихъ, конечно, были признаны подлежащими удовлетворенію, но главное изъ нихъ было уважено: предположено было, не ограничиваясь отдѣльными поправками или перемѣнами въ судебныхъ уставахъ 1864 г., издать для остзейскаго края особый уставъ гражданскаго судопроизводства, подъ именемъ „правилъ гражданскаго судопроизводства для мировыхъ учрежденій прибалтійскихъ губерній“. Понятно, что для составленія этого устава, заключавшаго въ себѣ не менѣе 364 статей, потребовалось не мало времени, и что вопросъ о судебной реформѣ, вступившій въ министерство юстиціи въ концѣ 1872 г. (до 1871 г. онъ разсматривался въ разныхъ мѣстныхъ коммиссіяхъ, потомъ во второмъ отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи), представленъ былъ имъ въ государственный совѣтъ лишь въ 1875 г. Здѣсь,

Digitized by Google

наконецъ, одержала верхъ та точка зрѣнія, на которой уже въ 1866 г. стояли В. П. Бутковъ и Д. Н. Замятнинъ, та точка зрѣнія, при которой запутанный вопросъ дѣлается простымъ и отпадаетъ масса излишнихъ комплекацій. Государственный совѣтъ призналъ, что въ изданіи для остзейскихъ губерній особыхъ судебныхъ уставовъ нѣтъ никакой надобности, что правила о примѣненіи судебной реформы къ остзейскому краю должны заключать въ себѣ лишь отступленія отъ общаго закона, обусловливаемыя мѣстными особенностями края и дѣйствующимъ въ немъ матеріальнымъ правомъ. Начертаніе такихъ правилъ возложено было, въ концѣ 1877 г., на особую коммиссію въ средѣ государственнаго совѣта, окончившую занятія въ ноябрѣ 1879 г. Совокупность узаконеній, ею проектированныхъ, получила высочайшее утвержденіе 28-го мая 1880 года. Чтобы судить о томъ, какъ существенно они отличаются отъ первоначальныхъ проектовъ, достаточно замѣтить, что отступленія отъ устава гражданскаго судопроизводства изложены въ *двадцати-пяти* статьяхъ (вмѣсто прежнихъ 364), и касаются почти исключительно круга вѣдомства и власти мировыхъ учрежденій, а не самаго порядка судопроизводства.

Переходя отъ внѣшней исторіи вопроса къ его внутренней исторіи, т.-е. отъ формы проектовъ къ постепенной выработкѣ ихъ содержанія, мы встрѣчаемся съ еще болѣе ясными признаками усилій, направленныхъ къ охраненію особенностей остзейскаго общественнаго строя—усилій, въ концѣ-концовъ оказавшихся тщетными, хотя одно время можно было думать, что они приведутъ къ желанной цѣли. Въ тѣхъ мѣстностяхъ имперіи, гдѣ мировыя учрежденія открыты раньше земскихъ, назначеніе мировыхъ судей постоянно предоставлялось правительственной власти. Въ отношеніи къ остзейскимъ губерніямъ рѣшено было допустить изъятіе изъ этого общаго правила — изъятіе, которому нельзя не сочувствовать, сожалѣя только, что оно коснулось одного остзейскаго края. Существенно важный вопросъ заключался въ томъ, на кого, за отсутствіемъ земскихъ учрежденій, будетъ возложено избраніе мировыхъ судей, какія мѣры будутъ приняты къ устраненію и смягченію сословнаго элемента, господствовавшаго до сихъ поръ между выборными властями остзейскихъ губерній. Закономъ 28-го мая этотъ вопросъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что выборъ мировыхъ судей предоставленъ особымъ для каждаго мироваго округа избирательнымъ собраніямъ, образуемымъ депутатами отъ мировыхъ участковъ, на которые раздѣляется округъ. Депутаты избираются участковыми съѣздами землевладѣльцевъ и волостныхъ старшинъ, по пяти отъ каждаго; если въ составъ

Digitized by Google

округа входитъ городъ [1]), то къ депутатамъ отъ землевладѣльцевъ и волостныхъ старшинъ присоединяются депутаты отъ города, избираемые городскою думой, въ числѣ отъ одного до двѣнадцати, смотря по важности и населенности города. Нельзя сказать, чтобы этотъ порядокъ не оставлялъ желать ничего лучшаго. Можно пожалѣть о томъ, что выборъ депутатовъ отъ крестьянства предоставленъ однимъ волостнымъ старшинамъ, а не избраннымъ ad hoc уполномоченнымъ сельскаго населенія, что предсѣдательство на съѣздѣ волостныхъ старшинъ возложено на представителя дворянскаго сословія, между тѣмъ какъ у насъ предсѣдатель крестьянскаго избирательнаго съѣзда избирается имъ изъ своей среды; но съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что въ большинствѣ русскихъ уѣздныхъ земскихъ собраній число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ превышаетъ число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, такъ что въ этомъ отношеніи порядокъ, созданный для остзейскаго края, имѣетъ преимущество передъ нашимъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Можно надѣяться, что преимущество это, однажды пріобрѣтенное остзейскими губерніями, не будетъ потеряно ими и при введеніи въ дѣйствіе земскихъ учрежденій. Хорошія стороны новаго закона еще ярче выступаютъ на видъ, если сравнить его съ прежде проектированнымъ порядкомъ избранія въ остзейскомъ краѣ мировыхъ судей. Замѣчательно, что дальше всего отъ уравненія сословій уклонялись не тѣ правила, которыя были начертаны мѣстными юристами, а тѣ, которыя въ 1875 г. были внесены на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Проектъ генералъ-губернаторской коммиссіи ничѣмъ существенно не отличался отъ изданнаго теперь закона; только въ Курляндіи предполагалось дать депутатамъ отъ землевладѣльцевъ значительный численный перевѣсъ надъ депутатами отъ волостныхъ обществъ (послѣднихъ, во всѣхъ пяти уѣздахъ, должно было быть 63, первыхъ—86; разсчетъ сдѣланъ былъ такъ, чтобы число депутатовъ отъ землевладѣльцевъ въ каждомъ уѣздѣ равнялось числу депутатовъ отъ сельскихъ обществъ, сложенному съ числомъ депутатовъ отъ городовъ). Проектъ министерства юстиціи возлагалъ избраніе депутатовъ не на особые съѣзды землевладѣльцевъ и волостныхъ старшинъ, а на существующія приходскія собранія, съ такою притомъ оговоркой, что если число явившихся въ собраніе волостныхъ старшинъ превыситъ число явившихся землевладѣльцевъ, то изъ собранія выбываетъ столько старшинъ наименѣе населенныхъ обществъ, сколько нужно для уравненія числа наличныхъ старшинъ и землевладѣльцевъ. Обрат-

[1]) Города Рига и Ревель образуютъ самостоятельные мировые округи, вслѣдствіе чего мировые судьи избираются тамъ прямо городскими думами.

Digitized by Google

ный, гораздо болѣе возможный случай—случай численнаго перевѣса землевладѣльцевъ надъ волостными старшинами—предусмотрѣнъ не былъ; возможность преобладанія крестьянскаго элемента надъ землевладѣльческимъ была устранена, а противъ преобладанія землевладѣльческаго элемента надъ крестьянскимъ не было принято никакихъ мѣръ. Помимо этого, въ приходскихъ собраніяхъ, какъ учрежденіяхъ существующихъ издавна, свыкшихся съ господствомъ одного сословія и подчиненною, безгласною ролью другого, выборы, по всей вѣроятности, почти всегда склонялись бы на сторону дворянства, и въ число депутатовъ, выбираемыхъ приходскими собраніями, весьма рѣдко попадали бы крестьяне. Окружныя избирательныя собранія обратились бы, такимъ образомъ, въ дворянскія учрежденія, съ легкою примѣсью городского элемента, и всесословный характеръ мирового института существовалъ бы въ остзейскомъ краѣ лишь на бумагѣ. Сказаннаго достаточно, чтобы оцѣнить важность перемѣны, произведенной государственнымъ совѣтомъ въ проектѣ 1875 г. по вопросу о порядкѣ избранія мировыхъ судей.

Если въ вопросѣ, только-что разобранномъ нами, проектъ 1875 г. уступалъ предположеніямъ мѣстной коммиссіи, то во многихъ другихъ отношеніяхъ онъ стоялъ выше ихъ, т.-е. больше приближался къ основной мысли законодателя—возможно полной неприкосновенности судебныхъ уставовъ 1864 г. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ законъ 28-го мая совпадаетъ съ проектомъ 1875 г. Мѣстная коммиссія желала избранія мировыхъ судей непремѣнно изъ числа лицъ, получившихъ юридическое образованіе или прослужившихъ не менѣе трехъ лѣтъ въ секретарской или иной, высшей должности по судебному вѣдомству; проектъ 1875 г. не допустилъ по этому предмету никакого изъятія изъ общаго правила, установленнаго для всей имперіи. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что избраніе въ мировые судьи исключительно юристовъ, изучившихъ юриспруденцію если не теоретически, то по крайней мѣрѣ практически, желательно въ интересахъ цѣлаго края, что условіе, не требуемое отъ русскихъ мировыхъ судей лишь вслѣдствіе слабаго распространенія у насъ юридическихъ знаній, могло и должно было получить силу для остзейскаго края, въ которомъ нѣтъ недостатка въ юристахъ. Но если принять во вниманіе, что остзейскіе юристы принадлежатъ, за немногими развѣ исключеніями, къ господствующему классу края, вовсе не желающему отказаться отъ господства или раздѣлить его съ другими классами населенія, то не трудно придти къ убѣжденію, что обязательный выборъ юристовъ былъ бы весьма существеннымъ стѣсненіемъ правъ избирателей, весьма выгоднымъ для привилегированныхъ сословій противовѣсомъ всесословности самаго избранія.

Digitized by Google

Распространеніе на остзейскій край общаго правила о лицахъ, могущихъ быть избранными въ мировые судьи (съ нѣкоторымъ только, всегда и вездѣ желательнымъ, пониженіемъ имущественнаго ценза), представляется, въ нашихъ глазахъ, существенно важной гарантіей успѣха судебной реформы. Не перечисляя всѣхъ другихъ вопросовъ, по которымъ сословные интересы господствующаго меньшинства съ самаго начала не нашли поддержки въ правительственныхъ сферахъ, мы упомянемъ вкратцѣ лишь о нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе важныхъ. Мировыхъ судей въ городахъ мѣстная коммиссія предлагала избирать не на срокъ, а впредь до введенія судебной реформы въ полномъ ея объемѣ; эта аномалія была устранена, и общій трехлѣтній срокъ полномочія установленъ для мировыхъ судей какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ. Дисциплинарное производство и судъ надъ мировыми судьями предполагалось возложить на мѣстные суды второй степени (оберъ-ландгерихтъ, гофгерихтъ, оберъ-гофгерихтъ); предположеніе это отвергнуто, и остзейскіе мировые судьи подчинены на время, въ дисциплинарномъ отношеніи, с.-петербургской судебной палатѣ, согласно съ правиломъ, постоянно соблюдавшимся при введеніи мироваго разбирательства отдѣльно отъ преобразованія общихъ судебныхъ мѣстъ. Разсмотрѣніе кассаціонныхъ жалобъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ предполагалось предоставить также мѣстнымъ судамъ второй степени; оно предоставлено, на общемъ основаніи, кассаціоннымъ департаментамъ сената. Мы раздѣляемъ мнѣніе тѣхъ юристовъ, которые признавали и признаютъ необходимымъ освободить сенатъ отъ разсмотрѣнія кассаціонныхъ жалобъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ и передать его судебнымъ палатамъ; тѣмъ не менѣе мы находимъ, что допускать изъятіе изъ общаго правила для однѣхъ только остзейскихъ губерній не было рѣшительно никакой причины, и что судебныя мѣста стараго, сословнаго устройства, естественно нерасположенныя къ новымъ порядкамъ, отнюдь не могли быть компетентнымъ кассаціоннымъ судомъ для жалобъ на мировыя учрежденія. Менѣе важнымъ, чѣмъ три только-что упомянутые пункта, кажется намъ разногласіе по вопросу объ организаціи второй судебно-мировой инстанціи. Мѣстные юристы стояли за учрежденіе, въ замѣнъ мировыхъ съѣздовъ, особыхъ мировыхъ судовъ, члены которыхъ избирались бы въ томъ же порядкѣ, какъ и мировые судьи; по закону 28-го мая мировые съѣзды открываются въ остзейскихъ губерніяхъ на общемъ основаніи, съ тѣмъ только, что право избранія добавочныхъ мировыхъ судей, за предѣлами остзейскаго края принадлежащее лишь С.-Петербургу, Москвѣ и Одессѣ, предоставлено всѣмъ остзейскимъ избирательнымъ собраніямъ. Изъ того, что остзейскимъ добавочнымъ мировымъ судьямъ дано право

Digitized by Google

засѣдать въ мировыхъ съѣздахъ на одинаковомъ основаніи съ участковыми и почетными мировыми судьями, слѣдуетъ заключить, что цѣль учрежденія ихъ состоитъ, между прочимъ, въ освобожденіи участковыхъ судей отъ обязанности являться на съѣздъ, если они обременены дѣлами у себя въ участкѣ. Въ нашихъ глазахъ, явка участковыхъ мировыхъ судей въ засѣданія съѣзда, вообще говоря, весьма желательна, въ видахъ обмѣна мыслей и свѣдѣній, ведущаго къ установленію возможно-бо́льшаго единства практики; но для достиженія этой цѣли присутствіе *всѣхъ* участковыхъ судей въ *каждомъ* засѣданіи съѣзда не представляется необходимымъ. Распредѣленіе обязанностей между участковыми и добавочными мировыми судьями не затрогиваетъ ни сословныхъ, ни національныхъ интересовъ; весьма вѣроятно, поэтому, что въ основаніи его будутъ лежать только правильно понятые интересы правосудія. Гарантіей противъ избранія добавочныхъ мировыхъ судей тамъ, гдѣ въ нихъ нѣтъ надобности, служитъ и то, что каждая лишняя судебная должность увеличиваетъ расходы населенія, представители котораго составляютъ избирательное собраніе и разрѣшаютъ по своему усмотрѣнію вопросъ объ избраніи или неизбраніи добавочныхъ мировыхъ судей.

Мы знаемъ уже, что мѣстные юристы и дворяне сдѣлали попытку надѣлить остзейскій край особыми судебными уставами, по возможности несходными съ общими, что въ области гражданскаго судопроизводства эта попытка едва не увѣнчалась успѣхомъ. Входить въ подробный разборъ проекта устава гражданскаго судопроизводства, составленнаго мѣстною коммиссіей и усвоеннаго, въ главныхъ чертахъ, высшею судебною администраціей (до 1878 г.), мы, конечно, не будемъ; это потребовало бы отдѣльнаго, обширнаго изслѣдованія, да и не представляло бы въ настоящую минуту большого интереса, въ виду безслѣдной и безвозвратной гибели остзейскаго проекта. Читателямъ, желающимъ ближе ознакомиться съ вопросомъ, мы можемъ указать на дѣльную, основательную статью въ „Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права“ (1878 г. №№ 1 и 2). Безпристрастно разобравъ постановленія проекта, авторъ этой статьи пришелъ къ слѣдующей общей его характеристикѣ: „Это нестройная смѣсь правилъ, почерпнутыхъ изъ судебныхъ уставовъ, съ правилами мѣстнаго гражданскаго права и судопроизводства — смѣсь недостаточно полная, лишенная внутренней связи, въ высшей степени неудачно редактированная и во многихъ отношеніяхъ значительно уступающая новому русскому гражданскому процессу“. Чтобы убѣдиться въ справедливости этой характеристики, достаточно замѣтить, что проектъ не устанавлялъ никакихъ правилъ объ исполненіи рѣшеній, безмолвно оставляя его за присутственными мѣстами прежняго устройства —

Digitized by Google

управами благочинія, магистратами, орднунгсгерихтами, гауптманскими судами и т. п.! По закону 28-го мая, изъ мѣстныхъ правилъ судопроизводства остаются въ силѣ почти исключительно такія, которыя желательно было бы перенести и въ нашъ гражданскій процессъ — напр. правила, допускающія обезпеченіе исковъ и доказательствъ прежде предъявленія требованія по существу дѣла. Всего сомнительнѣе цѣлесообразность отступленія, допущеннаго по вопросу о присягѣ тяжущихся. По уставу 1864 г. она допускается лишь по взаимному соглашенію сторонъ, которымъ она не можетъ быть даже предложена со стороны суда; по дѣйствовавшимъ до сихъ поръ въ остзейскомъ краѣ мѣстнымъ постановленіямъ присяга, при извѣстныхъ условіяхъ, обязательна для того или другого изъ тяжущихся, т.-е. непринесеніе ея влечетъ за собою проигрышъ дѣла. Эти постановленія признаны обязательными для мировыхъ учрежденій, но лишь до общаго пересмотра дѣйствующихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ правилъ о судебныхъ доказательствахъ, т.-е. до введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ полномъ ихъ объемѣ.

Мы не касались до сихъ поръ одной стороны дѣла, едва ли не самой важной — вопроса о судебномъ языкѣ остзейскихъ губерній. По газетнымъ извѣстіямъ, онъ былъ еще недавно предметомъ особаго ходатайства со стороны предводителей дворянства лифляндскаго, курляндскаго, эстляндскаго и эзельскаго; отсюда можно заключить, какое значеніе придаютъ ему привилегированныя сословія края. Допуская подачу просьбъ и жалобъ на русскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, а также на одномъ изъ мѣстныхъ нарѣчій (эстонскомъ или латышскомъ), допуская также обязательность перевода на родной языкъ стороны—судебныхъ рѣшеній, на русскій языкъ—прошеній, жалобъ и извлеченій изъ дѣлъ, представляемыхъ сенату, предводители дворянства настаивали на томъ, чтобы дѣлопроизводство въ мировыхъ учрежденіяхъ происходило исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. Настоянія ихъ остались безъ успѣха. По закону 28-го мая, языки русскій, эстонскій и латышскій уравнены съ нѣмецкимъ не только по отношенію къ просьбамъ и жалобамъ, подаваемымъ въ мировыя учрежденія, но и по отношенію къ письменнымъ доказательствамъ, къ словеснымъ заявленіямъ и объясненіямъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ передъ мировыми судьями и съѣздами, къ показаніямъ свидѣтелей и окольныхъ людей, къ заключеніямъ экспертовъ. При изложеніи мировыми судьями и съѣздами протоколовъ, опредѣленій, рѣшеній, приговоровъ и исполнительныхъ листовъ, допущено употребленіе нѣмецкаго языка наравнѣ съ русскимъ. Резолюціи должны быть объявляемы на языкѣ или нарѣчіи, понятномъ сторонамъ. На томъ же языкѣ или нарѣчіи должны быть выдаваемы, по требованію стороны, не

Digitized by Google

только копіи съ протоколовъ и рѣшеній, но и повѣстки. Жалобы и прошенія по дѣламъ, переносимымъ въ сенатъ или судебную палату, должны быть излагаемы на русскомъ языкѣ, а относящіеся къ этимъ дѣламъ протоколы и рѣшенія, въ случаѣ составленія ихъ на нѣмецкомъ языкѣ, должны сопровождаться переводомъ на русскій языкъ. Министру юстиціи вмѣнено въ обязанность принять мѣры къ переводу судебныхъ уставовъ и дополнительныхъ къ нимъ узаконеній на языки нѣмецкій, эстонскій и латышскій. Превосходство всѣхъ этихъ правилъ передъ дворянскимъ проектомъ едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Ограждая права государственнаго языка, на которомъ говоритъ, притомъ, не маловажная часть жителей края, они предоставляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможно бо́льшія удобства всѣмъ оттѣнкамъ туземнаго населенія—нѣмецкому, эстонскому и латышскому. Составленіе протоколовъ и рѣшеній только на языкахъ нѣмецкомъ или русскомъ не можетъ считаться особенно стѣснительнымъ для латышей и эстовъ, такъ какъ имъ дано право требовать выдачи копій, написанныхъ на ихъ родномъ языкѣ. Существенно важно то, что стороны и свидѣтели могутъ объясняться передъ судомъ по русски, эстонски и латышски, не прибѣгая къ посредству переводчика; что мировой судья обязанъ объявлять резолюціи на языкѣ, понятномъ для сторонъ, т.-е. на двухъ языкахъ, если языкъ, понятный для одной стороны, непонятенъ для другой; что мировой судья, предпочитающій выражаться на русскомъ языкѣ, можетъ избрать его при составленіи рѣшенія или протокола; что вся совокупность приведенныхъ нами правилъ дѣлаетъ для мирового судьи обязательнымъ и необходимымъ знаніе русскаго языка и по крайней мѣрѣ одного изъ мѣстныхъ, наравнѣ съ нѣмецкимъ. Нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ выражали сожалѣніе, что знаніе русскаго и мѣстнаго языковъ не включено новымъ закономъ въ число условій, требуемыхъ отъ кандидатовъ въ мировые судьи. Намъ кажется, что путь, избранный законодателемъ, ведетъ къ цѣли столь же вѣрно, какъ и прямое требованіе вышеупомянутаго знанія. Удостовѣряться, передъ выборами, въ степени и основательности лингвистическихъ свѣдѣній каждаго кандидата было бы весьма трудно; гораздо проще и легче поставить мировыхъ судей въ такое положеніе, при которомъ нельзя обойтись безъ знанія трехъ, по меньшей мѣрѣ, языковъ. Замѣтимъ, что переводчики, по закону 28-го мая, полагаются только при мировыхъ съѣздахъ (очевидно—для перевода бумагъ, представляемыхъ въ судебную палату или въ сенатъ), а не при мировыхъ судьяхъ; мировой судья не можетъ, слѣдовательно, разсчитывать на посторонюю помощь ни для перевода ему словесныхъ объясненій и показаній, ни для перевода сторонамъ объявляемыхъ имъ резолюцій (о

Digitized by Google

протоколахъ и рѣшеніяхъ мы не говоримъ, потому что они могутъ быть переводимы за кулисами, внѣ публичнаго судебнаго засѣданія). Злоупотребленія, конечно, вездѣ возможны, и, можетъ быть, мы скоро услышимъ о судьяхъ, отказывающихся понимать или говорить по русски; но такой отказъ будетъ явнымъ нарушеніемъ закона, подлежащимъ обжалованію со стороны заинтересованныхъ лицъ и влекущимъ за собою не одну только нравственную отвѣтственность. Если пассивное противодѣйствіе духу и цѣли закона будетъ возведено въ систему, отъ правительства будетъ зависѣть дальнѣйшее измѣненіе закона, въ смыслѣ благопріятномъ для языковъ русскаго, эстонскаго и латышскаго; но мы не видимъ пока причины ожидать такого противодѣйствія. При удачномъ исходѣ опыта, производимаго теперь въ прибалтійскихъ губерніяхъ, равноправность языковъ передъ судомъ проникнетъ, по всей вѣроятности, и въ другія мѣстности имперіи, нуждающіяся въ ней не менѣе остзейскаго края. На первомъ планѣ между этими мѣстностями стоитъ, безъ сомнѣнія, царство польское.

Мы можемъ возвратиться теперь къ вопросу, поставленному въ началѣ этой замѣтки: есть ли основаніе надѣяться на скорое и успѣшное довершеніе судебной реформы въ остзейскомъ краѣ? Намъ кажется, что отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть утвердительный. Закономъ 28-го мая предрѣшено или устранено все то, что затрудняло примѣненіе судебныхъ уставовъ къ остзейскому краю. Если такъ называемыя привилегіи этого края—т.-е. привилегіи его дворянства и отчасти его городской буржуазіи—не могли помѣшать введенію въ немъ русскихъ формъ и порядковъ мироваго разбирательства, то онѣ, очевидно, не могутъ помѣшать и преобразованію, по русскому образцу, общихъ его судебныхъ установленій. Если мировыя учрежденія въ прибалтійскихъ губерніяхъ могутъ обойтись безъ особыхъ, спеціальныхъ уставовъ, то въ такой же точно мѣрѣ могутъ обойтись безъ нихъ и остзейскіе окружные суды, и остзейская судебная палата. Если русскій языкъ получилъ право гражданства въ мировыхъ, *выборныхъ* учрежденіяхъ, то о закрытіи ему доступа въ преобразованныя общія судебныя мѣста, члены которыхъ, какъ и вездѣ въ Россіи, конечно будутъ назначаться правительствомъ, тѣмъ болѣе не можетъ быть и рѣчи. Если всѣ классы населенія призваны къ участію въ избраніи мировыхъ судей, то трудно придумать основаніе, по которому они не могли бы быть теперь же призваны къ исправленію обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Законъ 28-го мая, вмѣстѣ съ закономъ 1877 г. о примѣненіи городового положенія къ остзейскому краю, пробилъ широкую брешь въ китайской стѣнѣ, отдѣлявшей этотъ край отъ остальныхъ частей Имперіи—и черезъ эту брешь проведена дорога, по которой свободно могутъ

Digitized by Google

пройти всѣ остальныя реформы. Остзейскій консерватизмъ — или, правильнѣе, остзейская косность — потерялъ, повидимому, ту поддержку, которую онъ встрѣчалъ до сихъ поръ въ не-остзейскихъ сферахъ и въ которой заключалась вся его сила. Оставаясь вѣрными тому взгляду, который неоднократно былъ высказываемъ въ „Вѣстникѣ Европы", мы сочувствуемъ этой перемѣнѣ не потому, чтобы желали искусственнаго „обрусенія" прибалтійскихъ губерній, а потому, что до-реформенный остзейскій край значительно отсталъ отъ послѣ-реформенной Россіи. Уничтоженіе сословнаго элемента въ судѣ, гласность и устность судопроизводства—такія цѣнныя пріобрѣтенія для всего края, въ сравненіи съ которыми меркнетъ техническое превосходство двухъ-трехъ мѣстныхъ процессуальныхъ формъ передъ соотвѣтствующими постановленіями нашихъ судебныхъ уставовъ.

Почти одновременно съ закономъ 28-го мая издано другое постановленіе, также составляющее перемѣну къ лучшему въ нашемъ законодательствѣ. Высочайше утвержденнымъ 22 мая мнѣніемъ государственнаго совѣта уничтоженъ такъ называемый обрядъ публичной казни, соблюдавшійся при исполненіи приговоровъ надъ лицами, лишенными всѣхъ правъ состоянія, и отмѣнена публичность тѣлеснаго наказанія ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ. Обрядъ публичной казни принадлежалъ къ числу тѣхъ карательныхъ мѣръ *добраго стараго времени*, которыя имѣли цѣлью обезчестить и унизить преступника, навести спасительный страхъ на зрителей,—а приводили на практикѣ къ крайней неравномѣрности наказанія и къ пониженію общественной нравственности. Для однихъ осужденныхъ выставка на позорной колесницѣ и у позорнаго столба составляла весьма чувствительное усиленіе наказанія,—другіе оставались къ ней совершенно равнодушными; для зрителей она была даровымъ развлеченіемъ, пріучавшимъ спокойно смотрѣть на чужое мученье. Внушить состраданіе къ преступнику она иногда могла, вызвать отвращеніе къ преступленію или страхъ передъ наказаніемъ—едва ли. Законъ 22-го мая составляетъ вполнѣ логическое развитіе закона 17-го апрѣля 1863 г., отмѣнившаго для обыкновенныхъ преступниковъ наказаніе плетьми и наложеніе клеймъ. Остается надѣяться, что тѣлесное наказаніе ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, теперь сдѣланное не публичнымъ, въ скоромъ времени будетъ вовсе отмѣнено, и что плети, вмѣстѣ съ давно забытыми орудіями пытки, окончательно отойдутъ въ область кабинета рѣдкостей или историческаго музея.

Digitized by Google

III.

Доступъ въ мировые судьи обусловленъ у насъ, какъ извѣстно, цензомъ, довольно высокимъ—вдвое бо́льшимъ противъ того, который даетъ право личнаго участія въ избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ для выбора уѣздныхъ гласныхъ. Исключеніе изъ общаго правила установлено закономъ лишь въ пользу тѣхъ лицъ, которымъ званіе мироваго судьи будетъ предоставлено единогласнымъ рѣшеніемъ всѣхъ присутствующихъ въ собраніи гласныхъ. Пониженіе ценза или совершенное его уничтоженіе, равно какъ и облегченіе доступа въ мировые судьи для лицъ, не имѣющихъ ценза, часто составляло предметъ земскихъ ходатайствъ, остававшихся безъ послѣдствій въ виду возбужденія *общаго вопроса* о порядкѣ избранія мировыхъ судей [1]); но о движеніи этого вопроса много лѣтъ ничего не было слышно. Только недавно въ газетахъ появился слухъ о предстоящемъ расширеніи права земскихъ собраній избирать въ мировые судьи лицъ, неимѣющихъ установленнаго ценза. Расширеніе это должно заключаться въ томъ, что *участковые* мировые судьи, въ первый разъ избранные, за неимѣніемъ ценза, единогласно, на слѣдующія трехлѣтія могутъ быть избираемы простымъ большинствомъ голосовъ. Если слухъ, сообщенный газетами, имѣетъ правильное основаніе, то нельзя не признать задуманную реформу крайне недостаточною и не достигающею цѣли [2]).

Облегченіе вторичнаго избранія—и слѣдующихъ за нимъ—представляется, само по себѣ, вполнѣ разумнымъ и цѣлесообразнымъ. *Единогласное* избраніе, рѣдко выпадающее даже на долю лица, въ первый разъ баллотирующагося въ мировые судьи, становится въ высшей степени невѣроятнымъ, почти невозможнымъ, уже по истеченіи перваго трехлѣтія. Слишкомъ трудно предположить, чтобы за все это время судья не задѣлъ интересовъ, не пошелъ наперекоръ взглядамъ хоть одного изъ числа избирателей. Чѣмъ добросовѣстнѣе и безпристрастнѣе судья, тѣмъ меньше онъ обращаетъ вниманія, при рѣшеніи дѣлъ, на личное положеніе сторонъ, на роль, разыгрываемую ими въ уѣздѣ, на симпатіи и антипатіи, господствующія въ собраніи—тѣмъ больше, слѣдовательно, увеличиваются шансы частнаго неудовольствія противъ него, уменьшаются шансы единогласнаго его избранія на новое трехлѣтіе. Но развѣ все это примѣнимо только къ

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ 1880 г., № 6, и земскія ходатайства въ 1876 и 1877 г.

[2]) Недѣли три тому назадъ тотъ же слухъ повторился въ нѣсколько измѣненномъ видѣ; но все сказанное нами ниже—одинаково примѣнимо къ обѣимъ его редакціямъ.

Digitized by Google

однимъ участковымъ мировымъ судьямъ? Вѣроятность столкновенія съ избирателями для нихъ, безспорно, больше, чѣмъ для почетныхъ судей; но и послѣдніе, засѣдая или предсѣдательствуя на мировомъ съѣздѣ, замѣняя отсутствующихъ участковыхъ судей, весьма легко могутъ возстановить противъ себя одного или нѣсколькихъ членовъ собранія. Разсчитывать на единогласіе могутъ лишь тѣ изъ числа почетныхъ судей, которые видятъ въ этой должности только лестный для самолюбія титулъ, никогда не являются въ засѣданія съѣзда, никогда и ни въ чемъ не помогаютъ своимъ товарищамъ, принадлежатъ, однимъ словомъ, къ категоріи juges de paix-fainéants, обнимающей большинство нашихъ почетныхъ мировыхъ судей. Плохой судья, судья только по имени, получаетъ такимъ образомъ привилегію передъ судьей, серьёзно относящимся къ своему дѣлу. Мы выводимъ отсюда, что право вторичнаго избранія простымъ большинствомъ голосовъ слѣдовало бы предоставить одинаково какъ участковымъ, такъ и почетнымъ мировымъ судьямъ, вовсе не имѣвшимъ и не имѣющимъ ценза, или потерявшимъ его во время предшествующаго трехлѣтія.

Центръ тяжести занимающаго насъ вопроса лежитъ, однако, не во вторичномъ, а въ первоначальномъ избраніи мировыхъ судей. Если доступъ къ этому званію для лицъ, не имѣющихъ ценза, останется на столько же затрудненнымъ, какъ и въ настоящее время, то облегченіе вторичнаго избранія не окажетъ замѣтнаго вліянія на личный составъ мирового института. Неудовлетворительность этого состава объясняется — помимо общихъ причинъ, замедляющихъ правильное развитіе нашей провинціальной жизни—двумя главными условіями: слишкомъ высокимъ имущественнымъ цензомъ и слишкомъ низкимъ цензомъ по образованію. Мировымъ судьею не можетъ быть высокообразованный человѣкъ, если онъ владѣетъ 499 или 699 десятинами вмѣсто требуемыхъ по закону 500 или 700; мировымъ судьею можетъ быть нигдѣ и ничему не учившійся обладатель 500 или 700 десятинъ, если только онъ прослужилъ три года въ должности, дающей практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ—напр. въ должности исправника или станового пристава, когда съ нею было соединено завѣдываніе слѣдственною частью. Уничтожить послѣднюю аномалію въ настоящее время едва ли возможно, потому что во многихъ мѣстахъ не нашлось бы тогда кандидатовъ въ мировые судьи; тѣмъ болѣе необходимо устранить или смягчить первую, не имѣющую рѣшительно никакого права на существованіе. Самымъ простымъ средствомъ къ этому была бы отмѣна имущественнаго ценза, или по крайней мѣрѣ значительное его пониженіе; но, оставаясь въ предѣлахъ вопроса, уже по-

Digitized by Google

ставленнаго на очередь, мы коснемся только изъятія изъ общаго правила о цензѣ, а не самаго правила. Съ этой точки зрѣнія намъ казалось бы прежде всего необходимымъ установить различіе между кандидатами въ мировые судьи, смотря по образовательному ихъ цензу. Избраніе въ мировые судьи лицъ, получившихъ высшее образованіе, настолько желательно, настолько важно, что по отношенію къ нимъ земскимъ собраніямъ слѣдовало бы предоставить возможно бо́льшій просторъ. Между судьями цѣлаго мирового округа часто не оказывается, въ настоящее время, ни одного юриста, ни одного широко образованнаго человѣка; мировой съѣздъ, руководимый дѣльцомъ-секретаремъ или предоставленный собственнымъ своимъ силамъ, допускаетъ, самъ того не замѣчая, явныя отступленія отъ закона, дающія поводъ къ отмѣнѣ рѣшеній въ кассаціонномъ порядкѣ или — что́ еще хуже — остающіяся неисправленными, за невозможностью для безграмотныхъ тяжущихся и подсудимыхъ обжаловать рѣшеніе, за неумѣньемъ ихъ правильно указать кассаціонные поводы, иногда просто за недостаткомъ денегъ для кассаціоннаго залога. Одинъ судья-юристъ, хотя бы и почетный — конечно не изъ категоріи тунеядцевъ — можетъ предохранить своихъ товарищей отъ цѣлаго ряда ошибокъ, внести мало-по-малу внутренній порядокъ въ дѣятельность съѣзда, а затѣмъ и въ дѣятельность отдѣльныхъ судей, поднять уваженіе къ закону или создать его тамъ, гдѣ его прежде вовсе не было. Тотъ же результатъ, хотя и съ нѣсколько бо́льшимъ трудомъ, можетъ быть достигнутъ и не-юристомъ, получившимъ высшее образованіе и привыкшимъ къ умственной работѣ. Опасаться чрезмѣрнаго преобладанія такихъ судей надъ всѣми остальными—и вмѣстѣ съ тѣмъ преобладанія формализма надъ здравымъ смысломъ, буквоѣдства надъ простымъ, трезвымъ взглядомъ на дѣло—нѣтъ ни малѣйшаго основанія; въ юристѣ-самоучкѣ, не идущемъ дальше *анисимовскихъ* уставовъ, наклонность къ формализму, къ буквоѣдству, гораздо вѣроятнѣе — и гораздо вреднѣе,— чѣмъ въ образованномъ человѣкѣ. Нравственное вліяніе на членовъ съѣзда не равносильно, притомъ, полному уничтоженію ихъ самостоятельности; рядомъ съ судьею-юристомъ судьи-практики могутъ быть настолько же полезны, какъ и присяжные — рядомъ съ предсѣдателемъ ассизовъ. Прибавимъ еще, что мировой съѣздъ дѣйствуетъ не только въ качествѣ апелляціонной, но и въ качествѣ кассаціонной инстанціи, опредѣленія которой обжалованію вовсе не подлежатъ; юридическія познанія имѣютъ здѣсь еще бо́льшую важность. Мы думаемъ, поэтому, что лица, получившія высшее образованіе, или по меньшей мѣрѣ лица, окончившія полный курсъ юридическихъ наукъ, могли бы быть избираемы въ мировые судьи простымъ

Digitized by Google

большинствомъ голосовъ, хотя бы и не имѣли вовсе имущественнаго ценза. Намъ могутъ возразить, что такимъ образомъ будутъ попадать въ мировые судьи лица, не имѣющія осѣдлости въ мѣстѣ избранія, совершенно чуждыя ему; но вѣдь это возможно и въ настоящее время, такъ какъ законъ не требуетъ, чтобы недвижимое имѣніе, служащее цензомъ, находилось непремѣнно въ томъ уѣздѣ—или хотя бы въ той губерніи,—гдѣ избирается его владѣлецъ. Если же переходъ отъ высокаго имущественнаго ценза къ полному его отсутствію показался слишкомъ рѣзкимъ, то размѣръ ценза, для лицъ, упомянутыхъ нами, могъ бы, по крайней мѣрѣ, быть значительно пониженъ.

Для всѣхъ остальныхъ лицъ, не имѣющихъ установленнаго ценза, единогласное избраніе, теперь требуемое закономъ, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, замѣнить избраніемъ по большинству двухъ третей, или трехъ четвертей, или хотя бы четырехъ пятыхъ голосовъ. Разъ что существуетъ имущественный цензъ, изъятіе изъ него можетъ быть сдѣлано съ одной стороны въ пользу лицъ, признаваемыхъ, по какому-либо внѣшнему признаку (напр. по мѣсту окончанія ими курса), особенно способными къ занятію извѣстной должности, съ другой стороны — въ пользу лицъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ избирателей. Лучшимъ выраженіемъ такого довѣрія служитъ большое число избирательныхъ голосовъ—и съ этой точки зрѣнія допущеніе избранія (при отсутствіи имущественнаго и образовательнаго ценза) не иначе, какъ по значительному большинству голосовъ, представляется вполнѣ естественнымъ; неестественно только требовать единогласнаго избранія, которое вообще возможно лишь какъ исключительный случай. Единогласное рѣшеніе — не въ нашихъ общественныхъ нравахъ; оно не узаконено даже для нашего суда присяжныхъ; правило, которымъ оно установлялось для прежнихъ департаментовъ правительствующаго сената, не перешло въ новые судебные уставы. Если оно примѣняется иногда на нашихъ сельскихъ сходахъ, то это единогласіе мнимое, а не дѣйствительное, — единогласіе, достигаемое или прекращеніемъ спора, въ которомъ меньшинство потеряло надежду переубѣдить большинство, или компромиссомъ между большинствомъ и меньшинствомъ. Мнимымъ, въ бо́льшей части случаевъ, представляется и такъ-называемое единогласіе англійскихъ присяжныхъ, почти всегда прикрывающее уступку со стороны слабыхъ или равнодушныхъ — сильнымъ, упорнымъ или глубоко убѣжденнымъ. Тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о выборахъ, требованіе единогласія приводитъ только къ торжеству частныхъ интересовъ надъ общими, скрывающемуся, въ добавокъ—при закрытой подачѣ голосовъ,—подъ покровомъ непроницаемой тайны. Достаточно одного шара, положен-

Digitized by Google

наго налѣво личнымъ недоброжелателемъ кандидата въ мировые судьи, чтобы помѣшать выбору лица, высоко цѣнимаго остальными членами собранія и могущаго принести существенную пользу цѣлому уѣзду. Мы понимаемъ, что доступъ въ небольшую группу—въ клубъ, въ кружокъ, собирающійся для дружеской бесѣды — можетъ быть открытъ новому лицу только съ согласія *всѣхъ* участниковъ; когда идетъ рѣчь о личныхъ привычкахъ и вкусахъ, вопросъ о принятіи или непринятіи новаго члена можетъ быть разрѣшаемъ, безъ всякаго вреда, на основаніи личныхъ симпатій и антипатій, даже капризовъ. Совсѣмъ не то въ общественномъ дѣлѣ; произволъ одного или немногихъ не долженъ становиться здѣсь въ разрѣзъ съ желаніемъ громаднаго большинства. Въ избраніи мировыхъ судей римское или польское veto (замѣтимъ, впрочемъ, что оно произносилось открыто) менѣе умѣстно, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что единогласный выборъ упадаетъ почти исключительно или на людей безцвѣтныхъ, ничѣмъ не заявившихъ себя передъ земствомъ, или на людей высоко поставленныхъ, выбираемыхъ не для дѣятельности, а только для почета. Принять активное участіе въ земскомъ дѣлѣ и не возбудить противъ себя ни цѣлой партіи, ни даже отдѣльнаго лица — это развѣ немногимъ легче, чѣмъ найти квадратуру круга. Во всѣхъ сферахъ общественной жизни враговъ—или по меньшей мѣрѣ противниковъ—не имѣетъ только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, ничему и никому не сочувствуетъ, ничего и никого не осуждаетъ; къ земству это общее правило примѣнимо какъ нельзя больше. Требовать единогласнаго выбора въ мировые судьи, значитъ ставить преградами на пути развитія мировыхъ учрежденій всѣ мелкія страсти, всѣ оскорбленныя самолюбія, всѣ личныя неудовольствія, какія имѣются въ средѣ земства. Побольше довѣрія къ здравому смыслу большинства, къ его умѣнью распознавать, независимо отъ имущественнаго ценза, людей способныхъ къ судейской дѣятельности — и ряды нашихъ мировыхъ судей усилятся новымъ, свѣжимъ контингентомъ, въ которомъ такъ давно нуждается мировой институтъ.

На-ряду съ многочисленными ходатайствами земствъ, направленными къ разумному расширенію избирательнаго права, довольно странно встрѣтить ходатайство псковскаго земства объ увеличеніи круга дѣйствій и власти почетныхъ мировыхъ судей и о предоставленіи имъ этого званія пожизненно, съ высочайшаго утвержденія. По словамъ одной изъ газетъ, министерство юстиціи признало это ходатайство незаслуживающимъ уваженія, какъ въ виду доказанной практикою бездѣятельности большинства почетныхъ мировыхъ судей, такъ и въ виду невозможности поставить ихъ внѣ контроля изби-

Digitized by Google

рателей. Повторяемъ, не странно ли видѣть, что столь элементарныя понятія должны быть разъясняемы земству со стороны администраціи? Намъ хотѣлось бы думать, что извѣстіе о ходатайствѣ псковскаго земства передано газетой не совсѣмъ точно; но если оно достовѣрно, то интересно было бы знать мотивы ходатайства, одного изъ самыхъ оригинальныхъ въ лѣтописи земства.

IV.

Со времени изданія устава о воинской повинности прошло уже шесть лѣтъ, но свѣдѣній о примѣненіи его на практикѣ обнародовано пока еще весьма немного. Тѣмъ больше интереса представляетъ изданный недавно с.-петербургскимъ городскимъ по воинской повинности присутствіемъ отчетъ объ исполненіи этой повинности столичнымъ населеніемъ, въ промежутокъ времени съ 1874 по 1879 г. Извѣстно, что по отношенію къ воинской повинности Петербургъ раздѣленъ на восемь призывныхъ участковъ. Несмотря на математически-точное, повидимому, распредѣленіе между ними числа требуемыхъ отъ города новобранцевъ—распредѣленіе, обусловливаемое съ одной стороны общею цифрой призыва, съ другой стороны числомъ лицъ, записанныхъ въ призывной списокъ каждаго участка,—тяжесть повинности оказывается на дѣлѣ далеко не-одинаковою для всѣхъ участковъ. Это зависитъ отъ различнаго въ каждомъ участкѣ числа лицъ, пользующихся льготой по семейному положенію; чѣмъ больше такихъ лицъ, тѣмъ меньше для всѣхъ остальныхъ шансъ освобожденія отъ дѣйствительной службы. Призывалось въ Петербургѣ къ жребію лицъ, не имѣющихъ льготы по семейному положенію, среднимъ числомъ по 1461, требовалось новобранцевъ—по 544 въ годъ; процентное отношеніе послѣдняго числа къ первому—37; между тѣмъ въ отдѣльныхъ участкахъ оно колебалось, въ среднемъ выводѣ, между 31 и 43%. Всего невыгоднѣе положеніе четвертаго и седьмого участковъ (части московская и васильевская), всего выгоднѣе—положеніе перваго участка (части адмиралтейская и казанская), потому что къ нему приписываются обыкновенно всѣ питомцы воспитательнаго дома, изъ которыхъ никто, конечно, не можетъ имѣть льготы по семейному положенію. Только въ 1875 г., когда питомцы воспитательнаго дома были распредѣлены пропорціонально между всѣми столичными участками, разница въ процентномъ отношеніи по участкамъ понизилась до 6%. Радикальнымъ средствомъ къ предупрежденію неравномѣрности городское присутствіе считаетъ, впрочемъ, не то или другое распредѣленіе питомцевъ воспитательнаго дома, не заблаговре-

Digitized by Google

менное установленіе въ каждомъ участкѣ числа лицъ, пользующихся льготой, а совершенное упраздненіе теперешнихъ восьми участковъ, т.-е. образованіе изъ столицы одного призывного участка. Нимало не облегчая дѣятельности присутствія, раздѣленіе на участки не служитъ гарантіей правильнаго отбыванія повинности. Жители той или другой мѣстности столицы не составляютъ такого цѣлаго, какъ напримѣръ волость или нѣсколько сосѣднихъ волостей; они незнакомы между собою, не могутъ заявить о неявкѣ лицъ, подлежавшихъ призыву, или о неправильной явкѣ одного вмѣсто другого; многіе, притомъ, въ моментъ вынутія жребія живутъ уже не въ томъ участкѣ, къ которому они приписаны. Въ подкрѣпленіе мнѣнія присутствія можно указать и на то, что равномѣрности отбыванія повинности по участкамъ всегда будетъ препятствовать и различіе въ санитарномъ ихъ состояніи, вліяющее на число лицъ, освобождаемыхъ отъ военной службы по болѣзни или слабости здоровья. Изъ отчета присутствія видно, что всего менѣе удовлетворительно въ этомъ отношеніи положеніе участковъ шестого (литейная часть), пятаго (александроневская и рождественская) и седьмого (васильевская), въ которыхъ число годныхъ къ военной службѣ составляло 39, 40 и 41% общаго числа подвергнутыхъ медицинскому осмотру; средину занимаютъ участки второй (спасская часть, 42%), третій и четвертый (части коломенская, нарвская, московская, 44%), восьмой (части петербургская и выборгская, съ охтенскимъ пригородомъ, 45%); исключительно-благопріятно положеніе перваго участка, въ которомъ число лицъ, годныхъ къ военной службѣ, доходитъ до 54%. Городское присутствіе объясняетъ это обстоятельство скопленіемъ въ первомъ участкѣ питомцевъ воспитательнаго дома, „отличающихся, по образу жизни, особымъ запасомъ жизненныхъ силъ и здоровья“. Судя по всему тому, что̀ извѣстно о питомцахъ воспитательнаго дома, запасъ „жизненныхъ силъ и здоровья“ не можетъ быть у нихъ особенно великъ; если онъ все-таки выше, чѣмъ у большинства петербургскаго населенія, то это бросаетъ крайне печальный свѣтъ на условія, при которыхъ растетъ и развивается столичная молодежь. И дѣйствительно, цифры, приводимыя присутствіемъ, производятъ самое тяжелое впечатлѣніе. Изъ числа 5267 молодыхъ людей, подвергнутыхъ въ теченіе 6 лѣтъ медицинскому осмотру, 142 не имѣли требуемаго закономъ для военной службы роста (2 арш. 2½ вершка), 1714 — требуемаго объема груди (окружность грудной клѣтки должна составлять не менѣе половины роста); 178 страдали бугорчаткой или хроническимъ катарромъ дыхательныхъ органовъ, 252 — болѣзнями костной системы, 114—болѣзнями глазъ, 186—грыжами и болѣзнями половыхъ органовъ, 82 — болѣзнями золотушнаго свойства, 59—бо-

Digitized by Google

лѣзнями сердца, 73 — болѣзнями ушей, носа, горла и полости рта. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ констатированная болѣзнь влекла за собою полное освобожденіе отъ военной службы (а не отсрочку и не зачисленіе въ запасъ), т.-е. была признаваема достигшею высокой степени развитія и неизлечимою. Съ другой стороны, однако, слѣдуетъ замѣтить, что несоотвѣтствующій росту объемъ груди, по мнѣнію присутствія, не всегда служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ слабости здоровья и неспособности къ военной службѣ.

Изъ числа 2,886 новобранцевъ, выставленныхъ столицей, въ теченіе шести лѣтъ, на пополненіе арміи и флота, 2,247—т.-е. почти 78% — нигдѣ не получили образованія; совершенно неграмотныхъ между ними было 561. Окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ четвертаго разряда было около 11, третьяго разряда—около 6, втораго разряда — около 4, перваго разряда — около 1%. Эти цифры служатъ краснорѣчивымъ комментаріемъ къ тому, что́ намъ уже извѣстно о недавнемъ прошедшемъ учебнаго дѣла въ Петербургѣ. Изъявило желаніе поступить въ военную службу вольноопредѣляющимися (не считая молодыхъ людей, учащихся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ) 1,296 человѣкъ, въ томъ числѣ учащихся въ заведеніяхъ 1-го разряда—794, въ заведеніяхъ 2-го разряда—334, въ заведеніяхъ заграничныхъ — 6, подвергающихся испытанію по особой программѣ—162. Зачислено прямо въ запасъ, т.-е. освобождено отъ дѣйствительной службы, 186 человѣкъ—33 по званію лекаря, 151—вслѣдствіе полученія должности по учебной части, 2 по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ (одинъ изъ нихъ служитъ при посольствѣ въ Аѳинахъ, другой—пѣвчій при александро-невской лаврѣ). По зачетнымъ квитанціямъ освобождено отъ службы 109 человѣкъ, преимущественно изъ купеческаго сословія, въ средѣ котораго числится только 14% принятыхъ новобранцевъ (по отношенію къ внесеннымъ въ призывной списокъ), между тѣмъ какъ для другихъ сословій это отношеніе колеблется между 18 и 25%. Женатыхъ, изъ числа 2,886 новобранцевъ, оказалось только 63.

Измѣненіе тарифа, о которомъ мы говорили въ предъидущемъ обозрѣніи, состоялось 3-го іюня и обнародовано въ концѣ того же мѣсяца. Пошлина на чугунъ сохранена въ прежнемъ размѣрѣ (5 коп. съ пуда); желѣзные рельсы, наравнѣ съ стальными, обложены пошлиной въ 45 коп. съ пуда; безпошлинный ввозъ удержанъ для сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій (безъ парового двигателя), но отмѣненъ для остальныхъ категорій машинъ, до сихъ поръ не подле-

Digitized by Google

жавшихъ пошлинѣ; пошлина на машины (чугунныя, желѣзныя и стальныя) повышена съ 30 до 80 копѣекъ. По всѣмъ другимъ предметамъ предположенія особый коммиссіи, уже извѣстныя нашимъ читателямъ, утверждены безъ измѣненій.

Передовая статья „Моск. Вѣдом.“, въ № 180, посвящена той части Внутренняго Обозрѣнія іюньской книги нашего журнала, гдѣ по поводу отставки гр. Толстого говорилось, между прочимъ, что настоящимъ основателемъ классической системы *въ Россіи* былъ С. С. Уваровъ, вступившій въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія лѣтъ 50 тому назадъ (1833 г.), а вовсе не гр. Толстой, при которомъ былъ введенъ только новый множитель для числа уроковъ древнихъ языковъ. Все это было упомянуто нами не въ качествѣ какого-нибудь нашего личнаго мнѣнія, а приведено въ видѣ фактовъ, и притомъ общеизвѣстныхъ; но „Моск. Вѣдом.“, исповѣдуя извѣстное ученіе, а именно, что нѣтъ ничего, о чемъ нельзя было бы говорить *pro* и *contra*, не затруднились дать намъ отвѣтъ. Если бы кто-нибудь имъ сказалъ, въ видѣ тезиса, что Богъ сотворилъ міръ, то и на это г. Катковъ возразилъ бы, что, вѣроятно, „г-ну Стасюлевичу“ неизвѣстно, что луна дѣлается въ Гамбургѣ, и притомъ вовсе не такъ скверно, какъ то утверждается нѣкоторыми неблагонамѣренными людьми. Нѣчто подобное возражаютъ „Моск. Вѣдом.“ и намъ, обращаясь при этомъ не къ журналу, а лично къ его редактору. „Но извѣстно ли г-ну Стасюлевичу—вопрошаетъ газета—число латинскихъ и греческихъ уроковъ въ уставѣ гр. Уварова, А. В. Головнина, графа Толстого и въ германскихъ гимназіяхъ?“ Уставъ гр. Уварова извѣстенъ ему, не по наслышкѣ и не изъ послѣднихъ нумеровъ „Московскихъ Вѣдомостей“, а изъ личной практики: кто обучался въ нашихъ гимназіяхъ въ концѣ 30-хъ и въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, и самъ училъ въ 50-хъ годахъ, тотъ не будетъ справляться въ „Моск. Вѣд.“ относительно числа уроковъ греческаго и латинскаго языковъ при С. С. Уваровѣ и по его системѣ: латинскому языку во всѣхъ петербургскихъ гимназіяхъ (если не ошибаемся, кромѣ 3-й) начинали учить съ III-го класса, а греческому—съ IV-го класса; въ высшихъ классахъ maximum доходилъ до 5 уроковъ изъ латинскаго языка и 4 изъ греческаго. Обученіе греческому языку было предоставлено въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ на волю учащихся, если (какъ въ Ларинской гимназіи) они желаютъ вмѣсто греческаго заниматься англійскимъ языкомъ; но первое обставлено было такими выгодными условіями, что греческому обучались почти всѣ. Что же намъ сказать послѣ этого о таблицѣ, со-

Digitized by Google

ставленной въ „Моск. Вѣдом.“, гдѣ въ I классѣ помѣщено 6 уроковъ латинскаго языка, и столько же во всѣхъ остальныхъ, и все это представлено, какъ общая норма? Относительно младшихъ классовъ нельзя даже помножить на 3 или 4.

Мы выразили еще желаніе возвратиться къ Уваровскому времени, разумѣется, mutatis mutandis, измѣнивъ въ томъ порядкѣ все, что требовалось бы по новымъ успѣхамъ средняго образованія въ западной Европѣ, напримѣръ, въ послѣдніе дни во Франціи, и лѣтъ 20 тому назадъ въ Германіи. На это „Моск. Вѣдом.“ дѣлаютъ намъ такую реплику: „Они (т.-е. мы) желаютъ возвратиться къ тому блаженному для нихъ времени (т.-е. Уваровскому), когда изъ VII класса гимназіи выходили тѣ невѣжественные верхогляды, которые были печальнымъ выраженіемъ нашего умственнаго банкрутства“. Да вѣдь въ такомъ случаѣ самъ г. Катковъ и все современное ему поколѣніе, среди котораго мы насчитываемъ множество почтенныхъ именъ, какими еще не украсилась система гр. Толстого, должны быть приняты за печальное выраженіе нашего умственнаго банкротства; г. Катковъ имѣетъ право быть безжалостнымъ къ самому себѣ, но ему никто не уступитъ многихъ изъ почтенныхъ его современниковъ, добывшихъ себѣ доброе имя въ литературѣ, въ наукѣ, несмотря на то, что они вышли, по среднему образованію, изъ „блаженнаго времени“.

Особенно досаждаетъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ тотъ указанный нами фактъ, что не гр. Толстой, а С. С. Уваровъ первый ввелъ классическую систему *въ Россіи*. Чтобы удержать славу за гр. Толстымъ и отнять ее у С. С. Уварова, они прибѣгаютъ къ изумительной гимнастикѣ мысли и подстановкѣ словъ у противника. „Классическая система не *изобрѣтена* (да кто же говорилъ объ изобрѣтеніи? — рѣчь шла о *введеніи* классицизма въ *Россіи*) ни графомъ Уваровымъ, ни А. В. Головнинымъ, ни графомъ Толстымъ. Но такъ какъ система графа Уварова была не настоящая, а система Головнина—„подложная“, то „графу Толстому всецѣло принадлежитъ честь *насажденія* у насъ, хотя и въ весьма скромныхъ (!!) размѣрахъ, того настоящаго, не фальшиваго классицизма, который такъ высоко поднялъ умственный и научный уровень западной Европы“. На всѣ эти забавныя ухищренія и игру словъ, при помощи которой доказывается очевидный абсурдъ, съ явнымъ нарушеніемъ исторической правды, мы можемъ отвѣчать „Московскимъ Вѣдомостямъ“, что все-таки, и по ихъ выраженію различіе между Уваровымъ и гр. Толстымъ значительное: первый былъ занятъ „введеніемъ“ классицизма въ Россіи, а второй — „насажденіемъ“; противъ этого „насажденія“, имѣвшаго одни декоративныя свойства и преслѣдовавшаго цѣли, совершенно чуждыя школѣ — мы всегда и возставали.

Digitized by Google

Всѣ свои измышленія „Московскія Вѣдомости“ заключаютъ болѣе чѣмъ патетическимъ восклицаніемъ, по нашему адрессу: „И эти господа требуютъ (?!), чтобы новый министръ „соображался“ (кавычки въ текстѣ) съ ихъ показаніями и сужденіями!“ Мы затрудняемся назвать эту недостойную выходку настоящимъ ея именемъ. Напрасно „Моск. Вѣд.“ переносятъ на другихъ то, чѣмъ онѣ сами отличались въ послѣднія 15 лѣтъ, а именно „требованіе“, чтобы всѣ соображались съ ихъ показаніями и сужденіями. Если мы стоимъ всегда на сторонѣ тѣхъ, которые отстаиваютъ свободу печати, то съ другой стороны мы, тѣмъ не менѣе, признаёмъ необходимость свободы государственныхъ людей отъ печати; печальный примѣръ такого подчиненія газетѣ мы пережили слишкомъ недавно, чтобы его забыть, да еще дѣлать „требованія“, чтобы сообразовались съ нашими показаніями и сужденіями. Мы желаемъ для печати свободы „показывать и судить“; требовать, чтобы соображались съ нами, можетъ только тотъ, кто считаетъ себя безошибочнымъ; это — не наша слабость.

Digitized by Google

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 іюля, 1880.

Германія, обозрѣваемая съ птичьяго полета.

Заглавіе, какое я даю этому письму, звучитъ нѣсколько странно, такъ какъ вы и ваши читатели и сами видите Германію съ птичьяго полета, то-есть вообще издали, и желаете имѣть отчетъ о здѣшнемъ положеніи дѣлъ и о здѣшнихъ событіяхъ не изъ дали, а изъ самой непосредственной близи. Но не въ томъ дѣло. Я изъ году въ годъ живу въ Берлинѣ, и вижу вещи бо́льшею частью вблизи и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ на этотъ разъ, вижу ихъ издали и благодаря этому обстоятельству взглядъ мой, замѣтнымъ образомъ для меня самого, сталъ нѣсколько шире и свободнѣе, чѣмъ тогда, когда я смотрѣлъ на вещи и людей, описываемыхъ мною, изъ непосредственной близи. Продолжительная утомительная сессія нынѣшняго года вызвала во всякомъ, кто только можетъ себѣ это дозволить, страстное желаніе отдохнуть и разсѣяться, и я тоже не могъ передъ нимъ устоять. И даже какъ разъ послѣднія событія подѣйствовали на меня, говоря умѣреннымъ языкомъ, до того мучительно, что я едва могъ дождаться минуты, когда закрылся ландтагъ, чтобы хотя на нѣсколько недѣль перемѣнить мѣсто и подышать инымъ воздухомъ.

Я уже въ прежніе годы исходилъ Альпы во всѣхъ направленіяхъ, и когда былъ еще моложе, то пѣшкомъ взбирался на многія вершины, въ область вѣчнаго снѣга и глетчеровъ. О послѣднихъ больше говорятъ, нежели дѣйствительно любуются этими чудесами природы. Огромное большинство путешествующихъ по Альпамъ придерживаются собственно подошвы высокихъ горъ и даже тамъ, гдѣ чрезвычайно облегчены пути сообщенія, они не рискуютъ забраться дальше невинныхъ или такъ-называемыхъ дамскихъ глетчеровъ и вообще смотрятъ на горы больше снизу, чѣмъ сверху. Число настоящихъ горныхъ пѣшеходовъ весьма, сравнительно, ничтожно, а между тѣмъ только тотъ, кто дѣйствительно взбирался пѣшкомъ на высокія горы, имѣетъ настоящее понятіе объ ихъ красотѣ и величіи: замѣчательно въ горахъ именно то, что нужно на нихъ взлѣзть для того, чтобы получить настоящее понятіе объ ихъ громадности. Глядя на Альпы на нѣкоторомъ разстояніи, нельзя отдать себѣ вѣрнаго отчета въ ихъ громадѣ, и потому-то живопись не можетъ дать понятія о горахъ. Я, напримѣръ, только-что видѣлъ въ Нёвшательскомъ музеѣ знаме-

Digitized by Google

нитый альпійскій пейзажъ Monte-Rosa Калама, и сознаюсь, что все, что̀ доступно живописцу, здѣсь передано: эффекты освѣщенія, крутые утесы, дикіе, озаренные густымъ, багровымъ Alpenglühen глетчеры, но фантазія не въ силахъ хоть сколько-нибудь воспроизвести въ картинѣ необъятность размѣровъ, существующихъ въ природѣ.

Въ числѣ націй, карабкающихся по горамъ, русская представлена всего слабѣе, по крайней мѣрѣ на Альпахъ; но уроженцы ея въ такомъ большомъ числѣ притекаютъ къ нимъ, что должны во всякомъ случаѣ уносить впечатлѣніе о непреходящей красотѣ этихъ горъ, притягательная сила которыхъ дѣйствуетъ какъ на Старый, такъ и на Новый Свѣтъ. Когда часто посѣщаешь Альпы, то всякій разъ находишь новыя тѣни и новыя группы, и такъ и тянетъ познакомиться съ ними ближе и ближе. Тѣ, кто подъѣзжаетъ къ Альпамъ съ нѣмецкой стороны, попадаютъ въ Бернскій Оберландъ и знакомятся прежде всего съ Бернскими Альпами, которыя, разумѣется, не уступаютъ никакой другой группѣ въ красотѣ и величіи. Кто взберется на нихъ, тотъ увидитъ вдали съ одной стороны громаду Монблана, а съ другой—Монте-Розу и Альпы Бернинской цѣпи; а когда попадешь на ихъ вершину или на южный скатъ этихъ горъ, то снова увидишь громадныя цѣпи горъ, съ высочайшими вершинами и въ ихъ числѣ горы Дофинэ, до сихъ поръ еще мало привлекающія туристовъ. Эти послѣднія давно уже составляли цѣль моихъ стремленій, и хотя я уже не испытывалъ больше желанія карабкаться на ихъ вершины, но прежній опытъ позволялъ мнѣ сравнивать ихъ съ тѣмъ, что̀ я видѣлъ прежде, и я познакомился съ новой страной и новыми отношеніями. Тотъ, кто рѣшится оставить большія линіи сообщеній, обозначаемыя обыкновенно на картахъ толстою чертою, и возьметъ въ сторону, тотъ всегда найдетъ больше природы и больше настоящей жизни. Можно, напримѣръ, гораздо интереснѣе и занимательнѣе проѣхать въ Женеву, если отправиться по Рейну и затѣмъ черезъ Эльзасъ и ту часть Франціи, которая соприкасается съ Швейцаріей, пробраться черезъ ущелья и проходы Юры, сначала въ Нёвшатель, и затѣмъ въ Женеву. Я уже нѣсколько лѣтъ какъ не видѣлъ Страсбурга. Когда я его видѣлъ,—это было вслѣдъ за завоеваніемъ,—большая часть города лежала въ развалинахъ, и не было почти дома, который бы не носилъ слѣдовъ бомбардировки. Конечно, люди со всѣмъ свыкаются и, несмотря на развалины, Страсбургъ совсѣмъ не имѣлъ печальнаго или убитаго вида. Напротивъ того, въ него прибыло нѣсколько тысячъ туристовъ по Рейну, желавшихъ осмотрѣть крѣпость, бывшую до тѣхъ поръ французскою. Въ настоящее время всѣ поврежденія исправлены и такъ какъ укрѣпленія отнесены гораздо дальше, то городъ кажется гораздо просторнѣе. На

Digitized by Google

улицахъ снуетъ много народу и проходитъ неизбѣжная желѣзноконная дорога, а такъ какъ въ Страсбургѣ нѣмецкій элементъ гораздо сильнѣе представленъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, то и натянутость отношеній между приверженцами прежняго порядка и теперешняго не столь замѣтна, какъ, напримѣръ, въ Метцѣ и въ маленькихъ городкахъ. Уже въ Мюльгаузенѣ французскій элементъ господствуетъ вмѣстѣ съ французскимъ языкомъ, хотя оффиціально поддерживается равенство между обоими языками съ комической, порою, точностью. Деньги и счетъ также господствуютъ въ перемежку французскія съ нѣмецкими. Изъ Мюльгаузена дорога ведетъ прямо въ Ліонъ, черезъ Бельфоръ, и послѣдній лежитъ такъ близко, что ничего не стоитъ сдѣлать небольшой крюкъ, чтобы посмотрѣть на французскую крѣпость, столь храбро защищавшуюся въ 1870—71 г. и оттуда ѣхать въ Нёвшатель по той самой дорогѣ, по которой въ 1870 — 1871 г. армія Бурбаки перешла въ Швейцарію и которую нынѣ французы усѣяли небольшими фортами, чтобы устранить возможность вторженія со стороны Швейцаріи,—что не очень нравится швейцарцамъ, которые никакъ не рѣшаются ввести у себя систему искусственныхъ укрѣпленій, и единственнымъ образцомъ этого рода, если не ошибаюсь, служитъ у нихъ Luziensteig близъ Рагацы; да и то отличается больше живописностью своего положенія, чѣмъ военными достоинствами. Въ Женевѣ, всякій путешествующій по Швейцаріи, всегда съ удовольствіемъ проведетъ нѣсколько часовъ и даже дней. Городъ самый большой и оживленный во всей Швейцаріи, озеро красоты изумительной и все устроено для комфорта путешественниковъ. Здѣсь въ Женевѣ оканчивается путь тѣхъ, кто путешествуетъ съ Бедекеромъ въ рукахъ, если только онъ не отправляется въ Шамуни, между тѣмъ, какъ Рона, которая, какъ стрѣла несется изъ озера, ведетъ въ тѣ, болѣе извѣстныя для насъ, сѣверныхъ жителей, мѣстности, которыя одинаково славятся и природной красотой и историческимъ и современнымъ значеніемъ. Тамъ, гдѣ возвышается фортъ de l'Écluse, уже Цезарь сражался съ галлами, а въ недалеко лежащемъ отъ него „Aix-les-Bains“ римляне основали свою постоянную квартиру и остатки монументовъ и зданій еще свидѣтельствуютъ о величіи этого величайшаго изъ всѣхъ народовъ міра. Вездѣ, гдѣ они оставили свои слѣды, приходится удивляться не только тому, какъ они изумительно искусно выбирали стратегическіе пункты, но и тому, что они были далеко не такъ нечувствительны къ красотамъ природы, какъ о нихъ принято теперь говорить. Для насъ, сѣверянъ, немного жарковато лѣтомъ въ долинѣ, гдѣ лежитъ „Aix-les-Bains“, но врядъ ли можно найти другой болѣе красивый уголокъ, чѣмъ этотъ: великолѣпное озеро, по которому

Digitized by Google

теперь уже ходятъ пароходы, роскошная растительность и все же, сравнительно съ южной стороной Альпъ, не слишкомъ жаркій и не слишкомъ разслабляющій климатъ.

Нѣсколько часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ требуется, чтобы доѣхать черезъ Шамбери до Гренобля съ его чуднымъ мѣстоположеніемъ и укрѣпленіями, которыя видны уже издалека, и по мѣрѣ приближенія все живописнѣе выростаютъ на скатахъ горъ, подошва которыхъ омывается прелестной Изерой. Отсюда рукой подать до Большой Шартрёзы, знаменитаго монастыря, послужившаго прототипомъ многимъ другимъ, гдѣ, какъ монастырское правило, строго соблюдается уединеніе и безусловное молчаніе. Я до того не имѣлъ настоящаго понятія объ оригинальности этой Шартрёзы. Сами горы, въ которыхъ стоитъ монастырь, хотя и не очень высоки, не болѣе 6000 футъ, весьма оригинальны. Эту оригинальность придаетъ имъ необыкновенная форма горныхъ породъ и дикія ущелья, и одно, самое большое, ведетъ въ монастырь. Долгіе часы ѣдешь по этому ущелью, пока внезапно передъ глазами не откроется тихая, горная долина съ удивительнымъ, древнимъ лѣсомъ. Въ глубинѣ этой долины, окруженной крутыми стѣнами горъ, стоитъ монастырь, обширное зданіе, гдѣ васъ принимаютъ очень гостепріимно и гдѣ заключается много достопримѣчательнаго. Въ этихъ горахъ и по ту сторону Гренобля прекращается желѣзнодорожное сообщеніе, и кто хочетъ ѣхать въ Италію не черезъ Монъ-Сени, а на югъ, тотъ долженъ довольствоваться жалкимъ дилижансомъ, или собственнымъ экипажемъ, чтобы изъ Гренобля черезъ проходъ „Lautaret“ попасть въ живописную французскую, пограничную крѣпость Бріансонъ, защищающую проходъ черезъ Монъ-Женевръ въ Италію. Я не спеціалистъ по военному дѣлу, и едва-едва рѣшаюсь высказать свое сужденіе, но и здѣсь, мнѣ кажется, по части укрѣпленій пересолили. Во-первыхъ, французамъ нечего опасаться нападенія съ этой стороны, а во-вторыхъ, укрѣпленія Бріансона могутъ имѣть смыслъ только тогда, когда нападающая армія окажется громадной, чего опять едва ли возможно ждать съ этой стороны. Изъ Бріансона я отправился по Мон-Сенисской дорогѣ, которая въ этой мѣстности, а именно возлѣ Сузы, необыкновенно живописна. Оттуда я проѣхалъ въ Туринъ и назадъ въ Швейцарію; все одинъ, чтобы больше быть въ общеніи съ туземцами, нежели это бываетъ тогда, когда путешествуешь въ обществѣ и по большимъ дорогамъ, усѣяннымъ отелями, гдѣ найдешь все, что угодно, кромѣ страны, въ которой находишься.

Время было очень оживленное; во Франціи готовились къ великому національному празднеству 14 іюля; кромѣ того, изъ Парижа ежедневно приходили извѣстія о мѣрахъ правительства относительно

Digitized by Google

іезуитовъ и о сопротивленіи послѣднихъ, и я, спасаясь отъ культурной борьбы въ Германіи, попалъ изъ огня да въ полымя. Даже Женева, путемъ необыкновенно странной коалиціи: ультрамонтановъ, радикаловъ и евангелическихъ ортодоксовъ—пыталась провести мѣру отдѣленія церкви отъ государства и потерпѣла фіаско. Макіавелли написалъ нѣкогда исторію Флоренціи и въ ней, какъ въ микрокозмѣ, можно изучать все, что́ могутъ произвести въ мирѣ и въ войнѣ люди, партіи, государи и государства вообще, такъ какъ люди вездѣ одни и тѣ же, и дѣйствуютъ по тѣмъ же правиламъ,—такъ какъ вездѣ тѣ же страсти, руководящія ихъ поступками. Такимъ образомъ, въ Женевѣ можно было въ миніатюрѣ найти всѣ элементы, на которыхъ сложилась въ Германіи культурная борьба, которой, къ несчастію, суждено не скоро еще окончиться.

Вотъ объясненіе, почему я на этотъ разъ описываю нѣмецкія дѣла съ птичьяго полета. Потому что, какъ ни мимолетны впечатлѣнія путешествія, однако все окружающее совсѣмъ отличается отъ того, что́ я вижу дома; по неволѣ чувствуешь за-одно съ тѣми, съ кѣмъ говоришь, и у кого есть глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, тотъ невольно становится болѣе объективенъ, чѣмъ это бываетъ возможно въ пылу борьбы, въ которой онъ принимаетъ участіе. Мы увидимъ или, вѣрнѣе сказать, вы увидите, насколько эта объективность отразится на нижеслѣдующемъ.

Вы знаете, какъ окончилась сессія прусскаго ландтага: законъ, внесенный Бисмаркомъ или, вѣрнѣе сказать, Путткаммеромъ, искалѣченъ до неузнаваемости и отринуты какъ разъ тѣ условія его, о которыхъ друзья правительства говорили, что они наиважнѣйшія. Я не имѣю намѣренія дѣлать ретроспективный обзоръ этихъ преній, потому что они мало интересны и поучительны. Законъ, въ томъ видѣ, какъ его представилъ Бисмаркъ, былъ великимъ сюрпризомъ, въ особенности для тѣхъ, кто поддерживалъ политику Фалька и въ теченіи семи лѣтъ считалъ себя единомышленникомъ Бисмарка. Но этотъ сюрпризъ ничего собственно не разъяснилъ и удивительная игра партій опредѣлила форму, при которой увидѣлъ свѣтъ этотъ законъ, но еще никого собой не порадовалъ. Благодаря давленію свыше и стараніямъ консервативной и умѣренной партій, правительство не понесло окончательнаго пораженія и могло принять законъ. Не вполнѣ ясно, въ какомъ отношеніи стоялъ самъ Бисмаркъ къ закону. Правительство очень вяло отстаивало законъ и это подтверждаетъ мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, что Бисмаркъ измыслилъ его только вслѣдствіе желанія, выраженнаго свыше, какъ средство для окончанія культурной борьбы. Я не стану утверждать, что это мнѣніе вѣрно, но не стану доказывать и противнаго, тѣмъ болѣе,

Digitized by Google

что самъ Бисмаркъ хранилъ безусловное молчаніе и въ парламентскихъ кружкáхъ нѣтъ ни одного человѣка, которому было бы извѣстно истинное мнѣніе Бисмарка объ этомъ законѣ. Общее мнѣніе таково, что собраніе дѣйствовало какъ-бы въ потемкахъ и принимало чисто случайныя рѣшенія и лишь незначительнымъ и совершенно случайнымъ большинствомъ голосовъ. Что касается самаго закона, то первоначальной мыслью было предоставить Бисмарку безусловныя полномочія для переговоровъ съ куріей; но когда большинство увидѣло этотъ планъ, о которомъ знало раньше и не особенно тревожилось, осуществленнымъ въ видѣ закона, оно испугалось и не рѣшилось предоставить Бисмарку такихъ большихъ полномочій. Всего болѣе въ этомъ отношеніи повліяла статья 4-я, которою отставленные епископы снова призывались въ должность, такъ какъ она показалась всего опаснѣе для авторитета государства. Въ этомъ же смыслѣ высказывалось и общественное мнѣніе, и собраніе не могло бы исполнить волю правительства, не рискуя потерять много голосовъ на будущихъ выборахъ. Новаго въ этихъ преніяхъ не могло быть ничего сказано, а такъ какъ самъ Бисмаркъ въ нихъ не участвовалъ и предоставилъ слово Путткаммеру, который внушаетъ сильное недовѣріе своимъ церковнымъ настроеніемъ, то съ-разу стало видно, что законъ никакъ не будетъ соотвѣтствовать желаніямъ правительства.

Хуже всего пришлось тѣмъ, которые долгіе годы съ честнымъ убѣжденіемъ и безусловной преданностью поддерживали правительство.

Не слѣдуетъ забывать, что, несмотря на постоянныя оскорбленія, которыми осыпала прогрессивная партія умѣренныя либеральныя партіи, нѣмецкій парламентъ отличается честностью своихъ убѣжденій и безкорыстіемъ своихъ членовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Бисмаркъ стоитъ у кормила правленія, одна только свободно консервативная партія, образовавшаяся его именемъ, т.-е. съ тѣмъ, чтобы поддерживать его политическую программу, извлекла изъ этого положенія нѣкоторую выгоду. Члены этой партіи получили мѣста по дипломатической части и во внутреннемъ управленіи, и замѣчательно, что бóльшею частію это были люди, которые не особенно о томъ хлопотали, или вовсе въ этомъ не нуждались, люди очень богатые, гораздо скорѣе приносившіе жертву государству, поступая на службу, нежели имѣвшіе отъ того денежную выгоду. Въ первыя времена основанія германской имперіи неотступной идеей князя Бисмарка было привлечь на государственную службу такихъ людей, которые никогда до того не служили, и онъ считалъ большой для себя удачей, когда успѣлъ привлечь на службу молодого графа Штольберга, одного изъ богатѣйшихъ людей Германіи. Сама же партія сильно осла-

Digitized by Google

бѣла отъ такихъ кровопусканій и теперь, хотя и не уменьшилась по численности, но утратила свое политическое значеніе.

Но въ этомъ отношеніи характеристична роль національ-либеральной партіи. Я самъ не принадлежу къ ней и не разъ говорилъ объ ея недостаткахъ, но нельзя не сознаться, что она дѣйствуетъ вполнѣ безкорыстно, такъ какъ ни одинъ изъ ея членовъ не получилъ никакого мѣста. Это не бездѣлица, въ особенности въ рейхстагѣ, гдѣ депутатамъ не отпускается никакого вознагражденія, и при непомѣрно продолжительныхъ сессіяхъ, поглощающихъ массу времени. За границей недостаточно оцѣняютъ это обстоятельство и вообще дѣятельность нѣмецкаго парламента. Самые сильные упреки дѣлаютъ ему за его политику въ римскомъ вопросѣ.

Почти всѣ государства воображаютъ, что поступили бы въ этомъ дѣлѣ гораздо лучше Германіи. Но это сказать гораздо легче, чѣмъ сдѣлать. Германія была послѣднимъ завоеваніемъ римской церкви въ Европѣ. Опять въ Германіи же всего сильнѣе проявился тотъ духъ, который вызвалъ посредствомъ реформаціи великій расколъ въ церкви. Германія всегда была въ глазахъ папства настоящимъ очагомъ еретичества и папство всегда считало, что его господство не полно и не обезпечено до тѣхъ поръ, пока не распространится на всю Германію. Я потому и могу говорить совершенно откровенно, что говорю съ русскими читателями. Отсутствіе Россіи никогда не принималось такъ близко къ сердцу Римомъ, какъ отпаденіе Германіи. Но если бы Риму удалось снова привлечь къ себѣ Германію, то онъ немедленно простеръ бы свои жадныя руки на Востокъ; такъ какъ онъ никогда не отрекался отъ идеи всемірнаго господства. Къ счастію, въ настоящее время это—однѣ пустыя фантазіи, которыми не станетъ заниматься ни одинъ серьёзный государственный человѣкъ. Какъ бы то ни было, въ Германіи находится настоящее поле битвы римской церкви. Изъ всѣхъ современныхъ учрежденій — этого не слѣдуетъ забывать—древнѣйшее есть учрежденіе римскихъ первосвященниковъ. Ни одно изъ теперешнихъ государствъ, ни одна изъ современныхъ династій не восходитъ такъ далеко, какъ начало преемственной папской власти. Неподражаемая организація, удивительная мудрость, множество замѣчательныхъ людей сообщили этому учрежденію такую живучесть, что оно вынесло страшныя потрясенія и до сихъ поръ еще стоитъ крѣпко. Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ папство вступило въ борьбу съ Германіей и преимущественно съ Пруссіей; оно отложило въ сторону всѣ мѣньшія работы; оно допускаетъ въ католическихъ странахъ необычайныя вещи, увѣренное, что въ вѣчной борьбѣ человѣческаго духа между скептицизмомъ и вѣрой оно всегда одержитъ побѣду, лишь бы удалось вырвать корень зла въ самой

Digitized by Google

Германіи. Вы можете мнѣ замѣтить, что вслѣдъ за Лютеромъ являлись и другіе реформаторы; но ихъ дѣло почти повсемѣстно заглохло. Въ Англіи верхняя церковь явилась вслѣдствіе чисто-политической революціи и очень мало одушевлена истинно протестантскимъ духомъ, царившимъ или царящимъ и до сихъ поръ въ Германіи, въ Голландіи, въ Швейцаріи и въ нѣкоторой части Франціи. Я самъ имѣлъ случай во время своего небольшого путешествія наблюдать сущность этой борьбы въ такомъ мѣстѣ, гдѣ реформація возникла почти одновременно съ нѣмецкой и гдѣ протестантская церковь до сихъ поръ чувствуетъ себя сознательно въ глубокомъ антагонизмѣ съ папствомъ, какъ и въ Германіи, а именно въ Женевѣ. Тамошняя такъ-называемая культурная борьба возникла почти параллельно съ германской, и прошла почти тѣ же стадіи развитія, конечно, въ меньшемъ масштабѣ, такъ какъ тамъ дѣло шло о меньшемъ числѣ населенія, въ которомъ протестанты образовали большинство, и только объ одномъ епископѣ, извѣстномъ Мермильо. Клерикальная партія и Римъ были вполнѣ разбиты въ этой борьбѣ; епископъ Мермильо былъ смѣщенъ и прожилъ нѣсколько лѣтъ за предѣлами Швейцаріи; католическое духовенство, не желавшее подчиниться государственнымъ законамъ, не получаетъ никакого жалованья, и вся разница лишь въ томъ, что Риму и клерикальной легитимистской партіи во Франціи очень легко оплачивать ничтожныя издержки всего католическаго духовенства въ Женевскомъ кантонѣ, такъ что тамъ денежный вопросъ не имѣетъ никакого значенія для ультрамонтанской партіи. Побѣда была, слѣдовательно, на сторонѣ той партіи, которую здѣсь въ Германіи называютъ дружественной имперіи, и на этомъ, казалось, дѣло и должно было покончиться, какъ вдругъ произошла самая неожиданная коалиція между клерикальной и радикальной партіями, принесшая необыкновенный плодъ, а именно: проектъ объ отмѣнѣ бюджета вѣроисповѣданій или, говоря понятнѣе, полное отдѣленіе государства отъ церкви. Въ обширныхъ либеральныхъ кружкахъ эта идея стала, какъ извѣстно, догматомъ и при этомъ ссылаются обыкновенно на Америку, гдѣ государство нисколько не заботится о церкви, но сами обыватели платятъ за свои церковныя потребности, какъ платятъ булочникамъ, мясникамъ, аптекарямъ. Теоретически противъ этого ничего нельзя возразить, и я готовъ допустить, что радикальная партія въ Женевскомъ кантонѣ дѣйствовала совершенно добросовѣстно, когда заключила союзъ съ ультрамонтанами. Защитники теперешней системы могутъ возражать противъ теоріи только практическими соображеніями; практическія отношенія въ Швейцаріи, также какъ и въ другихъ мѣстахъ, представляютъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ эти стремленія. Церковь, содержимая государствомъ, допускаетъ въ своей средѣ,

Digitized by Google

благодаря весьма либеральному швейцарскому законодательству, самыя крупныя разногласія; она вовсе не заботится о тенденціяхъ и направленіи духовныхъ лицъ, какъ это, напримѣръ, снова развилось въ высшей степени въ Пруссіи, гдѣ гипер-ортодоксальное направленіе совсѣмъ почти вытѣснило съ каѳедры болѣе либеральное направленіе. Во всякомъ случаѣ, судя по тому, что я слышалъ отъ всѣхъ, съ кѣмъ мнѣ случалось говорить объ этомъ, и по безчисленнымъ газетнымъ статьямъ и брошюрамъ, экономному швейцарскому населенію будутъ въ большую тягость церковныя издержки. Католическая церковь, какъ уже выше сказано, не страдаетъ въ этомъ смыслѣ, потому что ничего не вынуждаетъ отъ своихъ прихожанъ, но пользуется добровольными дарами изъ Рима. Въ евангелической церкви Швейцаріи существуетъ нѣсколько диссидентскихъ общинъ, до сихъ поръ еще проникнутыхъ сильнымъ религіознымъ духомъ и поддерживаемыхъ очень богатымъ меньшинствомъ, и такимъ образомъ ихъ содержаніе не будетъ затруднительно. Но противники отдѣленія церкви отъ государства указываютъ на то, что въ этихъ общинахъ бѣдные находятся въ страшной зависимости отъ богатыхъ и это развиваетъ ханжество, такъ же какъ и въ Америкѣ. Противники отдѣленія церкви отъ государства одержали блистательную побѣду; ихъ большинство, относящееся приблизительно какъ 3 : 1, обезпечено на долгое время. Я еще возвращусь къ этому пункту въ концѣ письма, а теперь перейду къ нѣмецкимъ дѣламъ.

Ни для кого, сказалъ я, не было такъ затруднительно положеніе, созданное новымъ проектомъ правительства, какъ для тѣхъ именно, кто поддерживалъ послѣднее въ культурной борьбѣ. Несомнѣнный фактъ, что такъ-называемая культурная борьба возникла по иниціативѣ императора Вильгельма и князя Бисмарка. И только общая позабывчивость, служащая характернымъ признакомъ нашего времени, заслонила этотъ фактъ. Вскорѣ послѣ основанія германской имперіи Бисмарка побудилъ начать культурную борьбу законопроектъ ультрамонтанской партіи, которымъ хотѣли побудить Германію вступиться за свѣтское господство папы. Самъ императоръ въ личныхъ писаніяхъ энергически возставалъ противъ требованій католическихъ епископовъ; въ этомъ какъ разъ вопросѣ иниціатива шла отъ правительства, тогда какъ во всемъ остальномъ либеральномъ законодательствѣ послѣдняго десятилѣтія починъ принадлежалъ либеральнымъ партіямъ рейхстага и народнаго представительства, которые порою увлекали правительство за собою, вопреки его желанію. Бисмаркъ — теперь это общее мнѣніе, даже и тѣхъ людей, которые вполнѣ признаютъ заслуги, оказанныя имъ Германіи—относился ко всему этому съ дипломатической точки зрѣнія и при этомъ совсѣмъ

Digitized by Google

упустилъ изъ виду, что хотя дипломатъ можетъ всю свою жизнь дѣйствовать дипломатически, но этого не можетъ народное представительство. Народное представительство можетъ имѣть въ виду національныя цѣли; оно можетъ въ извѣстное время проявлять дипломатическія способности, подавлять національныя антипатіи, чтобы не помѣшать проведенію великой политики; но когда оно цѣлый десятокъ лѣтъ шло по извѣстному пути и когда оно все это время, при полной гласности, всѣми имѣющимися у него на лицо причинами оправдывало свой образъ дѣйствія, оно не можетъ вдругъ изъ чистаго разсчета обстоятельствъ принять противоположный образъ дѣйствія. А хуже всего то, что желаніе угодить хоть отчасти Бисмарку, добрыя намѣренія котораго признаются умѣренно-либеральными партіями, дѣйствуетъ унизительно. Съ тѣхъ поръ какъ мы находимся на нѣсколько покатой мѣстности, я почти въ каждомъ моемъ письмѣ указывалъ на то несчастное обстоятельство, что столкновеніе между народною жизнью, съ преобладающей властью монарха, и чистымъ конституціонализмомъ, какъ онъ существуетъ въ Англіи и въ Бельгіи, влечетъ за собою большія неудобства. Въ чисто конституціонныхъ государствахъ народъ самодержавенъ и мы еще недавно видѣли въ Англіи, какъ каждый тамъ склонился передъ удивительнымъ рѣшеніемъ народа, низвергнувшаго консервативнаго Биконсфильда и призвавшаго къ управленію либерально-радикальнаго Гладстона. Въ Женевѣ также тѣ, которые побѣдили 4-го іюня, склонились бы передъ народнымъ рѣшеніемъ, если бы оно шло имъ наперекоръ. Въ Германіи не то. Народъ не выражаетъ своего мнѣнія; онъ представляется большинствомъ, которое примкнуло къ правительству въ предпринятой имъ борьбѣ съ духовенствомъ, и это большинство какъ въ ландтагѣ, такъ и въ рейхстагѣ, все еще держится того направленія, какъ и прежде. Князю Бисмарку простятъ то, что онъ дѣйствуетъ какъ дипломатъ, но парламенту или его большинству не простятъ, что оно уступаетъ извѣстнымъ соображеніямъ; черезъ это ослабѣваетъ парламентскій авторитетъ, что въ свою очередь очень вредно для правительства, одержавшаго всѣ свои побѣды путемъ того же парламента, безъ котораго уже не можетъ обходиться.

Когда я лично оглядываюсь назадъ, на тотъ дальній промежутокъ времени, въ теченіи котораго я слѣдилъ за культурной борьбой и слышу со всѣхъ сторонъ о содѣянныхъ ошибкахъ и не только слышу, но и вижу, что этому вѣрить,—я долженъ бы спросить себя съ великимъ изумленіемъ: неужели дѣйствительно мы все это время дѣйствовали безъ всякаго разсудка? А между тѣмъ это вовсе не такъ! Съ самаго начала дѣло шло только о проведеніи нѣкоторыхъ границъ между прерогативами государства и церкви. Императоръ

Digitized by Google

Вильгельмъ и князь Бисмаркъ отнюдь не Діоклетіаны, не враги религіи, но они были и теперь склонны предоставить очень широкое поле дѣйствія даже католической церкви. Но римская іерархія не пошла ни на какія сдѣлки, а тотчасъ же открыла огонь по всей линіи, и за исключеніемъ немногихъ, весьма слабыхъ колебаній, постоянно оставалась вѣрна самой себѣ. Короче сказать: весь ходъ этой церковно-политической распри былъ необыкновенно печаленъ и унизителенъ. Чего хочетъ правительство съ своимъ искалѣченнымъ законопроектомъ—никому неизвѣстно. По всей вѣроятности, этимъ ничего не достигнется или достигнется весьма малое, потому что партія ультрамонтановъ и римская курія менѣе, чѣмъ когда-либо выказываютъ склонность къ какой бы то ни было уступкѣ. Горечь продолжительнаго, совершенно безплоднаго спора остается, всѣ въ недоумѣніи и сомнѣніи и никто даже и представить себѣ не можетъ, какъ можно выбраться изъ настоящаго положенія, а разсчитываетъ на случай, котораго даже вообразить себѣ нельзя.

А теперь я снова возвращусь къ тому пункту, когда я сказалъ, что на этотъ разъ будутъ судить о положеніи Германіи съ птичьяго полета. Хотя и мимолетно, но я обозрѣлъ три страны, которыя, конечно, уже были мнѣ знакомы и раньше и гдѣ политическая жизнь сложилась совершенно иначе, чѣмъ въ Германіи. Швейцарія съ давнихъ поръ уже республика, Франція стала ею недавно, а что касается Италіи, то, благодаря пьемонтско-савойской династіи, монархическая форма этой страны нисколько не похожа на нѣмецкую монархію. Я всю свою жизнь былъ убѣжденнымъ и горячимъ приверженцемъ монархической формы правленія и остался таковымъ и по сіе время. Я не стану перечислять здѣсь ея преимущества, такъ какъ они достаточно выяснены всѣми государственными теоретиками. Нигдѣ нельзя живѣе оцѣнить эти преимущества, какъ именно въ Пруссіи, обязанной своимъ величіемъ своимъ государямъ, въ особенности въ послѣднее время, послѣ великихъ войнъ, которыя съ такою славою велъ императоръ Вильгельмъ. Несмотря на то, никто не можетъ отрицать, что въ настоящее время во всемъ свѣтѣ господствуетъ сильное стремленіе къ республиканской правительственной формѣ; она господствуетъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, во Франціи, а монархіи въ Англіи и въ Бельгіи, не говоря уже о другихъ государствахъ, постепенно такъ разнежены конституціей, что переходъ къ республикѣ едва ли вызоветъ тамъ какія-либо потрясенія. Только въ восточной половинѣ нашего полушарія существуютъ крѣпко укоренившіяся монархіи. Я буду говорить только о прусской и параллельно о монархическихъ отношеніяхъ въ нѣмецкихъ государствахъ вообще, о послѣднихъ лишь мимоходомъ, такъ какъ въ

Digitized by Google

нихъ только въ слабой степени отражается то, что въ Пруссіи происходитъ въ большихъ размѣрахъ. Никогда монархія въ Пруссіи не была крѣпче, какъ послѣ послѣднихъ войнъ; можно сказать, что вмѣстѣ съ ними исчезли изъ умѣренныхъ кружковъ народныхъ послѣднія республиканскія поползновенія; онѣ остались развѣ у соціальдемократовъ, которые международнаго направленія. Если я здѣсь говорю о томъ, что въ образованныхъ классахъ раньше существовали республиканскія воззрѣнія, то это не должно служить имъ укоромъ, потому что извѣстное дѣло, что до 1848 г. и немного спустя, когда нѣмецкій народъ былъ исключенъ изъ практической жизни, именно въ ученой средѣ республиканскія учрежденія казались идеаломъ, къ которому нужно стремиться, или идеаломъ недостижимымъ, но все же идеаломъ. Только послѣ 1848 г., когда прекратилась отеческая опека и повѣяло свѣжимъ воздухомъ во всей странѣ, тогда ученые и писатели принялись изслѣдовать различныя государственныя формы и все бо́льшее и бо́льшее число людей стало признавать, что монархическая государственная форма представляетъ во всякомъ случаѣ массу преимуществъ, съ которыми никакія другія формы сравниться не могутъ. Извѣстно также, что уже во Франціи въ тридцатыхъ годахъ противники тогдашней монархіи постоянно утверждали, что конституціонная монархія представляетъ гораздо болѣе удобное орудіе для подавленія народа, чѣмъ абсолютная; что ограниченная монархія въ самомъ дѣлѣ, когда она умѣетъ справляться съ различными отношеніями, можетъ дѣлать все, что хочетъ. Совершенно также справедливо, что во Франціи одно время при Луи-Филиппѣ правительство было совершенно всемогуще и создало себѣ такую палату, которая почти не дѣлала ему никакихъ препятствій, что натурально имѣло послѣдствіемъ то, что эта палата не могла оказать ему никакого содѣйствія, когда позднѣе разразилась буря, низвергнувшая тронъ.

Весьма трудно бываетъ сказать, когда направленіе начинаетъ измѣняться; но я, быть можетъ, не ошибусь, если скажу, что нѣкоторая перемѣна наступила въ извѣстной части образованнаго общества, быть можетъ съ той поры, когда Франція мирнымъ путемъ устранила опасность государственнаго переворота, и что съ тѣхъ поръ на французскую республику стали смотрѣть какъ на учрежденіе болѣе достойное вниманія, чѣмъ было до тѣхъ поръ,—такъ какъ до того ее считали лишь временнымъ учрежденіемъ. Я никакъ не хочу вызвать подозрѣніе, что дѣлаю какъ-бы нѣкотораго рода доносъ на республиканское настроеніе нѣкоторыхъ лицъ, которыя выходятъ изъ себя, и чувствуютъ себя оскорбленными, если имъ кажется, что ихъ упрекаютъ въ невѣрности конституціи. Дѣло въ Германіи стало на прак-

Digitized by Google

тическую почву тѣмъ, что князь Гогенлоэ, который, какъ извѣстно, представляетъ здѣсь Бисмарка, упомянулъ въ одномъ обнародованномъ документѣ о хорошихъ республиканцахъ, къ числу которыхъ онъ причисляетъ и тѣхъ либераловъ, которые хотя и называютъ себя монархистами, но въ общемъ питаютъ республиканскія тенденціи. Я хочу сказать только слѣдующее: монархія основана не на одномъ только разумѣ и исторіи, но она есть также дѣло сердца, и когда монархическаго настроенія въ народѣ не существуетъ, то трудно, почти невозможно создать его. Тѣ либералы, которыхъ князь Гогенлоэ называетъ хорошими республиканцами, суть трезвые, разумные люди, способные такъ же хорошо оцѣнять преимущества монархіи, какъ и въ прежнія времена Монтескьё или въ новѣйшія Гнейстъ; но имъ, конечно, недостаетъ той жаркой преданности династіи, которая одна и составляетъ ея истинную крѣпость.

Сила прусской монархіи послѣ послѣдней войны опирается не на одни только военные успѣхи монархіи, но корни ея лежатъ въ томъ, что правительство придерживается либеральной политики, хотя, быть можетъ, ею и недовольны нетерпѣливые, которымъ все кажется, что мы идемъ недостаточно быстро впередъ. Время отъ 1867 по 1877 г. представляетъ одинъ изъ плодотворнѣйшихъ реформаторскихъ періодовъ, на какіе только можетъ указать исторія Пруссіи и Германіи. Въ это время дано практическое доказательство, что и при монархической формѣ правленія прогрессъ можетъ существовать.

Съ 1877 г. наступила нѣкоторая реакція, вызванная необыкновеннымъ ростомъ соціальной демократіи и усиленная печальнымъ покушеніемъ 1878 г. Либералы, какъ извѣстно, не одобряли уже и перваго исключительнаго закона противъ соціальной демократіи, и теперь еще не время рѣшать: правы они были или нѣтъ. Что законъ этотъ оказался дѣйствительнымъ, — это подтверждается нынѣ со всѣхъ сторонъ, потому что хотя нѣкоторые выборы, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ, и оказались въ ихъ пользу, но тѣмъ не менѣе ихъ организація разрушена и послѣ того, какъ исключительные законы потеряютъ даже свою силу, много времени потребуется, чтобы снова возстановить эту организацію.

Со всѣмъ тѣмъ не одни только происки соціаль-демократовъ вызвали реакцію, но нельзя также отрицать и того, что десятилѣтній періодъ почти непрерывнаго и сильнаго прогресса утомилъ массу народа. Люди склонны преувеличивать воспріимчивость народную, и такъ какъ обыкновенно ясно, что въ старыхъ законахъ есть много худыхъ сторонъ или по крайней мѣрѣ такихъ вещей, которыя нуждаются въ исправленіи, то у прогрессивныхъ элементовъ нѣтъ никогда недостатка въ доводахъ, чтобы требовать непрестаннаго про-

Digitized by Google

гресса, между тѣмъ какъ противная сторона ничего не умѣетъ противъ этого возразить. Но вотъ, мало-по-малу наступаетъ такой моментъ, когда обнаруживается, что масса народа не слѣдуетъ за прогрессистами, и что этой послѣдней недостаетъ жизненнаго интереса для дальнѣйшихъ цѣлей, которыя вожди прогресса имѣютъ постоянно въ виду,—и этого имъ нельзя поставить въ упрекъ. Вы знаете, какая громадная законодательная работа совершена была въ это время; а именно: преобразованіе всего юридическаго дѣла, потребовавшее громадной затраты парламентскихъ силъ; переворотъ въ ремесленной и коммерческой сферѣ и вообще громадный трудъ прогрессивнаго освобожденія отъ прежнихъ цѣпей. Само собой разумѣется, что въ подобныя эпохи всегда бываетъ недовольное меньшинство, находящее, что его интересы страдаютъ. Это меньшинство вынуждается къ молчанію силою фактовъ, но оно зорко слѣдитъ за той минутой, когда ему можно будетъ заявить о своемъ существованіи, и у него бываетъ обыкновенно весьма тонкое чутье на этотъ счетъ. Эта партія въ Германіи, въ особенности въ Пруссіи, была вовсе не ничтожна, и она выступила впередъ въ тотъ моментъ, какъ правительство подало первый знакъ перемѣны въ политическомъ направленіи и обнаружило необыкновенную дѣятельность. До того времени, какъ министры Фалькъ и Фриденталь вышли въ отставку, можно было все еще сомнѣваться: имѣемъ ли мы дѣло съ настоящей реакціей, или лишь съ перемѣной въ политикѣ, которая должна пріостановить на время прогрессивную работу? Но въ политической жизни, также какъ и въ частной, нельзя удержаться на покатой плоскости.

Съ 1867 г. огромное большинство въ Пруссіи и даже въ совѣтахъ короля было либерально, даже либеральнѣе, чѣмъ оно воображало. Отъ этого увлеченія никто не могъ удержаться, даже реакціонеры были тогда либеральнѣе, чѣмъ теперь.

Послѣ отставки Фалька и Фриденталя, настоящій отпечатокъ реакціи сообщило положенію дѣлъ назначеніе Путткаммера: во всѣ времена бывало несомнѣннымъ признакомъ реакціи, когда свыше дѣлались попытки сильнѣе удержать въ народѣ религіозный духъ. Я не могу входить здѣсь въ подробности и уже раньше сообщалъ о томъ, что́ сдѣлалъ Путткаммеръ. Я скажу только, что послѣднее соглашеніе съ Римомъ, предпринятое по иниціативѣ Путткаммера, въ сильной степени усилило недовольство либераловъ и ровно ни къ чему не приведетъ, если только Бисмаркъ какимъ-нибудь искуснымъ ходомъ не извлечетъ изъ закона неожидаемой пользы. Пренія по этому закону имѣли еще то пагубное вліяніе, что національ-либеральная партія раскололась на-двое: одна половина была за законъ,

Digitized by Google

другая противъ него. Внѣшнимъ образомъ партія еще не распалась, но это одинъ обманъ глазъ; внутренняя сила потеряна, и нуженъ сильный переворотъ, чтобы вызвать новыя комбинаціи партій, послѣ того какъ распалась многочисленнѣйшая и сильнѣйшая изъ нихъ. Это очевидное для всѣхъ распаденіе вызываетъ, естественно, большія надежды въ двухъ крайнихъ партіяхъ. Консерваторы увѣряютъ, что консервативный духъ все еще силенъ въ странѣ; напротивъ того, прогрессивная партія увѣряетъ, что всѣ шансы теперь на ея сторонѣ и что она образуетъ ядро новой, большой либеральной партіи, которая въ своей политикѣ будетъ чужда той слабости, какую національ-либеральная партія оказывала относительно правительства. Въ послѣдніе мѣсяцы происходили выборы, на которыхъ прогрессивная партія одержала рядъ блистательныхъ побѣдъ, что какъ будто говоритъ за основательность ея надеждъ, хотя и крайніе консерваторы все еще очень сильны. Несмотря на то, я считаю крайне рискованнымъ уже теперь считать побѣду за прогрессивной партіей, такъ какъ недовольство либеральнымъ законодательствомъ все еще очень сильно. Введеніе самоуправленія требуетъ отъ сельскаго населенія большихъ денежныхъ и личныхъ жертвъ и въ селахъ страстно желаютъ возвращенія къ старому порядку, хотя новый несомнѣнно либеральнѣе. Еще хуже стоитъ дѣло, какъ я это уже и говорилъ, относительно судебнаго законодательства, которое есть безспорное созданіе либерализма. Во главѣ либеральнаго и преимущественно прогрессивнаго движенія со времени 1848 года въ Германіи и въ особенности въ Пруссіи всегда стоялъ юристъ; на десять либеральныхъ юристовъ приходился, я думаю, только одинъ консервативный, и вѣрнымъ признакомъ либеральной палаты всегда бывало преобладаніе въ ней юристовъ, между тѣмъ какъ реакція выражалась преобладаніемъ чиновниковъ и въ особенности ландратовъ. Это юридическое законодательство есть собственное дѣло ученаго юридическаго сословія въ Германіи. Естественно, рейхстагъ также принималъ въ немъ участіе, но въ сущности оно было предоставлено спеціалистамъ и эти послѣдніе настойчивымъ трудомъ создали дѣло, которое, какъ они полагали, представляетъ сумму юридическаго сознанія и юридическаго знанія въ современной Германіи. Этотъ фактъ дѣйствуетъ инстинктивно, и избиратель, которому приходится платить судебныя издержки, впятеро превышающія сумму иска, является противникомъ депутата, т.-е. очень хорошо сознаетъ, что этотъ послѣдній несетъ на себѣ часть вины въ неудобномъ для него положеніи дѣлъ. Я отнюдь не хочу бросить камня въ это законодательство или же примѣнить къ нему слово, которое нѣкогда Савиньи сказалъ о своемъ времени: что оно не имѣетъ никакого призванія

Digitized by Google

къ законодательству; я знаю именно изъ самой практики, какъ относится народъ къ этимъ явленіямъ,—народъ, который судитъ не столько по теоретическимъ теоріямъ, сколько согласно своимъ практическимъ потребностямъ.

Благопріятнымъ шансомъ для либерализма является положеніе экономической реформы и налоговъ. Великая система, установленная Бисмаркомъ и состоящая въ томъ, чтобы нѣкоторые большіе, косвенные налоги покрывали большинство государственныхъ потребностей и чрезъ это достигалось значительное облегченіе прямыхъ налоговъ (что должно особенно быть выгоднымъ для низшихъ классовъ), введена еще на половину, но облегченія еще не воспослѣдовало, хотя и введено пропасть новыхъ налоговъ. Это облегченіе,—говоритъ правительство и его защитники,—можетъ наступить только тогда, когда полное введеніе новой системы налоговъ дастъ къ тому средства; и само по себѣ можетъ быть это и справедливо; но тѣ, которые въ настоящее время должны платить 25 пфенниговъ за керосинъ, тогда какъ прежде платили только 20, хотя прямые налоги имъ и не сбавлены на 5 пфенниговъ, никакъ не признаютъ этихъ резоновъ. Помогли ли уже охранительныя пошлины промысламъ—сомнительно; дружественные правительству голоса не устаютъ это утверждать; съ другой стороны заявляютъ, что хотя кое-гдѣ замѣтно нѣкоторое улучшеніе, но что оно произошло бы само собой, безъ всякой перемѣны въ политикѣ, такъ какъ то же самое замѣчается въ Америкѣ, во Франціи и въ Англіи. Мнѣ кажется вѣрно пока одно, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности дѣйствительно произошло улучшеніе, но, съ другой стороны, все еще недостаетъ настоящаго благосостоянія.

На стараго Гизо когда-то очень разсердились и совершенно основательно за то, что онъ совѣтовалъ либеральной оппозиціи поменьше заниматься политикой, но воспользоваться временемъ для того, чтобы обогатиться. Enrichissez-vous! Слово звучитъ очень скверно, въ особенности если припомнить испорченность того времени, когда оно было сказано; но французы отлично его поняли; при Людовикѣ-Филиппѣ, какъ и при Наполеонѣ, они дѣйствительно обогатились, какъ нація, и теперь при республикѣ продолжаютъ то же дѣло. Я хорошо знаю, какъ необыкновенно щедро одарена Франція природой и какія сокровища ума и трудолюбія заключаются въ духѣ французскаго народа. Но вѣдь всѣ эти элементы существуютъ и въ Германіи, а между тѣмъ мнѣ сдается, что мирное время употребляется совсѣмъ не для національнаго обогащенія, а для нескончаемыхъ политическихъ раздоровъ, значеніе которыхъ, какъ это всегда бываетъ, сильно преувеличивается ихъ участниками и которые ослабляютъ охоту къ работѣ для умноженія личнаго и національнаго благо-

Digitized by Google

состоянія. Правительство съ самой первой минуты, по окончаніи войны, старалось о томъ—и, думаю, старается и теперь—чтобы у него были подъ руками необходимыя средства на случай недостатка хлѣба; реформа по налогамъ, быть можетъ, главнымъ образомъ вызвана такимъ соображеніемъ. Самъ же народъ въ цѣломъ врядъ ли воспользовался этимъ временемъ съ этою цѣлью, и хотя необходимо быть очень осторожнымъ въ своихъ сужденіяхъ на этотъ счетъ, но я думаю, что въ случаѣ новой войны благосостояніе народное окажется не столько развитымъ, сколько бы этого можно было ожидать послѣ десятилѣтняго непрерывнаго мира. Нѣмецкая нація всегда полагала, что она менѣе чѣмъ всякая другая способна ослѣпляться удачей; однако послѣ 1871 года обнаружилось иное, какъ это доказалъ продолжительный періодъ спекуляцій, произведшій страшныя опустошенія и дѣйствія котораго отзываются до сихъ поръ. Къ грѣхамъ тогдашняго времени причастны и другіе народы, и даже развращающее вліяніе перешло въ Германію изъ Австріи; но нѣмецкій народъ все же нельзя не признать виновнымъ въ томъ, что онъ преувеличилъ успѣхи 1870 и 1871 гг. и поступилъ почти такъ же, какъ поступали его предки двѣ тысячи лѣтъ назадъ, и послѣ битвы и побѣды растянулся на медвѣжьей шкурѣ; между тѣмъ какъ правительству надо отдать справедливость, что оно не заразилось этой безпечностью, и не упускало изъ виду серьёзности положенія и возможностей будущаго.

Прихожу къ заключенію моихъ соображеній и долженъ вкратцѣ указать еще на слѣдующіе пункты. Ошибка либеральной партіи очевидна, и будущее зависитъ отъ того, окажетъ ли такую же точно безпечность и крайняя консервативная партія. Читая ея органы, напр. „Крестовую газету“, приходишь въ изумленіе, видя, что со времени 1848 г. она ничему не научилась и ничего не позабыла. Передовыя статьи этой газеты могли бы быть написаны Герлахомъ или Шталемъ, и теоріи реставраціи развиваются въ нихъ съ анахроническою откровенностью, такъ что можно спросить себя, не проспали ли эти господа послѣднія тридцать лѣтъ, или же они въ самомъ дѣлѣ считаютъ возможнымъ снова вернуть въ Германіи и въ Пруссіи тотъ порядокъ дѣлъ, какой въ нихъ существовалъ до 1848 г. Они хлопочутъ именно объ этомъ, ни болѣе, ни менѣе. Никто не можетъ заглянуть въ отдаленное будущее, но каждый внимательный и безпристрастный наблюдатель долженъ видѣть, что ближайшее и вѣроятно весьма продолжительное будущее государствъ принадлежитъ конституціонному и парламентскому принципу. Это—та форма, въ которой политическая жизнь націй въ нашемъ столѣтіи находитъ наилучшее выраженіе, и тотъ государственный человѣкъ, который захочетъ отвести назадъ государство, уже достигшее въ этомъ отно-

Digitized by Google

шеніи извѣстной ступени, приметъ на себя тяжкую отвѣтственность передъ исторіей. Что монархія совмѣстима съ такой формой—это уже доказала исторія послѣдняго столѣтія и именно въ Англіи; и бельгійскія празднества даютъ новое блистательное доказательство, что монархія прекрасно уживается съ свободнымъ развитіемъ народа. Необыкновенно счастливая исторія показываетъ намъ, что со времени 1848 г. ни разу конституція не была нарушена. Я не думаю, чтобы теперешнимъ реакціонерамъ удалось нарушить конституцію. Дважды уже конституція выдерживала страшныя бури и вышла изъ нихъ, какъ знамя, пробитое во многихъ бояхъ. Впервые это было въ пятидесятыхъ годахъ, когда ей приходилось выдержать тяжкое испытаніе, а второй разъ во время столкновенія пятидесятыхъ годовъ, и самъ Бисмаркъ, съ присущей ему откровенностью, сознавался, что послѣ побѣды 1866 года онъ былъ въ сомнѣніи: не потребовать ли ему, воспользовавшись обаяніемъ королевской власти, вмѣсто вознагражденія отъ палатъ, измѣненія конституціи въ такомъ смыслѣ, чтобы королевской власти данъ былъ абсолютный перевѣсъ. Можно съ увѣренностью сказать, что Пруссія никогда бы не выполнила ту миссію, какая выпала ей на долю съ 1868 по 1871 г., если бы въ ея конституцію хоть разъ сдѣлано было бы роковое вторженіе абсолютизма. Можно сказать, что Австрія давно не выдержала бы, если бы конституція въ ней не была утверждена такъ незыблемо, какъ скала, и если бы утратилось довѣріе къ неизмѣнности коренныхъ законовъ. Какъ ни бранили конституцію либералы въ пятидесятыхъ годахъ и какъ ни увѣряли они, что усиліями реакціонеровъ она превращена въ безполезный кусокъ бумаги, но конституція какъ разъ въ послѣднее время показала, что эти обвиненія были совершенно неосновательны, такъ какъ либералы сами высоко цѣнили эту конституцію и прикрывались ею, какъ палладіумомъ. Точно такъ и ультрамонтаны ссылались на конституцію въ своей борьбѣ, и возможность ограничить ихъ права была достигнута только тѣмъ, что параграфы этой конституціи были примѣнены, съ согласія—не забывайте этого—большинства ландтага. Тридцати-двухлѣтняя парламентская исторія нѣмецкаго народа вполнѣ почетна и ея значеніе не достаточно цѣнится, о чемъ нельзя не сожалѣть глубоко съ національной точки зрѣнія. Кромѣ силъ, притянутыхъ къ парламентской жизни изъ чиновничьяго мира, въ послѣднее время и умственныя силы народа также участвовали въ парламентской работѣ и никакъ нельзя сказать, что эта работа осталась безплодной. Въ послѣднее время или, вѣрнѣе сказать, уже съ нѣкоторыхъ поръ вошло въ моду утверждать, что парламентскія пренія вообще не имѣли уже никакого дѣйствія и что каждый вотировалъ такъ, какъ ему приказывала его партія, что

Digitized by Google

рѣшенія впередъ уже бывали составлены. Это неправда и очень вредная неправда. Разумѣется, весьма рѣдко бываетъ, чтобы въ самый послѣдній рѣшительный моментъ, какой-нибудь человѣкъ могъ своими аргументами, своимъ ораторскимъ талантомъ переубѣдить большинство и заставить его принять другое рѣшеніе. Рѣшенія бо́льшею частью дѣйствительно заранѣе составляются большинствомъ, но послѣ предварительной работы, а вовсе не такъ, какъ утверждаетъ пресса для красоты слога, что собраніе соберется безъ всякаго приготовленія да возьметъ и вотируетъ то или другое рѣшеніе, которое, конечно, при такихъ условіяхъ, могло бы быть иногда и геніально, но также и пагубно.

Такимъ образомъ надо все покрыть мракомъ неизвѣстности, и если не произойдетъ какое-нибудь неожиданное событіе, то мы не выйдемъ изъ этого положенія до тѣхъ поръ, пока не состоятся выборы, что́ произойдетъ въ будущемъ году. Враждебность центра по всей вѣроятности не уляжется за это время, и хочетъ или не хочетъ того правительство, будетъ ли оно уступчивымъ или же захочетъ перещеголять въ реакціи самого Путткаммера,—а до тѣхъ поръ, пока римская курія придерживается счастливой идеи—ни идти ни на какіе компромиссы, ни требовать, чтобы ей дано было все или ничего,—до тѣхъ поръ можно надѣяться, что нѣмецкая свобода и нѣмецкое развитіе не подвергнутся никакой серьёзной опасности отъ теперешняго реакціоннаго направленія.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 іюля, 1880.

Дебютъ кабинета Гладстона.

Дебютъ этотъ былъ не блестящій и всѣ ожидали бо́льшаго отъ новаго диктатора, ставшаго у дѣлъ во главѣ почти 400 приверженцевъ въ палатѣ, насчитывающей 656 членовъ. Подумайте! бороться цѣлыхъ шесть долгихъ лѣтъ, бороться съ ожесточеніемъ, съ яростью, цѣпляясь за соломенку—и вдругъ въ одинъ прекрасный день восторжествовать въ такой моментъ, когда этого всего менѣе ожидалъ и благодаря слѣпой удачѣ! Новичокъ былъ бы оглушенъ, парализированъ, безъ сомнѣнія, но такой старый служака, какъ Гладстонъ, не легко

Digitized by Google

смущается, и публика ожидала, что онъ молодцоватѣе чѣмъ когда-либо выступитъ во главѣ своего блистательнаго большинства.

Для насъ, изучившихъ этого человѣка основательно и знакомыхъ съ закулисной стороной дѣла, оно представлялось не столь очевиднымъ.

Напримѣръ, по поводу иностранной политики, приведя въ моемъ послѣднемъ письмѣ рѣзкія слова знаменитаго либеральнаго *leader* объ Австріи: „нѣтъ ни одного пункта на картѣ, на который вы могли бы указать, говоря: — здѣсь Австрія сдѣлала добро", я прибавилъ: „навѣрное между новымъ кабинетомъ и австро-венгерскимъ монархомъ произойдетъ охлажденіе; но пусть послѣдній не безпокоится: цѣлая бездна отдѣляетъ Гладстона-кандидата отъ Гладстона-министра".

Я не думалъ, что окажусь такимъ вѣрнымъ пророкомъ,—по крайней мѣрѣ не ожидалъ, что пророчество мое такъ скоро сбудется. Не успѣлъ организоваться кабинетъ, какъ графъ Карольи, австрійскій посланникъ въ Лондонѣ, явился къ первому министру королевы Викторіи и сказалъ ему приблизительно слѣдующее: „во время вашей знаменитой и нескончаемой избирательной кампаніи въ Мидлотіанѣ, вы произнесли оскорбительныя и лживыя слова о государѣ, моемъ повелителѣ, и о націи, имъ управляемой, которыя я приглашаю васъ взять назадъ какъ можно скорѣе". Само собой разумѣется, что я не присутствовалъ при свиданіи и не утверждаю, что таковы подлинныя выраженія графа Карольи, но что смыслъ его рѣчи былъ таковъ, это явствуетъ изъ отвѣта Гладстона, напечатаннаго въ формѣ письма 4 прошлаго мая:

„Ваше превосходительство были такъ добры увѣрить меня, что ваше правительство не имѣетъ ни малѣйшаго желанія расширить права, пріобрѣтенныя въ силу берлинскаго трактата, и что такого рода расширеніе правъ было бы въ настоящее время противно интересамъ Австро-Венгріи. Позвольте мнѣ прежде всего объявить, что если бы мнѣ было дано удостовѣреніе такого рода, какъ то, которое я выслушалъ отъ вашего превосходительства, то я бы никогда не произнесъ словъ, которыя ваше превосходительство *основательно* считаете непріятными и оскорбительными".

И это уже достаточно унизительно, но этого показалось мало, и нашли нужнымъ присовокупить слѣдующее:

„Я полагаю, что объясненіе, даваемое мною вамъ, должно получить не меньшую гласность, чѣмъ рѣчь, послужившая къ нему поводомъ, и что касается формы, въ которую должна быть облечена эта гласность, то я вполнѣ полагаюсь на *доброту* вашего превосходительства. Мнѣ остается только поблагодарить ваше превосходитель-

Digitized by Google

ство какъ за сущность, такъ и за форму вашихъ сообщеній устныхъ и письменныхъ.

„Честь имѣю быть и пр.

Гладстонъ".

И для того-то, чтобы высказать эту пошлость, цѣлыхъ шесть лѣтъ вопили противъ политики, которую въ концѣ-концовъ одобрили такъ постыдно: графа Карольи благодарятъ за урокъ, полученный отъ него и полагаются на его доброту при обнародованіи извинительнаго письма. Графъ Карольи не сталъ зѣвать: черезъ нѣсколько дней письмо было напечатано во всѣхъ газетахъ Англіи и континента; оно было, по приказу, предъявлено въ палату лордовъ прежде нежели узнали о запросѣ, вызванномъ этимъ событіемъ.

Конечно, оно не могло пройти безъ протеста. 22 мая „Lord de l'Isle and Dudley" потребовалъ отъ правительства объясненій по поводу этого письма, отнынѣ знаменитаго, неслыханнаго,—говорилъ онъ,—въ лѣтописяхъ Англіи. „Рѣчи Гладстона,—прибавлялъ онъ,—были произнесены при значительномъ числѣ людей и ему невольно приходитъ въ голову: какъ должны удивиться эти люди, увидя, съ какою легкостью великій ораторъ отрекается отъ убѣжденій, высказанныхъ наканунѣ съ такимъ жаромъ и энергіей".

Слова эти не что иное какъ парламентская формула: лорду Дэдли такъ же хорошо извѣстно, какъ вамъ и мнѣ, что Гладстонъ всю жизнь велъ эту двойную игру. Тщетно лордъ Гренвилль пытался защищать своего собрата: тщетно припуталъ онъ къ дѣлу самого австрійскаго императора, который будто бы воскликнулъ, получивъ вышеупомянутое письмо: „Вотъ письмо англійскаго джентльмена". Трудъ его пропалъ даромъ: ни лорды, ни палата общинъ, ни публика не удовлетворились этимъ объясненіемъ. Письмо джентльмена можетъ оказаться совершенно неприличнымъ, когда исходитъ отъ перваго министра, отвѣтственнаго главы великой націи. Я допускаю, что Гладстонъ имѣлъ право заклеймить Австрію, какъ онъ это сдѣлалъ, и ея прошлое представляло для того основанія; но въ такомъ случаѣ ему слѣдовало оставаться при своемъ мнѣніи и не спускать тона передъ графомъ Карольи; во всякомъ случаѣ лучше было пойти на все, даже на отреченіе отъ носта перваго министра, чѣмъ помѣстить печать Англіи подъ документомъ, который останется позоромъ въ лѣтописяхъ страны.

Что подумали въ этомъ случаѣ люди, возлагавшіе такія большія надежды на дружбу Гладстона къ Россіи? Что подумалъ, между прочимъ, анонимный авторъ англійской книги, написанной русскимъ перомъ и вышедшей въ печать нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,

Digitized by Google

подъ заглавіемъ „Russia and England“ [1]). Я очень бы желалъ знать его мнѣніе, а пока выскажу свое объ этомъ удивительномъ сочиненіи, въ которомъ жаръ убѣжденій зачастую увлекаетъ автора за границы безпристрастія. Такъ, онъ прежде всего объявляетъ намъ, что существуютъ двѣ Россіи. „И что же тутъ удивительнаго? Развѣ не существуетъ двухъ Англій? Одной, вѣрной любви къ свободѣ, другой, которая въ самой свободѣ видитъ лишь предлогъ для насмѣшекъ. Есть Англія Сенъ-Джемсъ Голла и Англія Гильдголла, Англія съ сердцемъ и душою, и Англія съ одной только мошной. Другими словами: есть Англія Гладстона и Англія лорда Биконсфильда. У насъ, у русскихъ, тоже есть свои скаредные циники, но они составляютъ меньшинство. Они могутъ осклабляться, но не могутъ управлять“ (стр. 15).

Но гдѣ же находятся эти скаредные циники и это меньшинство, которое не можетъ управлять? „Есть Россія оффиціальная и есть Россія національная. Словомъ, есть Россія Петербурга и Россія Москвы... Но Петербургъ, слава Богу,—не Россія, подобно тому какъ Вестъ-Эндъ въ Лондонѣ—не Англія“ (стр. 10).

Прекрасно, это понятно; но кажется, что Москва рѣшительно есть Россія, что̀ отнюдь не лестно для Петербурга и значительно усложняетъ дѣло. Къ чему говорить намъ о томъ, что есть двѣ Россіи, когда въ сущности есть одна только, представленная Москвою? Тѣмъ болѣе, что въ заключеніе восклицаютъ: „нѣтъ, Петербургъ не русскій! онъ космополитъ!“ Прекрасно! Мы знаемъ теперь, гдѣ находятся „скаредные циники“ и „меньшинство, умѣющее осклабляться, но не способное управлять“. А между тѣмъ почти тотчасъ же прибавляется, что въ Петербургѣ царитъ „оффиціальная Россія“, Россія „дипломатовъ и протоколовъ, не раздѣляющая великодушныхъ порывовъ“ и пр. и пр., а на слѣдующей страницѣ объявляется, что вся Россія—правительство и общество—составляютъ лишь одинъ обширный комитетъ для освобожденія южныхъ славянъ (стр. 21).

Какое собраніе противорѣчій! И развѣ не кстати воскликнуть при этомъ, какъ въ одной комедіи: „Кого здѣсь морочатъ?“

Гладстонъ написалъ въ „Nineteenth Century“ сантиментальный панегирикъ этой книгѣ: это было еще до возвышенія его, въ ту эпоху, когда онъ множество писалъ по самымъ разнообразнымъ сюжетамъ и подъ вліяніемъ умственнаго возбужденія, владѣвшаго имъ во все время министерства Биконсфильда. Впрочемъ, его похвалы

[1]) „Russia and England from 1876 to 1880, a Protest and an Appeal, by O. K.“ London: Longmans. 1 vol. in 8°, 396 pages, with a preface by I. A. Froude. 1880. Эта книга внесена въ каталогъ British Museum съ слѣдующимъ поясненіемъ: *Ольги Киреевой, нынѣ Новиковой.*

Digitized by Google

были естественнымъ дѣломъ: не могъ же онъ не удѣлить часть ѳиміама О. К., которымъ она непрерывно кадила ему. Но что побудило такого замѣчательнаго историка, какъ Фрудъ, вмѣшаться въ это дѣло и освятить своимъ предисловіемъ этотъ сборникъ памфлетовъ?

Конечно, я понимаю восторгъ г-жи О. К., когда она восклицаетъ: „будущее принадлежитъ намъ! для нѣмцевъ наступилъ теперь день, для англичанъ — полдень, для французовъ — послѣ полудня, для итальянцевъ вечеръ, для испанцевъ—ночь: одни только славяне переживаютъ зарю!“ (стр. 289). Но надо принять во вниманіе, что это преимущество чисто отрицательное, и что народъ можетъ претендовать на всеобщее господство лишь тогда, когда всѣми порами воспріиметъ то, что составляетъ эссенцію всеобщей цивилизаціи. Мы восхищаемся славой Москвы

qui s'allume
La nuit comme un flambeau! (зажигающейся ночью какъ свѣтильникъ!)

Но надо сознаться, что если слава Москвы—слава славянская, то слава Петербурга—который тоже славянскій городъ — еще больше, такъ какъ это слава космополитическая: сама г-жа О. К. признала это. Свойство безсмертныхъ городовъ, царившихъ надъ міромъ, заключалось именно въ этой способности ассимиляціи и приспособленія, не утрачивая при этомъ своихъ природныхъ качествъ. Не знаю, что готовитъ будущее славянскому племени: но знаю, что когда наступитъ его день, то не московскому Кремлю, а городу Петра I и Екатерины II будетъ принадлежать гегемонія: не имя Москвы, а Петербурга будетъ сіять въ будущихъ вѣкахъ, на ряду съ именами Аѳинъ, Рима и Парижа.

Но мы удалились отъ Гладстона и отъ его извинительнаго письма къ императору австрійскому. Это письмо было лишь прелюдіей къ перевороту, долженствовавшему произойти во мнѣніяхъ перваго министра. Рѣчь королевы, произнесенная 20-го прошлаго мая, по случаю открытія парламента, заключала слѣдующій параграфъ:

„Дружескія отношенія, которыя я поддерживаю со всѣми европейскими державами, позволятъ мнѣ, надѣюсь, достигнуть въ согласіи съ ними близкаго и полнаго выполненія берлинскаго трактата, въ томъ, что касается реформъ и равенства передъ закономъ, которыя необходимо ввести въ Турціи, а также относительно измѣненій въ территоріи, которыя еще не были произведены согласно трактату“.

„Я полагаю, что мы должны радоваться, — воскликнулъ лордъ Биконсфильдъ,—когда ея величество удостоиваетъ повѣдать намъ въ своей рѣчи намѣренія своихъ министровъ, ихъ твердое рѣшеніе наблюдать за полнымъ и совершеннымъ выполненіемъ берлинскаго трактата“.

Digitized by Google

Всѣ стали аплодировать и смѣяться, глядя на лорда Гренвилля, который отвѣчалъ какъ человѣкъ раздосадованный и, слѣдовательно, смущенный: да и трудно было ему не смутиться.

Правда, что сэръ Генри Лэйярдъ былъ замѣщенъ м-ромъ Гошеномъ при правительствѣ Порты и былъ отправленъ новымъ кабинетомъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Константинополь. Но въ этомъ нельзя усматривать перемѣны въ политикѣ. Потому что, въ чемъ заключалась въ послѣднее время миссія Лэйярда? Она заключалась въ томъ, чтобы добиться отъ Порты исполненія обѣщанныхъ реформъ и вообще обязательствъ, принятыхъ при заключеніи берлинскаго договора и англо-турецкой конвенціи. Между тѣмъ въ „Blue-Book", недавно обнародованной, находимъ письмо, адресованное къ лорду Гренвиллю сэромъ Лэйярдомъ, который жалуется на то, „что ни одно изъ обязательствъ, принятыхъ Портою, касательно реформъ въ Малой Азіи, не выполнено"; онъ объявляетъ кромѣ того, что истощилъ всѣ дипломатическія средства для побужденія султана къ проявленію лучшихъ чувствъ и для убѣжденія его въ серьёзной опасности, какой подвергаетъ его упрямство турецкую имперію. И лордъ Гренвилль въ своихъ инструкціяхъ Гошену повторяетъ слово-въ-слово жалобы и разсужденія сэра Генри Лэйярда. Слѣдовательно, перемѣны въ этой политикѣ нѣтъ и Порта—увѣренная, какъ говорятъ, въ тайной поддержкѣ Россіи—и остававшаяся глухой къ выговорамъ кабинета лорда Биконсфильда, возобновитъ ту же игру и съ кабинетомъ Гладстона.

То же самое надо сказать и объ англо-турецкой конвенціи. Всѣ тѣ ужасы, которые Гладстонъ и его друзья говорили о занятіи острова Кипра и вообще объ управленіи послѣдняго министерства, просто невообразимы. Можетъ быть, они и были правы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ: не въ томъ дѣло. Но переворотъ въ этомъ пунктѣ превосходитъ всѣ ожиданія. Очаровательно слышать, какъ Гладстонъ увѣряетъ, говоря о реформахъ, которыя намѣренъ ввести на островѣ, что „онъ вовсе не хочетъ намекнуть на то, чтобы желали уклониться отъ образа дѣйствій послѣдняго правительства. То, что сдѣлается, будетъ сдѣлано въ томъ же направленіи и съ тою же цѣлью" (what would be done would be in the same direction and with the same end).

„Никогда еще,—говоритъ „Times" отъ 2 іюня,—никогда вступленіе во власть не производило такого поразительнаго превращенія въ тонѣ и идеяхъ. До выборовъ не было достаточно сильныхъ словъ для того, чтобы заклеймить оккупацію Кипра и его администрацію. Теперь Гладстонъ признаетъ, что надо помириться съ нашимъ положеніемъ на островѣ и даже не заявляетъ претензіи сдѣлать больше

Digitized by Google

или лучше, чѣмъ предъидущее правительство. Въ настоящую минуту въ Groswenor Gallery есть картина, изображающая счастливое дѣйствіе водъ Леты. Страсти, волновавшія людей по сю сторону рѣки, остались на днѣ ея, и мы видимъ блаженныя души исполненными спокойной радости, беззаботно прогуливающимися по Елисейскимъ полямъ. Можно подумать, что члены правительства нашли въ своихъ министерскихъ портфеляхъ эквивалентъ водъ Леты, по крайней мѣрѣ въ томъ, что́ касается ихъ совѣсти. Но, къ несчастію, они должны ждать, что ихъ станетъ преслѣдовать не одинъ мстительный духъ, изъ тѣхъ, которыхъ они раздражили прежде чѣмъ перейти черезъ рѣку, и ихъ рѣзкій языкъ прежнихъ дней часто будетъ бросаться имъ въ лицо какъ укоръ, въ ущербъ ихъ теперешнимъ словамъ и поступкамъ".

Будетъ ли кабинетъ счастливѣе въ греческомъ вопросѣ? Во всякомъ случаѣ неудача будетъ происходить не отъ того, чтобы недостаточно били тревогу: не говоря уже о томъ, что греческаго короля заставили парадировать на улицахъ Парижа и Лондона. Здѣсь корпорація Сити поднесла ему титулъ гражданина,—почесть серьёзная, но нѣсколько банальная, когда дѣло идетъ о коронованномъ лицѣ: иллюстрированные журналы напечатали портретъ молодого короля вмѣстѣ съ видомъ Аѳинъ, на заднемъ планѣ: этимъ дѣло и ограничилось, и публика осталась вполнѣ равнодушной... Меня мудрено обвинить въ пристрастіи. Я уже высказалъ однажды свое глубокое убѣжденіе въ слѣдующихъ словахъ: „до тѣхъ поръ, пока солнце не простынетъ, до тѣхъ поръ, пока оно будетъ озарять землю, міръ узритъ, быть можетъ, такой же блистательный вѣкъ, какъ вѣкъ, истекшій отъ Перикла и Эсхила до Аристотеля и Демосѳена; но онъ не увидитъ болѣе великаго! Прошлое не повторяется — это законъ, примѣнимый какъ къ государствамъ, такъ и къ отдѣльнымъ личностямъ. Да грекамъ и грѣшно было бы жаловаться послѣ того, какъ имъ досталась лучшая доля въ судьбѣ временъ: пусть они вспоминаютъ о соратникахъ Мильтіада — это наилучшій способъ утѣшиться въ разбойникахъ Мараѳона. Можно предоставить имъ Эпиръ и Ѳессалію и нисколько не тревожиться: не имъ суждено возстановить восточную имперію".

А пока Порта получила 3-го (15-го) іюля „коллективную ноту" отъ великихъ державъ, представители которыхъ собрались на конференцію въ Берлинѣ. Нота аналогична съ той, которая представлена была турецкому правительству 11-го прошлаго іюня посланниками тѣхъ же державъ, дѣйствовавшихъ особнякомъ.

Что произойдетъ? раскроется-ли вновь турецкая рана? Въ сущности она и не закрывалась послѣ послѣдней войны. Султанъ бу-

Digitized by Google

детъ сопротивляться: это несомнѣнно. Онъ не только упрямъ, но и не лишенъ нѣкоторой проницательности, и вѣроятно находитъ, что уступчивостью ничего не выиграетъ. Кромѣ того, онъ находитъ поддержку въ „оффиціальной" Россіи—московской или петербургской, какъ объ этомъ думаетъ г-жа О. К? Съ другой стороны, болгары волнуются и интригуютъ въ пользу присоединенія Восточной Румеліи. Алекопаша не вернется въ Филиппополь и, по словамъ „Times", Порта имѣетъ серьёзныя основанія опасаться общаго движенія въ Болгаріи. Пусть только дѣла усложнятся и мы увидимъ, что Гладстонъ смѣлѣе, чѣмъ когда-либо, пойдетъ по пятамъ лорда Биконсфильда.

Не въ однихъ только вопросахъ внѣшней политики новое правительство оказалось робкимъ и нерѣшительнымъ: во внутреннихъ дѣлахъ, дѣло Брэдло послужило камнемъ преткновенія для случайнаго либерализма перваго министра. Всѣмъ знакомъ, хотя бы только по имени, знаменитый народный ораторъ, который въ эти послѣднія недѣли былъ героемъ дня. Родившись въ Лондонѣ, 26-го сентября 1833 года, отъ недостаточныхъ родителей, Чарльзъ Брэдло долженъ увеличить собою ряды людей, пробившихъ себѣ свою дорогу. Надо признать за нимъ это достоинство и оно не малое; къ несчастію, на немъ отразились и неудобства такого положенія. Какъ Диккенсъ, Брэдло не воспользовался преимуществами хорошаго образованія. И этому, конечно, слѣдуетъ приписать сравнительное несовершенство его сочиненій.

Но какъ ораторъ, онъ несравненъ. И тутъ-то въ особенности проявляются его природныя дарованія во всемъ блескѣ. У него осанка, жестъ, голосъ и въ особенности страстность истиннаго оратора. И этимъ послѣднимъ качествомъ онъ всего болѣе отличается отъ обыкновенныхъ парламентскихъ говоруновъ, не исключая и Гладстона, которые замѣняютъ убѣжденіе поддѣльнымъ энтузіазмомъ, подкрѣпляемымъ ясностью и неизмѣнной правильностью рѣчи. Брэдло болѣе неровенъ; но у него бываютъ проблески à la Дантонъ, которые электризуютъ аудиторію. Словомъ, онъ настоящій ораторъ, въ истинномъ значеніи этого слова, человѣкъ, всегда находящійся во всеоружіи, благодаря своему таланту, какъ говоритъ Тацитъ,—надежда друзей, пугало враговъ, окруженный, такъ-сказать, безконечной властью и авторитетомъ: „velut quadam perpetua potentia ac potestalte muntus.

И вотъ передъ кѣмъ либеральный парламентъ вздумалъ запереть свои двери и это по вопросу, касающемуся исключительно совѣсти. И мы находимся въ классической землѣ свободы совѣсти! Я уже однако не разъ доказывалъ въ этихъ письмахъ, что это не совсѣмъ такъ: мы видѣли тому новый примѣръ, хотя справедливость одержала верхъ, что́—надо сознаться—тоже бываетъ здѣсь почти всегда. Но только иногда борьба длится очень долго.

Digitized by Google

Брэдло разсказалъ въ одной „автобіографіи", какъ онъ рано сталъ невѣрующимъ, принявшись изучать добросовѣстно и съ совершенно-противоположною цѣлью священныя книги евреевъ. Въ 1859 году онъ основалъ журналъ „Rational Reformer", въ которомъ проповѣдывалось ученіе, болѣе согласное съ идеями Лукреція, чѣмъ съ какими-либо изъ безчисленныхъ сектъ Соединеннаго-Королевства. Не вѣря ни въ какое божество, ни даже въ мормонское, онъ отказывался принять присягу, обязательную передъ здѣшнимъ судомъ, во время своихъ многочисленныхъ процессовъ по печати; отказывался цѣловать Библію, какъ здѣсь принято. Въ послѣдній разъ побѣда осталась на его сторонѣ: изданъ законъ, дающій каждому лицу право, по его желанію, приносить передъ судомъ, если можно такъ выразиться, „гражданскую" присягу.

Избранный членомъ парламента отъ города Нортгемптона, Брэдло думалъ, что онъ и тутъ отдѣлается также дешево. Надо знать, что до сихъ поръ недостаточно было быть избраннымъ народомъ въ представители палаты общинъ; надо было еще произносить слѣдующую присягу:—„клянусь быть вѣрнымъ и повиноваться ея величеству королевѣ Викторіи, ея наслѣдникамъ и преемникамъ, согласно порядку, установленному закономъ. И призываю Бога въ помощь!" И даже очень недавно формула присяги была такъ упрощена; до 1829 г., когда изданъ былъ „Catholic Relief Act", она была составлена такъ, чтобы исключить католиковъ, евреевъ и вообще секты не-протестантскія. Когда допущены были католики, евреи все еще не допускались въ силу слѣдующей строчки: „клянусь, какъ истинный христіанинъ", все еще входившей въ составъ присяги. Баронъ Ротшильдъ, избранный членомъ парламента, оставался цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ за его дверями, до 1858 г., когда „Oaths's Bill", ставшій закономъ, дозволилъ ему и его единовѣрцамъ обходиться безъ вышеупомянутой фразы. Оставалось: „so help me God!", которая устранена теперь по поводу Брэдло.

Но дѣло обошлось не безъ отчаянной борьбы. 3-го мая избранникъ Нортгемптона явился къ спикеру или президенту палаты общинъ и попросилъ разрѣшенія произнести простое заявленіе вѣрности вмѣсто обычной присяги, ссылаясь на то, что законы 1869 и 1870 гг. допускаютъ это въ судѣ. Спикеръ не счелъ возможнымъ взять на себя рѣшеніе этого вопроса: требовалось назначить спеціальную коммиссію, что̀ и было сдѣлано. Члены собрались и разсуждали въ продолженіи двухъ недѣль, послѣ чего рѣшили большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного, что нельзя согласиться на требованіе Брэдло.

На другой день тотъ объявилъ, что готовъ произнести присягу.

Digitized by Google

Хотя либералы ничѣмъ не содѣйствовали его избранію, онъ не хотѣлъ затруднять ихъ своими анти-теологическими мнѣніями; съ другой стороны, для него, какъ и для его избирателей, важно было, чтобы его голосъ раздавался въ парламентѣ, именно затѣмъ, чтобы работать для упраздненія подобныхъ безсмысленныхъ формальностей, только стѣсняющихъ совѣсть. „Мнѣ очень непріятно за искреннихъ вѣрующихъ, что слова, которыя они считаютъ священными, будутъ произнесены человѣкомъ, считающимъ ихъ безусловно незначащими въ данномъ случаѣ; но я не могу дозволить, чтобы ихъ единовѣрцы, менѣе искренніе чѣмъ они сами, воспользовались этими словами съ тѣмъ, чтобы запереть мнѣ двери въ парламентъ и помѣшать мнѣ выполнить полномочіе, возложенное на меня моими избирателями. Произнося присягу, я буду считать себя связаннымъ не буквою, но смысломъ того заявленія, какое я бы сдѣлалъ, если бы мнѣ это дозволили".

Успокоивъ свою совѣсть этими откровенными словами, Брэдло спокойно предсталъ передъ бюро палаты, чтобы произнести присягу. Но едва онъ выразилъ свое намѣреніе, какъ какой-то безвѣстный членъ, какой-то баронетъ потребовалъ слова и объявилъ, что формально противится тому, чтобы члену отъ Нортгемптона дозволили выполнить эту формальность. Новый театральный эффектъ и, какъ увидимъ, не послѣдній! На этотъ разъ, если бы спикеръ, или Гладстонъ, предводитель такого громаднаго большинства, проявили сколько-нибудь энергіи, то препятствіе было бы устранено и вопросъ былъ бы рѣшенъ, потому что, какъ премьеръ робко замѣтилъ, не бывало примѣра, чтобы депутату, желающему принести присягу, отказывали въ этомъ.

Но дѣло въ томъ, что Брэдло не принадлежитъ—по крайней мѣрѣ тогда не принадлежалъ — къ „respectability": въ настоящее время онъ надъ ней господствуетъ. Во-первыхъ, съ цѣлью, весьма по моему мнѣнію похвальной въ здѣшней странѣ, гдѣ столько пьяницъ рождаютъ столько дѣтей къ великому ущербу для всѣхъ, онъ сталъ апостоломъ доктрины Мальтуса: въ сущности онъ говорилъ то же, что и Стюартъ Милль, но только рѣзче и безцеремоннѣе. Подумайте, какое дѣйствіе это должно было произвести на джентльменовъ, краснѣющихъ при имени Жоржъ Зандъ! Кромѣ того, лѣтъ десять тому назадъ, въ извѣстный моментъ, когда въ странѣ проявился легкій припадокъ республиканства и сэръ Чарльзъ Дилькъ, товарищъ теперешняго министра иностранныхъ дѣлъ, былъ главою этого движенія, въ эту эпоху, говорю я, Брэдло напечаталъ памфлетъ, подъ заглавіемъ „The Impeachment of the house of Brunswick", оканчивающійся слѣдующими строками:—„я не претендую на то, что

Digitized by Google

защищаю тутъ дѣло республики, я только говорю противъ ганноверской бѣлой лошади. Мнѣ тошно видѣть этихъ нѣмецкихъ авантюристовъ, единственное достоинство которыхъ заключается въ ожесточенной ненависти, питаемой ими другъ къ другу. Въ своей странѣ они провалятся и исчезнутъ съ лица земли, не возбуждая ничьего вниманія. Здѣсь мы имъ платимъ большія деньги за то, чтобы они женились и плодили племя скаредныхъ принцевъ. Если они ничего не дѣлаютъ, ихъ объявляютъ *добрыми;* если они дѣлаютъ зло, вѣрноподданность (loyalty) позлащаетъ ихъ породу до такой степени, что они начинаютъ казаться добродѣтельными."

Это, безъ сомнѣнія, послужило предлогомъ для Гладстона выказать въ данномъ случаѣ такую вялость, что, послѣ скандалёзныхъ преній, палата отказалась допустить Брэдлю принести присягу. Къ счастію, оставили себѣ лазейку въ видѣ „select comittee", которому и предоставлено было рѣшить окончательно дѣло. Я говорилъ, что пренія были скандалёзны: во время ихъ одинъ либералъ, и даже радикалъ, обозвалъ Брэдло сволочью или въ родѣ того и объявилъ, что свободные мыслители, какъ Гоббесъ, Юмъ и Гиббонъ всегда были открытыми врагами вигизма: что, между нами будь сказано, служитъ только къ чести ихъ, когда мы видимъ, какъ виги и либералы понимаютъ свободу.

Первая комиссія объявила, что Брэдлю не можетъ ограничиться простымъ заявленіемъ; вторая пришла къ тому заключенію, что, въ виду его извѣстныхъ мнѣній, онъ не можетъ быть допущенъ къ присягѣ. Такимъ образомъ, представитель Нортгемптона на этотъ разъ былъ окончательно выброшенъ за дверь. Со всѣмъ тѣмъ, приверженцы истинной свободы не могли оставить дѣла въ этомъ положеніи: начались новыя пренія и продолжались три недѣли съ страшнымъ и нерѣдко скандальнымъ гвалтомъ. Одинъ ирландецъ, м-ръ Сюлливанъ, не пропустилъ случая пролить нѣсколько капель католическаго яда на науку и свободу мысли. Гладстонъ произнесъ нѣсколько банальныхъ словъ, стали собирать голоса, и въ этой палатѣ, насчитывающей около 420 либераловъ и только 236 консерваторовъ, 22-го іюня 1880 г. свободный мыслитель Брэдло былъ исключенъ за то именно, что онъ— свободный мыслитель, большинствомъ 275 голосовъ противъ 230.

Къ счастію, вопреки мандарину Гладстону, Англія не совсѣмъ Китай. На другой день послѣ этого голосованія, Брэдло снова явился въ палату и произнесъ краснорѣчивую рѣчь, весьма, впрочемъ; умѣренную по формѣ, и требовалъ своего права. Лабушеръ попытался, но безуспѣшно, возобновить предложеніе въ его пользу, и казалось, что вопросъ окончательно рѣшенъ и что представителю Нортгемптона остается только удалиться. Спикеръ и пригласилъ его это сдѣлать.

Digitized by Google

Брэдло. Честь имѣю почтительнѣйше настаивать: я требую своего права принести присягу въ качествѣ члена, избраннаго отъ Нортгемптона, и почтительнѣйше отказываюсь удалиться.

Спикеръ. Позволю себѣ замѣтить достопочтенному члену, что это воля палаты и что онъ долженъ удалиться.

Брэдло. Почтительнѣйше отказываюсь повиноваться приказаніямъ палаты, противнымъ закону.

Не было основанія, чтобы эта борьба кончилась. Спикеръ требуетъ отъ палаты необходимаго полномочія для того, чтобы онъ могъ прибѣгнуть къ силѣ. Въ эту минуту взгляды всѣхъ устремляются на скамью, гдѣ сидятъ министры, и со всѣхъ сторонъ раздаются крики: „Гладстонъ! Гладстонъ!“ Но тотъ дѣлаетъ видъ, что погруженъ въ чтеніе какой-то бумаги и остается глухъ къ призыву. Тогда встаетъ сэръ Стаффордъ Норткотъ, глава оппозиціи. Онъ, видя затрудненіе перваго министра,—„которое онъ очень хорошо понимаетъ“, говоритъ онъ,—беретъ въ свои руки направленіе дѣла. Голоса живо собраны и президентъ палаты приказываетъ „sergeant at arms“, которому съ незапамятныхъ временъ не бывало такого праздника,—увести Брэдло. Сержантъ выступаетъ впередъ и кладетъ руку на плечо депутата, который даетъ отвести себя на нѣсколько шаговъ, но затѣмъ возвращается къ рѣшеткѣ и пытается снова проникнуть за рѣшетку, восклицая громовымъ голосомъ: „I claim my right as a man!“ (Требую своего права какъ человѣкъ!) Волненіе безпредѣльное, и можно думать, что придется прибѣгнуть къ физической силѣ. Но Брэдло, объявивъ, что согласенъ на то, чтобы его лучше посадили въ тюрьму, нежели выключили, садится у рѣшетки съ сержантомъ съ боку, между тѣмъ, какъ палата, опять по предложенію сэра Стаффорда Норткота, издаетъ приказъ арестовать Брэдло.

Въ то время какъ палата общинъ и либеральное большинство покрывались позоромъ въ глазахъ цивилизованной Европы, населеніе Лондона не бездѣйствовало. Нѣсколько дней спустя послѣ этой сцены, митингъ, состоявшій изъ 20 тысячъ человѣкъ приблизительно, собрался въ Трафальгарскомъ скверѣ въ двухъ шагахъ отъ парламента, чтобы протестовать противъ такого нарушенія права и свободы. Брэдло былъ выпущенъ на свободу на другой же день, рѣшеніемъ палаты, и 1-го іюля Гладстонъ внесъ въ палату резолюцію, гласящую, что: всякое лицо, имѣющее право сдѣлать простое заявленіе вмѣсто религіозной присяги въ судѣ, будетъ допускаемо въ парламентъ въ силу такого же заявленія.

Это значило требовать отъ палаты отказаться отъ содѣяннаго и отмѣнить голосованіе, повторенное разъ пять или шесть. Но что дѣлать? палата покрыла себя позоромъ и попала въ просакъ, и те-

Digitized by Google

перь оставался только этотъ путь для того, чтобы выпутаться. Кромѣ того, рисковали вызвать агитацію, которая, конечно, приняла бы громадные размѣры, потому что въ этой странѣ, гдѣ дѣйствуютъ столько различныхъ сектъ, можно, конечно, на минуту увлечься желаніемъ погибели враждебной секты или свободы мысли; но это бываетъ не продолжительно: каждый сектантъ хорошо понимаетъ, что онъ стоитъ на шаткой почвѣ и что свобода другихъ все же является наилучшей гарантіей его собственной свободы. Гладстонъ, который ловокъ, хотя и не искренекъ, понялъ сдѣланную глупость и не усумнился передѣлать ее: за это нужно ему сказать спасибо, такъ какъ такимъ образомъ избѣгаютъ революцій, дѣлая во-время уступки справедливости и разуму. Какъ бы то ни было, теперь уже шелъ вопросъ о существованіи кабинета, и поэтому резолюція прошла 303 голосами противъ 249, и на другой день Врэдло тріумфаторомъ вернулся въ палату общинъ, откуда прислужники протестантизма хотѣли его выжить.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что первый министръ поступилъ бы гораздо благоразумнѣе, если бы уступилъ съ самаго начала, и въ этомъ отношеніи можно было справедливо сказать, что его дебютъ былъ такъ же неудаченъ во внутренней политикѣ, какъ и во внѣшней. Быть можетъ, онъ будетъ успѣшнѣе дѣйствовать по второстепеннымъ вопросамъ; но надо сознаться, что крупныя и важныя пренія, выше изложенныя, затмили собой два законопроекта, стоящіе на очереди и касающіеся: одинъ — права охоты, а другой — ирландскихъ фермеровъ. Первый: „Hares und Rabbits Bill“ предоставляетъ фермерамъ и арендаторамъ безусловное право убивать зайцевъ и кроликовъ, попадающихся на арендуемой ими землѣ: владѣлецъ не будетъ болѣе имѣть права, какъ это до сихъ поръ водилось, удерживать за собою исключительное право охоты, и если отнынѣ подобное условіе будетъ внесено въ контрактъ, то оно будетъ считаться недѣйствительнымъ. Охота, конечно, пріятное и здоровое времяпрепровожденіе, но оказывается, что вредъ, наносимый дичью, которую берегутъ, неисчислимъ и значительно уменьшаетъ производительность земель. Эта мѣра, нарушающая принципъ личной собственности въ томъ, чтó въ немъ есть абсолютнаго, т.-е. нелѣпаго, давно уже требуемая радикальной партіей, была бы вотирована до конца сессіи, если бы правительство, напуганное поведеніемъ одной части либеральной партіи, не оказывалось и здѣсь также робкимъ и нерѣшительнымъ. Что касается другого законопроекта: „Compensation for Disturbance Bill“ (Ireland), онъ тоже превосходенъ въ принципѣ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы добиться въ нѣкоторыхъ округахъ Ирландіи, гдѣ господствуетъ страшная нужда, вслѣдствіе худой погоды, вознагражденія арендатора владѣльцемъ, если послѣдній желаетъ

Digitized by Google

прогнать его безъ всякой другой причины, кромѣ невозможности, въ какую поставленъ арендаторъ, уплатить аренду. Это вознагражденіе будетъ равняться суммѣ, издержанной арендаторомъ на хозяйство: это было бы расширеніемъ знаменитаго „tenant's right" Ульстера, о которомъ я уже не разъ имѣлъ случай говорить. Мѣра прекрасная, несмотря на вопли владѣльцевъ, и жаль только, что ее примѣняютъ только въ Ирландіи. Этотъ билль давно ожидался и составлялъ часть либеральнаго гладстоновскаго багажа, но и на этотъ разъ Гладстонъ выказалъ обычную робость и нерѣшительность въ проведеніи этой мѣры, и весьма вѣроятно, что въ эту сессію этотъ ирландскій законъ не будетъ вотированъ.

Если мы обратимся теперь къ Индіи и къ колоніямъ, то увидимъ, что и тамъ положеніе кабинета не менѣе затруднительно. Либералы наслѣдуютъ порядокъ дѣлъ, созданный ихъ предшественниками, и при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Начать съ того, что неожиданно обнаружилось странное заблужденіе относительно остъ-индскаго бюджета. Всѣ воображали, что приходъ превышаетъ расходъ и поздравляли министра финансовъ, устроившаго такую благодать. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на нескончаемую афганскую войну, бюджетъ представляетъ излишекъ и не надобно прибѣгать къ займамъ! вѣдь это чудо; настоящій миражъ, но онъ и разсѣялся какъ миражъ. Все это оказалось ошибкой, и больше ничего. На дѣлѣ оказывается дефицитъ слишкомъ въ четыре милліона фунтовъ стерлинговъ. На минуту всѣ оторопѣли, но пришлось сдаться передъ очевидностью и заключить заемъ для покрытія издержекъ. Не мало удивились также тому, что на мѣсто лорда Литтона вице-королемъ назначенъ католикъ маркизъ де-Рипонъ. Это одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ папистовъ, съ которыми особенно друженъ Гладстонъ: быть можетъ, онъ хотѣлъ показать индусамъ, что у Англіи нѣтъ религіозныхъ пристрастій; по крайней мѣрѣ этой шуткой встрѣчено было извѣстіе о назначеніи благороднаго маркиза.

Что касается Афганистана, то жребій брошенъ, и читателю приходится примириться съ мыслью слѣдить за судьбами этого злополучнаго края. Мы оставили колонну генерала Стюарта, насчитывающую 6,000 человѣкъ, въ тотъ моментъ, какъ она готовилась выступить изъ Кандахара въ Гузни, куда бѣжали мятежники, разбитые въ Шерпурѣ. Прибывъ 19 апрѣля къ Ахметъ-Келю, онъ нашелъ окружныя высоты увѣнчанными цѣлыми тучами вооруженныхъ горцевъ. Значительное число ихъ, одушевленное фанатическою яростью, атаковало флангъ англійской арміи, и послѣ ожесточенной битвы, окончившейся окончательнымъ пораженіемъ афганцевъ, они оставили нѣсколько тысячъ убитыми на полѣ битвы. Затѣмъ генералъ Стюартъ

Digitized by Google

вступилъ въ Гузни безъ сопротивленія, оставилъ въ немъ одного изъ своихъ сердарей въ качествѣ губернатора и продолжалъ наступленіе на Кабулъ. Одинъ отрядъ былъ посланъ ему на встрѣчу генераломъ Робертсомъ, другой направленъ на Шаразіабъ; послѣдній былъ аттакованъ многочисленнымъ отрядомъ горцевъ и долженъ былъ выказать необыкновенную храбрость, чтобы отбиться, такъ какъ состоялъ изъ горсти людей. Прибывъ въ Кабулъ, генералъ Стюартъ принялъ главнокомандованіе и продолжалъ переговоры съ Абдурахманомъ. Въ сущности дѣло не подвинулось впередъ ни на шагъ и сердарь Ширъ-Али все еще продолжаетъ быть вали Кандахара. Но на-дняхъ его пѣхота и артиллерія дезертировали; англичанамъ пришлось пуститься въ догонку и сразиться съ ними, чтобы отнять пушки и боевые снаряды своего протеже. Что теперь предпримутъ? Повидимому рѣшено оставаться пока въ Кандахарѣ; что касается Кабула, то надо очистить его въ октябрѣ мѣсяцѣ или же рѣшиться въ немъ зимовать. Всѣ въ большомъ затрудненіи... [1]).

Среди этихъ усложненій, ость-индское правительство можетъ по крайней мѣрѣ поздравить себя съ возстановленіемъ порядка на сѣверовосточной границѣ. Война съ Бирманомъ устранена и племя нагасовъ въ Ассамѣ покорилось.

Все спокойно также въ колоніяхъ южной Африки. Но только въ послѣдней моей корреспонденціи я возвѣщалъ о смѣщеніи сэра Бартля Фрера, котораго дѣлали отвѣтственнымъ въ неудачахъ войны съ зулусами. И ужъ если кого изъ чиновниковъ слѣдовало отставить, такъ это его; прибавьте, что либералы, и весьма основательно, бранили его на чемъ свѣтъ стоитъ. И однако сэръ Бартль Фреръ остается губернаторомъ капской колоніи. Высокое покровительство, соображенія высшаго разряда... словомъ, Гладстонъ объявилъ, что его нельзя смѣстить съ его поста.

Таково резюмé, впрочемъ, мало лестное, тѣхъ событій, какія отмѣтили возвращеніе къ власти рьянаго соперника лорда Биконсфильда. Общественное мнѣніе особенно живо интересовалось эпизодомъ съ Брэдло, — эпизодомъ, едва не принявшимъ, благодаря вялости перваго министра, тревожныхъ размѣровъ, тревожныхъ для доброй славы парламентской и либеральной Англіи. Другой эпизодъ, болѣе космополитическаго характера, произошелъ по случаю прибытія новаго французскаго посла, Шаллемель-Лакура.

Одинъ изъ тѣхъ ирландцевъ, которыхъ наивные люди считаютъ борцами за свободу народовъ и которые на дѣлѣ суть не что иное, какъ отребіе націй, нѣкто О'Доннель вздумалъ позорить въ засѣда-

[1]) Послѣднія извѣстія опять крайне неблагопріятны для англичанъ.

Digitized by Google

ніи парламента посланника республики, виновнаго, по его увѣренію, въ томъ, что онъ ограбилъ монастырь и приказалъ истребить цѣлую роту мобилей! Дѣло дошло до того, что Гладстону пришлось выдти изъ нерѣшительности, какая на него напала со времени его поступленія въ министерство и принять мѣры, къ чему онъ приступилъ чрезвычайно неловко, потребовавъ, чтобы ораторъ былъ лишенъ слова: „that he may be not heard". Какъ замѣтилъ президентъ, такого предложенія уже два столѣтія не слышно было въ палатѣ общинъ и многіе изъ депутатовъ, вовсе не расположенные къ злополучному ирландцу, горячо вступились не за него, а за свободу слова въ парламентѣ. И такимъ образомъ предложеніе министра не прошло. И странная игра судьбы: въ этотъ день въ палатѣ вопіяли противъ „цезаризма" и „деспотизма"! А на сценѣ былъ не лордъ Биконсфильдъ! Бѣдный Гладстонъ! будемъ надѣяться, что онъ будетъ счастливѣе въ будущую сессію.

R.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

11/23 іюля, 1880.

LX.

Жакъ Дамуръ.

Тамъ, въ Нумеѣ, когда въ минуты отдыха Жакъ Дамуръ, утомленный, лежалъ на скалѣ и глядѣлъ на пустынный горизонтъ моря, ему порою рисовалась на немъ вся его исторія: бѣдствія осады, ужасы коммуны, затѣмъ ударъ грома, закинувшій его далеко отъ родины и какъ-бы оглушившій. То не было ясное представленіе, воспоминанія, надъ которыми бы онъ задумывался и растрогивался, но глухая работа ума, помраченнаго и прояснявшагося лишь въ извѣстные часы, уцѣлѣвшіе среди общаго крушенія.

Ему было уже двадцать шесть лѣтъ, когда онъ женился на Фелиси, высокой, красивой, восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, племянницѣ торговки фруктами въ Ла-Виллетѣ, у которой онъ нанималъ комнату. Онъ былъ рѣзчикомъ по металлу и заработывалъ до 12-ти франковъ въ день; она была сначала швеей, но такъ какъ у нихъ вскорѣ же родился мальчикъ, она занялась исключительно хозяйствомъ и кормила сына. Эжену было девять лѣтъ, когда родилась еще и дѣвочка, и эта дѣвочка, Луиза, долго была такой слабень-

Digitized by Google

кой, что они издержали пропасть денегъ на докторовъ и лекарства. Совсѣмъ тѣмъ, семья не бѣдствовала. Дамуръ, правда, иногда понедѣльничалъ, но все же велъ себя благоразумно: напившись, ложился спать и на другой день принимался за работу, ругая себя скотиной. Когда Эжену исполнилось двѣнадцать лѣтъ, онъ усадилъ его за работу; и мальчикъ, едва научившись читать и писать, уже зарабатывалъ свой хлѣбъ. Фелиси, очень опрятная женщина, вела хозяйство какъ ловкая и осмотрительная особа, не много „съ придержечкой", какъ говаривалъ отецъ, потому что она чаще подавала имъ на обѣдъ овощи, нежели мясо и берегла копѣйку на черный день. Это было лучшее время ихъ жизни. Они жили въ Менильмонтанѣ, въ улицѣ des Envierges, въ квартирѣ изъ трехъ комнатъ: одну занимали отецъ и мать, другую Эженъ, третья служила столовой, и въ ней они поставили станки; кромѣ того, была кухня и чуланъ для Луизы. Квартира расположена была въ глубинѣ двора, въ маленькомъ домѣ; но у нихъ все же было достаточно воздуха, когда открывали окна на пустырь, куда съ утра до ночи телѣжки сваливали кучи обломковъ и старыхъ досокъ.

Когда вспыхнула война, Жакъ Дамуръ уже десять лѣтъ какъ жилъ въ улицѣ des Envierges. Фелиси, хотя и приближалась къ сорока годамъ, все еще была моложава, немного потолстѣла однако, и благодаря своимъ плечамъ и бедрамъ, слыла въ кварталѣ красавицей. Напротивъ того, Жакъ словно высохъ, и хотя былъ всего лишь на восемь лѣтъ старше жены, но казался старикомъ рядомъ съ нею. Луиза, спасенная отъ смерти, но все еще очень тщедушная и худенькая, вышла въ отца; а Эженъ, которому въ ту пору было девятнадцать лѣтъ, унаслѣдовалъ высокій ростъ и широкія плечи своей матери. Они жили очень дружно, за исключеніемъ иныхъ понедѣльниковъ, когда отецъ съ сыномъ засиживались въ винныхъ погребкахъ. Фелиси дулась, раздосадованная пропитыми деньгами. И даже два или три раза имъ случилось подраться; но они не придавали этому значенія, виноваго было вино и не было семьи степеннѣе. Ихъ ставили въ примѣръ другимъ. Когда пруссаки пошли на Парижъ и начался жестокій застой въ дѣлахъ, у нихъ была тысяча франковъ въ сберегательной кассѣ. Результатъ прекрасный для работниковъ, выростившихъ двоихъ дѣтей.

Поэтому первые мѣсяцы осады были не особенно тяжки для Дамуровъ. Въ столовой, гдѣ дремали станки, все еще подавались на обѣдъ мясо и бѣлый хлѣбъ. И даже, сжалившись надъ нищетой сосѣда, долговязаго маляра, по имени Беррю, умиравшаго съ голоду, Дамуръ могъ позволить себѣ роскошь—приглашать его время отъ времени къ обѣду. И вскорѣ онъ сталъ у нихъ торчать съ утра и

Digitized by Google

до ночи. Онъ былъ шутникъ и умѣлъ обезоружить Фелиси, въ началѣ очень встревоженную и возмущенную его прожорливымъ ртомъ, пожиравшимъ лучшіе кусочки. По вечерамъ играли въ карты, прохаживаясь на счетъ пруссаковъ. Беррю, большой патріотъ, толковалъ о томъ, чтобы вырыть мины, подземные ходы въ полѣ, и такимъ образомъ добраться до ихъ баттарей въ Шатильонѣ и Монтрету и взорвать ихъ. Затѣмъ онъ нападалъ на правительство, негодную свору трусовъ, желавшихъ вернуть Генриха V, отперевъ двери Бисмарку. Республика этого правительства идіотовъ и трусовъ заставляла его пожимать плечами. Ахъ! республика! И, оперевшись обоими локтями на столъ, съ короткой трубкой въ зубахъ, онъ объяснялъ Дамуру идеалъ своего правительства, гдѣ всѣ равны, всѣ свободны, богатство составляетъ общее достояніе, справедливость и равенство господствуютъ повсемѣстно, сверху до и низу.

— Какъ въ 93 году,—доканчивалъ онъ рѣшительно, самъ не зная того, о чемъ говорилъ.

Дамуръ слушалъ его съ серьёзной миной. Онъ тоже былъ республиканецъ, потому что съ колыбели слышалъ, какъ кругомъ его говорили, что республика будетъ со временемъ торжествомъ работника, всеобщимъ благомъ. Но у него не было опредѣленнаго взгляда на то, какъ все это должно произойти. Поэтому онъ слушалъ Беррю со вниманіемъ, находя, что онъ очень хорошо разсуждаетъ, и навѣрное республика устроится такъ, какъ онъ говоритъ. Онъ воспламенялся; онъ твердо вѣрилъ, что если бы весь Парижъ, мужчины, женщины, дѣти, пошли на Версаль, распѣвая марсельезу, то пруссаки были бы разбиты, Парижъ соединился бы съ провинціей и учредилъ бы народное правительство, такое, которое бы надѣлило рентой всѣхъ гражданъ.

— Берегись,—говорила Фелиси съ недовѣріемъ,—ты не кончишь добромъ съ твоимъ Беррю. Корми его, если тебѣ такъ нравится; но пусть онъ одинъ свернетъ себѣ шею, если ему этого хочется.

Она тоже хотѣла республики. Въ 1848 г. ея отецъ умеръ на баррикадѣ. Но это воспоминаніе, вмѣсто того, чтобы подзадоривать ее, дѣлало ее очень благоразумной. На мѣстѣ народа, говорила она, она знала бы какъ заставить правительство быть справедливымъ и честнымъ: стоитъ только вести себя честно, благоразумно и твердо. Рѣчи Беррю возмущали ее и пугали, потому что казались ей нечестными. Она видѣла, что Дамуръ измѣнился, что онъ ломается и говоритъ слова, которыя ей совсѣмъ не по душѣ. Но ее еще сильнѣе тревожилъ мрачный и пылкій видъ, съ какимъ ея сынъ, Эженъ, слушалъ Беррю. Вечеромъ, когда Луиза засыпала на столѣ, Эженъ скрещивалъ руки, медленно выпивалъ рюмку водки, не говоря ни

Digitized by Google

слова и не спуская глазъ съ малляра, всегда приносившаго изъ Парижа какую-нибудь исторію объ измѣнѣ, о томъ, какъ бонапартисты давали сигналы нѣмцамъ съ Монмартра или же о бочкахъ съ мукой и съ порохомъ, которыя потопили въ Сенѣ, чтобы поскорѣе сдать городъ.

— Вотъ вздоръ-то! — говорила Фелиси, когда Беррю, наконецъ, уходилъ:—смотри, — обращалась она къ сыну, — не вздумай тревожиться объ этомъ, ты вѣдь знаешь, что онъ лжетъ.

— Я знаю, что знаю,—отвѣчалъ Эженъ съ угрожающимъ жестомъ.

Въ началѣ декабря Дамуры проѣли всѣ свои сбереженія. Каждый часъ возвѣщали о пораженіи пруссаковъ въ провинціи, о побѣдоносной вылазкѣ, которая, наконецъ, освободитъ Парижъ; и сначала семья не очень была напугана, надѣясь, что работа скоро опять пойдетъ. Фелиси дѣлала чудеса экономіи; семья жила осаднымъ хлѣбомъ, котораго одна только маленькая Луиза не могла переваривать. Тогда Дамуръ и Эженъ окончательно потеряли голову, какъ говорила Фелиси. Праздные съ утра до ночи, они совсѣмъ одурѣли и имъ мерещились дикія и кровавыя сцены. Отецъ съ сыномъ, правда, записались въ батальонъ, но этотъ батальонъ ни разу не выходилъ изъ укрѣпленій и люди толпились на посту и цѣлый день зѣвали или играли въ карты. И вотъ тамъ-то Дамуръ, тосковавшій потому, что зналъ, что дома царитъ нищета, получилъ убѣжденіе, выслушивая различныя исторіи, что правительство рѣшилось уморить народъ, чтобы уничтожить республику. Беррю былъ правъ: всѣ знали, что Генрихъ V находится въ Сенъ-Жерменѣ, въ домѣ, надъ которымъ развѣвается бѣлое знамя. Но этому будетъ конецъ; въ одинъ прекрасный день возьмутъ и разстрѣляютъ этихъ негодяевъ, которые морятъ голодомъ народъ и позволяютъ бомбардировать Парижъ только затѣмъ, чтобы очистить мѣсто дворянамъ и попамъ. Когда Дамуръ и Эженъ возвращались домой, они ни о чемъ не говорили какъ только о рѣзнѣ при Фелиси, блѣдной и молчаливой, ухаживавшей за Луизой, которая опять заболѣла отъ худой пищи.

Между тѣмъ осада кончилась, перемиріе было заключено и пруссаки прошлись по Елисейскимъ полямъ. Въ улицѣ des Enviergеs въ этотъ день обѣдали бѣлымъ хлѣбомъ, за которымъ Фелиси ѣздила въ Сенъ-Дени; но обѣдъ былъ мраченъ. Эженъ, ходившій смотрѣть на пруссаковъ, разсказывалъ про нихъ, какъ вдругъ Дамуръ схватилъ ножикъ, сталъ имъ размахивать, повторяя, что слѣдовало бы всадить его въ брюхо всѣмъ нашимъ генераламъ. Фелиси разсердилась и вырвала у него ножъ.

На слѣдующіе дни, такъ какъ работа все еще не открывалась, онъ рѣшилъ работать на свой собственный страхъ. У него было

Digitized by Google

нѣсколько вещей, подсвѣчники, которые онъ хотѣлъ отдѣлать. Эженъ, которому, казалось, не сидится на мѣстѣ, бросилъ работу, проработавъ часокъ. Что касается Беррю, то со времени перемирія его было не видно. Должно быть, онъ нашелъ лучшій обѣдъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Но въ одно прекрасное утро онъ явился внѣ себя и разсказалъ про исторію съ Монмартрскими пушками. Со всѣхъ сторонъ строились баррикады; день народа, наконецъ, наступилъ и онъ пришелъ за Дамуромъ, потому что теперь нужны всѣ хорошіе граждане. Дамуръ бросилъ свой станокъ, несмотря на испуганное лицо Фелисй. Наступила коммуна.

И вотъ потянулись мартовскіе, апрѣльскіе и майскіе дни. Когда Дамуръ выбивался изъ силъ и жена умоляла его остаться дома, онъ отвѣчалъ:

— А гдѣ я возьму тогда тридцать су? Что́ мы будемъ ѣсть?

Она опускала голову. Они существовали въ это время исключительно на тѣ тридцать су, получаемые отцомъ, и тридцать су, получаемые сыномъ,—жалованье національныхъ гвардейцевъ, въ придачу къ которому раздавали иногда вино и солонину. Впрочемъ, Дамуръ ссылался на эту причину только затѣмъ, чтобы заставить жену молчать. Самъ онъ былъ убѣжденъ въ своемъ правѣ и стрѣлялъ по версальской арміи такъ, какъ бы стрѣлялъ по пруссакамъ, въ увѣренности, что спасаетъ республику и обезпечиваетъ счастіе народа. Послѣ утомленія и бѣдствій осады, переполохъ коммуны погружалъ его въ какой-то тираническій кошмаръ и онъ рѣшилъ умереть безвѣстнымъ героемъ, защищая свободу. Онъ не вникалъ въ теоретическія тонкости коммунальной идеи. Для него коммуна была просто лишь тѣмъ золотымъ вѣкомъ, о которомъ возвѣщали, зарею всеобщаго счастія, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упорно вѣрилъ, что гдѣ-то тамъ, въ Сенъ-Жерменѣ или въ Версали, находится король, и онъ возстановитъ инквизицію и права господъ, если его пустить въ Парижъ. У себя дома онъ не могъ раздавить мухи; но на аванпостахъ убивалъ жандармовъ безъ жалости, съ мужествомъ и самоотверженіемъ, счастливый тѣмъ, что работаетъ для освобожденія націи. Когда онъ возвращался домой, измученный, весь черный отъ пота и пороха, онъ проводилъ цѣлые часы возлѣ кровати своей маленькой Луизы, прислушиваясь къ ея дыханію. Фелисй не пыталась больше его удерживать; она ждала съ спокойствіемъ разсудительной женщины конца этой сумятицы, какъ она говорила.

Однако разъ она осмѣлилась замѣтить мужу, что вернзила Беррю, даромъ, что вопилъ громче другихъ, однако не былъ такъ глупъ, чтобы подвергаться ружейнымъ выстрѣламъ. Онъ съумѣлъ сыскать себѣ мѣстечко въ интендантствѣ, что́ не мѣшало ему, когда онъ

Digitized by Google

приходилъ въ мундирѣ съ золотыми галунами и въ шляпѣ съ плюмажемъ, подзадоривать Дамура рѣчами, въ которыхъ онъ толковалъ о томъ, что слѣдуетъ разстрѣлять министровъ, палату и всю эту дрянь, когда ихъ заберутъ въ Версали.

— Почему онъ самъ не идетъ ихъ забирать, вмѣсто того, чтобы посылать другихъ?—говорила Фелиси.

Но Дамуръ отвѣчалъ:

— Молчи. Я исполняю свой долгъ; тѣмъ хуже для тѣхъ, кто его не исполняетъ.

Однажды вечеромъ, въ концѣ апрѣля, Эжена принесли въ улицу des Envierges на носилкахъ. Онъ былъ смертельно раненъ въ Мулино. Пока его несли по лѣстницѣ, онъ умеръ. Когда Дамуръ вернулся вечеромъ, онъ нашелъ Фелиси безмолвно сидящею у тѣла сына. Это былъ жестокій ударъ для него; онъ упалъ на полъ и она оставила его рыдать, не говоря ему ни слова, потому что ей нечего было ему сказать и потому, что, если бы она раскрыла губы, она бы закричала: — это твоя вина! Она притворила дверь чулана, гдѣ спала Луиза, и старалась не шумѣть, чтобы не испугать дѣвочку. Потомъ пошла посмотрѣть, не разбудили ли ее отцовскія рыданія. Но Луиза спала и Дамуръ наконецъ умолкъ съ убитымъ видомъ. Когда онъ всталъ, онъ долго глядѣлъ на фотографію Эжена, на которой молодой человѣкъ былъ снятъ въ мундирѣ національнаго гвардейца, съ ружьемъ въ рукахъ. Онъ взялъ перо и написалъ внизу карточки: „я отмщу за тебя", и подписался, выставивъ число. Это его облегчило. Назавтра дроги, обтянутыя большой красной драпировкой, свезли тѣло на Père-Lachaise, среди громаднаго стеченія народа. Дамуръ шелъ сзади, съ непокрытой головой, и видъ красныхъ драпировокъ наполнялъ его сердце мстительными ощущеніями. Въ улицѣ des Envierges Фелиси осталась возлѣ Луизы. Вечеромъ Дамуръ опять ушелъ на аванпосты, убивать жандармовъ.

Наконецъ наступили майскіе дни. Версальская армія вступила въ Парижъ. Дамуръ цѣлыхъ двѣ ночи не приходилъ домой; онъ отступалъ съ своимъ батальономъ, защищая баррикады, среди пожаровъ. Онъ ничего не понималъ больше и стрѣлялъ на-угадъ среди дыма, потому что это былъ его долгъ. На третій день утромъ онъ появился въ улицѣ des Envierges, окровавленный, въ лохмотьяхъ, шатаясь и одурѣвъ, какъ пьяный. Фелиси раздѣвала его и обтирала ему лицо мокрой салфеткой, какъ вдругъ сосѣдка, стоявшая тутъ же, сообщила, что коммунары еще держатся на Père-Lachaise и что версальцы не знаютъ, какъ ихъ оттуда выжить.

— Я пойду туда,—замѣтилъ онъ просто. Одѣлся и опять взялъ ружье. Но послѣдніе защитники коммуны находились не на площадкѣ,

Digitized by Google

а на открытомъ мѣстѣ, гдѣ спалъ Эженъ. Онъ смутно надѣялся, что его убьютъ на могилѣ сына. Но ему не удалось даже дойти до него. Бомбы долетали, повреждая монументы. Среди деревьевъ, хоронясь за мраморные памятники, бѣлѣвшіе на солнцѣ, нѣсколько національныхъ гвардейцевъ еще стрѣляли по солдатамъ, красные штаны которыхъ поднимались въ гору. Дамуръ подоспѣлъ какъ разъ во́ время, чтобы быть забраннымъ. Тридцать-семь изъ его товарищей были разстрѣляны тутъ же на мѣстѣ. Было чудо, что онъ спасся отъ этой участи. Такъ какъ жена вымыла ему руки и онъ еще не стрѣлялъ, то его захотѣли, быть можетъ, помиловать. Впрочемъ, одурѣвъ отъ усталости, отъ пережитыхъ ужасовъ, онъ никогда не могъ хорошенько припомнить то, что происходило въ слѣдующіе затѣмъ дни. Они остались въ его памяти какъ какой-то смутный кошмаръ: долгіе часы, проведенные въ темныхъ мѣстахъ, утомительные переходы по палящему солнцу, крики, толчки, толпа зѣвакъ, мимо которыхъ приходилось проходить. Когда онъ вышелъ изъ этого оцѣпенѣнія, онъ былъ въ Версали, плѣннымъ.

Фелисѝ пришла навѣстить его, по прежнему блѣдная и спокойная. Когда она сообщила ему, что Луиза поправляется, они умолкли, потому что имъ нѣчего было больше сказать другъ другу. Уходя, чтобы ободрить его, — она прибавила, что о немъ хлопочутъ, что́ было неправда, какъ она и знала.

Онъ спросилъ:

— А Берріо?

— О!—отвѣчала она, пожимая плечами,—Берріо въ безопасности... Онъ исчезъ за три дня до вступленія войскъ, его не тронутъ.

Мѣсяцъ спустя Дамуръ отправился въ Новую-Каледо́нію. Онъ былъ осужденъ на простую ссылку Такъ какъ у него не было никакого чина, военный судъ, быть можетъ, помиловалъ бы его, если бы онъ не сознался съ спокойнымъ видомъ, что стрѣлялъ съ перваго же дня.

Во время ихъ послѣдняго свиданія, онъ сказалъ Фелисѝ:

— Я вернусь. Ждите меня съ дочкой.

И эти-то слова Дамуръ всего яснѣе слышалъ въ смутномъ хаосѣ своихъ воспоминаній, когда лежалъ въ растяжку, съ усталой головой, передъ пустыннымъ горизонтомъ моря. Спускающаяся ночь заставала его иногда тутъ. Вдали долго виднѣлось свѣтлое пятно, точно слѣдъ корабля пробивался сквозь возрастающую темноту, и ему казалось, что онъ долженъ встать и идти по волнамъ, такъ какъ онъ обѣщался вернуться.

Digitized by Google

II.

Въ Нумеѣ Дамуръ велъ себя хорошо. Онъ нашелъ работу, ему обѣщали помилованіе, если въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ у него будутъ хорошія отмѣтки. Онъ былъ человѣкъ очень кроткій и любилъ играть съ дѣтьми. Онъ не занимался больше политикой, мало водился съ товарищами, велъ уединенную жизнь; его можно было упрекнуть только въ томъ, что онъ запивалъ по временамъ, да и то онъ былъ смиренъ во хмѣлю, плакалъ горькими слезами и самъ шелъ спать. Итакъ, помилованіе казалось несомнѣннымъ, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ. Всѣ были очень удивлены, узнавъ, что онъ бѣжалъ съ четырьмя изъ своихъ товарищей. Въ теченіи тѣхъ двухъ лѣтъ, которые онъ находился здѣсь, онъ получилъ нѣсколько писемъ отъ Фелиси; сначала письма приходили аккуратно, затѣмъ стали рѣже и безсвязнѣе. Самъ онъ писалъ довольно часто. Три мѣсяца прошли безъ всякихъ извѣстій. Тогда отчаяніе овладѣло имъ: когда-то придетъ еще помилованіе; его, быть можетъ, придется ждать еще два года, и вотъ онъ рискнулъ всѣмъ въ одну изъ тѣхъ лихорадочныхъ минутъ, въ которыхъ раскаиваешься на другой день. Недѣлю спустя, на берегу, въ нѣсколькихъ льё оттуда, нашли разбитую барку и трупы троихъ изъ бѣглецовъ, голыхъ и уже разложившихся. И между ними свидѣтели узнали Дамура. Тотъ же ростъ, та же борода. Послѣ предварительнаго слѣдствія, исполнены были всѣ формальности и свидѣтельство о смерти было написано и выслано во Францію, по просьбѣ вдовы, которую администрація увѣдомила. Вся пресса занималась этимъ происшествіемъ, и драматическій разсказъ о бѣствѣ и его трагической развязкѣ появился въ газетахъ цѣлаго міра.

Между тѣмъ Дамуръ былъ живъ. Его смѣшали съ однимъ изъ его товарищей, и это было тѣмъ удивительнѣе, что онъ нисколько не былъ на него похожъ. И тотъ и другой носили окладистую бороду—вотъ и все. Дамуръ и четвертый бѣглецъ, оставшіеся въ живыхъ какимъ-то чудомъ, разстались, какъ только вышли на англійскую почву; они больше никогда не видались; по всей вѣроятности тотъ умеръ отъ желтой лихорадки, которая чуть не сгубила самого Дамура. Первой мыслью его было увѣдомить Фелиси письмомъ. Но ему попалась въ руки газета, онъ прочиталъ въ ней разсказъ о своемъ бѣствѣ и извѣстіе о своей смерти. Съ этой минуты ему показалось неосторожнымъ писать; письмо могли перехватить, прочитать его и добраться такимъ образомъ до истины. Не лучше ли было

Digitized by Google

оставаться мертвымъ для всѣхъ? Никто не будетъ больше о немъ думать и онъ свободно вернется во Францію, гдѣ дождется амнистіи и тогда объявится. И онъ составилъ цѣлый планъ новой жизни; ему стóитъ только переселиться въ другой кварталъ съ Фелисѝ и назваться вымышленнымъ именемъ. Онъ хлопоталъ о своемъ возвращеніи во Францію, когда жестокій припадокъ желтой лихорадки свалилъ его на долгія недѣли въ больницѣ. Свидѣтельство о смерти, посланное въ Парижъ, чуть не стало дѣйствительнымъ.

Когда Дамуръ началъ выздоравливать, имъ овладѣла безконечная лѣнь. Долгіе мѣсяцы онъ оставался очень слабымъ и безъ воли. Лихорадка какъ-бы стерла всѣ его прежнія желанія. Онъ ничего не хотѣлъ,—къ чему? думалось ему. Образы Фелисѝ и Луизы какъ-бы поблѣднѣли. Онъ все еще видѣлъ ихъ, но какъ-бы издали, въ туманѣ, въ которомъ не всегда узнавалъ ихъ. Безъ сомнѣнія, какъ скоро силы къ нему вернутся, онъ отправится къ нимъ. Потомъ, когда онъ наконецъ совсѣмъ выздоровѣлъ, его сталъ занимать совсѣмъ новый планъ. Прежде чѣмъ вернуться къ женѣ и дочери, онъ захотѣлъ сколотить себѣ кое-какія деньжонки. Что̀ будетъ онъ дѣлать въ Парижѣ? онъ умретъ съ голода, онъ вынужденъ будетъ опять засѣсть за станокъ, да и то, пожалуй, не въ силахъ будетъ работать. Онъ чувствовалъ себя сильно постарѣвшимъ. Напротивъ того если онъ отправится въ Америку, то можетъ въ нѣсколько лѣтъ скопить тысячъ сто франковъ; на этой скромной суммѣ онъ останавливался, оглушаемый милліонными цифрами, которыми ему прожужжали всѣ уши. На золотыхъ розсыпяхъ, на которые ему указывали, всѣ люди, самые чернорабочіе, разъѣзжали на рысакахъ черезъ какихъ-нибудь полгода. И онъ заранѣе мечталъ, какъ онъ заживетъ: вернется во Францію съ ста тысячами франковъ, купитъ домикъ возлѣ Венсенна и будетъ тамъ жить на три или четыре тысячи франковъ ренты, съ Фелисѝ и Луизой, позабытый, счастливый, развязавшись съ политикой. Два мѣсяца спустя Дамуръ былъ въ Америкѣ. Тогда началось безпутное существованіе, полное тревогъ и приключеній самыхъ странныхъ и самыхъ пошлыхъ. Онъ всего натерпѣлся и нѣсколько разъ былъ наканунѣ того, чтобы разбогатѣть. Три раза онъ надѣялся получить свои сто тысячъ франковъ; но они ускользали у него изъ-подъ самаго носа; то его обворовывали, то онъ самъ транжирилъ деньги. Въ концѣ-концовъ онъ настрадался, изработался и остался нищимъ. Искрестивъ всѣ концы свѣта, онъ былъ заброшенъ событіями въ Англію. Оттуда онъ попалъ въ Брюссель, въ близкое сосѣдство съ Франціей. Но онъ больше и не помышлялъ о томъ, чтобы въ нее вернуться. Тотчасъ по прибытіи въ Америку, онъ рѣшился написать Фелисѝ. Три письма его остались

Digitized by Google

безъ отвѣта и онъ дѣлалъ всякія предположенія: или его письма перехватывали, или его жена умерла, или она тоже уѣхала изъ Парижа. Спустя годъ онъ опять написалъ, но также не получилъ отвѣта. Чтобы не выдать себя, онъ писалъ Фелиси подъ вымышленнымъ именемъ и о какомъ-то выдуманномъ дѣлѣ, разсчитывая, что она узнаетъ его почеркъ и пойметъ его. И вотъ это упорное молчаніе какъ-бы притупило его воспоминанія. Онъ умеръ, у него никого не было больше въ цѣломъ мірѣ, и ему ни до чего не было дѣла. Въ продолженіи почти цѣлаго года, онъ работалъ на угольныхъ копяхъ, и не видѣлъ больше солнца; онъ довольствовался тѣмъ, что ѣлъ и спалъ, и ничего больше не желалъ. Онъ точно одеревенѣлъ.

Разъ вечеромъ, въ кабакѣ, онъ услышалъ, что въ Парижѣ обнародована амнистія и что коммунары возвращаются. Это пробудило его. Ему захотѣлось ѣхать вмѣстѣ съ другими и поглядѣть на ту улицу, гдѣ онъ жилъ. Сначала это было инстинктивное движеніе. Затѣмъ въ вагонѣ мозгъ его принялся работать и онъ подумалъ, что можетъ быть еще счастливъ, если ему удастся найти Фелиси и Луизу. Надежда просыпалась въ его душѣ; онъ свободенъ; онъ открыто будетъ искать ихъ, и ему стало наконецъ представляться, что онъ найдетъ ихъ въ ихъ квартирѣ въ улицѣ des Envierges, за обѣденнымъ столомъ, за которымъ будетъ поджидать его приборъ. Все объяснится и окажется пустымъ недоразумѣніемъ. Онъ сходитъ въ мэрію, объявитъ о себѣ и они заживутъ по прежнему. Конечно, онъ вернется безъ денегъ, но въ эту блаженную минуту трудъ не пугалъ его.

Въ Парижѣ, на сѣверной станціи толпился народъ. Какъ только путешественники показались, раздались крики, восторгъ былъ безумный; руки махали шляпами, рты вопили одно имя. Дамуръ на минуту испугался; онъ не понималъ въ чемъ дѣло; ему показалось, что всѣ эти люди собрались затѣмъ, чтобы освистать его. Потомъ онъ узналъ имя, которое прославляли, имя одного знаменитаго члена коммуны, ѣхавшаго съ тѣмъ же поѣздомъ; бѣглаго каторжника, которому народъ дѣлалъ овацію. Дамуръ видѣлъ, какъ онъ прошелъ со слезами на глазахъ, улыбаясь, тронутый этой шумной встрѣчей. Когда онъ, наконецъ, съ трудомъ сѣлъ въ фіакръ, толпа заговорила о томъ, чтобы распрячь лошадей и везти экипажъ на себѣ. Толкотня была страшная, толпа бросилась въ улицу Лафайетъ и запрудила ее: виднѣлось море головъ и среди ихъ медленно двигался фіакръ, точно тріумфальная колесница. И Дамуръ, котораго совсѣмъ затолкали, насилу добрался до наружныхъ бульваровъ. Никто не обращалъ на него вниманія, и онъ чувствовалъ себя забытымъ, покинутымъ всѣми. Всѣ его страданія: Версаль, переѣздъ по морю, Нумея, горько припоминались ему.

Digitized by Google

Но на наружныхъ бульварахъ онъ растрогался. Онъ все позабылъ; ему казалось, что онъ отвозилъ работу и теперь спокойно возвращается въ улицу des Envierges. Десять лѣтъ жизни какъ-бы стирались изъ его памяти. Но прежняя, знакомая обстановка возбуждала въ немъ удивленіе. Наружные бульвары стали какъ-бы шире; лица прохожихъ волновали его, онъ останавливался передъ вывѣсками и дивился на нихъ. Смущеніе его возросло, когда онъ пришелъ въ улицу des Envierges. Отъ видѣлъ тѣ же улицы, тѣ же дома, но не узналъ людей. Всѣ лица были ему незнакомы и по мѣрѣ того какъ онъ шелъ далѣе, его начиналъ разбирать страхъ, и у него пропадала охота идти дальше. Къ чему онъ возвращается? Что онъ тутъ будетъ дѣлать?

Дойдя до дома, гдѣ онъ прежде жилъ, онъ три раза проходилъ мимо, не осмѣливаясь войти. Напротивъ лавка угольщика исчезла; теперь тамъ былъ фруктовый магазинъ. И торговка, стоявшая у двери, показалась ему такой здоровенной, такой гордой, что онъ не посмѣлъ обратиться къ ней съ разспросами, какъ хотѣлъ-было сначала. Онъ предпочелъ обратиться къ привратницѣ самого дома.

— Позвольте спросить, здѣсь живетъ m-me Дамуръ.

— Не знаю.... Такой нѣтъ....

Онъ остолбенѣлъ. Вмѣсто прежней привратницы, женщины необъятныхъ размѣровъ, передъ нимъ была маленькая, худенькая женщина, съ сердитымъ лицомъ, подозрительно на него глядѣвшая. Онъ продолжалъ:

— M-me Дамуръ жила во дворѣ, десять лѣтъ тому назадъ.

— Десять лѣтъ!—закричала привратница.—Ну, съ тѣхъ поръ много воды утекло!... мы здѣсь только съ января мѣсяца.

— Быть можетъ m-me Дамуръ оставила свой адресъ?

— Нѣтъ, не знаю.

И такъ какъ онъ настаивалъ, она разсердилась, пригрозила, что позоветъ мужа.

— Ахъ! кончите вы или нѣтъ съ вашимъ шпіонствомъ, иные люди любятъ совать свой носъ.....

Онъ покраснѣлъ и ушелъ, стыдясь своихъ отрепанныхъ панталонъ и грязной блузы. Пройдя нѣсколько шаговъ по улицѣ, повѣся носъ, онъ вернулся, не рѣшаясь уйти ни съ чѣмъ. Можетъ быть, надъ нимъ сжалятся и дадутъ ему какія-нибудь свѣдѣнія. И онъ оглядывался кругомъ, осматривалъ дома, старался сообразить, гдѣ онъ. Въ этихъ домахъ, населенныхъ бѣдняками, жильцы часто мѣняются, и въ десять лѣтъ все населеніе перемѣнилось. Къ тому же, осторожность не покидала его; въ немъ говорили стыдъ, нелюдимство, которые заставляли его вздрагивать при мысли, что его узнаютъ. Подходя

Digitized by Google

къ концу улицы, онъ наконецъ увидѣлъ знакомыя лица, торговку табакомъ, бакалейщика, прачку, булочницу, у которыхъ они когда-то брали хлѣбъ. И вотъ, въ продолженіи четверти часа онъ колебался, прохаживался передъ лавками, не смѣя войти, и весь въ поту отъ жестокой борьбы, происходившей въ немъ. Съ сильно бьющимся сердцемъ онъ рѣшился обратиться къ булочницѣ, заспанной бабѣ, которая всегда была точно осыпана мукой. Она поглядѣла на него и не шевельнулась за прилавкомъ. Разумѣется, она не узнала его: онъ такъ загорѣлъ, облысѣлъ и оброс длинной бородой. Это нѣсколько пріободрило его и онъ, кунивъ хлѣбецъ въ одно су, рѣшился спросить:

— Нѣтъ-ли въ числѣ вашихъ покупателей женщины съ дочкой.. m-me Дамуръ.

Булочница задумалась, потомъ своимъ вялымъ голосомъ сказала:

— Ахъ! да, прежде, кажется, была.... Давно ужъ, не помню.... Вѣдь столько народу приходитъ.

Онъ долженъ былъ удовольствоваться этимъ отвѣтомъ. На слѣдующіе дни, онъ опять приходилъ, разспрашивалъ всѣхъ уже смѣлѣе; но вездѣ встрѣчалъ онъ то же равнодушіе, то же забвеніе, вмѣстѣ съ противорѣчивыми свѣдѣніями, которыя только сбивали его съ толку. Словомъ, несомнѣнно казалось одно: что Фелиси выѣхала изъ этого квартала, года два спустя послѣ его прибытія въ Нумею, вскорѣ послѣ его бѣгства. И никто не зналъ ея адреса, одни называли Кальу, другіе Батиньоль. Никто даже не помнилъ маленькой Луизы.

Кончено дѣло. Онъ разъ сѣлъ на бульварную скамью и заплакалъ, говоря себѣ, что больше не стоитъ розыскивать. Что ему было дѣлать? Парижъ казался ему пустыннымъ. Ничтожные гроши, давшіе ему возможность вернуться во Францію, приходили къ концу. Одну минуту онъ думалъ-было вернуться въ Бельгію, въ свои угольныя копи, гдѣ онъ жилъ подъ землею, ничего не помня, счастливый какъ животное, которое не размышляетъ.

Однако остался и бѣдствовалъ, голодалъ, не находя себѣ работы. Его отовсюду прогоняли, находя, что онъ слишкомъ старъ. Ему было только пятьдесятъ пять лѣтъ, но ему можно было дать семьдесятъ пять, до того его состарили десятилѣтнія страданія. Онъ бродилъ какъ волкъ; ходилъ смотрѣть на лѣса вокругъ зданій, сожженныхъ коммуною, и добывалъ себѣ работу, которую поручаютъ дѣтямъ и старикамъ. Одинъ каменотесъ, строившій ратушу, обѣщалъ ему доставить мѣсто сторожа рабочихъ инструментовъ; но это обѣщаніе такъ и оставалось пока обѣщаніемъ, и онъ умиралъ съ голоду.

Разъ, стоя на мосту Нотръ-Дамъ, онъ глядѣлъ, какъ текла вода

Digitized by Google

и у него закружилась голова; самоубійство—прибѣжище бѣдняковъ, начинало мерещиться ему. Онъ съ трудомъ оторвался отъ парапета, и при этомъ чуть не свалилъ съ ногъ прохожаго, высокаго малаго въ бѣлой блузѣ, который принялся ругать его:

— Негодай!

Но Дамуръ глядѣлъ на него, выпучивъ глаза:

— Беррю!—закричалъ онъ, наконецъ.

То былъ въ самомъ дѣлѣ Беррю, измѣнившійся въ свою пользу, потолстѣвшій, помолодѣвшій. Со времени своего возвращенія Дамуръ часто вспоминалъ о немъ, но гдѣ было искать Беррю, мѣнявшаго квартиры каждыя двѣ недѣли?

Между тѣмъ маляръ таращилъ глаза, и когда тотъ назвалъ себя дрожащимъ голосомъ, сначала было не повѣрилъ.

— Не можетъ быть! твердилъ онъ,—что за вздоръ!

Наконецъ призналлъ-таки его и такъ ахалъ, что чуть не собралъ вокругъ нихъ толпы народа.

— Да вѣдь ты умеръ! ну, знаешь, вотъ уже чего никакъ не ожидалъ! Такія штуки не часто откалываютъ! Послушай, неужто въ самомъ дѣлѣ ты живъ?

Дамуръ говорилъ шопотомъ, просилъ его не кричать. Тогда Беррю, находившій все это забавнымъ, взялъ его подъ руку и отвелъ въ пивной погребокъ въ улицѣ Сенъ-Мартенъ. И тамъ осыпалъ его вопросами, хотѣлъ, чтобы онъ разсказалъ ему всю свою исторію.

— Подожди,—отвѣчалъ Дамуръ, когда они сѣли за столъ,—скажи мнѣ прежде всего, гдѣ моя жена?

Беррю поглядѣлъ на него съ изумленнымъ видомъ.

— Какъ, гдѣ твоя жена?

— Ну да, ты знаешь ея адресъ?

Изумленіе маляра все возрастало. Онъ медленно проговорилъ:

— Конечно, я знаю ея адресъ.... Но ты развѣ не знаешь этой исторіи?

— Чего? какой исторіи?

Тутъ Беррю не выдержалъ:

— Нѣтъ? вотъ такъ штука! Такъ ты ничего не знаешь? жена твоя вышла замужъ, голубчикъ!..

Дамуръ, державшій въ рукахъ рюмку, поставилъ ее на столъ, потому что рука у него такъ задрожала, что вино потекло у него по пальцамъ. Онъ сталъ вытирать ихъ блузой, повторяя глухимъ голосомъ:

— Что ты говоришь? вышла замужъ, вышла замужъ! Ты навѣрно это знаешь?

Вотъ еще! ты умеръ, она вышла замужъ! тутъ нѣтъ ничего уди-

Digitized by Google

вительнаго... Но только теперь это выходитъ забавно, когда ты воскресъ.

И такъ какъ бѣднякъ молчалъ, сраженный этимъ извѣстіемъ, онъ передалъ ему подробности.

Фелисѝ теперь очень счастлива. Она вышла замужъ за мясника въ улицѣ des Moines въ Батиньолѣ, за вдовца, дѣлами котораго отлично управляетъ. Саньяръ,—мясника зовутъ Саньяромъ,—шестидесятилѣтній толстякъ, хорошо сохранился; лавка ихъ на углу улицы Нолле́, одна изъ самыхъ бойкихъ въ кварталѣ, съ красной рѣшеткой и позолоченными бычачьими головами по обоимъ угламъ вывѣски.

— Что-жъ ты теперь намѣренъ дѣлать? — спрашивалъ Беррю, послѣ каждой подробности.

Дамуръ, озадаченный описаніемъ лавки, неопредѣленно махнулъ рукою.

— А Луиза? спросилъ онъ вдругъ.

— Дочка твоя? Ахъ! я не знаю... Они ее сбыли вѣрно съ рукъ, потому что я ее у нихъ не видѣлъ.

— Правда твоя, они могутъ отдать тебѣ дочку, если сами съ нею не живутъ. Но только, что ты будешь дѣлать съ двадцатилѣтней дѣвчонкой, когда у тебя, кажется, карманъ-то пустъ? Гм! не въ обиду твоей чести будь сказано, но тебя можно принять за нищаго.

Дамуръ опустилъ голову, не находя словъ. Тогда Беррю велѣлъ принести второй штофъ, чтобы его утѣшить.

— Ну же, ну, если ты остался въ живыхъ, то пріободрись маленько.—Еще не все потеряно. Какъ-нибудь уладится. Что ты намѣренъ дѣлать?

И оба пріятеля пустились въ нескончаемыя разсужденія, безпрестанно повторяя одни и тѣ же аргументы. Чего Беррю не разсказалъ, такъ это то, что тотчасъ же послѣ отъѣзда Дамура онъ старался сойтись съ его женой, соблазнявшей его своими широкими плечами. Поэтому онъ питалъ къ ней глухую непріязнь за то, что она предпочла ему мясника Саньяра, изъ-за его денегъ, конечно. Когда они принялись за третій штофъ, онъ закричалъ:

— Я бы на твоемъ мѣстѣ пошелъ бы къ нимъ и поселился бы у нихъ, а Саньяра выгналъ бы за дверь, если бы онъ мнѣ сталъ надоѣдать... Ты вѣдь въ своемъ правѣ. Законъ на твоей сторонѣ.

Мало-по-малу Дамуръ опьянѣлъ; вино распалило его блѣдныя щеки. Онъ повторялъ, что подумаетъ. Но Беррю подстрекалъ его, хлопалъ его по плечу и спрашивалъ: мужчина-ли онъ? Вѣдь онъ мужчина, не правда-ли? и онъ такъ любилъ эту женщину! да и до сей поры любитъ ее такъ, что готовъ зажечь Парижъ съ четырехъ концовъ, чтобы снова получить ее! А если такъ, чего же онъ до-

Digitized by Google

жидается? Если она ему принадлежитъ, то надо ее взять. Оба пріятеля, теперь сильно пьяные, громко орали подъ носъ другъ другу.

— Пойду,—вдругъ сказалъ Дамуръ, съ трудомъ поднимаясь на ноги.

— Насилу-то! Было бы просто подло не идти!—закричалъ Беррю... —Я пойду съ тобою.

И они направились въ Батиньоль.

III.

На углу улицы des Moines и улицы Nollet красовалась богатая лавка съ красной рѣшеткой и золочеными бычачьими головами. Цѣлыя части быковъ висѣли на бѣлыхъ простыняхъ, между тѣмъ какъ длинные ряды бараньихъ окороковъ, обвитыхъ бѣлой бумагой съ кружевнымъ бордюромъ, образовали гирлянды. На мраморныхъ столахъ мясо навалено было грудами: отрѣзанные и убранные куски, розовая телятина, пурпуровая баранина, багровая говядина, съ жировыми прожилками, точно мраморъ. Мѣдныя лохани, вѣсы — все блестѣло. И такое обиліе, такое здоровье царили въ свѣтлой лавкѣ, вымощенной мраморомъ.

Въ глубинѣ лавки, озаренная свѣтомъ, проникавшимъ съ улицы, Фелиси засѣдала за высокой конторкой, гдѣ зеркала защищали ее отъ сквознаго вѣтра. Она была очень свѣжа, тою зрѣлой свѣжестью, какая отличаетъ женщинъ, перевалившихъ за сорокъ. Опрятная, съ гладкой кожей, черными гладко причесанными волосами и бѣлой шеей, она улыбалась съ спокойной озабоченностью дѣловой женщины, которая, держа въ одной рукѣ перо, а другою давая сдачу, представляетъ собою честность и благоденствіе торговаго дома. Приказчики рѣзали, взвѣшивали и выкликивали цѣны, а покупатели дефилировали передъ Фелиси, которая получала деньги, любезнымъ голосомъ разспрашивая про новости дня. Въ эту минуту маленькая женщина съ болѣзненнымъ лицомъ расплачивалась съ нею за двѣ котлетки, на которыя смотрѣла съ жалобнымъ видомъ.

— Пятнадцать су, не правда-ли?—говорили Фелиси.—Что же вы, значитъ, все еще не поправились, m-me Вердье?

— Нѣтъ, не поправилась; все еще страдаю желудкомъ. Что ни съѣмъ, всѣмъ меня рветъ. Докторъ говоритъ, что мнѣ надо есть говядину, но она такъ дорога... Вы знаете, угольщикъ умеръ.

— Не можетъ быть!

— Ну, онъ умеръ не отъ желудка, а отъ живота. Двѣ котлетки —пятнадцать су! Птица дешевле.

Digitized by Google

— Что дѣлать, m-me Вердье, это не наша вина. Мы сами не знаемъ, какъ быть. Что тамъ такое Шарль?

Разговаривая и сдавая деньги, она не переставала наблюдать за тѣмъ, что происходило въ лавкѣ и увидѣла, что приказчикъ разговариваетъ съ двумя мужчинами на тротуарѣ. Такъ какъ приказчикъ не слышалъ ее, она повторила громче:

— Шарль, что имъ требуется?

Но она не дождалась отвѣта. Она узнала одного изъ двухъ людей, вошедшихъ въ лавку, того, что шелъ впереди.

— Ахъ! это вы, m-r Беррю.

И казалось совсѣмъ не была ему рада и стиснула губы съ презрительной миной. Оба пріятеля, по дорогѣ отъ улицы Сенъ-Мартенъ до Батиньоля, заходили не разъ въ винные погребки, такъ какъ путь былъ длинный, а у нихъ пересыхало въ горлѣ; они громко говорили и все спорили. Поэтому оба были сильно навеселѣ. Дамуръ почувствовалъ, что его точно-что кольнуло, когда Беррю рѣзкимъ жестомъ показалъ ему Фелиси, такую красивую и молодую, возсѣдающую за конторкой, говоря ему:

— Гляди, вотъ она.

Не можетъ быть, это вѣрно Луиза, и это она такъ похожа на свою мать, какъ та была когда-то; навѣрное Фелиси должна быть старше.

И вся эта богатая лавка, кровавое мясо, сверкающая мѣдь, и эта женщина, хорошо одѣтая, съ дѣловымъ видомъ запустившая руку въ груду денегъ, вдругъ разсѣяли его гнѣвъ и храбрость и внушили ему настоящій страхъ. Онъ никакъ не ждалъ такого дѣйствія. Теперь ему хотѣлось убѣжать со всѣхъ ногъ, онъ блѣднѣлъ при мысли войти туда. Къ чему, если Фелиси счастлива? Никогда эта дама не согласится вернуться къ нему, такому отрепанному нищему, въ грязной блузѣ и съ длинной бородой. Онъ повернулся и собрался скорѣе уйти, когда Беррю схватилъ его.

— Чортъ побери! да у тебя вѣрно не кровь течетъ въ жилахъ... Эхъ! на твоемъ мѣстѣ я бы имъ задалъ перцу! и не ушелъ бы, не получивъ своей доли,—да, половину этихъ окороковъ и всего прочаго. Иди же, мокрая курица!

И онъ насильно перевелъ Дамура черезъ улицу. Затѣмъ, спросивъ у одного изъ приказчиковъ: дома ли Саньяръ и узнавъ, что мясникъ находится на бойнѣ, вошелъ первый, чтобы ускорить событія. Дамуръ слѣдовалъ за нимъ съ тупымъ видомъ.

— Чѣмъ могу вамъ служить, m-r Беррю?—спросила Фелиси не особенно любезнымъ тономъ.

— Не я, а мой товарищъ имѣетъ вамъ передать нѣчто,—отвѣчалъ маляръ.

Digitized by Google

Онъ отошелъ въ сторону и теперь не онъ, а Дамуръ очутился напротивъ Фелиси. Она глядѣла на него,—онъ, блѣдный и смущенный, стоялъ, опустивъ глаза. Сначала лицо ея выразило отвращеніе къ этому жалкому и пьяному оборванцу; но потомъ, вглядываясь въ него пристальнѣе, она вдругъ поблѣднѣла и, сдержавъ крикъ, готовый вырваться изъ груди, выронила деньги, которыя держала въ рукѣ, и онѣ съ шумомъ покатились въ ящикъ.

— Что съ вами? вамъ дурно?—спросила m-me Вердье, съ любопытствомъ прислушивавшаяся.

Фелиси сдѣлала жестъ рукой, какъ-бы желая оттолкнуть всѣхъ лишнихъ зрителей. Она не могла говорить. Съ усиліемъ поднялась съ мѣста и направилась въ столовую. Хотя она и не приглашала ихъ, но оба человѣка пошли вслѣдъ за ней: Беррю, ухмыляясь, Дамуръ, уставившись глазами въ полъ, посыпанный пескомъ, точно онъ боялся упасть.

— А вѣдь это любопытно, честное слово,—проговорила m-me Вердье, оставшись одна съ приказчиками.

Тѣ перестали рѣзать и вѣшать и переглянулись съ удивленнымъ видомъ. Но, не желая скомпрометтировать себя, принялись за работу, съ равнодушнымъ видомъ, не отвѣчая m-me Вердье, которая ушла, держа котлетки въ рукахъ и разглядывая ихъ съ кислымъ видомъ.

Въ столовой Фелиси показалось, что они все еще недостаточно одни; она растворила вторую дверь и ввела обоихъ мужчинъ въ свою спальню. Это была очень чистая, покойная комната, съ бѣлыми занавѣсями у кровати и оконъ, позолоченными часами и мебелью изъ краснаго дерева, на которой не видно было ни пылинки. Фелиси бросилась въ кресло, обтянутое голубымъ репсомъ, и нѣсколько разъ повторила эти слова:

— Это вы... это вы!

Дамуръ ничего не говорилъ. Онъ разглядывалъ комнату и не смѣлъ садиться, потому что стулья казались ему слишкомъ чистыми. Беррю опять заговорилъ первый:

— Да, онъ уже двѣ недѣли какъ васъ розыскиваетъ; встрѣтилъ меня, ну, я и привелъ его.

И затѣмъ какъ-бы нашелъ нужнымъ извиниться.

— Вы понимаете, я не могъ иначе поступить. Вѣдь это старинный товарищъ и у меня сердце повернулось, когда я увидѣлъ его въ такой нуждѣ.

Между тѣмъ Фелиси нѣсколько оправилась. Она была самая разсудительная изъ всѣхъ троихъ, а также и самая здоровая. Когда она перестала задыхаться и нѣсколько ободрилась, то захотѣла выдти изъ нестерпимаго положенія и первая приступила къ тяжелому объясненію.

Digitized by Google

— Послушай, Жакъ, чего ты хочешь?

Онъ не отвѣчалъ.

— Да, правда, я вышла замужъ,—продолжала она,—но вѣдь я не виновата, ты это знаешь; я считала тебя умершимъ и ты ничего не дѣлалъ, чтобы вывести меня изъ заблужденія.

Дамуръ, наконецъ, заговорилъ:

— Нѣтъ, я тебѣ писалъ.

— Клянусь тебѣ, что я не получала твоихъ писемъ. Ты меня знаешь, ты знаешь, что я никогда не лгала... Словомъ, ты считался умершимъ. Погляди, вотъ у меня тутъ въ ящикѣ...

Она открыла письменный столъ и вынула съ лихорадочной поспѣшностью бумагу и подала ее Дамуру, который сталъ ее читать съ растереннымъ видомъ. То было свидѣтельство о его смерти. Она продолжала:

— Тогда я почувствовала свое одиночество и приняла предложеніе человѣка, желавшаго вывести меня изъ моего тяжелаго, бѣдственнаго положенія... Вотъ и вся моя вина. Я соблазнилась мыслью о счастіи. Вѣдь это не преступленіе, не правда ли? и тебѣ не въ чемъ меня упрекать.

Онъ слушалъ ее, опустивъ голову, смиренно чувствуя себя смущеннѣе, чѣмъ была она. Но рѣшился, однако, поднять глаза.

— А гдѣ моя дочь?—спросилъ онъ.

Фелиси опять задрожала и прошептала:

— Твоя дочь?... Не знаю; она больше не живетъ со мною.

— Какъ такъ?

— Да. Я помѣстила ее къ тетушкѣ. Она отъ нея убѣжала и пошла по дурной дорогѣ.

Дамуръ съ минуту молчалъ съ спокойнымъ видомъ, точно не понялъ. Затѣмъ вдругъ онъ, такой передъ тѣмъ смущенный, ударилъ кулакомъ по комоду, да съ такой силой, что коробочка, выложенная раковинами, стоявшая на немъ, запрыгала. Но онъ не сказалъ ни слова, потому что двое дѣтей, мальчикъ лѣтъ шести и дѣвчоночка лѣтъ четырехъ, отворили дверь и, подбѣжавъ къ Фелиси, бросились ей на шею съ порывомъ радости.

— Здравствуй, мамочка, мы пришли изъ саду, знаешь, тамъ, въ концѣ улицы... Франсуаза сказала, что пора домой... Ахъ! Еслибъ ты знала, тамъ есть песокъ, есть цыплятки въ водѣ...

— Хорошо, оставьте меня,—сказала мать рѣзко.

И позвала няньку:

— Франсуаза, уведите ихъ... Какъ глупо, что вы такъ рано вернулись.

Дѣти ушли опечаленныя, а нянька, оскорбленная тономъ своей госпожи, толкала ихъ передъ собой. Фелиси овладѣлъ безумный

Digitized by Google

страхъ, чтобы Жакъ не укралъ у нея дѣтей; онъ могъ схватить ихъ и убѣжать. Она видѣла, какъ глаза его засверкали, глядя на нихъ. Беррю, котораго никто не пригласилъ сѣсть, спокойно развалился въ креслѣ, пробормотавъ на ухо Дамуру:

— Маленькіе Саньяры... Гмъ! какъ ребята-то скоро растутъ.

Когда дверь затворилась, Дамуръ вторично ударилъ кулакомъ по комоду, крича:

— Все это не то; мнѣ нужно мою дочь, и я пришелъ взять ее отъ тебя.

Фелисѝ оледенѣла.

— Сядь и поговоримъ,—проговорила она.—Безполезно сердиться... Итакъ, ты пришелъ за мною?

— Да, ты пойдешь со мной и немедленно. Я твой мужъ, я твой настоящій мужъ. О! я знаю свои права... Не правда ли, Беррю, что я въ своемъ правѣ? Ну же, надѣвай шляпку, будь умница, если не хочешь, чтобы всѣ узнали про наши дѣла.

Она глядѣла на него и невольно ея встревоженное лицо говорило, что она его не любитъ больше, что онъ ей страшенъ и противенъ. Какъ! она такая бѣлая, такая полная, привыкшая теперь ко всѣмъ сладостямъ буржуазной жизни, снова начнетъ свою тяжелую и нищенскую жизнь былого времени въ обществѣ этого человѣка, который былъ похожъ на привидѣніе! Цѣлая бездна образовалась между ними.

— Ты отказываешься,—началъ Дамуръ, читавшій на ея лицѣ.—О! я понимаю, ты привыкла сидѣть барыней за конторкой, а у меня нѣтъ хорошей лавки, нѣтъ ящика, набитаго деньгами, для твоего удовольствія... Потомъ у тебя есть малютки, и ты ихъ, кажется, лучше бережешь, чѣмъ Луизу. Сгубивъ дочь, ничего не стоитъ наплевать на отца... но мнѣ это все равно. Я хочу, чтобы ты шла за мной и ты пойдешь, а не то я отправлюсь къ полицейскому комиссару, чтобы онъ привелъ тебя ко мнѣ съ жандармами... Я въ своемъ правѣ, Беррю, не правда-ли?

Маляръ кивнулъ головой. Эта сцена его очень занимала. Но когда онъ увидѣлъ, что Дамуръ взбѣшенъ, опьянѣвъ отъ своихъ словъ, а Фелисѝ готова заплакать и упасть въ обморокъ, онъ нашелъ нужнымъ явиться примирителемъ, и сказалъ наставительнымъ тономъ:

— Да, да, ты въ своемъ правѣ; но надо посмотрѣть, надо подумать... Я всегда велъ себя прилично... Прежде чѣмъ рѣшишься на что-нибудь, было бы полезно переговорить съ m-r Саньяромъ, а такъ какъ его дома нѣтъ...

Онъ умолкъ и продолжалъ голосомъ, дрожавшимъ отъ притворнаго умиленія:

Digitized by Google

— Но только пріятелю моему приходится не въ терпежъ. Въ его положеніи трудно ждать... Ахъ, сударыня! если бы вы знали, сколько онъ выстрадалъ. А теперь голъ, какъ соколъ, умираетъ съ голоду, его отовсюду прогоняютъ... Когда я встрѣтилъ его сейчасъ, онъ уже цѣлыя сутки ничего не ѣлъ.

Фелиси́, переходя отъ страха къ умиленію, не могла удержать слезъ, душившихъ ее. Ею овладѣла безконечная печаль, какое-то сожалѣніе и отвращеніе къ жизни. У нея вырвался крикъ:

— Прости меня, Жакъ!

Потомъ, успокоившись, она продолжала:

— Что́ сдѣлано, того не передѣлаешь. Но я не хочу, чтобы ты былъ несчастливъ... Позволь мнѣ помочь тебѣ.

Дамуръ сдѣлалъ рѣзкій жестъ.

— Разумѣется,—поспѣшно вмѣшался Беррю,—домъ здѣсь полная чаша и твоя жена можетъ помочь тебѣ... Положимъ, что ты не хочешь денегъ, но ты можешь принять подарокъ. Вѣдь вы не прочь обезпечить ему кусокъ хлѣба?

— О! сколько угодно, m-r Беррю.

Но Дамуръ опять застучалъ по комоду.

— Спасибо, я такого хлѣба не ѣмъ.

И, поглядѣвши Фелиси́ прямо въ глаза, прибавилъ:

— Я тебя хочу и ничего другого, и возьму тебя... Оставь себѣ свою говядину.

Фелиси́ опять отодвинулась съ отвращеніемъ и ужасомъ. Дамуръ опять вышелъ изъ себя, грозилъ, что все перековеркаетъ, произносилъ страшныя обвиненія. Онъ требовалъ адреса своей дочери и трясъ Фелиси́ вмѣстѣ съ ея кресломъ, крича, что она продала дѣвушку, а Фелиси́, одурѣвъ отъ всей этой неожиданной исторіи, не защищалась, а только медленно повторяла, что не знаетъ адреса, но что, навѣрное, его можно получить въ полицейской префектурѣ. Ей казалось, что все кончено для нея; Саньяръ сейчасъ вернется, дѣти также; все рушилось вокругъ нея — и она даже не сопротивлялась. Но Дамуръ, который только-что усѣлся на стулъ, божась, что никакой чортъ его съ него не сдвинетъ, вдругъ всталъ и, ударивъ въ послѣдній разъ кулакомъ по столу, сильнѣе прежняго, закричалъ:

— Ну! чортъ возьми! я ухожу... Да, я ухожу, потому что мнѣ такъ нравится... Но это ничего не значитъ: я вернусь, когда твой хозяинъ будетъ дома, — я васъ всѣхъ разнесу: его, тебя, ребятъ и всю вашу проклятую хижину. Подожди, увидишь!

И вышелъ, грозя кулакомъ. Въ душѣ онъ былъ радъ кончить. Беррю, отставшій отъ него, сказалъ примирительнымъ тономъ, въ восторгѣ, что попалъ въ такую кашу и что у него есть предлогъ навѣщать красавицу m-me Саньяръ:

Digitized by Google

— Не бойтесь, я его не оставлю... Надо, во что бы то ни стало, устранить бѣду.

И до того расхрабрился, что взялъ ея руку и поцѣловалъ. Она не сопротивлялась,—ей было все равно; если бы Дамуръ взялъ ее подъ-руку, она бы пошла за нимъ. И стала прислушиваться къ шагамъ обоихъ мужчинъ, проходившихъ по лавкѣ. Приказчикъ отрубалъ большую четверть баранины. Голоса выкрикивали цифры. Тогда инстинктъ дѣловой женщины привелъ ее за конторку, и она усѣлась —блѣдная, но спокойная, точно ничего не случилось.

— Сколько слѣдуетъ получить?—спросила она.

— Семь франковъ пятьдесятъ сантимовъ, сударыня.

И она подала сдачу.

IV.

На другой день Дамуру улыбнулось счастье: каменотесъ доставилъ ему мѣсто сторожа при постройкѣ ратуши. И такимъ образомъ онъ сталъ стеречь зданіе, которое десять лѣтъ тому назадъ помогалъ сжечь. Это было, впрочемъ, очень легкое дѣло, изъ тѣхъ, которыя усыпляютъ и отупляютъ. Ночью онъ бродилъ у подножія лѣсовъ, прислушивался къ шуму, засыпалъ на мѣшкахъ изъ-подъ извести. Онъ больше не собирался идти въ Батиньоль. Однако разъ, когда Беррю пригласилъ его завтракать, онъ сталъ кричать за третьимъ штофомъ, что завтра же устроитъ тамъ скандалъ. На другой день онъ не тронулся съ мѣста. Съ тѣхъ поръ это установилось: пьяный онъ выходилъ изъ себя и требовалъ своихъ правъ, — трезвый онъ былъ мраченъ, озабоченъ и какъ-будто стыдился чего-то. Беррю сталъ, наконецъ, надъ нимъ подтрунивать, говоря, что онъ не мужчина. Но онъ оставался къ этому равнодушенъ, и только бормоталъ, какъ-бы про-себя: „Значитъ, надо ихъ убить... Я жду, чтобы мнѣ этого захотѣлось“.

Разъ, вечеромъ, онъ отправился, — дошелъ до улицы Монсэ, потомъ, просидѣвъ часъ на скамейкѣ, вернулся къ своей постройкѣ. Днемъ ему показалось, что онъ видѣлъ, какъ мимо его проѣхала дочь, раскинувшись на подушкахъ великолѣпнаго ландо. Беррю предлагалъ ему приняться за розыски: онъ былъ увѣренъ, что добудетъ адресъ Луизы въ двадцать-четыре часа. Но тотъ отказывался. Къ чему это? Но мысль, что эта красавица въ колескѣ, съ бѣлыми лошадьми, могла быть его дочерью, перевернула ему сердце. Грусть его усилилась. Онъ купилъ ножъ и показалъ его Беррю, говоря, что хочетъ пустить кровь мяснику. Фраза ему понравилась; онъ ее безпрестанно повторялъ, какъ веселую шутку.

— Я пущу кровь мяснику; каждому свой чередъ, не правда ли?

Digitized by Google

И тогда Беррю держалъ его по цѣлымъ часамъ въ погребкѣ улицы Тампль, убѣждая его, что онъ не долженъ пускать крови никому. Это глупо, потому что за это повѣсятъ. И онъ бралъ его за руки и требовалъ, чтобы онъ поклялся, что не накличетъ на себя бѣду. Но Дамуръ твердилъ съ упрямымъ смѣхомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, каждому свой чередъ... Я пущу кровь мяснику.

Дни проходили, а онъ его не трогалъ. Но случилось событіе, долженствовавшее, повидимому, ускорить катастрофу. Его прогнали съ постройки, потому что въ одну ненастную ночь онъ уснулъ и проглядѣлъ, какъ украли лопату. Отнынѣ ему опять пришлось голодать, бродя по улицамъ: онъ еще былъ слишкомъ гордъ, чтобы просить милостыню, и съ алчными глазами останавливался передъ выставкой съѣстныхъ припасовъ. Но нищета не раздражала, а отупляла его. Онъ повѣсилъ носъ, погруженный въ печальныя размышленія. Можно было подумать, что онъ не смѣлъ идти въ Батиньоль, теперь, когда у него не было чистой блузы.

Въ Батиньолѣ Фелиси жила въ постоянной тревогѣ. Вечеромъ въ тотъ день, какъ приходилъ Дамуръ, она ничего не сказала Саньяру; а на другой день ея мучило то, что она вчера промолчала, и она никакъ не могла рѣшиться заговорить. Поэтому она трепетала съ утра до вечера, каждый часъ ожидая, что войдетъ Дамуръ, и представляя себѣ ужасныя сцены. Хуже всего то, что въ лавкѣ должно быть что-нибудь пронюхали, потому что приказчики подсмѣивались, а когда m-me Вердье приходила за своими котлетами, то съ такимъ видомъ получала сдачу, что у Фелиси душа уходила въ пятки. Наконецъ, вечеромъ, въ постелѣ, она бросилась на шею Саньяру и во всемъ ему призналась, рыдая. Она повторила то, что̀ сказала Дамуру: она невиновата, потому что если люди умерли, то имъ не слѣдуетъ возвращаться. Саньяръ, очень бодрый, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, и очень добрый человѣкъ, утѣшалъ ее. Боже мой! все это невесело, конечно, но какъ-нибудь уладится. Вѣдь все на свѣтѣ улаживается! Онъ самъ, какъ человѣкъ денежный и съ положеніемъ въ свѣтѣ, испытывалъ главнымъ образомъ любопытство. Посмотримъ на это привидѣніе, поговоримъ съ нимъ. Исторія его настолько заинтересовала, что недѣлю спустя, такъ какъ Дамуръ не показывался, онъ сказалъ женѣ:

— Ну! чего же онъ не идетъ? Онъ, значитъ, бросилъ насъ?.. Если бы ты знала его адресъ, я бы самъ разыскалъ его.

И когда Фелиси стала упрашивать его сидѣть смирно, онъ прибавилъ.

— Но, милочка моя, вѣдь это я чтобы тебя успокоить... Я вѣдь вижу, что ты извелась. Надо съ этимъ кончить.

Фелиси въ самомъ дѣлѣ похудѣла подъ угрозой драмы, ожиданіе

Digitized by Google

которой увеличивало каждый день ея тревогу. Наконецъ, однажды, когда Саньяръ бранилъ приказчика, позабывшаго перемѣнить воду изъ-подъ телячьей головки, она пришла блѣдная, и пролепетала:

— Вотъ и онъ.

— Ахъ! очень хорошо! — сказалъ Саньяръ, тотчасъ же успокоиваясь.—Проведите его въ столовую.

Потомъ, не спѣша, повернулся къ приказчику:

— Промойте ее хорошенько холодной водой. Она вся протухла.

И пошелъ въ столовую, гдѣ нашелъ Дамура и Беррю. Они пришли вмѣстѣ случайно. Беррю встрѣтилъ Дамура въ улицѣ Клиши; онъ съ нимъ теперь рѣдко видѣлся, потому что ему надоѣло видѣть его нищимъ и онъ больше не находилъ его забавнымъ. Но когда онъ узналъ, что его пріятель отправляется въ улицу des Moines, онъ сталъ осыпать его упреками, объявляя ему, что это дѣло также и его собственное и что онъ могъ бы его предупредить. Потомъ, дорогою принялся учить его. Онъ надѣется, что онъ идетъ туда не затѣмъ, чтобы надѣлать глупостей, и даже хотѣлъ отнять у него ножъ. Дамуръ пожималъ плечами, не отвѣчая ни слова, съ упрямымъ видомъ человѣка, который про себя разумѣетъ, но не говоритъ. Онъ на все отвѣчалъ:

— Пойдемъ, если хочешь, но не приставай ко мнѣ.

Въ столовой Саньяръ нашелъ двухъ пріятелей. Фелисѝ убѣжала въ свою комнату и захватила съ собой дѣтей, и сидѣла теперь за запертою дверью, обмирая отъ страха и прижимая малютокъ къ себѣ, точно затѣмъ, чтобы защитить ихъ. Она напрягала свой слухъ, но ничего еще не слышала: два мужа, находившихся въ сосѣдней комнатѣ, были смущены и молча глядѣли другъ на друга:

— Такъ это вы? — спросилъ, наконецъ, Саньяръ, чтобы сказать что-нибудь.

— Да, это я,—отвѣчалъ Дамуръ.

Онъ находилъ Саньяра очень красивымъ и чувствовалъ себя совсѣмъ ничтожнымъ. Мяснику можно было дать не болѣе пятидесяти лѣтъ; то былъ толстякъ, съ свѣжимъ лицомъ, коротко остриженными волосами и безъ бороды. Въ жилетѣ, безъ сюртука, въ большомъ бѣломъ фартухѣ, чистомъ какъ снѣгъ, онъ имѣлъ веселый и молодой видъ.

— Я не съ вами желаю говорить,—сказалъ Дамуръ, колеблясь,— но съ Фелисѝ.

Тутъ къ Саньяру вернулся весь его апломбъ.

— Послушайте, пріятель, объяснимтесь. Чортъ побери! Намъ не въ чемъ упрекать другъ друга. Къ чему ссориться, когда никто не виноватъ.

Дамуръ, опустивъ голову, упорно глядѣлъ на ножку стола. Онъ пробормоталъ глухимъ голосомъ:

Digitized by Google

— Я на васъ не сержусь, оставьте меня въ покоѣ, уйдите. Я хочу говорить съ Фелиси.

— Ну, ужъ извините, вы съ ней говорить не будете, я вовсе не хочу, чтобы вы ее разстроили, какъ въ прошлый разъ, — спокойно отвѣчалъ мясникъ.—Мы можемъ переговорить и безъ нея... Впрочемъ, если вы будете благоразумны, все уладится. Если вы, какъ говорите, ее любите, то подумайте хорошенько какъ тутъ быть, и рѣшите такъ, чтобы она была счастлива.

— Молчите!—перебилъ тотъ запальчиво.—Не путайтесь въ это дѣло, а не то вамъ худо будетъ.

Онъ надвинулся на него съ угрожающимъ видомъ, и Берріо, воображая, что онъ ищетъ ножа въ карманѣ, бросился между двумя мужчинами, усердствуя. Но Дамуръ оттолкнулъ его, совсѣмъ взбѣшенный.

— Отстань отъ меня! Чего ты боишься! ты глупъ!

— Тише!—говорилъ спокойно мясникъ,—когда люди сердятся, они дѣлаютъ глупости. Послушайте, обѣщайте мнѣ не бушевать, если я позову Фелиси; она очень чувствительна; вы это знаете такъ же хорошо, какъ и я. Вѣдь ни вы, ни я не хотимъ убить ее, не правда ли? Вы будете хорошо вести себя?

— Эхъ! если бы я пришелъ затѣмъ, чтобы дурно вести себя, я бы давно уже задушилъ васъ съ вашими фразами.

Онъ высказалъ это такимъ прочувствованнымъ и горестнымъ тономъ, что Саньяра это тронуло.

— Ну, хорошо!—объявилъ онъ:—я позову Фелиси. О! я очень справедливъ и понимаю, что вы хотите обтолковать дѣло съ нею. Это ваше право.

Онъ подошелъ къ двери спальной и закричалъ:

— Фелиси! Фелиси!

Потомъ, такъ какъ Фелиси не трогалась съ мѣста, обмирая при мысли объ этомъ свиданіи и еще сильнѣе прижимая къ груди дѣтей, онъ потерялъ терпѣніе:

— Фелиси, иди же! Какъ ты глупо ведешь себя! Онъ обѣщаетъ быть очень благоразумнымъ.

Наконецъ ключъ повернулся въ замкѣ и Фелиси показалась и плотно затворила за собою дверь, все еще опасаясь за дѣтей.

Дамуръ заговорилъ медленно, путаясь въ словахъ, а Саньяръ повернулся спиной и, приподнявъ штору, глядѣлъ въ окно, чтобы показать, что онъ великодушенъ.

— Послушай, Фелиси, ты знаешь, что я никогда не былъ злымъ, это ты можешь сказать. Ну! мнѣ теперь поздно становиться злымъ. Сначала я хотѣлъ всѣхъ васъ тутъ перерѣзать. Потомъ я спросилъ себя: что же я отъ этого выиграю... Пусть лучше ты сама выберешь.

Digitized by Google

Мы рѣшимъ, какъ ты хочешь. Да, если судъ ничего не можетъ сдѣлать для насъ съ своимъ проклятымъ правосудіемъ, то ты скажешь намъ: кто тебѣ больше по сердцу... Отвѣчай, съ кѣмъ ты хочешь жить?

Но Фелисѝ не могла отвѣтить. Волненіе душило ее. Никогда бы она не рѣшилась.

— Хорошо,—продолжалъ Дамуръ тѣмъ же глухимъ голосомъ,—понимаю, ты хочешь съ нимъ остаться. Идя сюда, я зналъ, чѣмъ это кончится. И я не сержусь на тебя; я нахожу, что ты права. Я покончennый человѣкъ, у меня ничего нѣтъ, словомъ — ты меня не любишь, а онъ дѣлаетъ тебя счастливой, да и малютки...

Фелисѝ плакала, потому что была растрогана.

— Напрасно ты плачешь, потому что, повторяю, я не упрекаю тебя. Что сдѣлано, того не передѣлаешь. И вотъ, я задумалъ придти къ тебѣ еще разъ, чтобы сказать, что ты можешь спать спокойно. Теперь, когда ты выбрала, я тебя не буду больше мучить. Кончено, ты больше обо мнѣ не услышишь.

Онъ пошелъ-было къ двери, но Саньяръ, растроганный, остановилъ его, крича:

— Ахъ! да какой же вы славный человѣкъ, когда такъ! Но развѣ можно такъ разойтись. Вы съ нами отобѣдаете.

— Нѣтъ, благодарю,—отвѣчалъ Дамуръ.

Беррю, удивленный, находилъ, что все это очень глупо кончилось и былъ совсѣмъ скандализированъ, когда его пріятель отказался отъ приглашенія.

— По крайней мѣрѣ, выпьемъ рюмочку,—продолжалъ мясникъ;—вѣдь вы не откажетесь выпить вина съ нами.

Дамуръ не съ-разу согласился. Онъ обводилъ глазами столовую, чистую и веселую комнату, и, встрѣтясь съ глазами съ Фелисѝ, которая глядѣла на него съ умоляющимъ видомъ,—отвѣтилъ наконецъ:

— Ну, пожалуй.

Саньяръ былъ въ восхищеніи. Онъ кричалъ: „Скорѣе, Фелисѝ, давай стаканы; не надо звать служанку. Дай четыре стакана, — ты тоже должна съ нами чокнуться... Ахъ, товарищъ! вы не можете себѣ представить, какое удовольствіе вы мнѣ доставили тѣмъ, что согласились, потому что я люблю добрыхъ людей, а вы добрый человѣкъ.

Тѣмъ временемъ Фелисѝ дрожащими руками искала въ буфетѣ стаканы и вино. У нея голова шла кругомъ и она не могла ничего найти. Саньяру пришлось ей помочь. Когда стаканы были налиты, всѣ четверо за столомъ чокнулись:

— За ваше!

Дамуръ, сидя напротивъ Фелисѝ, долженъ былъ протянуть руку, чтобы чокнуться съ ней. Они безмолвно глядѣли другъ на друга,

Digitized by Google

припоминая прошлое. Она такъ дрожала, что стаканъ ударялся объ ея зубы. Они больше не говорили другъ другу „ты". Прошлое умерло и жило лишь въ воспоминаніи.

— За ваше!

И пока они молча пили, изъ сосѣдней комнаты долетали дѣтскіе голоса. Дѣти играли, ловили другъ друга съ крикомъ и смѣхомъ. Потомъ стали стучать въ дверь и звать: „мамаша, мамаша!"

— Прощайте, честная компанія, — сказалъ Дамуръ, ставя стаканъ на столъ.

Фелиси, выпрямившись во весь ростъ и блѣдная, какъ смерть, глядѣла ему вслѣдъ, а Саньяръ проводилъ этихъ господъ до дверей.

V.

Выйдя на улицу, Дамуръ пошелъ такъ скоро, что Беррю едва поспѣвалъ за нимъ. Маляръ бѣсился. На Батиньольскомъ бульварѣ, когда онъ увидѣлъ, что товарищъ повалился на скамейку, не чувствуя ногъ подъ собою, онъ напалъ на него и наговорилъ ему много непріятнаго. На его мѣстѣ онъ бы надавалъ плюхъ мяснику и его хозяйкѣ. Ему противно было видѣть мужа, который уступалъ свою жену другому — и даже безъ всякихъ условій. Надо быть дурнемъ, — да! дурнемъ, чтобы не сказать хуже. И онъ приводилъ въ примѣръ другого коммунара, который нашелъ свою жену у любовника; и что же? оба молодца и женщина живутъ себѣ припѣваючи. Надо быть практичнымъ, а не разыгрывать изъ себя дурака, какъ онъ.

— Ты не понимаешь,— отвѣчалъ Дамуръ,— ты никогда не поймешь... Оставь и ты меня, если ты мнѣ не другъ.

Тутъ Беррю разсердился.

— Я тебѣ не другъ? Изъ-за чего же я распинался за тебя? Да разсуди, пожалуйста, что съ тобою будетъ? У тебя никого нѣтъ, тебѣ негдѣ голову приклонить и ты околѣешь, какъ собака, если я тебя не выручу... Я тебѣ не другъ! но если я тебя здѣсь брошу, то тебѣ только одна дорога—въ воду.

Дамуръ отчаянно махнулъ рукой. Это правда: ему остается только броситься въ воду, или же дать подобрать себя полицейскимъ.

— Ну, вотъ же, я тебѣ такой другъ, что сведу тебя туда, гдѣ тебѣ будетъ и кровъ, и пища.

Онъ всталъ и насильно потащилъ за собою пріятеля, который бормоталъ:

— Куда же? куда?

— Увидишь; ты не захотѣлъ отобѣдать у жены, ну, такъ отобѣ-

Digitized by Google

даешь въ другомъ мѣстѣ. Знай, что я не позволю тебѣ сдѣлать двѣ глупости въ одинъ день.

Онъ поспѣшно шелъ по Амстердамской улицѣ. Въ Берлинской улицѣ онъ остановился передъ небольшимъ домомъ, позвонилъ и спросилъ у лакея, отпершаго дверь: „дома ли m-me де-Сувиньи“. И, видя нерѣшительность лакея, прибавилъ:

— Подите, скажите ей, что пришелъ Беррю.

Дамуръ машинально слѣдовалъ за нимъ. Этотъ неожиданный визитъ, этотъ роскошный домъ окончательно сбили его съ толку.

Онъ взошелъ по лѣстницѣ. И вдругъ очутился въ объятіяхъ маленькой бѣлокурой женщины, очень хорошенькой, въ бѣломъ пеньюарѣ, обшитомъ кружевами. Она кричала.

— Папа̀, это папа̀, не правда ли? Ахъ, какъ вы милы, что привели его.

Она была добренькая дѣвушка и не возмущалась старой блузой родителя, а восторгалась, хлопала въ ладоши, какъ самая любящая дочь. Дамуръ, пораженный, даже не узнавалъ ее. Беррю сказалъ ему:

— Да вѣдь это Луиза.

Тогда онъ пробормоталъ:

— Ахъ! да! я понялъ... Вы очень добры...

Онъ не осмѣливался говорить ей „ты“. Луиза усадила его на диванъ и, позвонивъ, приказала никого не принимать. Онъ же въ это время оглядывалъ комнату, обтянутую кашемиромъ и меблированную съ изысканной роскошью, которая восхищала его. А Беррю хлопалъ его по плечу, повторяя:

— Гмъ! будешь ты еще послѣ этого говорить, что я тебѣ не другъ?.. Я понималъ, что дочка тебѣ понадобится. Ну, вотъ я и досталъ ея адресъ и пересказалъ ей твою исторію. Она сейчасъ же сказала мнѣ: приведите его!

— Еще бы, разумѣется, бѣдный папа̀!—пробормотала Луиза ласковымъ голосомъ. О! ты знаешь, я ненавижу твою республику. Все это гадкіе люди, коммуиары, которые бы разорили весь свѣтъ, если бы имъ только позволили, но ты, ты мой милый папа́. Я помню, какъ ты былъ добръ, когда я была больна маленькая. Вотъ увидишь, мы поладимъ другъ съ другомъ, если только не будемъ говорить про политику. Во-первыхъ, мы отобѣдаемъ втроемъ. Ахъ! какъ это будетъ мило!

Она сѣла чуть не на колѣни къ Дамуру, смѣясь своими ясными глазами. А онъ почувствовалъ себя счастливымъ и безпомощнымъ передъ искушеніемъ. Ему хотѣлось бы отказать, потому что ему казалось, что будетъ нечестно согласиться обѣдать въ этомъ домѣ. Но энергія оставила его, и онъ не могъ найти въ себѣ силы уйти отсюда такъ, какъ онъ ушелъ отъ Фелисіи, и даже ни разу не обернулся,

Digitized by Google

послѣ того, какъ чокнулся съ нею. Конечно, силы ему измѣнили, Луиза была слишкомъ добра, и ея маленькія бѣлыя ручки, лежавшія въ его рукахъ, привязывали его:

— Слушай, ты согласенъ?—повторяла Луиза.

— Да,—отвѣчалъ онъ, наконецъ, между тѣмъ какъ двѣ крупныя слезы катились по его впалымъ отъ голода щекамъ.

Беррю нашелъ, что онъ очень умно поступаетъ. Когда они шли въ столовую, лакей пришелъ сказать барынѣ, что баринъ пріѣхалъ.

— Я не могу принять его,—отвѣчала она спокойно. Скажите ему, что у меня папаша въ гостяхъ.

Пусть пріѣзжаетъ завтра въ шесть часовъ, если хочетъ.

Обѣдъ былъ великолѣпный. Беррю до слезъ смѣшилъ Луизу своими остротами. Она точно перенеслась въ улицу des Envierges, и ей было превесело. Дамуръ ѣлъ много и молчалъ, отяжелѣвъ отъ ѣды и усталости; но онъ кротко улыбался всякій разъ, какъ взглядъ его встрѣчался съ взглядомъ дочери. За дессертомъ они пили вино, сладкое и шипучее, какъ шампанское, отъ котораго всѣ трое опьянѣли. И вотъ, когда прислуга ушла, они облокотились локтями на столъ и заговорили о прошломъ, съ меланхоліей, навѣваемой опьянѣніемъ. Беррю скрутилъ папироску для Луизы, и закурилъ съ полузакрытыми глазами и томнымъ лицомъ. Она путалась въ воспоминаніяхъ о своихъ любовникахъ, о первомъ, высокомъ молодомъ человѣкѣ, который очень благородно поступилъ съ нею. Потомъ очень строго отозвалась о своей матери.

— Ты понимаешь,—говорила она отцу,—я не могу съ нею видѣться, она слишкомъ дурно ведетъ себя... Если хочешь, я поѣду и скажу ей, что̀ я думаю объ ея безсовѣстномъ поступкѣ съ тобой!

Но Дамуръ серьёзно объявилъ, что она больше не существуетъ. Вдругъ Луиза встала, крича:

— Кстати, я покажу тебѣ кое-что̀, что тебѣ пріятно будетъ увидѣть.

Она исчезла и тотчасъ воротилась съ папироской въ зубахъ и подала отцу старую фотографію, пожелтѣвшую, обломанную по угламъ. Дамуръ вздрогнулъ и, уставивъ мутные глаза на портретъ, пролепеталъ:

— Эженъ, мой бѣдный Эженъ.

Онъ передалъ карточку Беррю, и тотъ тоже растрогался и пробормоталъ въ свою очередь:

— Да, да, очень похоже.

Затѣмъ наступила очередь Луизы. Она держала фотографію, но слезы ослѣпили ее и она передала ее отцу, говоря:

— О, я его помню, онъ былъ такой миленькій.

Тутъ всѣ трое всплакнули отъ умиленія. Портретъ вторично обо-

Digitized by Google

шелъ весь столъ, среди самыхъ трогательныхъ размышленій. Фотографія сильно поблѣднѣла, и бѣдный Эженъ, въ мундирѣ національнаго гвардейца, казался тѣнью бунтовщика, обратившагося въ легенду. Но Дамуръ, перевернувъ карточку, прочиталъ то, что онъ нѣкогда написалъ на ней: „Я отомщу за тебя“, и, махая десертнымъ ножомъ надъ головой, возобновилъ свою клятву.

— Да, да, я отмщу за тебя!

— Когда я увидѣла, что мамаша сбилась съ пути,—разсказывала Луиза,—я не захотѣла оставить у ней портрета моего бѣднаго брата. Разъ, вечеромъ, я утащила его у нея... Я для тебя это сдѣлала, папа. Я тебѣ его дарю.

Дамуръ приставилъ фотографію къ своему стакану и не спускалъ съ нея глазъ. Но наконецъ всѣ все-таки успокоились. Луиза, положа руку на сердце, объявила, что вытащитъ отца изъ грязи. Съ минуту она подумывала поселить его съ собою, но нашла потомъ это невозможнымъ. Наконецъ ей пришла въ голову мысль; она спросила, не согласится ли онъ смотрѣть за помѣстьемъ, которое ей купилъ одинъ господинъ близъ Манто. Тамъ есть павильонъ, гдѣ онъ отлично помѣстится и будетъ жить на двѣсти франковъ въ мѣсяцъ, и дѣлать ему будетъ рѣшительно нечего.

— Еще бы! да это рай!—закричалъ Беррю, соглашавшійся за Дамура.—А если онъ тамъ соскучится, то я его буду часто навѣщать.

На слѣдующую недѣлю Дамуръ поселился въ Белерѣ, помѣстьѣ своей дочери; тамъ онъ и живетъ теперь, на покоѣ, который провидѣніе по истинѣ было ему обязано предоставить, послѣ всѣхъ бѣдствій, какія на него послало. Онъ толстѣетъ, поздоровѣлъ, одѣтъ какъ буржуа, и смахиваетъ по наружности на добродушнаго и честнаго отставного военнаго. Крестьяне низко кланяются ему. Онъ удитъ рыбу и охотится за дичью. Его встрѣчаешь на солнечномъ припекѣ, на дорогѣ; онъ глядитъ, какъ растетъ хлѣбъ, съ спокойной совѣстью человѣка, который никого не обижалъ и который живетъ на доходы, добытые тяжкимъ трудомъ. Когда его дочь пріѣзжаетъ съ своими господами, онъ умѣетъ держать себя съ достоинствомъ. Величайшей радостью для него бываетъ то, когда она одна прибѣжитъ къ нему и завтракаетъ съ нимъ въ его маленькомъ павильонѣ. Тогда онъ няньчится съ ней, какъ съ маленькимъ ребенкомъ, и съ обожаніемъ глядитъ на нее, нарядную, точно на Мадонну. Онъ угощаетъ ее вкусными завтраками, которые самъ готовитъ, и всякими лакомствами, пирожками и конфектами, и Луиза набиваетъ ими карманы и уноситъ съ собою въ замокъ. Дамуръ не старался больше увидѣться съ женой. Какъ онъ говоритъ, она для него покойница. У него осталась только дочь, сжалившаяся надъ старикомъ-отцомъ и составляющая его гордость и радость.

Digitized by Google

Онъ также не захотѣлъ хлопотать о возстановленіи его личности. Къ чему объявлять о себѣ и вносить путаницу въ правительственные документы? Не говоря уже о томъ, что его закидаютъ всякими скучными вопросами и, быть можетъ, потревожатъ его маленькій мірокъ. Нѣтъ, разъ онъ умеръ, то ему и такъ хорошо, онъ не хочетъ воскресать изъ мертвыхъ. Ему такъ покойнѣе. Онъ сидитъ въ своей норѣ, затерянный, забытый, безъ имени, и не стыдится принимать подарки отъ дочери; между тѣмъ какъ, если онъ воскреснетъ то, быть можетъ, о немъ станутъ дурно говорить и осуждать его, а это ему будетъ непріятно. А кто схороненъ, такъ тѣ могутъ жить, какъ имъ удобно, не правда ли? и нельзя укорять ихъ за то, что имъ сладко спится.

Иногда однако въ павильонѣ воцаряется большой гвалтъ. Беррю пріѣзжаетъ гостить въ деревню на четыре, пять дней. Онъ нашелъ наконецъ у Дамура уголъ, о которомъ мечталъ, и гдѣ онъ можетъ сладко поѣсть и попить. На Фелиси онъ очень сердитъ, а Луиза, напротивъ того, единственная женщина, которую онъ уважаетъ. „Вотъ такъ дѣвушка! Молодецъ, право!“ Онъ охотится и удитъ рыбу вмѣстѣ съ Дамуромъ и по цѣлымъ днямъ валяется на спинѣ на лугу. По вечерамъ же оба пріятеля разсуждаютъ о политикѣ. Беррю привозитъ изъ Парижа самыя революціонныя газеты, и, прочитавъ ихъ, оба толкуютъ о радикальныхъ мѣрахъ, которыя бы слѣдовало принять: разстрѣлять правительство, повѣсить всѣхъ буржуа, сжечь Парижъ и выстроить новый городъ, настоящій народный городъ. Опьяненные катастрофами, о которыхъ мечтаютъ, они начинаютъ бредить коммуной, повторяютъ тогдашнія фразы, и никакъ не могутъ отказаться отъ всемірнаго счастья, добытаго желѣзомъ и огнемъ. Наконецъ, наступаетъ часъ идти спать и Дамуръ, отдѣлавшій портретъ Эжена въ рамку, подходитъ къ нему, глядитъ на него, размахивая трубкой, и восклицаетъ:

— Да, да, я отмщу за тебя!

И на другой день, съ веселымъ, выспавшимся лицомъ идетъ удить рыбу, между тѣмъ какъ Беррю спитъ на берегу, уткнувшись носомъ въ траву.

Эмиль Зола.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ, 1880.

Книга седьмая.—Іюль.

стр.

Первое стихотвореніе А. С. Пушкина, напечатанное въ іюньской книгѣ московскаго „Вѣстника Европы“, 1814 г. I

Рѣчь И. С. Тургенева, читанная въ публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійской Словесности, по поводу открытія памятника А. С. Пушкину, въ Москвѣ. IV

А. С. Пушкинъ. — 26-ое мая 1880.— Стих. Я. П. ПОЛОНСКАГО. XIV

Застольное слово А. Н. Островскаго, произнесенное на обѣдѣ Общества любителей Россійской Словесности, въ Москвѣ. XVII

Съ Пушкинскаго праздника въ Москвѣ XXI

Старинныя дѣла.—III.—Дядя Ваня.—Изъ разсказовъ и воспоминаній.—А. Л. 1

Наука и литература въ современной Англіи.—Письмо двѣнадцатое.—А. РЕНЬЯРА 77

Родъ Мирабо.—Очерки культурной жизни XVIII-го вѣка.—I-IV.—В. К. . . . 112

Наполеонъ за кулисами и на сценѣ.—Mémoires de madame de Rémusat, 3 vols.—II.—Окончаніе.— А. Э. 151

Руина.—Историческая монографія.—III. Гетманство Самойловича.—I-V.—Н. И. КОСТОМАРОВА 202

Хроника.—Литературное Обозрѣніе.—I. Новости иностранной исторической литературы: Зибель, Мауренбрехеръ Шассенъ. — II. Государственная власть въ европейскомъ обществѣ. А. Блока.—III. Исторія политическихъ ученій въ Соединенныхъ-Штатахъ, ч. I., С. Фортунатова. — Spielhagen, Quisisana.—К. К. 272

Наши пожары.—Опытъ изслѣдованія.—Л. П. ВЕСИНА. 301

Внутреннее Обозрѣніе.—Торжественный актъ начальныхъ училищъ города Петербурга, 30 мая.—„Матеріалы“ по вопросу о введеніи обязательнаго обученія въ Россіи.—Историческая судьба этого вопроса за послѣднее время, и общіе выводы изъ „Матеріаловъ“.—Пересмотръ нѣкоторыхъ постановленій нашего таможеннаго тарифа.—Пошлины на металлъ, металлическія издѣлія и машины.—Вопросъ о безпошлинномъ привозѣ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ.—Значеніе экспертизы въ вопросахъ этого рода.—Отвѣтъ „Отголоскамъ“. 326

Парижскія письма.—Гюставъ Флоберъ, какъ писатель и человѣкъ.—LIX.—ЭМ. ЗОЛА. 353

Мефистофель Антокольскаго.—Письмо въ Редакцію.—К. Д. КАВЕЛИНА. . . 389

Библіографическій Листокъ.—Puschkiniana. Каталогъ Пушкинской библіотеки.—Очерки Пушкинской Руси, В. Острогорскаго. — Воцареніе имп. Анны Іоанновны, Д. Корсакова.—Люди стараго вѣка, Г. Еснпова. — Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми, д-ра Гетца.

Digitized by Google

ство. Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Соціологія. Основная задача ея и методологическія особенности, мѣсто въ ряду наукъ, раздѣленіе и связь съ біологіею и психологіею. Соч. Евгенія де-Роберти. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.; въ переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Судебное признаніе въ гражданскихъ дѣлахъ. Сочин. профессора. М. И. Малинина. Изд. 2-ое, дополненное. Од. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Уголовный Процессъ по дѣлу ост. Ротм. Н. А. Лукашевича, обвинявшагося въ умышлен. убійствѣ мачихи шестью выстрѣлами изъ револьвера. Сост. стеногр. Н. М. Семовъ. Е. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1-е декабря 1879 г. Составлено профес. Спб. университета Н. С. Таганцевымъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 4 р., съ пересылкою въ прочномъ и изящномъ шагреневомъ переплетѣ 5 р. съ перес.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ дополненіями по 1 января 1879 г. Съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій изъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Сост. Профес. Спб. Университета Н. С. Таганцевымъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

☛ **Руководство къ изученію стенографіи,** въ 25 уроковъ безъ помощи учителя по системѣ Габельсберга. Составилъ Стенографъ Ѳ. П. Темниковъ. 3-ье дополненное изданіе. О. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сборникъ театральныхъ пьесъ П. А. Каратыгина. Оригинальные и переводные водевили и комедіи. Т. III: 1) Подставной и отставной; 2) Медвѣдь и паша; 3) Дѣло въ трехъ шляпахъ; 4) Донъ-Кихотъ Ламанхскій; 5) Вицъ-Мундиръ; 6) Супруги въ западнѣ; 7) Бабушкина внучка; 8) Генеральша или домашнія дѣла; 9) Русскія святки. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к. Всѣ 3 тома съ пересылкою—9 р. 50 к.

☛ **Школа Мужей.** Комедія Мольера въ переводѣ И. Григорьева. Спб. 1880 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Всадникъ. Практическій Курсъ верховой ѣзды Виктора Франкони. Переводъ съ французскаго Л. П. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

☛ **Переплетчикъ.** Полное практическое руководство къ переплетному дѣлу, для желающихъ вполнѣ ознакомиться съ переплетными работами. Сост. В. Верига, съ 72-мя объяснительными рисунками работъ, инструментовъ и новѣйшихъ машинъ, употребляемыхъ въ переплетномъ дѣлѣ. М. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Пожарная Книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

☛ **Полный курсъ охоты** съ лягавыми и гончими собаками, съ наставленіемъ дрессировки и лѣченія собакъ. Маркъ-Мавна, съ приложеніемъ охоты за хищными звѣрями. Ф. Гофмана и Л. де-Бреа. М. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☛ **Ремесленникъ.** Практическое руководство для ремесленныхъ училищъ и любителей, желающихъ вполнѣ изучить и ознакомиться съ необходимыми принадлежностями и пріемами въ мастерскихъ: плотничной, столярной, токарно-ажурной, кузечно-слесарной, часовой, типографской, переплетной, сапожной и портняжной, съ 320 рисунками въ текстѣ, изображающихъ инструменты, употребляемые въ различныхъ мастерскихъ, съ яснымъ ихъ объясненіемъ. Сост. А. П. Классенъ. Изданіе 3-ье, значительно дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Русскій за границей. Слова, рѣченія и разговоры на русскомъ, итальянскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Съ приложеніемъ таблицъ для перевода русскихъ денегъ на иностран. и обратно. Сост. А. Д. Замыцкій. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій, со включеніемъ употребительнѣйшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ и съ переводомъ на русскій языкъ. Составилъ Лазарь Будаговъ. 2 т. Спб. 1871 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Digitized by Google

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на коммиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 62. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 62.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Основанія науки о нравственности. Соч. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человѣка" Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Пути къ раціональному міровоззрѣнію. Часть I. **О назначеніи человѣка** (1800 г.) Іогана-Готтлиба Фихте. Переводъ Ипполита Панаева. Часть II. Отголосокъ чрезъ восемьдесятъ лѣтъ [1880 г.], Ипполита Панаева. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Разыскатели истины. Иммануилъ Кантъ [1724—1804], Іоганнъ-Готтлибъ Фихте [1762—1814], Фридрихъ Гейнрихъ Якоби [1743—1819]. Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ. Сост. Ипполитъ Панаевъ. 2 т. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Отдѣлъ второй. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Оба отдѣла вмѣстѣ: ц. 3 р. съ пересылкою.

Воинствующій израиль. Недѣля у дагестанскихъ евреевъ. Сочин. В. И. Немировичъ-Данченко. Роскошное изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціей В. Ѳ. Корша. Выпускъ I, II и III-й. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи [1877—1878]. Письма въ редакцію газеты, „Правительственный Вѣстникъ" отъ ея офиціальнаго корреспондента Всеволода Крестовскаго. Изданіе исправленное и значительно дополненное, въ 2-хъ томахъ съ планами и картами. Спб. 1879 г. Ц. 6 р., съ пересылкою.

Записки Охотника. И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ. 1847—1876 г. Спб. 1880 г. **Второе стереотипное изданіе**, съ предисловіемъ, портретомъ и факсимиле. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.; въ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

☛ **Жизнь и сочиненія Горація.** Литературный очеркъ Лукіана Миллера. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

☛ **Историко-литературный разборъ** поэмы „Османъ", Ивана Гундулича. Сочин. Романа Брандта. К. 1879 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное. Спб. 1879 г. т. I. Ц. 3 р. съ перес.

Картинки домашняго воспитанія. Педагогическіе этюды А — вой. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Кому на Руси жить хорошо. Поэма Н. А. Некрасова. Спб. 1880 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Князь Серебряный Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Гр. А. К. Толстого, 4-ое изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к., въ роскошномъ переплетѣ, съ

*) Книги, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны ☛ предъ ихъ заглавіемъ.

Digitized by Google

золотымъ тисненіемъ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Памяти Пушкина. 6 іюня 1880 года. Очерки Пушкинской Руси: I, Природа, II, Крестьяне, III, Господа, IV, Русская женщина. Виктора Острогорскаго. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни. 1875-77 гг. Т. I. Эмиль Золя. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Письма изъ Болгаріи въ 1877 г. Евг. Утина. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Повѣсти и разсказы Д. В. Григоровича. Въ семи томахъ. Спб. 1872 г. Ц. 12 руб., съ пер. 13 р.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на веленевой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ. Ц. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.—Портретъ особо: 50 к.

Разбѣчанная Царевна. Первая невѣста перваго царя изъ дома Романовыхъ Историческая повѣсть Н. Чмырева. М. 1880 г. Ц. 1 р., съ перес.

Послѣ войны. Очерки и впечатлѣнія русскаго корреспондента въ освобожденной Болгаріи. В. И. Немировича-Данченко. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Разбѣчанная Царевна въ ссылкѣ. Историческая повѣсть. М. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Раскольничьи Мученицы. Историческій романъ изъ эпохи церковныхъ смутъ. Н. Чмырева. М. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Русскій среди американцевъ. Личныя впечатлѣнія русскаго, какъ токаря, чернорабочаго, плотника и путешественника. 1872—1876 г., съ рисунками и картою Соединенныхъ-Штатовъ. М. М. Владиміровъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Разрѣзанный документъ. Романъ. Балдуинъ Мюльгаузенъ. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. Томъ V (1877—1879 г.). Историческій романъ, въ 3-хъ частяхъ: Мировичъ. Историческія повѣсти: Потемкинъ на Дунаѣ. Послѣдніе запорожцы. Примѣчаніе къ „Мировичу". Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 3-е, безъ перемѣны. 4 т. Спб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 8 р.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, съ портретомъ, факсимиле, біографіею, приложеніями, примѣчаніями и т. д. 4-ре тома. Спб. 1879 г. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.; въ переплетѣ 10 р. съ перес. 12 р.; на веленевой бумагѣ въ переплетѣ ц. 12 р., съ перес. 14 р.

Убійство въ маскарадѣ. Романъ *Фортюне де-Буаюбе.* 2 т. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 руб. 30 к.

III. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка 1806—1858 гг. Изданъ Михаилъ Боткинъ, съ факсимиле и 12 гравюрами. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Руководство къ древней исторіи Востока, до Персидскихъ войнъ. Сочин. Ф. Ленормана. 2 т. съ картами. К. 1879 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ I: Господство дома св. Владиміра, X-XVI-е столѣтія. Изд. 2-е. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Семейство Разумовскихъ. Состав. А. А Васильчиковъ. Три тома. Цѣна 7 р. 50 к., съ пересылкою 9 р. Вышелъ Томъ I, съ тремя портретами: Импер. Елизаветы, Графа А. Г. Разумовскаго и Графа К. Г. Разумовскаго. Ц. съ билетомъ на два остальные тома, которые выйдутъ въ 1880 г., 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

IV. ГЕОГРАФІЯ—ТОПОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Генторъ Сервадакъ. Путешествія и приключенія въ солнечномъ мірѣ. Соч. Жюля Верна, пер. С. Самойловичъ. *Роскошное изданіе* съ многочисленными рисунками Филиппото, грав. Лаплантомъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Фелченко. Выпускъ 16-й. Сколія (Scolidae). Обработалъ Г. де-Сосюръ. Съ 2-мя таблицами. Спб. 1880 г. Ц. 60 к., съ пер. 1 р. на веленевой бумагѣ ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 коп.

Путешествіе по Китаю въ 1874 — 1875 г.г. чрезъ Сибирь, Монголію, восточный, средній и сѣверо-западный Китай. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясецкаго, въ 2-хъ томахъ, съ 24 рисунками и картою пройденнаго пути. Спб. 1880 г. Ц. 6 р., съ пересылкою.

Digitized by Google

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

☞ **Въ семьѣ не безъ урода.** Финансовыя мечты изъ области желѣзнодорожныхъ спекуляцій. Леонида Черняева. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. съ пер.

Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе, пер. съ нѣм. подъ редакціею и съ дополненіями. Проф. Янсона, съ 3-мя таблицами чертежей. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Курсъ политической экономіи. Состав. Э. Вреденъ. Второе, переработанное изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ пересылкою.

Начальный учебникъ политической экономіи. Сост. проф. Э. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☞ **Нѣжинскій уѣздъ.** Статистико-экономическое описаніе съ проектами оцѣнки недвижимыхъ имуществъ уѣзда, таблицами и двумя картами. Сост. А. Русовъ. К. 1880 г. Ц. 2 р., съ перес. 3 рубля.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Миллъ. 2 т. Ц. 5 р., нѣс. 3 ф.

Основанія политической экономіи. Составилъ магистръ А. Антоновичъ. Выпускъ II. Вар. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Т. I. Территорія и населеніе. Ю. Э. Янсонъ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Труды [комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Выпускъ I. Ц. 1 р. 25 к. В. II. Ц. 75 к. В. III. Ц. 1 р. В. IV. Цѣна 1 р. 75 к. Съ пересылкою всѣ 4-е выпуска 5 руб. 25 к. На пересылку каждаго выпуска отдѣльно прилагается 20 к. на экземпляръ.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Его жизнь и сочиненія, съ портретомъ. Чтеніе для юношества. Спб. 1865 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Ботаника. Д-ра Де-Бари. Переводъ съ нѣмецкаго, съ нѣкоторыми измѣненіями подъ ред. доцента Хр. Гоби, съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1880 г. Цѣна въ папкѣ 60 к., съ пер. 70 к.

☞ **Волшебныя сказки Музеуса,** сокращенныя для дѣтей ф. Гоффманомъ, съ предисловіемъ В. Крестовскаго (псевдонимъ) и 8-ю рисунками. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Сочиненіе Герберта Спенсера. Перев. съ англійскаго. Изд 3-ье Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Греческая и римская метрика для старшихъ классовъ гимназій и для начинающихъ филологовъ. Обработанныя Лукіаномъ Миллеромъ, съ приложеніемъ: объ историческомъ ходѣ развитія древней метрики. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

Дѣтскій театръ. Оригинальныя сцены и комедійки изъ дѣтской жизни, приспособленныя къ дешевой домашней постановкѣ. Л. К. Стахѣевой. 2-е изд., дополненное семью новыми пьесами. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ второй, слѣдующаго содержанія: I. Дитя съ мячикомъ. II. Хохликъ. III. Варя. IV. Спасательная шлюпка. Спб. 1880 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Зоологія, изъ серіи первоначальныхъ учебниковъ. Профес. Оскара Шмидта переводъ съ нѣм., подъ ред. А. П. Кирпотенко. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Игра-обученіе чтенію. Вмѣсто азбуки и начальнаго чтенія. 30 картъ, 240 марокъ съ буквами и слогами. Сост. А. Страховъ. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Исторія Греціи и Рима. Я. Г. Гуревича, Изд. 2-ое, 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Сост. Я. Г. Гуревичъ. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Т. I, второе изданіе. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Историческая хрестоматія по новой исторіи. Сост. Я. Г. Гуревичъ. Т. I. Изд. 2-ое. Спб. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к.

Историческая хрестоматія по русской исторіи, составлен. Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ. Т. I. Ц. 1 р. 60 к. Т. II. Ц. 2 р., съ пер. 4 р.

Краткій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта. Для народныхъ училищъ и первыхъ классовъ гимназій. Сост. Н. Штраухомъ. Спб. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 1 р.

Курсъ дидактики. Пособіе для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика. Сост. К. Ельницкій. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

☞ **Лѣтнія постройки.** Работы для дѣтей на воздухѣ. Сост. П. Плаховъ. Съ 57 объяснительными рисунками въ текстѣ, заглавными виньетками, заставками и пр. Спб. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Методика закона Божія. Для законо-

Digitized by Google

учителей народныхъ школъ. Сост. А. Ѳ. Соколовъ. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Методы геометріи. Переводъ изъ сочиненія Дюгамеля: Приложеніе методовъ умозрительныхъ наукъ въ наукѣ о числахъ и пространствѣ. Спб. 1880 г. Ц. 70 к., съ пер. 90 к.

Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка. Состав. А. Камковымъ. 5-ое исправленное изданіе. Съ приложеніемъ текста изъ Евангелія по Остромирову списку 1056—1057. К. 1878 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Новѣйшій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для употребленія въ школѣ и дома, на 28 раскрашенныхъ листахъ. Сост. Н. Штраухомъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Новый полный самоучитель татарскаго языка или руководство научиться безъ посторонней помощи говорить и читать русскимъ по татарски, а татарамъ по русски. Составилъ по новѣйшимъ руководствамъ Ш. Самовъ. К. 1880 г. Ц. 45 к., съ пер. 50 к.

Первоначальные уроки русской грамматики. Методическое руководство для элементарныхъ школъ и низшихъ классовъ среднихъ учебн. заведеній. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Пѣсни для школы, дѣтскія и народныя, на одинъ, на два и на три голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Составилъ Гр. Мареничъ. Спб. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб.

Погода. Руководство къ изученію и предсказанію погоды. Съ многочисленными рисунками въ текстѣ. Состав. П. А. Литвинскій. Спб. 1879 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Предметные уроки по мысли Песталоцци. Руководство для занятій съ дѣтьми въ школѣ и дома. Составилъ П. Перевлѣсскій. Изданіе шестое. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

☞ **Робинзонъ въ русскомъ лѣсу.** Разсказы для дѣтей съ рисунками въ текстѣ О. Качулковой. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Родной край. Книга для класснаго и домашняго чтенія учениковъ старшаго отдѣленія народной школы Сост. Ѳ. С. Матвѣевъ. Спб. 1879 г. Ц. 45 к., съ пер. 60 к.

Руководство къ наглядной Географіи. Пособіе для преподавателей. Сост. препод. Брассельской образцовой школы А. Сливсомъ. Перевелъ со 2-го изданія К. Турчаковскій, препод. Ришельев. гимн. Съ таблицею географическихъ чертежей. Спб. 1880 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

☞ **Рѣчь Цицерона** противъ Верреса. Книга пятая (De Suppliciis), съ объяснительнымъ введеніемъ и комментаріемъ И. Ростовцева. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Самоучитель нѣмецкаго языка. Составленъ по методѣ Оленцдорфа учителями К. Рейфомъ, П. Золотовымъ и Ек. Пальминой. М. 1880. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Сборникъ игръ и полезныхъ занятій для дѣтей всѣхъ возрастовъ съ предисловіемъ для родителей и воспитателей Сост. И. Я. Гердъ, съ 150-ю рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное. М. 1880 г. Ц. въ папкѣ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Семейство Шаленскихъ. Изъ семейной хроники. Сочин. Евгеніи Туръ. Съ картинками. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Серія первоначальныхъ учебниковъ, пер. съ англійскаго М. А. Антоновича: Физика Бальфуръ Стюарта. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. Физическая Географія, Гейки. Ц. 60 к., съ пер. 80 к. Геологія—Гейки. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.. Физіологія—Фостера. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. Астрономія — Локкера. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ для употребленія въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Сикорскій, преподаватель математики. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ по порученію Комитета Грамотности, спеціальною коммиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Спб. 1878 г. Цѣна 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Справочная книжка и указатель русскаго правописанія. Составилъ В. П. Геннингъ, преподаватель 1-го Спб. реальнаго училища. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Теорія поэзіи. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ прибавленіемъ терминологическаго словаря словесности. М. Колосова. Изданіе 2-ое. Од. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Уроки христіанскаго ученія. Концентрическій учебникъ закона Божія для народныхъ школъ съ трехгодичнымъ курсомъ. Сост. А. Ѳ. Соколовъ. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 50.

Учебникъ математической и физической географіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ В. Фонъ-Боль, съ 74 рисунками въ текстѣ. Изданіе второе. К. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Фантастическія сказки. Переводъ съ нѣмецкаго А. Г. Степановой и О. А. Гримма, съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Физическій трудъ, какъ необходимый эле-

Digitized by Google

мент образованія. Сочин. С. Н. Кривенко. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Къ исторіи звуковъ русскаго языка II. Этимологическія и другія замѣтки А. А. Потебни. Вар. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. Соч. А. Потебни. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

О Малорусскомъ правописаніи. М. Тулова. В. 1879 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Сочин. П. Житецкаго. К. 1876 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Разборъ сочиненія П. Житецкаго: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія". Кіевъ. 1876 г. Сост. Проф. А. А. Потебня. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Исторія неба. К. Фламаріона, со 100 рисунками Бенетта. Изд. 2-ое. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Курсъ опытной физики. Профес. А. П. Шимкова. Ч. I. **Общая физика и Акустика**, съ чертежами и рисунками въ текстѣ. Х. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Ч. II. **О свѣтѣ и теплотѣ** съ чертежами и рисунками въ текстѣ. Х. 1879 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Курсъ теоретической ариѳметики. Жозефа Бертрана, члена Парижской Академіи Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начертательная геометрія. Составилъ І. Сомовъ. Изданіе 2-е, безъ перемѣны. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Спб. 1873 г.

Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Сост. І. Сомовъ. 2-е изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Новая геометрія, или элементарныя начала геометрическаго анализа, съ атласомъ чертежей. Сост. А. Кронебергъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Органическая химія. Профессора П. Алексѣева. 2-ое, измѣненное и дополненное изданіе. К. 1880 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 рубля.

Превращенія энергіи. Очеркъ теоріи современной физики. Г. Кребса. Съ 60-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Физическая химія. Н. И. Любавина. Спб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Анализъ мочи. Клиническое руководство для студентовъ и врачей. Профес. Д. Кошлакова, съ 43 рисунками въ текстѣ и двумя хромолитографированными таблицами. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней. Профессора Спб. М.-Х. Академіи. С. П. Боткина. Томъ VI, за 1879—1880 гг. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Т. II. Ц. 2 р. Т. III. Ц. 3 р. Т. IV. Ц. 2 р. Т. V. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою.

Бугорчатка. Съ точки зрѣнія инфекціонной теоріи. Профес. Ю. Конгеймана. Спб. 1880 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Виноградарство и винодѣліе, съ поясни тельными рисунками К. И. Тордана. Изд. 3-ье. Од. 1874 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Дѣйствіе и употребленіе лекарствъ при различныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ, въ прибавленіи алфавитный указатель болѣзней домашнихъ животныхъ съ объясненіемъ главныхъ признаковъ и указаніемъ способовъ леченія ихъ. Сост. по сочиненіямъ А. Цорна и М. Трасбо и дополнилъ примѣчаніямъ д-ръ Я. М. Шмулевичъ. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Естественная исторія совиноголовки—гаммы (Plusia Gamma), вредящей посѣвамъ льна, съ указаніемъ мѣръ противъ этого насѣкомаго. Сост. секр. Энтомологическаго Общества. І. Порчинскій. Спб. 1880 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Курсъ общей физіологіи Клода Бернара. Лекціи, читанныя въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Съ 45-ю рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Иллюстрированный гомеопатическій лечебникъ для домашнихъ животныхъ, внутреннія и наружныя болѣзни, предохраненіе и леченіе ихъ по правиламъ гомеопатіи. Обработано Д-ромъ Швабе. Переводъ съ 4-го нѣм. изд., съ 48 рисунками. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Краткое руководство къ сельскому хозяйству, въ приложеніи къ оцѣнкѣ земель. Сост. Профес. Н. Е. Ласковскій, съ 72 политипажами. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Леченіе спинномозговой сухотки въ Желѣзноводскѣ. Доктора С. Иванова. Х. 1878 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

☞ **Мужское безсиліе** или неспособность къ брачному сожитію (impotentia). Потеря

Digitized by Google

соковъ, мѣстныя страданія, зараженіе, хилость, происходящая отъ злоупотребленія вредными лекарствами, сперматорреа и половое безсиліе. Радикальное леченіе этой болѣзни д-ра І. А. Шиллинга съ приложеніемъ примѣровъ изъ медицинской практики д-ра Александра Ло.—Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Соч. Чарльза Дарвина. Спб. 1872 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Ожоги и отмораживанія. Д-ра Е. Зоннебурга, съ 6 политипажами въ текстѣ и хромолитографированной таблицей. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

О координаціи движеній животныхъ. Соч. Д-ра С. Чирьева. Спб. 1880 г. Ц. 70 к., съ пер. 80 к.

Организація сельско-хозяйственнаго промысла. В. Хлюдзинскаго. Вып. I. В. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Организація полеваго хозяйства. П. *Севообороты.* Сост. А. Ермолова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Организація полеваго хозяйства. I.— **Системы полеводства.** А. Ермолова. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Общее сельскохозяйственное растеневодство. Профес. Ф. Габерландта. Переводъ В. И. Ковалевскаго. Т. I. Спб. 1880. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Осушительныя работы въ Полѣсьѣ и въ Рязанской Губерніи съ иллюминованными картами Полѣсья и части Рязанской губерніи. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Основанія практической отіатріи, съ примѣненіемъ новѣйшей терапевтической техники и пневматическаго кабинета. Д-ра Эд. Левинштейна. Пер. съ нѣм. Д-ра Б. Окса. Съ примѣчаніями Д-ра К. Богрова. Спб. 1880 г. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ. А. Н. Бекетова. Спб. 1879. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Причины слабонервности и душевныхъ разстройствъ у женщинъ и предохранительныя, а также лечебныя противъ нихъ средства. Соч. Д-ра Э. Рейха. Перев. съ нѣм. Спб. 1873 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

☞ **Рецептура.** Составилъ Профес. Юлій Траппъ. Второе изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Россійская фармакопея, изданная по *Высочайшему повелѣнію* медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Третье изданіе. Спб. 1880 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Родовспомогательное искусство. Руководство для акушерокъ. Д-ра Іосифа Шпета, съ 33 рисунками въ текстѣ. Второе исправленное изданіе. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

Руководство по виноградарству. Соч. Н. Е. Цабеля, съ атласомъ рисунковъ. Од. 1873 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Руководство къ правильному уходу за душевными больными. Составилъ для родственниковъ и окружающихъ доцентъ психіатріи П. И. Ковалевскій. Изданіе 2-ое, дополненное. Х. 1880 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Руководство къ токсикологіи, составленное по Работе „Elements de toxicologie". Подъ редакціей Е. Пеликана, съ предисловіемъ, дополненіями и измѣненіями. Спб. 1879 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

Руководство къ фармакологіи Д-ра Рудольфа Бухгейма. Переводъ съ послѣд. нѣмец. изданія Подъ ред. профес. д-ра Э. Гейбеля. К. 1880 г. Ц. 4 р., съ пер 4 р. 50 к.

Руководство къ патолого-анатомической діагностикѣ и вскрытію труповъ. Д-ра І. Орта. Х. 1877 г. Ц. 3 р. 50 коп. съ пер.

Руководство къ ушнымъ болѣзнямъ, д-ра А. Тёльча. Спб. 1879 года. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. Составлен. подъ ред. Д-ра Г. Циммсена. Т. VII. Част. I. Прибавленіе. *Болѣзни пищевода,* Профес. Цеккера и Циммсена Переводъ д-ра Д. Г. Фридберга. Х. 1880 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1. р. 30 к. Всѣ вышедшіе тома стоятъ съ пересылкою 55 руб.

Русскій огородъ, питомникъ и плодовый садъ. Соч. Р. И. Шредера, главн. Садовника и преподавателя садоводства въ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Сочиненіе Д-ра Э. Регеля. Ч. I. Изданіе 4-ое съ 234 политипажами. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Ч. II. Описаніе и культура растеній, годныхъ для комнатъ и маленькихъ домашнихъ оранжерей, съ 400 политипажами. Спб. 1879 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Труды Санкт-петербургскаго общества естествоиспытателей, издаваемые подъ ред. профессора А. Бекетова. Т. X. Спб. 1880 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 20 коп.

Учебникъ Акушерства со включеніемъ патологіи беременности и роднльнаго періода. Д-ра Карла Шредера, переводъ подъ редакціей д-ра М. Горвица. Съ примѣчаніями редактора и 108 политипажами въ текстѣ. 2-ое изданіе. Спб. 1876 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Учебникъ физіологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Digitized by Google

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Ученіе о пищеваренія. 12 лекцій, читанныхъ д-ромъ К. А. Эвальдомъ. Переводъ подъ редакціей профес. И. Р. Тарханова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми. Соч. Д-ра І. М. Гетца, вновь обработанное д-ромъ Ф. Лихарчикомъ. Переводъ съ 4-го нѣмецк. изд. Д-ра Н. Воронихина. 2-ое изд., съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

X. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

☛ **Водовладѣніе и ирригація.** Водовладѣніе по русскимъ и иностраннымъ законамъ и обычаямъ.—Управленіе водами. Юридическіе, административные и техническіе вопросы по ирригаціи.—Ирригація въ Закавказьѣ, южной Европѣ, Остъ-Индіи и нѣкоторыхъ другихъ внѣ-европейскихъ странахъ. Сост. Викторъ Дингельштетъ. Ч. I, съ чертежами. Тиф. 1880 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 рубля.

Государственная власть въ европейскомъ Обществѣ. Взглядъ на политическую теорію Лоренца Штейна и на французскіе политическіе порядки. А. Блока. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Гражданскіе законы и обычное право Россіи, въ общемъ ихъ сводѣ со включеніемъ законовъ Финляндіи, Ц. Польскаго, Остзейскаго Края и Бессарабіи, еврейскихъ и мусульманскихъ. Томъ I. Сост. Доцентъ Спб. Унив. Кронидъ Малышевъ. Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Курсъ русскаго уголовнаго права. Н. С. Таганцева. Профес. С.-Петербург. Университета. Часть Общая. Книга 1-ая. Ученіе о преступленіи. В. I. Субъектъ и объектъ преступленія. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. В. II. Внутренняя и внѣшняя сторона преступленія. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к. В. III. Соучастіе въ преступленіи. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50. Цѣна за всю книгу 5 р., съ пер. 5 р 50. к.

☛ **Насильственное похищеніе имущества.** По русскому праву. (Разбой и грабежъ). Историко-догматическое изслѣдованіе Дм. Тальберга. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. II. О доказательствахъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ перес.

Основанія соціологіи. Герб. Спенсера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ прибавленіи помѣщены замѣтки Э. Б. Тайлора по вопросу объ анемизмѣ и отвѣты на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II вмѣстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Порядокъ отпуска лѣсныхъ матеріаловъ изъ дачъ вѣдомства Мин. Госуд. Имуществъ по лѣсному Д-ту. Сборникъ законоположеній и распоряженій Мин. Гос. Имущ. Сост. П. Верха. Изданіе 2-ое. Исправлен. и дополнен. по позднѣйшимъ законоположеніямъ и административнымъ распоряженіямъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству. Опытъ систематическаго обозрѣнія. К. Кавелина. Спб. 1879 г. Ц. 3 р. съ пер.

Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права. Томъ IV. Сокрытіе истины; сокрытіе своей личности; лжеприсяга и лжесвидѣтельство; ложный доносъ и ябеда; подлогъ и поддѣлка. Сост. Магистръ правъ Н. А. Неклюдовъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права. Магистра правъ Н. А. Неклюдова. Т. III. Преступленія 1) противу брака и правъ семейныхъ; 2) противу законовъ о состояніяхъ; 3) общеопасныя преступленія (поджогъ и т. п.) Спб. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Д-та. Прав. Сената съ извлеченными изъ нихъ положеніями за 1878 годъ. Составили А. Поворинскій и Е. Шайкевичъ, старш. пом. Оберъ-Секр. того же департамента. Къ Сборнику, сверхъ алфавитныхъ указателей, разрѣшенныхъ сенатомъ, вопросовъ права и фамилій тяжущихся, приложенъ указатель положеній Сист. Сборниковъ за прежніе годы, начиная съ 1873 г., съ указаніемъ соотвѣтствующихъ этимъ положеніямъ нумеровъ рѣшеній. Т. I. Матеріальное право, Т. II. Судопроизводство. Спб. 1880 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Соціологія. Основная задача ея и методологическія особенности, мѣсто въ ряду наукъ, раздѣленіе и связь съ біологіею и психологіею. Соч. Евгенія де-Роберти. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.; въ переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Судебное признаніе въ гражданскихъ дѣлахъ. Сочин. профессора. М. И. Мали-

Digitized by Google

вина. Изд. 2-ое, дополненное. Од. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1-е декабря 1879 г. Составлено профес. Спб. университета Н. С. Таганцевымъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 4 р., съ пересылкою въ прочномъ и изящномъ шагреневомъ переплетѣ 5 р. съ перес.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ дополненіями по 1 января 1879 г. Съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій изъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Сост. Профес. Спб. Университета Н. С. Таганцевымъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Руководство къ изученію стенографіи, въ 25 уроковъ безъ помощи учителя по системѣ Габельсберга. Составилъ Стенографъ Ѳ. П. Темниковъ. 3-ье дополненное изданіе. О. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сборникъ театральныхъ пьесъ П. А. Каратыгина. Оригинальные и переводные водевили и комедіи. Т. III: 1) Подставной и отставной; 2) Медвѣдь и паша; 3) Дѣло въ трехъ шляпахъ; 4) Донъ-Кихотъ Ламанхскій; 5) Вицъ-Мундиръ; 6) Супруги въ западнѣ; 7) Бабушкина внучка; 8) Генеральша или домашнія дѣла; 9) Русскія святки. Спб. 1880 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к. Всѣ 3 тома съ пересылкою—9 р. 50 к.

Школа Мужей. Комедія Мольера въ переводѣ И. Григорьева. Спб. 1880 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

XII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Всадникъ. Практическій Курсъ верховой ѣзды Виктора Франкони. Переводъ съ французскаго Л. П. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

☞ **Календарь и записная книжка для учащихся** на 1880—81 учебный годъ. Изд. журн. „Семья и Школа". Спб. 1880 г. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

☞ **Наставленіе купающимся въ рѣкѣ.** Какъ слѣдуетъ купаться, кому и при какихъ условіяхъ полезно купанье. Ив. Хм—ва. Спб. 1880 г. Ц. 15 коп., съ пер. 20 к.

☞ **Наставленіе къ ловлѣ рыбъ и раковъ** въ нашихъ прѣсныхъ водахъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Сост. М. Е. Виноградовъ. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Переплетчикъ. Полное практическое руководство къ переплетному дѣлу, для желающихъ вполнѣ ознакомиться съ переплетными работами. Сост. В. Верига, съ 72-мя объяснительными рисунками работъ, инструментовъ и новѣйшихъ машинъ, употребляемыхъ въ переплетномъ дѣлѣ. М. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Пожарная Книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Полный курсъ охоты съ лягавыми и гончими собаками, съ наставленіемъ дрессировки и лѣченія собакъ. Маркъ-Манна, съ приложеніемъ охоты за хищными звѣрями. Ф. Гофмана и Л. де-Бреа. М. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Ремесленникъ. Практическое руководство для ремесленныхъ училищъ и любителей, желающихъ вполнѣ изучить и ознакомиться съ необходимыми принадлежностями и пріемами въ мастерскихъ: плотничной, столярной, токарно-ажурной, кузнечно-слесарной, часовой, типографской, переплетной, сапожной и портняжной, съ 320 рисунками въ текстѣ, изображающихъ инструменты, употребляемые въ разныхъ мастерскихъ, съ яснымъ ихъ объясненіемъ. Сост. А. П. Классенъ. Изданіе 3-ье, значительно дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

☞ **Свѣтскій человѣкъ,** изучившій сводъ законовъ общественныхъ и свѣтскихъ приличій. Сост. Клеопатра Свѣтозарская. Спб. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій, со включеніемъ употребительнѣйшихъ словъ арабскихъ и персидскихъ и съ переводомъ на русскій языкъ. Составилъ Лазарь Будаговъ. 2 т. Спб. 1871 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

☞ **Хлѣбосольная и экономная московская хозяйка.** Практическое руководство къ сокращенію расходовъ въ домашнемъ хозяйствѣ и приготовленію вкусно, здорово и дешево болѣе 600 всевозможныхъ блюдъ. Сост. П. А. Андреева. Съ рисунками. М. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Digitized by Google

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Господа Головлевы. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Спб. 1880. Стр. 401. Ц. 2 руб.

Авторъ „Исторіи одного города“ даетъ намъ теперь исторію одной семьи. Соединивъ подъ общимъ заглавіемъ: „Господа Головлевы“, семь отдѣльныхъ этюдовъ, онъ проводитъ предъ нашими глазами три поколѣнія: дѣды и бабушки, дяди и тетки, племянники и „племянушки“. Родоначальница Головлевыхъ, Арина Петровна, „властная женщина“, ея сынъ, прозванный Іудушкой или кровопивушкой, и Аннинька, внука первой и племянница послѣдняго — это наши Ругонъ-Маккары, являющіеся подъ мастерскимъ перомъ М. Е. Салтыкова, конечно, такими, какими мы спекла ихъ наша русская печь; тутъ совершается, какъ и въ семействѣ Ругоновъ, тотъ же процессъ общественнаго разложенія, которое нашъ авторъ анализируетъ съ великимъ художественнымъ талантомъ въ судьбѣ отдѣльной семьи, по удачному и мѣткому выраженію автора, вымороченаго характера. Бабушка Арина и сынъ Іудушка останутся въ нашей литературѣ замѣчательными типами, какъ тщательно обработанные и выдержанные до послѣднихъ мелочей. Изъ послѣсловія видно, что авторъ какъ будто имѣетъ въ виду исторію другой захудалой семьи, которой однако улыбнулось счастье, и она подарила міру особаго рода людей—„умницъ“, которые умѣютъ всегда „безъ скандала и во всякое время сбросить старую шкуру и облечься въ новую, а въ случаѣ чего, и опять надѣть старую шкуру... Это истинные дѣлатели вѣка сего, которые начинаютъ искательствомъ и кончаютъ предательствомъ“. Въ интересахъ литературы нельзя не пожелать, чтобы и эта новая тэма увлекла автора на новый трудъ—въ родѣ настоящаго.—Мы надѣемся еще возвратиться къ „Господамъ Головлевымъ“.

Исторія русской словесности, древней и новой. Сочиненіе А. Галахова. Изданіе второе, съ перемѣнами. Томъ I: отдѣлъ 1, древнерусская словесность; отдѣлъ 2, отъ Петра I до Карамзина. Томъ II: отъ Карамзина до Пушкина. Спб. 1880. 517, 330 и 489 стран.

Книга г. Галахова такъ извѣстна, что не было бы нужно говорить о характерѣ ея взглядовъ и изложенія; но въ настоящемъ изданіи она является съ „перемѣнами“, весьма существенными. Именно, считая недостаточнымъ свое прежнее изложеніе древняго періода, г. Галаховъ обратился къ содѣйствію нѣсколькихъ спеціалистовъ по древней русской литературѣ и помѣстилъ въ 1-омъ отдѣлѣ перваго тома нѣсколько цѣлыхъ особыхъ статей, ими составленныхъ. Такъ, профессору А. Н. Веселовскому принадлежитъ [illegible] статъ о древне-русскихъ повѣстяхъ (стр. 3[illegible]—517); профессору О. Ѳ. Миллеру—главы о [illegible]нахъ и народныхъ историческихъ пѣсняхъ (с[illegible]. 16 — 104, 119 — 142); профессору А. М. К[illegible]пичникову—глава о духовныхъ стихахъ (стр. 1[illegible]—281); наконецъ П. О. Морозову—нѣсколько краткихъ статей о пѣсняхъ обрядовыхъ и [illegible]овыхъ, сказкахъ, пословицахъ, заговорахъ и [illegible]гадкахъ. Г. Галаховъ считаетъ всѣ эти статьи спе[illegible]іалистовъ „дѣйствительнымъ украшеніемъ“ св[illegible]ей книги, и книга въ самомъ дѣлѣ много выиграла съ этими новыми главами. Правда, есть нѣкоторое неудобство въ такомъ хрестоматическомъ изложеніи исторіи: трудно, чтобы въ статьяхъ разныхъ авторовъ не встрѣтилось болѣе или менѣе крупнаго разнорѣчія или въ цѣломъ взглядѣ или въ объясненіи частныхъ подробностей, и дѣйствительно въ книгѣ г. Галахова сопоставлены писатели, взгляды которыхъ на весьма существенныя стороны древне-русской литературы очень несходны,—мы говоримъ о гг. Веселовскомъ и Миллерѣ. Читателю не объяснено отношеніе этихъ двухъ взглядовъ, и ему придется самому выпутываться изъ принципіальнаго разнорѣчія.—Способъ, къ которому прибѣгнулъ г. Галаховъ для улучшенія своей книги, даетъ любопытное свидѣтельство о степени разработки нашей литературной исторіи. Она такъ спеціализируется, что одному писателю становится трудно овладѣть всѣми сторонами предмета. Въ подробности труда самого г. Галахова мы здѣсь входить, конечно, не можемъ. Многое дополнено противъ перваго изданія; со многимъ мы опять очень не согласимся. Изъ новыхъ изслѣдованій по литературѣ XVIII вѣка напрасно забыто сочиненіе г. Незеленова о Новиковѣ.

Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ. Николая Барсукова. Спб., безъ года (1880). 107 стр

Подъ этимъ, нѣсколько неожиданнымъ заглавіемъ г. Барсуковъ—авторъ біографіи Строева, о которой мы въ свое время говорили—даетъ біографіи нѣсколькихъ нашихъ археологовъ, именно: Кубарева, Сахарова, Бодянскаго и Ундольскаго. Авторъ не имѣлъ въ виду подробныхъ біографій, и главное въ его книжкѣ—новые матеріалы къ жизнеописанію этихъ лицъ, имѣющихъ, каждое, свою болѣе или менѣе значительную роль въ развитіи изученій нашей старины и народности. Этотъ матеріалъ, состоящій изъ переписки, очень любопытенъ и авторъ обставляетъ его множествомъ объяснительныхъ примѣчаній, которыя должны облегчать чтеніе для читателей менѣе приготовленныхъ.

Торжество открытія памятника А. С. Пушкину въ Москвѣ, 6-го іюня 1880. Съ біографіею А. С. Пушкина. Москва, 1880. 4°. 46 стр. Ц. 50 к.

Пушкинское торжество вызвало пѣлую литературу, не только въ газетахъ и журналахъ, но и въ особыхъ книжкахъ. Безыменная книжка, заглавіе которой мы выписали и на которой отмѣчено только, что она вышла изъ типографіи Гатцука, заключаетъ въ себѣ, послѣ біографіи Пушкина, довольно обстоятельный отчетъ о сооруженіи памятника и о празднованіи его открытія. Въ описаніи послѣдняго приведено содержаніе рѣчей, читанныхъ на торжественныхъ собраніяхъ и за обѣдами, и цѣликомъ перепечатана „вдохновенная“ рѣчь г. Достоевскаго. Къ книжкѣ приложено нѣсколько портретовъ Пушкина, изъ разныхъ эпохъ его жизни, и нѣсколько другихъ иллюстрацій, — домъ Пушкина въ сельцѣ Михайловскомъ, „Собачья площадка“, Тверской бульваръ, картина Ге, картина дуэли. —Книжка издана недурно; недурны и рисунки, которые обыкновенно такъ хромаютъ въ нашихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Намъ казалось бы только, что цѣна книжки могла бы быть умѣреннѣе; издатель вѣроятно не потерялъ бы отъ того своихъ барышей, но книжка могла бы больше распространиться.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

Подписка на 1880-й годъ:

	въ России:	за границею.
ГОДЪ—12 книгъ:		
1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 » — »	— »
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 » 50 »	— »
ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . .	5 » — »	7 »

Примѣчаніе. — Подписка по четвертямъ открывается: съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . .	2 » 50 »	3 »

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежніе вышедшіе нумера журнала

☛ **Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою** ☚

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые высылали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Puschkiniana. Каталогъ Пушкинской Библіотеки. Спб. 1880. Стр. 36.

Изъ предисловія къ этой брошюрѣ, вызванной всеобщими приготовленіями къ открытію памятника Пушкина въ Москвѣ, видно, что въ мѣстѣ воспитанія поэта, въ Александровскомъ Лицеѣ, давно былъ шкапъ, украшенный его бюстомъ, но до настоящаго времени онъ оставался почти пустымъ, сохраняя въ себѣ три изданія сочиненій Пушкина: Анненкова и два—Исакова. Настоящій каталогъ есть только одинъ проектъ будущей Пушкинской Библіотеки въ Лицеѣ, гдѣ собраны пока заглавія всѣхъ отдѣльныхъ и полныхъ изданій сочиненій Пушкина, указанія тѣхъ журналовъ, сборниковъ и т. п., гдѣ помѣщались творенія Пушкина, а также его біографіи, критика, рецензіи и т. д.—„всѣ за время его жизни, и важнѣйшія послѣ его смерти“. Этотъ проектъ названъ первою пробою, пущенною въ обращеніе съ цѣлью вызвать дополненія, поправки, а также и предложенія къ пожертвованію или продажѣ того, что упомянуто въ каталогѣ. Предпріятіе это во всякомъ случаѣ почтенное и заслуживающее вниманія общества и его содѣйствія. Но въ настоящемъ своемъ видѣ оно далеко не полно: обзоръ журнальныхъ статей о Пушкинѣ остается пока только въ оглавленіи; списокъ сборниковъ доведенъ только до 1860 г., т.-е. до того именно времени, когда у насъ начались изданія, подобныя „Рус. Арх.“ и „Рус. Старинѣ“. Не было ли бы лучше издателямъ этого каталога болѣе спеціализировать свою задачу, напримѣръ, дать полное указаніе, если не изданіе, всей Пушкинской переписки, или собрать всѣ критическія статьи о Пушкинѣ, какъ при его жизни, такъ и по смерти, до настоящаго времени. Такая задача была бы болѣе удобоисполнима и не менѣе полезна.

Памяти Пушкина. Очерки Пушкинской Руси. В. Острогорскаго. Спб. 1880. Стр. 86. Ц. 50 к.

Изъ числа брошюръ, появившихся ко времени открытія памятника Пушкину, обращаетъ на себя вниманіе настоящая брошюра и большою трезвостью взгляда, не исключающаго критику въ минуту всеобщаго воодушевленія, и оригинальностью опыта—„только по однимъ художественнымъ произведеніямъ поэта представить въ самыхъ общихъ чертахъ наиболѣе крупныя явленія именно только русской жизни, насколько онѣ замѣчены Пушкинымъ“. Сообразно съ тѣмъ, авторъ весьма искусно собираетъ Пушкинскія краски для изображенія природы, крестьянъ, господъ и русской женщины—какъ все это представлялось поэту въ 20-хъ и 30-хъ годахъ.

Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Историческій этюдъ. Д. А. Корсакова. Казань, 1880. Стр. XLIII+303+88.

Проф. Д. А. Корсаковъ посвятилъ свой трудъ весьма небольшому пространству времени изъ нашей исторіи прошедшаго вѣка, обнимающему едва сорокъ дней въ январѣ и февралѣ 1730 г. но столь же полному и политическаго, и драматическаго интереса, сколько мало изслѣдованному, отчасти вслѣдствіе самаго характера событія, а отчасти и вслѣдствіе неполной доступности матеріаловъ. Авторъ не имѣлъ послѣдняго препятствія, и это придаетъ особую цѣну его труду: въ приложеніяхъ мы находимъ даже нѣкоторые изъ важныхъ документовъ того времени впервые напечатанные. Изъ Обзора источниковъ и литературы“, помѣщеннаго въ началѣ книги, видно, что едва ли что ускользнуло отъ вниманія ученаго изслѣдователя. Весь интересъ этихъ памятныхъ сорока дней сосредоточивается на вопросѣ: какимъ образомъ и вслѣдствіе чего зло, подготовляемое тогда такъ-называемыми верховниками, ограничившими въ своихъ личныхъ интересахъ власть новой императрицы, не замѣнилось добромъ, какъ естественно было бы ожидать, но уступило мѣсто новому злу, бироновщинѣ. Разъясненію такой аномаліи могутъ содѣйствовать первыя три главы труда, гдѣ излагаются событія, которыя подготовили тѣ сорокъ дней. Впрочемъ, мы надѣемся имѣть еще случай возвратиться къ монографіи проф. Корсакова, вполнѣ заслуживающей болѣе подробнаго изложенія и разбора, и познакомимъ читателя съ главными выводами, къ какимъ пришелъ авторъ въ результатѣ своего интереснаго изслѣдованія.

Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляріи. Г. В. Есипова. Спб. 1880. Стр. 444. Ц. 1 р. 50 к.

Въ этомъ небольшомъ сборникѣ соединено нѣсколько разсказовъ, рисующихъ намъ бытъ и нравы не далѣе, какъ въ прошедшемъ столѣтіи, но такой бытъ и такіе нравы, что было бы справедливѣе назвать сборникъ не „люди стараго вѣка“, а „не-люди“, какъ выражается у насъ народъ о всякомъ безобразномъ человѣкѣ. Мѣста, откуда авторъ заимствовалъ матеріалы для своихъ разсказовъ, достаточно характеризуютъ ихъ содержаніе; это тѣ дѣла—при чтеніи которыхъ Бецкому, дѣятелю временъ Екатерины, дѣлалось дурно. Любители сильныхъ ощущеній будутъ вполнѣ удовлетворены при чтеніи ужасовъ „стараго вѣка“, но напрасно авторъ въ предисловіи старается снять съ дѣйствующихъ лицъ всякую отвѣтственность, говоря, что они повиновались Уложенію царя Алексѣя Михайловича: личные нравы и вкусы ихъ только пользовались старыми законами и вдыхали въ нихъ новую жизнь.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми. Д-ра Гетца и д-ра Лихарчика. Перев. д-ра Воронихина. 2-ое рус. изд. Спб. 1880. Стр. 448. Ц. 1 р. 75 к.

Книга Гетца, весьма распространенная въ Германіи, и у насъ является вторымъ изданіемъ. Главная часть ея посвящена, и весьма справедливо, уходу за здоровыми дѣтьми, такъ какъ именно отъ этого ухода зависитъ предупрежденіе массы болѣзней, правильность развитія организма,—все, что дѣлаетъ менѣе необходимымъ обращаться къ второй части книги, посвященной уходу за больными дѣтьми. Въ первой части, авторъ, давъ общія понятія о законахъ человѣческаго тѣла и первыхъ пріемахъ въ отношеніи новорожденнаго, разсматриваетъ далѣе весьма подробно и обстоятельно до послѣднихъ мелочей, включая и вопросъ о серьгахъ, всѣ условія здоровой жизни ребенка, и указываетъ при этомъ, откуда можетъ явиться для него опасность. Во второй части обращаетъ на себя особенное вниманіе критика такъ-называемыхъ „домашнихъ средствъ“, которыми столь легко злоупотреблять, при отсутствіи здравыхъ медицинскихъ понятій вообще. Эту книгу можно смѣло рекомендовать, какъ настольную для всѣхъ матерей, которыя въ ней найдутъ не [illegible] хорошій совѣтъ и предупрежденіе.

ГЛАВНАЯ

ГОДЪ—12 книг

1) Съ пе
2) Съ до
3) Безъ

ЧЕТВЕРТЬ—

Примѣч
съ

МѢСЯЦЪ—1

Под
пая
Мос

Книж

Ре
скимъ под
торые
Галерная,
уѣздъ, по

О
прежняго
плачиваетъ
иногоро

въ выше
позже,

торые

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

Digitized by Google

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

Подписка на 1880-й годъ:

	въ России:	за границею.
ГОДЪ—12 книгъ:		
1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 » — »	— »
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 » 50 »	— »
ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . .	5 » — »	7 »

Примѣчаніе. — Подписка по четвертямъ открывается: съ ЯНВАРЯ, АПРѢЛЯ, ІЮЛЯ и ОКТЯБРЯ.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . .	2 » 50 »	3 »

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала

☛ **Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою** ☚

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые высылали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

оцифровано Google

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

NOV 20 1980

Digitized by Google